

Новейшая российская история: исследования и документы

**Modern Russian History Program
University of Notre Dame**

**Modern and Contemporary Russian History:
Monographs and Documents**

Vol. 6

Forschungen und Dokumente zur neuesten Geschichte Russlands

Bd. 6

I.V. Kurukin

**The Era of Palace Revolutions: Historical Essays
on the Politics of Post-Petrine Russia, 1725-1762**

Riazan

2003

**Программа по изучению новой и новейшей русской истории
Нотр-Дамский университет (США)**

Новейшая российская история: исследования и документы

Том 6

И.В. Курукин

**Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории
последпетровской России, 1725–1762 гг.**

Рязань

2003

**Modern and Contemporary Russian History:
Monographs and Documents**

Forschungen und Dokumente zur neuesten Geschichte Russlands

Editors

S. Lyandres, University of Notre Dame (USA)
P. Tribunskii, Fine Arts Lyceum, Riazan' (Russia)
D. Wulff, German Academic Exchange Service (DAAD) / Voronezh State University (Germany / Russia)

Editorial board

B.V. Anan'ich, St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences (Russia)
T. Emmons, Stanford University (USA)
G.M. Hamburg, University of Notre Dame (USA)
M.D. Karpachev, Voronezh State University (Russia)
S. Merl, Universität Bielefeld (Germany)
S.I. Mikhal'chenko, Briansk State University (Russia)
Iu.A. Petrov, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)
A.B. Sokolov, Iaroslavl' State Pedagogical University (Russia)
A. Walicki, University of Notre Dame / Polish Academy of Sciences (USA / Poland)

Новейшая российская история: исследования и документы

Редакторы серии:

Д. Вульф, Немецкая служба академических обменов / Воронежский государственный университет (Германия / Россия)
С.М. Ляндрес, Нотр-Дамский университет (США)
П.А. Трибунский, Лицей искусств, Рязань (Россия)

Редакционный совет серии:

Б.В. Ананьич, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Россия)
А. Валицкий, Нотр-Дамский университет / Польская Академия наук (США / Польша)
М.Д. Карпачев, Воронежский государственный университет (Россия)
Ш. Мерль, Билефельдский университет (Германия)
С.И. Михальченко, Брянский государственный университет (Россия)
Ю.А. Петров, Институт российской истории РАН, Москва (Россия)
А.Б. Соколов, Ярославский государственный педагогический университет (Россия)
Г.М. Хамбург, Нотр-Дамский университет (США)
Т. Эммонс, Стэнфордский университет (США)

УДК 9(с)143-144 “1725/1762”
ББК 63.3(2)464
К-938

The publication of this monograph was made possible by support from the Institute for Scholarship in the Liberal Arts, College of Arts and Letters, University of Notre Dame.

Курукин И.В.

К-938 Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. — Рязань, 2003. — 570 с., ил. — (Сер. «Новейшая российская история: исследования и документы». Т. 6)
ISBN 5-94473-005-6

Работа посвящена исследованию «эпохи дворцовых переворотов» 1725-1762 гг. и прежде всего механизму появления самих дворцовых переворотов в рамках российской самодержавной монархии после преобразований Петра I. На страницах книги подробно рассматриваются события, связанные с престолонаследием в 1725, 1727, 1730, 1740-1741 и 1762 гг.; зарождение, формы проявления и эволюция дворцовых переворотов как особого способа разрешения противоречий внутри правящей элиты и ее конфликтов с императорской властью. Прослеживаются судьбы главных героев и участников этих событий на протяжении эпохи, а также роль и место в дворцовых переворотах гвардии как особой дворянской корпорации, принимавшей участие в системе управления государством. В приложении к работе помещен список руководителей центральных учреждений Российской империи и губернаторов за 1720-1770 гг. Издание предназначено для специалистов-историков и всех, интересующихся отечественной историей.

Охраняется законом РФ об авторском праве и смежных правах. Воспроизведение всей книги или ее любой части (в том числе в электронном виде) без письменного разрешения автора, издателя и редакторов серии запрещается. Попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

ISBN 5-94473-005-6

- © И.В. Курукин, 2003
- © Д. Вульф, серия «Новейшая российская история: исследования и документы», 2003
- © С.М. Ляндрес, серия «Новейшая российская история: исследования и документы», 2003
- © П.А. Трибунский, серия «Новейшая российская история: исследования и документы», 2003

ВВЕДЕНИЕ

«Рассматривая летописи российской истории XVIII столетия, с изумлением замечаем чудесные превращения счастья. Воцарение каждого государя низвергает возвышенных властью предшественника и мощной рукою старается возвеличить наперсников нового повелителя. Видя жестокие примеры, как все любимцы счастья и другие мужи деловые, государственные, каждый в свою череду, или погибал, или падал в ничтожество, все умы, естественно, объяты были невольным страхом, всякое дарование и благородное честолюбие должны были исчезать во мраке неизвестности», — так образно охарактеризовал неизвестный нам автор целую полосу в жизни страны, наступившую вслед за петровскими реформами.¹ С 1725 по 1762 гг. на российском престоле сменились семь императоров и императриц, наследников Петра I, чье «восшествие» и правление сопровождалось большими и малыми дворцовыми «революциями».

С легкой руки В.О.Ключевского название «эпоха дворцовых переворотов» прочно закрепилось за этим периодом.² Но Ключевский отметил и то, что «дворцовые перевороты у нас в XVIII в. имели очень важное политическое значение, выходявшее далеко за пределы дворцовой сферы, затрагивая самые основы государственного порядка».³ Однако выделенные историком «новые явления в нашей государственной жизни» — такие, как выдвижение гвардии в качестве особой «государственной корпорации»; «политические настроения» дворянства и динамика их развития — до сих пор не стали предметом целостного анализа.

Зато в литературе по-прежнему присутствуют мифы о том, что послепетровская эпоха — это время «засилья иностранцев», «контрреформ» и отступления от заветов Петра I,⁴ когда враждебные преобразованиям силы стремились установить «олигархический строй» или даже «старые формы власти». Эти устойчивые стереотипы воспроизводятся даже в работах самых последних лет, казалось бы, уже свободных от прежних догм и установок.⁵ Можно встретить и противоречивые утверждения о том, что силовые методы борьбы за власть отсутствуют «в политической традиции России»⁶ или, наоборот, являются «давней исторической традицией».⁷

Изучение послепетровского политического режима позволяет раскрыть причины, породившие кризисные явления в механизме верховной

власти Российской империи, которые воспринимаются как характерная черта российской политической культуры нового времени.⁸ Обращение к этой теме определяется востребованностью исторического опыта проведения реформ в России при особой роли самодержавия, которое надолго оставалось «единственным гарантом эффективности управления, правосудия, мерой всех и вся в государстве»,⁹ — и, добавим, в этом качестве успешно воспроизводилось в новых исторических условиях, как и повышенная роль неформальных отношений в политической борьбе при незрелости институтов правового государства.

Ведь и в начале XXI столетия «реликты средневековья (воспринимаемые — подчас бездумно — как исконные начала общественной психологии) ... во многом определяют реальное значение неформальной структуры власти, порождают зыбкость и непредвиденную изменчивость правового статуса высших учреждений и распределения полномочий внутри реально правящей элиты»; равно как и общественные представления о государственном строе России, пришедшие еще из средневековья, остаются во многом характерными для общественного сознания россиян.¹⁰ В этом смысле история заговоров и переворотов помогает разобраться в социальной психологии людей той эпохи, социокультурных механизмах функционирования власти, представлениях о ней в обществе, взаимодействии небольших групп и отдельных лиц в политике — что свойственно для современных подходов к изучению политической истории, которые условно можно назвать «политической антропологией».¹¹

В свое время один из героев братьев Стругацких жалел, что в учебных заведениях Земли не проходил «курс феодальной интриги», так понадобившейся ему при исполнении миссии в средневековом обществе. Сейчас изучение заговоров, переворотов и других подобных элементов политической культуры уже признается вполне заслуживающим внимания со стороны академической науки, свидетельством чего является сборник исследований такого рода, посвященный политическим интригам и переворотам на Востоке.¹² Отечественная же «эпоха дворцовых переворотов» остается до сих пор «темным периодом» или даже «историографической черной дырой».¹³

Наша работа отчасти восполняет пробел в историографии и заставляет пересмотреть целый ряд закрепившихся в ней представлений, касающихся последствий петровских преобразований. В центре изучения находится серия политических событий 1725, 1727, 1730, 1740—1741 и 1762 гг., традиционно носящих в историографии название «дворцовые перевороты»: переходы престола к одному из претендентов сопровождались конфликтами в правящих кругах, устранением с политической сцены министров-временщиков или даже самих государей и утверждением у власти новых придворных группировок.

Мы понимаем известную условность хронологических рамок исследования (1725—1762 гг.), т.к. проявления политической борьбы в «верхах» имели место и до, и после указанных временных границ. Работа содержит экскурсы в «переворотные» сюжеты допетровского времени и XIX—XX вв., однако события 1801 г. все же оставлены за рамками исследова-

ния, что в какой-то степени извиняется наличием серьезных исследований этого сюжета.¹⁴

Основная цель исследования состоит в установлении закономерностей появления, функционирования и развития феномена дворцового переворота в отечественной политической истории, что необходимо для подтверждения выделения периода 1725—1762 гг. в качестве особого этапа развития отечественной модели самодержавной монархии. Мы попытались установить причины серии дворцовых переворотов в контексте развития российской государственности. Предложена типология дворцовых переворотов в зависимости от их целей и круга участников; прослежено влияние политической борьбы на кадровый состав государственного аппарата: изменения персонального состава руководства коллегий, ряда других центральных учреждений и губерний Российской империи; сделана попытка выявить связь «переворотных» действий с различными уровнями политического сознания российского дворянства.

Ключевым понятием в работе является «дворцовый переворот». Современники самой «эпохи дворцовых переворотов» именовали их «великим и редким делом», «предприятием», «переменной».¹⁵ Неизвестный русский мемуарист употреблял целую гамму слов: «заговор», «смелое» или «дерзновенное предприятие», «вступление в правление», «счастливое событие», «перемена», «удар».¹⁶ Историк М.М.Щербатов в отношении вельмож предпочитал говорить о «падении», а переворот 1762 г. определял как «возмущение».¹⁷

Появился для обозначения явления и термин «революция» (со значением «серьезное изменение», «отмена»).¹⁸ По-видимому, такое понятие стало наиболее употребительным в России: так характеризовали события 1762 г. и автор популярного сочинения о перевороте 1762 г. француз К.Рюльер, А.Р.Воронцов, А.Т.Болотов и Г.Р.Державин.¹⁹ Однако в русский язык XVIII столетия это слово не вошло; словарь Российской Академии (под редакцией самой Е.Р.Дашковой) и другие словари того времени его (как и русский синоним — «переворот») не содержат.²⁰

В то же время писавшие по-французски авторы употребляли применительно к российским реалиям 1740—1741 гг. термин «coup» («удар»), «coup d'état» или «revolution»; как синонимы их использовал Фридрих II.²¹ Екатерина II всячески избегала какого-либо определения совершенного ею переворота; но в письме на русском языке (10 июля 1764 г.) к Н.И.Панину охарактеризовала неудавшуюся попытку В.Мировича возвести на престол Ивана Антоновича как «дешператный и безрассудный coup».²² Таким образом, язык самой эпохи, по-видимому, не знал четких определений и границ явления. Можно, пожалуй, выделить только одну закономерность: указанные выше понятия «coup», «coup d'état» или «revolution» применялись только к переворотам 1740—1741 и 1762 гг.; предыдущие политические конфликты 1725, 1727 или 1730 гг. ни отечественными, ни зарубежными авторами так не характеризовались.

Впервые использовавший понятие «дворцовый переворот» применительно ко всем известным акциям такого рода в XVIII в. С.М.Соловьев,²³ по-видимому, не придавал ему особого значения и употреблял параллель-

но такие обозначения, как «заговор», «восстание», «переворот», «правительственный переворот», «свержение», «переворот в правительстве» даже по отношению к одному и тому же событию 1762 г.²⁴ Ключевский использовал термин «дворцовый переворот» по отношению ко всем «силовым» акциям по занятию трона в 1725–1762 гг., но при этом события 1730 г. определял как «движение», а воцарение Елизаветы — как «гвардейский переворот». Одни и те же события называл «дворцовым» и «государственным» переворотом и С.Ф.Платонов. М.М.Богословский считал «государственными переворотами» только события 1741 и 1762 гг.²⁵ В современной научной литературе также отсутствует единое понимание и определение интересующего нас понятия.²⁶

В западной политологической терминологии формула «*coup d'état*» (государственный переворот) подразумевает неконституционный и большей частью насильственный захват верховной власти каким-либо лидером или группой лиц. Однако употребляется данный термин преимущественно по отношению к политическим системам нового и новейшего времени (XIX–XX вв.), преимущественно в «незападном мире» (Африка, Латинская Америка) и не включает российскую практику XVIII столетия.²⁷ Применительно же к российским реалиям в работах современных западных историков употребляются либо традиционное понятие «*coup*», либо кальки с русского — «*palace coup*» или «*palace revolution*» («*Palastrevolution*»), применяемые не только при характеристике переворотов 1740–1741, 1762 и 1801 гг., но и по отношению к политическим кризисам 1725 и 1730 гг.²⁸

Мы считаем необходимым, вслед за В.О.Ключевским, более дифференцированно подходить к известным политическим событиям XVIII (и не только) столетия. Во-первых, предлагается все-таки разделить понятия «дворцовый» и «государственный» переворот: последний означает какое-либо изменение существующего политического строя («формы правления»), тогда как первый меняет только фигуру правителя. В связи с этим мы полагаем вполне обоснованным суждение о том, что к числу дворцовых переворотов необходимо причислить и вполне «переворотные» смещения ключевых фигур, подобных Меншикову или Бирону.²⁹ Во-вторых, нам представляется, что терминологическое разнообразие самих источников XVIII столетия предполагает присутствие важных для современников отличий, достаточных для того, чтобы под привычной для нас формулировкой «дворцовый переворот» видеть явления не вполне тождественные и к тому же претерпевавшие в своем развитии определенную эволюцию.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Перевороты и войны /Христофор Манштейн. Бурхард Миних. Эрнст Миних. Неизвестный автор. М., 1997. С.475.

² Российский энциклопедический словарь. В 2-х кн. /Гл. ред. А.М.Прохоров. М., 2001. Кн.1. С.727.

³ Ключевский В.О. Соч. В 9-ти т. М., 1989. Т.4. С.236,238.

⁴ См.: Каменский А.Б. Судьба петровских реформ (1725–30) // Reflections on Russia in the Eighteenth Century: Papers from the VI International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia, Leiden 1999 /Ed. by J.Klein. Köln-Weimar-Wien-Bohlau, 2001. P.55.

⁵ См.: История России с начала XVIII до конца XIX в. /Под ред. А.Н.Сахарова. М., 1996. С.108,118,120–121.

⁶ См.: Политическая теория и политическая практика: Словарь-справочник. М., 1994. С.224; Политология на российском фоне. М., 1993. С.292.

⁷ См.: Глазунова Н.И. Феномен насилия в русской истории // Военное насилие в политической борьбе. М., 1994. С.12.

⁸ См.: Dixon S. The Modernisation of Russia, 1676–1825. Cambridge, 1999. P.15.

⁹ Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997. С.292.

¹⁰ См.: Шмидт С.О. Средневековье в государственном строе России // Международная научная конференция «Государственное управление: история и современность» (29–30 мая 1997 г.). М., 1998. С.11–12.

¹¹ Кром М.М. Политическая антропология: новые подходы к изучению феномена власти в истории России // Изв. 2001. Вып.4 (122). С.374.

¹² См.: Политическая интрига на Востоке. М., 2000.

¹³ См.: Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII в. М., 1999. С.176–177; Dixon S. Op. cit. P.25. Специальное историографическое исследование по проблеме российской абсолютной монархии выделяет как более или менее разработанную тему только события междуцарствия 1730 г. (см.: Попов Д.Ф. Проблемы российской абсолютной монархии (верховная власть) в русской исторической науке. М., 1999. С.92).

¹⁴ См.: Шильдер Н.К. Император Павел I. СПб., 1901; Брикнер А.Г. Смерть Павла I. СПб., 1907; Окунь С.Б. Дворцовый переворот 1801 г. в дореволюционной литературе // ВИ. 1973. № 11. С.34–52; он же. Борьба за власть после дворцового переворота 1801 г. // Вопросы истории России XIX – начала XX вв. Л., 1983. С.3–15; Эйдельман Н.Я. Грань веков: Политическая борьба в России, конец XVIII – начало XIX столетия. М., 1982; Сорокин Ю.А. Павел I. Личность и судьба. Омск, 1996; он же. Российский абсолютизм в последней трети XVIII в. Омск, 1999.

¹⁵ См.: Империя после Петра, 1725–1765 /Яков Шаховской. Василий Нащокин. Иван Неплюев. М., 1998. С.33,37–39,162,259,438.

¹⁶ См.: Перевороты и войны. С.457,470–472.

¹⁷ «О повреждении нравов в России» князя М.Щербатова и «Путешествие» А.Радищева. М., 1985. С.87,118.

¹⁸ См.: Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1993. Т.2. С.105.

¹⁹ См.: АКВ. М., 1881. Кн.21. С.52–53,56,59,68; Болотов А.Т. Записки, 1737–1796. В 2-х т. Тула, 1988. Т.1. С.400; Державин Г.Р. Избранная проза. М., 1984. С.34; Записка графа А.Воронцова о России в начале XIX в. // ЧОИДР. 1859. Кн.1. С.96. См. также воспоминания Х.-Г. Манштейна и Е.Р.Дашковой (Перевороты и войны. С.193,197–198,204,210).

²⁰ См.: Нордстем И. Российский, с немецким и французским переводами, словарь. СПб., 1782. Ч.2; Словарь Академии Российской. СПб., 1793–1794. Ч.4–5. В русских словарях термин «революция» появился с начала XIX в. (см.: Черных П.Я. Указ. соч. С.105).

²¹ См.: Friedrich II. Politische Correspondenz. Berlin, 1879. Bd.1. S.120,438.

²² Дворцовые перевороты в России, 1725–1825. Ростов н/Д., 1998. С.417.

²³ См.: Соловьев С.М. Соч. В 18-ти кн. М., 1993. Кн.XI. С.12.

²⁴ См.: Там же. С.26,29,96,99,100,103,108; 1994. Кн.XIII. С.61,73,74,82,85,98.

²⁵ См.: Богословский М.М. История России XVIII в. (1725–1796 гг.). М., 1915. С.161,195; Ключевский В.О. Указ. соч. Т.4. С.238,245,271,278,327; Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М., 1993. С.543,552,557,560.

²⁶ Е.В.Анисимов использует «дворцовый» и «государственный» переворот как синонимы, но добавляет к ним еще и «военный», каковым, по его мнению, было столкновение группировок в 1725 г. А.Б.Каменский полагает, что все дворцовые перевороты могут быть названы государственными, поскольку их осуществление означало «смену персонального состава правящей верхушки» (См: Анисимов Е.В. Россия без Петра, 1725–1740. СПб., 1994. С.27,476–477; Власть и реформы: От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С.153,157; Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. С.165).

²⁷ См.: The Encyclopedia Americana. N. Y., 1969. Vol.8. P.99; The New Encyclopedia Britannica. Chicago, 1993. Vol.25. P.1012,1024.

²⁸ См.: Anderson M. Europe in the Eighteenth Century. Lnd., 1970. P.180; Dixon S. Op. cit. P.15; Dukes P. The Making of Russian Absolutism. Lnd., 1982. P.107; Russia. A History /Ed. by G.L.Freeze. N. Y., 1997. P.107,128; Talbot Rice T. Elizabeth Empress of Russia. N. Y., 1970. P.45,54,59; The New Encyclopedia Britannica. Vol.1. P.425; Vol.4. P.455; Der Grosse Brockhaus. Leipzig, 1933. Bd.14. S.75.

²⁹ См.: История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Т.3. С.252.

ГЛАВА I

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ ПО ПРОБЛЕМЕ

Названное время имеет
высокий интерес для историка.
С.М.Соловьев

«Запрещенная» история

Многое из того, что относится к числу наиболее захватывающих страниц отечественной истории, надлежало навсегда вычеркнуть из официальной истории государства Российского, «предать вечному забвению и глубокому молчанию».¹ Позднейшие сочинители официальной истории могли даже позавидовать бесхитростным методам «исправления» прошлого в XVIII в.

Для молодого поколения современников эти события официально как бы и не существовали. Первые учебники истории обычно использовали безличные формулировки о «вступлении» той или иной фигуры на престол без указания на то, как именно это вступление происходило. В подобных книгах нет «запрещенной» фигуры XVIII столетия — младенца-императора Ивана Антоновича, как и упоминания известных «кондиций» при вступлении на престол Анны Иоанновны, свержения Бирона или переворота 1762 г.²

В дальнейшем от столь примитивного «устранения» нежелательного прошлого пришлось отказаться, тем более что во второй половине столетия стали доступными заграничные издания мемуаров очевидцев и участников событий. Один из первых издателей такого рода документов, немецкий ученый-энциклопедист и издатель Антон-Фридрих Бюшинг, в первом томе своего ежегодника «Magazin für die neue Historie und Geographie» поместил и первую статью на эту тему («Основательно исследованные и изысканные причины перемен правления в доме Романовых»; затем там же появились жизнеописания ключевых фигур эпохи — А.И.Остермана, А.П.Бестужева-Рюмина, А.Лестока, Б.-Х.Миниха и даже «История императора Иоанна III» — свергнутого и заточенного Ивана Антоновича.³

В России век Просвещения стал и временем создания системы школьного образования. В этой системе, по словам Екатерины II, изучение истории «не могло иметь другого вида и цели, кроме прославления государства». Императрица лично контролировала процесс подготовки официального школьного учебника по истории адъюнктом Академии наук и чиновником Коллегии иностранных дел И.Г.Стриттером.⁴

Этот учебник увидел свет только в 1799 г. и затем переиздавался в течение четверти века. Его текст отличался предельной деликатностью: так, Иван Антонович уже упоминался в качестве императора, но его правление «не долго продолжалось»; Бирона просто «удалили», а Петр III естественным образом «скончался в июле 1762 г.»⁵ В других подобных сочинениях щекотливость ситуации компенсировалась изяществом стиля. В официально дозволенном прошлом вельможи добровольно отправлялись из столицы «в отдаленные местности»; младенец Иван Антонович воцарился «беззаконно», поэтому был свергнут, «добродетельно заключен» и в конце концов ко всеобщему облегчению лишен «тягостной самому ему... ни к чему не способной жизни»; а Петр III, «слыша, что народ не доверяет его поступкам, добровольно отрекся от престола и вскоре затем скончался в Ропше».⁶

Лишь в некоторых вышедших из «вольных типографий» исторических сочинениях появлялись известия о колебании «государственных чинов» при избрании Екатерины I, ее нарушенном завещании, «договорной грамоте» и попытке ограничения монархии в 1730 г., свержении Бирона и убийстве Ивана Антоновича «через злодейство Василия Мировича».⁷ Но для таких случаев уже имелась цензура. В 1779 г. из переводного учебника Г.Ахенвалля были вычеркнуты все «нежелательные» известия о событиях XVIII в.⁸ В 1796 г. Тайная экспедиция Сената вела следствие по делу М.Антоновского: в его переводе немецкого сочинения «Новейшее повествовательное описание всех четырех частей света» (СПб., 1795) содержались упоминания о придворной борьбе в 1725 г., во время которой «большая часть народа желала иметь наследником Петра II, но сильнейшая сторона употребила к возведению на престол Екатерины, супруги Петра I».⁹

Особенно раздражали власть неподконтрольные зарубежные сочинения. Еще Елизавета Петровна распорядилась в 1743 г. конфисковывать и сжигать немецкие «пашквили» — жизнеописания только что свергнутых и сосланных Бирона, Остермана и Миниха.¹⁰ Впоследствии запрещались к ввозу сочинения, повествовавшие о судьбе Петра III; по заданию Екатерины II русское посольство делало все, чтобы не допустить издания книги бывшего секретаря французского посольства в Петербурге Клода Рюльера о «революции» 1762 г.¹¹ В дальнейшем гонениям подвергались любые сочинения на эту тему: произведения Ж.Кастера, Ж.-Ш.Тибо де Лаво и прочие «непозволительные» книги о российском дворе.¹²

И все же только мифами и официальной ложью в век Просвещения обойтись было уже невозможно. События 20–40-х гг. XVIII столетия вызвали у современников Екатерины размышления и оценки тех времен, которые, судя по сохранившимся запискам и высказываниям, были пре-

имущественно отрицательными. Сама Екатерина II писала, что «от кончины Петра I до восшествия императрицы Анны царствовала невежества собственная корысть и борствовалась склонность к старинным обрядам с неведением и нежелательством новых, введенных Петром I».¹³

Таким образом, Екатерина впервые задала вполне определенное осмысление названных российских «дворских бурь» как борьбы сторонников петровских новшеств с поборниками старины, — и эта оценка оказалась долгоживущей. Кроме того, императрица и один из самых серьезных русских историков той поры И. Н. Болтин видели в событиях предшествовавшего времени прежде всего ослабление могущества государства в результате «вредного и бедственного многоначалия» вельмож.¹⁴ С другой стороны, неизвестный автор замечаний к «Запискам» Манштейна и оппозиционно настроенный к режиму Екатерины II М. М. Щербатов обращали внимание на отсутствие «основательных законов» о престолонаследии, «жестокие примеры» произвола временщиков, приводившего к «повреждению нравов» в дворянской среде и репрессиям против знати и всего «народа».¹⁵

Наметившиеся разногласия, однако, долгое время не выходили за рамки частных бесед и записок, не предназначенных для печати. Но в эпоху Екатерины II безусловно запретная ранее тема впервые становится предметом публичных исторических размышлений. Правда, доступны они были только лицам, облеченным высочайшим доверием, и остроты проблемы не снимали — скорее, наоборот, подчеркивали отсутствие бесспорного и законного порядка престолонаследия.

Болтин в споре с сочинением француза Леклерка утверждал, что «русские во все время были государям своим верны, даже и самым строптивейшим». Но он же, оправдывая воцарение Елизаветы, считал заговоры 1740—1741 гг. «в существе своем суть законными и правотой производимыми». Однако если устранение «тирана» Бирона историк еще как-то мог представить в качестве законного акта, то объяснить «незаконность» воцарения Ивана Антоновича и предшествовавшей ему Анны Иоанновны было трудно; приходилось оправдывать ее правление тем, что она «всею нацією признана самодержавной».¹⁶

Либеральное начало царствования Александра I и наметившийся в обществе в эпоху наполеоновских войн интерес к отечественной истории послужили толчком к появлению в печати целого ряда публикаций о жизни забытых или «запрещенных» деятелей — Меншикова, Миниха, Остермана — и даже о «бунтовщике» и самозванце Пугачеве.¹⁷ Однако многое по-прежнему оставалось невозможным для «публичного разглашения»: так, в 1816 г. была запрещена продажа вполне благонамеренной книги П. А. Яковлева «Жизнь принцессы Анны, правительницы России».

Лишь немногим удавалось проникнуть в Государственный архив Российской империи, где хранились секретные политические документы. Именно к этим бумагам стремился получить доступ А. С. Пушкин, когда в июне 1831 г. писал шефу жандармов А. Х. Бенкендорфу о давнишнем желании «написать историю Петра Великого и его наследников до государя Петра III». Позднее поэту удалось поработать над документами петров-

ской эпохи под присмотром графа Д. Н. Блудова — главного николаевского специалиста по политическим архивным делам — и даже ознакомиться с делом царевича Алексея; но мечта заняться историей послепетровского времени так и осталась неосуществленной: царь не одобрил его замысла писать о преемниках Петра I.¹⁸ Сам Д. Н. Блудов в 30-е гг. XIX в. работал с документами политических дел эпохи дворцовых переворотов и готовил для государя специальные записки об их содержании; как следует из записей Блудова, Николай I знакомился с этими источниками.¹⁹

Н. М. Карамзин лишь в конце жизни смог прочесть запретные мемуары Екатерины II и материалы политических процессов 30—40-х гг. XVIII в., чем поделился со своими слушателями: «Истинные причины разных событий, жизнь и характеры многих лиц доходили до нас нередко в превратном смысле, и мы часто, по слухам, хвалим их и порицаем несправедливо. Политика того времени, по необходимости, закрыла от нас истину. Вот нечто взятое из достоверных источников. Петр II подавал о себе прекраснейшие надежды. Он погиб от своих любимцев, которые расстроили его здоровье, действуя из личных видов... Обручение Петра II с княжною Долгоруковою было принужденное. При императрице Анне важнейшую роль играл, бесспорно, Бирон; но он совсем не был так жесток, как описали его современники; имел даже многие благородные свойства; впрочем, главная страсть вельмож тогдашнего времени была взаимная ненависть...»²⁰

И все же начавшиеся реформы потребовали определенного осмысления минувшего. Престарелый екатерининский вельможа А. Р. Воронцов в особой записке 1801 г. впервые попытался проследить закономерности политических переворотов прошлого и подметил существенные различия между ними: от попытки ограничить монархию «несвойственными для России кондициями» — до проявления «преторианской гвардейской необузданности».²¹ М. М. Сперанский в «Введении к Уложению государственных законов» 1809 г. полагал, что «замыслы политических систем» при императрице Анне в 1730 г. не удались, поскольку опередили «состояние народного духа».²²

Далекий от либеральных взглядов Н. М. Карамзин в известном политическом трактате — «Записке о древней и новой России» — подошел к проблеме формирования политического строя в России как к естественному и закономерному процессу развития от «древней республиканской системы» к самодержавной монархии, которую Екатерина II окончательно «очистила... от примесей тиранства». Для него на этом пути были равно неприемлемы как «гидра аристократии», так и грубое насилие, когда государя (Елизавету Петровну) возводили на престол «несколько пьяных гренадеров».

При этом Карамзин отметил и «нарушения» в идеальной, с его точки зрения, российской политической модели, связанные с реформами Петра I. Историк осуждал ликвидацию автономии церкви, которая являлась своеобразным гарантом «при уклонении государя от добродетели» и должна была иметь свой «особый круг действия вне гражданской власти». Отрицательно оценивал Карамзин ослабление «связей родства» и — шире —

«удаление в обычаях дворянства от народа», что разорвало прежние традиционные отношения и ценности общества. Именно в связи с этим он и оценивал перевороты XVIII в., когда монархи (пусть даже и «пигмеи» в сравнении с «великаном» Петром) могли пасть «жертвой неуважения». Наконец, Карамзин четко сформулировал единственно возможное и необходимое ограничение власти самодержца: «Закон должен располагать трон», — что было вполне актуально не только для прошлого, но и для современности между 1801 и 1825 гг.²³

«Записка» Карамзина не предназначалась для печати — слишком острые и злободневные вопросы в ней поднимались. Но затронутые историком проблемы политического развития страны нашли отклик у членов тайных обществ, которые, в свою очередь, обращались к истории в поисках прецедентов борьбы народной вольности с тиранами и также неизбежно должны были оценивать недавний опыт дворцовых «революций». Известно, что М.И.Муравьев-Апостол, Д.И.Завалишин, К.Ф.Рылеев, Н.И.Тургенев, Н.М.Муравьев не раз высказывали свое мнение о «постыдной эре женского правления и безнравственных временщиков», хотя молодые офицеры были не слишком высокого мнения о «серьезных переворотах» или «домашних ссорах немцев», не менявших к лучшему положение страны.²⁴

В сибирской ссылке декабристы уже осмысливали эту проблему на более глубоком уровне. Составляя «Разбор донесения Тайной следственной комиссии», Н.М.Муравьев и М.С.Лунин (а несколько позднее и М.А.Фонвизин) стремились отделить традицию дворцовых переворотов, которые «не приносят у нас никакой пользы», от собственных усилий и связать последние с поиском «конституционных начал» в отечественной истории. В этот ряд они ставили и «присягу» Василия Шуйского в 1606 г., и Земские соборы XVII в., и борьбу «партий» в 1725 г., и события 1730 г. Сами же перевороты «каторжные мыслители» связывали с появившейся при Петре I «пустотой в устройстве общественном», исчезновением «духа законной свободы и гражданственности» вследствие ликвидации или подчинения государству общественных «устройств» — сословно-представительного «государственного собора» и независимой церкви. Они полагали, что при сохранении «законно-свободных постановлений» в России не было бы характерных для послепетровской эпохи «насильственных переворотов и потрясений».²⁵

В то время формировалась и более радикальная точка зрения. А.И.Герцен начал свой поход против самодержавия с разоблачения истории династии и ее опоры — «невежественного, тупого и равнодушного общества». Послепетровская эпоха предоставила ему обширный материал для «уголовного дела, теперь начавшегося над петербургским периодом нашей истории». Однако радикализм Герцена отчасти совпадал с позицией Екатерины II: шла борьба «свирепого деспотизма, схватившегося с раблепной олигархией»; только первого участника этого спора публицист оценивал, безусловно, со знаком «минус». Единственным проблеском в этой «оргии» он видел неудачную попытку установления конституционного порядка в 1730 г.²⁶ Так же как и Карамзин, Герцен отмечал усиленный петровскими реформами «отрыв» дворянства от народа и весьма су-

щественные противоречия внутри «шляхетства», еще не успевшего стать настоящим сословием. По мнению Герцена, высказанному в адрес Александра II, максимальная и ничем не ограниченная концентрация и персонализация власти («военный деспотизм») как раз и порождали неустойчивость и уязвимость положения самого монарха.²⁷

Дворцовые перевороты: изучение и осмысление в науке

Записки и размышления как эмигрировавших, так и находившихся в ссылке «государственных преступников» до поры оставались мало кому известными. Однако вопреки утверждениям Герцена о сплошном засекречивании неудобной властям истории, «освоение» ее нового периода продолжалось в первой половине XIX в. достаточно интенсивно. Русским историкам был доступен труд профессора Йенского и Марбургского университетов Эрнста-Адольфа Германа «Geschichte des Russische Staates». Появившиеся в 1846—1853 гг. 3, 4 и 5-й тома этой работы были посвящены истории петровской и послепетровской России и обильно цитировали найденные автором документы из дрезденских, лондонских и берлинских архивов, в том числе донесения саксонских дипломатов при русском дворе.²⁸

Именно в николаевские времена появились работы, достаточно подробно рассматривавшие события «потаянных» царствований. Издавались первые истории гвардейских полков с почерпнутыми из полковых архивов сведениями о действиях гвардейцев во время переворотов.²⁹ Д.Н.Бантыш-Каменский и А.В.Терещенко выпустили биографические справочники о государственных деятелях России прошлого и настоящего.³⁰

А.В.Вейдемейер познакомил читателей с борьбой «партий» у постели умиравшего Петра I в 1725 г., с «аристократическим правлением» в 1730 г. (правда, без упоминания о дворянских проектах), рассказал о «кровожадном» Бироне и «милосердной» Анне Леопольдовне. Преподававший русскую историю наследнику профессор К.И.Арсеньев в книге о Петре II подробно изложил историю «падения» Меншикова и цитировал следственные дела того времени (А.Нарышкина, Е.Пашкова, Долгоруковых). В сочинениях Н.Г.Устрялова ответственность за политическую борьбу и перевороты XVIII века возлагалась на действовавших «из личных видов» вельмож и «необузданные страсти» временщиков. Но при этом до середины XIX столетия отечественная историография не упоминала о каком-либо «господстве немцев» после смерти Петра или стремлении русской знати вернуться к допетровской старине.³¹

С.М.Троицкий, впервые изучавший историографию «эпохи дворцовых переворотов», полагал, что тезис о борьбе «русской» и «немецкой» группировок в XVIII в. появился в печати в конце 50-х гг. XIX столетия. По-видимому, это все же случилось раньше и не без помощи исторической беллетристики: в 30-е годы были опубликованы первые исторические романы, обращавшиеся к эпохе «бионовщины».³² Подобные утверждения появились в это время в сочинениях А.А.Лефорты. Затем Н.А.Полевой четко сформулировал тезис о перевороте 1741 г. как «паде-

нии партии иностранцев», как будто нарочно посылавшихся провидением в Россию для доказательства прочности начинаний Петра Великого.³³ Отныне в историографии соединились обвинения в адрес противников петровских реформ — «буйных олигархов» и честолюбивых «немцев», которым удавалось «ослепить» доверчивых государей.

Крах николаевских порядков в числе прочих последствий вызвал и либерализацию цензуры, и оживление исторической журналистики, что сразу же сказалось на изучении проблемы. Уже в 1856 г. К.И.Арсеньев смог издать небольшую монографию о времени Екатерины I, где широко использовал «журналы» Верховного Тайного совета, записки его членов о необходимости изменений в финансовой политике правительства, следственные дела; отрывки из следственного дела А.М.Девьера и завещание Екатерины I были опубликованы в приложении. Автор впервые указал на особую роль Совета в послепетровское время, когда он выполнял функции координирующего центра и подчинял себе Сенат и коллегии; рассмотрел предпринятые «верховниками» реформы петровской административной машины и начавшуюся борьбу за влияние в их рядах.³⁴

Другим серьезным шагом в изучении петровских преобразований и их последствий стал выход в 1859 г. шестого тома «Истории Петра Великого» Н.Г.Устрялова с изложением дела царевича Алексея и приложениями — публикациями следственных материалов. Эта работа, задержанная цензурой в 1849 г. и выпущенная с личного разрешения Александра II, вызвала большой общественный интерес. Опубликованные материалы дела используются до сих пор, хотя американский историк П. Бушкович установил, что Устрялов весьма существенно изменял (чтобы не сказать фальсифицировал) документы, устраняя из них информацию о сочувствовавших царевичу представителях петровской знати.³⁵

Выход академических трудов сопровождался с конца 50-х гг. XIX в. целой волной журнальных публикаций. В 1858 г. И.Шишкин утверждал, что перевороты есть «дело одних русских немцев и онемечившихся русских»; однако «разгул личных страстей» все-таки завершился «непостижимым coup d'état» 1741 г., который привел к окончанию господства иноземцев.³⁶ В 1859 г. молодой М.И.Семевский опубликовал серию очерков о жизни и царствовании Елизаветы Петровны, написанных в основном по ранее известным мемуарам и документам; публика приняла их с интересом, а автор был счастлив вступить в «область отечественной старины, бывшую заповедной землею».³⁷ В том же году чиновник особых поручений при Министерстве внутренних дел П.К.Щебальский (составлявший, кстати, обзоры прессы для императора) выступил со статьей о событиях 1730 г., ставших, по его мнению, звеном к «цепи потрясений и переворотов», где попытка «верховников» установить аристократическое правление привела к «кровавой бироновщине».³⁸

В духе наступившей гласности журналы помещали еще недавно нецензурные сочинения, изображавшие «распушенность» двора, произвол временщиков, отсутствие четкого правительственного курса.³⁹ Наступившая в России «оттепель» способствовала отмене наиболее грубых запретов на исторические исследования и публикации. Правда, цензурное ведомство в постановлении 1860 г. предупредило о недопустимости

обнародования «сведений неосновательных и по существу своему неприличных к разглашению о жизни и правительственных действиях августейших особ царствующего дома». Запрет вводился на сведения начиная как раз с 1725 г., не касаясь более ранних времен, чтобы «не стеснить отечественную историю в ее развитии».⁴⁰

Материалы о первых послепетровских царствованиях обычно не вызвали возражений. М.И.Семевскому удалось добиться отмены введенной было предварительной цензуры для его журнала «Русская старина». Проблемы возникали при освещении переворота 1762 г.: издателю «Русского архива» П.И.Бартеневу пришлось править материалы об А.Г.Орлове и записки Н.И.Греча, затрагивавшие эту тему; не разрешили ему и издать сочинение К.Рюльера.⁴¹ В 1890 г. главный цензор империи Е.М.Феоктистов и министр внутренних дел И.Н.Дурново рассматривали фундаментальный труд профессора В.А.Бильбасова «История Екатерины II». В конце концов сам Александр III вызвал автора для беседы и, несмотря на все усилия историка, признал том с описанием событий 1762 г. «опасным». Тираж уже отпечатанной книги был конфискован.⁴² Последней «линией обороны» прошлого династии стали события 1801 г.: эти сведения вплоть до революции 1905–1907 гг. считались недопустимыми к опубликованию, в чем издателям даже приходилось давать подписку.

Однако введенные ограничения не смогли существенно повлиять на количество публикаций о еще недавно запретной эпохе: именно в это время одна за другой появлялись документированные статьи и заметки о «падениях» П.А.Толстого, А.М.Девьера и А.Д.Меншикова; о Бироне и его родственниках; о свергнутом императоре Иване Антоновиче.⁴³

Вал больших и малых публикаций, посвященных послепетровской истории, рано или поздно должен был привести к появлению серьезных исследований, основанных на архивных материалах. Начало положили труды биографического жанра: очерки об А.И.Остермане, фундаментальные монографии Н.А.Попова о Татищеве и И.А.Чистовича о Феофане Прокоповиче, А.А.Васильчикова о Разумовских. П.К.Щебальский опубликовал в «Русском вестнике» обширное исследование о политике Петра III, а В.В.Андреев — серию очерков-портретов преемников Петра I «с их достоинствами и недостатками». В 1873 г. вышел сборник работ М.Д.Хмырова об исторических фигурах той эпохи — Густаве Бироне, княгине Е.И.Головкиной, Лестоке.⁴⁴

Обилие названных публикаций находилось в русле исследованного М.П.Мохначевой процесса «журнализации исторической науки», когда «учено-литературные», а затем и специальные исторические издания становились «системоформирующим звеном научного и научно-популярного знания».⁴⁵ С точки зрения избранной темы можно, нам кажется, отметить, что на ее изучении отразилась и несомненная демократизация самого круга авторов: для них (в отличие от просвещенных вельмож начала века) проблема выходила из разряда неуместных для публичного обсуждения и представляла как раз удобный материал для критики российских порядков.

Научные публикации стимулировали и появление многочисленных исторических романов по сюжетам данной эпохи (В.П.Авенариуса,

В.С.Соловьева, Е.П.Карновича, М.Н.Волконского, П.В.Полежаева, Е.А.Салиаса) различного уровня — от классических произведений Г.П.Данилевского до халтурных поделок, которые А.М.Скабичевский называл «скороспелыми борзописаниями».⁴⁶

Рубежом в новом этапе изучения проблемы стало освещение послепетровской эпохи в «Истории России» С.М.Соловьева. Этому времени посвящены ее XVIII—XXV тома, выходявшие в 1867—1875 гг. Труд Соловьева окончательно перевел проблему из области политических секретов, с одной стороны, и предмета «обличения», с другой, в сферу научного изучения. Впервые читатель получил подробную панораму эпохи, которая рассматривалась не как досадное «междоусердие» или провал между «великими» правлениями Петра I и Екатерины II, а в качестве самостоятельного и важного периода отечественной истории.

Соловьев видел профессиональный «интерес» изучения этой эпохи в том, что «здесь русские люди были предоставлены самим себе ввиду громадного материала, данного преобразованием».⁴⁷ Это было крайне важно с точки зрения поставленной им принципиальной задачи: «показать, как новое проистекало из старого, соединить разрозненные части в одно органическое целое», — в известном смысле остающейся актуальной и сейчас.

Наконец, историк ввел в научный оборот большинство известных к тому времени и использующихся и по сей день источников. Ему же удалось найти и много нового; к сожалению, при нечеткой системе научно-справочного аппарата некоторые из обнаруженных историком документов (например, записку о предполагавшемся браке Петра II с Елизаветой Петровной или документ, проливающий свет на подлинность завещания Екатерины I) до сих пор не удается разыскать и идентифицировать при расшифровке ссылок для современных переизданий его «Истории».⁴⁸

В «Истории России» С.М.Соловьев не только подробно описал основные политические коллизии, но и выделил характерные черты той эпохи, которые можно суммировать таким образом:

1) Борьба придворных «партий» после смерти Петра I привела к уклонению от намеченной им программы преобразований и недопустимому засилью иностранцев в правящих кругах.

2) Оскорбленное «народное чувство» вызвало перевороты 1741 и 1762 гг. как «народное движение, направленное против преобладания иноземцев», что означало «возвращение к правилам Петра Великого», получившее поддержку всего общества.

3) 20—50-е гг. XVIII века были отмечены «сильным влиянием гвардии» как института, «заклучавшего в себе лучших людей, которым были дороги интересы страны и народа».

4) Наконец, еще одним важным фактором политической нестабильности историк признавал вмешательство иностранной дипломатии во внутренние дела страны.⁴⁹

Выдвинутая Соловьевым концепция политической истории России послепетровского времени прочно вошла в науку и школьные учебники. Огромный к тому времени научный авторитет ученого и богатство собранного им материала были уже вне критики — не случайно соответ-

ствующие тома «Истории» не вызывали, в отличие от первых, посвященных древней истории, рецензий и полемики.

Однако само появление фундаментального курса необходимо было для следующего этапа исследования, связанного с изучением отдельных сюжетов в рамках периода и появлением спорных позиций. Примером подобного подхода может служить изучение междоусердия 1730 г. Отталкиваясь от труда Соловьева, публицист и писатель Е.П.Карнович закрепил «оппозиционную» концепцию событий 1730 г. Он связал «революционное движение» 1730 г. с прежними попытками ограничения самодержавия и практикой Земских соборов допетровской России.⁵⁰ Следующим шагом в логике исследования проблемы стала фундаментальная монография Д.А.Корсакова о воцарении Анны Иоанновны, положившая начало традиции изучения политической борьбы и политических проектов 1730 г. и вызвавшая, в свою очередь, серьезную полемику. В Германии в 1900 г. вышли в свет в не урезанном цензурой виде два первых тома сочинения В.А.Бильбасова, посвященные подготовке, проведению и последствиям переворота 1762 г.; был опубликован и 12-й том с обзором иностранных источников по теме.⁵¹ Иные из таких монографий по причине «неприличия к разглашению» так и остались в рукописи и были опубликованы только совсем недавно, как сочинение барона М.А.Корфа о «брауншвейгском семействе».

В начале прошлого века появились работы о «падении» канцлера А.П.Бестужева-Рюмина и Лестока; вышла первая специальная монография Б.Л.Вяземского о Верховном Тайном совете; в книгах В.Н.Строева и В.Н.Бондаренко о царствовании Анны Иоанновны обозначилась тенденция к пересмотру безусловно отрицательных его оценок как времени упадка и господства иноземцев.⁵² К юбилею Сената в 1911 г. вышло многотомное коллективное исследование по истории этого учреждения; затем были опубликованы богато документированная история императорского Кабинета и ряд других работ.⁵³ Появились многотомные «истории» Преображенского и Семеновского полков, а также чрезвычайно информативная монография С.А.Панчулидзева о кавалергардах. Обширные полковые архивы дали авторам немало информации о формировании этих частей, смене офицерского и командного состава, а также об участии гвардейцев в придворной борьбе.⁵⁴

Поставленные в трудах Соловьева проблемы заинтересовали и историков права. А.Д.Градовский одним из первых отметил, что исторический опыт показал несостоятельность «великодушных намерений» Петра I создать новый порядок престолонаследия, и проследил, как с помощью «государственных переворотов» менялись принципы этого важнейшего монархического государственного устройства.⁵⁵ «Мы встречаем самые разнообразные способы занятия престола от законного наследования детей после родителей и до государственного переворота включительно», — так оценивал этот период в своем учебнике В.Н.Латкин. Он же обратил внимание на исключительный характер власти самого Петра I, изменившего, по его мнению, «весь общественный и государственный строй древней России», хотя после его смерти «старые традиции стали снова оживать». Автор отметил и споры коллег-юристов по поводу полномочий Верховного Тайного совета — в частности, ограничения им прерогатив самодержавной власти *de facto* и *de jure*.⁵⁶

Причины «беззакония» в вопросе престолонаследия попытался впервые сформулировать И.И.Дитятин в статье, очевидно, не случайно появившейся в 1881 г., когда самодержавие впервые за много лет столкнулось с покушением на власть и жизнь монарха. Ученый отметил принципиальные особенности верховной власти, в той или иной мере сохранившиеся до конца XIX в. Это, во-первых, отсутствие «единообразного порядка» в государственном устройстве, когда «в течение всего XVIII столетия ни один носитель верховной власти не назначался на престол законом самим»; во-вторых, нежелание самой власти хоть как-то обозначить пределы своих полномочий; наконец, «личный характер службы, личное начало», определявшее отношения монарха и его слуг.⁵⁷

Профессор Дерптского университета А.Г.Брикнер задумал впервые обобщить накопленный материал для создания труда по истории послепетровских царствований 1725–1762 гг. по образцу написанных им «Истории Петра I» и «Истории Екатерины II», но закончить работу не успел. Ее итогом стали помещенные в разных периодических изданиях статьи, представляющие и сейчас немалый интерес, поскольку они были написаны с привлечением обнаруженных автором дипломатических документов из архивов Берлина, Вены, Стокгольма. Но в самих событиях Брикнер видел только столкновение личных выгод вельмож и не усматривал никакого «политического элемента».⁵⁸

Постоянно ввопившийся в оборот фактический материал и характерное для науки второй половины XIX столетия внимание к социальным проблемам вызывали и несогласие с заданной Соловьевым концепцией. «Время со смерти Петра I до воцарения Екатерины II можно назвать эпохой дворцовых переворотов. Дворцовые перевороты у нас в XVIII веке имели очень важное политическое значение, которое выходило далеко за пределы дворцовой сферы, затрагивало самые основы государственного порядка», — подводил итог этому периоду В.О.Ключевский в IV томе своего «Курса русской истории», готовившегося к печати в 1907–1909 гг.

Главной чертой этого явления Ключевский считал выдвигание новой господствующей силы, «дворянства с гвардией во главе», ставшей «политической школой» этого сословия, формировавшей его взгляды и помогавшей удовлетворению его притязаний. Так ученый впервые поставил вопрос о необычной для других европейских держав социально-политической роли гвардии. Соловьев видел в ней только «лучших людей» страны, усилиями которых произошло в 1741 г. «возвращение к правилам Петра Великого»; с точки же зрения Ключевского царствование Елизаветы, напротив, явилось «крутым поворотом от реформы Петра I», и именно гвардия способствовала становлению режима «дворяновласти». Шляхетство получило «законодательное удовлетворение важнейших нужд и желаний», поскольку на этом пути «нужды казны дружно встретились со стремлениями дворянства»; в результате Россия отстала от других европейских стран «на крепостное право».⁵⁹

Отметил он и развитие этой политической роли гвардии на протяжении послепетровской эпохи: по его мнению, «в 1725, 1730 и 1741 гг. гвардия устанавливала или восстанавливала привычную верховную власть в том или другом

лице, которое вожди ее представляли ей законным наследником этой власти. В 1762 г. она выступала самостоятельной политической силой, притом не охранительной, как прежде, а революционной, низвергая законного носителя верховной власти, которому сама недавно присягала». Впрочем, историк скептически оценивал степень политического прогресса российской государственности: «Дворцовое государство преемников Петра I получило вид государства сословно-дворянского. Правовое народное государство было еще впереди и не близко». В другой лекции приговор был еще более строгим: «Гвардия могла быть под сильной рукой только слепым орудием власти, под слабой — преторианцами или янычарами». Еще ниже Ключевский оценивал достоинство самих правителей той поры, которую для себя определил уже совсем нелестно «эпохой воровских правительств».⁶⁰

Ученый первым постарался уловить внутренний механизм политических потрясений этого периода, к которым его предшественники подходили, прежде всего, с их внешней стороны. К сожалению, он не стал развивать далее собственные подходы; его литературное мастерство и талант рассказчика способствовали закреплению сложившихся штампов известных событий, некритически воспроизведенных в «Курсе русской истории», — вроде описания предсмертной попытки Петра написать имя наследника или характеристики «иноземного ига» при Анне Иоанновне, когда «немцы посыпались в Россию, точно сор из дырявого мешка», и вызвали жестокие казни, «шпионство» и упадок «народного хозяйства».⁶¹

О социальных последствиях «эпохи дворцовых переворотов» писали и ученики Ключевского в условиях начала XX века, когда обсуждение проблем государственного устройства страны полуторауголовой давности становилось весьма злободневным. М.М.Богословский и П.Н.Милюков, в отличие от своего учителя, видели в событиях 1730 г. не только конфликт «органов правительства между собою за распределение власти», но и борьбу за конституцию, отвечавшую «интересам всего общества». Но «конституционалисты» и «верховники» не сумели договориться, и страна «пошла далеко не тем путем, о котором мечтали руководители движения 1730 г.».⁶²

Позиция С.Ф.Платонова и другого ученика Ключевского М.К.Любавского была более традиционной. Для них 1725–1762 гг. оставались «темным периодом» нашей истории; в действиях сторонников Петра II в 1725 г. и «верховников» 1730 г. они видели преимущественно «реакционные стремления к старым московским порядкам» и попытки установить «аристократическое правление», а в событиях 1741 г. — свержение ненавистного «немецкого режима» русской гвардией, отражавшей интересы дворянского класса.⁶³

Наметившееся на рубеже XIX–XX вв. обсуждение проблемы и ее распространение «вширь» — в сферу изучения повседневной работы государственного аппарата — продолжения не получило. В советское время наступил длительный перерыв в изучении политического механизма российской государственности — в значительной степени благодаря смене приоритетных направлений исторических исследований. Лишь в начале 20-х гг. «по инерции» вышло несколько работ, посвященных отдельным событиям политической борьбы послепетровской эпохи.⁶⁴

Предпринятая М.Н.Покровским попытка пересмотреть русскую историю с марксистской точки зрения привела к созданию вульгарно-материалистической концепции. Получалось, что проводников буржуазной политики в Верховном Тайном совете в 1730 г. сменили ставленники западноевропейского капитала во главе с Бироном, которых, в свою очередь, свергли в 1741 г. представители «дворянского управления», или «нового феодализма». ⁶⁵ Затем в исторической литературе прочно утвердилась формула В.И.Ленина: «Перевороты были до смешного легки, пока речь шла о том, чтобы от одной кучки дворян или феодалов отнять власть и отдать другой». Пафос ленинской речи на II Всероссийском съезде профсоюзов в январе 1919 г. был направлен на решение грандиозной задачи социального переворота: дать «всем трудящимся возможность легко приспособиться к делу управления государством и созданию государственного распорядка» и заменить в этой сфере «всех имущих, всех собственников». ⁶⁶

С этой точки зрения перипетии борьбы за власть между отдельными группировками навсегда свергнутого класса не имели никакого значения и уж тем более не заслуживали изучения. Неудивительно, что в учебниках и обобщающих трудах по отечественной истории 1930–1970-х гг. на первый план выдвигалась социально-экономическая сфера исторического процесса и классовая борьба как «двигатель общественного развития». В политической же сфере преимущество отдавалось освещению петровских преобразований и их роли в преодолении отсталости России. Возможно, как раз поэтому все проявления оппозиции этим реформам воспринимались как однозначно реакционные попытки реставрации допетровских порядков. В итоге произошло своеобразное возрождение «охранительной» оценки действий противников воцарения Екатерины I в 1725 г. и «верховников» в 1730 г. как попыток установления правления старинных боярских родов. Предельно негативно оценивалась и «бириновщина», представлявшаяся «кровавым правлением шайки иноземных угнетателей». ⁶⁷

Что же касается собственно дворцовых переворотов, то в учебной литературе утвердилась пренебрежительная оценка этого явления как «борьбы придворных аристократических группировок за власть, за право безнаказанно расхищать казну и грабить государство». ⁶⁸ Изучение этих процессов заменялось социологическими штампами и фразами об «альтернативных переворотах», совершаемых без всякого участия народа. Альтернативой формулировкам учебников становились лишь романы В.Пикуля с принципиально упрощенным до уровня анекдота восприятием прошлого, но зато выдержанные в патриотическом смысле. ⁶⁹

Незамеченными на фоне утвердившихся оценок проходили немногие работы, посвященные послепетровской эпохе и ее драматическим коллизиям. ⁷⁰ Так, например, Г.А.Некрасов пришел к выводу, что, несмотря на некоторые колебания, во внешней политике страны в 1725–1740 гг. сохранялась «преемственность петровской традиции», а сама эта политика была вполне прагматичной и последовательной в достижении поставленных целей: укрепление завоеванного положения на Балтике, усиление своего влияния в Речи Посполитой и борьба с Турцией за выход к

Черному морю. Е.И.Индова сумела на материалах дворцового архива показать, как конфискации и раздачи дворцовых земель совпадали с очередными переворотами. ⁷¹

Лишь немногие авторы рассматривали проблему политической борьбы и пытались увидеть в ней нечто большее, чем передачу власти от одной «кучки» феодалов другой: реакцию дворянства на усиление абсолютной монархии. По мнению Я.Я.Зутиса, «бириновщина» была не анти-, а продворянской политикой, или «системой террора, в интересах русского дворянства направленного против «старых фамилий» или знати», в которой «немцы» были только исполнителями. Эта политика — за вычетом террора — продолжалась и позднее; так что «по своей классовой сущности елизаветинское царствование отнюдь не было отрицанием бириновщины, а его естественным продолжением». ⁷²

В начале 60-х гг. к проблеме обратился С.М.Троицкий — ему принадлежит специальный и единственный пока очерк историографии «эпохи дворцовых переворотов», где ученый показал существование различных подходов к проблеме в науке. Пытаясь дать этим точкам зрения оценку в соответствии с ленинской концепцией, историк видел истинные причины дворцовых переворотов «в обострении внутрикласовых противоречий среди господствующего класса феодалов, что было связано с консолидацией его в единое привилегированное сословие и обострением антифеодальной борьбы трудящихся масс». И все же перспективу дальнейших исследований Троицкий связывал не с изучением антифеодальной борьбы, а с монографической разработкой «истории господствующего класса феодалов» (что отчасти успел сделать в своей последней работе), а также «тех форм, которые принимала борьба между отдельными прослойками феодалов в тот или иной период». ⁷³

Тогда же С.О.Шмидт попытался дать новую трактовку этого периода русской истории. В опубликованной на французском языке статье о внутренней политике России в середине XVIII в. и последующих работах Шмидт выступил против сложившегося с подачи В.О.Ключевского образа периода 1725–1762 гг. как «эпохи социально-политической летаргии, нарушаемой лишь время от времени шумом дворцовых переворотов». Основной смысл внутренней политики в это время ученый связал с «просвещенным абсолютизмом», в котором видел «интенсивное государственное и культурное строительство»: серию реформ, направленных на модернизацию российских порядков в новых условиях при сохранении дворянских привилегий. Он указывал, что не только собственно перевороты, но и гвардия, и «сильные люди» являлись своеобразными политическими институтами, и подчеркивал преимущественно «мирный характер» дворцовых переворотов XVIII столетия, в отличие от стрелецких выступлений 1682 г., обусловленный как принципиальным союзом верхушки русского дворянства, в лице гвардии, и государя, так и тем, что перевороты «мало касались бюрократии, даже высшей». ⁷⁴

Как отметил недавно М.М.Кром, состоявшееся в 60-х гг. прошлого века «возвращение» политической истории в круг основных изучаемых проблем

началось с эпохи средневековья в трудах А.А.Зиминой, С.О.Шмидта, Р.Г.Скрынникова, Н.Е.Носова, Ю.Г.Алексеева и ряда других историков. Затем настала очередь сюжетов XIX в. Предложенное С.М.Троицким монографическое изучение политической борьбы XVIII столетия нашло свое осуществление несколько позднее, с выходом книг Н.Я.Эйделямана о царствовании Павла I и дворцовом перевороте 11 марта 1801 г. и Н.И.Павленко о Меншикове и других «птенцах гнезда Петрова».⁷⁵

Спустя несколько лет к ним добавилась монография Е.В.Анисимова об эпохе правления императрицы Елизаветы, где подробно рассматривалась «переворотная ситуация» 1741 г. По мнению историка, ее особенностями являлись, во-первых, самостоятельное осуществление переворота гвардейскими низами, «солдатством»; во-вторых, «антинемецкий» и патриотический характер переворота, что свидетельствует о «высоком уровне общественного сознания если не всего русского общества, то, по крайней мере, его широких столичных кругов»; третьей специфической чертой переворота он считал активное вмешательство во внутривнутриполитический конфликт иностранной — французской и шведской — дипломатии в своих интересах. Выделил Анисимов и еще одну особенность: пропагандистскую кампанию с целью убедить подданных в законности власти Елизаветы и заклеить предшествовавшее «засилье иноземцев».⁷⁶ В предисловии к публикации источников об «эпохе дворцовых переворотов» он подчеркнул обозначенную еще в XIX в. причину политических потрясений — ликвидацию сословно-представительных институтов, что привело к «сужению социальных основ власти, к возможности проявления насилия».⁷⁷

В своей новой работе о послепетровской России Е.В.Анисимов подробно рассказал о царствовании Екатерины I, Петра II и Анны Иоанновны; из интересующих нас сюжетов он рассматривал только события 1730 г., охарактеризовав их как «олигархический переворот», а спор за власть после смерти Петра I оценил как «типичный военный переворот». В биографии императрицы Елизаветы исследователь повторил свои выводы о характере и особенностях переворота 1741 г., хотя и с оговорками относительно отнюдь не массового, а специфически гвардейского «патриотизма» и отсутствия на деле «свирепого режима иностранных порабощателей».⁷⁸

А.Б.Каменский в книге о времени Екатерины II заново проанализировал заговор 1762 г. и его отличия от переворота 1741 г.⁷⁹ В последнее время появились самостоятельные исследования, посвященные наиболее важным политическим событиям первой половины XVIII в. и их главным героям — царевичу Алексею, князю Д.М.Голицыну, Н.И.Панину, Екатерине II.⁸⁰

Указанные работы представляют целое направление в освещении русской истории XVIII столетия, которое можно назвать преимущественно историко-биографическим. С начала 90-х гг. XX в. появились перепечатки дореволюционных работ.⁸¹ Был опубликован в двух вариантах труд барона М.А.Корфа и В.В.Стасова о «брауншвейгском семействе» правительницы Анны Леопольдовны и императора Ивана Антоновича.⁸² Стали выходить статьи и книги, посвященные династии Романовых, в том числе и ее представителям, правившим в XVIII в.⁸³

В таком же ключе написана работа Н.И.Павленко о послепетровской эпохе, состоящая из очерков и портретов ее крупнейших деятелей. Книга как бы суммирует накопленные в литературе сведения и представления о дворцовых переворотах и их участниках. Оценки же автора носят довольно общий характер — как, например, выводы о том, что «три силы управляли государством российским... бюрократия, фавориты, вельможи»; что «сила торжествовала над правом» или что гвардейские полки при Петре и его ближайших преемниках «представляли собой однородную силу с группировками, борющимися за власть». Исследователь не ставил своей задачей подробный анализ развития политической борьбы и ее форм.⁸⁴ Новацией можно, пожалуй, считать его предложение (в последнем учебнике для вузов) переименовать «бироновщину» в «остермановщину», под которой понимается уже весь период 1725—1741 гг.⁸⁵

Другое выделенное в 90-е гг. прошлого века направление в науке рассматривает политическую историю на новом уровне, с применением новых подходов, которые М.М.Кром определил как «политическую антропологию», включая в эти рамки «культурные механизмы» функционирования власти, представления о ней в обществе, анализ государственной символики, изучение патронажно-клиентских отношений и других форм политического поведения.⁸⁶ Работы такого плана уже имеются в науке: это исследования символики царских коронационных торжеств XVIII—XIX вв., народных представлений о царской власти в XVII столетии, попытки объяснения расцвета в XVIII в. фаворитизма или нюансов психологии дворянства и городских слоев.⁸⁷

Появились попытки проследить процесс формирования российской политической элиты, в которых авторы пока опираются на сложившиеся в дореволюционной историографии положения: так, например, политическая борьба в 1725—1762 гг. объясняется противостоянием «старомосковской аристократии» и «новой дворянской элиты».⁸⁸ Однако единственная монография, посвященная развитию патронажно-клиентских отношений в правящей среде России, охватывает слишком большой период и потому не выделяет конкретной специфики исследуемого нами этапа.⁸⁹

В несколько более традиционной области изучения политических институтов важные замечания о политических событиях послепетровского времени содержатся в статье Д.Н.Шанского. Автор обратил внимание на стабильность высших советов при особе монарха, являвшихся, таким образом, специфическим и необходимым «институтом русского абсолютизма» в условиях незрелости и ненадежности государственного аппарата и вовсе не стремившихся к установлению олигархического режима.⁹⁰ В.П.Наумов исследовал механизм работы и принятия решений елизаветинской Конференции при высочайшем дворе и Императорского совета Петра III.⁹¹ М.В.Кричевцев рассмотрел роль Кабинета — личной канцелярии монарха — в структуре государственных органов при Елизавете и Петре III.⁹²

В монографии Н.Н.Петрухинцева исследуется такой важнейший для состояния империи сюжет, как военная политика, и в связи с этим — борьба группировок при дворе Анны Иоанновны в 1730—1732 гг.⁹³

Ряд работ Ю.Н.Смирнова посвящен специфической роли российской гвардии как особого и чрезвычайного «административного ресурса» петровских преобразований. Сохранившаяся и в послепетровское время практика участия гвардейцев в делах управления и назначений их на важнейшие государственные посты в сочетании с культом «сильного и доброго» императора-отца формировала особую гвардейскую психологию и сознание своего права вмешиваться в решение династических проблем. При этом автор показал определенную эволюцию этого вмешательства — от выступления в качестве «орудия» придворных группировок до солдатского «мятежа», — хотя и не подтверждая свои наблюдения ссылками на документальный материал.⁹⁴

В области освещения внешней политики данной эпохи можно назвать обобщающий труд из пятитомной «Истории внешней политики России», в котором сделан вывод о преемственности военных и дипломатических усилий России по сравнению с петровским царствованием — и в то же время о наличии известных его колебаний под влиянием борьбы дворянских группировок (хотя эта сторона как раз не получила подробного раскрытия).⁹⁵ Монография П.П.Черкасова, основанная в значительной части на неопубликованных документах из архива МИД Франции, освещает, в том числе, проблему влияния иностранной дипломатии на российскую внутреннюю и внешнюю политику.⁹⁶ К ней примыкает и ряд других работ, изучающих внешнюю политику России в послепетровское время.⁹⁷

В обобщающих трудах, посвященных развитию политического строя России, этот период оценивается по-разному. А.Н.Медушевский причинами династических кризисов считает «неоднородность правящего слоя, противоречия внутри него, различие интересов и отсутствие единой политической программы», а также «особый способ организации власти и механизм принятия решений в рамках узкой дворцовой олигархии», хотя суть этого механизма автор не раскрывает и в целом полагает, что «за преобразованиями Петра следует консервативная политика его преемников».⁹⁸ В другой работе историк считает определенной политической новацией усвоение «стереотипов европейской массовой культуры», в том числе появление фаворитизма как «негативного фактора в кризисных ситуациях», хотя и отмечает эволюцию этого института в сторону его укоренения в «местной социальной среде».⁹⁹

Точка зрения Е.В.Анисимова, отраженная в коллективной монографии петербургских историков, более оптимистична, хотя и несколько противоречива. Автор убежден, что «в целом нет оснований говорить о подрыве престижа самодержавия, упадке страны, кризисе в обществе и в экономике»; но в то же время пишет о «проявлениях серьезного кризиса народного хозяйства после разорительной Северной войны» и «серьезнейшем династическом кризисе». Главную причину «хрупкости» власти конкретных преемников Петра он находит в принципиальном «внутреннем пороке» российской государственности — отсутствии каких-либо правовых механизмов, которые бы смогли обеспечить прочное существование и функционирование самодержавия в системе власти, но в то же время приводили к юридическому определению компетенции самодержца

и тем самым неизбежно отнимали бы часть его власти. В то же время историк отмечает своеобразное разделение полномочий в системе исполнительной власти, имевшей три центра: высшие и центральные государственные учреждения (Сенат, Синод, коллегии); советы при особе государя; фавориты.¹⁰⁰

М.А.Бойцов вывел «эпоху дворцовых переворотов» за привычные хронологические рамки, доведя ее до 1825 г. В политической нестабильности он видит неизбежную «плату за реформы» Петра, когда «изменения в политической культуре общества не поспедали за реформами; облик, стиль поведения и властвования верхушки новой, императорской России настолько не соответствовали прочно укоренившимся стереотипам массового сознания в отношении царя и его окружения, что породили глубокое отчуждение (не социальное — оно и так издавна было, а именно психологическое) подданных от петербургской власти». Одновременно автор поставил дворцовые перевороты в один ряд с самозванчеством, в качестве разных проявлений одного типа политической культуры, в основе которого лежал «недостаток публично-правового начала в политической жизни России».

Он же выделил и два различных типа переворотов: относительно «мирное» отстранение государя, регента, важнейшего сановника от власти — и наступивший на рубеже сороковых годов «классический для русской истории этап военного переворота», закономерности которого усматривал в «нарастании жестокости» и росте от раза к разу числа участников заговора.¹⁰¹

В последней работе А.Б.Каменского о реформах XVIII в. «эпоха дворцовых переворотов» была как бы окончательно «вписана» в поступательное развитие России по пути модернизации. Анализ законодательства привел автора к убеждению, что внутренняя политика наследников Петра являлась не попыткой возвращения в прошлое, а прагматичной «корректировкой последствий реформ», завершившейся к концу 40-х гг.; только короткое царствование Петра III он рассматривает как разрыв или «отказ от преемственности» на этом пути.¹⁰²

Зарубежная историческая наука сравнительно мало интересовалась сюжетами «эпохи дворцовых переворотов»: они затрагивались прежде всего в биографических работах о российских государях или государственных деятелях.¹⁰³ В обобщающих трудах эти события, как правило, трактовались с позиций дореволюционной консервативной историографии: речь шла о победе после смерти Петра «старорусской партии», желавшей вернуть Россию назад; о господстве и последующем свержении «иностранной власти»; о личном безрассудстве Петра III,¹⁰⁴ а также о неблагоприятном впечатлении, производимом на Западе российской политической нестабильностью, которая представляется характерной чертой «русской политической культуры» того времени.¹⁰⁵ Некоторое исключение представляют опять же события 1730 г., рассматриваемые как возможный «поворотный пункт в русской истории» и попытка установления новой «формы правления» по западным образцам.¹⁰⁶ Впрочем, некоторые авторы сомневаются в наличии у «верховников» планов модернизации политического строя.¹⁰⁷

Политическая активность дворянства и характер придворной борьбы рассматриваются ими преимущественно с точки зрения взаимодействия различных группировок знати, к которым примыкало мелкое «шляхетство», исходя прежде всего из унаследованных от прошлого «патронажно-клиентских связей».¹⁰⁸ В последнее время эта точка зрения получила распространение и привела ее приверженцев к выводу: борьба кланов, или «сетей протекции», в итоге исключала какие-либо совместные действия, которые могли бы привести к изменениям самой самодержавной монархии.¹⁰⁹

На практике этот принцип попытался применить Д.Ле Донн. Он отказался от традиционного противопоставления родовитого и нового дворянства в послепетровскую эпоху, предполагая, что в среде российской знати был достигнут консенсус по отношению к результатам реформ, но одновременно создана широкая сеть покровительственных отношений. Столкновения отдельных групп в рамках такой структуры исключали появление «институциональных интересов» сословия.¹¹⁰

По мнению исследователя, механизм российской политической системы заключался, прежде всего, в борьбе сменявших друг друга или деливших власть нескольких «опорных» руководящих кланов (Салтыковых, Нарышкиных, Трубецких). Исследователь попытался проследить воздействие возникавших политических комбинаций на работу административной машины, результатом чего стал анализ кадровых назначений в системе управления.¹¹¹ Однако, как будет показано ниже, составленные Ле Донном схемы не всегда «работают» при изучении конкретных ситуаций, поскольку основаны исключительно на родственных связях; кроме того, они нуждаются в дополнениях и уточнениях. Последнее замечание не является упреком в адрес исследователя, а скорее характеризует трудности и современный уровень разработки генеалогических материалов. Выводы Ле Донна в целом были приняты, хотя иные исследователи указывали, что выделенные им «патронажные сети» оказываются весьма непохожими на западные аналоги, где родство было не единственным образующим фактором.¹¹²

Можно также выделить небольшую, но интересную, благодаря использованному архивным данным, работу Д.Кипа, посвященную позиции гвардии накануне переворота 1741 г.¹¹³ Заслуживает внимания и недавняя попытка К.Леонард добиться «историографической реабилитации» Петра III как политика и человека, предпринятую вслед за аналогичным намерением петербургского исследователя А.С.Мыльникова. Однако анализ внутри- и внешнеполитической деятельности Петра III в работе Леонард соседствует с отрицанием весомости российских источников как якобы заведомо предвзятых; симпатии к нему как к человеку переносятся на представления о нем как о правителе без достаточных на то оснований.¹¹⁴

Иногда даже работы последних лет подходят к проблеме несколько упрощенно. Так, в книге Ф.-Д.Лиштенан двор Елизаветы представлен как абсурдное «дисфункциональное пространство, где правили зависть, интриги и недоверчивость». Там, по мнению автора, боролись «два основных клана: «бояре», возводившие свой род к Рюрику или Гедимину, и слу-

жилое дворянство, возвысившееся в результате петровских реформ»; при этом члены каждой группировки были подкуплены той или иной из европейских держав. Неудивительно, что и сам переворот 1741 г. автор по восходящей к тому же веку традиции рассматривает как дело рук французского посла.¹¹⁵

Как уже отмечалось в литературе, специальные исследования «переворотной» проблематики практически не отражаются в массовой учебной литературе, для которой послепетровская эпоха по-прежнему остается «темным периодом».¹¹⁶ Авторы современного вузовского учебника по истории России вообще устранились от каких-либо объяснений причин дворцовых переворотов, при сохранении некоторых прежних оценок о противостоянии старой и новой знати, о «влиянии иностранцев».¹¹⁷ В обобщающем труде по истории Европы период 1725–1762 гг. без каких-либо обоснований выпал из очерка о развитии государственного строя России в XVIII в.¹¹⁸

Пресловутое «засилье иностранцев» до сих пор украшает вузовские и школьные учебники. Самый массовый из них даже утверждает, что именно Бирон и прочие «немцы» перенесли в Петербург «распушенность нравов и безвкусную роскошь, казнокрадство, взяточничество, беспардонную лесть, пьянство, азартные игры, шпионство и доноительство», чем, очевидно, заразили трезвых и чистосердечных россиян.¹¹⁹ Но и другие учебные пособия внушают все те же штампы о выступлении «родовой аристократии» против петровских реформ, о «глухом времени иностранного засилья», которое даже «грозило довести страну до развала», если бы к власти не пришла дочь Петра Елизавета.¹²⁰

Я.А.Гордин видел в гвардейских полках своеобразный российский «парламент», занявший место, «которое осталось вакантным после упразднения Земских соборов».¹²¹ Иные авторы как будто и не представляют себе реалий XVIII столетия, когда заявляют, что «самодержавная власть вызывала недовольство крестьян», а их господа всерьез увлекались «идеями свобод и вольностей».¹²² В итоге даже в специальных научных курсах проблема подменяется простым перечислением соответствующих эпизодов.¹²³ В литературе междисциплинарного типа ситуация сходная. В работах по истории государства и права и соответствующих словарях дворцовые перевороты или не упоминаются,¹²⁴ или объясняются недовольством «более широких слоев правящего класса», в результате чего «гвардия начинает диктовать свои условия (кондиции), которые вынуждены принимать монархи».¹²⁵

Порой же анализ событий подменяется поверхностной публицистикой. В таких сочинениях послепетровская эпоха оценивается как безысходный «тупик» или трактуется в стиле романов середины позапрошлого века: «Бездушные люди, убогие времена, проматывающие ранее приобретенное», — а их авторы обличают злодеев-временщиков, чьим главным орудием была «чувственность».¹²⁶ В потоке статей и эссе с налетом сенсационности можно встретить и утверждения о пугачевском восстании при... Елизавете или рассуждения о «колонизации России активными европейскими жуликами».¹²⁷ Подобные, мягко говоря, поверхностные оценки

закрепляются в массовом сознании с помощью перепечаток дореволюционных — и отнюдь не самых лучших — исторических романов о «дворцовых тайнах»¹²⁸ или фильмов в стиле «русского вестерна» с патриотическим уклоном.¹²⁹ Лишь немногие публикации отличаются серьезным подходом к источникам и находками новых документов.¹³⁰

Как можно видеть, тема только начинает серьезно изучаться на новом уровне. Уход от обусловленных идеологией формулировок сменился появлением различных подходов к проблеме развития российского государства и общества послепетровской эпохи, что можно только приветствовать. Однако отсутствие специального исследования такого специфического института, служившего «регулятором» российского самодержавия, как «переворотство», приводит к терминологической неясности (когда, например, вступление на престол Екатерины I оценивается и как «избрание», и как «типичный военный переворот») и полярно противоположным оценкам — например, знаменитых событий 1730 г.

В статье 1995 г. нами уже была предпринята попытка выделить особенности российского «переворотства» как своеобразного механизма разрешения противоречий в правящей верхушке и проследить закономерности развития этого процесса, представлявшего, по нашему мнению, довольно устойчивый компонент политической культуры в условиях самодержавия.¹³¹ Затем в ряде опубликованных работ нашли отражение проведенные нами исследования и архивные находки.¹³²

Источники

Интерес к загадочным и драматическим событиям дополнялся особым значением для правящего сословия любых перемен на «верху» сверхцентрализованной державы. Редкий из родов дворянской элиты XVIII—XIX вв. не испытал на судьбе своих членов превратностей политического развития страны. Взлеты и падения целых фамилий, чередования милостей и опал прочно держались в памяти даже спустя несколько поколений; стоит вспомнить, как Пушкин прямо связывал свою судьбу с поведением деда, оставшегося верным Петру III во время переворота 1762 г.

Тайны придворной жизни неизбежно привлекали внимание современников и потомков. Но по понятным причинам именно эти сюжеты российской политической истории скрывались. Официальные манифесты о многом умалчивали и многое искажали; дворцовые интриги и суматоха ночных переворотов не способствовали созданию и хранению компрометирующих документов; написанные на склоне лет мемуары не всегда предполагали открытие истины, тем более что у их авторов еще должна была появиться потребность размышлять над прошлым. Фигуры петровской эпохи — в основном люди действия, а не мысли; герои событий 1725 г. и последующих лет в подавляющем большинстве воспоминаний не оставили.

Секретные документы, затрагивавшие престиж династии, тщательно охранялись в архивах. Порой некоторые факты оставались загадкой даже для самой власти: так, Павел I, вступив на престол, стал выяснять судьбу своего свергнутого и убитого в 1762 г. отца Петра III, всерьез предпола-

гая, что он мог быть еще жив; через сто лет правнук Павла Александр III столь же серьезно расспрашивал историка Я.Л.Барскова, чьим все-таки сыном был сам Павел.¹³³

Отдельные факты, вероятно, так и не найдут на этих страницах убедительного объяснения: историку не всегда дано до конца постичь «дух времени» и характеры своих героев; некоторые подробности событий по-прежнему останутся неизвестными, поскольку далеко не все документы о дворцовых тайнах дошли до нашего времени. Рукописи горели, терялись, тщательно редактировались, уничтожались или фальсифицировались заинтересованными лицами. Так, например, идут споры о подлинности известного письма А.Г.Орлова об убийстве Петра III; до сих пор не обнаружен конституционный проект 1772 г., в составлении которого участвовал наследник Павел Петрович.

Многие же события — и в XVIII, и даже в XX в. — вообще не фиксировались документально. Они оставались в памяти очевидцев и участников в виде слухов, семейных преданий, легенд и анекдотов, в некоторой степени компенсируя отсутствие подобной информации или ее искажение в официальной истории. Историки дорого дали бы за возможность послушать, например, застольные «поверенные» разговоры Никиты Ивановича Панина в кругу друзей «о настоящей причине смерти блаженной памяти государя Петра Великого», последних дней Петра II, «революциях при Анне Иоанновне» или «некоторых придворных обстоятельствах» царствования Елизаветы.¹³⁴

Политические события обсуждали не только в столичном кругу, но и в провинциальных усадьбах, как это делали отец будущего поэта и министра И.И.Дмитриева и его гости. По вечерам в гостиной «с таинственным видом, вполголоса начинали говорить о политических происшествиях 1762 г.; от них же восходили до дней могущества принца Бирона, до превратности счастья вельмож того времени». Спустя много лет эти предания стали собирать заинтересованные авторы, как М.А.Фонвизин или князь П.В.Долгоруков.¹³⁵ Наличие таких сведений, столетие хранившихся в качестве слухов, преданий и «анекдотов», зачастую не поддающихся проверке, составляет особенность круга источников по избранной теме; их жанр П.В.Долгоруков определил как «интимную хронику императорского двора».¹³⁶

Однако уже в первой половине XIX в., тогда же, когда появились первые работы о преемниках Петра I, стали публиковаться и некоторые источники, в том числе сочинения Феофана Прокоповича о смерти Петра I и воцарении Анны Иоанновны, записки испанского посла герцога де Лириа и близких ко двору В.Нащокина и Н.Вильбуа; с 1853 г. началось издание официальных придворных камер-фурьерских журналов петровского и последующих царствований.¹³⁷

Другие ценные материалы «потаенной» истории открыли лондонские издания Вольной типографии А.И.Герцена. Здесь впервые вышли на русском языке записки Е.Р.Дашковой и Екатерины II, введение к конституционному проекту Н.И.Панина и Д.И.Фонвизина, материалы о деле Алексея, убийства Петра III и Павла I, восстании 1825 г. и многое другое, что вскоре уже читалось по всей России. В том же ключе были выдержаны и публикации другого эмигранта — князя П.В.Долгорукова.

Новый этап в освоении и издании источников «эпохи дворцовых переворотов» наступил с начала 60-х гг. XIX в.: свет увидели не только многочисленные и указанные выше работы и статьи, но и объемистые публикации документов по интересующей нас эпохе, посвященные Меншикову, следственным делам Артемия Волынского, Бирона, князей Долгоруковых, обстоятельствам восшествия на престол Елизаветы.¹³⁸

Важным рубежом в освоении новой истории России стало появление специализированных исторических журналов — «Русского архива» П.И.Бартенева (1863 г.) и «Русской старины» М.И.Семевского (1870 г.). В «Русском архиве» помещались материалы о «деле» новгородского архиепископа Феодосия Яновского, выдержки из допросов арестованных в ходе переворота 1741 г. министров, биография и письма Бирона, русский перевод записок Бассевича о событиях 1725 г., мемуары С.Р.Воронцова и барона А.Ассбургера о перевороте 1762 г.¹³⁹

Вместе с журнальными публикациями П.И.Бартенев выпустил в 1868–1869 гг. сборник «Оснадцатый век», значительная часть материалов которого была посвящена той же эпохе: письма Остермана, первые манифесты Екатерины II. Он же приступил к изданию семейного архива князей Воронцовых, где, в числе прочего, помещались материалы о переворотах 1741 и 1762 гг. — например, первое российское издание записок Е.Р.Дашковой на французском языке.¹⁴⁰ В «Русской старине», помимо очерков о судьбе князей Долгоруковых при Анне и Бироне, помещались подборки материалов, посвященные таким деятелям, как Д.В.Волков, А.П.Волынский, Е.Р.Дашкова; переписка Петра III с Фридрихом II, памфлет М.М.Щербатова «О повреждении нравов в России».¹⁴¹

Таким образом, именно во второй половине XIX — начале XX в. был в основном выявлен круг мемуарных свидетельств и записок деятелей и участников событий 1725–1762 гг., которые являются наиболее известной и давно введенной в научный оборот группой из использованных в работе источников.

Немногие дошедшие до нас мемуары современников «эпохи дворцовых переворотов» в лучшем случае бесстрастно сообщали о «происшествиях»: «Ноября 8 вышеобъявленный регент Бирон в ночи взят под караул фелтмаршалом Минихом и сослан в ссылку»,¹⁴² в худшем — глухо упоминали о «великих переменах в правлении».¹⁴³ Иные же жизнеописания «летописного типа» (по классификации А.Г.Тартаковского) вообще не касались этих тем, хотя «перемены» порой напрямую затрагивали их авторов, как Г.П.Чернышева или Н.Ю.Трубецкого.¹⁴⁴ Было ли тому причиной отсутствие стимулов к мемуарному творчеству у поглощенных службой людей первой половины XVIII столетия? Или авторы записок даже наедине с собой не считали возможным дать более эмоциональную оценку — а возможно, намеренно не раскрывали своих чувств, как полагал А.Г.Тартаковский?¹⁴⁵ Но следует признать, что, за немногими исключениями (как, например, мемуары Я.П.Шаховского), записки русских людей той поры скупо освещают интересующие нас события.

До известной степени эта скудость компенсируется сочинениями иностранцев, появившимися в печати уже во второй половине XVIII в. С 1770 г. стали публиковаться (в Лондоне, Лейпциге, Амстердаме) интереснейшие

мемуары Х.-Г. фон Манштейна; в Копенгагене вышло сочинение о русском дворе Б.-Х.Миниха (1774 г.), в Париже — записки испанского посла в России времен Петра II и Анны Иоанновны Я. де Лириа (1788 г.).¹⁴⁶ В немецком издании А.-Ф.Бюшинга увидели свет важнейшие для послепетровской эпохи источники: дневник Ф.-В.Берхгольца (1785–1788 гг.), записки графа Г.-Ф. фон Бассевича (1775 г.) и Э.-И.Бирона (1783 г.). В 1789 г. были напечатаны воспоминания самого Бюшинга — очевидца переворота 1762 г.¹⁴⁷

С начала XIX в. отдельными изданиями или на страницах журналов стали появляться отечественные публикации мемуаров об относительно недавнем и «закрытом» прошлом: записки Я.П.Шаховского (1808 и 1810 гг.) и И.И.Неплюева (1823–1826 гг.), первые переводы сочинений Манштейна (1810 и 1823 гг.), Э.Миниха (1817 г.), Я.де Лириа (1822 г.). При этом некоторые из них (записки Манштейна, Э.Миниха, Я.П.Шаховского) распространялись в рукописях — так же как записки Екатерины II, неопубликованный памфлет М.М.Щербатова «О повреждении нравов в России» и записки княгини Е.Р.Дашковой¹⁴⁸ или запрещенные к распространению иностранные сочинения по русской истории.

В издательстве М.И.Семевского впервые была издана серия самых известных воспоминаний деятелей той поры: записки придворного ювелира Елизаветы и Екатерины II И.Позье и А.Т.Болотова, заново изданы мемуары Манштейна, отца и сына Минихов, Я.П.Шаховского, И.И.Неплюева.¹⁴⁹

Отмена цензурных ограничений после 1905 г. создала условия для выхода в свет совершенно непечатных прежде материалов. В течение нескольких лет выдержал пять изданий сборник «Переворот 1762 г.: Сочинения и переписка участников и современников», где впервые было наконец опубликовано так не понравившееся Екатерине II повествование К.Рюльера. За ним последовал еще один сборник воспоминаний — на этот раз о событиях 1801 г., освещение которых прежде категорически не допускалось.¹⁵⁰ Академия наук приступила к изданию «Сочинений» Екатерины II, в составе которых вышли и ее знаменитые «Записки». Стали доступны для широкой публики мемуары Е.Р.Дашковой и сочинения князя-эмигранта П.В.Долгорукова.¹⁵¹ «Русская старина» и «Русский архив» поместили интересные материалы о последних днях и часах царствования и отречении Петра III.¹⁵²

Но с 20-х годов прошлого столетия в связи с принципиальным изменением задач и направлений исторических исследований публикации по теме практически прекращаются. За несколько десятков лет можно указать лишь на единичные случаи такого рода — например, новое издание сочинений В.Н.Татищева, в том числе его записки о событиях 1730 г.¹⁵³

Возобновление публикаторской деятельности относится уже к 80-м годам XX столетия и продолжается по сей день, хотя и несколько однобоко: издаются преимущественно мемуары. Вновь были изданы записки Г.Р.Державина, мемуары Е.Р. Дашковой; вышло новое издание сочинения князя Щербатова «О повреждении нравов в России».¹⁵⁴ За ними последовали мемуары А.Т.Болотова и сочинения Екатерины II.¹⁵⁵ Переиздавались и сочинения иностранцев — книга К.Рюльера о перевороте 1762 г.; мемуары герцога де Лириа и капитана Н.Вильбуа — о событиях царствования Екатерины I и Петра II.¹⁵⁶

Появление всех этих публикаций можно только приветствовать; но, к сожалению, уровень их подготовки не всегда одинаково высок. Так, например, Н.Я.Эйдельман впервые осуществил издание подлинника знаменитого памфлета князя Щербатова. Но переиздание Г.Н.Моисеевой мемуаров Дашковой, по сути, явилось воспроизведением старой публикации 1907 г. и содержало ошибки в комментариях, из-за чего получило отрицательный отзыв.¹⁵⁷

Необходимо выделить предпринятую Фондом Сергея Дубова фундаментальную публикацию мемуаров деятелей XVIII столетия (в серии «История дома Романовых в мемуарах современников XVII—XX вв.»). В этой серии уже вышли сочинения Ф.Берхгольца, Г.Бассевича, Х.-Г.Манштейна, отца и сына Минихов, Я.П.Шаховского, В.А.Нашокина, И.И.Неплюева, подготовленные и обстоятельно прокомментированные В.П.Наумовым.¹⁵⁸ Столь же тщательно были выполнены публикация С.Р.Долговой «Поденных записок» А.Д.Меншикова и составленный Ю.Н.Беспярых сборник «Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях».¹⁵⁹ Недавно были изданы записки М.А.Муравьева.¹⁶⁰

В 1990-х гг. одновременно увидели свет несколько сборников источников, специально посвященных дворцовым переворотам XVIII в. В 1991 г. Е.В.Анисимов подготовил очередное издание мемуаров Б.-Х. и Э.Минихов, записок княгини Н.Б.Долгоруковой, М.В.Данилова, а также письма из Петербурга в Лондон леди Рондо. В том же году М.А.Бойцов впервые представил читателям свод источников о дворцовых переворотах с включением фрагментов мемуаров их участников, публицистических произведений, писем, донесений иностранных дипломатов.¹⁶¹ Л.И.Левин в приложении к своей книге о герцоге Антоне-Ульрихе Брауншвейгском опубликовал дневник секретаря брата неудачливого принца, повествующий о событиях придворной жизни в Петербурге в 1741—1742 гг.¹⁶²

Издательство «Слово» приступило к выпуску по тому же принципу серии «Русские мемуары», рассчитанной на широкий круг любителей мемуарной литературы. Первым ее выпуском стал сборник «Путь к трону», включивший в себя воспоминания пяти авторов и другие материалы по истории дворцового переворота 1762 года и воцарения Екатерины II.¹⁶³ Эти подборки носят скорее научно-популярный характер, но все же выпущены в свет с комментариями и указателями и тем выгодно отличаются от простых перепечаток изданий XIX — начала XX в.¹⁶⁴

Нетрудно убедиться, что названные нарративные источники — мемуары и записки, а также письма и другие «бумаги» современников и участников событий — прежде всего публиковались и изучались. Большинство из них были изданы уже в XIX в. и с тех пор прочно вошли в научный оборот. Обстоятельный анализ мемуаров XVIII в. предпринял А.Г.Тартаковский,¹⁶⁵ что освобождает нас от необходимости давать общую характеристику этого вида источников. Их достоинства и недостатки не раз комментировались в литературе; наши замечания будут сделаны в соответствующих главах работы.

Одновременно с усилиями исторической журналистики в XIX в. развернулась и крупнейшая официальная инициатива по изданию исторических документов. Начало ей положило издание «Полного собрания законов

Российской империи», до сих пор остающегося одним из важнейших источников, несмотря на неполноту и пропуски отдельных документов (например, манифеста Екатерины II от 6 июля 1762 г.). Законодательные материалы составляют второй комплекс используемых в работе источников. Большая часть их вошла в фундаментальные публикации, осуществленные еще в XIX — начале XX вв.: «Полное собрание законов Российской империи», «Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи», «Сенатский архив» (с 30-х гг. XVIII в. до времени Петра III и первых лет правления Екатерины II).¹⁶⁶

К нему же близко примыкают (а порой и являются неотделимыми) разнообразные материалы делопроизводства верховных и центральных государственных учреждений — в первую очередь, опубликованных и неопубликованных документов Верховного Тайного совета, Кабинета министров, Кабинета е.и.в., Сената, Конференции при высочайшем дворе, Тайной канцелярии и дворцового ведомства из РГАДА и документации Военной коллегии и гвардейских полков из РГВИА.

Здесь особо следует выделить усилия, предпринятые основанным в 1866 г. имп. Русским историческим обществом. В рамках серийного издания этого общества увидели свет бумаги Екатерины II, а также «журналы» и протоколы Верховного Тайного совета 1726—1730 гг. и Кабинета министров 1731—1741 гг.¹⁶⁷ Необходимо отметить и другие начавшиеся публикации — материалов архива императорского двора, «Сенатского архива» и подготовленной заведующим архивом Сената П.И.Барановым «Описи высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Петербургском Сенатском архиве за XVIII в.».¹⁶⁸

По инициативе директора Московского архива Министерства юстиции Н.В.Калачова была создана специальная комиссия по изданию так называемых «дел с известным титулом» — документации времени правления Ивана Антоновича (1740—1741 гг.), «арестованной» в свое время по приказу императрицы Елизаветы. Предполагалось издать около 10 тысяч документов по шести разделам; но вышли только два тома, посвященные императорскому дому и высшим государственным учреждениям.¹⁶⁹

Можно отметить и публикации, предпринятые параллельно по инициативе частных лиц. В 1872 г. были изданы собранные К.И.Арсеньевым материалы по истории царствования Анны и Елизаветы (в том числе отрывки следственных дел Миниха, Остермана и других осужденных после переворота 1741 г.). В.В.Кашпирев выпустил трехтомник «Памятники новой русской истории», где, в частности, была помещена подборка уникальных документов, повествующих о событиях в 1730 г. и политических процессах 40-х и последующих годов.¹⁷⁰

К сожалению, в советский период традиция подобных публикаций по исследуемой эпохе не получила развития. Не слишком известными (и востребованными) оставались специальные источниковедческие изыскания Г.А.Протасова, посвященные корпусу документов Верховного Тайного совета и дворянским проектам 1730 г.¹⁷¹ Эти события больше исследовались на Западе, там же появлялись и редкие новые документальные публикации.¹⁷²

Среди последних можно выделить комплекс документов из голландских архивов и собрания герцогов Брауншвейг-Вольфенбюттельских, имеющих отношение к внешнеполитической деятельности А.И.Остермана.¹⁷³

Поставленные в нашей работе задачи определили обращение к архивным материалам, с учетом отмеченной М.Ф.Румянцевой их специфики.¹⁷⁴ Огромный количественный рост делопроизводственных документов в XVIII столетии, естественно, затрудняет поиск и отбор необходимых материалов; в данном случае наши усилия были сосредоточены на поиске новых источников, позволяющих судить о «кадровой» политике отставок и назначений, финансовом «обеспечении» переворотов, конфликтных ситуациях в правящем кругу; о репрессивных акциях в адрес лиц, покушавшихся или обсуждавших возможность покушения на трон; выявлялась также личная и служебная переписка главных действующих лиц.

В то же время упрощение содержания отдельно взятого документа позволяет исследователю применять методы количественного анализа, что также было использовано в работе. Появление круга источников личного происхождения — переписки, мемуаров, дневников, эпистолярных источников (с учетом специфики нашего исследования к ним можно отнести и довольно многочисленные следственные показания) — позволяет отчасти судить о настроениях и взглядах людей той эпохи.

Основные архивные источники по теме (из числа трех названных выше групп) выявлялись автором в многочисленных фондах и коллекциях Российского государственного архива древних актов.

Это, прежде всего, коллекции бывшего Государственного архива Российской империи, среди которых можно выделить комплекс материалов о событиях 1730 г. (Ф.3). Значительный интерес для нашего исследования представляют документы личной императорской канцелярии, в том числе «записные книги указов», дополняющих «Полное собрание законов»; поданные «наверх» доклады по различным отраслям управления; многочисленные прошения и проекты в собрании императорского Кабинета, включившего в том числе и документацию «незаконного правления» 1740—1741 гг. (Ф.9, 10). Сведения о государственных расходах и тратах так называемых «комнатных сумм» содержатся в Ф.14, 19; доклады и другие материалы высших государственных учреждений — в Ф.16; дела по гвардейским полкам, среди которых нам удалось найти новые данные об участии гвардейцев в восстановлении самодержавия Анны Иоанновны, — в Ф.20. Мы рассматривали переписку, личные и служебные документы виднейших государственных деятелей — А.Д.Меншикова, А.И.Остермана, Э.-И.Бирона, А.И.Ушакова, М.И.Воронцова, Н.И.Панина, Орловых, А.П.Бестужева-Рюмина (Ф.11) — и широко использовали дела важнейших политических процессов — Девиера, Волынского, Бирона, Остермана, Бестужева-Рюмина, гвардейских офицеров — после 1762 г. (Ф.6); около 200 дел из архива Тайной канцелярии (Ф.7), а также ее протоколы и поступавшие по делам указы и резолюции, списки арестантов и ссыльных.

Были рассмотрены материалы обширного фонда Сената (Ф.248), в том числе журналы и протоколы его заседаний, документы канцелярии генерал-прокурора и Кабинета министров; выборочно привлекались отдель-

ные дела Сената по коллегиям, а также документы Камер- и Штатс-коллегий (конторы) (Ф.273, 279). Сенатские документы, в частности, помогли составить списки руководителей важнейших учреждений и губернаторов, помещенные в Приложении. В работе использованы также материалы Кабинета министров (Ф.177), Конференции при высочайшем дворе (Ф.178), Канцелярии конфискации (Ф.340), Комиссии для сочинения нового Уложения (Ф.342); коллекций — «Портфели А.Ф.Малиновского» (Ф.197), «Портфели Миллера» (Ф.199), «Сношения русских государей с правительственными местами и с частными лицами» (Ф.168); «Дела относящиеся до образования различных государственных учреждений» (Ф.370), «Кабинет Петра III» (Ф.203), «Исторические и церемониальные дела» (Ф.156), «Исторические сочинения» (Ф.375), «Дела о самозванцах» (Ф.149).

Ведомости Дворцового архива (Ф.1239) содержат сведения о раздачах и конфискациях недвижимости при опалах и ссылках, что дает возможность, вкуче с использованием других источников, ориентировочно определить «стоимость» дворцовых переворотов в России. Книги Герольдмейстерской конторы (Ф.286) представляют данные о чинопроизводстве. Личные фонды Меншикова (Ф.198), Воронцовых (Ф.1261), Паниных-Блудовых (Ф.1274) сохранили служебные документы и переписку вельмож той эпохи.

Другим важнейшим местом поиска документов по теме стал Российский государственный военно-исторический архив. Здесь в основном изучались архивы Преображенского и Семеновского гвардейских полков (Ф.2583, 2584) и Лейб-кампании (Ф.32); именные указы и журналы ежедневных приказов по полкам, послужные списки офицеров и солдат, данные о награждениях и взысканиях гвардейцев и прочая полковая документация, которая позволяет судить о повседневной жизни гвардии, взаимоотношениях ее с высшими чинами империи и самим монархом, а также об участии гвардейцев в дворцовых переворотах.

Материалы такого же рода содержатся и в коллекциях «Кабинетские дела» (Ф.24) и «Коллекция материалов Военной коллегии» (Ф.393), переданных в свое время из РГАДА и содержащих, в том числе, так называемые «дела с известным титулом», т.е. «арестованную» документацию царствования Ивана Антоновича 1740—1741 гг. (документы Кабинета, гвардейских полков, гарнизонной канцелярии Петербурга).

Нами были изучены также материалы самой Военной коллегии и ее подразделений (Ф.2, 8, 20, 21, 23): протоколы заседаний, судные дела, материалы различных комиссий и служебная документация возглавлявших коллегию должностных лиц, в том числе фельдмаршала Миниха и принца Антона Брауншвейгского. Списки генералов и штаб-офицеров сохранились в коллекциях «Формулярных списков» (Ф.489) и «Офицерских сказок» (Ф.490). Новые сведения о царствовании Петра III и событиях 1762 г. удалось найти в документах «походной канцелярии» главнокомандующего П.С.Салтыкова (Ф.39) и в фонде Разумовских (Ф.53).

Кроме перечисленных выше, мы использовали отдельные документы из фондов Российского государственного исторического архива, Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН и Отдела рукописей Российской национальной библиотеки.

Наконец, четвертую большую группу источников составили дипломатические материалы — прежде всего донесения иностранных дипломатов и составленные на их основе сочинения. Серийные публикации таких документов в сборниках РИО и других изданиях, к сожалению, далеко не полны (что уже отмечалось историками в XIX в.¹⁷⁵) и включают в основном реляции дипломатов Англии (за 1628—1746 и 1762—1769 гг.), Франции (за 1719—1732, 1739—1742 и 1762—1765 гг.); частично — Пруссии (за 1725—1730, 1740, 1762 гг.) и Саксонии (1725—1730 гг.).¹⁷⁶

В «Древней и новой истории» (под редакцией С.Н.Шубинского) увидели свет депеши прусского посланника А.Мардефельда, повествующие о коротком регентстве Бирона, и донесение очевидца переворота 1762 г. испанского посла П. де Альмодовара.¹⁷⁷ В «Русской старине» вышли реляции датского дипломата барона Вестфалена, а в сборнике П.И.Бартенева «Оснадцатый век» — донесения испанского посла герцога де Лириа о событиях 1730 г.¹⁷⁸

Реляции посланников Швеции, Австрии и Голландии (кроме 1762 г.¹⁷⁹) практически не изданы, хотя как раз две последние державы имели стабильные и даже союзнические отношения с Россией, а их дипломаты располагали неплохими связями в столице. Лишь отчасти этот недостаток восполняют выписки из их донесений, приведенные в указанных выше работах А.Г.Брикнера и некоторых других авторов. В РГАДА нами обнаружен перевод донесений австрийского резидента в Петербурге за октябрь—декабрь 1740 г.¹⁸⁰ Там же в фонде Русского исторического общества содержатся выписки из донесений саксонских дипломатов при русском дворе (40—60-х гг. XVIII в.), прусского посла Акселя Мардефельда (1745 г.) и отдельные депеши австрийского резидента Николая Гогенгольца 1721—1740 гг., переведенные на русский язык.¹⁸¹

Специфика этих источников уже неплохо изучена в научной литературе. Иностранные дипломаты (особенно имевшие надежные источники при дворе) сообщали порой уникальную информацию, не отраженную ни в каких официальных документах. Но еще С.М.Соловьев отмечал, что западноевропейцы нередко преувеличивали уровень российской политической культуры того времени: «Мы должны осторожно обходиться с известиями иностранцев о партиях в России, обыкновенно все шли вразброд, личные и фамильные интересы были на первом плане».¹⁸²

В последнее время В.П.Наумов разработал целую систему показателей, необходимых для оценки работы дипломата, полноты и достоверности его реляций. В первую группу он выделил личные факторы: жизненный и профессиональный опыт автора реляций (первое в значительной степени характеризуется возрастом, а второе — числом и важностью выполняемых в прошлом миссий); продолжительность пребывания в данном государстве, степень знакомства с условиями местной жизни, знание языка страны; уровень аналитических способностей; трудолюбие и добросовестность, умение устанавливать связи в обществе.

Для оценки условий работы дипломата важно учитывать отношения его государства со страной, где он аккредитован; титул и ранг дипломата, определяющие его положение при дворе и в высшем обществе; цели и задачи автора реляций в конкретных ситуациях; степень и характер его

участия в событиях государственно-политической жизни страны пребывания. Огромное значение имеет наличие добросовестных помощников в лице сотрудников миссии, дипломатов союзных держав и надежных «друзей»-информаторов; в этой связи существенным оказывается количество средств, отпускаемых на оплату их услуг и для обеспечения миссии режима наибольшего благоприятствования.¹⁸³ Этими критериями мы и руководствовались в работе с названными источниками.

В последнее время появился ряд публикаций такого рода. В комплексном сборнике материалов русских и испанских архивов о связях этих стран вновь были представлены читателю некоторые донесения герцога де Лириа и свидетельств другого испанского посла маркиза де Альмодовара о перевороте 1762 г.¹⁸⁴ Были изданы также сочинения герцога де Лириа и английского посла Д.Бэкингема о дворе Екатерины II.¹⁸⁵ В указанном выше сборнике М.А.Бойцов впервые поместил в переводе на русский язык «Историю низложения и гибели Петра III» очевидца событий, датского дипломата Андреаса Шумахера.¹⁸⁶

Помимо перечисленных выше источников, мы привлекали материалы русских дипломатических миссий в Париже, Лондоне, Вене, Гааге, Берлине, Копенгагене, Гамбурге, Константинополе и в Иране из фондов Архива внешней политики Российской империи (Ф.32, 35, 44, 50, 53, 74, 77, 89, 93). Рескрипты Коллегии иностранных дел и реляции российских дипломатов позволяют представить влияние внутривосточных событий на проведение внешнеполитического курса, а также впечатления и отклики за границей на происходившие в России события. Использовались также аналитические и финансовые материалы самой Коллегии (Ф.2 «Внутренние коллежские дела», Ф.15 «Приказные дела новых лет» и Ф.13 «Письма и прошения разных лиц»), перлюстрация иностранной почты (Ф.6 «Секретнейшие дела»), а также переводы иностранной прессы о событиях в России (Ф.11 «Иностранные газеты»).

Дипломатическая документация содержит интересные сведения об откликах в иностранной прессе на события в России и о внутривосточных коллизиях. Так, в делах Коллегии и переписке русского посла в Голландии нами найдены дела о счетах русских государственных деятелей в иностранных банках и попытках правительства Елизаветы вернуть эти деньги.

В целом указанный корпус как давно известных, так и вновь выявленных и вводимых в оборот источников позволяет, на наш взгляд, выполнить намеченные в нашем исследовании задачи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ПСЗ. Т.XX. № 14275.

² См.: Краткая универсальная история господина Ла Кроца. СПб., 1761. С.419; Фрейер И. Краткая всемирная история с продолжением оной до самых нынешних времен и присовокуплением Российской истории. М., 1769. С.450.

³ В нашей литературе его обычно именуют «Иваном VI Антоновичем», но по порядку от первого венчанного царя Ивана Грозного он является Иваном III и именно так назывался в официальных документах своего времени.

⁴ См.: РГИА. Ф.730. Оп.1. № 37. Л.20.

⁵ См.: Ефремов Н. Детская российская история, изданная в пользу обучающегося юношества. Смоленск, 1797. С.177-180; Краткая российская история, изданная в пользу народных училищ

Российской империи. СПб., 1799. С.173,177,180; *Мальгин Т.* Зерцало российских государей с 1789 по 1789 г. СПб., 1789. С.97-98.

⁶ См.: *Нехачин И.* Новое ядро российской истории. М., 1795. Ч.2. С.396,417; *Тальзин М.И.* Краткая история России с обозрением достопримечательных происшествий в некоторых других европейских державах. СПб., 1815. Ч.2. С.238.

⁷ См.: *Безак Х.* Краткое введение в бытописание Всероссийской империи. СПб., 1785. С.154-156,158,160; Новейшее повествовательное описание всех четырех частей света. СПб., 1795. Ч.II. С.23-24,140-142; *Словарь исторический или сокращенная библиотека...* М., 1791. Ч.VI. С.97.

⁸ См.: *Шамрай Д.* Из истории цензурного режима Екатерины II // ОР РНБ. Ф.1105. № 40. Л.194.

⁹ См.: *Семенников В.П.* Из истории цензуры в екатерининскую эпоху // Русский библиофил. 1913. № 1. С.67; РГАДА. Ф.7. Оп.2. № 2889. Л.13,27.

¹⁰ См.: *Оболенский М.А.* Материалы для русского индекса Librorum prohibitorum // Библиографические записки. 1861. № 7. С.192-194.

¹¹ См.: *Аллатов М.А.* «История, или анекдоты о революции в России в 1762 г.» Клода Карломана де Рюльера // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М., 1981. С.322-326; *Западов В.А.* Краткий очерк истории русской цензуры 60–90-х гг. XVIII в. // Уч. зап. Ленинградского педагогического ин-та им. А.И.Герцена. Л., 1971. Т.414. С.95-96.

¹² См.: *Сомов В.А.* Французская «Россия» эпохи Просвещения и царское правительство // Русские книги и библиотеки в XVI – первой половине XIX в. Л., 1983. С.119-120; *он же.* О книге Ж.Ш.Лаво «История Петра III» // Книга в России. XVI – середина XIX в.: книгораспространение, библиотеки, читатель. Л., 1987. С.102-116; *Савельева Е.А.* А.А.Куник и его собрание книг о России XVIII в. // Книга в России XVIII – середины XIX в. Л., 1989. С.108-109; РГАДА. Ф.7. Оп.2. № 3153. Л.591,593,620.

¹³ Цит. по: *Лекарский П.П.* Собственноручная записка Екатерины II об ошибках в государственном управлении после кончины Петра Великого // РС. 1880. № 12. С.1047.

¹⁴ См.: Там же; *Болтин И.Н.* Примечания на историю и древняя и нынешняя России г. Леккерка. СПб., 1788. Ч.II. С.471.

¹⁵ См.: Замечания на «Записки о России генерала Манштейна» // Перевороты и войны /Христофор Манштейн. Бурхард Миних. Эрнст Миних. Неизвестный автор. М., 1997. С.415,449,475; «О повреждении нравов в России» кн. М.Щербатова и «Путешествие» А.Радищева. М., 1985. С.84,89,96,106-108.

¹⁶ *Болтин И.Н.* Указ. соч. Ч.II. С.506-520.

¹⁷ См.: *Галем Г.А.* Жизнь графа Миниха. М., 1806. Ч.1-2; Граф А.И.Остерман // Гений времен. 1808. № 65-85; Картина жизни и военных деяний российско-императорского генералиссима князя А.Д.Меньшикова, фаворита Петра Великого. М., 1803. Ч.1-3; Краткое описание жизни графа Андрея Ивановича Остермана // Журнал для пользы и удовольствия. 1805. № 4. С.27-51; Ложный Петр III или жизнь, характер и злодеяния бунтовщика Емельки Пугачева. М., 1809. Ч.1-2; Протекший век, или исторический взгляд на важнейшие происшествия осьмого на десятое столетия. М., 1802. Ч.2. С.26-27; Ч.4. С.180-181,200-201,355-356.

¹⁸ См.: *Фейнберг И.Л.* Незавершенные работы Пушкина. М., 1962. С.135-147; *Тартаковский А.Г.* «Часть труда мною оставленного...»: Реконструкция пушкинского замысла // Родина. 1999. № 12. С.52-55.

¹⁹ См.: РГАДА. Ф.6. Оп.1. № 565. Л.1-2 об.; № 559. Л.1; № 564. Л.16-16 об.,29-30; Ф.1274. Оп.1. № 2768. Л.1 и далее.

²⁰ Цит. по: *Сербинич К.С.* Николай Михайлович Карамзин // РС. 1874. № 9. С.238-239.

²¹ Записка графа А.Воронцова о России в начале XIX в. // АКВ. 1883. Кн.29. С.455. Другое издание см.: ЧОИДР. 1859. Кн.1. С.93. Эта записка в 1826 г. читалась на заседании «Комитета 6 декабря 1826 г.» (см.: Сб. РИО. Т.74. С.5).

²² *Сперанский М.М.* Проекты и записки. М.-Л., 1961. С.153.

²³ См.: *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России. М., 1991. С.34,36.

²⁴ См.: *Волк С.С.* Исторические взгляды декабристов. М.-Л., 1958. С.414-415.

²⁵ См.: Примечания Н.М.Муравьева к «Разбору донесения следственной комиссии» // Полярная звезда. 1967. Т.5. С.68-72; *Лунин М.С.* Сочинения, письма, документы. Иркутск, 1988. С.134,143-146; *Фонизин М.А.* Сочинения и письма. Иркутск, 1982. Т.2. С.114-116,120-121. См. также: *Волк С.С.* Указ. соч. С.114.

²⁶ См.: *Герцен А.И.* О развитии революционных идей в России // *Герцен А.И.* Собр. соч. В 30-ти т. М., 1956. Т.7. С.176,178.

²⁷ См.: *Герцен А.И.* Письмо к императору Александру II // Там же. Т.13. С.44.

²⁸ См.: *Брикнер А.Г.* Э.А.Геррман // ЖМНП. 1884. № 12. С.141-144.

²⁹ См.: *Анненков И.В.* История лейб-гвардии конного полка, 1731–1848. СПб., 1849. Ч.1–4; История кавалергардов и Кавалергардского ее величества полка, с 1724 по 1 июля 1851 года. СПб., 1851; *Карцов А.П.* История лейб-гвардии Семеновского полка. СПб., 1854. Т.1–2; *Пушкарев И.И.* История императорской российской гвардии. СПб., 1844. Ч.1.

³⁰ См.: *Бантыш-Каменский Д.Н.* Словарь достопамятных людей Русской земли. М., 1836. Ч.1–5; *он же.* Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. СПб., 1840–1841.

Ч.1–4; *Терещенко А.В.* Опыт обозрения жизни сановников, управлявших иностранными делами в России. М., 1833. Т.1–3.

³¹ См.: *Арсеньев К.И.* Царствование Петра II. СПб., 1839; *Вейдемейер А.В.* Обзор главнейших происшествий в России с кончины Петра Великого до вступления на престол Елизаветы Петровны. СПб., 1832. Ч.1–3; *Устрялов Н.Г.* Начертание русской истории для средних учебных заведений. СПб., 1840. С.232-236; *он же.* Русская история. СПб., 1855. Ч.II. С.116,129,165,169.

³² См.: *Лажечников И.И.* Ледяной дом. М., 1835. Ч.1–4; *Масальский К.П.* Регентство Бирона. СПб., 1834. Ч.1–2. Оглушительный успех «Ледяного дома» Лажечникова привел к настоящему паломничеству петербуржцев к могиле А.П.Вольнского, представленного в книге в качестве горячего патриота и одновременно романтического героя-любownika (см.: *Ильинская И.* У истоков русского исторического романа // Нева. 1969. № 12. С.174).

³³ См.: *Лефорт А.А.* История царствования государыни императрицы Екатерины II. М., 1837. Ч.1. С.80,100; *Полевой Н.А.* Столетие России с 1745 до 1845 г. СПб., 1845. Ч.1; *Троицкий С.М.* Историография «дворцовых переворотов» в России XVIII в. // ВИ. 1966. № 2. С.43.

³⁴ См.: *Арсеньев К.И.* Указ. соч. С.3.

³⁵ См.: *Бушковец П.* Историк и власти: дело царевича Алексея (1716–1718 гг.) и Н.Г.Устрялов (1845–1859) // Американская русистика: веки историографии последних лет. Императорский период. Самара, 2000. С.93.

³⁶ См.: *Шишкин И.* События в Петербурге в 1740 и 1741 гг. // ОЗ. 1858. № 5. С.275-278,352.

³⁷ См.: *Семевский М.И.* Елизавета Петровна до вступления на престол // Русское слово. 1859. Кн.2. С.209-278; *он же.* Первый год царствования Елизаветы Петровны // Там же. Кн.6. С.21-326; Кн.8. С.273-352; *Тимошук В.В.* М.И.Семевский – основатель исторического журнала «Русская старина». Его жизнь и деятельность (1837–1892). СПб., 1895. С.88.

³⁸ См.: *Шебальский П.К.* Вступление на престол императрицы Анны // РВ. 1859. Т.19, ч.1. С.8-9,34.

³⁹ См.: *Курукин И.В., Мохначева М.П.* Проблемы истории России в консервативной публицистике II половины XIX – начала XX в. (журнал «Русский вестник» 1856–1906). М., 1990. С.42.

⁴⁰ Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1730 по 1862 г. СПб., 1862. С.453.

⁴¹ См.: *Зайцев А.Д.* «Русский архив» и цензура // Археографический ежегодник за 1976 г. М., 1977. С.104,107,109.

⁴² См.: ОР РНБ. Ф.73. Оп.1. № 32. Л.7,14,18; Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX в. Книги и периодические издания. М., 1981. Ч.1. С.42.

⁴³ См.: *Блудов Д.Н.* Суд над графом Девьером и его соучастниками // *Ковалевский Е.П.* Граф Блудов и его время. СПб., 1866; *Бюлер Ф.А., Максимов Н.Я.* Э.-И.Бирон, герцог Курляндский регент Российской империи // РС. 1873. № 1. С.52-61; *Герман Э.* Царствование Иоанна VI Антоновича // РА. 1866. № 1. С.1-38; № 2. С.137-141; № 5. С.661-674; № 10. С.1349-1374; № 11-12. С.1508-1538; 1867. № 2. С.161-189; Дело новгородского архиепископа Феодосия Яновского // РА. 1864. № 2. С.121-172; *Есинов Г.В.* Ссылка князя Меншикова // ОЗ. 1860. № 8. С.379-426; 1861. № 1. С.55-90; № 3. Приложение. С.1-50; Князь Долгоруковы в 1730–1740 гг. // РС. 1873. № 12. С.735-746; *Попов Н.А.* Из жизни П.А.Толстого, одного из следователей по делу царевича Алексея // РВ. 1860. Т.27, ч.1. С.319-346; *Семевский М.И.* Шесть месяцев из русской истории // ОЗ. 1867. № 13. С.160-194; № 15. С.589-613; № 16. С.739-776; № 17. С.54-93; *он же.* Император Иоанн Антонович (1740–1764): Очерк по новым материалам // РС. 1879. № 3. С.497-508; № 5. С.291-306; № 7. С.493-514; *Хмыров М.Д.* Густав Бирон, брат регента // Русский мир. 1862. № 2-3; *Шубинский С.Н.* Арест и ссылка регента Российской империи, герцога Курляндского Бирона // РС. 1871. № 5. С.537-562.

⁴⁴ См.: *Андреев В.В.* Представители власти в России после Петра I. СПб., 1870; *Васильчиков А.А.* Семейство Разумовских // Оснадаштыи век. М., 1869. Кн.II. С.376-630; *Погодин М.П.* Царевич Алексей Петрович по свидетельствам вновь открытым // ЧОИДР. 1861. Кн.3. С.25-369; *Попов Н.А.* В.Н.Татищев и его время. М., 1861; *Хмыров М.Д.* Исторические статьи. СПб., 1873; *Чистович И.А.* Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868; *Шубинский С.Н.* Граф Андрей Иванович Остерман (1686–1745). СПб., 1863; *Шебальский П.К.* Политическая система Петра III. М., 1870.

⁴⁵ См.: *Мохначева М.П.* Журналистика и историческая наука. М., 1999. Кн.2. С.189.

⁴⁶ *Скабичевский А.М.* История новейшей русской литературы (1848–1908). СПб., 1909. С.343,352.

⁴⁷ *Соловьев С.М.* Соч. В 18-ти т. М., 1993. Кн.IX. С.539.

⁴⁸ См.: Там же. Кн.X. С.67,307.

⁴⁹ См.: Там же. Кн.IX. С.539-540; Кн.X. С.70-71; Кн.XI. С.11-12,49,51; Кн.XIII. С.68-69.

⁵⁰ См.: *Карнович Е.П.* Замыслы верховников и челобитчиков в 1730 г. // ОЗ. 1872. № 1. С.209-232; № 2. С.489, 509-510; *Корсаков Д.А.* Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Казань, 1880.

⁵¹ Судьба этого исследования оказалась загадочной и даже трагичной. Изданы были лишь три тома; остальные, уже написанные, тома после кончины В.А.Бильбасова в 1904 г. пропали. В одном из некрологов имеются сведения об уничтожении их самим автором за несколько дней до смерти (см.: *Шиман Т.* Три русских историка // ИВ. 1906. № 6. С.959).

⁵² См.: *Бондаренко В.Н.* Очерки финансовой политики Кабинета Анны Иоанновны. М., 1913; *Валиевский К.Ф.* Наследие Петра Великого. СПб., 1906. Ч.1–3; *Вземский Б.Л.* Верховный Тайный совет. СПб., 1909; *Строев В.Н.* Бироновщина и Кабинет министров. М., 1909; *Фурсенко В.В.*

Дело о Лестоке 1748 г. СПб., 1912; *Щепкин Е.Н.* Падение канцлера графа А.П. Бестужева-Рюмина. Одесса, 1901.

⁵³ См.: *Вандаль А.* Императрица Елизавета и Людовик XV. М., 1911; 200-летие Кабинета его императорского величества. СПб., 1911; История Правительствующего Сената за 200 лет, 1711–1911. СПб., 1911. Т.2.

⁵⁴ См.: *Бобровский П.О.* История лейб-гвардии Преображенского полка. СПб., 1900–1904. Т.1–2; *Дирин П.Н.* История лейб-гвардии Семеновского полка. СПб., 1883. Т.1–2; *Зноско-Боровский Н.А.* История лейб-гвардии Измайловского полка, 1730–1880. СПб., 1882; *Панчулдзев С.А.* История кавалергардов. 1724–1799–1899. По случаю столетнего юбилея Кавалергардского ее величества полка. СПб., 1899–1912. Т.1–4 (рецензии Е.С. Шумигорского см.: ИВ. 1899. № 11. С.649–654; 1900. № 4 С.295–296); *Чичерин А.К., Долгов С.Н., Афанасьев А.Н.* История лейб-гвардии Преображенского полка, 1683–1883. СПб., 1883. Т.1–4.

⁵⁵ См.: *Градовский А.Д.* Начала русского государственного права // *Градовский А.Д.* Собр. соч. В 9-ти т. СПб., 1901. Т.7. С.156–158.

⁵⁶ См.: *Латкин В.Н.* Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX ст.). СПб., 1909. С.249–252, 274.

⁵⁷ *Дитятин И.И.* Статьи по истории русского права. СПб., 1895. С.614–628.

⁵⁸ См.: *Брикнер А.Г.* Император Иоанн Антонович и его родственники. М., 1874; *он же.* Император Петр III (по делехам графа Мерси // ДИНР. 1878. № 11. С.177–200; *он же.* Жизнь Петра III до вступления на престол // РВ. 1882. № 11. С.5–53; 1883. № 1. С.184–242; № 2. С.711–755; № 10. С.473–521; № 13. С.509–548; *он же.* Принц Гессен-Гомбургский в России // ИВ. 1893. № 4. С.169–176; *он же.* Дипломатия в манеже // Там же. № 11. С.559–565; *он же.* Австрийские дипломаты в России (по документам Венского архива) // ВЕ. 1893. № 12. С.508–509; *он же.* Императрица Екатерина I, 1725–1727 // Там же. 1894. № 1. С.121–148; № 2. С.615–646; *он же.* Россия и Дания при императрице Екатерине I // РМ. 1895. № 2. С.39–60; № 3. С.41–56; № 7. С.104–118; № 9. С.24–33; *он же.* Русский двор при Петре II, 1727–1730: По документам Венского архива // ВЕ. 1896. № 1. С.99–125; № 2. С.559–598; № 3. С.7–44; *он же.* Падение Бирона. 1740 (по новым данным из разных архивов) // Новое слово. 1895. № 3. С.207–226; 1896. № 4. С.134–152; № 6. С.25–45; № 8. С.52–78. О работах историка см.: *Цветаев Д.В.* А.Г.Брикнер // Русское обозрение. 1896. № 12. С.851; *Шмурло Е.Ф.* А.Г.Брикнер // ЖМНП. 1897. № 2. С.121.

⁵⁹ См.: *Ключевский В.О.* Соч. В 9-ти т. М., 1989. Т.4. С.238, 246, 280, 291, 304, 310, 312.

⁶⁰ См.: Там же. С.77, 327, 330–331; *он же.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С.389.

⁶¹ См.: *Ключевский В.О.* Соч. Т.4. С.238, 240, 272–274.

⁶² См.: *Богословский М.М.* Конституционное движение 1730 г. М., 1905. С.31; *он же.* История России XVIII в. (1725–1796). М., 1915. С.52–61; *Ковалевский М.М.* Очерки по истории политических учреждений России. СПб., 1908. С.97; *Милюков П.Н.* Верховники и шляхетство // *Милюков П.Н.* Из истории русской интеллигенции. Сб. ст. и этюдов. 2-е изд. СПб., 1903. С.13–14, 22, 33, 38.

⁶³ См.: *Любавский М.К.* Русская история XVIII в. М., 1913. Ч.1. С.3, 41, 63; *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. М., 1993. С.544, 560–561, 564.

⁶⁴ См.: *Вознесенский С.В.* Дворянская реакция после смерти Петра Великого: Из эпохи дворцовых переворотов // Русское прошлое. Пг., 1923. Кн.2. С.22–54; *Тотьме Ю.В.* «Проект о поправлении государственных дел» А.П.Волынского // Дела и дни. Пг., 1922. Кн.3. С.1–31; *Нечаев В.Н.* Публикация о винах кн. А.Д.Меншикова // Русский исторический журнал. 1921. Кн.7. С.92–113; *он же.* Следственные допросы кн. А.Д.Меншикова (по вновь найденным документам) // Там же. Кн.8. С.115–150; *Чечулин Н.Д.* Екатерина II в борьбе за престол (по новым материалам). Л., 1924.

⁶⁵ См.: *Покровский М.Н.* Русская история с древнейших времен. М., 1933. Т.2. С.267, 276; Т.3. С.14, 34.

⁶⁶ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. М., 1963. Т.37. С.443–444.

⁶⁷ См.: История СССР. М., 1939. Т.1. С.664–665; История СССР /Под ред. П.И.Кабанова и В.В.Мавродина. М., 1979. Ч.1. С.371–375; Очерки истории СССР: Россия во второй четверти XVIII в. М., 1957. С.247–251; *Семин М.* Бироновщина // Исторический журнал. 1938. № 4. С.25–39.

⁶⁸ История СССР с древнейших времен до конца XVIII в. /Под ред. Б.А.Рыбакова. М., 1983. С.320; Советская историческая энциклопедия. М., 1964. Т.5. С.18.

⁶⁹ См.: *Анисимов Е.В.* «Феномен Пикуля» глазами историка // Знамя. 1987. № 11. С.220–221.

⁷⁰ См.: *Анисимов Е.В.* Внутренняя политика Верховного Тайного совета (1726–1730): Автореферат дисс. канд. ист. наук. Л., 1975; *Кузьмин А.Г.* Первые попытки ограничения самодержавия в России // Советское государство и право. 1980. № 7. С.81–90; *Овчинников Р.В.* Крушение «полудержавного властелина» // ВИ. 1970. № 9. С.87–104.

⁷¹ См.: *Индова Е.И.* К вопросу о дворянской собственности в России в поздний феодальный период // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв. М., 1975. С.273–280; *Некрасов Г.А.* Роль России в европейской международной политике, 1725–1739. М., 1976. С.306–307.

⁷² *Зутис Я.Я.* Остзейский вопрос в XVIII веке. Рига, 1946. С.138, 184–190, 200.

⁷³ См.: *Троицкий С.М.* Историография «дворцовых переворотов» в России XVIII в. // ВИ. 1966. № 2. С.38–53.

⁷⁴ См.: История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Т.3. С.252–273; *Shmidt S.O.* La politique interieure du tsarisme au milieu du XVIII-e siecle // Annales. Economies. Societes. Civilisations. 1966. № 1. P.95–110; *он же.* Внутренняя политика России середины XVIII в. // ВИ. 1987. № 3. С.45; *он же.* Политика просвещенного абсолютизма в России середины XVIII в. // Россия и Испания: Историческая перспектива. М., 1987. С.265–266; *Каменский А.Б.* История России XVIII в. в трудах С.О.Шмидта // Источниковедение и краеведение в культуре России: Сб. к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту. М., 2000. С.480.

⁷⁵ См.: *Павленко Н.И.* А.Д. Меншиков. М., 1981; *он же.* Птенцы гнезда Петрова. М., 1984; *Эйделман Н.Я.* Грань веков: Политическая борьба в России, конце XVIII – начало XIX столетия. М., 1982.

⁷⁶ См.: *Анисимов Е.В.* Россия в середине XVIII века: Борьба за наследие Петра. М., 1986. Цит. по изданию: В борьбе за власть: Страницы политической истории России. XVIII в. М., 1988. С.69–70, 72–74.

⁷⁷ *Анисимов Е.В.* Путники, прошедшие раньше нас // Безвременье и временщики: Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720–1760-е годы). Л., 1991. С.13.

⁷⁸ См.: *Анисимов Е.В.* Россия без Петра: 1725–1740. СПб., 1994. С.27, 179; *он же.* Елизавета Петровна. М., 1999. С.18–33.

⁷⁹ См.: *Каменский А.Б.* «Под сению Екатерины...»: Вторая половина XVIII века. СПб., 1992. С.82–100.

⁸⁰ См.: *Гаврюшкин А.В.* Граф Никита Панин. Из истории русской дипломатии XVIII в. М., 1989; *Ефимов С.В.* Политический процесс по делу царевича Алексея. Автореферат дисс. канд. ист. наук. СПб., 1997; *Ибнеева Г.В.* Политические группировки при восшествии на престол Екатерины II. Автореферат дисс. канд. ист. наук. Казань, 1994; *Леев Г.А.* Абрам Петрович Ганнибал: биографическое исследование. Таллин, 1984; *Плотников А.Б.* Политические проекты Н.И.Панина. Автореферат дисс. канд. ист. наук. М., 1997; С.39; *он же.* Н.И.Панин и его проект создания Императорского совета // Сподвижники великой Екатерины. М., 1997; *Седов С.А.* Д.М.Голицын (1663–1737 гг.): государственная и общественно-политическая деятельность. Автореферат дисс. канд. ист. наук. М., 1996.

⁸¹ См.: *Андреев В.В.* Представители власти в России после Петра I. Минск, 1990; *Бантыш-Каменский Д.Н.* Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. М., 1991. Ч.1–2.

⁸² См.: *Корф М.А.* Брауншвейгское семейство. М., 1993; Холмогорская секретная комиссия: Грустная повесть об ужасной судьбе российского императора и его семьи, написанная Владимиром Стасовым для другого императора и извлеченная с архивной полки Леонидом Левиным. Архангельск, 1993. Издатели использовали разные рукописи: беловую из архива Корфа и черную из архива Стасова. Доказательства авторства Корфа см.: *Ружицкая И.В.* Барон М.А.Корф – историк: по материалам его архива. М., 1996. С.41–46.

⁸³ См.: *Анисимов Е.В.* Анна Иоанновна // ВИ. 1993. № 4. С.19–33; *он же.* Женщины на российском престоле. СПб., 1998; *Арутюнов С.* Фельдмаршал Миних в России. М., 2000; *Буганов В.И.* Екатерина I // ВИ. 1994. № 11. С.39–49; *Завадская З.М.* Жена Петра Великого на престоле. М., 2001; *Каменский А.Б.* Екатерина II // ВИ. 1989. № 3. С.62–88; *Левин Л.И.* Российский генералиссимус герцога Антон Ульрих (история «брауншвейгского семейства» в России). СПб., 2000; *Мельников А.С.* Петр III // ВИ. 1991. № 4–5. С.43–58; *он же.* «Он не был похож на государя...» Петр III: повествование в документах и версиях. СПб., 2001; На российском престоле. XVIII век. М., 1993; *Наумов В.П.* Елизавета Петровна // ВИ. 1993. № 5. С.51–71; Романовы. Исторические портреты. М., 1997. Ч.1; Российская дипломатия в портретах. М., 1992; *Шорникова И.Н., Шорников В.Г.* Звездные часы императриц. Рязань, 1995.

⁸⁴ См.: *Павленко Н.И.* Страсти у трона. История дворцовых переворотов. М., 1996. С.23, 264, 295 (рецензия А.С.Орлова на эту книгу см: ВИ. 2000. № 3. С.162–164).

⁸⁵ См.: *Павленко Н.И., Андреев И.Л., Кобрин В.Б.* История России с древнейших времен до 1861 года: Учебник для вузов /Под ред. Н.И.Павленко. М., 2003. С.300.

⁸⁶ См.: *Кром М.М.* Политическая антропология: новые подходы к изучению феномена власти в истории России // ИЗ. 2001. Вып.4 (122). С.374–377.

⁸⁷ См.: *Володьков О.П.* Фаворитизм в России XVIII века // Выдающиеся государственные деятели России XVIII–XX вв. Омск, 1996. С.46–64; *Хорошкевич А.Л.* Психологическая готовность россиян к реформам Петра Великого (к постановке вопроса) // Российское самодержавие и бюрократия: Сб. ст. в честь Н.Ф.Демидовой. М.-Новосибирск, 2000. С.159–176; *Луксин П.В.* Народные представления о государственной власти в России XVII в. М., 2000; *Марасинова Е.Н.* Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII в. М., 1999; *Коваленко Т.А.* Менталитет русского дворянства в контексте культуры середины XVIII в. Автореферат дисс. канд. ист. наук. М., 1999; *Мигунова Т.Л.* Российское общество накануне реформ Екатерины Великой. М., 2002; Психология Петербурга и петербуржцев за три столетия. СПб., 1999; *Wortman R.S.* Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Princeton. 1995. Vol.1. (перевод см.: *Уортман Р.С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М., 2002. Т.1). Появились уже первые отечественные (хотя довольно слабые) разработки по теме «репрезентации» русской монархии в XVIII в. (см.: *Мельникова О.Б.* Образ империи: церемониальные процессии в России в XVII–XVIII вв. (сравнительный анализ) // Образы власти в политической культуре России. М., 2000. С.95–115).

⁸⁸ См.: *Черноус В.В.* Правящие элиты дореволюционной России. Ростов н/Д., 1999. С.60.

⁸⁹ См.: *Афанасьев М.Н.* Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России. М., 2000.

⁹⁰ См.: *Шанский Д.Н.* К характеристике высших учреждений России XVIII в. (20–60-е гг.) // Государственные учреждения России XVI–XVIII вв. М., 1991. С.129-132.

⁹¹ См.: *Анисимов Е.В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997; *Наумов В.П.* Организация и внутриполитическая деятельность Конференции при высочайшем дворе (1756–1762 гг.). Автореферат дисс. канд. ист. наук. М., 1991; *он же.* Совет при Петре III // Российское самодержавие и бюрократия. С.257-267.

⁹² См.: *Кричевцев М.В.* Кабинет Елизаветы Петровны и Петра III. Новосибирск, 1993.

⁹³ См.: *Петрухинцев Н.Н.* Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота 1730–1735 гг. СПб., 2001. С.37-65.

⁹⁴ См.: *Смирнов Ю.Н.* Русская гвардия в XVIII в. Куйбышев, 1989. С.58-59,67,71-72; *он же.* Особенности социального состава и комплектования русской гвардии в первой половине XVIII в. // Классы и сословия России в период абсолютизма. Куйбышев, 1989; *он же.* Армия и дворцовые перевороты в XVIII в. // Общественно-политические движения России XVIII–XX вв. Самара, 1993. С.12-13.

⁹⁵ См.: История внешней политики России. XVIII век (от Северной войны до войн России против Наполеона). М., 1998. С.86,108.

⁹⁶ См.: *Черкасов П.П.* Двуглавый орел и королевские лилии: Становление русско-французских отношений в XVIII в. 1700–1775. М., 1995.

⁹⁷ См., например: *Собко Е.М.* Нидерланды во внешнеполитической стратегии России в 1725–1730 гг. // ВИ. 2001. № 11-12. С.139-143; *Шатохина-Мордвинцева Г.А.* Внешняя политика Нидерландов, 1713–1763 гг. М., 1998; *Яковлев Н.Н.* Европа накануне Семилетней войны. М., 1997.

⁹⁸ См.: *Медушевский А.Н.* Конституционные проекты в России // Конституционные проекты в России XVIII – начала XX вв. М., 2000. С.167; *он же.* Утверждение абсолютизма в России: Сравнительное историческое исследование. М., 1994. С.84.

⁹⁹ См.: Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация. В 2-х т. М., 1996. Т.1. С.123,133-137.

¹⁰⁰ См.: Власть и реформы: От самодержавия к советской России. СПб., 1996. С.153-154,158,160.

¹⁰¹ См.: *Бойцов М.А.* «...Клиш страшный глас» // Дворцовые перевороты в России 1725–1825 /Сост., вступ. ст., комм. М.А.Бойцова. Ростов н/Д., 1998. С.12-14, 19. Первое издание вышло под названием: Со шпагой и факелом: Дворцовые перевороты в России 1725–1825. М., 1991.

¹⁰² См.: *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII в. М., 1999. С.91,187,192-193,212,251,314. В рецензии на эту книгу В.И.Моряков не согласился с ее основными выводами, воспроизведя традиционный подход к проблеме: по его мнению, после Петра I вплоть до Елизаветы Петровны «оппозиционно настроенные к петровским преобразованиям круги пытались изменить установленный Петром порядок», а внутренняя политика этих лет была направлена исключительно на «возвышение дворянства, превратившегося в привилегированное сословие» (см.: ВИ. 2002. № 2. С.169-173).

¹⁰³ См., например: *Curtiss M. A* Forgotten Empress. Anna Ivanovna and her Era. N. Y., 1974; *Daniel W. Grigoriï Teplov: A Statesman at the Court of Catherine the Great.* Newtonville, 1991; *Die russischen Zaren, 1547–1917* /Hrsg von H. Torke. Munchen, 1995; *Klueting E.* Heinrich graf Ostermann: von Bochum nach St. Petersburg. Bochum, 1976; *Longworth P.* The Three Empresses. Catharina I, Anna and Elizabeth of Russia. Lnd., 1972; *Ransel D.* The Politics of Catherinian Russia: The Panin Party. New-Haven, 1975; *Talbot Rice T.* Elizabeth, Empress of Russia. N. Y., 1970; *Troyat H.* Terribles Tsarines. Paris, 1998.

¹⁰⁴ См.: The Cambridge Modern History. Cambridge, 1957. Vol.VII. P.326, 330-334. См. также учебник для американских студентов: *Вернадский Г.В.* Русская история. М., 2001. С.161.

¹⁰⁵ См.: *Anderson M.* Europe in the Eighteenth Century. Lnd., 1970. P.180; *Dixon S.* The Modernisation of Russia, 1676–1825. Cambridge, 1999. P.15; *Early Modern Europe. An Oxford History* /Ed. by E.Cameron. Oxford, 1999. P.313; *The Eighteenth Century* /Ed. by T.C.Blanning. Oxford, 2000. P.15.

¹⁰⁶ См., например: *Anderson M.* Op. cit. P.180.

¹⁰⁷ См.: *Alexander J.* The Petrine Era and After // Russia. A History /Ed. by G.L.Freeze. N. Y., 1997. P.110; *Dukes P.* The Making of Russian Absolutism. Lnd., 1982. P.106; *Meehan-Waters B.* Autocracy and Aristocracy: The Russian Service Elite of 1730. New-Brunswick, 1982. P.145; *Ransel D.* «The Government Crisis of 1730» // Reform in Russia and the USSR: Past and Prospects. Chicago, 1989. P.60,66-67.

¹⁰⁸ См.: *Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. Lnd., 1998. P.420; *Kivelson V.* Kinship Politics / Autocratic Politics: A Reinterpretation of Eighteenth Century Political Culture // Imperial Russia: New Histories for the Empire. Bloomington, 1998. P.15,18; *Meehan-Waters B.* Op. cit. P.158; *Ransel D.* Character and Style of Patron-Client Relations in Russia // Klientelsysteme in Europa der Frühen Neuzeit. München, 1988. S.224; *Хоскинз Д.* Система патроната и Российское государство // Россия и мировая цивилизация: К 70-летию чл.-кор. РАН А.Н.Сахарова. М., 2000. С.413-433.

¹⁰⁹ См.: *Marker G.* The Age of Enlightenment. 1740–1801 // Russia. A History. P.128.

¹¹⁰ См.: *Ле Донн Д.* Правящий класс России: характерная модель // Международный журнал социальных наук. 1993. № 3. С.177-179.

¹¹¹ См.: *Le Donne J.* The Evolution of the Governor's Office, 1727–1764 // Canadian-American Slavic Studies. 1978. Vol.12, № 1. P.87-115; *он же.* Ruling Families in the Russian Political Order 1689–1725 // Cahiers du monde russe et soviétique. 1987. Vol.28, № 3-4. P.264-265,274-275,284,292; *он же.* Absolutism and Ruling Class. The Formation of the Russian Political Order, 1700–1825. N. Y., 1991.

¹¹² См.: *Dixon S.* Op. cit. P.137.

¹¹³ См.: *Keep J.* The Secret Chancellery, the Guards and the Dynastic Crisis of 1740–1741 // Forschungen zur Geschichte Osteuropa. Berlin, 1978. Bd.25. S.169-193.

¹¹⁴ См.: *Leonard C.S.* Reform and Regicide. Bloomington, 1993; *Мыльников А.С.* Искушение чудом: «Русский принц», его прототипы и двойники-самозванцы. Л., 1991 (рецензию И.В.Карацуба на книгу Леонарда см.: ВИ. 1994. № 9. С.180-182).

¹¹⁵ См.: *Лиштенан Ф.-Д.* Россия входит в Европу: Императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство, 1740–1750. М., 2000. С.96,106,160.

¹¹⁶ См.: *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I. С.176-177.

¹¹⁷ См.: *Павленко Н.И., Андреев И.Л., Корбин В.Б.* Указ. соч. С.296-303.

¹¹⁸ См.: История Европы. М., 1994. Т.4. С.397.

¹¹⁹ См.: *Буганов В.И., Зырянов П.Н.* История России. Конец XVII – XIX в. М., 1997. С.45.

¹²⁰ См.: *Бушуев С.В.* История государства Российского: Историко-библиографические очерки. М., 1984. С.369-370,373; *Мунчаев Ш.М., Устинов В.М.* История России: Учебник для вузов. М., 2002. С.116; *Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А.* История России. М., 2001. С.145-147; *Орлов А.С., Георгиев В.А., Полунин А.Ю., Терещенко Ю.Я.* Основы курса истории России. М., 1997. С.182; *Семенникова Л.И.* Россия в мировом сообществе цивилизаций. М., 1996. С.218; Россия в мировой истории: Учебник для вузов /Под ред. В.С.Порохина. М. 2003. С.112-116.

¹²¹ *Гордин Я.А.* Власть и гвардия // Знание – сила. 1991. № 12. С.71.

¹²² См.: *Исаев И.А.* История государства и права России: Полный курс лекций. М., 1994. С.106; *он же.* История России: традиции государственности. М., 1995. С.52; Политология на российском фоне. М., 1993. С.66,182.

¹²³ См.: *Ештокин С.А.* Абсолютизм в России (1725–1825 гг.): Учебное пособие. М., 2001. С.30-95.

¹²⁴ См.: История государства и права России: Учебник /Под ред. Ю.П.Титова. М., 2001; История отечественного государства и права /Под ред. О.В.Чистякова. М., 1996. Ч.1; Российская государственность в терминах: IX – начало XX вв.: Словарь. М., 2001.

¹²⁵ *Исаев И.А.* История государства и права России: Учебное пособие. М., 2002. С.114-115.

¹²⁶ См.: *Буровский А.М.* Несостоявшаяся империя – 2. Незнакомая Россия: историческое исследование. Красноярск–М., 2001. С.83,427; *Ильин В.В., Панарин А.С., Ахизер А.С.* Реформы и контрреформы в России: циклы модернизационного процесса. Теоретическая политология. М., 1996. С.36; *Мунчаев Ш.М., Устинов В.М.* Политическая история России: от становления самодержавия до падения Советской власти. М., 1999. С.48.

¹²⁷ См.: *Аспидов Ф., Степанов Д.* Подъем – переворот // Знание – сила. 1993. № 7. С.91-93; *Волгин И.* Кто убил Петра III? // Президент. 1994. № 1. С.19-22; *Ежов В.В.* Самые знаменитые заговоры и перевороты России. М., 2002. С.100 и далее; *Соловьев О.Ф.* Кинжал под кринолином // Наука и религия. 1995. № 1. С.32-37; № 2. С.34-37; № 3. С.46-48; *Тюрин В.* Два долгих дня, или Неотпризнанные именованные // Знание – сила. 1993. № 8. С.107-117; Царевубийства. Гибель земных богов. М., 1998. С.265-314; *Янов А.* Драма Смутного времени. Дело 1730 г. // Полис. 1994. № 1. С.159-177.

¹²⁸ См.: *Авенариус В.П.* Бироновщина. Два регентства. Опальный. М., 1994; *Волконский М.Н.* Соч. В 4-х т. М., 1992; Иоанн Антонович. 1740–1764: Романы, повесть. М., 1994; Елизавета Петровна (1709–1761): Сб. романов. М., 1994; Петр II (1715–1730): Сб. исторических романов. М., 1995; Петр III (1728–1762): Сб. романов. М., 1995; *Полещев П.В.* Романы. М., 1995; *Салиас Е.А.* Петербургское действо. М., 1994; *Соловьев В.С.* Юный император. М., 1993 и др.

¹²⁹ Режиссер-постановщик сериала «Тайны дворцовых переворотов» С.Дружинина мыслила свой фильм как повесть «о нелегкой женской доле» русских императриц: «Неправда, что все они были дуры буржуазные... Каждая совершенно искренне заботилась о государстве российском по мере своих возможностей и талантов. Фаворитизм был развит тоже, потому что ничто человеческое им не чуждо. Но все решения, которые принимались нашими императрицами, были на пользу отечеству» (см.: Комсомольская правда. 1996. 10 июля).

¹³⁰ См., например: *Иванов О.* Загадка писем А.Орлова из Ропши // Московский журнал. 1995. № 9. С.13-19; № 11. С.10-18; № 12. С.9-17; 1996. № 1. С.37-43; № 2. С.32-39; № 3. С.25-29.

¹³¹ См.: *Волкова И.В., Курукин И.В.* Феномен дворцовых переворотов в политической истории России XVIII–XX вв. // ВИ. 1995. № 5-6. С.40-61.

¹³² См.: *Курукин И.В.* Анна Леопольдовна // ВИ. 1997. № 6. С.28-40; *он же.* Из дневника московского обывателя: 1741 год // Отечественное Краеведческий альманах. М., 1997. С.264-268; *он же.* Дворцовый переворот 1741 г.: причины, «технология», уроки // ОИ. 1997. № 5. С.3-23; *он же.* Дворцовые перевороты в России XVIII века // Основы государства и права. 1998. № 3. С.59-63; №4. С.59-62; *он же.* Проблемы и направления изучения событий 1730 г. // Политические институты и социальные страты России (XVI–XVIII вв.): Тезисы международной конф. 2–3 октября 1998 г. М., 1998. с.71-73; *он же.* Петр I и послепетровская эпоха в восприятии современников и ближайших потомков // Петр Великий – реформатор России: к 300-летию Великого посольства

Петра I в Западной Европе: Тезисы докладов международной науч. конф. (Москва, 18–20 ноября 1998 года). М., 1998. С.68–69; *он же*. К вопросу о патриотизме, или свидетельства источников об общественных настроениях в период дворцовых переворотов // Источниковедение и краеведение в культуре России. С.143–145; *он же*. Фаворит на десять лет: незлобивое слово о герцоге Эрнсте Иоанне Бироне // Родина. 2000. № 9. С.37–42; *он же*. «Время, чтоб самодержавию не быть» (генералитет, дворянство и гвардия в 1730 г.) // ОИ. 2001. № 4. С.3–18; № 5. С.12–21; *он же*. Загадка завещания императрицы // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания: Доклады и тезисы XIV науч. конф. Москва, 18–19 апреля 2002 г. М., 2002. С.287–290; *он же*. Гульлены барона Остермана (дело о беглых капиталах вице-канцлера) // Родина. 2002. № 9. С.16–21; *он же*. Из истории складывания режима «биرونщины» // ОИ. 2003. № 2. С.3–19; *он же*. «Государыню заколоть шпагою...» // Родина. 2003, № 4. С.54–57.

¹³³ См.: *Эйдельман Н.Я.* Герцен против самодержавия. Секретная политическая история России XVIII–XIX вв. и Вольная печать. М., 1984. С.146.

¹³⁴ См.: *Порошин С.А.* Записки, служащие к истории его императорского высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича. СПб., 1881. С.118,126,237,336.

¹³⁵ *Дмитриев И.И.* Взгляд на мою жизнь. М., 1866. С.21. О наличии таких преданий на примере собственной семьи рассказывали декабрист М.А. Фонвизин и историк К.Н. Бестужев-Рюмин (см.: *Фонвизин М.А.* Сочинения и письма. Т.2. С.127–129, 135; *Бестужев-Рюмин К.Н.* Воспоминания (до 1860 года) // Сб. ОРЯС. СПб., 1900. Т.67. С.4).

¹³⁶ См.: *Долгоруков П.В.* Правда о России. Париж, 1861. Ч.1–2; *Желвакова И.А.* Рассекречивание прошлого в годы первой революционной ситуации (на примере публикаций Исторических сборников «Вольной русской типографии в Лондоне» о перевороте 1801 г. // Революционная ситуация в России 1859–1861 гг. М., 1974. С.211–222; *Эйдельман Н.Я.* Герцен против самодержавия. С.56–73. Примером собирания такого рода повествований вместе с официальными актами и запрещенными переводными сочинениями может служить один из рукописных сборников, сохранившийся среди бумаг министра полиции Александра I А.Д. Балашова. Он включает любопытную подборку материалов, в том числе «Манифест» по делу царевича Алексея, «Историю жизни, царствования и низвержения с престола Иоанна VI, императора России», «Рассказы о знаменитых людях России прошлого века», «Краткую историю Елизаветы Алексеевны Таракановой» (см.: Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф.16. Оп.1. № 235).

¹³⁷ См.: *Вильбуа Н.* Краткий очерк или анекдоты о жизни князя Меншикова и его детей // РВ. 1842. № 2. С.151–173; Записки артиллерии майора Данилова. М., 1842; *Нащокин В.А.* Записки. СПб., 1842; Записки дьяка Лирийского и Бервикского во время пребывания его при императорском российском дворе. СПб., 1845; *Феофан Прокопович.* Краткая повесть о смерти Петра Великого... с присовокуплением описания порядка, держанного при погребении... Петра Великого... СПб., 1831; *он же*. История о избрании и восшествии на престол блаженной и вечно достойной памяти государыни императрицы Анны Иоанновны. СПб., 1837.

¹³⁸ См.: *Берхгольц Ф.В.* Дневник камер-юнкера Ф.В. Берхгольца. М., 1857–1860. Ч.1–4; Записка об Артемии Вольском // ЧОИДР. 1858. Кн.2. С.135–170; Две записки Татищева, относящиеся к царствованию императрицы Анны // Утро: Литературный сб. М., 1859; Обстоятельства, подготовившие опалу Эрнста Иоанна Бирона, герцога Курляндского // Время. 1861. № 12. С.522–622; *Пекарский П.П.* Марксы де ла Шетарди в России, 1740–1742. СПб., 1862; Показание князя И.А. Долгорукого и мнение о том Тайной канцелярии // ЧОИДР. 1864. Кн.1. С.1–7; *Шебальский П.К.* Дело о курляндском герцоге Э.И. Бироне // ЧОИДР. 1862. Кн.1. С.28–128.

¹³⁹ См.: *Асеебург А.Ф.* Записка о воцарении Екатерины II // РА. 1879. № 3. С.362–269; *Воронцов С.Р.* Автобиография // Там же. 1876. № 1. С.33–59; Для биографии герцога Бирона // Там же. 1867. № 3. С.469–473; Записки графа Бассевича // Там же. 1865. № 1. С.1–54; № 2. С.141–204; № 5–6. С.567–656; Исторические документы 1742 г. // Там же. 1864. № 5–6. С.235–272.

¹⁴⁰ См.: Автобиография кн. Е.Р. Дашковой // АКВ. 1881. Кн.21. С.5–365; Манифесты по поводу восшествия на престол Екатерины II // Оснадацый век. М., 1869. Кн.III. С.216–224; Первые дни Екатерининского царствования // Там же. Кн.IV. С.207–215; Письмо А.И. Остермана к неизвестному лицу // Там же. Кн.III. С.150.

¹⁴¹ См.: Княгиня Е.Р. Дашкова // РС. 1874. № 3. С.407–464; *Рудаков С.А.* Д.В. Волков, секретарь Петра III: Материалы к его биографии // Там же. № 11. С.478–496; *Турбин С.И.* А.П. Вольский: Материалы к его биографии // Там же. 1872. № 6. С.934–951; Фридрих II и Петр III // Там же. 1871. № 3. С.283–309.

¹⁴² Записная книга И.М. Грязнова, 1730–1752 // Шукинский сборник. М., 1907. Вып.6. С.29.

¹⁴³ См.: *Данилов М.В.* Записки // Безвременье и временщики: Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720–е – 1760–е гг.). Л., 1991. С.312; *Нащокин В.А.* Записки. С.66.

¹⁴⁴ См.: Журнал генерал-фельдмаршала кн. Н.Ю. Трубецкого 1717–1763 // РС. 1870. № 1. С.33–41; Записки графа Г.П. Чернышева // Там же. 1872. № 6. С.792–802.

¹⁴⁵ См.: *Тартаковский А.Г.* Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. М., 1991. С.48–49.

¹⁴⁶ См.: *Наумов В.П.* Последпетровская Россия глазами российских немцев // Перевороты и войны. С.495; Geschichte der Thronmsetzung und des Todes Peter des Dritten von Andreas Schumacher.

Hamburg, 1858; *Ebauche pour donner une idee de la forme du gouvernement de l'empire de Russie.* Copenhagen, 1774; *Lihria de.* Memoires du duc de Lihria et de Berwick, ecrits par lui-même. Paris, 1788.

¹⁴⁷ См.: *Белковец Л.П.* Россия в немецкой исторической журналистике XVIII в. Томск, 1988. С.218–220,239–241; *Büsching A.-F.* Anton-Friedrich Büsching's eigene Lebensgeschichte. Halle, 1789.

¹⁴⁸ См.: *Тартаковский А.Г.* Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. С.86.

¹⁴⁹ См.: *Болотов А.Т.* Записки. СПб., 1871–1873. Ч.1–4; Записки Ивана Ивановича Неплюева. СПб., 1893; *Манштейн К.Г.* Записки о России. СПб., 1875; *Миних Б.Х.* Записки фельдмаршала графа Миниха. СПб., 1874; *Миних Э.* Россия и русский двор в первой половине XVIII века. СПб., 1891; *Поше И.* Записки придворного брильянщика о пребывании его в России с 1729 по 1765 г. // РС. 1870. № 1,2,3; *Шаховской Я.П.* Записки князя Якова Петровича Шаховского, полицмейстера при Бироне, обер-прокурора sine. Синода, генерал-прокурора и конференц-министра при Елизавете, сенатора при Екатерине II. СПб., 1872.

¹⁵⁰ См.: Переворот 1762 г.: Сочинения и переписка участников и современников. М., 1908; Царевубийство 11 марта 1801 г. СПб., 1908.

¹⁵¹ См.: *Горюнов С.М.* Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны и английского посла сэра Ч. Уильямса // ЧОИДР. 1909. Кн.2. С.1–360; *Дашкова Е.Р.* Записки. СПб., 1907; *Долгоруков П.В.* Время императора Петра II и императрицы Анны Иоанновны. М., 1909; Записки императрицы Екатерины II. СПб., 1907.

¹⁵² См.: Император Петр III // РА. 1909. № 7. С.518–534; Три письма графа А.Г. Орлова к Екатерине II // Там же. 1911. № 5. С.24–26; Три письма Петра III из Ропши к Екатерине II // Там же. С.21–24. ¹⁵³ См.: *Татищев В.Н.* Записки. Письма 1717–1750 гг. М., 1980.

¹⁵⁴ См.: *Дашкова Е.Р.* Записки 1743–1810. Л., 1985; Записки княгини Дашковой. Письма сестер Вильмот из России / Под ред. С.С. Дмитриева. М., 1991; *Державин Г.Р.* Избранная проза. М., 1984; «О поведении нравов в России» князя М.Шербатова и «Путешествие» А.Радищева. М., 1985.

¹⁵⁵ См.: *Болотов А.Т.* Записки, 1737–1798. В 2-х т. Тула, 1988. Т.1–2; *Екатерина II.* Записки. Репринтное воспроизведение издания 1907 г. М., 1989; *она же.* Соч. М., 1990.

¹⁵⁶ См.: *Вильбуа Н.* Рассказы о российском дворе // ВИ. 1991. № 12. С.192–206; 1992. № 1. С.139–155; № 4–5. С.137–148; Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989.

¹⁵⁷ См.: ВИ. 1987. № 6. С.131–134.

¹⁵⁸ См.: Неистовый реформатор / Иоганн Фоккеродт. Фридрих Берхгольц. М., 2000; Перевороты и войны / Христофор Манштейн. Бурхард Миних. Эрнст Миних. Незвестный автор. М., 1997; Империя после Петра 1725–1765 / Яков Шаховской. Василий Нащокин. Иван Неплюев. М., 1998. Юность державы / Фридрих Берхгольц. Геннинг Бассевич. М., 2000.

¹⁵⁹ См.: *Бесятовых Ю.Н.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. СПб., 1997 (см. нашу рецензию: ОИ. 1999. № 1. С.159–160); Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова, 1716–1720, 1726–1727 гг. // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 2000. Вып.Х.

¹⁶⁰ См.: *Муравьев М.А.* Записки // Российский архив. 1994. Вып. V. С.7–81.

¹⁶¹ См.: Безвременье и временщики: Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720–1760-е годы). Л., 1991; Со шпагой и факелом: Дворцовые перевороты в России 1725–1825 / Сост., вступ. ст., комм. М.А. Бойцова. М., 1991. Второе издание см.: Дворцовые перевороты в России 1725–1825. Ростов н/Д., 1998.

¹⁶² См.: *Левин Л.И.* Российский генерал-искусник герцог Антон Ульрих (история «брауншвейгского семейства» в России). СПб., 2000. С.289–319.

¹⁶³ См.: Путь к трону: История дворцового переворота 28 июня 1762 года / Сост., предисл., комм. Г.А. Веселой. М., 1997.

¹⁶⁴ См.: Время императора Петра II и императрицы Анны Иоанновны: Из записок князя П.В. Долгорукова // Переворот 1762 года: Сочинения и переписка участников и современников. М., 1997; Записки о России генерала Манштейна. М., 1998.

¹⁶⁵ См.: *Тартаковский А.Г.* Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в.

¹⁶⁶ См.: ПСЗ. СПб., 1830. Т.VII–XVII; Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1876–1911. Т.4–10; Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1899–1912. Т.1–4; Сенатский архив. СПб., 1890–1913. Т.3–15.

¹⁶⁷ См.: Бумаги императрицы Екатерины II // Сб. РИО. 1871. Т.7; Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны, 1731–1740 гг. / Под ред. А.Н. Филиппова. Т.1–12 // Сб. РИО. 1898–1915. Т.104,106,108,111,114,117,120,124,126,130,138,146; Протоколы, журналы и указы Верховного Тайного совета, 1726–1730 гг. / Под ред. Н.Ф. Дубровина. Т.1–8 // Сб. РИО. 1886–1898. Т.55,56,63,69,79,84,94,101.

¹⁶⁸ См.: Высочайшие повеления по придворному ведомству (1723–1730). СПб., 1886; Высочайшие повеления по придворному ведомству. Списки и выписки из архивных бумаг (1701–1740). СПб., 1888; Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. СПб., 1875–1878. Т.1–3; Сенатский архив. СПб., 1890–1892,1907–1913. Т.3–5,12–15.

¹⁶⁹ См.: Внутренний быт русского государства с 17 октября 1740 г. по 25 ноября 1741 г. по документам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1880–1886. Кн.1–2.

¹⁷⁰ См.: Пекарский П.П. Исторические бумаги, собранные К.И.Арсеньевым // Сб. ОРЯС. СПб., 1872. Т.9; Памятники новой русской истории: Сборник ст. и материалов /Изд. В.В.Кашпирев. СПб., 1871—1873. Т.1—3.

¹⁷¹ См.: Протасов Г.А. «Кондиции» 1730 г. и их продолжение // Уч. зап. Тамбовского педагогического ин-та. Тамбов, 1957. Вып.15. С.215-231; он же. Записки Татищева о «произвольном рассуждении» дворянства в событиях 1730 г. // Проблемы источниковедения. М., 1963. Вып.ХI. С.246-253; он же. Верховный Тайный совет и его проекты 1730 года (источниковедческое изучение) // Источниковедческие работы. Тамбов, 1970. Вып.1. С.65-103; он же. Дворянские проекты 1730 г. (источниковедческое изучение) // Там же. 1971. Вып.2. С.61-102; он же. Существовал ли «политический план» Д.М.Голицына? // Там же. 1973. Вып.3. С.90-107; Татищев В.Н. Избранные произведения. Л., 1979. С.146-153.

¹⁷² См.: Dukes P., Meehan-Waters B. A Neglected Account of the Succession Crisis of 1730: James Keith's Memoir // Canadian-American Slavic Studies. 1978. Vol.12. № 1. P.170-182.

¹⁷³ См.: Kluefing H., Kluefing E. Graf Oestermann. Urkunden und Regesten. Amsterdam, 1972. Vol.1—2.

¹⁷⁴ См.: Румянцева М.Ф. Общие свойства исторических источников нового времени // Проблемы источниковедения и историографии. Материалы II науч. чтений памяти академика И.Д.Ковальченко. М., 2000. С.258-269.

¹⁷⁵ См.: Брикнер А.Г. Императрица Екатерина II // ВЕ. 1892. № 4. С.623.

¹⁷⁶ См.: Герман Э. Донесения прусского королевского посланника при русском дворе барона Густава фон Мардефельда с 24 декабря 1717 по 1730 г. // Сб. РИО. Т.15; он же. Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии // Там же. Т.3,5; Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе. Ч.1,6,9—10 // Там же. Т.12,66,85,91; Дипломатическая переписка французских представителей при дворе императрицы Екатерины II. Т.1—3 // Там же. Т.140—142; Донесения французских посланников и поверенных при русском дворе // Там же. Т.52,58,64,75,81,86,92,96.

¹⁷⁷ См.: Есинов Г.В. Депеши прусского посланника при русском дворе Акселя фон Мардефельда 1740 года // ДИНР. 1876. № 1. С.100-104; № 4. С.401-402; № 5. С.94-96; № 6. С.198-200; № 7. С.282-286; № 8. С.392; Дмитриев Д. Известие иностранного дипломата о восшествии на престол Екатерины II // Там же. 1877. № 2. С.225-228.

¹⁷⁸ См.: Корсакова В.Д. Дипломатические депеши посланника при русском дворе Вестфалена о воцарении императрицы Анны Иоанновны // РС. 1909. № 1. С.194-211; № 2. С.279-298; № 3. С.537-554; Письма о России в Испанию испанского посланника в России при императоре Петре II и в начале царствования Анны Иоанновны // Оснадацатый век. Кн.II. С.1-214; Кн.III. С.27-129.

¹⁷⁹ См.: Дипломатическая переписка австрийских послов и посланников при русском дворе // Сб. РИО. Т.18,46; Шумигорский Е.С. Донесения датского посла Гакстгаузена о царствовании Петра III и перевороте 1762 г. // РС. 1914. № 6. С.539-57; № 10. С.70-80; № 11. С.262-283; № 12. С.504-512; 1915. № 2. С.274-282; № 3. С.532-544; № 4. С.33-37; № 5. С.295-298.

¹⁸⁰ См.: РГАДА. Ф.32. Оп.5. № 16.

¹⁸¹ См.: РГАДА. Ф.1292. Оп.1. № 95.

¹⁸² Соловьев С.М. Соч. Кн.Х. С.194.

¹⁸³ См.: Наумов В.П. Некоторые особенности источниковедческого анализа дипломатических реляций XVIII в. // Источниковедение и краеведение в культуре России. С.146. Появились первые исследования о самих дипломатах и их работе в России (см.: Андросов С.А. Ж.-Б. Маньян: Француз в России в первой трети XVIII в. // Россия — Франция. Век Просвещения. М., 1992. С.3-10).

¹⁸⁴ См.: Россия и Испания: Документы и материалы. В 2-х т. М., 1991. Т.1. С.123-132,182-188.

¹⁸⁵ См.: Соколов А.Б. Английский дипломат о политике и дворе Екатерины II // ВИ. 1999. № 4-5. С.115-128; Хакобо Джеймс Стюарт, герцог де Лириа-и-Херика. Донесение о Московии в 1731 году // Там же. 1997. №5. С.73-94. К сожалению, составители сборника документов о русско-испанских отношениях не указали, что донесение де Альмодовара уже публиковалось в XIX в. в журнале «Древняя и новая Россия».

¹⁸⁶ См.: Дворцовые перевороты в России 1725—1825. С.291-327.

ГЛАВА II

ПОЯВЛЕНИЕ ДВОРЦОВЫХ ПЕРЕВОРОТОВ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Вопрошение было у мудрых сицево: «Которым делом смута и мятеж в государстве делается?» Ему же ответование: «Егда честные люди в государстве заслуженные от чинов великих и честных откинутые, а мелкие люди бывають подвышненыя».

Сильвестр Медведев

Власть и традиция: до и после Смуты

В отечественной науке высказывалась точка зрения об отсутствии оснований для традиционно существующих рамок «эпохи дворцовых переворотов», поскольку «острая борьба между интересами отдельных придворных группировок имела место и до, и после этих переворотов. Достаточно напомнить о борьбе бояр за власть в малолетство Ивана IV и после его смерти, вплоть до воцарения Михаила Романова в 1613».¹

Количество примеров жестокой политической борьбы нетрудно увеличить, будь то убийство Андрея Боголюбского в 1174 г. или свержение и ослепление московского великого князя Василия II в 1446 г. Заговоры в обоих случаях налицо. Однако убийцы владимирского «самовластца» не готовили ему замены; последовавшая усобица — как и война первой половины XV века — вполне вписывается в борьбу княжеских домов за лучшие «столы», когда перемещение фигур на политической арене закреплялось новой системой договоров-«докончаний». Однако именно в ходе средневековых междоусобиц в европейских странах формировались правовые основы будущего порядка — законы престолонаследия.

На Руси отношения власти и подданных не выработали ни твердых норм престолонаследия, ни конкретных политических теорий о возможности ограничения или ответственности княжеской власти иначе, как только перед Богом.² Это в значительной степени можно объяснить уникальностью юридической ситуации средневековой Руси. Для нее было характерно, во-первых, специфическое принижение значения договор-

ных отношений как языческих;³ во-вторых, заимствованные византийские нормы права находились в сфере культуры и не действовали, а действующее право лежало вне сферы культуры. Следствием этого противоречия являлось отсутствие «всех тех институтов, которые вызываются к существованию применением права, обладающего культурным статусом: юридического образования, развития науки права, формирования юридических корпораций».⁴

С XIII в. право наследования княжеской власти по завещанию было ограничено не только обычаем родового старейшинства, но и верховным суверенитетом хана Золотой Орды. В Москве XIV — первой половины XV веков так и не было выработано правового порядка передачи власти ни по прямой нисходящей линии, ни по «очередной системе» — старейшему в роде. Но в силу стечения обстоятельств не возникало и конфликтов за право наследования.⁵ Отсутствие прочного механизма престолонаследия и породило усобицу второй четверти XV века, в итоге которой появилась традиция своеобразного «соправительства», т.е. усиления еще при жизни великого князя политической роли его старшего сына, который затем получал большую часть отцовских владений при обязательном выделении уделов братьям.⁶

Со времени образования единого государства на рубеже XV—XVI веков в политической жизни страны стали возникать ситуации, которые вполне можно было бы назвать дворцовыми переворотами. Вот как, например, описывает летописец победу одной из боярских группировок в царствование малолетнего Ивана IV в 1542 г.: «В ночи той с недели на понедельник по совету своих единомысленников поймали князя Ивана Бельского на его дворе и посадиша его на Казенном дворе до утра; а князь Иван Шуйской той же ночи пригонил из Володимера, и назавтреи, в понедельник, сослаша князя Ивана Бельского на Белоозеро. А советников княже Ивановых Бельского, переимав, разослаша по городом».⁷ Однако эта и другие схватки шли в 1534—1546 гг. вокруг маленького великого князя Ивана IV, и расправы происходили формально от его имени.

Интриги бояр при царе Федоре Ивановиче (1584—1598 гг.) перерастали уже в открытые покушения на царскую власть и жизнь при его преемниках. Весной 1605 г. по воле самозванца (Лжедмитрия I) были низложены, а затем задушены шестнадцатилетний царь Федор Годунов и его мать; народу же объявили официальную версию: «царица и царевич со страстей испиша зелья и помроша».⁸ Через год новый заговор во главе с Шуйскими стоил жизни самому Лжедмитрию: во время восстания в мае 1606 г. он был захвачен и убит в Кремлевском дворце. Столь же легко был «ссажен» летом 1610 г. и новый царь — Василий Шуйский.

При известном сходстве этих событий с переворотами XVIII века можно заметить и существенную разницу.

Во-первых, политическая нестабильность была связана с борьбой отдельных группировок знати в условиях еще относительно слабой централизации и могла привести, как в период Смуты, к полному распаду властных структур. Поэтому не случайно смена фигур (царей или вельмож) у руля власти происходила не столько путем заговоров, сколько в условиях сопутствовавших им массовых народных волнений: в 1547, 1584, 1605—1606, 1610 годах.

Во-вторых, патриархальный уклад и выработанные веками нормы политического поведения заставляли и государя, и подданных действовать в определенных рамках, тем более что и недостаточное развитие властных структур фактически ограничивало «вольное самодержавство». Даже такой правитель, как Иван Грозный, для введения опричнины (на языке XX столетия — режима чрезвычайного положения) нуждался в санкции Боярской думы и опирался на «соборные» процедуры.⁹

В-третьих, в России «централизованная власть в гораздо более прямой форме, чем на Западе, строилась по модели религиозных отношений»; распространенное на государственность религиозное чувство делало царя фигурой символической, как бы «живой иконой».¹⁰ Управленческие функции главы государства стали определяться в России не писаными законами или иными юридическими установлениями, а воспринимались как проявление особой харизмы власти, когда ее носитель уподобляется сверхъестественному существу.¹¹ Такое восприятие царской власти в России как «предназначенной» Божьим промыслом делало весьма проблематичным сопротивление «праведному», т.е. истинному и природному, государю. В глазах современников царь мог выглядеть тираном; но это не означало, что он не на своем месте: подданные Ивана Грозного не мыслили покушаться на прирожденного государя даже во время опричных репрессий.¹²

Исключение представляли цари «незаконные», не обладавшие бесспорными правами на престол (как Годуновы и Шуйский) или «сомнительные» с точки зрения верности православной традиции (как Лжедмитрий I). Таким образом, беззаконие дворцового переворота все же требовало определенного уровня правосознания или хотя бы осознания нарушения своих законных прав и привилегий.

Происходившая на протяжении XIII—XV веков постепенная деформация социально-экономического и политического устройства Северо-Восточной Руси (замедление развития городов и городских сословий, ликвидация дружины и вечевых органов, изменение статуса княжеской власти) способствовала становлению специфической формы средневековой монархии, отличной как от западноевропейской модели, проделавшей путь от сословного представительства к абсолютизму, так и от восточной деспотии.

В условиях такой «патриархальной монархии с элементами сеньориального режима»¹³ не сложились самоуправляющиеся сословия-корпорации с самостоятельно выработанными регламентами и правами, которые бы «принимали участие в политическом конституировании страны».¹⁴ Ведущими силами политического развития оставались верховная власть и «корпорации несословного типа», представлявшие собой совокупность «чинов», чьи обязанности в виде безусловной и бессрочной службы и весьма ограниченные права определялись самой царской властью. Попытки ограничения царской власти в эпоху Смуты («подкрестная запись» Василия Шуйского 1606 г., договоры с королевичем Владиславом 1610 г., гипотетическая «ограничительная запись» при избрании на царство Михаила Романова в 1613 г.) остались безрезультатными.¹⁵

В том же XVII в. рост центрального бюрократического аппарата сделал ненужными Земские соборы. «Третьего сословия» как политической силы в России не существовало, а разделенные на «чины» крупные и мелкие землевладельцы не смогли, да и не пытались создать сколько-нибудь оформленную политическую оппозицию. Изучение общественно-политических взглядов служилых людей по коллективным челобитным показало, что на протяжении столетия их симпатии неуклонно сдвигались «от поддержки «сословно-представительного» порядка к апологии самодержавия».¹⁶

Ответом на вызов «военной революции» на Западе стало постепенное образование регулярной армии на «государевом жаловании» и военных округов — «разрядов», что привело к угасанию организации местных служилых «городов»; в 1679 была упразднена главная должность дворянского самоуправления — губных старост. На местах же выборные «мирские» органы подчинились назначенным из Москвы воеводам. Новая система налогообложения и переход от дворянского ополчения к постоянной армии на казенном содержании делали царя все более независимым от своей социальной опоры. Заметна в XVII в. и тенденция к сакрализации царской власти, когда царь стал упоминаться на богослужении как «святой» вместе со всем родом.¹⁷

Но восстановленная «старина» уже отличалась от «досмутного» порядка: в обществе появились понятия о государстве-«земле», «земском деле», т.е. наблюдался «отказ от патримониального видения политики, при котором все состоит в подобном домашнему хозяйству сообществе, связанном личными отношениями патримониальной власти и почтения».¹⁸ В челобитной служилых и торговых людей, составленной во время восстания летом 1648 г., подданные напоминали царю о его обязанностях, поскольку он «от Бога и всего народа был поставлен и избран государем и великим князем и тебе меч злым на казнь, а добрым на милость был вручен». Новации в формах отправления религиозного культа и вызванный ими раскол поставили под сомнение само представление о незыблемости не только церковного быта, но и самой государственной власти.¹⁹

После Смуты из практики вышла передача власти и «собственности» на всю страну по царскому завещанию-«духовной». Оба избранных царя (Борис Годунов и Михаил Романов) стремились выдать замуж своих дочерей за прирожденных государей, чтобы закрепить законность своих прав на престол.²⁰ Царевичей-наследников (Алексея Михайловича, Федора Алексеевича) торжественно «являли» народу по достижении 14-летия, а само вступление на престол сопровождалось актом утверждения на Земском соборе.

В народном сознании в XVII столетии существовал идеальный образ праведного и благочестивого «великого государя царя»: царь должен был вести себя «благославно» как в общественной, так и в личной жизни; осуществлять патерналистскую заботу о подвластных. Но при этом в результате Смуты обожествленная функция царя-правителя России отделилась от личности государя. Царя уже могли воспринимать как «нашего брата мужичьего сына», которого можно было и «выбрать».²¹ Обыватели могли «лаять царя», шутить о том, как «я де буду над вами, мужиками, царь», или поверить «бесовскому мечтанью», что если «он, Степанка, переста-

вит избу свою и сени у ней сделает, и ему, Степанку, быть на царстве».²² Дворяне XVII в. могли в запальчивости высказать желание «верстаться» с Михаилом Романовым — «старцевым сыном», а отца государя, патриарха Филарета, объявить «вором», которого можно «избыть». Второго царя династии считали происходящим «не от прямого царского корени».²³

Вместе с «природными» монархами в период Смуты исчезли и другие опоры прежней традиции — «великие роды». В XVII в. в состав аристократии выдвигались незнатные или «захудавшие» фамилии Нарышкиных, Лопухиных, Матвеевых, Хованских, Матюшкиных, Стрешневых, Апраксиных, что, в свою очередь, порождало в ней противоречия и борьбу за власть и влияние. Первые Романовых окружала новая «дворцовая знать», созданная исключительно близостью к династии и ее милостями.²⁴ Таким образом, политической стабильности новой власти могли препятствовать как ее сомнительная легитимность, так и раздоры в царском окружении в борьбе за влияние, посты и обогащение.

Приход к власти в 1619 г. реального правителя — патриарха Филарета — и перестановки в правящих кругах после его смерти в 1633 г. уже напоминают перевороты: возвращение к власти бояр (Салтыковых) привело даже к смене внешнеполитического курса — выходу России из войны с Речью Посполитой и прекращению сотрудничества со Швецией.²⁵

Изучение борьбы придворных «партий» в последние годы правления царя Михаила привело одного из современных исследователей к выводу, что боярская группировка во главе с Ф.И.Шереметевым стремилась избрать наследником едва не состоявшегося зятя царя — датского принца Вольдемара, тогда как другая «партия» (А.М.Львова и Б.И.Морозова) отстаивала кандидатуру Алексея Михайловича.²⁶ Такая интерпретация событий лета 1645 г. кажется все же преждевременной: доказательств столь ожесточенного противостояния и желания возвести иноземца на русский престол у нас нет, — тем более что королевич категорически отказался переходить в православие и тем сделал свой брак с царской дочерью невозможным.²⁷

Более очевидным выглядит соперничество придворных группировок в первые годы правления Алексея Михайловича. Царский «дядька» Б.И.Морозов сумел отстранить с занимаемых постов своих противников Ф.И.Шереметева, Н.И.Одоевского и И.Б.Черкасского и посадить во главе ряда важнейших приказов своих сторонников и родственников. Их политика, как известно, привела к массовым волнениям в Москве летом 1648 г., что позволило выступить оппозиционной «партии» во главе с дядей царя Н.И.Романовым и боярином Я.К.Черкасским.

Восстание 1648 г. и расправа на площади с родственниками Морозова П.Траханиотовым и Л.Плещеевым сопровождалась менее шумной сменой приказного руководства. Н.И.Романов стал председательствовать в Думе, а Я.К.Черкасский сменил Б.И.Морозова на посту главы придворного Аптекарского приказа и в руководстве Стрелецким и Иноземским приказами. Обе «партии» стремились привлечь на свою сторону основную военную силу в столице — стрельцов.²⁸ В итоге через несколько месяцев «партия» Морозова уже торжествовала: ее вождь вернулся в столицу, а Я.К.Черкасский попал под домашний арест и был снят со всех должностей. Прави-

тельство пошло навстречу требованиям служилых и посадских людей: первые получили раздачу жалования в 124 тысячи рублей и бессрочный сыск крестьян; вторые — ликвидацию «белых слобод» в городах.

Придворная борьба, таким образом, «наложила» на социальное движение: победившая группировка сумела перехватить инициативу, что уменьшило остроту социального противостояния в обществе и сократило возможности противников поднять народ. Стоит отметить при этом, что характерными чертами подобных столкновений стали взаимные обвинения в посягательстве на жизнь и здоровье государя и раскол внутри отдельных фамилий, т.к. политические интересы нарушали родственные связи.

Уложение 1649 г. сформулировавшее статус стоявшей над обществом неограниченной царской власти, уже вроде бы подразумевало возможность обострения политической борьбы и впервые вводило понятие государственного преступления («скоп и заговор») против царя и других властей: захват кем-либо верховной власти с целью самому «государем быть»²⁹ или даже умысел на совершение подобных действий.

Характерно, что тема дворцового переворота — «измены» — присутствовала в первой пьесе русского театра «Артаксерксово действо» (поставленной при дворе Алексея Михайловича в 1672 г.), где царь мог наблюдать опасения своего «брата» Артаксеркса: «Не могу же на своем ложе быть безопасен, а мои неприятели, которые входят в мою полату... и те впредь моей смерти ищут». Перед зрителями разыгрывалась картина заговора придворных «спальников»: они готовились с помощью «ложного указа» проникнуть ночью в дворцовые покои и убить царя. «Измена» была предотвращена верным слугой Мардохеем, ставшим первым вельможей и низвергнувшим таким образом своего главного противника полководца Амана.³⁰ Скоро театральные «страсти» осуществились на практике во время придворных смут после смерти в 1676 г. Алексея Михайловича.

«Великое шатание»: 1682—1689 гг.

Царь Алексей Михайлович оставил потомство по обеим линиям, но к моменту его смерти старшему из сыновей, Федору, было всего 14 лет. В условиях вакуума власти вновь начинается борьба различных придворных группировок вокруг малолетних наследников.

Сохранилось не слишком достоверное польское известие о том, что боярин А.С.Матвеев пытался подговорить стрельцов в обход старших братьев сделать царем Петра, поскольку «Федор лежит больной, так что мало надежды на его жизнь». Но бояре во главе с князем Ю.А.Долгоруковым при поддержке патриарха посадили на престол Федора (1676—1682 гг.).³¹

Возможно, это сообщение отражает лишь ходившие в кругу московских иноземцев толки; но датский резидент Магнус Гэ уже в феврале 1676 г. информировал Копенгаген, что новый царь долго не проживет и его двор «разделился на несколько партий». ³² Скоро Матвеев был отправлен в ссылку, а брат второй жены Алексея Михайловича Иван Нарышкин обвинен по доносу лекаря в подстрекательстве своего слуги к убийству царя из пищи.³³

Через некоторое время в борьбе за влияние на слабого и больного цингой царя Милославские уступили другим фаворитам: «первым государственным советником» стал получивший боярство молодой постельничий Иван Языков вместе с А.Т. и М.Т.Лихачевыми. Новые приближенные сумели в 1680—1682 гг. дважды женить царя на избранных ими кандидатах, но 27 апреля 1682 г. Федор Алексеевич умер, не дожив до 21 года и не оставив потомства.

К часу дня 27 апреля в Кремле было объявлено о смерти Федора и воцарении маленького Петра. Согласно официальной версии, патриарх и бояре после прощания с телом покойного провели своеобразное заседание Земского собора с «призванными» на площадь перед дворцом представителями разных сословий. Вопрос о преемнике Федора был якобы «всенародно и единогласно» решен в пользу Петра.³⁴ Однако исследователи обоснованно сомневаются в существовании избирательного собора 1682 г.; собрание «чинов» на площади, по всей вероятности, гораздо больше походило на митинг, где одержали верх сторонники Петра, многие из которых (его «дядька» Борис Алексеевич Голицын, братья Долгоруковы) к тому же пришли во дворец вооруженными.³⁵

Версия об избрании появилась лишь в мае: первоначально население страны и правительства соседних государств предполагалось оповестить о вступлении Петра на престол по воле и завещанию покойного царя. К тому же записи частных летописцев дают основание полагать, что Федор был еще жив (до вечера), когда в дворцовых покоях и на площади перед ними разыгрывалась судьба российской короны. Весьма информированный голландский резидент Иоганн ван Келлер прямо утверждал: заговор в пользу Петра существовал еще при жизни Федора, с чем был согласен и его коллега и соперник — датский посол Гильденбранд фон Горн.³⁶

Скорее всего, пока родственники Федора и Ивана Милославские находились близ умиравшего царя, сторонники Нарышкиных (из числа знати и верхушки приказной бюрократии) во главе с патриархом Иоакимом действовали быстро и решительно. Они добились, чтобы имя Петра выкрикнули собравшиеся на площади представители «разных чинов», и быстро привели к присяге новому царю «думных и ближних людей», приказных чиновников и стрельцов. В итоге противники Петра I и Нарышкиных потерпели поражение, но оно было временным.

Отстраненная от власти «партия» во главе с честолюбивой царевной Софьей и боярином И.М.Милославским сумела использовать недовольство расположенных в Москве 20 стрелецких полков (примерно 15 тысяч человек), которые были единственной организованной военной силой в руках правительства. Их роль в подготовке восстания признают даже те исследователи, которые отстаивают оценку событий 1682 г. как массового народного движения.³⁷ Заранее были составлены проскрипционные списки бояр и «начальных людей», подлежащих расправе. Правительство же Нарышкиных и вернувшийся из ссылки А.С.Матвеев проявили беспечность.

15 мая 1682 г. стрельцы с оружием ворвались в Кремль, охрана которого — царский Стремянный полк — не только не оказала сопротивления, но и открыла ворота. Восставшие потребовали выдачи бояр, виновных в

гибели царевича Ивана (им говорили, что Нарышкины его «хотели задушить подушками»³⁸); но когда обоих братьев вывели на крыльцо и показали стрельцам, это их не остановило. В итоге единственный раз в истории страны восставшие захватили и удерживали власть в столице в течение нескольких месяцев.

Правящая верхушка понесла тяжелые потери: среди 40 убитых были бояр, в том числе братья царицы. Власти были вынуждены удовлетворить все требования «бунтовщиков»: виновные в злоупотреблениях командиры были сосланы или казнены, их имущество конфисковано, а стрельцы «с великою наглостию» получили из казны в общей сложности 240 тысяч рублей.³⁹ Добились они и «политической реабилитации» своих действий: в июне 1682 г. полки получили царские грамоты с гарантиями восставшим, чтоб их «бунтовщиками и изменниками не называли и без... государских именных указов и без подлинного розыску их и всяких чинов людей никого бы в ссылку не ссылали».⁴⁰

Под нажимом стрельцов было создано подобие собора, провозгласившее царями обоих братьев: Иван якобы вначале добровольно «поступился царством» в пользу Петра I, затем согласился «самодержавствовать обще» с братом; и уже оба царя, по челобитью «всенародного множества людей», вручили правление сестре Софье, поскольку сами находились «в юных летах».⁴¹ На деле же установилось «стрелецко-боярское двоевластие», которое сохранялось до конца лета 1682 г. Лишь с большим трудом правительнице и ее окружению удалось к сентябрю собрать под Москвой дворянское ополчение и принудить восставших к капитуляции на весьма мягких условиях: казнено было всего несколько человек, и даже по фактам убийства членов царской семьи следствие не заводилось.

Одновременно Софья устранила и заигрывавшего со стрельцами князя И.А.Хованского. «Хованщина» не удалась еще и потому, что самоуверенный князь Иван Андреевич не сумел или не догадался поставить во главе приказного аппарата верных людей. Стоило «правителю» на несколько дней в июле покинуть столицу вместе с царской семьей, как его распоряжения перестали исполняться: прекратилась даже выдача денег стрельцам по их искам к полковникам.⁴² В итоге, кроме мятежных стрельцов, Хованскому не на кого было опираться, и князь был казнен по обвинению в измене и «злохитром вымысле на державу их, великих государей, и на их государское здорovie».⁴³

После умирения стрельцов ситуация в «верхах» на несколько лет стабилизировалась, и власть перешла в руки близких к Софье лиц — боярина В.В.Голицына и начальника Стрелецкого приказа неродовитого Федора Шакловитого. Князь Голицын показал себя не только «галантом» царевны, но и государственным деятелем, ориентированным на реформы и сближение с Западом. Как «первый министр», руководитель Посольского и некоторых других приказов, он заключил в 1686 г. «вечный мир» с Речью Посполитой, вступил в коалицию европейских стран для борьбы с Османской империей и возглавил русскую армию в походах на Крым в 1687 и 1689 гг. Военных лавров князь не стяжал, но, по сообщениям иностранных дипломатов, разрабатывал планы преобразований, включавшие

создание регулярной армии, подушной налоговой системы, ликвидацию государственных монополий и даже отмену крепостного права.⁴⁴

В то же время Голицын открывал собой плеяду официальных фаворитов при «дамских персонах»; по-видимому, эта «должность» негативно воспринималась еще не привыкшими к подобным вещам современниками. К нему пристало прозвище «временщик»; с этим обращением бросился на князя в 1688 г. убийца.

Однако Голицын не смог создать в правящем кругу надежных «креатур» и обеспечить стабильность власти. Ее ослабляли внутренние конфликты, поскольку Шакловитый «в тех плезирах ночных был в большей конфиденции при ней, нежели князь Голицын... и ежели бы правление царевны Софьи еще продолжалось, конечно бы князю Голицыну было от нея падение».⁴⁵ Иностранцы дружно сообщали о «взаимной ненависти и недоверии» придворных «партий»: патриарх Иоаким осуждал правительницу за то, что она осмелилась принять шведских послов, и оказывал двору Петра I материальную поддержку; Голицын конфликтовал с Милославскими, противники князя не одобряли его за покровительство членам ордена иезуитов в Москве и распускали слух о подкупе князя шведами.⁴⁶

Странная конструкция верховной власти (вместе с именами двух царей-соправителей с 1686 г. в царском титуле появилось и имя Софьи) неизбежно должна была породить соперничество с «двором» молодого Петра I. Реформы армии, привлечение иностранцев на службу, попытка устройства первого российского университета, латинская гимназия идеолога нового правительства Сильвестра Медведева вызывали неудовольствие церкви. Безуспешные Крымские походы подорвали авторитет В.В.Голицына в армии.

Юный Петр тогда еще был далек от политики — его больше занимали «марсовы и нептуновы потехи». Но наблюдательные иностранцы уже с конца 1682 г. отмечали напряжение между правительницей и царицей Натальей Кирилловной и формирование «партий» вокруг юных царей, что подтверждается и современными исследователями.⁴⁷ За спиной Петра I стояли не только влиятельные родственники (Т.Н.Стрешнев, Б.А.Голицын и др.), но и «потешные» полки.

Саксонский ученый Георг Шлессингер, живший в Москве в 1684—1686 гг., сообщал, что на стороне Петра I стояли «бояре и важные господа», тогда как «стрельцы и простые люди» поддерживали царя Ивана. Последняя «партия» уже приступила к активным действиям: в Преображенском Петру I «однажды подожгли конюшню, другой раз подложили огонь под его покой и спальню».⁴⁸ Конечно, пожар мог возникнуть и без всякого злонамеренного умысла; однако важно, что это событие в напряженной политической атмосфере уже воспринималось современниками именно как покушение. Кроме того, придворные «партии» на протяжении всего периода 1682—1689 гг. вели постоянную борьбу за назначения на ключевые посты в системе управления.⁴⁹

В 1686 г. Софья присвоила себе царский титул в официальных документах наравне с братьями. В следующем году Шакловитый начал агитировать стрелецких командиров подать челобитную о венчании правительницы на царство. Предложение не получило поддержки, и царевна «того дела

делать не указала». Но весной 1689 г. в России и за границей стал распространяться коронационный портрет Софьи (в царском облачении и со скипетром),⁵⁰ а в Москве Шакловитый вновь собирал стрельцов и готовил их выступление с целью «выборов» ее на царство по образцу 1682 г.

На этих совещаниях, если верить показаниям стрельцов на следствии, прозвучало предложение о цареубийстве — «уходить медведицу, царицу Наталью» и самого Петра I: «Чего и ему спускать? За чем стало?»⁵¹. Были предложения подложить царю гранату в сани или зарезать его во время пожара. Возражений, судя по тем же материалам, вроде бы не было; но не заметно и каких-либо решительных действий. По-видимому, стрельцы не доверяли царевне и не желали уничтожать сторонников Петра I без официального приказа. Отдать же такой приказ Софья так и не решилась, тем более что в рядах ее сторонников единства не было.⁵² Обе группировки боялись и не доверяли друг другу и в то же время вступали в постоянные конфликты по незначительным поводам.

После провала второго Крымского похода летом 1689 г. противоречия между придворными «партиями» достигли предела. Развязка наступила в ночь с 7 на 8 августа 1689 г., когда в Преображенское приехали двое стрельцов, уведомивших Петра I о сборе по тревоге ратных людей в Кремле и на Лубянке «неведомо для чего».⁵³ Испуганный царь с немногими людьми немедленно ускакал из своей резиденции и укрылся в укрепленном Троице-Сергиевом монастыре.

В течение последующих нескольких недель ситуация менялась в пользу Петра. В Троицу явились солдатские и стрелецкие полки; на его стороне оказались Дума, дворяне и патриарх. Развернулось следствие против Шакловитого и верных Софье стрельцов, которых ей пришлось выдать на расправу. 12 сентября Шакловитый и его «сообщники» были казнены.

Сам Петр искренне верил в то, что его жизни угрожала опасность; он сообщал брату, как Шакловитый и его друзья «умышляли с иными ворами об убийстве над нашим и матери нашей здоровьем и в том по розыску и с пытки винились». Сподвижники Петра Б.И. Куракин и А.А. Матвеев также приводили в своих записках версию о заговоре: «Царевна София Алексеевна, собрав той ночи полки стрелецкие некоторые в Кремль, с которыми хотела послать Щегловитого в Преображенское, дабы оное шато зажечь и царя Петра Алексеевича I и мать его убить, и весь двор побить и себя деклеровать на царство».⁵⁴ В дальнейшем такая оценка событий утвердилась в исторической традиции и стала общепринятой.

Но еще в XIX веке ряд исследователей высказывал сомнение в существовании заговора.⁵⁵ Сохранившееся (с некоторыми утратами) следственное дело Ф. Шакловитого позволяет говорить об отсутствии организованных действий сторонников Софьи. Попытки поднять стрельцов на активные действия в защиту правительницы успеха не принесли. Царевна не дала санкций на активные действия против сторонников брата, а ее окружение само боялось нападения со стороны Преображенского — не случайно Шакловитый ставил усиленные караулы в Кремле 25 июля в день празднования именин тетки царей Анны Михайловны. Между тем бранденбургский посол Рейер сообщал о неудачном покушении на Голицына уже в декабре 1688 г.⁵⁶

Вечером 7 августа в распоряжении Софьи вообще не было собранных войск, и ее действия выглядят скорее как ответная мера — вечером того же дня в Кремле было найдено подметное письмо: «А в том письме написано, что потешные конюхи, собрався в селе Преображенском, хотели приходить августа против 7 числа на их государский дом в ночи и их, государей, побить всех».⁵⁷ Шакловитый отправил на разведку в Преображенское трех стрельцов — но они-то и поспешили с доносом. Срочно собранные в Кремле и на Лубянке группы стрельцов не имели конкретного плана выступления, что подтвердили и сами доносчики, не приводившие никаких доказательств угрозы для жизни царя.

На первом допросе Дмитрий Мельнов и Яков Ладыгин назвали имена пославших их товарищей и единомышленников во главе с пятисотенным Стремянного полка Ларионом Елизарьевым — доверенным лицом Шакловитого. А те, прибыв к Троице через два дня, подали уже подробные изветы, где речь шла о планах убийства «ближних людей» царя — Б.А. Голицына и Нарышкиных — и предполагаемом смещении патриарха.⁵⁸

Показания семерых стрельцов (Л. Елизарьева, И. Ульфома, Д. Мельнова, Я. Ладыгина, Ф. Турки, М. Феоктистова и И. Троицкого) стали основанием для розыска, приведшего через месяц Шакловитого и его приближенных на плаху. Именно эта семерка получила не только огромную награду — по тысяче рублей каждому, но и право «быть в иных чинах, в каких они похотят».⁵⁹ Многие из верно служивших в те дни Петру I (например, полковник Л. Сухарев, специально примчавшийся в Преображенское накануне событий и сопровождавший царя в Троицу) были награждены намного скромнее.

Через несколько лет, осенью 1697 г., стрелец находившегося в только что завоеванном Азове Стремянного полка Михаил Сырохватов объявил «государево дело» и рассказал воеводе, что именно Ларион Елизарьев и его друзья были в 1689 г. самыми активными сторонниками Шакловитого: раздавали от его имени деньги и руководили сходками. По словам Сырохватова и представленных им свидетелей, Елизарьев и Феоктистов собирали в ту памятную августовскую ночь стрельцов у съезжей избы, посылали трех человек в Преображенское «для проведывания про великого государя» и, получив известие об отъезде Петра I, «они де, Ларион и Михайло и иные отправились в троицкой поход».⁶⁰ Однако доносчик не дождался награды: по указаниям из Москвы он был «бит кнутом на козле нещадно» и оставлен на вечное житье в Азове, а его донос нисколько не похвалил службе оговоренных.

Столь деликатное предприятие, как заговор, с чьей бы стороны он ни исходил, трудно «уловить» по имеющимся источникам. Но анализ сохранившихся данных позволяет думать, что настоящей попытки переворота со стороны Софьи скорее всего не было. В атмосфере взаимного подозрения действия стрельцов Лариона Елизарьева стали тем толчком, который вызвал все дальнейшие события, — если, конечно, они являлись наивными служаками, по ошибке принявшими ночной сбор стрельцов за подготовку покушения на Петра I, а не провокаторами, подтолкнувшими Петра I к активным действиям.⁶¹ Приведенные выше факты, на

наш взгляд, добавляют лишние штрихи к данной версии, но не позволяют пока сделать окончательный вывод. Однако характерно, что при любой оценке этого «заговора» очевидно наличие «переворотной» ситуации, когда династический конфликт решался силовым путем.

Специфика «ранних» переворотов

С разрешением в 1689 г. политического кризиса идея переворота не исчезла. В 1691 г. был казнен стольник Андрей Безобразов за то, что «мыслил злым своим воровским умыслом на государское здоровье» и даже якобы готовил специальных людей для убийства царя.⁶² В 1697 г. был раскрыт уже более серьезный заговор. Во главе его стали полковник «из кормовых иноземцев» Иван Цыклер и окольный Алексей Прокофьевич Соковнин.

В этом кругу речь об убийстве царя шла уже вполне свободно: «Можно им государя убить, потому что ездит он один, и на пожаре бывает малолюдством, и около посольского двора ездит одиночеством». Сам Цыклер прямо предлагал своему пятидесятнику Силину «изрезать его ножей в пять». Заговорщики уже намечали «выборы» собственных кандидатов на престол (бояр А.С.Шейна и Б.П.Шереметева) и рассчитывали на поддержку стрельцов и казаков. На Цыклера донес ... тот же Ларион Елизарьев, служивший в Стремянном полку и каким-то образом бывший в курсе опасных разговоров полковника со своими сослуживцами.⁶³ За новый донос стрельца пожаловали в дьяки и поставили заведовать Житным двором, а все виновные после пыток были публично казнены.

На исходе века откликом дворцовых «смут» стало обращение в 1698 г. к свергнутой Софье стрельцов из полков, размещенных на литовской границе. На этот раз прибывшие в столицу беглецы из полков сами стремились снести с опальной царевны и получили от нее письма (хотя до сих пор не вполне ясно, писала ли она их сама или это сделали от ее имени стрельцкие вожаки) с призывом освободить ее из заточения, «бить челом» ей «иттить к Москве против прежнего на державство» и не пускать в город Петра.⁶⁴

С помощью этих грамот предводители взбунтовали полки и двинулись к Москве: «царевну во управительство звать и бояр, иноземцев и солдат побить». В случае отказа Софьи от власти предполагались и иные кандидатуры: «обратить [избрать. — И.К.] государя царевича». Контакты с Софьей не получили никакого развития (загадочное письмо на бумаге с «красной печатью», по показаниям пятидесятника А. Маслова, он отдал своему родственнику, а тот после поражения восставших его утопил), но дорого обошлись восставшим: после жестокого розыска было казнено более тысячи человек. На следствии опять всплыли имена доносчиков 1689 г.; видимо, их действия были памятны стрельцам даже 10 лет спустя: «возьмем Дмитрия Мельнова, да Ипата Ульфома с товарищи: они все полки разорили и чтоб их убить до смерти».⁶⁵

На этот раз правящая верхушка сохранила единство, а стрельцы не смогли сломить сопротивление верных правительству войск — хотя могло быть и иначе. Несомненно, однако, что к концу XVII в. утвердившаяся было самодержавная власть подверглась серьезным испытаниям при малолетних или неспособных к правлению монархах, в виде активной

борьбы за престол между соперничавшими группировками знати. Как бы ни квалифицировались события августа 1689 г. (заговор Софьи или захват власти сторонниками Петра I), их вполне можно назвать дворцовым переворотом.⁶⁶ То же определение приложимо и к периоду апреля-сентября 1682 г., когда произошло несколько больших и малых переворотов, «осложненных» массовым выступлением стрельцов и посадских людей. Оставляя в стороне спор о народном или «антинародном» характере стрельцкого движения,⁶⁷ можно попытаться наметить черты этого нового явления в политической жизни страны.

В это время отрабатывается «механизм» переворота, выделяются его движущие силы, которые еще не всегда умело разыгрывают свои роли; впервые обозначилась возможность «женского правления». При этом наличие реального выбора между равно законными претендентами провоцировало такую ситуацию еще при старой системе престолонаследия, т.е. задолго до знаменитого петровского указа 1722 г., который в свое время рассматривался в качестве главной причины серии «революций» XVIII столетия.

Династический кризис можно считать частью «структурного кризиса XVII в.», хотя сущность последнего явления и его рамки, как нам кажется, требуют некоторого уточнения.⁶⁸ В его основе лежали нараставшее отставание России от передовых стран Европы, деформация фундамента российской военно-государственной системы — поместного землевладения и служилого «города», церковный раскол. Попытки выхода из кризиса неизбежно порождали в правящих кругах как «реформаторские» настроения, так и оппозицию им. Династические споры (при отсутствии четко определенных норм престолонаследия) до предела обострили существовавшие в «верхах» противоречия.

В обоих случаях — 1682 и 1689 годов — перевороты были невозможны без действовавшей (или угрожавшей действием) военной силы, способной контролировать столицу и центральный аппарат управления. В XVII столетии такой силой стали стрельцы — особая военно-корпоративная организация служилых людей «по прибору», имевшая ряд привилегий.⁶⁹ При Алексее Михайловиче стрельцы являлись не только частью армии, но и основной полицейской силой в столице, и царской охраной. В этом смысле расположенные в Москве стрельцкие полки можно вполне сравнить с гвардией XVIII в.⁷⁰

Именно стрельцы положили начало традиции военного вмешательства в вопросы престолонаследия, хотя, по-видимому, не осознавали еще это как свое право и старались придать своим действиям в 1682 г. оправдание и «прикрытие» в виде Земского собора и жалованных грамот. К тому же стрельцы по происхождению и роду своих неслужебных занятий тесно были связаны с посадским населением и, как показали события 1682 г., могли представлять серьезную угрозу для власти. Уже после восстания 1648 г. это стало понятным властям. Шведский резидент Поммеренинг в январе 1649 г. сообщал, что под началом царского тестя боярина И.Д.Милославского полковник Букгофен «будет командовать 5 000 человек в качестве отряда телохранителей великого князя»; но идея создания такой лейб-гвардии вызвала «неудовольствие»⁷¹ бояр и была отложена.

Отсутствие должной организации и несогласия среди стрельцов сделали их небоеспособными; но все же исход придворного конфликта решили стрелецкие командиры, явившиеся 30 августа в Троицу: именно после этого правительство Софьи потеряло военную опору, а Боярская дума приговорила выдать Ф. Шаковитого и потянулась на поклон к Петру I.⁷²

Концентрация власти и нарастающая бюрократизация государственного аппарата вместе с обозначившимся разложением служилого «города» устранили с арены политической борьбы провинциальных дворян — не случайно поместное ополчение никак не проявило себя во время кризиса в 1689 г.: к Троице собрались лишь несколько десятков человек. Политика регентши была направлена на удовлетворение дворянских чаяний: об этом свидетельствуют наказ сыщикам 1683 г., восстановление постов губных старост, повеление «справлять» любые по размерам поместья за малолетними наследниками в 1684 г., земельные пожалования в связи с вечным миром 1686 г. Но для совершения переворота в столице этот фактор оказался несущественным и не спас правительство.

Между прочим, это означает, что утверждения о прямой связи политических переворотов с теми или иными интересами дворянского сословия не всегда корректны. Зато в условиях нестабильности растет связь между политической лояльностью приближенной в данный момент к монарху группировки и ее «оплатой» в виде земельных раздач: в сравнительно спокойное царствование Алексея Михайловича было пожаловано 13960 крестьянских дворов, за 6 лет правления царя Федора Алексеевича — 6274; в 1682—1690 гг. — уже 17168. Одни только Нарышкины получили из дворцовых владений 6500 дворов.⁷³

В XVII в. «верхи», как и стрельцы, «примеривались» к новым формам политической борьбы: одни игнорировали угрозу, другие пытались прийти к власти на волне движения чуждых им социальных групп, третьи колебались и боялись решительных шагов. Но если отбросить некоторую неловкость участников и стремление «замаскировать» свои действия традиционными формами, — то перед нами настоящие дворцовые перевороты (в 1682 г. даже несколько) со всеми их атрибутами. Придворные интриги быстро превращаются в заговор и сопровождаются переходами из одного лагеря в другой, как это было характерно для боярского клана Одоевских в 1682 г. или патриарха Иоакима во время регентства Софьи;⁷⁴ смена власти происходит с помощью ударной силы в виде верных воинских частей; новые правители производят «чистку» на ключевых постах в управлении.⁷⁵

К концу столетия намечается выдвижение фаворитов (И.М. Языкова, А.С. Матвеева, В.В. Голицына), устранение которых сопровождается смелой верхушки чиновничьего аппарата. Политическая борьба получает «идеологическое обеспечение» в виде публицистических произведений и прямых фальсификаций в официальных документах, порой создаваемых задним числом. Появляются, наконец, намерения физического устранения законного и «природного» царя. Впоследствии все это станет «обычной» практикой для XVIII в.

Есть и важные отличия. Стрельцы принципиально отличались от петровской гвардии как раз тем, что, выделившись в особую привилегиро-

ванную прослойку, сохранили еще известную связь с посадом, но едва ли могли стать опорой на пути модернизации страны.⁷⁶ Сами же соперничавшие группировки еще как будто не умели или «стеснялись» действовать активно. В 1689 г. сторонники Софьи не были готовы напасть на Преображенское, но и приближенные Петра I предпочли отсиживаться за стенами Троице-Сергиева монастыря — обе группировки «перетягивали» на свою сторону Думу, двор и гарнизон.

Иногда такие перевороты практически ничего не меняли в политике, кроме лиц, стоявших у власти; в других случаях можно заметить попытки поворота правительственного курса. Так, переворот 1689 г., утвердивший власть Петра I, был, вопреки обычным представлениям, не победой молодого реформатора над косным боярством, а скорее консервативной реакцией на западническую и «латинофильскую» политику правительства Софьи и Голицына. Не случайно его поддержал патриарх Иоаким, уже через несколько дней после победы Петра I потребовавший высылки из России всех иноземцев. В начале 90-х годов Петр I являлся скорее символом, чем реальным правителем, и занимался прежде всего любимыми «марсовыми» и «нептуновыми потехами».⁷⁷ Все высшие посты были захвачены сторонниками и родственниками Нарышкиных (Г.Н. Стрешнев, И.Б. Троекуров, Л.К. Нарышкин, Б.А. Голицын и др.); прошло немало лет, прежде чем царь привел к власти свою «команду» и приступил на рубеже веков к решительным преобразованиям.

Окончательное утверждение на престоле Петра I открыло новую эпоху в истории России и на время устранило возможность новых переворотов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Троицкий С.М. Историография «дворцовых переворотов» в России XVIII в. // ВИ. 1966. № 2. С.38.

² См.: Вальденберг В.Е. Древнерусские учения о пределах царской власти. Пг., 1916. С.439.

³ См.: Лотман Ю.М. Очерки по истории русской культуры XVIII — начала XIX века // Из истории русской культуры. М., 1996. Т.IV. XVIII — начало XIX в. С.31-33.

⁴ Живов В.М. История русского права как лингвосомиотическая проблема // Из истории русской культуры. М., 2002. Т.II, кн.1. Киевская и Московская Русь. С.686.

⁵ В 1325 г. Иван Калита был единственным из оставшихся в живых детей Даниила Московского и в 1340 г. передал престол старшему сыну Семену Гордому. В 1353 г. Семен с детьми умерли во время эпидемии чумы, и власть легитимно перешла к его единственному брату Ивану Ивановичу, а затем — к единственному наследнику последнего Дмитрию. Тот же в свою очередь назначил (и получил на это санкцию хана) наследником сына Василия.

⁶ См.: Мельников С.А. Наследование престола на Руси и институт соправительства как факторы централизации // ВИ. 2001. № 11-12. С.104-105.

⁷ ПСРЛ. М., 1965. Т.13. С.140-141.

⁸ Цит. по: Скрынников П.Г. Россия в начале XVII в.: Смута. М., 1988. С.228-229.

⁹ См.: Шмидт С.О. Становление российского самодержавия: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1973. С.211-246.

¹⁰ См.: Лотман Ю.М. Указ. соч. С.34,38.

¹¹ См.: Успенский Б.А. Царь и патриарх: харизма власти в России. (Византийская модель и ее русское переосмысление) // Успенский Б.А. Избр. тр. М., 1996. Т.1. С.204.

¹² См.: Успенский Б.А. Царь и самозванец // Там же. С.146. В.Б. Кобрин полагал, что установление царем Иваном опричной диктатуры могло вызвать переворот «при недостаточном развитии правовых норм и правосознания» (см.: Кобрин В.Б. Иван Грозный. М., 1989. С.112-113). Современные исследования позволяют, скорее, говорить об «оправдательных тенденциях» в народных преданиях об Иване Грозном. Князь Курбский убеждал самодержца опомниться («очотится и воспряни», «воспомяни дни свои первые, в них же блажене царствовал еси»), но не допускал призывов к свержению царя-тирана. Более того, он отводил упреки царственному оппонента в

намерении «воцарить» князя Владимира Андреевича Старицкого (см.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С.109).

¹³ *Котляров Н.* Средневековый тип государственности и его русская модель XIV–XVI вв. // Сословия и государственная власть в России. XV – середина XIX вв. М., 1994. Ч. I. С.220. А.Л.Юрганов определяет сложившийся в Северо-Восточной Руси порядок как «удельно-вотчинную систему», где «отчиной» (семейно-родовой собственностью) была вся территория государства; но также отмечает отсутствие прочного порядка наследия (см.: *Юрганов А.Л.* Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С.165–171).

¹⁴ См.: Власть и реформы: От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С.41; *Торке Х.-Й.* Так называемые земские соборы в России // ВИ. 1991. № 11. С.4; *Юрганов А.Л.* Указ. соч. С.229–236.

¹⁵ В современной литературе они считаются доказательствами существования тенденции продвижения России к правовому государству и даже упущенной альтернативы самодержавию (см.: *Кобрин В.Б.* Смутное время – утраченные возможности // История отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX в. М., 1991. С.181; *Лейбров И.П., Марголис Ю.Д., Юрковский Н.К.* Традиции демократии и либерализма в России // ВИ. 1996. № 2. С.7). Однако соответствовали ли такие предположения представлениям массы служилых и «тяглых» людей о справедливом общественном устройстве – стоящем над всеми «чинами» законном государе как гарантии от произвола «сильных людей»? (см.: *Андреев И.Л.* Раскаты Смуты // Знание – сила. 1994. № 2. С.8–9).

¹⁶ *Высоцкий Д.А.* Общественно-политические взгляды поместного дворянства и внутреннее развитие Русского государства XVII в. Автореферат дисс. канд. ист. наук. Л., 1988. С.16.

¹⁷ См.: *Живов В.М., Успенский Б.А.* Царь и бог: семиотические аспекты сакрализации монарха в России // *Успенский Б.А.* Избр. тр. Т.1. С.223–226, 236–237.

¹⁸ *Коллман Н.* Соединенные честью: Государство и общество в России раннего нового времени. М., 2001. С.347.

¹⁹ См.: *Хорошкевич А.Л.* Психологическая готовность россиян к реформам Петра Великого (к постановке вопроса) // Российское самодержавие и бюрократия: Сб. ст. в честь Н.Ф.Демидовой. М.–Новосибирск, 2000. С.159.

²⁰ См.: *Юрганов А.Л.* Указ. соч. С.176.

²¹ См.: *Лукин П.В.* Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000. С.53–54, 118. Выступавшие против «никонианской» церкви старообрядцы в 70-е гг. XVII в. перестали признавать царя Алексея законным правителем (см.: *Усенко О.Г.* Об отношении народных масс к царю Алексею Михайловичу // Царь и царство в русском общественном сознании. М., 1999. С.89).

²² Цит. по: *Новомбергский Н.Я.* Слово и дело государевы. М., 1911. Т.1. С.63,224.

²³ См.: *Бахрушин С.В.* Политические толки в царствование Михаила Федоровича // *Бахрушин С.В.* Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. М., 1987. С.93,96–97; Московская деловая и бытовая письменность XVII в. М., 1968. С.233. В 1646 г. служилый шашкий мурза Федор Бердихев полагал, что Алексею Михайловичу «было... на царстве и не быть», а следовало «посадить на государство» датского королевича (см.: *Смирнов П.П.* Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII в. // ЧОИДР. 1915. Кн.3. С.70).

²⁴ См.: *Водарский Я.Е.* Правящая группа светских феодалов в России в XVII в. // Дворянство и крепостной строй в XVI–XVII вв. М., 1975. С.77.; *Платонов С.Ф.* Московское правительство при первых Романовых // *Платонов С.Ф.* Статьи по русской истории. СПб., 1912. С.393.

²⁵ О «команде» Филарета см.: *Сташевский Е.Д.* Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Киев, 1913. С.364. О «дворцовом перевороте» и смене курса в связи со смертью Филарета см.: *Поринев Б.Ф.* Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976. С.400,404.

²⁶ См.: *Филина Е.И.* «Придворные партии» в политической борьбе в России в 30–50-е гг. XVII в. Автореферат дисс. канд. ист. наук. М., 1995. С.7–10.

²⁷ Однако отсутствие бесспорных правовых норм в принципе не исключало такого исхода: если бы Вольдемар все-таки принял православие и женился, а маленький Алексей внезапно скончался, – то царский зять остался бы единственным мужчиной в семье. Не случайно морозовская «партия» признавала возможность того, что принц «восхотел бы большей властею быти и царством владети и смуту бы и крамолу учинил велику зело» (цит. по: *Смирнов П.П.* Правительство Б.И.Морозова и восстание в Москве 1648 г. Ташкент, 1929. С.5).

²⁸ Князь Черкасский и его сторонники потчевали стрельцов водкой, а царский тесть И.Д.Миловский обещал каждому из них за подпись на челобитной о возвращении Морозова по 10 рублей от царя и по 4 от патриарха; «но чью сторону они будут держать, еще неизвестно» (цит. по: *Якубов К.И.* Россия и Швеция в первой половине XVII в. М., 1897. С.427–428,430).

²⁹ См.: *Маньков А.Г.* Уложение 1649 г. – кодекс феодального права России. Л., 1980. С.155; Соборное Уложение 1649 г. Л., 1987. С.20–21.

³⁰ См.: Первые пьесы русского театра. М., 1972. С.150,176,240–242,251; *Робинсон А.Н.* Борьба идей в русской литературе XVII в. М., 1974. С.165–167.

³¹ См.: *Соловьев С.М.* Соч. В 18-ти кн. М., 1991. Кн.VII. С.179.

³² См.: ЧОИДР. 1917. Кн.II. С.41 отд. паг.

³³ См.: *Соловьев С.М.* Соч. Кн.VII. С.185.

³⁴ См.: *Черепнин Л.В.* Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С.356–357.

³⁵ См.: *Матвеев А.А.* Записки // Записки русских людей. СПб., 1841. С.5; *Павленко Н.И.* Петр Великий. М., 1990. С.7. Записи летописцев-современников показывают, что за 30–40 минут, прошедших с момента известия о смерти Федора до «наречения» Петра, невозможно было провести нормальное заседание Думы и Земского собора (см.: *Богданов А.П.* Летописные известия о смерти Федора и воцарении Петра Алексеевича // Летописи и хроники. 1980. М., 1981. С.202). Даже те авторы, которые считают возможным говорить об импровизированном Земском соборе, все же признают, что официальная информация о воцарении Петра не соответствует действительности (см.: *Черепнин Л.В.* Указ. соч. С.357–358).

³⁶ См.: *Белов М.И.* Письма И. ван Келлера в собрании нидерландских дипломатических документов // Исследования по отечественному источниковедению. М.–Л., 1964. С.307; *Богданов А.П.* Указ. соч. С.203–204,206; *Богданов А.П., Возгрин В.Е.* Московское восстание 1682 г. глазами датского посла // ВИ. 1986. № 3. С.80.

³⁷ См.: *Буганов В.И.* Московские восстания конца XVII в. М., 1969. С.109,138–139.

³⁸ См.: *Богданов А.П., Возгрин В.Е.* Указ. соч. С.86.

³⁹ *Буганов В.И.* Указ. соч. С.182.

⁴⁰ Текст этих грамот был помещен на специально воздвигнутом памятнике («столпе») на Красной площади (см.: Восстание в Москве 1682 г.: Сб. док. М., 1976. С.41).

⁴¹ Цит. по: *Черепнин Л.В.* Указ. соч. С.366. В литературе высказывалось мнение о подделке соборного акта (если он вообще существовал), передававшего власть Софье, ее ревностным сторонником – ученым и публицистом Сильвестром Медведевым (см.: *Богданов А.П.* К вопросу об авторстве «Созерцания краткого лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяно за гражданстве // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1987. С.126–130; *он же.* Сильвестр Медведев // ВИ. 1988. № 2. С.90).

⁴² См.: *Богоявленский С.К.* Хованщина // Изв. 1941. Т.10. С.192,217–218.

⁴³ Обвинение Хованского в умысле покушения на государей было вписано позднее в адресованную стрельцам грамоту (см.: Частная переписка князя П.И.Хованского, его семьи и родственников // Старица и новизна. М., 1905. Т.10. С.287).

⁴⁴ См.: *Буганов В.И.* «Канцлер» предпетровской поры // ВИ. 1971. № 10. С.154–155; *Лавров А.С.* «Записки о ЛГУ» де ла Невилля (преобразовательный план В.В.Голицына и его источники) // Вестник ЛГУ. Серия «История, языковедение, литература». 1986. № 4. С.89–90.

⁴⁵ *Куракин Б.И.* История о царе Петре Алексеевиче // Архив князя Ф.А.Куракина. СПб., 1890. Т.1. С.55.

⁴⁶ См.: *Форстен Г.В.* Датские дипломаты при московском дворе во второй половине XVII в. // ЖМНП. 1904. № 11. С.69,82–83; *он же.* Сношения Швеции и России во второй половине XVII в. // Там же. 1899. № 9. С.65,67; *Винтер Э.* Папство и царизм. М., 1964. С.114–115.

⁴⁷ См.: *Богданов А.П., Возгрин В.Е.* Указ. соч. С.89. О составе этих «партий» см.: *Лавров А.С.* Регентство царевны Софьи Алексеевны: Служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682–1689 гг. М., 1999. С.82–83.

⁴⁸ Рассказ очевидца о жизни Московии конца XVII в. // ВИ. 1970. № 1. С.111.

⁴⁹ См.: *Лавров А.С.* Регентство царевны Софьи Алексеевны. С.83–96.

⁵⁰ См.: *Богданов А.П.* Политическая гравюра в России периода регентства Софьи Алексеевны // Источниковедение отечественной истории. 1981. М., 1982. С.242–245; Розыские дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. СПб., 1884. Т.1. С.6.

⁵¹ См.: *Богословский М.М.* Петр I: Материалы для биографии. М., 1940. Т.1. С.72; Розыские дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. С.24. Ф.Шакловитый признался в намерении организовать покушение на царицу (см.: *Лавров А.С.* Регентство царевны Софьи Алексеевны. С.174).

⁵² Сильвестр Медведев, например, выступал против покушения на вождя оппозиционной «партии» Б.А.Голицына и Л.К.Нарышкина (см.: *Богданов А.П.* Сильвестр Медведев. С.96).

⁵³ См.: Розыские дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. С.1–5.

⁵⁴ *Куракин Б.И.* Указ. соч. С.58; *Матвеев А.А.* Указ. соч. С.52–53.

⁵⁵ См.: *Белов Е.А.* Московские смуты в конце XVII в. // ЖМНП. 1887. № 2. С.329–331; *Брикнер А.Г.* Иллюстрированная история Петра Великого. СПб., 1903. Т.1. С.103–109; *Погодин М.П.* 17 первых лет в жизни императора Петра Великого. М., 1875. С.201–223; *Шмурло Е.Ф.* Падение царевны Софьи // ЖМНП. 1896. № 1. С.41; *Wittram R.* Peter I. Czar und Kaiser. Göttingen. 1964. Bd.I. S.96.

⁵⁶ См.: *Форстен Г.В.* Бранденбург и Москва, 1688–1700 // ЖМНП. 1905. № 11. С.6–7.

⁵⁷ Розыские дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. С.168.

⁵⁸ Интересно, что доносчики, сообщив подробную информацию о происках Шакловитого начиная с 1687 г., ничего не говорили о планах царевни; это рассказал в своем извете капитан Филипп Сапогов лишь 30 августа (см.: Розыские дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. С.31–32).

⁵⁹ См.: *Лавров А.С.* Регентство царевны Софьи Алексеевны. С.159; *Лонгинов А.В.* Обзор записок графа Матвеева и вновь открытых вариантов их о стрелцком полковнике Сухареве // РС. 1918. № 3-6. С.18-19; Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872. Т.1. С.95,102,90.

⁶⁰ Цит. по: *Второв Н., Александров-Дольник К.* Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и частью Азова. Воронеж, 1850. Ч.1. С.72-73,77-78.

⁶¹ Подобная точка зрения уже высказывалась в свое время М.П.Погодиным и Е.А.Беловым, поддержали ее и некоторые современные исследователи (см.: *Белов Е.А.* Указ. соч. С.330; *Богданов А.П.* Сильвестр Медведев. С.97; *Буганов В.И.* Петр Великий и его время. М., 1989. С.19; *Погодин М.П.* Указ. соч. С.216).

⁶² См.: *Желябужский И.А.* Дневные записки // РА. 1910. № 9. С.17.

⁶³ См.: *Богословский М.М.* Заговор Цыклера // Сборник статей по русской истории, посвященных С.Ф.Платонову. Пг., 1922. С.335, 337; *Соловьев С.М.* Соч. Кн.VII. С.527-528.

⁶⁴ Восстание московских стрельцов. 1698 год: Материалы следственного дела. М., 1980. С.103,149.

⁶⁵ Там же. С.212-213.

⁶⁶ На сходства и отличия переворотов XVII и XVIII вв. указал С.О.Шмидт (см.: *Шмидт С.О.* Политика просвещенного абсолютизма в России середины XVIII в. // Россия и Испания: историческая ретроспектива. М., 1987. С.265).

⁶⁷ См.: *Буганов В.И.* Об оценке Московского восстания 1682 г. (по поводу рецензии Н.И.Павленко) // ИСССР. 1973. № 2. С.236-244; *Павленко Н.И.* Об оценке стрелецкого восстания 1682 г. // ИСССР. 1971. № 3. С.77-94.

⁶⁸ М.Раев относит «кризис государственных институтов, общества и культуры» ко времени с середины XVII в. до петровского царствования (см.: *Raeff M.* Понять дореволюционную Россию: Государство и общество в Российской империи. Lnd., 1990. С.11). В коллективной монографии петербургских историков называются основные черты этого кризиса: нарастающее отставание страны от развитых стран Европы, потеря боеспособности армии, распад системы служилых чинов, раскол как кризис общественного сознания и собственно династический кризис. Указанные явления более или менее конкретно «укладываются» в рамки 60–80-х гг. XVII в. Однако в предыдущей главе той же книги понятие «общенациональный кризис» распространяется уже на все столетие. В него включаются и работа Земских соборов в последние годы Смуты, и их «вынужденное возобновление» в 30–40-х гг. XVII в., и финансовые трудности, и фискальный гнет, и территориальные утраты, и религиозная нетерпимость, и падение авторитета царской власти, и неэффективность приказной системы (см.: *Власть и реформы.* С. 104-110,114-116). Е.В. Анисимов также считает допустимым распространить понятие кризиса на все время, начиная с конца XVI в. (см.: *Анисимов Е.В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII в. СПб., 1997. С.10). Сами по себе перечисленные явления сомнения не вызывают; но если целое столетие русской истории представляет собой перманентный кризис, то можно задать вопрос: что тогда считать «нормой» и была ли она?

⁶⁹ Они не платили пошлин с судебных исков, получали ссуду на обзаведение двором, не попадали в кабалу при неуплате займа; из царского дворца им выдавали денежные подарки и угощение (см.: *Заозерский А.И.* Царская вотчина XVII в. М., 1937. С.297-305).

⁷⁰ Царь лично проверял росписи стрелецких караулов, отдавал для них пароли, отправлял стрелецких командиров в «посылки» военного, хозяйственного и дипломатического характера (см.: Там же. С.198-199,297,305).

⁷¹ Цит по: *Якубов К.И.* Указ. соч. С.440,444.

⁷² См.: *Лавров А.С.* Регентство царевны Софьи Алексеевны. С.164-165.

⁷³ См.: *Очерки истории СССР XVII в.* М., 1956. С.149.

⁷⁴ См.: *Богданов А.П., Возгрин В.Е.* Указ. соч. С.82; *Лавров А.С.* Регентство царевны Софьи Алексеевны. С.140.

⁷⁵ См.: Там же. С.187-189.

⁷⁶ Сравнение стрельцов с янычарским корпусом см.: *Витол А.В.* Османская империя (начало XVIII в.). М., 1987. С.23-25.

⁷⁷ См.: *Богословский М.М.* Петр I: Материалы для биографии. Т.1. С.94,136.

ГЛАВА III

1725: ПЕТРОВСКОЕ «НАСЛЕДСТВО»

Какову он Россию свою сделал, такова и будет...
Феофан Прокопович

Цена имперского величия: предпосылки «дворских бурь»

22 октября 1721 г. канцлер Г.И.Головкин от имени Сената просил Петра принять звание «Отца Отечества, Петра Великого, императора Всероссийского». Сознательная ориентация царя на римскую императорскую традицию совпала с завершающим этапом формирования самодержавной монархии в России и утверждением новой роли страны в системе международных отношений.

Однако по мере побед российского оружия выдвигались и новые проблемы. Претензии на господство на Балтике способствовали складыванию враждебного России блока во главе с Англией. Несмотря на подписанный в 1724 г. с Турцией мирный договор, в Иран устремилась турецкая армия, создав угрозу завоеванному в ходе «персидского похода» 1722–1723 гг. побережью Каспийского моря.¹ Попытки союзника – Августа II – увеличить армию вызывали в Петербурге озабоченность; накануне смерти Петра I его посол в Варшаве князь С.Г.Долгоруков просил денег на раздачи депутатам сейма, «дабы помянутой сейм ко окончанию не привести».² Попытка форсировать ликвидацию автономии недавно присоединенной Украины вызывала брожение верхушки казачества («старшины»). Петр полагал, что после Богдана Хмельницкого «все гетманы явились изменниками», и в 1723 г. отложил выборы и арестовал вероятного кандидата Павла Полуботка вместе с другими представителями старшины.

Блеск празднеств не мог скрыть от внимательных наблюдателей тяжелого внутреннего положения страны. Недостаток средств вынуждал уже в 1723 г. идти на крайние меры и разложить недостающую сумму «на всех чинов государства, которые жалованье получают». Зарплату не платили не только рядовым служащим, но и опорам режима – гвардии и Тайной канцелярии: в сентябре 1724 г. ее руководители П.А.Толстой и А.И.Ушаков подтвердили, что их подчиненные «весьма гладом тают».³

Исследования состояния сельского хозяйства страны в петровское время показали, что увеличившийся гнет привел к уменьшению числа хозяйств, сокращению резерва рабочей силы, разорению деревни и в итоге — к тенденции снижения уровня земледельческого производства.⁴ Новая столица росла на глазах; но процесс градообразования и внутреннее развитие городов были «законсервированы». Утверждение крепостничества подрывало образование «третьего сословия» (численность постоянных жителей городов снизилась с 5,3 до 4,6 %), а фискальная политика приводила к застою и упадку промышленности, ориентированной на внутренний рынок.⁵

Практика нового государственного строительства была далека от реализации поставленной задачи создания «регулярного государства». Некомпетентность и злоупотребления чиновников власти пытались пресечь с помощью новой системы тайного и явного контроля в лице фискалов и прокуроров, «понуждением» со стороны присылаемых из центра ревизоров и гвардейских офицеров с чрезвычайными полномочиями.

Петр намеревался дополнить контроль «сверху» не менее эффективным надзором «снизу». Основным средством для этого в централизованной бюрократической системе было всемерное поощрение доносительства, и Петр впервые в 1713 г. обязался лично принимать и рассматривать доносы. За такую «службу» доноситель мог получить движимое и недвижимое имущество виновного, «а буде достоин будет — и чин»; таким образом, он мог рассчитывать не только на вознаграждение, но и на обретение нового социального статуса в петровской системе.⁶ Примером для подражания царь называл «национального героя» Лариона Елизарьева и его подвиги 1689 и 1697 гг. Донос был закреплен в тексте присяги в качестве святой обязанности подданного «благовременно объявлять» о всяком «его величества интереса вреда и убытке».⁷

В дальнейшем практика доносительства показала, что такой канал «обратной связи» самодержца с подданными становился деморализующим фактором в развитии самого благородного «шляхетства» и правящей верхушки. Он стимулировал попытки выдвинуться и достичь не только выгоды, но и чинов самым аморальным способом, что продемонстрировала послепетровская «эпоха дворцовых переворотов»: если одни стремились «прорваться» к цели силой, то другие — последовательно доносили на сослуживцев по учреждению или полку. Самого Петра регулярно пугали извещениями о готовившемся «великом смятении»; царя и царицу предупреждали о близкой гибели, в результате чего может воцариться Меншиков. Вероятно, такие «прогнозы» в атмосфере петровской кадровой «революции» уже могли восприниматься всерьез.⁸

Сам император, похоже, ощущал перенапряжение сил страны и к концу царствования желал продолжения преобразований таким образом, «дабы народ чрез то облегчение иметь мог». Однако основная линия на укрепление и модернизацию «служилого» государства при сохранении сложившихся социальных отношений не претерпела изменений. Поэтому предположения о возможной смене курса — о том, что Петр «мог бы, если бы пожелал, сравнительно легко избавиться и от крепостного права», — представляются интересными, но достаточно спорными.⁹

Появившиеся в исторической науке с начала 90-х гг. попытки выявить альтернативные пути и «точки бифуркации» исторического развития страны в XVII—XVIII веках исходят, как нам кажется, не столько из анализа реальной ситуации, сколько из сложившихся у авторов представлений, и нередко противоречат друг другу в определении количества имевшихся в российской истории альтернатив.¹⁰ Накопленная за столетия русской истории «инерция» развития в определенном направлении все более уменьшала возможности такого варианта, и «сворачивание» с крепостнического пути, по которому уже больше ста лет двигалась Россия, выглядит маловероятным.¹¹

Царь-реформатор разрушал старую систему управления и преобразовывал структуру служилого класса, но не изменял лежавшего в ее основе принципа обязательной службы с «земли». Можно согласиться с мнением о наличии объективной тенденции буржуазного развития страны в то время; можно даже предположить, что воля и темперамент Петра могли подвинуть его если не на отмену крепостного права, то хотя бы на регламентацию крестьянских оброков и повинностей.¹² Но не было ли бы тогда в нашей истории одним дворцовым переворотом больше? Ведь акция такого масштаба для ее успешного осуществления должна опираться на единство правящей группы; а этого не было, как не было и осознания необходимости подобных перемен.

Завершение переписи совпало с введением паспортной системы и устройством «вечных квартир» для полков регулярной армии. Предусматривалось создание настоящих «военных поселений» — слобод с типовыми, поротно поставленными избами, полковым хозяйством, рабочим скотом и даже женитьбой солдат на местных крестьянках, которых в интересах армии предполагалось отпускать из крепостных.¹³

В январе 1725 г. послы России в европейских странах получили для обнародования императорский манифест (не вошедший в ПСЗ), который предписывал им немедленно объявить царскую волю: «<...> дабы всяких художеств мастеровые люди ехали из других государств в наш российский империум» с правом свободного выезда, беспошлинной торговли своей продукцией в течение нескольких лет. Государство обязалось предоставить прибывшим «готовые квартиры», «вспоможение» из казны, свободу от постоя и других «служб».¹⁴ Похоже, что Петр, как и в начале своего царствования, готовил очередную «волну» иммигрантов, чтобы дать новый импульс преобразованиям.

Последние именные петровские указы конца 1724 — начала 1725 г. — о жаловании чиновникам, о скорейшем сборе подушных денег на гвардию, о расположении к 1 марта 1725 г. полков на новых квартирах — свидетельствуют о неизменности избранного курса государственного строительства при некотором стремлении сократить издержки в условиях острого финансового кризиса.¹⁵

Выдвинутая Петром I формула российского абсолютизма: «Его величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен», — означала разрыв с прежней системой управления государством, с теми ее институтами и традициями, о которых В.О.Ключевский писал, что

«московский царь имел обширную власть над лицами, но не над порядком», который, как показывают современные исследования, все же в известной степени ограничивал власть монарха по отношению к подданным.¹⁶

Ликвидация патриаршества, включение Синода в систему государственного аппарата, присяга архиереев в качестве «послушных рабов и подданных» государю, которого в начале XVIII века уже публично приравнивали к самому Христу, — все это означало исчезновение еще одного, сохранявшего пусть даже относительную автономию, «противовеса» самодержавию. Новая генерация духовенства отличалась полным сервилизмом и готова была оправдать любые деяния власть имущих.

Современникам Петра особенность национального политического устройства была понятна. Побывавший во Франции Людовика XIV петровский дипломат Андрей Матвеев был в восхищении от прогулок по «Версальской слободе» и увидел «на обеде у короля чин слово в слово весь двор московского старого». Но он же подчеркнул в своих записках и весьма существенную разницу: «Но хотя то королевство деспотическое или самовладевающее, однако самовластием произвольным николи же что делается, разве по содержанию законов и права, которые сам король, и его совет, и парламент нерушимо к свободе содержит всего народу».¹⁷ Резонно предположить, что поощряемое и направляемое Петром знакомство русской знати с границей поневоле заставляло ее сравнивать европейские порядки с отечественными.

Пока во главе системы стоял Петр Великий, она могла быть динамичной и эффективной. Однако созданный им механизм власти имел уязвимые места с точки зрения политической стабильности режима.

Во-первых, особенностью петровской «революции» была установка не на сохранение и «улучшение» признанных норм и обычаев, а на «полный отказ от существующей традиции и от преемственности по отношению к непосредственным политическим предшественникам».¹⁸

Смена модели культурного развития России сопровождалась и «отказом» Петра вести себя как православный царь: он путешествовал инкогнито за границей, демонстративно нарушал придворный этикет, владел далеко не «царскими» профессиями и развлекался в составе кощунственного «всепьянейшего собора».¹⁹ Вместе с ликвидацией патриаршества Петр I провозгласил себя «крайним судьей» духовной коллегии — Синода и принял титул «Отца отечества», что означало в глазах традиционно мысливших подданных разрыв с древнерусской традицией. В результате церковных реформ первой четверти XVIII в. верховная власть подчинилась теперь только Богу, но не церковным канонам.²⁰

Следствием усилий по сакрализации монарха стали как дискредитация самой духовной власти, так и ожидание «праведного», богоизбранного государя, т.е. появление самозванцев.²¹ Ускоренная и насильственная европеизация вместе с нарушением естественного порядка престолонаследия могла только усилить эти настроения.

Главный идеолог петровских реформ Феофан Прокопович провозглашал право монарха изменять по своей воле культурно-бытовые нормы, включая сюда «всякие обряды гражданские и церковные, перемены обы-

чаев, употребление платья, домов строения, чины и церемонии в пиروваниях, свадьбах, погребениях и прочая». Следствием подобной установки стал и «Устав о наследии престола» 1722 г., отменявший сложившуюся (но нигде не закрепленную юридически) традицию передачи власти по нисходящей линии от отца к сыну, которым сам Петр так и не воспользовался, продемонстрировав тем самым несоответствие между стремлением установить новый порядок посредством своей монаршей воли и случаем, который на эту волю мог повлиять. В результате после его смерти возникла уникальная ситуация: на престол имели равные права все члены семьи Романовых, что привело к длительному династическому кризису.²²

«Устав» 1722 г. можно рассматривать и в контексте упоминавшейся выше коллизии двух правовых систем. Начиная с Соборного Уложения 1649 г., действующему праву был присвоен культурный статус; однако юридическое сознание, выработавшееся в условиях оппозиции русского и церковнославянского права, переносило на него атрибуты культурного права, как они понимались в России, и прежде всего — его недейственность. Этому способствовало и само обильное петровское законодательство, ставшее орудием «перевоспитания» общества. Конкретные законодательные акты превращались в литературно-полемические сочинения; прагматические аспекты права оттеснялись на второй план или игнорировались в связи с появлением заведомо невыполнимых норм. В результате новое законодательство становилось «культурной фикцией», а его неисполнение для подданных (отнюдь не только «подлых») — нормальным и психологически естественным явлением.²³

Кроме того, такой порядок разрушал «вертикальную» (или генеалогическую) ось в придворной системе, что приводило к излишнему увеличению роли и веса «горизонтальной» оси — различных группировок и кланов, ориентирующихся на тех или иных, равно законных претендентов.²⁴

Издание «Устава» сопровождалось появлением трактата Феофана Прокоповича «Правда воли монаршей», призванного разъяснить подданным новый порядок престолонаследия. Но он же доказывал необязательность самого принципа наследственной монархии, поскольку государь, стоящий выше любого «человеческого закона», в выборе наследника волен не принимать в расчет даже само «сыновство» и сделать преемником любого «честного и умного юношу». Более того, Феофан представлял ситуацию с кончиной монарха, не успевшего определить наследника: в таком случае «должен народ всякими правильными догадами испытывать, какова была или быти могла воля государева», и определять престол «первородному» или иным возможным наследникам, не исключая и дочерей, «где женская власть не отставлена» какими-либо иными законами.²⁵

Подобная официальная интерпретация фундаментальной основы монархического правления оправдывала не только произвол власти, но и право подданных «испытывать» кандидатов на престол — при том, что в этом же тексте категорически отрицалась идея избирательной монархии. Феофан, явно не желая того, предсказал реальную ситуацию 1725 г. со всеми ее последствиями и, возможно, стимулировал желание близкого ко двору «народа» осуществить на деле указанные «догады».

Образцом государственного устройства царь считал свою армию; не случайно в именном указе Сенату в 1716 г. он объявил, что Воинский устав «касается и до всех правителей земских». С XVII в. армия не только обгоняла прочий государственный аппарат в деле централизации, но и подталкивала страну к единоличной власти монарха. Теперь же она играла все возрастающую роль во внутренней жизни страны и выполняла разнообразные функции административного и полицейского характера, приобретая при этом черты обособленности, корпоративный характер; ее верхушка — гвардия — исполняла функции контроля.²⁶ На другом уровне — в торжественных церемониях («презентациях власти») петровской эпохи главное место занимала «демонстрация насилия»; главными участниками и украшениями официальных торжеств и празднеств стали гвардейские полки и дамы, присутствие войск теперь затмило во время самой церемонии духовенство.²⁷

Отказ от древнерусского «наследия» (ставшего в глазах людей XVIII столетия символом застоя, отсталости, предрассудков), резкая смена культурных ценностей и «военизация» гражданского устройства не могли не повлиять на нормы политической этики. Возможно, поэтому самый талантливый русский царь стал и первым, на жизнь которого его подданные считали возможным совершить покушение. Об этом говорили и опальные бояре Соковнины в 1697 г., и участник Астраханского восстания Степан Москвитянин: «А буде бы он, государь, платье немецкое носить и бород и усов брить перестать не велел, и его б, государя, за то убить до смерти». Даже простой посадский Сергей Губин посмел в кабаке ответить на тост о царском здоровье: «Я государю вашему желаю смерти, как и сыну его, царевичу, учинилась смерть».²⁸

Во-вторых, запущенная бюрократическая машина со своей иерархией, системой ценностей и реальной властью на средних и нижних этажах управления очень быстро показала, что может обходиться без хозяина. Пройдя суровую петровскую школу, чиновничество обеспечивало работу учреждений при любых переменах на самом вершине. Но при этом чиновник быстро усваивал нормы служения не закону, а «персонам» и собственной карьере, которая обещала даже «беспородному» разночинцу дворянский титул и связанные с ним блага. Обратной стороной выдвижения новых людей явились хищения, коррупция, превышение власти, которые не только не были истреблены грозным полувоенным законодательством Петра, но перешли, так сказать, в новое качество.

Трансформация патримониальной монархии в бюрократическую империю вызвала разрыв традиции гражданской службы вследствие резкого увеличения численности бюрократии (только за 1720—1723 гг. число приказных, по расчетам Е. В. Анисимова, увеличилось более чем в два раза²⁹) и снижение уровня профессионализма чиновников при возрастании их амбиций и appetитов.³⁰ Проще говоря, дьяки и подьячие XVII века брали «умереннее и аккуратнее», а дело свое знали лучше, чем их европеизированные преемники, отличавшиеся полным «бесстрашием» в злоупотреблениях.

В записках одного из сотрудников Петра I — вице-президента Коммерц-коллегии Генриха Фика — приводится характерный образ такого «нового чиновника», с которым сосланному при Анне Иоанновне Фику пришлось встретиться в Сибири. «Молодой двадцатилетний детинушка», прибывший в качестве «ко-

миссара» для сбора ясака, на протяжении нескольких лет «хватал все, что мог». На увещания честного немца о возможности наказания «он мне отвечал так: “Брать и быть повешенным обоим имеет свое время. Нынче есть время брать, а будет же мне, имеючи страх от виселицы, такое удобное упустить, то я никогда богат не буду; а ежели нужда случится, то я могу выкупиться”. И когда я ему хотел более о том рассуждать, то он просил меня, чтоб я его более такими поучениями не утруждал, ибо ему весьма скушно такие наставления часто слушать».³¹

При этом стройная на вид петровская административная система не выработала столь же строгих норм компетенции и ответственности государственных «мест». Характерной ее чертой стало постоянное нарушение нормального «течения» дел, чему способствовал сам Петр. Огромное количество рапортов, жалоб и доношений шло мимо всех инстанций прямо в Кабинет; там оформлялись и выходили подготовленные его чиновниками указы и письма: до 20 % всех именных указов и неуставленное количество устных приказов и письменных распоряжений, переданных через кабинет-секретаря А. В. Макарова.³² Таким образом, с одной стороны, подрывался нормальный, «регулярный» порядок решения многих вопросов; с другой — решения по обильно поступавшим делам готовились чиновниками, и в немалой степени именно от них зависело, как и когда подать царю ту или иную бумагу.

В-третьих, в отличие от ситуации XVI—XVII вв., обретенный страной статус великой державы не мог не привлекать внимания правительств иных стран к ситуации при петербургском дворе: не случайно правительство Франции в то время связывало перспективу союза с Россией с тем, что царь «обязан при жизни своей назначить себе наследника... для сохранения новых учреждений его в Великороссии». Внешнеполитическая ориентация, в свою очередь, играла роль в борьбе за власть в самой России. В соответствии с различным пониманием интересов России возникали противоборствовавшие группировки вельмож и придворных. Борьба по вопросу о союзнических отношениях России с европейскими державами вплеталась в перипетии соперничества у трона и становилась частью общей картины придворных интриг.

Наконец, чрезмерное напряжение сил страны в ходе тяжелых войн и внутренних реформ объективно ставило перед правящими кругами проблему корректировки петровской политики, с ее сторонниками и противниками внутри правящей элиты. К такому пересмотру подталкивало также противоречие интересов дворянства и государственной машины. К такому пересмотру подталкивало и противоречие интересов дворянства и государственной машины.

«Шляхетство» и гвардия в 1725 г.

Петровская «Табель о рангах» открыла широкие возможности карьеры неродовитым дворянам и стимулировала служебное рвение выходцев из «подлых» сословий: почти четверть (22,6 %) офицерского корпуса пехотных полков петровской армии составляли произведенные унтера и рядовые — вчерашние крестьяне, посадские, дети подьячих и церковно-

служителей.³³ Появление целого поколения «выдвиженцев» совпало с «прививкой» ему новых представлений и поведенческих норм.

Повести петровской эпохи рисуют образ нового русского шляхтича, который мог сделать карьеру, обрести богатство и повидать мир от «Гишпаний» до Египта. Герой появившейся в кругу царевны Елизаветы «Истории о некоем шляхетском сыне» уже в «горячности своего сердца» смел претендовать на взаимную любовь высокородной принцессы, «понеже изредка красота ваша меня подобно магнит железо влечет». В этой дерзости: «Как к ней пришел и влез с улицы во окно и легли спать на одной постеле»,³⁴ — не было ничего невозможного, в «эпоху дворцовых переворотов» этот литературный образ стал реальностью. Ведь теперь от личных усилий таких «кавалеров» в значительной степени зависело их поощрение в виде чинов или «деревень», не связанное, как прежде, с «породой» и полагавшимся «окладом».

Закон о единонаследии 1714 г. и введение «Табели о рангах» содействовали процессу консолидации, но этот процесс шел противоречиво.³⁵ Ломка прежних «чиновных» перегородок XVII века не привела к радикальному изменению внутренней структуры «служилого» класса: старая элита «государева двора» смогла приспособиться к новым требованиям и сохранить как свой высокий статус на службе, так и размеры землевладения.³⁶

Приток «выдвиженцев» порождал оппозицию со стороны старых служилых родов. Незнатный новый порядок службы ставил перед волей вышестоящей инстанции, произволом военного или «статского» генерала, а всех вместе — перед «благоволением» монарха, которое могло обернуться взлетом-«случаем» или сылкой с конфискацией имущества, а то и эшафотом. Подобная «атомизация» общества (термин М. Раева) препятствовала складыванию сословной солидарности и, кажется, стала осознаться просвещенными современниками к концу XVIII столетия. М. М. Щербатов сетовал на упадок «духа благородной гордости и твердости» у дворян своего века, оставшихся перед самодержавным произволом «без всякой опоры от своих однородцов». Об ослаблении «связей родственных» писал Александру I Н. М. Карамзин.

С другой стороны, в жестко централизованной системе желание конкретного лица или группы повысить свой статус и упрочить материальное положение не могло не быть устремлено к ее вершине, откуда происходили чины и другие милости.³⁷ В процессе реформ Петр создавал при помощи массовых земельных раздач опорную группу своих приближенных; всего при нем, по данным Ю. В. Готье, было роздано крестьян больше, чем в предыдущие царствования (175 тысяч душ). Е. И. Индова относит эти цифры уже ко всей первой половине XVIII столетия; но по ее расчетам получается, что за это время «шляхетство» потеряло ровно столько же (175 тысяч душ) вследствие опал и конфискаций.³⁸

Указ 1714 г. ликвидировал разницу между поместьем и вотчиной; но одновременно предписывал «не продавать и не закладывать» дворянские земли, за исключением «крайней нужды», т. е. прямо ограничивал дворянское право собственности. Не случайно само понятие «собственность» утверждается в языке и документации только в последние десятилетия XVIII

века.³⁹ Указ не давал никаких гарантий наследственного владения «недвижимым имением»: в первой четверти XVIII века, по неполным данным, земли были конфискованы у 3 тысячи дворян.⁴⁰ Петровская европеизация не давала «шляхетству» гарантий, в том числе — от телесных наказаний и регламентации личной жизни; власть требовала от дворян тяжелой и повседневной службы, в то время как государственное налогообложение примерно в 8–10 раз превосходило стоимость владельческих повинностей.⁴¹

Благосклонное внимание царя оставалось и при Петре, и после Петра главным критерием, смыслом и стимулом службы для получения нового чина и связанных с ним благ; эта черта стала определяющей для массового сознания дворян XVIII столетия при отсутствии прочных межличностных связей и корпоративной солидарности.⁴² Однако усиление патриониального начала, возрастание зависимости статуса и благосостояния от воли монарха имели и оборотную сторону, которую уловил М. М. Щербатов: «Начели люди наиболее привязываться к государю и к вельможам, яко ко источникам богатства и награждений, ... сия привязанность несть благо, ибо она не точно к особе государственной была, но к собственным своим пользам».⁴³

В свое время В. О. Ключевский предполагал, что несокрушимая уверенность Петра в своей правоте проистекала из его мироощущения «московского допетровского царя».⁴⁴ Не справедливее ли будет предположить, что одержимость Петра в конструировании «регулярного» государства опиралась в том числе и на вполне реальную веру во всемогущество верховного начала? При отсутствии каких-либо институтов социального контроля государство не было связано ничем в ходе осуществления модернизации, которая неизбежно приобретала принудительный характер, — что порождало «психологию, для которой свойственно апеллировать к государству как единственному организатору и инициатору совершенствования общества».⁴⁵

Другое дело, что сама эта вера создавала определенное «силовое поле» давления на самодержца, с которым неизбежно надо было считаться. К тому же и прошедшие петровскую «школу» дворяне, осознавшие свои возможности и «разум», со временем не могли не задуматься о плюсах и минусах реформ и их последствиях и попытаться воздействовать на петровское «наследство» в желательном для них смысле.

При этом для политической культуры даже высшего слоя дворянства характерно отсутствие корпоративной солидарности и прочных личностных или родовых связей: состав придворных «партий» быстро менялся, и вчерашние союзники становились злейшими врагами. При отсутствии правовых традиций и легальных корпоративных форм донесения до престола своих чаяний «регулятором положения и политики абсолютизма в интересах всего дворянства стали не конкретные учреждения, а бюрократия, двор, и со временем — гвардия».⁴⁶

Эта специфическая корпорация являлась не только элитной воинской частью, но и чрезвычайным рычагом управления. В первой половине столетия гвардия стала школой кадров военной и гражданской администрации: из ее рядов вышло 40 % сенаторов и 20 % президентов и

вице-президентов коллегий.⁴⁷ При Петре гвардейцы формировали новые полки, отправлялись с ответственными поручениями за границу, собирали подати, назначались ревизорами и следователями; порой сержант или поручик были облечены более значительными полномочиями, чем губернатор или фельдмаршал.

Петр лично «экзерцировал» свои полки, угощал гвардейцев из своих рук и был желанным гостем на их свадьбах. Символом доверия к гвардейцам стало включение 24 офицеров Преображенского полка в число судей над царевичем Алексеем: рядом с генералами и вельможами подписи под приговором сыну своего государя поставил прапорщик Дорофей Ивашкин.⁴⁸ Культивируемые Петром I силовые методы политической борьбы и приближение гвардейцев к «политике» не могли, рано или поздно, не породить естественной реакции в виде интриг и заговоров, опиравшихся на гвардию как единственную оформленную политическую силу.

Большинство главных действующих лиц «эпохи дворцовых переворотов» — А.Д.Меншиков, И.А. и В.В.Долгоруковы, Д.М. и М.М.Голицыны, Б.Х.Миних; позднее А.Г. и К.Г.Разумовские, П.И. и А.И.Шуваловы, братья Орловы и другие, даже такие сугубо «штатские» деятели, как П.А.Толстой, Н.Ю.Трубецкой, Н.И.Панин, Я.П.Шаховской, — прошли через эту школу, т.е. служили в гвардейских частях или командовали ими. Вслед за царем и другие фигуры при дворе стремились найти опору в личных воинских частях. Личной гвардией Меншикова стал созданный им в 1703 г. Ингерманландский полк, пользовавшийся «всеми преимуществами императорской гвардии».⁴⁹

Однако перечисленные выше лица являли собой «генералитет». Сами полки гвардии к концу царствования Петра только наполовину были дворянскими (43,5 % по спискам 1723 г.), но среди унтер-офицеров и офицеров дворян было намного больше — 70–90 %. В рядах гвардейцев встречались выходцы из аристократических фамилий; но полковые списки чинов 1724–1725 гг. показывают, что подавляющее большинство служивых были мелкими и мельчайшими помещиками: так, в Семеновском полку 27 % дворян вообще не имели крепостных, а 50 % владели не более чем 1–5 дворами.⁵⁰ Они не слишком сильно отличались от сослуживцев-недворян — детей приказных, канцеляристов, однодворцев, церковников, дворцовых служителей.

Многим гвардейцам только личная храбрость, исполнительность и усердие позволили сделать карьеру, находясь «на баталиях и в прочих воинских потребах безотлучно». В 1704 г. сиротой из бедных новгородских дворян (на четверых братьев — один крепостной) начинал службу солдатом-добровольцем Преображенского полка Андрей Иванович Ушаков — и через десять лет стал майором гвардии и доверенным лицом царя по производству «розысков». Там же служил и земляк Ушакова Петр Максимович Ханыков. Карьера не задалась: к 1725 г. он дослужился только до сержанта⁵¹ — но, как и его удачливый сослуживец, стал одним из героев «эпохи дворцовых переворотов».

Для многих гвардейцев служба была единственной возможностью выслужить обер-офицерский чин и в редком случае «деревнишку» (при Петре I оделяли с разбором и скупой), а жалование — основным источником существования. Одни из них так и умирали «при полку»; другие выходили в отставку 60-летними солдатами, порой не имевшими ни одной

крепостной души. Что же касается политических взглядов и духовных запросов гвардейцев, то такие тонкие «материи» трудно уловить по служебным документам; но можно предполагать, что они не слишком вышались над представлениями массы служивых людей той эпохи, чьи главные «университеты» были походы и служебные командировки для подавления «бунтовщиков» и «понуждения» местных властей.

Полковые документы свидетельствуют о складывавшейся традиции наследственной службы, когда подраставшие «недоросли» просили зачислить их в полк, «где служат родственники мои». Поступившие же следили за продвижением на «убылые места», напоминали о выплате задержанного жалования, о повышении окладов, выдаче провианта; этот круг интересов отражен в делах и приказах по полкам. Там же фигурируют карты, вино и прочие походно-казарменные развлечения, после которых приходилось лечиться от «старой французской болезни», улаживать ссоры и выплачивать долги.

Судя по военно-судным делам, общие пороки петровской эпохи не миновали и гвардии. В 1728 г. ссыльный солдат Преображенского полка Григорий Бушинский с товарищами-гвардейцами подал прошение о помиловании; выписка по делу перечисляет весь традиционный набор грехов: присвоение жалования умерших и отставных, воровство, в том числе и охраняемого имущества, загул с многодневным «отлучением» из строя, пьянство, убийства, разбой. Из десяти челобитчиков только один солдат Семен Ижорин оказался грамотным.⁵²

При полках существовали школы; но в боях с внутренними и внешними врагами солдаты так и не смогли выучиться грамоте: за многих гвардейцев в бумагах расписывались грамотные сослуживцы. Немногие сохранившиеся записи на принадлежавших гвардейцам книгах свидетельствуют о традиционных вкусах: читали «Келейный летописец» Дмитрия Ростовского, Новый летописец, сочинения Сильвестра Медведева.⁵³ Но, как указывают пометы в списке Преображенского полка 1725 г., дети петровских офицеров уже получали иное образование: сыновья майоров Г.Д.Юсупова и С.А.Салтыкова учились во Франции, а отпрыски младших офицеров изучали «русскую и французскую грамоту», геометрию и фортификацию в Петербурге в «немецкой» и других школах.⁵⁴

Впрочем, даже из ближайшего окружения царя немногие могли подняться до его уровня понимания «государственной пользы». Одни из сподвижников ушли из жизни (Б.П.Шереметев, Ф.Ю.Ромодановский), другие попали в опалу или даже были казнены (М.П.Гагарин, А.П.Нестеров, А.В.Кикин, П.П.Шафиров, А.Д.Меншиков), третьи оставались верными слугами, но в душе противились многим его начинаниям (Д.М.Голицын, Ф.М.Апраксин). Непонимание и даже враждебность преобразовательным планам проникли в семью Петра, вследствие чего уже в 1715 г. перед ним встал вопрос о престолонаследии и сохранении политического курса.

«Дело» царевича Алексея и проблема престолонаследия

По распоряжению Петра I его сын от нелюбимой и сосланной в монастырь Евдокии Лопухиной в 1711 г. по воле отца вступил в брак с кронприн-

цессой Шарлоттой-Софией Брауншвейг-Вольфенбюттельской. В том же году сам царь «оформил» свои отношения с бывшей пленницей Мартой Скавронской, в крещении – Екатериной Алексеевной, причем царевич был ее крестным отцом. От брака царевича – ставки в дипломатической игре его отца – родилась дочь Наталья, а 12 октября 1715 г. – сын Петр.

Положение сына официального наследника российского престола сразу же оказалось под угрозой. Уже через 10 дней умерла его мать; а на следующий день Екатерина родила сына, тоже названного Петром. Характерно, что имя несчастной Шарлотты-Софии было использовано заграничными самозванцами: в Европе ходили слухи, что принцессу похитил влюбленный в нее кавалер и тайно обвенчался с ней во Франции, где в 1773 г. умерла некая дама, выдававшая себя за «бывшую российскую царевну». ⁵⁵ Узел династического спора завязался в тот момент, когда подходило к концу столкновение Алексея с отцом, «омерзение» к особе которого переросло у наследника в неприятие его преобразований. ^{55a}

Итогом был разыгранный в Кремле спектакль прощения и отречения от престола, затем следствие в застенках Тайной канцелярии, смертный приговор Верховного суда, связавший поручой виднейшей круговой сподвижников Петра и загадочная смерть в Трубецком раскате Петропавловской крепости. Однако, какими бы ни были последние часы и минуты жизни Алексея, в народном сознании царь вполне мог выглядеть убийцей сына. Ветераны петровской эпохи спустя много лет рассказывали собеседникам: «Знаешь ли, государь своего сына своими руками казнил», – как это сделал в 1749 г. солдат Навагинского полка в далеком Кизляре Михаил Патрикеев. ⁵⁶

Вплоть до недавнего времени эти события оценивались в нашей литературе как разгром реакционных сил, знаменем которых был Алексей. ⁵⁷ В немалой степени такой трактовке способствовало издание материалов «дела» Н.Г.Устряловым, который, как оказалось, весьма существенно правил текст документов, устранив из них информацию о сочувствовавших царевичу представителях петровской знати. ⁵⁸

Предпринятое недавно новое исследование «дела» показывает, что при дворе к середине 1710-х гг. сложились две противоборствовавшие «партии». Во главе первой стоял А.Д.Меншиков, другую возглавляло семейство Долгоруковых, приобретающее все большее влияние на Петра I. К взрослому наследнику тянулись лица из ближайшего окружения Петра, в их числе фельдмаршалы Б.П.Шереметев и В.В.Долгоруков, сенаторы Я.Ф.Долгоруков и Д.М.Голицын. Эта «пассивная оппозиция» (А.В.Кикин, Д.М. и М.М.Голицыны, Я.Ф. и В.В.Долгоруковы, Б.П.Шереметев, царевич Василий Сибирский) готовилась перейти после кончины Петра от выжидания к активным действиям. С этой целью был разработан план, предусматривавший возведение Алексея на престол или утверждение его регентом при сводном младшем брате Петре. ⁵⁹

Некоторые авторы считают возможным охарактеризовать эту группировку как «умеренных реформаторов европейской ориентации». ⁶⁰ Выводы эти кажутся обоснованными применительно к таким личностям, как А.В.Кикин или В.В.Долгоруков. Однако, на наш взгляд, в кругу «сообщников» царевича были и люди, настроенные против всяких реформ. Едва ли стоит идеализировать и самого Алексея как политического деятеля.

Наряду с «разумными идеями» (отказ от имперской внешней политики) царевич мечтал, «не жалея ничего, достигнуть наследства», вплоть до использования военной помощи, которую обещал ему австрийский вице-канцлер граф Шенборн. Эти показания историки считают достоверными – тем более, добавим, что они не были «подсказаны» ему в вопросах следователей. К сожалению, последний из исследователей «дела» не сформулировал четко свою позицию относительно подлинности обвинений царевича в намерении захватить престол при живом отце. ⁶¹

Если представить себе последствия возможного вступления Алексея на престол (например, в случае внезапной смерти Петра), как бы сочетались его намерения опереться на духовенство (царевич рассчитывал, что архиереи и священники его «владельцем учинят»), не «держат» флот и передать российские войска и «великую сумму денег» в распоряжение Австрии с планами просвещенных реформаторов? Сами «оппозиционеры» отнюдь не были едины, и тот же Кикин специально хранил письмо царевича к В.В.Долгорукову «на обличение» последнего. Выступая против реформ отца, Алексей тем не менее унаследовал его темперамент: он мог пообещать посадить на кол детей канцлера Головкина и братьев Трубецких и всерьез собирался жениться на своей любовнице, крепостной Евфросинье: «Видь де и батюшко таковым же образом учинил». ⁶²

Из «дела» Алексея, как нам представляется, можно сделать вывод о том, что приход царевича к власти был чреват острыми политическими столкновениями в имперской верхушке с вероятными исходами как в виде дворцового переворота, так и ссылок или плахи для слыхом европейски ориентированных и самостоятельных вельмож. Но и избранный Петром «силовой» выход из кризиса вместе с устранением законного, в глазах общества, наследника обещал в будущем потрясения.

По воле царя Россия в 1718 г. присягнула новому наследнику – его сыну Петру Петровичу. Но в апреле 1719 г. он неожиданно умер, и четырехлетний сын казненного Алексея опять стал кандидатом на престол и объектом политических интриг: за ним начали пристально наблюдать иностранные дипломаты. ⁶³ В 1720 г. внук появляется на миниатюрном семейном портрете Петра I, исполненном Г.Муסיкийским, ⁶⁴ а в 1722 г. был заказан и исполнен портрет маленького Петра и его сестры, где дети изображены в виде Аполлона и Дианы.

В 1721 г. внимательный и хорошо информированный французский посол при русском дворе Жан Кампредон отмечал в своих донесениях в Париж: царь не исключает передачи престола внуку, но против этого возражает «партия принцесс» – дочерей императора. В том же году австрийский посол граф Кинский пытался заговорить с Петром о правах внука (единственный мужской отпрыск Романовых являлся «племянником» императора Карла VI Габсбурга: его жена была родной сестрой матери маленького Петра), и это немедленно стало известно французским дипломатам, опасавшимся усиления австрийского влияния. ⁶⁵ Вице-канцлер Шафиров успокаивал Кампредона: «<...> император, некоторые другие державы и даже кое-кто из наших хлопчат о назначении наследником внука царя, чего сам царь, сколько я могу судить, не желает. Отец этого

принца покушался на жизнь и на престол его царского величества: большая часть нынешних министров и вельмож участвовала в произнесенном над ним приговоре. К тому же весьма естественно отдавать преимущество собственным детям и, между нами, мне кажется, что царь назначает престол своей старшей дочери». ⁶⁶

Так в конце 1721 г. впервые в числе претендентов на престол была названа «цесаревна» Анна. Отныне ее имя стало упоминаться в донесениях послов наряду с другими наследственными комбинациями, включая брак Елизаветы с сыном царевича Алексея. В 1723 г. в числе претендентов появилась и жена Петра Екатерина, в качестве регентши при той же Анне. ⁶⁷ По данным прусского посла Густава фон Мардефельда назревало даже столкновение за престол между Анной и ее матерью. ⁶⁸

Выбор был нелегким, тем более что Петра не могли не беспокоить возможные интриги вокруг малолетнего монарха, имевшие место даже во Франции — стране с гораздо более прочными правовыми традициями. Царь не мог не знать, что завешание его «брата» Людовика XIV о передаче военного ведомства и ответственности «за безопасность, охрану и воспитание» нового короля своему незаконному сыну, герцогу дю Мэну, было отменено регентом Филиппом Орлеанским при поддержке высшего судебного учреждения (парламента). В августе 1718 г. на заседании парижского парламента в присутствии мальчика-короля Людовика XV оно было признано незаконным, а герцог снят со своих постов и удален из Парижа.

В конце того же года, когда решалась судьба царевича Алексея, Петр получал из Парижа донесения своего посланника барона Шлейнича о тамошнем «великом беспокоестве»: аресте испанского посла герцога Челламаре («князь Селламар») и виднейших французских вельмож — герцога Мэна, хранителя печати Д'Аржансона и других лиц. Как следовало из захваченных французскими властями документов посла, заговорщики стремились устранить регента и самого короля и передать трон другому внуку Людовика XIV — испанскому королю Филиппу V, который должен был вторгнуться с войсками во Францию. ⁶⁹

Австрийский император Карл VI еще в 1713 г. издал «Прагматическую санкцию», в которой провозгласил нераздельность всех наследственных владений Габсбургов и переход престола (при отсутствии наследников мужского пола) к своей дочери, будущей императрице Марии-Терезии. Особенностью этого документа стало последовательное его обсуждение и утверждение в сословных ландтагах всех земель австрийского монархии (Австрийских Нидерландах, Венгрии, Хорватии и собственно Австрии) в 1720—1723 гг. — как раз в то же время, когда Петр I решал для себя аналогичную задачу. До самого конца своего царствования Карл VI стремился обеспечить международные гарантии этого акта.

После долгих колебаний Петр утвердил в феврале 1722 г. первый в российской политической традиции закон о престолонаследии. Но этот важнейший правовой акт, по сути, провозглашал беззаконие — волю правящего на данный момент монарха назначать наследника по своему усмотрению и отменять уже состоявшееся назначение по причине «непотребства» кандидата: «Понеже всем ведомо есть, какою авессаломскою

злостью надмен был сын наш Алексей, и что не раскаянием его оное намерение, но милостью Божиею всему нашему отечеству пресеклось, а сие не для чего иного у него взросло, токмо от обычая старого, что большому сыну наследство давали... чего для заблигорассудили сей устав учинить, дабы сие было всегда в воле Правительствующего государя, кому оной хочет, тому и определит наследство, дабы дети и потомки не впали в такую злость, как выше писано, имея узду на себе».

Отменяя «недобрый обычай», Петр все же пытался отыскать прецедент в прошлом и ссылаясь при этом на великого князя Ивана III (1462—1505 гг.), который «не по первенству, но по воле же чинил и дважды отменял, усматривая достоинство наследника». ⁷⁰ Царь мог и не ведать, что борьба сторонников обоих претендентов (внука Дмитрия и сына от другой жены Василия) в 1497—1502 гг. сопровождалась заговорами, казнями и гибелью в темнице уже венчанного внука. Или знал — но верил в мощь созданной им государственной машины и беспрекословное подчинение всех его воле.

Вслед за столь революционным актом царь издал распоряжение о присяге будущему — не названному и не определенному — наследнику, что вызвало глухое сопротивление самодержавной воле в традиционной для России форме поиска истинного царя-наследника. К тому же богохульные забавы и небывалые перемены всего жизненного уклада при Петре вызвали подозрения в его происхождении: «Если б де он был государь, стал ли б как свою землю пустошить?» Но Петр был слишком неординарной личностью и его слишком часто можно было видеть «живьем», чтобы мог появиться двойник. Зато слухи о выстулении царевича Алексея против отца стали распространяться задолго до его казни: с 1715 г. стали появляться лже-Алексеи, а в 1724 г. объявилось сразу два претендента. ⁷¹

В 1722 г. во всех храмах империи по форме новой присяги вслед за Петром и его женой поминали всех возможных кандидатов: «<...> благоверные государыни цесаревны; благоверную царицу и великую княгиню Параскеву Федоровну и благоверного великого князя Петра Алексеича, и благоверные царевны великия княжны», — т.е. детей и внука самого Петра, а также жену и дочерей его брата Ивана, умершего в 1696 г. ⁷²

В столице дипломатический корпус с нетерпением ожидал известий о назначении преемника Петра, исходя при этом из своих интересов. Мардефельд и Кампредон предпочитали воцарение Анны Петровны, чтобы нейтрализовать поиски австрийских и саксонских дипломатов, отставивших кандидатуру сына казенного царевича Алексея. ⁷³ В 1723 г. началось дело монаха-капуцина Петра Хризологуса, который якобы по поручению австрийского двора «изыскивает идти для свидания с его высочеством». ⁷⁴

К концу 1723 г. Петр вроде бы решил остановить выбор на своей жене Екатерине. В ноябре был издан манифест о предстоявшей коронации Екатерины (по образцу «православных императоров греческих»), поскольку она «во многих воинских действиях, отложив немочь женскую, волею с нами присутствовала и елико возможно помогала». Едва ли Петр заблуждался насчет государственных способностей своей супруги; скорее, царь решил предоставить ей особый титул (независимо от брака) и

преимущественное право на престол в расчете на поддержку ближайшего окружения из числа новой петровской знати.

Церемония коронации состоялась в Москве в мае 1724 г. К этим дням восходит записанное много позже свидетельство голштинского министра Бассевича о заявлении Петра присутствующим в гостях у некоего английского купца, «что он коронует Екатерину для того, чтобы дать ей право на управление государством».⁷⁵ Французский же посол сообщил своему двору: «Весьма и особенно примечательно то, что над царицей совершен был, против обыкновения, обряд помазания так, что этим она признана правительницей и государыней после смерти царя, своего супруга», — но он же докладывал о «множестве недовольных», от которых можно ожидать «тайного заговора».⁷⁶

Однако удар постиг Петра с той стороны, откуда он, по-видимому, его не ожидал: 8 ноября 1724 г. был арестован управляющий канцелярией Екатерины Вилим Монс, и уже 15-го он был казнен — по официальной версии, за злоупотребления и казнокрадство. Современники же считали, что главной причиной была предосудительная связь императрицы с красавцем камергером. Имя императрицы, естественно, не упоминалось на следствии; тем не менее Петр повез жену смотреть голову казненного Монса, и — что более важно — разлад в семье имел политические последствия.

По данным австрийских дипломатов, Петр приказал опечатать драгоценности жены и запретил исполнять ее приказания.⁷⁷ Согласно свидетельствам капитана Ф. Вильбуа и французского консула Виллардо, в это время он уничтожил заготовленный было акт о назначении ее наследницей.⁷⁸ По мнению Кампредона, царица откровенно боялась за свое будущее, хотя и пыталась, как сообщал саксонский посланник Лефорт, вернуть расположение мужа и на коленях вымаливала у него прощение.⁷⁹

В это же время в очередную опалу из-за неутомимого казнокрадства попал Меншиков, которого Петр уже лишил поста президента Военной коллегии. Подметное письмо, оказавшееся справедливым, обвиняло во взяточничестве и других злоупотреблениях членов Вышнего суда сенаторов А.А. Матвеева и И.А. Мусина-Пушкина, генерала И.И. Дмитриева-Мамонова и кабинет-секретаря императора А.В. Макарова.⁸⁰ Меншикову и Макарову, пользовавшимся ранее поддержкой Екатерины, новые обвинения могли стоить головы; тем более что генерал-фискал Мякинин получил приказ «рубить все дотла» и в последнюю неделю жизни царя дважды, 20 и 26 января, докладывал Сенату о взятках и хищениях крупных чиновников.⁸¹

Сам же Петр явно не думал о скором конце: был полон планов, готовился после лечения и отдыха отправиться в Ригу⁸² и уже назначил с марта пятницу приемным днем по сенатским делам. Но царь так и не смог решить, на ком из наследников остановить выбор. Старшая дочь Петра Анна была в том же 1724 г. обручена с голштинским герцогом Карлом-Фридрихом. По условиям брачного договора Анна и ее муж отрекались от всяких прав на российскую корону; однако он имел секретную статью, согласно которой Петр имел право провозгласить своим наследником сына от этого брака (об этом немедленно стало известно французскому послу), которого, правда, надо было еще дождаться.⁸³

Предполагаемое завещание с именем наследника так и осталось, по выражению Мардефельда, «неразгаданной тайной». Царь медлил с принятием решений о наследстве и судьбе своих ближайших слуг. Стусшавшееся в Петербурге напряжение порождало тревожные слухи. Русский резидент Л. Ланчинский передавал в январе 1725 г. из Вены распространявшиеся там слухи о якобы совершенном покушении на царя: пуля пробила его кафтан; адмиралу Апраксину, «который подле его величества шел, обе ноги прострелили».⁸⁴

25–28 января 1725: неудавшийся компромисс

В декабре 1724 — январе 1725 г. Петр все чаще хворал и все больше времени вынужден был проводить дома. Шестого января на крещенском параде он последний раз стоял в строю своей гвардии; 14 января — появился на ассамблее у адмирала К. Крюйса и распорядился подготовить к плаванию 5 линейных кораблей и 2 фрегата Балтийского флота. С 17 января царь уже не покидал дворца.⁸⁵

Официальная версия дальнейших событий была составлена Феофаном Прокоповичем и сразу же напечатана за границей для опровержения «несовершенных повестей». Феофан, как «самовидец» событий, утверждал, что уже с 16 января болезнь «смертоносную силу возымела»; царь объявил о своем безнадежном состоянии окружающим и велел поставить рядом походную церковь. Затем Петр стал «изнемогать»; но здесь очевидец пропустил описание последующих дней и сразу перешел к событиям середины дня 27 января, когда у царя началась агония и придворные стали с ним прощаться.

По кончине царя 28 января к вечеру во дворце собрались члены Сената, генералитет и «нещии из знатнейшего шляхетства». После нескольких выступлений (имен Феофан не называл) о праве на трон уже коронованной Екатерины всем «без всякого сумнительства явно показалось, что сия императрица державу Российскую наследовала, и что не елекция делается, понеже уже наследница толь чинно и славно поставлена; чего для, дабы и конгресс тот не елекциею, но декларациею назван был, согласно все приговорили».⁸⁶

В этой версии заметно желание, во-первых, представить смерть Петра как образец последнего на этом свете служения государя и истинного сына церкви; во-вторых, показать единодушный и быстрый выбор («в едином часе все совершилось») его наследницы, — хотя не совсем понятно, кого же при таком согласии все-таки приходилось убеждать. В-третьих, очевидец привел вполне реалистические черты поведения и страданий Петра в последние часы его жизни и несколько раз подчеркнул, что тот еще вечером 27 января мог говорить, хотя и «засохлым языком и помешанными словами». Но при этом Феофан явно не считал нужным рассказывать о предшествовавших смерти императора событиях 25–26 января.

Более драматичную трактовку событий января 1725 г. дал в опубликованных еще в 1775 г. записках голштинский министр Геннинг-Фридрих фон Бассевич, оказавшийся в это время в самом центре событий вместе со своим государем. Для голштинца утверждение на престоле тещи свое-

го герцога было жизненно важным делом, поэтому его старания в ее пользу неудивительны; но в мемуарах он, не колеблясь, отводил себе главную роль в произошедших событиях.

Согласно Бассевичу, ему стало известно от генерал-прокурора Ягужинского о готовившемся заговоре, в результате которого «гибель императрицы и ее семейства неизбежна»: Екатерину с дочерьми якобы должны были заточить в монастыре. Бассевич немедленно явился к ничего не подозревавшей императрице и затем к Меншикову, после чего «два гениальных мужа» (так автор именовал себя и Меншикова) начали операцию по спасению растерянной Екатерины.

Светлейший князь агитировал офицеров гвардейских полков; министр же уговаривал царицу не робеть, а генерала Бутурлина — примкнуть к Меншикову, после чего лично дал знак гвардейцам появиться под окнами дворца. Заключительная часть рассказа Бассевича о речах сановников (Макарова и Феофана) в пользу Екатерины и ее провозглашении императрицей вполне совпадает с «Повестью» Прокоповича, что неудивительно, поскольку автор был знаком с ее немецким изданием.⁸⁷ Версия Бассевича о «заговоре» попала в биографию Петра I Вольтера и уже отсюда воспринималась читателями второй половины XVIII века, подобно И.И.Голикову.⁸⁸

Откровенное хвастовство Бассевича не заслуживало бы особого интереса, если бы он действительно не был участником — во всяком случае, очевидцем — происходивших событий. Именно Бассевич привел знаменитый рассказ о последней попытке Петра I назвать имя наследника: «Император пришел в себя и выразил желание писать, но его отяжелевшая рука чертила буквы, которых невозможно было разобрать, и после смерти из написанного им удалось прочесть только первые слова: “Отдайте все...” Он сам заметил, что пишет неясно, и потому закричал, чтоб позвали к нему принцессу Анну, которой хотел диктовать. За ней бегут, она спешит идти, но когда она является к его постели, он лишился уже языка и сознания, которые более к нему не возвратились».⁸⁹

Во-вторых, из его мемуаров, как бы к ним ни относиться, прямо следует, что никакого соглашения среди собравшихся не было; вопрос, кому быть преемником Петра, решался силой гвардейских полков. Оба эти положения прочно вошли в науку и стали неотъемлемой принадлежностью представлений о кончине первого российского императора, хотя первый издатель этого текста Бюшинг предупреждал, что сочинение Бассевича является не собственно мемуарами, а «французским извлечением из оставшихся после него бумаг».⁹⁰

К опубликованным еще более 100 лет назад депешам прусского, саксонского и французского посланников можно добавить выдержки из донесений их австрийского, голландского и датского собратьев. При этом надо иметь в виду, что эти материалы представляют собой сложный и «многослойный» источник; сами авторы нередко затруднялись отделить точные сведения от непроверенных толков и с течением времени корректировали высказанные ранее взгляды. Многие из приводимых ими фактов не имеют подтверждения в других источниках и не могут быть проверены.

Итак, с 17 января 1725 г. Петр почувствовал себя плохо. 19 января Кампредон и Лефорт сообщили о новом припадке болезни как о рядовом событии в числе прочих. Один из лечивших Петра врачей, итальянец Азарити, даже заверил французского посла, что опасности для жизни царя нет. Новые депеши обоих послов от 23 января также не содержали тревожных сведений; Кампредон писал об улучшении состояния больного от лечения «бальзамическими травами». Лефорт — правда, весьма неуверенно — передавал: «Вчера царь, кажется, написал завещание».⁹¹

На самом деле уже 19-го числа сам Петр или лица из его окружения предписали находившемуся в Москве А.А.Матвееву срочно выслать в северную столицу доктора Поликло, что было сделано «с величайшим поспешением» рано утром 23 января. Насчет завещания сказать что-либо конкретное трудно; во всяком случае, до 25 числа Петр был способен заниматься делами: «записная книга» кабинет-секретаря А.В.Макарова отмечает за эти дни собственноручные петровские «пометы» о выдаче денег из Кабинета ученикам у иноземных мастеров, «кухмейстеру» Яну Фелтену, солдатам «на бечевой работе» на Неве.⁹² Тогда же Петр распорядился выдать 260 рублей токарного дела мастеру Ф.Рейшу.⁹³ После 25 января о «пометах» такого рода в документах Кабинета не сообщается.

Тревожные ноты появились в донесении Кампредона от 26 января: в ночь с субботы на воскресенье (т.е. с 23 на 24 января 1725 г.) наступило обострение болезни; и в понедельник 25 января врачи решились на операцию, принесшую лишь кратковременное облегчение. С утра среды состояние больного уже стало внушать опасения — и не только послам. От страшных болей Петр «неумолчно кричал и тот крик далеко слышен был», как вспоминал Никита Кашин.⁹⁴ В этот день была объявлена первая амнистия осужденным на каторгу, за исключением обвинявшихся «по первым двум пунктам».

Французский и голландский дипломаты 26 января сообщали о состоявшемся в середине дня заседании Сената и президентов коллегий, где речь шла о присяге и форме правления при малолетнем сыне царевича Алексея. То же самое передал в Вену секретарь австрийского посольства Гогенгольц; в том, что «все было улажено в пользу великого князя», был уверен и шведский посол Цедеркрейц за сутки до смерти Петра.⁹⁵ Маленький Петр Алексеевич, таким образом, становился законным наследником императора при отсутствии явно выраженной воли последнего. О ней же никаких сведений не поступало. Кампредон в той же депеше от 26 января и Лефорт в донесении от 30 января вполне категорично утверждали, что царь не сделал никаких распоряжений на этот счет. Кроме того, французский посол сообщал о наличии двух «партий» и предполагаемом соглашении между ними при условии, если Екатерина «будет правительницей вместе с Сенатом».⁹⁶

Подводя итог этого наполненного событиями дня, можно (при всей искаженности и неполноте попадавшей к дипломатам информации) предположить, что кризис в состоянии больного императора наступил лишь к 25 января, и тогда не решенный прежде вопрос о наследнике неизбежно должен был привести к противоборству придворных «партий». В течение 25–26 января,

как можно судить из представленных донесений, наметился компромисс между сторонниками Петра II и Екатерины. Такой поворот событий должен был утвердить на троне законного в глазах большинства населения наследника и, возможно, ограничить авторитетом высшего государственного органа — Сената — власть регентши Екатерины и ее ближайшего окружения.

Но согласие, если оно и было, продолжалось недолго. В тот же день 26 января, как сообщил голландец де Вилде, дворец был окружен стражей; тут же разнеслись слухи о смерти Петра, которую намеренно скрывают, что можно объяснить изоляцией умиравшего царя.⁹⁷ Из журнала протоколов Сената за январь 1725 г. следует, что 27 числа на заседание явились не присутствовавшие ранее Д. М. Голицын и И. А. Мусин-Пушкин; они же вместе с П. А. Толстым раньше всех покинули присутствие и поспешили во дворец, где решалась судьба трона.⁹⁸ Но у постели Петра постоянно дежурили, по сообщению Кампредона, преимущественно сторонники Екатерины: Ягужинский, Меншиков, Толстой, Апраксин, Репнин и канцлер Головкин — хотя два последних, как видно из позднейших донесений, проявили колебания в вопросе о престолонаследии. Все источники единогласно утверждают, что не отходила от царя и сама Екатерина.

Феофан говорит лишь о начавшемся во второй половине 27 января прощании с умиравшим Петром. Повествование же Бассевича о заговоре **против** Екатерины явно не соответствовало действительности. Ограниченную в правах регентшу и ее дочерей свергать не было никакой необходимости. Заговор — если он и имел место — был организован именно в пользу **самодержавия** Екатерины для устранения сына Алексея и любых ограничений власти императрицы. Именно с этой целью действовали в ночь с 27 на 28 января Меншиков, Толстой, Ягужинский, Макаров, их адъютанты и доверенные лица, в том числе и Бассевич.

В утренней депеше 28 января Кампредон (он торопился отдать ее шведскому послу для отсылки по своим каналам) сообщил о смерти Петра I, еще не зная подробностей: он писал, что именно в тот момент во дворце шла борьба двух группировок вокруг трона, и он только что «получил уведомление, что восторжествует, кажется, партия царицы».⁹⁹ Последующие депеши были отправлены им и его коллегами уже 30 января, когда дипломатический корпус был официально извещен о смерти императора и начале нового царствования, а посланники спешили передать своим дворам собранные ими подробности.

Французский и прусский послы к тому времени уже располагали важной информацией о событиях, и текст их депеш оказался при сличении почти идентичным, что ясно даже из перевода:

Кампредон:
«Орудием всего этого явился князь Меншиков, склонивший на сторону императрицы гвардейский полк. Как только император простился с ними, Меншиков повел всех гвардейских офицеров к императрице, которая напомнила им, как много делала всегда для

Мардефельд:
«Орудием в этом деле послужил ей князь Меншиков, склонивший на ее сторону гвардейские полки, которые питали к покойному императору бесконечную любовь и почтение. Как только царь простился с гвардейскими офицерами, Меншиков повел их всех к императрице. Пос-

них, как заботилась о них в походах, и выразила надежду, что они не покинут ее в несчастье. Тогда они все принесли присягу в верности императрице и со слезами поклялись ей, что скорее дадут себя изрубить в куски у ног ее величества, чем позволят возвести на престол кого-либо иного.

Между тем Меншиков, не теряя времени, до самой кончины императора работал ревностно и поспешно, склоняя в пользу императрицы гражданские и духовные чины государства, собравшиеся в императорском дворце. Князь не жалел при этом ни обещаний, ни угроз для своей цели. Он примирился со своими врагами и уверял всех, что не преследует никаких корыстных целей, а только решил поддержать семью своего императора до последней капли крови. Бассевич также много поработал для своего государя в этом случае, от которого зависело все счастье герцога Голицинского. И министр этот действовал так искусно, что успел примирить Ягужинского с Меншиковым и убедил его объявить себя за императрицу.

К моменту кончины императора все меры были уже приняты; и когда сенаторы, министры, генералы и несколько епископов собрались на совет, им объявили, что так как понесенная всеми потеря вынуждает их подумать о новом правлении, то они прежде всего должны вспомнить, в чем присягали императрице касательно престолонаследия. Затем прочтены были самая присяга и подробное разъяснение ее...»
(Сб. РИО. Т. 52. С. 428–429).

ледня представила им, что она сделала для них, как заботилась об них во время походов, и что, следовательно, ожидает, что они не оставят ее своей преданностью в несчастии. На это поклялись они под сильным плачем и стоном ее величеству, что все они лучше согласятся умереть у ее ног, чем допустить, чтобы кто-то другой был провозглашен.

В продолжение остального времени, до кончины императора, старался князь Меншиков с чрезвычайной бдительностью и умом склонить на сторону императрицы духовные и светские сословия, бывшие все время собранными в царских палатах. Для этого он употреблял обещания и угрозы, примирился со всеми врагами и постоянно и твердо утверждал, что он этим не думает выиграть что-нибудь лично для себя, а желает поддерживать до последней капли крови права императорского семейства.

Фон Бассевич также принимал в этом деле горячее участие, так как от него зависит благополучие его господина. Он работал день и ночь, чтобы помочь склонить к нему сенаторов и министров, и ему действительно посчастливилось помирить Ягужинского с Меншиковым и привлечь его на сторону императрицы.

Чрез это дела расположились так, что тотчас после кончины императора сенаторы, министры и генералы, а также некоторые из епископов держали совет, в котором речь клонилась к тому, что так как после столь великой потери необходимо приступить к утверждению другого правительства, то они все должны помнить, какую клятву давали императору касательно престолонаследия. После этого была прочтена присяга и акт о правах на престол...»
(Сб. РИО. Т. 15. С. 252–253).

Далее столь же сходно в обоих документах продолжался рассказ о том, как кабинет-секретарь Макаров доложил собравшимся об отсутствии какого-либо письменного завещания Петра, и все единогласно постановили считать Екатерину самодержавной императрицей на основании акта ко-

ронации как последней воли Петра I. Был подписан соответствующий документ, после чего Екатерине принесли присягу — сначала собравшаяся во дворце знать, а затем гвардейские полки; причем «некоторые гвардейские офицеры в сильном волнении кричали, что если совет будет против императрицы, то они разможат головы всем старым боярам». Затем шли известия об отправке в Москву для приведения к присяге И.И.Дмитриева-Мамонова, посылке соответствующей инструкции в украинскую армию М.М.Голицына и подготовке похорон императора. На этом одинаковый текст в депешах обрывался, и обе они заканчивались авторами уже «от себя», но без существенных подробностей по интересующему нас вопросу.

Происхождение одного и того же текста в донесениях Кампредона и Мардефельда объяснимо. В августе 1725 г. Франция и Англия создали враждебный России и Австрии Ганноверский союз и вовлекли в него бывшую союзницу России — Пруссию. Отношения между Версалем и Берлином уже и в начале 1725 г. допускали взаимный обмен информацией послов, ибо только так можно объяснить почти полное сходство текста на разных языках. Скорее всего, именно Мардефельд получил информацию от Кампредона, а не наоборот; депеши французского посла вообще выгодно отличаются от сообщений его собратьев полнотой и богатством подробностей: помимо Бассевича и Ягужинского, у Кампредона был и иной источник информации — дворянин Алексей Юров из окружения царицы.¹⁰⁰

Изучение этого «совместного» документа показывает, что «партия» Екатерины предприняла активные меры, чтобы склонить на свою сторону гвардию и колеблющуюся часть знати, и это ей вполне удалось. Явно выделена ведущая роль Меншикова в этом деле при поддержке Бассевича; голштинца и Кампредон, и Лефорт, и Гогенгольц упоминают в числе своих основных информаторов.

Однако в тексте нет ни слова о «заговоре», якобы угрожавшем Екатерине, и вообще ничего не говорится о выступлении полков, в котором Бассевич, судя по его мемуарам, отводил себе одну из главных ролей. Кроме того, приведенный рассказ обходит несомненно имевшиеся столкновения во дворце; в противном случае непонятно, кому угрожал Меншиков, каким «боярам», и почему хотели рубить головы офицеры — ведь ни о каком сопротивлении в тексте речи нет.

Это обстоятельство можно объяснить тем, что голштинский министр и не стремился выдумывать перед осведомленными собеседниками того, чего не было; ложь о заговоре он позволил себе только в мемуарах. Кроме того, подобная информация могла поступать и от кого-то из русских вельмож, прекрасно знавших, что жизни Екатерины ничто не угрожало, и не заинтересованных в том, чтобы до конца раскрывать перед иностранным дипломатом острые конфликты (вплоть до применения силы) внутри российского двора. Как следует из предыдущих депеш Кампредона, таким ценным информатором являлся для него Ягужинский.

Цитированную выше депешу Кампредон послал на имя короля. Но в тот же день 30 января французский посол отправил своему начальнику графу Морвилю еще одно, более подробное послание с отличающимися от первого сведениями. Именно здесь впервые оппозиция Екатерине об-

рела лицо: Кампредон назвал имена президента Юстиц-коллегии П.М.Апраксина (младшего брата генерал-адмирала Ф.М. Апраксина), сенатора Д.М.Голицына, фельдмаршала и президента Военной коллегии Н.И.Репнина и видного дипломата В.Л.Долгорукова, которые, по его сведениям, стремились возвести на престол Петра II, а Екатерину оставить правительницей вместе с Сенатом.¹⁰¹ Этих же лиц назвал в своем донесении от 2 февраля Гогенгольц.¹⁰² Голландский (в марте) и датский (уже в июле 1725 г.) послы добавили имена графа И.А.Мусина-Пушкина — президента Штатс-контор-коллегии и канцлера Г.И.Головкина.¹⁰³

Подобная позиция авторитетного руководства государственного аппарата (сенаторов и президентов коллегий) выбивала почву из-под ног «выскочек», обязанных своей стремительной карьерой покровительству императора и не имевших прочной опоры в правящих кругах. Напомним, что Меншиков находился под следствием, уступив Репнину президентский пост в Военной коллегии; Толстой ведал политическим сыском (Тайной канцелярией) в Петербурге, а Ягужинский был поставлен Петром в качестве «ока государева» над Сенатом.

Вопреки часто встречающимся утверждениям, в январе 1725 г. развернулась борьба не между «боярами», сторонниками сына царевича Алексея с одной стороны и продолжателями петровских реформ с другой. Представители обеих «партий» поставили свои подписи под смертным приговором Алексею — в том числе Д.М.Голицын, братья Апраксина и И.А.Мусин-Пушкин.¹⁰⁴ В январе 1725 г. противников разделяло другое: новым петровским дельцам грозило не только отстранение от власти, которой они были обязаны всем; ее новая конструкция была принципиально противоположна их представлениям. Поэтому Меншикову и другим «выдвиженцам» пришлось отложить старые счета и пойти на «незаконные» меры силового характера.

Пока дипломат Толстой во дворце еще при жизни Петра «агитировал» собравшихся «персон» первых рангов, решительный Меншиков и старый петровский генерал И.И.Бутурлин действовали иными средствами. Надо полагать, что не без их ведома в дворцовых покоях появились «с намерением» гвардейские офицеры.

В самом же дворце в ночь с 27 на 28 кипели страсти. Д.М.Голицын и его сторонники (а их, видимо, было немало — ведь ради четырех-пяти человек не стоило приводить офицеров) отстаивали свой проект: «Правительницей должна быть царица вместе с Сенатом» при «необходимости объявить наследником престола великого князя, усматривая в том единственное средство сохранить спокойствие и избежать междоусобной войны», — как передал эту позицию со слов своих информаторов Кампредон. Феофан в своем сочинении привел высказывание сомневающихся в правах Екатерины: «И в протчих народах царицы коронуютца, и для того наследницами не бывают».

Им возражал Толстой: «В том положении, в каком находится Российская империя, ей нужен властелин мужественный, опытный в делах, способный крепостью своей власти поддержать честь и славу, окружающие империю... Все требуемые качества соединены в императрице: она при-

обрела искусство царствовать от своего супруга, который поверял ей самые важные тайны; она неоспоримо доказала свое героическое мужество, свое великодушие и свою любовь к народу, которому доставила бесконечные блага вообще и в частности, никогда не сделавши никому зла; причем права ее подтверждаются торжественной коронацией, присягою, данной ей всеми подданными по этому случаю, и манифестом императора, возвещавшим о коронации».¹⁰⁵

Примечательно, что в этих речах, даже если они изложены Кампредоном не с протокольной точностью, верно показан принцип подхода к власти противников и сторонников воцарения Екатерины: для последних на первом месте стояли личные достоинства монарха (не всегда соответствующие реальной личности императрицы), а аргументы государственно-правового порядка — на последнем. Для «команды» Толстого и Меншикова личность самодержца была явно выше любого закона, тогда как их противники отстаивали преимущество законных учреждений и традиций над «силой персон». Опытный дипломат Толстой умело использовал слабые места своих оппонентов: он указал на отсутствие каких-либо законов, устанавливавших возраст совершеннолетия государя, вследствие чего «часть вельмож и большинство невежественного народа непременно возьмут его [Петра II. — *И. К.*] сторону», отчего последуют «заговоры и мятежи».

Согласно общепринятой версии событий, «политичные» аргументы не слишком помогали, и тогда под окнами дворца раздался грохот барабанов подошедших гвардейских полков. После чего прозвучал широко известный из тех же мемуаров Бассевича диалог: «Что это значит? — вскричал князь Репнин, — кто осмелится давать подобные приказания помимо меня? Разве я больше не главный начальник полков? — Это приказано мною, без всякого, впрочем, притязания на ваши права, — гордо отвечал генерал Бутурлин, — я имел на то повеление императрицы, моей всемогущественнейшей государыни, которой всякий верноподданный обязан повиноваться и будет повиноваться, не исключая и вас».¹⁰⁶

Однако близкие ко двору и целенаправленно собиравшие сведения современники почему-то не заметили такой картины, как ночной марш поднятых по тревоге полков ко дворцу и их появление перед спорящими министрами.

Кампредон сообщал об увеличении караула и, как уже говорилось, о появлении во дворце одних офицеров; только об угрозах с их стороны (А.И.Ушакова) упоминал в донесении и Гогенгольц.¹⁰⁷ Голландский дипломат подчеркивал мирный характер перехода власти: «Наутро после смерти царя духовные и светские чины немедля признали Екатерину своей законной государыней, возобновив присягу, данную во время ее коронации; то же сделали и коллеги, генералы, офицеры и гвардия; так что, благодаря Бога, такое великое государственное событие произошло совершенно мирно, без смут и затруднений». С ним были согласны в своих донесениях и саксонский посол Лефорт, и австриец Гогенгольц.¹⁰⁸

«Все обошлось мирно и тихо, что прежде, как хорошо известно из истории прошедших времен, здесь редко случалось при кончине государей»,

— так описывал переход власти другой слуга герцога Голштинского, камер-юнкер Ф.Берхгольц. Казалось, голштинский камер-юнкер должен был подтвердить рассказ Бассевича; но он отметил только, что возле дворца «поставлены были две гвардейские роты с ружьями, а на всех прочих местах размещены крепкие караулы», тогда как сами полки были размещены «в трех различных местах».¹⁰⁹ Вероятно, наличием этого усиленного караула дело и обошлось. Судя по записи в журнале приказов по полку от 28 января им являлся сводный отряд из всех рот в количестве примерно 200 человек.

Сохранившийся журнал приказов по Преображенскому полку за январь 1725 г. не отмечает никаких распоряжений о сборе рассеянного по квартирам полка. Единственный приказ от 27 января предписывал офицерам объявить в ротам, что государь «недомогает», чтобы они «как возможно Господу Богу о здравии его молились».¹¹⁰ Можно предположить, что в суматохе формальности могли и не соблюдаться. Но полковые документы для внутреннего употребления все же могли сохранить хоть какие-то необходимые распоряжения. Тем более что пропусков и подчисток в журнале нет, и ниже сразу следует изложение утреннего приказа от 28 января о сборе караула «у почтового двора».

Январское противостояние еще не было «типичным» дворцовым переворотом». После 1725 г. гвардейцы, действительно, не раз устраняли неугодных правителей и утверждали у власти новых; но в ночь с 27 на 28 января 1725 года они, по-видимому, оставались на квартирах. Позднее привычными к «дворским бурям» современниками все представлялось уже иначе. Сочинявший свои мемуары в 60-х годах XVIII века фельдмаршал Миних, несомненно под воздействием опыта позднейших «революций» писал, что Меншиков с гвардейцами отправился «прямо в императорский дворец, выломал дверь в залы, где заседали сенаторы и генералы, и объявил Екатерину... императрицей».¹¹¹

На самом деле во дворце продолжались споры. Тогда в ход пошли уже не дипломатические аргументы, а прямые угрозы. Здесь и пригодились гвардейские офицеры, о поддержке которыми кандидатуры Екатерины единогласно сообщают донесения Кампредона, Гогенгольца, Мардефельда и мемуары Бассевича и Ф.Вильбуа. Согласно Кампредону, гвардейские офицеры приходили к Екатерине еще во время болезни Петра. По данным Мардефельда, Бутурлин заставил собравшихся замолчать, «объявив им прямо и резко, что гвардия не хочет другого повелителя, кроме императрицы». По информации Гогенгольца и датского посла Вестфалена, от имени гвардии выступил А.И.Ушаков: «Гвардия желает видеть на престоле Екатерину и... она готова убить каждого, не одобряющего это решение».¹¹²

Подполковник и майор гвардии провозгласили в дворцовых стенах право Екатерины на власть. Но о позиции массы офицеров и солдат гвардии у нас данных нет, чтобы уверенно утверждать о сознательном выборе того кандидата, который мог, по ее разумению, эффективнее править страной. Однако можно, вслед за Л.Н.Толстым в его ненаписанном романе о послепетровской эпохе, предполагать в Андрее Ивановиче Ушакове (и подоб-

ным ему служакам) определенный тип личности и поведения: «Преданность слепая. Сангвиник. Вдали от интриг. Счастливо кончил. Выведывать мастер. Грубая внешность, ловкость».¹¹³ Сделавший стремительную карьеру выходец из бедной дворянской семьи был готов выполнить любой приказ своего императора с полным душевным спокойствием — так же, как он шутил в письме к своему начальнику по Тайной канцелярии П.А.Толстому: «Кнутом плутов посекаем да на волю отпускаем». Сделать выбор для него, как и для многих других гвардейских «выдвиженцев», было нетрудно; скорее, даже проблемы этого выбора для него и не существовало. Премущество «полковницы» было очевидно и осознано: она и при жизни Петра способствовала карьере некоторых офицеров, а рядовым от ее имени не раз отпускалось вино с Петербургского кружечного двора.¹¹⁴

Одним из последних распоряжений Петра (или сделанным уже от его имени) стало объявление от 27 января об амнистии гвардейцам, отдельной от общегосударственной. По ней только в Семеновском полку от наказаний был освобожден 21 человек, а в Преображенском смерть Петра избавила от расстрела насильника-писаря Василия Ростовцева.¹¹⁵

Кампредон сообщал: в критический для нее момент императрица нашла время беседовать с гвардейскими офицерами, рассылала деньги полкам столичного гарнизона и обещала гвардии выплатить жалование из собственных средств; об обращении Екатерины к собравшимся во дворце чинам передавал и де Вилде.¹¹⁶

О том, что в кабинете царицы были «приготовлены векселя, драгоценные вещи и деньги», вспоминал позднее и Бассевич. Датский посланник Вестфален называл даже суммы, полученные в ту ночь участниками возведения императрицы на престол: Бутурлину якобы досталось 10 тысяч червонцев, майорам гвардии по 5 тысяч, а рядовым — по 25 рублей.¹¹⁷ Гогенгольц оценивал «восхождение Екатерины на престол» в 50 тысяч талеров.¹¹⁸

По-видимому, дипломаты несколько завысили «стоимость» успешного воцарения императрицы; но сохранившиеся материалы Кабинета дают возможность ее определить. Кажется, что и противники, и сторонники Екатерины стремились заручиться поддержкой гвардии. Во всяком случае, 27 января Сенат распорядился выдать гвардии 50 тысяч рублей из касс разных ведомств. По этому указу штатс-комиссары К.Принценстерн и И.Мякинин должны были выдать гвардейским полкам почти 17 тысяч рублей; 27 января эти чиновники как раз собирали необходимую сумму, но найти ее вовремя, по-видимому, не смогли.¹¹⁹

В тот же день из Кабинета Екатерины вышел другой указ за подписью кабинет-секретаря Макарова: о немедленном получении на гвардию 20 тысяч рублей из находившегося в ведении того же Кабинета «комиссарства соляного правления»; именно оттуда они были выданы на руки майору гвардии А.И.Ушакову, а еще 3 тысячи рублей были получены 1 февраля сержантом Преображенского полка Сильвестром Безобразовым.¹²⁰ После воцарения Екатерины быстро нашлись недостающие средства: в итоге уже 30 января гвардейские полки получили 50 тысяч рублей — впрочем, являвшиеся не наградой, а задержанным за майскую и сентябрьскую треть 1724 г. жалованием.¹²¹

К моменту смерти Петра I в Кабинете имелась сумма в 36123 рубля, а также монеты иностранной чеканки и «портреты с алмазы»; но Екатерина повелела выдать указанные выше 23 тысячи рублей «заимно», т.е. с последующим возвратом из общегосударственной казны. Но из тех же личных средств императрицы еще 7414 рублей были издержаны «на некоторые чрезвычайные расходы».¹²² Кое-какие из них можно раскрыть. Согласно «записным книгам» кабинетских расходов, оттуда последовали выплаты «на некоторые нужные и тайные дачи»: майор гвардии и управляющий Тайной канцелярией А.И.Ушаков получил больше всех — 3 тысячи рублей; генерал Бутурлин — 1500 рублей; согласно другому указу, майорам С.А.Салтыкову и И.И.Дмитриеву-Мамонову выдали по тысяче рублей.¹²³

В апреле 1725 г. об особой награде попросили 27 солдат-преображенцев во главе с сержантом Петром Ханыковым за то, что они стояли «на карауле у императорского величества бессменно генваря с 14 по 29 число». За особо важные труды в нужное время и в нужном месте сержант получил 50, а рядовые — по 25 рублей.¹²⁴

С обоими гвардейцами — майором Ушаковым и сержантом Ханыковым — мы еще встретимся на страницах этой книги. Через полтора десятка лет накопленный опыт научит одного из них мудрой осторожности, а другому предоставит возможность совершения очередной «революции»; им придется встретиться в застенках Тайной канцелярии. Пока же они действовали заодно — и вместе, но по чину делили награды. Три тысячи рублей из фондов Коллегии иностранных дел получил «секретно» и граф Бассевич.¹²⁵ Согласно итоговому подсчету, воцарение Екатерины обошлось кабинетской казне примерно в 30 тысяч рублей — относительно небольшую сумму в сравнении со «стоимостью» последующих переворотов.

Судя по приведенным выше свидетельствам, поведение царицы в роковую ночь не вполне соответствовало образу убитой горем вдовы, которую с трудом оторвали от тела мужа и под руки повели царствовать, как она изображена у Бассевича и Феофана. Отголоски январских споров остались не только в дипломатических депешах: о них упоминали в своих записках адмирал Вильбуа, собиравший устную историю петровской эпохи И.И.Голиков,¹²⁶ о них же косвенно сообщал и Феофан Прокопович, передавая безадресные увещательные речи в пользу Екатерины.

Но присутствие гвардейских офицеров делало тактику «выкручивания рук» более эффективной. К 4 часам утра (по Кампредону) после выступлений и угроз со стороны гвардейцев дрогнули фельдмаршал Репнин и канцлер Головкин.¹²⁷ Последний, как считали Вестфален, Лефортов, Гогенгольц, де Вилде и Ф.Вильбуа, призывал отложить обсуждение вопроса о престолонаследии с тем, чтобы «решение предоставить народу» и подтвердить сделанный выбор «голосованием всех сословий».¹²⁸ Можно предполагать, что речь шла о передаче окончательного решения о престолонаследии не на «улицу», а в более широкую коллегия из представителей «генералитета» и, возможно, «шляхетства»; на это предложение и последовала приведенная выше угроза Ушакова. Вслед за ними и остальные вынуждены были признать новую политическую реальность. По сообщению де Вилде, П.М.Апраксину «даже не дали договорить, так что от испуга с ним вчера сделался удар».

Противоборство сторон, похоже, оттеснило на второй план умиравшего императора. Не случайно Феофан в своем сочинении подчеркивал, что судьба трона решалась после смерти Петра I; на самом деле схватка «партий» шла (по запискам Бассевича и донесениям Кампредона и де Вилде) еще при жизни императора, скончавшегося в центральном зале на втором этаже своего Зимнего дворца около 5 часов утра.¹²⁹

Современников не случайно волновало отсутствие до самого последнего момента распоряжений относительно наследника. Недостоверность истории с неразборчиво написанными словами «отдайте все...» убедительно показал Н.И. Павленко: ее автор — Бассевич — явно старался подчеркнуть права на престол супруги своего герцога. Сам рассказ выглядит не слишком логичным: зачем было Петру звать Анну, чтобы продиктовать ей имя наследника, если его можно было просто объявить окружающим?¹³⁰ Так или иначе, у Петра в течение 26–27 января было достаточно времени, чтобы объявить свою волю. Эти вопросы породили слухи об «искусственных мерах», сокративших жизнь императора, встречающиеся в сочинениях иностранцев и, вероятно, отсюда перекочевавшие в некоторые современные версии смерти Петра.¹³¹

На наш взгляд, объяснение содержится в донесении Гогенгольца: он еще 26 января указывал, что Меншиков и его сторонники сумели настолько изолировать Петра, что никакое его «устное распоряжение в ущерб Екатерине не могло иметь успех». Это же подтверждал и Кампредон, докладывавший 30 января, что Екатерина и близкие ей люди намеренно не говорили Петру о завещании, чтобы «твердость духа, подавленная бременем страданий, не побудила его изменить как-нибудь свои прежние намерения».¹³² Принятые меры — «бессменный» караул сержанта Ханькова среди них — исключали какую-либо случайность, в том числе и волю самого императора; Кампредон передавал рассказ об угрызениях совести царя и его словах о том, что «принес свою кровь в жертву»...

Возможно, умиравший пытался в последний раз подчинить события своей воле — но на это у него уже не было сил, а ни одна, ни другая «партия» не были заинтересованы в том, чтобы Петр назвал имя наследника. Сторонники Екатерины Феофан и Бассевич ни разу не упоминали о том, что в последние часы жизни император вручил престол супруге: в обоих сочинениях необходимость воцарения Екатерины доказывается речами вельмож и ссылками на коронацию 1724 г. Как передавал в Вену Гогенголец 26 января 1725 г., и сторонники Петра II в случае, если умиравший попытался назвать иного преемника, должны были «отправиться к нему в комнату и воспрепятствовать такому распоряжению».^{132a} В созданной трудом всей жизни Петра системе не оказалось ни четких правовых норм, ни авторитетных учреждений, чтобы обеспечить твердую преемственность власти. На первый план выходило личное начало, пресловутая «сила персон».

Бурные ночные события завершились присягой собравшихся «чинов» около 8 часов утра (по дневнику Берхгольца и депеше Лефортова от 30 января) — именно тогда ко дворцу подошли гвардейские полки; Кампредон же передал, что гвардия присягала в крепости несколько часов спустя.

Первый манифест нового царствования извещал о вступлении на престол Екатерины по воле самого Петра, «понеже в 1724 г. удостоил короною и

помазанием любезнейшую свою супругу и великую государыню нашу императрицу... за ее к российскому государству мужественные труды». При этом сам манифест был издан не от имени Екатерины: присягать новой государыне «правительствующий Сенат и святейший правительствующий Синод и генералитет согласно приказали», что весьма походило на слегка замаскированное избрание монарха теми, кто обладал реальной властью. Впрочем, французский путешественник Обри де ла Мотрэ, побывавший в Петербурге осенью 1726 г., уже застал сформировавшуюся официальную версию о том, как умиравший Петр сам объявил о необходимости присяги Екатерине.¹³³

Завершением ночной эпопеи можно считать сообщение Вилле де Вилде в донесении от 3 марта, что после описанных выше событий подполковник Преображенского полка И.И. Бутурлин с майорами Г.Д. Юсуповым и А.И. Ушаковым отправился в Сенат, «где и объявили себя сенаторами в целях противодействовать, в случае надобности, принятия с его стороны мер, направленных против царицы». Была ли это самостоятельная «операция» высших офицеров гвардии или они действовали уже по приказу новой императрицы, — сказать сейчас трудно. Но уже на первом в новое царствование протоколе заседаний Сената от 30 января 1725 г. появились подписи А.Д. Меншикова и Г.Д. Юсупова (последний принимал участие в работе Сената и до болезни царя), а со 2 февраля в Сенате появился А.И. Ушаков.¹³⁴

Первый в XVIII столетии кризис власти и способ его разрешения показали, что в столкновении высшей гражданской бюрократии и энергичных «птенцов» Петра последние одержали победу. «Дух» неограниченного самовластия Петра восторжествовал над «буквой» — его же стремлением обеспечить прочный правовой порядок в новом государственном механизме. В итоге спор решился в пользу наиболее организованной группы петровской знати при активном выступлении части гвардейского офицерства, которая поддержала Екатерину и Меншикова как символ петровского наследия и продолжения прежнего курса. Но на самом деле петровская эпоха подошла к концу. Предстояло подводить итоги и намечать дальнейший путь.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ради мира с турками и подвластным им Крымом посланцам Российской империи приходилось и в конце петровского царствования в качестве «поминков» возить в Крым «мягкую рухлядь», как делили это русские дипломаты в XVI–XVII вв. (см.: АВПРИ. Ф.123. Оп.123/1. 1725 г. № 1. Л.9–9 об.).

² Там же. Ф.79. Оп.79/1. 1725 г. № 6. Л.6 об.-7.

³ РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 6. Ч.10. Л.248,253–253 об.

⁴ См.: *Бакланова Е.Н.* Крестьянский двор и община на русском Севере. М., 1976. С.129,193–194; *Калесников П.А.* Северная деревня в XV — первой половине XIX в. Вологда, 1976. С.118,120,124.

⁵ См.: *Волков М.Я.* Города Верхнего Поволжья и Северо-Запада России. Первая четверть XVIII в. М., 1994. С.225–229.

⁶ См.: *Воскресенский Н.А.* Законодательные акты Петра I. М.-Л., 1945. Т.1. С.364–362. Петр не только лично рассматривал доносы, но и сам присутствовал при допросах и выслушивал по утрам в пятницу доклады своих главных следователей — П.А.Толстого и майора гвардии А.И.Ушакова (см.: *Веретенников В.И.* История Тайной канцелярии петровского времени. Харьков, 1910. С.41,112,123; *Воскресенский Н.А.* Указ. соч. С.367,404–405).

⁷ Цит. по: Там же. С.364.

⁸ См.: *Веретенников В.И.* Указ. соч. С.165; РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 117. Л.1–2,20,59,71–71 об.,123.

⁹ См.: *Каменский А.Б.* Сословная политика Екатерины II // ВИ. 1995. № 3. С.43.

¹⁰ См.: *Анисимов Е.В.* Петр Первый: рождение империи // История отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX — начала XX вв. М., 1991. С.197–198; *Водарский Я.Е.* Реформа Петра

Великого: стереотипы и факты // Реформы и реформаторы в истории России. М., 1996. С.46; *Гломозда В.Г.* Альтернативы в истории // Преподавание истории в школе. 1991. № 5. С.12-18; *Могильницкий Б.Г.* Историческая альтернативность: методологический аспект // НИИ. 1990. № 3. С.7; *Оболонский А.* Перекрестки российской истории: упущенные шансы // Общественные науки и современность. 1992. № 3. С.86-89. Сопоставление точек зрения об альтернативных возможностях в эпоху Смуты см.: *Кобрич В.Б.* Смутное время — утраченные возможности. // История отечества: люди, идеи, решения. С.163-185. Ср.: *Андреев И.Л.* Раскаты Смуты // Знание — сила. 1994. № 2. С.7-8. Недавняя дискуссия показала, что немногие обоснованные попытки разработки «альтернативной истории» относятся к сфере экономики, где возможен анализ динамики количественных показателей. В иных же сферах общественной жизни определить возможность такой альтернативы трудно: на каждой предполагаемой «развилке» выбор во многом предопределяется предшествующим развитием, а исследователю далеко не всегда легко понять логику выбора современников событий. Был поставлен вопрос и об «уровне бифуркации»: реальная альтернатива на одном уровне (например, результат конкретной войны) может не изменить принципиально ход и направление развития страны или региона. Наконец, необходимо четко различать само наличие в данное время иной тенденции социально-экономического и политического развития и существования реального выбора между двумя примерно «равными по силе» тенденциями вместе с готовностью к такому пути со стороны ведущих политических сил, о чем писал в свое время И.Д.Ковальченко (см.: История в сопоставительном наклоне // Одиссей: Человек в истории, 2000. М., 2000. С.21-26, 37-39, 40-41, 42-44, 51-52; *Ковальченко И.Д.* Возможное и действительное и проблемы альтернативности в историческом развитии // ИСССР. 1986. № 4. С.90).

¹¹ Время осуществления подобной альтернативы «отодвигалось» назад — ко времени феодальной войны первой половины XV века, как предполагал А.А.Зимин. Но и в данном случае специалисты скептически оценивают шансы «победы» торгово-ремесленных посадов и свободного крестьянства русского Севера над московским военно-служилым и землевладельческим Центром (см.: *Панеях В.М.* Панорама истории России XV—XVI вв. А.А.Зиминой // ОИ. 1992. № 6. С.79).

¹² В начале петровского царствования, видимо, в Посольском приказе была составлена «Выписка, каким образом в чужестранных разных государствах поступают с служителями и с крепостными людьми», из которой следовало: в Англии, Франции, Италии владельческие крестьяне платят «уроченной оброк по уставу», а «сверх договору» с них нельзя ничего требовать (см.: ЧОИДР. 1905. Кн.3. С.30-31 отд. паг.).

¹³ См.: *Богословский М.М.* Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719—1727 гг. М., 1902. С.391.

¹⁴ АВПРИ. Ф.15. Оп.15/3. 1725 г. № 11. Л.10-11.

¹⁵ См.: РГАДА. Ф.9. Оп.2. Ч.1. № 33. Л.513 об.

¹⁶ См.: *Коллман Н.* Соединенные чество: Государство и общество в России раннего нового времени. М., 2001. С.396-397.

¹⁷ Характерно, что в беловом варианте своего труда Матвеев вычеркнул «кромольный» текст, но счел все же нужным пояснить, что король «кроме общих податей, никаким насиливанием не может особливо ни с кого взять ничего, разве по самой вине», обязательно подтвержденной судом (Русский дипломат во Франции: Записки Андрея Матвеева. Л., 1972. С.191,196).

¹⁸ *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Споры о языке в начале XIX в. как фактор русской культуры // Уч. зап. Тартуского ун-та. Тарту, 1975. Вып.358. С.170.

¹⁹ Принципиально иначе понимал свою роль и роль обряда, церемонии в обеспечении незыблемости существующего порядка царственный «брат» Петра — Людовик XIV: «Народы, над которыми мы царствуем, не умея проникнуть в суть дела, судят обыкновенно по внешности и большею частью соразмеряют свое уважение и послушание с местом и рангом. Так как для общества важно быть управляемым одним, то важно также, чтобы тот, кто исправляет эту должность, был так возвышен над остальными, дабы не было никого другого, с кем его могли бы смешивать и сравнивать. Нельзя, не нанося вреда государственному телу, лишить его главу мельчайших признаков его превосходства, отличающего его от других членов» (цит. по: *Кареев Н.И.* Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII вв. СПб., 1908. С.112).

²⁰ См.: *Вернадский Г.В.* Очерк истории права Русского государства XVIII—XIX вв. (Период империи). М., 1998. С.21-22.

²¹ См.: *Живов В.М., Успенский Б.А.* Царь и бог: семиотические аспекты сакрализации монарха в России // *Успенский Б.А.* Избр. тр. М., 1996. Т.1. С.219; *Успенский Б.А.* Historia sub specie semioticae // Там же. С.73.

²² Правда, Е.В.Пчелов считает «Устав» 1722 г. «спасением для монархии», поскольку смерть нескольких наследников-мужчин — Алексея и сыновей Петра от Екатерины — делала необходимым расширение круга лиц, имевших право наследования (см.: *Пчелов Е.В.* Романовы в XVIII веке: эволюция династического статуса // Вестник архивиста. 1999. № 6. С.147).

²³ См.: *Живов В.М.* История русского права как лингвосомиотическая проблема // Из истории русской культуры. М., 2002. Т.П, кн.1. Киевская и Московская Русь. С.701-703, 711-712.

²⁴ См.: *Лиштенан Ф.-Д.* Россия входит в Европу: Императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство, 1740—1750. М., 2000. С.95-96, 107.

²⁵ ПСЗ. Т.VII. № 4870.

²⁶ См.: *Санин Г.А.* Армия и эволюция государственного строя в России в XVI — первой половине XVIII в. // Россия XVII века и мир: Юбил. сб. к 80-летию доктора исторических наук, профессора Е.В.Чистяковой. М., 2001. С.27,44.

²⁷ См.: *Уортман Р.С.* Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. М., 2002. Т.1. С.120.

²⁸ Цит. по: *Голикова Н.Б.* Политические процессы при Петре I. М., 1957. С.93; *Лебедев В.И.* Астраханское восстание 1705—1706 гг. // Уч. зап. Московского гос. педагогического ин-та. М., 1941. Т.2, вып.1. С.9.

²⁹ См.: *Анисимов Е.В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII в. СПб., 1997. С.215.

³⁰ См.: *Серов Д.О.* Строители империи: очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I. Новосибирск, 1996. С.14.

³¹ Цит. по: *Сафронов Ф.Г.* Ссылка в Восточной Сибири в первой половине XVIII в. // Ссылка и каторга в Сибири. Новосибирск, 1975. С.28-29.

³² См.: *Анисимов Е.В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII в. С.284-287.

³³ См.: *Рабинович М.Д.* Социальное происхождение и имущественное положение офицеров регулярной русской армии в конце Северной войны // Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С.145.

³⁴ Русские повести первой трети XVIII в. М.-Л., 1965. С. 243,246.

³⁵ В работах последних лет подчеркивается разница между процессом классобразования (ликвидации особых прав и привилегий отдельных групп «служилых людей») и консолидацией (сплочением) дворянства. (см.: *Каменский А.Б.* Российское дворянство в 1767 г. (к проблеме консолидации) // ИСССР. 1990. № 1 С.70).

³⁶ «Верхушка» (600 чел.) располагала в среднем по 1300 крепостных душ; внутри этой группы сохранялась своеобразная «элита в элите»: узкий круг преимущественно потомственной знати, связанной кровным родством и соединявшей занятия важнейших постов с высоким имущественным положением. (см.: *Баггер Х.* Реформы Петра Великого: Обзор исследований. М., 1985. С.114; *Медушевский А.Н.* Указ. соч. С.222-223; *Meehan-Waters B.* Autocracy and Aristocracy: The Russian Service Elite of 1730. New Brunswick, 1982. P.61,86). О стратификации дворянства см.: История России с начала XVIII до конца XIX в. М., 1996. С.60-61; *Шенкуова Н.М.* Об изменении размера двудесятилетия помещиков европейской России в первой четверти XVIII — первой половине XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963. Вильнюс, 1964. С.390-391; *Raeff M.* Plans for Political Reforms in Imperial Russia, 1730—1905. Prentis-Hill, 1966. P.16.

³⁷ По имеющимся в западной литературе расчетам, получение образования и относительно высокий «европейский образ жизни» были доступны в XVIII веке лишь помещикам, обладавшим не менее чем 100 душами (см.: *Raeff M.* Понять дореволюционную Россию: государство и общество в Российской империи. Lnd., 1990. С.101).

³⁸ См.: *Тотьма Ю.В.* Очерк истории землевладения в России. Сергиев Посад, 1915. С.111; *Индова Е.И.* К вопросу о дворянской собственности в России в поздний феодальный период // Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв. М., 1975. С.278-280.

³⁹ См.: *Ефремова Н.Н.* Судебная защита права собственности в России XVIII в. // Собственность: право и свобода. М., 1992. С.44.

⁴⁰ См.: *Сивков К.В.* Отписные книги начала XVIII в. как исторический источник // Проблемы источниковедения. М.-Л., 1940. Сб.III. С.368-369.

⁴¹ См.: История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г. М., 1987. Т.3. С.169; *Медушевский А.Н.* Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование. М., 1994. С.231 и далее; *Тихонов Ю.А.* Феодальная рента в помещичьем имении центральной России в конце XVII — первой четверти XVIII в. // Россия в период реформ Петра I. С.212.

⁴² См.: *Марасинова Е.Н.* Эпистолярные источники о социальной психологии российского дворянства // ИСССР. 1990. № 4. С.167-168.; *она же.* Социальная психология российского дворянства (по материалам эпистолярных источников 2 половины XVIII в.) // Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX в. М., 1994. Ч.1. С.322.

⁴³ «О повреждении нравов в России» князя М.Щербатова и «Путешествие» А.Радишева. М., 1984. С.77.

⁴⁴ *Ключевский В.О.* Соч. В 9-ти т. М., 1989. Т.4. С.330.

⁴⁵ *Медушевский А.Н.* Указ. соч. С.52. Примером такого отношения может служить И.Т.Посошков.

Его экономический трактат призвал «страхованием» заставить учиться детей, шире вводить фискальную службу, принуждать работать нищих и «тюремных сидельцев» и даже вычислить сумму предполагаемого дохода в 200 тысяч рублей от труда заключенных. Он же выступал за введение для крестьян норм посевов и регулярной планировки деревенских усадеб и был убежден в полной возможности царским указом утвердить курс рубля: «А наш великий император сам собою владеет и в своем государстве аще и копейку повелит за гривну иметь, то так и может правиться» (*Посошков И.Т.* Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М., 1951. С.24,98,107,123,128,162,171,180-181).

⁴⁶ *Омельченко О.А.* Становление абсолютной монархии в России. М., 1986. С.69.

⁴⁷ См.: *Смирнов Ю.Н.* Русская гвардия в XVIII в. Куйбышев, 1989. С.45.

⁴⁸ См.: *Бобровский П.О.* История лейб-гвардии Преображенского полка. СПб., 1904. Т.2. С.214.

⁴⁹ См.: *Попов В.И.* История 9 полкового Ингерманландского императора Петра I полка, 1703—1903. Калуга, 1903. С.1-2. Ф.Берхгольц отметил в своем дневнике: в ноябре 1724 г. уже отстраненный от руководства Военной коллегией светлейший князь запретил «своему» полку принимать ново-

го командира по назначению коллегии и сам заполнил все офицерские вакансии (см.: Юность державы /Фридрих Берхгольц. Теннинг Бассевич. М., 2000. С.257).

⁵⁰ См.: *Смирнов Ю. Н.* Русская гвардия в XVIII в. С.26.; *он же.* Особенности социального состава и комплектования русской гвардии в первой половине XVIII в. // Классы и сословия России в период абсолютизма. Куйбышев, 1989. С.89.

⁵¹ См.: РГАДА. Ф.286. Оп.1. № 430. Л.23.; РГВИА. Ф.2583. Оп.1. № 100. Л.16.

⁵² См.: РГАДА. Ф.248. Оп.13. № 691. Л.432-440.

⁵³ Владельческие надписи на книгах гвардейских офицеров см.: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. М.-Л., 1956. Т.1 С.231,449.

⁵⁴ См.: РГВИА. Ф.2583. Оп.1. № 92. Л.2 и далее.

⁵⁵ Ее судьбой интересовались Вольтер и сама Екатерина II (см.: *Зызыкин М. В.* Царская власть и закон о престолонаследии в России. Б.м., 1995. С.80; *Линсгер Г.* Петр Великий и Алексей Петрович (эпизод русской истории в освещении западноевропейской литературы) // Петр Великий. СПб., 1903. С.267-268; *Рябинин Д. Д.* Кронпринцесса Шарлотта, супруга царевича Алексея Петровича (французская легенда) // РС. 1874. № 10. С.360-370).

⁵⁶ Австрийский автор «Всепопданнейшего доклада римско-императорскому двору о происхождении и восхождении на трон русской императрицы Екатерины I» сообщал, что Екатерине удалось добиться от Петра во время путешествия по Западной Европе в 1716-1717 гг. подписания тайного завещания, передававшего права на российский престол младшему сыну (см.: *Ефимов С. В.* Петровская Россия в докладе австрийского дипломата // Петр Великий и его время: Материалы Всероссийской науч. конф., посвященной 290-летию Полтавской победы, 8-11 июля 1999 г. СПб., 1999. С.116; *Abgestatteter Bericht an romisch-kaiserlichen Hof von der russischen Kaiserin Katharina der Ersten Herkunft und Gelangung zum Thron* // Magazin für die neue Historie und Geographie. Halle, 1777. Bd.XI. S.486).

⁵⁷ См.: РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 1380. Л.3 об.

⁵⁸ См.: История СССР с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1983. С.293.

⁵⁹ См.: *Бушковиц П.* Историк и власть: дело царевича Алексея (1716–1718) и Н.Г.Устрялов (1845–1859) // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период. Самара, 2000. С.93-94.

⁶⁰ См.: *Ефимов С. В.* Политический процесс по делу царевича Алексея. Автореферат дисс. канд. ист. наук. СПб., 1997. С.11.

⁶¹ *Гордин Я. А.* Меж рабством и свободой: 19 января – 25 февраля 1730 г. СПб., 1994. С.76.

⁶² См.: *Бушковиц П.* Указ. соч. С.87; *Ефимов С. В.* Политический процесс по делу царевича Алексея. С.10,15.

⁶³ См.: *Гордин Я. А.* Меж рабством и свободой. С.62-75. Ср.: *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. СПб., 1859. Т.6. С.454,476,497,529.

⁶⁴ В том же году Петра-внука зачислили сержантом бомбардирской роты Преображенского полка. Французский посланник Лави сообщал, что «в Летнем царском дворце готовится помещение для сына покойного наследника... Многие думают, что это делается с целью не допустить тайных недовольных в этом государстве похитить его в отсутствие царя и утвердить за ним московскую корону» (Сб. РИО. Т.40. С.40).

⁶⁵ См.: Первые художники Петербурга. Л., 1984. С.166.

⁶⁶ См.: Сб. РИО. Т.40. С.302,341-342,346-347.

⁶⁷ Цит. по: *Брикнер А. Г.* Русский двор при Петре II (1727–1730): По документам Венского архива // ВЕ. 1896. № 1. С.101.

⁶⁸ См.: Сб. РИО. Т.49. С.65,247,364.

⁶⁹ Там же. Т.15. С.238.

⁷⁰ См.: *Сен-Симон.* Мемуары. М.-Л., 1936. Т.2. С.221,223,229. Донесения Шлейница см.: РГАДА. Ф.93. Оп.1. № 4. Л.625-626,639,690-690 об.

⁷¹ ПСЗ. Т.VI. № 3893.

⁷² В 1715 г. в Нижегородском уезде царевичем назвался рейтарский сын А.Крекшин, затем это имя принял вологодский нищий А.Родионов; в 1724 г. «Алексейми» объявили себя солдат Александр Семиков в украинском городе Почепе и извозчик Евстифей Артемьев в Астрахани; последний даже объявил на исповеди, что скрывался «для того, что гонялся за ним Меншиков со шпагою» (см.: *Прокопович М. Н.* О извозчике Гренадерского батальона Е.Артемьеве, назвавшемся царевичем Алексеем Петровичем // ЧОИДР. 1897. Кн.1. С.9-10 отд. паг.; *Троицкий С. М.* Самозванцы в России XVII–XVIII вв. // ВИ. 1969. № 3. С.140).

⁷³ ПСПРВПИ. СПб., 1872. Т.2. С.16. Е.В.Пчелов отметил, что в перечне имен для церковного «возношения» отсутствовал только маленький царевич Петр, родившийся в 1719 и умерший в 1723 г. (см.: *Пчелов Е. В.* Указ. соч. С.146).

⁷⁴ См.: Неистовый реформатор /Иоганн Фоккеродт. Фридрих Берхгольц. М., 2000. С.466; Сб. РИО. Т.15. С.212,235-236,243; Т.49. С.247,266; Т.3. С.388.

⁷⁵ Прибыл в Россию Хризологус в августе 1723 г. для служения «в католической кирке» и сразу же попал под наблюдение полиции (см.: АВПРИ. Ф.15. Оп.15/3. № 149. Л.1). Монаху было приказано выехать за рубеж. Но Хризологус из Ревеля пытался через камер-фрейлину Екатерины «Яганну» добиться возвращения в Петербург, поскольку «римская императрица «рекомендовала» ему маленького Петра (см.: *Есинов Г. В.* Люди старого века. СПб., 1880. С.227; Описание документов и дел, хранящихся

ся в архиве Святейшего правительствующего Синода. СПб., 1897. Т.5. С.219-220). В итоге монах все же угодил в Тайную канцелярию, но на допросах упорно стоял на своем: ему поручено было только молиться за «племянника» императора, а к нему самому он «идти не искал» (РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 204. Л.25 об).

⁷⁶ Это свидетельство (если верить Бассевичу) в устах Феофана Прокоповича и канцлера Г.И.Головкина стало лишним аргументом в пользу Екатерины в январскую ночь 1725 г., когда решался вопрос о преемнике Петра. Сам Феофан, правда, утверждал, что это желание царь высказал еще до Персидского похода (см.: *Феофан Прокопович.* О смерти Петра Великого императора Российского. СПб., 1725. С.19; Юность державы. С.420,432).

⁷⁷ Сб. РИО. Т.52. С.213,220.

⁷⁸ См.: *Брикнер А. Г.* Императрица Екатерина I, 1725–1727 // ВЕ. 1894. № 1. С.125.

⁷⁹ См.: *Вильбуа Ф.* Рассказы о русском дворе // ВИ. 1992. № 4-5. С.151; *Толстой М.* Краткое описание жизни графа П.А.Толстого (сочинение французского консула Вилларда) // РА. 1896. № 1. С.25. Об этом же событии в 1729 г. писал датский посол Вестфален (см. Сб. РИО. Т.66. С.81).

⁸⁰ См.: Там же. Т.52. С.349; Т.3. С.396.

⁸¹ См.: *Серов Д. О.* Указ. соч. С.8-9,22-23.

⁸² См.: РГАДА. Ф.248. Оп.37. № 2284. Л.70 об., 78 об.

⁸³ О намерении Петра отправиться 17 января в Ригу см.: *Петров П.* Цесаревна Анна Петровна // Заря. 1870. № 11. С.108.

⁸⁴ См.: *Арсеньев К. И.* Царствование Екатерины I. СПб., 1856. С.9; Сб. РИО. Т.52. С.349.

⁸⁵ АВПРИ. Ф.32. Оп.32/1. 1725 г. № 5. Л.29 об.

⁸⁶ См.: Походный журнал 1725 г. СПб., 1855. С.3.

⁸⁷ См.: *Феофан Прокопович.* Указ. соч. С.5-19.

⁸⁸ См.: Юность державы. С.428-432,433.

⁸⁹ См.: *Голиков И. И.* Деяния Петра Великого. М., 1789. Ч.IX. С.198,205-206; *Павленко Н. И.* Вокруг трона. М., 1996. С.123.

⁹⁰ Цит. по: Юность державы. С.427-428.

⁹¹ Несмотря на многократную критику этого рассказа, его по-прежнему цитируют и в самых новейших работах (см.: *Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. Lnd., 1998. P.445).

⁹² См.: Сб. РИО. Т.52. С.415,418; Т.3. С.396-398.

⁹³ См.: РГАДА. Ф.9. Оп.5. №2/24. Л.3-4; № 4. Л.139.

⁹⁴ См.: Там же. Оп.4. Ч.2. № 73. Л.845.

⁹⁵ См.: *Кашин Н. И.* Поступки и забавы императора Петра Великого. СПб., 1895. С.21.

⁹⁶ См.: Сб. РИО. Т.52. С.422; РГАДА. Ф.1292. Оп.1. № 95. Л.1077; *Брикнер А. Г.* Императрица Екатерина. С.123; *Шмурло Е. Ф.* Кончина Петра Великого и вступление на престол Екатерины I // Сборник статей в честь Д.А.Корсакова. Казань, 1913. С.357.

⁹⁷ На это обстоятельство еще в 1872 г. обратил внимание Е.П.Карнович, полагавший, что замыслы нового устройства государственной власти по шведскому образцу интересовали не только узкий круг знати, но и большую часть дворян (см.: *Карнович Е. П.* Замыслы верховников и чело-битчиков в 1730 г. // ОЗ. 1872. № 1. С.231-232). Из известных нам источников только донесение Гогенгольца от 5 декабря 1724 г. сообщает, что некоторые вельможи из царского окружения «устали от угнетения», и «в следующие царствование они предполагают отделиться от деспотизма по примеру прочих европейских государств» (РГАДА. Ф.1292. Оп.1. № 95. Л.1075 об.).

⁹⁸ См.: Сб. РИО. Т.52. С.422; *Шмурло Е. Ф.* Указ. соч. С.357. Эта информация, как нам кажется, подтверждается сохранившимися записями в журнале приказов по Преображенскому полку: 24 января некоторых солдат и унтер-офицеров полка приглашали в Кабинет к «кабинет-секретарю господину Макарову»; несшим дежурство во дворце приказали, чтобы «на карауле стояли опасно и шуму б не было» (РГВИА. Ф.2583. Оп.1. № 104. Л.10).

⁹⁹ См.: РГАДА. Ф.248. Оп.31. № 1937. Л.180-183.

¹⁰⁰ Сб. РИО. Т.52. С.424.

¹⁰¹ Дипломат рекомендовал его своему начальству: «Это один из самых разумных русских, каких я знаю. Он имеет доступ к государыне и расположен к Франции. Его приятель Макаров покровительствует ему». Юров провел восемь лет во Франции и был женат на французке; в конце царствования Петра был его денщиком. В 1723 г. Петр не утвердил выдвинутую Сенатом его кандидатуру на пост консула во Франции (см.: Сб. РИО. Т.55. С.330-331). При Екатерине «об-ретался при Академии», и Сенат в 1726 г. представлял его кандидатуру на пост консула во Франции. Именно ему Кампредон собирался выплатить 500 дукатов при заключении договора (см.: Высочайшие повеления по придворному ведомству (1723–1730). СПб., 1886. С.8,14; Сб. РИО. Т.55. С.329-330; Т.58. С.258,285).

¹⁰² См.: Там же. Т.52. С.438.

¹⁰³ См.: РГАДА. Ф.1292. Оп.1. № 95. Л.1078.

¹⁰⁴ См.: *Брикнер А. Г.* Императрица Екатерина. С.124; *он же.* Россия и Дания при императрице Екатерине I // РМ. 1895. № 2. С.59; Сб. РИО. Т.52. С.438.

¹⁰⁵ Список лиц, подписавших приговор царевичу, см.: *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. СПб., 1859. Т.6. С.533-534.

¹⁰⁶ Сб. РИО. Т.52. С.439-440.

¹⁰⁶ Цит. по: Юность державы. С.431. В этом рассказе перед нами та же коллизия, что и в речи Толстого: генерал приказывает фельдмаршалу, нарушая армейскую субординацию, ибо за ним стоит воля самодержца, которая выше любых норм и порядков.

¹⁰⁷ Сб. РИО. Т.52. С.428,430,438,440; *Брикнер А.Г.* Императрица Екатерина. С.124.

¹⁰⁸ См.: Там же. С.126; Сб. РИО. Т.3. С.400; *Шмурло Е.Ф.* Указ. соч. С.358.

¹⁰⁹ Цит. по: Юность державы. С.267.

¹¹⁰ РГВИА. Ф.2583. Оп.1. № 104. Л.10.

¹¹¹ См.: *Анисимов Е.В.* Россия без Петра. СПб., 1994. С.27; *Перевороты и войны /Христофор Манштейн. Бурхард Миних. Эрнст Миних. Неизвестный автор. М., 1997. С.286.*

¹¹² См.: *Брикнер А.Г.* Императрица Екатерина. С.124; *Вильбуа Ф.* Рассказы о русском дворе // *ВИ. 1992. № 4-5. С.147; Сб. РИО. Т.15. С.254,260; Т.52. С.438,443; Т.66. С.81.*

¹¹³ *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. В 91-м т. М., 1936. Т.17. С.402.

¹¹⁴ См.: РГВИА. Ф.2584. Оп.1. № 19. Л.22,55.

¹¹⁵ См.: РГАДА. Ф.248. Оп.37. № 2284. Л.88 об.

¹¹⁶ См.: Сб. РИО. Т.52. С.438,441; *Шмурло Е.Ф.* Указ. соч. С.359-360.

¹¹⁷ См.: *Брикнер А.Г.* Россия и Дания при императрице Екатерине I. С.58; Юность державы. С.429.

¹¹⁸ См.: РГАДА. Ф.1292. Оп.1. № 95. Л.1083.

¹¹⁹ См.: Там же. Ф.248. Оп.31. № 1937. Л.180; Ф.279. Оп.1. № 23186. Л.154 об.

¹²⁰ См.: *Платонов С.Ф.* Книга расходная петербургского комиссариата соляного правления 1725 г. // *Летопись занятий Археографической комиссии. Л., 1927. Вып.34. С.281; РГАДА. Ф.9. Оп.4. Ч.2. № 73. Л.857,878-878 об.*

¹²¹ См.: РГВИА. Ф.2584. Оп.1. № 53. Л.135-135 об.,145.

¹²² См.: РГАДА. Ф.9. Оп.4. Ч.2. № 73. Л.857.

¹²³ См.: Там же. Оп.5. № 2/24. Л.4 об.,18; № 18. Л.42.

¹²⁴ См.: Там же. № 2/24. Л.27.

¹²⁵ См.: АВПРИ. Ф.15. Оп.15/3. 1725 г. № 19. Л.59.

¹²⁶ См.: *Вильбуа Н.П.* Краткие очерки или анекдоты о жизни князя Меншикова и его детей // *РВ. 1892. № 2. С.150; Толков И.И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России. Ч.IX. С.207-208.

¹²⁷ См.: Сб. РИО. Т.52. С.440-441.

¹²⁸ См.: *Брикнер А.Г.* Императрица Екатерина. С.123-124; *Вильбуа Ф.* Рассказы о российском дворе // *ВИ. 1992. № 4-5. С.147; Сб. РИО. Т.3. С.408; Шмурло Е.Ф.* Указ. соч. С.364.

¹²⁹ Источники приводят различные сроки его смерти: Феофан говорит о четвертом часу утра, Кампредон и Лефорт — между 4 и 5 часами. Остерман в пометках на своей немецкой Библии поставил 5 часов утра; то же время было указано и в составленной в Коллегии иностранных дел «Записке о преставлении его императорского величества». «Походный журнал» царя сообщал, что «28-го в 6 часу пополудни в I четверти его императорское величество Петр Великий преставился от сего мира от болезни, урины запору» (см.: *Каратыгин П.П.* Семейные отношения Остермана // *ИВ. 1884. № 9. С.611; РГАДА. Ф.375. Оп.1. № 47. Л.1; Павленко Н.И.* Петр Великий. М., 1994. С.556; Сб. РИО. Т.52. С.427; Т.3. С.399).

¹³⁰ Переданный Гогенгольцем рассказ самого Бассевича показывает как творилась легенда: в беседе с информированными дипломатами сразу после событий голштинцев упоминал, что Петр «действительно написал несколько строк, но потом от слабости у него вываливалось из рук перо. Прочсть эти написанные им строки нет возможности» (РГАДА. Ф.1292. Оп.1. № 95. Л.1079 об.). Но тогда Бассевич ничего не сказал о якобы имевшем место обращении царя к Анне; видимо, это «добавление» было сделано уже позднее.

¹³¹ См., например: *Гельбиг Г.* Русские избранники и случайные люди // *РС. 1886. № 4. С.37-38; Молин Ю.А.* Тайны гибели великих. СПб., 1997. С.52,55. Проведенная в 1970 г. экспертиза всех данных о болезни Петра I пришла к заключению, что царь умер в результате злокачественного заболевания предстательной железы или мочевого пузыря (см.: *Павленко Н.И.* Петр Великий. С.557).

¹³² Цит. по: *Брикнер А.Г.* Императрица Екатерина. С.123; Сб. РИО. Т.52. С.436.

^{132a} РГАДА. Ф.1292. Оп.1. № 95. Л.1077.

¹³³ См.: *Беспятовых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С.213-214. Впоследствии эта трактовка вошла в некоторые учебники истории XVIII века (см.: *Дмитриев-Мамонов Ф.И.* Хронология. М., 1782. С.219.; *Нехачин И.* Новое ядро российской истории. М., 1810. Ч.2. С.410).

¹³⁴ См.: *Шмурло Е.Ф.* Указ. соч. С.364.; РГАДА. Ф.248. Оп.37. № 1937. Л.184; № 1938. Л.23 об.

ГЛАВА IV

1725–1729: КОНСТРУКЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПОСЛЕПЕТРОВСКОЙ МОНАРХИИ

Вся Россеюшка у нас позамялася...
Исторические песни XVIII в.

Окружение «матери всероссийской»

«Великая героиня и монархиня и мать всероссийская», — так обращался к Екатерине Феофан Прокопович в «Слове на погребение» Петра. Но едва ли сподвижники Петра действительно могли преклоняться перед далекой от государственных дел женщиной сомнительного происхождения, ими же и возведенной на престол.¹

В массовом сознании Екатерина, видимо, воспринималась как добрая хозяйка и жена, но не природженная царица и уж никак не достойная верховного правления «баба». Даже в песнях солдат петровской армии она не представлялась законной наследницей «империя»; на смертном одре Петр завещал:

*«Сенат судить князьям-боярам, всем старшим фельдмаршалам;
А каменную Москву и Россию — Кате, а империю — царевичу...»²*

Внешность Екатерины вполне отвечала духу времени: она была, по словам историка и придворного графа С.Д.Шереметева, «очень телесна во вкусе Рубенса и красива». Сохранившиеся же документы соответствуют народным представлениям: показывают Екатерину экономкой, погруженной в хозяйственные заботы дворцового обихода.³ Что же касается государственных способностей императрицы, то новая правительница могла поддерживать разговор на четырех языках, усвоила внешний облик сановного величия и некоторые — весьма скромные — представления о стоявших перед страной проблемах.

После смерти Петра на Екатерину обрушился поток жалоб и челобитных, начиная от обращений канцлера и кончая прошением «придворной полomoйки» Дарьи Ивановой («при ней восемь баб») о выдаче им хлеба, соли и крупы. Г.И.Головкин просил о повышении в чинах сына, П.П.Шафиров — о прощении долгов, обер-шенк А.М.Апраксин — о выдаче ссуды в 3 тысячи рублей и т.д. Но чаще всего просили о пожаловании «деревня-

ми». Об этой награде подавали прошения поручики и капитаны гвардии (А. Ушаков, И. Корсаков, Л. Микулин, И. Толстой, А. Украинцев, С. Желтухин, С. Юрьев, Л. Ляпунов, И. Сафонов, В. Нейбуш, Е. Пашков, А. Шаховской, Ф. Шушерин), гофмаршал Д. Шепелев, обер-прокурор И. Бибииков, лейб-медик И. Блюментрост, граф С. Владиславич-Рагузинский, сенатор В. Л. Долгоруков – вот перечень фамилий всего с нескольких страниц одной из книг входящих документов кабинета за 1725 г.⁴

Отныне так будет происходить каждый раз при сменах фигур на престоле: воцарившийся претендент вынужден будет награждать многочисленных просителей за действительные и мнимые заслуги. Чтобы остановить поток прошений, издаются специальные указы о запрещении подачи челобитных лично императрице, что также станет традицией. О пожаловании же деревнями разрешалось просить только за счет «отписных» и выморочных владений.

В первые дни после воцарения царская резиденция была доступна для посещения поздравлявшими и просителями. Но уже в феврале 1725 г. Екатерина запретила караулу пускать во дворец людей «в серых кафтанах и в лаптях», а в октябре приказала все прошения на ее имя подавать только в «надлежащих местах», за исключением доносов «по первым двум пунктам». Во дворце дамам запрещается уезжать домой без спроса, дежурным камергерам велено не пускать никого в «передспальню» и не разрешать желающим играть на билльярде, поскольку «та забава имеетца для ее величества».⁵

Отбыв положенный траур, старевшая императрица стремилась наверстать упущенное время с помощью нарядов, праздников и прочих увеселений, не отличавшихся изысканностью вкуса.⁶ Закаленный на придворной службе у польского короля племянник петровского «дебошана» Иоганн Лефорт с удивлением передавал свои впечатления от жизни петербургского двора: «Кто бы мог подумать, что он целую ночь проводит в ужасном пьянстве и расходится, это уж самое раннее, в пять или семь часов утра». Придворный «Походный журнал» за 1726 г. вполне подтверждает «полуночный» образ жизни императрицы с ночными застольями. По петровской традиции она еще посещала верфи, госпитали и выезжала на пожары, но большую часть «рабочего времени» посвящала прогулкам «в огороде в летнем дому», в других резиденциях и по улицам столицы и регулярным застольным «забавам» и «трактованиям».⁷

Екатерина обещала «дела, зачатые трудами императора, с помощью Божией совершить», и по мере возможности следовала этой программе. В феврале она утвердила на уровне рассмотренные Петром штаты государственных учреждений. Отправилась в путешествие экспедиция капитан-командора Витуса Беринга. 15 августа 1725 г. Екатерина дала аудиенцию первым российским академиком. В новой столице продолжали мостить улицы и на «Перспективной дороге» – будущем Невском проспекте – поставили первые скамейки для отдыха прохожих. Указ 5 июля решительно запрещал даже отставным дворянам под страхом штрафа и битья батогами ходить «с бородами и в старинном платье», в крайнем случае – предписывал щетину «подстригать ножницами до плоти в каждую неделю по дважды». На русскую службу по-прежнему охотно принимались иностранцы.

Однако прежний курс проводился с гораздо меньшей энергией. Сразу же после смерти Петра прекратились заседания комиссии по подготовке нового Уложения. Многие ее члены нашли себе иные занятия, несмотря на приказ Екатерины 1 июня 1726 г. пополнить комиссию выборными из разных сословий и срочно начать «слушать» уже готовый текст.⁸

Часто личная инициатива Екатерины представляла собой не более чем карикатуру на петровские замыслы. Ассамблеи из места делового общения превращались в основное занятие для узкого круга придворных, изучение и применение заграничных новшеств – в заказы на покупку тропических «дивных птиц» и «прожорливого и жадного» муравьеда, выдвижение талантливых помощников – в пожалования новым фаворитам (П. Сапеге, Р. Левенвольде) и родне.

Главной своей государственной задачей императрица видела устройство достойных «партий» для дочерей. Брак старшей, Анны, был уже предрешен Петром; и в результате в круг высшей российской знати вошел герцог Карл-Фридрих Голштинский, пытавшийся с помощью тещи играть самостоятельную роль. Судьбу младшей, Елизаветы, еще предстояло решить, вместе с вопросом о будущем союзе для поддержания политического равновесия в Европе.

Воцарение Екатерины в столице прошло спокойно, и иностранные дипломаты сочли необходимым доложить о тишине на городских улицах. Но все же в первые дни Екатерину бдительно охраняли: майор Ушаков ни на минуту не покидал ее и вместе с караулом ночевал во дворце; были выделены также специальные полицейские команды для патрулирования улиц Петербурга.⁹ В Москву для охраны порядка при приведении к присяге был направлен преображенский майор И. И. Дмитриев-Мамонов.

Для настроений в Петербурге характерно поступление доноса на ведущего российского дипломата Б. И. Куракина: прежний посол в Париже барон Шлейниц обвинял его не только в принадлежности к «партии великого князя», но и в том, что князь сам «имеет претензию к короне российской».¹⁰ Опасались и возможного сопротивления расположенной на Украине армии под командованием М. М. Голицына, чей старший брат только что выступал в числе противников воцарения Екатерины. Поэтому, по данным Кампедона, «нескольким надежным офицерам был послан приказ схватить Голицына при малейшей попытке заговора или неповиновения с его стороны».¹¹ Самому же командующему объявили выговор за долгое молчание в ответ на приказ о приведении войск к присяге.¹² Но присяга была принята войсками без каких-либо осложнений; отказывались присягать единицы, как поручик Выборгского полка Григорий Баландин.

Екатерина запомнила попытку сделать ее регентшей на равных правах с Сенатом. Туда были уже в феврале делегированы два участника январских событий – И. И. Бутурлин и А. И. Ушаков; в следующем году Сенат пополнила большая группа сановников, в числе которых были генерал-полковник-полковник Петербурга А. М. Девиер и майоры гвардии И. И. Дмитриев-Мамонов, Г. Д. Юсупов, С. А. Салтыков. С учреждением в феврале 1726 г. нового органа

– Верховного Тайного совета – Сенат потерял название «Правительствующего» и был отгеснен на задний план. То же произошло и с внуком Петра: синодский приговор 28 января 1725 г. предписывал в «возношении» на богослужениях из лиц императорской фамилии упоминать только саму Екатерину и «благочестивейшие государыни цесаревны». ¹³ На коронации Екатерины мальчик не присутствовал.

Впрочем, репрессий против сторонников внука Петра I не было – все они сохранили свои посты. Даже, напротив, в мае 1725 г. по случаю свадьбы Анны Петровны и герцога Голштинского П.М.Апраксин, В.Л.Долгоруков и Д.М.Голицын были пожалованы в действительные тайные советники, а брат последнего М.М.Голицын – в фельдмаршалы; остался он и главнокомандующим Украинской армии, и полковником Семеновского полка.

Головкин, Меншиков, Бутурлин и Бассевич стали кавалерами ордена Андрея Первозванного, кабинет-секретарь Макаров – генерал-майором и тайным советником, Остерман – вице-канцлером и действительным тайным советником. Из ссылки были возвращены опальные: генерал князь В.В.Долгоруков, П.П.Шафиров, все осужденные по делу Монса и арестованная по делу гетмана Полуботка украинская старшина. Именным указом Тайной канцелярии в июне 1725 г. Екатерина повелела прекратить все дела по доносам фискалов, начатые до 1721 г. В столице власти установили твердые цены на хлеб, которые продавцы должны были выставлять на дощечках-ценниках под угрозой порки «кошками» с конфискацией товара. Прочим подданным империи была сокращена на 4 копейки подушная подать.

И все же празднества и раздачи наград не могли скрыть подспудного напряжения вокруг новой государыни. Гвардию держали под контролем: полковые командиры не обладали правом даже самостоятельно назначать учения и должны были каждый раз иметь особое распоряжение на получение полковых пушек. В то же время Екатерина и ее окружение как будто чувствовали себя не слишком уверенно и спешили снискать расположение солдат и офицеров. Уже 29 января полки получили обещанные 50 тысяч рублей жалованья. Полковая переписка отразила возросшие аппетиты гвардейцев. ¹⁴

По примеру Петра «полковница» Екатерина присутствовала на «экзерцициях», делала подарки по 10–15 червонных на именины и крестины гвардейцев, где сама или с Елизаветой являлась «восприемницей»; лично разбирала их прошения и оказывала щедрую помощь нуждавшимся. Царица следила и за продвижением по службе; так, 12 апреля 1725 г. она приказала произвести по 12 человек рядовых (из дворян) из каждого батальона в прапорщики. ¹⁵ Отличившийся при «избрании» императрицы А.И.Ушаков стал кавалером новоучрежденного ордена Александра Невского и – в феврале 1727 г. – генерал-лейтенантом. Отметившийся в январе 1725 г. Петр Ханыков получил первый обер-офицерский чин фендрика в Преображенском полку и был отправлен в ответственную командировку; в следующем году он был пожалован в подпоручики. ¹⁶

Документы Кабинета императрицы говорят о пожалованиях в 1725 г. крестьянских «дворов» по челобитным гвардейцев: капитанам преображен-

цев Ф.Полонскому и А.Танееву, капитан-поручикам Г.Гурьеву и С.Желтухину, поручику А.Микулину, подпоручику А.Лукину и другим офицерам. ¹⁷ Так зарождалась опасная для самой власти традиция «оплаты» услуг офицеров и солдат, которые могли подумать о цене своей преданности.

«Великая перемена чинам» генералов и офицеров прокатилась по армии. В иной день Екатерина подписывала по сотне новых офицерских патентов. ¹⁸ Повальные награждения, судя по мемуарам В.Нашокина, радовали не всех, поскольку происходили «не по порядку», нередко без учета действительных заслуг и приводили к возвышению выходцев «от солдатства». ¹⁹

Дела Тайной канцелярии свидетельствуют о том, что даже в рядах гвардии – наиболее преданной опоры режима – не все были довольны: железной руки Петра уже не было, а награды доставались явно не всем желающим. Доносы передавали ворчание гвардейцев: «Не х кому нам голову приклонить, а к ней, государыне, ... господа де наши со словцами пододдут, и она их слушает, что ни молвят. Так уж де они, ростакые матери, сожмут у нас рты? Тыфу де, ростакая мать, служба наша не в службу! Как де вон, ростаким матерям, роздала деревни дворов по 30 и больше, ... а нам что дала помянуть мужа? Не токмо что, и выеденова яйца не дала». Преображенский сержант Петр Курлянов сожалел: «Императора нашего не стало, и все де, разбодена мать, во дворце стало худо»; а солдат того же полка Петр Катаев говорил, что смерть Петра «даровала многим живот», поскольку он «желал всех их смерти». ²⁰

В новой ситуации на первый план выходят скорее сугубо «преторианские» настроения гвардии, чем сознательная приверженность реформам: рядовые гвардейцы считали, что их заслуги должным образом не оценены, а во дворце «стало худо». Упала дисциплина в полках. ²¹

Можно предполагать, что недовольство прорывалось не только в словах. Кампредон сообщал в Париж о подозрительных случайностях, угрожавших жизни самой Екатерины. В октябре 1725 г. на учениях внезапным выстрелом был ранен находившийся рядом с ней лакей. В следующий раз, в январе 1726 г., императрица наблюдала из окна нижнего этажа дворца за экзерцициями солдат, выстроенных на льду Невы. По словам Кампредона, при втором залпе одного гвардейского взвода некий новгородский купец, стоявший в четырех шагах от упомянутого окна, упал, сраженный насмерть пулей, ударившейся затем в стену дворца. Екатерина сохранила хладнокровие, но якобы заметила, «что не несчастному купцу предназначалась эта пуля». ²²

Полковой архив подтверждает последнее происшествие: 26 января 1726 г. выстрел из рядов выстроенных на Неве семеновцев уложил безвестного «мужика» на набережной у дворца. В тот же день офицеры осматривали у солдат патроны, приказ по полку за объявление виновного обещал следующий чин. Сказалась гвардейская солидарность: стрелявшего так и не обнаружили, а комплект патронов оказался у 7 человек. Всех подозреваемых через неделю освободили; но отныне на учениях и парадах солдатам полагалось выходить «без пуль» под страхом «жестокой смерти». ²³ Уже через месяц после этого события репрессиям по неизвестной причине подверглась личная гвардия Меншикова – Ингерманландский полк: были арестованы полковник Е.Маврин и 40 солдат.

Имели место случаи отказа от присяги императрице: «Не статочное дело женщине быть на царстве, она же иноземка». В августе и ноябре 1725 г. объявившиеся было лже-Алексеи были казнены, но уже «созревали» новые самозванцы.²⁴ В плохо сохранившихся за этот период делах Тайной канцелярии попадают сообщения о казни (наказании довольно редком в ее практике) нескольких лиц: рассыльщика Ф.Бородина, крестьянина Е.Белокопытцева за неизвестные, но «великие» преступления. В 1726 г. был тайно заточен в Шлиссельбурге шведский шпион капитан Цейленбург, которого было приказано держать в строжайшей изоляции; спустя 15 лет Тайная канцелярия даже не смогла объяснить причин ареста. Имеются известия об уничтожении таких дел (например, показания казненного в 1726 году «калуженина» А.Анцифорова).²⁵

В мае 1725 г. отправился в Соловки «карла» императрицы Яким Волков за «противные его слова против персоны ее императорского величества». ²⁶ Священник стоявшего в Петергофе Нарвского полка Иван Алексеев был арестован за отказ от присяги и заявление, что Синода «он не знает, а знает патриархов и своего архиерея». ²⁷ В мае 1725 г. датский посол Вестфален сообщал о казни какого-то полковника, также не признавшего новую императрицу. Зимой и весной 1726 г. в столице горели дома обывателей и трижды — Адмиралтейство, где были уничтожены 30 новых галер и 30 тысяч пудов провианта для флота. Власти предполагали диверсию и искали поджигателей; но был пойман и казнен лишь несовершеннолетний Аристов, поджигавший дома соседей. ²⁸

В такой обстановке в декабре 1725 г. было решено создать специальную охрану императрицы — кавалергардскую роту «из знатного шляхетства самых лучших людей из прапорщиков и из поручиков». В течение нескольких месяцев Военная коллегия подбирала кандидатов на эту почетную службу — но не из гвардии, а из офицеров армейских полков. К началу 1727 г. эта «гвардия в гвардии» насчитывала 56 человек во главе с капитан-лейтенантом Меншиковым и тремя капралами — И.И.Дмитриевым-Мамоновым, А.И.Шаховским и Эвертом Боем; в число телохранителей принимались и «немцы» — курляндские дворяне Ю.Ламздорф, Э.Каульбарс, М.Ливен. ²⁹ В начале 1727 г. очередной манифест предупредил подданных, что «за неправедные и противные слова против членов императорского дома без всяких отговорок учинена будет смертная казнь без пощады». ³⁰

Начались конфликты между победителями. Сначала Ягужинский вступил в ссору с Меншиковым; в апреле разразился новый скандал, виновником которого оказался вице-президент Синода и новгородский архиепископ Феодосий Яновский. «Духовные пастыри весьма порабощены», — считал он, отказавшись служить панихиду по императору. Остановленный 12 апреля при въезде на мост близ дворца (спящая до полудня императрица запрещала пропускать грохочущие кареты), Феодосий заявил, что «я де сам лутче светлейшего князя», и в гневе отправился к царице; когда его не пустили, «вельми досадное изблевал слово, что он в дом ея величества никогда впредь не войдет, разве неволею привлечен будет». ³¹

После неоднократного отказа архиепископа явиться к царскому столу терпение Екатерины иссякло. Следствие во главе с П.А.Толстым быстро нашло обвинительный материал в виде «продерзливых слов» Феодосия и

его заурядных хищений из сокровищниц новгородских монастырей. В итоге первое в церковной иерархии лицо было осуждено «за некоторый злой умысел на Российское государство» к вечному заточению в Николо-Корельском монастыре. ³²

Особо строгие условия заточения (владыку заживо замуровали в камере и не допускали говорить с ним наедине даже священника) заставляют исследователей предполагать, что Феодосий обладал какими-то очень неприятными для властей секретами. ³³ К тому же правительство было весьма озабочено заграничной реакцией на это событие и предписало послу в Гааге И.Г.Головкину объяснять арест архиепископа его «церковными преступлениями» и немедленно «опровергать и уничтожать» любые иные толкования в прессе. ³⁴

Незадолго до ареста владыка предсказывал дальнейшие «междуусобия». Он был не одинок в своих предположениях: весной 1725 г. Кампредон отмечал, что никакого единства среди министров нет и все усилия направлены «к приобретению наибольшего влияния в ущерб друг другу». ³⁵

Верховный Тайный совет: первые шаги

В таких условиях основной задачей для правящей верхушки стала необходимость хотя бы относительной консолидации для решения важнейших проблем при слабой и болезненной императрице. Политическим отражением подобной ситуации стало появление в феврале 1726 г. Верховного Тайного совета «как для внешних, так и для внутренних государственных важных дел». В числе инициаторов этого проекта современники называли разных лиц — Меншикова, Толстого, Шафирова, Остермана, Бассевича, что только подтверждает осознанную потребность в таком объединяющем центре.

Начиная с мая 1725 г. иностранные дипломаты не раз называли кандидатуры в состав предполагаемого «тайного совета», в том числе Меншикова, Шафирова, Толстого, Макарова, В.Л.Долгорукова, герцога Голштинского. ³⁶ О переговорах заинтересованных лиц говорят и «повседневные записки» Меншикова. В итоге в состав нового учреждения вошли сам Меншиков, П.А.Толстой, Г.И.Головкин, Ф.М.Апраксин, А.И.Остерман и из представителей «оппозиции» — князь Д.М.Голицын.

В историографии появление нового высшего органа власти однозначно оценивалось как компромисс между старой и новой петровской знатью, но относительно его роли в системе власти единства мнений у историков не было. К концу XIX века, когда обращение общественной мысли России к истории стимулировалось поисками путей дальнейшего развития страны и реформ ее государственного строя, актуально выглядела точка зрения, рассматривавшая образование этого органа как изменение самой «сущности правления», когда власть императора «из личной воли превращалась в государственное учреждение», и даже как «первый шаг к конституционному проекту 1730 г.». ³⁷

Другие исследователи утверждали скорее «олигархический» характер подобных ограничений, ³⁸ на что последовали возражения: Совет являлся исключительно совещательным учреждением при монархе. ³⁹ В настоящее вре-

мя большинство исследователей склоняется к тому, что Верховный Тайный совет стал «чисто абсолютистским органом», необходимым при слабом или неспособном к правлению монархе для решения текущих дел верховного управления при недостаточной оперативности и загруженности Сената.⁴⁰

Последняя точка зрения кажется нам справедливой. Потребность в координирующем органе витала в воздухе: достаточно указать на учреждение такого совета по делам «великой важности» в феврале 1720 г. При Петре I эта потребность компенсировалась энергией и универсальными способностями монарха, но при его преемниках уже необходимо было отделить политическую власть от массы дел текущего управления.

Что касается сообщений дипломатов о стремлении «бояр» ограничить власть самодержца, то проверить их трудно, тем более что оценки происходивших в стране событий тесно связаны с успехами или неудачами самих послов в выполнении порученных им миссий. Не раз приводившиеся в литературе высказывания Кампредона о подобных планах появляются только с января 1726 г., когда наметилось резкое ухудшение отношений с Францией в связи с провалом переговоров о союзном договоре и протестом посла против военных приготовлений России. До этого того же князя Д.М.Голицына посол характеризовал как «весьма разумного» государственного деятеля, вовсе не склонного к поползновениям на прерогативы самодержца.⁴¹

Документы самого Совета свидетельствуют о том, что он не имел сколько-нибудь четкого регламента и определенного круга своей деятельности; только завещание-«тестament» Екатерины I сделало его после смерти императрицы официальным коллективным регентом при малолетнем государе. Сама Екатерина 12 раз посещала заседания Совета до сентября 1726 г. (т.е. примерно два раза в месяц), затем еще два раза в декабре и больше там не появлялась. В этой ситуации появился указ 4 августа 1726 г. о действительности распоряжений за подписями всех членов Совета, который был необходим для нормальной работы государственной машины.

В то же время получение Советом некоторых полномочий верховной власти юридически не ограничивало самодержавную волю монарха. Возможные покушения такого рода парализовались встречными шагами императрицы и ее ближайших советников. Екатерина I не утвердила пункт о том, что все рапорты и доношения подаются только в Верховный Тайный совет, и лично вычеркнула в черновике указа о его учреждении слова о «неотлучном» нахождении Совета при особе императрицы; в марте 1726 г. она потребовала, чтобы «о важных делах поставя протоколы и на мере и не подписав наперед для апробации к е.и.в. вносить... и как уже е.и.в. изволит апробовать, тогда подписывать и в действо производить».⁴²

Что же касается обещания Екатерины в 4-м пункте указа от 1 января 1727 г. не принимать никаких «партикулярных доношений о делах, о которых в Верховном Тайном совете предложено и общее мнение записано не было», то и во 2-м, и в том же 4-м пунктах этого указа названы исключения из этого порядка: «<...> разве от нас кому партикулярно и особливо что учинить повелено будет» или «кто имеет доносить о таких делах, которые никому иному, кроме нам самим, поверены быть могут».⁴³ Реа-

лизацией этого порядка стали указы о самостоятельных докладах императрице по делам своих ведомств и поручений Меншикова, Апраксина, командующих войсками на Украине и в Иране М.М.Голицына и В.В.Долгорукова, а также послов за границей. Оставляла Екатерина за собой и право в случае разногласий членов Совета получить их письменные мнения «для решения об оных».⁴⁴

Екатерина имела и иные способы воздействия на Верховный Тайный совет, поскольку назначала его членов. К тому же создание Верховного Тайного совета не прекратило борьбу в «верхах». Если в первые месяцы правления Екатерины наиболее влиятельным советником, судя по донесениям дипломатов, был Толстой, то уже в апреле 1725 г. в составленном Кампредоном списке русских министров на первое место уверенно поставлен Меншиков. Весной 1725 г. он вновь стал заседать в Военной коллегии и подписывать ее протоколы. В 1726 г. князь добился отправления на губернаторство в Ригу бывшего президента Н.И.Репнина и обновил состав коллегии.⁴⁵ К концу 1725 г. с Меншикова были сняты все обвинения в хищениях и денежные начеты в пользу казны.⁴⁶ В день ангела Екатерины он получил поистине царский подарок — украинский город Батурин с 1300 дворами и еще 2000 по соседству, в Гадячском округе.

Устранив неуравновешенного Ягужинского (с февраля 1726 г. его подпись исчезает из протоколов Сената, а затем он был отправлен послом в Речь Посполитую), императрица тут же ввела в состав Верховного Тайного совета своего зятя, герцога Карла-Фридриха, к крайнему неудовольствию Меншикова. В апреле того же года она сделала герцога подполковником Преображенского полка и лично представила его солдатам и офицерам.

Другим рычагом власти оставался Кабинет — отлаженная при Петре личная канцелярия царя во главе с опытным бюрократам А.В.Макаровым. Кабинет получал с мест необходимую информацию (всем губернаторам в 1726 г. было приказано о «новых и важных делах» сообщать прежде всего в Кабинет) и от имени Екатерины общался с Верховным Тайным советом. Оттуда же выходили именные указы императрицы, количество которых после образования Совета не уменьшилось. Они-то и касались прежде всего пожалований чинами и «деревнями», увольнений и назначений; в этих случаях императрица отстаивала свое право и вопреки мнению Совета.

Первые шаги новой власти явно были направлены на смягчение напряженного положения в стране. В марте 1725 г. было приказано вернуть в полки занятых этим делом офицеров, оставив для завершения работы по два человека на провинцию. Отменяется предписанная петровскими указами конфискация имений за утайку душ, а затем ликвидируется и штраф с дворян, уже подвергшихся за это пытке на следствии. Основной же массы подданных касались, помимо 4-копеечной сбавки с подушной подати, отмена штрафов за нехождение на исповедь и освобождение от повинности строить полковые дворы (при условии прежнего размещения войск на постой); губернаторам и воеводам запрещалось бесплатно брать подводы с крестьян для своих поездок. Наконец, в феврале 1726 г. казенным сибирским крестьянам разрешили уплачивать 40-копеечный сбор не деньгами, а хлебом.⁴⁷

Была издана инструкция генерал-фискалу, приводившая в порядок структуру фискального надзора;⁴⁸ принято решение о необходимости восстановления Ревизион-коллегии, куда указано присылать приходно-расходные книги полков.⁴⁹ Обеспокоенность состоянием финансов вызывалась не только тяжелым наследством (в числе прочих расходов приходилось по условиям Ништадтского мира выплачивать 2 миллиона талеров Швеции за приобретенные прибалтийские провинции), но и обострением международной ситуации. Именно проблемы внешней политики вышли в 1725–1726 гг. на первый план в деятельности новой императрицы и ее советников.

Перемены на российском престоле вызвали оживленную реакцию за границей. Российский посол в Вене Людвик Ланчинский докладывал о появлении в газетах «продерзостных ведомостей» и «злостных толкований» об обстоятельствах вступления Екатерины на престол.⁵⁰ С этого времени подобные недоступные для Тайной канцелярии «толкования» стали постоянной головной болью российского правительства и сопровождалась предписанием Коллегии иностранных дел об их опровержении, поиске и преследовании их авторов.

В других странах отклики на происшедшее в России были еще менее дипломатичными. Молодой посланник в Дании А.П.Бестужев-Рюмин только через месяц осмелился доложить, что по получении известия о смерти Петра «генерально все здесь о том великую радость восприяли»: не только знатные, но «и все подлые с радости опились было».⁵¹ Основания для ликования у датчан были: в последние годы царствования Петр в стремлении закрепить успехи своего оружия на Балтике потребовал от Дании отмены «зундской пошлины» при прохождении кораблей через принадлежавшие Дании проливы, а в качестве средства давления на бывшего союзника избрал претензии Карла-Фридриха, герцога маленького немецкого княжества Шлезвиг-Гольштинии и одновременно — претендента на шведский трон.⁵²

Но при Екатерине I «голлштинский вопрос» из дипломатического орудия стал основной целью русской внешней политики. Императрица стремилась возвести дочь и зятя на шведский престол и во что бы то ни стало вернуть им Шлезвиг, не останавливаясь перед международным конфликтом.

Однако, вопреки имеющимся в литературе утверждениям, военной угрозы Дании в 1725 г. не существовало. Заявления голштинских министров и самого Меншикова об угрозе «разорить» Данию на деле являлись блефом; французский посол докладывал в Париж о неподготовленности русского флота и вполне «штатном» характере военных приготовлений.⁵³ Вышедшая в июле из Кронштадта эскадра была отправлена к Ревелю с обычными задачами: «лабиринт для обучения и движения людей».⁵⁴ В апреле начались переговоры с датским послом в России Вестфаленом об условиях возможной денежной компенсации герцогу и поддержке его претензий на шведский престол.

Екатерина решила на военные меры по отношению к «непослушной» Дании только к началу следующего года. В январе 1726 г. Кампредон уже докладывал в Париж о близкой войне, а в феврале вопрос о под-

готовке флота и сухопутной армии к весне обсуждался на заседании Верховного Тайного совета: министры не возражали государыне, но в то же время указывали на предпочтительность «негоциаций», печальное состояние финансов и возможность вести будущую кампанию только при поддержке Австрии и прежде всего Швеции (которая отказалась помочь герцогу).⁵⁵

Советники Екатерины были осторожны еще и потому, что Россия вела еще одну войну в горах Дагестана и прикаспийских иранских провинциях. Состоявшийся в ноябре 1725 г. «тайный совет» принял решение «с вящей силою в Персии действовать, нежели донею» и отправить в Иран еще пять полков. Дипломаты же должны были убедить шаха Ирана признать раздел его страны; в противном случае необходимо было позаботиться «об уставлении другого правительства в Персии».⁵⁶ Однако первоначальный успех вторжения развить было невозможно: предстояло думать не столько о путях в Индию, сколько о сохранении контроля над полосой в 50–100 верст по западному и южному берегу Каспия и решать возникшие в связи с этим проблемы во взаимоотношениях с Турцией, чья армия развивала успешное наступление в Закавказье.

И все же Военной коллегии было поручено подготовить 20-тысячный корпус,⁵⁷ Адмиралтейству — строить «к будущей кампании» новые галеры и починить старые; подготовлены два «бомбардирские» корабля, назначены капитаны. Сама императрица велела вооружить пушками свою яхту и собиралась лично возглавить флот в Ревеле.⁵⁸ 14 мая Адмиралтейств-коллегия отдала приказ выводить корабли на рейд, но в тот же день получила известие о том, что в Балтийское море вошла английская эскадра⁵⁹ из 22 вымпелов, к которой присоединились еще 8 датских кораблей.

23 мая адмирал Чарльз Уэйджер передал русским властям письмо своего короля, которое объявляло о недопустимости военного конфликта на Балтике. В тот же день Апраксин доложил, что Кронштадт к обороне не готов. Начинать войну без союзников и при полном превосходстве противника на море было невозможно; пришлось ограничиться приведением в порядок укреплений Кронштадта и Ревеля. В результате этой авантюры внешнеполитическая ситуация для России ухудшилась: в 1726 г. Голландия, а в 1727 г. Швеция и Дания официально примкнули к враждебному России Ганноверскому союзу.

Не было единства и в российской верхушке. Меншиков поначалу не возражал против планов отобрать у Дании Шлезвиг и заявлял о готовности отправиться в поход во главе 50-тысячной армии.⁶⁰ Однако уже в марте 1726 г. Кампредон отмечал начавшиеся ссоры князя и герцога. Когда же эта авантюра серьезно повредила престижу России, Меншиков выступил против дальнейшей поддержки голштинцев.⁶¹

«Голштинский кризис» способствовал усилению Меншикова, который тут же попытался летом 1726 г. стать коронованной особой, хотя бы и в маленьком Курляндском герцогстве, вассальном владении Польско-Литовского государства. Летом 1726 г. Меншиков прибыл в Курляндию и потребовал отменить решение о выборе герцогом неугодного Петербургу кандидата Морица Саксонского (внебрачного сына польского короля) и

утвердить его кандидатуру как самую подходящую. После отказа представителей ландтага созывать депутатов разгневанный Меншиков запросил у императрицы разрешение «ввести в Курляндию полков три или четыре» для успешного завершения дела. Новый международный конфликт никак не входил в намерения русского правительства, и князю был послан указ немедленно возвращаться в Петербург.⁶²

Видимо, в это время противники князя решили нанести ему удар. По данным австрийского посла графа Амедея Рабутина, против Меншикова объединились почти все члены императорского дома: герцог, дочери Екатерины и племянницы Петра I — герцогиня Курляндская Анна и ее сестра герцогиня Мекленбургская Екатерина. Сменивший Кампредона секретарь французского посольства Жан-Батист Маньян докладывал, что сразу после отъезда князя «верховники» добились у царицы отмены его исключительных полномочий, в том числе права производства в офицеры.⁶³

По возвращении князя в столицу именной указ императрицы от 28 июля 1726 г. повелевал у Меншикова и помогавшего ему В.Л.Долгорукова «взять на письме репорты на указы наши и освидетельствовать, что будучи в Курляндии все ли так они чинили, как те наши указы повелевали».⁶⁴ Явно против Меншикова был направлен и указ от 4 августа 1726 г., устанавливавший правомочность принимаемых Советом решений лишь при условии подписания всеми его членами.⁶⁵

Долго служивший в России полковник Христиан Герман фон Манштейн утверждал, что отдан был даже приказ об аресте Меншикова, и только заступничество герцога и Бассевича спасло карьеру князя от крушения. Эта версия отражена в литературе,⁶⁶ но никаких документальных подтверждений ее до сих пор не найдено.

«Повседневные записки» Меншикова сообщают, что 21 июля тотчас по приезде князь, не заходя домой, отправился прямо во дворец, где имел 4-часовую беседу с императрицей.⁶⁷ Рабутин сообщал, что он посетил и герцога. Возможно, эти экстренные визиты и спасли Меншикова; тем не менее он вынужден был подать в Верховный Тайный совет «репорт» с оправданием своих действий и почти целый месяц (до 19 августа) не показывался на его заседаниях. В итоге императрица повелела «все то дело уничтожить и не следовать», хотя и не удержалась на заседании Верховного Тайного совета от рассуждений, «сколь несостоятельно светлейшего князя желание о бытии герцогом курляндским».⁶⁸

Голштинские амбиции Екатерины I показали, что она не освоилась с ролью главы великой державы, выдвинув на первый план узкодинастические интересы; опасной оказалась и курляндская авантюра Меншикова. Придворное соперничество грозило перейти в непредсказуемые действия на международной арене.

Однако в 1725–1726 гг. подобные попытки все же оказались блокированными и не привели к серьезным провалам. Российская дипломатическая служба сумела удержаться на должной высоте, о чем свидетельствуют поиски оптимального союзника в условиях сложившихся в 1724–1725 гг. двух лагерей (Ганноверский союз Англии, Франции и Пруссии против Венского союза Австрии и Испании) в европейской политике.

Для России главной задачей будущего союза являлось получение международных гарантий владений в Прибалтике и содействие российской политике по отношению к Польше и Турции, в то время как Османская империя была главным стратегическим партнером Франции в борьбе с другой великой европейской державой — империей Габсбургов. Последняя же не только поддерживала кандидатуру Петра II, но и отказалась в марте 1725 г. принять грамоту с императорским титулом Екатерины.⁶⁹

Напряженные переговоры велись с Австрией и Францией параллельно;⁷⁰ в итоге оказалось, что французская сторона отказалась не только предоставлять помощь против Турции и «эквивалентное» возмещение голштинскому герцогу за потерянный Шлезвиг, но даже гарантировать присоединение Украины; в то же время она настаивала на российской гарантии договоров Франции с другими европейскими странами.⁷¹

В такой ситуации единственно возможным партнером в европейском «концерте» оставалась империя Габсбургов; противоречия между российскими министрами, о которых нередко сообщали дипломаты, ничего не могли изменить. Кампредон в ноябре 1725 г. докладывал: именно австрийцы «одни только могут помочь ей [России. — *И.К.*] и в самом деле выполнить то, что с другой стороны обещается». Выбор был сделан и в Петербурге: в сентябре того же года русский посол в Вене Ланчинский получил полномочия на заключение договора, а конфликт вокруг титула российской императрицы был снят принятием австрийской стороной «частного» письма от «вашего цесарского величества доброй сестры Екатерины».⁷²

Итогом стало заключение в августе 1726 г. русско-австрийского союзного договора, определявшего взаимные гарантии европейских границ, условия совместных действий против Турции и сохранение status quo государственного строя Речи Посполитой. В отечественной литературе целесообразность сделанного выбора не раз подвергалась сомнению, ведь он не смог сдержать турецкого наступления в Иране и вовлек Россию в участие в европейских конфликтах своего нового союзника.⁷³ Союз на самом деле был не безупречен, но политика, как известно, есть искусство возможного.

Дискуссия о финансах

Отказ от датского похода и завершившийся выбор стратегического союзника в Европе на время разрядили военно-политическое напряжение и позволили российской правящей элите вернуться к решению внутренних проблем, главными из которых были перенапряжение сил страны и хроническая нехватка средств.

В июне и ноябре 1726 г. министры Екатерины обсуждали, как уменьшить «тягости поселяном»; и оба раза «на мере одного своего рассуждения не утвердили».⁷⁴ Зато в июне-июле правительство предприняло первые, после долгой паузы, шаги по оздоровлению финансов. Выбор был сделан в пользу сокращения затрат на государственный аппарат и привел к ломке созданной Петром I системы управления. Штатс-контора сливалась с Камер-коллегией; количество членов всех коллегий сокращалось наполовину. Прекращалась выплата жалования в Юстиц- и Вотчинной кол-

легиях, служащие которых должны были обеспечивать себя за счет добровольных «акциденций» просителей.⁷⁵ Началось постепенное упразднение местных органов Камер-коллегии.

Взгляды сподвижников Петра на «поправление худого порядка» содержатся в составленных в 1725–1726 гг. записках, часть из которых (записка П.И.Ягужинского и коллективное мнение Меншикова, Остермана, Макарова и генерала А.Волкова) была опубликована, а остальные сохранились в архиве.⁷⁶

Уже не раз изучалась содержащаяся в этих записках критика тяжести подушной подати, произвола военной администрации, росших недоимок, неповоротливости и обременительности для казны новых государственных учреждений.⁷⁷ Однако сравнение этих документов (записки П.И.Ягужинского 1725 г. и поданных в октябре-декабре 1726 г. записок герцога Карла-Фридриха, Г.И.Головкина, П.А.Толстого, Д.М.Голицына, Ф.М.Апраксина и «коллективного» проекта Меншикова, Остермана, А.В.Макарова и А.Я.Волкова) по предложенным в них способам решения основных проблем — как «облечь» подушную подать и усовершенствовать сбор налогов и при этом покрыть финансовый дефицит — показывает, что поиск выхода привел к явным разногласиям в окружении императрицы.

Все авторы, за исключением Толстого и герцога, были единодушны в желании устранить введенную Петром военную администрацию на местах. Главной причиной при этом выступало не само участие военных в сборе податей, а явственно проявившееся «многочашие»: в провинции должен быть «один главной командир», считал генерал-адмирал Апраксин; с ним были вполне согласны Меншиков, Остерман и Голицын.

Выводом из этой констатации стало столь же единодушное предложение передать контроль над сбором налогов в руки провинциального воеводы с тем, чтобы платили подати за своих крестьян сами помещики (Головкин, Меншиков — Остерман, Апраксин), а вертикаль власти была укреплена подчинением воевод губернаторам (Меншиков — Остерман, Голицын). Но если Головкин, Голицын и Апраксин полагали необходимым вывести армейские команды из провинции, то Меншиков и Остерман по-прежнему считали их участие в сборе подати необходимым, но при подчинении командовавших ими штаб-офицеров воеводе.

Единодушным было и предложение сократить штат гражданских учреждений (Головкин, Голицын, Меншиков — Остерман) и предоставить неоплачиваемые отпуска офицерам и солдатам-дворянам из тех, кто владеет именьями (Головкин, Апраксин, Карл-Фридрих, Ягужинский, Меншиков — Остерман).

На этом согласие кончалось. Предложение Д.М.Голицына сократить расходы на армию встретило сопротивление канцлера Головкина, беспокоившегося за престиж российской мощи в Европе, и Меншикова, считавшего необходимым экономить финансы «без повреждения войска и флота».

Противоречивым было отношение к самой подушной системе. Головкин полагал возможным сокращение подати на 10 копеек, Апраксин — на 20; Ягужинский призывал сократить подушный сбор сразу на 400–500 тысяч рублей; Меншиков считал нужным ограничиться только отсроч-

кой платежа до сентября 1727 г. При этом все предложения не были основаны на каких-либо расчетах и брались «на глазок». Только более опытный в финансовых вопросах Д.М. Голицын предложил сравнить эффективность подушной системы с прежней подворной и тогда уже решать вопрос в целом. Герцог Карл-Фридрих полагал необходимым взять подать только с мужчин от 10 до 60 лет, а Остерман в отдельно поданной записке вслед за Минихом предложил новый — подходящий — принцип налогообложения.

Еще большие расхождения вызвал поиск источников доходов. Карл-Фридрих, Голицын и Меншиков предлагали «с прямым радением» собирать недоимки. Голицын считал нужным «сочинить» специальное учреждение — Доимочную контору и сократить «ненужного строения»; Апраксин видел выход в практиковавшихся при Петре вычетах из жалования; Ягужинский требовал восстановления Ревизион-коллегии.

В этом вопросе окружение Екатерины в споре уже явно переходило на личности: Головкин и Толстой прямо указывали на необходимость проведения ревизии во всех учреждениях, прежде всего — «сыскать остатки в Военной коллегии и Адмиралтействе», т.е. в ведомствах Меншикова и Апраксина.

Нетрудно убедиться, что этот раздел представленных записок является самым бедным по наличию сколько-нибудь продуктивных идей улучшения финансового положения страны и к тому же проявляет явные противоречия в рядах их авторов. Но все же само появление перечисленных выше мнений показывает, что в правящих кругах России после смерти Петра стали возможными хоть сколько-нибудь гласное обсуждение назревших проблем и попытки их решения путем компромисса различных течений и групп в «верхах». Однако при этом едва ли можно разделить участников этой дискуссии на сторонников и противников реформ⁷⁸ — все авторы записок предлагали «поправление», но отнюдь не принципиальную ломку петровских порядков.

Упорядочение финансового хозяйства было необходимо. По данным П.Н.Милокова, недоимка за 1724 г. составила 30 %; при этом, по расчетам М.М.Богословского, недобор основного прямого налога — подушной подати — достигал 33 %, а косвенных налогов — 26 %.⁷⁹ Поступление подушных денег в следующем 1725 г. было, вероятно, более успешным: к концу 1726 г. было собрано 91,4 % от «плана» в 3780 тысяч рублей, недобор подушной подати (по современным подсчетам) оценивается в 374168 рублей и по отношению к плановой сумме сбора составит 9,8 %. Видимо, этот показатель можно считать «нормальным» результатом при сборе подушных денег, поскольку сопоставимые данные за 50-е гг. XVIII века показывают размер недоимок в рамках 7–14 % в год.⁸⁰

Однако итоговая ведомость Военной коллегии определяет общий недобор подушной суммы за 1725 г. в 327700 рублей, или уже в 13 %: это разница между требовавшимися на нужды самой коллегии 2509419 рублями и реально полученными 2181719 рублями. В то же время коллегия определяет как собственно «недоимку» только 74517 рублей,⁸¹ что не соответствует приведенным выше данным, но зато близко к указанной в сочинении обер-секретаря Сената И.К.Кирилова «Цветущее состояние

Всероссийского государства» сумме в 94297 рублей.⁸² По подведенным же в 1729 г. итогам работы комиссии о подати окончательная сумма недоимок за 1725 г. составила 150780 рублей.⁸³

Подобный разбой в официальных документах можно объяснить изменением суммы недоимок по мере поступления «доимки» в последующие годы, пока не оставались уже безнадежно «пропавшие» деньги. Если это так, то подобное обстоятельство необходимо учитывать при использовании финансовых документов эпохи, — тем более что и в них самих, и в основанных на них данных научной литературы можно обнаружить не малые расхождения в оценках.

Речь идет не просто о статистических тонкостях. Выяснение размеров налоговых ставок и недоимок напрямую связано с проблемой тяжести петровского налогообложения и платежной способности населения, что отразилось в полемике по поводу монографии Е.В.Анисимова. Ее автор попытался отчасти пересмотреть принятую в литературе со времен П.Н.Миллюкова оценку этой реформы как крайне тяжелой для населения. По расчетам Анисимова, подать была относительно умеренной: увеличение тяжести налогообложения на душу составило 16 %, а точнее — с учетом 40-копеечного сбора для государственных крестьян — 28 % по сравнению с предшествовавшей подворной системой. Для нашей работы важным представляется вытекающий из этой оценки вывод о том, что критика петровской налоговой политики в широко известных записках его сподвижников и «министров» Екатерины I «намеренно сгущала краски» с целью укрепления ими «своего не очень прочного положения у власти».⁸⁴

Однако это утверждение встретило критику со стороны рецензентов, оценивавших все падавшие на население тяготы петровской системы. С учетом всех дополнительных затрат (на рекрутов, постройку полковых дворов и т.д.), по расчетам Н.Н.Покровского, налоги на каждую мужскую душу выросли на 64,3 %, а по мнению А.И.Юхта — даже на 75 %.⁸⁵ С.М.Троицкий привел в своих работах данные о вызванных сбором подушных денег возмущениях и многочисленных жалобах помещиков на тяжесть новой системы.⁸⁶ Справедливым представляется и утверждение о невозможности для населения выплачивать подушную подать в полном размере, о чем свидетельствуют как частичные сокращения ее «оклада» на треть в 1727, 1728 и 1730 гг., так и списание недоимок в 1741 и 1752 гг.

С учетом этих замечаний и стоит рассматривать развернувшуюся в 1725–1726 гг. в правящих кругах России дискуссии о мерах по улучшению финансового положения страны, речь о которой пойдет ниже. Ведь, как бы ни оценивать собственно недоимку, ситуация с поступлением и учетом денег была безусловно тяжелой и донельзя запутанной, а неплатежи постоянно нарастали. Летом 1725 г. вице-президент Штатс-конторы Карл Принценстерн докладывал: с 1719 г. армия, коллегии, Кабинет и другие учреждения не получили 2533837 рублей и 30 с половиной копеек из положенных им по штатам средств; несмотря на все усилия правительства, к июлю задолженность исчислялась в 2353030 рублей, что составляло более четверти всего бюджета.⁸⁷

Хронический финансовый дефицит вызвал обсуждение этой проблемы с начала нового царствования. Уже в октябре 1725 г. Сенат в докладе

императрице предложил снизить подушную подать в следующем году до 60 копеек с возможным затем изменением принципа налогообложения: «не з душ, а по тяглам», т.е. по реальным возможностям крестьянских хозяйств. Кроме того, сенаторы считали нужным отменить рекрутский набор и убавить комплект в полках: по 10 драгун и по 24 солдата на роту. Но против «штатских» немедленно выступили военные. Руководство Военной коллегии соглашалось только на некоторое уменьшение расходов на мундиры, амуницию и жалование и предлагало взимать треть подушной подати провиантом и фуражом, ввести отпуска для солдат и офицеров и брать с купцов за рекрута по 100 рублей. С особым мнением выступил генерал-лейтенант Б.Х.Миних, фактически согласившийся с Сенатом: он предложил ввести подоходный налог, уменьшить гарнизоны и не проводить наборов два года.⁸⁸

В январе 1726 г. генералитет (в лице генерал-лейтенанта Ласси, генерал-майоров Долгорукова, Салтыкова, Дмитриева-Мамонова, Волкова, Воейкова, Шувалова и пяти бригадиров) обратился к императрице с еще более жесткими условиями. Теперь речь уже не шла о сокращении расходов — армейская верхушка не считала возможным уменьшать подушную подать и убавлять численность гарнизонных или полевых полков. Вместо этого генералы требовали освидетельствовать, от чего произошли недоимки, и внушить «страх зборщикам и плательщикам», пополнить армию доимочными рекрутами и брать на нужды военных «из тех сборов, которые на статские расходы употребляют... понеже содержание армии нужные многих статских расходов».⁸⁹ В этом споре — как еще не раз происходило в нашей истории — победили военно-дипломатические «коньектуры» и имперские цели внешней политики.

Но возвращаться к решению проблемы пришлось. Итогом состоявшегося обсуждения стал указ Екатерины Верховному Тайному совету от 9 января 1727 г. Однако, наряду с высказанными в записках мерами (ликвидация военной администрации, передача подушных сборов воеводам, учреждение Доимочной канцелярии, сокращение штатов), указ содержал и новые решения, которые должны были сгладить возникшие противоречия: предусматривал создание по спорным вопросам двух комиссий, призванных изучить вопрос о размерах налогообложения и о расходах на армию, а также завершение работы над новым сводом законов. В тактическом плане министрам подсказывались новые источники финансирования: поземельные пошлины с пожалованных и продаваемых деревень и с дипломов и патентов на титулы и чины. Указ признавал, что некоторые полки не получали жалования с 1723 г., и требовал восстановления Ревизион-коллегии, обязанной наладить строгий учет движения денежных сумм.⁹⁰

«Известно нам учинилось, что нашей империи крестьяне, на которых содержание войска положено, в великой скудости находятца и от великих податей и непрестанных экзекуций и других не порядков в крайнее и всеконечное разорение приходят», — гласил именной указ 9 февраля 1727 г., открывавший после некоторого перерыва серию правительственных актов, направленных на ревизию петровской системы.⁹¹

Проводились прежде всего наиболее бесспорные меры. Военным надлежало срочно завершить все дела по переписи и отправляться к своим

частям. Полки выводились с недостроенных полковых дворов в города, а 2/3 офицеров и солдат из дворян могли отправиться в отпуск в свои имения, «когда конъюнктуры допустят». Сбор подушной подати переходил к провинциальным воеводам, которые имели дело непосредственно с помещиками и вотчинной администрацией.⁹²

С целью пополнения казны и улучшения финансовой отчетности были утверждены новые пошлины, созданы Доимочная канцелярия и обе предусмотренные указом 9 января комиссии. Началось сокращение штатов — прежде всего местных учреждений и должностей в системе Юстиц- и Камер-коллегий. В январе 1727 г. Верховный Тайный совет потребовал от всех учреждений представлять еженедельные ведомости о приходе и расходе; отныне это требование станет регулярно повторяться в каждое новое царствование и так же неизбежно тонуть в канцелярской рутине.

По инициативе Меншикова правительство решило выпустить на 2 миллиона легковесных медных пятаков и низкопробные серебряные гривенники. Авторы предложения понимали, что оно неизбежно вело к обесценению денег и вздорожанию товаров, но видели явное преимущество в том, что «денег будет в казне и в народе довольно».⁹³ Синод еще в июле 1726 г. разделили на два департамента, второй из которых состоял из светских чиновников и занимался судебными делами и управлением церковными вотчинами; все доходы с них должны были поступать в «коллегию синодальной экономии» и не расходоваться без определения Камер-коллегии.⁹⁴

Перечисленные решения явно были плодами достигнутого в окружении Екатерины I компромисса. К вопросу о его результатах мы еще вернемся. Пока же необходимо отметить, что обозначенный курс наиболее активно проводился в жизнь всего несколько месяцев. Короткое царствование императрицы подходило к концу; на первый план неизбежно выходила проблема престолонаследия — и для окружения Екатерины, и для дипломатов европейских держав.

Завещание императрицы

Императрица явно отдавала предпочтение своим дочерям и заявляла, что «зять ей ближе, чем великий князь». Австрийский двор по-прежнему считал законными права Петра, что не могло не раздражать Екатерину и вызывало с ее стороны резкие заявления. Датский посол Вестфален все-речь беспокоился за безопасность царевича и даже сообщал о намерении объявить наследником Карла-Фридриха.⁹⁵

Во мнении же значительной части дворян именно маленький Петр являлся законным и единственным наследником. Для «подлых» же поданных проблемы выбора как будто и не было. В Суздальской провинции «незнаемый человек» объявлял местным крестьянам осенью 1726 г. о будущей присяге и «посаждении на царство великого князя Петра Алексеевича». Не успели власти срочно отправить туда для расследования капитана гвардии, как прапорщик Давыд Карпов в ноябре 1726 г., приехав из столицы в Старую Руссу, объявлял: «Ныне будет коронация. Станут великого князя короновать на царство». Взятый под арест прапорщик рас-

сказал, что это известие он слышал повсюду «в народной молве», и следствие это подтвердило: о грядущей коронации и присяге толковали люди самых разных состояний — дворовые, монахи, крестьяне и солдаты.⁹⁶

Своеобразной публицистикой того времени служили анонимные подметные письма, в которых Меншиков сравнивался с Борисом Годуновым, а маленький Петр — с царевичем Дмитрием. В подобном сочинении, объявившемся в столице в 1725 г., Меншиков обвинялся в том, что «с голштинцами и с своею партией истинного наследника внука Петра Великого престола уж лишили и воставляют на царство Российское князя голштинского. О горе, Россия! Смотри на поступки их, что мы давно проданы».⁹⁷ Другой такой листок в 1726 г. настолько взволновал Екатерину, что она несколько дней чувствовала себя плохо. За «объявление» безымянного автора этого сочинения было обещано целое состояние — 2 тысячи рублей и повышение в чине.⁹⁸

Екатерина приказала было Феофану Прокоповичу сочинить церковное проклятие на «письмоподметчиков», отвергавших петровский устав о престолонаследии. Услужливый иерарх анафему написал, но сама же императрица отменила ее оглашение.⁹⁹ воля монарха находилась в явном противоречии с представлениями подданных.

Сыграли свою роль и международные «конъектуры» в связи с заключением русско-австрийского союза. С конца 1725 г. великий князь — племянник австрийского императора — начинает участвовать в придворных празднествах, и тогда же появляются проекты примирения интересов двух ветвей царского дома. Назначенный воспитателем царевича Остерман предложил женить Петра на Елизавете; но брак 11-летнего племянника и 17-летней тетки, несмотря на примеры библейских персонажей, был признан недопустимым.

Однако тянуть с решением было невозможно: к нему подталкивали и союзные обязательства, и болезнь императрицы. В начале 1727 г. проблемы российского престолонаследия стали актуальными для большой политики — и для европейской прессы. Гамбургские и кенигсбергские газеты писали о несогласии российских министров «в назначении наследника», о скором объявлении им маленького Петра и о якобы решенном его браке с Елизаветой.¹⁰⁰

В Петербурге в конце 1726 г. уже был подготовлен вариант завещания Екатерины I: наследником становился маленький Петр, которому предстояло вступить в брак с невестой «из рода любекского епископа» — брата голштинского герцога. С представительницей этого же рода должен был обвенчаться и сын Меншикова; сам герцог должен был получить в обмен на Шлезвиг княжества Ольденбург и Дельменгорст и управление Лифляндией и Эстляндией вместе с соответствующими доходами. Очевидно, что этот вариант был подготовлен голштинскими министрами, стремившимися удовлетворить герцога и одновременно нейтрализовать Меншикова.¹⁰¹

Но светлейший князь, по всей вероятности, уже с конца 1726 г. задумал брак Петра с одной из своих дочерей, в результате чего сам он смог бы породниться с царствующей династией и стать регентом при несовершеннолетнем государе. Этому замыслу способствовали усилия датских и

австрийских дипломатов, считавших кандидатуру Петра наиболее благоприятной для своих интересов.

Датский посол барон Вестфален в памятной записке своему королю утверждал, что именно ему принадлежала инициатива этого плана, и раскрыл механизм интриги. К ней были подключены австрийский посол граф Амедей Рабутин, «покровитель» датчанина князь Д. М. Голицын и его брат-фельдмаршал; последнему предлагался брак его дочери с сыном светлейшего.¹⁰² Датский и австрийский дворы оказали Меншикову не только политическую, но и материальную поддержку в виде крупных земельных владений (герцогства Коссель в Силезии), обещанных самому светлейшему князю.¹⁰³ Был ли именно Вестфален главным действующим лицом в этой драме, сказать трудно. Но вмешательство иностранной дипломатии в российскую политику оказалось вполне успешным, поскольку совпадало с интересами самого Меншикова.

Однако добиться желаемого Меншикову удалось не сразу. В феврале Екатерина еще не допускала такой возможности и заявляла, что престол принадлежит ее дочерям; но затем ситуация изменилась. Согласно депеше Маньяна от 14 марта 1727 г., обе цесаревны и герцог упрашивали Екатерину не допустить такого поворота событий; «к ним присоединился и Толстой, с которым царица не посоветовалась раньше». Императрица как будто колебалась, но после новых усилий со стороны Меншикова он получил «решительное подтверждение данного прежде согласия».¹⁰⁴

«Повседневные записки» Меншикова говорят, что уже с начала января 1727 г. маленький Петр стал периодически посещать дворец светлейшего князя. 14 февраля к Меншикову приехал лейб-медик Блюментрост и фаворит императрицы П. Сапега. После этого визита у Меншикова начались интенсивные консультации с прибывавшими к нему для тайных бесед Остерманом (17, 18, 21, 25, 27 февраля; 2, 4, 5, 6, 7, 11, 13, 15 марта), Макаровым (17, 24 февраля; 4, 10, 13 марта), камергером К. Левенвольде (19, 21 февраля; 2, 4, 7 марта), фаворитом Сапегой (19, 28 февраля; 4, 9, 15 марта), герцогом Голштинским и его братом (23 февраля). В завершение этой серии встреч сам Меншиков трижды встретился с Рабутином (11, 19 и 25 марта) и нанес визит герцогу (16 марта).¹⁰⁵ Можно предположить, что в течение этого месяца непрерывных переговоров князя и лиц из ближайшего окружения Екатерины и были выработаны условия, на которых маленький Петр получал престол, а Меншиков сохранял власть.

Неизвестно, была ли сама императрица в курсе этих переговоров; но в итоге прежняя помолвка Петра Сапеги с Машенькой Меншиковой была расторгнута. Первого апреля Маньян сообщал, что положение Петра в качестве наследника почти не вызывает сомнений; 5 апреля дипломаты ожидали официального извещения о браке и престолонаследии, но оно так и не последовало.¹⁰⁶ Меншиков встретил сопротивление со стороны вчерашних соратников: своего зятя генерал-полицеймейстера А. М. Девиера, П. А. Толстого, генерала И. И. Бутурлина.

В беседах между собой противники князя высказывались в том смысле, чтобы императрица «короновать изволила при себе цесаревну Елисавет Петровну или Анну Петровну, или обеих вместе. И когда так зделает-

ца, то ее величеству благонадежнее будет, что дети ее родные». Самого же Петра Толстой хотел «за море послать погулять и для облегчения посмотреть другие государства, как и протчие европейские принцы посылаютца, чтоб между тем могли утвердитца здесь каранация их высочеств». Более решительный Девиер пытался даже повлиять на самого наследника и уговаривал мальчика: «Поедем со мной в коляске, будет тебе лучше и воля, и матери твоей не быть уже живой».¹⁰⁷

Возможно, генерал предполагал в нужный момент увезти наследника и провозгласить его императором. Если так, то интересы противников Меншикова не совпадали. Рабутин сообщал, что вельможи думали, как «вести перемену, смягчающую форму правления»; но следственное дело Девиера и Толстого не подтверждает это свидетельство. Намерение же короновать одновременно двух принцесс (одна из которых была замужем за иноземным государем) и отправить за границу признанного наследника было способно только осложнить положение династии и спровоцировать новый тур борьбы за власть.

За «делом» П. А. Толстого и А. Девиера можно заметить и нарождавшиеся группировки, так сказать, второго ряда. К их числу можно отнести «факцию», образовавшуюся вокруг княгини А. П. Волконской, куда входили ее братья молодые дипломаты А. П. и М. П. Бестужевы-Рюмины, «арап» А. П. Ганнибал, камергер С. Маврин, кабинет-секретарь И. А. Черкасов и член Военной коллегии Е. И. Пашков.¹⁰⁸ Бестужев-Рюмин вел интригу, опираясь на австрийскую помощь, и стремился окружить мальчика и его сестру Наталью преданными людьми.¹⁰⁹

Но до настоящего заговора дело так и не дошло; его главные участники не были связаны с гвардией и не располагали никакими «силовыми» возможностями: в собственной команде обер-полицеймейстера была едва сотня солдат. Герцог же оказался ненадежным союзником: он пытался выторговать у Меншикова право на управление и доходы с завоеванных прибалтийских территорий и в итоге удовольствовался крупной денежной суммой, предназначенной его жене.

Не дал заговору «созреть» и Меншиков. Пока его противники обменивались «злыми умыслами и разговорами», а Толстой выбирал время для аудиенции у императрицы, князь действовал. С 10 апреля он переехал из своего дворца в апартаменты Зимнего дворца, чтобы прочнее держать ситуацию под контролем, т. к. у Екатерины началась горячка — воспаление или «некое повреждение в лехком», по позднему заключению врачей.

Французский резидент Маньян сообщал в донесении от 6 мая (25 апреля старого стиля) о состоявшемся совещании «министров». О соглашении Меншикова с герцогом и «императорским семейством» сообщали и Рабутин, и Мардефельд (18 апреля), и Лефорт (22 апреля); они же отмечали, что в этом совещании с «верховниками» участвовали синодские архиереи, сенаторы, гвардейские полковники и президенты коллегий. На этом заседании, состоявшемся «в прошлое воскресенье» (т. е. 15 апреля¹¹⁰), по мнению дипломатов, и был найден компромисс: императором становился внук Петра Великого, но до 16 или 17 лет он должен был находиться под опекой Верховного Тайного совета, куда с правом двух голосов входила цесаревна

Елизавета; обе принцессы получали по миллиону рублей при выходе замуж. Из дипломатических депеш утверждение о «собрании высших государственных чинов» проникло в научные работы.¹¹¹

Но сведения иностранцев об условиях соглашения содержат противоречия, которые уже отмечались в литературе.¹¹² «Повседневные записки» Меншикова ничего не сообщают о таком заседании. Зато они зафиксировали отдельные встречи Меншикова с Рабутиным (12 апреля), Ф.М.Апраксиным (13 апреля), Макаровым (15 апреля).

16 апреля князь дважды посетил больную императрицу и от ее имени объявил амнистию арестантам Военной и прочих коллегий. Но «при столе его светлости» из членов Верховного Тайного совета присутствовал только Д.М. Голицын — вместе с А.В.Макаровым и майорами гвардии И.И.Дмитриевым-Мамоновым, Г.Д.Юсуповым, С.А.Салтыковым, А.И.Ушаковым и людьми из окружения Меншикова — А.Я.Волковым из Военной коллегии и кавалергардом А.И.Шаховским. Заседания же Совета в этот день не было.

На следующий день князь принял Г.И.Головкина и Д.М.Голицына, а затем дважды за день посетил на дому Остермана (по обыкновению больного в кризисной ситуации) и Екатерину. 18 апреля состоялась «аудиенция» с Д.М.Голицыным и Бассевичем. В эти же дни (17–18 апреля) состоялись и заседания Верховного Тайного совета без участия Меншикова, на которых, согласно имеющимся протоколам, «слушались» и обсуждались «иностранные дела», назначения на должности, финансовые вопросы — но не условия престолонаследия.¹¹³

Если верить журналу Меншикова и протоколам Совета, получается, что в 1727 г. судьба престола решалась уже не каким-либо «совещанием» высших чинов империи (пусть нелегитимным, но хотя бы представительным и формально единодушным, как это было в 1725 г.), а серией частных соглашений заинтересованных лиц и групп.

В этих условиях Толстой и его друзья оказались в изоляции; Меншиков 24 апреля добился от умиравшей императрицы указа об аресте Девьера, осуществленном в тот же день. 26 апреля Меншиков перевез наследника и его сестру Наталью к себе во дворец и не отпускал их несколько суток, развлекая «гуляниями» и медвежьей травлей.¹¹⁴

27 апреля была назначена следственная комиссия во главе с Г.И.Головкиным; там заседали те, кому князь доверял: Д.М.Голицын, генералы И.И.Дмитриев-Мамонов, Г.Д.Юсупов, а рядом с ними «креатуры» Меншикова — генерал-майор А.Я.Волков и обер-комендант столицы Ю.Фаминцын. Указы царицы следователи получали вместе с сопроводительными письмами Меншикова, требовавшими скорейшего допроса обвиняемых.¹¹⁵ «На виске» после 25 ударов кнутом Девьер назвал своих собеседников: генерал-майора Г.Г.Скорнякова-Писарева, молодого И.А.Долгорукова, церемониймейстера Ф.Санги, генерала А.И.Ушакова; они тут же были привлечены к делу. Следователи отправились с допросом к Бутурлину и Толстому, признавшемуся в разговоре о намерении короновать дочерей Екатерины.¹¹⁶

Следствие по обвинению в подстрекательстве к «великому возмущению» было проведено в рекордный срок. При этом не были выяснены

противоречия в показаниях арестованных, не привлекались свидетели. Пятого мая (в предпоследний день жизни Екатерины) Меншиков четыре раза посещал умиравшую и добился-таки от нее именного указа следственной комиссии представить назавтра утром краткий доклад по делу, а остальное «за краткостью времени оставить».¹¹⁷ Доклад и приговор по делу были готовы лишь к вечеру 6 мая, в последние часы жизни Екатерины. В этот день Меншиков не отходил от императрицы. Где-то рядом с ее спальней в такой же спешке им вместе с герцогом и Бассевичем готовилось завещание; к его истории мы обратимся ниже.

Меншикову удалось получить нужные ему документы «за подписью собственноручно ее императорского величества руки».¹¹⁸ Могла ли Екатерина за считанные часы до смерти читать оба документа, утверждать завещание и смягчать приговоры осужденных? Едва ли. Но все это уже не имело значения. Умиравшая — как и ее муж в 1725 г. — была изолирована от всяких нежелательных влияний. В тот же день первая из преемниц Петра I «с великим покоем преставилась» в 9-м часу пополудни; но приговор вступил в законную силу: Толстой был отправлен в заключение на Соловки, Девьер и Скорняков-Писарев — в Сибирь, Бутурлин — в деревню. Замешанные в дело А.И.Ушаков и Иван Долгоруков были переведены из столицы в полевые полки. Манифест о раскрытии якобы имевшего место заговора был издан лишь 27 мая, и уже от имени Петра II преступники обвинялись на злодейском умысле против его воцарения и «сватовства нашего на принцессе Меншиковой».¹¹⁹

Уже днем 6 мая гвардейские штаб- и обер-офицеры были вызваны во дворец, а солдатам было велено не отлучаться из квартир и ожидать вестовых. К вечеру оба полка стояли вокруг дворца «на лугу» и тут же ночевали.¹²⁰ Заранее было приказано «в Камор коллегии принять вино и роздать в роты, а в ротах вино не вдрук раздавать: завтрашнего числа по чарке, а оставшее в понедельник роздать» во избежание излишних эмоций со стороны гвардейцев.¹²¹

Утром 7 мая в присутствии высших чинов империи Меншиков объявил о завещании Екатерины; секретарь Верховного Тайного совета Василий Степанов огласил «тестament», согласно которому престол переходил к Петру II. Но до совершеннолетия император «за юностью не имеет в правительство вступать»; для этой цели назначались официальные опекуны в лице Анны, Елизаветы, герцога Голштинского и членов Верховного Тайного совета.¹²²

Завещание не только вводило регентский совет при императоре, но и отменяло петровский закон о престолонаследии: в случае смерти Петра II корона переходила к его сестре и дочерям Петра I Анне и Елизавете «с их потомствами». Оглашение «тестамента» завершилось присягой новому императору присутствовавших военных и гражданских чинов, а также полков гвардии, прокричавших «виват» вышедшему к ним Петру. На следующий день гвардии выдали деньги за январскую треть 1727 г.; еще через несколько дней оба гвардейских и Ингерманландский полки, а также кавалергардская рота получили месячное жалование, «не зачитая впредь в обыкновенную их дачу».¹²³

Воцарение Петра формально не было переворотом: Меншиков успел вырвать правовую санкцию на этот акт. Однако молодой Сапега открыто выражал сомнения в подлинности завещания императрицы; Лефорт в своем донесении о событиях этого дня писал о различных настроениях высших чинов государства, среди которых было много противников Меншикова.¹²⁴ Тут же стали расходиться и слухи о том, что императрица от Меншикова «несчастливое или отравленное питье получила»; этот «глас народный» отразился в документах архива самого князя в воспоминаниях капитана Вильбуа.¹²⁵

Не вполне ясно обстоит дело и с самим завещанием, которое представляло собой попытку установить новый закон о престолонаследии: «Ежели великий князь без наследников преставитца, то имеет по нем цесаревна Анна с своими десцендентами, по ней цесаревна Елизавета и ее десценденты, а потом великая княжна и ее десценденты наследовать, однако ж мужеска пола наследники пред женским предпочтены быть имеют».

Его текст сохранился в бумагах бывшего Государственного архива Российской империи и был опубликован в ПСЗ.¹²⁶ Там же хранится и протокол: «1727 мая 7 дня ее императорского величества... тестамент в Верховном Тайном совете при присутствии его императорского величества и как духовных, так и свецких слушали и во всем потому исполнять должны и повинны»; вслед за тем идут подлинные подписи самого императора, его родной сестры Натальи, герцога Карла-Фридриха, принцесс Анны и Елизаветы, членов Верховного Тайного совета, 5 духовных и 33 светских лиц.¹²⁷

В том же деле хранятся две копии, снятые секретарем Совета В.П. Степановым и канцлером Г.И. Головкиным; последний же сделал и запись о передаче им «завещательного письма» 10 августа 1730 г. Анне Иоанновне в Измайлове. Здесь же хранятся и конверты: на одном (с подписью Степанова и тремя печатями) сохранилась запись генерал-прокурора Н.Ю. Трубецкого: «Взят из иностранной коллегии 27 ноября 1741 году»; на другом, конца XVIII века, указано «подлинник».¹²⁸ Таким образом, можно предположить, что указанный текст и является подлинником, который хранился в Коллегии иностранных дел, отправлялся к императрице Анне в Измайлово, а затем вновь потребовался при воцарении Елизаветы. Таким его и считал Д.Н. Блудов, рассматривавший дела императорского Кабинета Павла I и Александра I.¹²⁹

Однако текст завещания (из 16 параграфов) содержит пропуски: отсутствует § 12; в § 3 оставлено пустое место для цифр, до каких лет император должен считаться несовершеннолетним. Кроме того, текст исправлялся. Так, например, в § 5 начальные слова «и сим имеют» вписаны над строкой; в § 9 в строке «которые нам, а не короне принадлежат, у себя [и у своих] удержать» и в § 14 в строке «яко изменник на[ка]зан [быть] имеет» отмеченные в скобках фрагменты также вписаны позднее над строкой; в § 9 во фразе «каждая из цесаревен, понеже от коронного наследства своего родного отца выключены» слово «выключены» первоначально стояло перед словом «своего», но было зачеркнуто.

Невразумительно составлен § 11: «Принцессу Елизавету имеет его любовь герцог Шлезвиг Голштинский и бискуп Любецкой в супружество по-

лучить, и даем ей наше матернее благословение; тако же имеют наши цесаревны и правительство администрации старатца между его любовью и одною княжною князя Меншикова супружество сочинить». Получается, что двоюродный брат Карла-Фридриха должен был одновременно жениться и на Елизавете, и на дочери Меншикова с помощью той же Елизаветы. Но в то же время этот текст подписан «Екатерина», и эта подпись явно сделана рукой Елизаветы, что подтверждается сравнением этой подписи с подписями цесаревны, сделанными в приложенном к завещанию протоколе и на других указах; вслед за «тестаментам» следует лист с подлинными подписями присутствовавших при чтении документа персон.

Но тогда как объяснить содержащиеся в нем пропуски и ошибки? С.М. Соловьев считал вероятной версию о наличии «исправленного русского текста» завещания, который затем был «истреблен» Анной Иоанновной; так же думает и Е.В. Анисимов.¹³⁰ Предположение выглядит логичным, поскольку документ, несомненно, побывал в руках Анны Иоанновны, а по завещанию все племянницы Петра, в том числе сама Анна, оказались устраненными от престолонаследия.

После переворота 1741 г. императрица Елизавета пыталась выяснить судьбу «тестамента» матери у подследственных министров прежнего царствования. На допросе Остерман показал, что подлинная «духовная» Екатерины находилась в Верховном Тайном совете, и предположил, «не ухажена ль она от князя Меншикова?» Затем, когда ему была предъявлена записка канцлера Головкина о «внесении» завещания к Анне Иоанновне, он подтвердил этот факт, но заявил, что совершенно не помнит, кто и когда это сделал и что случилось с документом потом.¹³¹

Забывчивость министра вполне можно объяснить его личным участием в этом деле. Однако тогда получается, что Елизавета не смогла обнаружить подлинник в 1741 г. (что вроде бы опровергается записью генерал-прокурора Н.Ю. Трубецкого) или не считала таковым дошедший до нас текст, который был ею же подписан и «взят из Иностранной коллегии» 27 ноября 1741 г.

В литературе можно встретить заявления о том, что будущий канцлер А.П. Бестужев-Рюмин сумел выкрасть подлинник завещания, вместе с дочерью Петра I Анной каким-то образом оказавшийся в Голштинии.¹³² Но это не так. Протоколы Верховного Тайного совета содержат прямое указание на то, что 19 мая 1727 г. «тестаментам» с подписями «канцлер граф Головкин запечатал своею печатью и положил на сохранение в ящик, в котором в коллегии иностранной хранятца государственные печати».¹³³ После смерти герцогини Голштинской генерал-майор И.И. Бибииков действительно доставил в Петербург из Киля один важный документ — но это была «копия тестаменты ее высочества», т.е. завещания Анны Петровны, а не Екатерины.¹³⁴

Однако упоминание Бестужева-Рюмина оказалось не случайным. Как удалось нам установить на основании документов Архива внешней политики Российской империи, молодой резидент в Гамбурге в 1733 г. получил на сохранение от арестованного голштинского министра барона Штамбке «сундучок и маленькую шкатулку» с секретными документами,

которые голштинские власти потребовали вернуть и даже пытались у него выкрасть. Бестужев сразу запросил начальство: «Не распечатать ли оной сундучок и шкатулку для осмотра в оных писем — не обряжется ли что в пользу вашего императорского величества интересу?» Ведь барон был одним из главных советников герцога и находился с ним в Петербурге в 1725 г. Но во вскрытом сундучке резидент обнаружил лишь письма самого герцога, его расписки и «старые прожекты и инструкции по разным корреспонденциям», которые положил обратно, подделав печати.¹³⁵

Таким образом, можно считать, что завещание Екатерины не покидало пределов России. Возможности уничтожения подлинника также исключить нельзя. Но что в таком случае можно считать подлинником? В 1728 г., отвечая на официальный запрос русского правительства, Бассевич признал, что именно он «в самой скорости помянутое завещание сочинил». Трудился он не безвозмездно: Меншиков купил согласие герцога на воцарение Петра II целым рядом обязательств России в деле «шлезвицкого возвращения», обещанием выдать Елизавету замуж за родственника герцога, князя-епископа любекского Карла-Августа, прощением герцогу всех полученных от русского двора сумм и признанием его прав на шведскую корону: 6 из 16 параграфов завещания касаются интересов герцога.

Далее Бассевич рассказал, что герцог выпросил у Меншикова отступного в миллион рублей, из которых 100 тысяч надо было отдать самому Меншикову. Стороны поторговались, и в результате сумма комиссионных князю уменьшилась до 80 тысяч; остальное получил за труды сам Бассевич.¹³⁶

Вестфален в своей записке королю (созданной в 1730—1733 гг.) утверждал, что при жизни Екатерины был составлен Бассевичем и Штамбке только немецкий текст завещания. Но Екатерина скончалась прежде, чем его успели перевести; и Елизавета подписывала текст уже после смерти матери, но «с великой радостью в сердце после того, как прочла статью, разрешавшую ей выйти замуж за князя-епископа Любека». Это и дало Вестфалену основание назвать этот документ «величайшим подлогом».¹³⁷ Однако он не сообщал, что именно подписала Елизавета. По данным шведского посла Цедеркрейца, завещание не успели перевести на русский язык и был составлен некий «экстракт» (или «извлечение»), подписанный Елизаветой.¹³⁸

В таком случае дошедший до нас как «подлинник» русский текст является именно этим торопливо составленным «экстрактом». Очевидно, так считала и сама Елизавета, если при восшествии на престол все-таки пыталась найти подлинное (т.е. «немецкое») завещание матери, а не тот небрежный текст, который когда-то она же и подписала под давлением Меншикова.

Вопрос также и в том, насколько «тестамент» (в немецком или русском вариантах) вообще соответствовал последней воле умиравшей императрицы. В последний момент она как будто пыталась воспротивиться воле Меншикова. Маньяну было известно, что «за несколько дней до смерти царица самым положительным образом объявила Меншикову, что желает, чтобы ей наследовала на престоле цесаревна Елизавета».¹³⁹ Сам князь уже после всех описываемых событий с присущей ему прямоотой

сообщал датскому послу, что Екатерина накануне смерти хотела сделать Карла-Фридриха генералиссимусом и передать престол дочерям, поскольку «ее сознание в это время было не совсем ясным».¹⁴⁰

Летом 1727 г. Совет повелел изъять у населения и из государственных учреждений все манифесты о деле царевича Алексея вместе с указом 1722 г. о престолонаследии «и впредь никому тех манифестов в домах своих ни под каким видом не держать и не читать».¹⁴¹ Таким образом, важнейший государственный акт — петровский устав 1722 г. — с одной стороны, не был отменен; но с другой — как бы признан властью недействительным. При этом никакого нового законодательного акта публично не объявлялось: завещание Екатерины I осталось большинству подданных неизвестным, и они присягали по прежней форме Петру II и его наследникам, «по соизволению и самодержавной от Бога данной императорской власти определенных».

Зато это было сделано за границей. Не успели российские министры при европейских дворах получить указания об опровержении «разглашений» по поводу дела Девиера и Толстого, как в Дании, Австрии, Швеции появились «фальшивые копии» завещания Екатерины. Русский посол в Вене Ланчинский по этому поводу безуспешно объяснялся сначала с австрийскими министрами, а затем с местными «газетирами», которые упорно отказывались раскрывать свои источники информации, но согласились опубликовать опровержение.¹⁴²

По мнению Коллегии иностранных дел, «утечка» произошла от голштинских министров: именно с их подачи сначала в Вене, а затем и в Стокгольме появился такой документ с «пассажами, которые шведской форме правления противны».¹⁴³ Российскому внешнеполитическому ведомству ничего не оставалось, как признать эту публикацию подложной, хотя ее текст был как раз исправнее отечественного «подлинника».¹⁴⁴

Такая ситуация вокруг важнейшего государственного документа лишний раз показала отсутствие не только прочных правовых традиций, но даже элементарного порядка в важнейшем вопросе российской государственности. Наметившийся политический компромисс не только не был надежно закреплен юридически, а, наоборот, привел к дезавуированию даже такого акта, как петровский устав 1722 г. Подобная неразбериха не только способствовала постоянной напряженности в «верхах»: соперничавшие группировки постепенно переходили от более или менее легальных способов борьбы к силовому давлению, которое впервые применил Меншиков.

Фортуна Меншикова

Меншиков и после курляндской истории не утратил своего особого положения.¹⁴⁵ Екатерина едва ли могла порвать с человеком, дважды открывшим ей дорогу к трону. Что касается герцога, то остается предположить, что и он, зависевший от финансовой и политической поддержки со стороны России, в свою очередь, был заинтересован в поддержке со стороны столь влиятельного лица. Во всяком случае, Карл-Фридрих начиная с августа 1726 г. получил в два приема 100 тысяч рублей, а затем еще 5 тысяч рублей.¹⁴⁶

Исключительное положение светлейшего отмечали все наблюдатели: «Он завел такие порядки в гражданском и военном ведомствах и начал уже приводить их в исполнение, которые сделали бы его действительным правителем, а царице оставили одно только имя. Это дошло, наконец, до того, что он овладел всеми делами, касающимися высочайших помилований, и отправлял по денежным и другим важным делам в коллегии приказы лишь им самим подписанные», — докладывал в августе 1726 г. прусский посол Мардефельд; почти в тех же выражениях писали своим правительствам другие члены дипломатического корпуса.¹⁴⁷ «Царица боится Меншикова», — так оценивал Рабутин расстановку сил при петербургском дворе в письме к полководцу Евгению Савойскому. Хотя все-таки Меншиков все же не был: инициированный им вопрос о восстановлении гетманства на Украине так и не получил одобрения в Верховном Тайном совете при Екатерине.¹⁴⁸

Помимо обладания званиями генерал-фельдмаршала, вице-адмирала и главы Военной коллегии, Меншиков оставался Санкт-Петербургским губернатором и начальником личной охраны императрицы — кавалергардской роты, которая несла службу во дворце и сопровождала ее в поездках.¹⁴⁹ Кроме того, Меншиков сумел отстранить другого подполковника Преображенского полка, генерал-аншефа И.И. Бутурлина от командования гвардией: с марта 1726 г. доклады по полкам на имя императрицы шли только за подписью князя.¹⁵⁰ Видимо, под давлением Меншикова из числа сенаторов был выведен тот же И.И. Бутурлин, а затем А.И. Ушаков и Г.Д. Юсупов; последние, по словам Кампредона, были этим весьма недовольны.¹⁵¹

В руках Меншикова, таким образом, была сосредоточена высшая военная и гражданская власть в столице: согласно «повседневным запискам», князь раздавал ордена, объявлял императорские указы, повышал в чинах гвардейцев (у которых часто крестил детей), утверждал дворцовый штат.¹⁵² Часто болевшая императрица все больше замыкалась в придворном кругу. Другие министры в 1726 г. все более оттеснялись на второй план. Возвращенный из ссылки Шафиров был назначен руководить китобойным промыслом в Архангельске. Ягужинский, хотя и сохранил должность генерал-прокурора, но фактически был отстранен от дел и отправлен послом в Польшу. В июне 1726 г. была упразднена петербургская Тайная канцелярия, во главе которой стоял Толстой, жаловавшийся, что его советы царица не слушает. Этим же летом просил об отставке генерал-адмирал Апраксин. Сенаторы И.А. Мусин-Пушкин и А.А. Матвеев оставлены в Москве. В тени Меншикова постепенно росло влияние А.И. Остермана, который в личных интересах немало помог своему покровителю в борьбе с противниками (Ягужинским, Шафировым) и стал «душой здешней иностранной политики», оттеснив канцлера Головкина.

Воцарение Петра II стало самым большим и последним успехом князя. Однако завещание Екатерины гласило, что вместе с ним «администрацию имеют вести наши обе цесаревны, герцог и прочие члены Верховного Тайного совета». В тот же день 7 мая Меншиков стал адмиралом, а его сын — обер-камергером, т.е. занял руководящую должность при дворе Петра II.

Меншиков сразу же начал «расплачиваться» со своими сторонниками: Ю.Фаминцын стал генерал-майором, А.Волков — генерал-лейтенантом; оба получили «деревни» из конфискованных имений Толстого и Девиера. И.И.Дмитриев-Мамонов был произведен в подполковники гвардии, Головкин и Голицын получили по 5 тысяч рублей, а Остерман — 6 тысяч. Одновременно Остерману была пожалована и вотчина; но вице-канцлер (едва ли не единственный случай в то время) отказался от подарка, и «отписные» владения вернулись в дворцовый фонд.¹⁵³

Уже через несколько дней, 12 мая, Верховный Тайный совет вместе с Меншиковым посчитали, что «государыням цесаревнам не о важных делах протоколов крепить не надобно». Дочери Петра I, таким образом, были фактически выведены из регентского совета — в его заседаниях они не участвовали; всего на пяти заседаниях появился и герцог.¹⁵⁴ По форме это являлось прямым нарушением только что объявленного завещания, т.е. «тихим» дворцовым переворотом. В тот день светлейший князь стал вторым из четырех российских генералиссимусов, хотя по Воинскому уставу Петра I «сей чин коронованным главам и великим владетельным принцам только надлежит».

Князь перевез Петра в свой дворец на Васильевском острове; в Петербурге свирепствовала оспа, и Меншиков распорядился, чтобы никто из больных и их родственников не смел приближаться к его резиденции. Светлейший старался постоянно держать царя при себе: вместе с ним он садился за обеденный стол, возил его то на конный, то на галерный двор, совершал развлекательные поездки по городу, в Кронштадт и свою загородную резиденцию Ораниенбаум.

Сразу же после похорон Екатерины (16 мая) начались тщательные приготовления к обручению Петра II с Марией Меншиковой, на которой отец остановил свой выбор. После консультаций с церковными деятелями 25 мая 1727 г. произошло и само обручение, совершенное Феофаном Прокоповичем. Вскоре Синод повелел во всех церквях России поминать рядом с Петром II «обрученную невесту его благоверную государыню Марию Александровну».¹⁵⁵ Для нее был создан особый двор с бюджетом в 34 тысячи рублей для содержания камергеров, фрейлин, гайдуков, лакеев, пажей и прочего персонала, во главе которого стала обер-гофмейстерина Варвара Арсеньева.

Перед смертью императрицы Меншиков и другие представители правящей верхушки в последний раз показали способность к компромиссу; это позволило несколько разрядить «переворотную» ситуацию. После своего триумфа Меншиков уже полагал компромиссы излишними. Первым делом он разгромил кружок гофмейстерины А.П. Волконской;¹⁵⁶ затем выдворил из России Анну Петровну вместе с ее мужем-герцогом.¹⁵⁷

Был упразднен Кабинет и его контроль над Верховным Тайным советом. Кабинет-секретарь Петра I и Екатерины Алексей Макаров «посажен... бывшим Меншиковым к испорченным делам в Камор коллегию в неволю» (как жаловался он позднее), его заместитель И.А. Черкасов — в обер-секретари Синода. Отправился в Сибирь по распоряжению Меншикова, как «в тайном деле весьма подозрительный», обер-церемоний-

мейстер граф Санти — автор российских городских гербов. Под военный суд был отправлен генерал-фискал Алексей Мякинин, выявивший в свое время злоупотребления князя. В июле 1727 г. получил полную отставку сенатор А.А. Матвеев.

Как казалось Меншикову, Петр был надежно изолирован от нежелательных влияний. И юный царь внешне соответствовал предназначенной ему роли: не разлучался с детьми своего опекуна, интереса к государственным делам не проявлял. Единственное известное его увлечение — охота — тоже контролировалось Меншиковым, который сопровождал Петра в поездках по окрестностям Петергофа. Там же для игры и обучения юного императора в июле 1727 г. была заложена «потешная» крепость Петерштадт.¹⁵⁸

Сам же князь находился на вершине мирской славы и получал поздравления от Голландских Штатов и императора Карла VI. Светлейший бесконтрольно распоряжался финансами и провел через Верховный Тайный совет решение о выпуске легковесных медных пятаков еще на 2 миллиона рублей вместе с копейками на 1 миллион и полушками на 500 тысяч рублей. По его приказу чеканились изготовленные из «фальшивого серебра» с мышьяком новые монеты; члены Берг-коллегии потом признавались, что так и «не осмелились» подать в Верховный Тайный совет соответствующее доношение. Меншиков задумал изъять из обращения все деньги, выпущенные с 1702 г., и обменять их на новые, «заработав» на этом 30 % прибыли за счет изменения пробы.¹⁵⁹

Готовилась к изданию монументальная биография «Заслуги и подвиги его высококняжеской светлости князя Александра Даниловича Меншикова», авторы которой на всякий случай указывали и на происхождение князя от «древней польской фамилии», и на его отношение к удельному князю Андрею Васильевичу, брату Ивана III. Перечень заслуг Меншикова, который «как Иосиф в Египте, счастливо управлял государством», дополнялся оправданием растрат: ведь на армию, придворный штат и подарки послам князь тратил «собственные деньги», т.е. содержал самого Петра I и его двор.¹⁶⁰ На возвышение князя отреагировала и изящная словесность: в только что сочиненной «Пьесе о воцарении Кира» прославлялся «первосоветник» Гарпаг, сумевший спасти и сделать царем юного Кира, вопреки воле его деда.¹⁶¹ Сам же Меншиков уже предполагал закрепить свое родство с династией, женив сына на сестре Петра Наталье; тогда при любых случайностях страной бы управляли его потомки.

Летом 1727 г. Меншиков карал и миловал, отбирал и раздавал своим приверженцам имени, как стало потом известно из поданных в Сенат жалоб. Он взял под собственную «дирекцию» дворцовое ведомство¹⁶² и позволял себе бесцеремонно вмешиваться даже в церковные дела: требовал от Синода не «производить» в сан архимандрита Александро-Невского монастыря до его личного прибытия и рассмотрения кандидатуры.¹⁶³

Гвардейские офицеры уже почтительно требовали от Верховного Тайного совета наград за свои услуги и не стеснялись прямо указывать, где их надо брать: «А есть еще деревни нерозданные Петра Толстова». «За службу при взятъ Антона Девьера» приходилось отписывать гвардейцам по 30–40 дворов.¹⁶⁴

«Записка о раздаче деревень» из архива князя показывает, что за «девятыми» опальных выстроилась целая очередь претендентов с возраставшими аппетитами: так, майор гвардии С.А. Салтыков оценил свои заслуги в 616 дворов из конфискованных владений Толстого, а получил только 202.¹⁶⁵ Бросается в глаза, что раздачи в начале «эпохи дворцовых переворотов» были еще умеренными: лишь самые доверенные лица, как Алексей Волков, получали помногу (288 дворов); выдачи остальным желающим скромные: 93 двора преображенскому подполковнику И.И. Дмитриеву-Мамонову, 65 дворов генералу К. Гохмуту, 55 дворов Варваре Арсеньевой.

Сам же князь в 1727 г. практически не посещал заседаний Военной коллегии, все реже бывал на заседаниях Верховного Тайного совета и подписывал, не читая, их протоколы¹⁶⁶ — и тем самым постепенно выпускал из рук контроль над гвардией и государственным аппаратом, где даже его «креатуры», как член Военной коллегии Егор Пашков, в частных письмах весьма нелестно отзывались о своем патроне.

22 июня светлейший заболел и надолго оказался прикованным к постели. В предсмертном обращении к Петру Меншиков не только просил его выполнить свои обещания в отношении невесты, но и сумел подняться до государственного уровня и указать царю на ожидавшие его трудности: «Восприяли вы сию машину недостроенную, которая к совершенству своему многова прилежания и неусыпных трудов требует». Князь призывал своего воспитанника к тому, чтобы все его «поступки и подвиги изобразовали достоинство императорское»; предостерегал его от людей, «которые похотят вам тайным образом наговаривать»; хорошо зная нрав мальчика, он советовал «в езде так и в протчих забавах умеренно и осторожно поступать».¹⁶⁷

В том же письме Меншиков высказал безусловное доверие Остерману, которому в другом послании поручил заботу о своей жене и детях. Барон Андрей Иванович ближе всех стоял к императору — и он же подготовил переворот, свергнувший самого Меншикова. Но Остерман обладал в высшей степени развитым чутьем и умением спрятаться за чужую спину. На первом плане действовали князья Долгоруковы — Алексей Григорьевич и его сын, семнадцатилетний Иван, с разрешения Меншикова вернувшийся ко двору.¹⁶⁸ Новые фавориты предоставили мальчику взамен надоевшего учения гулянья и игры, так выгодно отличавшиеся от строгой опеки Меншикова.

После выздоровления регента начались его открытые столкновения с императором: дипломаты докладывали, что Меншиков присвоил деньги, поднесенные царю; что Петру вовсе не нравилась его невеста. Светлейший же позволял себе публично выговаривать Петру, что «всего неделю он выдал царю 200 рублей, и уже ничего не осталось», и забрал к себе подарки императора Карла VI племяннику.¹⁶⁹ В то же время документы Верховного Тайного совета показывают, что сам князь свободно распоряжался дворцовыми суммами: в одном только 1727 г. он позаимствовал на свои расходы 200 тысяч рублей.¹⁷⁰

В таких обстоятельствах даже разумные распоряжения Меншикова о прекращении денежных трат по прихоти ребенка должны были восприниматься Петром — с помощью новых друзей — как покушение на его

власть. В августе уже всем иностранным дворам было известно, что во время одного из столкновений Петр закричал на Меншикова: «Я тебя научу, что я — император и что мне надобно повиноваться!»¹⁷¹ С середины августа царь со своим окружением и Меншиков уже жили раздельно, но корректные отношения пока сохранялись.

Детали развязки остаются скрытыми от нас; только наиболее авторитетный из иностранных послов граф Рабутин сообщил о своей беседе с Остерманом 2 сентября: очевидно, опытный дипломат решил подготовить союзника к будущей перемене. Из этой беседы австриец узнал о готовившемся смещении Меншикова и участии в подготовке этой акции канцлера Головкина, во дворец которого как раз в это время гостил император.¹⁷² Ни на именины к Меншикову, ни на освящение новой церкви в Ораниенбауме Петр не приехал; не было среди гостей и Остермана. «Весь двор находился в ожидании перемены», — записал в донесении от 5 сентября прусский посол Мардефельд. Только сам князь как будто ничего не подозревал: его «повседневные записки» фиксируют обычный распорядок дня, все тех же посетителей и привычные «забавы» в виде карт и шахмат. «Забавлялся в шахматы» Меншиков и 4 сентября, когда приехал в Петергоф; но свидание было кратким, и остаться наедине с императором ему не удалось.

Только на следующий день Меншиков почувствовал недоброе и отправился выяснять отношения с Остерманом, которого назвал «атеистом» и угрожал ссылкой в Сибирь. Видимо, разговор был очень острым: даже обычно невозмутимый Остерман не сдержался и заметил на это, что и он хорошо знает человека, который вполне заслужил четвертование.¹⁷³ Меншиков явно не обладал дипломатическими способностями, чтобы изменить свое обращение с «неблагодарным» мальчишкой и «подстроиться» под него в конфликтной ситуации. Затем он сделал новую ошибку — уступил «поле боя» противникам и вернулся в Петербург.

Он явно не знал, что предпринять: 6 и 7 сентября то появлялся на заседаниях Верховного Тайного совета, то говорил о желании отойти от дел и уехать на Украину, то вызывал обратно им же высланного учителя Петра II Зейкина (вероятно, на замену Остерману)¹⁷⁴ и приказывал фельд-маршалу М.М.Голицыну «поспешать сюда как возможно».¹⁷⁵

Х.-Г.Манштейн в мемуарах упрекал Меншикова в том, что он распустил по квартирам свой Ингерманландский полк, «который... внушал немало уважения врагам князя». Однако едва ли солдаты и офицеры осмелились бы сопротивляться приказам законного императора — тем более что гвардейские полки еще 7 сентября получили от Петра приказ «никаких иных указов не слушать и не исполнять кроме того, что вам от генерал-поручиков и маэоров гвардии нашей князь Григорья Есупова и Семена Салтыкова нашим именем повелено будет».¹⁷⁶

7 сентября Петр переехал из дворца Меншикова в «Новый летний дом» у Невы. На следующее утро князю был объявлен домашний арест. На улицах под барабанный бой обывателям зачитывали указ о том, что император «всемилостивейшее намерение взяли от сего времени сами в Верховном Тайном совете присутствовать и всем указам быть за подписанием собственныя нашей руки» и о «неслушании» любых распоряжений Меншикова.¹⁷⁷

При этом именной указ 6 сентября о переезде императора стал очевидным в этом году изменением устройства верховной власти. Государь объявлял себя вступившим «в правительство» (т.е. совершеннолетним); тем самым регентство Верховного Тайного совета упразднялось и этот орган превращался в прежнее совещательное учреждение «при боку нашем». Так от имени Петра следом за Меншиковым был еще раз нарушен «тестамент» Екатерины I и совершен государственный переворот, который как будто и не осознавался окружающими, хотя означал ликвидацию регентских полномочий самого Верховного Тайного совета.¹⁷⁸

9 сентября в Совете появился и сам Петр; но еще до его прихода Остерман представил присутствовавшим собственную записку о «винах» Меншикова. Единогласным решением тот был лишен званий, чинов и орденов и приговорен к ссылке в дальнее имение — городок Ораниенбург под Рязанью. Подписанный императором «в своих покоях» приказ об этом также принес Остерман.¹⁷⁹ Сам князь, его жена и дети пытались обращаться к царю с письменными и устными просьбами о помиловании. Возможно, Петр какое-то время колебался: сохранились противоречивые известия о его поведении в отношении жены Меншикова и своей невесты.

Устранение министра-временщика показало, что такая ситуация была еще недостаточно «отработана»: свергнутый правитель России отправился в ссылку в роскошной карете с целым караваном имущества и прислуги. В дальнейшем подобные «падения» будут проходить уже по иному сценарию: с немедленным арестом, следствием, предрешимым приговором и автоматической конфискацией движимого и недвижимого имущества.

В данном же случае события разворачивались постепенно, и новые правители будто чего-то опасались. Но с «клиентами» Меншикова уже не стеснялись: в сентябре-октябре 1727 г. были сняты со своих постов столичный комендант Ю.Фаминцын, кавалергард и майор гвардии А.И. Шаховской, член Военной коллегии А.Я.Волков был лишен всех чинов, а секретарь князя А.Яковлев — вотчин. Ушел в отставку генерал-лейтенант М.Я.Волков, под следствие попал адмирал М.Змаевич.¹⁸⁰ В Военную коллегию были назначены Г.Д.Юсупов и Б.-Х.Миних.¹⁸¹ Однако кадровые перемены затронули только военное ведомство, на составе Сената и других учреждений смещение Меншикова не отразилось (см.: Приложение, Таблица 1).

Новым в российской политической практике было и то, что «падение» временщика вызвало международные осложнения. Инструкции послам в Вене и Берлине предписывали доказывать союзникам, что «для некоторых важных причин князя Меншикова от всех дел отлучили», но «управление дел в империи нашем по-прежнему з добрым порядком продолжается». Ланчинский докладывал о своих беседах с австрийцами «в презерватив против всяких лживых толкований», в которых он подтверждал, что Россия будет соблюдать только что заключенную конвенцию о посылке войск на помощь Австрии.¹⁸² Послу в Пруссии А.Г.Головкину тоже пришлось уверять, что «перемена с ним, князем Меншиковым, никакой отмены в истинной вашего и. в. дружбы к его королевскому величеству не принесет».¹⁸³

Западная пресса осенью 1727 г. также обсуждала события в России. Лейденские «куранты» печатали фантастическую биографию временщика («Жизнь и природа князя Меншикова»): как молодой Меншиков торговал пирожками, был замечен Петром, стал любовником дочери коварного «князя Амильки» и разоблачил его заговор против царя. Кельнские и франкфуртские «ведомости» сообщали в качестве достоверных фактов известия о том, что фаворит приказал убить своих же послов к австрийскому двору, чтобы отобрать у них царские подарки; их читатели узнавали о богатстве министра («9 миллионов облигаций или билетов иностранных банков») и его коварных замыслах «младолетнего монарха погубить».

Помимо интереса к фортуне могущественного министра, в публикациях можно отметить и еще одну тенденцию: их авторы связывали судьбу Меншикова с успехом реформ и положением иностранцев в России. Они помещали известия о том, что «между россиянами и иностранцами немалые драки произошли», но успокаивали читателей: новый царь испытывает почтение «ко всем нациям» и запрещает обижать иностранцев «под смертным наказанием».¹⁸⁴

В конце 1727 г. после сообщения русского посла в Швеции Николая Головина о связях Меншикова со шведским сенатором Дибеном и возможном получении им денег от шведов за сведения о внешнеполитических планах России начался новый розыск. Осенью 1727 г. Лефорт и Маньян передавали расхолодившиеся по столице слухи о якобы найденных в его бумагах планах изменения состава Верховного Тайного совета (вместо Апраксина, Головкина и Остермана туда предполагалось ввести генералов Чернышева, А.Я. и М.Я. Волковых), о намерениях заменить своими людьми офицеров Преображенского полка и даже занять 10 миллионов талеров у прусского короля, чтобы самому «взойти на престол русский».¹⁸⁵

Большинство подобных толков, как и сообщаемые современниками цифры несметных богатств князя, не соответствуют действительности. Но характерно само развитие подобных обвинений: во-первых, признание роли гвардии и попытки (мнимые или реальные) Меншикова, как и других непопулярных правителей (Бирона, Петра III) изменить ее состав; во-вторых, первый опыт обвинения павшего министра в предосудительных связях с иностранным двором, что в какой-то мере являлось отражением возросшей роли страны в европейской политике.

Однако обвинители еще не имели опыта ведения таких процессов, чтобы убедительно обосновать «вины» недавнего правителя или сфабриковать их. Заготовленный манифест о его преступлениях так и остался неопубликованным: большинство обвинений Меншикова (в перевозе царя в свой дворец, неуважении к его бабке-царице, издании указов) выглядели либо неубедительно, либо не соответствовали действительности.¹⁸⁶

В эпоху абсолютных монархий фаворитизм становится особым институтом в силу сосредоточения колоссальной власти в руках одного, часто отнюдь не выдающегося по своим способностям человека. В России 1725–1730 гг. этот институт переживал период становления: одни, не успев утвердиться в роли, сходили безвестными со сцены (П. Сапега); другие заняли свое место в придворном мире (братья Левенвольде); третьи претендова-

ли на исключительную роль правителя государства (Меншиков). В последнем случае князю предоставлялась возможность проявить себя в качестве государственного деятеля уровня Ришелье или Мазарини.

Однако Меншикову такая роль оказалась не по силам. Его запросы не поднялись выше имений, титулов, почестей, а также выделки фальшивых гривенников и выпрашивания герцогства и новой кареты у австрийского императора. Иностранные дипломаты, как на аукционе, стремились удерживать князя в рамках того или иного политического курса, соответственно расценивая его в качестве «капитала, приносящего... нам большие кредиты», по утверждению австрийского посла Рабутина.¹⁸⁷

Размах и произвол действий временщика, как можно полагать, характерны для раннего этапа формирования «культуры» российского фаворитизма, когда его носители еще не представляли себе границ дозволенного. Вероятно, что личному другу Петра Великого и выходцу из низов было особенно трудно эти границы осознать. Более тонко чувствовавшие ситуацию дипломаты дружно сетовали, что Меншиков демонстрировал «суровость» и управлял «как настоящий император» — вместо того, чтобы вести себя «по правилам»: оказывать милости, заручиться доверием самого царя, его сестры Натальи и членов Верховного Тайного совета.¹⁸⁸ Сам князь, похоже, этого так и не понял и оттого был таким беспомощным в последние дни перед крушением.

Легкость «свержения» регента во многом была его же собственной заслугой: именно Меншиков и его сторонники своим натиском обеспечили воцарение Екатерины, а затем — вопреки ее воле — вступление на престол Петра II с последовавшим нарушением незадолго до того составленного екатерининского завещания. Правовой и моральный вакуум на самом веру политической системы неизбежно вел к «переворотным» методам борьбы — и в данном случае обернулся против самого Меншикова. Упоение властью привело князя к конфликтам с царем и его окружением и репрессиям по отношению к недавним союзникам. Чины и титулы не могли заменить ему утраты прежних сторонников и «приводных ремней» в рядах гвардии и высшей бюрократии: за время своего короткого регентства он не произвел принципиальных кадровых назначений (см.: Приложение, Таблицы 1 и 2).

Так наметившееся еще в конце XVII века «переворотное» устранение политических фигур с исключением их не только из властного круга, но и из всей «нормальной» жизни — лишением чинов, «чести», имущества (в оборот войдут формулы «бывший Меншиков», «бывший Бирон») — станет нормой в послепетровской России. Возраставшая атмосфера нестабильности будет только способствовать развитию политических конфликтов, в которых проигравший терял все. Лишь к середине века институт фаворитизма окончательно «встроился» в систему российской монархии: «случайные люди» заняли в ней свое место, их взлеты и «отставки» стали проходить, не вызывая переворотов с опалами и ссылками.

«Возвращение» в XVII век?

Оценки короткого царствования Петра II как возвращения к власти «боярской аристократии», намеревавшейся «возродить старые формы вла-

сти»,¹⁸⁹ представляются излишне однозначными. В переписке дипломатов при российском дворе можно найти неоднократно высказываемые опасения победы «старомосковской партии» при дворе и «ужаснейшей революции», которая вернула бы страну к «прежнему состоянию». Однако существовали ли реальные основания для столь панических настроений?

Впечатления дипломатов от российской действительности во многом зависели от политического курса представляемых ими держав и от успехов их миссии в России.¹⁹⁰ Наиболее тревожными были донесения представителей Австрии и Испании, которые воспринимали изменение петровских порядков как ослабление союзной России: «Как скоро древние фамилии будут находиться у кормила правления, русские мало-помалу возвратятся к прежним формам общежития и станут по-прежнему относиться равнодушно к политическим делам в Западной Европе; Россия лишится всякого значения, и союз с нею не окажется выгодным», — полагал в 1728 г. испанский посол при дворе Петра II Хакобо Франсиско Фитц-Джеймс Стюарт, герцог де Лириа-и-Херика.¹⁹¹

Его задачей было подвигнуть Россию на военную интервенцию в Англию, чтобы вернуть престол «претенденту» Якову III Стюарту. Герцог был с почетом принят при дворе, но для России союзники были важны прежде всего «для нынешних наших персидских дел», а вмешательство в далекие от интересов страны конфликты в планы русского правительства не входило. Не удивительно, что в донесениях де Лириа звучит раздражение против «хитрых и лукавых» москвитов, питавших «ужасную ненависть» к иностранцам.

Однако эти обвинения в адрес «старой русской партии», как правило, неконкретны и безымянны. Но как только автор оценивал конкретных и знакомых ему лиц, его отношение менялось: тем же Голицыным он давал отличную характеристику. Сам Петр II представлялся ему «гарантом» прежнего курса; в сестре царя дипломат видел покровительницу иностранцев. Посол отметил качество продукции российских мануфактур; гвардию считал «лучшим войском», а флот — подготовленным к возможной войне со Швецией.¹⁹² «Партии» Голицыных и Долгоруковых де Лириа называл противниками иностранцев, но признавал, что их действия сводились к борьбе за придворные и государственные посты; к этому же (а вовсе не к возвращению допетровских порядков) стремились и другие придворные группировки, выступавшие против стоявших у власти кланов.¹⁹³

Уже обжившиеся в России дипломаты, как прусский посол Густав фон Мардефельд, хотя и сообщали про «старорусскую партию», но вовсе не верили в «большую русскую революцию», поскольку никто в правящем кругу не намерен был отказываться от «славы или завоеваний своей родины». ¹⁹⁴ В представлении дипломатов гарантией европеизации являлась именно самодержавная власть, и возможное «смягчение формы правления» оценивалось как движение в попятном направлении «к прежней форме общежития». ¹⁹⁵

Представителям противоположной группировки — дипломатам Англии и Франции — ситуация в России также не виделась катастрофической. По мнению Маньяна, члены «старорусской партии» (этот термин

впервые был использован даже не самим дипломатом, а его начальством в Париже¹⁹⁶) были недовольны дороговизной в Петербурге и удаленностью его от своих вотчин, но вовсе не собирались ликвидировать новую столицу, флот и международную торговлю. Деятельность этой «партии» признавалась даже полезной, поскольку она препятствовала планам венского двора. Француз отмечал «рознь» между русскими министрами, но при этом видел и неизменность курса внешней политики, и единство «в деле поддержания спокойствия внутри страны». Критические высказывания о «грубости» и «грязном корыстолюбии» русских появляются как раз в тот момент, когда оказались безуспешными все попытки французской дипломатии изменить внешнеполитический курс России и заключить торговое соглашение.¹⁹⁷ Английский же консул Клавдий Рондо, напротив, был доволен расположением «старорусской партии» к англичанам и рассчитывал на скорое заключение торгового договора.¹⁹⁸

Кажется излишне категоричным полагать, что известные меры послепетровских правительств (упразднение местных органов коллегий и изменение системы местного управления¹⁹⁹) стали следствием осознания членами Верховного Тайного совета «непригодности существующей системы»²⁰⁰ или являлись «возвращением к старине» прошлого столетия и «шагом назад в ходе централизации государства». ²⁰¹ Скорее, это была некоторая либерализация петровской системы, на которую могло и способно было пойти правительство в условиях, когда, по его мнению, «об убавке расходов на армию опасно и думать».

Были отменены «поворотный сбор» с въезжавших в город возов и пошлины с продажи кораблей, построенных русскими купцами на отечественных верфях; монополии на торговлю табаком и солью, разработку слюды; разрешено «каменное строение» не только в Петербурге, но и в других городах. При Петре II в 1729 г. появился Вексельный устав, действовавший без принципиальных изменений до XIX века. Тогда же был ликвидирован институт фискалов, которых было велено определить «в военную службу и к делам и в отставку». ²⁰² Купцы обрели право заграничной торговли через Архангельск, а дворяне могли свободно «продавать домашние свои товары, которые в собственных их деревнях и у них и у крестьян их имеются и за домовными их расходы бывают в остатке». Насильственно поселенные в столицу обыватели получили возможность «увольнения» и продажи своих домов.²⁰³

Эти мероприятия несколько облегчали регламентацию внешней и внутренней торговли; но приняты они были, прежде всего, в надежде на увеличение казенных доходов и не ставили заботу о «купечестве» на первое место. Поданный в 1727 г. в Коммерц-коллегию перечень основных просьб российских купцов показывает, что их главные требования (освобождения от постоев и разорительных городских «служб», сохранение Главного магистрата) не принимались в расчет.²⁰⁴

Правительство не спешило приватизировать государственные предприятия «в вольную компанию». Либерализация тарифа вызвала у купцов опасение трудностей сбыта отечественной продукции, тем более что иноземцы свои товары провозили «тайно», торговали в розницу и заклю-

чали подряды. Из всех поданных купеческих «мнений» позднее были осуществлены только отмена монополии на соляную и табачную торговлю и введение русских браковщиков в порту.²⁰⁵

Ломка петровской конструкции управления также не была радикальной, несмотря на очень возможное субъективное стремление взять за образец старые добрые времена, «как было до 1700 году».²⁰⁶ Модернизация центральных управленческих структур стала необратимой, несмотря на некоторое сокращение, — заметим, начавшееся еще при жизни Петра, обеспокоенного резким увеличением количества приказных.

Например, так и не удалось «сократить» Берг-коллегию: важность данной отрасли и наличие местных органов горного ведомства заставляли сохранять и центральный аппарат под иными названиями: «Правление горных и рудокопных дел», «Генерал-берг-директориум». История воссозданного Сибирского приказа показала, что возвращение к традициям управления XVII века было неосуществимо в условиях сложившихся отраслевых органов центрального управления и сильной губернаторской власти.²⁰⁷ Анализ изменений регламентов Вотчинной коллегии и практики деятельности Верховного Тайного совета свидетельствовал не о возвращении к старине, а о дополнении петровских новаций «тем, что там прежде выработалось положительного», или приспособлении их к укладу русской жизни.²⁰⁸

На местах отмена петровских порядков также не была абсолютной. Сохранилось и развивалось губернское административно-территориальное деление: в 1726—1727 гг. появились Новгородская, Смоленская и Белгородская губернии. Ликвидация многих звеньев местного аппарата была скорее вынужденной: бюрократизация управления постоянно сталкивалась при отсутствии финансовых возможностей и подготовленных кадров. Результатом стало хроническое «малолюдство подьячих при многодельстве в канцеляриях», вплоть до определения к делам шведских военнопленных и грамотных уголовных преступников. Но и подданные были неспособны разобраться в компетенции новых учреждений, при неумении и нежелании и тех, и других действовать в рамках закона.

Поэтому не логичнее ли вслед за М.М.Богословским признать, что петровские административные новшества «опережали общество»?²⁰⁹ Стоит вспомнить и о том, что активно обсуждавшее зимой 1730 г. планы устройства верховной власти шляхетство не интересовалось местным управлением; этот интерес проявился позднее — в дворянских наказах 1767 г. — и послужил предпосылкой успешного проведения губернской реформы Екатерины II. Правда, внезапная отмена новых местных учреждений усиливала беспорядок и порождала новые проблемы. Весной 1727 г. Сенат забрасывали запросами: что делать с оставшимися после вывода расквартированных войск полковыми дворами и находившимися на них лошадьми; кто должен караулить «колодников» в провинциальных канцеляриях; в чем заключаются теперь обязанности земских комиссаров и что делать с офицерами, которые не принимают всерьез «промемотии» подьячих и не сдают дела.²¹⁰

В царствование Екатерины I и Петра II страна продолжала более или менее успешно усваивать «плоды» преобразований Петра Великого. Не был изменен и намеченный в 1726—1727 гг. внутривластный курс,

где частичные «попечения» проводились в рамках той же самой петровской системы. Не произошло смены кадров на руководящих постах в коллегиях и канцеляриях, за исключением опалы Меншикова и отставки П.П.Шафировова из президентов Коммерц-коллегии в 1728 г.

Критика петровских порядков не привела к каким-либо серьезным изменениям и в сфере фискальной политики. Комиссия о подати во главе с Д.М.Голицыным признала, что подушное обложение является более тяжелым, чем прежнее подворное, и предложила снизить подушную подать: для церковных и монастырских крестьян — до 60 копеек; для помещичьих — до 50 и 40 копеек.²¹¹ Нам неизвестна реакция в правящих кругах на эти выкладки, в итоге так и оставшиеся на бумаге. Подушная подать была сокращена в 1725 г. на 4 копейки; а в 1727 г. отсрочено взимание ее «майской трети».²¹² Сам же принцип подушного «оклада» комиссией не подвергался сомнению и остался неизменным на протяжении всего столетия, несмотря на его недостатки — несовершенство системы учета плательщиков.²¹³ Остались без последствий и просьбы горожан о сокращении податей.²¹⁴

Сами «верховники» при первой возможности готовы были отступить от своих же собственных, изложенных в записках 1726 г., идей. Меншиков обратился к своим коллегам в Совете с предложением восстановить военные команды для сбора подати, «бес которых, по мнению моему, они, воеводы, исправлять не могут».²¹⁵ Так, в августе 1727 г. Верховный Тайный совет возобновил посылку военных команд для взыскания податей и недоимок. Последующее «свержение» самого Меншикова ничего не изменило: и в 1728 г. Совет вновь направил в провинции такие команды.²¹⁶ В декабре 1728 г. он же приказал назначать секретарей в провинциальные города, где эти должности были год назад упразднены.

Военные расходы почти не уменьшились: в 1725 г. 83 полка регулярной армии вместе с гарнизонами насчитывали 158333 человека, а в 1726 г. 84 полка — 157269 человек.²¹⁷ Несмотря на то, что в 1729 г. треть солдат и офицеров из дворян была распущена по домам, смотры 1728—1729 гг. показали «исправность» стоявших на Украине и в Прибалтике корпусов. Флот ежегодно выходил на обычное «крейсование». Прекращенное было строительство больших кораблей возобновилось, и в 1729 г. со стапелей сошли три корабля — «Рига», «Выборг» и «Полтава»; для ремонта тех, где «явилось много гнилости», были отпущены средства.²¹⁸ Строились и новые галеры, о чем регулярно извещали «Санкт-Петербургские ведомости».

Новый курс Остермана во внешней политике был направлен на укрепление союза с Австрией и устранение прежних ошибок Екатерины I — освобождение «добрым порядком от имеющихся обязанностей с голштинским двором». На западной границе — в Лифляндии, под Смоленском и вокруг Петербурга — были сосредоточены 10 драгунских и 16 пехотных полков, предназначенных для отправки на помощь Австрии. Не изменился прежний курс и на юге: и в 1728, и в 1729 гг. на «низ» отправлялись новые полки; только вместо шаха Тахмаспа главным союзником в Петербурге признали афганского правителя Ирана Эшрефа, с которым в феврале 1729 г. был заключен договор.

В бумагах Верховного Тайного совета уже находился проект образования кадетского корпуса «по берлинской степени» (со сметой расходов в 18 909 рублей), в котором будущие офицеры изучали бы не только «воинское обучение», но и широкий цикл наук, включавший историю, географию, юриспруденцию, «политику» и «государственные всякие права». ²¹⁹ Академия наук и университет (где пока на 18 профессоров приходилось 9 студентов) отмечали императорскую коронацию специальной сессией, где, по анонсу «Ведомостей», «господин Делиль на французском языке проблематический вопрос изъяснит, ежели учиненными поныне астрономическими наблюдениями доказать можно, которое сущее система есть света, и ежели земля вокруг солнца обращение имеет или нет».

Нагиск европеизации в культурной сфере встретил некоторое сопротивление церковной оппозиции. Ростовский архиепископ Георгий Дашков вступил в борьбу с Феофаном Прокоповичем и готовил восстановление патриаршества, претендуя на пост главы русской церкви. Возобновились преследования раскольников. В 1728 г. Сенат потребовал «двойной оклад за раскол из за бороды по 50 рублей брать без упушения; а кто платить не станет, тех, не держав под караулом нимало, отсылать в Рогервик в работу». Тогда же в Сенате, а затем и в Верховном Тайном совете рассматривались обвинения смоленских дворян, перешедших в католичество и отдавших детей в польские школы: ослушникам пригрозили казнью за «совращение» и запретили иметь учителей «римской веры». Усилилась церковная цензура: упомянутый выше доклад на сессии Академии наук о гелиоцентрической системе мира не был разрешен к публикации на русском языке как противный христианской вере и опасный «для неутвержденных душ».

Однако требование запрещения браков с иностранцами встретило сопротивление со стороны Феофана Прокоповича и осталось, как и иные планы церковной верхушки, неосуществленным. Политика по отношению к Синоду при Петре II стала более неблагоприятной, чем при Екатерине I: его всеподданнейшие доклады не рассматривались, зато дважды проводилась ревизия этого учреждения и проверялась его отчетность по денежному сборам. ²²⁰

Более того, при Петре II господство так называемой «старорусской партии» даже обернулось усилением позиций иноземцев. С 1729 г. лифляндских и эстляндских «недорослей» разрешалось свободно записывать в полки с жалованием «по немецкому окладу», т.е. в два раза выше, чем их русским сослуживцам. ²²¹ Закрытие же в Петербурге типографии Синода и Александро-Невской лавры привело к сокращению изданий русских книг; академическая типография в 1729 г. вообще прекратила книгоиздание на русском языке, в том числе публикацию первого русского научного журнала — «Краткого описания комментариев Академии наук», что расценивается как «контрреформа в области культуры». ²²²

Переезд двора и государственных учреждений из Петербурга в Москву означал в глазах многих современников принципиальный отказ от продолжения петровской политики. Австрийский посол тревожился: «Вельможи поселятся в Москве, не станут более заботиться о флоте и о

войске, и вновь завоеванные провинции окажутся подвергнутыми крайней опасности». ²²³ По-видимому, этот вопрос волновал многих и в России, и за границей: Коллегия иностранных дел даже поручила Академии наук опровергать «фальшивые разглашения» о том, что юный император навсегда останется в Москве и не станет «стараться» об укреплении новых провинций, армии и флота. ²²⁴

Но покидать новую столицу никто не собирался. В июне 1728 г. было открыто судоходство по Ладожскому каналу, а в следующем году Сенат приказал срочно вернуть в Петербург всех «переведенцев», которые «разъехались сами собою без указа в прежние и в другие города», под угрозой вечной каторги и конфискации имущества. Из Петербурга уже были налажены регулярные рейсы пакетботов в Гданьск и Любек (за 3 рубля в один конец), а в самом городе в 1729 г. французские комедианты «безденежно» разыгрывали для всех желающих пьесу «Ле педан скрупулез» («Совестный школьный учитель»). ²²⁵

И в обыденной жизни Москвы дневник войскового подскарбия Якова Андреевича Марковича за 1728—1729 гг. постоянно фиксирует детали нового быта: в Грановитой палате устраивались ассамблеи, на улице можно было зайти в «кофейный дом», а о новостях из Лондона, Парижа, Вены и даже Лиссабона — прочитать в газете, приходившей из Петербурга с месячным опозданием. В повседневный обиход вошли «канарский цукор», кофе по 20 алтын за фунт; а вот чай был еще дорог (фунт стоит целых 6 рублей) и несоизмерим по цене с икрой (5 копеек за фунт). Обыватель мог развлекаться карточной игрой «шнип-шнап» (немецкая колода стоила 8 копеек). Для любителей более серьезных занятий продавались учебники (первый отечественный курс истории — «Синописис» — стоил 50 копеек), «Политика» Аристотеля, «книжка об орденах» и «коронные конституции» Речи Посполитой. В тележном ряду можно было приобрести «англинскую коляску»; купить слугам готовые «немецкие кафтаны» по 2 рубля 25 копеек, а для хозяев — китайские фарфоровые чашки (50 копеек), «померанцевые деревья с плодами» (5 рублей) и такие приборы, как «barometrum» и «thermomethrum» (за оба — полтора рубля). ²²⁶

Неуловимые на первый взгляд перемены коснулись даже твердыни старообрядчества — знаменитой Выговской общины, добившейся от правительства официального признания и самоуправления. Ее авторитетный наставник Андрей Денисов с упреком обращался к молодым единоверцам, склонным к своеволию и мирским радостям: «Почто убо зде в пустыне живете? Пространен мир, вмещающий вы; широка вселенная приемлющая вы. По своему нраву прочая избирайте места».

Вряд ли ведущую тенденцию первых послепетровских лет можно определить как сугубо реакционную по отношению к «наследству» царя-реформатора и уж тем более как «аристократически-боярскую». Тяжелая война, налоговый пресс, ломка привычного уклада жизни — все это явилось оборотной стороной петровских преобразований и привело к чрезмерному напряжению всех сил страны. Поэтому многие меры нового царствования: частичное «прощение» подушной подати, разрешение свободного устройства горных заводов в Сибири, вольная продажа табака,

соли, поташа, право вывозить товары не через Петербург, «вексельный устав» и прочее «увольнение коммерции» — были жизненно необходимы. Некоторое ослабление полицейского режима, ликвидация института фискалов, узаконенные продолжительные отпуска из армии, отсутствие войн создавали желанную передышку для служилого сословия, а отчасти и для мужиков, которые искренне могли благодарить за это Петра II. Скорее, можно назвать это время эпохой проверки реформ на прочность, выявления того, что «в петровских реформах выдерживало испытание временем и что должно было быть оставлено».²²⁷

Власть без императора: Петр II и его двор

Заставшим эпоху Петра I современникам приходилось осваиваться с новым порядком вещей, при котором государство существовало без самого правителя, пропадавшего на охоте.

Из сохранившейся «Росписи охоты царской...» следует, что для императора в селе Измайлове были заготовлены 50 саней, 224 лошади, сотни собак и «для походов 12 верблюдов»; охотничий «поезд» обслуживали 114 охотников, сокольников, доезжачих, лакеев и конюхов.²²⁸ В Москве царя видели редко. По неполным подсчетам (не учитывались короткие поездки на 1-2 дня), он за два года пребывания в Москве провел на охоте более 8 месяцев.

Несколько раз Петр обещал Остерману заняться учебой и присутствовать в Верховном Тайном совете — но обещания не сдержал. «Ведомости» в мае 1728 г. извещали читателя: «Из Москвы явствуют последние письма от 29 дня апреля, что его императорское величество 30 верст отсюда на ловлях забавляться изволит». Охотничья экспедиция затянулась до ноября, когда царь вернулся в Москву на похороны сестры Натальи. Возвращаться в Петербург он уже не хотел: «Что мне делать в местности, где, кроме болот, да воды, ничего не видать», — заявил он, по информации английского консула, Остерману.

В следующем году Петр II со своей охотничьей командой постоянно носился по ближним и дальним окрестностям столицы.²²⁹ Не состоялось и задуманное Остерманом в 1729 г. путешествие Петра по России через Смоленск и Киев (осведомленные иностранцы полагали, что Остерман имел в виду вывезти Петра в Европу). Долгоруковы не выпускали царя из Москвы.

Склонности императора стали учитываться в большой политике: прусский король прислал в подарок Петру выездных лошадей и набор ружей; дядя, австрийский император Карл VI, и польский король Август II — охотничьих собак. Но эти же привычки приводили в отчаяние иностранных послов, лишенных возможности даже представиться царю.²³⁰

«Можно бы было сравнить его с кораблем, предоставленным на произвол судьбы. Буря готова разразиться, а кормчий и все матросы опьянели или заснули. Огромное судно несется, и никто не думает о будущем», — писал в ноябре 1728 г. о российском государстве саксонский посланник Иоганн Лефорт,²³¹ и с ним были согласны другие дипломаты.

Однако за описанием придворной суеты в донесениях дипломатов заметна и некоторая стабильность, проявляющаяся хотя бы в повторении

на протяжении многих месяцев одних и тех же жалоб на уклончивого Остермана или беспокойного фаворита. Отсутствие императора (в 1727 г. Петр посетил Верховный Тайный совет 9 раз, в 1728 г. — 4 раза, а с апреля 1728 г. там вообще не появлялся до своей смерти) как раз способствовало устойчивости сложившейся правительственной системы, поскольку исключало непредсказуемое вмешательство мальчика-императора в работу высших государственных учреждений.²³² Эту стабильность в послепетровскую эпоху обеспечивали фавориты и Верховный Тайный совет, взаимно корректировавшие «неотработанный» пока механизм абсолютной власти при явно неспособном ее носителе.

Новая конфигурация власти опиралась, с одной стороны, на Верховный Тайный совет, в деятельности которого ни ссылка Меншикова, ни придворная борьба 1728—1729 гг. «не оставила ни малейшего следа»;²³³ с другой стороны, на заменивший Меншикова целый клан Долгоруковых, в котором решающие роли играли Алексей Григорьевич и его сын Иван. Последние, в отличие от Меншикова, не пытались подмять под себя верховную власть и «разделили» ее с Верховным Тайным советом, хотя в 1728 г. места в нем заняли два представителя рода — А.Г. и В.Л. Долгоруковы.

Алексей Григорьевич, человек «посредственного разума», никакими отличиями не блистал и возвышением был обязан сыну Ивану — любимцу императора — и умению развлекать Петра II на охоте. Братья Алексея Григорьевича Иван и Сергей стали тайными советниками. Из Ирана вернули еще одного представителя клана — генерала Василия Владимировича Долгорукова, который был произведен в фельдмаршалы. Молодой Иван Долгоруков стал капитаном в Преображенском полку, где несколько представителей младшего поколения клана занимали офицерские должности.

Главной «сферой влияния» Долгоруковых являлся двор, который в эти годы стал одним из центров политической жизни. Как известно, Петр I не любил придворных церемоний, но к концу его царствования двор стал внушительным учреждением. Составленный сразу после смерти императора в январе 1725 г. список насчитывал почти 500 человек всевозможных «служителей» (лакеев, гайдуков, «арапов», «карлов», музыкантов, поваров, «портомоек», рыболовов, пиво- и браговаров, мастеров-ремесленников, конюхов).²³⁴ Однако собственно придворных чинов было немного (порядка 30 человек), еще не сложилась их иерархия вместе с должностями обер-камергера, обер-егермейстера, обер-гофмаршала; к тому же придворные особой роли в управлении при Петре не играли.

После его смерти ситуация изменилась. Важнейшим по близости к императору становится пост обер-камергера. Меншиков сделал главой придворного персонала своего сына Александра; вслед за ним эту должность занял Иван Долгоруков. В декабре 1727 г. Петр II утвердил новый придворный штат; свой штат был у сестры императора, у цесаревны Елизаветы и племянниц Петра I царевен Прасковьи и Екатерины.²³⁵ Увеличились и расходы; согласно составленной в царствование Елизаветы ведомости, именно при Петре II они возросли почти на треть: в 1719 г. составляли 52094 рубля, в 1726 г. — 66788 рублей, а в 1728 г. — уже 90025 рублей.²³⁶

В списке придворных Петра II, за редкими исключениями (Остерман, Ягужинский, Сапега), были старинные фамилии: Долгоруковы, Голицыны, Лопухины, Стрешневы, хотя от близости к монарху были удалены ближайшие родственники, Нарышкины. Тогда же начинали придворную службу будущие участники «дворских бурь» — А.Б.Бутурлин, Н.Ю.Трубецкой, А.И. и П.И.Шуваловы, В.И.Суворов, Ф.И.Вадковский.

Но на реальную власть и влияние на царя претендовали лишь двое — те, кто вел Петра II под руки на коронацию в Успенский собор: гофмейстеры А.Г.Долгоруков и А.И.Остерман. Наблюдательный консул К.Рондо в мае 1729 г. докладывал о наметившемся «разделении труда» между ними: разработка внешней политики всецело принадлежит Остерману, а «назначения и отличия вполне ведаются Долгорукими».²³⁷

Князь Алексей появился в Верховном Тайном совете 4 раза в 1728 г. и 1 раз в 1729 г.; к нему обращались только для консультаций по вопросам царской охоты. В дела Совета он вмешивался в исключительных случаях: так, в ноябре 1728 г. он велел «умедлить» доклад на имя царя о назначении жалования родственнику-фельдмаршалу. Но зато старший Долгоруков не жалел сил и времени для устройства все новых развлечений, чтобы сохранить привязанность царя: продолжительные охотничьи экспедиции в подмосковных лесах как нельзя лучше соответствовали этому замыслу. Молодой гвардейский солдат Василий Нащокин отмечал в своих записках за 1727 г., что новые фавориты «так государя от всех удалили, что не всегда можно было его видеть», чем многие были недовольны.²³⁸

И.А.Долгоруков в качестве близкого друга царя получал новые вотчины и «подарки» в сумме 11 тысяч рублей, как можно судить на основании сохранившейся книги дворцовых расходов.²³⁹ В документах Верховного Тайного совета фаворит почти не упоминается; но о его влиянии говорит тот факт, что с декабря 1728 г. через его руки стали проходить доклады и приказы по гвардии; именно к нему обращался ее командующий В.В.Долгоруков (фельдмаршал — к капитану!) для решения вопроса о выдаче полкам задержанного «хлебного жалования».²⁴⁰ Политике и охоте в глуши князь Иван предпочитал развлечения и оказался совершенно непригодным к сколько-нибудь ответственной роли в управлении — как это и оценили иностранные дипломаты.²⁴¹

С другой стороны, отсутствие столкновений группировок внутри самого Верховного Тайного совета обеспечило в нем, по наблюдениям его историка, «плавное течение дел».²⁴² Не раз отмеченное в литературе сокращение количества заседаний Совета (по подсчетам Б.Л.Вяземского, в 1727 г. состоялось 164 заседания, в 1728 г. — 100, а в 1729 г. — 45), на наш взгляд, может объясняться не только «дезорганизацией» Совета, но как раз налаженной, наконец, работой подведомственных учреждений (коллегий и Сената, который только раз был пополнен — в 1728 г.) при отсутствии спорных вопросов, подобных «голштинской» проблеме или обсуждению финансового положения в 1726—1727 гг.

Опубликованные журналы и протоколы заседаний Верховного Тайного совета за 1728—1729 гг. показывают, что «верховники» регулярно заслушивали доклады трех «первейших» коллегий (Военной, Адмиралтейств-

и Иностранной), Главной дворцовой канцелярии, Сената, реляции по слов, рапорты главнокомандующих «Низовым корпусом» и Украинской армией. На смену спорам по внутри- и внешнеполитическим проблемам приходит рутинная работа: производство в чины и отставка, назначение губернаторов, вице-губернаторов и комендантов, рассмотрение состояния конюшенного ведомства. По нашим подсчетам по ПСЗ, за 27 месяцев царствования Екатерины I вышло 427 законодательных актов (15,8 в месяц), за 28 месяцев нахождения на троне Петра II — 438 актов (15,6 в месяц); т.е. интенсивность законодательства не снижалась.

Ключевой фигурой нового правительственного механизма и посредником между возглавлявшимся семейством Долгоруковых двором и Верховным Тайным советом стал Остерман. Такая роль, по-видимому, наиболее отвечала как сложившейся придворной «конъюнктуре», так и личным качествам вице-канцлера, никогда не стремившегося, да и не способного быть лидером.

Остерман сумел сохранить свое влияние в Совете. От имени Петра он вносил туда предложения и вопросы для обсуждения, передавал челобитные и немногие именные указы царя и подавал ему доклады Совета. Иногда он позволял себе высказывать свое мнение (например, по поводу назначения губернатора в Архангельск), «приказывал» Совету навести справки в других учреждениях по тому или иному вопросу или не подписывать протокол до выяснения всех обстоятельств; он же определял круг дел, коими стоило или не стоило «утруждать» царя.²⁴³ Он же ведал драгоценностями сестры царя и орденскими знаками; в его архиве хранились и личные документы Петра II, и челобитные, поступавшие на царское имя.²⁴⁴ Состав придворного штата Петра также был подготовлен и подписан Остерманом.

Долгоруковых или Голицыных часто называли «национальной» партией в России. Но, хотя старшие из князей не жаловали иноземцев, никаких альтернативных программ — и тем более реставраторских планов — они не имели. Для них важнее было подчинить Петра II своему влиянию и оттеснить любых возможных соперников в борьбе за власть. С этой точки зрения им по-прежнему казался опасным Меншиков.²⁴⁵ Эти опасения заставили Долгоруковых и Остермана окончательно «добить» своего противника и отправить его без всякого суда в Березов на нижней Оби у самого Полярного круга.

Однако новые правители в точности повторяли тактику Меншикова в отношении возможных конкурентов. Никто из сосланных Меншиковым сторонников воцарения Петра не был возвращен, в том числе и участники «заговора» Девиера — Толстого (И.И.Бутурлин, А.И.Ушаков и другие). Попал в опалу и был удален от двора камер-юнкер Алексей Татищев и родственник царя Александр Нарышкин. Были пресечены попытки выйти «в случай» представителей семьи Голицыных: двор покинули фельдмаршал М.М.Голицын, его зять граф Александр Бутурлин и молодой камергер Сергей Голицын.²⁴⁶

Подозрения вызывала и дочь Петра I Елизавета, которая шокировала московское общество «весьма необычным поведением», по оценке Маньяна. Она сопровождала императора на охоту; он настолько сильно при-

вязался к веселой тетке, что это стало серьезно беспокоить двор и дипломатический корпус. Опасения членов Верховного Тайного совета тем более усилились, что после смерти сестры Петра Натальи Елизавета имела все шансы стать основной претенденткой на трон. Но ее любовные похождения в конце концов позволили Долгоруковым дискредитировать цесаревну в общественном мнении и отдалить от нее Петра.

Сохранившаяся переписка попавшей в немилость Аграфены Волконской позволяет ощутить царившую при дворе атмосферу постоянной вражды, заискивания и соперничества. Брат княгини А.П.Бестужев-Рюмин рассчитывал получить новый чин с помощью австрийского посла графа Рабутина и советовал сестре к нему «в любовь себя привести». Сама опальная дама выясняла, кто сейчас находится при дворе в «кредите» и с кем следует «искать дружбы». Член Военной коллегии Егор Пашков искренне радовался падению «прегордого Голиафа» Меншикова и описывал нравы придворных, которые «друг перед другом рвутца с великим повреждением» и «при дворе всякий всякого боитца».²⁴⁷

Донесения послов 1728–1729 г. открывают картину постоянных интриг и склок внутри «мишурного семейства» Долгоруковых в борьбе за царские милости. Сначала князь Алексей поссорился с Остерманом до того, что оба «покаялись погубить друг друга». Затем переругались уже отец и сын Долгоруковы; в сентябре 1728 г. Лефорт отмечал, что «семейство Долгоруковых состоит из трех партий, противных друг другу; барон Остерман сумел приобрести себе доверие всех и даже служить им в роде оракула».²⁴⁸

Затем с помощью фельдмаршала В.В.Долгорукова удалось примирить Остермана и князя Ивана — но это вызвало зависть отца. По сведениям испанского посланника, Алексей Долгоруков приложил все усилия, чтобы поссорить Петра II с князем Иваном и «провести» в фавориты другого своего отпрыска — Николая.²⁴⁹ С помощью царицы-бабушки Евдокии Лопухиной интриган хотел удалить от Петра и самого Остермана, но столкнулся с достойным противником и вынужден был уступить.

Благодаря таким отношениям в своем окружении Петр II получал прекрасные уроки лицемерия и искусства подлаживаться к обеим соперничавшим сторонам. «Нельзя не удивляться умению государя скрывать свои мысли; его искусство притворяться замечательно. На прошлой неделе он два раза ужинал у Остермана, над которым он в то же время насмеялся в компании Долгоруковых; перед Остерманом же он скрывал свои мысли: ему он говорил противоположное тому, в чем он уверял Долгоруковых», — удивлялся Лефорт зимой 1729 г. При наличии желанья и воли это соперничество помогло бы молодому царю постигнуть искусство управления людьми и утвердить себя как настоящего монарха — но этого желанья он как раз и не проявлял.

Сохранившиеся портреты не дают возможности сказать что-либо определенное о характере внука Петра Великого: на них в парадном облачении — латах, мантии, пудреном парике — изображен рослый светловолосый мальчик с милостивым, но не очень выразительным лицом. «Он высокого роста и очень полон для своего возраста, так как ему только 15 лет. Он бел, но очень загорел на охоте; черты лица его хороши, но взгляд

пасмурен, и, хотя он молод и красив, в нем нет ничего привлекательного или приятного», — таким увидела Петра год спустя жена английского консула Уорда. Но и другие часто видевшие Петра при дворе иностранцы утверждали, что он выглядел старше своих лет.

Подростку достались от отца и деда не только рост, но и взрывной темперамент, упорство в достижении своих желаний: свите он доставлял немало хлопот. Уже в октябре 1727 г. Лефорт на основании известного опыта писал: «Царь наследовал направление своего деда, упорный в своих планах, не любя возражений, хотя и советуется, но делает все, что хочет».²⁵⁰ Уйдя из-под опеки Меншикова, Петр не очень стеснялся в выражении своих чувств. Он мог отказать в аудиенции заслуженному фельдмаршалу М.М.Голицыну, нагругить прямо на ассамблею своему наставнику Остерману, а разговору с австрийским послом предпочесть общение с конюхами.²⁵¹ Во дворце, в атмосфере придворного этикета ему было тяжело.

В 11 лет он стал законным и всеми признанным главой государства, с которым, в отличие от России 1682 г., вынуждена была считаться вся Европа; в его распоряжении имелись талантливые министры и генералы, а учителями были выдающийся дипломат Остерман и профессора Академии наук.

Академик Георг Бильфингер, в чьи обязанности входило преподавать Петру «историю нынешнюю и политику моральную», составил «Расположение учения его императорского величества Петра Второго...» (СПб., 1728).²⁵² В этой книге юному монарху рекомендуется изучение французского и немецкого языков, латыни, «статской истории», «общей политики» и военного искусства. Особый упор был сделан на историю и «нынешнее всех государств состояние»: предполагалось, что на поучительных примерах прошлого и точных сведениях о государственном устройстве, армии, законах и политике европейских держав Петр «свое государство, оною силу, потребность и способы как в зеркале увидит и о всем сам основательно рассуждать возможет». Бильфингер полагал необходимым «особенно тцаться, чтоб его величество жития и дел Петра I и всех приключений его владения довольное и подлинное известие имел».

Руководство по «христианскому закону» написал для царя Феофан Прокопович; академики Я.Герман и Ж.Делиль составили и издали «Сокращение математическое ко употреблению его величества императора всея России» (СПб., 1728–1730. Ч.1–3). Отец «норманской теории» Готлиб Байер сочинил для Петра учебник античной истории от сотворения мира до падения Рима. На освоение всей программы Бильфингер отводил два года, если заниматься по 15 часов в неделю. Однако даже по облегченной программе Петру учиться не пришлось, да и сам он явно предпочитал иные занятия, — так что новый австрийский посол граф Вратислав был очень рад, когда император в конце 1729 г. смог наконец произнести несколько слов на немецком языке.

Подводя итоги первому году правления Петра, Лефорт писал, что «молодость царя проходит в пустяках; каждый день он участвует в Измайлове в детских играх,... он не заботится о том, чтобы быть человеком поло-

жительным, как будто ему и не нужно царствовать. Остерман употреблял всевозможные средства, чтобы принудить его работать, хотя бы в продолжение нескольких часов, но это ему никогда не удавалось». ²⁵³

Но ближайшее окружение Петра как раз меньше всего было заинтересовано в его серьезном воспитании; Остерман же был слишком осторожен, чтобы этого требовать. Вместе с тем постоянная лесть и угодливость окружающих успела внушить Петру сознание его превосходства. «Прежде можно было противодействовать всему этому, теперь же нельзя и думать об этом, потому что государь знает свою неограниченную власть и не желает исправиться», — оценивал Лефорт в 1728 г. перспективы российской политики. Почти дословно повторял эту оценку в докладе своему двору его австрийский коллега. ²⁵⁴

Созданный дедом механизм абсолютной власти оказался не по плечу маленькому Петру II. Рядом с ним не было никакого утвержденного правом или традицией учреждения, способного сдерживать проявления неограниченной власти в руках мальчика. Зато за неполных два года порядок верховного управления менялся по крайней мере три раза: с образованием Верховного Тайного совета и изменениями в его составе и прав в мае, а затем и в сентябре того же 1727 г. Завещание Екатерины I так и не было объявлено «во всенародное известие», и присяга по-прежнему приносилась самому императору и тому наследнику, кого он соизволит «определить». В ряду обладавших правом на престол в 1728 г. появился новый претендент — родившийся в голштинском Киле другой внук Петра Великого, сын Анны Петровны и герцога Голштинского Карл-Петр-Ульрих; но его имя не включили в поминание членов царской фамилии.

Все качества юного царя с самого начала стали эксплуатироваться в ходе придворных интриг, и из этого замкнутого круга юноше не суждено было выйти до самого конца его жизни. Столкновения личных, фамильных и политических интересов окружавших его людей не оставляли места для сколько-нибудь систематического образования и воспитания: соперничавшие группировки стремились «вырвать» Петра друг у друга, а для этого надо было держать его при себе, доставлять ему всевозможные удовольствия, удалять от серьезных занятий. У Петра, в отличие от деда, не было круга надежных друзей, выросших вместе с ним (кроме, пожалуй, сестры Натальи); едва ли часто видел он и своих учителей. Их заменили фавориты.

Титулы, чины, «деревни» — все это заставляло стремиться к единственному источнику этих благ и любой ценой искать его милости. Не случайно немногие сохранившиеся именные указы Петра II (как правило, они передавались в Верховный Тайный совет через Остермана или Долгоруковых) — это распоряжения о пожалованиях в чины или выдаче денег и «деревень». Вновь к царю (а на деле — к Остерману) стали стекаться челобитные: и гвардейские офицеры Ф.Полонский, П.Мельгунов, П.Колокольцов, А.Танеев и подпоручик П.Ханыков просили теперь уже дворы «бывшего Меншикова»; семеновский капитан У.Шишкин указывал в своей челобитной, в какой именно канцелярии находятся сейчас 2420 рублей и в каких уездах имеются отписные 28 дворов, из которых его следует наградить за «беспорочную» службу. ²⁵⁵

Новая волна раздач, по расчетам Е.И.Индовой, как раз приходится на 1728—1729 гг.: Петр дарил села своим родственникам Лопухиным (740 дворов), 1800 дворов получил генерал Матюшкин, 1000 — майор гвардии Г.Д.Юсупов, более 600 душ — капитан-поручик П.Колокольцов. Достались пожалования и канцлеру Г.И.Головкину (220 дворов), и генералу В.Я.Левашову (200 дворов), и, конечно, приближенным придворным: Долгоруковым, «метр-де-гардероб» Петру Бему, интенданту П.Мошкову, гофмаршалу Д.Шепелеву, камер-юнкеру Ф.М.Каменскому. ²⁵⁶

Этот список можно дополнить на основании не учтенной Е.И.Индовой «Выписки о раздаче деревень с 1726 по 1730 г.» из бумага Остермана. Согласно этой справке, наибольшие пожалования были сделаны любимой тетке царя Елизавете (9382 двора, или 35 тысяч душ); более скромные награды предназначались офицерам гвардии — поручику И.Любимову, капитанам А.Танееву и Ф.Полонскому. ²⁵⁷ Перестановки на «верху» вызвали не только милости, но и новые проблемы в виде передела собственности: возвращение ко двору опальных (Лопухиных, В.В.Долгорукова) вызывало и дело о возвращении их имений, уже, как правило, розданных другим лицам, которые в свою очередь подавали прошения о компенсации утраченного. ²⁵⁸

Большие надежды окружение Петра II и иностранные дворы связывали с будущей женитьбой императора. В числе возможных претенденток назывались прусская и австрийская принцессы, дочери герцогов Мекленбургского и Бевернского. Но у Долгоруковых были свои планы, и уже в конце 1727 г. французский посланник Маньян предупреждал о возможных попытках новых фаворитов выдать замуж за царя «одну из девиц из их рода». ²⁵⁹ Дочери А.Г.Долгорукова были непременно участниками путешествий императора, который к тому же подолгу гостил в подмосковной усадьбе Долгоруковых Горенках. Здесь во время своего последнего путешествия четырнадцатилетний Петр II осенью 1729 г. попросил руки Екатерины Долгоруковой.

Помолвка императора с большой торжественностью произошла 30 ноября 1729 г. В Москве устраивались балы и фейерверки; начались приготовления к царской свадьбе, назначенной на 19 января. В столицу съезжались гости. Екатерину Долгорукову, как и ее предшественницу, указано было поминать при богослужении; ²⁶⁰ Иван Долгоруков по образцу Меншикова получил титул князя Римской империи и в январе 1730 г. стал майором гвардии.

Новый 1730 год начался с сообщений европейских газет об обострении борьбы политических группировок в России, недовольстве русских усилением Долгоруковых и даже о возникновении «тайных заговоров». ²⁶¹ Об этом же докладывали и послы, как это сделал Бестужев-Рюмин из Дании: «Из Москвы гласится коим образом россияне весьма недовольны, что дом Долгоруких так возвышен, и начинают многие умыслы чинить». ²⁶² С уверенностью утверждать это невозможно; но характерно, что церемония обручения проходила под охраной батальона преображенцев под командованием брата невесты.

Заинтересованные лица видели за праздничными приготовлениями новый тур борьбы за власть, складывавшийся не вполне благоприятно для

Долгоруковых. Среди недовольных, по-видимому, был и сам Петр: наблюдатели отмечали его холодность к невесте и высказывания о своих новых родственниках как о «двуногих собаках». Царь тайно посетил Елизавету, несколько раз по ночам скрытно встречался с Остерманом, который дал понять, что он против такого брака.²⁶³ Вдруг «заболел» Остерман: с 3 ноября он не появлялся на заседаниях Верховного Тайного совета вплоть до самой смерти императора. Впервые Петр II отказался от охоты, собирался раздать желающим всех своих собак и даже стал прилежно заниматься Герцогу де Лириа в эти дни казалось, что «в воздухе собиралась гроза».²⁶⁴

Шестого января, на Крещение, Петр II подписал последний в своей жизни указ об обмене московского двора графа Саввы Рагузинского на 800 дворов в Комарицкой волости Севского уезда и на параде «перед Преображенским полком в строевом убранстве изволил идти в полковничьем месте». В этот же день его видели в саних вместе с невестой, отправлявшимся на водоосвящение, где он долго пробыл на льду реки среди войск.²⁶⁵

Современники единодушно утверждали, что уже вечером того же дня Петр заболел оспой, от которой совсем недавно умерли австрийский император Иосиф I и испанский король Луис. Но англичанин Рондо узнал об этом только 12-го, а Лефорт — 13-го числа, когда появилось официальное сообщение о болезни императора, которая уже якобы не представляла опасности для его здоровья. В таком духе и составляли дипломаты донесения своим дворам. Но затем внезапно последовало сообщение о смерти Петра в ночь с 18 на 19 января.

Отразившаяся в народных песнях судьба мальчика-императора была печальной:

*«Ах ты, дедушка родимый!
 Меня ты покидаешь,
 Кому царство оставляешь!
 Мне ли царство содержать!
 Господа ныне большие
 Изведут меня в минуту»...²⁶⁶*

Но в глазах простых людей рано умерший император навсегда остался «добрым царем», и его имя стало использоваться в борьбе с крепостническим порядком. Начиная с 1732 г. в России стали появляться самозванные «Петры II» — однодворец Прокофий Якличев, конногвардейский капрал Алексей Данилов и другие; последним из них был беглый рекрут Иван Евдокимов, объявивший себя императором в 1765 г.²⁶⁷ Впоследствии появились и самозванные «дети» Петра II.²⁶⁸

Но уже при жизни Петра в 1728–1729 г. Верховному Тайному совету пришлось публично опровергать профессионально составленные «воровские указы» Петра II о разрешении «всяких чинов людям» переселяться на Царицынскую линию и отмене подушной подати по поводу смерти царской сестры Натальи. В дальнейшем от имени покойного императора не раз распространялись милостивые указы, обещавшие крепостным свободу без «выдачи» помещикам.²⁶⁹

Любой неожиданный поворот событий и отсутствие достоверной информации заставляли современников сомневаться в официальной трак-

товке событий. Лефорт уже 20 января представлял две версии случившегося. Согласно первой, смерть ускорило «худосочие» императора вследствие изнурительных охотничьих экспедиций; по другой — врачи во главе с президентом Академии наук Л. Блюментростом вовремя не распознали болезнь и лечили не оспу, а лихорадку.²⁷⁰ Помимо этого, существовало и мнение, что выздоравливавший Петр II сам открыл окно и застудился.

Остерман еще в августе 1728 г. жаловался Миниху, что «образ жизни, который принуждают вести молодого государя, очень скоро приведет его к могиле».²⁷¹ Обязательно оповещали свои дворы о любом недомогании императора австрийский и испанский послы; в их сообщениях можно найти указания на усталость и болезненный вид Петра II зимой 1729–1730 г.

С другой стороны, накануне событий Петр был здоров и даже ездил за город на два дня. Возможно, Петра хотели удержать дома, но он все-таки смог вырваться от своих новых «родственников» и простудился во время катания. Неизвестно, каким образом и от чего его лечили. Во всяком случае эта смерть была неожиданной и сразу нарушила хрупкую стабильность в «верхах».

Алексей и Сергей Григорьевичи Долгоруковы еще 15 января стали выдвигать требования о передаче короны невесте царя Екатерине. Их претензии поддерживал датский посол Вестфален, ободривший отца невесты: «Понеже его величества обрученная невеста фамилии вашей, то и можно удержать престол за ней, так как после кончины Петра Великого две знатные персоны, а именно Меншиков и Толстой, государыню императрицу удержали; что и по вашей знатной фамилии учинить можно».²⁷²

Долгоруковы срочно выслали из Москвы голштинского посла, заикнувшегося было о правах Анны Петровны, и 17 января составили подложное завещание императора, согласно которому «якобы при смерти своей Петр II признавал, что имел сообщение с княжною Екатериною Алексеевною и оставлял ее беременну, и сего ради сказывал свое желание возвести ее на престол». По-видимому, Долгоруковы намеренно в качестве аргумента распространяли известие о беременности Екатерины; и эта версия сохранилась в их родовых преданиях.²⁷³ Отец невесты был готов даже обвенчать умиравшего.

Попытки ослабленного раздорами клана (фельдмаршал В. В. Долгоруков выступил против любых планов захвата престола) были легко пресечены Остерманом, безотлучно находившимся у постели Петра II. Мемуары Манштейна сохранили известия о том, что сразу после смерти Петра Иван Долгоруков пытался провозгласить сестру императрицей и увлечь за собой гвардейские караулы. Но за вчерашним фаворитом (и майором гвардии) никто не пошел; попытка переворота окончилась, не успев начаться.²⁷⁴

Если считать эту историю достоверной, то она показала, что «переворотные» настроения (чем Екатерина Долгорукова — при условии венчания — была хуже возведенной с помощью гвардейских солдат Екатерины I?) в придворном кругу стали уже привычным явлением. Со смертью мальчика-императора Долгоруковы неизбежно теряли свое исключительное положение.

Короткое царствование Петра II создало весьма неустойчивую систему, сохранявшую определенный баланс только благодаря фактическому отсутствию императора и разделению «властей» в лице придворных-фаворитов и Верховного Тайного совета; в последнем, в свою очередь, уравновешивали друг друга два влиятельных клана. Неожиданная смерть монарха неизбежно выводила эту систему из равновесия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Имеется 8 версий происхождения императрицы; и только по одной из них она — лифляндская уроженка литовского происхождения Марта Скавронская (См.: *Белозерская Н.А.* Происхождение Екатерины I // ИВ. 1902. № 1. С.60–66; *Михневич В.О.* Семейство Скавронских // Там же. 1885. № 2. С.253–256; № 3. С.545; О происхождении императрицы Екатерины I // ДИИР. 1879. № 1. С.56–90). Неясности в биографии императрицы порой ставили власти в неловкое положение. Так, в «Календаре» на 1726 г. пришлось извиняться за то, что в издании на 1725 г. возраст Екатерины определили в 41 год, тогда как в нынешнем указали верно — 38 лет (см.: Календарь или месяцослов на лето от рождества господа нашего Иисуса Христа 1726. СПб., 1726).

² Исторические песни XVIII в. Л., 1971. С.158.

³ Императрица закупала вина и водку; приобретала заморские колбасы или «чекулад» с прибывших кораблей; приказывала наловить и доставить в Петербург «про государев обиход две тысячи раков больших» или астраханских арбузов и свежего винограда (см.: Высочайшие повеления по придворному ведомству, 1723–1730. СПб., 1886. С.9, 12, 22–23; Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872. Т.2. С.155–173).

⁴ См.: РГАДА. Ф.9. Оп.4. № 76.

⁵ Там же. Ф.375. Оп.1. № 47. Л.25–26; РГВИА. Ф.2584. Оп.1. № 53. Л.213.

⁶ Например: «Господа майоры лейб-гвардии и княгиня Голицына кушали английское пиво большим кубком, а княжне Голицыной поднесли другой кубок, в которой ее величество изволила положить 10 червонных» (*Есипов Г.В.* Князь-игуменья // РС. 1870. № 6. С.402).

⁷ Походный журнал 1726 г. СПб., 1855. С.2. и далее.

⁸ См.: РГАДА. Ф.342. Оп.1 № 10. Ч.1. Л.41 об.-42 об. Верховный Тайный совет в феврале 1727 г. еще раз вернулся к этому вопросу и потребовал, чтобы Уложение «всеконечно немедленно окончано было» (Там же. № 10. Ч.2. Л.80), после чего документация по работе комиссии прекратилась до царствования Анны Иоанновны.

⁹ См.: *Петров П.Н.* История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях, 1703–1782. СПб., 1889. С.229; Сб. РИО. Т.58. С.8.

¹⁰ См.: АВПРИ. Ф.93. Оп.93/1. 1725 г. № 5. Ч.1. Л.150 об.

¹¹ Сб. РИО. Т.52. С.444.

¹² См.: РГАДА. Ф.9. Оп.5. №18. Л.18.

¹³ См.: ПСПРВПИ. СПб., 1881. Т.5. С.2. По сообщению прусского посла Мардефельда, даже упоминание о правах Петра расценивалось как государственное преступление (см.: Сб. РИО. Т.15. С.273).

¹⁴ Бутурлин разъяснял, что выдача полагается только «налишным чинам», а не всему списочному составу; разница по одному Семеновскому полку составила 5 500 рублей (см.: РГВИА. Ф.2584. Оп.1. № 53. Л.135–135 об.).

¹⁵ См.: *Дирин П.Н.* История лейб-гвардии Семеновского полка. СПб., 1883. Т.1. С.185.

¹⁶ См.: РГАДА. Ф.9. Оп.5 № 2. Ч.26. Л.48 об.-49.

¹⁷ См.: Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. СПб., 1875. Т.2. С.6–7,9. Ср.: РГАДА. Ф.9. Оп.5. № 2. Ч.26. Л.63,135; № 33. Л.90,106–108; РГВИА. Ф.2584. Оп.1. № 53. Л.304–304 об. В феврале 1727 г. целую дворцовую волость получил капитан П.Чичерин (см.: Высочайшие повеления по придворному ведомству. С.30).

¹⁸ См.: Походный журнал 1726 г. С.1–2,4,7–8,11–12,15,17,24,24,30–31,33–34,36–37.

¹⁹ См.: Империя после Петра, 1725–1765/Яков Шаховской. Василий Нащокин. Иван Неплюев. М., 1998. С.237.

²⁰ РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 5. Ч.1. Л.310 об.-311,317,320 об.

²¹ Приказ по полкам от 9 февраля призывал солдат воздерживаться «от пьянства и других не потребных забав». В мае 1725 г. раскрыто было дело о крупном хищении в Петербургской крепости. Следствие во главе с Меншиковым установило: профос Семеновского полка Петр Аверкиев и его друзья, усмотрев, что «лежит казна плохо», украли 2434 рубля, которые тут же «растеряли и по кабакам пропили», за что были повешены. В ноябре 1726 г. был расстрелян пушкарь бомбардирской роты Преображенского полка Федор Бушуев, посмеявшийся на карауле во дворце в четвертый

раз — напиться так, «что стоять на часах не мог» (РГАДА. Ф.20. Оп.1. № 53. Л.1–7; РГВИА. Ф.8. Оп.1/89. № 186. 1–4 об.).

²² См.: Сб. РИО. Т.64. С.272–273,288.

²³ См.: РГВИА. Ф.2584. Оп.1. № 56. Л.15–22 об.; № 19. Л.76.

²⁴ В 1726 г. флотский лейтенант Иван Дириков получил в Кронштадте уверения в том, что он — настоящий сын Петра I (который якобы «будучи в Сенате подписал протокол, что по кончине его величества быть наследником ему, Ивану»), и через несколько лет заявил о своих правах (см.: *Покровский Н.Н.* Самозванный сын Петра I // ВИ. 1983. № 4. С.187).

²⁵ РГАДА. Ф.16. Оп.1. № 30. Л.61,69; Ф.14. Оп.1. № 47. Ч.1. Л.6 об. О Цейленбурге см.: Сб. РИО. Т.69. С.339,528–529. О деле Анцифорова см.: РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 219. Л.1.

²⁶ ПСПРВПИ. Т.5. С.77.

²⁷ Там же. С.13.

²⁸ См.: *Брикнер А.Г.* Россия и Дания при императрице Екатерине I // РМ. 1895. № 2. С.59; *Некрасов Г.А.* Роль России в европейской международной политике, 1725–1739 гг. М., 1976. С.49; Опись высочайшим указам и повелениям... 1875. Т.1. С.24.

²⁹ Дела о комплектовании роты и списки кавалергардов см.: РГАДА. Ф.198. Оп.1. № 240. Л.1–24; РГВИА. Ф.33. Оп.1. № 538. Л.2–21.

³⁰ ПСЗ. Т.VII. № 5004.

³¹ Новые материалы для истории царствования Екатерины I // РА. 1864. № 2. С.161–163,182,205.

³² См.: Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшей правительствующей Синода. СПб., 1897. Т.5. С.XI–587; ПСПРВПИ. Т.5. С.80–81; *Соловьев С.М.* Соч. В 18-ти кн. М., 1991. Кн.IX. С.583.

³³ См.: *Молева Н.* Архивное дело №... М., 1980. С.103–119.

³⁴ См.: АВПРИ. Ф.13. Оп.13/1. 1725 г. № 1. Л.2.

³⁵ Сб. РИО. Т.58. С.53.

³⁶ См.: Там же. С.247,333,348; Т.3. С.409.

³⁷ См.: *Ключевский В.О.* Соч. В 9-ти т. М., 1989. Т.4. С.251; *Миллюков П.Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905. С.505; *Вяземский Б.Л.* Верховный Тайный Совет. СПб., 1909. С.25. В настоящее время точку зрения Миллюкова разделяет Я.А.Гордин (см.: *Гордин Я.А.* Меж рабством и свободой: 19 января — 25 февраля 1730 г. СПб., 1994. С.101).

³⁸ См.: *Филиппов А.Н.* Правительствующая олигархия после Петра Великого // РМ. 1894. № 8. С.6–7.; *он же.* К вопросу о Верховном Тайном совете // Там же. 1896. № 7. С.120; *Щеглов В.Г.* Государственный Совет в России в особенности в царствование Александра I. Ярославль, 1892. Т.1. С.545.

³⁹ См.: *Алексеев А.С.* Легенда об олигархических тенденциях Верховного Тайного совета в царствование Екатерины I. М., 1896. С.58.

⁴⁰ См.: *Анисимов Е.В.* Внутренняя политика Верховного Тайного совета (1726–1730 гг.). Автореферат дисс. канд. ист. наук. Л., 1975. С.11; *Наумов В.П.* Императорские советы в России XVIII века (причины возникновения, компетенция и типология) // Российская государственность: опыт и перспективы изучения. Чтения памяти Т.П.Коржиной. М., 1995. С.14; *Шанский Д.Н.* К характеристике высших государственных учреждений России XVIII в. (20–60-е гг.) // Государственные учреждения России XVI–XVIII вв. М., 1991. С.121–122.

⁴¹ См.: Сб. РИО. Т.64. С.199. Ср.: Там же. Т.58. С.238,256.

⁴² Сб. РИО. Т.55. С.94,96–97.

⁴³ Цит. по: *Соловьев С.М.* Соч. Кн.IX. С.559 (Указ от 1 января 1727 г.).

⁴⁴ См.: ПСЗ. Т.VI. № 3518; *Анисимов Е.В.* Причины образования Верховного Тайного совета (1726–1730 гг.) // Социально-политическая история СССР. М.-Л., 1974. Вып.1. С.173–174.

⁴⁵ В марте-сентябре 1726 г. членами Военной коллегии стали генералы Гохмут, Гиссен и ближайший сотрудник самого князя А.Волков (см.: РГВИА. Ф.20. Оп.1/47. № 18).

⁴⁶ Указ о прекращении и «уничтожении» следственного дела Меншикова состоялся 8 декабря 1725 г. (см.: РГАДА. Ф.9. Оп.5. № 18. Л.69 об.).

⁴⁷ См.: ПСЗ. Т.VII. № 4673, 4655, 4767, 4650, 4648, 4654, 4711, 4833. Кроме того, сенатским указом 28 июня 1725 г. было предписано начатые до 1721 г. «дела по фискальским и доносительным доношениям отставить» (указ не вошел в ПСЗ. См.: РГАДА. Ф.266. Оп.1. № 18. Л.81).

⁴⁸ См.: ПСЗ. Т. VII. № 4698.

⁴⁹ См.: Там же. № 4753.

⁵⁰ АВПРИ. Ф.32. Оп.32/1. 1725. № 5. Л.67,76,89 об.

⁵¹ Там же. Ф.53. Оп.53/1. 1725. № 2. Л.80.

⁵² См.: *Никифоров Л.А.* Основные задачи внешней политики России после Ништадтского мира // Международные отношения и внешняя политика России: история и современность. М., 1977. С.203. Карл-Фридрих был сыном старшей сестры Карла XII, и в 1713 г. его владение Шлезвиг было захвачено Данией в качестве наказания за нарушение нейтралитета и пропуск по территории герцогства шведских войск.

⁵³ См.: Сб. РИО. Т.58. С.72,326.

⁵⁴ См.: АВПРИ. Ф.53. Оп.53/1. 1725. № 6. Л.12 об.-13; Материалы для истории русского флота. СПб., 1875. Т.5. С.44. Рапорты генерал-адмирала Апраксина сообщали о неумении экипажей на маневрах сохранять строй и точно выполнять команды (см.: Там же. С.34, 37, 46).

⁵⁵ См.: Сб. РИО. Т.55. С.6-21.

⁵⁶ АВПРИ. Ф.77. Оп.77/1. 1725 г. № 16. Л.2-3,24 об.

⁵⁷ См.: РГВИА. Ф.20. Оп.2. №21. Л.6-6 об.

⁵⁸ См.: Материалы для истории русского флота. Т.5. С. 192,194-195,322.

⁵⁹ См.: Там же. С.327.

⁶⁰ См.: Брикнер А.Г. Россия и Дания при императрице Екатерине I // РМ. 1895. № 3. С.51.

⁶¹ См.: Некрасов Г.А. Указ. соч. С.56-57.

⁶² См.: Павленко Н.И. А.Д.Меншиков. М., 1981. С.133; *он же*. Полудержавный властелин. М., 1988. С.275. Екатерина 15 июля 1726 г. категорически выступила против авантюры князя, которая могла бы «озлобить Речь Посполитую» (см.: РГАДА. Ф.9. Оп.5. № 2. Ч.26. Л.94).

⁶³ См.: Брикнер А.Г. Императрица Екатерина I, 1725–1727 // ВЕ. 1894. № 1. С.143.

⁶⁴ См.: Сб. РИО. Т.55. С.491; Т.64. С.410.

⁶⁵ Перед этим, 3 августа, Верховный Тайный совет принял решение об ответственности президентов и казначеев коллегий за выдачу денег без приказа всех членов Совета (см.: Сб. РИО. Т.64. С.388).

⁶⁶ См.: Арсеньев К.И. Царствование Екатерины I. СПб., 1856. С.58; *Вейдемейер А.В.* Обзор главнейших происшествий в России с кончины Петра Великого до вступления на престол Елизаветы Петровны. СПб., 1848. Ч.1. С.35; *Долгоруков П.В.* А.И.Остерман. Б.м., 1841. С.26; *Павленко Н.И.* А.Д. Меншиков. С.133-134; *Перевороты и войны /Христофор Манштейн. Бурхард Миних. Эрнст Миних. Неизвестный автор. М., 1997. С.13.*

⁶⁷ См.: Повседневные записки делам князя А.Д.Меншикова 1716–1720, 1726–1727 гг. // Российский архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XIX вв.). М., 2000. Вып.Х. С.433.

⁶⁸ Сб. РИО. Т.56. С.12,27.

⁶⁹ См.: АВПРИ. Ф.32. Оп.32/1. 1725 г. № 5. Л.70 об.,75,79. Официальная грамота Екатерины I о вступлении ее на престол с полным титулом так и не была вручена и осталась в делах посольства (см.: Там же. Ф.32. Оп.32/1. 1725. № 10. Л.24).

⁷⁰ В 1725 г. Б.И.Куракин вел переговоры о союзе с Францией в Париже, а русский посол в Вене Ланчинский – с австрийскими министрами, при этом глава французской дипломатии граф Морвиль об этих переговорах знал. В свою очередь, австрийская сторона, по сведениям Ланчинского, вела свои переговоры с Англией и Францией, не ставя о них в известность Россию (см.: АВПРИ. Ф.93. Оп.93/1. 1725 г. № 5. Ч.2. Л.403 об.-404; Оп.32/1. 1725 г. №5. Л.20 об). К сожалению, эта проблема не нашла отражения в последних работах по истории внешней политики России (ср.: *Черкасов П.П.* Двуглавый орел и королевские лилии: Становление русско-французских отношений в XVIII в. 1700–1775. М., 1995. С.23-24; *История внешней политики России. XVIII век (от Северной войны до войн России против Наполеона).* М., 1998. С.62-66).

⁷¹ См.: АВПРИ. Ф.93. Оп.93/1. 1725. № 5. Ч.2. Л.402-406 (реляция Б.И.Куракина от 29 октября 1725 г.).

⁷² Там же. Ф.32. Оп.32/1. 1725 г. № 10. Л.93,131.

⁷³ Оценки договора см.: *Герье В.И.* Борьба за польский престол в 1733 г. М., 1862. С.46; *Маркова О.П.* Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. М., 1966. С.42-43. Уже в феврале 1727 г. Испания начала короткую и неудачную войну против Англии с целью возвращения Гибралтара. Весной того же года представители Англии и Франции уже планировали военную кампанию против австро-испанского блока (см.: *Wilson A.* French Foreign Policy During the Administration of Cardinal Fleury, 1726–1743. Lnd., 1936. P.158.); австрийцы, в свою очередь, рассчитывали на помощь русских войск.

⁷⁴ Сб. РИО. Т.55. С.377-378; Т.56. С.325.

⁷⁵ См.: ПСЗ. Т.VII. № 4897.

⁷⁶ См.: Записка П.И.Ягужинского о состоянии России // ЧОИДР. 1860. Кн.4. С.270-273 отд. паг.; Записку Меншикова, Остермана, Макарова и А.Волкова см.: 200-летие Кабинета его императорского величества, 1704–1904. СПб., 1911. С.45-58. Записки Карла-Фридриха, П.А.Толстого, Г.И.Головкина, Д.М.Голицына, Ф.М.Апраксина см.: РГАДА. Ф.9. Оп.1. № 33. 172-200 об. Об отдельной записке Остермана см.: *Анисимов Е.В.* Податная реформа Петра I: Введение подушной подати в России, 1719–1728 гг. Л., 1982. С.262-285.

⁷⁷ См.: Там же. С.260-285; *Павлов-Сильванский Н.П.* Мнения верховников о реформах Петра Великого // *Павлов-Сильванский Н.П.* Соч. В 2-х т. СПб., 1910. Т.2. С.373-401; *Троицкий С.М.* Финансовая политика российского абсолютизма в XVIII в. М., 1966. С.38-44.

⁷⁸ Это делал, например, Н.П.Павлов-Сильванский (см.: *Павлов-Сильванский Н.П.* Мнения верховников о реформах Петра Великого. С.378).

⁷⁹ См.: *Милюков П.Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия. С.672; *Богословский М.М.* Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–1727 гг. М., 1902. С.461.

⁸⁰ См.: *Анисимов Е.В.* Податная реформа Петра I. С.266; Ведомость Камер-коллегии от 26 декабря 1726 г. см.: РГАДА. Ф.273. Оп.9. № 33149. Л.44.

⁸¹ См.: Сб. РИО. Т.56. С.297.

⁸² См.: *Кириллов И.К.* Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. С.339.

⁸³ См.: РГВИА. Ф.23. Оп.1/121. № 825. Л.4.

⁸⁴ См.: *Анисимов Е.В.* Податная реформа Петра I. С.264.

⁸⁵ См.: *Юхт А.И.* Реч. на: Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I: Введение подушной подати в России, 1719–1728 гг. Л., 1982 // ВИ. 1984. № 9. С.128; *Покровский Н.Н.* Реч. на: Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I: Введение подушной подати в России, 1719–1728 гг. Л., 1982 // ИСССР. 1985. № 2. С.194.

⁸⁶ См.: *Троицкий С.М.* Финансовая политика российского абсолютизма в XVIII в. С.127. По мнению авторов обобщающего труда по истории российского крестьянства, увеличение налогового обложения в расчете на одну душу составило 40 % (см.: *История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г. М., 1993. Т.3. С.168.*)

⁸⁷ См.: РГАДА. Ф.9. Оп.4. № 74. Л.640-642,705 об.

⁸⁸ См.: *Нелипович С.Г.* Позиция Б.Х. фон Мюнниха в дискуссии 1725 г. о сокращении армии и военного бюджета России // Военно-исторический журнал. 1990. № 8. С.4-5; *Прокопович М.Н.* О содержании в нынешнее мирное время армии и как оброчных крестьян в лучшее содержание привести // ЧОИДР. 1897. Кн.2. С.29-52 отд. паг.; *Троицкий С.М.* Финансовая политика российского абсолютизма в XVIII в. С.130-131.

⁸⁹ См.: *Павлов-Сильванский Н.П.* Суд над реформой Петра Великого в Верховном Тайном совете // О минувшем. СПб., 1909. С.7-9; *Прокопович М.Н.* Указ. соч. С.34-37.

⁹⁰ См.: *Пекарский П.П.* Исторические бумаги, собранные К.И.Арсеньевым. // Сб. ОРЯС. СПб., 1872. Т.9. С.86-97; Ср.: РГАДА. Ф.16. Оп.1. № 77. Л.1-11 об.

⁹¹ ПСЗ. Т.VII. № 5017.

⁹² См.: Там же. № 5016, 5033.

⁹³ См.: *Юхт А.И.* Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М., 1994. С.43,57.

⁹⁴ См.: *Барсов Т.В.* Святейший Синод в его прошлом. СПб., 1896. С.266-267.

⁹⁵ См.: *Брикнер А.Г.* Россия и Дания при императрице Екатерине I // РМ. 1895. № 3. С.42,45; № 7. С.112,113.

⁹⁶ См.: РГВИА. Ф.20. Оп.1/47. № 18. Л.159; РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 216. Л.2-8.

⁹⁷ Еще одно письмо было подброшено на двор ассессора Московского надворного суда П.М.Толстого, угрожавшее «плуту» судье и его дяде П.А.Толстому: «Шаревичева вам смерть з дядею и са всем родом отомстица!» (см.: РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 199. Л.5 об.,8).

⁹⁸ См.: ПСЗ. Т.VII. № 4870

⁹⁹ См.: ПСПРВПИ. Т.5. С.379-383.

¹⁰⁰ См.: АВПРИ. Ф.11. Оп.11/1. 1727 г. № 139. Л.64 об.,73 об.,78,83 об.,87.

¹⁰¹ Сведения о таком проекте уже были известны дипломатам (см.: Из Ольденбургского великогерцогского архива // РА. 1904. № 3. С.375-376; Сб. РИО. Т.64. С.451-458).

¹⁰² См.: *Kirchner W.* The Death of Catherine I of Russia // *American Historical Review.* 1946. № 51. P.257-259.

¹⁰³ См.: *Брикнер А.Г.* Россия и Дания при императрице Екатерине I // РМ. 1895. №3. С.42,45; №7. С.112,113. По свидетельству М.М.Щербатова, «цесарский двор прислал 40 тысяч рублей в подарок госпоже Крамер, камер-фрау императрицы Екатерины Алексеевны, дабы она ее склонила именовать по себе наследником князя Петра Алексеевича» («О повреждении нравов в России» князя М.Щербатова и «Путешествие» А.Радищева. М., 1984. С.85).

¹⁰⁴ См.: Сб. РИО. Т.64. С.529-530; *Понов Н.А.* Граф Петр Андреевич Толстой: Биографический очерк // ДИИР. 1875. № 3. С.243. Н.И.Павленко считает, что подобной аудиенции не было; во всяком случае, она не оставила следов в документах. Возможно, французский резидент был неточен или принял желаемый для него протест за действительный. Но о сопротивлении царской семьи планам Меншикова сообщали и другие дипломаты (см.: *Павленко Н.И.* Полудержавный властелин. С.302; *он же*. Птенцы гнезда Петрова. М., 1988. С.235; Сб. РИО. Т.15. С.329-330; *Брикнер А.Г.* Россия и Дания при императрице Екатерине I // РМ. 1895. № 7. С.117).

¹⁰⁵ См.: Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова... С.517-526.

¹⁰⁶ См.: *Брикнер А.Г.* Императрица Екатерина I, 1725-1727 // ВЕ. 1894. № 2. С.630; Сб. РИО. Т.64. С.541.

¹⁰⁷ Цит. по: *Павленко Н.И.* Птенцы гнезда Петрова. С.216,223-224. В свое время именно Девиер наблюдал за обучением маленького Петра и докладывал об этом Екатерине (см.: РГАДА. Ф.9. Оп.5. № 1. Ч.5. Л.167).

¹⁰⁸ Судьба этой группировки прослежена в биографии А.П.Ганнибала (См.: *Левиц Г.А.* Абрам Петрович Ганнибал: биографическое исследование. Таллин, 1984. С.55-65).

¹⁰⁹ См.: *Соловьев С.М.* Соч. Кн.Х. С.90.

¹¹⁰ Согласно академическому календарю, воскресенье выпадало в 1727 г. на 15 апреля (см.: Календарь или месяцеслов в лето от Рождества Христова...1727. СПб., 1727), однако в датировках «повседневных записок» Меншикова наблюдается сдвиг на один день; воскресенье, таким образом, обозначается 16 апреля.

¹¹¹ См.: *Брикнер А.Г.* Императрица Екатерина I, 1725–1727 // ВЕ. 1894. № 2. С.634-635; Сб.

РИО. Т.64. С.563-564.; Т.15. С.334; Т.3. С.464-465; *Алексеев А.С.* Сильные персоны в Верховном Тайном совете Петра II и роль князя Голицына при воцарении Анны Иоанновны. М., 1898. С.6-7.

¹¹² См.: *Брикнер А.Г.* Императрица Екатерина I, 1725–1727 // ВЕ. 1894. № 2. С.636-637.

¹¹³ См.: Повседневные записки делам князя А.Д.Меншикова... С.539-540; Сб. РИО. Т.63. С.449-458. «Повседневные записки» Меншикова сообщают о какой-то «консилие» с министрами во дворце 1 мая 1727 г., которая также не указана в протоколах Верховного Тайного совета (см.: Повседневные записки делам князя А.Д.Меншикова... С.544). Но к этому времени на фоне проходившего следствия вопрос о престолонаследии и его условиях был уже решен.

¹¹⁴ См.: Повседневные записки делам князя А.Д.Меншикова... С.543. В те же дни по распоряжению Меншикова камергер Левенвольде получил 5 тысяч рублей на покупку двора (см.: Высочайшие повеления по придворному ведомству. С.30).

¹¹⁵ См.: РГАДА. Ф.6. Оп.1. № 159. Ч.5. Л.6.

¹¹⁶ См.: Там же. Ч.1. Л.16,22; Ч.5. Л.30,51.

¹¹⁷ См.: Повседневные записки делам князя А.Д.Меншикова... С.546; РГАДА. Ф.6. Оп.1. № 159. Ч.5. Л.80.

¹¹⁸ В следственном деле имеется копия приговора-«сентенции» с указанием, что он подписан Екатериной (см.: РГАДА. Ф.6. Оп.1. № 159. Ч.1. Л.42).

¹¹⁹ См.: ПСЗ. Т. VII. № 5084.

¹²⁰ См.: Записка о кончине императрицы Екатерины Алексеевны и о вступлении на престол государя императора Петра II Алексеевича. СПб., б.г. С.1; *Петров П.Н.* Указ. соч. С.243; Об изоляции Екатерины свидетельствуют и иностранные дипломаты (см.: *Толстой М.* Краткое описание жизни графа П.А.Толстого (сочинение французского консула Виллардо) // РА. 1896. № 1. С.27; Сб. РИО. Т.64. С.568.

¹²¹ РГВИА. Ф.2584. Оп.1. № 56. Л.170 об.

¹²² См.: Сб. РИО. Т.63. С.480,508; ПСЗ. Т.VII. № 5070.

¹²³ РГВИА. Ф.2584. Оп.1. № 47. Л.426 об.

¹²⁴ См.: Сб. РИО. Т.3. С.473.

¹²⁵ См.: *Вильбуа Ф.* Рассказы о российском дворе // ВИ. 1992. № 4-5. С.139; *Павленко Н.И.* Полудержавный властелин. С. 360.

¹²⁶ РГАДА. Ф.2. Оп.1. № 21. Л.2-5; Ср.: ПСЗ. Т.VII. № 5070.

¹²⁷ См.: РГАДА. Ф.2. Оп.1. № 21. Л.6-7 (протокол).

¹²⁸ См.: Там же. Л.8-10,12-14 (копии); Л.5а (конверт с тремя печатями и с записью В.П.Степанова: «Тестамент объявленной 7 мая 1727 г. и с него список моей руки» и другой записью: «взяв из Иностранной коллегии 27 ноября 1741 г.». На л.14 запись Г.И.Головкина: «1730 августа 9 день в воскресенье в Ызмайлове ее величество государыня императрица изволила мне приказать, чтоб прислать завещательное письмо императрицы Екатерины Алексеевны с Васильем Степановым, и то письмо назафтрея 10 числа послал я в Ызмайлово к ее императорскому величеству с Васильем Степановым, запечатав, и он, отвесчи, мне сказал, что он вручил самой ей, государыне, то письмо»).

¹²⁹ См.: РГАДА. Ф.6. Оп.1. № 564. Л.17-17 об.; № 559. Л.1. Подлинником его считал и историк кн. Н.В.Голицын, который изучал его и оставил на отдельном листке бумаги свои замечания (см.: РГАДА. Ф.2. Оп.1. № 21. Л.11-11).

¹³⁰ См.: *Ансимов Е.В.* Россия без Петра. СПб., 1994. С.138-139; *Соловьев С.М.* Соч. Кн.Х. С.307. Историк ссылался и на какой-то документ, подтверждавший эту версию; но обнаружить его издателям и комментаторам труда Соловьева не удалось.

¹³¹ См.: *Лекарский П.П.* Исторические бумаги, собранные К.И.Арсеньевым. Т.9. С.224-225. Интересно, что какой-то текст «духовной» Екатерины на немецком языке у хитрого министра явно был и зафиксирован в «реестре писем и бумаг» Остермана и Головкина, составленной в Коллегии иностранных дел (см.: РГАДА. Ф.1261. Оп.1. № 388. Л.1 об).

¹³² См.: *Бантыш-Каменский Д.Н.* Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. СПб., 1840. Ч.1. С.5; *Ланпо-Данилевский А.С.* Россия и Голштиния (очерк из истории германо-русских отношений в XVIII в.) // Исторический архив. 1919. Кн.1. С.268; *Яковлев Н.Н.* Европа накануне Семилетней войны. М., 1997. С.21. Кажется, что это утверждение опирается на мнение французского Лаво (см.: *Laveaux J.* Histoire de Pierre III. Paris, 1799. Vol.2. P.177), ничем, однако, не подтвержденное.

¹³³ Сб. РИО. Т.63. С.535-536.

¹³⁴ См.: Там же. Т.84. С.689.

¹³⁵ См.: АВПРИ. Ф.44. Оп.44/1. 1733 г. № 3. Л.99-99 об.,125 об.,251-251 об.

¹³⁶ См.: РГАДА. Ф.11. Оп.1. № 69. Л.2-4.

¹³⁷ См.: *Kirchner W.* Ор. cit. P.260-261; РГАДА. Ф.11. Оп.1. № 69. Л.3.

¹³⁸ См.: *Брикнер А.Г.* Россия и Дания при императрице Екатерине I // РМ. 1895. № 9. С.28-30. О том, что именно Елизавета подписывала «набросок завещания», знал и Маньян; но он полагал, что «правильный» немецкий текст был написан уже позднее (см.: Сб. РИО. Т.75. С.70-71).

¹³⁹ Сб. РИО. Т.64. С.576.

¹⁴⁰ См.: *Брикнер А.Г.* Россия и Дания при императрице Екатерине I // РМ. 1895. № 9. С.27.

¹⁴¹ ПСЗ. Т.VII. № 5131.

¹⁴² См.: АВПРИ. Ф.32. Оп. 32/1. 1727 г. № 6. Ч.2. Л.307-308,331.

¹⁴³ Там же. № 13. Л.103-106.

¹⁴⁴ См.: Testament ihres kaysrl. majestat Catharina Alexiejowna selbthalterin von Russland welche den 17 may 1727 zu Petersburg. Stockholm, 1727. Печатный экземпляр этого издания, доставленный из Швеции русскими дипломатами, см.: РГАДА. Ф.2. Оп.1. № 22. Л.1-10. В этом тексте, также состоявшем из 16 параграфов, нет ошибок, присущих русскому «подлиннику»: там проставлена дата совершеннолетия императора (16 лет); имеется в наличии § 12 о браке императора с дочерью Меншикова.

¹⁴⁵ Он имел личные «покою» в Зимнем дворце, право доклада по делам своего ведомства – Военной коллегии и еще ряд привилегий, в том числе производства в чины офицеров вплоть до полковника по своему усмотрению (см.: *Арсеньев К.И.* Указ. соч. С.14; *Павленко Н.И.* Полудержавный властелин. С.243; ПСЗ. Т.VII. № 4835). Екатерина I заказала скульптору Б.К.Растрелли создать «восковую персону» князя (см.: *Архинов Н.И., Раскин А.Г.* Б.К.Растрелли. М.–Л., 1964. С.22).

¹⁴⁶ См.: Опись высочайшим указам и повелениям... Т.2. С.32,44-45.

¹⁴⁷ См.: *Брикнер А.Г.* Императрица Екатерина I, 1725–1727 // ВЕ. 1894. № 1. С.128; Сб. РИО. Т.15. С.321-322.

¹⁴⁸ См.: *Петрухинцев Н.Н.* Интермедия с булавой // Родина. 1999. № 8. С.76.

¹⁴⁹ См.: *Ланчулидзева С.А.* История кавалергардов. 1724–1799–1899. По случаю столетнего юбилея Кавалергардского ее величества полка. СПб., 1899. Т.1. С.183.

¹⁵⁰ См.: РГВИА. Ф.2584. Оп.1. № 19. Л.105 и далее.

¹⁵¹ См.: Сб. РИО. Т.64. С.265; *Филиппов А.Н.* История Сената в правление Верховного Тайного совета и Кабинета. Юрьев, 1895. С.227.

¹⁵² См.: Повседневные записки делам князя А.Д.Меншикова... С.446,449,454,456-457.

¹⁵³ См.: Сб. РИО. Т.63. С.513-514,525,555. О «высокой нравственности» Остермана, отказавшегося ранее от австрийского «пенсiona» сообщал также посол Рабутин (см.: *Брикнер А.Г.* Австрийские дипломаты в России. // ВЕ. 1893. № 12. С.528).

¹⁵⁴ См.: Сб. РИО. Т.63. С.481; *Алексеев А.С.* Сильные персоны... С.15-16.

¹⁵⁵ См.: ПСПРВПИ. Т.6. С.37.

¹⁵⁶ Наставник царя Семен Маврин отправился в Тобольск; вслед за ним туда же был послан Абрам Ганнибал – строить крепость на границе с Китаем. Был выслан за границу другой учитель Петра, венгр Иван Зейкин. Аграфена Волконская отправлена сначала в деревню, а затем в монастырь (о ссылке графа Санти, С.Маврина, А.Ганнибала см.: АВПРИ. Ф.15. Оп.15/3. 1727 г. № 82. Л.1).

¹⁵⁷ Молодой флотский унтер-лейтенант Семен Мордвинов запомнил, как несостоявшаяся императрица России «с горестными слезами изволила мне вручить письма к государю и к государыне цесаревне Елисавете Петровне и сестрице государевой Наталье Алексеевне, и пожаловав меня к руке, в слезах изволила пойти в свой кабинет» (цит. по: Архив графов Мордвиновых. СПб., 1901. Т.2. С.23).

¹⁵⁸ См.: *Кореневит В.А.* Крепость Петерштадт (археологические исследования в Ораниенбауме) // Памятники культуры. Новые открытия. 1993. М., 1994. С.517-518.

¹⁵⁹ См.: *Спасский И.Г.* Санкт-Петербургский монетный двор в 1724–1727 гг. // Сообщения Государственного Эрмитажа. Л., 1977. Вып.42. С.60.

¹⁶⁰ См.: Заслуги и подвиги его высококняжеской светлости князя Александра Даниловича Меншикова... // Сын Отечества. 1848. № 1. С.2,18; № 6. С.14-15.

¹⁶¹ См.: Пьесы столичных и провинциальных театров первой половины XVIII в. М., 1975. С.311,653.

¹⁶² См.: РГАДА. Ф.9. Оп.5. № 5а. Л.180 об.

¹⁶³ См.: ПСПРВПИ. Т.6. С.22. За два дня до смерти Екатерины светлейший нашел время, чтобы лично прибыть в Синод и добиться развода провинциального чиновника Максима Пархомова со второй женой Дарьей Колтовской, которая имела неосторожность в качестве соседки Меншикова по имению не «уступить» князю своих же беглых крепостных (см.: *Курукин И.В.* Романс о прелюбодейцах // Родина. 1999. № 7. С.54-57).

¹⁶⁴ См.: Сб. РИО. Т.69. С.123.

¹⁶⁵ См.: РГАДА. Ф.198. Оп.1. № 243. Л.8-13.

¹⁶⁶ См.: РГВИА. Ф.410. Оп.1. № 102; Сб. РИО. Т.69. С.123.

¹⁶⁷ РГАДА. Ф.11. Оп.1. № 63. Л.3-4.

¹⁶⁸ См.: *Есипов Г.В.* Ссылка князя Меншикова // ОЗ. 1860. № 8. С.379-380; *Павленко Н.И.* А.Д.Меншиков. С.145,148.

¹⁶⁹ См.: Сб. РИО. Т.75. С.79; Т.3. С.488-489; Т.15. С.380,384; *Брикнер А.Г.* Русский двор при Петре II, 1727–1730: по документам Венского архива // ВЕ. 1896. № 2. С.560. Детали происшествия с поднесением Петру II денег в передаче разных лиц выглядят по-разному, но скорее всего речь шла о 500 червонцах от ярославских посадских, которые попали в число дворцовых доходов в августе 1727 г. (см.: РГАДА. Ф.1239. Оп.3. № 35164. Л.1).

¹⁷⁰ См.: *Павленко Н.И.* А.Д.Меншиков. С.165; Сб. РИО. Т.69. С.394.

- ¹⁷¹ Цит. по: *Брикнер А.Г.* Русский двор при Петре II, 1727–1730: по документам Венского архива // *ВЕ.* 1896. № 2. С.560.
- ¹⁷² См.: Там же. С.562.
- ¹⁷³ См.: Там же. С.563–564.
- ¹⁷⁴ См.: Там же. С.567; РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 226. Л.15.
- ¹⁷⁵ См.: Там же. Ф.9. Оп.5. № 67. Л.72.
- ¹⁷⁶ РГВИА. Ф.2584. Оп.1. № 47. Л.465.
- ¹⁷⁷ Сб. РИО. Т.69. С.270–271; ПСЗ. Т. VII. № 5151.
- ¹⁷⁸ См.: ПСЗ. Т.VII. № 5150. Как государственный переворот эта акция и оценивалась правоведами (см.: *Алексеев А.С.* Сильные персоны... С.21).
- ¹⁷⁹ Остерман убедил коллег купить для сестры императора бриллианты на 85 тысяч рублей (см.: Сб. РИО. Т.69. С.271,293).
- ¹⁸⁰ См.: Сб. РИО. Т.69. С.271–272,274,447,714,775,781,786,795,802.
- ¹⁸¹ См.: РГВИА. Ф.2. Оп.13. № 12. Л.30. Этим же указом коллегии запрещалось «войска никому без указу нашего из Верховного Тайного совета из места на место не переводить».
- ¹⁸² См.: АВПРИ. Ф.32. Оп. 32/1. 1727 г. № 6. Ч.2. Л.275–275 об.
- ¹⁸³ Там же. Ф.74. Оп.74/1. 1727 г. № 7. Л.308–308 об.; № 12. Л.12.
- ¹⁸⁴ Переводы иностранных газет см.: Там же. Ф.11. Оп.11/1. 1727 г. № 139. Л.4,6–17,22,23.
- ¹⁸⁵ См.: *Овчинников Р.В.* Крушение «полудержавного властелина» (документы следственного дела князя А.Д.Меншикова) // *ВИ.* 1970. № 9. С.90–91; Сб. РИО. Т.3. С.498; Т.75. С.98–99.
- ¹⁸⁶ См.: *Овчинников Р.В.* Указ. соч. С.94–95.
- ¹⁸⁷ Эти же донесения сообщают и о «запросах» Меншикова (см.: *Брикнер А.Г.* Австрийские дипломаты в России. С.523–524).
- ¹⁸⁸ См.: Сб. РИО. Т.75. С.45,50; Т.3. С.478,489; Т.15. С.321–322,350–351,386–387.
- ¹⁸⁹ См.: *Вернадский Г.В.* Русская история. М., 1997. С.161; История России с древнейших времен до 1861 г. /Под ред. Н.И.Павленко. М., 1998. С.293; История СССР с древнейших времен до конца XVIII в. /Под ред. Б.А.Рыбакова. М., 1983. С.321; Очерки истории СССР. Россия во второй четверти XVIII в. М., 1957. С.250; Очерки русской культуры XVIII в. М., 1987. Ч.2. С.14.
- ¹⁹⁰ См.: *Шумигорский Е.С.* Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб., 1907. С.216; *Наумов В.П.* Некоторые особенности историко-лингвистического анализа дипломатических реляций XVIII в. // *Источниковедение и краеведение в культуре России: Сб. к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту.* М., 2000. С.147.
- ¹⁹¹ См.: Письма о России в Испанию испанского посланника в России при императоре Петре II и в начале царствования Анны Иоанновны // *Осмнадцатый век.* М., 1869. Кн. II. С.16.
- ¹⁹² См.: Там же. С.45,74,89,97–98,120,122,157.
- ¹⁹³ См.: Там же. С.33–34,68.
- ¹⁹⁴ Сб. РИО. Т.15. С.364–365,375.
- ¹⁹⁵ См.: *Брикнер А.Г.* Русский двор при Петре II, 1727–1730: по документам Венского архива // *ВЕ.* 1896. № 2. С.583; № 3. С.41; Сб. РИО. Т.15. С.349,351. А.Мардефельд находил, что у принцессы Елизаветы «образ мыслей вполне немецкий» (см.: Там же. С.384).
- ¹⁹⁶ См.: Сб. РИО. Т.75. С.78,108.
- ¹⁹⁷ См.: Там же. С.102–104,146,195,238,249,267,309,318–320,415.
- ¹⁹⁸ См.: Там же. Т.66. С.24,45–47,104–105,230.
- ¹⁹⁹ Упразднились все местные органы и должности Камер- и Юстиц-коллегий. В центре ликвидировалась Мануфактур-коллегия (ее дела передавались в Коммерц-коллегию, а затем в Сенат) и Главный магистрат; городские магистраты переименовывались в ратуши и подчинялись отныне воеводам (см.: ПСЗ. Т.VII. № 4928, 4933, 5017, 5033; Т.VIII. № 5142, 5302).
- ²⁰⁰ *Анисимов Е.В.* Внутренняя политика Верховного Тайного совета. С.14.
- ²⁰¹ *Готье Ю.В.* История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М., 1913. Т.1. С.101; *Павлов-Сильванский Н.П.* Мнения верховников о реформах Петра Великого. С.378,386; *Троицкий С.М.* Финансовая политика российского абсолютизма в XVIII в. С.26.
- ²⁰² См.: Сб. РИО. Т.69. С.43,82,250,379,918; Т.94. С.804.
- ²⁰³ См.: ПСЗ. Т.VII. № 4918, 5000.
- ²⁰⁴ См.: РГАДА. Ф.1261. Оп.6. № 6. Л.1–19.
- ²⁰⁵ См.: *Козлова Н.В.* Российский абсолютизм и купечество в XVIII в.: 20-е – начало 60-х гг. М., 1999. С.276–296. Возглавляемая Остерманом комиссия о коммерции основанно полагала, что «тепличные» условия существования отечественных предприятий не способствуют повышению качества их продукции. Столичные купцы в 1727 г. указывали, что отечественные поставщики «бархатов венецких и флоренских атласов» делать не умеют; да и прочий «ширпотреб» «против заморского ничто добротой не будет и весьма плоше» (см.: *Лодыженский К.И.* История русского таможенного тарифа. СПб., 1886. С.71).
- ²⁰⁶ ПСЗ. Т.VII. № 5039.
- ²⁰⁷ См.: *Акишин М.О.* Сибирский приказ в системе управления Сибирью в 1730–1763 годах // *Российская государственность: традиции, преемственность, перспективы: Материалы II Чтенной памяти профессора Т.П.Коржихиной.* М., 1999. С.47.

- ²⁰⁸ См.: *Ардашев Н.Н.* Регламент Вотчинной коллегии в проектах 1723, 1732 и 1740 гг. М., 1890. С.211; *Вяземский Б.Л.* Указ. соч. С.291.
- ²⁰⁹ *Богословский М.М.* Указ. соч. С.453.
- ²¹⁰ См.: РГАДА. Ф.248. Оп.31. № 1965. Л.96 об. и далее.
- ²¹¹ См.: РГВИА. Ф.23. Оп.1/ 121. № 825. Л.2,4 об.-5.
- ²¹² См.: ПСЗ. Т.VII. № 4650, 5010. Одновременно в 1726 и 1727 г. проходили новые рекрутские наборы (см.: Там же. № 4845, 4868, 5169, 5195), и крепостным запрещалось добровольно уходить в армию (см.: Там же. № 5161).
- ²¹³ Из доклада Камер-коллегии Сенату в ноябре 1727 г. следовало, что из присланных по 61 полку вестовостей из 2 529 880 плательщиков убыло по причине смерти, бегства, разорения, инвалидности 325 885 душ; соответственно, 228 119 рублей подати не поступило в казну (см.: РГАДА. Ф.248. Оп.13. № 689. Л.173–174). О том же докладывали в столицу местные власти: так, вологодский воевода доносил, что во вверенных ему Вологодском и Тотемском уездах к 1729 г. выбыло из подушного оклада 34 734 души, и недоимки он «взыскивать не смеет, дабы тем достальных не разогнать» (см.: Там же. № 703. Л.290).
- ²¹⁴ При этом к властям поступала информация об иной системе уплаты налогов европейскими горожанами «по пропорции пожитков» (см.: *Троицкий С.М.* Борьба посадов против фискальной политики русского абсолютизма в 20-х гг. XVIII в. // *Города феодальной России.* М., 1966. С.429–430,435–436).
- ²¹⁵ РГАДА. Ф.19. Оп.1. № 22. Л.49 об.
- ²¹⁶ См.: ПСЗ. Т.VIII. № 5221.
- ²¹⁷ См.: РГАДА. Ф.9. Оп.4. № 29. Л.275,277.
- ²¹⁸ См.: Сборник военно-исторических материалов. СПб., 1893. Т.3. С.16–21; Сб. РИО. Т.79. С.268,281; Т.94. С.112–113,126,838.
- ²¹⁹ См.: РГАДА. Ф.16. Оп.1. № 76. Л.1–4.
- ²²⁰ См.: *Барсов Н.И.* Черты русской истории и быта эпохи Петра II // *ИВ.* 1891. № 11. С.414–415.
- ²²¹ См.: ПСЗ. Т.VIII. № 5385, 5490.
- ²²² См.: *Копанев Н.А.* Почему было прекращено первое научное периодическое издание на русском языке // *Книга в России XVII – начала XIX вв.: проблемы создания и распространения.* Л., 1989. С.41–45.
- ²²³ Лефортов сообщил о вывешенном в Москве указе, «которым под строжайшим наказанием запрещалось говорить о том, возвратился ли царь в Петербург или нет» (Сб. РИО. Т.5. С.302).
- ²²⁴ См.: Материалы для истории имп. Академии наук. СПб., 1885. Т.1. С.291.
- ²²⁵ См.: *Петров П.Н.* Указ. соч. С.257–260.
- ²²⁶ См.: *Маркович Я.* Дневные записки малороссийского подскарбия генерального Якова Марковича. М., 1859. Т.1. С.212,235,245,275–277,282,289,291,299–300,308–309,311.
- ²²⁷ *Вяземский Б.Л.* Указ. соч. С.386.
- ²²⁸ См.: *Есилов Г.В.* Росписи охоты царской за своеручным подписанием императора Петра II в январе 1729 г. // *РА.* 1869. № 10. С.1675–1681.
- ²²⁹ По дороге он занимал деньги у встреченных по пути заводчика Никиты Демидова и коломенского воеводы Григория Кишкина; счета на оплату путевых издержек приходили в Дворцовую канцелярию еще несколько месяцев после смерти царя-охотника (см.: РГАДА. Ф.1239. Оп.3. № 24857. Л.1 об.-2).
- ²³⁰ Австрийский посол Вратислав даже хотел выписать из Германии разбиравшегося в тонкостях охоты профессора, чтобы просвещать дичавшего на охоте царя; но этот план так и не был осуществлен – возможно, из-за отсутствия подходящего специалиста (см.: *Брикнер А.Г.* Русский двор при Петре II, 1727–1730: по документам Венского архива // *ВЕ.* 1896. № 1. С.113).
- ²³¹ Сб. РИО. Т.5. С.316.
- ²³² За весь 1729 г. Петр подписал 9 указов Верховного Тайного совета, в основном касавшихся раздач земель и чинов. Сохранилось только 4 именных указа Петра II по находившемуся под непосредственным командованием императора Преображенскому полку и столько же – по Военной коллегии (см.: РГВИА. Ф.2583. Оп.1. № 130. Л.1; Ф.2. Оп.13. № 1 2. Л.26–30).
- ²³³ *Вяземский Б.Л.* Указ. соч. С.57.
- ²³⁴ См.: РГАДА. Ф.9. Оп.4. № 74. Л.471–486 об.
- ²³⁵ См.: Высочайшие повеления по придворному ведомству. С.41–46. Увеличение роскоши и престижа придворной службы отметили и иностранные наблюдатели (см.: Материалы для русской истории, хранящиеся в Чехии // *РА.* 1883. № 6. С.233).
- ²³⁶ См.: РГАДА. Ф.14. Оп.1. № 55. Ч.1. Л.88–89. Речь идет не обо всех расходах на двор, а только на жалование придворным.
- ²³⁷ Сб. РИО. Т.66. С.47–48.
- ²³⁸ См.: Империя после Петра, 1725–1765. С.240. На место наперсника юного царя претендовали и другие представители придворной молодежи: Голицыны, Бутурлины, молодые братья Кантемиры, которые на какое-то время обратили на себя внимание Петра II. «Авось и последний будет первый», – записал 19-летний Антиох Кантемир, будущий поэт и дипломат, в своем кален-

даре весной 1728 г. (*Кантемир А.Д.* Сочинения, стихи и избранные переводы. СПб., 1868. Т.2. С.346-347).

²³⁹ См.: РГАДА. Ф.1239. Оп.3. № 35043. Л.2-2 об. Обер-камергер, как следует из составленного после опалы списка его долгов, занимал даже небольшие суммы (28 рублей у поручика Петра Ханькова «для гулянья с охотою в разных местах») и не платил за взятые товары — юбки, лекарства, вина и даже за «кружевной фантаж брабанской» для своей невесты (см.: РГАДА. Ф.248. Оп.5. № 229. Л.46-46 об.,53).

²⁴⁰ См.: Сб. РИО. Т.101. С.321-322; РГВИА. Ф.2584. Оп.1. № 19. Л.157,174-175. В 1729 г. капитан И.А.Долгоруков уже не только отдавал императорские указы по полкам, но и требовал подавать ему ежедневные рапорты (см.: РГВИА. Ф.1284. Оп.1. № 160. Л.2).

²⁴¹ См.: Россия и Испания: Документы и материалы. М., 1991. Т.1. С.140; Сб. РИО. Т.75. С.257; Т.66. С.44. Способности младшего Долгорукова к интриге не шли далее попытки соблазнения красавицы-жены камер-юнкера Никиты Трубецкого, которого он намеревался отправить на службу в Сибирь, на что обиженный муж пожаловался отцу фаворита (см.: Сб. РИО. Т.75. С.379).

²⁴² *Вяземский Б.Л.* Указ. соч. С.42.

²⁴³ См.: Сб. РИО. Т.69. С.277,348,482,514,560-561,591,619,703,738,802,805; Т.84. С.169,172,175,217,239,712; Т.94. С.36,38,39,56,100,167,405,531,787. Когда в феврале 1729 г. Верховный Тайный совет усомнился в подлинности подписи царя под указом об очередной раздаче деревень, вице-канцлер заверил коллег в «силе» царского автографа (см.: Сб. РИО. Т.94. С.170-171).

²⁴⁴ См.: Сб. РИО. Т.94. С.503,506. О содержании архива Остермана см. «реестр» его писем и бумаг, составленный после ареста: РГАДА. Ф.1261. Оп.1. № 388. 2-2 об.

²⁴⁵ Как показывают дела Тайной канцелярии, сторонники у Меншикова были и выражали ему сочувствие в опале — как, например, капитан-лейтенант В.Казанцев (см.: РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 237. Л.4).

²⁴⁶ См.: *Алексеев А.С.* Сильные персоны... С.55.

²⁴⁷ Первая же попытка Волконской и ее друзей собраться в подмосковном Тушине вызвала донос и следствие. Итогом стало обвинение, что «они все делали партии и искали при дворе е. и. в. для собственной своей пользы делать интриги и теми интригами причинить беспокойство», и ссылка княгини Волконской в монастырь, а ее друзей — на службу в провинциальные города и в Иран (см.: *Шубинский С.Н.* Княгиня А.П. Волконская и ее друзья // ИВ. 1904. № 12. С.944-949,953-955; РГАДА. Ф.6. Оп.1. № 162. Л.6,9 об.-10 об.,24 об.,25 об.,34 об.

²⁴⁸ Сб. РИО. Т.5. С.313.

²⁴⁹ См.: *Брикнер А.Г.* Русский двор при Петре II, 1727—1730: по документам Венского архива // ВЕ. 1896. № 3. С.8.; Сб. РИО. Т.5. С.314; Т.75. С.379-380; Письма о России в Испанию... С.56,80,92,146.

²⁵⁰ Сб. РИО. Т.3. С.502.

²⁵¹ См.: *Брикнер А.Г.* Русский двор при Петре II, 1727—1730: по документам Венского архива // ВЕ. 1896. № 1. С.104.

²⁵² Немецкий текст этого сочинения опубликован (*Klueting H., Klueing E.* Graf Ostermann. Urkunden und Regesten. Amsterdam, 1972. Vol.2. S.153-195).

²⁵³ Сб. РИО. Т.5. С.322-323.

²⁵⁴ Цит. по: *Брикнер А.Г.* Русский двор при Петре II, 1727—1730: по документам Венского архива // ВЕ. 1896. № 1. С.104-105.

²⁵⁵ Челобитную У.Шишкина см.: РГАДА. Ф.248. Оп. 13. № 720. Л.59.

²⁵⁶ См.: *Индова Е.И.* Дворцовое хозяйство в России (первая половина XVIII в.). М., 1964. С.70; она же. К вопросу о дворянской собственности в России в поздний феодальный период // Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв. М., 1975. С.278.

²⁵⁷ См.: РГАДА. Ф.11. Оп.1. № 393. Л.434-449.

²⁵⁸ См.: Сб. РИО. Т.69. С.534-535,729-730. Так, например, в борьбе за вотчины Меншикова генерал Г.Д.Юсупов столкнулся с запросами братьев Бибиковых (см.: Сб. РИО. Т.101. С.2-4).

²⁵⁹ См.: Там же. Т.75. С.104.

²⁶⁰ См.: ПСПРВПИ. Т.6. С.401-402.

²⁶¹ См.: *Некрасов Г.А.* Указ. соч. С.189-190.

²⁶² АВПРИ. Ф.53. Оп.53/1. 1730 г. № 5. Л.22.

²⁶³ См.: Сб. РИО. Т.5. С.332,338.

²⁶⁴ Цит. по: *Брикнер А.Г.* Русский двор при Петре II, 1727—1730: по документам Венского архива // ВЕ. 1896. № 3. С.41.

²⁶⁵ Утром 6 января Петр II почему-то не был на обедне в Успенском соборе. Во время службы неизвестный человек «в красной епанче без парика» сообщил присутствующему духовенству, что «к процессии на Иордань его императорское величество быть не изволит». Из сохранившегося в архиве Синода дела об этом происшествии видно, что служба на Москве-реке закончилась до прибытия царя (см.: *Львов А.Н.* Незыблennyй эпизод из царствования Петра II // ИВ. 1896. № 7. С.75-78).

²⁶⁶ Цит. по: Исторические песни XVIII в. С.159.

²⁶⁷ См.: *Троицкий С.М.* Самозванцы в России XVII—XVIII вв. // ВИ. 1969. № 3. С.142; РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 1405; Ф.248. Оп. 13. № 689. Л.189.

²⁶⁸ См.: РГАДА. Ф.149. Оп.1. № 79. Л.24.

²⁶⁹ См.: *Комиссаренко А.И.* Русский абсолютизм и духовенство в XVIII в. (очерки истории секуляризационной реформы 1764 г.). М., 1990. С.93; Сб. РИО. Т.94. С.228-229.

²⁷⁰ См.: Там же. Т.5. С.344.

²⁷¹ Перевороты и войны. С.291.

²⁷² Цит. по: *Корсаков Д.А.* Из жизни русских деятелей XVIII в. Казань, 1891. С.200.

²⁷³ См.: *Долгоруков П.В.* Время императора Петра II и императрицы Анны Иоанновны. М., 1909. С.61; «О повреждении нравов в России»... С.96.

²⁷⁴ См.: Перевороты и войны. С.25.

ГЛАВА V

КРАХ «ВЕЛИКОГО НАМЕРЕНИЯ»

Бываемые перемены в государствах всегда суть соединены с правами и умоначертанием народным.

М.М.Щербатов

От «олигархии» — к «конституции»

События января-февраля 1730 г. приобрели особое значение в российской истории. В течение пяти недель утвержденная Петром I императорская власть была существенным образом ограничена, и эти ограничения при ином «сцеплении» политических сил могли бы стать немаловажным фактором дальнейшей истории. Неудивительно, что и в науке оценки этой попытки оказывались полярными: от осуждения «олигархического переворота» до признания его прогрессивным конституционным движением.

Одна из самых интересных страниц российского XVIII в. по понятным причинам долгое время была неуместной темой для публичного обсуждения. Однако уже в относительно либеральные времена Екатерины II известия о «затейке» членов Верховного Тайного совета стали появляться в печати. О составлении ими «договорной грамоты» сообщал учебник профессора Христиана Безака.¹ Коллежский асессор Тимофей Мальгин в своем пособии писал о «незаконном избрании» императрицы Анны с ограничивавшими ее власть обязательствами и восстановлении «полного самодержавства».² О прекращении по просьбам дворянства «вредного и бедственного многоначалия» сообщал И.Н.Болтин. В его споре с французом Леклерком вырисовывается четкая схема: коварные вельможи «вымыслили» Верховный Тайный совет, незаконно избрали Анну Иоанновну (тогда как права на престол принадлежали Елизавете Петровне) и ограничили ее власть ради собственных «властолюбия, сребролюбия и неумеренной злобы». Но замыслы «верховников» рухнули по воле дворян, и Анна была «всею нацією признана самодержицею», что, таким образом, легитимизировало ее незаконное избрание.³

Такая сложившаяся к концу века оценка стала господствующей — не случайно «Примечания» Болтина воспроизводились в других историчес-

ких сочинениях.⁴ Однозначно воспринимала события 1730 г. и сама Екатерина: «Безрассудное намерение Долгоруких при восшествии на престол императрицы Анны неминуемо повлекло бы за собой ослабление и — следственно, и распад государства; но к счастью намерение это было разрушено здравым смыслом большинства».⁵

В начале XIX в. впервые сведения о событиях 1730 г. появились в сочинениях, рассчитанных на «возбуждения молодой души» массового читателя, как пример патриотического поведения «сельских дворян», выступивших против вельмож и вручивших Анне Иоанновне самодержавную власть ради «любезной ее простоты».⁶ Впервые были опубликованы и сами «кондиции».⁷ Однако учебники и научные сочинения новых времен закрепили официальный штамп: несколько представителей знатных фамилий с помощью «несообразного» акта стремились заменить самодержавие «аристократией», но «народ российской» не мог равнодушно вынести ограничения власти монарха, и сплоченное выступление дворянства привело узурпаторов к провалу.⁸

О широком распространении такой оценки свидетельствуют и написанные в начале 20-х гг. XIX столетия заметки «О русской истории XVIII века» А.С.Пушкина. По его мнению, уничтожение планов «верховников» «спасло нас от чудовищного феодализма», поскольку их замыслы «вовсе уничтожили способы освобождения людей крепостного состояния, ограничили б число дворян и заградили путь к достижению должностей и почестей государственных».⁹ Правда, Пушкин видел главную опасность не столько в ограничении самодержавия, сколько в создании замкнутой правящей касты и ликвидации сильной власти, способной награждать по заслугам и вмешиваться в отношения помещиков и крестьян.

Однако параллельно в общественной мысли формировалась и иная тенденция. Ее родоначальником стал князь М.М.Щербатов, указавший в своем памфлете «О повреждении нравов в России», что члены Верховного Тайного совета «предопределили великое намерение, ежели бы самолюбие и честолюбие оное не помрачило, то есть, учинить основательные законы государству, и власть государеву Сенатом или парламентом ограничить». Князь даже полагал, что Анна была коронована именно в качестве государыни, «подчиненной неким установлениям».¹⁰

Эта традиция была продолжена декабристами. Н.М.Муравьев и М.С.Лунин провели историческую ретроспективу от 1825 г. к крестоцеловальной записи царя Василия Шуйского 1606 г. через события 1730 г. Последние они считали реальным шансом изменить форму правления в России, и только «измена некоторых сановников и зависть мелких дворян опровергли это смелое предприятие». Другой ссыльный декабрист — М.А.Фонвизин — был убежден в сочувствии «верховникам» многих дворян и в том, что они подавали царице челобитную не о восстановлении самодержавия, а «о лучшем образе правления».¹¹

Первым научным исследованием событий 1730 г. стал соответствующий раздел в «Истории России» С.М.Соловьева. Историк впервые собрал и осмыслил основной комплекс материалов (публицистические сочинения, донесения иностранных послов) и познакомил читателей с

выдержками из подлинных документов Верховного Тайного совета и дворянских проектов. Соловьев указал, что у «верховников» «было не без приверженцев», поддерживавших идею ограничения императорской власти. В его «Истории» нашли отражение споры и сомнения дворян по поводу нового политического устройства и уступки шляхетству, сделанные со стороны Совета (расширение состава с 7 до 12 человек, выборность членов Сената и коллегий, освобождение дворян от службы в солдатах и матросах и т.д.).

Впервые было доказано, что явившиеся к Анне дворяне подали ей прошение не о восстановлении самодержавия, а «о пересмотре всех проектов и установлении с общего согласия новой правительственной формы»; только после вмешательства гвардии появилась вторая челобитная о «принятии самодержавства». Соловьев даже как будто с сожалением перечислял тактические промахи в действиях «верховников»: инициаторы политического переворота не позаботились опубликовать «кондиции», не решились изменить форму присяги, допустили отслужить молебен с провозглашением Анны «самодержицей»; в целом им «надо было действовать решительнее, немедленно же назначить четверых новых членов Верховного Тайного совета из самых сильных людей между недовольными; но этого не сделали».¹²

Уже опираясь на труд Соловьева, публицист и писатель Е.П.Карнович сформулировал «оппозиционную» концепцию событий 1730 г.: не смотря на «нескромные притязания» верховников, их действия являлись «коренным переворотом в развитии нашей государственной жизни». Вслед за декабристами он связал «революционное движение» 1730 г. с предшествовавшими попытками ограничения самодержавия (крестоцеловальной записью Шуйского 1606 г., договором бояр с королевичем Владиславом 1610 г. и обязательствами, возможно, принятыми царем Михаилом Романовым в 1613 г.) и практикой Земских соборов в допетровской России. Более того, автор полагал, что уже в 1725 г. многие петровские вельможи стремились изменить государственное устройство России по шведскому образцу, но тогда эта попытка не удалась.

Впервые, по донесениям иностранных послов, Карнович указал на существование особого конституционного «плана» Д.М.Голицына. Дворянские проекты, считал автор, несомненно свидетельствовали о поддержке реформаторских планов; но споры между шляхетством и Верховным Тайным советом привели к тому, что «верховники» и челобитчики попали в западню, устроившую их политическими противниками.¹³

Первым специальным научным исследованием проблемы стала монография профессора Казанского университета Д.А.Корсакова, до сих пор не потерявшая практического значения благодаря тщательности разработки темы, публикации самих источников и обширному справочному материалу. Эта работа стала рубежом в исследовании проблемы: после ее появления любые точки зрения и споры неизбежно требовали уже профессионального исследования (пересмотра датировок и атрибуции текстов) сохранившегося комплекса документов.

Корсаков исследовал выявленные им шляхетские проекты и пришел к выводу о существовании в рядах дворянства двух основных течений —

противников и сторонников ограничения самодержавия. Однако шляхетство только что «осознало свою корпоративность», его группировки были текучими, изменчивыми; для них были характерны противоречия в убеждениях и поступках вплоть до полной «перемены мыслей». Эти колебания и «неумение действовать сообща» в сочетании с «бестактными и нецелесообразными» мерами Верховного Тайного совета сделали невозможным сотрудничество «верховников» с более широким кругом сторонников политических перемен.

Ученый отрицал наличие «олигархических тенденций» в замыслах Верховного Тайного совета, члены которого, как и прочее шляхетство, желали «прочного основания государственного устройства» и «прибавляли себе воли» знаменитыми «кондициями» только в качестве первого шага на пути к решению этой задачи. Он был убежден в существовании у князя Д.М.Голицына смелого «плана» государственных преобразований и отмечал сделанные им в этом проекте и в самих «кондициях» заимствования из актов шведского сейма 1719–1720 гг. Но правители закулисными действиями восстановили против себя «генералитет» и большую часть дворян и, таким образом, «сами подготовили падение своему делу». В результате несчастливой исхода этой борьбы в стране утвердилась «иноземная олигархия» — пресловутая «бионовщина».¹⁴

Появление труда Корсакова вызвало многочисленные отклики и рецензии. Одни авторы, как Н.И.Костомаров, целиком соглашались с выводами ученого и с сожалением отмечали отсутствие у дворянства развитого «политического сознания».¹⁵ Радикальный публицист и историк С.С.Шашков критиковал работу «слева»: попытка «верховников» не могла стать «Magna Charta» для России, поскольку «никакая олигархия не могла ничего принести народу, кроме вреда» и появления «второй Польши»; в олигархической природе «самодура» Д.М.Голицына и «омаркизировавшегося боярина» В.Л.Долгорукова у автора сомнений не было, как и у историка Е.А.Белова.¹⁶ Консервативные оппоненты, как Н.П.Загоскин, с неодобрением отмечали сходство взглядов исследователя с выводами Карновича. По его мнению, подписи под проектами вовсе не свидетельствуют об истинных позициях шляхетства: дворяне стремились только к «обузданию» Верховного Тайного совета, на деле же им была свойственна полная политическая «индифферентность». Рецензент вообще не видел в работе «ничего нового», за исключением публикации самих проектов, и был убежден, что олигархи-«верховники» действовали исключительно в фамильных интересах.¹⁷

В напряженной атмосфере конца царствования Александра III спор вокруг событий переводил профессиональную разработку проблемы в плоскость политических пристрастий авторов. Для молодого П.Н.Милюкова исследование попытки конституционной реформы в послепетровское время стало, по выражению Я.А.Гордина, «манифестом начинающего политика». Милюков сделал новый шаг в изучении темы: привлек новые источники (донесения шведских посланников — по работе шведского историка Т.Иерне) и по-иному атрибутировал некоторые документы. Он пришел к выводу, что в основу проектов Верховного Тайного со-

вета легла не современная им шведская «форма правления» 1719–1720 гг., а постановления 1634 и 1660 гг., вводившие в Швеции правление Государственного совета из 5 человек.

Но к проблеме историк подходил уже не только с академических позиций. Милюков прямо вступил в спор с Загоскиным: по его мнению, дворяне (он даже называл их «московской интеллигенцией») обсуждали и подписывали проекты с «напряженным интересом». Он категорически отрицал какую бы то ни было личную корысть в действиях Д.М.Голицына и реконструировал на основе всех известных ему источников предполагаемый «план» князя, в существовании которого не сомневался. План этот, по убеждению Милюкова, не содержал «ничего олигархического» и мог бы стать важным условием для постепенной эволюции государственного строя России в сторону политической свободы. Но «конституционалисты» из шляхетства и «верховники» не согласились на взаимные уступки; в итоге страна «пошла далеко не тем путем, о котором мечтали руководители движения 1730 г.». Для самого дворянства это означало победу узко-сословных интересов над «политическим самосознанием». Как печальное свидетельство упущенных возможностей Милюков впервые опубликовал фотокопию надорванных императрицей Анной «кондиций».¹⁸

Выводы Корсакова и Милюкова прочно вошли в научный оборот и принимались в работах других авторов с большей или меньшей категоричностью в зависимости от их личных убеждений. Более консервативный М.К.Любавский считал вполне закономерным крах политического движения 1730 г.; более либеральные М.М.Ковалевский и М.М.Богословский полагали «попытку создать представительное правление» вполне возможной, если бы ее противники не «натравили» сторонников реформ друг на друга.¹⁹ Лишь немногие, подобно Д.И.Иловайскому, пытались отстаивать традиционную концепцию выступления «бояр-олигархов» исключительно «в интересах личного возвышения».

Весьма характерными представляются и аргументы основного оппонента Милюкова — профессора-юриста А.С.Алексеева. Основной упор в полемике был им перенесен с анализа источников на правомерность деятельности Верховного Тайного совета, превратившегося с введением в его состав фельдмаршалов М.М.Голицына и В.В.Долгорукова из высшего государственного органа в «фактическое сборище, лишенное всякой юридической санкции», и даже в «революционный комитет», главным юридическим которого явились ложь и подлоги.²⁰

Оценка В.О.Ключевским «политической драмы» 1730 г. (во время подготовки четвертого тома своего «Курса» в 1907–1909 гг.) оказалась заметно более пессимистической по сравнению с милюковской. Историк считал Д.М.Голицына сторонником политической свободы и автором «плана настоящей конституции», но в то же время видел в нем «старого Дон Кихота отпетого московского боярства», до конца отстаивавшего аристократический состав Совета и превратившего политическую борьбу в «придворную плутню».²¹ Не лучше оказалось и собранное в столице шляхетство с его «рознью и политической неподготовленностью». Хотя какая-то его часть и была согласна с ограничением самодержавия, но в целом оно про-

явило равнодушие к «образам правления» и неспособность действовать самостоятельно: «ютилось вокруг важных персон, суливших им заманчивые льготы, и вторило своим вожакам».²² В итоге политическая дискуссия свелась к борьбе Сената, Синода и генералитета с Верховным Тайным советом. Спор этот был решен единственной организованной политической силой — гвардией, которая в данном случае поступила «показарменному»: ее толкали против самовластия немногих во имя права всех, а она набросилась на всех во имя самовластия одного лица».²³

Наметившееся на рубеже XIX–XX веков обсуждение проблемы было свернуто после известной ленинской оценки послепетровской эпохи и неудачной попытки М.Н.Покровского объяснить смысл происходивших событий столкновением интересов «торгового капитала» в лице «верховников» и крепостнических интересов массы дворянства. В советской научной литературе (вплоть до 80-х гг. XX столетия) возродилась и укрепилась оценка действий Верховного Тайного совета как попытки установления олигархической формы правления в интересах старинных боярских родов.²⁴ Пожалуй, единственным исключением стала серия статей Г.А.Протасова, в которых автор заново скрупулезно исследовал комплекс опубликованных и архивных материалов по проблеме и пришел к весьма важным выводам. В частности, им была пересмотрена датировка и атрибуция важнейших документов Верховного Тайного совета и дворянских проектов.²⁵

Появившиеся в последнее время работы отчасти исходят из оценки действий Д.М.Голицына и его коллег как «олигархического переворота», который при этом все же ставил целью ограничение самодержавия и даже имел, но «упустил исторический шанс реформировать систему власти».²⁶ Недавно появилась точка зрения, которая признает существование своеобразного «равновесия между Верховным Тайным советом и императрицей», нарушенного «шляхетством», вовсе не стремившимся к осуществлению конституционных проектов и желавшим вернуться «к привычному порядку вещей».²⁷

С другой стороны, некоторые авторы как бы возвращаются к концепции Милюкова, когда полагают, что лидеры переворота 1730 г. стремились «подхватить ограничительную традицию земских соборов, вернуть в структуру власти представительный элемент — на новом европейском уровне, совместить русский опыт прошлых веков с современным западным опытом», в то время как многие дворяне обладали психологической готовностью «к переходу на следующий уровень свободы». Победа «верховников» означала бы, с их точки зрения, целый «культурный сдвиг» в истории России: «участие общества в управлении страной, контроль над хищным государством, превращение государства из цели в орудие, гарантию соблюдения человеческого достоинства».²⁸

Ряд авторов даже полагает, что конституционное устройство было предпринято и только «случай распорядился иначе»; другие считают возможным сделать 1730 г. исходной точкой в новой периодизации освободительного движения в России.²⁹ Характерно при этом, что обращение к концепциям либеральной историографии начала XX века не только не

сопровождается новыми источниковедческими наблюдениями, но и не учитывает уже имеющиеся выводы и наблюдения — в частности, работы Г.А.Протасова, уже признанные историками.

Оценка государственного переворота 1730 г. в западной историографии заметно осторожнее: немногие авторы рассматривают его как «поворотный пункт в русской истории».³⁰ Большинство историков признает, что князь Д.М.Голицын и другие «верховники» не стремились обратить вспять петровские преобразования. Тем не менее они видят в «кондициях» прежде всего попытку сохранить власть Верховного Тайного совета и сомневаются в наличии у его членов планов модернизации политического строя.³¹ Активность же дворянства в февральские дни 1730 г. объясняется ими, скорее, с точки зрения борьбы и взаимодействия различных группировок знати и примыкавших к ним благодаря патронажно-клиентским связям представителям «шляхетства» и не рассматривается как качественно новый этап в развитии политической культуры российского дворянства.³²

В итоге множится количество противоречивых оценок одних и тех же событий и участвовавших в них лиц, накапливаются спорные вопросы. Для дальнейшего исследования проблемы представляется необходимым научное издание всего комплекса сохранившихся «прожекторов» и других документов 1730 г. Все эти документы уже были опубликованы, хотя до сих пор отсутствует единое научное издание всех источников о событиях 1730 г. Такая работа тем более необходима, что существующие публикации порой неверно указывают авторство документов и содержат ошибки в передаче текста.³³

Целью данной главы как раз является попытка еще раз рассмотреть две «переворотные» ситуации 1730 г., проследить позиции разных слоев «шляхетства» и выявить уровень политических представлений и настроений действовавших сил, используя некоторые новые источники из фондов РГАДА и РГВИА.

«Коварные письма»

18 января 1730 г. в московском Лефортовском дворце (он и поныне стоит на берегу Яузы) умирал от оспы Петр II, и перед правителями страны вновь встал тревожный вопрос о престолонаследии и о собственной судьбе. Император был последним из мужского потомства Романовых; неизбежен был выбор из числа претендентов, имевших равные права на корону. Свою волю по закону 1722 г. Петр II выразить не успел; да и едва ли ее приняли бы во внимание, если вспомнить судьбу его деда. Существовало, правда, еще и завещание Екатерины I, объявлявшее наследницами дочерей Петра I Анну и Елизавету с их потомством. Но его основные положения уже были нарушены самим Верховным Тайным советом в 1727 г. Петровская ломка общепризнанных традиций и норм и отсутствие гарантий сохранения статуса в будущем неизбежно вели «верховников» к необходимости самим распорядиться судьбой трона, а фактически — к очередному перевороту, ибо любой выбор не имел прочных правовых оснований и всегда мог быть оспорен.

Опыт «силовых» решений 1725—1727 гг. уже был усвоен не только российской политической верхушкой, но и европейскими дипломатами при русском дворе. Х.Вестфален во время роковой болезни Петра II призвал князей Долгоруковых действовать по примеру Толстого и Меншикова, чтобы «доставить подобное же преимущество» обрученной невесте императора княжне Екатерине.³⁴ Другое дело, что отец и брат невесты не обладали решительностью светлейшего князя. Иван Долгоруков вроде бы попробовал провозгласить сестру императрицей; но эта попытка окончилась провалом, как и затея с завещанием в ее пользу. Раскол «фамилии» и противодействие других правителей (прежде всего Остермана) сорвали и замысел обвенчать уже заболевшего царя.³⁵

На совещании «верховников» в ночь с 18 на 19 января князь Дмитрий Михайлович Голицын пресек разговоры о якобы подписанном Петром II завещании и вслед за тем отвел кандидатуры дочери Петра I Елизаветы и внука Карла-Петера-Ульриха Голштинского. С помощью наиболее гибкого из Долгоруковых, дипломата Василия Лукича, Голицын предложил избрать на российский престол представительницу старшей линии династии: вторую дочь царя Ивана, герцогиню Курляндскую Анну — бедную вдову, коротавшую свои дни в провинциальной Митаве (ныне Елгава в Латвии) и не имевшую в Петербурге прочных связей.

Кандидатура Анны прошла единогласно, но вслед за этим Голицын сразу же предложил собравшимся «воли себе прибавить». «Хоть и зачем, да не удержим этого», — откликнулся на это заявление В.Л.Долгоруков. «Право, удержим», — настаивал Голицын и пояснил: «Будь воля наша, только надобно, написав, послать к ее величеству пункты». Именно так, по рассказу В.Л.Долгорукова на следствии в 1739 г., в Верховном Тайном совете была провозглашена идея ограничения самодержавной монархии.³⁶

Протоколы заседаний Совета от 19 января фиксировали лишь введение в его состав двух фельдмаршалов (и подполковников гвардии) В.В.Долгорукова и М.М.Голицына и сообщали: «Верховный Тайный совет, генерал-фельдмаршалы, духовный Синод, тако ж из Сената и из генералитета, которые при том в доме его императорского величества быть случились, имели рассуждение о избрании кого на российский престол, и понеже императорское мужеского колена наследство пресеклось, того ради рассудили оной поручить рожденной от крови царской, царевне Анне Иоанновне, герцогине Курляндской».³⁷ О принятом решении «верховники» сразу оповестили находившихся во дворце чинов Синода, сенаторов и прочих знатных особ. Возражений не последовало.

Утром того же дня об избрании Анны стало известно и дипломатам, которые немедленно сообщили новость своим правительствам. Французский консул Виллардо удовлетворенно докладывал о «всеобщем одобрении» выбора новой царицы: «Все обошлось благополучно столь мирным и неожиданным образом».³⁸

Сохранившиеся черновые материалы Верховного Тайного совета, следственное дело князей Долгоруковых 1739 г. и собранная наблюдателями-дипломатами информация позволяют заглянуть за кулисы заседаний Совета, где разыгрывались события, не отраженные в официальных про-

токолах. Но и к этим, порой уникальным, свидетельствам следует подходить осторожно: слишком многое осталось по разным причинам навсегда скрытым.

Подозрительным выглядит стремление Долгоруковых на следствии представить выступление князя Голицына внезапным, а его самого — единственным «зачинщиком» ограничивавших самодержавие мер. Так и в современных работах при описании событий 1730 г. на первый план выдвигается более «солидная» фигура Д.М.Голицына. Но в глазах современников инициатива и руководящая роль в Совете принадлежала Долгоруковым (прежде всего — опытному дипломату Василию Лукичу), что зафиксировали источники: сочинение Феофана Прокоповича, записки герцога де Лириа и письмо неизвестного автора, использованное английским консулом в донесении от 26 февраля 1730 г.³⁹ Генерал русской службы шотландец Джеймс Кейт вспоминал, как вскоре после смерти Петра II «стало известно, что Долгорукие составили форму правления, по которой императрица должна была получить титул, а они — власть».⁴⁰

Прусский дипломат А.Мардефельд уже 19 января утверждал, что Голицын заранее договорился с Остерманом о выдвижении Анны «с условием ограничения самодержавной власти».⁴¹ Какие-то контакты были у Голицына с датским послом, готовившимся к очередной «революции». Вестфален уже успел занять у английского консула 6 тысяч рублей для противодействия избранию нежелательной для Дании кандидатуры голштинского принца. Во всяком случае, именно его разбудил в 5 часов утра 19 января посланный Д.М.Голицыным человек и известил о воцарении Анны; благодарный посол тут же поспешил поднести супруге князя подарок в виде тысячи дукатов.⁴²

Первые же донесения послов свидетельствуют о появлении «партий» сестры Анны (Екатерины Мекленбургской), первой жены Петра Евдокии Лопухиной и цесаревны Елизаветы.⁴³

Однако «верховники» действовали быстро и согласованно. Д.А.Корсаков реконструировал процедуру создания трех редакций «пунктов», призванных поставить будущую императрицу в рамки утвержденных ею же обязательств. В черновом журнале Совета (позднее озаглавленном императрицей как дело «о коварных письмах как я на престол взошла») было указано, что они составлены «собранием» Верховного Тайного совета «в присутствии генералов-фельдмаршалов», введенных 19 января в состав Совета и в этом качестве подписавших окончательный вариант. Под давлением окружающих даже осторожному вице-канцлеру Остерману пришлось «вступить» в составление знаменитых «кондиций», которые принципиально меняли сложившуюся в России форму правления.⁴⁴ В течение всего дня 19 января этот документ подвергался все новой правке и в окончательном виде к вечеру состоял из следующих пунктов:

«<...> По принятии короны российской, в супружество во всю мою жизнь не вступать и наследника, ни при себе, ни по себе никого не определять. Еще обещаемся, что понеже целость и благополучие всякого государства от благих советов состоит, того ради мы ныне уже учрежденный верховный тайный совет в восьми персонах всегда содержать и без оного Верховного Тайного Совета согласия:

- 1) Ни с кем войны не всчинять.
- 2) Миру не заключать.
- 3) Верных наших подданных никакими новыми податми не отягощать.
- 4) В знатные чины, как в статские, как и в военные, сухопутные и морские, выше полковничья ранга не жаловать, ниже к знатым делам никого не определять, и гвардии и прочим полкам быть под ведением Верховного Тайного Совета.

- 5) У шляхетства и имения и чести без суда не отымать.

- 6) Вотчины и деревни не жаловать.

- 7) В придворные чины, как русских, так и иноземцев, без совету Верховного Тайного Совета не производить.

- 8) Государственные доходы в расход не употреблять.

И всех верных своих подданных в неотменной своей милости содержать. А буде чего по сему обещанию не исполню и не додержу, то лишена буду короны росиской».⁴⁵

Официальный список этой окончательной редакции в журнале Совета был подписан всеми его членами (в том числе и Остерманом), за исключением В.Л.Долгорукова; видимо, в качестве «нейтральной» фигуры посла ему было удобнее уговаривать Анну принять перечисленные выше условия. Те же шесть подписей стояли под сопроводительным письмом Совета к курляндской герцогине.⁴⁶ Оно содержало также утверждение о ее избрании не только самим Верховным Тайным советом, но «и духовного и всякого чина шведскими людьми», что не соответствовало действительности (несмотря на лукавую оговорку об отправлении «кондиций» «из собрания своего», без указания, какого именно). Интересно, что эти фразы были внесены в черновик письма позже — очевидно, после определенных колебаний.

Может быть, князь Дмитрий Голицын затем и пытался в ночь с 18 на 19 января сообщить о планах ограничения власти монарха нескольким вельможам — П.Ягужинскому, И.Дмитриеву-Мамонову, Л.В.Измайлову, — чтобы иметь возможность придать решению Совета более широкий характер.⁴⁷ Ведь утреннее представительное собрание в Кремле «чинов» первых пяти рангов позволило утверждать, что престол Анне «рассудили поручить» не только Верховный Тайный совет, но и Синод, Сенат, генералитет «и статские до брегадира». Или речь шла о пополнении самого Совета еще одним членом? Окончательный текст «кондиций» предписывал императрице «учрежденный Верховный Тайный совет в восьми персонах всегда содержать»; но и с принятием в его состав двух фельдмаршалов количество членом составляло только 7 человек. Брат В.В.Долгорукова, бывший сибирский губернатор М.В.Долгоруков ни при Петре II, ни в январе-феврале 1730 г. членом Совета не был и никаких документов в этом качестве не подписывал, вопреки часто встречающимся в литературе утверждениям. Очевидно, восьмое кресло в Совете планировалось для него или кого-то другого, но так и осталось вакантным до конца описываемых событий.

Как бы то ни было, утром 19 января Голицын и его коллеги официально ничего не объявили о «кондициях». Составление всех необходимых документов затянулось до 8 часов вечера 19 января.⁴⁸ Только к ночи в об-

становке секретности три представителя Верховного Тайного совета — В.Л. Долгоруков, М.М. Голицын-младший (сенатор) и генерал М.И. Леонтьев — отправились в Курляндию. Одновременно Москва была оцеплена заставами, и выехать из города можно было лишь по выданным правителями паспортам. Решительные действия Совета позволили ему выиграть время и не допустить никаких дискуссий о порядке престолонаследия; но они же не могли не вызвать противодействия со стороны недовольных, по тем или иным причинам, решениями «затейщиков».

В литературе о событиях 1730 г. не раз уже перечислялись тактические промахи Д.М. Голицына: его подчеркнутое презрение к духовным иерархам, нежелание поделить власть с представителями генералитета и — главное — умолчание о «кондициях», что сразу поставило все предприятие «верховников» под угрозу обвинений в подлоге и узурпации власти. Правда, укору в адрес князя выглядят вполне справедливо при условии, что «верховники» действительно стремились к созданию новой, более либеральной политической системы. Но если нет — тогда, напротив, секретность и быстрота действий должны были обеспечить победу замысла «верховников». Ни у цесаревны, ни у сестер Анны не оказалось в нужный момент «партии» влиятельных сторонников — все они были слишком далеки от двора.

Тайные действия правителей в тот же день стали предметом обсуждений и слухов. Еще ночью Ягужинский заявлял: «Теперь время, чтоб самодержавию не быть», — и просил «прибавить нам как можно воли». Но как только генерал-прокурор и зять канцлера Головкина и на этот раз оказался за пределами избранного круга правителей, он быстро переменил позицию. 20 января он отправил камер-юнкера Петра Сумарокова в Митаву с подробной инструкцией: доложить Анне о подлинных обстоятельствах ее избрания и требовать от «посланных трех персон такого письма за подписанием рук, что они от всего народу оное привезли». Ягужинский предостерегал герцогиню от подписания «кондиций» и ясно намекал, «чтоб ее величество была благонадежна, что мы все ее величеству желаем прибытия в Москву».⁴⁹

Сумароков с помощью курьеров саксонского посла сумел прорваться в Курляндию, но опередить депутацию Совета не успел и даже был выдан Анной московским послам. Это смогли сделать другие: гонцы камергера Р.-Г. Левенвольде и Феофана Прокоповича. Таким образом, новая императрица узнала не только о планах Совета, но и о существовании их противников. В очередной раз «заболел» Остерман, уже с 19 января не показывавшийся в Совете.

Проблема была в том, что сохранить секретность было невозможно. И дело не только в Ягужинском или Левенвольде. Необычную активность невозможно было скрыть от служащих самого Верховного Тайного совета, где в качестве караульных и рассыльных работали сержанты и капралы гвардии. Свои каналы поступления информации имели иностранные дипломаты; характерно, что большинству из них стала известна не окончательная редакция «кондиций», а ее черновые варианты — вероятно, от друзей и родственников «верховников» или непосредственно из канцелярии Совета.

Расспросные речи арестованного Сумарокова показывают, что сенсационная новость стала известной широкому кругу лиц: адъютанту Ягужинского Ивану Окуневу и его же секретарю Авраму Полубоярову, а от них — камер-юнкеру Семену Нарышкину, гоф-юнкеру Льву Кайсарову, Петру и Воину Корсаковым, Алексею Аграмакову, Василию Дурново, кавалергарду Ивану Чаплыгину и их женам.⁵⁰ Некоторые из перечисленных персонажей позже принимали участие в обсуждении шляхетских проектов и поставили под ними свои подписи.

Дело об отправлении к Анне Иоанновне посольства и «препровождении» ее в Москву (оно хранится отдельно от известного комплекса документов о событиях 1730 г.) показывает, что за решением вопросов текущего управления (о выделении денег на строительство крепостей, ссылке колодников в Сибирь, присвоении очередных воинских чинов) «верховники» напряженно ждали известий из Курляндии. Проведение не отмеченных в издании протоколов Совета Русским историческим обществом, но указанных в черновом журнале заседаний 22, 30 и 31 января также свидетельствует, что в последние дни января «верховники» собирались необычно часто.⁵¹

Посольство прискакало в Митаву вечером 25 января. Немедленная аудиенция принесла успех, и В.Л. Долгоруков наутро следующего дня поспешил отправить гонца с сообщением, что новая императрица «изволила подписать: “Тако по сему обещаю без всякого изъятия содержать Анна”». Путь до Москвы занимал 5–6 дней; но «верховники», очевидно, нервничали и уже 28 января послали новое письмо с напоминанием: «Когда ее величество изволит подписать по прошению нашему отправленное с вами к подписи ее величеству известное письмо, то оное, нимало у себя не удержав, извольте сюды прислать с генерал-маеором Леонтьевым». Гонец князя Василия Лукича прискакал в Москву только 30 января, за что ему, прапорщику лейб-регимента, выпала щедрая награда в 100 рублей. Немедленно последовало новое письмо в Митаву с тем же наказом: как можно скорее прислать подписанные «кондиции».⁵²

Если бы перенести современные транспортные возможности в то время, то можно предположить: немедленное прибытие Анны с подтверждением «кондиций», пожалуй, могло бы и вправду упрочить положение «верховников». Издание соответствующего манифеста с оглашением «кондиций» и проведением присяги поставило бы все власти империи перед свершившимся фактом. Затем должны были последовать раздачи от имени новой императрицы чинов, наград и должностей для одних и отправка недовольных подальше от столицы: в полки, в персидские провинции, на воеводства и губернаторства. Позднее начались бы коронационные торжества с новыми милостями... «Партии» других членов царского дома (Екатерины Мекленбургской, Елизаветы, «голштинского» принца, царицы Евдокии) не представляли реальной силы, и ни одна из них не выступала в 1730 г. самостоятельно. Все это, пожалуй, сулило известные шансы на успех — хотя бы на какой-то срок.

Но время работало против «верховников». Названное дело хранит обильную переписку о лошадях и подводах, ставших камнем преткновения на пути скорейшей доставки императрицы ко двору. Лифляндский гене-

рал-губернатор П.П.Ласси докладывал, что собрать потребное количество лошадей и 130 подвод для царского поезда раньше 29 января невозможно; всего же для доставки Анны и ее свиты необходимо было по пути следования приготовить не менее 1500 подвод, что превышало возможности ямской службы. Пришлось самому Верховному Тайному совету распорядиться об устройстве дополнительных подстав на больших перегонах, подготовке дополнительных подвод за счет крестьян и «градских жителей» и назначать к ямам и подстамам по унтер-офицеру и пяти рядовым из расположенных поблизости полков. Да и путешествовать с курьерской скоростью российской императрица не могла: необходимы были торжественные встречи с «паратами» войск и молебнами, остановки для отдыха и ночлега, для чего искали — не всегда успешно — подходящие дома, где бы «тараканов не было». Только утром 29 января Анна отправилась в путь, занявший почти две недели.⁵³

22 января были сняты заставы вокруг Москвы и возобновлено почтовое сообщение. Члены Совета поблагодарили Анну (наравне с В.Л.Долгоруковым) вежливым письмом и на очередных заседаниях занимались похоронами Петра II и подготовкой подробного церемониала встречи новой императрицы в Москве. Но властные действия Совета и отсутствие точной информации не могли не волновать съехавшихся в столицу на свадьбу царя и попавших на его похороны дворян. Тогда в Москве находилась, по подсчетам Корсакова, половина «чинов» первых четырех классов, т.е. реально державших в руках военную и гражданскую власть в стране, а также немало дворян низших рангов.

«Конституция» Верховного Тайного совета

Итак, о подписании императрицей «кондиций» члены Верховного Тайного совета узнали через 11 дней. Росчерком пера абсолютная монархия на территории империи стала ограниченной и оставалась таковой ровно месяц — с 25 января по 25 февраля 1730 г. Правда, подавляющее большинство подданных об этом так никогда и не узнало. Но что же могло быть известно собравшимся в Москве представителям правящей верхушки империи и прочему шляхетству?

Немногочисленные источники, оставленные людьми этого круга, вообще не упоминают о январской «революции», хотя некоторые из названных лиц были ее непосредственными свидетелями и участниками, как ординарец фельдмаршала Долгорукова подпоручик Василий Нащокин, поставивший свою подпись под проектами и прошениями генерал Григорий Чернышев или молодой капитан Яков Шаховской.

Особо можно выделить известное сочинение Феофана Прокоповича, но оно меньше всего может считаться объективным свидетельством; это скорее политический памфлет, направленный против «верховников». Феофан в характерной для него манере соединил меткие наблюдения очевидца с пристрастными толкованиями действий своих противников и умолчанием о событиях, противоречивших замыслу его сочинения. Так, например, он подробно рассказывал о волнениях и подозрениях шляхет-

ства в адрес Верховного Тайного совета, но ни словом не обмолвился о содержании самих «кондиций» (только упоминая «некое письмо») и поданных дворянством проектах; чтобы избежать этого, он вообще опустил в тексте все события, происходившие с 3 по 10 февраля 1730 г. Рассказывая о восстановлении самодержавия, он писал только об одной из двух поданных Анне в этот день челобитных. «Верховников» же он называл «осьмиличными затейщиками» (именно Феофан первым назвал их «олигархами»), хотя не мог не знать, что М.В.Долгоруков не был членом Совета; зато так еще больше подчеркивалось засилье в нем двух знатных фамилий.⁵⁴

Поэтому важнейшим источником для изучения общественной атмосферы тех дней остаются донесения иностранных дипломатов. К настоящему времени опубликованы в русских переводах (полностью или в подробных выдержках) депеши испанского посла герцога де Лириа, датского, прусского и саксонского посланников Вестфалена, Мардефельда и Лефорта, английского консула Рондо и французского резидента Маньяна. П.Н.Милоков использовал в своей статье известия из донесений шведского посланника Дитмара (по работе шведского историка Т.Иерне).⁵⁵

Как правило, такие депеши отсылались регулярно, раз в неделю, если не было возможности сообщить о каком-нибудь чрезвычайном происшествии с озабоченностью. Первые по времени сообщения о смерти Петра II и избрании Анны от 19 января иных сведений не содержат. Но уже 20-го (здесь и далее даты приводятся по принятому в России старому стилю) герцог де Лириа узнал о каких-то условиях, ограничивающих власть императрицы. 22-го об этом же сообщили Лефорт, Маньян и Мардефельд.⁵⁶

Только А.Мардефельд точно знал уже 22-го числа о существовании конкретного «акта», передававшего власть Совету и запрещавшего императрице производить в чины выше полковника, выходить замуж и назначать наследника. Лефорт писал о запрещении выходить замуж и о том, что императрица «некоторым образом» зависит от Совета. Маньян и Лириа могли только сказать о каких-то «особых условиях», не зная ничего о них конкретно. К тому же Маньян явно ошибся, когда предположил, что эти условия включали требование к Анне подчиняться Совету, «назначаемому народом».

Таковыми были сообщения первой недели «революции» — с 19 по 25 января. На протяжении второй недели у дипломатов новой информации о событиях не появилось. Только к концу третьей недели (5 февраля) Лефорт смог передать свой пересказ «условий» и на следующей, четвертой неделе от начала событий (12 февраля) сообщил текст этого документа в одной из черновых редакций. Чуть раньше (к 9 февраля) текст, также в черновой редакции, добыл «путем интриг и денег» де Лириа. Рондо и Маньян передали известный им — тоже черновой — вариант «кондиций» только в понедельник пятой недели, 16 февраля. И на той же неделе (19 февраля) Лефорт отправил единственный известный нам по дипломатической переписке беловой текст документа.

Публикация депеш Мардефельда обрывается на документе от 12 февраля, но до этого времени новой информации о «кондициях» у него нет. Интересно, что Вестфален — единственный из послов, беседовавший с

Д.М.Голицыным о шведском и английском образе правления (согласно его депеше от 22 января), — ничего об этих условиях не узнал вплоть до 19 февраля. В своих донесениях он сообщал только о намерениях Совета «ограничить самовластие». И лишь 26 февраля посол передал в Копенгаген текст «кондиций» вместе с рассказом о восстановлении самодержавия. В этом же послании Вестфален проговорился и о причине своей неосведомленности о готовившемся перевороте: «Человек по своей природе легко склонен верить исполнению того, что он желает».⁵⁷ Депеши датского дипломата явно свидетельствуют о его желании сохранить новый политический строй России — лишь бы только возможные потрясения не привели к власти «голландскую» линию русской династии.

Таким образом, сопоставление посольских сообщений о «кондициях» показывает, что большинство дипломатов получили более или менее точные известия о содержании этого документа только **после** его публичного оглашения на собрании «чинов» в Кремле 2 февраля. До этого времени лишь Мардефельд и Лириа получили представление о них — и то весьма неполное — со слов своих информаторов. Их коллеги не располагали и этим, — как, вероятно, многие из собравшихся в Москве дворян, живших первые две недели нового царствования в атмосфере напряженного ожидания, слухов и подозрений при отсутствии сколько-нибудь точных сведений о планах Верховного Тайного совета. Сама необычность ситуации избрания монарха и «утечка» информации могли только стимулировать появление различных толков и суждений.

Все это представляется весьма важным для ответа на вопрос о знаменитом «плане» князя Голицына. Целый ряд исследователей, начиная с Д.А.Корсакова, были убеждены в его существовании. Наличие столь смелого замысла реформы государственного строя империи служило дополнительным аргументом для опровержения концепции «олигархического заговора» и доказательства зрелости «конституционного» движения в среде дворянства.⁵⁸

В литературе за последние 30 лет только Г.А.Протасов опровергал наличие такого плана;⁵⁹ он же обратил внимание, что лишь Маньян связывал «план» с именем Д.М.Голицына, — у остальных авторов такого отождествления нет.

Действительно, о наличии такого «плана» сообщили 26 января де Лириа, 29 января — Лефорт и 2 февраля — Маньян и Рондо. Напомним, что речь шла о намерении учредить вместе с Верховным Тайным советом (из 10 членов по Маньяну или из 12 — по данным Лириа, Рондо и Лефорта) Сенат из 30 (Лириа), 36 (Маньян и Рондо) или 60 (Лефорт) человек и нижнюю палату из представителей дворян в 100 (Лефорт) или 200 (Лириа, Маньян и Рондо) человек. Только у Маньяна и Рондо имеются сведения о возможном созыве еще одной палаты из представителей купечества или «городских депутатов».⁶⁰

Нам кажется, что рассматривать эти сведения стоит с учетом уровня информированности их носителей. Сравнение же такой информации в дипломатических депешах по ряду параметров (полнота и скорость получения сведений о событиях в ночь с 18 на 19 января, о «кондициях», о

дворянских проектах) показывает, что Маньян и Рондо как раз являлись наименее осведомленными. И дело, как кажется, не только в источниках информации, хотя и это весьма важно.⁶¹

Главное отличие, пожалуй, состояло даже не в круге знакомств (выше уже описывалось почти абсурдное неведение хорошо знакомого с князем Д.М.Голицыным Вестфалена). Дело в том, что Маньяна и Рондо интересовала прежде всего внешнеполитическая сторона происходивших в стране событий. В этом нетрудно убедиться, читая подряд их донесения: основным для них является вопрос, пойдет или не пойдет русский корпус в 30 тысяч человек на помощь союзной Австрии, поскольку оба дипломата представляли враждебную Габсбургам коалицию. И при ответе на него сказались различные возможности дипломатов. Опытный А.Мардефельд сообщил об отправке русского корпуса уже 2 февраля (т.е. до того, как был подписан официальный протокол этого решения Совета от 21 февраля), тогда как английский консул известил об этом только 25 марта 1730 г.

Испанского герцога и представлявшего на тот момент противоположный лагерь саксонского дипломата больше интересовали внутренние дела России. Характерным показателем можно считать внимание к развернувшейся на их глазах политической борьбе. Именно Лириа и Лефорт (а также Мардефельд, судя по свидетельству Д.А.Корсакова, знакомого с его неопубликованными депешами) добывали и приводили в своих донесениях проекты шляхетских группировок. Маньян же о них ничего не сообщал и просто отмечал «хаос» разногласий во мнениях. Рондо, хотя и держал эти документы в руках, но даже не посчитал нужным докладывать о них в Лондон, поскольку все они, по его словам, были «мало продуманы».⁶²

С учетом этих обстоятельств представляется важным, что хорошо информированный Мардефельд вообще ничего не писал об этом плане, а Лириа и Лефорт, первыми сообщившие о проекте политической реформы, не связывали его с именем князя Голицына и вообще с намерениями Верховного Тайного совета. Речь шла о неких «планах вельмож», противопоставляемых настроениям мелкого дворянства. И связывать их, на наш взгляд, следует не с какими-либо планами «верховников» (ведь ко времени их публикации в депешах дипломаты еще не представляли себе содержания «кондиций», а «верховники» не знали ответа Анны), а с информацией, содержащейся в их же более ранних донесениях.

Так, Лириа в депеше от 20 января сообщал о намерениях «учредить республику» то ли по польскому образцу, то ли на английский манер. О том же писал 22 января Лефорт: «Одни хотят устроить его [“новое правление”. — *И.К.*] наподобие правления Англии, другие — подобно Польше, а третьи желают республики без представителя, и тогда знатные уничтожили бы верховную власть и неограниченную зависимость».⁶³

Если сопоставить изложение этих намерений в посольских донесениях от 20 января — 2 февраля (т.е. до оглашения «кондиций») с тем, что свое заседание с «секретными разговорами» Верховный Тайный совет смог провести только 31 января (после получения известия о согласии Анны принять престол), то можно с достаточной определенностью утверждать: из

ложенного в посольских донесениях плана Д.М.Голицына в действительности не существовало. Донесения дипломатов отразили те толки и слухи, которые циркулировали в столичном кругу. Конкретные события, в достоверности которых трудно сомневаться (разговор Вестфалена с Д.М.Голицыным о шведском и английском «образе правления», упоминаемый в депеше от 22 января, или приведенная у Милюкова сцена беседы шведского дипломата с В.Н.Татишевым о шведской форме правления), могли только подогревать и стимулировать эти мнения. Обратимся теперь к реальным документам эпохи — основным шляхетским проектам.

После работ Г.А.Протасова можно утверждать, что нам известны все 7 дворянских проектов 1730 г. с учетом порядка их появления, времени составления и круга авторов. Все они не раз публиковались и комментировались, хотя до сих пор отсутствует единое научное издание комплекса сохранившихся документов о событиях 1730 г.⁶⁴ Такая работа тем более необходима, что существующие публикации порой неверно указывают авторство документов и содержат ошибки в передаче текста (в том числе и у самого Г.А.Протасова).

Из всех 7 проектов наибольшее значение имеют два. Первый из них, известный как «проект 361», был подан в совет 5 февраля 1730 г. за подписями 28 персон генеральского ранга; два других, идентичных по содержанию, экземпляра были подписаны остальными участниками, которых на самом деле было не 333, а 336, так что далее мы будем его называть «проектом 364».⁶⁵ Второй — «проект 15» — был составлен по предложению самого Верховного Тайного совета группой высших чинов, не согласных с первым проектом, и также официально принят 7 февраля.

Прочие (т.н. «проект 13», «проект 25», «мнение И.А.Мусина-Пушкина» и «проект 5») либо не принимались Верховным Тайным советом, либо не содержали ничего принципиально нового по сравнению с двумя первыми. «Проект 13» предполагал увеличение состава Совета до 15 человек и образование дворянского собрания из 80 человек, призванного избирать кандидатов на высшие должности; «проект 25» — соответственно до 16 и 100 вместе с расширением Сената до 21 члена. В «проекте 5», поданном статским советником С.А.Колычевым, речь шла только об увеличении Совета до 15 членов. Единственным новым предложением в «проекте 13» было «сделать различие между старым и новым шляхетством»; И.А.Мусин-Пушкин в своем «мнении» просил выбирать в высший орган государственной власти только «ис фамильных и генералитета и из знатного шляхетства».⁶⁶ Как доказал Г.А.Протасов, т.н. «проект Татищева» можно исключить из этого ряда.⁶⁷

Оба «главных» проекта близки по форме. Оба они не касаются самого принципа происхождения верховной власти и определения сферы ее компетенции; оба состоят из двух четко выделенных разделов: в первом указывается порядок формирования и деятельности высших государственных органов, второй перечисляет социальные требования «шляхетства».

Содержание второго раздела, по существу, идентично в документах и содержит основные чаяния служилого сословия, пережившего годы тяжелой войны и реформ. Это, во-первых, отмена закона о единонаследии

1714 г.; во-вторых, определение сроков дворянской службы и неназначение дворян в качестве рядовых солдат и особенно матросов. Оба проекта требуют «порядочного произвождения» дворян и содержат пожелания «облечения» положения духовенства и купечества. В «политическом» разделе одинаково звучат предложения об «общем совете» высших органов власти («Вышнего правительства» в «проекте 364» и Верховного Тайного совета с Сенатом — в «проекте 15») с генералитетом и шляхетством при составлении законов («уставов») и принятии важнейших решений «к государственной и общей пользе».

Принципиальная разница между проектами заключается в подходе к формированию состава этой верховной власти. «Проект 364» предлагал создание «Вышнего правительства» из 21 «персоны». Другое принципиальное положение определяло порядок выборов «Вышнего правительства», Сената, губернаторов и президентов коллегий: «Выбирать и балатировать генералитету и шляхетству, ... а при балатировании быть не меньше ста персон».

«Проект 15» по первому пункту предполагал сохранение Верховного Тайного совета при увеличении его состава до 12–15 человек; по второму — проведение выборов кандидатов в члены Совета особым собранием в «70 персон», но при этом утверждение одного из трех кандидатов передавалось самому Совету. В вопросе о пополнении Сената и назначении губернаторов и президентов авторы проекта явно колебались — выбирать или опять-таки передать это дело на «рассмотрение» Верховного Тайного совета, — и допускали оба варианта: «Выбор в Сенат и в президенты коллежские и в губернаторы передаетца в волю и рассмотрение Верховного Тайного совета или обществом выбрав балантировать».

Таким образом, «проект 364» предполагал фактическую ликвидацию Верховного Тайного совета в его прежнем качестве и составе, поскольку при выдвижении кандидатов предлагалось «более одной персоны из одной фамилии не выбирать». Запрещалось наличие в «Вышнем правительстве» и в Сенате «более двух персон из одной фамилии» — правда, с оговоркой: «кроме обретающихся ныне»; но и при таком раскладе кому-то из трех Долгоруковых пришлось бы «Вышнее правительство» покинуть. Затем новое устройство подразумевало образование особого собрания, которое бы определяло назначения на ключевые должности в системе управления. Второй проект представлял собой явный компромисс с существовавшим порядком и оставлял за Верховным Тайным советом контроль за назначениями на важнейшие посты, включая формирование самого Совета.⁶⁸

При беглом взгляде на «прожекты» с точки зрения нашего современника, отчасти знакомого с проблемой становления более либеральной политической системы, нельзя не заметить непроработанности предлагавшихся решений сложнейших проблем. Как, например, можно и нужно было организовать выборы в собрание из 70 или 100 «персон» по всей стране? Кто мог избирать и избираться? Перед кем такой избранник отвечал бы? Какие именно вопросы были бы в компетенции такого собрания и как его деятельность сочеталась бы с практикой «общего совета» с

генералитетом и шляхетством? Как разграничивались бы его полномочия с «Вышним правительством» и императором, о котором проекты вообще не считали нужным упоминать?

По-видимому, подобное отношение рассердило в свое время В.О. Ключевского. Но каков же был уровень политической «грамотности» у самих «верховников»? С самого конца января и в первых числах февраля Верховный Тайный совет занимался составлением своего настоящего плана реформ. Этот план, или «проект формы правления», сохранился в трех последовательно составлявшихся редакциях вместе с черновыми заметками. Г.А. Протасов исследовал историю его подготовки и пришел к выводу, что «проект» представлял собой попытку выработки компромисса с наметившейся оппозицией и при большей активности со стороны Совета «мог стать конституцией» России.⁶⁹

Действительно, «верховники» соглашались на расширение своего состава путем выборов, признавали выборный принцип замещения постов сенаторов и президентов коллегий и созыв представителей сословия для решения «новых и важных дел». Дворянам было обещано производство по «заслугам и достоинству», освобождение от службы в солдатах и матросах и жалование «без задержания». Духовенству (т.е. Синоду и архиереям) возвращались «по-прежнему» вотчины с уничтожением петровской Коллегии экономии. «Приказным людям» Верховный Тайный совет обещал производство в чины «по знатным заслугам»; купцам — «в торгах иметь им волю»; солдатам и матросам — жалование вместе «с протчим удовольствием», а крестьянам — столь же неопределенно «податями сколько можно облечь».

Однако рассмотрим внимательнее ключевые 1, 3 и 4-й параграфы итоговой третьей редакции этого документа. Члены Верховного Тайного совета с трудом согласились увеличить его состав: единственная черновая помета в беловом экземпляре — это вписанные на полях цифры «7 + 5» в первом параграфе, касающемся состава и пополнения членом Совета.⁷⁰ Но при этом предельно ограничивался круг выборщиков: ими являлись только сами «верховники» вместе с Сенатом; в окончательном варианте исчезло предполагавшееся в первой черновой редакции расширение этого круга за счет президентов коллегий и генералитета.⁷¹

Второй параграф предлагал для обсуждения особо важных дел собирать Сенат, генералитет, «коллежских членом» и «знатное шляхетство»; но порядок созыва этого собрания и рамки его компетенции никак не оговаривались. Количество мест в Сенате «верховники» так и не указали: в беловом тексте оставлено для него пустое место, хотя в черновой заметке оно определено в 11 человек. Но зато были четко обозначены его подчиненное положение — «для вспоможения» Совету и принцип комплектования — исключительно из «персон» не ниже действительного статского советника (т.е. IV класса по «Табели о рангах»).

Параграф 4 утверждал выборы президентов коллегий и руководителей других ведомств с оговоркой, что кандидаты «выбираны да будут из фамильных людей, из генералитета и из знатного шляхетства». Выбирать, очевидно, должны были те же знатные сенаторы вместе с членами Совет

та — иных выборщиков документ не предлагал. Выборы губернаторов не указывались: в тексте стоит общая фраза об избрании «в протчие управления», которая могла иметь любые толкования. В конце этого параграфа авторы документа еще раз подчеркнули: «Особливо старые и знатные фамилии да будут иметь преимущества и снабдены быть имеют рангами и к делам определены по их достоинству».

Это было все, что Верховный Тайный совет мог бы предложить оппозиции к концу первой недели февраля — через три недели томительного ожидания. Нам кажется, что Г.А. Протасов был излишне оптимистичен в оценке достоинств этой программы. Она не просто закрепляла гарантии для членом Совета (на это были готовы и оппозиционеры), но в случае ее реализации:

а) сохранялось исключительное положение самого Совета с зависимым от него Сенатом;

б) «выборы» в Верховный Тайный совет, Сенат и на другие посты становились бы «внутренним» делом членом этих двух учреждений при исключении кандидатов ниже IV ранга, да еще с публично провозглашенным преимуществом «старых и знатных фамилий»;

в) сохранялась жесткая централизация управления, поскольку созыв и полномочия дворянского собрания (опять с преимуществом для «знатного шляхетства») не оговаривались; умалчивалось и о выборах местных властей; не затрагивался вопрос об отмене обязательной и бессрочной службы дворян и петровского указа о единонаследии («верховники» не отреагировали на ясно выраженное в проектах общее пожелание его отмены).

При этом сопоставление белового варианта документа с подготовительными говорит, что ход мыслей его авторов шел не в сторону смягчения своей позиции, а как раз наоборот. Таким образом, плод размышлений и поисков «верховников» являлся не столько компромиссом, сколько отказом от него по всем важнейшим пунктам. Оглашение такого плана в условиях оппозиции, которая явно превосходила соглашавшихся с предложенной системой власти и по количеству, и — главное — по «качеству» подписей, было неразумно. Вопреки мнению Корсакова, он не был обнародован и навсегда остался в бумагах Совета.

Таким образом, проблема т.н. «плана Голицына» и изучения проектов переходит в плоскость анализа политического сознания тех слоев российского шляхетства, которое собралось в Москве в январе 1730 г.

«Общенародие» 1730 г.

В 1869 г. М.Н. Лонгинов опубликовал список членом «генералитета» по рукописи П.Ф. Карабанова. Этот список послужил предметом исследования Б.Михан-Уотерс о российской правящей элите. Ей удалось в ряде случаев дополнить биографические данные перечисленных в нем лиц I–IV классов и определить имущественное положение многих представителей знати; в таком обновленном виде этот перечень опубликован в ее книге, хотя и с неточностями.⁷²

Нас этот список интересует в основном с точки зрения участия поименованных в нем лиц в событиях 1730 г. В этом смысле он нуждается в неко

торой корректировке, поскольку у ряда лиц в нем указаны позднее полученные чины. При обращении к опубликованному комплексу материалов Верховного Тайного совета за 1728–1730 гг. и хранящемуся в РГВИА «Списку генералитету и штаб-офицерам» 1729 г. можно представить себе реальный состав генералитета на начало 1730 г.⁷³ Сравнение списка военных и штатских генералов с подписями под сохранившимися проектами дает возможность выявить круг участников интересующих нас событий.

Итак, из числа генералов следует исключить умерших в 1728–1729 гг. генерал-лейтенанта И.М.Лихарева и генерал-майора В.И.Корчмина. Не имели в начале года генеральских рангов бригадиры С.Т.Греков, С.В.Секиотов, М.Ю.Мещерский, бывший секретарь Кабинета И.А.Черкасов, полковники А.Ф.Бредихин и И.И.Бахметев, статские советники Г.Фик и А.Ю.Бибиков, капитан флота В.А.Урусов, подпоручик гвардии П.С.Салтыков и адъютант фельдмаршала Голицына А.Д.Голицын. Наконец, в 1723–1727 гг. были осуждены с лишением всех чинов и сосланы А.М.Девьер, Г.Г.Скорняков-Писарев, И.И.Бутурлин, любимец Меншикова генерал-лейтенант А.Я.Волков и родственник князя, тайный советник В.М.Арсеньев.

Зато в список необходимо внести 3 генерал-майоров, пропущенных у М.Н.Лонгинова и В.Михан-Уотерс: Х.Манштейна, И.Менгдена и П.Гасениуса. Нет полной уверенности в наличии генеральского статуса у придворных – И.А.Долгорукова, камергеров Р.Левенвольде, С.В.Лопухина, Ф.Балк-Полева, С.Д.Голицына; неясен на данный момент и ранг посланников и камергеров А.П. и М.П.Бестужевых-Рюминых, что неудивительно при отсутствии в это время четкого порядка классификации придворных чинов по «Табели о рангах». Но если оставить в генеральских рядах все эти кандидатуры, то получается в итоге 166 человек.

Затем из этого количества следует исключить послов (братья Бестужевы-Рюмины, Н.Ф.Головин, А.Г.Головкин, И.А.Щербатов, Л.Ланчинский); генералов, находившихся в Петербурге, при полках и в Низовом корпусе в Иране (по докладам главнокомандующих и расписаниям полков); морских чинов Адмиралтейства; иностранцев на русской службе, в большинстве своем армейских генералов и адмиралов, включая сюда дипломата С.Владиславича-Рагузинского, братьев Блюментростов, грузинского царевича и генерал-лейтенанта артиллерии Бакара Вахтанговича, гетмана Украины Д.Апостола. Далее – находившихся по месту службы губернаторов и вице-губернаторов (И.Я.Дупре в Смоленске, А.П.Волынский в Казани, Ю.Ю.Трубецкой в Белгороде, Ф.Н.Балк в Риге, С.Ф.Мещерский в Архангельске, Г.А.Урусов – комендант Петербурга).

Всего таких чинов, русских и иноземцев, пребывавших на службе за пределами Москвы и за границей, мы насчитали 73. Остаются, таким образом, 92 представителя правящей российской элиты; из них имеющиеся в нашем распоряжении подлинные проекты 1730 г. подписывали 50 человек, и еще 6 участвовали в «деле» 25 февраля и ставили свои подписи под двумя прошениями к Анне. Вместе с членами Верховного Тайного совета и арестованным Ягужинским это составляет 64 человека – 69 % от числа тех, кто мог присутствовать в Москве зимой 1730 г.

Реально процент участвовавших должен быть еще выше: в Москве могли отсутствовать «отставники» – генерал-лейтенант Г.С.Кропотов, П.П.Шафиров, действительный статский советник А.И.Дашков. Неизвестно, где в это время находились генерал-майоры В.С.Аракчеев и В.П.Шереметев. Скорее всего, в ссылке в деревне пребывали адмирал А.Л.Нарышкин и изгнанный из Сената в 1728 г. Ю.С.Нелединский-Мелецкий.

На основании протоколов и бумаг Верховного Тайного совета 1730 г. можно утверждать, что в Москве в феврале 1730 г. были, но никаких проектов не подписывали: генерал-лейтенант М.И.Леонтьев, генерал-майоры И.В.Панин, И.Колтовский и А.Б.Бутурлин, адмиралтеец В.А.Дмитриев-Мамонов, отставной московский генерал-губернатор И.Ф.Ромодановский, сенаторы А.Л.Плещеев, И.Г.Долгоруков и М.М.Голицын-младший, брат фельдмаршала М.В.Долгоруков, секретарь Верховного Тайного совета В.С.Степанов и дядя новой императрицы кравчий В.Ф.Салтыков; это, кстати, не исключает их участия в обсуждении, не оставившего следов в известных нам документах. Таким образом, как минимум 2/3, а скорее всего – с учетом отсутствовавших в тот момент в Москве – 3/4 из числа генералитета приняли участие в обсуждении нового политического устройства страны, что, в общем, понятно: это устройство прежде всего затрагивало их судьбы, чины и карьеры. Большинство из этого круга, как установила Б.Михан-Уотерс, вышло из рядов «высшего служилого класса» допетровской эпохи с отчетливыми представлениями о своем праве на участие в управлении страной.

На другом полюсе – подписи под самым массовым «проектом 364». Если исключить из них 31 генеральское имя (28 подписей под основным, поданным в Верховный Тайный совет экземпляром плюс подписи В.Ю.Одоевского, С.А.Алабердеева и С.Г.Нарышкина в другой копии), то остаются 329 человек в одном экземпляре и еще 4 в другом. Их имена представляют все слои тогдашнего российского шляхетства – от членов почтенных боярских родов до вчерашних разночинцев и «выдвиженцев» петровской эпохи.

Продолжая наблюдения Д.А.Корсакова над их «биографическими справками» с помощью изданных документов (протоколов Верховного Тайного совета, описи Сенатского архива, списков придворных чинов⁷⁴), мы обратились и к таким не использованным ранее источникам, как учетные документы о служащих и отставных дворянах Сената, Герольдмейстерской конторы и Военной коллегии, а также к делопроизводству гвардейских полков.⁷⁵

Д.А.Корсаков определил статус 161 из подписавшихся под этим главным из шляхетских проектов, хотя в некоторых случаях неверно идентифицировал подписи.⁷⁶ В результате нашего исследования на сегодняшний день мы располагаем сведениями о чине 318 (87 %), служебном положении 303 (83 %), возрасте 185 (51 %) и имущественном положении 153 (42 %) из подписавшихся под «проектом 364» лиц.⁷⁷ Это позволяет нам уточнить сделанные ранее (на основе данных Корсакова и опубликованных протоколов Верховного Тайного совета) выводы, приведенные в нашей статье 2001 г.⁷⁸

Эти данные дают возможность представить, так сказать, «коллективный портрет» участников «проекта 364». Половина (58 %) из 318 человек с

известным нам чином составляют среднее звено по Табели о рангах: полковники и коллежские советники (11 %), подполковники (11 %), майоры и коллежские асессоры (16 %), капитаны (20 %). 69 % из лиц с известным возрастом (127 из 185) составляют люди зрелые и пожилые (51 человек в возрасте 41–50 лет и 76 в возрасте 51–60 лет). Почти половина из тех, данными о чьем землевладении мы располагаем (73 человека из 153), обладали имениями с количеством крепостных от 101 до 500 душ, у 32 человек было более 500 душ, у 39 – менее 100 душ, у 9 человек вотчин не было.

В итоге можно сделать вывод о том, что в январе-феврале 1730 г. оппозицию Верховному Тайному совету составляли те, кто являлся «становым хребтом» российской государственности – опытные и зрелые (с осторожностью можно сказать, что и не самые бедные) офицеры и чиновники, занимавшие преимущественно средние командные должности в армии и государственном аппарате. Заметно меньше представлена дворянская молодежь, зато достаточно высока доля отставных – 26 % (78 из 303 участников с известным служебным положением).

Большинство из них – старые служивые, прошедшие огонь, воду и медные трубы петровского царствования. Это посланные в свое время за границу «пенсионеры», капитаны и лейтенанты только что созданного флота (И.Кошелев, Ф.Соймонов, В.Урусов); боевые офицеры, закончившие свою карьеру переходом из полковников и подполковников на должности воевод и комендантов (А.Ю.Бибиков, С.М.Козловский, И.Чичерин, В.Волков, Н.Львов, С.Д.Потемкин, И.Яковлев, В.Ртищев, И.М.Вяземский), чиновников Сената (Ф.Гурьев), в полицию (П.Улыбышев, М.И.Мещерский), в новые коллегии (А.Т.Ржевский, В.Батулин).

Иные уже получили отставку (бригадиры И.Г.Безобразов, А.Г.Киселев, В.С.Хлопов, В.Ф.Стремоухов, полковники А.Г.Маслов, В.М.Лихарев, П.Е.Вельяминов, Н.И.Нащокин, Г.И.Овцын; подполковники Т.Р.Дуров, С.К.Крюков, Я.Баскаков, В.С.Волконский; майоры Е.И.Тарбеев, А.Д.Воронин, А.Я.Дохтуров, И.Д.Дубровский; капитаны В.М.Аристов, М.М.Панов, И.А.Свищов, П.Л.Ермолов, вице-губернатор Сибири А.Петрово-Соловово, подпоручик М.А.Хитрово, мичман М.Волконский). Среди таких ветеранов выделяются В.Лутовинов, занимавший воеводские посты с 1696 г., и приказный дьяк с 1680 г. Л.Нечаев.

В том же списке рядом стоят имена бывших денщиков Петра I из его «потешных» солдат И.Веревкина и В.Нелюбохтина и попавших в его царствование в опалу бывшего петербургского вице-губернатора Я.Римского-Корсакова и сосланного еще в 1693 г. П.Неплюева. Подписали проект уволенный от дел «в наказание» судейский чиновник И.Отяев; находившиеся в Москве «под счетом» (т.е. на проверке их финансовой отчетности) майор А.Петров и капитаны И.Палибин и П.Дурново и угодивший под следствие асессор И.Неелов.

Вместе с ними в центр событий попали вызванные на смотр армейские офицеры, прикомандированные к различным учреждениям: полковник М.Скарятин, подполковник П.Соковнин, майоры И.Бибииков и В.Губарев, капитаны С.Любученинов, Г.Стрекалов, Е.Мазовский; поручик И.Свечин; прапорщики С.Болтин и И.Ушаков. Так же оказались в Моск-

ве и другие «командированные»: назначенные Сенатом «нарочные» в губернии и провинции для скорейшего сбора недоимок: бригадиры О.И.Щербатов, И.М.Волынский и А.И.Чернышев; полковник И.Лутковский, майоры И.Орлов и Н.Кондырев, капитан В.Мещерский, «жилец» И.Арсеньев, стольник А.Я.Львов, адъютант С.Я.Львов.⁷⁹

Ожидали назначения оставшиеся «не у дел» бывшие прокуроры – капитан А.Жолобов и майор И.Чевкин. Проект изменения политического строя империи, уничтожавший реальную власть императора, подписали чины московской полиции – обер-полицеймейстер И.Поздняков, майоры П.Улыбышев и В.Губарев, советник А.Зыбин, подпоручик М.Мещерский. Вместе с ними подписи поставили молодые, начинающие карьеру придворные: камергеры А.А.Черкасский, камер-юнкеры Б.Г.Юсупов, Ф.Каменский, Л.Кайсаров.

Иностранные дипломаты отметили в самом начале событий появление «партий» других претендентов, но позднее об их участии не упоминали. Это не случайно: представители названных «партий» также влились в ряды оппозиции. Обер-гофмаршал царицы-инокини Евдокии И.П.Измайлов вместе со своими родственниками примкнул к компромиссному «проекту 15»; «проект 364» подписали гофмейстер двора Екатерины Мекленбургской В.М.Еропкин, шталмейстер царицы Евдокии А.Ф.Лопухин, сторонник «голштинского принца» И.И.Бибииков и придворные Елизаветы – обер-гофмейстер ее двора С.Г.Нарышкин, гофмаршал Г.А.Петрово-Соловово, мундшенк Ф.Нестеров. Рядом со старинными чинами «стольников» и «жильцов» подписи ставили представители иного поколения: обучавшийся в Париже инженерному искусству «трезорье» Академии наук (и информатор французского посольства) А.Юров и «архитектурного и шлюзного дела мастер» И.Мичурин, только что успешно сдавший экзамен по новой профессии.

Такое смешение имен, чинов, карьер, поколений, знатности и «подлости» делает крайне затруднительным однозначный ответ на вопрос о побудительных мотивах его участников и их действительном отношении к открывшейся перспективе изменения политической системы страны. Определенно можно отметить только отраженное практически во всех проектах осознание сословных шляхетских интересов, а также осторожно предположить, что, судя по известным нам данным, наиболее активными среди обсуждавших и подписывавших проект были представители как раз старшего поколения, больше интересовавшегося «политикой».

Авторитетом и чинами «отцов», возможно, руководствовались и «дети»; так, среди подписей можно встретить до 5 представителей разных поколений фамилий: 5 Ржевских и Мещерских, 4 Хитрово, 3 Лихаревых, Зыбиных, Татищевых, Сабуровых, Ходыревых, Львовых, Несвицких.

Следующий вывод, который можно сделать при анализе состава подписавших основные проекты (оппозиционный «проект 364» и компромиссный «проект 15»), – о явно наметившемся расколе правящего круга и близких к нему по служебному статусу лиц по ключевому вопросу о численном и персональном составе высшего органа государственной власти и способе его формирования.⁸⁰

В числе членов Верховного Тайного совета находились два российских фельдмаршала. «Примирительный» по отношению к замыслам «верховников» проект подписали 1 «полный» генерал (М.А.Матюшкин), 1 генерал-лейтенант (И.И.Дмитриев-Мамонов) и 5 генерал-майоров, находившихся на придворной, административной и гвардейской службе: Л.В.Измайлов (гвардеец-дипломат и зять фельдмаршала М.М.Голицына), И.М.Шувалов (обер-комендант Выборга), П.В.Измайлов (в отставке), И.П.Измайлов (обер-гофмаршал Евдокии) и Д.Ф.Еропкин (обер-комендант Москвы). Именно лиц из этого круга (И.И.Дмитриева-Мамонова, Л.В.Измайлова) Д.М.Голицын посвятил в свои планы в ночь на 19 января, когда составлялись «кондиции».

На стороне их противников оказался весь наличный «русский» состав армейского командования: 3 генерал-лейтенанта (Г.П.Чернышев, А.И.Ушаков, Г.Д.Юсупов) и 6 генерал-майоров — И.Ф.Барятинский, А.И.Тараканов, С.И.Сукин, И.И.Бибиков, А.И.Шаховской, С.Л.Вельяминов. При этом большинство из них были до недавнего времени настоящими «полевыми» генералами. В 1730 г. С.И.Сукин являлся генерал-провиантмейстером, И.Ф.Барятинский и И.И.Бибиков представляли Военную контору в Москве, а Г.Д.Юсупов вместе с также подписавшим проект бригадиром С.Л.Игнатьевым и казначеем А.Ю.Бибиковым были первыми лицами Военной коллегии. Таким образом, недоверие к планам «верховников» выразили руководители военным ведомством и прямо подчиненные по «команде» фельдмаршалу Долгорукову А.И.Ушаков и И.Ф.Барятинский.

На стороне «оппозиции» оказались трое из шести сенаторов — И.Г.Головкин, В.Я.Новосильцев, А.М.Черкасский; к ним примкнул член Сенатской конторы в Москве П.И.Мусин-Пушкин, а его отец подал в Совет свое особое мнение. «Верховников» поддержали лишь один сенатор — И.П.Шереметев — и зависимый от них обер-прокурор Сената М.Ф.Воейков.

Далее среди подписавших «проект 364» мы находим президента Берг-коллегии А.К.Зыбина, президента Камер-коллегии А.В.Макарова (вместе с советником той же коллегии И.Сафоновым), президента Вотчинной коллегии М.А.Сухотина (вместе с советником А.Г.Комыниным), только что снятого «верховниками» с поста президента Ревизион-коллегии и направленного в Сибирь И.И.Бибикова (вместе с советником Ф.Барятинским), руководителя Доимочной канцелярии И.Н.Плещеева, главу второго отделения Синода и его обер-прокурора А.П.Баскакова; трех советников Юстиц-коллегии — П.В.Квашнина-Самарина, А.Т.Ржевского и Е.И.Мусина-Пушкина; возглавлявшего Оружейную и Мастерскую палаты В.Ю.Одоевского. Таким образом, можно утверждать, что в рядах оппозиции оказалось руководство не только армии, но и центрального государственного аппарата.

Наконец, рядом с высокопоставленными чиновниками и генералами в рядах оппозиции выступили придворные — камергеры А.Г.Строганов, С.Г.Нарышкин, С.В.Лопухин; старый обер-гофмейстер Петра I и Екатерины I, бывший глава Дворцовой канцелярии М.Д.Олсуфьев и ее нынешний директор гофмейстер А.Елагин. На стороне «верховников» можно назвать только обер-шенка А.М.Апраксина, бывшего обер-гофмейстера Анны Иоанновны П.М.Бестужева-Рюмина и члена Дворцовой канцелярии П.Т.Савелова.

Среди перечисленных военных и «статских» чинов не хватает пока одной существенной для дальнейшего понимания событий группы — гвардии. Многие исследователи без сомнений принимали сообщение т.н. «записки» Татищева о том, что копию его проекта подписал 51 гвардейский обер-офицер.⁸¹ Основанием для этого, возможно, послужила опубликованная еще в 1871 г. приписка к копии «проекта 364» в публикации К.Н.Бестужева-Рюмина: «В такой силе мнение объявлено лейб-гвардии Семеновского полка от штаб и обер-офицеров», — хотя не указано ни самого этого «мнения», ни количества офицерских подписей.⁸²

Как уже говорилось, «проект Татищева» — это и есть «проект 364». Источник же публикации 1871 г. также теперь известен: это копия «проекта 364» из бумаг А.П.Вольнского, содержащая указанную приписку. От поданного в Верховный Тайный совет текста она отличается несколькими дополнениями, которые как раз касаются военной службы. В копию добавлены пожелание скорее рассмотреть вопрос о дворянах, служивших рядовыми в армии и на флоте, и последний, десятый пункт: «Которые офицеры и салдаты за раны и за старостью отставлены будут от службы, а собственного своего пропитания не имеют, оным надлежит учинить рассмотрение и о награждении им пропитания».⁸³ Кто и когда включил эти дополнения в данный текст — неизвестно; но очевидно, что их вполне могли одобрить как гвардейские, так и армейские офицеры и солдаты-дворяне.

Но вот с гвардейскими подписями ситуация иная. В списке лиц, подписавших под главными «проектом 364» и «проектом 15», можно заметить фамилии видных гвардейских офицеров: подполковников Преображенского полка И.И.Дмитриева-Мамонова и Г.Д.Юсупова, майоров А.И.Ушакова и М.А.Матюшкина, майора Семеновского полка Л.В.Измайлова. Но они-то как раз подписывали проекты в качестве представителей генералитета; некоторые из них, как А.И.Ушаков и М.А.Матюшкин, только числились по полку и находились при других «командах».

Мы обратились к архивам гвардейских полков в фондах РГВИА, где сохранились послужные списки офицеров Семеновского полка за 1730 г. и Преображенского полка за 1727 и 1728 гг., список штаб-, обер- и унтер-офицеров Преображенского полка за 1731 г., подборка «именных указов и повелений» по Преображенскому полку за 1729 г. и приказы по Семеновскому полку за 1730 г.⁸⁴ В РГАДА нами обнаружен еще один список офицеров-преображенцев за 1727 г., а также доклады и рапорты по обоим полкам за 1730 г.⁸⁵ Эти источники дают возможность установить офицерский состав обоих полков на момент интересующих нас событий.

Сравнение этих полковых документов со списком подписей под проектами и опубликованным комплексом документов Верховного Тайного совета показывает, что в числе подписавших находились вчерашние гвардейцы, переведенные на статскую службу или в армию (капитаны А.Г.Комынин, А.Ф.Бредихин, И.Т.Сафонов, А.И.Шаховской, И.М.Шувалов, капитан-поручик В.Нелюбохтин; сержанты П.Мансуров и С.А.Нестеров, капралы А.Мякинин, В.Писарев, И.Арсеньев и А.Вяземский); отставники (капитан-поручики Д.С.Ивашкин, Б.В.Мещерский, Ф.П.Солнцев-Засекин, поручики

С.А.Головин, А.Ф.Микулин и Ф.Новокшенов; сержант А.Матов) или состоявшие в полку офицерами «сверх комплекта» чиновники и придворные (капитаны С.Г.Нарышкин, П.И.Мусин-Пушкин, И.И.Бибииков, фендрик Н.Ю.Трубецкой).

Со строевыми же офицерами картина получается другая. По Преображенскому полку с уверенностью можно говорить только о наличии в числе подписавших «проект 364» подпоручика Н.П.Щербатова, прапорщиков П.С.Колычева и П.И.Головина и капрала А.С.Зиновьева. В отношении семеновцев сказать точно сложнее. Возможно, подписавшие проект без указания чина и отчества Василий Линева и Степан Телепнев являются одними лицами с одноименными капитан-поручиком и поручиком.⁸⁶ Кроме того, семеновский сержант Никита Хованский подписал «проект 13» вместе с сыном князя Д.М.Голицына Алексеем; но неизвестно, являлся ли в то время последний одноименным сержантом того же полка.

Даже если считать всех названных выше офицеров на действительной службе, то количество их подписей никак не соответствует утверждению Татищева и сообщению приписки к копии «проекта 364» из «дела» Волынского. Реально имеющиеся в нашем распоряжении подписи говорят, что в обсуждениях и подписании проектов активно участвовала гвардейская верхушка и некоторые вчерашние гвардейцы, опять-таки отслужившие свое люди старшего возраста.⁸⁷ Движение не затронуло основную массу гвардейских офицеров и солдат, тем более что как раз зимой и весной 1730 г. в гвардию прибывало пополнение из числа отличившихся рядовых и унтер-офицеров армейских полков, и многочисленных новичков распределяли по ротам.⁸⁸

Впрочем, справедливо ли будет считать и других подписывавших разные проекты генералов, офицеров и чиновников убежденными сторонниками политических преобразований? В оппозиции к «верховникам» оказались и оттесненные от власти представители высшей знати и генералитета, и недовольные или обиженные правителями — как отправленный ими на губернаторство в Сибирь И.И.Бибииков или не сумевший удовлетворительно сдать свой финансовый отчет генерал-провиантмейстер С.И.Сукин. С другой стороны, к компромиссу с «верховниками» склонялись зависимые от них чиновники, как обер-прокурор Синода Ф.М.Воейков или «отставленный» фаворит Анны П.М.Бестужев-Рюмин, находившийся под следствием по обвинению в растрате ее средств и плохом управлении ее имениями.

Убеждения подписавшихся под проектами знатных и незнатных «персон» трудно подогнать под какие-либо общие рамки. Мнение о том, что в 1730 г. имели место исключительно «традиционная клановая политика», также представляется несколько односторонним.⁸⁹ Чтобы доказать или опровергнуть суждение о том, что «проект 364» вышел из «родственно-клиентской сети» Нарышкиных и Салтыковых, необходимо более или менее точно установить состав этих самых «сетей», что при современном уровне наших знаний и состоянии документации дворянских фамильных архивов едва ли возможно.

Так, например, сопоставление подписей под проектами и прошениями 1730 г. как будто подтверждает тезис Д.Ле Донна о сопротивлении «верховникам» со стороны Черкасских и связанных с ними родством Мусиных-Пушкиных и Трубецких, которые, в свою очередь, были близки к Салтыковым и Головкиным, а также к И.Ф.Барятинскому и П.И.Ягужинскому.⁹⁰ На основании уже имеющихся исследований можно продолжить такие наблюдения — на примере семейства Ржевских.⁹¹

С другой стороны, «клановый» принцип не всегда являлся решающим в выборе позиции. Брат генерал-адмирала Ф.М.Апраксина А.М.Апраксин поддерживал соглашение с «верховниками», а его сын Ф.А.Апраксин стал одним из участников переворота 25 февраля, лишившего их власти. Дети князя Д.М.Голицына также участвовали в обсуждении и подписали особый компромиссный «проект 13». Но его младший брат сенатор М.М.Голицын и представители другой ветви того же рода — дети Б.А. и П.А.Голицыных — никак себя не проявили в развернувшейся борьбе. Так же не заметно никакой родовой солидарности среди, казалось бы, кровно заинтересованных в исходе дела Долгоруковых: мы не видим среди участников событий ни бывшего фаворита, ни сенатора И.Г.Долгорукова, ни кого-либо из многочисленного младшего поколения этой фамилии (а среди них было несколько гвардейских офицеров⁹²).

Другие историки не случайно подчеркивают «эфмерность» таких родственно-политических отношений, которые «использовались, когда это было выгодно, и забывались, когда это становилось политически целесообразно».⁹³ Да и возможно ли сейчас точно «просчитать», какой именно из факторов оказал решающее влияние на поступки той или иной фигуры? Все же попытаемся, исходя из доступных нам источников, представить себе мысли и убеждения «шляхетства» образца 1730 г.

«Время, чтоб самодержавию не быть» (уровни политического сознания шляхетства)

Последующее «восприятие» самодержавия и годы царствования Анны скорректировали изображение событий 1730 г. очевидцами. Так, генерал (в описываемое время подпоручик) В.А.Нащокин вспоминал: «А когда все милостивейшая соизволила прибыть в Москву с публичным восшествием, тогда подана была князем Алексеем Михайловичем Черкасским челобитная от всего шляхетства, чтобы ее императорское величество изволила принять самодержавство так, как предки ее величества, что от того времени и воспрято, и все подданные поздравили».⁹⁴ При этом автор знал об интриге Ягужинского и миссии Сумарокова, но рассказать больше не считал нужным — или и вправду полагал на склоне лет все происходившее не слишком существенным эпизодом. По воспоминаниям Джеймса Кейта, «как только дворяне добились того, чтобы дух императрицы был способен к тем же предприятиям, что были свойственны ее дяде, они поднесли ей прошение, излагавшее их недовольство вновь устроенным правлением и призывавшее ее величество принять тот же суверенитет, что и ее предки».⁹⁵ В изображении другого современника (хотя и

не очевидца), генерала Миниха, уже сама Анна вызвала к себе членов Совета и приказала «вручить ей акт отречения от самодержавия», после чего «кратко, но с твердостью» порвала его.⁹⁶

Не стоит буквально воспринимать и «энтузиазм» донесений дипломатов по поводу «освобождения от ужасного рабства» как прямое отражение чувств и мыслей их российских знакомых.

Для французских дипломатов установление «аристократической республики» означало «стремление возвратиться назад, к своему прежнему положению и к своим старинным обычаям», что привело бы, в свою очередь, к ликвидации неудобного для Франции русско-австрийского союза. В том же видел «добрые последствия» сложившейся ситуации и английский консул: «Русский двор не в состоянии будет вмешиваться в иностранные дела, как он вмешивался в последние годы».⁹⁷

Представитель союзной Саксонии Лефорт как раз опасался возвращения России «в прежнее состояние», Вестфален — «унижения российских сил» и последующей опасности шведского реванша для Дании и самой России. И для других «немцев» на русской службе также было характерно убеждение в том, что отказ от петровской «формы правления» был бы опасен для страны. Шотландец и генерал-майор русской службы Джеймс Кейт вместо того, чтобы радоваться возможности учреждения более демократической политической системы, считал замыслы ограничения монархии «пагубными» и совершенно неуместными для России с ее «духом нации и огромной протяженностью империи».⁹⁸

Впрочем, уже через неделю первые впечатления дипломатов стали корректироваться: практически все они отметили дифференциацию суждений и начавшееся сопротивление планам «знатных» или «вельмож» ограничить монархию. Все известные нам посольские донесения на второй-третьей неделе от начала событий отразили обеспокоенность подобными планами со стороны «мелкого дворянства», которое, по словам Мардефельда, «желает себе лучше одного правителя, чем восьмерых».⁹⁹

Если судить о настроениях российского дворянства только по приведенным выше оценкам, то они как будто подтверждают официальную версию событий о немногочисленных «олигархах» и верноподданном «шляхетстве». На деле же ситуация была более сложной. Многие, действительно, не знали ничего определенного об обстоятельствах избрания Анны, сделанных ей предложений и дальнейших планах правителей и выражали свое недовольство непонятными и подозрительными действиями «верховников». Вместе с тем мы располагаем сведениями об обсуждении «кондиций» в кругу бюрократии среднего уровня.

Через год после описываемых событий началось следствие по делу вице-президента Коммерц-коллегии статского советника Генриха Фика — одного из деятельных участников подготовки петровской реформы центрального управления и хорошего знакомого Д.М.Голицына. Ему были предъявлены обвинения в участии в сочинении предосудительных «пунктов» и «прожектов». Фик защищался: в начале 1730 г. он был в Петербурге, куда и был прислан указ Совета, «чтобы ему, Фику, быть в Москву». В прежнюю столицу вице-президент прибыл уже после «принятия»

Анной самодержавия и поэтому отрицал любое свое участие в составлении каких-либо планов «ни письменно, ни словесно», в чем готов был «подписать на смерть». Но в то же время он указывал как на всем известный факт: «Слышно было, что пункты посланы к ее величеству», — и что «о республике розгласилось во всем Петербурге».

Фик не сказал о своем знакомстве с «кондициями», но был уличен сослуживцами. Советник той же коллегии Андрей Кассис «о пунктах правдивых или неправдивых... слышал и читал в Коммерц коллегии у секретаря»; ассессор Игнатий Рудаковский заявил, что сам Фик читал «пункты» по-немецки. Фик, по показаниям сослуживцев, «был весел» тому, что «не будет иметь впредь фаворитов таких как Меншиков и Долгорукой», и предпологал: «Может быть, определения будет о правительстве как в Швеции». На это Рудаковский «ответствовал ему, что в России без самодержавства быть невозможно, понеже Россия кроме единого Бога и одного государя у многих под властью быть не пожелает».¹⁰⁰ В итоге следствие решило, что Фик, хотя и не сочинял ничего сам, но «ко уничтожению самодержавства российского был склонен». За эти склонности ученый вице-президент был лишен всех чинов и имения и отправился на 10 лет в Сибирь.

Лефорт и Рондо указали на характерный общий аргумент оппозиции «верховникам» — опасение установления «тирании знатных фамилий», тот же, что волновал известного Артемия Вольтынского: «Боже сохрани, чтоб не сделалось вместо одного государя десяти самовластных и сильных фамилий: и так мы, шляхетство, совсем пропадем и принуждены будем горше прежнего идолопоклонничать и милости у всех искать».

Другие наблюдатели заметили и борьбу мнений в шляхетской среде: «крайнюю» и «умеренную» партии (Мардефельд, от 12 февраля); сторонников самодержавия и тех, «которые думают переменить форму правления» (Лириа, от 9 февраля).¹⁰¹ Вопреки утверждению об исконности и необходимости самодержавия в России, Феофан все-таки проговорился, что иные «сильнейшие» из дворян «того же хотели», что и «верховники», но находились в оппозиции Совету из-за того, что его члены их «в дружество свое не призвали».¹⁰²

Некоторые из них вполне сознательно воспринимали идею ограниченной монархии. Так, бывший гвардеец, капитан-командор Иван Козлов полагал, что «теперь у нас прямое правление государства стало порядочное», и отмечал его преимущества: «Ей же определяют на год 100 000, и тем ей можно довольной быть, понеже дядя ее, император, и с теткой довольствовался только 60 000 в год, а сверх того, не повинна она брать себе ничего, разве с позволения Верховного Тайного совета; также и деревень никаких, ни денег не повинна давать никому, и не токмо того, ни последней табакерки из государевых сокровищ не может себе вовсе взять, не только отдавать кому, а что надобно ей будет, то будут давать ей с росписками. А всего лучше положено, чтоб ей при дворе своем свойственников своих не держать и других ко двору никого не брать, кроме разве кого ей позволит Верховный Тайный совет».¹⁰³

Приведенное мнение часто цитируется повествующими о событиях 1730 г. историками. Но как будто никто не заметил, что подписи самого автора столь радикальных высказываний ни под одним из проектов нет,

хотя он как раз был в это время в Москве и даже удостоился аудиенции в Верховном Тайном совете.

В эпоху реформ, заграничных походов и командировок дворяне могли получить некоторые впечатления о прочих «формах правления» — например, об «аристократии» и «димократии», описанных в изданной в 1718 г. книге С. Пуфендорфа.¹⁰⁴ В «Ведомостях» от 9 февраля 1730 г. они могли прочесть «репортаж» о тронной речи английского короля Георга II в парламенте, где монарх просил «не отказать» ему в средствах на военные нужды и обещал представить депутатам сведения о государственном долге и всех «приходах и расходах». Видимо, именно из этой, относительно просвещенной и думающей среды вышел так называемый «конспект шляхетских совещаний», или «проект общества», предусматривавший выборность Сената, президентов коллегий и губернаторов и появление законодательного «сейма».¹⁰⁵

Но рисковать карьерой желали не все, как не все интересовались заморскими порядками. Едва ли шляхетство могло за одно-два десятилетия усвоить всю сумму европейской учености, тем более что многие культурные начинания затронули лишь узкий слой дворянства и нарождавшейся интеллигенции. Если для Феофана Прокоповича Гуго Гроций был «славным законоучителем», то в дворянской массе скорее можно было услышать:

*«Гроциус и Пуфендорф и римские права —
О тех помнить нечего: не на наши нравы».*¹⁰⁶

Депеши Вестфалена дают возможность представить и иной уровень дискуссий в шляхетской среде. «В смысле укора неограниченной власти в России, — докладывал датский посланник 5 февраля, — выставляют случай, бывший в правление царицы Екатерины. В кратковременное свое правление она израсходовала для своего двора венгерских вин на 700 000 рублей и на 16 000 рублей данцигских водок в то самое время, когда тысячи ее подданных терпели недостаток в насущном хлебе».¹⁰⁷ Отсюда как будто следует, что князь Д. М. Голицын и узкий круг просвещенных дворян, подобных В. Н. Татищеву и Генриху Фику, могли сочинять и обсуждать «проекты». Но для массового сознания средне- и мелкопоместного дворянина сравнение достоинств той или иной заграничной «формы правления» отступало на задний план перед простыми и понятными примерами.

И примеры эти «работали» скорее против «верховников». Талантливый публицист и идеолог петровской монархии Феофан Прокопович умело использовал обращение к разным уровням восприятия в своей агитации против «верховников»: «И везде в одну, почитай, речь говорено, что если по желанию оных господ сделается (от чего сохранил бы Бог!), то крайнее всему отечеству настает бедство. Самим им господам нельзя быть долго с собою в согласии: сколько их есть человек, чуть ли не столько явится атаманов междоусобных браней, и Россия возымет скарредное оное лице, каковое имела прежде, когда на многия княжения расторгнена, бедствовала».¹⁰⁸

Для одних здесь очевидно «лакомство и властолюбие», ведь только что семейство Долгоруковых использовало свою близость к трону для беззастенчивого обогащения. В глазах шляхетства Долгоруковы явно не годи-

лись на роль бескорыстных реформаторов, и это отношение неизбежно распространялось на других «верховников». О средствах «антидолгоруковской» агитации сообщали Маньян, Лефорт и тот же Феофан, передавая рассказы о том, как, например, это семейство пыталось украсть столовое серебро из дворца или как бывшая царская невеста требовала себе «наряда и всей славы императорской» во время церемонии похорон Петра II.

Для более грамотных Феофан подготовил историческую ссылку на эпоху раздробленности и слабости страны. Новгородский архиепископ подавал в качестве единодушного мнения традиционный аргумент сторонников самодержавия. Позднее ту же самую позицию будет отстаивать Екатерина II в своих заметках о 1730 г.: «Знайте же, если ваше правительство превратится в республику, оно утратит свою силу, а ваши области станут добычей первых хищников; не угодно ли с вашими правилами быть жертвой какой-нибудь орды татар и под их игом надеетесь ли жить в довольстве и приятности».¹⁰⁹

Иной же опыт государственности, похоже, не был доступен шляхетской массе образца 1730 года. Ни один из проектов как самого Совета, так и «шляхетства» ни словом не намекал на традицию Земских соборов XVI–XVII веков или попытки ограничения самодержавия в эпоху Смуты.¹¹⁰ Находившееся в т.н. «проекте общества» предложение созыва «сейма», как и употребление формулы «форма правления», свидетельствует скорее об обращении к опыту соседней Польши и других западных стран, чем к отечественной традиции.¹¹¹

Даже у ученого Татищева в его концепции развития политической системы России главным стержнем являлась борьба монархии с аристократией. К опыту Смутного времени и избрания царей он относился скорее отрицательно (только воцарение Михаила Романова считал «порядочно всенародным») и не включал в число своих аргументов практику созыва соборов.¹¹² Можно предполагать, что и эта избирательность исторической памяти явилась следствием петровских реформ, представлявшихся прорывом к цивилизации и культуре из царства отсталости. Ни «верховники», ни их противники не поднимались до принципиальной постановки вопроса о происхождении власти монарха и ее пределах: первые, по всей видимости, этого не желали намеренно, вторые, скорее всего, в массе не были к этому готовы.

Рассмотрение проектов, мнений и споров наводит на вопрос: насколько лидеры и рядовые участники т.н. «конституционного» движения готовы были преодолеть рамки петровской системы? Ягужинский провозгласил «время, чтоб самодержавию не быть», — но сам же оказался первым его защитником. Реальный, а не вымышленный план князя Голицына «с товарищи» предлагал именно петровскую военно-регулярную монархию без самого Петра, но со столь же самодержавным Верховным Тайным советом, с минимумом шляхетских «вольностей» и неопределенными обещаниями «облечения» всем остальным. Появившаяся в этом документе известная фраза о том, что «не персоны управляют законом, но закон управляет персонами», «повисала в воздухе», т.к. сколько-нибудь систематизированный свод основных законов отсутствовал, а задача его создания даже в перспективе не ставилась.

В этом смысле не стоит переоценивать и роль князя Д.М.Голицына в качестве «отца русской демократии». Он, безусловно, был фигурой незаурядной — но вместе с тем и типичной для петровской эпохи. Как и многие его сверстники, начал службу в Преображенском полку и стал капитаном после Азовских походов. Затем последовали назначения на самые разные (дипломатические, военные, финансовые) посты, где князь показал себя способным и усердным администратором¹¹³ — однако не реформатором. Возглавляемая им с 1727 г. комиссия по пересмотру налоговой системы не смогла предложить ничего, кроме сохранения с некоторым уменьшением ставки петровской подушной подати. В качестве киевского губернатора Голицын стремился урезать гетманскую власть; в качестве члена Верховного суда — подписал приговор царевичу Алексею, показывавшему на следствии, что Голицын говорил ему: «Я тебе всегда верной слуга». В 1727 г. Голицын по приказу новой власти в лице Меншикова вел следствие по делу Феодосия, а затем Девиера и Толстого.

Как и многие другие вельможи, он испытал на себе гнев Петра: в 1723 г. по делу вице-канцлера Шафировва был лишен чинов; так же прибегал к заступничеству Екатерины и бил перед ней по старому обычаю «челом» в пол. Сам писал доносы на гетмана; но и на него в мае 1722 г. обиженный дворецкий его брата-фельдмаршала заявил «слово и дело» по поводу якобы имевшихся у князя «тайных царственных писем». ¹¹⁴ Хорошо еще, что донос проигравшегося в карты холопа был признан неосновательным; иначе карьера министра могла закончиться задолго до 1730 г. В качестве «по-петровски» (т.е. в процессе службы) широко образованного человека и владельца знаменитой библиотеки Голицын открывал галерею вельмож XVIII столетия, у которых тяга к просвещению естественно сочеталась с обладанием 10 тысячами крестьянских дворов.

Консул Рондо уважительно отозвался о князе в том же феврале 1730 г.: «Человек необыкновенных природных дарований, развитых работой и опытом. Это человек духа деятельного, глубоко-предусмотрительный, проницательный, разума основательного, превосходящий всех знанием русских законов и мужественным красноречием. Он обладает характером живым, предприимчивым; исполнен честолюбия и хитрости, замечательно умерен в привычках, но высокомерен, жесток и неумолим». ¹¹⁵ Это сочетание качеств делало князя способным начать серьезное дело и взять на себя ответственность за него. Но оно же явно мешало ему стать настоящим лидером, умевшим увлечь за собой других, в особенности стоявших ниже на социальном и интеллектуальном уровне: к ним надо было приспосабливаться, договариваться, сотрудничать.

Вельможное высокомерие, помноженное на сознание своего культурного и чиновного превосходства, придавало Голицыну отталкивающий облик в глазах даже неплохо относившихся к нему людей. С грустью отзывался о своем опыте делового знакомства с князем Иван Посошков: «На что добрее и разумнее господина князь Дмитрея Михайловича Голицына, а в прошлом 719 году подал я ему челобитную, чтоб мне завод построить винокурной и вотки взять на подряд, и, неведомо чево ради, велел меня за караул посадить. И я сидел целую неделю и стало мне скушно быть, что сию долго и за что сию не знаю... велел я уряднику доложить о себе, и он,

князь Дмитрий Михайлович, сказал: “Давно ль де он под караулом сидит?” И урядник ему сказал: “Уж де он целую неделю сидит”. И тотчас велел меня выпустить. И я, кажется, и не последней человек, и он, князь Дмитрий Михайлович, меня знает, а просидел целую неделю ни за что». ¹¹⁶

Похоже, что не столько аристократические традиции, сколько дух петровских реформ — внедрение полезных новшеств вместе с отправкой всех несогласных «под караул» — исключали для князя возможность компромисса и лавирования как в политической теории, так и на практике.

Но и для других участников событий психологическая трудность восприятия иной, по сравнению с петровской, политической культуры (как в смысле преодоления собственного социального опыта, так и в смысле сознательной ломки созданной Петром Великим государственной машины) была не меньшей. И это обстоятельство умело использовалось их противниками. Вестфален в донесении от 12 февраля отметил, что имя Петра I стало аргументом в шляхетских спорах, и из рядов «партии» князя Черкасского «расходятся громогласные обвинения, словесные и письменные, против Голицыных и Долгоруких за непримиримую их ненависть к памяти Петра Великого и к его несчастному потомству». ¹¹⁷

Из этого следует, во-первых, что оппозиция организовала настоящую агитационную кампанию с рукописными «листовками»; «верховники» же, как мы знаем, не допускали какого-либо обнародования своих планов. Во-вторых, как можно было возражать против величия и заслуг Петра? Конечно, люди уровня князя Д.М.Голицына и Генриха Фика нашли бы что сказать. Но что могли ответить те, кто не привык к ученым спорам? Кроме того, многих из представителей шляхетства именно петровские реформы «вывели в люди», дали возможность получать чины, ордена, крепостные дворы и души, как А.И.Ушакова, семейство Головкиных и других петровских генералов и офицеров, подписывавших проекты.

Даже такой идейный «прожектор», как Татищев, в своей «Истории российской» характеризовал петровскую эпоху через свое мироощущение «состоявшегося» человека: «Все что имею — чины, честь, имение и, главное над всем, разум — единственно все по милости его величества имею, ибо если бы он меня в чужие края не посылал, к делам знатым не употреблял, и милостию не ободрял, то бы я не мог ничего того получить». ¹¹⁸ Оценивая реформы Петра, Татищев одобрял и петровскую внешнюю политику, и государственный контроль над экономикой, и подчинение государственным интересам церкви и ее доходов. Как недостатки отмечались им только излишний «демократизм» «Табели о рангах» и чрезмерная власть местных властей над дворянством. ¹¹⁹

Первое было свойственно и самим «верховникам», а второе имело следствием требование в дворянских проектах 1730 г. выборов губернаторов, что осталось без внимания в «проекте формы правления». По всей вероятности, Татищев искренне видел в самом появлении Верховного Тайного совета «по замыслу неких властолюбивых вельмож» уклонение от петровских реформ. Позднее в своем «Лексиконе Российском» он отрицательно отозвался об этом органе, который «многие бесполезные государству учреждения и предприятия учинил». ¹²⁰

Наконец, в-третьих, как было не пожалеть «несчастное потомство» Петра Великого? Как мы помним, к «проекту 364» примкнули придворные Елизаветы, и лозунг защиты интересов сироты был как нельзя кстати.

С учетом этих реальных условий трудно обвинять дворянские проекты в непродуманности, как делали это в 1730 г. умудренный опытом английской «формы правления» Рондо, а через 200 лет — Г.В.Плеханов, упрекавший русских дворян за «неспособность к европейскому образу мышления» и упущенную возможность осуществления конституции.¹²¹ Эти документы уже являлись важным шагом вперед по сравнению с «бедностью и бессилием мысли» прожектеров петровской эпохи с их наивной верой во всемогущество царской воли, требованием соблюдения «древних» указов и «приневоленного» внедрения образования.¹²²

В таких условиях под огнем нарастающей критики «верховники» должны были действовать столь же сплоченно и энергично, как и в первые дни междоусобицы, чтобы привлечь одних, снять опасения других и нейтрализовать выпады третьих. Второго февраля «кондиции» были оглашены. Присутствовавшие «особы» I-V рангов ознакомились с ними и, в ответ на вопрос князя А.М.Черкасского: «<...> каким образом впредь то правление быть имеет», — получили возможность составлять свои проекты. Затем в течение нескольких дней — согласно черновому журналу, с 5 до 8 февраля — генералитет и шляхетство ставили свои подписи под полученным из Митава «всемилоостивейшим писанием».¹²³ Этот документ подписали 506 человек, среди которых были не только генералы и бригадиры, но и люди совсем не чиновные: сенатские секретари Дмитрий Невежин и Михаил Володимиров, капитан Федор Соймонов, гвардейские офицеры — капитан Альбрехт, поручики Федор Тюменев и наш знакомый Петр Ханьков. Это число, на наш взгляд, является более точным при оценке количества «действующих лиц» при составлении и обсуждении проектов, чем расчеты Д.А.Корсакова.

Вероятно, по замыслу правителей, массовая подписка должна была, с одной стороны, продемонстрировать лояльность шляхетства, с другой — убедить Анну в массовой поддержке посланных ей «пунктов». Однако ни первого, ни второго достичь не удалось. Впрочем, Анна хорошо усвоила эту тактику и, как увидим далее, умело ее использовала в ходе следующей «революции».

С начала февраля Верховный Тайный совет стал постепенно терять инициативу. Уже 4 февраля он (согласно тому же журналу) принял решение о сохранении прежнего императорского титула. Изданный в тот же день манифест сообщал о воцарении не слишком вразумительной формулой: «Общим желанием и согласием всего российского народа на российской императорской престол избрана по крове царского колена тетка его императорского величества [Петра II. — И.К.] государыня царевна Анна Иоанновна»,¹²⁴ — что нарушало как устав 1722 г., так и завещание Екатерины I и могло в дальнейшем поставить под сомнение правомочность процедуры «избрания».

Седьмого и восьмого числа (как результат подачи «проекта 364»?) Совет обсуждал и большинством решил не публиковать манифест с изложением «кондиций», вопреки «особливой секретной записке» В.В.Долго-

рукова.¹²⁵ Затем «верховники» отложили не только свой «проект формы правления», но и принятие вполне умеренных «проекта 13» и «проекта 25»: их 38 подписей уже не составляли конкуренции массовому проекту оппозиции. В последующие дни февраля Д.М.Голицын и его единомышленники попытались создать качественно новый документ: «Способы, которыми, как видится, порядочнее, основательнее и тверже можно сочинить и утвердить известное толь важное и полезное всему народу и государству дело». Этот третий по счету и последний из планов «верховников» опубликован (хотя и с некоторыми ошибками в передаче текста) в статье Г.А.Протасова вместе с его датировкой и доказательствами принадлежности к документам Верховного Тайного совета.¹²⁶

Из его текста следует, что князь Голицын с коллегами в последний раз сделали шаг навстречу оппозиции. Главное из предложенных ими «оснований» состояло в том, чтобы «все великороссийского народа шляхетство» избрало «единосердечным согласием... годных и верных отечеству людей от двадцати до тридцати человек и утвердили б их письменно так, что оне внизу написанным порядком к ползе отечества сочинят и утвердят, и то имеет вечно твердо и нерушимо быть».

Указанный порядок подразумевал привлечение в это собрание от 4 до 6 человек из числа «синодских членов», «военных людей», купечества и «от всякого чина» при обсуждении дел, касающихся данной сферы или сословной группы. Эти депутаты, в свою очередь, должны были иметь «от своего чина выбор и верующие письма за руками». Таким образом, «Способы...» впервые предлагали отсутствовавшую до тех пор в проектах обеих сторон юридическую процедуру законоотворчества, что впервые было отмечено еще П.Н.Милюковым. Создание такого «законодательного собрания» снимало одно из главных требований оппозиции.

Но если приглядеться к содержанию 4-го и 7-го параграфов этого документа, то можно увидеть, что и в данном случае уступка была весьма относительной:

«<...> 4. Те избранные особы имеют сочинять все, что к правлению всего государства принадлежит и что оне вымыслить могут к ползе отечества. А ежели Верховной совет или Сенат к ползе отечества вздумают и пошлют к тем выбранным особам тое материю толко сказать, и те избранные особы имеют о той материи между собою советовать и как к государственной ползе рассудят, так и сочинить...

7. Как те выборные между собою какое дело сочинят и утвердят, и тогда всем им с тем делом взойти в Сенат и с ними советовать и согласитца. А как выборные и Сенат о том деле согласятца, тогда выборным и Сенату всем итти с тем делом в Верховной совет и всем обще о том деле рассуждать. А как выборные, Сенат и Верховной совет о каком деле все согласятца, и тогда послать с тем делом несколько особ к ее императорскому величеству и просить, чтоб конфирмовала».¹²⁷

Из этих пунктов следует, что законодательная инициатива самого Совета вместе с подчиненным ему Сенатом сохранялась на весь период составления нового законодательства. Устанавливалась и весьма сложная процедура утверждения законов с требованием общего согласия и после-

довательным прохождением законопроекта через ряд учреждений и зависимую от «верховников» императрицу (ведь о пересмотре или отмене «кондиций» речи не было), что практически оставляло Верховный Тайный совет на неопределенное время в качестве высшей инстанции при принятии любого закона.

Характерно, что сами «верховники» вполне понимали трудности, ожидавшие депутатов нового «Учредительного собрания», и их неготовность к такому делу. Их надо было выбирать с участием всех православных дворян империи, «чтоб никто, никак и ничем от того согласия не отговаривался ни заслугами, ни рангом, ни старостию фамилии и чтоб всякому был один голос». Сколько бы ушло времени на «избирательную кампанию» при понятных технических трудностях и обычном «нетстве», когда дворяне смотрели на очередной призыв в Петербург как на новую тягостную службу? В 1730 г. по вызову в очередную комиссию для окончания Уложения в столицу явилось только 5 человек, да и тех пришлось отправить обратно из-за их непригодности к законодательной работе. В конце-то созванном присутствии должны были дежурить «две особы, а голос им не давать, толко чтоб оне содержали в том их собрании доброй порядок, а имянно голоса давали, шум и крик, а особливо брань унимали».¹²⁸ Очевидно, подобные сцены заранее предусматривались опытными бюрократами, в руках которых оставалась бы реальная и ничем не ограниченная исполнительная власть.

«Способы...» стали последним документом Верховного Тайного совета, с которым его авторы собирались обратиться к шляхетству к исходу третьей недели февраля, спустя месяц после начала событий и ожиданий обнародования нового государственного устройства. Но и это привлекательное, на первый взгляд, предложение не оставляло надежд на компромисс с оппозицией по главному пункту — объему власти самого Совета, состоявшего из двух знатных фамилий. Более того, выдвинутые ранее предложения об увеличении численности Совета на этот раз даже не упоминались.

Но и этот проект остался неизвестным публике и был похоронен в бумагах Верховного Тайного совета. Если принять мнение Протасова о составлении «Способов...» к 18 февраля, то дальнейшее развитие событий становится загадочным. До новой «революции» оставалась ровно неделя. Как же использовали это время «верховники» и их противники? Сам Г.А.Протасов полагал, что Совет «не догадывался о надвигающейся катастрофе. Он был убежден, что контролирует положение, и не очень торопился с завершением реформы».

Может быть, и так. Но именно ко времени начала работы над «Способами...» относятся свидетельства дипломатов о разногласиях среди «верховников». Все они уже давно отметили своевременную «болезнь» Остермана и его демонстративное уклонение от участия в работе. Мардефельд в депеше от 5 февраля указал на разногласия между фельдмаршалами В.В.Долгоруковым и М.М.Голицыным; 12 февраля он же передал в Берлин, что канцлер Г.И.Головкин последовал примеру Остермана и «устранился добровольно» от дел. Судя по этому донесению, в тот день члены

Совета едва ли не в последний раз сумели продемонстрировать единство: они в полном составе явились на дом к Остерману и вынудили его подписать «некоторые пункты основных государственных законов». Что это был за документ — неизвестно, что, впрочем, может свидетельствовать и об умении вице-канцлера замечать следы.

19 февраля Лефорт отметил отъезд в деревню А.Г.Долгорукова, на который «смотрят как на приличное изгнание»; он же в донесении от 23 февраля сообщил, что «законодатели между собой не согласны». В тот же день Маньян писал о «затруднениях, встречающихся по поводу составления новой формы правления», напрасно надеясь, что «результаты вскоре будут обнародованы».¹²⁹

Документальным свидетельством разногласий членов Совета осталась записка В.Л.Долгорукова — последний по времени из дошедших до нас планов «верховников». Главная ее цель — как можно скорее «убегнуть разногласия» и «удовольствовать народ», а главное средство для этого — немедленно пополнить Верховный Тайный совет новыми членами, т.е. принять главное требование оппозиции. По мнению Василия Лукича, это можно было бы сделать путем немедленной организации выборов с участием Сената и «несколько генералов и из штатских, которые в тех рангах».

Более сложный, но и более «демократичный» путь состоял в том, чтобы условиться с Сенатом о числе новых кандидатов, тут же объявить о выборах от лица императрицы и призвать выдвигать кандидатов чином не ниже полковника; затем собрать генералитет и прочее дворянство отдельно, чтобы они «избрали между собою годных людей... человек и дали б им выбор и полную мочь за себя и за всех... присутствующих и отсутствующих». Третий вариант действий допускал сначала избрание предложенных «Способами» 20–30 депутатов с тем, чтобы «прежде выбору те, кому выбирать, знали, х каким делам те выборные 30 особ потребны, и потому б выбирали. Тако ж чтоб по тому народ узнал, что к ползе народной дело начинать хотят».¹³⁰

Никаких следов дальнейшей работы над этим или каким-либо другим документом нет. Вместе с тем в эти дни Верховный Тайный совет работал напряженно. Шла подготовка к принятию присяги. Согласно журналу заседаний, 20 февраля Совет призвал сенаторов и других назначенных для ее проведения «выборных персон» и спросил их, «довольны ли тою присягою, на что все согласно ответили, что довольны». Этим жестом «верховники» стремились успокоить шляхетство, ожидавшее (по сочинению Феофана) каких-либо принципиальных изменений в этом документе в ущерб императорской власти. Но, как известно, текст присяги не содержал никаких нововведений и не мог вызвать разногласий.

Только в воскресенье 22 февраля заседаний Совета не было; в остальные, последние дни «конституционного движения» 21, 23, 24 и 25-го «верховники» съезжались и работали постоянно, о чем свидетельствуют записи в неопубликованном журнале заседаний и изданные протоколы.

Эти документы производят странное впечатление. С одной стороны, в Совете кипела работа: постоянно присутствовали Г.И.Головкин, Д.М.Голицын, В.В.Долгоруков; каждый день приходил на заседания «сторожив-

ший» Анну Иоанновну В.Л.Долгоруков и появлялся с документами из Военной коллегии М.М.Голицын; с 23 числа присутствовал даже «отосланный» в деревню А.Г.Долгоруков. Совет ежедневно требовал и получал рапорты о проведении присяги, менял сенаторов, «чтоб остановки не было в делах».

С другой стороны, удивляет обилие сугубо текущих дел. 23 февраля совет распорядился уничтожить карантин в Царицыне и учредить такой же в Киеве; приказывал выдать 10 тысяч рублей на расходы императрице и послать инженеров для исправления Царицынской укрепленной линии. 24 февраля «верховники» указали отпустить 35 тысяч рублей на ремонт пограничных крепостей; по просьбе М.М.Голицына произвели заслуженных подполковников в полковники, распорядились о выдаче «окладного провианта» офицерам гарнизонов в Прибалтике, поставке ружей в полки ландмилиции, заготовке провианта и фуража в магазинах Украинской армии и т.д.¹³¹ Но они так и не нашли времени на завершение своего главного дела — составления и обнародования новой «формы правления», хотя именно этого ожидали в обществе.¹³²

Складывается впечатление, что в последнюю неделю своего правления Совет уже не был способен на такие усилия. Давление оппозиции и внутренние разногласия подорвали и без того относительное единство его членов: в эти дни «верховники» уже просто плыли по течению и были на пороге капитуляции — или уже перешагнули этот порог. Именно так можно расценить информацию Лефорта (в донесении от 2 марта 1730 г.): за день до «революции», 24 февраля, члены после нескольких безуспешных попыток пригласить императрицу для утверждения «составленного образа правления» решились «объявить ее величество самодержицей, что и исполнили все члены собрания вместе. Она ответила им, что для нее недостаточно быть объявленной самодержицей только восемью лицами».¹³³

Черновой журнал заседаний Совета подтверждает, что 24 февраля его члены собрались вместе (за исключением Остермана) и решали вопросы о выдаче жалования придворным карлицам и переводе «Аврама арапа» в майоры Тобольского гарнизона, но ничего не сообщает о таком визите к Анне, так что судить о достоверности этого известия трудно.¹³⁴ Но в любом случае пассивность «верховников» в последние дни «конституционного» правления несомненна, на фоне крепнувшей «партии» сторонников самодержавия.

Хроника «революции» 25 февраля 1730 г.

Ядро «партии» противников любых «конституционных» преобразований, по всей вероятности, стало складываться еще в последних числах января, как только стало известно имя новой императрицы и поползли слухи об ограничении ее власти. Главные фигуры этого движения хорошо известны по донесениям дипломатов и указаниям наиболее осведомленных мемуаристов. Это родственники Анны Салтыковы, и прежде всего ее дядя В.Ф.Салтыков и двоюродный брат, майор Преображенского полка С.А.Салтыков; затем третий фельдмаршал князь И.Ю.Трубецкой и фигу-

ры сугубо придворные, вроде камергера Р.Левенвольде. Неудивительно, что подписей этих лиц мы не встречаем ни под одним проектом. Однако сами по себе они большой силы не представляли, и при другом раскладе сил «верховники» могли бы смело игнорировать их неудовольствие. Но по мере нараставшего расхождения Совета и оппозиции они неизбежно должны были стать центром притяжения для недовольных и обиженных.

Другую группу противников планов Верховного Тайного совета представляли крупные фигуры, целиком обязанные своим положением петровским реформам: генерал-прокурор Ягужинский, вице-канцлер Остерман, архиепископ Феофан. Все они, кроме Остермана, были отодвинуты «верховниками» от власти и мириться с подобной ситуацией не собирались. Но если решительные действия Ягужинского хорошо известны, то сказать что-либо конкретное о поведении Остермана в эти дни довольно трудно. Не исключено, что, опять-таки при ином развитии событий, опытный бюрократ и дипломат вполне мог вписаться в новое государственное устройство; но играть первую скрипку при решении внешнеполитических вопросов Д.М.Голицын и В.Л.Долгоруков ему вряд ли позволили бы, как и выполнять роль посредника между Советом и императором.

Что касается Феофана, то он, несомненно, был искренним сторонником петровских реформ, и принять ломку этой системы ему было трудно, если не невозможно. Тем не менее не исключено, что и этого незаурядного человека можно было склонить к сотрудничеству при выработке и обсуждении нового политического устройства. Ведь Феофан был одним из немногих лиц, разбиравшихся в политической теории и идеях своего времени. Принадлежащее его перу «Изъяснение, каковы были неких лиц умыслы, затейки и действия» исходит из того, что «верховники» «искали общей государства пользы», однако делали это крайне неуклюже, что могло ввергнуть страну в «кровавое смущение».

Но ему надо было обеспечить достойное место в реальной политике, а отношение Совета и лично Д.М.Голицына к Синоду и высшему духовенству это исключало. Да и нежелание «верховников» поступиться частью своей власти в пользу других членов генералитета неизбежно должно было укреплять позиции их противников. Умелая пропаганда могла только подогревать подобные настроения в среде, не принимавшей прямого участия в событиях, но способной стать решающей силой, т.е. гвардии.

Мы не знаем, как воспринимали гвардейские солдаты и офицеры возникшую ситуацию и о чем они говорили в казармах и на квартирах. Но полковые документы — приказы, рапорты, ведомости, прошения — говорят, что положение гвардии по сравнению с петровской эпохой не изменилось. По-прежнему гвардейцы назначались на «гражданские» посты, дежурили в государственных учреждениях (включая сам Верховный Тайный совет¹³⁵), отправлялись в разнообразные «посылки». При этом в массе своей они оставались людьми не слишком знатными и не богатыми. Солдатские и офицерские челобитные 1730 г. показывают, что их податели часто были неграмотными — за них расписывались однополчане. Эти бумаги рассказывают о наиболее волновавших гвардейцев «домашних обстоятельствах»: у одних бежали крестьяне или дворовые, у других слу-

чился пожар, украли лошадей или объявились в деревне «воровские люди»; у третьих были постоянные проблемы с соседями, которые захватывали спорную пашню или луга, ломали заборы или «собрався многолюдством с людьми своими и со крестьяны и пришед днем к омбаром моим и выломали двери и хлеб, которой был, выгребли без остатку», как жаловался солдат Михаил Челищев.¹³⁶

Первым свидетельством настроений гвардии в эти дни стало сообщение де Лириа от 2 февраля: он передал, что гвардейские офицеры открыто говорят о том, что предпочитают быть «рабами одного монарха», чем служить «тирании» знатных фамилий. Подобные настроения, по свидетельству других дипломатов, были типичны для многих представителей шляхетства в те дни. Можно предположить, что какая-то информация о гвардейском недовольстве дошла до правителей. Из приказов по Семеновскому полку за 1730 г. следует, что в тот же день (2 февраля) всем командирам рот было поручено объявить унтер-офицерам «осматривать салдат, чтоб все начевали при квартирах; ежели в ротах явятца в каких словах, оных присылать немедленно под караул на полковой двор».¹³⁷ Почему не ночевали солдаты на квартирах и какие именно «слова» могли явиться, — документ ничего об этом не говорит.

Следующие известия о делах и мыслях гвардейцев у нас появляются со времени прибытия в Москву императрицы, что само по себе должно было усилить монархические настроения. Согласно «походному журналу», рано утром 10 февраля не выспавшуюся Анну (на предыдущей остановке в Клину ей пришлось ночевать в саях — видимо, помещений без тараканов не нашлось) встречали в селе Чашниково посланцы Синода и Сената; в тот же день к вечеру ее «поезд» прибыл в подмосковное Всехсвятское. Несколько дней Анне предстояло отдыхать, пока в Москве проходили похороны Петра II и шли последние приготовления к ее торжественному въезду в столицу.

Здесь Джеймс Кейт единственный из мемуаристов отметил появление Остермана, который, «будучи больным со дня смерти императора, нашел в себе достаточно сил посетить ее там, и два дня спустя императрица объявила себя капитаном кавалергардов и полковником первого полка пешей гвардии».¹³⁸ Генерал, возможно, намеренно подчеркнул связь событий, в ходе которых Анна рискнула нарушить принятые ею «кондиции». Это произошло 12 февраля, когда императрице представлялись прибывшие для ее охраны батальон Преображенского полка и кавалергарды (этот день станет при Анне полковым праздником). Гвардейцы во главе с майором Нейбушем бросились в ноги своей «полковнице», а кавалергарды удостоились приема в «покоях» и получили из рук Анны по стакану вина.¹³⁹ Такая «агитация» была явно более доходчивой, чем плохо понятные политические проекты.

Для «верховников» такое начало не предвещало ничего хорошего; не случайно, пожалуй, самый осведомленный из дипломатов Мардефельд указал, что 12 февраля Совет предпринял «атаку» на вице-канцлера и заставил его подписать какие-то бумаги. Другим ответным ходом правителей был их визит к Анне в субботу 14 числа, во время которого князь Д.М.Голицын в приветственной речи напомнил Анне о взятых ею на себя обязательствах.

Но это были не более чем слова. Полковые же документы показывают, что на фоне разногласий и бездействия Совета императрица стремилась завоевать симпатии гвардии. Уже 12 февраля она «именным повелением» произвела преображенского сержанта Григория Обухова в прапорщики и трех солдат — в капралы. На следующий день капитаны того же полка Александр Лукин и Дремонт Голенищев-Кутузов стали майорами, т.е. вместе с майором С.А.Салтыковым фактическими командирами полка. 16 февраля императрица пожаловала в новый чин целую группу преображенцев, а полкового адъютанта И.Чеботаева — «через линейю» (т.е. не по старшинству) сразу в капитан-поручики, «дабы на то другие смотря, имели ревность к службе».¹⁴⁰

Подобные указы, как правило, утверждали уже согласованный полковым начальством порядок; но здесь важен был эффект милостивых «повелений», воскрешавших образ великого полковника. Не случайно именно в эти дни (16 февраля) Маньян зафиксировал в своем донесении вдруг появившееся «весьма высокое мнение о личных достоинствах этой государыни, высказывая не раз сожаление, что она не может изменить своего пола, чтобы иметь возможность применить великие таланты, признававшиеся за ней Петром». Это сообщение показывает, как буквально на глазах творилось в те дни «общественное мнение». Недалекая и, в общем, несчастная Анна, заброшенная по воле Петра в курляндскую глушь (ни о каком признании им ее «великих талантов» и речи быть не могло), представляла истинной преемницей великого императора.

15 февраля императрица, как сообщал газетный «репортаж» тех дней, «изволила пред полуднем zelo преславно, при великих радостных восклицаниях народа в здешней город свой публичный въезд иметь». У крепостных ворот ее торжественно встретили депутаты от дворянства, купечества и духовенства, где Феофан Прокопович произнес приличествовавшую случаю речь. Анна поклонилась праху предков в Архангельском соборе и проследовала под ружейную пальбу выстроенных в шеренги полков в свои новые «покои» в Кремлевском дворце. В тот же день все гвардейские солдаты получили от Анны по рублю; на следующий день началась раздача вина по ротам, а 19 февраля полки получили жалование.¹⁴¹

По мемуарам Манштейна, императрица в эти дни не только щедро раздавала подарки караульным гвардейцам, но и стремилась «возбудить несогласие между членами Верховного совета», что ей, видимо, удалось. Насколько верны свидетельства Манштейна и Вестфалена о переходе на сторону «партии» самодержавия канцлера Головкина и ходившие впоследствии слухи о том, что окружение Анны сумело договориться с князьями Голицыными против долгоруковского клана,¹⁴² проверить сейчас невозможно. Но бездействие и противоречия среди членов Совета в эти решающие дни очевидны.

Следующим важным этапом в «перетягивании» власти на сторону императрицы стала присяга. «Верховники» не рискнули сделать какие-либо принципиальные изменения в ее тексте, и для подписывавшихся под ней Анна оставалась, безусловно, самодержицей. Сохранившееся архивное дело свидетельствует, что 20 февраля в кремлевском Успенском

соборе присягу приняли гвардейский Преображенский полк, члены Синода, высшие военные и «статские» чины империи вместе с самими «верховниками» и прибывшим украинским гетманом.

Семеновский полк присягал в Архангельском соборе, а всего в столице эта процедура проходила в 14 храмах. Ею руководили сенаторы и генералы, среди которых находились как лидеры оппозиции (А.И. Ушаков, Г.Д. Юсупов, А.И. Шаховской), так и подписавшие «компромиссные» проекты Л.В. и П.В. Измайловы, И.И. Дмитриев-Мамонов, И.П. Шереметев. Присяга продолжалась до 25-го числа; за это время в Москве присяжные листы подписали 11825 человек, среди которых, наряду с генералитетом, гвардией, солдатами и офицерами армейских полков и шляхетством, можно встретить «фабричных работников», купцов, ямщиков, казаков и даже «помещиковых людей». ¹⁴³

По донесению Лефорта от 23 февраля, перед началом этой процедуры фельдмаршал В.В. Долгоруков (именно он руководил присягой своего полка в соборе) «предложил Преображенскому полку присягнуть царице и Верховному Тайному совету; они отвечали ему, что переломают ему все кости, если он снова явится к ним с подобным предложением». ¹⁴⁴ Если так, то это событие можно считать концом всех замыслов «верховников». Тогда объяснимо бездействие Совета в последующие несколько дней, как и возможная попытка «почетной капитуляции» 24 февраля, согласно следующему донесению того же посла.

21 февраля Анна подписала указ об очередной отставке из рядов гвардии 169 человек. 23-го она отстояла службу в Успенском соборе и наградила свою сестру Екатерину Мекленбургскую орденом Екатерины, после чего «публично кушала» во дворце; «причем, — отметили «Ведомости», — дамские особы в преизрядном убранствии, а кавалеры в трауре явились». В эти дни упомянутые «дамские особы» занимались не только «убранствиями». Дипломаты и мемуаристы дружно свидетельствуют: придворные дамы и жены известных деятелей той поры стали новым фактором политических интриг в России и приняли самое активное участие в действиях «партии» сторонников самодержавия.

Урожденные сестры Трубецкие — П.Ю. Салтыкова (жена будущего фельдмаршала П.С. Салтыкова) и М.Ю. Черкасская (жена А.М. Черкасского), А.И. Чернышева (жена генерала Г.П. Чернышева), Е.И. Головкина (двоюродная сестра Анны и жена сына канцлера — М.Г. Головкина), дочь канцлера А.Г. Ягужинская — стали передаточным звеном между вождями «партии» и императрицей, находившейся под постоянным присмотром В.Л. Долгорукова. ¹⁴⁵ Дамская «эмансипация» и приобщение к «политике» — тоже один из результатов петровских реформ, сказавшийся в это бурное время.

Именно П.Ю. Салтыкова, согласно «записке» Татищева, была послана ночью 24 февраля (у Татищева указано 23-е, но события у него «сдвинуты» на один день) известить Анну, что наутро ей поднесут челобитную от недовольного действиями «верховников» дворянства. Такой исход был вполне закономерным при «уперливости» Совета и пестроте политических воззрений его противников. Но из всего дипломатического корпуса только барон Мардефельд точно предсказал такой поворот событий за

две недели. ¹⁴⁶ Вестфален же полагал, что «умы успокоились»; французские дипломаты и Рондо были уверены в «добрых последствиях» нового государственного устройства. ¹⁴⁷

И все же инициатива противодействия «верховникам» была не однозначно «просамодержавной». Мы не знаем, кто был автором т.н. «первой челобитной» (или первого прошения) и как именно этот документ появился на свет; большинство исследователей считает его вышедшим из-под пера В.Н. Татищева. В нем императрице предлагалось «соизволить собраться всему генералитету, офицерам и шляхетству по одному или по два от фамилий, рассмотреть и все обстоятельства исследовать, согласно мнениям по большому голосам форму правления государственного сочинить». ¹⁴⁸

Интересно не столько содержание этого прошения — оно повторяло то, что уже было высказано в проектах, — сколько подписи под ним. Из 87 подписей меньшинство принадлежит группе генералов и чиновников того же ранга, участвовавших ранее в «проекте 364» и, возможно, в «проекте 25». Вопрос в том, какие намерения имели его авторы — недовольные молчанием «верховников» сторонники «конституционного» устройства или стремившиеся таким путем восстановить самодержавие Анны. Какая-то часть из них, вероятно, действительно хотела «воли себе прибавить» и оградить монаршую власть какими-либо прочными «установлениями». Но остальные 59 человек (почти 70 %) — это «новички», не участвовавшие прежде в составлении каких-либо документов и не подписывавшие их. Большинство из них — гвардейские офицеры и кавалергарды. Это соответствует свидетельству Татищева, что гвардейцы Антиох Кантемир и Федор Матвеев собирали эти подписи в полках.

Почему гвардейцы и кавалергарды подписали текст, призывавший не к восстановлению самодержавия, а к учреждению особого «конституционного собрания»? Были ли тому виной ночная спешка или убежденность, что эта бумага направлена против «верховников», а там будет видно? К сожалению, мы можем только предполагать ответ на этот вопрос. Однако если текст прошения действительно принадлежал В.Н. Татищеву и имел в виду не просто восстановление старого порядка, то его автор вольно или невольно повторил ошибку Верховного Тайного совета: высказался от имени тех, кто не разбирался в замысле, и убедил их подписать требования, которые могли ими вовсе не разделяться.

Утром 25 февраля 1730 г. «верховники», за исключением Остермана и находившегося при Анне В.Л. Долгорукова, собрались во дворце и, согласно журналу, «перед делами имели секретные разговоры». О чем они совещались в этот последний день своего пребывания у власти — неизвестно; но дальнейшая работа Совета была вполне рутинной. Обсуждались донесение Адмиралтейства о строительстве гавани в Рогервике и предстоявший рекрутский набор; были подписаны протоколы об изготовлении новых знамен для полков, отправке в Иран инженеров для составления карт этих провинций. Затем в зале заседания появился князь Василий Лукич, и все члены Совета отправились к императрице. ¹⁴⁹

Заседание, очевидно, было прервано появлением во дворце дворянской депутации во главе с фельдмаршалом И.Ю. Трубецким. Произошед-

шая потом сцена не раз описывалась в литературе по разным посольским донесениям. Попробуем их резюмировать.

Почти все депеши состоят из двух пластов информации. Первый — это сведения и впечатления, поступившие к дипломатам к концу дня и отразившиеся в донесениях 25–26 февраля. Эти документы передают главный итог: восстановление самодержавия Анны по просьбе дворянства; но это событие представлено как единый акт (так потом это будет передаваться многими мемуаристами). Только один Лефортов точно знал о двух поданных в этот день, но разных по смыслу прошениях, хотя еще не был в курсе их содержания.

Более точные отчеты появились в последующих депешах от 2–16 марта. Согласно этим уточненным сведениям, во дворец явились около 150 человек (по Вестфалену, Лефорту, Маньяну и Рондо); это число примерно соответствует известным нам по второй появившейся в этот день челобитной 166 подписям находившихся во дворце лиц. Далее дипломаты отметили подачу не одного, а двух прошений, разделенных по времени. Согласно Лефорту и Маньяну, первую челобитную с «чрезвычайно умеренными условиями касательно образа правления» подал князь Г.Д.Юсупов; по данным Вестфалена — он же вместе с А.М.Черкасским и Г.П.Чернышевым; по депеше Лириа — Юсупов и Черкасский. Только сам В.Н.Татищев указал в своей «Записке», что читал это прошение Анне.¹⁵⁰

Анна подписала поданное ей прошение. В это время, согласно донесению де Лириа, гвардейцы и кавалергарды потребовали возвращения императрице законных прав и бросились к ее ногам с криками: «Государыня, мы верные рабы вашего величества, верно служим вашим предшественникам и готовы пожертвовать жизнью на службе вашему величеству, но мы не потерпим ваших злодеев! Повелите, и мы сложим к вашим ногам их головы!»¹⁵¹ Майор Преображенского полка С.А.Салтыков предложил «обуздать всякого, кто осмелится высказать противное мнение».

Г.А.Протасов и А.Б.Плотников сомневались в наличии гвардейского выступления, хотя и с разных позиций: первый автор главную причину краха «конституционной» попытки видел в неоднородности самих депутатов и наличии среди них сторонников самодержавия, которые использовали для этого подачу первого прошения; второй убежден в том, что все уже было решено, поскольку «мысль о восстановлении самодержавия... уже прочно утвердилась, оставалось только решить, как лучше воплотить ее в жизнь».¹⁵² Второе прошение подписывали другие люди, из чего А.Б.Плотников сделал логичный вывод об организации «спектакля» усилиями заинтересованных в восстановлении самодержавия лиц.

Действительно, о выступлении гвардейцев Вестфален, Рондо и Лефортов ничего не сообщают (эти известия есть у де Лириа и Маньяна).¹⁵³ О количестве «конституционалистов» и степени твердости их убеждений можно спорить. Но это вовсе не исключает «давления со стороны приверженцев самодержавия» на собравшихся во дворце дворян,¹⁵⁴ а в какой именно форме оно проявилось — не так важно. Зато такое давление помогает понять произошедшую с явившимися во дворец метаморфозу: подачу одного за другим разных по смыслу прошений.

В 1730 г., как и в 1725 г., не было конспиративного заговора и ворвавшихся в зал гренадеров. Но гвардейские офицеры во дворец пришли и сыграли весьма активную роль, что зафиксировали подписи под первым и вторым прошениями.¹⁵⁵ Первое подписали 20 гвардейцев. Большинство из них потом явилось во дворец, поскольку они же (за исключением пяти человек¹⁵⁶) подписали и второе прошение — о восстановлении самодержавия.

Строевые списки и другие документы Преображенского полка позволяют поименно назвать этих участников: капитаны С.Шемякин, А.Раевский, Ф.Шушерин, С.Епишков, Ф.Полонский; капитан-поручики А.Замыцкий, П.Колокольцов, П.Черкасский, Ф.Матвеев; поручики А.Лопухин, П.Ханыков; подпоручик Д.Золотилов во главе со своим майором С.А.Салтыковым и его сыном, подпоручиком П.С.Салтыковым. Все они подписали первое прошение, но не подписывали до того никаких проектов. Возможно, они не ожидали, что императрице опять предложат какие-то условия, как и очевидец и участник этого события бригадир И.М.Волынский, который не увидел в первой челобитной ничего, кроме просьбы, «чтобы быть в Верховном совете двадцати одной персоне и выбирать их балтированием», о чем написал своему родственнику, казанскому губернатору А.П.Волынскому.¹⁵⁷

В том же письме Волынский указал и на то, что вторую в этот день челобитную он вместе с другими собравшимися подал «за опасностью». Скорее всего, такая «опасность» как раз и проявилась в лице недовольных гвардейских офицеров. Возможно, их уже соответствующим образом подготовили; Рондо сообщил об удвоении караулов 25 февраля. К тому же, по донесению Лефортова, императрица уже вечером 24 февраля приказала своему двоюродному брату майору Преображенского полка С.А.Салтыкову «взять на себя обязанность принимать доклады» и командовать полком и караулами. Рондо узнал о том, что в ночь перед описанным событием В.Л.Долгоруков покинул дворец, где до того бессменно опекал Анну;¹⁵⁸ эти сведения передавались дипломатами уже во второй, уточненной версии событий (соответственно в депешах от 2 и 9 марта).

Если это так, то можно говорить о том, что переворот, во-первых, не являлся внезапной импровизацией, а был подготовлен; во-вторых, он начался уже вечером 24 февраля, когда Верховный Тайный совет утратил власть над дворцом и его охраной. Не случайно было выбрано и время подачи прошения: 25 февраля было последним днем дежурства преобразенцев, с 26-го их сменяли на караулах семеновцы.

К однополчанам подошло «подкрепление» — капитаны С.Пырский и П.Мельгунов; капитан-поручик И.Крамер; поручики И.Зиновьев, Ф.Мещерский, А.Микулин, Ф.Тюменев, А.Татищев, С.Г. и Г.Г.Юсуповы; подпоручики В.Бестужев, В.С.Салтыков, Н.П.Салтыков, Я.Крамер, П.Румянцев и А.Кантемир; полковые адъютанты С.Ресин и И.Беклемишев, полковой секретарь И.Булгаков и только что произведенный Анной прапорщик Г.Обухов. Их подписи стоят под вторым прошением вместе с подписями указанных выше офицеров; но ранее они также ни в какой «политике» замечены не были и появились, как и в памятном многим из них январе 1725 г., явно «с намерением»: они не являлись обычным карау-

лом, который, судя по повседневным приказам, включал только трех-четырех офицеров.

Иные из них (П.Мельгунов, П.Ханыков, П.Салтыков, Я.Крамер, Г.Г.Юсупов) недавно приветствовали императрицу во Всехсвятском и несли при ней караул.¹⁵⁹ Предполагать, что все эти гвардейцы, равно как и появившаяся и оставившая свои подписи под вторым прошением «команда» кавалергардов, были сторонними зрителями или — тем более — «конституционалистами», у нас оснований нет. Строго говоря, гвардейцам незачем было буянить и бряцать оружием; само наличие сплоченной группы гвардейских офицеров (37 человек, включая семеновского майора М.С.Хрушова и подполковника С.А.Салтыкова) и кавалергардов (36 человек) было достаточным аргументом для «добровольного» обращения к Анне о принятии «самодержавства».

Второе прошение обращает на себя внимание также составом прочих подписавших его лиц. Как и в случае с первым прошением, мы видим группу высокопоставленных чиновников, участвовавших в составлении «проекта 364» и «проекта 15». Это генералы И.Ф.Барятинский, С.И.Суккин, Г.П.Чернышев, Г.Д.Юсупов, А.И.Тараканов, А.И.Ушаков; действительные статские советники В.Я.Новосильцев, С.В. Секиотов, М.А.Сухотин, М.Г.Головкин, А.К.Зыбин; тайные советники А.М.Черкасский и Д.А.Шепелев. Видимо, некоторые из них стремились должным образом оправдаться при перемене «конъюнктуры».¹⁶⁰

Под этим документом появились фамилии и других лиц этого же круга, которые первое прошение не подписывали, но пришли сами или были вызваны во дворец. Это генерал М.А.Магюшкин, генерал-майоры С.А.Алабердеев, Л.В.Измайлов, действительные статские советники А.П.Баскаков и П.И.Мусин-Пушкин, придворные М.Д.Олсуфьев, А.Н.Елагин, А.М.Апраксин.

Если предполагать, что именно в этой группе наиболее сильны были «конституционные» настроения, то для давления на них вступили в дело не только гвардейцы. Впервые появилась подпись И.Ю.Трубецкого. Своим авторитетом престарелый боярин и фельдмаршал «агитировал» в пользу Анны, как и другая оказавшаяся во дворце почтенная фигура петровского царствования — Иван Михайлович Головин, генерал-лейтенант, генерал-кригс-комиссар и «главный адмиральский помощник» великого императора, любимый его денщик, умело игравший роль простосердечного и верного слуги.

Но больше всего удивляют, пожалуй, остальные участники этого собрания, вместе с гвардейцами решившие судьбу «кондиций» и прочих преобразовательных планов. Подсчеты показывают, что из 166 человек 62 вообще не подписывали до того никаких документов, в том числе — первого прошения. Вместе с 19 офицерами и чиновниками, подписавшими только первое прошение (но ни одного из предыдущих проектов), их количество составляет 81 человек — почти половину из присутствовавших во дворце 25 февраля.

Среди них были не только гвардейцы и кавалергарды, но и армейские офицеры (неграмотный майор П.Коркачев, капитаны П.Васьков, Д. Сафонов, А.Брылкин, И.Анненков,) симбирский воевода Б.Маевский, обер-

аудитор Ф.Дурасов, камер-паж С.Баклановский, молодой И.И.Бецкой — незаконнорожденный сын И.Ю.Трубецкого; прочие лица, не указавшие чина и звания и неизвестно как оказавшиеся в составе депутации. Все они не имели видимого отношения к предыдущим событиям; мы можем только предполагать, были ли они случайными людьми, примкнувшими к недовольным, или подобранными статистами в руках организаторов этого спектакля. Но свою роль в воздействии на генералов они сыграли.

Под давлением гвардейцев и прочих, случайных или намеренно собранных, защитников монархии собрание решило просить Анну «всемилошвейше принять самодержавство таково, каково ваши славные и достохвалыные предки имели». Все представители генералитета, поддержавшие накануне первое прошение, подписались под этой просьбой, за исключением двух человек — генерал-майора П.Л.Воейкова и сенатора И.Г.Головкина (возможно, они не смогли по какой-то причине прибыть в этот день во дворец). Дополнением к этому главному пункту служила просьба устроить Сенат в составе 21 члена и выбирать сенаторов и губернаторов, «как то при дяде вашего величества е.и.в. Петре Первом установлено было». И уж совсем неопределенно звучало пожелание «форму правительства государства для предбудущих времен ныне уставлять».

Тридцать душ, или Цена «конституции»

Что чувствовали представители российской элиты, только что обсуждавшие программы реформ, а теперь просившие о восстановлении самодержавия, нам неизвестно. Мы также не знаем, кто из них ставил свои подписи по убеждению, а кто — по «конъюнктуре» или «за опасностью». Известен один — правда, весьма специфический — документ, способный пролить свет на мотивы действий одного из главных действовавших в этот день лиц — князя Г.Д.Юсупова.

Комнатный стольник и товарищ детских игр Петра I, князь Григорий Дмитриевич прошел тяжелый и славный путь боевого офицера. Уже в 1707 г. он стал майором родного Преображенского полка, в котором прослужил всю жизнь. С 1719 г. он бессменно состоял членом Военной коллегии и, в отличие от Меншикова, не запятнал своего имени казнокрадством. В 1727 г. во время «свержения» Меншикова он заслужил доверие Верховного Тайного совета и стал подполковником гвардии.

В 1730 г. князь Юсупов подписал «проект 364»; 25 февраля, согласно донесениям дипломатов, именно он подавал Анне на подпись прошения (последнее вместе со своими сыновьями-гвардейцами). Немилости Анны в адрес некоторых из участников «конституционного движения» не коснулись князя, ставшего сенатором и генерал-аншефом; но в сентябре этого же 1730 г. он внезапно скончался. Его старший сын Борис Григорьевич преуспел на придворной и административной службе: стал при Анне камергером, затем сенатором и московским губернатором. Дочери повезло меньше.

Княжна Прасковья Юсупова — как видно из ее следственного дела 1735 года в Тайной канцелярии — в том же 1730 г. по доносу родного брата Бориса попала в ссылку за то, что собиралась «склонить к себе на ми-

лость через волшебство» новую императрицу. Отправленная «под начал» во Введенский Тихвинский монастырь княжна вела себя независимо и поддерживала с помощью своей «похабной девки» отношения с кем-то за пределами обители. На допросе прислуга не стала скрывать, что дочь князя тяжело переживала свое заточение и считала началом своих бед те самые события зимы 1730 г., в которых участвовал ее отец.

«Батюшка де мой з другими, а с кем не выговорила, — передавала речи Прасковьи Юсуповой ее служанка, — не хотел было видеть, чтоб государыня на престоле была самодержавная. А генерал де Ушаков — переметчик, сводня; он з другими захотел на престол ей, государыне, быть самодержавною. А батюшка де мой как о том услышал, то де занемог и в землю от того сошел». Это любопытное показание свидетельствует — при всей особенности восприятия политической ситуации своенравной княжной, — что князь Юсупов и другие представители генералитета были не против ограничения власти новой императрицы, но вовсе не являлись убежденными «конституционалистами». Прасковья Юсупова объясняла желание ее отца урезать власть Анны тем, «что наперед слышал, что она будет нам неблагодетельница».¹⁶¹

С момента подачи второго прошения (после 15 часов по журналу Верховного Тайного совета) начался процесс «передачи власти». По приказу Анны были доставлены для публичного «изодрания» подписанные ею «кондиции» и кабинетская печать. Потом А.М.Черкасский и М.М.Голицын-младший отправились в Сенат с приказанием немедленно остановить уже начавшуюся по стране присягу, вернуть все использованные и неиспользованные присяжные листы и готовиться к новой процедуре с 1 ноября.¹⁶² На следующий день правители собрались вшестером (Остерман продолжал «болеть») во дворце для сочинения того, что сами так и не решились сделать: нового текста присяги. Он был представлен царице через нового хозяина двора генерала С.А.Салтыкова и удостоился ее «апробации».

Последним днем заседаний Верховного Тайного совета стало 28 февраля. В этот день «верховники» сами вынесли приговор своему правлению: составили манифест о «принятии самодержавства», который лично отнесли на подпись к императрице вместе с черновиками «пунктов» — Анна явно интересовалась подробностями «затейки» своих противников.¹⁶³

В эти же дни, начиная с 26 февраля, окружение новой самодержицы приняло масштабную политическую акцию по утверждению легитимности нового режима, на которую исследователи, как правило, не обращали внимания. Получалось, что своим самодержавием императрица была обязана 166 собравшимся во дворце дворянам, что немногим отличалось от «выборов» ее «верховниками». Поэтому в Столовой палате Кремлевского дворца была положена копия второго прошения 25 февраля, и началась процедура ее подписания, к которой была привлечена «общественность».

Первыми этот документ подписали муж сестры Анны И.И.Дмитриев-Мамонов и главные герои событий — преображенские майоры В.Нейбуш, А.Лукин, Д.Голенищев-Кутузов и другие офицеры. С пятого листа начинаются подписи архиереев во главе со «смирненным Феофаном». Затем попеременно идут подписи гвардейцев, генералов, офицеров находив-

шихся в Москве полков, чиновников центральных учреждений и контор, придворных — от высших чинов до стряпчих, подключников и «дозорщиков конюшенного ведомства».

«Приложили руки» к прошению ученики «московской академии» и «математической школы», представители «смоленской шляхты» (не умевшие по-русски и подписывавшиеся латинскими буквами) и — на последних листах — московские купцы, мещане городских слобод (Хамовной, Кадашевской, Конюшенной и пр.) и даже случайные приезжие, в их числе серпуховской купец Иван Кожевников и «вологжанин посадский человек Дмитрий Сукин». Основная масса подписей (1182) была получена в первый же день, а всего с 26 февраля по 7 марта 1730 г. прошение подписали 2246 человек.¹⁶⁴

Инициаторы этой пропагандистской акции умело использовали — в отличие от своих противников — тактику «гласности» и старую традицию «земских» челобитных XVII века, хотя и с совершенно противоположными целями. Сотни подписей разного чина подданных придавали должное оформление совершённому государственному перевороту. Но вместе с тем они должны были продемонстрировать всенародную поддержку самодержавной Анны, чтобы не делать ее «восшествие» излишне зависимым от той или иной группы вельмож или гвардейских офицеров. Впрочем, потом участие «общественности» в историческом акте было признано излишним.

В первые дни после победы власти издали манифест, гласивший, что «верные ж наши подданные все единогласно нас просили, дабы мы самодержавство в нашей Российской империи, как издревле наши прародители имели, воспрять изволили, по которому их всенижайшему прошению мы то самодержавство воспрять и соизволили», — но уже через две недели спохватились, т.к. ведь подобная трактовка все же сохраняла представления о подчинении самодержца воле «общенародия». Новый манифест от 16 марта 1730 г. о предстоящем венчании Анны на царство уже не допускал и мысли о каком-либо ином источнике власти: «От единого токмо всевышнего царя славы земнии монархи предержашую и крайне верховную власть имеют». Немедленно началась переприсяга всех служащих империи уже самодержавной Анне. Правда, на российских просторах полицейские порядки органично сочетались с неисполнением самых грозных указов; даже семь лет спустя еще находились в достаточном количестве «неприсяжные люди», которых надлежало разыскивать и сдавать в солдаты как «изменников».¹⁶⁵

Далее последовала раздача «пряников» вместе с пока умеренным применением «кнута» — начинать новое царствование с расправы было бы неуместно. Четвертого марта 1730 г. Верховный Тайный совет был упразднен, а Сенат — как и просило дворянство — восстановлен в составе 21 человека. На первых порах туда вошли как вчерашние «верховники» (за исключением А.Г.Долгорукова), так и их противники — Остерман, И.Ю.Трубецкой, Черкасский, Ягужинский, Салтыков. По случаю коронации раздавались звания, ордена и имена тем, кто помог Анне утвердиться на престоле: Никите Трубецкому, Антиоху Кантемиру, Алексею Черкасско-

му. Новыми статс-дамами двора стали деятельно участвовавшие в борьбе за престол графини Е.И. Головкина, Н.Ф. Лопухина, П.Ю. Салтыкова, баронесса М.И. Остерман и княгиня М.Ю. Черкасская. Сам Остерман был пожалован в графы, гвардейские командиры — И.И. Дмитриев-Мамонов, Г.Д. Юсупов, Г.П. Чернышев — в генерал-аншефы.

При этом новая власть применяла проверенный принцип «разделяй и властвуй». Молодой Иван Долгоруков уже 27 февраля был «выключен» из майоров гвардии, а 5 марта его посадили под домашний арест и потребовали вернуть вещи «из казны нашей». ¹⁶⁶ Одновременно фельдмаршалы В.В. Долгоруков и М.М. Голицын получили от Анны по 7 тысяч рублей. Последнему императрица, кроме того, пожаловала 4 волости в Можайском уезде; жена князя стала первой дамой двора — обер-гофмейстериней, а сам он — президентом Военной коллегии. ¹⁶⁷

Скорее всего, все эти меры были продиктованы соображениями разделить и поссорить влиятельные фамилии. Так и представлял дело испанский посол, считавший возвышение фельдмаршала Голицына делом рук Бирона и К. Левенвольде. ¹⁶⁸ Вестфален же рассказывал, как М.М. Голицын у ног Анны просил ее о прощении и оправдывался тем, что «хотел защитить наше несчастное потомство от такого произвола, назначив благоразумные границы их [монархов. — И.К.] непомерной власти и власти фаворитов, которые немилосердно нас мучили». ¹⁶⁹

Возможно, царские милости означали, что боевые генералы дрогнули в решающий момент? 25 февраля оба фельдмаршала никак себя не проявили, а армейские полки столичного гарнизона не оказали «верховникам» никакой поддержки, тогда как во время чтения утвержденных Анной «кондиций» войска охраняли правителей в Кремлевском дворце. М.М. Голицын скончался в самом конце 1730 г.; его старший брат прожил вдалеке от двора еще несколько лет, прежде чем его обвинили в не слишком значительных по нормам той эпохи служебных злоупотреблениях (покровительство зятю при получении наследства) и заключили в каземат Шлиссельбургской крепости, где Д.М. Голицын умер в 1737 г.

После апрельских коронационных торжеств членов опальной фамилии Долгоруковых отправили пока еще в почетную ссылку — губернаторами и воеводами в Сибирь, Астрахань и Вологду. Вскоре правительство нанесло новый удар. В мае бывший посол в Речи Посполитой С.Г. Долгоруков должен был сдать все служебные документы и отчитаться в расхождении выданных ему на подкуп депутатов сейма средств — 6 тысяч червонцев и мехов на 3 тысячи рублей. ¹⁷⁰ В июле капитаны гвардии произвели обыски в домах Василия Лукича, Сергея и Ивана Григорьевичей, в ходе которых были изъяты все бумаги «о делех ея императорского величества», а заодно и библиотека, переданная в Коллегию иностранных дел, где ее следы теряются. ¹⁷¹

Затем Василий Лукич был навечно заточен в Соловках, а Алексей и Иван Долгоруковы отправились по следам Меншикова в Березов. С собой они увозили, как память о прошлом величии, рукописную книгу о коронации Петра II (где изображалась его «персона, сидящая на престоле, да Россия, стоящая на коленях перед престолом его императорского

величества девою в русском одеянии») и его миниатюрный портрет — подарок невесте. Анна желала избежать любых неожиданностей и бесцеремонно приказала обследовать бывшую соперницу Екатерину Долгорукову в связи со слухами о ее беременности. Последнее, к облегчению императрицы, не подтвердилось; но это нисколько не повлияло на судьбу девушки. Через несколько лет мстительная императрица повелела отобрать ее драгоценности и даже маленький портрет Петра II. ¹⁷²

У опальных были конфискованы вотчины, дома, загородные дворы и, как сообщал указ от имени Анны, «многий наш скорбь, состоящий в драгих вещах на несколько сот тысяч рублей». ¹⁷³ В итоге в ведомство Дворцовой канцелярии перешло почти 25 тысяч душ «бывших князей». ¹⁷⁴ За ними тут же выстроилась очередь, многие владения Долгоруковых перешли в руки новых владельцев — Нарышкиных, А.И. Шаховского, А.Б. Куракина, генерала Урбановича, С.А. Салтыкова; даже знаменитому шуту, отставному прапорщику Балакиреву, достался дом в Касимове. ¹⁷⁵ Челобитчики (Г.П. Чернышев, А.И. Шаховской и другие) прямо просили об «отписных» имениях Долгоруковых и Меншикова; некоторые, как В.Н. Татищев, даже точно указывали количество желаемых «душ» в конкретных уездах.

В 1739 г. на ссыльных обрушилось новое следствие, на этот раз окончательное. Императрица лично утвердила состав суда, приговорившего «бывших князей» к смерти. Осенью этого года «верховники» Алексей и Василий и фаворит Иван Долгоруковы были казнены под Новгородом, а «разрушенная невеста блаженная и вечно достойная памяти императора Петра II девка Катерина» заточена в Томский Рождественский монастырь «под наикрепчайшим караулом». ¹⁷⁶

Смена властей и придворных «кумиров» в очередной раз вызвала волну ожиданий, надежд и попыток разными средствами улучшить или укрепить свое положение. Как в 1725 и 1727 гг., весной 1730 г. на рассмотрение верховной власти хлынул поток челобитных и прошений. В архивной подшивке таких бумаг «о пожалованиях» то и дело встречаются знакомые имена участников недавних событий. Старый генерал-лейтенант Ф.Г. Чекин просил об отставке, бригадиры И.М. Волынский и П. Лачинов — о повышении в чин генерал-майора, а фельдмаршал И.Ю. Трубецкой умолял дать ему соответствующую чину «команду». Но особенно много было гвардейских прошений. О чинах, «дворах» и деревнях били челом поручики С.Г. и Г.Г. Юсуповы, придворный фендрик Н.Ю. Трубецкой, капитан-поручик А. Замыцкий, поручик П. Ханьков, подпоручики Дубровин и Шестаков и множество других офицеров и унтер-офицеров. ¹⁷⁷

Всем офицерам гвардейских полков императрица дала великолепный обед. Затем, в отличие от прошлых «революций», императрица решила наградить не отдельных лиц, а весь офицерский состав гвардии. До нас дошли черновые бумаги этого дела, которые говорят, что все «лейб-гвардии офицеры просят о пожаловании им за службы в награждение деревень». В ответ власти потребовали собрать точные сведения о службе и имущественном положении гвардейцев, на основании которых и решался вопрос о награде. Милости последовали, как только были конфискованы имения виновных.

Из заготовленных в Преображенском полку списков следует, что новоиспеченные майоры получили от 50 (А.Лукин и В.Нейбуш) до 100 (Д.Голешичев-Кутузов) душ; капитаны — по 40 душ; капитан-поручики — по 30; поручики — по 25; подпоручики и прапорщики — по 20 душ из «отписных» владений А.Г. и В.Л.Долгоруковых и Меншикова. Награды семеновцам были несколько меньше, поскольку основную роль в недавних событиях сыграли преобразенцы. Поэтому только майору С.А.Шепелеву были пожалованы 100 душ, а новоиспеченным майорам М.С.Хрущову и капитану С.Ф.Апраксину — по 50. Остальные капитаны и капитан-поручики получили по 30 душ, нижестоящие чины — еще меньше. При раздаче, очевидно, учитывались конкретные заслуги каждого лица. Кому-то, как преобразенским капитанам А.Т.Раевскому, С.Кишкину и Н.Румянцеву, пожалования увеличили с 40 до 50 душ; другим, как их сослуживцам капитанам С.Пырскому и Ф.Полонскому, уменьшили до 20 и 15.¹⁷⁸

Награды иного рода ожидали рядовых. 26 февраля Анна повелела выдать 141 рубль гвардейцам-именинникам и 38 рублей — новорожденным солдатским детям. В марте 1730 г. дворяне-рядовые получили возможность отправиться в долгосрочный отпуск до конца года, и в одном только Преображенском полку этой милостью воспользовались 400 человек.¹⁷⁹

Особо отличившихся награждали в индивидуальном порядке. Выказавший личную преданность императрице в памятный день 25 февраля преобразенский капитан И.Альбрехт получил 92 двора в Лифляндии, а капитан И.Посников за неизменные нам заслуги — 90 дворов. Больше всего, конечно, получили главные участники событий: С.А.Салтыкову пожаловали 800 дворов, а «переметчику» А.И.Ушакову — 500.¹⁸⁰ В среднем же восстановление самодержавия «стоило» казне примерно 30 душ в расчете на каждого офицера — это была не слишком большая цена за ликвидацию российской «конституции». Но полковые документы показывают, что для многих гвардейцев, оставшихся беспоместными после 20–30 лет выслуги, даже 30 душ являлись совсем не малой наградой.

Попытка введения новой «формы правления» не удалась. «Верховники» — как бы ни расценивать их политические взгляды и цели — оказались неспособными ни выдвинуть приемлемый для «шляхетства» план государственного устройства, ни пойти на компромисс с другими представителями генералитета. Однако и собравшиеся в столице знатные и незнатные дворяне так же не смогли найти общий язык. Нам кажется, что источники вполне подтверждают определение политической культуры шляхетства образца 1730 г. как «композиционной» и притом включавшей в себя не только элементы «петровской» и «допетровской» традиции,¹⁸¹ но пестрый сплав представлений и настроений с разницей в самом уровне осмысления проблемы. К примеру, даже «конституционалисты» сравнивали разные «формы правления» как на уровне анализа заграничного устройства, так и в дискуссии на тему, не много ли вина и водки выпила императрица Екатерина I.

Просвещенно-амбициозные правители, интересующиеся заграничными «формами правления» чиновники, неопытные «прожектеры», недовольные конкретным выбором «благотельницы» вельможи; полковни-

ки и капитаны, сравнивавшие личные достоинства «кандидатов» в императоры; наконец, просто захваченные волной политических споров провинциальные служивые — такой диапазон уровней политической культуры исключал возможность объединения для тех, кого несколько упрощенно делят на «конституционалистов» (или даже «республиканцев») и «монархистов».

К тому же на выбор могли оказать давление «фамильные», корпоративные и карьерные интересы, открывшаяся возможность смелой интригой обеспечить себе счастливый «случай» или вынужденная оглядка на влиятельного и чиновного родственника-«милостивца». Известную роль сыграла и та «великая трусость», о которой с презрением отзывался Феофан Прокопович. Знавший и взлеты, и опалы А.И.Ушаков или осторожнейший А.И.Остерман выбрали проверенный вариант — самодержавие — и не прогадали: стали предметом зависти и осуждения менее удачливых коллег. Рассказ Лефорты (в донесении от 2 марта) о бессильных угрозах фельдмаршала В.В.Долгорукова в адрес генерала Бярятинского показывает, что Ушаков был не единственным «переметчиком». В итоге без особого напряжения победила «партия» сторонников самодержавия, столь же не оформленная организационно, но отстаивавшая привычные и понятные ценности.

Таким образом закончились два государственных переворота 1730 г. Здесь гвардия в первый раз выступила как самостоятельная политическая сила, независимо от воли командиров. Начальники полков — оба фельдмаршала — заседали в Верховном Тайном совете; прочие высшие офицеры (М.А.Матюшкин, Г.Д.Юсупов, И.И.Дмитриев-Мамонов, А.И.Ушаков и др.) в той или иной степени были причастны к сочинению проектов и не сразу высказались в пользу Анны. Главной силой переворота стали уже не они, а старшие по должности и стажу обер-офицеры — прежде всего ротные командиры. В 1730 г. гвардия выступала только на этом «офицерском» уровне, но при этом сохранила еще сплоченность и приверженность своей законной «полковнице».

Вторая характерная черта гвардейского участия в «революции» — это явное преобладание преобразенцев; семеновцы были представлены только майором С.А.Шепелевым, капитаном М.С.Хрущовым, капитан-поручиком С.Ф.Апраксиным и поручиком Н.Ф.Соковниным (капитан А.Усов подписал только первое прошение). Первый полк гвардии становился, таким образом, и первым в политической борьбе; в дальнейшем — в событиях 1740–1741 гг. — эта «традиция» будет закреплена. Некоторые из преобразенских офицеров действовали «за сценой», обеспечивали надежность караулов и изоляцию «верховников» и их единомышленников. Так, фельдмаршал Миних в своих мемуарах отметил капитана И.Альбрехта, чья карьера была «сделана» в этот день. Впоследствии императрица наградила и тех офицеров полка, чьи подписей нет под прошениями.

Символично, что среди восстановителей самодержавия оказался дед первого дворянина-революционера кавалергардский капрал Афанасий Прокофьевич Радишев. В поддержку императрицы выступили многие

кавалергарды «солдатских чинов»; на самом деле это были офицеры не ниже капитанского ранга. Среди присутствовавших и подписавших второе прошение о восстановлении самодержавия мы смогли найти имя только одного гвардейского унтер-офицера — преображенского сержанта Ивана Шетинина.¹⁸² Остальные унтеры и солдаты пока еще находились вне «политики» и исполняли приказы старших. Но дворцовые «революции» окажутся хорошей школой, и через десять лет корпоративность будет утрачена. В последующих «дворских бурях» мы увидим и предприимчивых одиночек, и младших офицеров (и даже солдат) в качестве лидеров, и несогласованность действий разных полков. Гвардия станет весьма опасной и непредсказуемой силой, что будет «платой» за наступившую в 1730 г. стабильность.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: *Безак Х.* Краткое введение в бытописание Всероссийской империи. СПб., 1785. С.155.
² См.: *Мальгин Т.* Зерцало российских государей. СПб., 1794. С.565 (в первом издании 1789 г. известий о событиях 1730 г. нет).
³ См.: *Болтин И.Н.* Примечания на Историю древняя и нынешняя России господина Леклерка. Б.м., 1788. Т.2. С.470-471,476.
⁴ См.: *Глинка С.Н.* Русская история. М., 1823. Ч.8. С.77; История XVIII столетия или обстоятельное описание всех важнейших происшествий и достопамятных перемен, случившихся в осьмнадцатом столетии. М., 1806. Ч.4. С.151-154.
⁵ РС. 1875. № 2. С.388. Подлинник записки см.: РГАДА. Ф.10. Оп.1. № 364.
⁶ См.: Великие и достохвальные деяния российских государей, полководцев, гражданских чиновников и других людей. СПб., 1803. С.102-104.
⁷ См.: *Вейдемейер А.* Обзор главнейших происшествий в России с кончины Петра Великого до вступления на престол императрицы Елисаветы. СПб., 1832. С.109.
⁸ См.: Там же. С.114-125; *Лефорт А.А.* История царствования государыни императрицы Екатерины II. М., 1837. Ч.1. С.80; *Нехачин И.* Новое ядро российской истории. М., 1810. Ч.3. С.24; *Полевой Н.А.* Столетие России с 1745 до 1845. СПб., 1845. Ч.1. С.48-49; *Устрялов Н.Г.* Русская история. СПб, 1855. Ч.2. С.116.
⁹ *Пушкин А.С.* Собр. соч. В 10-ти т. М., 1976. Т.7. С.162.
¹⁰ См.: «О повреждении нравов в России» князя М.Щербатова и «Путешествие» А.Радищева. М., 1985. С.91,94.
¹¹ См.: *Лунин М.С.* Сочинения, письма, документы. Иркутск, 1988. С.146; *Фонвизин М.А.* Сочинения и письма. Иркутск, 1982. Т.2. С.121.
¹² См.: *Соловьев С.М.* Соч. В 18-ти кн. М., 1993. Кн. X. С.204-211.
¹³ См.: *Карнович Е.П.* Замыслы верховников и челобитчиков в 1730 г. // ОЗ. 1872. № 1. С.209-232; № 2. С.489,509-510.
¹⁴ См.: *Корсаков Д.А.* Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Казань, 1880. С.88-89,113,147-148,284-285,294-296,301.
¹⁵ См.: ВЕ. 1880. № 11. С.337-342.
¹⁶ См.: Дело. 1881. № 1. С.32,37-38,42; *Белов Е.А.* Верховники и дворянство // Историческое обозрение. СПб., 1891. Т.3. С.96.
¹⁷ См.: *Загоскин Н.П.* Верховники и шляхетство 1730 года. Казань, 1881. С.9-10,20,23,50-51.
¹⁸ См.: *Миллюков П.Н.* Верховники и шляхетство // Миллюков П.Н. Из истории русской интеллигенции: Сб. ст. и этюдов. 2-е изд. СПб., 1903. С.13-14,22,33,38.
¹⁹ См.: *Любавский М.К.* Русская история XVIII в. М., 1913. С.41; *Богословский М.М.* Конституционное движение 1730 г. Пг., 1918. С.11,21,25; *Ковалевский М.М.* Очерки по истории политических учреждений России. СПб., 1908. С.97.
²⁰ См.: *Алексеев А.С.* Сильные персоны в Верховном Тайном совете Петра II и роль князя Голицына при воцарении Анны Иоанновны. М., 1898. С.93.
²¹ См.: *Ключевский В.О.* Соч. В 9-ти т. М., 1989. Т.4. С.260,263-264.
²² Там же. С.263,269.
²³ Там же. С.268-269; *он же.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С.388.
²⁴ См.: Очерки истории СССР. Россия во второй четверти XVIII в. М., 1957. С.251; История СССР с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1983. С.321; Очерки русской культуры XVIII века. М., 1987. Ч.2. С.14; История Европы. М., 1994. Т.4. С.405.

- ²⁵ См.: *Протасов Г.А.* «Кондиции» 1730 г. и их продолжение // Уч. зап. Тамбовского педагогического ин-та. Тамбов, 1957. Вып.15. С.215-231; *он же.* Записки Татищева о «произвольном распусчении» дворянства в событиях 1730 г. // Проблемы источниковедения. М., 1963. Вып.ХI. С.246-253; *он же.* Верховный Тайный совет и его проекты 1730 года (источниковедческое изучение) // Источниковедческие работы. Тамбов, 1970. Вып.1. С.65-103; *он же.* Дворянские проекты 1730 г. (источниковедческое изучение) // Там же. 1971. Вып.2. С.61-102; *он же.* Существовал ли «политический план» Д.М.Голицына? // Там же. 1973. Вып.3. С.90-107.
²⁶ См.: *Анисимов Е.В.* Россия без Петра: 1725-1740. СПб., 1994. С.179,191; *Павленко Н.И.* Вокруг трона. М., 1999. С.534-535,540-541.
²⁷ *Плотников А.Б.* Ограничение самодержавия в России в 1730 г.: идеи и формы // ВИ. 2001. № 1. С.66.
²⁸ См.: *Гордин Я.А.* Меж рабством и свободой: 19 января — 25 февраля 1730 года. СПб., 1994. С.160,165,153.
²⁹ См.: *Седов С.А.* Попытка государственного переворота 1730 года в России // ВИ. 1998. № 7. С.56; *Шешин А.Б.* Революционное и освободительное движение в России (этапы и цели) // Там же. 1999. № 9. С.42-43; *Янов А.* Тень грозного царя: загадки русской истории. М., 1997. С.149.
³⁰ *Anderson M.* Europe in the Eighteenth Century. Lnd., 1970. P.180.
³¹ См.: *Donner E.* Das russische Zarenreich: Aufstieg und Untergang einer Weltmacht. München, 1992. S150,152; *Dukes P.* The Making of Russian Absolutism. Lnd., 1982. P.106; *Fenster A.* Anna, 1730-1740 // Die russischen Zaren: 1547-1917. München, 1995. S.194; *Meehan-Waters B.* Autocracy and Aristocracy: The Russian Service Elite of 1730. New-Brunswick, 1982. P.145; *Ransel D.* «The Government Crisis of 1730» // Reform in Russia and the USSR: Past and Prospects. Chicago, 1989. P.60,66-67.
³² См.: *Kivelson V.* Kinship Politics / Autocratic Politics: A Reinterpretation of Early Eighteenth Century Political Culture // Imperial Russia: New Histories for the Empire. Bloomington, 1998. P.15,18; *Meehan-Waters B.* Op. cit. P.158.
³³ Недавняя по времени публикация, к сожалению, является простой перепечаткой «кондиций» и ряда проектов по изданию 1871 г. и монографии Д.А.Корсакова 1880 г. (см.: Конституционные проекты в России XVIII — начала XIX вв. М., 2000. С.167-193). А.Б.Плотников предпринял научное издание четырех документов: «пунктов присяги» и ее черновиков, а также записки В.Л.Долгорукова (см.: *Плотников А.Б.* Программный документ Верховного Тайного совета в 1730 г. // Россия в XVIII столетии. М., 2002. Вып.1. С.38-49).
³⁴ См.: *Корсакова В.Д.* Дипломатические депеши датского посланника при русском дворе Вестфалена о воцарении императрицы Анны Иоанновны // РС. 1909. № 1. С.199.
³⁵ См.: Сб. РИО. Т.15. С.401; Т.5. С.345.
³⁶ См.: *Корсаков Д.А.* Указ. соч. С.5.
³⁷ РГАДА. Ф.3. Оп.1. № 6. Л.1.
³⁸ Цит. по: *Пирлинг П.* Дешепа Виллардо кардиналу Флери от 30 января 1730 г. // РС. 1893. № 11. С.281-282.
³⁹ См.: *Лириа де Я.* Записки о пребывании при императорском российском дворе в звании посла короля испанского // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989. С.235; *Феофан Прокопович.* История о избрании и восшествия на престол блаженныя и вечно достойныя памяти государыни императрицы Анны Иоанновны. СПб., 1837. С.13; Сб. РИО. Т.66. С.155.
⁴⁰ См.: *Dukes P., Meehan-Waters B.* A Neglected Account of the Succession Crisis of 1730: James Keith's Memoir // Canadian-American Slavic Studies. 1978. Vol.12, № 1. P.177.
⁴¹ Сб. РИО. Т.15. С.403. Мардфельд уверенно называл и две обсуждавшиеся кандидатуры — Елизаветы и Анны Иоанновны.
⁴² См.: *Корсакова В.Д.* Дипломатические депеши датского посланника при русском дворе Вестфалена о воцарении императрицы Анны Иоанновны // РС. 1909. № 1. С.201.
⁴³ См.: Письмо о России в Испанию испанского посланника в России при императоре Петре II и в начале царствования Анны Иоанновны // Оснадцатый век. М., 1869. Кн.II. С.197; Сб. РИО. Т.15. С.405. Автор одной из работ о цесаревне утверждал, что находившийся в Москве А.Б.Бутурлин «хлопотал здесь в ее интересах»; но сама Елизавета так и не приехала в столицу (см.: *Стромилов Н.С.* Цесаревна Елизавета Петровна в Александровской слободе // ЧОИДР. 1874. Кн.1. С.16 отд. пар.).
⁴⁴ В записке секретаря совета В.П.Степанова указывается, что Остерман после долгих отговорок «как стигль вести сказывал», а «более диктовал» текст «кондиций» В.Л.Долгоруков (см.: *Бестужев-Рюмин К.Н.* Документы о восшествии на престол императрицы Анны Иоанновны // Памятники новой истории России. СПб., 1871. Т.1. Отд.2. С.10).
⁴⁵ Цит. по: *Корсаков Д.А.* Указ. соч. С.17-18.
⁴⁶ См.: РГАДА. Ф.3. Оп.1. № 6. Л.3,4.
⁴⁷ См.: *Корсаков Д.А.* Указ. соч. С.7.
⁴⁸ См.: РГАДА. Ф.3. Оп.1. № 5. Л.6.
⁴⁹ Цит. по: Там же.
⁵⁰ См.: Там же. № 6. Л.14 об.
⁵¹ См.: Там же. № 5. Л.10,20,22.
⁵² Переписку посольства с Верховным Тайным советом см.: РГАДА. Ф.156. Оп.1. № 202. Л.3-3 об.,27,52.

⁵³ См.: Там же. Л.15,55 об. В этом же деле находится и переписка о лошадях и подводах, и «Журнал походной от Митавы в Москву ее величества великой государыни Анны Иоанновны». См. также: Сб. РИО. Т.101. С.430. Феофан Прокопович не зря упрекал «верховников» в «поспешной» доставке императрицы с риском для ее здоровья: по дороге ей приходилось даже ночевать в санях на улице (см.: *Феофан Прокопович*. Указ. соч. С.28; РГАДА. Ф.156. Оп.1. № 202. Л.96).

⁵⁴ См.: *Феофан Прокопович*. Указ. соч. В одной из копий этого сочинения из «портфелей Миллера» (см.: РГАДА. Ф.199. Оп.1. «Портфель» 150. Ч. VIII. № 7. Л.1-18 об.) указано, что его подлинник имелся в библиотеке П.Б.Шереметева; но найти его нам не удалось. Издателю памфлета А.Терещенко была известна «записка о кончине Петра II и вступлении на престол Анны Иоанновны», авторство которой он также приписывал Феофану. Эта «записка» представляется нам более ранним вариантом того же сочинения: там еще упоминаются посланные Анне «пункты», рассказывается опущенная затем история осылке Сумарокова; говорится в ней и о поданных «от Сената и от генералитета и от прочих чинов» проектах (см.: РГАДА. Ф.2. Оп.1. №3 4. Л.1-8).

⁵⁵ Неопубликованными и неиспользованными, к сожалению, остаются депеши австрийского посла Вратислава и голштинского посланника Бонде. Они как раз, судя по донесениям их дипломатических соперников, проявляли максимальную активность в эти дни: держава Габсбургов срочно запрашивала военную помощь согласно договору 1726 г., а голштинцы стремились возвести на престол маленького Петра-Ульриха — внука Петра I и сына своего герцога.

⁵⁶ См.: Письма о России в Испанию... Кн. II. С.30; Сб. РИО. Т.5. С.345; Т.75. С.458; Т.15. С.405. В публикации депеш Рондо имеется пропуск с 19 января до 2 февраля 1730 г., что маловероятно; но принципы отбора документов и передачи текста в этом издании РИО не оговорены.

⁵⁷ Цит. по: *Корсакова В.Д.* Дипломатические депеши датского посланника при русском дворе Вестфалена о воцарении императрицы Анны Иоанновны // РС. 1909. № 2. С.265-286.

⁵⁸ Последние по времени утверждения о наличии плана см.: *Вдовина Л.Н.* Дворянский конституционализм в политической жизни России XVIII в. // *Монархия и народовластие в культуре Просвещения*. М., 1995. С.38; *Гордун Я.А.* Указ. соч. С.167-174; *Попов Д.Ф.* Проблемы российской абсолютной монархии в русской исторической науке. М., 1999. С.94.

⁵⁹ Суть аргументации Г.А.Протасова состоит в том, что при реконструкции возникших за месяц «конституционного» правления проектов в канцелярии Верховного Тайного совета для какого-либо подобного «плана» просто не оставалось места в ряду датированных и близких по содержанию (или последовательно редактируемых и дополнявшихся) документов. Каких-либо следов наличия «плана» среди относительно неплохо сохранившихся бумаг Совета не обнаружено (см.: *Протасов Г.А.* Существовал ли «политический план» Д.М.Голицына. С.90-107). Ранее существование такого плана отрицал А.А.Кизеветтер (см.: *Кизеветтер А.А.* Дворянские политические проекты 1730 г. // *Науч. тр. Русского народного ун-та в Праге*. Прага, 1929. Т.2. С.82).

⁶⁰ См.: Письма о России в Испанию... Кн. II. С.34-35; Сб. РИО. Т.5. С.347-348; Т.75. С.476; Т.66. С.134.

⁶¹ Маньян и Рондо в донесениях не называют имен; однако один из источников французского резидента известен по его ранним депешам. Это Алексей Юров — дворянин из придворных Екатерины I, поставивший свою подпись под «проектом 364». У испано-шотландского аристократа герцога Лириа был иной круг знакомств, нежели у только что прибывшего и занятого торговыми делами английского консула и бесчиновного француза: он называл в числе своих источников «магнатов» — в частности, Черкасского и Ягужинского. Лефорт же являлся не только родственником знаменитого петровского «дебосана», но прожил на службе в России около 20 лет и своими «друзьями» называл обоих фельдмаршалов — М.М.Голицына и В.В.Долгорукова.

⁶² См.: Сб. РИО. Т.66. С.136.

⁶³ См.: Там же. Т.5. С.345. О таких же настроениях сообщает и приведенное в переписке Маньяна письмо некоего француза из Москвы: «Одни хотят ограничить права престола властью парламента, как в Англии; другие — как в Швеции; иные думают сделать престол избирательным, по примеру Польши; иные же, наконец, высказывают мнение, что нужно разделить всю власть между вельможами, находящимися в государстве, и образовать аристократическую республику» (Сб. РИО. Т.75. С.466-467).

⁶⁴ См.: *Протасов Г.А.* Дворянские проекты 1730 г. С.61-102. Проекты публиковались в приложении к монографии Д.А.Корсакова, в 1871 г. (см.: *Бестужев-Рюмин К.Н.* Указ. соч. С.6-8.), донесениях дипломатов и указанной статье самого Г.А.Протасова (С.99.).

⁶⁵ Д.А.Корсаков неправильно подсчитал подписи под самым «массовым» экземпляром этого проекта (ср.: *Корсаков Д.А.* Указ. соч. Приложение. С.22-48). Наш подсчет по архивному подлиннику показывает, что на самом деле их не 326, а 329. Под третьим экземпляром имеется 7 подписей. Итого получается: 329 + 28 + 7 = 364 (все три экземпляра с подписями см.: РГАДА. Ф.3. Оп.1. № 4. Л.45-45 об. (28 подписей); № 6. Л.16 об.-24 (329 подписей), 25-25 об. (7 подписей)).

⁶⁶ О рукописях и публикациях этих проектов см.: *Протасов Г.А.* Дворянские проекты 1730 г. С.75-82,90-93.

⁶⁷ Этот документ появился уже после событий и представляет собой авторскую переработку «проекта 364» в записке «Произвольное и согласное рассуждение собравшегося шляхетства русского о правлении государственным» — что, разумеется, не исключает активного участия самого Татищева в «движении» 1730 г. и составлении указанных проектов (см.: *Протасов Г.А.* Дворянские

проекты 1730 г. С.82-89; *он же*. Записка Татищева о «произвольном рассуждении» дворянства в событиях 1730 г. С.246-253).

⁶⁸ «Проект 364» опубликован по копии (см.: *Бестужев-Рюмин К.Н.* Указ. соч. С.4-5), нами цитируется по беловому экземпляру из бумаг Верховного Тайного совета (см.: РГАДА. Ф.3. Оп.1. № 4. Л.45-45 об.). «Проект 15» опубликован в переводе с немецкого (см.: *Корсаков Д.А.* Указ. соч. Приложение № 1. С.9-11), нами цитируется по копии из бумаг Верховного Тайного совета (см.: РГАДА. Ф.3. Оп.1. № 4. Л.49-50).

⁶⁹ См.: *Протасов Г.А.* Верховный Тайный совет и его проекты 1730 года. С.73. Все три редакции находятся в одном деле (см.: РГАДА. Ф.3. Оп.1. № 4. Л.25-31,32-41,16-23 об.; черновые заметки см.: Там же. Л.5-9).

⁷⁰ См.: РГАДА. Ф.3. Оп.1. № 4. Л.18.

⁷¹ Там же. Л.25 об., 34. Указанные особенности текста документа, за исключением последней, отмечены в недавней публикации А.Б.Плотникова (см.: *Плотников А.Б.* Программный документ Верховного Тайного совета в 1730 г. С.41).

⁷² См.: *Лонгинов М.Н.* Русский генералитет в начале 1730 г. (по списку П.Ф.Карабанова) // *Османский век*. Кн. III. С.161-177; *Meehan-Waters B.* Op. cit. P.170-202. В опубликованном списке содержится еще целый ряд неточностей: среди генерал-майоров нет указанных в списке Вица и Штафа — зато есть Л.Шток и В.Витвер; генерал-майор Панин не Андрей Васильевич, а Алексей Иванович; генерал Потемкин — Алексей Михайлович, а не Иванович; вице-губернатор Москвы — не Петр Борисович, а Петр Иванович Вельяминов-Зернов.

⁷³ См.: Протоколы, журналы и указы Верховного Тайного совета // Сб. РИО. Т.79,84,94,101; РГВИА. Ф.489. Оп.1. № 7395.

⁷⁴ См.: *Волков Н.Е.* Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. М., 2001. С.141-199; *Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век*. СПб., 1875. Т.2.

⁷⁵ Исследование проводилось по материалам Военной коллегии (см.: РГВИА. Ф.489. Оп.1. № 7395, 7387 (Списки генералитета и штаб-офицеров 1729 г. и 1738 г.); Ф.2583. Оп.1. № 132,146,154,159,163,170; Ф.2584. Оп.1. № 86 (документация гвардейских полков); Верховного Тайного совета (см.: РГАДА. Ф.16. Оп.1. № 48 (донесения Верховному Тайному совету из Герольдмейстерской конторы), учетных данных Сената (см.: РГАДА. Ф.248. Оп.17. № 1155) и книг Герольдмейстерской конторы (см.: РГАДА. Ф.286. Оп.1. № 63,75,106,108,117,119,122,125,133,143)). Использовались, к сожалению, не датированный, список отставных офицеров (см.: Список военным чинам первой половины XVIII столетия // Сенатский архив. СПб., 1895. Т.7. С.636-811) и список морских офицеров (см.: Общий морской список. СПб., 1885-1890. Ч.1-2).

⁷⁶ Во-первых, в своей сводке участников «проекта 364» Д.А.Корсаков в ряде случаев указывал отчества, тогда как, за немногочисленными исключениями, подписи состоят только из имени и фамилии. Поэтому, например, среди участников, скорее всего, был вместо названного им Ивана Ивановича Пушкина, служившего с 1659 г., Иван Калинович Пушкин (см.: Род и предки А.С.Пушкина. М., 1995. С.253,413). Этот же проект подписал не Петр Леонтьевич, а Петр Васильевич Ермолов (см.: *Ермолов А.* Род Ермоловых. М., 1912. С.105). Во-вторых, в 13 случаях Корсаков неверно прочел имена или фамилии подписавшихся лиц.

⁷⁷ Эта работа с приложением уточненного списка участников «проекта 364» и их биографическими данными будет опубликована отдельно.

⁷⁸ См.: *Курукин И.В.* «Время, чтобы самодержавию не быть» (генералитет, дворянство и гвардия в 1730 г.) // ОИ. 2001. № 4. С.3-18; № 5. С.12-21.

⁷⁹ См.: Сб. РИО. Т.94. С.762-764; Т.101. С.159-163.

⁸⁰ Наличие такого раскола важно при тесных родственных связях, характерных для 2/3 генералитета (см.: *Dixon S.* The Modernisation of Russia, 1676-1825. Cambridge, 1999. P.137).

⁸¹ См.: Две записки Татищева, относящиеся к царствованию императрицы Анны // Утро: Литературный сб. М., 1859. С.378. Современную публикацию того же документа см.: *Татищев В.Н.* Избр. произведения. Л., 1979. С.146-153.

⁸² Приписка сделана к копии «проекта 364» (*Бестужев-Рюмин К.Н.* Указ. соч. С.5.). На основании этих данных появились утверждения о «расколе» гвардии в 1730 г. на сторонников и противников самодержавия (см.: *Смирнов Ю.Н.* Русская гвардия в XVIII в. Куйбышев, 1989. С.67).

⁸³ См.: *Бестужев-Рюмин К.Н.* Указ. соч. С.5. Ср.: РГАДА. Ф.6. Оп.1. №211. Ч.1. Л.91-92.

⁸⁴ См.: РГВИА. Ф.2584. Оп.1. № 86 (послужные списки офицеров Семеновского полка 1730 г.); № 81 (приказы по Семеновскому полку 1730 г.); Ф.2583. Оп.1. № 125 (список штаб, обер- и унтер-офицеров Преображенского полка 1727 г.); № 142 и 154 (именные повеления по Преображенскому полку); № 163,164 (списки штаб, обер- и унтер-офицеров Преображенского полка 1731 г.).

⁸⁵ См.: РГАДА. Ф.16. Оп.1. № 36 (донесения в Верховный Тайный совет по Преображенскому полку); Ф.20. Оп.1. № 61 (доклады и ведомости от полков лейб-гвардии).

⁸⁶ В 1729 г. в Москве присутствовал и армейский капитан В.Линев (см.: РГАДА. Ф.286. Оп.1. № 108. Л.68). Кроме гвардейца С.Телепнева, известный член Берг-коллегии с таким именем (см.: *Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век*. Т.2. № 3206) и отставной полковник С.Г.Телепнев.

⁸⁷ Нечинные гвардейцы были уже немолодыми людьми: А.Мякинина, В.Писарева, С.Нестерова, Ф.Рахманинова, П.Мансурова выпускали в отставку или в армию «овер-офицерскими чинами» как «закосневших в солдатстве» (см.: РГВИА. Ф.2583. Оп.1. № 142. Л.108-110; № 146. Л.5-9 об.). Мнение Д.А.Корсакова о том, что Ф.Рахманинов принимал участие в дворцовом перевороте 1741 г., неосновательно: лейб-кампанец Елизаветы стал другой представитель этого же рода (см.: *Корсаков Д.А.* Указ. соч. Приложение. С.40; *Василенко Н.П.* Исторические сведения о роде дворян Рахманиновых. Киев. 1915. С.28-29,37).

⁸⁸ См.: РГВИА. Ф.2583. Оп.1. № 155. Л.5 об., 7 об.,8.

⁸⁹ См.: *Kivelson V.* Op. cit. P. 18; *Le Donne J.* Ruling Families in the Russian Political Order, 1689-1725 // *Cahiers du monde russe et soviétique.* 1987. Vol.28, № 3-4. P.296.

⁹⁰ См.: *Le Donne J.* Op. cit. P.264-265,274-275,284,292.

⁹¹ Среди подписей под «проектом 364» мы видим пятерых Ржевских: неизвестного по генеалогической росписи майора И.И.Ржевского, представителя старшего поколения статского советника А.Т.Ржевского, его племянника морского офицера М.В.Ржевского и еще двух моряков и внучатых племянников – А.И. и П.И.Ржевских. При этом сестра последних была замужем за камер-юнкером и шталмейстером двора царицы Евдокии А.Ф.Лопухиным (его подпись также стоит под тем же проектом); а тетка была женой П.И.Мусина-Пушкина, вместе с отцом и братом подписывавшего оппозиционные проекты. Двоюродная сестра А.Т.Ржевского, Авдотья Ивановна, была замужем за еще одним из главных участников событий – генералом Г.П.Чернышевым и впоследствии стала одной из любимых статс-дам императрицы Анны Иоанновны (см.: *Телетова Н.К.* История рода Ржевских // Род и предки А.С.Пушкина. М., 1995. С.381-382).

⁹² См.: *Долгоруков Ф.С.* Долгорукие, Долгоруковы и Долгорукие-Аргутинские. СПб., 1913. Т.2. С.59 и далее.

⁹³ См.: *Meehan-Waters B.* Autocracy and Aristocracy. P.159.

⁹⁴ Империя после Петра, 1725-1765 /Яков Шаховской. Василий Нащокин. Иван Неплюев. М., 1998. С.242.

⁹⁵ Цит. по: *Dukes P., Meehan-Waters B.* Op. cit. P.178.

⁹⁶ Перевороты и войны /Христиан Манштейн. Бурхард Миних. Эрнст Миних. М., 1997. С.292-293.

⁹⁷ Сб. РИО. Т.75. С.466-467; Т.66. С.137

⁹⁸ См.: *Корсакова В.Д.* Дипломатические депеши датского посланника при русском дворе Вестфалена о воцарении императрицы Анны Иоанновны // РС. 1909. № 2. С.292; Сб. РИО. Т.5. С.351; *Dukes P., Meehan-Waters B.* Op. cit. P.177.

⁹⁹ См.: Сб. РИО. Т.75. С.476-477; Т.5. С.348; Т.66. С.136; Т.15. С.408; *Корсакова В.Д.* Дипломатические депеши датского посланника при русском дворе Вестфалена о воцарении императрицы Анны Иоанновны // РС. 1909. № 2 С.281

¹⁰⁰ РГАДА. Ф.6. Оп.1. № 171. Л.1-2 об., 3 об.-4 об., 184 об.

¹⁰¹ См.: Сб. РИО. Т.66. С.136; Т.15. С.412; Письма о России в Испанию... Кн.П. С.40.

¹⁰² *Феофан Прокопович.* Указ. соч. С.18. В другой записке Феофан вспоминал «безбожную некую душу», которая «похваляла» казнь английского короля в 1649 г. (см.: Изъяснения, каковы были неких лиц умысел, затейки и действия в призове на престол е.и.в. // *Бестужев-Рюмин К.Н.* Указ. соч. С.15).

¹⁰³ Цит. по: *Соловьев С.М.* Соч. Кн.Х. С.211.

¹⁰⁴ См.: *Пуфендорф С.* Введение в историю европейскую. СПб., 1718. С.10. Там же можно было ознакомиться с событиями английской революции XVII в. и с не слишком лестной оценкой отечественных порядков: «Рабский народ рабско смиряется и жестокостию власти воздержаться в повиновении любят» (Там же. С.407). Неизвестно, насколько это сочинение было знакомо российскому шляхетству; однако при Анне Иоанновне в 1731 г. экземпляры книги Пуфендорфа было приказано изъять из обращения «без всякого удержания и утайки» (см.: *Тихонравов К.Н.* Указ Синода об отобрании книги «Введение в историю европейскую» // РС. 1895. № 12. С.148).

¹⁰⁵ См.: *Бестужев-Рюмин К.Н.* Указ. соч. С.7.

¹⁰⁶ Цит. по: *Кантемир А.Д.* Собрание стихотворений. Л., 1956. С. 373.

¹⁰⁷ Цит. по: *Корсакова В.Д.* Дипломатические депеши датского посланника при русском дворе Вестфалена о воцарении императрицы Анны Иоанновны // РС. 1909. № 2. С.281.

¹⁰⁸ *Феофан Прокопович.* Указ. соч. С.18.

¹⁰⁹ РС. 1875. № 2. С.388. Подлинник записки см.: РГАДА. Ф.10. Оп.1. № 364.

¹¹⁰ Только Маньян передал разговор с кем-то, «знакомым с историей своей страны»: неназванный собеседник знал, что «последний царь, владевший российским престолом перед тем, как он перешел к роду Романовых» сам предложил «ограничить абсолютную власть с целью избавить свой народ от тяжкого рабства», но предложение было отвергнуто «знатнейшими лицами в государстве» (Сб. РИО. Т.75. С.506).

¹¹¹ Это уже отмечалось в литературе: см.: *Madariaga I.* Portrait of an Eighteenth-Century Russian Statesman: Prince Dmitry Mikhailovich Golitsin // *Slavonic and East European Review.* 1984. Vol.62, № 1. P.59; *Ransel D.* Op. cit. P.49.

¹¹² См.: *Татищев В.Н.* Избр. произведения. С.148.

¹¹³ Порой усердие преобладало над способностями: в качестве «великого посла» в Константинополе и обер-комиссара в полевой армии Голицын допускал оплошности по неопытности и излишней «уперливости» характера (см.: *Седов С.А.* Д.М.Голицын (1663-1737 гг.): государственная и общественно-политическая деятельность. Автореферат дисс. канд. ист. наук. М., 1996. С.10-15).

¹¹⁴ См.: РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 126. Л.14-15,58.

¹¹⁵ Сб. РИО. Т.66. С.158-159.

¹¹⁶ *Посошков И.* Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М., 1951. С.58.

¹¹⁷ Цит. по: *Корсакова В.Д.* Дипломатические депеши датского посланника при русском дворе Вестфалена о воцарении императрицы Анны Иоанновны // РС. 1909. № 2. С.283.

¹¹⁸ *Татищев В.Н.* История Российская. М.-Л., 1962. Т.1.С.87.

¹¹⁹ См.: *Юхт А.И.* В.Н.Татищев о реформах Петра I // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С.211-217.

¹²⁰ *Татищев В.Н.* Лексикон Российской исторической, географической, политической и гражданской. СПб., 1793. Ч.1. С.234-235.

¹²¹ См.: *Плеханов Г.В.* История русской общественной мысли // *Плеханов Г.В.* Соч. В 24-х т. М.-Л., 1925. Т.21. С.191.

¹²² См.: *Павлов-Сильванский Н.П.* Проекты реформ в записках современников Петра Велико-го. СПб., 1897. С.118.

¹²³ См.: РГАДА. Ф.3. Оп.1. № 5. Л.36-37,38,43.

¹²⁴ Сб. РИО. Т.101. С.444.

¹²⁵ См.: РГАДА. Ф.3. Оп.1. № 4. Л.40.

¹²⁶ См.: *Протасов Г.А.* Верховный Тайный совет и его проекты 1730 года. С.88-95. Подлинник см.: РГАДА. Ф.3. Оп.1. № 4. Л.42-43.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Сб. РИО. Т.15. С.411,414; Т.5. С.358; Т.75. С.498.

¹³⁰ См.: *Плотников А.Б.* Программный документ Верховного Тайного совета в 1730 г. С.47-48; *Протасов Г.А.* Верховный Тайный совет и его проекты 1730 года. С.99-101.

¹³¹ См.: Сб. РИО. Т.101. С.457-522; РГАДА. Ф.3. Оп.1. № 5. Л.59-64.

¹³² См.: Сб. РИО. Т.5. С.358,360; Письма о России в Испанию... Кн.П. С.36.

¹³³ Сб. РИО. Т.5. С.367.

¹³⁴ См.: РГАДА. Ф.3. Оп.1. № 5. Л.64.

¹³⁵ См.: Сб. РИО. Т.101. С.407.

¹³⁶ См.: РГВИА. Ф.2584. Оп.1. № 82. Л.1-439 (прошения об отпуске солдат, сержантов и офицеров Семеновского полка по домашним обстоятельствам в 1730 г.).

¹³⁷ Там же. № 81. Л.12.

¹³⁸ Цит. по: *Dukes P., Meehan-Waters B.* Op. cit. P.178.

¹³⁹ См.: Сб. РИО. Т.5. С.355; Письма о России в Испанию... Кн.П. С.42.

¹⁴⁰ РГВИА. Ф.2583. Оп.1. № 154. Л.13,14,15-15 об.

¹⁴¹ См.: РГВИА. Ф.2584. Оп.1. № 81. Л.22 об.-23 об.

¹⁴² См.: Перевороты и войны. С.29,31; Гофмейстерины, статс-дамы и фрейлины русского двора XVIII и XIX вв. СПб., 1872. С.2; *Корсакова В.Д.* Дипломатические депеши датского посланника при русском дворе Вестфалена о воцарении императрицы Анны Иоанновны // РС. 1909. № 2. С.290.

¹⁴³ См.: РГАДА. Ф.16. Оп.1. № 101. Л.3 и далее.

¹⁴⁴ Сб. РИО. Т.5. С.360.

¹⁴⁵ См.: *Корсаков Д.А.* Указ. соч. С.265-266.

¹⁴⁶ «Если императрица сумеет хорошо войти в свое новое положение и послушается известных умных людей, то она возвратит себе в короткое время полное самодержавие, ибо русская нация, хотя много говорит о свободе, но не знает ее и не сумеет воспользоваться ею» (Сб. РИО. Т.15. С.414).

¹⁴⁷ См.: *Корсакова В.Д.* Дипломатические депеши датского посланника при русском дворе Вестфалена о воцарении императрицы Анны Иоанновны // РС. 1909. № 2. С.283; Сб. РИО. Т.75. С.466-467.

¹⁴⁸ См.: *Бестужев-Рюмин К.Н.* Указ. соч. С.8-10. По этому же списку издано в: *Корсаков Д.А.* Указ. соч. С.271-272.

¹⁴⁹ См.: РГАДА. Ф.3. Оп.1. № 5. Л.65.

¹⁵⁰ См.: Сб. РИО. Т.5. С.366,367-369; Т.75. С.503-504,512; Т.66. С.139,166-167; Письма о России в Испанию... Кн.П. С.53,55-56; *Корсакова В.Д.* Дипломатические депеши датского посланника при русском дворе Вестфалена о воцарении императрицы Анны Иоанновны // РС. 1909. № 2. С.287, 290-291.

¹⁵¹ См.: Письма о России в Испанию... Кн.П. С.53.

¹⁵² См.: *Протасов Г.А.* Дворянские прошения 1730 г. // Источниковедческие работы. Тамбов, 1975. Вып.4. С.97; *Плотников А.Б.* Ограничение самодержавия в России. С.66-67.

¹⁵³ См.: Письма о России в Испанию... Кн. III. С. 53; Сб. РИО. Т. 75. С. 504. Примечательно, что не упоминавший специально о гвардейском выступлении Лефорт, как и де Лириа, подчеркивал присутствие офицеров гвардии и переподрозинение Анной караула С.А.Салтыкову (см.: Сб. РИО. Т. 5. С. 366-368; Письма о России в Испанию... Кн. III. С. 55).

¹⁵⁴ С этим согласен Г.А.Протасов (см.: *Протасов Г.А.* Дворянские прошения 1730 г. С. 98).

¹⁵⁵ См.: *Корсаков Д.А.* Указ. соч. Приложение № 2. С. 252-263.

¹⁵⁶ Из подписавших первое прошение гвардейцев, по-видимому, не явились преображенские капитан С.Кишкин, поручик В.Бибииков и подпоручик Ф.Ушаков, а также семеновский майор С.А.Шепелев и капитан А.Усов. Во всяком случае, второе прошение они не подписывали.

¹⁵⁷ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 219. Л. 159.

¹⁵⁸ Сб. РИО. Т. 5. С. 367; Т. 66. С. 153, 168. По сведениям де Лириа, именно Салтыков провозгласил императрицу самодержавной (см.: Письма о России в Испанию... Кн. III. С. 53).

¹⁵⁹ См.: *Бобрковский П.О.* История лейб-гвардии Преображенского полка. СПб., 1904. Т. 2. Приложение. С. 172.

¹⁶⁰ Позднее Остерман в специальной записке о пожалованиях отличившимся счел необходимым выделить Г.П.Чернышева, который «особливо радетьным показал» (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. № 225. Л. 1).

¹⁶¹ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. № 449. Ч. 1. Л. 1 об., 12 об., 128.

¹⁶² См.: Там же. Ф. 248. Оп. 32. № 1998. Л. 66.

¹⁶³ См.: Там же. Ф. 3. Оп. 1. № 5. Л. 65 об., 66, 68.

¹⁶⁴ См.: Там же. № 7. Л. 1-76.

¹⁶⁵ См.: ПСЗ. Т. VIII. № 5509, 5517; Т. X. № 7158.

¹⁶⁶ Исполнять этот указ должен был Г.Д.Юсупов (см.: О роде князей Юсуповых. СПб., 1867. Ч. 2. С. 210-211). См. также: РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. № 152. Л. 1; Письма о России в Испанию... Кн. III. С. 58.

¹⁶⁷ См.: Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. Т. 2. С. 220; РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. № 1084. Л. 10; Гофмейстерины, статс-дамы и фрейлины русского двора XVIII и XIX вв. С. 2.

¹⁶⁸ См.: Письма о России в Испанию... Кн. III. С. 63.

¹⁶⁹ Цит. по: *Корсакова В.Д.* Дипломатические депеши датского посланника при русском дворе Вестфалена о воцарении императрицы Анны Иоанновны // РС. 1909. № 3. С. 552.

¹⁷⁰ См.: АВПРИ. Ф. 13. Оп. 13/1. № 4. Л. 3-5.

¹⁷¹ См.: Там же. Л. 9-10, 12-13, 20-21.

¹⁷² См.: *Корсакова В.Д.* Дипломатические депеши датского посланника при русском дворе Вестфалена о воцарении императрицы Анны Иоанновны // РС. 1909. № 3. С. 549; *Кудрявцев А.* Книга записная имянным письмам и указам императрицы Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны С.А.Салтыкову // ЧОИДР. 1878. Кн. 1. С. 2.

¹⁷³ См.: Высочайшие повеления по придворному ведомству (1701-1740). СПб., 1888. С. 99; Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. Т. 2. С. 224, 232; РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 86. № 41985. Л. 37 об.

¹⁷⁴ См.: *Индова Е.И.* Дворцовое хозяйство в России (первая половина XVIII в.). М., 1964. С. 59.

¹⁷⁵ О раздачах вотчин, домов и дворов Долгоруковых см.: Сб. РИО. Т. 106. С. 364, 367, 446, 530; РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. № 35237. Л. 4-8.

¹⁷⁶ Цит. по: *Михневич В.О.* Две невесты Петра II // ИВ. 1898. № 2. С. 597.

¹⁷⁷ См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. № 1084. Л. 27-113.

¹⁷⁸ См.: Там же. Ф. 20. Оп. 1. № 61. Л. 15-26, 40-44, 119-120.

¹⁷⁹ См.: РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 90. № 45502. Л. 6 об.; РГВИА Ф. 2583. Оп. 1. № 154. Л. 22; Ф. 2584. Оп. 1. № 82. Л. 11-400.

¹⁸⁰ См.: РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 65. № 30693. Л. 98-100.

¹⁸¹ См.: *Kivelson V.* Op. cit. P. 21-22.

¹⁸² См.: *Корсаков Д.А.* Указ. соч. Приложение № 2. С. 62. Ср.: РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. № 163. Л. 4.

ГЛАВА VI

БИРОНОВЩИНА, ИЛИ «ПОРЯДОЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ»

Хотя трепетал весь двор, хотя не было ни единого вельможи, который бы от злобы Бирона не ждал себе несчастья, но народ был порядочно управляем. Не был отягощен налогами, законы издавались ясны, а исполнялись в точности...

М.М.Щербатов

Становление новой власти

Аннинский режим получил у потомков имя «бионовщины» и нелестную оценку времени «немецкого засилья», утвердившуюся в науке примерно с середины XIX в. не без помощи исторической беллетристики.¹ Это влияние оказалось весьма прочным, хотя изучавшие времена Анны историки начиная еще с 70-х гг. XIX века указывали, что созданный поэтами и романистами образ эпохи не соответствует действительности, что управляли государственными делами совсем не «немцы», которые к тому же не представляли какой-то сплоченной «немецкой партии», и т.д.² Тем не менее до сих пор в научных трудах и учебниках можно встретить все те же утверждения о «засилье иноземцев» и кровавом терроре.³

В нашу задачу не входит участие в этом споре; хотя изучение роли и создание научных биографий таких фигур, как Б.-Х.Миних или А.И.Остерман, является вполне назревшей проблемой при изучении российской истории XVIII столетия. Нас интересует прежде всего сам процесс создания при Анне Иоанновне относительно устойчивой политической структуры после серии переворотов 1725—1730 гг.⁴

«Восстановление» Сената стало определенным компромиссом между новой императрицей и ее ближайшего окружения и генералитетом. В Сенат вместе с бывшими членами Верховного Тайного совета вошли прежние сенаторы (В.Я.Новосильцев, И.Г.Головкин, А.М.Черкасский) и группа генералов — Г.П.Чернышев, Г.Д.Юсупов, А.И.Ушаков, А.И.Шаховской, С.И.Сукин, А.И.Тараканов, И.Ф.Барятинский, Г.А.Урусов. Последние, очевидно, были обязаны назначением Остерману. Сохранился его док-

лад императрице, где министр советовал Анне повесить названных лиц в чине за «особливую службу» даже и не по старшинству,⁵ и это — несмотря на то, что многие из них допускали установление ограниченной монархии. Но императрица и ее советники ничем не рисковали.

Во-первых, Анна «не заметила» содержащуюся в поданной ей 25 февраля 1730 г. челобитной просьбу о выборе сенаторов шляхетством: все они были назначены ее указом. Без всякого внимания остался и проект Феофана Прокоповича о созыве «великого собрания всех главных чинов» не только для суда над «верховниками», но и для «лучшего о том рассуждения и учреждения и других нужд».⁶

Во-вторых, Сенат и при Петре I никогда не был органом верховной власти, а скорее — огромной, заваленной текущей работой канцелярией. Новый многочисленный и «разнопартийный» Сенат, где большинство составляли к тому же вчерашние «соавторы» ограничивавших самодержавие проектов, в первоначальном составе просуществовал недолго.

В том же году четыре сенатора умерли (Г.Д.Юсупов, И.И.Дмитриев-Мамонов, М.М.Голицын-старший и И.Ф.Ромодановский): волнения и споры не прошли даром для представителей российской элиты. Затем последовали назначения в Кабинет (Г.И.Головкин, А.М.Черкасский и А.И.Остерман), в армию (А.И.Тараканов, И.Ф.Барятинский), за границу (П.И.Ягужинский), на губернаторство (Г.П.Чернышев). В итоге только что образованный Сенат уже к 1731 г. уменьшился до 12 человек; к моменту отъезда в Петербург он был разделен на две половины — петербургскую и московскую, которая называлась с 1733 г. Сенатской конторой и работала под командой верного С.А.Салтыкова.

А.И.Шаховской отправился на армейскую службу; А.И.Ушаков стал начальником Тайной канцелярии, С.И.Сукин — губернатором, М.Г.Головкин возглавил Монетную контору, а В.Я.Новосильцев стал членом Военной коллегии и директором Кригс-комиссариата. Сенат пришлось несколько раз пополнять: в 1733 г. туда вошли А.Л.Нарышкин и П.П.Шифиров; в 1736 г. — Б.Г.Юсупов; в 1739 г. — П.И.Мусин-Пушкин; в 1740 г. — М.И.Леонтьев, М.С.Хрущов, И.И.Бахметев, М.И.Философов, П.М.Шипов и А.И.Румянцев.⁷

Текущая структура и периодические опалы подозрительных (Долгоруковых, Д.М.Голицына, П.И.Мусина-Пушкина) исключали возможность сделать Сенат органом оппозиции. Ограничивалась и его компетенция: в 1734 г. Сенату было запрещено производить в «ассессорский» VIII класс без высочайшей конфирмации, за нерадивость сенаторам делали выговоры и даже запрещали выплачивать жалование до получения его прежде военными и моряками.⁸ К тому же с 1731 г. Сенат был поставлен под контроль нового высшего государственного органа — Кабинета. Подчиненное положение Сената вызвало к концу правления Анны даже появление проекта его уничтожения — точнее превращения в большую «Штац-коллегию», которая должна была ведать преимущественно финансовыми вопросами; руководство же тремя «первейшими» коллегиями, Тайной канцелярией, Дворцовым ведомством, Синодом, Соляной конторой, Канцелярией от строений и полицией официально передавалось Кабинету.⁹

Слухи о появлении совета ближайших к императрице лиц, или Кабинета, появились уже весной 1730 г.; на деле его формирование растянулось на полтора года. Новый орган должен был взять на себя многие функции бывшего Верховного Тайного совета, но при этом не иметь никаких поповлений подменить собой монарха. К тому же желавших занять почетные места было больше, чем требовалось: в 1730—1732 гг. депеши иностранных посланников и резидентов полны сообщений о возникновении и распаде различных «партий» при дворе.¹⁰

В итоге в ноябре 1731 г. Кабинет был создан. В него вошел престарелый канцлер Г.И.Головкин, олицетворявший преемственность с эпохой Петра Великого, но никогда не претендовавший на самостоятельную роль. Вторым стал князь А.М.Черкасский, «человек доброй, да не смелой, особливо в судебных и земских делах», по характеристике генерала В. де Генина, хорошо знавшего бывшего сибирского губернатора по совместной работе. Знатный вельможа, хозяин огромных владений и родового двора в Кремле, канцлер и андреевский кавалер Черкасский отныне ни в каких политических «партиях» замечен не был. Эти качества обеспечили князю как формальному главе правительства завидное политическое долголетие: он благополучно пережил царствование Анны, два последующих переворота и скончался в почете уже во времена Елизаветы.¹¹

«Душой» же Кабинета и министром иностранных дел стал Остерман. Над его «дипломатическими» болезнями смеялись, его не любили — но обойтись без высококвалифицированного администратора, умевшего грамотно проанализировать и изложить суть проблемы и предложить пути ее решения, не могли. Но для «противовеса» Остерману после смерти Головкина в состав Кабинета последовательно вводились его оппоненты из числа русской знати: сначала возвращенный из почетной ссылки Ягужинский (1735 г.), затем деятельный и честолюбивый А.П.Волынский (1738 г.) и, наконец, будущий канцлер А.П.Бестужев-Рюмин (1740 г.).

Такая комбинация обеспечивала работоспособность и устойчивость нового органа, хотя «запланированные» конфликты между его членами порой вызывали проблемы. Так, в 1739 г. разногласия Волынского и Остермана буквально по всем обсуждавшимся вопросам привели к тому, что осторожный вице-канцлер даже в присутствии не являлся и объяснялся с коллегами письменно.¹² К тому же права Кабинета никак не были оговорены до 1735 г., когда он получил право издавать указы за подписями всех трех кабинет-министров, заменившими императорскую.

Существовало еще одно важное отличие от бывшего Верховного Тайного совета: сфера основной компетенции Кабинета ограничивалась преимущественно внутренними делами. Изданные журналы Кабинета за 10 лет поражают разнообразием проходивших через него дел. Наряду с принятием важнейших политических решений (о вводе русских войск в Польшу, строительстве флота или проведении рекрутских наборов) министры разрешали постричься в монахи однодворцу из г. Новосила Алексею Леонтьеву, обсуждали челобитную украинского казака Троцкого о передаче ему имения тестя, лично рассматривали план и фасад каменного «питейного дома» в столице или образцы армейских пистолетов и кирас.

Изучение этого «течения административной жизни» показывает, что в первые годы работы Кабинета через него шло подавляющее количество всевозможных назначений, перемещений и отставок. При этом даже только что поспевшие в службу «недоросли» представляли перед министрами, а императрица утверждала своей подписью назначения секретарей в конторах и канцеляриях. Огромное количество времени (порой министры, по журналу, заседали «с утра до ночи») отнимало решение всевозможных вопросов финансового управления: проверка счетов, отпуск средств на те или иные нужды, вплоть до рассмотрения просьб о выдаче жалования.

Позднее на первый план выдвинулись вопросы организации и снабжения армии в условиях беспрерывных военных действий 1733—1739 гг.¹³ Кроме того, на протяжении всего времени существования Кабинета через него проходило множество сугубо административно-полицейских распоряжений: о «приискании удобных мест для погребания умерших», распределении сенных покосов под Петербургом, разрешении спорных судебных дел и рассмотрении бесконечных челобитных о повышении в чине, отставке, снятии штрафа и т.д.¹⁴ Право принятия важнейших внешнеполитических решений, а отчасти даже и повседневные контакты с иностранными дипломатами перешли в придворный круг к ближайшим советникам императрицы — К.-Г.Левенвольде и Бирону.

Двор стал еще одним важнейшим элементом новой структуры власти. Эта тенденция наметилась уже в предшествовавшие царствования, но при Анне стала особенно заметной: только штатных придворных чинов имелось 142, да еще 35 «за комплектом»; всего же вместе со «служителями» — прачками, лакеями и проч. — при дворе состояло 625 человек.¹⁵

По приказу императрицы было составлено «клятвенное обещание дворцовых служителей», согласно которому придворная челядь (лакеи, «арапы», истопники и даже неопределенных занятий «бабы») обязывалась свою службу «со всякой молчаливостью тайно содержать» и «тщательно доносить» обо всех подозрительных вещах.¹⁶ Место сосланных Долгоруковых заняли назначенный обер-гофмейстером С.А.Салтыков, обер-гофмаршал Рейнгольд Левенвольде; обер-штальмейстером стал сначала П.И.Ягужинский, а затем брат обер-гофмаршала — Карл-Густав Левенвольде.

Для обер-гофмейстера и обер-гофмаршала были составлены в 1730 г. специальные инструкции. В частности, в ведение обер-гофмейстера перешли охрана и эксплуатация императорских дворцов, назначение аудиенций у государыни и суд над дворцовыми «служителями». Обер-гофмаршал обеспечивал повседневный «стол» и ведал заготовками и закупками. Только эти высшие дворцовые чины имели право передавать словесные повеления императрицы. В ноябре 1730 г. были отправлены в отставку обер-гофмейстер М.Д.Олсуфьев и весь штат Дворцовой канцелярии во главе с ее начальником А.Н.Елагиным (оба они участвовали в шляхетских проектах). В числе новых «командиров» был отличившийся в деле восстановления самодержавия 25 февраля 1730 г. капитан гвардии А.Раевский.¹⁷

Повышение роли и престижа дворцовой службы отражалось в изменении чиновного статуса придворных. При Петре I камергер был приравнен к полковнику, а камер-юнкер — к капитану. При Анне ранг этих

придворных должностей был повышен соответственно до генерал-майора и полковника, а высшие чины двора из IV класса перешли во II. Эту же тенденцию продолжало и сменившее эпоху «немецкого засилья» «национальное» правление Елизаветы: при ней камер-юнкеры были приравнены к бригадирам.¹⁸ В послепетровскую эпоху именно придворный круг становится «трамплином» для будущей карьеры таких деятелей, как Б.Г.Юсупов, М.Г.Головкин, Н.Ю.Трубецкой, М.Н.Волконский, П.С.Салтыков при Петре II и Анне; братья Шуваловы, Н.И.Панин, З.Г.Чернышев при Елизавете: все они начинали службу в качестве камер-юнкеров и камергеров.¹⁹

Особый по значению и приближенности к особе императрицы пост обер-камергера вслед за Меншиковым и Иваном Долгоруковым занял Эрнст Иоганн Бирон, чье имя стало символом правления Анны. Граф Священной Римской империи, кавалер орденов Андрея Первозванного, Александра Невского и Белого Орла, владелец обширных имений (ему принадлежали город Венден в Лифляндии и бывшие владения Меншикова в Пруссии), герцог Курляндский и, наконец, официальный регент Российской империи — таков итог карьеры этого человека к концу царствования Анны. В нашу задачу не входит изложение его биографии и деятельности. Но необходимо подчеркнуть важную особенность, позволившую мелкому курляндскому дворянину стать вторым по значению лицом в империи.

Несомненно, что Бирон был обязан своим возвышением личной привязанности к нему императрицы, хорошо помнившей, как ее встретили в России. В 1734 г., оправившись от очередной болезни, она призналась, что фаворит — «единственный человек, которому она может довериться». Но вместе с тем сила Бирона состояла в том, что он стал первым в нашей политической истории «правильным» фаворитом, превратившим малопочтенный образ ночного «временщика» в настоящий институт власти с неписаными, но четко очерченными правилами и границами. Вероятно, в какой-то степени это явление можно рассматривать как определенный шаг на пути «европеизации» России, хотя и в весьма специфической сфере.

Бирон сумел не повторить ошибок своих предшественников на этом пути. Меншиков оттеснил императора (пусть даже ленивого и своевольного подростка) на задний план — и в итоге восстановил против себя всех остальных и был свергнут. Друг и обер-камергер Петра II Иван Долгоруков оказался неспособен к какой-либо государственной работе, и его «правление» прославилось только амурными похождениями и беззащитным обогащением родственников.

Бирон играл свою роль по «европейским» правилам: «<...> не злоупотребляет своей силой, любезен и вежлив со всеми и ищет всевозможных случаев понравиться», — вполне одобрял его поведение де Лириа в том же 1730 г. Новый фаворит так же, как Меншиков, прошел этап борьбы за власть и влияние, занявший примерно два года. Именно в 1730—1731 гг. донесения послов говорят о жалобах и возмущении дворян тем, что «ее величество окружает себя иноземцами».²⁰ Позднее, когда расстановка сил стала ясной и «дележка» власти закончилась, эти жалобы умолкли.

Рубежом в этой борьбе можно выделить середину 1732 г.: к этому времени Бирону удалось не только удалить послом в Берлин П.И.Ягужинского (ноябрь 1731 г.), но и нейтрализовать притязания быстро входившего в милость фельдмаршала Б.-Х.Миниха, который в 1733 г. был отправлен из столицы на осмотр пограничных укреплений, а затем в армию. К этому времени фаворит перевез ко двору своих детей и определил цель — стать герцогом Курляндии, о чем сообщил саксонский посол И.Лефорт осенью 1732 г.²¹

С весны 1732 г. Бирон стал впервые проявлять инициативу: встречался и беседовал с иностранными послами по интересовавшим их вопросам. Донесения английского консула Рондо и Лефорта четко зафиксировали это важное изменение в работе дипломатов при петербургском дворе: в 1733 г. они докладывали уже об «обычае» посещать обер-камергера, которого неукоснительно придерживались члены дипломатического корпуса (сами авторы, австрийский резидент Гогенгольц, пруссак Мардефельд и другие).²² Появились новые придворные «обычаи» — например, официальное празднование именин и дня рождения фаворита и его жены.²³

Особенно интересны в этом смысле донесения Клавдия Рондо. Сближение России и Англии завершилось подписанием в 1734 г. торгового, а в 1741 г. и союзного договора. В этих условиях английский консул получил более высокий статус резидента и стал желанным гостем Бирона и Остермана. Уровень информированности его донесений резко повышается и выгодно отличается как от собственных сообщений Рондо в 1730 г., так и от депеш французского поверенного Жана Маньяна, не пользовавшегося «кредитом» при дворе.

Потерпев неудачу в попытке заключения русско-французского договора, Маньян преувеличивал трудности до полного несоответствия действительности — например, что «нет ни одного человека русского происхождения, обладающего авторитетом или способностями, ни в совете императрицы, ни в Сенате». Он же отводил душу жалобами на господство в России иноземцев и надеялся на скорый переворот «вследствие чрезвычайно сильного желания всего русского народа освободиться от ига чужеземного владычества».²⁴ В донесениях же Рондо никаких опасений грядущего переворота нет, зато они чрезвычайно богаты реальными наблюдениями. В числе прочего они подробно раскрывают методы дипломатической работы фаворита.

В ходе неформальных встреч и бесед (он подчеркнуто отказался принять для официальных переговоров английского посла лорда Форбса) Бирон всегда показывал, что находится в курсе поступающих от русских послов за границей новостей. Он первым выдвигал инициативы (предложение о кандидатуре саксонского курфюрста Августа III на польский престол или о заключении союзного договора с Англией); информировал собеседника о принятых, но еще не объявленных официально решениях (например, что торговый договор с Англией непременно будет заключен, или об отправке войск на Рейн в помощь союзной Австрии); разъяснял точку зрения русского правительства по различным вопросам. В одних случаях он подчеркивал, что говорит «от имени государыни» (и даже однажды, как заметил Рондо, в ее присутствии за занавесью); в других — что действует не как министр, а исключительно «как друг».²⁵

В этом качестве к помощи Бирона прибегали для разрешения возникавших недоразумений, а сам он мог предварительно прощупать почву для официального запроса русского правительства. Через Бирона проходили иногда весьма деликатные переговоры, невозможные по официальным каналам, как обсуждение просьбы одолеваемого кредиторами наследника прусского престола (будущего Фридриха II) о секретном займе без ведома его отца-короля.²⁶

По свидетельству одного из самых умных и интересных мемуаристов той эпохи Манштейна, Бирон обладал «некоторого рода гениальностью или здравым смыслом», что почти буквально совпадает с оценкой князя М.М.Щербатова. При всем «чрезмерном честолюбии», единодушно отмечаемом современниками, фаворит ясно осознавал границы своих полномочий. Рондо рассказывал, как обычно сдержанный Бирон однажды «вышел из себя» и накричал на австрийского резидента, поспешившего передать в Вену его слова о том, что Россия не будет настаивать на вступлении австрийских войск в Польшу (во время войны за «польское наследство» в 1733 г.). Свой гнев он объяснил именно торопливостью австрийца, тогда как он, Бирон, в данном случае «высказал скорее воззрения, чем решения государыни».²⁷ Такая оплошность могла быть расценена как попытка покушения на прерогативы монарха.

Первоначально Рондо, как и некоторые другие дипломаты, допускал, что фаворита «задаривают» Пруссия и Австрия. Но в дальнейшем он имел возможность убедиться, что никакие подарки не могли изменить его мнения, когда оно касалось главных задач российской внешней политики. Сам Бирон рассказал английскому дипломату обо всех попытках Франции и ее союзника герцога Мекленбургского подкупить его в пользу отказа от союза с Австрией даже миллионом пистолетов. В другой ситуации все попытки английского кабинета и самого Рондо «отговорить» Бирона от начинавшейся войны с Турцией (она была не в интересах английского правительства) закончились провалом. На все намеки следовал твердый ответ: «Дело зашло так далеко, что всякая попытка затушить его окажется уже поздно».²⁸

Опубликованные письма Бирона и донесения к нему С.А.Салтыкова, В.Н.Татищева, Б.Г.Юсупова и других, мемуары князя Я.П.Шаховского показывают, что новый придворный «кумир» приучил должностных лиц доставлять ему необходимую информацию в виде официальных донесений «для препровождения до рук ее величества» или более интимных «наносов». Для облегчения трудов наиболее догадливые, как А.П.Волынский и В.Н.Татищев, посылали сразу и «репорты» в Кабинет, и их «экстракты» на немецком языке Бирону.²⁹

Разрозненные части этой документации (сметы содержания вооруженных сил, различные проекты в области финансов, подаваемые Сенатом доклады о количестве решенных и нерешенных дел, ведомости доходов с дворцовых волостей и проч.) на немецком и русском языках сохранились в различных коллекциях бывшего Государственного архива и еще ждут своего исследователя.³⁰

Для подачи подобных документов и личного общения с жалобщиками и просителями было образовано целое «присутствие» с приемными часами, «аудиенц-каморой» с отдельной «палатой» для знатных и другой

для «маломощных и незнакомых бедняков». ³¹ Другим местом аудиенций фаворита стал манеж, где просители могли восхищаться лошадьми обер-камергера. ³²

Подобная практика позволяла не только разгрузить Анну от потока ежедневной корреспонденции, но отчасти восстанавливала функции императорского Кабинета времен Петра I и Екатерины I. «Я должен обо всем докладывать», — писал Бирон в 1736 г. близкому к нему курляндцу, послу в Польше К.-Г. Кейзерлингу, и называл в числе своих основных забот подготовку армии к боевым действиям в начавшейся войне с Турцией, снабжение ее провиантом, обмундированием и амуницией. В результате такой практики курляндский охотник и картежник через несколько лет «знал вполне основательно все, что касалось до этого государства». ³³ Тетрадка из бумаг Бирона говорит о том, что фаворит изучал грамматику и лексику русского языка, несмотря на нелюбовь к нему. ³⁴

Неопубликованная переписка с Бироном другой важной фигуры аннинского царствования — А.И. Ушакова — показывает не только отношения этих лиц, но и саму систему управления, где ведущую роль играли не учреждения, а доверенные «персоны». Андрей Иванович докладывал «милостивому отцу и государю» Бирону для Анны в Петергоф о делах своего ведомства — например, о поступившем доносе на откупщиков или точном времени казни Артемия Вольтинского: «Известная экзекуция имеет быть учинена сего июля 27 дня пополуночи в восьмом часу».

Но вместе с делами сыска Ушаков сообщал о новостях, не касавшихся собственно Тайной канцелярии: о выборе сукна для гвардейских полков, погребении столичного коменданта Ефимова или смерти любимой собачки Анны «Цытринушки». Фаворит передавал ответы императрицы: донос является «бреднями посадских мужиков» и не имеет «никакой важности», вопрос с сукном лучше отложить — государыня не в духе: «Не великая нужда, чтоб меня в деревне тем утруждать». Одновременно через Бирона шли другие распоряжения императрицы Ушакову для передачи принцессам Анне и Елизавете или другим лицам. В иных случаях Андрей Иванович проявлял настойчивость и сумел убедить своего корреспондента все-таки решить вопрос с закупкой сукна в пользу английского, а не прусского товара. ³⁵

Как к «милостивому и высокому патрону» обращались к Бирону и многие другие совершенно незнакомые ему люди: флотские офицеры, бургомистр Выборга, донской атаман Андрей Лопатин. Для учета такой корреспонденции был даже изготовлен аккуратный каталог поступавших к фавориту бумаг и прошений, в котором почетное место занимает переписка по поводу доставки ко двору лошадей — известной страсти Бирона. ³⁶

В этом смысле «должность» Бирона открывала путь черед «штатных» фаворитов времен Елизаветы и Екатерины II. Фаворитизм — как и появление более или менее узких «тайных» советов и кабинетов — являлся важным рычагом власти, опорой монарха, а также своеобразным «демократическим» способом приобщения к элите. Тому же Кейзерлингу Бирон мог откровенно посоветовать, «как крайне необходимо осторожно обращаться с великими милостями великих особ, чтобы не впослед-

ствовало злополучной перемены», и точно объяснял необходимое для этого условие: всегда находиться «в службе ее величества» и соблюдать «единственно и исключительно интерес ее императорского величества». ³⁷

В расцвете своей необычной карьеры фаворит ясно представлял себе и ее возможный конец. Узнав в 1736 г., что основные препятствия к занятию им герцогского трона Курляндии преодолены, Бирон написал Кейзерлингу: «До тех пор, пока Бог хранит ее величество императрицу русскую, еще можно выйти из затруднения; но когда, Боже сохрани, что случится, не буду ли я вполне несчастлив?» Предсказание оказалось верным. Пока Бирон действовал исключительно «в службе ее величества» и соблюдал правила игры, он оставался непотопляемым. Не случайно его имя крайне редко появляется в бумагах Кабинета: от имени императрицы он передавал иногда министрам те или иные бумаги, получал затребованную информацию или особо интересовавшие Анну вещи — например, подаренные прусским королем штучеры. ³⁸ Но когда после десятилетнего фавора он попытался стать самостоятельной фигурой, да еще и регентом империи, крушение не замедлило себя ждать.

«Работу» фаворита или фаворитки не стоит представлять как беззаботную жизнь среди удовольствий и наград. Тот же Бирон констатировал, что не имел иногда и минуты свободного времени, поскольку должен был «безотлучно» состоять при императрице вплоть до сопровождения ее к зубному врачу. Повседневные «доклады» императрице и ведение корреспонденции требовали как минимум понимания внутри- и внешнеполитического положения страны; кадровые назначения — способность разбираться в людях; бесконечные прошения и «доношения» с переплетением государственных и вполне корыстных интересов — умения вести политическую интригу и продумывать каждый шаг, чтобы избежать «злополучной перемены».

Бирон порой искренне завидовал ловкости Остермана, виртуозно умевшего подать успешную политическую акцию как свою заслугу и столь же естественно отсутствовать или «болеть», когда события складывались неблагоприятно. ³⁹ Кроме того, необходимо было вовремя замечать перемены настроения государыни, развлекать ее неожиданными (и непременно приятными) сюрпризами, подчиняться ее распорядку дня, склонностям и даже капризам день за днем в течение многих лет — и все это время находиться «под прицелом» замечавшего любые промахи придворного общества, среди бесконечных интриг и «подкопов», постоянно ощущая конкуренцию возможных соперников, которых надлежало устранять — но не в Сибирь или на плаху, а на почетный пост вдали от двора, как это сделал Бирон с другим «немцем» — Иоганном Корфом.

Биография «коллеги» Бирона при французском дворе, знаменитой маркизы де Помпадур, очень хорошо показывает, каких усилий стоило девушке из буржуазной семьи сохранить в течение 20 лет привязанность Людовика XV и превратиться, по свидетельству одного из министров, из проходной «метрессы» в «единственное связующее звено в разделенном правительстве». «Вы думаете, что у меня есть хоть минута для себя? Вы ошибаетесь, мы постоянно в дороге... Здесь [в Версале. — И.К.] я могу

быть счастлива. Но когда? Репетиции, спектакли, важные и многочисленные обязанности, королева, дофин, его супруга, трое дочерей, судите сами, есть ли время вздохнуть», — жаловалась она своей подруге на изнурительный образ жизни двора.⁴⁰

Поэтому курляндского дворянина нет необходимости считать истинным правителем России; но не стоит, напротив, полагать, что заезжий «грубиян и проходимец» являлся всего лишь «марионеткой в руках Остермана», и, соответственно, менять «бироновщину» на «остермановщину».⁴¹ Помимо того, что Бирон оказывал императрице интимные услуги, он стал для нее чем-то вроде заведующего личной канцелярией, т.е. примерял ту же роль, что спустя почти сто лет будет выполнять знаменитый А.А.Аракчеев. И так же, как «бироновщина», появится в то время «аракчеевщина» вместе с представлениями о том, что всемогущий временщик своевольно управляет Россией.

Кадровые перестановки 1730-х гг.

Относительная стабильность аннинского царствования обеспечивалась известным балансом сил как между отдельными органами власти, так и внутри них. В разговорах с дипломатами «всемогущий» Бирон мог сколько угодно критиковать Остермана и даже принимать жалобы на медленное течение официальных переговоров; но, как замечал Рондо, в области внешней политики «все дела проходят через руки Остермана», и последний «много превосходит обер-камергера опытом и... умеет ошеломить его своим анализом положений». В результате собственно переговорный процесс находился в ведении Остермана, как и текущее руководство, и инструкции послам. Но и он — истинный основатель Кабинета, который «тайно содержался в руках графа Остермана» (что было поставлено ему в вину после переворота 1741 г.) — не мог претендовать на единоличное господство в новом механизме власти. После смерти канцлера Головкина ему в коллеги подбирались фигуры вполне самостоятельные и амбициозные, как П.И.Ягужинский или А.П.Волынский.

Как нам кажется, можно утверждать, что сама Анна и после указа 1735 г. о передаче министрам права издания указов не устранилась от дел совсем. Из сохранившегося подсчета итогов работы Кабинета за 1736 г. следует, что на 724 указа министров приходится 135 именных указов Анны, а на 584 резолюции на докладах и «доношениях» — 108 «высочайших резолюций».⁴² К сожалению, документ не раскрывает, какие именно вопросы императрица предпочитала решать сама.

Однако заметна ее «руководящая роль» в отношении придворного мира, где императрица, очевидно, чувствовала себя уверенно — как властная помещица в кругу своей дворни. После прозябания в глухом углу Северной Европы почти случайно получившая власть Анна Иоанновна на верстывала упущенное, скупая через придворного «фактора» Исаака Липмана драгоценности.⁴³ Вообще же она предпочитала не слишком изысканные забавы. «Едва не ежедневно по часу перед полуднем ее императорское величество смотрением в Зимнем доме медвежьей и волчьей

травли забавляться изволят», — сообщали читателям в 1737 г. «Ведомости» и приводили списки охотничьих трофеев Анны.

Удивлявшая современников роскошь двора требовала немалых расходов. При Анне даже вельможи, подобно А.П.Волынскому, тяготились «несносными долгами» и искренне считали возможным «себя подлинно нищим назвать». Именные указы Соляной конторе (соляные доходы составляли источник личных, «комнатных» средств императрицы) показывают, что царица умело направляла поток милостей в виде «пенсионеров» и единичных выдач (например, фрейлинам на приданое, офицерам гвардии и фигурам более высокого ранга).

Постоянными получателями были герцог Л.Гессен-Гомбургский, С.А.Салтыков, А.М.Черкасский, братья Левенвольде, Г.П.Чернышев, А.П.Волынский, Б.-Х.Миних, Ю.Ю. и Н.Ю.Трубецкие. Обычно это были не слишком большие суммы в 500—1000 рублей, но иногда счастливым выпадали и подарки в 7—10 тысяч рублей. Так, однажды улыбнулось счастье поручику Ханыкову, который за неизвестные заслуги получил на двоих с гоф-юнкером Симоновым в 1736 г. 1500 рублей. Одним деньгами давались на лечение, «за проезд за моря», «для удовольствия экипажу»; другим — в долг, как А.П.Волынскому и камер-юнкеру Алексею Пушкину.⁴⁴ За девять лет (1731—1739 гг.), по нашим подсчетам, эти личные расходы Анны составили 898312 рублей, т.е. примерно по 100 тысяч рублей в год.⁴⁵ Существовала особая норма выдач на крестины, в которых первые вельможи государства были «уравнены» с гвардейскими офицерами и придворными «служителями»: все получали по 50—100 червонных.⁴⁶ Все эти выплаты неизбежно привязывали их получателей к властной «хозяйке», тем более что они иногда превосходили их служебные оклады.

Кстати, эти распоряжения не содержат приказов о выдаче денег Бирону. Фаворит отнюдь не бедствовал: только строительство дворца в Митаве обошлось в 300 тысяч рублей; еще 600 тысяч рублей были потрачены на выкуп заложенных имений старого герцога в Курляндии; в 1734 году Бирон за 37 тысяч рейхсталеров приобрел владение Вартенберг в Силезии (несколько имений он купил в Курляндии и Лифляндии еще до избрания герцогом). Однако какая часть этих расходов бралась из казенных денег (и из каких источников), а какая — из подарков и доходов от 120 имений фаворита, пока неясно.⁴⁷

Официально же он был награжден только один раз, в феврале 1740 г., по случаю заключения мира с Турцией. Тогда Анна сама тяжелым и корявым почерком написала черновик указа о пожаловании Бирону награды: «Светлейший, дружелюбно любезнейший герцог. Во знак моей истинной благодарности за толь многие ваши мне и государству моему показанные верные, важные и полезные заслуги презентую вам сей сосуд и по приложенной при сем осигнации пятьсот тысяч рублей; и будучи обнадежена о всегдашнем вашем ко мне доброжелательном намерении пребываю неотменно и истинно ваша склонная и дружески охотная Анна».⁴⁸ Бумаги Соляной конторы показывают, что реально из этой суммы он получил в августе 1740 г. только 100 тысяч рублей.⁴⁹

Трудно сказать, насколько решающей была роль Бирона в сфере назначений и наград. Несомненно, что к нему поступали многочисленные просьбы о «пожалованиях», — так, собственно, и действовал механизм

«клиентских» отношений.⁵⁰ Однако сами ответственные назначения нового царствования были последовательными и впервые с 1725 г. затронули практически все центральные учреждения.⁵¹ О подготовке такой акции по перемене руководящих кадров говорит найденный нами список кандидатов в президенты коллегий из числа сенаторов и «из других чинов», а также в вице-президенты и советники. Он был составлен на русском языке с подстрочным переводом на немецкий, по-видимому, Остерманом, еще весной 1730 г. (поскольку А.М.Черкасский числится еще сенатором, а упомянутый И.П.Шереметев получил назначение в Канцелярию конфискации в июне 1730 г.) и содержал пометы против некоторых фамилий.⁵²

Выше уже говорилось о судьбе нового Сената. По мнению специалиста изучавшего этот вопрос Д.Ле Донна, перетасовка Сената завершилась к 1737 г. «совершенным компромиссом»: в нем остались представители главных поддержавших Анну в 1730 г. кланов — Салтыковых, Трубецких и Нарышкиных.⁵³

Из трех «первейших» коллегий (см. Приложение, Таблица 1) только Коллегия иностранных дел не испытала потрясений — над ней стоял могущественный вице-канцлер. Но туда был направлен и родной брат фельдмаршала Миниха барон Христиан-Вильгельм Миних, который стал тайным советником и к концу царствования Анны первым членом коллегии. На дипломатические посты были поставлены курляндцы К.-Х.Бракель (посол в Дании и Пруссии), К.-Г.Кейзерлинг (посол в Речи Посполитой) и И.-А.Корф (посол в Дании). Последние же по очереди руководили в 30-е гг. Академией наук.

Военную коллегию в сентябре 1730 г. возглавил М.М.Голицын, в помощь которому был отправлен вызванный с Украины генерал-лейтенант Г.-И.Бон. Но в самом конце 1730 г. фельдмаршал скончался при не вполне ясных обстоятельствах.⁵⁴

После смерти М.М.Голицына Военную коллегию возглавил фельдмаршал В.В.Долгоруков, несмотря на опалу своего клана. Отправленного в отставку Бона заменил герцог и генерал русской службы Людвиг Гессен-Гомбургский. Очередь фельдмаршала настала в конце 1731 г., когда он по случаю новой присяги «дерзнул не токмо наши государству полезные учреждения непристойным образом толковать, но и собственную нашу императорскую персону поносительными словами оскорблять». За не названные в слух «жестокое государственные преступления» князь Василий Владимирович был приговорен к смертной казни, замененной заключением в Шлиссельбургской крепости, а затем в Ивангороде. Из заточения он вышел уже после смерти Анны.

Опала фельдмаршала повлекла за собой ссылку его брата М.В.Долгорукова, недавно назначенного казанским губернатором, и стала звеном в цепи начавшихся репрессий, как будто утихших после разгрома семейства Долгоруковых. Вместе с фельдмаршалом пострадали гвардейские офицеры: капитан Ю.Долгоруков, адъютант Н.Чемодуров и генерал-аудитор-лейтенант Эмме; в Сибирь отправился полковник Нарвского полка Ф.Вейдинг.⁵⁵ В следующем году командиры Ингерманландского полка полковник Мартин Пейч и майор Каркетель обвинялись в финансовых

злоупотреблениях; а капитаны Ламздорф, Дрентельн и другие офицеры были приговорены к позорному наказанию (шесть раз прогнать через строй солдат) и ссылке в Сибирь за то, что называли русских людей «подложными слугами».⁵⁶ Мы не знаем, связано ли было это дело с оценкой виновными событий 1730 г.; но очевидно, что новые власти не жаловали любую оппозицию, в том числе и со стороны «немцев».

Похожая ситуация произошла в морском ведомстве. Вице-президент Адмиралтейств-коллегии адмирал П.И.Сиверс был в феврале 1732 г. отрешен от должности и сослан в свои деревни. В вину ему ставили замедление с проведением второй присяги в 1730 г. и хранение списков с «кондиций».⁵⁷ С 1732 г. армию возглавил новый «аннинский» фельдмаршал Бурхард-Христофор Миних, а флот — адмирал Н.Ф.Головин, сохранившие высочайшее доверие до самого конца царствования.

Вслед за военным было сменено руководство финансами. Руководитель Камер-коллегии и бывший кабинет-секретарь А.В.Макаров начиная с 1731 г. непрерывно находился под следствием до самой смерти в 1740 г.⁵⁸ За отказ принять эту хлопотливую должность попал в опалу и ссылку в мае 1731 г. генерал и дипломат А.И.Румянцев. Президентом был назначен сначала сын князя-«верховника» С.Д.Голицын; но в 1733 г. его отправили послом в Иран, а на освободившееся место поставили С.Л.Вельяминова, через два года попавшего под суд по делу Д.М.Голицына.⁵⁹ Новым президентом коллегии стал И.И.Бибиков, который и продержался на этом посту до конца царствования. Складывается впечатление, что на эту неблагодарную работу последовательно ставились люди, не пользовавшиеся особым доверием императрицы: перечисленные выше лица подписывали в 1730 г. проекты и при Анне карьеры не сделали.

Был сменен глава Берг-коллегии, моряк и горный инженер А.К.Зыбин (он также подписывал «проект 364»). Его поставили судьей в Сысской приказ и вскоре за «неправедное» решение лишили генеральского чина и отправили строить суда на Днепре.⁶⁰ Сама же коллегия была ликвидирована как самостоятельное учреждение и только через несколько лет восстановлена под названием Генерал-берг-директория во главе с саксонцем К.Шембергом.

Во главе Коммерц-коллегии (она объединяла теперь функции прежних Берг- и Мануфактур-коллегий) был поставлен возвращенный из ссылки А.Л.Нарышкин; после его назначения в Сенат президентом стал другой прежний опальный — П.П.Шафиров. Здесь немилость коснулась вице-президента Г.Фика: следствие по его делу началось после ареста князя В.В.Долгорукова и закончилось ссылкой в Сибирь.

Ревизион-коллегия долгое время оставалась без руководства, пока в 1734 г. во главе ее не был поставлен генерал-майор А.И.Панин. Перемены не обошли и остальные учреждения. Младший брат Д.М. и М.М.Голицыных М.М.Голицын-младший сначала был выведен из Сената, а в 1732 г. оставил пост президента Юстиц-коллегии, который занял родственник Остермана И.А.Щербатов.

В декабре 1731 г. был снят президент Вотчинной коллегии М.А.Сухотин; его заменил генерал-майор И.И.Кропотов, в свою очередь смененный А.Т.-Ржевским, который в 1737 г. попал под следствие по делу Д.М.Голицына, но

сумел сохранить свой пост.⁶¹ В 1731 г. бывший сенатор И.П.Шереметев был отправлен в Сибирский приказ вместо отрешенного от должности судьи И.Давыдова; С.Г.Нарышкин — министром к гетману Украины; новыми начальниками Канцелярии конфискации и Ямской стали бригадиры И.Г.Безобразов и Н.А.Козлов.

Наконец, в том же 1731 г. был уволен архиатер (глава медицинского ведомства) Иоганн Блюментрост; его брат, лейб-медик и президент Академии наук Лаврентий потерял свои посты несколько позже — летом 1733 г.⁶² Новым придворным врачом стал Иоганн-Христиан Ригер, а Академию возглавил дипломат Г.-К.Кейзерлинг.

Кампания по обновлению высшей администрации завершилась в 1732 г. там же, где и началась: в дворцовом ведомстве. В декабре 1731 г. новым начальником Конюшенного приказа вместо Д.Потемкина стал подполковник И.Анненков, а в марте 1732 г. гоф-интендант А.Кармедон заменил У.А.Сенявина на посту начальника Канцелярии от строений; от прежнего руководства был потребован финансовый отчет начиная с 1720 г.⁶³ Некоторым из администраторов не нашлось подходящего места, и они были отрешены от дел: такая судьба постигла обер-секретаря Сената Матвея Воейкова, его коллегу из Синода А.П.Баскакова, Блюментростов, Макарова; в заморские провинции на войну отправились Д.Ф.Еропкин и А.Б.Бутурлин; строить Закавказскую линию — Ф.В.Наумов.

Смену кадров мы можем наблюдать в 1730—1732 гг. и на уровне высшей провинциальной администрации — губернаторов и вице-губернаторов. Исследовавший назначения губернаторов Д.Ле Донн указал, что на эти годы приходится 12 из 35 подобных назначений, сделанных в царствование Анны.⁶⁴ На самом деле их больше, поскольку список губернаторов у Ле Донна неполон и неточен и не включает администрацию по Астраханской губернии и киевских генерал-губернаторов.

На основании составленного нами по опубликованным и архивным источникам списка местных правителей (Приложение, Таблица 2) следует, что в 1730 г. на губернаторство были отправлены: М.А.Матюшкин (в Киев с последующей отставкой в марте 1731 г.), А.И.Тараканов (в Смоленск, а затем в том же году в армию на юг), П.М.Бестужев-Рюмин (в Нижний Новгород, а оттуда в ссылку в свои деревни), П.И.Мусин-Пушкин (в Смоленск), М.В.Долгоруков (в Астрахань, затем в Казань и оттуда — в ссылку), А.Л.Плещеев (в Сибирь), В.Ф.Салтыков (в Москву), И.М.Волынский (вице-губернатором в Нижний Новгород).

В 1731 г. к новому месту службы отправились Г.П.Чернышев (генерал-губернатором в Москву), И.И.Бибиков (в Белгород), И.П.Измайлов (в Астрахань), опять П.И.Мусин-Пушкин (в Казань), генерал-лейтенант И.-Б.Вейсбах (в Киев), бригадиры П.Бутурлин и А.Арсеньев (оба — вице-губернаторами в Сибирь вместо отрешенного от должности И.Болтина). В 1732 г. последовали назначения И.М.Шувалова (в Архангельск), генерал-майора М.Ю.Щербатова (сменил отправленного в армию И.М.Шувалова в Архангельске), генерал-лейтенанта В.фон Дельдена (в Москву в помощь Чернышеву губернатором, в следующем году отставлен), И.В.Стрекалова (в Белгород), камергера А.А.Черкасского (в Смоленск),

А.Ф.Бредихина (вице-губернатором в Новгород), стольника С.М.Козловского (вице-губернатором в Смоленск), бригадира И.Караулова (вице-губернатором в Казань).

Сделанные именно в эти годы назначения, по нашему мнению, свидетельствуют не столько о «выдвижении новой правящей группы», как полагал Ле Донн, а скорее — о стремлении удалить из столиц или из Сената нежелательные для новых властей фигуры или быстро найти замену неугодным администраторам, которых отправляли в армию или отрешали от должности. Напомним, что 14 из 23 перечисленных выше лиц подписывали различные проекты и прошения.

Императрица и ее советники стремились как можно скорее убрать неугодные или подозрительные фигуры. Некоторые назначения были явно торопливыми и непродуманными. А.П.Волынского отправили было в Иран, но назначение отменили. Генерал Чернышев оказался неспособным губернатором, получал от Анны выговоры и в 1733 г. возвратился в Сенат; Афанасий Арсеньев был уже «весьма дряхл» для командировки в Сибирь; ветеран фон Дельден за время 50-летней службы «пришел в глубокие тяжкие болезни и безсилие» и даже не мог самостоятельно передвигаться. Больной М.А.Матюшкин не смог немедленно отправиться на губернаторство в Киев, и генерала тут же отправили на медицинское освидетельствование, подтвердившее, что «надежда к конечному его исцелению весьма мала».⁶⁵

Другие перемещения намеренно имели целью последующую опалу; некоторых лиц перебрасывали из губернии в губернию (как П.И.Мусина-Пушкина) или к другим местам службы (как И.И.Бибикова и А.И.Тараканова), пока не сочли возможным предоставить им более почетные должности в столице.

Волна перемещений коснулась не только лиц из числа генералитета; в сентябре 1730 г. последовали массовые назначения на воеводские посты, куда из столицы отправлялись многие участники недавних событий. Эти назначения проходили спешно; некоторые из намеченных в списках кандидатур вдруг «снялись» и в последний момент заменялись другими «по нынешней разметке».⁶⁶

Период кадровой перетряски завершился в 1732 г., последующие назначения уже не носили такого массового и несколько хаотического характера. Для некоторых «подозрительных» лиц они стали своеобразным «испытательным сроком», как для опального А.И.Румянцева или прошенного бывшего генерал-фискала А.А.Мякина, для других — даже ступенькой в карьере, как для будущего елизаветинского фельдмаршала А.Б.Бутурлина. Последним всплеском опал начала 30-х гг. стало «дело» смоленского губернатора А.А.Черкасского. Он обвинялся в том, что якобы посылал письма в Голштинию, к внуку Петра, которого он считал законным наследником. Навет был, как выяснилось впоследствии, ложным; но перепуганный Черкасский под пыткой признал свою вину и был сослан на берег Охотского моря.

Династические конфликты и борьба вокруг престола в 1725—1730 гг. принципиально не сказывались на руководящем кадровом составе, но после событий 1730 г. количество назначений и перестановок в государ-

ственном аппарате резко увеличилось; такие последствия будет вызывать каждый последующий переворот. При этом царствование Анны Иоанновны выглядит, пожалуй, самым интенсивным в смысле частоты назначений и смещений. По нашим подсчетам, за 10 лет состоялось 68 назначений на руководящие посты в центральном аппарате (в среднем 6,8 чел. в год) и 62 назначения губернаторов (6,2 чел. в год).

Помещенные в Приложении Диаграммы 1 и 2 подтверждают вывод о том, что аннинское царствование было весьма беспокойным для правящей элиты, которая неоднократно подвергалась ротации: массовые замены должностных лиц имели место и в 1736, и особенно в 1740 г. При этом около четверти (22 %) руководителей учреждений и 13 % губернаторов за эти десять лет были репрессированы; а с учетом уволенных и оказавшихся «не у дел» эти цифры составят соответственно 29 % и 16 % (см.: Приложение, Диаграммы 3 и 5).

«Перестройка» системы управления не обошла стороной такое специфическое государственное учреждение, как гвардия. В течение 1730–1731 гг. из полков были «выключены» все младшие Долгоруковы.⁶⁷ Обновился и высший командный состав. Верного Салтыкова Анна сделала подполковником Преображенского полка, а А.И.Ушаков наряду с Тайной канцелярией бессменно возглавлял Семеновский полк. Впрочем, в то время эти «службы» были тесно связаны: доставляли, охраняли и отправляли в Сибирь арестантов ведомства Ушакова те же самые гвардейские солдаты и офицеры. Майорами Преображенского полка стали придворный Н.Ю.Трубецкой, Л. Гессен-Гомбургский и запомнившийся Анне в день 25 февраля И.Альбрехт; в Семеновском полку — также отличившиеся в феврале 1730 г. С.Ф.Апраксин и М.С.Хрущов.

Доклады и приказы по полкам 30-х гг. свидетельствуют, что новая «полковница» оценила роль гвардии и старалась держать ее под строгим контролем. Императрица регулярно устраивала «трактования» гвардейских офицеров во дворце, но она же установила еженедельные (по средам) доклады командиров полков и лично контролировала перемещения и назначения в полках. Даже прием новых солдат по итогам дворянских смотров министры Кабинета несли на ее утверждение; так, Анна лично определила в солдаты гвардии будущего знаменитого полководца П.А.Румянцева.

Полковому начальству запретили в 1736 г. отправлять гвардейцев в отпуска и «посылки» без разрешения императрицы. Она же своими резолюциями определяла меру наказания для провинившихся. Загулявший в первый раз сержант Иван Рагозин в качестве штрафа «стоял под 12 фузеями», а попавшиеся на воровстве вторично солдаты Федор Дирин, Семен Шанин и Семен Чарыков были повешены. Приговорила Анна к смерти и взяточника поручика Матвея Дубровина, хотя и разрешила его «от бесчестной смерти уволить, а вместо того расстрелять».⁶⁸

Изучение послужных списков гвардейцев (с указанием количества душ в имени) подтверждает уже высказанное мнение о том, что при Анне гвардейцы по сравнению с петровскими временами стали более зажиточными, а сами полки — более «дворянскими» (дворяне составляли более 50 % рядовых). Новая власть стремилась поддержать этот порядок: указы императрицы требовали зачислять в полки тех солдат и офицеров,

которые «достаток имели, чем себя будучи в гвардии содержать», и обязывали их иметь хороших лошадей, на которых караульные офицеры должны были отправляться во дворец.⁶⁹

Колебания высших гвардейских чинов в феврале 1730 г. заставили Анну и ее окружение принять более решительные меры. Уже в сентябре того же года стал формироваться новый гвардейский Измайловский полк, куда императрица лично подбирала кандидатов на командные должности. Командиром полка был назначен обер-штальмейстер Карл-Густав Левенвольде, а его заместителем — шотландец Джеймс Кейт. Офицерский состав формировался отчасти из прибалтийских «немцев» (в их числе был брат фаворита майор Густав Бирон), отчасти — из наиболее надежных кавалергардов и армейских офицеров. Таким путем туда попали молодой В.Нащокин и отец другого писателя XVIII в. — поручик Тимофей Болотов. Рядовых набирали из украинских полков.⁷⁰

В конце того же года приступили к формированию еще одного соединения — полка Конной гвардии. Формально шефом полка считался Ягужинский, но с его отъездом подполковником стал А.И.Шаховской; «младшим подполковником» был назначен Б.-Э.фон Траутфеттер, майорами — Карл Бирон (другой брат фаворита) и Р.фон Фрейман. Примерно треть офицеров принадлежала к прибалтийскому дворянству; в рядовые брали и украинских однодворцев, и «взрачных» представителей «лифляндского шляхетства и мещанства».

При формировании новых полков заметна наметившаяся ранее тенденция «укреплять» гвардейские части родственниками находившихся у власти лиц. Долгоруковы предпочитали служить в Преображенском полку; в Конной гвардии числились не только брат и сын Бирона, но и целая группа Шаховских: будущий вельможа и мемуарист Яков Петрович и несколько его родственников.⁷¹

Кавалергардская рота сначала получила от императрицы месячное жалование «не в зачет», но уже в следующем году была расформирована; лишь немногие из ее рядов смогли перейти в новые гвардейские полки. Большинство кавалергардов получили назначение в полевую армию: им приказано было немедленно отправляться к месту службы, «дабы они в Москве праздно не шатались».⁷²

В целом предпринятая масштабная перетряска основных государственных структур была проведена вполне успешно, хотя и не исключала появления недовольства. Новая императрица и ее советники сумели навести порядок в высших эшелонах власти и получить реальную военно-политическую опору в лице «новой» гвардии. Именно эта «работа с кадрами», а не пресловутое «засилье иноземцев» дала правлению Анны Иоанновны стабильность. Однако такой ли уж грозной силой обладал новый режим?

Сила и слабость монархии

Триста лет назад самодержавная власть царя куда больше опиралась на традицию, чем на всепроникающую бюрократию. К 1725 г. император располагал около 2 тысячами чиновников в Сенате, центральных колле-

гиях и канцеляриях; примерно таким же было количество служащих на местах. Всего же, по данным обер-прокурора Сената И.К.Кирилова, во всей империи в 1725 г. в системе управления были заняты 1189 «управителей» — класных чиновников и 3685 «приказных» на 16 млн. населения.⁷³ В итоге (с учетом того, что основные кадры аппарата были сосредоточены в столицах и крупных городах) получается, что один более или менее грамотный приказный приходился примерно на 10 тысяч простых обывателей. Для сравнения: в соседней Пруссии времени «короля-солдата» Фридриха-Вильгельма I (1713—1740 гг.) на 3 млн. населения приходилось 2 тысячами управленцев, т.е. один чиновник на 1500 подданных.⁷⁴

Неквалифицированные и малочисленные «управители» и «канцеляристы» еле справлялись с обилием текущих местных дел и потоком запросов и требований центра и с трудом воспринимали новые канцелярские формы и лексику, что вызывало даже появление пародий на них.⁷⁵

О канцелярское «безлюдство» разбивались все попытки оперативно получить требуемую информацию. Так, в апреле 1727 г. Сенат констатировал, что присланные из центральных учреждений данные о приходе и расходе денег еще за 1724 г. оказались «с поданными ведомостями из Камор коллегии несходственны, ибо в ведомостях Камор коллегии показано в отпуску много, а в ведомостях оных коллегей и канцелярей в приходе того меньше, а в других ведомостях показано в рентереи в отдаче больше того числа, что по ведомости Камор коллегии показано в приеме». Приказание исправить ведомости осталось невыполненным; в конце концов Сенат постановил вернуть все «несходственные» документы в Камер-коллегию, чтобы она «учинила верные ведомости».⁷⁶

Составленные для Верховного Тайного совета сводные данные показывают, например, что к сентябрю 1727 г. подушные деньги за январскую треть этого года были доставлены только из 61 полка, а от 68 полков рапортов еще не поступало. Вместо ожидаемых по смете 574331 были получены только 394375 рублей; отсутствие остальных средств сборщики объясняли «совершенной пустотою», «скудостью», «дряхлостью и малолюдством» плательщиков или их «ослушанием». Военная коллегия оправдывалась: полковые власти не присылали рапортов еще с 1725 г., несмотря на отправку на места только за несколько месяцев 1726 г. шести указов с угрозами «судить и по суду штрафовать» виновных.⁷⁷

За сотни и тысячи верст от Петербурга воеводы и прочие должностные лица становились совершенно неуправляемыми. Первая и последняя за всю «эпоху дворцовых переворотов» сенаторская ревизия графа А.А.Матвеева по центральным провинциям страны вскрыла огромные «упущения казенных доимков» (170 тысяч рублей только по одной Владимирской провинции), бездействие судов и произвол «особых нравом» начальников.⁷⁸ «Непостижимые воровства и похищения не токмо казенных, но и подушных сборов деньгами от камериров, комиссаров и от подьячих здешних я нашел, при которых по указам порядочных приходных и расходных книг здесь у них отнюдь не было, кроме валяющихся гнилых и непорядочных записок по лоскуткам», — такой увидел Матвеев реальность новых учреждений.⁷⁹ Их чиновники сами перешли в наступление —

обвинили комиссию в «неправедном суде»; в борьбе с ними ревизор быстро изнемог и уже в марте 1727 г. стал просить об отставке.

Но даже законопослушное начальство не могло реально контролировать повседневную жизнь населения. Значительная часть подданных «регулярной» империи жила как бы в ином мире (иногда — в прямом смысле: в надежно укрытых от воевод и духовенства скитах и общинах) со своими традициями, законами и авторитетами. Пока в Петербурге менялись цари и министры, в этом мире кипели свои страсти и заключались свои союзы — например, «между Андреем Дионисьевичем [главой старообрядческой Выговской пустыни. — И.К.] и Федором Калининевичем, настоятелем ярославских стран; от страны же Польская почтеннейшим настоятелем Егнатием Трофимовым учинен вечный мир в лето 1727 августа 5 дня», — упоминаемые в одном из раскольничьих сочинений XVIII в.⁸⁰

Отсутствие кадров усугублялось колоссальными пространствами страны, где между редкими ячейками административной сети связь осуществляла целая армия курьеров. Приведенное у Кирилова их число (2217 унтер-офицеров и солдат) хотя и равно количеству всех провинциальных служащих, но явно занижено, поскольку автор не дает сведений по нескольким губерниям (Казанской, Астраханской, Архангельской) и, возможно, включает в перечень только «штатных» лиц, занятых на этой службе. Так, в 1732 г. Сенат полагал, что необходимо привлечь к этой деятельности еще 4038 чел., чтобы с прежними они составили 5488 рассыльщиков, необходимых для работы государственной машины.⁸¹ На деле к фельдъегерской работе привлекалось огромное количество всякого служилого люда, прежде всего — гвардейские и армейские солдаты и офицеры. Жизнь многих из них так и проходила на бесконечных дорогах империи, где иные из таких гонцов навсегда пропадали «безвестно».⁸²

Только из одного дела о рассылке императорского указа от 7 сентября 1727 г. о «неслушании» никаких распоряжений Меншикова следует, что во все концы страны 3345 печатных распоряжений об этом повезли сотни курьеров: несколько десятков из столицы, а остальные — из Москвы и других губернских центров. На доставку даже столь важных бумаг в старую столицу требовалась неделя (прибыли 16 сентября); а на окраины европейской России они приходили примерно через месяц: в Симбирске указ был получен 3 октября, на Дону — 7 октября, в Уфе — 8 октября. С уведомлением о получении местные власти не торопились и отправляли рапорты с ближайшей оказией. В данном случае такие расписки пришли в Петербург через два месяца (из Уфы и Симбирска — 9 декабря 1727 г.), когда сам светлейший князь давно уже находился в ссылке и исполнение указа потеряло всякий смысл.⁸³

Темпы доставки корреспонденции на протяжении столетий почти не менялись: в XVII столетии почта из Москвы в Архангельск двигалась со скоростью 10 верст в час, т.е. при непрерывной езде гонец в сутки мог одолеть 240 верст, что являлось пределом возможного. Только в следующем веке некоторое улучшение дорог позволило фельдъегерям Николаю I достичь максимума — 300—350 верст в сутки со страшным напряжением сил и опасностью для жизни. «Приходилось в степях, при темноте, сби-

ваться с пути, предоставлять себя чутью лошадей. Случалось и блуждать, и кружиться по одному месту. По шоссе дорогам зачастую сталкивались со встречным, при этом быть только выброшенным из тележки считалось уже счастьем. Особенно тяжелы были поездки зимою и весною, в оттепель; переправы снесены, в заторах тонули лошади, рвались построжки, калечились лошади», — вспоминал тяготы службы старый фельдъегерь в середине XIX века.⁸⁴

Что же изменилось при Анне? После коронации, в июне 1730 г., была объявлена программа реформ. Серия именных указов предусматривала скорейшее окончание нового Уложения, учреждение комиссий для рассмотрения состояния армии «без излишней народной тягости» и «сочинения» новых штатов государственных учреждений, разделение Сената на департаменты. Эта программа осталась в итоге нереализованной; но даже ее выполнение означало бы только консервацию созданной Петром I системы с некоторой корректировкой, но без каких-либо принципиальных изменений, в чем согласны историки разных поколений.⁸⁵

Это означало, прежде всего, частичные уступки «шляхетству» и его социальным требованиям. Был уничтожен петровский закон о единонаследии, а затем открыт Сухопутный шляхетский кадетский корпус для подготовки из дворянских недорослей офицеров и «статских» служащих. В 1731 г. правительство восстановило отмененную было при Екатерине I практику баллотирования в первые обер- и штаб-офицерские чины в армии — в поисках лучшей системы «производства». В первые годы царствования Анны помещицы крестьяне потеряли право приобретать земли в собственность, им также было запрещено брать откупа и казенные подряды. «Слезные и кровавые подати» заставляли крестьян бежать за рубежи государства, в Польшу или оказывать сопротивление властям и составлять разбойничьи «партии».⁸⁶ С другой стороны, все поползновения дворянского «общенародия» на участие во власти (предложения проектов 1730 г. о выборности должностных лиц в центральных учреждениях и губерниях) были отвергнуты.

Однако представления о «кровавом терроре» и многотысячных жертвах пыток и доносов в годы «бироновщины» явно преувеличены.⁸⁷ Неплохо сохранившийся архив карательного ведомства показывает, что Тайная канцелярия была вовсе не похожа на аппарат соответствующих служб новейшего времени с их разветвленной структурой, многотысячным контингентом штатных сотрудников и нештатных осведомителей. В послепетровскую эпоху она являлась скромной конторой, не имевшей местных отделений и профессиональных «шпионов». В конце царствования Анны в ней несли службу секретарь Николай Хрушов, 4 канцеляриста, 5 подканцеляристов, 3 копииста и один «заплечный мастер» Федор Пушкинов. Через двадцать лет, в 1761 г. штат даже уменьшился до 11 человек и годовой бюджет сократился с примерно 2100 до 1660 рублей при прежних ставках: новый палач Василий Могучий получал, как и его предшественник, 15 рублей жалования. Такой же штат (14 чел.) с такими же расходами имелся и в московской «конторе» Тайной канцелярии.

Малочисленный штат был занят преимущественно бумажной работой: составлением и перепиской протоколов, допросов и докладов. Дос-

тавкой подозреваемых и преступников занимались местные военные и гражданские власти. Основную же работу по охране и конвоированию «колодников» в Петропавловской крепости (где помещалась и сама канцелярия) выполняли офицеры и солдаты гвардейских полков. Они держали заключенных «в крепком смотре»; следили, «дабы испражнялись в ушаты, а вон не выпускать»; допускали на свидания родственников (с тем, чтобы жены «более двух часов не были, а говорить вслух»). Они же выдавали узникам «молитвенные книжки» и «кормовые деньги», у кого они были: на казенный корм рассчитывать не стоило, и иные арестанты «с голоду» не доживали до решения своих дел.⁸⁸

Во главе этого учреждения при Анне стоял его новый, а точнее — старый начальник А.И. Ушаков: вчерашний опальный гвардеец, подписывавший ограничительные проекты в феврале 1730 г., стал необходимым и верным слугой. Власти, как и при Петре, использовали силу массового доноительства в качестве инструмента «обратной связи» с подданными. Указы прямо предписывали доносить на ближнего «без всякого опасения и боязни того ж дни. А если в тот день за каким препятствием не успеет, то, конечно, в другой день», ибо «лучше донесением ошибиться, нежели молчанием». Изывая дела «по первым двум пунктам» из компетенции местных властей, правительство поддерживало авторитет и веру в справедливость царской власти. В результате крестьяне и посадские часто придавали этим пунктам иное толкование и стремились таким путем сообщить о произволе и воровстве местных чиновников.⁸⁹

Большинство обычных дел по обвинению в неосторожной болтовне, не представлявших, с точки зрения опытных следователей, опасности, заканчивались для обвиняемых — особенно если те не запирались, а сразу каялись в «безмерном пьянстве» — сравнительно легко: поркой и отправкой к прежнему месту жительства или службы. За десятилетие «бироновщины» через Тайную канцелярию прошло 10512 узников, а в сибирскую ссылку отправилось всего 820 человек. Что же касается конкретных случаев репрессий, то документы о конфискованном имуществе показывают, что имения и дворы отбирались у тех же лиц и по тем же причинам, что и ранее: за невыполнение подрядных обязательств, долги по векселям, «похищение казны». Трудно считать жертвами «бироновщины», например, московского «канонира» П. Семенова, сбывавшего «налево» гарнизонные пушки, или разбойничавшего на Муромской дороге помещика И. Чиркова.⁹⁰

Однако плохая «социальная репутация» правления Анны в немалой степени обусловлена суровостью репрессий именно против представителей господствующего сословия. Из 128 важнейших судебных процессов периода «бироновщины» 126 были «дворянскими», почти треть осужденных Тайной канцелярией принадлежала к «шляхетству».⁹¹

Прямых отражений в народных «толках и слухах» два государственных переворота 1730 г. не нашли — они были, согласно известной формуле, «страшно далеки от народа». Пожалуй, только одно из дел привлекло внимание самого Ушакова, который лично присутствовал при допросах. Дьякон из городка Велье Псковской провинции Осип Феофилачев вме-

сте с развозившим указы о новой присяге «мужиком» Иваном Евлампиевым истолковали это так: «Выбирают де нового государя». Подобные разговоры, как показало следствие, обвиняемые вели со многими лицами — все они отправились в Сибирь.⁹²

Дворяне были недовольны отсутствием ощутимого расширения своих привилегий, тяжелой службой, ответственностью помещиков за выплату податей их крепостными. Но дела Тайной канцелярии показывают, что все эти сугубо российские проблемы не связывались с каким-либо «иноземным засильем» и не порождали «патриотического» протеста.⁹³

Начало правления Анны вызвало политические проекты не только «сверху», но и «снизу»; последние и дошли до нас в делах Тайной канцелярии. 18 июля 1733 г. в «летний дом» императрицы в Петергофе явился сенатский секретарь Григорий Баскаков и потребовал вручить его бумаги императрице. Чиновника задержали и даже полагали «в уме повредившимся», тем более что, по отзывам сослуживцев, он «весьма пил». В адресованном императрице сочинении автор сокрушался об «умножении различных противных Богу вер» и для их искоренения призывал «идти с войною в Царьград». Но далее речь шла уже о вполне конкретных неполадках: «несходстве» финансовых документов, «неправом вершении дел» и «страждущей юстиции». Секретарь предлагал приучать молодых дворян к «доброму подьяческому труду», для чего следовало иметь при коллегиях 60 человек «юнкоров» под началом опытного приказного, который учил бы шляхтичей канцелярским премудростям на разборе конкретных дел.⁹⁴ После рассмотрения дела в Кабинете секретарь был освобожден без наказания — ведь планы воевать «Царьград» и самим министрам были не чужды.

Другой прожектер, «распопа» Савва Дугин, был из породы вечных правдолюбцев. Еще в 1728 г. он доносил о злоупотреблениях управляющего Липецким заводом; затем отправлял свои признанные «враками» сочинения в Синод и в конце концов угодил на каторгу — но не успокоился и продолжал писать, страстно желая, чтобы государыня прочла его «тетради». В своих сочинениях, написанных в том же, что и шляхетские проекты, 1730 году Дугин обличал обычные для того времени церковные неполадки — невежество и пьянство священников и «сребролюбие» епископов, предлагая священников «отставлять» от прихода и повсеместно «запретить, чтоб российский народ имел воскресный день в твердости, тако же и господские праздники чтили».

Но далее «распопа» «дерзнул донести, в какой бедности, гонении и непостоянстве и во гресех и в небрежении указов и повелений находитца Россия» от лихоимства больших и малых властей, неблагочестия, воровства, чрезмерно тяжелых наказаний за «малые вины». Для борьбы с этим злом бывший священник предлагал, чтобы «едва бы не во всяком граде был свой епископ» для просвещения как духовенства, так и паствы. Прокуроров следовало «отставить» по причине их бесполезности; воевод же не надлежало оставлять в должности более 2-3 лет, а администрация при них должна быть выборная: «по 10 человек для розсылок и наряду по неделе по очереди». Дугин требовал введения принципа неприкосновенно-

сти личности: «без вины под караул не брать»; наблюдать за охраной прав граждан должен был местный протопоп. Затем «распопа» предлагал вообще запретить телесные наказания: «батожем бить отнюдь воспретить во всей империи». Он же считал: «быть полутче и народу полезнее», если будет сокращена подушная подать до 50 копеек с души; с безземельных дворовых, а также со стариков после 60 и с детей до 7 лет ее не следует брать совсем, как и с умерших.

Впрочем, расстриженный и сеченый каторжник считал крепостное состояние вполне нормальным явлением. Как и министры Анны, он был озбочен массовым бегством крестьян, для борьбы с которым предлагал сочетание экономических и «наглядных» мер. Так, за выдачу и привод беглых нужно учредить премию в 5 рублей, а самим беглым в качестве наказания отсекать большой палец на ноге и «провертеть» ухо; пойманным же во второй раз рубить ноги, «а руками будет на помещика работать свободно». В застенке Дугин ни в чем не винулся; напротив, он собирался продолжить свой трактат и объяснить Анне, «каким образом в рекруты брать и как в чины жаловать, и каких лет в службе быть», — но не успел. Четвертого апреля 1732 г. «прожектер» был казнен на Сытном рынке столицы.⁹⁵

Изложенные в этих проектах мысли касались тех же проблем, которые волновали шляхетское общество в 1730 г. Но новая власть не была намерена поощрять подобную инициативу ни сверху, ни снизу. В дальнейшем мы уже таких интересных документов по ведомству Ушакова не встречаем — они заменяются более привычным жанром «подметных писем». И совсем уж обычным материалом были для Тайной канцелярии многочисленные отзывы о правлении «женского пола» или о том, что государыня «телесно живет» с Бироном или с «фелтмаршалом графом фон Минихиным».

Безрезультатно завершились при Анне Иоанновне и усилия по составлению новых штатов государственных учреждений. Сенат обсуждал этот вопрос в 1732 г., потом в 1734 г., после чего он был отложен; только в 1739 г. Сенат передал в Кабинет штаты некоторых коллегий и контор. Кабинет летом 1740 г. вернул указанные документы на доработку, которая так и не завершилась до конца царствования. Как видно из сенатского доклада, и при решении этого вопроса ведомственные интересы не допустили централизации: Военная коллегия, Соляная контора, Генерал-берг-директориум, Медицинская коллегия и все дворцовые ведомства получили право самим утверждать свои штаты.⁹⁷

Правительственные решения, как и прежде, воспроизводили уже такие опробованные меры, как сокращение штатов в коллегиях, слияние учреждений (Берг- и Коммерц-коллегии), уменьшение жалования «приказным» на треть, выдачу его «сибирскими товарами» или вообще запрещение получать деньги до окончания расчетов с армией.⁹⁸ Такое «удешевление» замыкало порочный круг и оборачивалось проблемой хронического отсутствия нужного количества подготовленных кадров. Остававшиеся чиновники еле-еле могли обеспечить текущее управление и не имели возможности заниматься собственно выработкой государственной политики — для этого постоянно приходилось создавать вневедомственные комиссии.⁹⁹

Выход из этого тупика обычно отыскивался по принципу «тришкиного кафтана»: приказных забирали из одного места и перебрасывали в другое, где в данный момент нужда в них была самой острой. Поэтому случались ситуации, когда первые сановники империи лично перемещали подъячих из Ямской канцелярии в Тайную или решали, где именно надлежит работать секретарю Петру Зеленому, поскольку на него претендовали сразу две конторы. В итоге поступали мудро: «в Провиантской канцелярии... быть в неделю по 2 дня, а прочие 4 дня быть в Генеральном кригс-комиссариате».¹⁰⁰

По-прежнему донесения в Кабинет больших и маленьких администраторов содержат одни и те же жалобы на нехватку «подъячих».¹⁰¹ На подобные просьбы Кабинет неуклонно отвечал отказом — присылать было некого. Обычные наказания в виде штрафов, кажется, никого уже не пугали. Посланные для «понуждения» чиновников к скорейшему исполнению столичных приказов и «сочинению» необходимых справок и отчетов сообщали о том, что «секретари и приказные служители держатся под караулом без выпуска». То же иногда приходилось делать и их начальникам (как новгородскому вице-губернатору Бредихину) или платить немалые штрафы (по 50–100 рублей); но дело с места не сдвигалось: бывалые «подъячие» подобные начальственные наскоки «ни во что считали», а экономию на их жаловании с лихвой восполняли за счет всевозможных поборов. Проблемой оставался и уровень подготовки чиновников.

Хранящиеся в Герольдмейстерской конторе составленные в 1737–1738 гг. по указу Кабинета списки секретарей и канцеляристов коллегий и других центральных учреждений с краткими служебными характеристиками десятков низших чиновников представляют коллективный портрет российского «приказного». Конечно, в рядах бюрократии среднего и высшего звена были и заслуженные, прошедшие огонь и воду военных кампаний и бесконечных командировок люди — например секретарь Военной коллегии Петр Ижорин. Ему и другим чиновникам посвящены весьма похвальные отзывы: «служит с ревностию», «безленостно» и «в делах искусство имеет».

Но рядом с ними встречаются характеристики иного рода: «пишет весьма тихо и плохо»; «в делах весьма неспособен, за что и наказан»; «стар, слаб и пьяница»; «в канцелярских делах знание и искусство имеет, токмо пьянствует»; «всегда от порученных ему дел отлучался и пьянствовал, от которого не воздержался, хотя ему и довольно времени к тому дано» и т.п. Последняя «болезнь» являлась чем-то вроде профессионального недуга канцеляристов с обычным «лекарством» в виде багатов. Особо отличались неумеренностью приказные петербургской воеводской канцелярии, где в 1737 г. за взятки и растраты пошли под суд 17 должностных лиц. Из данных служебных характеристик следует, что в пьянстве «упражнялись» 2 из 5 канцеляристов, 2 из 2 подканцеляристов и 13 из 17 копиистов; последние отличались тем, что не только гуляли, но еще и «писать мало умели».¹⁰² Даже начальник всей полиции империи вынужден был просить Кабинет прислать к нему в Главную полицеймейстерскую канцелярию хотя бы 15 трезвых подъячих, поскольку имеющиеся «за пьянством и неприлежностью весьма неисправны».¹⁰³

На какие доходы можно было отлучаться и пьянствовать? Только старшие чиновники — секретари и обер-секретари — получали более или менее приличные деньги (порядка 400–500 рублей в год, а наиболее заслуженные, как упоминавшийся Петр Ижорин — 800), сопоставимые с доходами армейского полковника. Оплата труда канцеляриста составляла от 70 до 120 рублей в год; разброс в жаловании самой массовой категории, копиистов, был от высшего из указанных в списке в 90 рублей до низшего в 15 рублей, что сопоставимо с оплатой труда мастеровых, которм по причине ее недостаточности полагался еще натуральный паек.¹⁰⁴ Выходом были «безгрешные» акциденции, «наглые» хищения и более сложные комбинации с неизменным, в итоге, «участием» чиновника в прибылях казны, являвшиеся своеобразной компенсацией низкого социального статуса и убогого материального положения бюрократии.

Пожалуй, только смоленский губернатор А.Б.Бутурлин не только заступился за подчиненных, но и принципиально поставил вопрос о порочности существовавшей системы управления и контроля. В конце 1739 г. он прислал в Петербург один за другим два доклада. В первом губернатор объяснял: после разрешения в 1737 г. коллегиям и конторам штрафовать местные власти последние получили ... 54 контролирующие инстанции, каждая из которых посылала на головы губернаторов «угрозительные повеления». Выполняя одно, непременно приходилось откладывать другое; в результате у чиновников «нужнейшие дела из рук выходят и внутренним течением пресекаются»; можно было не выполнять ничего — штрафы все равно были неизбежны.

Второй доклад Бутурлина можно назвать настоящим трактатом «о невозможении счетов годовых сочинением» его подчиненных. Прежде всего, требовалось составить месячный «репорт», отправлявшийся не только в Камер-коллегию, но и в Сенат и еще в несколько мест. Затем ответственным за ведение счетов «приходчикам» необходимо было привести в порядок 16 книг («по форме» надо было и все 19) по каждому виду денежных поступлений, что «немалое мозголомство приносит от состоящих вновь форм». После чего надо было сдать еще 4 книги (по недоимкам и по расходам на новый год) своему преемнику вместе с наличной «денежной казной» ... и садиться сочинять годовой «репорт». Одновременно приходилось составлять всевозможные отписки и справки по требованию вышестоящих инстанций и прибывающих с очередным «повелением» офицеров под угрозой штрафов и сидения под караулом. В результате подведение финансовых итогов требовало не менее трех месяцев, в течение которых текущие дела «запускались».¹⁰⁵ Но это — только в том случае, если ответственные за финансовые документы чиновники были живы и здоровы, не угодили уже под следствие и не были отправлены к каким-либо срочным делам налетевшим из столицы гвардейцем.

При такой работе через руки подъячих с грошовым жалованием проходили порой колоссальные суммы. При несходстве счетов, а особенно при малейшем подозрении начиналась долгая волокита, а иногда и следствие, где виновными в итоге оказывались не начальники, а «стрелочники». Порой даже не отличавшийся милосердием в ту эпоху Сенат просил

императрицу простить какого-нибудь копииста Алексея Михайлова, который допустил в отчетности по сумме в 600 тысяч рублей «прочет» в 127 рублей и при этом был «нимало не корыстен», а ошибся исключительно «от великого приема и раздачи суммы».¹⁰⁶

Не менее страшно было для приказного попасть под гнев начальства. Только в 1739 г. был окончен суд над каширским воеводой Я.Баскаковым, виновным в убийстве канцеляриста; за то же был вызван к следствию воронежский вице-губернатор Лукин; в том же обвинялся и белгородский губернатор И.М.Греков. В Москве же президент Вотчинной коллегии А.Т.Ржевский и секретарь Обрютин прямо в «ассессорской камере» избили палками и плетьюми канцеляриста Максима Стерлигова, после чего его «содержали в цепях и в железах под коллежским крыльцом» за попытку разоблачения злоупотреблений чиновников Елецкой провинциальной канцелярии.¹⁰⁷ Даже в столичной Коммерц-коллегии ее чиновники могли получить «по щекам» или плевков в лицо от вспыльчивого президента П.П.Шафирова; назначенные туда коллежские советники публично спрашивали начальника, «будет ли он до них милостив».¹⁰⁸

Дела финансовые, или Как русские «немцев» посрамили

Повседневную работу государственной машины постоянно тормозила нехватка средств в нужном месте и в нужное время. Порой срочные расходы (как в 1726 г. на укрепление Кронштадта или в 1730 г. на погребение Петра II) заставляли Сенат и Камер-коллегию посылать гонцов в поисках денег, «где сколько во всех калегиях и канцеляриях и канторах есть». Каким образом потом проходил расчет между отдельными ведомствами и учреждениями — похоже, не было до конца известно никому, как и то, доходили ли деньги по назначению.

Отсутствие «единства кассы» сделало невозможным для современников (и для историков) точно учесть реальные потребности, доходы и расходы отдельных ведомств. Так, например, в непрерывно жаловавшейся на недостаточное финансирование Военной коллегии (сами военные оценивали долги государства перед ними за пять лет с 1724 г. в 2227057 рублей 57 и $\frac{3}{4}$ копейки¹⁰⁹) «штатская» комиссия князя Д.М.Голицына обнаружила регулярно объявлявшиеся каждый год «остаточные» суммы, складывавшиеся из невыплаченного жалования, «разных сборов», помимо подушной подати, сэконоленных на закупках сумм и т.д. и составившие за три года почти 6 с половиной миллионов рублей, не считая стоимости хранившегося в армейских «магазинах» провианта и фуража.¹¹⁰ В декабре 1727 г. Сенат признал, что так и не смог собрать сведения о финансовых распоряжениях Меншикова, и «непорядочные из казны расходы» по приказам уже сосланного вельможи продолжались.¹¹¹

В июле 1726 г. именным указ Екатерины I даже не требовал, а просил Камер-коллегию составить «табель» приходов и расходов за 1725 г. или «по нужде хотя 1724 или 1723 из сих одной которойнибудь сочинить».¹¹² Но при жизни Екатерины этого так и не удалось сделать. На указы Камер-коллегии о взыскании недоимок с мест отвечали (как это сделали в марте 1725 г. комиссар и

камерир Севской провинции), что и для текущих дел подьячих не хватает, а их еще отнимают «к переписным делам». Внушения из центра обходиться теми служащими, «кто в оной провинции ныне обретаются», как и привычные угрозы штрафов с воевод «по полтине на день» ничего не могли изменить. Камер-коллегия, в свою очередь, получала от Сената выговоры за отсутствие ведомостей и столь же строгие, сколь и неисполнимые требования составить «окладную книгу», т. е. роспись всех доходных статей бюджета, в 7 дней.¹¹³

Только к осени 1727 г. Камер-коллегия представила полную ведомость расходов за 1724 г., включая самые мелкие «неокладные» статьи — такие, как выдачу 219 рублей 70 копеек фискалам и прочим «доносителям» или 6079 рублей на воспитание «беззаконно рождающимся младенцем». Но при этом коллегия так и не нашла точных сведений о судьбе истраченных 233835 рублей, относительно которых «известий не имеетца и по репортам отдачи не написано».¹¹⁴

Отсутствие необходимых средств проявилось с первых дней нового царствования. В 1732 г. Сенат подсчитал, что накопившиеся с 1719 г. недоимки составили 7 млн. рублей только по таможенным, кабацким и так называемым канцелярским сборам.¹¹⁵ По-прежнему оставались запутанными финансовые отношения между учреждениями. Один из еженедельных докладов Сената от 17 сентября 1732 г. сообщал: Штатс-контора не считает возможным выдать деньги из Монетной конторы на жалование служащим Ревизион-коллегии, «доколе та контора с Штатс-конторою возымеет счет». Штатс-контора вместе с Камер-коллегией не могут выплатить 270430 рублей на содержание полков в иранских провинциях, поскольку эти чрезвычайные расходы повелено производить только из таких же «не положенных в штат» доходов, коих, во-первых, в нужном количестве «никогда в настоящих годах не собирается»; во-вторых, внештатные доходы уже были расписаны «по посланным указам» на другие нужды.¹¹⁶

Количество таких «неокладных» расходов достигло в 1732 г., по данным за подписью обер-прокурора Сената А.Маслова, 2740947 рублей,¹¹⁷ что составляло порядка трети всего бюджета. Они включали в себя расходы не только на войну в Иране, но и, согласно тому же документу, на содержание новых полков гвардии, «пенсии» знатным иностранцам и вдовам иноземцев, находившихся на русской службе, завершение строительства Ладожского канала, ремонт крепостей, «ружные» выдачи церквям и монастырям и прочие большие и маленькие выплаты. Например, известный маскарад с «ледяным домом» обошелся в 1740 г. вместе с «привозом народов, зверей и скотов» почти в 10 тысяч рублей.¹¹⁸ От года к году суммы менялись, но неуклонно имели тенденцию к увеличению.

Расходы на «Низовой корпус» не прекратились и после вывода его из Ирана, поскольку полки не были расформированы. В феврале 1737 г. Военная коллегия в очередной раз пожаловалась на Штатс-контору, которая не перечислила средств. Кабинет распорядился деньги выплатить. Но в марте последовала новая жалоба военных; министры вновь, уже «наиболее жесточайше», повторили прежнее указание. В ответ Штатс-контора разъяснила: сами кабинет-министры велели содержать эти части за счет «таможенных доходов», а также поступлений с Украины, из Коллегии

экономии и других «остаточных» статей; но теперь «вышеписанных доходов деньги в Статс-контору не приходят». Далее контора напоминала, что по прежним указам доходы от продажи казенных железа и меди остаются в Коммерц-коллегии, от торговли ревенем — у Медицинской канцелярии; к тому же командующие армиями Миних и Ласси постоянно требуют денег, и все свободные средства уходят на «турецкий фронт».

На такое разъяснение министры, хоть и обиделись («из того ничего подлинного выразуметь невозможно»), но смогли только порекомендовать конторе «изыскать способы» найти деньги совместно с Сенатом. Опытные сенаторы, постоянно сталкивавшиеся с подобными заданиями, выход нашли. В Петербурге обнаружили 15 тысяч рублей, из московских канцелярий и контор выгребли еще 35 тысяч, а затем взяли «заимобразно» из Монетной конторы еще 50 тысяч и в итоге обеспечили необходимые текущие выплаты.¹¹⁹

Подобные финансовые подробности являются типичными для всей финансовой системы той эпохи. Несовершенство налоговой службы и децентрализация сбора и расходования средств постоянно порождали такие ситуации, когда все участвовавшие стороны были правы и найти виновного было невозможно. Опытный начальник Статс-конторы Карл Принценстерн ничем не рисковал и, несмотря на бесчисленные «наижесточайшие» указы и выговоры, благополучно возглавлял свое ведомство с петровских времен до самой смерти в 1741 г. — вероятно, как раз потому, что был способен ориентироваться в дебрях ведомственных касс и вовремя «доставать» необходимые суммы.

Поэтому неудивительно, что правительство Анны поставило перед собой задачу упорядочить финансовую неразбериху. Прежде всего, власти намеревались ужесточить сбор налогов и взыскать недоимки. В 1730 г. перед Сенатом вновь была поставлена задача составить «государственную о всех доходах книгу». Третьим направлением «битвы за финансы» стали попытки проконтролировать прежние расходы путем проверки счетов всех учреждений и составить их твердые штаты.

Новых подходов к решению этих задач министры предложить не смогли, тем более что «Комиссия о подати» князя Д.М.Голицына прекратила работу с «падением» Верховного Тайного совета. Все принципиальные основы петровской финансовой системы были сохранены, даже возобновлен сбор подати при помощи военных команд по петровскому «Плакату» 1724 г. Для успешного сбора недоимок по другим статьям Камер-коллегию разделили на две — старую и новую; последняя должна была сосредоточить свои усилия на сборе текущих поступлений и не «запускать» их.¹²⁰ Через год военные приступили к сбору недоимок: «В случае непривоза денег в срок полковники вместе с воеводами посылают в незаплатившие деревни экзекуцию», согласно регламенту Камер-коллегии 1731 г. Но, как в 1727 г., эта практика была опять отменена в 1736 г. по тем же причинам: поборы, взятки и злоупотребления сборщиков росли вместе с недоимками, что констатировал очередной указ.¹²¹

Ужесточение сбора недоимок, помимо прочего, означало и наступление на интересы дворянства, поскольку виновными в неуплате по закону становились владельцы крестьян. Составленная в 1737 г. по требованию

Кабинета «Ведомость о имеющемся недобору на знатных и других» показала, что первыми неплательщиками были сам кабинет-министр А.М.Черкасский (за ним числились недоимки в 16029 рублей), сенаторы (7900 рублей), президенты и члены коллегий (16207 рублей), генералитет (11188 рублей) и прочие «знатные» (445088 рублей).¹²² В итоге кампания по сбору недоимок закончилась провалом; к концу царствования их сумма (только по подушному сбору) составляла, по мнению занимавшегося этим вопросом исследователя, 1623 тысячи рублей.¹²³

Решение второй и третьей задачи сразу оказалось Сенату не под силу. Завершение «окладной книги» было перенесено сначала на 1732, потом на 1733, а затем так и тянулось вплоть до конца царствования Анны, тем более что многие присланные с мест ведомости стorerели в московском пожаре 1737 г.¹²⁴ В августе 1740 г. Сенат в очередной раз доложил о своих усилиях, а Кабинет, — уже, видимо, не надеясь на успех, — признал, что с делом «исправиться невозможно», и точного срока больше не назначал, а только напоминал о необходимости окончить работу в обозримом будущем.¹²⁵

В исследовании, специально посвященном состоянию финансов в царствование Анны, также отмечалась безуспешность усилий правительства в этой сфере. Автор объяснял ее прежде всего некомпетентностью провинциальных администраторов, которые «не могли и не умели составить бухгалтерской отчетности».¹²⁶ Однако изучение материалов Кабинета министров показывает, что у чиновников были и другие причины.

С самого начала Сенат и Кабинет столкнулись с настоящей системой саботажа всех правительственных инициатив по наведению порядка в этой сфере. Ревизион-коллегия в мае 1732 г. докладывала Сенату: при попытке собрать и проверить отчетность за 1726 г. коллегии и конторы прислали счета «неисправные», из которых «о суммах приходу и расходу видеть было нельзя». Далее перечислялись уловки, при помощи которых достигался этот эффект: чиновники ссылались на исчезнувшие документы или на отсутствие ответственного за «счета» лица, уже давно скончавшегося или отбывавшего срок; в других учреждениях составлялись бумаги за подписью мелких клерков, а не руководства; третьи действовали по принципу «подписано — и с плеч долой» и категорически отказывались принимать «неисправные» документы обратно. Наиболее невразумительными отчетами отличалось самое «затратное» военное ведомство: присланные им бумаги оказались «весьма неисправны, а против прихода и расхода написаны недостатки, и в прочем одни с другими смешанные, отчего не только впредь, но ныне произошла камфузия».¹²⁷ Мы должны признать эти выводы справедливыми, поскольку при разборе архивных документов по финансовой отчетности уразуметь их смысл и систему подачи цифр бывает порой весьма мудрено, а сопоставить с показателями других лет — часто невозможно.

Точно так же тормозилось и составление «окладной книги» — еще и потому, что правительство потребовало от местных властей сведений о сборе податей начиная с 1719 г. На требование Камер-коллегии подать «на каждое место и звание доходам от губернаторов по третям, а о подушном сборе в полгода подробные репорты» чиновники притворялись непонятливыми

— или и в самом деле не были в состоянии постичь правила бухгалтерской отчетности. Начальство получило «о таможенных и прочих сборах месячные, а не третные репорты, писанные по прежним формам;... а со штабных дворов земские комиссары присылают о подушном сборе полугодные репорты не по посланным же формам». На посылку же «новых форм» на местах либо не реагировали вообще, либо оправдывались, что их не получали, и действовали по «прежним указам»; либо докладывали, что «в скорости сочинить никоим образом не можно, ибо за раздачами приказных служителей в разные команды и в счетчики, осталось самое малое число». В итоге — о доходах «коллегия никакого известия не имеет, и для того генеральной ведомости сочинить не из чего».¹²⁸

Немногом лучше была ситуация и с расходами. В 1732 г. Сенат смог составить ведомость «окладным» и «неокладным» тратам с 1725 по 1731 г. Эта сводка дает некоторое представление о наметившейся тенденции сокращения расходов в послепетровской России.¹²⁹

Годы	Расходы «окладные» (рублей)	Расходы «неокладные» (рублей)	Итого (рублей)
1725	4428867	1209098	5637965
1726	3182068	1436869	4618937
1727	2820600	1468544	4289144
1728	2548737	940294	3489031
1729	2853161	801397	3654558
1730	2345000	1485738	3830738
1731	2307769	1251085	3558854

Однако речь идет именно о тенденции, поскольку приведенные выше цифры являются далеко не полными и охватывают от половины до трети реального бюджета. Чиновники Штатс-конторы посчитали даже мелкие расходы — например, на строительство «ердани» на крещенском параде, содержание «ззорных младенцев» или «за объявление монстров»; но зато они вообще не смогли указать расходы по Военной коллегии и Коллегии иностранных дел за 1730 г. Не всегда приведены данные о выплатах на медицину, Морскую академию, сведения о «пенсиях» и выдачах «в тайные и нужные расходы».

Власти не смогли предложить ничего, кроме грозных указов и создания новых административных органов в помощь уже существовавшим. Так появилась Генеральная счетная комиссия с задачей «ревизии» счетов всех правительственных «мест» начиная с 1719 г. Но гора родила мышь: к 1736 г. новая комиссия рассмотрела только 78 счетов и вернула казне 1152 рубля, что, по официальной оценке, было меньше, чем зарплата ее персонала за эти годы.¹³⁰ Указ 1735 г. признал неэффективность работы и Ревизион-коллегии, в которую прочие учреждения не присылали вовремя счета. Не была преодолена и ведомственная разобщенность: от ревизии были освобождены гвардия и придворные службы; свои счетные экспедиции сохранялись в Военной коллегии, Камер-коллегии по таможенным доходам и при Ге-

нерал-кригс-комиссариате.¹³¹ Об успехах работы последних говорит опыт военного ведомства: в августе 1737 г. Кабинет указал, что армейские ревизоры за 7 месяцев проверили только 6 счетов из имевшихся 115, а остальные 364 еще даже не были ими получены.¹³²

Отсутствие действенного контроля приводило к тому, что уже собранные и направленные по назначению средства и материальные ценности исчезали неизвестно куда. Хорошо, если такие вещи обнаруживались сразу, как в Новгородской губернии, где по вине «верных сборщиков» в 1736 г. пропали 11 тысяч рублей обранных денег: хотя бы виновные были налицо.¹³³ Когда же недостачи обнаруживались через несколько лет, то спросить было уже не с кого. Например, фельдмаршал Миних докладывал, что по ведомству его же фортификационной конторы в г. Выборге кондуктор З.Маршалков допустил в 1733 г. растрату казенной извести и прочих материалов на 4417 рублей. Выяснилось это только семь лет спустя, когда и сам виновный, и обер-комендант крепости генерал-лейтенант Де Колонг уже умерли. Пострадали лишь наследники кондуктора, с которых казне удалось взыскать 65 рублей 15 копеек; за семейство начальника вступился ... сам же Миних, оправдывая действия генерала «единой простотой и не довольным знанием приказных порядков».¹³⁴

Даже когда дело было абсолютно ясным, оно могло тянуться годами, как история дворянина-рядового Ингерманландского драгунского полка Андрея Тяпкина. В 1730 г. он был отправлен в качестве «счетчика» в Белгородскую губернию и должен был доставить из губернской канцелярии в Москву 2732 рубля 42 копейки. По приезде из суммы «не явилось» 391 рубль и 83 с половиной копейки. Куда и каким образом они исчезли, документы умалчивают; но Тяпкин спорить не стал и в возмещение тут же предоставил ...70 рублей, заявив, что больше у него нет. У виновного описали имение из трех «жеребьев» и 11 душ в двух деревнях Костромской провинции (как и многие мелкие помещики, драгун владел этими деревнями совместно с другими такими же служивыми) и оценили его в 466 рублей. Затем дело оставалось без всякого движения до 1734 г., когда Тяпкин доложил Сенату, что на имение «купца и закладчика не сыскал», и просил сенаторов самим продать его «жеребьи». В итоге еще через год Сенат взял эту задачу на себя, а драгун отправился продолжать службу в армии на Украине.¹³⁵

Эта история показывает не только весьма либеральные понятия о финансовой дисциплине, но и то обстоятельство, что при неразвитости товарных отношений реализовать на рынке земельную собственность было не так просто. При недостаточном, да еще и не выдававшемся жаловании даже такие крохотные владения служили источником существования мелкопоместных дворян, для которых так важны были право раздела имущества и отмена петровского единонаследия.

Даже в резиденции грозной императрицы процветали бесхозяйственность и «наглые» хищения. В 1740 г. обнаружили «непорядки» в Канцелярии от строений и в придворной садовой конторе, возглавлявшихся к тому моменту опять-таки уже покойным гоф-интендантом Антоном Кармедоном. Здесь речь уже шла о сумме в более чем миллион рублей, по

которой не было вообще никакой отчетности, поскольку «приходы и расходы многие чинили по словесным приказам его, Кормедона, и без расписок; и партикулярным людям деньги даваны были на ссуду»; т.е. гоф-интендант в течение нескольких лет свободно распоряжался казенными деньгами как своими собственными и даже раздавал их под проценты.

Следствие сразу обнаружило недостачу около 10 тысяч рублей, но доложило, что для завершения «надлежит со 100 счетов сочинить, а за вышписанными непорядками и неисправностями оных вскоре сочинить... ни по которой мере невозможно». В своей резолюции по докладу Анна прикинула, что такие проверки «разве что в 10 лет окончаны быть могут», и велела ограничиться составлением тех счетов, «где можно отыскать виновных», и то таких, которые «сами или их наследники имеют свои имения и, ежели явятся начеты, платить в состоянии».¹³⁶

Так же случайно раскрылось в 1736 г. дело о воровстве и подлогах чиновников столичной «городовой канцелярии», уличенных в многочисленных взятках с подрядчиков и приписках о якобы проделанных ими для благоустройства города работах. Императрица была возмущена даже не столько тем, что они «сие свое воровство чрез многие годы, не преставляя, продолжали», сколько просьбой Сената о смягчении наказания и невзыскании «взятков». Рассерженная Анна указала сенаторам: «Разве нагло казну нашу разворовывать не в воровство вменяется?»¹³⁷

Наконец, деньги можно было просто не платить. Опытные откупщики и иные держатели казенных статей всегда это учитывали и вовремя докладывали, какой именно ущерб они понесли от карантина, военных действий или других непредвиденных обстоятельств, не забывая просить об уменьшении платежей. В других случаях спросить было опять же не с кого. В 1739 г. откупщик московских мостов Степан Буков жаловался Кабинету, что за провоз казенных грузов ему никто ничего не платил и ему приходится возмещать «недобор» в 10 тысяч рублей. Незадачливый откупщик сочинил по делу 85 (!) «доношений», но начатое следствие погрязло в бесчисленных счетах между ведомствами и конторами.¹³⁸

На практике составить точную картину состояния финансов оказалось невозможно. И дело было не только в хищениях. Деньги (с опозданиями и не полностью) приходили в разные кассы, куда (а иногда совсем не туда же, а в другие места) позднее более или менее успешно доставлялись доимки за разные годы; порой это были весьма крупные суммы — например, 58 тысяч рублей, взысканные гвардейским поручиком И. Егуповым-Черкасским с одной только Нижегородской провинции в 1738 г., или 400 тысяч рублей, пополнившие флотский бюджет и частично возместившие накопившиеся к 1735 г. недоимки в 1434961 рубль.

Далее вступала в действие система «заимобразных» зачетов, когда нужные средства изыскивались из сумм другого ведомства и затем могли годами не возвращаться. В 1740 г. за Штатс-конторой состоял долг в 500 тысяч рублей, которые были взяты еще два года назад из Соляной и Монетной контор, но так и не были возвращены. Насколько далеко заходили счета между учреждениями, показывают постоянные конфликты с той же конторой Военной коллегии. В 1739 г. генералы в очередной раз жало-

вались на неуплату им огромной суммы в 710746 рублей; но штатские чиновники полагали, что должны только 1000 рублей, и платить отказались. Не имевший никакой возможности рассмотреть дело по существу Кабинет, как обычно, отправил бумаги обратно с требованием «учинить счеты» и найти деньги. Дело, как обычно, разрешилось компромиссом: Штатс-контора тут же где-то отыскала 200 тысяч рублей, а просьбу выдать недостающее отправила «наверх» — к императрице и находящимся в ее распоряжении суммам Соляной конторы.¹³⁹

Аппетиты ведомств и соответствующие «неокладные» расходы постоянно возрастали, как можно убедиться на примере Коллегии иностранных дел. Дипломатическое ведомство в 1740 г. указало, что теперь ее расходы «выходят более» установленного «оклада» в 20 тысяч рублей, и просило увеличить его до 25 тысяч; кроме того, постоянно требовались чрезвычайные суммы на «презенты» чужеземным послам и «пенсии» различным лицам, оказавшим русскому двору услуги. Огромные средства уходили на прием пышных восточных посольств. Так, дружба нового союзника — иранского шаха Надира — обошлась при приеме его послов в 1736—1739 гг. в 110 тысяч рублей; в 1740 г. содержание и «отпуск» нового посольства Хулеф-мирзы стоили еще 28500 рублей.¹⁴⁰

Наконец, центральный аппарат не имел реального представления о том, сколько и каких сборов должно было поступать в казну. Недостатки подушной переписи сказались еще при жизни ее создателя. Но и с учетом других поступлений дело обстояло не лучше. Так, Камер-коллегия доложила в 1737 г., что не имеет сведений о количестве кабаков и винокурных заводов в стране по причине неприсылки соответствующих ведомостей. В ответ Анна гневно выговорила министрам, что «самонужное государственное дело» тянется уже полтора года и конца ему не видно.

Сенатский доклад августа 1740 г., подводивший итог десятилетним усилиям по составлению «окладной книги», указал еще на одну важную причину чиновничьего саботажа: местные начальники не желали показывать «ясного о тех окладах и сборах обстоятельства», поскольку многие «не только в окладе неположными оброчными статьями секретари и подьячие сами владели, но и из окладных оброчных статей, противно присяге и должности, под видом откупов за собой держали».¹⁴¹

Это означало, что имевшиеся в городах и уездах источники казенных доходов в виде мельниц, рыбных ловель, мостов и перевозов, «отдаточных» казенных земель и т.д. были успешно «приватизированы» местными приказными; официально же они значились сданными в откуп (на сумму гораздо меньшую, чем реальный доход) или просто лежащими «впусте». Отдельные дошедшие до столичного расследования дела показывали, что в присвоении этих средств была вовлечена буквально вся местная администрация во главе с губернатором. В итоге одного расследования оказалось, что оброчная сумма с казенных земель в 1482 рубля «превратилась» в 162 рубля 71 копейку — именно столько получило государство; остальное пошло в карман белгородскому губернатору И. М. Грекову, задолжав «приватизированному» и обширные сенные покосы. Порой даже гвардейцы, прибывавшие с «понуждениями», не знали, что в таких слу-

чаях делать: документацию от них прятали, сам губернатор отправлялся «в поле с собаками», а другие чиновники — «по хуторам своим».¹⁴²

Проблема состояла в том, что установить реальную величину возможных налоговых поступлений можно было только путем повсеместной ревизии таких доходных мест с выяснением: сколько их убыло и прибыло, что действительно лежит «впусте» и сколько реально можно получить денег от каждой сданной мельницы или другой откупной статьи. Но если даже сбор основного прямого налога встречал неодолимые трудности, то для решения столь масштабной задачи правительство и подавно не имело никакой возможности. В итоге государство получало с таких оброчных статей и пошлин едва половину предполагавшегося «оклада».¹⁴³

Вероятно, мы были бы благодарны «немецкому» правительству Анны Иоанновны, если бы ему удалось навести хоть какой-то порядок в российских финансах. Нам встретилось в бумагах Кабинета только одно упоминание об успехе: в 1739 г. была составлена «генеральная табель» доходов и расходов на один только 1737 г., из которой следовало, что дефицит бюджета составлял 619 444 рубля.¹⁴⁴

В политической сфере новый механизм оказался довольно устойчивым. Но на управленческом и финансовом поприще «бионовщина» потерпела поражение от отечественных «приказных». Напрашивается даже непатриотическая мысль: может быть, для наведения порядка в делопроизводстве надо было импортировать больше немецких чиновников? Ведь их было не так уж много для эпохи «немецкого засилья»; некоторые из них продолжали успешно служить России и при Елизавете Петровне, как Кейзерлинг или Корф.¹⁴⁵

Для достижения поставленной Петром Великим цели создания «регулярного» государства понадобилась еще целая историческая эпоха; в рассматриваемый период удалось продвинуть лишь те новации, условия для осуществления которых «дозрели». Так, можно отметить передачу в 1738 г. Коллегии экономии из Синода в Сенат, что означало еще один шаг в наступлении на самостоятельность церкви, и назначение прокуроров в коллегии и губернии.

В 1733 г. в 23 российских городах появились полицейские команды, подчиненные Главной полицеймейстерской канцелярии во главе с генерал-лейтенантом В.Ф.Салтыковым. Было бы интересно ответить на вопрос, насколько петровские реформы с их «ревизией», налогами и солдатчиной ухудшили криминогенную обстановку в стране, — это ведь тоже своеобразная «цена» форсированной модернизации.¹⁴⁶ Охранять порядок и «благочиние», действительно, было необходимо — особенно в крупных городах с наплывом нищих, поденщиков, «дворовых», слуг и обитателей городского «дна». Но и здесь возникали трудности. В 1736 г. Кабинет обратил внимание, что в полицию приходится зачислять строевых солдат и офицеров, что в условиях начавшейся войны увеличивало «некомплект» в полках. Поэтому на практике горожане сами по разнарядке выходили «на дежурство» по охране порядка от воров и грабителей.

Не показывает ли провал финансовой «реформы» нового правительства, что «пересадка» (даже с учетом всех ее корректив) шведской модели управления при Петре несколько опередила свое время; что форсирован-

ная попытка централизации наткнулась на отсутствие подготовленных для нее условий, «недозрелость» государственных и общественных структур? Попытка преодоления этой неготовности «строгостью» была способна только дестабилизировать и без того далеко не эффективную систему управления и контроля, о чем и докладывал губернатор Бутурлин.

Марш на Царьград

Финансовые проблемы заставили подумать об изменениях даже в самых знаменитых и удачных из петровских нововведений — в армии и на флоте. По современным подсчетам, эти институты хронически недофинансировались: недоимки составляли по армии от 6 до 30 %; по флоту — 24 % в год. Строившиеся из сырого леса корабли быстро приходили в негодность: из 36 линейных кораблей полностью боееспособными осталось к началу 30-х гг. только 8. Созданная в 1732 г. «Воинская морская комиссия» вместе с Сенатом пришла к выводу о необходимости отказаться от петровской программы строительства больших военных кораблей в запертом Балтийском море. В докладе Сената флоту отводилась более реалистичная вспомогательная роль обороны побережья от наиболее вероятного противника — Швеции, и «по пропорции опасности» строить надлежало преимущественно средние по классу 66-пушечные суда.¹⁴⁷

Реформы в послепетровской армии вызывали различные оценки. В советской литературе можно встретить скорее отрицательные суждения о них как о «возвращении к прошлому» (какому?), утверждения «плац-парадной муштры» и копировании немецких образцов. В то же время военные историки позапрошлого века оценивали их более дифференцированно. Фельдмаршалу Бурхарду Миниху удалось объединить в рамках Военной коллегии громоздкую систему управления, насчитывавшую 7 канцелярий и контор, что можно считать скорее шагом вперед в процессе централизации. Основанный им же кадетский корпус стал не только школой подготовки офицерских кадров, но и одним из важнейших учебных заведений России той эпохи.

Другие же преобразования были менее удачны. Строительство протяженных укрепленных линий на Украине и в других местах потребовало огромных средств и не всегда могло предупредить татарские набеги — как, например, зимой 1736/1737 гг. Новые правила предусматривали преимущественно обучение неприцельной стрельбе в ущерб штыковой атаке. Увеличение артиллерийского парка вдвое снизило его мобильность и привело к разнообразию калибров пушек. Появление тяжелой кавалерии (кирасирских полков) способствовало улучшению коннозаводства, но также обошлось весьма дорого и оказалось бесполезным на театре военных действий против турок и татар.¹⁴⁸ Последние меры вроде бы свидетельствуют о стремлении быстрее «европеизировать» русскую армию по европейским стандартам; но в конкретных условиях России это было не всегда разумно, как и расходы на новую форму, и введение «пуклей с косами».

Что же касается привлечения иностранцев, то, как уже не раз отмечалось, именно при Анне они потеряли право на двойное жалование по сравнению с русскими офицерами. Кроме того, в 1733 г. иноземных офице-

ров было запрещено определять без доклада императрице; в 1735 г. «немцам» (прежде всего прибалтийским) запретили после отставки возвращаться на службу с новым чином.¹⁴⁹ Но, так или иначе, эти реформы закрепляли взятый при Петре курс на строительство военной империи: к концу правления Анны армия составляла почти 7 % населения, в полтора раза превосходя по численности торговцев и ремесленников.¹⁵⁰

В отличие от расходов на флот, которые с тех пор оставались до конца эпохи стабильными, сократить армию не удалось. «Бироновщина» успешно продолжила традицию имперской внешней политики. По мнению исследователей, с начала 30-х гг. можно говорить о «новой доктрине» внешней политики, определившей ее курс на 50 лет вперед. Главным его содержанием стала смена направления: отказ от дальнейшей экспансии на Балтике во имя активного утверждения русского влияния в соседней Польше и наступательных действий против Турции и Крыма.¹⁵¹

В начале царствования Анны российская дипломатия покончила с «голландской» проблемой: Россия и Австрия подписали в 1732 г. договор с Данией, по которому последняя соглашалась выплатить голландскому герцогу миллион талеров в качестве компенсации за утраченные им земли; в случае отказа союзники не имели больше по отношению к нему никаких обязательств. Изменилась к началу 30-х гг. и ситуация в европейском «концерте». Ценой уступок (в частности, ликвидации собственной морской торговли) Австрия добилась восстановления в 1731 г. союза с Англией. Новая комбинация означала распад враждебного России и Австрии Ганноверского союза, в результате чего международную ситуацию на Западе все больше стало определять разрастающееся соперничество двух крупнейших колониальных держав — Англии и Франции.

Для России это означало, прежде всего, выход из изоляции, нормализацию отношений с Англией, завершившуюся заключением в 1734 г. торгового договора между двумя странами. Попытки французской дипломатии воздействовать на фельдмаршала Миниха и «оторвать» Россию от англо-австрийского союза окончились провалом. Французскому правительству нечего было предложить возможному партнеру, поскольку оно категорически отказывалось от каких-либо союзнических обязательств по отношению к Польше и Турции — а именно там сходились интересы России и Австрии.¹⁵²

Проверкой для союзников стал разразившийся в Польше в связи со смертью в феврале 1733 г. короля Августа II кризис. Впервые была опробована ставшая затем обычной тактика вторжения русских войск в Польшу с целью поддержки нужного кандидата на польский престол. С помощью этих мер королем был утвержден сын покойного, саксонский курфюрст Август III.

Новые горизонты европейской политики и согласованные действия союзников в Польше поставили на очередь следующий шаг: реванш за Прутский поход — наступление на Турцию. Осенью 1733 г. фельдмаршал Миних представил план подготовки к «предбудущей кампании» южного театра боевых действий: складов провианта, осадного оборудования, транспортных средств. По сообщению английского консула Рондо, русское правительство принципиально решило вопрос о будущей войне уже

в начале 1734 г.¹⁵³ Но в Польше затянулись военные операции против сторонников Станислава Лещинского; к тому же надо было окончательно решить проблему закаспийских территорий и урегулировать отношения с Ираном, выходящим из полосы кризиса и внутренних войн.

В июне 1730 г. главнокомандующему генералу В.Я.Левашову и отправленному к нему на помощь П.П.Шафирову было поручено «склонять» нового правителя Ирана Надира к заключению договора на прежних условиях; в крайнем случае разрешалось уступить в обмен на союз земли «до Куры реки». В конце того же года было решено вернуть Ирану все занятые прежде провинции за «вольность в торговле» и чтобы не допустить турок к берегам Каспийского моря.¹⁵⁴ В иранском лагере под Гянджей в мае 1735 г. русский посол С.Д.Голицын подписал окончательные условия мира: новый властитель Ирана обязался быть постоянным союзником России и бороться с турками, а русская сторона возвращала в двухмесячный срок территорию Азербайджана и Дагестана с Баку и Дербентом.

С трудом Россия вышла из одной войны, чтобы немедленно начать другую. Союзники действовали несогласованно, русские армии два года подряд совершали изнурительные марши в Крым, откуда были вынуждены уходить из-за жары, болезней и отсутствия провианта и фуража. В 1738 г. под угрозой эпидемии русские войска ушли с берегов Черного моря и оставили только что завоеванную крепость Очаков. Только в 1739 г. главнокомандующий Миних наметил оправдавший себя впоследствии маршрут через Молдавию прямо в турецкие владения на Балканах и даже заключил с молдавским господарем договор о переходе в русское подданство.

Однако наметившийся после сражения при Ставучанах оперативный успех развить не удалось: как раз в это время австрийцы были разбиты под стенами Белграда и вынуждены были заключить мир ценой потери всех территорий, завоеванных к 1718 г. Император Карл VI бросил в тюрьму своего фельдмаршала Валлиса и заключившего мир графа Нейперга; но воевать в одиночку Россия не была готова, несмотря на возмущение Миниха.¹⁵⁵ По Белградскому договору, условия которого от имени русского правительства согласовывал в Константинополе французский дипломат, Россия не получила ни выхода к морю, ни права держать там свой флот; ей достались только Азов без права строить там укрепления и полоса степного пространства к югу вдоль среднего течения Днепра.

В литературе не раз назывались ошибки русского командования и не жалевшего солдат и офицеров Миниха: бесплодные вторжения в Крым по образу походов конца XVII века, плохая организация, огромные обозы, неуклюжие построения войск в виде огромного каре. Не лучшим образом действовали и дипломаты: сначала на начавшихся уже в 1737 г. переговорах они «запросили» слишком много — все Северное Причерноморье до Дуная вместе с Молдавией и Валахией под русским протекторатом. Такие аппетиты вызвали несогласие не только турок, но и союзников-австрийцев, и в итоге переговоры были сорваны. Зато потом, в 1739 г., в Петербурге русские слишком поспешно согласились на невыгодные условия мира: Россия даже не могла вести торговлю на своих кораблях, что разрешал договор 1700 г.¹⁵⁶

Однако надо иметь в виду, что решительная переориентация внешне-политического курса и переход на новый театр военных действий не могли пройти безболезненно. Внешнеполитический курс проводился достаточно целенаправленно и последовательно. Но иные условия ведения наступательной войны на огромных пространствах, необходимость координации действий на разных фронтах, учет международной ситуации и состояния противника — все это требовало известного опыта, приобретение которого подготавливало почву для будущих успехов времен Екатерины. Только цена этого опыта оказалась высока, а слава досталась уже другим. Стоит отметить и еще одно последствие имперских амбиций: «мирная» внешняя политика также стала намногом дороже — за счет приема многочисленных посольств и всевозможных чрезвычайных выплат.¹⁵⁷

Параллельно с «польским» и «турецким» направлением активизировалась политика России на восточных рубежах — для выполнения поставленной Петром I задачи: «Оная киргиз-кайсацкая орда степной и легкомысленной народ, токмо де всем азиатским странам и землям оная орда ключ и врата; и той ради причины оная орда потребна под российской протекцией быть».¹⁵⁸ В феврале 1731 г. Анна подписала «жалованную грамоту» хану Младшего казахского жуза Абульхаиру о принятии его в российское подданство с обязательством «служить верно и платить ясак». Следующим шагом стало строительство Оренбургской крепости и укрепленной линии, которая должна была сомкнуться с Иртышской линией в Сибири и оградить новые российские владения на протяжении 3 тысяч верст.

На северо-востоке Азии продолжались грандиозные по размаху работы Великой Северной экспедиции В. Беринга по изучению и описанию северных владений России. Как и при Петре, продвижение на восток сопровождалось установлением новой российской администрации и усилением эксплуатации коренного населения. Там, где оно приобретало отчетливо колониальный характер с конфискацией или передачей частным лицам огромных массивов земель, как в Башкирии, вспыхивали восстания, беспощадно подавлявшиеся.

1740 г.: итоги царствования

Экстенсивное освоение богатейших природных ресурсов восточных регионов давало толчок дальнейшему развитию российской промышленности. За время аннинского царствования в стране появилось 22 новых металлургических завода. Россия увеличила производство меди до 30 тысяч пудов (по сравнению с 5500 в 1725 г.) и заняла прочные позиции в торговле уральским железом на мировом рынке. Экспорт железа из Петербурга за 10 лет увеличился в 4,5 раза и составлял в 1740 г. 28014 шиффунтов против 5911 в 1730 г.¹⁵⁹ Вместе с продукцией новых отраслей промышленности рос экспорт пеньки, льняной пряжи и других товаров.

Экономическая политика этого периода представляет собой отдельную тему, еще нуждающуюся в изучении. Но и имеющиеся данные позволяют говорить, что эта политика стала более гибкой, чем в петровское время, хотя ее принципы кардинально не менялись: государство, как и прежде,

оставалось главным контролером, покупателем и заказчиком промышленной продукции. Это покровительство обеспечивало стабильный рост; даже в годы русско-турецкой войны правительству уже не надо было прибегать к принудительной мобилизации экономики на военные нужды.

При этом «немецкое» правительство вовсе не стремилось ослабить русскую промышленность или подчинить ее иностранцам — даже в сфере металлургии, где начальствовал один из ставленников Бирона Шемберг. Берг-регламент 1739 г. подтверждал право каждого, обнаружившего залежи полезных ископаемых, на их разработку; этот же документ разрешал приписку казенных крестьян к частным заводам и освобождал промышленников от пошлин на доставляемые к предприятиям продукты и припасы. Документы Кабинета свидетельствуют, что правительство осторожно подходило к запросам иностранных дельцов. Так, в 1733 г. прусскому предпринимателю фон Иттеру было отказано в передаче его компании казенных суконных фабрик в Москве и Казани, в 1739 г. министры не разрешили отдать «в содержание» англичанину Мееру ряд сибирских заводов.¹⁶⁰

Подготовленный Комиссией о коммерции во главе с Остерманом новый таможенный тариф 1731 г. отказался от крайностей петровской политики: снижал ввозные пошлины на импортные товары (до 20 % вместо 75 % по тарифу 1724 г.) и отменял запретительное обложение экспорта льняной пряжи. Тем самым он заставлял отечественных «фабриканов» конкурировать с заграничными производителями и восстанавливал традиционные статьи экспорта. В то же время для развития отечественного производства предусматривалась отмена пошлин на ввоз сырья и инструментов.¹⁶¹ Но этот рост достигался, как и в предыдущие времена, за счет увеличения доли подневольного труда: закон 1736 г. разрешал предпринимателям оставить в своем владении всех обученных ими, но свободных прежде рабочих.

Однако возвращение к политике Петра означало не столько защиту интересов собственно дворянства, сколько приоритет государственных потребностей. Царствование Анны стало новым этапом в ужесточении контроля над духовенством в виде ограничений на пострижение в монашество, увеличения государственных повинностей и подготовки в 1740 г. секуляризации церковных вотчин.¹⁶² В отношении дворянства предоставление льгот также сопровождалось увеличением служебных тягот. В 1734 г. Анна повелела сыскать всех годных к службе дворян и определить их в армию, на флот и в артиллерию; с началом большой войны в 1736 г. для явки «нетчиков» был определен срок 1 января и разрешено подавать доносы о не явившихся, даже от имени крепостных.

На службе такой дворянин не был уверен в «производении»: порядок получения нового чина не раз менялся; к тому же получить новый чин, отпуск или отставку влиятельному и обеспеченному офицеру было гораздо легче.¹⁶³ Но и дома его ожидали проблемы: вместе с восстановлением военных команд для сбора подушной подати был возобновлен и запрет помещикам переводить без разрешения крестьян в другое имение; помещики же стали и ответственными плательщиками за свои «души» и их недоимки. В неурожайные годы дворянам предписывалось снабжать крестьян семе-

нами и не допускать их ходить по миру. В 1738 г. власти даже официально осудили в одном из указов «всегдашнюю непрестанную работу» помещичьих крестьян, при которой они не могут исправно платить государственные подати.¹⁶⁴ Наконец, реализация права на отставку после 25 лет службы по закону 1736 г. была отложена до окончания турецкой войны.

В таких условиях недовольство «шляхетства» выказывалось в появлении на свет проектов и записок, иные из которых дошли до нас (в частности, в труде С.М.Соловьева). Среди бумаг московского губернатора Б.Г.Юсупова нами был обнаружен черновик еще одного такого документа, в котором его автор в конце царствования Анны выражал общие настроения «шляхетства». Юсупов писал, что манифест о 25-летнем сроке службы на деле не выполняется: после полученной отставки «ныне, как и прежде, раненые, больные, престарелые... рассмотрением Сената определяются к штатским делам». В результате «никто в покое не живет и чрез жизнь страдания, утеснения, обиды претерпевают». Автор был убежден: «Без отнятия покоя и без принуждения вечных служб с добрым порядком не токмо армия и штат наполнен быть может, но и внутреннее правление поправить не безнадежно», — т.к. получившим «покой» служилым «свой дом и деревни в неисчислимом богатстве привести возможно».¹⁶⁵

Наиболее известным фактом недовольства стало «дело» А.П.Волынского — последний большой политический процесс царствования Анны. Младший из «птенцов» Петра, Волынский сделал при Анне удачную карьеру под началом К.-Г.Левенвольде. В 1732 г. он стал генерал-лейтенантом, в 1736 г. — обер-егермейстером, в 1738 г. — кабинет-министром. Последнее удалось ему при поддержке Бирона, желавшего противопоставить Остерману достойного противника. Честолюбивый и энергичный Волынский не только стремился стать главной фигурой среди советников императрицы, но в то же время замечал «непорядки» и расстройство государственной машины. Вокруг него сложился кружок, где обсуждались многие из насущных проблем страны. Эти беседы подвинули министра на сочинение обширного проекта, который он сам на следствии называл «Рассуждением о приключаящихся вредах особе государя и обще всему государству и отчего происходили и происходят». Отдельные части проекта обсуждались в кружке и даже «публично читывались» в более широкой аудитории.

Сам проект до нас не дошел. Волынский доделывал и «переправлял» его вплоть до самого ареста, затем черновики сжег, а переписанную набедро часть отдал А.И.Ушакову — этот пакет сгинул в Тайной канцелярии. Но из обвинительного заключения и показаний самого Волынского можно составить некоторое представление о предполагавшихся им преобразованиях. Подозрительная императрица сразу велела спросить своего бывшего министра о памятных ей событиях 1730 г.: «Не сведом ли он от премены владенья, перва или после смерти государя Петра Второва, когда хотели самодержавство совсем отставить?»¹⁶⁶

Для подозрений были основания: в бумагах Волынского нашлись копии «кондиций» и многих из появившихся тогда проектов. Однако сравнение этих документов с предложениями опального министра показыва-

ет и существенную разницу между «оппозиционерами» 1740 и «конституционалистами» 1730 г. Вот, собственно, что Волынским предлагалось:

— расширить состав Сената и повысить его роль за счет перегруженного делами Кабинета; при этом упразднить пост генерал-прокурора, чтоб не чинить сенаторам «замешение»;

— назначать на все должности, в том числе и канцелярские, только дворян; на местах ввести несменяемых воевод;

— для дворян ввести винную монополию; для горожан — восстановить в городах магистраты; для духовенства — устроить академии, куда тоже желательно привлекать дворян;

— сократить армию до 60 полков с соответствующей экономией жалования на 180 тысяч рублей; устроить военные поселения — «слободы» на границах;

— сочинить «окладную книгу», сбалансировать доходы и расходы бюджета.¹⁶⁷

В отличие от прожектеров 1730 г., Волынский обходил проблему организации и прав верховной власти. Министр не сочувствовал ее ограничению и в 1730 г., а выступать с такими идеями в конце царствования Анны и подавно не собирался. Проект трудно назвать крамольным — скорее наоборот: он находился на столбовом пути развития внутренней политики послепетровской монархии. Сократить армию безуспешно пытался еще Верховный Тайный совет, попытки «одворянить» государственный аппарат (устройство дворян-«кадетов» при Сенате) и сбалансировать бюджет предпринимались при Анне вместе с заведением духовных семинарий; при Елизавете будет введена винная монополия и восстановлены магистраты.

План Волынского носил сугубо бюрократический характер; речь о выборном начале не заходила даже в тех случаях, когда предполагалось расширить права и привилегии «шляхетства». В этом смысле он находился в тех же рамках петровской системы, которые пытались несколько раздвинуть «шляхетство» в 1730 г. Но, похоже, аннинское десятилетие отучило ставить подобные вопросы даже просвещенных представителей кружка Волынского — архитектора П.М.Еропкина, моряков А.Ф.Хрущова и Ф.И.Соймонова, администратора П.И.Мусина-Пушкина. В этом, нам кажется, и состояла главная «заслуга» «бироновщины» перед российским самодержавием.

Возможно, здесь сказалась и смена поколений. В 20–30-е годы с политической сцены ушли последние крупные, самостоятельные фигуры старшего поколения петровских выдвиненцев: Меншиков, Бутурлин, Макаров, Шафиров, Апраксин, Брюс, Толстой, старшие братья Голицыны, В.Л. и В.В.Долгоруковы, Ягужинский; одни из них умерли или отошли от дел, другие пробились к вершине власти и столь же стремительно ушли в политическое небытие. Большинство из них не было теоретиками — но все они выросли в атмосфере петровской «перестройки» и были способны на решительные и дерзкие действия. К тому же практика реформ заставляла учиться или хотя бы иметь ученых помощников, подобно В.Н.Татищеву или Генриху Фику.

Новое поколение более или менее успешно осваивало европейский «политес» в иных условиях, когда надобности в реформаторах уже не было. Востребованы были служилые и верноподданные, а главной политической наукой стали придворные «конъектуры». Соперничавшие у трона «партии», включавшие как русских, так и немцев, боролись за милости с помощью назначений своих клиентов и разоблачений действий противников.¹⁶⁸

Памятный день 19 января ежегодно отмечался по особому ритуалу с выражением чувств в духе национальной традиции. Гостям во дворце надлежало пить «по большому бокалу с надписанием речи: «Кто ее величеству верен, тот сей бокал полон выпьет»». ¹⁶⁹ «Так как это единственный день в году, в который при дворе разрешено пить открыто и много, — посянял этот обычай Рондо в 1736 г., — на людей, пьющих умеренно, смотрят неблагосклонно; поэтому многие из русской знати, желая показать свое усердие, напились до того, что их пришлось удалить с глаз ее величества с помощью дворцового гренадера».¹⁷⁰

Кроме того, протекшие «дворские бури» оказали деморализующее влияние на дворянское общество. В новой атмосфере менялся и сам интеллектуальный уровень дискуссий. Просвещенные собеседники Волынского сенатор В.Я.Новосильцев и генерал-прокурор Н.Ю.Трубецкой дружно свидетельствовали, что политические разговоры с хозяином вращались вокруг одной темы: «х кому отмена и кто в милости» у императрицы, о ссорах Волынского с другими сановниками, о назначениях. Трубецкой с негодованием отверг саму возможность чтения им каких-либо книг; вот в молодости, при Петре, он «видал много и читывал, токмо о каковых материях, сказать того ныне за многопрошедшим временем возможности нет».

Новосильцев же покаялся и рассказал о своих политических преступлениях: «Будучи де при делах в Сенате и в других местах, взятки он, Новосильцев, брал сахар, кофе, рыбу, виноградное вино, а на сколько всего по цене им прибрано было, того ныне сметить ему не можно. А деньгами де и вещьми ни за что во взятки и в подарок он, Новосильцев, ни с кого не бирывал», — и далее перечислил «анкерок» вина, 2 лошадей, «зеленого сукна 4 аршина», серебряные позументы,¹⁷¹ которые «взятком» считать, с точки зрения сенатора, не стоило. В результате Анна поверила в политическую невинность обоих. Новосильцеву объявили выговор — но не за взятки, а как раз за чтение: с проектом Волынского знакомился, но вовремя не донес; а Трубецкого тут же сделали судьей по делу своего недавнего собеседника.

При таком подходе на первый план выходил не способ осуществления тех или иных преобразований, а то, чья «партия» будет в милости. Такие перестановки могли осуществиться либо путем интриг и «организации» соответствующего решения монарха, либо с помощью дворцового переворота. Планы Волынского так и были истолкованы следователями; тем более что дворецкий опального министра прямо обвинял своего хозяина в намерении «сделать свою партию и всех к себе преклонить; для того ласкал офицеров гвардии и хвастался знатностью своей фамилии, а кто не склонится, тех де убивать можно».¹⁷² Еропкин и Соймонов на пыт-

ке подтвердили показание холопа о намерении Волынского произвести переворот; о таких планах Волынского ходили разговоры и в среде дипломатического корпуса.¹⁷³ Но сам он, признавшийся во многих служебных проступках и взяточничестве, и после двух пыток категорически это отрицал: «Умысла, чтоб себя государем сделать, я подлинно не имел». Следствие так и не смогло ничего выяснить про возможный заговор; не были обнаружены и какие-либо связи Волынского с гвардией.¹⁷⁴

В итоге Анна повелела «более розысков не производить»; в обвинительном «изображении о преступлении» ничего не говорилось о якобы готовившемся захвате власти. Но именно эту ситуацию и провоцировал режим. При Петре I развитие самодержавия достигает вершины — дальше начинается неизбежный процесс установления «равновесия» интересов власти и ее социальной опоры в системе абсолютной монархии. Вопрос состоял в том, как и в каких формах этот процесс будет проходить. «Бироновщина» же «закрывала» для дворянства любую возможность легальных политических действий, но в то же время увеличивала на него давление в виде поголовной и постоянной службы или ответственности за недоимки.¹⁷⁵

К концу царствования назрела еще одна проблема. У Анны не было детей. Существует мнение, что младший из сыновей Бирона был на самом деле ее ребенком; но даже если это было и так, предьявить мальчика в качестве наследника было немыслимо. Старшая из сестер, мекленбургская герцогиня Екатерина, явно превосходила императрицу энергией и честолюбием, и Анна ее побаивалась. Младшая была замужем за подполковником гвардии и генерал-аншефом И.И.Дмитриевым-Мамоновым, который вместе с другими генералами подал в 1730 г. особый проект государственного устройства. Ему сулили стремительную карьеру при дворе, но 24 мая 1730 г. генерал внезапно упал с коня мертвым рядом с каретой императрицы. В дальнейшем около Прасковьи складывалась «факция» недовольных режимом; но только после смерти старшей сестры в 1733 г. Анна решилась прибегнуть к репрессиям: были арестованы и сосланы несколько лиц из окружения царевны, в том числе замечательный художник Иван Никитин.¹⁷⁶

К концу царствования обе сестры императрицы умерли; зато оставались цесаревна Елизавета и внук Петра I в Голштинии. Он были указаны как ближайшие наследники в завещании Екатерины I, и этот «виртуальный» документ (вроде бы существующий, но в то же время объявленный подложным) необходимо было лишить юридической силы. В декабре 1731 г. Анна восстановила петровский закон о престолонаследии: подданные вновь обязаны были присягать неизвестному наследнику, «который от ее императорского величества назначен будет». Таким образом, через 6 лет после смерти Петра I ситуация повторилась: сильная, но непопулярная власть не получила прочного юридического основания, и претензии на трон могли заявить различные претенденты.¹⁷⁷

Однако дело было не только в заговорах. Ни одно из известных нам следственных дел не содержит указаний о сколько-нибудь серьезных попытках захвата власти. Но все же режим, создавший достаточно устойчи-

вую «форму правления», в глазах многих подданных воспринимался «недостаточно» законным; или, точнее, сама идея смены монарха больше не казалась подданным немислимой, и они уже «дерзали» иметь свое мнение по этому поводу.

Сборник дел Тайной канцелярии под названием «О лицах, сужденных за поступки и слова, которые делались и произносились в умопомешательстве», показывает, что само это «умопомешательство» принимало какой-то отчетливо политический характер. Бывший кавалергард, майор Сергей Владыкин в 1733 г. написал императрице письмо, в котором называл ее «теткой», а себя «Божией милостью Петром Третьим»; просил разделить его майором гвардии и дать «полную мочу кому голову отсечь». Магази́н-вахтер Адмиралтейства князь Дмитрий Мещерский поведал, что офицеры уговаривали его поближе познакомиться с принцессой Елизаветой: «Она таких хватов любит — так будешь Гришка Рострига». Отставной профос Дмитрий Попрыгаев в 1736 г. отправил письмо прямо ... к князю Д.М.Голицыну с обещанием: «Великим монархом будешь!»¹⁷⁸ Вновь, как и раньше, появились претенденты-самозванцы «снизу», выдававшие себя за царевича Алексея и другого сына императора — Петра Петровича. Один из четырех «Алексеев», мелкий украинский шляхтич Иван Миницкий, даже сумел привлечь на свою сторону солдат расквартированного под Киевом полка и объявил поход на Петербург.¹⁷⁹

По-видимому, Анна-старшая хотела сделать наследницей свою племянницу, «благоверную государыню принцессу» Анну — дочь старшей сестры Екатерины и мекленбургского герцога Карла-Леопольда, но то ли не пожелала ей одиночества на троне, то ли опасалась продолжения «женского правления». В 1733 г. девочка приняла православие и сразу стала объектом пристального внимания дипломатов. С самого начала царствования обсуждались возможные брачные комбинации вокруг «самой завидной невесты в мире», как называл юную Анну английский резидент. В мужа ей предполагали сначала голштинского принца-епископа Любека; затем молодого маркграфа Бранденбургского. Маньян докладывал и о планах брака с прусским наследным принцем — будущим Фридрихом Великим.¹⁸⁰

Весной 1733 г. в Петербург прибыл сын герцога Фердинанда-Альбрехта II Брауншвейг-Бевернского принц Антон-Ульрих. Престижный жених из «старого дома» являлся одновременно двоюродным братом наследницы австрийского престола Марии-Терезии и шурином будущего прусского короля. Пока принц набирался военного опыта на полях сражений русско-турецкой войны, юная Анна постигала придворные науки; в 1736 г. ее тетка выслала гувернантку принцессы мадам Адеркас, а сам Бирон просил саксонский двор не присылать более в Россию своего посла графа Линара: «Принцесса была молода, а граф — красавец», — так прокомментировал эту придворную драму Рондо, внимательно наблюдая за положением наследницы русского престола.

Осенью 1738 г. Рондо отметил новый поворот в судьбе девушки. Он докладывал в Лондон, что, по его сведениям, герцог Курляндский намерен выдать принцессу за своего старшего сына Петра, а дочь — за принца

Антон с «отступным» в виде звания российского фельдмаршала. Таким образом, фаворит в точности повторил действия Меншикова и Долгоруковых; перед нами своеобразная закономерность борьбы за власть, буквально заставлявшей вступать в рискованную игру. Императрица старела, и герцогу необходимы были гарантии его положения и при новом царствовании, поскольку все, чего он добился при дворе, могло в одночасье рухнуть. Но действовал он осторожно: заручился поддержкой английского двора и добился от принцессы заявления, что брауншвейгский жених ей не нравится.¹⁸¹

Однако у императрицы уже не было времени ждать, пока Бирон-младший подрастет. Чтобы сохранить корону за старшей ветвью династии Романовых, племянница обязана была представить старевшей императрице наследника, ведь ее брак с иностранцем, не являвшимся российским подданным, делал ее собственное вступление на престол проблематичным. Поэтому в марте 1739 г. начались приготовления к ее свадьбе с принцем Антоном. Бирон же вынужден был уступить — или сумел проявить гибкость и сам отказался от попытки резко изменить расклад сил при дворе в свою пользу. Достигнутая путем уступок и репрессий политическая стабильность была обманчивой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Лефорт А.А.* История царствования государыни императрицы Екатерины II. М., 1837. Ч.1. С.80,100; *Полевой Н.А.* Столетие России с 1745 до 1845 г. СПб., 1845. Ч.1; *Троицкий С.М.* Историография «дворцовых переворотов» в России XVIII в. // *ВИ.* 1966. № 2. С.43.

² См.: *Карнович Е.П.* Значение бироновщины в русской истории // *ОЗ.* 1873. № 10. С.542,560,570-577; № 11. С.95,121-127; *Lipski A.* A Re-Examination of the «Dark Era» of Anna Ioannovna // *American Slavic and East European Review.* 1956. Vol.15. № 4. P.477-488; История СССР с древнейших времен. М., 1967. Т.3. С.266; *Анисимов Е.В.* Россия без Петра. СПб., 1994. С.424-479; *он же.* Россия при императрице Анне Иоанновне (проблема «бироновщины») // *A Window On Russia. Papers from the V International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia* (Gargano, 1994). Roma, 1996. P.51-56; *Dukes P.* The Making of Russian Absolutism. Lnd., 1982. P.107.

³ См., например: *Семенникова Л.И.* Россия в мировом сообществе цивилизаций. М., 1995. С.218; *Щенетов К.П.* Немцы — глазами русских. М., 1995. С.88-90; *Павленко Н.И.* Вокруг трона. М., 1999. С.549, 563; История России с начала XVIII до конца XIX в. /Под ред. А.Н.Сахарова. М., 1996. С.120; *Буганов В.И., Зырянов П.Н.* История России. Конец XVII — XIX век. М., 1997. С.45; Россия в мировой истории: Учебник для вузов /Под ред. В.С.Порохни. М., 2003. С.116.

⁴ Н.Н.Петрухинцев рассмотрел начальный период складывания этой системы и борьбу придворных группировок в 1730-1732 гг., что несколько сужает рамки исследования проблемы (см.: *Петрухинцев Н.Н.* Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривластного курса и судьбы армии и флота 1730-1735. СПб., 2001. С.46-66).

⁵ См.: *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: Формирование бюрократии. М., 1974. С.126. К сожалению, ссылка на этот документ в монографии Троицкого оказалась неверной. Его точно определил и датировал Н.Н.Петрухинцев (см.: *Петрухинцев Н.Н.* Указ. соч. С.43; РГАДА. Ф.16. Оп.1. № 225. Л.1).

⁶ Феофан радовался избавлению страны от «гражданского ада» аристократического правления; но все же он считал возможным привлечь дворянство к обсуждению важнейших задач и, таким образом, если не ограничить, то упорядочить самодержавное правление (см.: *Голицын Н.В.* Феофан Прокопович и воцарение императрицы Анны Иоанновны // *ВЕ.* 1907. № 4. С.525; *Cracraft Y.* The Succession Crisis of 1730: A View from the Inside // *Canadian-American Slavic Studies.* 1978. Vol.12, № 1. P.80-81).

⁷ См.: История правительствующего Сената за 200 лет. СПб., 1911. Т.1. С.552.

⁸ См.: Там же. С.558,634.

⁹ См.: *Веретенников В.И.* Проект уничтожения Сената в XVIII в. // Уч. зап. Харьковского ун-та. 1913. № 2. С.5-9.

¹⁰ В июле 1730 г. Лефорт докладывал о столкновении обер-гофмейстера С.А.Салтыкова и обер-камергера Бирона. В сентябре Рондо и Лефорт докладывали об объединении Бирона, Ягужинского

и Левенвольде в борьбе с Остерманом. Назначенный в октябре 1730 г. генерал-прокурором Сената Ягужинский поприбавило было стать чем-то вроде первого министра; но против него тут же объединились как Остерман, так и недавние союзники (см.: *Петрухинцев Н.Н.* Указ. соч. С.50-65; Письма о России в Испанию испанского посланника в России при императоре Петре II и в начале царствования Анны Иоанновны // Оснадцатый век. М., 1869. Кн. III. С.63; Сб. РИО. Т.5. С.382; Т.66. С.233,240,469).

¹¹ Сводку материалов о биографии и деятельности А.М.Черкасского см. в незаконченной работе С.Д.Шереметева «Князь А.М.Черкасский и его дочь» (РГАДА. Ф.1287. Оп.1. № 4879).

¹² См.: Сб. РИО. Т.130. С.XXXV-XXXVII.

¹³ Подсчет обсуждаемых в Кабинете вопросов см.: *Бондаренко В.Н.* Очерки финансовой политики кабинета министров Анны Иоанновны. М., 1913. С.43.

¹⁴ См.: Сб. РИО. Т.81. С.LXXXV.

¹⁵ Подсчитано нами по: Высочайшие повеления по придворному ведомству (1723-1730 гг.). СПб., 1886. С.41-43,89-94. Расходы на дворцовый штат по подсчетам, сделанным в царствование Елизаветы, возросли с 90025 рублей в 1728 г. до 163308 рублей в 1739 г. (см.: РГАДА. Ф.14. Оп.1. № 55. Ч.1. Л.89).

¹⁶ См.: *Волков Н.Е.* Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. М., 2001. С.69-70.

¹⁷ См.: Описание высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. СПб., 1875. Т.2. С.236.

¹⁸ См.: *Волков Н.Е.* Указ. соч. С.40-41.

¹⁹ При этом собственно «немцев» при дворе Анны было не так много. Среди ее камер-юнкеров мы находим барона И.-А.Корфа, К.-Л.Менгдена и родственника Бирона — Трейдена; остальные их коллеги представляли известные русские фамилии: А.Пушкин, П.Чернышев, А.Головин, А.Татищев, Ф.Апраксин, И.Одоевский (см.: Высочайшие повеления по придворному ведомству (1701-1740). СПб., 1888. С.87-95).

²⁰ См.: Сб. РИО. Т.5. С.382; Т.66. С.191; Т.81. С.19,276-277.

²¹ См.: Там же. Т.5. С.451,465-466.

²² См.: Там же. Т.5. С.459,461,463,478; Т.66. С.482,497,551,574; Т.76. С.69 и далее.

²³ См.: Камер-фурьерский церемониальный журнал 1739 г. СПб., б.г. С.22,48,54.

²⁴ Сб. РИО. Т.81. С.301-302,532.

²⁵ См.: Там же. Т.66. С.574; Т.76. С.19-20,23,34,47,50,74,61,65,88-89,96,105,115,125,131-132,141,161,164,183,190,196,239-240,262,272,280,301,316,380,406; Т.80. С.17,87-88,241,253,416-417,459.

²⁶ См.: *Белов Е.А.* Отношения Фридриха II до вступления его на престол к русскому двору с 1737 по 1740 г. // ДИНР. 1875. № 8. С.377-380.

²⁷ Сб. РИО. Т.76. С.69-70.

²⁸ См.: Там же. Т.76. С.47,273-274; Т.80. С.493.

²⁹ См., например: *Пекарский П.П.* Новые известия о В.Н.Татищеве. СПб., 1864. С.32-33.

³⁰ См., например: РГАДА. Ф.19. Оп.1. № 12,30,32,33; Ф.20. Оп.1. № 80,113; Ф.9. Оп.5. № 31.

³¹ См.: Сб. РИО. Т.104. С.1; *Анисимов Е.В.* Россия без Петра. С.248-255.

³² См.: *Беспятовых Ю.Н.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. СПб., 1997. С.161.

³³ Перевороты и войны /Христиан Манштейн. Бурхард Миних. Эрнст Миних. М., 1997. С.35-36.

³⁴ См.: РГАДА. Ф.9. Оп.5. № 31. Л.144-152.

³⁵ См.: Там же. Ф.11. Оп.1. № 360. Л.4-14.

³⁶ См.: Там же. № 515. Л.1-137.

³⁷ Сб. РИО. Т.33. С.475,501.

³⁸ См.: Там же. Т.104. С.298; Т.106. С.481; Т.111. С.513; Т.114. С.193.

³⁹ См.: Там же. Т.33. С.460.

⁴⁰ Цит. по: *Леврон Ж.* Секрет мадам де Помпадур. М., 1992. С.109,115.

⁴¹ См.: *Павленко Н.И.* Птенцы гнезда Петрова. М., 1994. С.315.

⁴² См.: РГАДА. Ф.16. Оп.1. № 105. Л.16.

⁴³ Счета ее «комнатных» сумм постоянно отмечают расходы на роскошную посуду и драгоценности, общая стоимость которых достигла 908230 рублей. Подсчитано нами по: РГАДА. Ф.19. Оп.1. № 182. Ч.1. Л.1-93. Помимо этих выплат из кабинетских сумм, Анна предписывала расплачиваться за «алмазные вещи» из прочих государственных доходов (см.: Сб. РИО. Т.106. С.579-580).

⁴⁴ См.: РГАДА. Ф.19. Оп.1. № 182. Ч.1. Л.27 и далее.

⁴⁵ См.: Там же. Ч.2. Л.2-7 об.

⁴⁶ См.: Высочайшие повеления по придворному ведомству (1701-1740). С.105-119.

⁴⁷ См.: *Ланцманис И.* Фрагменты жизненного пути Эрнста Иоанна Бирона в отражении исторических источников // Эрнст Иоанн Бирон, 1690-1990. Выставка в Рундальском дворце. Каталог. Б.м., 1992. С.19; *Овсянников Ю.М.* Франческо Бартоломео Растрелли. Л., 1982. С.50.

⁴⁸ РГАДА. Ф.2. Оп.1. № 50. Л.1.

⁴⁹ См.: Там же. Ф.19. Оп.1. № 182. Ч.1. Л.96.

⁵⁰ Подобные просьбы поступали также к другим вельможам, например, к С.А.Салтыкову. «Прошу, чтоб ево назначить прапорщиком, понеже он детина безпомощной и ежели быть ему

сержантом, то иметь не будет себе никакого заступления», — обращался в декабре 1730 г. с просьбой о производстве своего «детины» в гвардейском полку бригадир И.М.Волынский, одновременно хлопотавший и о чине генерал-майора для себя, и о «перемене чину» своему родственнику Артемию Волынскому. Салтыков, в свою очередь, просил только что назначенного вице-губернатора быстро и «безволжитно» решить интересовавшие его судебные дела (см.: РГАДА. Ф.1239. Оп.3. № 34750. Л.1 об.-2; Ф.6. Оп.1. № 219. Л.159 об.).

⁵¹ Перечисленные ниже кадровые назначения выявлены нами на основании законодательства Анны Иоанновны (см.: Описание высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. Т.2; РГАДА. Ф.16. Оп.1. № 3. Ч.1). Перечень руководителей центральных учреждений в 30-х гг. XVIII в. см.: «Список о судьях и членах и прокурорах в коллегиях, канцеляриях, канторах и протчих местах» (РГАДА. Ф.248. Оп.17. № 1155. Л.542-577).

⁵² См.: РГАДА. Ф.11. Оп.1. № 477. Л.1-2. Заголовок дела XIX в. указывает, что список был составлен Остерманом для Бирона.

⁵³ См.: *Le Donne J.* Ruling Families in Russian Political Order in 1689-1725 // Cahiers du monde russe et sovietique. 1987. Vol.28. № 3-4. P.298.

⁵⁴ Французский резидент Маньян 26 декабря 1730 г. отправил в Париж копию донесения голландского дипломата-очевидца. Согласно этому тексту, на пути из Измайлова в Москву передняя карета, в которой находился князь М.М.Голицын, внезапно провалилась под землю, что явилось результатом искусно устроенного покушения (см.: Сб. РИО. Т.81. С.157-158). Однако сам Маньян в последующих депешах ни словом о нем не упоминал. Так же ничего не сообщают опубликованные донесения присутствовавших в Москве Лефорта и Рондо (см.: Сб. РИО. Т.66. С.265). Де Лириа в ноябре 1730 г. уже покинул Москву; голландские, австрийские и датские депеши за этот период не публиковались, так что пока трудно сказать, откуда появился подобный рассказ и насколько он соответствует действительности. Ничего не говорят об этом событии и современники-мемуаристы В.Нашокин и Манштейн; последующие биографы объясняют его смерть «душевной скорбью» (см.: *Сергиевский Е.Н.* Записки о роде князей Голицыных. СПб., 1853. С.232-233; *Бантиш-Каменский Д.Н.* Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. М., 1991. Т.1. С.139).

⁵⁵ См.: *Российский М.А.* Очерк истории 3 пехотного Нарвского генерал-фельдмаршала М.М.Голицына полка. М., 1904. С.110; Сб. РИО. Т.104. С.96.

⁵⁶ См.: РГВИА. Ф.8. Оп.1/89. № 489. Л.1-10.

⁵⁷ См.: *Корсаков Д.А.* Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Казань, 1880. С.301.

⁵⁸ См.: *Павленко Н.И.* Птенцы гнезда Петрова. С.313.

⁵⁹ См.: РБС. Н. У., 1991. Т. Вавилов — Вельяминов. С.479-480.

⁶⁰ См.: *Корсаков Д.А.* Указ. соч. С.208.

⁶¹ В результате этого же дела младший из Голицыных — генерал-кригс-комиссар М.М.Голицын — был отправлен к строителям судов на Днепр, а глава Судного приказа А.Д.Голицын разжалован в прапорщики (см.: *Корсаков Д.А.* Суд над князем Д.М.Голицыным // ДИНР. 1879. № 10. С.61-62).

⁶² См.: Сб. РИО. Т.104. С.81,87; Т.106. С.334.

⁶³ См.: Сб. РИО. Т.104. С.106; Т.106. С.188. Позднее, судя по бумагам Тайной канцелярии, были посланы камер-цальмейстер А.Кайсаров с четырьмя чиновниками его конторы, а также ряд придворных служителей — гоф-юнкеров, мундшенков, тафельдекеров (см.: РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 5. Ч.2. Л.124 об.).

⁶⁴ См.: *Le Donne J.* The Evolution of the Governor's Office, 1727-1764 // Canadian-American Slavic Studies. 1978. Vol.12, № 1. P.90.

⁶⁵ РГАДА. Ф.286. Оп.1. № 112. Л.194.

⁶⁶ Воеводами в провинции стали В.Губарев, В.Лихарев, С.Хлопов, А.Плещеев, С.Телепнев, В.Вяземский, А.Киселев, И.Мещерский и другие участники «проекта 364» (см.: РГАДА. Ф.286. Оп.1. № 112. Л.214 и далее).

⁶⁷ См.: РГВИА. Ф.2583. Оп.1. № 154. Л.2 об., 53; № 164. Л.22.

⁶⁸ См.: Сб. РИО. Т.146. С.545; РГВИА. Ф.2583. Оп.1. № 148. Л.7 и далее; № 159. Л.158; Ф.2584. Оп.1. № 38. Л.33.

⁶⁹ См.: *Смирнов Ю.Н.* Особенности социального состава и комплектования русской гвардии в первой половине XVIII в. // Классы и сословия России в период абсолютизма. Куйбышев, 1989. С.89,91. Послужной список офицеров и солдат Преображенского полка 1733 г. показывает, что беспоместных обер-офицеров в полку уже не было, и даже у многих рядовых-дворян имелось по 20–30 душ (см.: РГВИА. Ф.2583. Оп.1. № 184).

⁷⁰ См.: *Зноско-Боровский Н.А.* История лейб-гвардии Измайловского полка. СПб., 1882. С.8. Списки состава см.: РГАДА. Ф.248. Оп.17. № 1088. Л.385 и далее.

⁷¹ См.: *Анненков И.В.* История лейб-гвардии Конного полка. СПб., 1849. С.4,15; Сб. РИО. Т.104. С.450. Списки состава см.: РГАДА. Ф.248. Оп.17. № 1088. Л.362-385; Ф.20. Оп.1. № 69. Л.3-46.

⁷² См.: *Ланцманис И.С.* История кавалергардов. 1724–1799–1899. По случаю столетнего юбилея Кавалергардского ее величества полка. СПб., 1899. Т.1. С.215-221.

⁷³ Подсчитано по: *Кирилов И.К.* Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. В современной России количество служащих не только не уменьшилось по сравнению с советскими временами, но даже увеличилось и составляет около 2 млн. чиновников только федерального уровня; к ним надо добавить должностных лиц на уровнях субъектов федерации и муниципальном. Данные эти никто не спешит обнародовать; к тому же отсутствуют и строгие критерии, кого следует считать государственным служащим. Поэтому только по весьма приблизительным оценкам специалистов можно говорить о наличии порядка 10 млн. служащих на 145 млн. населения. Таким образом, количество служащих на душу населения увеличилось с тех пор в 200 раз.

⁷⁴ См.: *Johnson H. Frederick the Great and his Officials.* New-Haven, 1975. P.288.

⁷⁵ См.: *Кузьмина В.Д.* Пародия в рукописной сатире и юмористике XVIII в. // Зап. Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В.И.Ленина. М., 1955. Вып.17. С.153-154.

⁷⁶ РГАДА. Ф.248. Оп.31. № 1965. Л.28-28 об.

⁷⁷ См.: Сб. РИО. Т.56. С.298-299; РГАДА. Ф.19. Оп.1. № 22. Л.12 об.-16 об.

⁷⁸ Доклады Матвеева о ревизии см: РГАДА. Ф.9. Оп.4. Ч.3. № 85. Л.1154,1170-1170 об.

⁷⁹ Цит. по: *Бочкарев В.* Первая сенаторская ревизия в России // Сб. Ярославского гос. ун-та. Ярославль, 1923. Вып.2. С.54.

⁸⁰ Цит. по: *Гурьянова Н.С.* Старообрядческие сочинения XVIII — начала XIX вв. о догмате немолния за государя в Федосеевском согласии // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984. С.76-77.

⁸¹ См.: РГАДА. Ф.248. Оп.15. № 826. Л.763-774.

⁸² См.: Сб. РИО. Т.106. С.581.

⁸³ См.: РГАДА. Ф.16. Оп.1. № 78. Л.4-8 и далее.

⁸⁴ Цит. по: *Николаев Н.Г.* Столетие фельдшерского корпуса. СПб., 1896. С.116.

⁸⁵ См.: *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С.38; *Бондаренко В.Н.* Указ. соч. С.102; *Строев В.Н.* Бироновщина и Кабинет министров. М., 1909. Т.1. С.59,67; *Каменский А.Б.* От Петра I к Павлу I. Реформы в России XVIII в.: опыт целостного анализа. М., 1999. С.251; *Петрухинцев Н.Н.* Внутриполитическая программа начала царствования Анны Иоанновны и правительственная политика по отношению к армии и флоту (1730-1735 гг.). Автореферат дисс. канд. ист. наук. М., 1990. С.12-13.

⁸⁶ В 1732 г. правительство в качестве меры борьбы с этим злом даже разрешило, «когда купечеству или шляхетству потребно для опасения от воровских людей, на казенных заводах продавать по вольным ценам» пушки (ПСЗ. Т.Х. № 7366).

⁸⁷ См., например: История России с начала XVIII до конца XIX века /Под ред. А.Н.Сахарова. С.121.

⁸⁸ См.: РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 269. Ч.8. Л.18-19.

⁸⁹ См.: *Покровский Н.Н.* Правовое регулирование крестьянского общественного сознания русским абсолютистским государством // Социально-политическое и правовое положение крестьянства в дореволюционной России. Воронеж, 1983. С.87-88.

⁹⁰ См.: РГАДА. Ф.1239. Оп.3. № 35293. Л.7 об.; № 51926. Л.8. Списки конфискованных имений с указанием причин см.: РГАДА. Ф.248. Оп.5. № 234. Л.599-604,896-913.

⁹¹ См.: *Черникова Т.В.* «Государево слово и дело» во времена Анны Иоанновны // ИСССР. 1989. № 5. С.157.

⁹² См.: РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 308. Л.2-76.

⁹³ Из 646 «дворянских» дел только в 8 осуждение «немцев» являлось основой для привлечения к ответственности (см.: *Черникова Т.В.* Политические процессы 30-х гг. XVIII в. в России. Автореферат дисс. канд. ист. наук. М., 1989. С.11-12).

⁹⁴ См.: РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 339. Л.1-42.

⁹⁵ См.: Там же. № 309. Л. 4об., 8,15,101-111,126,167,185.

⁹⁶ Одно из таких посланий обличало московских откупщиков, которые «похищают явно великой интерес» казны. Но автора письма волновали не только злоупотребления кабатчиков, но и само пьянство в связи с насаждением кабаков: «Наливают пожалы великие и пьют смертно; а других, которые не пьют, тех заставляют силно, и мнози во пьянстве своем проговариваютца, и к тем праздным словам приметьваютца приказныя и протчия чины» (РГАДА. Ф.16. Оп.1. № 183. Л.4-4 об).

⁹⁷ См.: Сб. РИО. Т.146. С.301.

⁹⁸ См.: *Троицкий С.М.* Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1966. С.236; РГАДА. Ф.248. Оп.12. № 661. Л.68,71.

⁹⁹ См.: *Козлова Н.В.* Российский абсолютизм и купечество в XVIII в.: 20 — начало 60-х гг. М., 1999. С.93-94.

¹⁰⁰ См.: Сб. РИО. Т.104. С.413; Т.114. С.121,195; Т.146. С.519.

¹⁰¹ Московский генерал-губернатор Г.П.Чернышев оправдывал свое «слабое управление» прежде всего тем, что «секретари и подьячие лучшие разобраны, а именно, в Камер-коллегии и другие места взято сорок два»; новгородский вице-губернатор А.Ф.Бредихин прислал о срочной присылке в губернию не менее 100 «приказных служителей», поскольку имевшихся постоянно забирают «в разные команды» (Там же. Т.104. С.474; Т.117. С.602-603).

¹⁰² РГАДА. Ф.286. Оп.1. № 203. Л.546-546 об.

¹⁰³ Сб. РИО. Т.130. С.535.

¹⁰⁴ См.: *Семенова Л.Н.* Рабочие Петербурга в первой половине XVIII в. Л., 1974. С.134-135,143.

¹⁰⁵ См.: Сб. РИО. Т.130. С.610-612,687-690.

¹⁰⁶ Кабинет в снисхождении отказал (см.: Там же. Т.124. С.23).

¹⁰⁷ См.: Там же. Т.130. С.163,507-509,609,681.

¹⁰⁸ См.: РГАДА. Ф.248. Оп.113. № 56. Л.18,29,96,99.

¹⁰⁹ См.: Там же. Ф.16. Оп.1. № 20. Ч.1. Л.22.

¹¹⁰ См.: РГВИА. Ф.23. Оп.1/121. № 825. Л.3. Е.В.Анисимов оценивал сумму расходов на армию за 1724-1727 гг. в 17 млн. рублей; но из указанного выше документа, на который он ссылается, следует, что военное ведомство получило в эти годы только 4244663 рубля, что, конечно, тоже немало, учитывая мирное время (см.: *Анисимов Е.В.* Россия без Петра. С.104).

¹¹¹ Не смогли сенаторы собрать сведения и о земельных владениях свергнутого временщика в Вотчинной коллегии и у губернаторов — пришлось искать их в книгах самого Меншикова (см.: РГАДА. Ф.248. Оп.31. № 1973. Л.24-25).

¹¹² Там же. Ф.9. Оп.5. № 2. Ч.26. Л.100 об.

¹¹³ См.: Там же. Ф.273. Оп.10. № 34964. Л.328 об.,336; № 34804. Л.299-301.

¹¹⁴ Там же. Ф.19. Оп.1. № 7. Ч.4. Л.229 об.-235 об.

¹¹⁵ См.: ПСЗ. Т.IX. № 6412; Сб. РИО. Т.106. С.55.

¹¹⁶ См.: Там же. Т.104. С.410-411.

¹¹⁷ См.: РГАДА. Ф.19. Оп.1. № 11. Л.6.

¹¹⁸ См.: Сб. РИО. Т.146. С.73,80-81,91-92.

¹¹⁹ См.: Там же. Т.117. С.118,121,137-138,219-221.

¹²⁰ Правда, регламент Камер-коллегии 1731 г., наконец, освободил ее от непосильной задачи оценки экономической и юридической обоснованности налогов, предусмотренной прежним петровским регламентом 1719 г. (см.: *Балакин Д.В.* Финансовый аппарат России в конце XVII — первой половине XVIII в. (организационно-правовое строительство). Автореферат дисс. канд. ист. наук. М., 1998. С.20).

¹²¹ См.: ПСЗ. Т. IX. № 6872.

¹²² См.: *Троицкий С.М.* О дележе феодальной ренты между помещиками и государством // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961. С.130.

¹²³ См.: *Бондаренко В.Н.* Указ. соч. С.208. По ведомости Сената на 1739 г. недоимки по подушной подати составляли 2772209 рублей. Они постепенно «выбирались» и в условиях войны тут же отправлялись на «чрезвычайные воинские расходы»; но эти данные Сенат не смог представить «до свидетельства счетов» (РГАДА. Ф.248. Оп.17. № 1182. Л.1151 об.).

¹²⁴ См.: РГАДА. Ф.177. Оп.2. № 194. Л.240-251.

¹²⁵ См.: Сб. РИО. Т.138. С.286; Т.146. С.448.

¹²⁶ См.: *Бондаренко В.Н.* Указ. соч. С.299.

¹²⁷ См.: Сб. РИО. Т.106. С.110; РГАДА. Ф.248. Оп.5. № 229. Л.270-273 об.

¹²⁸ Сб. РИО. Т.104. С.414-415.

¹²⁹ См.: РГАДА. Ф.248. Оп.15. № 826. Л.710-766. Листы ведомости частично дефектны, цифры за 1727 г. подсчитаны нами.

¹³⁰ См.: *Соловьев С.М.* Соч. В 18-ти кн. М., 1993. Кн.Х. С.465.

¹³¹ См.: *Сакоуич В.А.* Государственный контроль в России. СПб., 1898. Т.1. С.104-105.

¹³² См.: Сб. РИО. Т.117. С.573.

¹³³ См.: Там же. Т.114. С.79.

¹³⁴ Там же. Т.146. С.482-483.

¹³⁵ См.: РГВИА. Ф.21. Оп.1. № 7. Л.1-5.

¹³⁶ Сб. РИО. Т.146. С.245-246

¹³⁷ Там же. Т.117. С.51-52.

¹³⁸ См.: Там же. Т.130. С.118-119.

¹³⁹ См.: Там же. Т.126. С.192-193.

¹⁴⁰ См.: Там же. Т.146. С.108-109,347,432.

¹⁴¹ Там же. Т.146. С.445.

¹⁴² Там же. Т.130. С.681-683.

¹⁴³ См.: *Троицкий С.М.* Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. С.192-193.

¹⁴⁴ См.: Сб. РИО. Т.126. С.249.

¹⁴⁵ В свое время Е.П.Карнович отметил, что в русской армии эпохи Александра II немцев было куда больше, чем во времена «бироновщины». Не так давно Е.В.Анисимов подсчитал, что в царствование Анны даже наметилась обратная тенденция — к уменьшению количества иностранцев на генеральских постах в армии, которые составляли примерно 50 %, по сравнению с 57 % при господстве «старой русской партии» при Петре II (см.: *Карнович Е.П.* Значение бироновщины в русской истории // ОЗ. 1873. № 11. С.121; *Анисимов Е.В.* Россия без Петра. С.431). В «статской» службе соотношение было еще более впечатляющим. Составленный в 1740 г. «Список о судьях и членах и

прокурорах в коллегиях, канцеляриях, конторах и протчих местах» свидетельствует: на закате «биرونщины» из 215 ответственных чиновников центрального государственного аппарата «немцев» было всего 28 (по сравнению с 30 в 1722 г.). Если же брать на основании этого «Списка» сопоставимое соотношение по чинам I-IV класса, то на 39 русских приходилось всего 6 иностранцев, т.е. чуть больше 15% — намного меньше, чем в армии (см.: РГАДА. Ф.248. Оп.17. № 1155. Л.520-522 об., 542-577. Количество «немцев» в 1722 г. см.: РГАДА. Ф.248. Оп.14. № 768. Л.141-149).

¹⁴⁶ К сожалению, претендующие на раскрытие проблемы работы нередко ограничиваются общими рассуждениями о росте пьянства, разбоя и разврата (см. например: *Власов В.И., Гончаров Н.Ф.* Взгляд на причины преступности в России за тысячелетие. Домоделово. 1998. Вып.1. С.55-77).

¹⁴⁷ См.: *Петрухинцев Н.Н.* «А самых больших кораблей нам строить трудно...» // Родина. 1996. № 7-8. С.19; ПСЗ. Т.VIII. № 6035.

¹⁴⁸ См.: История СССР с древнейших времен. Т.3. С.347; *Масловский Д.Ф.* Записки по истории военного искусства в России. СПб., 1891. Вып.1. С.181-182; Очерки русской культуры XVIII в. М., 1987. Ч.2. С.208-209.

¹⁴⁹ См.: ПСЗ. Т.VIII. № 5864; Т.IX. № 6404, 6879.

¹⁵⁰ См.: *Мионов Б.Н.* Социальная структура городского населения России в 1737 г.: опыт реконструкции // Проблемы социально-экономической истории России. СПб., 1991. С.123.

¹⁵¹ См.: *Анисимов Е.В.* Россия при императрице Анне Иоанновне. P.55.

¹⁵² См.: Сб. РИО. Т.81. С.410,521-523; *Соловьев С.М.* Соч. Кн.Х. С.279-284.

¹⁵³ См.: ПСЗ. Т.IX. № 6512; Сб. РИО. Т.76. С.166.

¹⁵⁴ См.: АВПРИ. Ф.77. Оп.77/1. 1730 г. № 12. Л.10,203 об.-204.

¹⁵⁵ Фельдмаршал даже осмелился отказаться прекратить военные действия до ратификации мирного договора (см.: Сборник военно-исторических материалов. СПб., 1902. Т.13. С.225-226).

¹⁵⁶ См.: Россия и Черноморские проливы. М., 1999. С.47-48.

¹⁵⁷ С.М.Троицкий определял «чрезвычайные дачи» по Коллегии иностранных дел только за 1730-1734 гг. в размере 787 831 рубля (см.: *Троицкий С.М.* Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. С.233). Можно добавить, что при Анне стало традицией делать крупные подарки прибывавшим ко двору «чужестранным министрам» стоимостью от 2 до 6 тысяч рублей; только на эти выдачи ушло 83 тысяч рублей (подсчитано нами по: АВПРИ. Ф.2. Оп.2/6. № 3425. Л.1-3).

¹⁵⁸ Цит. по: *Аполлова Н.Г.* Присоединение Казахстана к России в 30-х гг. XVIII в. Алма-Ата, 1948. С.188.

¹⁵⁹ См.: *Павленко Н.И.* История металлургии в России XVIII в. М., 1962. С.462; *Kahan A.* The Plow, the Hammer and the Knout. An Economic History of Eighteenth Century Russia. Chicago, 1985. P.110,188.

¹⁶⁰ См.: Сб. РИО. Т.106. С.309; Т.130. С.629.

¹⁶¹ См.: *Козинцева Р.И.* От таможенного тарифа 1724 к тарифу 1731 г. // Вопросы генезиса капитализма в России. Л., 1960. С.189-216.

¹⁶² См.: *Мальшев М.Ю.* Сословная политика правительства Анны Иоанновны (дворянство, крестьянство, духовенство). Автореферат дисс. канд. ист. наук. Ижевск, 1997. С.21.

¹⁶³ См.: *Фаизова И.В.* «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999. С.57-74. Применялись и телесные наказания для дворян (см.: ПСЗ. Т.X. № 7503).

¹⁶⁴ См.: *Романович-Славянский А.В.* Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб., 1870. С.182-183,216,296,324.

¹⁶⁵ РГАДА. Ф.1290. Оп.2. № 32. Л.1-2 об.

¹⁶⁶ Исторические бумаги XVIII в. // Русская беседа. 1860. Ч.2. С.179.

¹⁶⁷ См.: *Готье Ю.В.* Проект о поправлении государственных дел А.П.Волынского // Дела и дни. 1922. № 3. С.23-27; РГАДА. Ф.6. Оп.1. № 200. Л.10; № 201. Л.7 об.,15; № 203. Л.3 об.,13 об.-14 об.; № 221. Л.17,19.

¹⁶⁸ Например, выступление обер-штер-кригс-комиссара Ф.И.Соймонова против адмирала Н.Ф.Головина, за спинами которых находились их «протекторы» (см.: *Гольденберг Л.А.* Федор Иванович Соймонов (1692-1780). М., 1966. С.82-92).

¹⁶⁹ Камер-фурьерский церемониальный журнал 1739 г. С.6.

¹⁷⁰ Сб. РИО. Т.76. С.479.

¹⁷¹ Показания Трубешкого и Новосильцева по делу А.П.Волынского см.: РГАДА. Ф.6. Оп.1. № 206. Л.2-14.

¹⁷² Там же. №199. Л.67 об.

¹⁷³ См.: *Корсаков Д.А.* А.П.Волынский и его «конфиденты» // РС. 1885. № 10. С.43,50-51; *Есупов Г.В.* Дешпи прусского посланника при русском дворе Акселя фон Мардефельда 1740 года // ДИНР. 1876. № 2. С.103-104.

¹⁷⁴ См.: *Корсаков Д.А.* Из жизни русских деятелей XVIII в. Казань, 1891. С.312.

¹⁷⁵ Исследование внутренней политики царствования Анны также приходит к выводу о ее «социальной конфликтности» в отношении прочих сословий (см.: *Мальшев М.Ю.* Указ. соч. С.24).

¹⁷⁶ См.: *Молеев Н.М.* Иван Никитин. М., 1972. С.187,213.

¹⁷⁷ У них имелись и сторонники. В 1734 г. бывший капитан гвардии, а затем полковник Ульян Шишкин заявил Ушакову, что Анну Иоанновну «изобрали погреша в сем пред Богом», и он призна-

ет «ныне императором Елисавет» как «прямой корень» Петра Великого. От слов своих бывший гвардеец не отказался, за что лишился головы (см. РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 395. Л.88 об.,97-97 об.).

¹⁷⁸ Там же. № 367. Ч.1. Л.114 об.-115,120,329,476.

¹⁷⁹ См.: *Троицкий С.М.* Самозванцы в России XVII-XVIII вв. // ВИ. 1969. № 3. С.140-141.

¹⁸⁰ Одновременно, как позднее признал на следствии Остерман, в узком кругу приближенных Анны Иоанновны обсуждался вопрос об устранении от наследия престола «петровской» линии, т.е. прежде всего Елизаветы, которую планировали выдать замуж «за отдаленного чужестранного принца» (см.: РГАДА. Ф.6. Оп.1. № 304. Л.13 об.). Вопрос так и не был решен, — очевидно, потому, что министры Анны ничего не могли сделать с «ребенком из Кия» — сыном Анны Петровны и голштинского герцога.

¹⁸¹ См.: Сб. РИО. Т.80. С.390,415-416. Впрочем, саксонский дипломат Пецольд передавал, что Бирон рекламировал мужские достоинства своего сына словами, «которые неловко повторить» (РГАДА. Ф.1292. Оп.1. № 95. Л.668 об.). Перипетии этой брачной истории см.: *Левин Л.И.* Российский генералиссимус герцог Антон Ульрих (история «брауншвейгского семейства» в России). СПб., 2000. С.50-51,60-67.

ГЛАВА VII

1740–1741: «НЕЗАКОННОЕ ПРАВЛЕНИЕ»

Время превращений и переворотов.
Фридрих II

«Безмятежный переход престола»

В июле 1739 г. императрица наконец выдала замуж свою племянницу Анну Леопольдовну за брауншвейгского принца Антона-Ульриха. Перспектива стать снохой Бирона заставила Анну-младшую согласиться на этот брак, хотя супруги явно не подходили друг другу.¹ Все же грозная Анна Иоанновна добилась своего: 12 августа 1740 г. она лично восприняла от купели долгожданного наследника, названного по прадеду Иваном.²

Но будущий император Иван III Антонович должен был еще вырасти; иначе в случае смерти Анны Иоанновны неизбежно вставал вопрос о регентстве. Устранение Волынского означало лишь начало нового витка борьбы за власть при императрице, здоровье которой пошатнулось (у нее усилилась подагра и началось кровохарканье). Спустя несколько дней после рождения «принца» вакантное место кабинет-министра было занято будущим канцлером Алексеем Петровичем Бестужевым-Рюминым. Очередной взлет его карьеры был обусловлен желанием курляндского герцога найти достойного и вместе с тем послушного оппонента Остерману. После замужества Анны Леопольдовны и появления наследника всемогущий фаворит стал, по оценке саксонских дипломатов, так задумчив, что никто не смел к нему подойти.³

Вокруг большой императрицы закручивались интриги большой европейской политики. Умерший в мае 1740 г. «пруссский Калита» король Фридрих-Вильгельм оставил сыну исправный государственный механизм и 76-тысячную армию, что в сочетании с амбициями молодого Фридриха II предвещало скорые изменения в европейском «концерте». Наметилось сближение Пруссии и Франции, чьи правительства ожидали смерти австрийского императора Карла VI и готовились предъявить территориальные претензии на австрийское «наследство». Накануне крупного международного конфликта позиция России имела принципиальное значение, и на нее нужно было повлиять.

Первым в Петербург прибыл французский посол Иоахим Жак Тротти маркиз де ла Шетарди, чьей задачей было ослабить австрийское влияние при русском дворе. Данные маркизу в 1739 г. инструкции уже предусматривали и такое средство, как устранение «иноземного правительства» России; в связи с чем ему рекомендовалось использовать недовольство старинных русских фамилий.⁴ В мае 1740 г. приехал и английский посол Эдвард Финч, получивший указания информировать Лондон «об интригах и партиях, которые могут возникнуть при русском дворе».⁵ За этим же внимательно следили их австрийский, шведский и прусский коллеги. Франция стремилась сделать Пруссию своей союзницей в будущем конфликте с Габсбургами и подталкивала Швецию к войне с Россией: во воинственных настроениях в Стокгольме русский посол М.П.Бестужев-Рюмин докладывал уже с начала 1739 г.

В воскресенье 5 октября 1740 г. за обедом императрице стало дурно. Приглашенные во дворец министры А.М.Черкасский и А.П.Бестужев-Рюмин после разговора с Бироном отправились к больному Остерману; «душа» Кабинета порекомендовал прежде всего издать распоряжение о наследнике престола. В тот же день манифест о наследнике — «великом князе Иоанне Антоновиче» был написан секретарем Кабинета Андреем Яковлевым под диктовку Остермана.⁶ Но от обсуждения вопроса о реальном правителе-регенте министр уклонился, предпочитая образование регентского совета. Эта идея определенно не понравилась Бирону: «Какой тут совет! — заявил он вернувшемуся от Остермана Р.Левенвольде. — Сколько голов, сколько разных мыслей будет».

Однако, как писал саксонский дипломат, «в манере герцога было так управлять делами, которых он более всего желал, что их ему в конце концов преподносили, и казалось, что все происходит само по себе». Поэтому в написанной уже в ссылке записке «Об обстоятельствах, приготовивших опалу Э.-И.Бирона, герцога Курляндского» бывший правитель мог утверждать, что стал регентом только после усиленных просьб окружающих его лиц.⁷ Пятого октября Миних, Черкасский, Бестужев-Рюмин, Ушаков, А.Б.Куракин, И.Ю.Трубецкой, Н.Ф.Головин, Р.Левенвольде его «нашли способнейшим» к управлению Россией и наиболее «приятным народу». После этого к большинству примкнул и Остерман, которого чуть ли не на носилках доставили во дворец. Вечером того же дня (по донесению Финча) или на следующий день состоялось обращение за санкцией к Анне, ответа на которое не последовало.

Эти лица (прежде всего Миних и Остерман), в свою очередь, давали показания после своего ареста в 1741 г. и запечатлели в мемуарах события последних дней царствования Анны. При этом они охотно уступали честь «выдвижения» Бирона друг другу⁸: сын фельдмаршала Э.-И.Миних на первое место выдвигал Черкасского и Бестужева-Рюмина;⁹ сам Бестужев в те дни считал свое участие в деле утверждения регентства решающим (о чем рассказал секретарю саксонского посольства Пецольду), но на следствии указывал, что именно Миних был «первый предводитель к регентству» Бирона.¹⁰

Стремительное развитие ситуации спутало карты сторонников брауншвейгской четы, которые сами делились на приверженцев Анны Леополь-

довны и принца Антона.¹¹ Возможно, такой поворот был неожиданным и для самой императрицы, и для других лиц, единодушие которых в столь важном вопросе едва ли было искренним. Но открыто выразить свое несогласие решились немногие. Пецольд сообщал, что высшие сановники успешно «надавили» на Остермана, уклонившегося было от поддержки своего соперника. Зато принцесса Анна проявила характер и отказалась поддержать прошение о назначении Бирона регентом, поскольку сама (по данным английского посла) рассчитывала получить власть.¹²

Шестого октября (или скорее вечером 5-го) Анна Иоанновна подписала манифест о наследнике. Началось приведение подданных к присяге; в честь «благочестивого государя, великого князя Иоанна» был совершен торжественный молебен в Петропавловском соборе. Но составленное Бестужевым-Рюминым (согласно его показаниям на следствии) «Определение» о регентстве с датой «6 октября» императрица не подписала и оставила у себя.¹³

Потерпев неудачу, Бестужев принялся за составление «челобитной» о назначении Бирона регентом, которую должны были подписать виднейшие сановники. Одновременно Бестужев организовал еще одну «деklarацию» в пользу герцога и призвал подписать ее более широкий круг придворных, включая старших офицеров гвардии «до капитан-поручиков».¹⁴

Чтобы избежать какого-либо проявления протеста, кабинет-министр установил очередь, «впуская в министерскую человека только по два и по три и по пять, а не всех вдруг». Миних-младший упоминал о 50 подписавшихся «понуждением»; по данным саксонского посла, «декларация» собрала 197 подписей.¹⁵ Таким образом, помощники герцога подготовили обоснование для провозглашения его регентом даже в том случае, если бы умиравшая Анна отказалась это сделать. В результате Бирон мог утверждать, что 190 человек «добровольно обязались действовать в пользу назначения моего к регентству», о чем сам он якобы узнал только через сутки.

Применялись и другие, проверенные во время прежних «дворских бурь», меры. Принцессу Анну не оставляли наедине с императрицей; а герцог Антон был допущен к ней лишь однажды, 8 октября. Не всегда пускали к умиравшей и Елизавету — потом это обстоятельство будет поставлено в вину Бирону на следствии.¹⁶

По всей вероятности, ситуация была для Бирона и его окружения отнюдь не беспроигрышной. Правда, к 11 октября удалось преодолеть сопротивление Анны Леопольдовны, давшей согласие на регентство. Безуспешными остались робкие попытки ее мужа изменить ситуацию: Антон-Ульрих то посылал своего адъютанта разведать о происходившей в Кабинете подписке, то отправлялся за советом к своему покровителю Остерману. Опытный царедворец намекнул своему протеже, что действовать можно только в том случае, если у принца есть своя «партия»; иначе разумнее присоединиться к большинству.¹⁷

Но, видимо, перед Бироном были и более серьезные препятствия, чем брауншвейгско-мекленбургская чета. В донесениях Шетарди, Мардефельда и австрийского резидента Н. Гогенгольца от 14 октября, а затем и шведского посла Э. Нолькена опять появились сообщения об образовании, каза-

лось, уже отвергнутого регентского совета из 12 человек, в котором принцессе Анне должно принадлежать два голоса.¹⁸ Шетарди отметил переговоры Бирона с Финчем 15 октября, а шведский посол доложил, что их целью является помещение состояния герцога в английские банки.

Правда, в опубликованных депешах Финча не сообщается о подобном визите — точнее, вообще нет сведений о происходивших между 11 и 15 октября в придворных сферах событиях. Мардефельд же передал в Берлин, что Бирона не ввели в состав регентского совета и его слуги уже начали прятать имущество.¹⁹ Эти сообщения имели под собой основание. После свержения Бирона оказалось, что он успел значительную часть своих движимых ценностей отправить в курляндские «маетности», где их и пришлось разыскивать специально посланным лицам.²⁰

Но попытки изменить ход событий не удались. Как сообщали Шетарди и Нолькен, в среду 15 октября Бирон использовал последнее средство — бросился в ноги к Анне; умиравшая императрица не смогла отказать единственному близкому человеку. Позднее герцог признавал, что был заранее извещен врачами о неминуемой смерти Анны и желал любой ценой получить ее санкцию на регентскую власть.²¹ В тот же день или (по имевшейся в руках следователей в 1741 г. собственноручной записке Бестужева) на следующее утро «определение» о регентстве было подписано.²² Объявленный после смерти Анны документ был датирован 6 октября. Это явно не соответствовало действительности и дало основание заподозрить фальсификацию, о чем сразу же заговорили иностранные дипломаты.²³

Прямого подлога, очевидно, не было, хотя подлинного рукописного текста распоряжения о регентстве у нас нет. Но вокруг умиравшей императрицы, как и в 1725 г., и в 1727 г., была сплетена столь густая сеть интриг, что даже если бы она отказалась исполнить волю фаворита или физически уже не смогла подписать документ, это едва ли изменило бы ход событий: в дело пошли бы заготовленные выражения «общественного мнения». Во всяком случае «безмятежный переход престола», который мог удивлять английского и других послов, скрывал за кулисами очередную «переворотную» ситуацию. Вновь в ответственный момент власть продемонстрировала неустойчивость и зависимость от сиюминутного расклада политических сил даже при заранее определенном наследнике.²⁴

17 октября 1740 г. Анна Иоанновна скончалась между 21 и 22 часами (согласно мемуарам Миниха-младшего и донесениям Финча и Шетарди) в полном сознании и даже успела ободрить своего избранника: «Небось!» В нужный момент выдвинулся генерал-прокурор Н. Ю. Трубецкой. Сохранился автограф его распоряжений Сенату: задержать почту, учредить заставы на выезде из столицы; гвардейские полки вызвать к 8 утра к «летнему дому», где скончалась императрица. Туда же надлежало явиться часом позже сенаторам, синодским членам и особам первых 6 рангов. Не забыл генерал-прокурор распорядиться о новом титуле «регента» для Бирона.²⁵

Так же быстро действовал и Остерман. В своем «мнении» Сенату он предлагал немедленно отправить «циркулярные рескрипты» к русским послам за границей и закрыть все дороги, чтобы опередить известия дип-

ломатов из Петербурга. Самого же Бирона он просил подписать рескрипты, отправляемые в Турцию и Швецию, и направить личные письма султану и визирю, подчеркнув в них «твердость и непоколебимость» внешней политики империи.²⁶ «Старших капитанов» гвардейских полков во дворец потребовали уже 16 октября²⁷ — то ли для увеличения количества подписей под бестужевской «декларацией», то ли для большей уверенности в их поведении.

Сам Бирон позднее писал, что был безутешен и весь день 18 октября даже не выходил из своих покоев; однако мемуары Миниха-младшего запечатлели его стремление держать ситуацию под контролем: «Как скоро императрица скончалась, то, по обыкновению, открыли двери у той комнаты, где она лежала, и все, сколько ни находилось при дворе, в оную впущены. Тут виден и слышен был токмо вопль и стенание. Принцесса Анна сидела в углу и обливалась слезами. Герцог Курляндский громко рыдал и метался по горнице без памяти. Но спустя минут пять, собравшись с силами, приказал он внести декларацию касательно его регентства и прочитать пред всеми вслух. Почему когда генерал-прокурор князь Трубецкой с означенною декларациею подступил к ближайшей на столе стоявшей свече и все присутствующие за ним туда обратились, то герцог, увидя, что принц Брауншвейгский за стулом своей супруги стоял, там и остался, спросил его неукоснительно: не желает ли и он послушать последней воли императрицы? Принц, ни слова не вешав, пошел, где куча бояр стояла, и с спокойным духом слушал собственный свой, или паче супруги своей, приговор».²⁸

Согласно извлеченному из ларца с драгоценностями документу, Бирон получал «полную мочь и власть... управлять на вышеозначенном основании все государственные дела, как внутренние, так и иностранные... как бы от самого самодержавного Всероссийского императора было учинено». До 17 лет император считался несовершеннолетним, а его отец и мать в качестве обладающих властными полномочиями лиц не фигурировали. Им отводилась почетная роль производителей «законных из того же супружества рожденных принцев», которые могли бы занять престол в случае смерти императора; на потомство женского пола эти права не распространялись.

Кроме того, формула «или предвидится иногда о ненадежном наследстве» давала регенту полномочия еще при жизни Ивана III или его братьев начать процедуру выборов нового «сукцессора» вместе с «кабинет-министрами, и Сенатом, и генералами-фельдмаршалами, и прочим генералитетом». При этом регент обладал правом «вольно... о всяких награждениях и о всех прочих государственных делах и управлениях такие учреждения учинить, как он по его рассмотрению запотребно в пользу Российской империи изобретет», что давало ему достаточно широкие возможности в отношении Сената и генералитета. «Устав» предусматривал и возможность отказа регента от правления; в таком случае он устанавливал, «с согласия» Кабинета и Сената, новое правительство и мог отбыть в принадлежавшую ему Курляндию.²⁹

Вслед за поздравлениями и присягой Бирон принял поднесенный ему титул «его высочество регент Российской империи Иоганн герцог Курляндский, Лифляндский и Семигальский». Однако позднейшие допро-

сы секретаря Кабинета Андрея Яковлева сохранили неосторожные слова самого генерал-прокурора Трубецкого, сказанные им перед смертью Анны Иоанновны: «Хотя де герцога Курляндского регентом и обирают, токмо де скоро ее императорское величество скончается, и мы де оное переделаем», — которые хитрый Остерман тут же дал распоряжение Яковлеву записать.³⁰ Другие выражали свое мнение более открыто. Маркиз де Шетарди (в донесении от 21 октября) отмечал явное недовольство сторонников отстраненных от власти родителей императора. Шведский посол Нолькен (от 19 и 21 октября) сообщал о нежелании офицеров гвардии подписывать «декларацию» о назначении Бирона и даже о якобы имевшем место отказе новгородского архиепископа от присяги.³¹ Мардефельд 18 октября передавал слухи о намерении не названных по имени вельмож «вести республиканское правление».³²

Таким образом, возникшая в 1727 г. идея регентского совета при малолетнем императоре как будто проявилась вновь. Но в отличие от междоусобиц 1725 и 1730 гг., уже ни у кого теперь не возникло и мысли о контроле над верховной властью со стороны Сената или каких-либо выборных органов, а организация «народного» волеизъявления жестко контролировалась.

Три недели регентства

Переход власти произошел спокойно. Приказы по гвардейским полкам назначали сбор у дворца на утро 18 октября; очевидно, до того присутствия солдат, помимо обычных караулов, не требовалось.³³ В столице полицейские чины развешивали в людных местах — на рынках, у церквей, у почтового двора — свежеставленные манифесты о начале нового царствования и «через барабан» объявляли обывателям о принесении присяги. Синод распорядился о новой форме «возношения» первых лиц в государстве, среди которых занял свое место (после «государыни цесаревны» Елизаветы) «его высочество регент Российской империи».

За три недели Бирон успел «апробовать» ровно 100 указов.³⁴ Один из первых манифестов предписывал всем должностным лицам «во управлении всяких государственных дел поступать по регламентам и уставам и прочим определениям и учреждениям от благоверного и вечно достойные памяти государя императора Петра Великого... с чистой совестью, сердцем и радением» — новая власть стремилась объявить себя преемницей дел Петра и (или, по крайней мере, декларировала намерение) утвердить приоритет закона в сознании российских чиновников.³⁵ Со ссылкой на петровский указ о роскоши 1717 г. предписывалось «отныне вновь богатых с золотом и серебром платьев... дороже 4 рублей аршин никому себе не делать» и донашивать их до 1744 г., за исключением «императорской фамилии и его высочества герцога регента».³⁶

Другие «милостивые» указы сулили податным сословиям сбавку в уплате подушной подати на 17 копеек за текущий год, преступникам (кроме осужденных по «первым двум пунктам») — амнистию. Заступавшим на посты часовым во всех полках было разрешено носить шубы, дезерти-

рам предоставлена отсрочка для добровольной явки, нерусское население Поволжья (татары, чуваша и мордва) избавлено от уплаты накопившихся недоимок.

А.П.Бестужев-Рюмин получил в награду дом казенного Волынского и 50 тысяч рублей.³⁷ Антону-Ульриху был пожалован титул «высочества». Брауншвейгскому семейству была назначена ежегодная сумма в 200 тысяч рублей, а ничем не проявившей себя в октябрьские дни цесаревне Елизавете — 50 тысяч.³⁸ Регент демонстративно отказался от предложенного ему содержания в размере 600 тысяч рублей, что не избавило его в дальнейшем от обвинения в неограниченном распоряжении казной.

Другие распоряжения Бирона огласке не предавались; но шведский посол, а вслед за ним и другие дипломаты стали сообщать своим дворам о начавшихся в столице арестах. По доносам были арестованы поручики Преображенского полка Петр Ханыков и Михаил Аргамаков и сержант Иван Алфимов, вслед за ними — другие офицеры и чиновники.

С.М.Соловьев видел причину гвардейского недовольства в патриотическом возмущении хозяйничаньем иноземца: «Какими глазами православный русский мог теперь смотреть на торжествующего раскольника? Россия была подарена безнравственному и бездарному иноземцу как цена позорной связи! Этого переносить было нельзя».³⁹ Однако допросы арестованных показывают, что национальность и нравственность Бирона мало интересовали гвардейцев. Не только офицеров, но и рядовых солдат возмущало прежде всего то, что «напрасно мимо государева отца и матери [таких же иноземцев. — И.К.] регенту государство отдали». Однако сами они еще не решились на какие-либо активные действия: только «бранят нас, офицеров, также и унтер-офицеров, для чего не зачинают, что если им, солдатам, зачать нельзя».

Если солдаты еще колебались, то офицеры в 1740 г. уже осознали открывавшиеся возможности. Участвовавший в событиях 1725—1727 и 1730 гг. Петр Ханыков заявил прямо во дворце во время присяги: «Что де мы зделали, что государева отца и мать оставили, <...> а отдали де все государство какому человеку регенту, что де он за человек?» Поручик как будто уже был уверен в поддержке такого предприятия солдатами: «А я б де гренадерам только сказал, то б де все за мною пошли о том спорить, что де они меня любят, и офицеры б, побоявшись того, все б стали солдатскую сторону держать». Подобные мысли — «не прискорбно ли будет» объявленное регентство принцессе Анне и ее мужу — приходили и другим офицерам. В 1740 г. поручики гвардии уже, кажется, были убеждены и в своем праве «отдать государство», и в необходимости помянуть его первых лиц — «регента и сторонников его, Остермана, Бестужева, князь Никиту Трубецкого».⁴⁰

Но для выступления против законной власти офицеры все же нуждались в авторитетном лидере, а его пока не было. Отец императора и подполковник Семеновского полка принц Антон-Ульрих оказался неспособным ни к закулисной интриге, ни к смелому предпринятию. В решающие дни накануне смерти Анны он осмелился только просить совета у брауншвейгского посланника Кейзерлинга. Не отважился он и на встречу с офицером собственного полка Иваном Путятиным, передавшим Антону, что его готовы поддержать не только сослуживцы по полку, но и некоторые сенаторы.

Другие офицеры (отставной подполковник Л.Пустошкин, капитан В.Аристов) обращались к фигурам, казавшимся более надежными предводителями: М.Г.Головкину и официальному главе Кабинета князю А.М.Черкасскому. Первый уклонился от опасного предприятия: «Что вы смыслите, то и делайте. Однако ж ты меня не видал, а я от тебя сего не слыхал; а я от всех дел отрешен и еду в чужие края». Второй сразу же лично донес на своих посетителей.⁴¹

Попали в застенки не только гвардейцы, но и штатские лица, в числе коих был секретарь Кабинета Андрей Яковлев. Этот чиновник не только утверждал брауншвейгскую семью в мысли о подложности «Устава» о регентстве, но и лично пытался «зондировать» общественное мнение на предмет переворота и, «надевая худой кафтан, хаживал он собою по ночам по прешпективной и по другим улицам, то слышал он, что в народе говорят о том с неудовольствием, а желают, чтоб государственное правительство было в руках у родителей его императорского величества».⁴²

В следственном деле перечислено 26 фамилий офицеров и чиновников, против некоторых сделаны отметки: «Пытан. Было 16 ударов». Для надзора же за самим А.И.Ушаковым (в застенки попал его адъютант И.Власьев) герцог распорядился дела «о непристойном и злодейственном рассуждении и толковании о нынешнем государственном правлении... исследовать и разыскивать обще с ним, генералом, генерал-прокурору и кавалеру князю Трубецкому».⁴³

23 октября Бирон в резкой форме потребовал объяснений у брауншвейгского принца: по показаниям арестованных, Антон-Ульрих сомневался в подлинности завещания; якобы мечтал о дворцовом перевороте и хотел «арестовать всех министров». Призванный в собрание чинов первых двух классов (согласно Бирону) или в более широкий круг — до генерал-майоров (по Финчу), принц признался, что «замышлял восстание» и «добровольно» согласился оставить посты подполковника Семеновского полка и полковника Брауншвейгского кирасирского полка. Регент потребовал у присутствовавших публичного подтверждения подлинности «Устава» о регентстве и, в свою очередь, пригрозил отставкой в случае признания собранием герцога Антона более способным. Полномочия регента были признаны законными, и он — по просьбам присутствовавших — согласился остаться на своем посту.⁴⁴

Регент не ограничился формальным подтверждением своих прав. 25 октября Шетарди сообщил в Париж, что «гвардия не пользуется доверием», и для охраны порядка в Петербург введены 2 армейских батальона и 200 драгун (Мардефельд называл 6 батальонов).⁴⁵ Эти сведения не вполне понятны: в столице и ее окрестностях осенью 1740 г. и так были расквартированы 4 полка (Невский, Копорский, Санкт-Петербургский и Ямбургский), а в приказах по гарнизонной канцелярии нет распоряжений о вводе в город дополнительных частей. Возможно, речь шла об усилении патрулей на улицах.

Гвардейцы полагали, что регент собирался «немцев набрать и нас из полку вытеснить». Попытки преобразовать гвардию были поставлены в вину Бирону после его ареста; на следствии он признал, что собирался

«разбавить» неблагонадежные полки новобранцами-рекрутами, а дворян перевести офицерами в армию.⁴⁶ Но если подобные шаги правитель и замыслил, то не успел осуществить: имеющаяся в РГВИА документация гвардейских частей не содержит информации о каких-либо его действиях в отношении гвардии. Однако даже слухи о таких намерениях вызывали ропот в полках, и самому фельдмаршалу Миниху пришлось успокаивать гвардейцев.⁴⁷

Одновременно продолжалось начатое Тайной канцелярией следствие. 26 октября за подписями членов Кабинета был послан указ московскому главнокомандующему С.А.Салтыкову выяснить, что «между народом» говорят о политике, и выявить тех, кто «из глупости» или по злему умыслу позволяет «неприличные рассуждения» о престолонаследии; их надлежало тихо арестовывать «без малейшего разглашения».⁴⁸ Однако верхушечная оппозиция регенту не вышла за рамки разговоров; начинать же новое царствование с репрессий было неловко. К 31 октября допросы были прекращены; некоторых подследственных (ротмистра А.Мурзина, капитан-поручика А.Колударова) просто выпустили, других (адъютантов А.Вельяминова и И.Власьева) освободили с надлежащим «репримандом». Графа М.Г.Головкина, к которому обращались арестованные офицеры, вообще избавили от допросов.⁴⁹

Выяснилось, что среди недовольных были и сторонники Елизаветы. Но принцесса вела себя примерно, и эти дела закончились безобидно: сожалевшего, что дочь Петра I от наследства «оставлена», капрала А.Хлопова отпустили без наказания, а отказавшегося присягать счетчика М.Толстого сослали в Оренбург (при Анне за подобное могли и казнить). Не подтвердился донос преображенского сержанта Д.Барановского, что якобы во дворце Елизаветы «состоялся указ под смертной казнью, чтоб никто дому ее высочества всякого звания люди к состоявшимся первой и второй присягам не ходили», и оттуда же были посланы «в Цесарию два курьера». Следствие выяснило, что такие слухи распространялись в среде придворной челяди и являлись «непристойными вкраями».⁵⁰

Бирон (в записке, адресованной уже императрице Елизавете) сообщал, что Миних докладывал ему о подозрительных сношениях людей двора цесаревны с французским послом и советовал упрятать ее в монастырь. В достоверности этого свидетельства герцога о своем «друге» можно и усомниться; но вот к Елизавете он относился вполне доброжелательно и заплатил ее долги.⁵¹

Не исключено, что «милости» Бирона к дочери Петра I объяснялись не только ее любовью, но и планами самого регента. Шетарди стало известно, что герцог предлагал ей через духовника выйти замуж за его сына Петра; дочь Гедвигу он планировал выдать за племянника Елизаветы, будущего Петра III. Сам же Бирон из ссылки напоминал уже императрице Елизавете Петровне, как его после ареста допрашивали о ночных беседах с цесаревной и о якобы имевших место планах возведения на престол голштинского принца, что он, естественно, с негодованием отвергал.⁵²

Зато по отношению к родителям императора регент не считал необходимым стесняться. Манштейн и Пецольд сообщали, что герцог публично грозил Анне, что отошлет ее с мужем в Германию, а из Голштинии вы-

пишет представителя другой линии династии. На следствии он это подтвердил, хотя и оправдывался тем, что не допустил высылки Анны в «Мекленбургию», а о голштинском принце говорил исключительно из «осторожности».⁵³ По этой же причине Бирон арестовал адъютантов и выслал за границу камер-юнкера принца. Муж правительницы на некоторое время был посажен под домашний арест, но затем, по донесениям прусского и шведского послов, полностью примирился с регентом.⁵⁴ Реестр именных указов Соляной конторе отчасти объясняет причину покладаемости Антона-Ульриха: регент оплатил его долги придворному «обер-комиссару» Липману и купцу Ферману в размере 39 218 рублей.⁵⁵

Регент «укрепил» Тайную канцелярию генерал-прокурором, а затем назначил «главным по полиции» князя Я.П.Шаховского, обещая ему всяческую поддержку и даже право входить без доклада.⁵⁶ Сенатором стал В.И.Стрешнев (родственник Остермана), а И.И.Бахметев был назначен обер-прокурором.⁵⁷ Произошло еще несколько перестановок: бригадир Я.И.Кропоткин стал начальником Судного приказа; в Юстиц- и Камер-коллегии были назначены новые вице-президенты — соответственно М.Т.Раевский и Г.М.Кисловский. По докладу генерал-прокурора были определены к местам сразу 35 прокуроров. На уровне провинциальной администрации новый правитель успел только сменить архангельского вице-губернатора А.А.Оболенского (его отправили в Смоленск) на П.К.Пушкина; бригадир П.Аксаков стал вице-губернатором в Уфе⁵⁸ (см. Приложение, Таблицы 1 и 2).

Бирон занимал свою должность слишком недолго, чтобы делать выводы о целенаправленном характере таких назначений. Но, похоже, сам регент к началу ноября почувствовал себя увереннее и стал больше внимания уделять текущим делам. В своих апартаментах он устраивал совещания с сенаторами; 6 ноября вместе с А.М.Черкасским и А.П.Бестужевым-Рюминым явился в Сенат, где «изволил слушать доклады» и накладывать на них резолюции по-русски: «Иоганн регент и герцог».⁵⁹ Побывал он и в Адмиралтействе на закладке нового корабля.⁶⁰ Регулярно посещал Бирон заседания Кабинета, происходившие в доме больного — по причине действительных приступов подагры или предчувствовавшего очередные потрясения Остермана. Финч докладывал 8 ноября, что правитель потребовал себе отчеты о состоянии армии и доходах государства.⁶¹ Бирон даже позволил себе заявить, что любовь подданных к нему такова, что он «спокойно может ложиться спать в бурлаках»,⁶² и назначил очередной рекрутский набор в 30 тысяч человек, а также распорядился поднять (на 10 копеек за ведро) цену на водку в столице ради быстреего строительства «каменных кабаков».

Знал ли герцог, кто такие бурлаки, неизвестно; но его уверенность в прочности своего положения вполне разделялась близким к Бирону английским послом. «Все здешние офицеры и полки гвардии за него, а также большая часть армии. Губернаторы большинства провинций его креатуры и вполне ему преданы», — докладывал Финч в Лондон 1 ноября 1740 г. Об уверенности Бирона в верности ему гвардейских частей писал и Миних: «Под моим началом находился майор Альбрехт, его ставленник и шпион;

Семеновский полк был под начальством генерала Ушакова, весьма преданного Бирону; Измайловским полком командовал Густав Бирон, брат герцога, а Конногвардейским — его сын принц Петр, а так как он был слишком молод, то Ливен, курляндец». ⁶³ Трех гвардейских майоров (И. Гампфа, П. Черкасского и Н. Стрешнева) произвели в генерал-майоры.

Однако не столь близкие к регенту Мардефельд, Нолькен, Шетарди и секретарь австрийского посольства Гогенгольц выражали сомнение в способностях Бирона удержать в своих руках власть. ⁶⁴ Прусский посол прямо предсказал, что герцога низвергнут те же, кто привел его к власти, его король намерен открытия военных действий против Австрии ожидал в России «движений» в пользу Елизаветы или брауншвейгской четы. ⁶⁵

Русский посол в Париже Антиох Кантемир послал Бирону поздравления, но просил адресата его письма передать их герцогу, только «если духовная покойной государыни останется во всей своей силе, иначе же немедленно сжечь его», — и оказался прав: письмо добралось в Россию уже после свержения регента. ⁶⁶ Опоздал и прогноз французского министра иностранных дел Амело, считавшего, что главную опасность для Бирона представляет его правая рука — Миних. ⁶⁷

Крайне честолюбивый Б.-Х. Миних рассчитывал на одно из первых мест в государстве; но ни новых постов, ни ожидаемого звания генерал-лиссимуса он от регента не получил. Более того, уже 30 октября Нолькен сообщил, что после ссоры Бирона с Минихом по поводу оказания последнему почестей со стороны гвардейских караулов фельдмаршал стал появляться при дворе Елизаветы. ⁶⁸ Если допустить, что эти контакты были не случайны, то не исключено, что предусмотрительный фельдмаршал считал возможным использовать имя цесаревны в предстоявшей акции. На следствии 1741—1742 гг. всплыл тот факт, что он якобы призывал караульных гвардейцев действовать во имя прав Елизаветы. Но Миних все же предпочел выступить от имени матери императора.

Постаравшиеся узнать подробности нового переворота дипломаты (Финч и Пецольд) установили, что 7-го или утром 8 ноября 1740 г. Миних имел беседу с Анной Леопольдовной и после ее жалоб на поведение регента обещал принцессе свою помощь. Сам Миних коротко указывал в мемуарах, что Анна поручила ему арестовать герцога. Правда, при этом фельдмаршал упоминал, что некоторые «сановники» уже неоднократно убеждали Анну «арестовать герцога Бирона, отправить его с семьей в ссылку, а вместо него сделать герцогом Курляндским принца Людвига Брауншвейгского» (брата Антона). Миних приводил в воспоминаниях как аргумент в пользу переворота якобы предусмотренное завещанием Анны Иоанновны право регента «испытать» императора по достижении им 17 лет и «вынести суждение о том, в состоянии ли он управлять государством», что не соответствовало действительности — такого пункта в «завещании» не было. ⁶⁹

Другие близкие к Миниху мемуаристы (его сын и адъютант Манштейн) указывают, что сам фельдмаршал взял на себя в этих переговорах инициативу и предложил арестовать герцога. Так или иначе, но в ночь с 8 на 9 ноября 1740 г. акция по свержению регента была осуществлена. ⁷⁰

Между 22 и 23 часами 8 ноября Миних со своим адъютантом отправился в Зимний дворец; принцесса Анна Леопольдовна вышла к ожидаемым ею посетителям, но предложение ехать вместе с фельдмаршалом отвергла. Поскольку санкция со стороны матери императора была необходима, то Манштейн привел в комнаты принцессы караульных офицеров. Анна допустила их к руке, поручила исполнять все распоряжения Миниха в отношении регента и объявила, что «их верность без награждения оставлена не будет». После этого напутствия фельдмаршал вместе с 30 солдатами (по Миниху-младшему) или с 80 (по мемуарам Манштейна) отправился к Летнему дворцу — резиденции Бирона.

Первое профессиональное описание дворцового переворота сделал один из главных участников события — Манштейн: «Шагах в 200 от этого дома отряд остановился; фельдмаршал послал Манштейна к офицерам, стоявшим на карауле у регента, чтобы объявить им намерения принцессы Анны; они были так же сговорчивы, как и прочие, и предложили даже помочь арестовать герцога, если в них окажется нужда. Тогда фельдмаршал приказал тому же подполковнику Манштейну стать с одним офицером во главе отряда в 20 человек, войти во дворец, арестовать герцога и, в случае малейшего сопротивления с его стороны, убить его без пощады».

Отряд вошел во дворец: «все часовые пропустили его без малейшего сопротивления, так как все солдаты, зная его, полагали, что он мог быть послан к герцогу по какому-нибудь важному делу». Вломившись в покои герцога, «Манштейн очутился с той стороны, где лежала герцогиня, поэтому регент соскочил с кровати, очевидно, с намерением спрятаться под нею; но тот поспешно обежал кровать и бросился на него, сжав его как можно крепче обеими руками до тех пор, пока не явились гвардейцы. Герцог, став, наконец, на ноги и желая освободиться от этих людей, сыпал удары кулаком вправо и влево; солдаты отвечали ему сильными ударами прикладом, снова повалили его на землю, вложили в рот платок, связали ему руки шарфом одного офицера и снесли его голого до гауптвахты, где его накрыли солдатской шинелью и положили в ожидавшую его тут карету фельдмаршала. Рядом с ним посадили офицера и повезли его в Зимний дворец». ⁷¹

Затем Манштейн арестовал младшего брата регента, подполковника Измайловского полка Густава Бирона. Столь же легко был схвачен и другой приближенный Бирона — А. П. Бестужев-Рюмин. Главные события бескровного переворота, по данным Финча (со слов самого Миниха), произошли между 3 и 4 часами ночи. Расчет Миниха оказался верен: на караулах в Зимнем и Летнем дворцах стояли солдаты и офицеры его Преображенского полка, и далее откладывать акцию было нельзя, т.к. с 9 ноября на караулы должны были заступить другие полки.

К 5 утра все было кончено, и Преображенский полк получил указание собраться у «зимнего дома», куда уже съезжались чиновники, и среди них — как обычно выздоровевший Остерман. Высшие чины империи, еще недавно чествовавшие Бирона, «утрудили» принцессу просьбой принять правление с титулом «великой княгини Российской». Вслед за поздравлениями последовало принесение новой правительнице присяги, уже третьей за

месяц.⁷² К вечеру того же дня после совещания правительницы с Минихом и Остерманом регент с семьей был отправлен из Зимнего дворца в Шлис-сельбургскую крепость, Бестужев-Рюмин — в Ивангород. Специальные курьеры были посланы с распоряжениями об аресте верных Бирону людей: его старшего брата Карла Бирона, московского губернатора, и его зятя — лифляндского вице-губернатора генерала Лудольфа фон Бисмарка, предка знаменитого германского канцлера.

Изданный от лица младенца-императора манифест (не вошедший в ПСЗ) гласил, что бывший регент «дерзнул не токмо многие противные государственным правам поступки чинить, но и к любезнейшим нашим родителям великое непочитание и презрение публично оказывать и притом с употреблением непристойных угроз, и такие дальновидные и опасные намерения объявить дерзнул, которыми не только любезнейшие родители наши, но и мы сами, и покой и благополучие империи нашей в опасное состояние приведены быть могли бы. И потому принуждены себя нашли по усердному желанию и прошению всех наших верных подданных духовного и мирского чина оногo герцога от регентства отрешить и по тому же прошению всех наших верных подданных оное правительство поручить нашей государыне-матери».⁷³ Те же обвинения Бирона в «опасных намерениях» содержались и в объявлении в «Ведомостях» от 14 ноября 1740 г.

Таким образом, первый в отечественной истории «классический» дворцовый переворот, совершенный группой солдат и офицеров под командой предприимчивого генерала, получил официальное обоснование. Из него следовало, что существующая власть может быть свергнута силой без сколько-нибудь серьезных доказательств ее вины и без всяких попыток воздействия на нее со стороны других законных учреждений. Обоснованием таких насильственных действий являлось еще только предполагаемое нарушение «благополучия» империи и состоявшееся «прошение всех наших верных подданных». Такое объяснение стало в дальнейшем непременным условием публичного оправдания каждой последующей «революции», но одновременно «снижало» сакральный характер царской власти и публично подчеркивало ее зависимость от тех сил, которые выступали в качестве выразителей общественного мнения.

Однако что могли означать «опасные намерения» свергнутого регента? Сомнительной представляется содержащаяся в сочинении Манштейна и депешах Шетарди версия о «превентивном» характере переворота, поскольку Бирон уже якобы собрался нанести удар первым и арестовать Миниха, Остермана, Головкина; она явно появилась позднее, уже для оправдания переворота: ни отец, ни сын Минихи не сочли возможным указывать на подобное обстоятельство в качестве причины ареста регента.

Не предпринимал Бирон никаких действий и для реализации своих намерений выслать родителей императора за границу, а самого Ивана Антоновича «с престола свергнуть, а его королевское величество, принца Голштинского, на оный возвесть». Скорее всего, подобные угрозы являлись всего лишь мерой «воспитательного» характера в отношении претендовавших на политическую роль родителей царя. К тому же Антон-Ульрих отказался от борьбы и примирился со своим положением настолько, что ни Миних, ни Анна даже не сочли нужным посвятить его в свои планы.

Трудно сказать, насколько серьезными были матримониальные планы курляндца.⁷⁴ По крайней мере, на следствии сам Бирон ничего не говорил о своих планах относительно Елизаветы и признал только, что собирался отдавать свою дочь за дармштадтского или саксен-мейнингенского герцога.⁷⁵ Однако в любом случае подобные планы были еще более опасными для их инициатора. Пойдя по стопам предыдущих временщиков в стремлении породниться с династией, Бирон резко вырвался из своей среды, такого успеха не прощавшей. Правящая элита не воспринимала в качестве владыки не только выскочку Меншикова, но даже безусловных Рюриковичей Долгоруковых. Вокруг такой фигуры образовывался вакуум патрональных, служебных и личных отношений, несмотря на внешнее преклонение.

Трудно почувствовать, в какой атмосфере созревали и осуществлялись удачные и неудачные заговоры (имеется в виду не двор с его интригами — эта сфера, надо полагать, едва ли принципиально изменилась с тех пор, — а отношение к происходившему солдат и офицеров, городских обывателей разного статуса и достатка, чиновников многочисленных учреждений). Прочие подданные, рассеянные на огромном пространстве империи, едва ли представляли себе, какие события происходили в столице.

Кратковременное правление Бирона-регента не оставило даже таких специфических источников отражения общественного мнения, как дела Тайной канцелярии. Правда, в мае 1741 г. крепостной Евтифеей Тимофеев все-таки попал в розыск из подмосковной деревни по поводу высказанного мнения о политических новостях: «У нас слышно, что есть указы о том: герцога в ссылку сослали, а государя в стену заклали», — но при этом решительно не мог пояснить, о каком герцоге идет речь.⁷⁶

«Шляхетство» представляло события лучше. Дело 1745 г. по доносу на капитана Измайловского полка Г.Палембаха показывает, что в новых полках гвардии у регента были сторонники.⁷⁷ Но вот в каком ряду событий описывается свержение Бирона в редком для первой половины столетия документе — дневнике отставного семеновского поручика А.Благово: «Воскресение морозец. Регента Бирона збросили. Крестьяня женились Ивонын внук. В 741 году в 34 побор Василей Марков в рекруты взят». Бесстрастно фиксирует дворцовый переворот «записная книга» столичного жителя — подштурмана И.М.Грязнова: «Ноября 8 вышеобъявленной регент Бирон в ночи взят под караул фелтмаршлом Минихом и сослан в ссылку».⁷⁸ Свидетель многих «революций» Н.Ю.Трубецкой в кратком повествовании о своей жизни не упоминал о падении Бирона даже тогда, когда сообщал о собственной «командировке» для описания имущества регента.

Свидетельства настолько скупы и бесстрастны, будто современники воспринимали «дворские бури» как далекие от их повседневных дел события — или даже наедине с собой не считали возможным дать более эмоциональную оценку. Во всяком случае, еще в начале XIX века престарелые очевидцы сообщали интересовавшимся о настроениях своей юности: «Отец мой видел Бирона и так боялся, что не любил говорить о нем даже тогда, когда его уже не было в России».⁷⁹

Что касается оценок настроений в обществе, даваемых иностранными дипломатами, то они, как уже говорилось, в немалой степени зависели

ли от позиции самих послов и складывавшихся у них в российской столице отношений, не говоря уже о кругозоре их информаторов (в донесениях Шетарди под «народом» очень часто подразумевался тот же придворный круг).

Одним из наиболее сочувствующих регенту лиц был английский посол Эдвард Финч: он рекомендовал своему правительству как можно скорее признать титул нового правителя и не раз указывал на его «доброе отношение» к интересам Англии. Он же подчеркивал, что всячески искал расположения Бирона и был им отмечен. Успехи Финча вызывали даже неодобрение дипломатического корпуса: его французский, шведский и прусский собратья не пользовались вниманием регента, а австрийского резидента он даже отказался принять.⁸⁰

В свете этих обстоятельств английский посол видел вокруг «общее успокоение» при объявлении регентства, ничего не сообщал (в отличие от коллег) о неблагоприятной для Бирона возможности создания регентского совета накануне смерти Анны Иоанновны и лишь мельком упоминал о начавшихся арестах. Финч был уверен, что новая власть установилась прочно, тем более что герцога «вообще любят, так как он оказывал добро множеству лиц, зло же от него видели очень немногие».⁸¹ Правление любимого подданными регента завершилось всего через три недели, и британский дипломат в некотором противоречии с предыдущими депешами невозмутимо доложил: «Переворот произошел со спокойствием, которому возможно приравнять разве общую радость, им вызванную». В дальнейшем судьба опального его не интересовала — возможно, потому, что падение герцога никак не отразилось на процессе подготовки и заключения союзного договора с Россией в апреле 1741 г.

Зато не симпатизировавшие новому правителю дипломаты сразу стали прогнозировать беспорядки; их донесения сообщали о «брожении среди народа» (под которым понималась прежде всего гвардия), недовольстве офицеров и направленных против них репрессиях. При этом назывались фамилии лиц, по-видимому, не замеченных ведомством А.И.Ушакова и по сохранившимся документам Тайной канцелярии не проходивших. «Опальный» австрийский резидент Гогенгольц, по словам Шетарди, открыто заявлял, что завещание Анны есть подлог Бирона, но «зло не непоправимо».⁸² Вполне вероятно, что на подобные оценки повлияла поддержка — по инициативе герцога — территориальных претензий Августа III Саксонского к Австрии.⁸³

При сравнении сообщений дипломатов Франции, Швеции и Пруссии осенью 1740 г. критическая информация в адрес регента явно преобладает по сравнению с оптимистическими реляциями Финча, но насколько она отражает действительные настроения столичного общества той поры? Предсказываемый переворот, по-видимому, явился достаточно неожиданным: Шетарди, например, приписал его успех прежде всего руководству Остермана. При описании события дипломатов интересовали главным образом «технология» и действия ключевых фигур заговора, а не реакция окружающих. Однако Шетарди счел нужным отметить поведение гвардии: «Как в тот момент, когда герцог Курляндский был про-

возглашен регентом, они выразили своим молчанием и сдержанностью чувство уныния и скорбного удивления, так теперь они изъявили свою радость и удовольствие несмолкаемым криком и непрерывным подбрасыванием шапок на воздух».⁸⁴

Из всех отечественных источников только мемуары князя Я.П.Шаховского оставили нам картину «смятения» чиновной публики сразу после переворота, удачно дополнявшую деловой «рапорт» Манштейна. Только что при поддержке Бирона он стал действительным статским советником, «главным по полиции» — и через несколько дней был поражен неожиданным известием. Шаховской поспешил во дворец, «следовал за другими, спешно меня обегоающими. Но большею частью гвардии офицеры с унтер-офицерами и солдатами, толпами смешиваясь, смело в веселых видах и не уступая никому места ходили, почему я вообразить мог, что сии-то были производители оногo дела».

Известие о состоявшемся перевороте «поразило мысль мою, и я сам себе сказал: “Вот теперь регентова ко мне отменно пред прочими милостивая склонность сделает мне, похоже, как и после Волынского, толчок; но чтоб только не худшим окончилось. Всевидящий, защити меня!” В том размышлении дошел я близ дверей церковных; тут уже от тесноты продраяться в церковь скоро не мог и увидел многих моих знакомых, в разных масках являющихся. Одни носят листы бумаги и кричат: “Извольте, истинные дети отечества, в верности нашей всемилостивейшей Правительнице подписываться и идти в церковь в том Евангелие и крест целовать”, другие, протеснясь к тем по два и по три человека, каждый только спешит, жадно спрашивая один другого, как и что писать, и, вырывая один у другого чернильницу и перья, подписывались и теснились войти в церковь присягать и поклониться стоящей там Правительнице».

В этой картине, врезавшейся в память тогда молодого человека, бросаются в глаза прежде всего лихорадочная суета больших и малых чинов, их желание поскорей «отметиться», а также отсутствие надежных опор и связей в обществе, где мгновенно можно превратиться в отверженного: «Некоторые из тех господ, кои в том деле послужить усчастливились, весьма презорные взгляды мне оказали, а другие с язвительными усмешками спрашивали, каков я в своем здоровье и все ль благополучен. Некоторые ж из наших площадных звонарей неподалеку за спиною моею рассказывали о моем у регента случае и что я был его любимец. С такими-то глазам и ушам моим поражениями, не имея ни от Правительницы, ниже от ее министров, уже во многие вновь доверенности вступивших, никаких приветствий, ниже по моей должности каких повелений, с прискорбными воображениями почти весь день таскавшись во дворце между людьми, поехал в дом свой в смятении моего духа».⁸⁵

Сообщения Финча и Шетарди и рассказ Шаховского передают еще одну характерную черту события: уверенное поведение солдат и офицеров гвардейских полков на фоне всеобщей растерянности. Выше уже высказывалось сомнение в исключительно патриотическом характере оппозиции регенту, тем более что «иноземство» поверженного правителя не ставилось ему в вину в официальных сообщениях о перевороте, и Ломо-

носов в оде на день рождения императора Ивана Антоновича осуждал бывшего правителя только за непомерное честолюбие:

*«Проклята гордость, злоба, дерзость
В чудовище одно срослись;
Высоко имя скрыла мерзость,
Слепой талант пустил взнестись!
Велит себя в неволю славить,
Престол себе над звезды ставить,
Превысить хочет вышнюю власть»...*⁸⁶

Традиционно используемый круг источников не дает оснований уверенно говорить о сопротивлении правлению Бирона в служилой столичной среде. Но ясно и то, что расколота на враждующие «партии», она не могла составить сколько-нибудь надежной опоры правителю. С другой стороны, отчетливо проявилось недовольство гвардии, тем более что права и привилегии «старых» полков уже были затронуты образованием новых частей и слухами о дальнейших реформах.

К 1740 г. гвардия уже осознала себя правящей силой, какой она в самом деле являлась — в качестве «школы кадров» петровской и послепетровской армии и администрации. Правда, гвардейцы образца 1740 г. не пытались составлять политические «проекты» и едва ли о таковых помышляли. Зато, как только на время ослаб контроль над полками, гвардейские солдаты уже жаловались на бездействие офицерам; капитаны и поручики почти открыто искали себе предводителя, чтобы силой «исправить» завещание скончавшейся императрицы. Но чего стоили глава Кабинета князь Черкасский, доносивший на доверившихся ему офицеров, или боевой генерал и отец императора Антон-Ульрих, отказавшийся от встречи с офицерами своего полка, а затем и от своего мундира? На этом фоне честолюбивый и решительный Миних уже казался настоящим вождем.

Как только лидер нашелся, произошел дворцовый переворот в сугубо гвардейском исполнении. В 1727 г. император сместил руководителя вооруженных сил и своего нареченного тестя — но всего лишь обычного подданного. В 1730 г. столь же законная императрица вернула себе по просьбе подданных самодержавную власть, утраченную в ходе государственного переворота. В 1740 г. глава армии сверг законного регента уже без какой-либо формальной санкции верховной власти: благословение матери императора оставалось просьбой частного лица, не подкрепленной ни официальным документом, ни присягой. Но пока еще власть как бы возвращалась более «законным» — с точки зрения гвардии — ее носителям в лице родителей императора.

Операция прошла успешно, хотя и с определенным риском — в «стиле» Миниха, который, по словам хорошо его знавшего Манштейна, любил, «чтобы все его предприятия совершались с некоторым блеском». Расчеты регента — если таковые имелись — на «нейтрализацию» гвардии силами армейских частей не оправдались. И в 1740 г., и позднее полки столичного гарнизона не обнаруживали желания вмешаться в происходившие вокруг дворца события и вообще были мало боеспособны. Их офицеры и солдаты ежедневно командировались на различные работы: шить мундиры и сапо-

ги, «бить сваи» на строительстве, исполнять различные поручения в «главной артиллерии», на пороховых заводах, в провиантской и фортификационной канцеляриях и т.д., вплоть до уборки петербургских улиц.⁸⁷ Армейцы узнали о совершившемся перевороте только на следующий день, когда Миних (вечером 9 ноября) велел объявить о произошедших событиях собравшимся утром «при своих квартирах» полкам.⁸⁸

Но легкость, с которой был совершен переворот, имела и обратную сторону. Измена только что принесенной присяге доставила нарушителям славу, материальные выгоды и чувство хозяев положения, перед которыми заискивал фельдмаршал: «Кого хотите государем, тот и быть может».⁸⁹ У Миниха и тех, кто за ним стоял, должно было хватить умения и авторитета, чтобы сохранить контроль над силой, которая так легко привела их на самую вершину власти.

Судьба «великого визиря»

К утру 9 ноября 1740 г. столица империи была извещена об очередном дворцовом перевороте, которые иные из авторов называют первым «военным переворотом» в истории России. Однако «силовой» антураж события все же не дает оснований для такой квалификации.

Бескровный гвардейский «штурм» Летнего дворца не означал утверждения у власти какой-то особой «военной» группировки, отстранившей «штатское» правительство. В России XVIII столетия, да и в более поздние времена армия не была особой, отдельной корпорацией, так или иначе противопоставившей себя гражданскому обществу с его политической борьбой. Скорее наоборот: в ходе петровских реформ «регулярные» армейские порядки служили образцом для переустройства всех прочих сфер общественной жизни. Поголовная и бессрочная служба дворян вместе с массовыми наборами рекрутов из остальных сословий способствовали созданию такой системы власти, в которой военный элемент был неотделим от гражданского.

Поэтому неудивительно, что неотлаженность этой системы и ее внутренние противоречия преодолевались в послепетровское время сугубо силовыми методами. Руководители придворных «факций» сами обладали — и порой отнюдь не номинально — военными чинами (как «рейхсмаршал» Меншиков или члены клана Долгоруковых), а их «партиями» служили действительные или отставные офицеры. В этом смысле ноябрьский переворот 1740 г. не внес ничего нового. Пожалуй, только сама фигура правителя (придворного, не имевшего за плечами военной карьеры и круга сослуживцев) была дополнительным раздражителем для гвардии, облегчавшим его исчезновение с политической арены.

Однако в самой верхушке никаких принципиальных изменений, за исключением устранения ближайших помощников свергнутого Бирона, не произошло. Новой правительнице присягали и приносили поздравления те же самые лица, которые три недели назад приветствовали регента, во главе с Минихом, Остерманом и Черкасским.

Миних-младший оставил подробный рассказ, как проходила очередная дележка милостей и чинов, в результате чего Миних согласился на титул «пер-

вого министра»; Остерман стал генерал-адмиралом, а «природный россиянин» Черкасский — канцлером. На место арестованного Бестужева назначили близкого правительнице М.Г.Головкина в звании вице-канцлера. Р.Левенвольде и брат Миниха получили «знатную сумму» для оплаты долгов, фельдмаршал князь И.Ю.Трубецкой и генерал-кригс-комиссар С.В.Лопухин — прощение долгов и взысканий, младший Миних — должность обер-гофмейстера с чином генерал-лейтенанта и пенсией. А.И.Ушаков сохранил свою должность и вместе с адмиралом Н.Ф.Головиным и А.Б.Куракиным стал кавалером Андреевского ордена. Орден Александра Невского пожаловали барону Менгдену и зятю Остермана камергеру В.Стрешневу.⁹⁰ Последовали и другие награждения,⁹¹ которые так и продолжались на протяжении всего короткого правления Анны Леопольдовны.

10 ноября 1740 г. младенец Иван III «принял» звание полковника всех четырех гвардейских полков. Муж правительницы был объявлен четвертым в истории России генералиссимусом — не без оскорбительной выходки со стороны Миниха, публично заявившего, что «отрекается» в пользу принца от по праву принадлежащего ему звания. Антон-Ульрих стал также подполковником Конной гвардии (вместо Петра Бирона), сохранив по просьбе офицеров шефство и над «своим» Семеновским полком.⁹²

12–13 ноября получили награды все, кто своими «ревностными поступками» обеспечил успех ночного похода на Летний дворец. Офицеры отряда Миниха — капитан И.Орлов, капитан-поручик А.Татищев, поручики И.Чирков (эти двое командовали караулами соответственно в Летнем и Зимнем дворцах), П.Юшков и А.Лазарев, подпоручик Е.Озеров, прапорщики Т.Трусов, Г.Мячков, П.Воейков и М.Обрютин — получили следующие чины и щедрые денежные награды; унтер-офицеры и сержанты А.Толмачев, А.Яблонский, Г.Дубенский, И.Ханыков, Я.Шамшев — обер-офицерские звания; рядовые стали унтерами и сержантами. Кроме того, 52 гренадерам вручили по 6 рублей наградных, а 177 мушкетерам — по 5 рублей, что составляло, по штату 1731 г., треть годового жалованья солдат.⁹³

Большое число награжденных объясняется тем, что фельдмаршал решил оплатить нарушение присяги всем — и арестовывавшим Бирона, и бездействовавшим в эту ночь караульным. Количество желавших попасть в наградные списки явно превысило численность реального караула в памятную ноябрьскую ночь; приказ по полку от 18 ноября требовал от офицеров, «чтоб оные ведомости были поданы справедливые» и включали только тех, кто действительно был на посту.⁹⁴

Одновременно были восстановлены на службе и повышены в чине «за арест» семеновцы М.Сабуров, Д.Мерлин, С.Левашов, А.Булгаков и преобразенцы И.Протопопов, Н.Голицын, А.Лосев, П.Головин, В.Измайлов. Они, очевидно, были уволены при регенте, но не попали в застенки — их имена не проходят по делам Тайной канцелярии.⁹⁵ Побывавшие же «в катских руках» (А.Яковлев, П.Ханыков, М.Аргаматов, И.Путятин, И.Алфимов и др.) именным указом были реабилитированы и прошли специальную церемонию «возвращения чести».⁹⁶

Некоторым из них открылась карьера: П.Грамотин стал директором канцелярии Антона-Ульриха в ранге подполковника, а А.Вельяминов-

Зернов — генерал-адъютантом принца. А.Яковлев получил чин действительного статского советника, М.Семенов стал ассессором в Коллегии иностранных дел, Х.-Г.Манштейн — полковником расквартированного в столице Астраханского полка; капитаны В.Чичерин и Н.Соковнин пожалованы в секунд-майоры Семеновского полка.⁹⁷ Засидевшийся в поручиках П.Ханыков сумел наконец получить «через чин» звание капитана. Недавно прибывший в Россию паж герцога Брауншвейгского Карл Фридрих Иероним Мюнхгаузен теперь благодарил Антона-Ульриха за производство в лейтенанты состоявшего под командой принца Кирасирского полка.⁹⁸

Начался дележ имущества поверженного регента. Уже 11 ноября 1740 г. вчерашний подследственный капитан В.Чичерин и ассессор Тайной канцелярии Н.Хрущов получили указание составить опись конфискованного имущества Бирона, а на следующий день Манштейн изъясил его бумаги.⁹⁹ В тот же день Кабинет послал указ лифляндскому генерал-губернатору П.П.Ласси об охране 120 «амптов и мыз» Бирона с ежегодным доходом в 78720 талеров.¹⁰⁰ «Дело» герцога включает огромный список его гардероба и домашней утвари (в «бывшем доме бывшего Бирона» зубочистки и даже ночной горшок были из чистого золота), теперь интенсивно раздававшихся; но даже в 1759 г. еще сохранялись не розданные «бионовские пожитки», которыми интересовались придворные Елизаветы.

Анна проявила внимание к конфискованным драгоценностям семьи Бирона.¹⁰¹ Герцог Антон отказался от конюшни регента, переданной поэтому для продажи всем желающим;¹⁰² внесенные в опись имена герцогских кобылиц — Нерона, Нептуна, Лилия, Эперна, Сперанция, Аморета — как будто подтверждают ходившее мнение о том, что к лошадям Бирон относился с большим расположением, чем к людям. Фельдмаршал Миних за «отечеству ревностные и знатные службы» получил 100 тысяч рублей, дом арестованного Бисмарка (дом Густава Бирона был отдан Миниху-младшему) и серебряный сервиз весом в 21 пуд.¹⁰³

Бывшему регенту пришлось провести в заключении три месяца, прежде чем его начали допрашивать. Но приговор был уже предreshен: 30 декабря на заседании Кабинета Бирона лишили даже имени (арестанта отныне было велено именовать Бирингом) и постановили сослать в Сибирь. В январе 1741 г. специальная команда подпоручика Жана Скотта отправилась строить в Пельме дом для ссыльного; в деле Бирона сохранился даже его чертеж, заботливо сделанный бывшим военным инженером Минихом.¹⁰⁴ Принц Антон признавался, что Бирон не такой уж страшный преступник, но простить его нельзя: это будет означать «порицание правительницы»; к тому же все равно герцог уже лишен герцогства, а имущество его конфисковано.¹⁰⁵

Главное обвинение, предъявленное «бывшему герцогу», звучало риторически: «Почему власть у его императорского величества вами была отнята и вы сами себя обладателем России учинили?»¹⁰⁶ На него же была возложена ответственность и за болезнь Анны Иоанновны, и за подготовку ее «завещания», и за указы в адрес родителей императора «с великим сердцем, криком и злостью», и за брань в адрес «коронованных глав»

и самого римского папы и даже за ... безбожие. Следователи во главе с генералом Г.П.Чернышевым приписали Бирону и желание «самому овладеть престолом», что якобы доказывалось его стремлением выдать дочь замуж за одного из немецких принцев.¹⁰⁷

Бирон в первое время заключения пал духом, но к началу допросов в феврале 1741 г. оправился и отвечал на вопросы с достоинством, хотя это и было непросто. Ему пришлось опровергать обвинения в преступно небрежном отношении к здоровью Анны Иоанновны и подробно рассказывать, как ему приходилось отговаривать ее от верховой езды или «ее величеству докучать, чтобы она клистир себе ставить допустила, к чему ее склонить едва было возможно».

Столь же твердо он объяснял, что избрание в регенты состоялось усилиями советников Анны, а он лишь в конце концов дал свое согласие. Свергнутый временщик заявил, что не имел никаких «шпионов» при дворе, за исключением сына Миниха; настаивал на том, что напрасно никого не арестовывал и «до казенного ни в чем не касался». В ответ на обвинение в «обидях» и «разорениях» он попросил представить обиженных его «несытством», чего комиссия сделать не смогла. Свои переговоры с послами Бирон уверенно объяснял заботой «о российской славе».¹⁰⁸

«Обличительными» фактами для следователей послужили прежде всего заявления темпераментного герцога в отношении своих противников. Бирон признал высказанные им угрозы в адрес гвардии, обещание вызвать из Голштинии маленького внука Петра I, брань в адрес принца Антона; не смог он опровергнуть и тот факт, что дата на «Завещании» Анны поставлена задним числом.¹⁰⁹ Поскольку герцога обвиняли по статьям 2-й главы Соборного Уложения 1649 г. (умысел на «государское здоровье» и попытка «Московским государством завладеть») и петровского «Военного артикула», то ему была обеспечена смертная казнь. Правительница еще в январе прямо «понуждала» к «скорейшему окончанию дела» судей, в числе которых находились подвергавшиеся аресту по распоряжению Бирона майор гвардии Н.Соковнин и секретарь А.Яковлев.¹¹⁰

В материалах следствия есть пробелы (во всяком случае, вопросы к герцогу и ответы на них приведены не полностью), в «экстракте» упомянуты разные даты подписания «Завещания» — 16 и 17 октября 1740 г. Судьи не стали углубляться в дело даже тогда, когда А.П.Бестужев-Рюмин на очной ставке отказался от части своих показаний против регента. Зато следователи сумели собрать богатый «компромат» на Миниха, чему в немалой степени способствовал сам Бирон; но в итоге его же обвинили в «потакании» и «дружестве» фельдмаршалу.

Объявились имущественные претензии к вчерашнему всемогущему временщику. В.К.Третьяковский жаловался на невыдачу ему возмещения за публичные оскорбления со стороны казенного А.П.Вольнского. За побои «изнурившемся на лечение» придворному поэту пожаловали 720 рублей — вдвое больше его годовой зарплаты. Иск к Бирону предъявили и Академия наук за взятые герцогом бесплатно книги, и отдельно академик Крафт, требовавший платы за обучение детей регента математике. Герцог, как настоящий вельможа, расплачиваться не спешил: в его следственном

деле сохранился список долгов башмачнику, парикмахеру, портному, часовщику, столярам, придворному гайдуку, «турке» Исмаилу Исакову и даже 1099 рублей долга собственному камердинеру Фабиану.¹¹¹

Вместо Я.П.Шаховского генерал-полицеймейстером был назначен петербургский вице-губернатор Ф.В.Наумов. Генерал-прокурора Н.Ю.Трубецкого отправили на несколько месяцев в Ригу описывать тамошние владения регента. Однако репрессий в адрес «выдвиженцев» регента не последовало: Шаховской остался на службе в полиции, а Трубецкой в мае 1741 г. вернулся к исполнению своих обязанностей генерал-прокурора. Но на первое место в государстве выдвинулся Миних.

Будучи способным военным инженером и средней руки полководцем, фельдмаршал совершенно не обладал качествами, необходимыми не только первому министру, но и вообще государственному деятелю. Солдафонская прямолинейность и честолюбие в сочетании с полнейшей бесцеремонностью отличали его даже на фоне не слишком щепетильных в этом смысле персон той поры. Оправившись от свалившей его на время болезни (сам он был уверен, что его отравили), новый правитель перебрался в дом Бирона и развернул активную деятельность.

Сосредоточив в своих руках руководство армией (в качестве подполковника первого гвардейского полка, президента Военной коллегии, командующего полками ландмилиции, директора Кадетского корпуса, начальника Инженерного корпуса), Миних потребовал себе форменный «патент» на звание «первого министра», добился назначения в «свою» коллегию вице-президента, а себе — переводчиков для работы с иностранной корреспонденцией. Распорядился он и об указе о «нетребовании» с себя никаких отчетов по расходам на строительство Ладожского канала. Штат нового министра состоял из 30 человек: адъютантов, денщиков, секретарей, канцеляристов и прочих служителей. Своих адъютантов Миних пожаловал новыми чинами; родственники — Менгдены — и Манштейн получили за услуги земельные владения. Другую свою «креатуру», полковника Андрея Фенина, первый министр приставил к Анне Леопольдовне в должности рекетмейстера.¹¹² Саму принцессу он держал под неусыпным до неприличия контролем: «Не только непрерывно являлся к правительнице и ни на минуту не оставлял ее одну, но даже статс-дамам не позволялся вход в покой, где находилась правительница», — отмечал Шетарди.

К лицам, вызвавшим его неудовольствие, министр был беспощаден. В бумагах Бирона обнаружили давнишние доносы генерал-майора Г.Иксуля, подозревавшего, что Миних при осаде в 1733 г. Гданьска намерено дал уйти из города несостоявшемуся польскому королю Станиславу Лещинскому. Узнав об этом, разгневанный фельдмаршал немедленно принес формальную жалобу (с точным переводом оскорбительных для его чести писем) и распорядился об аресте Иксуля и предании его военному суду, в состав которого сам подбирал судей.¹¹³

Не получив желанного звания генералиссимуса, Миних надумал стать герцогом Украины; только почтительные уговоры сына заставили его отказаться от этого намерения. Рассказавший об этом эпизоде Манштейн (в принципе, вполне лояльный по отношению к своему командиру) не

скрывал того, что Миних просто не умел сдерживать своего желания властвовать. Он игнорировал принятые нормы письменного обращения к высшему по рангу генералиссимусу Антону-Ульриху и не сообщал тому никаких важных дел, помимо формальных запросов по чиновничьему производству, несмотря на прямые приказания Анны Леопольдовны.¹¹⁴

Фельдмаршал вторгся и в сферу Остермана, руководимую им уже 15 лет; его подпись появляется на бумагах Кабинета, отправляемых в Коллегию иностранных дел, — например, о замещении вакансий дипломатического персонала. В письме в Париж к Антиоху Кантемиру Миних подчеркивал, что именно по его распоряжению русский посол получил «подарок» в 20 тысяч рублей. Осыпанный почестями, обласканный вниманием коронованных особ Миних быстро потерял чувство реальности. По сообщению Шетарди, фельдмаршал настолько бесцеремонно вел себя с правительницей, что она откровенно боялась своего «спасителя». Анна жаловалась саксонцу Линару, что Миних не исполняет ее собственных приказаний, «а вместо того делает распоряжения противные».

Уже в конце ноября 1740 г. Шетарди отметил, что под Миниха подкапываются Остерман и генерал-фельдцейхмейстер принц Л. Гессен-Гомбургский. В январе 1741 г. саксонский посол докладывал об объединенных усилиях всех «важнейших особ» придворного круга (Остермана, Головкина, Левенвольде) в борьбе с влиянием первого министра.¹¹⁵ В феврале английский посол Финч уже писал о «заговоре» против Миниха во главе с его основным противником Остерманом.

Растущая изоляция Миниха в правительстве привела к неожиданным для фельдмаршала последствиям. Не успел он получить патент на звание первого министра, как уже 28 января 1741 г. вышел именной указ Кабинета, создававший новую конфигурацию верховной власти. Согласно этому документу, дела Кабинета впервые распределялись «по департаментам»: «первому министру» Миниху отводилось руководство лишь его же военным ведомством, да и по этим делам он должен был «рапортовать» Антону-Ульриху; генерал-адмирал Остерман сохранял контроль над внешнеполитической сферой, а канцлеру Черкасскому и вице-канцлеру М. Г. Головкину оставались «внутренние дела по Сенату и Синоду и о государственных по Камер-коллегии сборах и других доходах». Отныне уполномоченные главы «департаментов» имели право самостоятельно рассматривать относящиеся к их компетенции дела и представлять проекты решений по ним в «общее собрание» Кабинета за своей подписью. Этот же указ предполагал назначение «известных дней» для «общего рассуждения» министров.¹¹⁶

Решительно урезавший полномочия первого министра указ как будто бы имел и более серьезную цель: кажется, впервые после 1730 г. в нем прозвучало забытое стремление отойти от обычая, при котором «персоны управляют законом», к несколько более строгому порядку принятия важнейших решений. Прерогативы самодержца не подвергались умалению, но предполагалось известное разделение полномочий министров и их индивидуальная ответственность за предлагаемые решения; намечалось разграничение полномочий Кабинета и других учреждений: дела,

«не касающиеся» и «ненадлежащие» до верховной власти, предписывались «отрешить» и решать их в соответствующих ведомствах.

Можно предполагать, что инициатором принятия столь важного акта стал опытный администратор — Остерман, который в данном случае отчасти предвосхитил план создания императорского совета Н. И. Панина в 1762 г. Однако Остерман ни в коей мере не обладал «бойцовскими» качествами, и наметившаяся тенденция не получила развития в короткое правление Ивана Антоновича. Главные действовавшие при дворе лица восприняли ее прежде всего как обычную интригу против зарвавшегося «верховного визиря», как это понял Антон-Ульрих.¹¹⁷

Муж правительницы попытался действовать самостоятельно и распорядился двинуть несколько полков по направлению к Риге. Согласно мемуарам фельдмаршала, это событие и вызвало его просьбу об отставке, которой предшествовали упреки со стороны Анны Леопольдовны: «Вы всегда за короля Пруссии». «С этого дня, — вспоминал Миних, — великая княгиня стала оказывать мне дурной прием, и так как я не мог помешать тому, чтобы двинуть войска в сторону Риги, то попросил отставку, которая была мне дана сначала немилостиво».¹¹⁸

В мемуарах фельдмаршал выставлял себя «старым солдатом», принципиально несогласным с опасными планами австрийской дипломатии и идущей у нее на поводу правительницы. Тем интереснее сочинение Миниха-сына, передававшее его разговоры с австрийским послом: он объяснял маркизу Ботта все невыгоды отставки отца, который «внутренно никогда не отдален был австрийскому дому способствовать, ... немного стоило бы труда преклонить его на то, ибо он коль скоро однажды даст свое слово, то всегда оное сдержат старается; но что касается до графа Остермана, у него обещать и сдержат две вещи различные».¹¹⁹

Запоздалый торг и упреки были не в состоянии изменить положение бывшего первого министра; но в главном младший Миних оказался прав. С устранением первого министра внешнеполитический курс страны принципиально не изменился: для Остермана первостепенное значение имел не столько конфликт в Центральной Европе, сколько неуклонно ухудшавшиеся отношения со Швецией.

Анна и стоявшие за ее спиной советники решились на увольнение Миниха, хотя явно опасались предприимчивого фельдмаршала. Не случайно «оглашение» об отставке зачитывалось в столице под барабанный бой — так общено объявлялось об очередной опале и ссылке (за это сенаторам пришлось перед Минихом извиняться).¹²⁰ Третьего марта 1741 г. во все гвардейские полки был послан приказ, как и в 1727 г. в отношении Меншикова: отныне «исполнения не чинить» любым исходящим от Миниха распоряжениям; причем в его собственном Преображенском полку все ротные командиры представили письменные рапорты о доведении этого приказа до своих солдат.¹²¹ Опальный министр потерял реальную власть (т.е. командование гвардией) столь же легко, как и Меншиков; в самой гвардии эта акция также никаких волнений не вызвала.

Несколько месяцев спустя на допросах арестованных в ходе нового переворота семеновский майор Василий Чичерин показывал о получе-

нии им приказа Анны Леопольдовны: подобрать 10 человек переодетых гренадеров, поставить их наблюдать за домом Миниха и, как только отставной министр «поедет со двора своего инкогнито не в своем платье, то б его поймать и привести во дворец». Слежка продолжалась до тех пор, пока Миних не переехал от опасной близости с дворцом на Васильевский остров.¹²²

Трудно сказать, была ли отставка демонстративным жестом обиженного министра или рассчитанным шагом оказавшегося в изоляции политика. Однако человека, впервые осуществившего захват верховной власти военным путем, «ушли» вполне по-европейски: получив приказ об отставке, бывший первый министр просил о сохранении (и сохранил) — своей движимой и недвижимой собственности, в том числе «маетностей» и фабрик на Украине; его сын остался обер-гофмейстером. Фельдмаршал получил ежегодную пенсию в 15 тысяч рублей,¹²³ бывал при дворе и даже не потерял окончательно расположения правительницы, несмотря на все опасения, вызываемые его неумным честолюбием.

Чем был обусловлен этот первый и единственный в истории России до эпохи Екатерины II случай «цивилизованного» разрешения политического конфликта в «верхах»? Скорее всего — особенностями сложившейся ситуации: неуверенностью самой правительницы и отсутствием единства в ее окружении. Таким образом, очередная «переворотная» ситуация разрядилась относительно спокойно; но отставка Миниха несколько не устранила источников противоречий и напряженных отношений в правительстве.

«Анна Вторая»

В ноябре 1740 г. регентшей стала «благочестивая государыня великая княгиня Анна, правительница всея России». Суждения о правительнице Фридриха II и Миниха не слишком благосклонны, что неудивительно, поскольку особой благодарности они к ней испытывать не могли. Еще более резким выглядит приговор С.М.Соловьева: «Не одеваясь, не причесываясь, повязав голову платком, сидеть бы ей только во внутренних покоях с неразлучною фавориткою, фрейлиною Менгден». Этот образ в дальнейшем стал традиционным для характеристики правления Анны.¹²⁴

Однако свидетельства неплохо знакомых с Анной и не имевших к ней политических претензий лиц представляют правительницу многим более симпатичной: «Поступки ее были откровенны и чистосердечны, и ничто не было для нея несноснее, как толь необходимое при дворе притворство и принуждение, почему и произошло, что люди, приобывшие в прошлое правление к грубейшим ласкательствам, несправедливо почитали ее надменною и якобы всех презирающею. Под видом внешней холодности была она внутренне снисходительна...

Приятнейшие часы для нее были те, когда она в уединении и в избраннейшей малочисленной беседе проводила, и тут бывала она сколько вольна в обхождении, сколько и весела в обращении. Дела слушать и решить не скучала она ни в какое время, и дабы бедные люди способнее

могли о нуждах своих ей представлять, назначен был один день в неделю, в который дозволялось каждому прошение свое подавать во дворце кабинетскому секретарю. Она знала ценить истинные достоинства и за оказанные заслуги награждала богато и доброхотно... Многих основательных требовалось доводов, пока она поверит какому-либо впрочем и несомненному обвинению. Для снискания ее благоволения нужна была больше откровенность, нежели другие совершенства. В законе своем была она усердна, но от всякого суеверия изъята. Обращение ее было большею частью с иностранными, так что некоторые из чужестранных министров каждодневно в приватные ее беседы приглашались ко двору... До чтения книг была она великая охотница, много читала на обоих упомянутых языках [немецком и французском. — *И.К.*] и отменный вкус имела к драматическому стихотворству. Она мне часто говаривала, что нет для нее ничего приятнее, как те места, где описывается несчастная и пленная принцесса, говорящая с благородной гордостью», — это описание принцессы дал ее обер-гофмейстер Эрнст Миних, сын фельдмаршала.¹²⁵

«Сострадательное и милосердное сердце правительницы устремилось к облегчению участи несчастных, пострадавших под грозным деспотизмом Бирона как в регентство его, так и в государственование Анны Иоанновны. Каждый день просматривала она дела о важнейших ссыльных, предоставив Сенату облегчить судьбу прочих... Такое прекрасное вступление в правление, доказывая превосходство сердца правительницы, долженствовало бы предвещать благополучную участь самой великой княгини. Но в книге судеб предначертан был ей жребий самый злополучный», — так охарактеризовал Анну неизвестный автор примечаний к запискам Манштейна.¹²⁶

По мнению самого Манштейна, «Россия никогда не управлялась с большей кротостью, как в течение года правления великой княгини. Она любила оказывать милости, и была, по-видимому, врагом всякой строгости. Она была бы счастлива, если бы домашнее ее поведение было так же хорошо, как в обществе, и если бы она слушалась советов умных людей, не привязываясь так к своей любимице».¹²⁷

Нетрудно убедиться: и отрицательные, и положительные характеристики принцессы сходятся в том, что Анна Леопольдовна как-то не вполне вписывалась в окружавший ее придворный мир с его этикетом, интригами, развлечениями. Она умела при случае проявить характер; пренебрежение условностями светской жизни и стремление замкнуться в кругу близких людей составило ей репутацию «дикой» и «надменной» принцессы. «Великая охотница» до книг и «драматического стихотворства» должна была выглядеть белой вороной среди дам 30-х гг. XVIII в.: в этом кругу чтение стало модным несколько десятилетий спустя.

Эти особенности личности Анны отразились и на ее портретах. С полотно придворного живописца Л.Каравакка гордо и чуть-чуть брезгливо смотрит холодная красавица в роскошном серо-голубом платье с андреевской звездой. На портрете И.Я.Вишнякова Анна совсем другая: в черном кресле сидит женщина в оранжевом платье с белой косынкой на плечах и повязкой на голове. Правительница позирует живописцу одетой по-домашнему, без всяких официальных атрибутов; выглядит явно уста-

ло и старше своих 22 лет. И во взгляде, и в позе Анны ощущается какая-то напряженность; кажется, что ей неуютно и беспокойно.

Анне было присуще милосердие — не самое типичное качество для придворных нравов той эпохи. Свидетельства мемуаристов о пересмотре приговоров предшествовавшего царствования подтверждаются документально. Девятого декабря 1740 г. правительница потребовала к себе дело Волынского, а 29 декабря Тайной канцелярии было предписано подать «экстракты» обо всех ссыльных в годы правления Анны Иоанновны.¹²⁸ В январе следующего года туда же поступило разъяснение, что дела и «по первым двум пунктам» подлежали пересмотру, а осужденные — снисхождению.¹²⁹ Такой милости по отношению к государственным преступникам практика тогдашней российской юстиции не знала.

В последующие месяцы Тайная канцелярия бесперебойно подавала требуемые экстракты, а с мест приходили запрошенные сведения, из которых следовало, что в Оренбурге имелось 108 ссыльных, в Архангельске — 29, на заводах — 49 человек и в Иркутске — 331.¹³⁰ Высочайшие резолюции по ним нередко отменяли или существенно смягчали наказание. Одними из первых освобожденных ссыльных стали сын и дочь казненного А.П.Волынского, возвратился из Сибири «консультант» князя Д.М.Голицына Генрих Фик, вернулись уцелевшие после репрессий Голицыны и Долгоруковы; всего же были освобождены 69 человек, проходивших по процессам 30-х гг.¹³¹ В Тайную канцелярию попадали и в это время, но всего за год было сослано только 40 человек «подлого звания».¹³² Интенсивность ее работы в 1741 г. заметно снизилась, и по столице ходили слухи о предстоявшей ликвидации этого заведения.

Указы Анны и ее резолюции на делах, поступивших к правительнице через Сенат и другие учреждения, показывают, что она правила на редкость милостиво. Правительница разрешила подданным строить каменные здания по всей империи (после знаменитых петровских запретов) и отменила с них взыскание недоимок в размере 142963 рублей 5 1/2 копеек; подлежавшим смертной казни за совершенные преступления «инородцам» даровала впредь амнистию при условии крещения.¹³³

Правительница продолжила традицию земельных и денежных раздач. Больше всех (1 тысяча душ) получила вдова Ивана Долгорукова. Награды нашли и участников неудавшегося заговора против Бирона в октябре 1740 г. — Л.Пустошкина, И.Алфимова, И.Мячкова; капитан П.Ханыков стал, наконец, помещиком «средней руки» — обладателем 284 душ из владений «бывшего Меншикова» в Пошехонском уезде.¹³⁴

В январе 1741 г. правительница подтвердила важный для дворянства указ 1736 г. об отставке после 25-летней выслуги, исполнение которого «генерально остановилось», и охотно предоставляла отпуска и даже увольнения от службы. В числе прочих отставных был отпущен с майорским чином несчастный шут Анны Иоанновны — князь М.В.Голицын-Квасник. Сохранившиеся протоколы Сената упоминают множество именных указов правительницы; до самого конца правления Анны такие «милостивые» распоряжения (иногда даже по несколько в день) жаловали чины, освобождали от штрафов и «начетов», объявляли помилование.¹³⁵

Порой к правительнице «прорывались» челобитные с самого «низа» — например, прошение прихожан Гавриловской слободы Суздальского уезда или слезная просьба «лакейской жены» Авдотьи Карповой — в ответ на нее принцесса велела московскому главнокомандующему С.А.Салтыкову выдать просительнице 200 рублей.¹³⁶ Через близкую к ней жену вице-канцлера М.Г.Головкина Анна жаловала деньги монастырям. Была исполнена и просьба служившего при Кунсткамере «монстра» Петра Воробьева о выдаче ему — о чем еще мог мечтать состоящий на российской имперской службе монстр? — «мундира против бывших монстров».¹³⁷ Анна даже проявляла инициативу: вероятно, по ее просьбе Кабинет запросил Сенат и комиссия по составлению Уложения, «до которых лет малолетние от пытки... увольняюцца».¹³⁸

Перекрещенная лютеранка отменила ограничения при пострижении в монахи и фактически проведенную в 1740 г. секуляризацию церковных владений: «заопределенные» вотчины, управлявшиеся Коллегией экономии, были возвращены архиерейским домам и монастырям.¹³⁹ Как и в предыдущее царствование, правительство стремилось поддержать спокойствие в столице: были установлены твердые цены на продовольствие под контролем полиции.¹⁴⁰

Одиннадцатого ноября 1740 г. Остерман набросал план действий новой правительницы: первым делом дать инструкции российским послам в Европе, прежде чем в места их аккредитации придет информация «от чужестранных министров»; самих же иностранных дипломатов надлежало официально известить о перевороте. Для предотвращения сбоев в работе государственной машины надо было немедленно утвердить все «милостивые указы» Бирона и издать распоряжение об «отправлении дел по прежним указам и регламентам». Кроме того, Остерман советовал принцессе сразу же взять к себе «малиновую шкатулу» с письмами покойной императрицы и распорядиться о захвате бумаг регента,¹⁴¹ что было осуществлено исполнительным Манштейном.

Для Анны Леопольдовны была составлена Остерманом и более обширная записка на немецком языке, содержащая перечень важнейших задач текущей и перспективной политики.¹⁴² Опытный министр подчеркнул достоинства правительницы (ее любовь к правосудию, «врожденное милосердие» и «страх Божий»); затем он рекомендовал 22-летней великой княгине лично не менее 4 дней в неделю собирать заседание «Совета» с участием не только членов Кабинета, но и представителей Сената, Военной коллегии, Синода. Но и мнениям специалистов не стоит, однако, слепо доверять: правительнице придется самой «все выслушивать и все исследовать».

Остерман наметил для Анны целую программу преобразований: прежде всего — составить, наконец, описание государственных доходов и расходов, разобраться с недоимками, для этого провести новую ревизию-перепись; «истребить» легковесные медные пятаки. Для улучшения работы администрации необходимо было составить новые штаты и увеличить жалование служащим.

Министр осторожно предлагал некоторые новшества: не стоит ограничивать срок пребывания на своем посту воевод двумя годами, чтобы

они не «прокладывали запрещенные пути» в целях быстрого обогащения; кабаки разумнее не сдавать на откуп, а передавать в городское управление. С целью повышения доходов Остерман предлагал начать экспорт уже вполне конкурентоспособного русского оружия и ввести свободную торговлю с Китаем; для укрепления боеспособности армии — регулярно проводить смотры дворян-помещиков и поощрять не пользовавшуюся популярностью службу на флоте. Завершал записку внешнеполитический раздел, где опытный дипломат советовал избегать тесного сближения с какой-либо державой, а прежде всего — преследовать «свои особенные фундаментальные выгоды».

Первые шаги правительницы свидетельствуют о проведении этих советов в жизнь. Все «милостивые указы» Бирона были подтверждены новыми актами — за исключением проведения рекрутского набора и наград сторонникам курляндца.¹⁴³ Специальным указом «регентина» подчинила себе Тайную канцелярию, повелев ее доклады «подавать прямо нам, а не в Кабинет».¹⁴⁴ 27 ноября 1740 г. Анна разрешила подданным подавать ей по субботам жалобы на работу коллегий и Сената: эти затянувшиеся дела «имеют быть самими нами рассматриваны и решены»; впрочем, тут же, осознав неразрешимость такой задачи, правительница издала более реалистичный указ об учреждении при Сенате специальной комиссии для решения неоконченных дел.¹⁴⁵

После объявления указа о производстве дел в присутственных местах «без всякой волокиты», ограничивавшего срок рассмотрения 6 месяцами, последовали другие шаги в этом направлении. Пятого января 1741 г. все учреждения обязывались представить в Сенат сведения о своих расходах для составления новых штатов. Позже с этой целью повелевалось всем учреждениям подать в Сенат ведомости о чиновниках I-VII классов для составления «генерального именного списка».¹⁴⁶ Сенат должен был ежемесячно отправлять в Кабинет рапорт о приходе и расходе казенных денег. Еще несколькими днями позже последовало требование представить ведомость накопившимся недоимкам.¹⁴⁷ Распорядилась Анна и о подсчете своих собственных доходов по дворцовому хозяйству. Из поданного 10 февраля 1741 г. реестра правительница узнала, что является хозяйкой 385488 душ, проживавших в дворцовых волостях; познакомилась с их управляющими и суммой недоимок.¹⁴⁸

На первых порах Анну Леопольдовну можно было упрекнуть в чем угодно, только не в лени. Неплохо сохранившиеся — благодаря стараниям Елизаветы «арестовать» историю страны в период правления своей предшественницы — материалы Кабинета содержат сотни резолюций правительницы. «Наверх» пошла затребованная информация, началось составление штатов целого ряда коллегий, почти завершена была первая («судная») книга нового кодекса законов. Были подготовлены «работные регулы» мастеровым на суконных фабриках с подробным описанием распорядка рабочего дня (с 9.00 до 20.00 по специально установленным песочным часам), ставок зарплаты и методов борьбы с «несунами» — «фабричными ворами».¹⁴⁹ В январе 1741 г. Анна утвердила образцы новых монет с портретом сына в римской тоге и лавровом венке.¹⁵⁰

Правительнице — «Анне Второй» — уже посвящал свои оды Ломоносов: «Тобою наш Российской свет

Во всех землях как крин цветет...¹⁵¹

Однако вскоре попытки преобразований в системе управления замерли без энергичного побуждения, — как, например, работа над новым Уложением. За год члены специальной комиссии так и не смогли довести до конца «судную» главу нового кодекса. Кабинет составил «экстракт о сочинении окладной книги», где перечислил все предыдущие указы по этому вопросу с 1732 г.,¹⁵² но самой книги по-прежнему не было: Сенат так и не получил с мест ведомости об окладных и неокладных государственных доходах.

В конце правления Анны Камер-коллегия в очередной раз признала, что, хотя в Московской губернской канцелярии «секретарь и приказные служители содержатся под караулом, скованы без выпуска, а из оной де губернской канцелярии письменно объявлено: за згорением де в губернской канцелярии дел и ведомостей и за неприсылкою Московской провинции из городов тех требуемых ведомостей сочинить вскорости никак не можно».¹⁵³ Понизилась и без того не слишком высокая собираемость налогов: в 1740 г. недоимка по подушной подати определялась Военной коллегией в 672545 рублей, а в 1741 г. — 1571128 рублей, что составляло треть от общей суммы сбора.¹⁵⁴

Знакомство с перечнем актов правления Анны Леопольдовны в ПСЗ показывает, как с каждым месяцем они «мельчают». Инициативы первых дней и принятие доставшихся в наследство от прежнего режима законов (утверждение «Устава о банкротстве» в декабре 1740 г.) сменяются с весны 1741 г. все более частными распоряжениями: об определении «грузинцов» в грузинские гусарские полки, о нормах усушки и утруски провианта, расширении переулков на Васильевском острове, количестве лошадей для выезда разных рангов чиновников (генерал-фельдмаршалу полагается 12, а поручику — только одна), строении Царскосельской дороги...

По-видимому, сделанные «заявки» оказались не по плечу правительнице, «одаренной умом и здравым рассудком» (по мнению Финча), но не обладавшей ни компетентностью, ни жестким волевым напором. Дела императорского Кабинета показывают, что Анну буквально захлестнул поток документов — и обычных докладов по делам центральных учреждений, и вызванных ее же распоряжениями о пересмотре дел по Тайной канцелярии или подаче сведений по финансовым вопросам.

Вот только одна из многих бумаг: поступивший от Остермана доклад (едва ли не им же и составленный в духе упомянутой выше записки) сообщал, что в пределах Российской империи население обслуживают 1324 городских кабака и 763 уездных, большая часть которых отдается «на вере» городским обывателям. Полную сумму продажи установить невозможно, поскольку не менее 300 тысяч рублей в год «остается в пользу партикулярных людей» из-за неучтенного производства на частных винокурнях и тайной («корчемной») продажи. Искоренить же корчемство, как следовало из доклада, невозможно: доносчики страдали при методах тогдашнего следствия и не желали доносить, а «корчемников» спасали от

наказания высокопоставленные лица, сами являвшиеся крупнейшими винокурами и реализовывавшие на рынке тысячи ведер в свою пользу. В итоге спрашивалось: не умножить ли число казенных винокуренных заводов (но так, чтобы при этом не снижалась казенная цена вина при продаже) и не запретить ли ввоз импортной водки в Россию (но чтобы при этом потребители могли рассчитывать на качественный товар)?¹⁵⁵

Что могла ответить на эти вопросы 22-летняя принцесса, обладавшая только «благородной гордостью»? А ведь одновременно ей надо было постигать тонкости дипломатии в европейском «концерте», разбираться в цифрах налогового обложения, назначать поставщиков мундирного сукна и позволять Военной коллегии эксперимент: давать кавалерийским лошадям сено «с убавкою» в 4 фунта, чтобы выяснить, «могут ли лошади... таким числом сена довольны быть».¹⁵⁶ Она же должна была решать, стоит ли отдавать казенную смолу для реализации в Англии «в комиссию» голландским негодьям Пельсам; что отвечать на настойчивые просьбы о помощи «венгерской королевы» Марии-Терезии; разрешать ли иностранным купцам закупать хлеб в России. Из тех же бумаг Остермана 1741 г. следовало, что общие военные расходы страны составляли 4500746 рублей, а недоимки с 1724 г. достигли такой же величины; что денег, как обычно, не хватало, и Штатс-контора по-прежнему была в долгах перед другими ведомствами.¹⁵⁷

По-видимому, Анна довольно быстро «сломалась». До последних дней осени 1741 г. она формально исполняла свои обязанности; но действовать самостоятельно или настоять на выполнении принятых решений уже не могла и большей частью просто утверждала предлагаемые ей решения резолюцией «Быть по сему» или «Так». При отсутствии «хозяина» снижается административная и законодательная активность власти: в январе 1741 г. было выпущено 96 указов, в феврале — 62, в марте — 43, и этот уровень сохранялся до осени.¹⁵⁸

Несомненно, на «угасание» деятельности нового правительства повлияла и очередная беременность Анны: 17 июля 1741 г. подданных известили о рождении великой княжны Екатерины Антоновны. Забота матери о двух младенцах должна была отнимать известное время; к ней прибавлялись хлопоты по устройству собственного двора и апартаментов, обязательные приемы, празднества, аудиенции иностранным послам. В мае 1741 г. Анна утвердила свой придворный штат из 517 человек. Принцесса сменила духовника, начала строительство нового Летнего дворца, а в Зимнем устроила отдельный кабинет младенца-императора, где помещалась его дубовая колыбелька (весом 33 пуда) и уже были заготовлены «печатные книжки».¹⁵⁹

Миних-старший вспоминал, что Анна не раз говорила ему: «Я хотела бы, чтобы мой сын был в таком возрасте, когда мог бы царствовать сам». Другие мемуаристы-современники также отмечали, что Анна стремилась искать необходимое ей спокойствие и уют в узком кругу близких ей лиц: в апартаментах любимой фрейлины Юлии Менгден собирались за партией в карты Финч, маркиз Ботта, саксонский посол граф Линар и брат фельдмаршала Христиан-Вильгельм Миних. Однако душевные разговоры в

интимном кругу оборачивались попытками дипломатов «подключить» Россию к разгоравшемуся в Европе конфликту.

Австрийское «наследство» и шведский реванш

Пока в Петербурге праздновали, 16 декабря 1740 г. войска Фридриха II вторглись в австрийскую Силезию и захватили большую часть этой провинции. Намечавшееся нарушение баланса сил не могло произойти без участия России, и все заинтересованные стороны стремились повлиять на позицию петербургского двора.

Остерман продолжал переговоры с Финчем о союзном договоре с Англией. В это же время в Петербург срочно прибыл адъютант прусского короля и свойственник Миниха Винтерфельт с целью, по свидетельству Манштейна: «сделать все возможное, чтобы отвлечь первого министра от венского двора и не щадить ничего для переговоров по этому важному делу», что подтвердил в своих мемуарах Фридрих II.¹⁶⁰

Главным плодом усилий прусской дипломатии стало заключение 16 декабря 1740 г. союзного договора с Россией, предусматривавшего оказание взаимной помощи в случае войны (кроме конфликтов России с Турцией, Крымом и Ираном) и сохранение status quo в Курляндии и Польше. В свое время Анна Иоанновна отказалась от подобного договора, не желая давать Пруссии гарантий на владение новоприсоединенными княжествами Юлих и Берг. Ныне же Россия обязалась не заключать противных Пруссии по этим спорным территориям соглашений, что в некоторой степени ставило русскую дипломатию на защиту прусских интересов.¹⁶¹ Но главное было не в этом: в момент заключения договора Россия оказалась в положении страны-союзницы обеих воюющих держав, каждая из которых имела право на ее поддержку.

Манштейн (сочинявший свои мемуары уже на службе у прусского короля) перечислял: «Госпожа Миних получила от короля кольцо, украшенное крупным бриллиантом, ценностью в 6 000 рублей. Сын фельдмаршала получил 15 тысяч ефимков [талеров. — И.К.] чистыми деньгами и право на пользование доходами с майората в Бранденбурге, называемого Бюген. Король Фридрих-Вильгельм подарил его князю Меншикову, затем им владел герцог Курляндский и, наконец, его получил граф Миних».¹⁶² Таким образом, можно, пожалуй, говорить о складывании традиции «наследственных» владений российских временщиков за границей в качестве гарантии их внешнеполитических симпатий.

Миних-младший категорически заявлял, что фельдмаршал отказался от предложенных ему денег и «вотчины Биген», а сам он согласился их принять только с согласия Анны Леопольдовны. Однако иностранные дипломаты сомневались в бескорыстии фельдмаршала, а австрийский резидент Гогенгольд даже грозил разрывом дипломатических отношений. Однако подоспевший посол Вены маркиз Ботта решил действовать не кнутом, а пряником: привез Миниху титул графа, а его сыну — орден Белого Орла. Императрица Мария-Терезия обещала первому министру графство Вартенберг на территории Силезии.¹⁶³

Прусский король, в свою очередь, приказал своему послу сделать все, чтобы «завоевать фельдмаршала», и для этого отпустил «кредит» в размере 100 тысяч экю. Самому Миниху и его «последующему потомству как по мужской, так и по женской линии» Фридрих II обещал, кроме уже названной «вотчины Биген», то же самое графство Вартенберг в уже захваченной его войсками Силезии.¹⁶⁴

Конечно, внешнеполитические решения определялись не только честолюбием Миниха. Союз с Пруссией был намечен еще Бироном, который дал письменные полномочия Кабинету министров на заключение этого договора, подтвержденные Анной Леопольдовной.¹⁶⁵ Заграничные владения фельдмаршал получал, действительно, с формальной санкции правительства и Кабинета.¹⁶⁶ Но, пожалуй, впервые за расположение министров империи шла такая откровенная торговля. Отставка Миниха не облегчила положения, поскольку обозначилась угроза России со стороны Швеции, правящие круги которой при поддержке Пруссии и Франции собирались взять реванш за поражение в Северной войне.

Неспокойно было и на южных границах: иранский шах Надир в декабре 1740 г. захватил Хиву и Бухару, а весной следующего года повел свою армию в Дагестан. Резидент П.Калушкин передавал из ставки Надира, что грозный завоеватель движется к российским границам и — по его публичным заявлениям — то собирается дойти до Царицына, то высказывается, что «ис такого завоевания пользы не будет, понеже во всей России более казны расходуется, нежели собирается».¹⁶⁷ Однако уже в марте 1741 г. Кабинет обсуждал меры на случай движения персидского войска на Астрахань и кандидатуру чрезвычайного посла в Иран.¹⁶⁸

В условиях намечавшейся изоляции Остерман выступал в пользу заключения союзного договора с Англией, переговоры о котором тянулись уже давно. Однако англичане упорствовали в ключевом для русской дипломатии вопросе о немедленной помощи России своим военным флотом.

Новый кабинет-министр граф Михаил Гаврилович Головкин, судя по сохранившимся бумагам Кабинета, считал себя знатоком по части иностранных дел: он подавал рассуждения о том, как принимать турецкого посла, какие назначения проводить в дипломатические миссии; полагал, что договор с Фридрихом можно не выполнять, а текст его сообщить австрийскому резиденту. В отличие от Миниха, Головкин был сторонником Австрии. В его документах после ареста были обнаружены проекты «тайной конвенции» с Марией-Терезией; граф даже предлагал в марте 1741 г. создать коалицию Польши, Саксонии и России, ввести в Пруссию войска и затем ее «на воеводства разделить».¹⁶⁹

Подобные планы не могли вызвать у осторожного Остермана иных чувств к их автору, кроме сильнейшей антипатии, тем более что Головкин был весьма неуживчив. Финч отзывался о новом министре критически: «Смесь гордости, невежества и самодовольства»; Шетарди сообщал, как Головкин жаловался Антону на Остермана, что не мешало ему ссориться и с герцогом.¹⁷⁰ Иностранцы воспринимали графа в качестве вождя «русской партии», противника Остермана, несмотря на то, что союзником Головкина выступал ... австрийский посол маркиз Ботта.¹⁷¹

В итоге российская дипломатия в 1741 г. не имела четко определенной позиции. Русским послам в Дрездене и Вене приходилось оправдываться за заключение союза с Пруссией. Послу в Берлине предписывалось заявить о недопустимости агрессивных действий короля в Силезии.¹⁷² Но и оказывать помощь старому союзнику не спешили. В январе кабинет-министры пришли к выводу: «Наше государство не в таком состоянии находится, чтоб в чужие места помощь давать, потому что оно многого внутреннего поправления требует». К тому же необходимо было «принять в рассуждение шведов, шаха Надира, да и контайшинского владельца, которые того и смотрят, чтоб Россия каким-либо образом себя обнажила и при первом случае какое нападение австрийцам было однозначно заявлено, что Россия «одна не в состоянии королеву венгерскую сутенировать».¹⁷³

В дальнейшем, несмотря на постоянные просьбы о помощи и даже личное обращение Марии-Терезии, инструкции русскому послу в Вене отмечали только плохую подготовку австрийских войск и желание австрийцев «на одних своих союзников навалить» тяжесть войны.¹⁷⁴ Остерман допускал участие России в конфликте только при вступлении в боевые действия ганноверской армии английского короля вместе с датскими, гессенскими и саксонскими войсками.¹⁷⁵

На переговорах с Августом III и Фридрихом II русские дипломаты как будто искренне верили миролюбивым заявлениям прусского короля и желаниям «саксонского дома» прийти на помощь Австрии. Миних-старший указал в мемуарах, что правительница согласилась на участие в австро-саксонско-российском союзе против Пруссии; но в итоге он так и не был заключен.¹⁷⁶ Российская и австрийская дипломатии в конце концов проглядели образование антиавстрийской коалиции с участием Саксонии, Баварии и Франции. Заключенный в июне 1741 г. франко-пруссский союз предусматривал обязательство Франции толкнуть Швецию на войну с союзницей Австрии. Договор был выполнен: 8 августа 1741 г. Швеция объявила войну России, а французская армия в том же месяце перешла Рейн.

В это время в Петербурге борьба карьер и амбиций проходила на фоне чередовавшихся празднеств, хотя вице-канцлер М.Г.Головкин настолько не был уверен в силах своей армии, что предлагал строить редуты близ Петербурга. 12 августа отмечался день рождения императора, 13 августа праздновали обручение саксонского посланника графа Морица Линара и фрейлины Юлии Менгден; 12 августа состоялся торжественный прием турецкого посла с последующей «экскурсией» в Петергоф, где знатного гостя поили кофе в Монплеzure, а его свиту «из потаенных под землю фанталов водою немало помочило».¹⁷⁷ Затем последовали день рождения принца Антона (17 августа), бал по случаю тезоименитства императора (29 августа), праздник ордена Св. Александра Невского (31 августа), тезоименитство Елизаветы (5 сентября).

Беспрерывные празднества скрывали неуверенность правительства и напряженную ситуацию в столице. 17 августа принц Антон сообщал Финчу о попытках поджога Арсенала.¹⁷⁸ На следующий день генерал-поли-

цеймейстер Ф.В.Наумов известил Сенат о поимке человека, пытавшегося поджечь Гостиный двор; следствие с многократными пытками установило, что этим занимался не шведский агент, а костромской крестьянин Дмитрий Иванов с целью пожить во время пожара.¹⁷⁹ По докладом генерал-полицеймейстера Сенат постановил распределить драгунские команды по районам Петербурга в виде постоянных постов и разъездов.¹⁸⁰

Непосредственная угроза столице скоро была ликвидирована. Собранный 20 августа «воинский консилиум» действующей армии единодушно решил атаковать противника; в конце августа шведские войска потерпели поражение в Финляндии, но складывать оружие Швеция не собиралась. Торжественный прием персидского посольства не мог снять опасений за безопасность южных рубежей страны. Притязания Надира на Дагестан заставили Кабинет и Военную коллегию готовить к обороне Астрахань и Кизлярскую крепость, но принять под покровительство просивших об этом горских владетелей Дагестана Петербург так и не решился.¹⁸¹

В ходе начавшейся войны правительство столкнулось еще с одной проблемой. Вторгшийся в русские пределы шведский отряд стал оставлять воззвание главнокомандующего К.Левенгаупта к «достохвальной русской нации» о предстоящем освобождении от тирании «министров-иностранцев» и избрании законного и справедливого правительства. Манифест вызвал смущение в правящем кругу, задетом выпадами против «чужестранных»; шведское правительство стало распространять этот документ и в других европейских странах вместе с прочими пропагандистскими материалами, наполненными «мерзостными и ругательными экспрессиями».¹⁸²

Голландские «газетиры» на всякий случай просили у российской миссии опровержения, а потом печатали вместе и те и другие материалы — к затруднению дипломатов, которые ничего не могли поделать с вольными издателями.¹⁸³ Прусские «ведомости» «разглашали» о мнимых шведских успехах и помещали сообщения, что русский флот якобы заперт в Кронштадте, а «в России во всех местах бунт произошел».¹⁸⁴ Правительству пришлось рассылать через дипломатические миссии специальные «приложения», представлявшие шведов как «варваров и диких паганян», начавших войну без всяких причин, да еще вступивших в союз с «наследным врагом христианского имени» — турками.¹⁸⁵

Договор с Англией был заключен еще в апреле, но с его ратификацией не спешили по причине разногласий в российских «верхах». Остерман признавал «весьма сумнительной» английскую помощь, но все же считал необходимым избегать на этой почве конфликта и не пересматривать не слишком выгодный русской стороне торговый договор 1734 г. А.М.Черкасский видел в сложившейся ситуации основным союзником Данию; от англичан он считал необходимым немедленно потребовать денег, как это было предусмотрено договором в случае невозможности посылки английской эскадры. Головкин категорически высказывался против ратификации и даже после четырех заседаний министров по этому вопросу в октябре 1741 г. остался при своем мнении, потребовав внести вопрос «к высочайшему рассмотрению».¹⁸⁶

В это время в Лондоне сочли, что внутренняя нестабильность режима освобождает их от условий только что заключенного союза. Сначала Финч передал русскому двору, что его правительство предлагает изменить условия договора и согласно предоставить только денежную субсидию (вместо присылки своей эскадры на Балтику), а затем — согласно полученным из Лондона инструкциям — отказал и в уплате денег. Остерману пришлось вынести унижение со стороны «союзника», но договор правительница все же ратифицировала в ноябре 1741 г.¹⁸⁷

Среди друзей принцессы быстро выделился саксонский граф Линар, который в свое время был под благовидным предлогом отослан от русского двора. В 1741 г. правительница была уже свободна от опеки и не слишком стеснялась в проявлении своих чувств. Это позволило Миниху-старшему изложить в своих записках все придворные сплетни о новом (точнее старом) увлечении Анны: «Она часто имела свидания в третьем дворцовом саду со своим фаворитом графом Линаром, куда отправлялась всегда в сопровождении фрейлины Юлии... и когда принц Брауншвейгский хотел войти в этот же сад, он находил ворота запертыми, а часовые имели приказ никого туда не пускать... Летом она приказывала ставить свое ложе на балкон Зимнего дворца; и хотя при этом ставили ширмы, чтобы скрыть кровать, однако со второго этажа домов соседних с дворцом можно было все видеть».¹⁸⁸

Зоркость фельдмаршала можно было бы объяснить обстоятельствами его отставки; но опубликованные С.М.Соловьевым письма принцессы содержат ее не менее красноречивые признания в адрес галантного красавца: «Целую Вас и остаюсь вся ваша».¹⁸⁹ Анна — в духе нравов времени — помолвила своего поклонника в августе 1741 г. с наперсницей-фрейлиной и произвела его в кавалеры высшего российского ордена Андрея Первозванного. В апартаментах принцессы висел портрет графа; сам он, в свою очередь, позволял себе публично выговаривать правительнице Российской империи: «Вы сделали глупость».¹⁹⁰ В результате вице-канцлеру империи Остерману и генералиссимусу Антону Брауншвейгскому приходилось решать сложную внешнеполитическую задачу: заставить австрийских министров повлиять на саксонского курфюрста и польского короля Августа III, чтобы тот отозвал из Петербурга и из постели правительницы Линара.¹⁹¹

«Брожение во внутренних делах»

Так охарактеризовал ситуацию при российском дворе английский посол Финч. Подобные оценки будут встречаться и у других дипломатов вплоть до конца недолгого царствования Ивана III.

Фактически главным членом Кабинета оставался Остерман, старавшийся привить принцессе представления об обязанностях правителя и ввести ее в курс государственных дел. Но Остерман и по характеру, и по манере действий не мог быть лидером, открыто выдвигать свои предложения и брать на себя ответственность. В глазах других сановников и подчиненных он выглядел хитроумным и двоедушным интриганом; даже

секретарь Сергей Семенов на вопрос, что ему известно о планах его шефа, заявлял: министр «человек хитрой и скромной, и не только ему, но и другим никому ни о чем знать никогда не давал».¹⁹²

Помимо упомянутых выше документов, Остерман и позднее подавал Анне докладные записки: по вопросам внешней политики, о разделении Сената на 4 департамента и, как сам упоминал на следствии, о преимущественном награждении «российских природных» подданных.¹⁹³ Но, видимо, регентша не вполне доверяла «хитрому и скромному» министру: ему она ничем не была обязана (в отличие от Миниха); к тому же Остерман покровительствовал принцу Антону, отношения с которым у правительницы становились все более напряженными.

Принц, как «Отца отечества отец» (по выражению Ломоносова), завелся своим придворным и военным штатом; после отставки Миниха он реально возглавил военное ведомство, но был не прочь играть более активную роль и в гражданском управлении. Он в какой-то степени овладел русским языком (во всяком случае, подписывался по-русски), стал посещать Сенат, задумал частичные реформы в гвардии.

К сожалению, эти попытки не нашли освещения в соответствующей главе обстоятельной биографии Антона-Ульриха.¹⁹⁴ Материалы же Военной коллегии показывают, что принц добросовестно исполнял свои обязанности по руководству армией, хотя приходилось ему нелегко. Как обычно, не хватало на жалование денег, которые не поступали в Военную коллегию, несмотря на неоднократные указы и даже посылку «нарочных». Накануне войны результаты очередного набора показали, что рекруты «малорослы, слабы, дряблы, а другие слепые и хромые».¹⁹⁵ Как и Анне, ее мужу пришлось иметь дело с потоком челобитных, адресуемых столь «великой персоне» разнообразными корреспондентами.

Однако власть генералиссимуса была весьма ограниченной: его деятельность определялась присылаемыми от имени императора указами регентши; все просьбы о производстве в штаб-офицерские ранги и награждении «деревнями» он направлял на усмотрение Кабинета и правительницы, ей же посылал и доклады по всем делам подчиненных ему полков гвардии (включая не только назначения, но и заготовку фуража и шитье мундиров), на которых Анна накладывала резолюции.¹⁹⁶

Принц подавал проекты более серьезных преобразований — например, восстановления созданной при Петре I военной администрации с полковыми дворами, несмотря на все ее «непорядки». Подстрекал герцога к активным действиям отставной Миних, который на одном из торжеств во всеулышание произнес вдруг тост за «соправителя», вызвавший недоумение присутствовавших дипломатов.¹⁹⁷ Особенно обострились отношения принца с Анной по поводу фавора Линара. В ответ правительница позволяла себе откровенно игнорировать права супруга, а порой ставила генералиссимуса на место: манифест о победе русских войск над шведами под Вильманстрандом, напечатанный от имени Антона-Ульриха, был изъят и заменен новым — от имени императора.¹⁹⁸

Анна нашла себе союзника в лице М.Г.Головкина. Граф сумел, благодаря своей жене Е.И.Ромодановской (приходившейся двоюродной тет-

кой правительнице), стать одним из самых близких к «регентине» людей. На следствии после воцарения Елизаветы ему вменяли в вину, что он очень часто поутру был у принцессы на приеме, «а по полудни почти всегда». Долго находившийся не у дел граф стремился наверстать упущенное и подавал рассуждения и представления на самые разные темы: о рекрутах, беглых крестьянах, продаже леса за границу и т.п. Именно Головкина современники связывали с проектами изменения завещания Анны Иоанновны и передачи короны самой правительнице.

Не терял надежд на возвращение к власти и Миних, чьей заступницей была не терпевшая Остермана фрейлина и лучшая подруга Анны Леопольдовны Юлиана Менгден, состоявшая с бывшим первым министром в близком родстве.

При таком раскладе наладить сколько-нибудь серьезное сотрудничество среди окружавших принцессу лиц было мудрено. На какое-то время всех объединила оппозиция Бирону, и в отношении судьбы бывшего регента особых разногласий не было.

8 апреля 1741 г. был составлен приговор о четвертовании «бывшего герцога». Как и ожидалось, он был заменен помилованием и ссылкой в Пелым. 14 апреля был опубликован манифест, где бывший регент сравнивался с цареубийцей Борисом Годуновым, а его утверждение у власти объяснялось тем, что Бог «восхотел было всю Российскую нацию паки наказать... бывшим при дворе ее императорского величества обер-камергером Бироном». Беспомощность официальных идеологов была очевидной: причины, сделавшие курляндского фаворита императрицы орудием Божьего промысла, как и вызвавшие небесный гнев грехи всей нации, никак не разъяснялись. Не говорилось и об угрозе возвести на престол голштинского принца: упоминание дополнительных претендентов было нежелательным. Зато подробно перечислялись прочие «вины» курляндца (в том числе и не подтвердившиеся на следствии): будто бы он украл «несказанное число» казенных денег, «наступал на наш императорского величества незлобивый дом», подавал «вредительные» советы.¹⁹⁹ После оглашения приговора окончивший свою миссию носитель божьей кары отправился вместе с семейством в Сибирь под конвоем 74 гвардейских солдат и офицеров.

Одновременно от имени императора появилось «Объявление» о персонах, способствовавших утверждению Бирона регентом: Минихе, Черкасском, Трубецком, Ушакове, Куракине, Головине, Левенвольде, Бреверне, Менгдене, т.е. почти обо всей российской верхушке, за исключением Остермана. Перечень их прегрешений завершался объявлением о прощении.²⁰⁰ Трудно сказать, насколько публичное обвинение первых сановников в государственной измене могло упрочить положение новой власти. Неисполнение обязанностей и поддержка главного преступника (Бирона) могли любого из перечисленных вельмож превратить в подсудимого; но, с другой стороны, никакого существенного обновления в правящем кругу не последовало, что могло только укрепить уверенность его представителей в безнаказанности своих действий или бездействия.

Вообще «кадровая» политика эпохи принцессы Анны не отличалась последовательностью. Правительница не сменила командиров гвардии, за исключением арестованного Г.Бирона и уволенного Миниха.²⁰¹ На своем посту остался клеврет Бирона преображенский майор И.Альбрехт, донесший на секретаря Анны Леопольдовны М.Семенова камергер А.М.Пушкин был назначен в Сенат. Остался при дворе и финансовый советник Бирона «обер-гофкомиссар» Исаак Липман, предупреждавший, как полагали, своего хозяина о перевороте. Правительница по-прежнему пользовалась услугами опытного «придворного еврея», поставлявшего новой хозяйке драгоценности и товары с Лейпцигской ярмарки.²⁰²

Других деятелей и «выдвиженцев» Бирона сначала даже повышали чином, а потом — снимали с должности, как президента Академии наук К.Бреверна, обер-прокурора Сената И.И.Бахметева. Возможно, был прав Миних-младший, когда утверждал, что правительница «почитала многих людей с так называемым счастливым лиц расположением и судила большей частью по лицу о душевных качествах человека».

При этом списки генералов и штаб-офицеров армии 1741 г. не дают оснований утверждать о каких-то преимуществах иноземцев или о стремлении «брауншвейгских» правителей назначать на ответственные посты «немцев». Единственным генерал-аншефом стал при Анне М.И.Леонтьев; из 4 произведенных генерал-лейтенантов «немцем» был только П.Ф.Балк; из 5 генерал-майоров — А.Беренс и В.Бриммер; при этом, за исключением генерал-адъютанта Балка, все произведенные были старыми служаками, не связанными с придворными «коньектурами».²⁰³ Решение о победоносном для русской армии Вильманстрандском сражении в августе 1741 г. принял военный совет, шесть из восьми участников которого во главе с главнокомандующим П.П.Ласси были «немцами».

Перемены в системе центрального управления ограничились устранением Миниха из Военной коллегии и назначением двух новых президентов Ревизион-коллегии (Н.С.Кречетникова) и Камер-коллегии (Г.М.Кисловского). Из назначенных Анной президентов и вице-президентов коллегий (К.Принценстерн, М.Т.Раевский, Б.И.Бибилов) только один был «немцем», к тому же давно находившимся на русской службе²⁰⁴ (см. Приложение, Таблица 1).

На местах перемен было больше (см. Приложение, Таблица 2): новые губернаторы и вице-губернаторы появились в 6 губерниях. Однако эти назначения трудно считать целенаправленной сменой кадров: новые должности не являлись для назначенных опалой, большинство из них сохранили свои посты (кроме попавшего под следствие за соращение собственной дочери А.П.Баскакова) и после нового дворцового переворота 1741 г. Правительницу и здесь трудно упрекнуть в особом пристрастии к иноземцам. Все назначенные в 1741 г. губернаторы (М.И.Леонтьев, А.Г.Загряжский, А.П.Баскаков, В.Н.Татищев, А.А.Оболенский, И.А.Шипов, главнокомандующий на Украине И.И.Бибилов), за исключением рижского вице-губернатора Х.Вилдемана, были русскими.

Как уже говорилось, чиновники высшей администрации империи не могли пожаловаться на пренебрежение их заслугами. Помимо отмечен-

ных выше награждений, президент Юстиц-коллегии И.Ю.Трубецкой, вице-президент Вотчинной коллегии А.Г.Комынин, генерал-рекетмейстер Ф.А.Щербатов, руководители Сысского приказа (Я.И.Кропоткин), Ямской канцелярии (Ф.В.Сухова-Кобылин), Канцелярии от строений (И.Г.Микулин), новгородский вице-губернатор А.Ф.Бредихин стали действительными статскими советниками. Следующие военные или статские чины получили и другие губернаторы и вице-губернаторы — А.Оболенский, Д.Друцкий, Л.Соймонов, С.Гагарин, П.Аксаков. Все они продолжили службу и после переворота.

Но раздачи чинов и должностей не всегда создавали для Анны надежную опору. Пострадавшие при Бироне (майоры Семеновского полка В.Чичерин, Н.Соковнин), действительный статский советник А.Яковлев, генерал-лейтенант М.С.Хрущов служили ей верно, и карьера большинства из них прервалась с новым переворотом. Но командиры гвардейских полков (Измайловского — И.Гампф, Конногвардейского — Ю.Ливен и П.Черкасский, Преображенского — П.Воейков) в ноябре 1741 г. не только не выступили в защиту правительницы, но ревностно выполняли все приказы Елизаветы, как и некоторые другие «назначенцы» Анны — ее камер-юнкер И.О.Брылкин, ставший обер-прокурором Сената, и сменивший Я.П.Шаховского на посту главы полиции Ф.В.Наумов.

Состоявшиеся назначения были, по-видимому, не всегда продуманными. Так, в сентябре 1741 г. определенные в Сенат А.М.Пушкин, Я.П.Шаховской, П.С.Салтыков, А.Д.Голицын выражали свое недовольство новыми обязанностями и тем, что с ними не советовались перед назначением.²⁰⁵ Сама Анна, в отличие от Бирона, ни разу не удосужилась посетить Сенат.

Общего количества повышений за год правления Анны нам установить не удалось, но ясно, что оно измерялось сотнями. Только по подготовленным Герольдмейстерской конторой к подписанию спискам новопожалованных в чины статского советника и выше 17 и 22 сентября 1741 г. их оказалось 127.²⁰⁶ Но всегда ли щедро даримые милости были уместны? Вопреки мнению Военной коллегии правительница пожаловала в генерал-майоры бригадира С.Ю.Караулова — участника всех войн и походов 10–30-х гг.²⁰⁷ Но одновременно она сделала следующий шаг к возвышению придворных чинов: при ней обер-гофмейстер был приравнен к генерал-лейтенанту, камергер — к бригадиру, камер-юнкер — к полковнику.²⁰⁸

Новые правители явно не умели выбирать помощников и удерживать сторонников. Еще в январе 1741 г. был уволен по прошению в отставку А.Яковлев, в марте получили отставку капитаны П.Ханыков и И.Алфимов, вслед за ними ушел со службы только что ставший полковником и придворным Анны Л.Пустошкин — все те, кто осенью 1740 г. шли на риск ради брауншвейгского семейства.

Рядом с безвинно пострадавшими награды получали любимая фрейлина Юлиана Менгден и ее родственники: им были пожалованы доходные посты и «мызы» в Прибалтике.²⁰⁹ Другим же не доставалось ничего — без ответа осталась поданная в августе 1741 г. челобитная не пользовав-

шегоса доверием правительницы генерал-прокурора Н.Ю.Трубецкого: вельможа жаловался на бедность, имея на 7 детей и 3 «пасынков» всего 2 тысячи душ, и просил наградить его «деревнями». ²¹⁰ Вместе с боевыми офицерами чины и награды давались придворным кофишенкам, лакеям и кухеншрейберам, да и просто по знакомству; так получил звание лейтенанта знаменитый впоследствии корнет и барон Мюнхгаузен. ²¹¹

Наказаний же избежали не только вдова Екатерина Кожина, обвиненная в умышленном убийстве незаконнорожденного ребенка, но и скупщики краденого, пойманные на подлогах чиновники Адмиралтейства и петербургской воеводской канцелярии, енисейский воевода-взяточник М.Полуэктов и ошельмованный растратчик, бывший лейтенант флота И.Чириков. ²¹² К тому же окружавшие Анну лица умело использовали массовые награждения для продвижения по службе «своих» людей, «не взирая на старшинство» (в чем признавались на следствии Миних и М.Г.Головкин). Произвольные повышения — через 1 и даже 2 ранга — нарушали сложившиеся традиции чинопроизводства. Не случайно после нового переворота 1741 г. одним из первых актов правительства Елизаветы стал указ о соблюдении порядка повышения чинами «по старшинству и заслугам». ²¹³

Мардефельд в июле 1741 г. резюмировал плоды «милостивой» политики правительницы: «Нынешнее правительство самое мягкое из всех, бывших в этом государстве. Русские злоупотребляют этим. Они крадут и грабят со всех сторон и все-таки крайне недовольны, отчасти потому, что регентша не разговаривает с ними, а отчасти из-за того, что герцог Брауншвейгский следует слепо советам директора его канцелярии, некоего Грамотина, еще более корыстного, чем отвратительный Фенин, бывший секретарь Миниха». ²¹⁴ Едва ли добавило Анне популярности и ее увлечение графом Линаром — слишком уж он напоминал только что свергнутого Бирона.

К тому же придворные милости едва ли ощущались на улице. Летом 1741 г. полиция заставляла торговцев продавать мясо по вывешенным на специальных таблицах ценам; проблемы стоимости и качества продовольствия обсуждались на заседаниях Кабинета министров. Однако при обычной зарплате неквалифицированных рабочих в 7–9 рублей в год даже «государственные» цены (четверть ржаной муки — 1 рубль 70 копеек; пуд говядины — 50–60 копеек) были слишком высокими для них. ²¹⁵ Полиция, как при Анне Иоанновне, брала с обывателей штрафы за поломку «линейных берез», клеймила хомуты извозчиков (в качестве регистрации официального промысла) и «с крайним прилежанием» ловила нищих — но по личному распоряжению правительницы освободила протестантские кирки и их служащих от тяжелой повинности мостить улицы.

Большой и «малый» фаворитизм, отсутствие твердого курса внутренней и внешней политики приводили к расстройству работы и без того несовершенного аппарата. Милости доставались не всем: иные пробившиеся на «верх» челобитчики по распоряжениям из Кабинета правительницы попадали под плети за жалобу на помещика или за подачу прошения «через голову» необходимых инстанций. Принятые решения не

исполнялись — так, остались на бумаге «Регламент и работные регулы» для рабочих суконных фабрик (против них выступали фабриканты, недовольные ограничением своих прав), — или сменялись противоположными.

В ноябре 1740 г. Анна отменила намеченный Бироном рекрутский сбор; но уже в декабре вышел указ о призыве 20 тысяч человек; в январе и сентябре 1741 г. последовали новые наборы. ²¹⁶ В нарушение положения о подушной подати сверх нее с инородцев и черносошных крестьян стали собирать хлеб на довольствие армии. ²¹⁷ Подготовленное генерал-прокурором Н.Ю.Трубецким назначение новых прокуроров было отменено без объяснения причин — скорее всего, по проискам Остермана, на следствии оправдывавшего этот шаг бюрократическим аргументом: «От прокуроров в делах остановка». Несостоявшиеся прокуроры дружно били челом о скорейшем определении к делам; правительнице в срочном порядке пришлось решать, куда назначить 36 оставшихся без жалования чиновников, притом так, чтобы новыми должностями не обидеть их перед «прочей братъею». ²¹⁸

«Все идут врозь», — характеризовал деятельность правительства в октябре 1741 г. Шетарди, и такие же отзывы о русском дворе давал его коллега и соперник Финч. ²¹⁹ В донесениях той поры дипломаты сообщали, что Анна при поддержке М.Г.Головкина выступает против своего мужа и руководившего его действиями Остермана, которого даже обвиняли в замысле посадить на трон принца Антона. Головкин стремился создать в Кабинете противовес Остерману в лице осужденного вместе с Бироном, но уже возвращенного из ссылки А.П.Бестужева-Рюмина. ²²⁰ В результате этих склок принц Антон фактически потерял всякое влияние. Остерман чувствовал недоброе. Он предупреждал Анну — ему не верили; с отчаяния он даже просился в отставку — но, впервые в своей практике, не успел...

По наущению Головкина (что он признал на следствии) и любимой фрейлины Анна решила, наконец, изменить свой неопределенный статус и издать новый акт о престолонаследии. Она лично у себя в спальне дала указание действительному статскому советнику И.Н.Тимирязеву подготовить два манифеста: «Один в такой силе, что буде волей Божиею государя не станет и братьев после него наследников не будет, то быть принцессам по старшинству; в другом напиши, что ежели таким же образом государя не станет, чтоб наследницею быть мне». ²²¹ Из доноса канцеляриста Дронова следует, что окончательная редакция этих документов принадлежит М.Г.Головкину. ²²² Первый проект провозглашал по уже опробованной формуле («по усердному желанию и прошению всех наших верных подданных») наследницей престола младенца Иоанна III «нашу любезнейшую государыню мать». Второй передавал престол дочерям (уже имевшейся Екатерине и будущим), а в случае их смерти — матери. ²²³

Очевидно, Анна понимала, что такое «домашнее» правотворчество в важнейшем для государственного устройства вопросе может вызвать возмущения. В специальной записке (адресованной, вероятно, Остерману) она выразила пожелание скорее «зачать» дело с Головкиным, а также обсудить этот вопрос с А.М.Черкасским и новгородским архиепископом

Амвросием.²²⁴ Первого ноября 1741 г. был подготовлен проект секретного указа Кабинету о выработке условий, каким образом новый порядок престолонаследия «в действо произвести»: стоит ли передать престол сразу матери или сначала дочерям — и можно ли ограничиваться детьми лишь от данного супружества (из чего следует, что Анна в конце 1741 г. рассматривала свой брак с Антоном как явление временное).²²⁵

Сохранился перевод с немецкого протокола такого совещания А.И.Остермана, М.Г.Головкина, новгородского архиепископа Амвросия Юшкевича и А.М.Черкасского, состоявшегося 3—4 ноября 1741 г. Протокол, несомненно, составлен страдавшим от подагры Остерманом: автор упоминал о том, что его периодически выносили в другую комнату «для известной моей болезни».

Документ свидетельствует, что участники совещания отнюдь не спешили принять решение и в итоге обратились за советом к тому же Остерману. Осторожный министр склонялся к тому, что «потребно наследство именно утвердить и на принцессе, сестре императорские», не упоминая о передаче престола матери. Амвросий настаивал, чтобы Анна Леопольдовна правительствовала «с полной самодержавной властью», но поддержки не получил. Судя по данному протоколу, главный инициатор воцарения Анны М.Г.Головкин особой настойчивости также не проявлял и предлагал даже отложить совещание на неопределенное время. На следующий день присутствовавшие согласились распространить право наследования на сестру императора. Вопрос о воцарении матери остался открытым.²²⁶

Очевидно, единства в данном вопросе среди советников правительницы не было, и Остерман подвел итог трехдневному совещанию: «Всяк из них хотел о том деле у себя дома подумать». Но каких-либо следов дальнейшего обсуждения проблемы престолонаследия не сохранилось.

Правда, Мардефельд и Манштейн сообщали вскоре после вступления на престол Елизаветы, что ее соперница собиралась объявить себя императрицей ко дню своего рождения 7 декабря 1741 г.²²⁷ Затем — уже в XIX в. — знаменитый эмигрант П.В.Долгоруков столь же определенно указывал, что был подготовлен специальный манифест о коронации Анны Леопольдовны 6 декабря 1741 г.²²⁸ Однако в числе дошедших до нас документов последних дней правления Ивана Антоновича, связанных с проблемой престолонаследия, подобного акта не обнаружено. По-видимому, окончательное решение так и не было принято за три недели, оставшиеся до нового переворота.

Анна могла бы быть королевой в Англии — как ее тезка, царствовавшая там в 1702—1714 гг. при ожесточенной борьбе партий тори и виггов, но в иной, более устойчивой политической системе. Но роль правительницы России оказалась молодой принцессе явно не по плечу. Несомненно, на отношении к ней сказалось патриотическое чувство против «засилья» немцев, хотя, как нам кажется, степень его распространения несколько преувеличена, следуя историографической традиции XIX века. Проще говоря, нам неизвестно, так ли уж сильна была неприязнь к правлению Иоанна III и его матери у чиновников, офицеров, купцов и прочих обывателей; устойчивые симпатии к Елизавете, очевидно, проявля-

лись лишь у «старой» гвардии, которая к тому времени уже вполне осознала свои возможности и стала выходить из-под контроля.

Успех переворота 1741 г. объясняется, конечно, не только тем, что протодушную регентшу удалось обмануть. Она оказалась непригодной для созданного Петром I политического режима, в котором все нити и рычаги были замкнуты на ключевой фигуре императора без какого-либо разделения прав и обязанностей с другими институтами власти. Юная правительница «не подошла» сложившейся системе управления не вследствие своего легкомыслия — Анна Иоанновна и Елизавета были не более компетентными; но она допустила такой уровень дезорганизации высших эшелонов власти (непредказуемость решений, появление «нового Бирона», склоки среди главных министров), который уже представлялся опасным для стабильного функционирования самой государственной машины.

Неспособность Анны создать свою «команду» и управлять ею означала, в итоге, такую изоляцию правящей группы, которая привела к успеху «солдатского» заговора Елизаветы, о котором пойдет речь в следующей главе. Потеря инициативы, отсутствие надежной координации деятельности правительства и склоки в нем создали атмосферу неустойчивости и своеобразного вакуума власти. В этих условиях стала созреть очередная дворцовая «революция», завершившая так счастливо начавшееся царствование Ивана III.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Принцесса жаловалась А.П.Волынскому: «Вы, министры проклятые, на это привели, что теперь за того иду, за кого прежде не думала», — пояснив, что ее муж «весьма тих и в поступках не смел». Опытный царедворец разъяснял молодой женщине всю пользу ситуации, когда муж «будет ей в советах и в прочем послушен» (Цит. по: *Соловьев С.М.* Соч. В 18-ти тт. М., 1993. Кн.Х. С.657-658; *Пекарский П.П.* Маркиз де ля Шетарди в России. СПб., 1862. С.11). Проблемы возникли и у принца. Полковник Иван Ликеевич поведал приятелям о том, что медовый месяц молодых начался с конфуза: «Антон Улрих плотского соития с принцессой не имел, и государыня на принцессу гневалась, что она тому причина. И после де того призывали лекарей и бабок, и Улриха лечили. И принцесса де с мужем своим жила несогласно, и она де его не любила, а любила с другими» (РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 5. Ч.3. Л.143). За неуместные подробности Ликеевич был навечно заточен в 1758 г. в Свяжский Богородицын монастырь.

² См.: Внутренний быт Русского государства с 17 октября 1740 по 25 ноября 1741 г. по документам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1880. Кн.1. С.2. Дни его рождения и тезоименитства были вписаны в табель «высокоторжественных дней» в качестве официальных праздничных дат (ПСРВ. СПб., 1911. Т.10. С.29).

³ См.: *Брикнер А.Г.* Падение Бирона // Новое слово. 1895. № 3. С.218.

⁴ См.: Сб. РИО. Т.86. С.85-86.

⁵ Там же. Т.85. С.9.

⁶ См.: РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 312. Л.32.

⁷ Текст записки с комментариями см.: *Хмыров М.Д.* Исторические статьи. СПб., 1873. С.321. Другую ее публикацию см.: АКВ. Кн.24. С.12-36.

⁸ См.: *Щебальский П.К.* Дело о курляндском герцоге Э.-И.Бироне // ЧОИДР. 1862. Кн.1. С.85 отд. паг.; *Перевороты и войны /Христофор Манштейн. Бурхард Миних. Эрнст Миних. Неизвестный автор.* М., 1997. С.300. Первый историк «эпохи дворцовых переворотов» А.-Ф.Бюшинг описывал, как Миних убеждал его в том, что именно Остерман и Черкасский «сделали» Бирона регентом; в то же время сам ученый располагал сведениями, что именно Миних «ночи в одном покое с герцогом Курляндским проводил» (АКВ. Кн.25. С.31).

⁹ См.: *Перевороты и войны.* С. 383. Миних-сын (как выяснило следствие по делу Бирона) исправно докладывал герцогу, что говорят о нем при дворе; и тот «за шпиона его почитал» (РГАДА. Ф.6. Оп.1. № 287. Ч.1. Л.154).

¹⁰ См.: *Брикнер А.Г.* Падение Бирона // Новое слово. 1896. № 4. С.138; *Герман Э.* Царствование Иоанна Антоновича // РА. 1867. №2. С.164.

¹¹ См.: *Левин Л.И.* Российский генералиссимус герцог Антон Ульрих (история «брауншвейгского семейства» в России). СПб., 2000. С.69-70.

¹² См.: *Брикнер А.Г.* Падение Бирона // Новое слово. 1895. № 3. С.223; *Пекарский П.П.* Исторические бумаги, собранные К.И.Арсеньевым // Сб. ОРЯС. СПб., 1872. Т.9. С.228; *Перевороты и войны.* С.439; Сб. РИО. Т.85. С.322-329.

¹³ Второй экземпляр «определения» (без даты) забрал предусмотрительный Остерман (см.: *Пекарский П.П.* Исторические бумаги, собранные К.И.Арсеньевым. С.201).

¹⁴ См.: *Хмыров М.Д.* Исторические статьи. С.325.

¹⁵ См.: *Брикнер А.Г.* Падение Бирона // Новое слово. 1896. № 4. С.139-140; *Перевороты и войны.* С.385. Донесение Пецольда см.: РГАДА. Ф.1292. Оп.1. № 95. Л.679.

¹⁶ См.: *Брикнер А.Г.* Падение Бирона // Новое слово. 1895. № 3. С.216; *Пекарский П.П.* Исторические бумаги, собранные К.И.Арсеньевым. С.166.

¹⁷ См.: *Герман Э.* Указ. соч. С.162.

¹⁸ См.: *Брикнер А.Г.* Падение Бирона // Новое слово. 1896. № 4. С.134; *Есипов Г.В.* Дешети прусского посла при русском дворе барона А. фон Мардефельда. 1740 г. // ДИНР. 1876. № 6. С.199; Сб. РИО. Т.86. С.560. Перевод донесений Гогенгольца см.: РГАДА. Ф.32. Оп.5. № 16. Л.66.

¹⁹ См.: *Есипов Г.В.* Дешети прусского посла при русском дворе барона А. фон Мардефельда. 1740 г. // ДИНР. 1876. № 6. С.199.

²⁰ См.: РГАДА. Ф.177. Оп.2. № 10. Л.9-10.

²¹ См.: Сб. РИО. Т.86. С.568; *Брикнер А.Г.* Падение Бирона // Новое слово. 1896. № 4. С.134.

²² См.: *Пекарский П.П.* Исторические бумаги, собранные К.И.Арсеньевым. С.194. Если верить Мардефельду, то уже тогда, т.е. еще при жизни Анны, регенту присягнули вышедшие чины империи (см.: *Есипов Г.В.* Дешети прусского посла при русском дворе барона А. фон Мардефельда. 1740 г. // ДИНР. 1876. № 6. С.200).

²³ См.: *Брикнер А.Г.* Падение Бирона // Новое слово. 1896. № 4. С.145-146; Сб. РИО. Т.92. С.6, 14.

²⁴ Одновременная смерть Карла VI вызвала общеевропейский конфликт – войну за «австрийское наследство», но внутриполитических потрясений в Австрийской империи не было. Претензии на трон (от имени своей жены – дочери старшего брата Карла VI, императора Иосифа I) выдвинул только курфюрст соседней Баварии Карл-Альбрехт в расчете на поддержку Франции.

²⁵ См.: РГАДА. Ф.248. Оп.17. № 1197. Л.180-180 об.

²⁶ См.: Там же. Ф.197. Оп.1. № 40. Л.1-5.

²⁷ См.: РГВИА. Ф.2584. Оп.1. № 239. Л.283.

²⁸ *Перевороты и войны.* С.392.

²⁹ Манифест о кончине Анны, «Устав» о регентстве и присяга были опубликованы в специальных «Примечаниях на ведомости ч.87 и 88» от 28 октября 1740 г.

³⁰ РГАДА. Ф.6. Оп.1. № 312. Л.30 об.-31.

³¹ См.: *Брикнер А.Г.* Падение Бирона // Новое слово. 1896. № 6. С.26; Сб. РИО. Т.92. С.4.

³² См.: *Есипов Г.В.* Дешети прусского посла при русском дворе барона А. фон Мардефельда. 1740 г. // ДИНР. 1876. № 7. С.282.

³³ См.: РГВИА. Ф.2584. Оп.1. № 239. Л.285. Измайловский полк присягал в этот день на своем полковом дворе (см.: *Хмыров М.Д.* Густав Бирон, брат регента // Оснадацатый век. М., 1869. Кн.П. С.241).

³⁴ См.: РГАДА. Ф.9. Оп.5. № 32. Л.1-11.

³⁵ См.: ПСЗ. Т.ХI. № 8286; Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учебное пособие. М., 1998. С.347-348.

³⁶ РГАДА. Ф.9. Оп.5. № 32. Л.225 об.

³⁷ См.: *Шебальский П.К.* Дело о курляндском герцоге Э.-И.Бироне. С.75 отд. паг.; Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. СПб., 1878. Т.3. С.1, 3; ПСЗ. Т.ХI. № 8263, 8264, 8266, 8278; *Соловьев С.М.* Соч. Кн.ХI. С.10-11,20.

³⁸ См.: Сб. РИО. Т.85. С.340; РГАДА. Ф.9. Оп.5. № 32. Л.49.

³⁹ *Соловьев С.М.* Соч. Кн.ХI. С.11.

⁴⁰ Следственное дело П.М.Ханыкова и других офицеров см.: РГАДА. Ф.6. Оп.1. № 282. Л.1,5 об.,27.

⁴¹ См.: *Соловьев С.М.* Соч. Кн.ХI. С.17-20.

⁴² Цит. по: Там же. С.16.

⁴³ РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 269. Ч.9. Л.91. См. также: *Брикнер А.Г.* Падение Бирона // Новое слово. 1896. № 6. С.27.

⁴⁴ См.: Сб. РИО. Т.85. С.334-335; Т.92. С.41; *Хмыров М.Д.* Исторические статьи. С.329-332; *Есипов Г.В.* Дешети прусского посла при русском дворе барона А. фон Мардефельда. 1740 г. // ДИНР. 1876. № 7. С.285.

⁴⁵ См.: Там же. С.283; Сб. РИО. Т.92. С.17.

⁴⁶ См.: *Шебальский П.К.* Дело о курляндском герцоге Э.-И.Бироне. С.51,57 отд. паг.

⁴⁷ См.: Сб. РИО. Т.85. С.27; *Соловьев С.М.* Соч. Кн.ХI. С.23.

⁴⁸ См.: Памятники новой истории России. СПб., 1872. Т.2. С.311-312.

⁴⁹ См.: РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 269. Ч.9. Л.97-98,100.

⁵⁰ Там же. Ф.6. Оп.1. № 285. Л.7 об.,26-26 об.

⁵¹ См.: Сб. РИО. Т.85. С.339; *Хмыров М.Д.* Исторические статьи. С.333. Показания Бирона на Миниха см.: *Шебальский П.К.* Дело о курляндском герцоге Э.-И.Бироне. С.85-92 отд. паг. Позднее сама цесаревна рассказала Шетарди, что получила от регента 20 тысяч рублей сверх назначенного ей содержания (см.: Сб. РИО. Т.96. С.296-297). После восшествия на престол Елизаветы если и не реабилитировала свергнутого Бирона, то перевела из Сибири в Ярославль и заметно облегчила режим ссылки.

⁵² См.: Сб. РИО. Т.92. С.96-97; *Филитов А.Н.* Неизданный текст записки, представленной императрице Елизавете Петровне бывшим герцогом Эрнестом-Иоганном Биномом // ЖМНП. 1903. № 6. С.347.

⁵³ См.: *Герман Э.* Указ. соч. С.165; *Перевороты и войны.* С.167; *Пекарский П.П.* Исторические бумаги, собранные К.И.Арсеньевым. С.167,171.

⁵⁴ См.: *Брикнер А.Г.* Падение Бирона // Новое слово. 1896. № 6. С.42; *Герман Э.* Указ. соч. С.163; *Есипов Г.В.* Дешети прусского посла при русском дворе барона А. фон Мардефельда. 1740 г. // ДИНР. 1876. № 7. С.285.

⁵⁵ См.: РГАДА. Ф.19. Оп.1. № 182. Ч.1. Л.98.

⁵⁶ См.: Империя после Петра, 1725-1765 / Яков Шаховской. Василий Нащокин. Иван Неплюев. М., 1998. С.30-31.

⁵⁷ См.: РГАДА. Ф.248. Оп.105. № 8286. Л.101 об.,25.

⁵⁸ См.: Там же. Ф.9. Оп.5. № 32. Л.58,80,101,134,189-194,270.

⁵⁹ См.: *Филитов А.Н.* Правительствующий Сенат при Петре Великом и его ближайших премьерах. СПб., 1911. С.501.

⁶⁰ См.: Сб. РИО. Т.85. С.364.

⁶¹ См.: Там же. С.380.

⁶² Цит. по: *Брикнер А.Г.* Падение Бирона // Новое слово. 1896. № 4. С.152.

⁶³ См.: Сб. РИО. Т.85. С.339,362; *Перевороты и войны.* С.305.

⁶⁴ См.: *Брикнер А.Г.* Падение Бирона // Новое слово. 1896. № 4. С.149-150; № 6. С.27-35.

⁶⁵ См.: *Есипов Г.В.* Дешети прусского посла при русском дворе барона А. фон Мардефельда. 1740 г. // ДИНР. 1876. № 7. С.282; *Friedrich II. Politische correspondenz.* Berlin, 1879. Bd.1. S.114.

⁶⁶ См.: *Столюпин В.* Князь Антиох Кантемир в Париже // ВЕ. 1880. № 8. С.605.

⁶⁷ См.: Сб. РИО. Т.92. С.59.

⁶⁸ См.: *Брикнер А.Г.* Падение Бирона // Новое слово. 1896. № 8. С.54.

⁶⁹ См.: *Перевороты и войны.* С.303.

⁷⁰ В мемуарах Манштейна и знакомого с ними Миниха время сдвинуто на сутки, и арест Бирона датируется в ночь с 7 на 8 ноября, что противоречит современным событию датировкам иностранных послов, датам актов нового правительства и приказов по гвардейским полкам.

⁷¹ *Перевороты и войны.* С.169-170. Сообщения о перевороте у Миниха-младшего, Финча и Шетарди весьма близки к приведенному рассказу, что неудивительно, поскольку они получали информацию от самих Манштейна и Миниха-отца (см.: Сб. РИО. Т.85. С.380; Т.92. С.85).

⁷² См.: РГВИА. Ф.393. Оп.12. № 63. Л.39. Семеновский полк и Конная гвардия присягали утром 10 ноября (см.: Там же. № 112. Л.8 об.; Ф.2584. Оп.1. № 239. Л.307 об.-308).

⁷³ См.: *Шебальский П.К.* Дело о курляндском герцоге Э.-И.Бироне. С.28-31 отд. паг. Копия манифеста опубликована С.Д.Шереметевым (см.: ЧОИДР. 1899. Кн.3. С.19-20 отд. паг.). См. также: РГАДА. Ф.9. Оп.5. № 63 (печатный экземпляр на немецком языке). Рукописный лист манифеста был скреплен подписями министров, членов Синода, сенаторов, генералитета, в т.ч. майоров гвардии. Но среди подписей можно встретить имена второстепенных чиновников и офицеров, оказавшихся в тот день во дворце и вместе с манифестом подписавших и новую присягу (см.: РГАДА. Ф.2. Оп.1. № 52. Л.2-7 об.; № 53. Л.1-3 об.).

⁷⁴ Бирон якобы намеревался выдать свою дочь Гедвигу за сына голштинского герцога Фридриха-Карла (см.: *Валишевский К.Ф.* Царство женщин. М., 1989. С.365-366, без ссылок на источник). См. также: *Левин Л.И.* Указ. соч. С.60.

⁷⁵ См.: *Шебальский П.К.* Дело о курляндском герцоге Э.-И.Бироне. С.52 отд. паг.; Сб. РИО. Т.92. С.96.

⁷⁶ См.: РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 269. Ч.10. Л.665.

⁷⁷ См.: *Михневич В.О.* Женское правление и его противники // ИВ. 1882. № 2. С.285-286.

⁷⁸ Шукинский сборник. М., 1903. Вып.2. С.451; 1907. Вып.6. С.29.

⁷⁹ Из материалов для истории и статистики г. Ельца // РА. 1866. №2. С.354. Автор подробного дневника Я.Маркович вымарывал и выдирав из него страницы, посвященные герцогу, а затем и «незаконному правлению» Ивана Антоновича (см.: *Маркович Я.* Дневные записки малороссийского подскарбия генерального Якова Марковича. М., 1859. Ч.2. С.123-124,126,130-131).

⁸⁰ См.: Сб. РИО. Т.85. С.246,342-343,345.

⁸¹ Там же. С.241,248,339.

- ⁸² См.: *Брикнер А.Г.* Падение Бирона // Новое слово. № 6. С.25-27, 35; Сб. РИО. Т.92. С.14,17.
- ⁸³ См.: *Вейдемейер А.В.* Обзор главнейших происшествий в России с кончины Петра Великого до вступления на престол Елизаветы Петровны. СПб., 1835. Ч.3. С.9; *Валлиевский К.Ф.* Царство женщин. С.370. Кажется, эта «декларация» от 27 января 1740 г., в которой Россия обязывалась «негоициями и сильно» поддержать «права саксонского дома о аустрийском наследстве» (о ней см.: АВПРИ. Ф.79. Оп.79/1. 1740 г. № 9. Л.82 об.,146-147), является единственным фактом вмешательства Бирона в иностранные дела. Во всяком случае на следствии Бирон не отрицал своего участия; правительство же принцессы Анны официально отреклось от «декларации», поскольку она была сделана герцогом «без приглашения нашего министерства» (Там же. № 5 б. Л.93).
- ⁸⁴ Сб. РИО. Т.92. С.67-68.
- ⁸⁵ Империя после Петра. С.33-34.
- ⁸⁶ *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч. В 11-ти т. М.-Л., 1959. Т.8. С.38.
- ⁸⁷ См.: РГВИА. Ф.393. Оп.13. № 1098. Л.5,8-9,11 об.
- ⁸⁸ См.: Там же. № 1095. Л.19 об.
- ⁸⁹ Цит. по: *Соловьев С.М.* Соч. Кн.ХІ. С.133.
- ⁹⁰ См.: Перевороты и войны. С.400-401; РГАДА. Ф.9. Оп.5. № 33. Ч.І. Л.119-120; *Соловьев С.М.* Соч. Кн.ХІ. С.28-29.
- ⁹¹ См.: Внутренний быт Русского государства с 17 октября 1740 по 25 ноября 1741 г. по документам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1886. Кн.2. С.32.
- ⁹² См.: Сб. РИО. Т.92. С.91; РГВИА. Ф.393. Оп.12. № 63. Ч.І. Л.31.
- ⁹³ См.: Там же. Ф.2583. Оп.1. № 246. Л.43-44 об.
- ⁹⁴ См.: Там же. Ф.393. Оп.12. № 63. Ч.І. Л.41 об.
- ⁹⁵ См.: *Дирин П.Н.* История лейб-гвардии Семеновского полка. СПб., 1883. Т.2. С.47,100, 119,152; История лейб-гвардии Преображенского полка. СПб., 1883. Т.2. С.579.
- ⁹⁶ 10 декабря бывшие подследственные в штатском платье были выведены перед своими полками и трижды покрыты знаменем; после чего облачились в новые мундиры, получили шпаги и заняли свое место в строю (см.: *Дирин П.Н.* Указ. соч. Т.1. С.237). Несколько дней спустя особый манифест объявил, что помянутые офицеры и чиновники «неповинно страдали и кровь свою проливали» и отныне любое «порицание» их чести карается штрафом в размере жалования обидчика.
- ⁹⁷ См.: РГАДА. Ф.9. Оп.5. № 33. Ч.І. Л.18,242-243; РГВИА. Ф.2584. Оп.1. № 239. Л.312.
- ⁹⁸ См.: *Мильников А.С.* Загадка барона Мюнхгаузена // Нева. 1982. № 2. С.197.
- ⁹⁹ См.: РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 269. Л.104; Ф.6. Оп.1. № 290. Ч.І. Л.12-12 об.
- ¹⁰⁰ См.: Там же. Ф.6. Оп.1. № 290. Ч.4. Л.1-2; Ч.І. Л.26.
- ¹⁰¹ По свидетельству придворного ювелира, правительница срочно заказала их перделку, а своей любимой фрейлине Ю.Менгден пожаловала кафтаны регента и его сына с серебряными позументами (см.: *Корф М.А.* Брауншвейгское семейство. М., 1993. С.59, 64; *Позье И.* Записки придворного брильянщика. СПб., 1870. С.85-86; *Соловьев С.М.* Соч. Кн.ХІ. С.29).
- ¹⁰² См.: Санкт-Петербургские ведомости. 1740. 30 декабря; Сб. РИО. Т.92. С.91.
- ¹⁰³ См.: Внутренний быт Русского государства с 17 октября 1740 по 25 ноября 1741 г. по документам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн.2. С.7; Сб. РИО. Т.92. С.91.
- ¹⁰⁴ См.: РГАДА. Ф.6. Оп.1. № 287. Ч.І. Л.23а-23а об.
- ¹⁰⁵ См.: Сб. РИО. Т.91. С.17.
- ¹⁰⁶ РГАДА. Ф.6. Оп.1. № 287. Ч.І. Л.21 об.
- ¹⁰⁷ См.: *Шебальский П.К.* Дело о курляндском герцоге Э.-И.Бироне. С.38 отд. паг.
- ¹⁰⁸ См.: *Пекарский П.П.* Исторические бумаги, собранные К.И.Арсеньевым. С.169,172,176.
- ¹⁰⁹ См.: Там же. С.165,169-172; *Шебальский П.К.* Дело о курляндском герцоге Э.-И.Бироне. С.51,54-55,57,72 отд. паг.
- ¹¹⁰ См.: *Пекарский П.П.* Исторические бумаги, собранные К.И.Арсеньевым. С.202; РГАДА. Ф.6. Оп.1. № 312. Л.27 об.
- ¹¹¹ См.: Материалы для истории имп. Академии наук. СПб., 1887. Т.4. С.610-611; РГАДА. Ф.6. Оп.1. № 287. Ч.І. Л.241-241 об.; Ф.9. Оп.5. № 33. Ч.І. Л.144 об.-145.
- ¹¹² См.: Внутренний быт Русского государства с 17 октября 1740 по 25 ноября 1741 г. по документам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн.2. С.7; *Пекарский П.П.* Исторические бумаги, собранные К.И.Арсеньевым. С.246; Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. Т.3. С.17-18, 25; ПСЗ. Т.ХІ. № 8288; РГАДА. Ф.9. Оп.5. № 33. Ч.І. Л.85-86.
- ¹¹³ См.: РГВИА. Ф.393. Оп.2. № 547. Л.26-32,51-52; Ф.2583. Оп.1. № 256. Л.1 об.
- ¹¹⁴ См.: Перевороты и войны. С.173-174. Например, Миних проигнорировал приказ генералиссимуса о предоставлении ему ведомостей о состоянии армии (см.: РГВИА. Ф.393. Оп.2. № 271. Л.1-1 об.).
- ¹¹⁵ См.: *Герман Э.* Указ. соч. С.178; Сб. РИО. Т.92. С.113,206.
- ¹¹⁶ ПСЗ. Т.ХІ. № 8326.
- ¹¹⁷ См.: Сб. РИО. Т.85. С.485.
- ¹¹⁸ Перевороты и войны. С.309.

- ¹¹⁹ Там же. С.186.
- ¹²⁰ См.: Сб. РИО. Т.91. С.8; *Соловьев С.М.* Соч. Кн.ХІ. С.34.
- ¹²¹ См.: РГВИА. Ф.393. Оп.12. № 10. Л.12; № 75. Л.107-118; № 122. Л.88 об.; Ф.2584. Оп.1. № 257. Л.45.
- ¹²² См.: РГАДА. Ф.6. Оп.1. № 313. Л.58-58 об. По-видимому, виновником всех этих предосторожностей был сам Миних, накануне предупредивший вице-канцлера М.Г.Головкина, что 4 марта в столице произойдет «бунт» (см.: Там же. № 306. Л.16 об.). Спешно начатое расследование ничего, за исключением слухов, не обнаружило, и заявление Миниха осталось без последствий.
- ¹²³ См.: Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. Т.3. С.41. Вместе с Минихом покинул свой пост и его ставленник рекетмейстер А.Фенин, повинившийся во взятках, которые принимал в любом виде: серебряной посудой, «мужиками и девками киргиз-кайсаками», часами, ложками и запонками (см.: Внутренний быт Русского государства с 17 октября 1740 по 25 ноября 1741 г. по документам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн.2. С.16).
- ¹²⁴ См.: *Ключевский В.О.* Соч. В 9-ти т. М., 1989. Т.4. С.244; *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. М., 1993. С.557-558; *Соловьев С.М.* Соч. Кн.ХІ. С.29.
- ¹²⁵ Перевороты и войны. С.402-403.
- ¹²⁶ Там же. С.460-461.
- ¹²⁷ Там же. С.180.
- ¹²⁸ См.: РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 269. Ч.9. Л.113,121.
- ¹²⁹ См.: Там же. Ч.10. Л.6.
- ¹³⁰ См.: Там же. Ф.248. Оп.12. № 672. Л.95-184. Судя по этим справкам, итоговый реестр был подан в Кабинет 2 ноября 1741 г. — как раз накануне нового дворцового переворота.
- ¹³¹ Подсчитано нами по: Там же. Ф.7. Оп.1. № 5. Ч.2. Л.24а-26 об.
- ¹³² См.: Там же. Л.29-34.
- ¹³³ См.: ПСЗ. Т.ХІ. № 8349, 8357.
- ¹³⁴ О раздачах имений в правление Анны см.: РГАДА. Ф.1239. Оп.3. № 51926. Л.10-12.
- ¹³⁵ См., например: Сенатский архив. СПб., 1891. Т.4. С.7,62,115,124-125,136,156-157,651,665, 671,685,710.
- ¹³⁶ См.: РГАДА. Ф.177. Оп.2. № 207. Л.1-2.
- ¹³⁷ См.: Материалы для истории имп. Академии наук. Т.4. С.151,561,735-736.
- ¹³⁸ РГАДА. Ф.342. Оп.1. № 10. Ч.2. Л.311.
- ¹³⁹ См.: *Буллыгин И.А.* Вопрос о секуляризации духовных вотчин в правительственной политике 20-х — начала 60-х гг. XVIII в. // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С.308-309.
- ¹⁴⁰ См.: *Семенова Л.Н.* Рабочие Петербурга в первой половине XVIII в. Л., 1974. С.160-161.
- ¹⁴¹ См.: РГАДА. Ф.156. Оп.1. № 218. Л.1-3.
- ¹⁴² Эта записка («мнение графа Остермана») опубликована в русском переводе XVIII века (см.: Памятники новой истории России.. СПб., 1873. Т.3. С.256-277). Ее первоначальный план-конспект помещен в: АКВ. М., 1880. Кн.24. С.1-5. В.Н.Строев считал, что последний текст был составлен Остерманом в 1730 г. для Анны Иоанновны (см.: *Строев В.Н.* Бироновщина и Кабинет министров (Очерки внутренней политики императрицы Анны). М., 1909. Ч.І. С.54); однако упоминание в тексте записки «его императорского величества», обращение к «правительнице» и ссылка на смерть «римского императора» позволяют отнести составление документа к концу 1740 г.
- ¹⁴³ См.: РГАДА. Ф.9. Оп.5. № 33. Ч.І. Л.317.
- ¹⁴⁴ См.: *Веретенников В.И.* Из истории Тайной канцелярии, 1731-1762 гг.: Очерки. Харьков, 1911. С.21; РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 269. Ч.10. Л.151.
- ¹⁴⁵ См.: ПСЗ. Т.ХІ. № 8293, 8294.
- ¹⁴⁶ Коллегия иностранных дел подала такой список в августе 1741 г. (см.: АВПРИ. Ф.15. Оп. 15/5. № 141. Л.1-2).
- ¹⁴⁷ См.: ПСЗ. Т.ХІ. № 8295, 8310, 8318.
- ¹⁴⁸ См.: РГАДА. Ф.14. Оп.1. № 47. Ч.Іа. Л.1-9.
- ¹⁴⁹ См.: Там же. Ф.9. Оп.5. № 33. Ч.Іа. Л.25-25 об.
- ¹⁵⁰ См.: *Удеников В.В.* Монеты императора Ивана Антоновича // ВИ. 1995. № 7. С.147.
- ¹⁵¹ *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч. Т.8. С.45,50.
- ¹⁵² См.: РГАДА. Ф.177. Оп.2. № 194. Л.240-251.
- ¹⁵³ См.: Там же. Ф.273. Оп.1. № 32207. Л.334.
- ¹⁵⁴ См.: Там же. Ф.20. Оп.1. № 50. Ч.І. Л.67.
- ¹⁵⁵ См.: Там же. Ф.19. Оп.1. № 215. Л.3-15 об. В итоге Анна решила сдать все кабаки на откуп (см.: Там же. Ф.273. Оп.1. № 34771. Л.59).
- ¹⁵⁶ См.: РГВИА. Ф.393. Оп.1. № 113. Л.54-57.
- ¹⁵⁷ См.: Там же. Ф.11. Оп.1. № 393. Л.193-194.
- ¹⁵⁸ Подсчитано нами по: Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. Т.3. С.8-74.

¹⁵⁹ См.: Внутренний быт Русского государства с 17 октября 1740 по 25 ноября 1741 г. по документам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн.1. С.3-9,100,133.

¹⁶⁰ Из записок Фридриха Великого о России // РА. 1877. № 1. С.11; Перевороты и войны. С.207.

¹⁶¹ См.: *Марпенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1880. Т.5. С.316 и далее.

¹⁶² Перевороты и войны. С.175-176.

¹⁶³ См.: Там же. С.404-405; Сб. РИО. Т.85. С.438-439; Т.92. С.206-207.

¹⁶⁴ См.: *Friedrich II.* Op. cit. Bd.1. S.127,178. Уже отставленному от дел Миниху король просил передать, что лично присмотрел для него участок для постройки дома в Берлине (см.: Там же. С.403).

¹⁶⁵ См.: РГАДА. Ф.177. Оп.1. № 6. Л.2-3,7-8.

¹⁶⁶ См.: Там же. № 10. Л.1-2.

¹⁶⁷ АВПРИ. Ф.77. Оп.77/1. 1741 г. № 7. Л. 230,285 об.

¹⁶⁸ См.: Там же. Ф.77. Оп.77/1. 1741 г. № 19. Л.2-3.

¹⁶⁹ См.: РГАДА. Ф.1261. Оп. 1. № 388. Л. 24 об.,26 об.; Ф.177. Оп.1. № 5. Л.7,9,38-38 об.

¹⁷⁰ См.: Сб. РИО. Т.91. С.114; Т.96. С.467.

¹⁷¹ См.: Там же. Т.91. С.337.

¹⁷² См.: *Ардабачская А.М.* Из истории борьбы русской дипломатии с прусской агрессией в 40-е гг. XVIII в. // Уч. зап. Саратовского ун-та. Саратов, 1958. Т.66. С.124-125.

¹⁷³ См.: АВПРИ. Ф.32. Оп.32/1. 1741 г. № 10. Л.9; № 5а. Л.30,38.

¹⁷⁴ См.: Там же. № 5а. Л.72,149.

¹⁷⁵ См.: *Левин Л.И.* Указ. соч. С.86. Даже в ноябре 1741 г. Остерман указывал, что Россия может выступить в поддержку Австрии только вместе с другими союзниками (см.: АВПРИ. Ф.32. Оп.32/1. 1741 г. № 5 а. Л.292-292 об.).

¹⁷⁶ См.: Перевороты и войны. С.308. К сожалению, эта ситуация не прокомментирована в известной публикации дипломатических документов Ф.Ф.Мартенса. Дрезденский трактат был заключен 11 апреля 1741 г.; Россия к нему официально не присоединилась, и ее представители не подписывали никаких обязательств (см.: ДИНР. 1875. № 6. С.192-193).

¹⁷⁷ См.: АВПРИ. Ф.89. Оп.89/1. 1741 г. № 115. Л.96.

¹⁷⁸ См.: Сб. РИО. Т.91. С.246.

¹⁷⁹ См.: РГАДА. Ф.248. Оп.106. № 1634. Л.2-3.

¹⁸⁰ См.: Там же. Ф.16. Оп.1. № 160. Л.33.

¹⁸¹ См.: *Сотавов Н.А.* Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М., 1991. С.101; РГВИА. Ф.20. Оп.2. № 42. Л.38 об.-41,60 об.-61 об.,68. К октябрю 1741 г. на южных границах «в персидской экспедиции» находился корпус в 10 тысяч человек (см.: АВПРИ. Ф.77. Оп.77/1. 1741 г. № 19. Л.5-5 об.).

¹⁸² См.: Там же. Ф.93. Оп.93/1. 1741 г. № 7. Л.218; Ф.50. Оп. 50/1. 1741 г. № 4. Л.371 об.

¹⁸³ См.: Там же. Л.407.

¹⁸⁴ См.: Там же. Ф.74. Оп. 74/1. 1741 г. № 6. Л.86.

¹⁸⁵ См.: *Klueting H., Klueting E.* Graf Ostermann. Urkunden und Regesten. Amsterdam, 1972. Vol.1. Tafel III a.

¹⁸⁶ Мнения и споры кабинет-министров по поводу договора см.: АВПРИ. Ф.35. Оп.35/1. № 654. Л.7-9,34-37,42-42 об.,46-47,89-98.

¹⁸⁷ См.: Сб. РИО. Т.91. С.194-195,203,216,314.

¹⁸⁸ Перевороты и войны. С.307.

¹⁸⁹ См.: *Соловьев С.М.* Соч. Кн.ХI. С.294-295.

¹⁹⁰ См.: *Валишевский К.Ф.* Царство женщин. С.379.

¹⁹¹ См.: Сб. РИО. Т.96. С. 271-272,399.

¹⁹² РГАДА. Ф.6. Оп.1 № 312. Л.45 об.

¹⁹³ См.: *Филиппов А.Н.* Правительствующий Сенат при Петре Великом и его ближайших преемниках. С.503; РГАДА. Ф.177. Оп.1. № 3. Л.12; Ф.6. Оп.1. № 304. Л.17 об.

¹⁹⁴ См.: *Левин Л.И.* Указ. соч. С.79-106.

¹⁹⁵ См.: РГВИА. Ф.393. Оп.1. № 113. Л.187-188,196-197.

¹⁹⁶ См.: РГАДА. Ф.177. Оп.2. № 111. Л.1 и далее; РГВИА. Ф.393. Оп.2. № 546. Л.33 и далее.

¹⁹⁷ См.: Сб. РИО. Т.96. С.73.

¹⁹⁸ См.: Там же. Т.91. С.294.

¹⁹⁹ См.: *Шебальский П.К.* Дело о курляндском герцоге Э.-И.Бироне. С.99-115 отд. паг.

²⁰⁰ См.: Там же. С.116 отд. паг.

²⁰¹ Подполковником семеновцев остался А.И.Ушаков, Конной гвардией командовали «младший подполковник» Ю.Ливен и премьер-майор П.Б.Черкасский. В Измайловском полку вместо Г.Бирона командиром стал генерал принц Людвиг Гессен-Гомбургский.

²⁰² О Липмане см.: *Ю.Г. [Гессен Ю.И.]* Липман Леви (Исаак Либман) // Еврейская энциклопедия. СПб., б.г. Т.10. Стб.223-225. За год своего правления Анна Леопольдовна приобрела бриллиантов и прочих украшений на сумму в 159517 рублей (подсчитано по: РГАДА. Ф.19. Оп.1. № 182. Ч.1. Л.93-102).

²⁰³ См.: РГАДА. Ф.20. Оп.1. № 151. Л.1-22 об.

²⁰⁴ См.: Там же. Ф.286. Оп.1. № 262. Л.1 71.

²⁰⁵ См.: Сб. РИО. Т.96. С.448-449.

²⁰⁶ См.: РГАДА. Ф.286. Оп.1. № 114. Л.544-549 об. См. также именные указы в Сенат о пожалованиях: Сенатский архив. СПб., 1890. Т.3. С.96-97,131,136,185-186,292-293,325,378-379,396,419.

²⁰⁷ См.: РГВИА. Ф.393. Оп.1. № 155. Л.169-179.

²⁰⁸ См.: Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. Т.3. С.13.

²⁰⁹ См.: Там же. С.18,23,26,63.

²¹⁰ См.: РГАДА. Ф.9. Оп.5. № 38. Ч.4. Л.8-9.

²¹¹ См.: Барон Мюнхгаузен — российский кирасир. Документы 1739-1741 гг. // Российский архив: История отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв. М., 1995. Вып. VI. С.49-54.

²¹² См.: Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. Т.3. С.27,29,31,35.

²¹³ См.: ПСЗ. Т.ХI. № 8516; *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974. С.126-127.

²¹⁴ Цит. по: *Валишевский К.Ф.* Царство женщин. С.388-389. После переворота 25 ноября 1741 г. на следствии П.Грамотин простодушно объяснял, что никаких взяток «с принуждения или с угроз» не вымогал, а брал только то, что давали «без всякого принуждения»: золотые табакерки, коляску с парой лошадей, часы, и исключительно «для одного своего неимущества» (см.: РГАДА. Ф.6. Оп.1. № 313. Л.25-25 об.).

²¹⁵ См.: *Семенова Л.Н.* Указ. соч. С.162.

²¹⁶ См.: ПСЗ. Т.ХI. № 8306, 8320, 8446.

²¹⁷ См.: Там же. № 8638.

²¹⁸ См.: РГАДА. Ф.248. Оп.106. № 1543. Л.29 и далее.

²¹⁹ См.: Сб. РИО. Т.91. С.294-295; Т.96. С.489.

²²⁰ См.: *Левин Л.И.* Указ. соч. С.94; Сб. РИО. Т.91. С.331,337; Т.96. С.358,431,467,535-536.

²²¹ Цит. по: *Соловьев С.М.* Соч. Кн.ХI. С.48.

²²² См.: Сенатский архив. СПб., 1898. Т.5. С.311-312.

²²³ См.: РГАДА. Ф.3. Оп.1. № 8. Л.10 об.,15.

²²⁴ См.: *Соловьев С.М.* Соч. Кн.ХI. С.49; РГАДА. Ф.3. Оп.1. № 8. Л.27.

²²⁵ См.: Там же. Л.23 об.-24.

²²⁶ См.: РГАДА. Ф.2. Оп.1. № 55. Л.3-10. Этот текст опубликован в: *Пекарский П.П.* Исторические бумаги, собранные К.И.Арсеньевым. С.154-160.

²²⁷ См.: *Валишевский К.Ф.* Дочь Петра Великого. М., 1989. С.30.

²²⁸ См.: *Долгоруков П.В.* Правда о России. Париж, 1861. Т.1. С.231; Перевороты и войны. С.192.

ГЛАВА VIII

25 НОЯБРЯ 1741: «ПАТРИОТИЧЕСКИЙ» ПЕРЕВОРОТ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Отдай красу Российску трону
По крови, правам и закону...
М.В.Ломоносов

Существовала ли «партия Елизаветы»?

По свержении Бирона центром притяжения интриг стали «малый» двор цесаревны Елизаветы и посол Франции маркиз де ла Шетарди.

Уже в начале декабря 1740 г. шведский дипломат Э.Нолькен информировал его о наличии у принцессы своей «партии», в которую якобы входили обер-прокурор Сената И.И.Бахметев, генерал-майор Г.А.Урусов, обер-комендант столицы С.Л.Игнатьев. Помимо названных выше лиц, Елизавета рассчитывала на поддержку канцлера А.М.Черкасского и архиепископа Новгородского. В числе своих сторонников она назвала шефа Тайной канцелярии Ушакова, а также «всех офицеров гвардии русского происхождения», которых должны поддержать полки Петербургского гарнизона и сотни ее приверженцев в провинции.¹ Позднее сама Елизавета объявила Шетарди, что на ее стороне князя Трубецкие (генерал-фельдмаршал и генерал-прокурор Сената) и гвардейский подполковник принц Людвиг Гессен-Гомбургский.²

Контакты Нолькена с Елизаветой (через ее доверенного врача Армана Лестока) подтолкнули маркиза к действиям. При личных встречах с послом в начале января 1741 г. цесаревна заявила о готовности ее «партии» к немедленному выступлению, «как только придут иностранцы с явным намерением поддержать права потомства Петра I». Под иностранцами принцесса подразумевала готовившуюся к реваншу Швецию, а наследником при вступлении на престол хотела объявить своего голштинского племянника.

Таким образом, из донесений Шетарди следует, что уже в начале 1741 г. против непопулярных правителей образовался заговор во главе с Елизаветой. Шетарди даже обратился к начальству за санкцией на свое участие в готовившейся акции. Однако Елизавета не решалась выступить без

шведской поддержки, но в то же время упорно отказывалась подписать документ, содержащий обещание территориальных уступок Швеции в обмен на помощь в возведении ее на престол.

Насколько реальна связь деятельности описанной выше «партии» Елизаветы с произошедшим в ночь с 24 на 25 ноября 1741 г. переворотом, который стал явной неожиданностью для французского посла? Что вообще нам известно о заговоре, связь которого с переворотом 25 ноября 1741 г. подчеркивается в исторической литературе?³

Безусловно, в «переворотной» атмосфере конца 1740 г. у Елизаветы вполне могла появиться мысль об изменении ситуации в свою пользу. Принца Антона она даже при солдатах его полка не стеснялась называть «дурачком». Отношение к правительнице угадать труднее. Манштейн указывал, что в первые месяцы после свержения Бирона Анна Леопольдовна и Елизавета находились «в величайшем согласии». Дочь Петра I стала восприимчивой дочери правительницы; сама Анна и получала, и делала подарки родственнице от себя и от имени малолетнего императора, которому Елизавета, в свою очередь, подарила два пистолета и ружье.⁵

Однако в беседах с Нолькеном Елизавета уже в декабре 1740 г. предполагала, что ее соперница стремится провозгласить себя императрицей; этими же опасениями делился с Шетарди Лесток. За домом Елизаветы и посещавшим его французским послом по инициативе принца Антона в январе 1741 г. была установлена слежка.⁶

В апреле 1741 г. английский посол Финч по поручению своего правительства конфиденциально известил Остермана и принца Антона: из полученных в Стокгольме докладов Нолькена следует, «будто в России образовалась большая партия, готовая взяться за оружие для возведения на престол великой княгини Елизаветы Петровны и соединиться с этой целью со шведами, едва они перейдут границу».⁷ В числе активных участников заговора были названы Шетарди и Лесток. Но эта информация не вызвала никаких мер предосторожности, если не считать неожиданного предложения Остермана английскому послу ... напоить Лестока для выяснения содержания ночных бесед принцессы с французским послом. Естественно, британский дипломат от подобного «задания» уклонился.

Поведение министра тем более странно, что он был информирован о приближавшейся войне со Швецией и точно назвал Финчу дату ее начала. Ведь в это время — если судить по данным Шетарди и Нолькена — сложился заговор офицеров гвардии во главе с отвечающими за безопасность столицы генералами. Однако сохранившиеся материалы Кабинета и Тайной канцелярии не содержат никаких распоряжений по этому делу. К тому же А.И.Ушаков демонстративно уклонялся от контактов с Шетарди, чем вызвал беспокойство посла и его начальства. О каких-либо действиях (или хотя бы словах) в пользу Елизаветы со стороны Трубецких и принца Гессен-Гомбургского также ничего не известно. Все названные царедворцы сохранили свое положение и с воцарением Елизаветы; но ни один из них не принимал непосредственного участия в перевороте.

Однако Елизавета и не скрывала от дипломатов отсутствия у нее организованной поддержки: «На здешний народ не надо смотреть, как на

прочие нации, где для успеха плана необходимо, чтобы все меры были обдуманы, приняты и обусловлены заранее, здесь же... слишком велико недоверие между отдельными лицами, чтобы можно было заранее привести их к соглашению; главное состоит в том, чтобы заручиться их сочувствием отдельно, а как скоро начал бы действовать один, все двинулось бы как снежная лавина: всякий с удовольствием бы присоединился к движению, считая, что он равным образом разделит и славу успеха; в худшем же случае она, принцесса, предложит себя в предводители гвардии».⁸

Цесаревне нельзя отказать в понимании трудности стоявшей перед ней задачи: в условиях склок и разброда создать сплоченную опору среди высших сановников было едва ли возможно. Но интересно, что кандидатка на трон предполагала обратиться к гвардии только в «худшем случае». Очевидно, началом «лавины», которая должна была вознести ее к власти, могла стать смерть царя-младенца. В разговорах с Шетарди она не раз высказывала предположение, что мальчик «неприменно умрет при первом сколько-нибудь продолжительном нездоровье».⁹

В этом случае — при отсутствии другого законного наследника «из того же супружества» — завешание Анны Иоанновны теряло силу, Анна Леопольдовна лишалась всяких оснований претендовать на регентство, а Елизавета обретала бесспорные права на престол как дочь царствовавшего императора. В такой ситуации выступление нескольких высших должностных лиц вполне могло предоставить дочери Петра корону без какой-либо силовой акции.

Но прогноз близкой смерти императора оказался ошибочным, а переговоры с Нолькеном и Шетарди подталкивали принцессу к действиям накануне шведского вторжения. Шетарди подробно освещал в своих донесениях, как они с Нолькеном пытались добиться от Елизаветы согласия на ревизию условий Ништадтского мира. Но о конкретной подготовке переворота он мог сообщить очень немного, и то со слов Лестока или другого поверенного принцессы — Христофора-Якова Шварца, саксонского искателя приключений, успевшего съездить с посольством в Китай, поступить на службу в географический департамент Академии наук и состоявшего придворным музыкантом Елизаветы.

В переписке Шетарди не раз упоминался «план принцессы Елизаветы», но о конкретных исполнителях этого замысла ничего сообщить не мог. Только в депеше от 19 мая 1741 г. он упомянул о каких-то, согласно информации Шварца, готовых к действию гвардейских офицерах. Затем Шварц передал послу, что некие офицеры были взволнованы предположившимся браком Елизаветы с братом Антона Брауншвейгского, принцем Людвигом.¹⁰

Заявления Елизаветы о готовности ее «партии» стали вызывать сомнения у дипломатов. Перед отъездом Нолькен настойчиво пытался уточнить количество ее сторонников в гвардии, но Елизавета ограничилась лишь обещанием действовать со своей «партией» мужественно. Уже после начала военных действий в августе она поставила в известность Шетарди, что раздала своим сторонникам 2 тысячи рублей; в начале сентяб-

ря Шварц сообщил послу о раздаче принцессой по 5 рублей каждому из отправленных на фронт в составе гвардейского отряда солдат, в связи с чем занял у Шетарди 8 тысяч червонных.¹¹

На этом вся информация французского посла о подготовке заговора заканчивается. 15 сентября Елизавета заявила Шетарди, что действия ее приверженцев будут безуспешны, пока шведы не сделают всего, что обещано, т.е. объявят о появлении в Швеции голштинского принца и распространят прокламацию против «иноземного правления» в России.¹² Обещание было исполнено. Однако на русскую армию шведский «пашквиль» никакого впечатления не произвел. Зато реакция правительства была резкой: в один день 22 сентября к главнокомандующему П.П.Ласси полетели указы о вскрытии поступавшей почты в Риге и Ревеле, о жестокой расправе с распространителями «бесчестных писем» с неприятельской стороны: их «живыми на кол посадить надлежит». Все солдаты и офицеры, обнаружившие подобные воззвания, должны были немедленно сжечь их «бес прочтения» под страхом жестокого наказания.¹³

С этого времени и до самого переворота Шетарди так и не смог сообщить в Париж ничего обнадеживающего о действиях «партии» принцессы. За день до переворота посол уже без всякого энтузиазма докладывал: «Если партия принцессы не порождение фантазии (а это я заботливо расследую, обратившись к ней с настойчивым расспросом), вы согласитесь, что весьма трудно будет, чтобы она могла приступить к действиям, соблюдая осторожность, пока она не в состоянии ожидать помощи».¹⁴

Можно предположить, что инициаторы заговора скрывали свои планы и состав участников от Шетарди. Но тогда трудно объяснить тот факт, о котором французский посол сообщал 15 (26) октября 1741 г.: к нему в полночь явился камергер Елизаветы с заявлением, что, по сведениям принцессы, царь умер, и спросил, что делать.¹⁵ Шетарди спросонья вынужден был давать инструкции: Елизавете нужно срочно «сговориться с членами партии» и лично возглавить их. И это при наличии широкого круга заговорщиков-офицеров во главе с опытными генералами и при поддержке первых лиц государства?

Проявленная Елизаветой беспомощность, как и отсутствие сведений о ее сторонниках, заставляют предположить, что заговора с участием высокопоставленных лиц не было. Все сведения о нем содержатся лишь в донесениях Шетарди и Нолькена, которые получали их со слов самой Елизаветы, Лестока и Шварца и не имели возможности их проверить. Напомним, что предупреждение Финча о заговоре также основано на полученных англичанами в Швеции данных из донесений Нолькена, к которому они поступали из тех же источников.

Если усомниться в реальности такого заговора, становится понятным отсутствие каких-либо данных о нем в делах Кабинета и Тайной канцелярии. Объяснимо тогда отсутствие репрессий со стороны правительства и после сообщения Финча, и после письма Линара в августе 1741 г., предупреждавшего правительницу о «мятежных замыслах» иностранного министра: ночные разговоры с французским послом беспокоили Остермана, но реальной опасности не представляли. Материалы следствия по

делу министров Анны Леопольдовны не содержат никаких указаний на то, что слежка за домом Елизаветы, продолжавшаяся до осени 1741 г., дала хоть какие-то результаты.

Что касается действительной поддержки планов Елизаветы со стороны вельмож и гвардейских офицеров, то о ней нам не известно ничего конкретного. Но дворцовый переворот все же произошел — с триумфальным успехом и без какого-либо сопротивления. Каковы же были его пружины, если версия о заговоре вельмож и офицеров выглядит не вполне убедительной?

Со времени С.М.Соловьева главной причиной переворота считался патриотический подъем в сознании общества. Выше уже высказывались сомнения в наличии массовой патриотической оппозиции. Приведенные у С.М.Соловьева и Е.В.Анисимова факты относятся только к гвардии (точнее, к ее «старым» полкам) и так же, как свидетельства Миниха-отца и Манштейна, в значительной части извлечены из донесений иностранных дипломатов. Хотелось бы знать, какими в действительности были политические симпатии офицеров, чиновников, да и просто городских обывателей; но пока такой картины у нас нет. Что касается признания прав на престол за Елизаветой, то едва ли оно было однозначным; до нас дошли и совершенно противоположные отзывы.¹⁶ В делах Тайной канцелярии 1741 г. нет упоминаний о правах Елизаветы на престол.¹⁷

Очевидно, фактором, максимально способствовавшим новому перевороту, стала деградация самого режима Анны Леопольдовны летом-осенью 1741 г. Погруженная в личные и семейные проблемы правительница к осени 1741 г., по-видимому, утратила контроль над своим окружением. Но толки о престолонаследии не могли не беспокоить Елизавету и ее сторонников, тем более что существовал проект выдать цесаревну замуж за младшего брата Антона, принца Людвига.¹⁸ Надежды на поддержку шведов рухнули после поражения 23 августа при Вильманстранде; опубликованный манифест о борьбе с министрами-иностранцами никакого отклика не вызвал. Единственной надеждой для принцессы оставалась гвардия.

Гвардия в перевороте 25 ноября 1741 г.

Не возражая против распространенного мнения о популярности Елизаветы в гвардии, мы все же не имеем оснований полагать, что утверждение у власти Анны Леопольдовны было встречено в полках гвардии с неудовольствием. Арестованные при Бироне офицеры вообще не упоминали имени цесаревны в качестве достойной кандидатуры. В первые месяцы правления Анны нам не известно ни одного случая неуважительного о ней отзыва. Правительница явно стремилась добиться расположения гвардии.

Офицеров регулярно приглашали на куртаги. Парады сопровождалась распоряжениями в Дворцовую контору непременно обеспечить их участников двумя чарками водки и пивом, а при нехватке пива «неотменно взять где возможно за деньги, токмо при том смотреть, дабы то пиво было доброе и не кислое и чтоб нарекания на оное никакого быть не могло».¹⁹ Особыми «трактованиями» от дворца для всех штаб- и обер-офицеров отмечались полковые праздники. Именно при Анне гвардейцам стали

выдавать по 10 рублей за несение ночных караулов во дворце.²⁰ В апреле 1741 г. правительница распорядилась платить работавшим на постройке казарм гвардейским солдатам по 4 копейки в день.²¹ В апреле 1741 г. принц Антон распорядился сварить для солдат специального пива на осиновой коре, сосновых шишках и можжевельнике для профилактики цинги.²²

Однако книги приказов по полкам за 1741 г. показывают, что дисциплина в «старой» гвардии была явно не на высоте. Из месяца в месяц повторялись приказы офицерам следить, чтобы их подчиненные «в квартирах своих стояли смиренно и никаких своевольств и обид не чинили и без позволения никто никуда с квартир не отлучались». Но солдаты являлись на службу «в немалой нечистоте», «безвестно отлучались» с караулов, играли в карты и устраивали дебоши «на кабаках» и в «бляцких домах». Они же «бесстрашно чинили обиды» обывателям, устраивали на улицах драки и пальбу, «являлись в кражах» на городских рынках и у своих же товарищей (как настоящий вор-рецидивист Кондрат Федудин из Семеновского полка²³), многократно «впадали» во «французскую болезнь» и не желали от таковой «воздерживаться».²⁴ Обычной «продерзостью» стало пьянство, так что приходилось издавать специальные приказы, «чтоб не было пьяных в строю».²⁵

Это, так сказать, рядовые провинности, которые по несколько раз в месяц отмечались в полковых приказах. Но более серьезные проступки показывают, что гвардейцы образца 1741 г. чувствовали себя во дворце и в столице хозяевами положения. Семеновский гренадер Иван Коркин был задержан на рынке с краденой посудой из дома самого «великого канцлера» А.М.Черкасского;²⁶ преображенский солдат Иван Дыгин нанес оскорбление камер-юнкеру правительницы и офицеру Конной гвардии Лилиенфельду.²⁷ Разгулявшиеся семеновцы Петр и Степан Станищевы «порубили» караульных на улице, а заодно и вмешавшихся в драку прохожих.²⁸ Преображенец Артемий Фадеев «в пребезмерном пьянстве» тащил на улицу столовое серебро и кастрюли из царского дворца, а его сослуживец гренадер Гавриил Наумов вломился в дом французского посла и требовал у иностранцев денег.²⁹ Регулярное чтение солдатам «Воинского артикула» и обычные наказания в виде батогах явно не помогали, как и внушения офицерам иметь «смотрение» за вверенными им подразделениями.

Навести дисциплину в гвардии попытался генералиссимус и гвардейский подполковник принц Антон. В мае 1741 г. он повелел восстановить в полках особые гренадерские роты (созданы при Петре I, ликвидированы в 1731 г.), которые должны были стать примером всей гвардии. Книга приказов Преображенского полка свидетельствует, что принц лично отбирал в новую роту солдат и офицеров во главе с капитаном Иоганном фон Зихеймом. Новый командир под руководством самого принца сразу же приступил к муштре и «экзерцициям».³⁰ С лета 1741 г. в адрес гренадеров и других солдат заметно увеличивается количество выговоров и наказаний: солдаты делают приемы ружьем «не бодро», носят не положенные по форме шапки, «виски не потстрижены по препорции», «волосы не завязаны» и т.д. Приказано было новой роте снять мерки и делать новые мундиры и амуницию.

Все эти строгости вместе с тяготами военного времени (запретом отпусков и командированием в августе сводного гвардейского отряда на фронт) явно не способствовали популярности брауншвейгского семейства. Начиная с августа в Тайной канцелярии вновь стали рассматриваться дела о «непристойных словах» гвардейских солдат и прочих обывателей в адрес верховной власти.³¹

Опасности эти «дела» не представляли; виновные карались, в духе правления Анны Леопольдовны, сравнительно легко.³² Но само появление подобных разговоров показывает, что престиж власти к осени 1741 г. в глазах ее непосредственной опоры упал. Тем не менее гвардейские штаб- и обер-офицеры, по-видимому, достаточно лояльно относились к режиму: нам не известно ни одного «антибрауншвейгского» выступления в офицерском корпусе, что особенно заметно по сравнению с «антибиرونским» движением осенью 1740 г. Сведениями о недовольстве в других, особенно «новых», полках мы не располагаем, что вроде бы свидетельствует об отсутствии какой-либо заговорщической организации (как это будет в 1762 г.) и действительном переходе инициативы к «нижним чинам».

В сентябре 1741 г. гренадерская рота Преображенского полка (300 человек) была переведена с отдельных квартир в только что отстроенные казармы. Собранные в общих «светлицах» солдаты и унтер-офицеры уже без контроля со стороны начальства (офицеры в казармах не жили, а только с 31 октября 1741 г. посылались по 1 человеку на ночные дежурства) могли обсуждать события во дворце. Помимо дополнительных «экзерциций», у солдат были и другие поводы для недовольства. Им не разрешалось топить печи «годными» бревнами и досками, у только что вернувшихся из похода в Финляндию отобрали казенные шубы; бдительный принц Антон лично распорядился сломать поставленные гренадерами «рогожные нужники», явно не украшавшие окрестности казарм. Солдатам было запрещено обращаться с просьбами непосредственно к герцогу, помимо нижестоящих командиров; гвардейцам-именинникам — являться с калачами во дворец.³³

Сочетание кризиса власти с ее попытками навести порядок путем муштры и повседневных наказаний не могли не раздражать гвардейцев. Но «наверху» этого как будто не замечали: праздники продолжались. Второго октября состоялся торжественный прием персидского посольства. Посол шаха Надира поднес Анне роскошные дары из захваченной в Индии добычи, в том числе 9 слонов.³⁴ 18–20 октября состоялся трехдневный бал с маскарадом в честь годовщины восшествия на престол императора, 7 ноября — бал у Миниха по случаю «благополучно окончившегося первого года правления» Ивана III; 8 ноября Анна праздновала день «восприятия всероссийского правительства»; 15 ноября — бал по случаю дня рождения отца правительницы, мекленбургского герцога Карла Леопольда; 20 ноября Анна устроила банкет для офицеров Семеновского полка.³⁵

Сверкали фейерверки, повара готовили особенные блюда (например, «квашенину от трех скотин»), для увеселения гостей члены иранского посольства демонстрировали «персидские танцы». Правительница блистала в особом «грузинском» костюме на собольем меху и готовилась к

новым балам: на праздник Андреевского ордена (30 ноября) ей срочно шили «кавалерское платье», а ко дню рождения (7 декабря) уже были заказаны сюжеты для фейерверка и разучивалось представление с участием придворных слонов.

Скорее всего, в те веселые дни осени 1741 г. и сложился настоящий «солдатский» заговор, который привел Елизавету к власти. Манштейн, неизвестный автор примечаний на его записки и тщательно собиравший спустя 20 лет сведения о послепетровской истории России А.-Ф. Бюшинг определенно указывали, что агентам Елизаветы Лестоку и Шварцу удалось привлечь на свою сторону нескольких гренадеров Преображенского полка.³⁶

Во главе предприятия стал Юрий Грюнштейн. Разорвавшийся в России саксонский купец-авантюрист успел побывать в татарском плену и в 1741 г. тщетно пытался добиться правого суда с недобросовестными компаньонами у самой Анны Леопольдовны.³⁷ Осенью 1741 г. обиженный купец уже поступил каким-то образом в гвардейские гренадеры и нашел общий язык с Лестоком и Шварцем.

Они и стали главными организаторами заговора, не возбуждая особых подозрений; «засветился» при своих контактах с Шетарди только Лесток. В бумагах М.Г. Головкина сохранились распоряжение об установке за ним наблюдения и соответствующий доклад принцу Антону. Но ничего конкретно в этом отношении не было сделано, и связи агентов Елизаветы с гвардейской казармой так и остались неизвестными. Заговорщики же обладали информацией о поведении их противников. Из донесений Шетарди и опубликованных в «Архиве кн. Воронцова» анонимных сообщений некоего дипломата — очевидца событий из свиты посла — следует, что «камер-юнгфера» Анны и слуга принца Антона докладывали Лестоку и Шварцу обо всех происшествиях во дворце и даже о поступавших к их хозяевам деловых бумагах.³⁸

Елизавета и раздраженные новыми порядками гренадеры быстро нашли общий язык — недовольство казармы обрело формального вождя. Иных сведений о заговоре у современников нет, если не считать известия Манштейна о намерении Елизаветы обратиться к войскам с речью о своем праве на трон во время крещенского парада 1742 г., что было с точки зрения тактики совершения переворота по меньшей мере неразумно.³⁹

Кое-что можно извлечь из пропагандистских сочинений начала царствования Елизаветы, созданных с целью обосновать совершенный ею захват власти. Имеются в виду «краткая реляция» (якобы разосланная русским послам записка с описанием переворота, которую они должны были неофициально пересказывать со ссылкой на полученное из Петербурга частное письмо) и проповеди на ту же тему, предназначенные для формирования общественного мнения внутри страны. Тенденциозность этих сочинений очевидна, но тем интереснее встретить в них «технические» подробности самого переворота, неизвестные по иным источникам.

Так, и «Реляция», и анонимное «Историческое описание», несмотря на все усилия представить поступок Елизаветы вынужденным, проговариваются, что контакты гренадеров во главе с Грюнштейном и цесаревны начались задолго до самого переворота. Упоминалась и договорен-

ность: переворот должен был произойти в период, когда караулы во дворце несли сами заговорщики-преображенцы.⁴⁰ Подобный план имел более реальные шансы на успех, чем театральная попытка обращения Елизаветы к войскам на параде. Однако задуманный переворот пришлось ускорить из-за непредвиденных обстоятельств.

Анна Леопольдовна получала предупреждения о готовившемся перевороте из разных источников, но не придавала им значения.⁴¹ После переворота на допросах Остерман и Левенвольде сообщили, какими сведениями располагало правительство за несколько дней до событий. Главной «уликой» Остерман назвал переданную ему еще весной информацию Финча, которая была доведена до сведения Кабинета министров и самой правительницы. Другими «престорогами» Остерман назвал письмо своего агента Совплана из Брюсселя и сообщение посла А.Г.Головкина из Гааги, также переданные Анне. С письмом Совплана Остерман посылал к правительнице ее обер-гофмаршала Р.Левенвольде.⁴²

Все эти документы, как и письмо графа Линара, были посвящены преимущественно интригам Шетарди и шведского правительства и их контактам с Елизаветой. Именно об этих обстоятельствах и беседовала с Елизаветой правительница во время куртага в понедельник 23 ноября 1741 г., как со слов Лестока описал этот разговор Шетарди.⁴³ Беседа была «горячей» и весьма неприятной для Елизаветы; но никакими сведениями о ее «солдатских» связях правительница не располагала.

Но беседа-допрос должна была подтолкнуть цесаревну к действиям. Опыта конспирации у гренадеров не было, а Елизавету поддерживала далеко не вся гвардия — данных о выступлениях в ее пользу в рядах измайловцев и Конной гвардии у нас нет.⁴⁴ Дела Тайной канцелярии показывают, что совершенный преображенцами переворот одобряли не все: «Честь себе заслужили тем, что пришел в ношное время во дворец и напали на сонных с ее императорским величеством», — осуждал их семеновский гренадер Алексей Павлов; его сослуживец Максим Судаков называл героев переворота «бунтовщиками и стрельцами».⁴⁵

Правительницу ей удалось убедить в своей невинности (Анна даже послала к Остерману сказать, что Елизавета «ничего не изволит ведать»); но Лестоку грозил арест.

В тот же день 23 ноября (как сообщает «Реляция») Елизавета послала за гренадерами, которые заверили ее в своей готовности. В эти дни преображенцы не заступали на караул; утром 24-го один из заговорщиков, Петр Сурин, отправился во дворец договариваться с несшими охрану солдатами Семеновского полка. Согласие было достигнуто, и гренадер предупредил солдата Степана Карцева, что «в сию ночь будет во дворец государыня цесаревна»; о чем сам Карцев сообщил в 1742 г. при поступлении в Лейб-компанию.⁴⁶

Еще одним толчком к перевороту стало поступившее как раз 24 ноября в гвардейские полки повеление принца Антона быть «к походу во всякой готовности»: гвардии предстояло поздней осенью отправляться из столицы на финскую границу.⁴⁷ Но этот приказ, вопреки сложившемуся мнению, не был вызван какими-либо опасениями заговора: отправить

на фронт 2 тысячи гвардейцев Анне рекомендовал сам главнокомандующий П.П.Ласси, и она его доклад одобрила: «Быть по сему».⁴⁸

Вечером 24 ноября 1741 г. к преображенцам отправились инициаторы предприятия во главе с Грюнштейном: солдат необходимо было подготовить к приезду главных действующих лиц. Затем Лесток удостоверился через своих агентов во дворце, что правительница ни о чем не подозревает, и встретился с французским дворянином из свиты Шетарди. От него он получил (как засвидетельствовали оказавшийся в том же доме придворный ювелир И.Позье и сам Шетарди) 2 тысячи рублей для раздачи солдатам.⁴⁹ После 10 часов вечера Лесток покинул дом купца, и последующие два часа были посвящены приближенными Елизаветы последним приготовлениям к перевороту. Вероятно, тогда и был составлен «памятный реестр» для ареста сторонников Анны Леопольдовны, о котором упоминает «Реляция».

Ни военные, ни гражданские власти в столице 24 ноября ни о чем не подозревали. Двор Анны Леопольдовны веселился на последнем в это царствование балу — именинах жены М.Г.Головкина. Около или сразу после полуночи Елизавета вместе с камер-юнкером М.И.Воронцовым и Лестоком прибыла в казармы на полковой двор и застала уже подготовленных к ее появлению солдат. «Знаете ли, ребята, кто я? И чья дочь?» — воспроизводит первые ее слова проповедь новгородского архиепископа Амвросия, произнесенная в дворцовой церкви 18 декабря 1741 г. Затем принцесса обратилась к гвардейцам за помощью: «Моего живота ищут!»

Верных присяге оказалось немного; за Елизавету выступило большинство унтер-офицеров (В.Храповицкий, Н.Скворцов, П.Щербачев, И.Блохин, В.Вадбольский, М.Ивинский, Ф.Хлуденев, Е.Ласунский, С.Шерстов, Ф.Васков, И.Козлов, Г.Куломзин), которых, опять-таки по иронии судьбы, отобрал в образцовую роту сам принц Антон.⁵⁰ Опытные служаки (у большинства гвардейский стаж составлял более 10 лет) сумели быстро организовать гренадеров, арестовали единственного дежурного офицера, подпоручика Берхмана, и вслед за главными «героями дня» получили почетные звания сержантов и капралов Лейб-компаний.⁵¹ Арестовали и гвардейцев, которым принц Антон поручил надзор за самой Елизаветой; в феврале 1742 г. лейб-кампанцы П.Хахин, А.Ходолеев и А.Мошков указывали на свои заслуги во время переворота: они «брали сержанта Обиручева».⁵²

После принесения присяги рота выступила в поход. По дороге к Зимнему дворцу (по Манштейну — после его занятия) от колонны отделились отряды для ареста Левенвольде, Миниха, Головкина, Менгдена, Остермана и близких им лиц, в том числе генералов Стрешневых, директора канцелярии принца Антона П.Грамотина и преображенского майора Альбрехта.

Семеновский караул Зимнего дворца не оказал сопротивления. По данным Бюшинга и Шетарди, офицеры не спешили выказать свою преданность и были арестованы. Однако стоявшего в ту ночь на посту П.В.Чадаева (деда знаменитого «басманного философа») Елизавета отправила с известием о перевороте в Москву, а через год сделала премьер-майором и членом суда по делу Лопухиных; так что, по всей вероятности, он не противодействовал перевороту.

Гренадеры под руководством Лестока и Воронцова отправились в дворцовые покои и арестовали ничего не подозревавших «немцев» вместе с императором. Автор примечаний на записки Манштейна и Я.П.Шаховской называли в числе участников переворота Шуваловых, Разумовских и В.Ф.Салтыкова; но в чем именно состояло их участие, не вполне понятно.⁵³ Основную часть операции по захвату престола гвардейцы проделали быстро, умело и вполне самостоятельно; для Шетарди, как и для прусского посла Мардефельда, переворот стал неожиданностью.

Высшие военные командиры — генерал-фельдмаршал П.П.Ласси и подполковник гвардии принц Гессен-Гомбургский — были вызваны уже после описанных событий (при этом накануне вечером принц отказался примкнуть к заговорщикам).⁵⁴ Они распорядились стянуть к дворцу части гарнизона и гвардейские полки, в то время как спешно созданные вельможи (А.П.Бестужев-Рюмин, А.М.Черкасский, А.Б.Куракин, Н.Ф.Головин, Н.Ю.Трубецкой) приносили Елизавете поздравления и сочиняли манифест о ее вступлении на престол.

Вслед за ними к Елизавете в ее прежний дворец, где уже сидели под арестом брауншвейгское семейство и его «партизанты», спешили прочие чиновники; в их числе Я.П.Шаховской, только что сумевший войти в доверие к М.Г.Головкину и считавший себя «от всяких злоклучений быть безопасным». Как и год назад, вчерашний «любимец» вынужден был ночью спешить во дворец «сквозь множество лиц с учтивым молчанием продираясь, и не столько ласковых, сколько грубых слов слыша».

Одно и то же событие очевидцы видели по-разному. Сенатор Шаховской обращал внимание в основном на поведение «знатных господ» и их нынешний «вес» в придворном раскладе. Только на периферии происходившего он замечал восклицания солдат: «Здравствуй, наша матушка, императрица Елизавета Петровна!»⁵⁵ Безвестный же польский дворянин и офицер на русской службе, также поспешивший в открытый для всех дворец, видел, прежде всего, победителей-гвардейцев: «Большой зал дворца был полон преображенскими гренадерами. Большая часть их были пьяны; они, прохаживаясь, пели песни (не гимны в честь государыни, но неблагопристойные куплеты), другие, держа в руках ружья и растянувшись на полу, спали. Царские апартаменты были наполнены простым народом обоего пола... Императрица сидела в кресле, и все, кто желал, даже простые бурлаки и женщины с их детьми, подходили целовать у ней руку».⁵⁶

Сам Шетарди, метр-д-отель его посольства и автор анонимного французского донесения от 28 ноября (9 декабря) 1741 г. сообщали о ликованиях на улицах, какое «никогда не было видано ни при коем случае». Английский же посол не замечал в народе никакой «общей радости». С Финчем был согласен и адъютант арестованного в эту ночь Миниха Христофор Манштейн, чьей карьере в России переворот положил конец: «Когда свершилась революция герцога Курляндского, все были чрезвычайно рады: на улицах раздавались одни только крики восторга; теперь же было не то: все смотрели грустными и убитыми, каждый боялся за себя или за кого-нибудь из своего семейства».⁵⁷

Едва ли можно объяснить эти разноречия только предвзятостью указанных сочинений: реакция на очередную «революцию» могла быть на самом деле неоднозначной и для их авторов, и для того круга, к которому они принадлежали. Но одно обстоятельство осталось памятным всем: небывалое доселе выдвижение гвардейского «солдатства». «Они и считают себя здесь господами, и, быть может, имеют для этого слишком много оснований», — передавал свои впечатления о начале нового царствования английский посол Финч.

К восьми утра «генеральное собрание» в старом дворце Елизаветы завершилось составлением новой формы титула, присяги и первого манифеста нового царствования. В нем объявлялось, что в правление младенца-императора произошли «как внешние, так и внутрь государства беспокойства и непорядки, и следовательно, немалое же разорение всему государству последовало б»; поэтому все верные подданные, «а особливо лейб-гвардии нашей полки, всеподданнейше и единогласно нас просили, дабы мы... отеческий наш престол всемилостивейше воспринять соизволили». Это было сделано по «законному праву»: как «по близости крови», так и по «единогласному прошению».⁵⁸ Вслед за тем Елизавета приняла орден Св. Андрея Первозванного, объявила себя полковником всех четырех гвардейских полков и показалась с балкона войскам и толпе.

В третьем часу пополудни, согласно записи в придворном журнале, пути двух принцесс окончательно разошлись. Елизавета в качестве новой императрицы переселилась в уже взятый ею ночным «штурмом» Зимний дворец. После состоявшегося под гром пушек молебна и официальных поздравлений должностные лица и собранные вокруг дворца полки приняли присягу. Анна Леопольдовна с мужем и сыном остались ждать решения своей участи, а их сторонники к вечеру «переехали» в казематы Петропавловской крепости.

Победители и побежденные

В течение 25–27 ноября приказы по полкам гвардии обещали солдатам «материнскую милость» и покровительство Елизаветы, а также напоминали о непременном принесении присяги, явке с поздравлениями к «ручке ее императорского величества» и позволяли вновь приходить во дворец именованным и обращаться с просьбами о крещении детей.

Дойти до «ручки» удалось не всем: 26 ноября началась раздача вина по ротам, и последующие приказы требовали от командиров «унимать» загулявших гвардейцев, которые «по улицам пьяные шатаютца».⁵⁹ Гулять было на что: полки получили жалование «не в зачет» (72178 рублей), вновь стали раздаваться «крестинные» (8517 рублей) и «именинные» (25551 рубль) деньги.⁶⁰

На милости рассчитывали и другие. На императрицу обрушился вал челобитных: только в 1742 г. их поступило более 2 тысяч.⁶¹ Просили о выдаче жалования, о пересмотре судебных решений и прежде всего о наградах и чинах, заслуженных и незаслуженных. Возник даже новый литера-

турный жанр: к Елизавете со всех сторон направлялись письменные поздравления со «счастливым восшествием» на престол, составившие увесистый том.⁶²

Однако щедрых денежных пожалований после переворота 1741 г. было немного, если не считать подарков доверенным фрейлинам и «чрезвычайных дач» А.П.Бестужеву-Рюмину, принцу Л.Гессен-Гомбургскому, барону И.А.Черкасову и Лестоку.⁶³ Зато в 1742–1744 гг. прокатилась очередная «волна» раздач недвижимости. По уже сложившейся традиции имения и дома Миниха, Остермана, Левенвольде, Головкина, Менгденов частью попали в состав дворцовых земель, частью достались новым владельцам. В их числе были и возвратившиеся из ссылки В.В.Долгоруков, дети А.П.Волынского, родственники его «конфидентов», А.М.Девьер, и лица из окружения новой императрицы — ее фавориты (А.Г.Разумовский и А.Я.Шубин), В.Ф.Салтыков, М.И.Воронцов, А.П.Бестужев-Рюмин, духовник Елизаветы Ф.Дубянский, секретарь И.А.Черкасов, камергер Н.Корф, генерал Д.Кейт, будущий фельдмаршал С.Ф.Апраксин.⁶⁴

Среди награжденных за «известные е.и.в. заслуги» были гвардейские офицеры: капитаны Преображенского полка А.Аргамаров и И.Мячков, капитан Измайловского полка В.Нащокин; однако трудно сказать, связаны ли эти заслуги с их участием в перевороте, т.к. в самой «акции» 25 ноября они не действовали. Только в 1742 г. было роздано 48879 душ; из них главные герои — лейб-кампанцы — получили 8773 души, а их предводители (9 человек во главе с Ю.Грюнштейном) — 5518 душ, т.е. гвардейцам досталось более четверти всех пожалований. Всего же в 1742–1744 гг. в раздачу пошло, по нашим подсчетам, 77701 душа, включая сюда и возвращение прежде конфискованных вотчин В.В.Долгорукову, родственникам Д.М.Голицына, детям А.П.Волынского и его опальных «конфидентов».⁶⁵

Если принимать во внимание оценку В.И.Семевского о раздаче при Елизавете 200 тысяч крестьян,⁶⁶ то указанное соотношение как будто демонстрирует, что дворцовые перевороты становились все более «дорогим» предприятием и сопровождалась возраставшими аппетитами их участников и новым переделом собственности.

Во дворце же завершался передел власти. Официальные документы и донесения послов позволяют говорить о сложившемся при новой императрице «Совете 11», куда вошли и деятели прежних правительств — И.Ю. и Н.Ю.Трубецкие, А.М.Черкасский, А.И.Ушаков, опытные придворные Н.Ф.Головин, А.Б.Куракин, А.Л.Нарышкин, и выдвиженцы — только что возвращенный из ссылки А.П.Бестужев-Рюмин, старый петровский генерал Г.П.Чернышев, фельдмаршал П.П.Ласси и генерал В.Я.Левашов.⁶⁷

Это была временная комбинация: в кругу вельмож выдвигались новые лидеры, прежде всего А.П.Бестужев-Рюмин. Ему был возвращен чин действительного тайного советника; в декабре он был назначен сенатором и вице-канцлером, а в марте 1742 г. — заведующим почтой империи. Лесток занял пост лейб-медика с чином действительного тайного советника. Вслед за ними получили свои первые должности камергеров двора братья П.И. и А.И.Шуваловы и М.И.Воронцов, которым принадлежало будущее елизаветинского царствования.

Новому совету Елизавета поручила «иметь рассуждение как о Сенате, так и о Кабинете, и какому впредь правительству быть». Никаких проектов нового государственного устройства не требовалось. Воля императрицы была ясно выражена в «словесном указе 2 декабря 1741 г.: государство должно быть «возобновлено на том же фундаменте, как оно было при жизни» Петра I. В итоге вельможи (два члена Кабинета в их числе) осудили деятельность Верховного Тайного совета и Кабинета, поскольку в этих учреждениях всем заправляли по своему желанию несколько лиц и помимо Сената утверждались важнейшие решения, законы «и прочее к вечности надлежащее». Присутствовавшие осмелились только просить «учинить обстоятельную сенатскую должность», т.е. создать закон, определявший полномочия Сената.⁶⁸

Однако последовавший 12 декабря указ о восстановлении Сената эту просьбу не учел. Зато вместо упраздненного Кабинета министров восстанавливался Кабинет е.и.в. — личная канцелярия монарха. Руководить его работой был призван старый слуга Петра I барон И.А.Черкасов.

Расправа над поверженными соперниками состоялась во вполне традиционных рамках: опала «министров» сопровождалась устранением их «конфидентов». В их числе были арестованы некоторые офицеры Семеновского и Преображенского полков (майоры И.Альбрехт, Н.Стрешнев, Н.Соковнин, В.Чичерин); другие, как капитаны И.А. и Ф.А.Остерманы, М.Аргамаров, И.Путятин, были переведены в армию или в отставку.

Их сослуживцы майоры П.Воейков, Ф.Полонский, Д.Чернцов, П.Черкасский уже 29 ноября получили приказы опечатать и описать имущество отца и сына Минихов, Головкина и Остермана. В тот же день В.Ф.Салтыкову были вручены одна за другой три инструкции, последняя и «секретнейшая» из которых предписывала не выпускать (как было публично обещано) брауншвейгский дом за границу и держать арестантов под строжайшим караулом в Риге до получения дальнейших указаний.⁶⁹

Анна Леопольдовна вынуждена была подписать за себя и своих детей присягу Елизавете. Вместо отправления в «заграничное отечество» свергнутый император с семейством почти год томились в Риге, с 1742 по 1744 г. — в Динамюнде (нынешний Даугавпилс) и бывшем меншиковском Ораненбурге под Рязанью, с 1744 по 1756 г. — в Холмогорах. Оттуда «принца Иоанна» перевели отдельно от родителей в Шлиссельбургскую тюрьму, где он и был убит охраной во время известной попытки поручика В.Я.Мировича освободить узника.

1 декабря 1741 г. была образована комиссия по «описи пожитков и деревень» арестованных деятелей, а через два дня их движимое и недвижимое имущество было конфисковано. 12 декабря по делу арестованных «партизантов» бывшей правительницы была создана следственная комиссия во главе с А.И.Ушаковым и Н.Ю.Трубецким; в ее состав вошли также А.Б.Куракин, В.Я.Левашов, А.Л.Нарышкин и ряд других чиновников. Но еще 26 ноября Елизавета отдала первые распоряжения С.Ф.Апраксину о допросах Остермана и Головкина по наиболее интересовавшему ее вопросу о «проекте наследства».⁷⁰ Подчиненные арестованных (И.О.Брылкин, канцелярист И.Дронов) тут же доложили обо всех подготовленных

по делу документах, и следователи располагали точной информацией о роли каждого из опальных вельмож в этом преступлении.

Головкин и Остерман признали свою вину, в чем Елизавета могла лично убедиться, присутствуя на допросах. Ее интересовали и поступавшие в адрес Анны Леопольдовны предостережения о заговоре, и организация слежки за «домом цесаревны». Прочие обвинения (в подкупе со стороны иноземцев, «скрытии» завещания Екатерины I, предпочтении при назначениях русским людям иноземцев и т.д.) носили откровенно риторический характер; как и год назад, результат следствия был предрешен.

Указ Сенату 13 января предписал судить преступников; в реестр судей были при этом включены многие выдвиненцы «незаконного правления»: П.С.Салтыков, Ф.В.Наумов, П.П.Воейков, Я.П.Шаховской. Уже через три дня был вынесен приговор: Миних осужден к четвертованию; Остерман, Головкин, Левенвольде, Менгден, Тимирязев — к «обычной» смертной казни.

Утром 18 января 1742 г. на эшафоте осужденные выслушали манифест о своих «винах», заключавшихся в поддержке «незаконного» правления Бирона и Анны Леопольдовны, «искоренении знатнейших фамилий» в годы правления Анны Иоанновны, растрате казенных средств и «возведении» на должности чужеземцев. В момент, когда Остерман уже положил голову на плаху, все получили высочайшее помилование и отправились в сибирскую ссылку: Левенвольде — в Соликамск, Головкин — в Германг, Остерман — в Березов, на место преданного им много лет назад Меншикова; Миних — в спроектированную им для Бирона тюрьму в Пельме. Остальные — сенатор В.И.Стрешнев, генерал М.С.Хрущов, майор-семеновец В.Чичерин, секретарь принца П.Грамотин — отделались переводом в армию или удалением со службы и ссылкой в свои имения.

15 февраля в Сенате Н.Ю.Трубецкой объявил следствие законченным; при этом частные бумаги и письма подследственных было приказано сжечь; очевидно, такой была общая судьба не представлявшей интереса для следствия части архивов государственных преступников.⁷¹ Имущество осужденных — имения, дома, загородные дачи — было быстро поделено, при этом дома Остермана в Москве и Петербурге «по наследству» перешли к новому канцлеру и главе Иностранной коллегии А.П.Бестужеву-Рюмину.⁷² Комиссия описала и наличные «пожитки»: их нестеснительно выгребали из домов арестованных и свозили прямо в Зимний дворец.⁷³

Но поиски движимых ценностей встретили препятствие: Остерман признался следователям, что за месяц до переворота, в октябре 1741 г. перевел через своих доверенных агентов, английских купцов Шифнера и Вульфа, крупные суммы в Англию и Голландию и разместил их у «банкера» Пельса: во-первых, чтобы его дети могли «ездить по чужим государствам для наук»; во-вторых, для возможного перевода денег обратно, «когда вексель низок», т.е. получения выгоды от разницы курсов валют.⁷⁴

Фирма Шифнера и Вульфа была солидным торговым предприятием и давним агентом русского правительства на западноевропейском рынке, а банкирская контора «Пельс и сыновья» — их поручителями и компаньонами по операциям с продажей русских казенных товаров.⁷⁵ Коммер-

санты сообщили властям необходимую информацию из своих книг, благодаря которой можно представить себе бюджет и обороты пользовавшихся их услугами вельмож: самого Остермана, фельдмаршала Миниха и кабинет-министра М.Г.Головкина.

Оказалось, что министр уже с 1732 г. систематически переводил свои деньги за границу — очевидно, и в расчете на проценты, и с целью гарантировать свои средства от придворных «конъектур». Происхождение некоторых переводов не поддается объяснению (например, 5000 рублей от Я.Евреинова или 5400 рублей «от тайного советника фон Крам»), но в основном они состояли из вполне законных доходов от лифляндских и прочих вотчин. В среднем за год на счет Остермана поступала приличная сумма — около 100 тысяч рублей. Владелец постоянно снимал со счета деньги на закупку необходимых вещей (вин и другой «провизии», тканей, посуды, драгоценностей, географических карт и прочего); небольшие суммы шли в адрес родственников (свояка князя И.А.Щербатова) и других лиц. В итоге за некоторые годы приход равнялся расходу, как в 1741 г.⁷⁶

К Пельсу поступил и последний вклад Остермана в размере 117660 гульденов. Кроме того, сбережения министра находились у английского банкира Джона Бейкера («в английских зюд-зейских аннуитетах» на сумму 11180 фунтов стерлингов); но и они в 1741 г. были переведены в банк Пельса под 3 % годовых. Этими деньгами и заинтересовалось новое правительство, полагая, что теперь они «никому не принадлежат, кроме как моему [Елизаветы Петровны. — И.К.] двору», как заявил русский посол в Голландии А.Г.Головкин.⁷⁷

Так началось дело о возвращении капиталов Остермана, обнаруженное нами на страницах дипломатической переписки Коллегии иностранных дел с послом в Нидерландах. «Банкер» Андреас Пельс проинформировал российскую сторону о наличии в его конторе счета опального вельможи, но раскрывать его — а тем более отдавать деньги без распоряжения вкладчика — категорически отказался. Максимум, чего смог добиться Головкин, — заморозить счет и прекратить всякие операции по нему. Апелляции к властям Нидерландов не дали результата, послу терпеливо разъясняли: «Правительство по конституциям здешним не может в то дело вступать, но надлежит судом то отыскивать... и для того де надлежит избрать искусного адвоката». Банкир учтиво, но твердо просил предоставить документ «в требуемых формах» о том, что «деньги в казну ее императорского величества принадлежат».

Такой акт был составлен, но, как потом указывал канцлер Елизаветы А.П.Бестужев-Рюмин, «в рассуждении некоторых обстоятельств» так и не был послан, — надо полагать, по причине невозможности объяснить голландскому суду особенности российского права, превращавшего, мнимая наследников, частные деньги в казенные. Родной брат опального мекленбургский тайный советник Иоганн-Христофор Остерман, в свою очередь, тоже потребовал арестовать счет, поскольку там якобы имелись и его личные средства.⁷⁸

Брат осужденного и сосланного вместе с Остерманом М.Г.Головкина беспрекословно по приказу из Петербурга выдал потраченные им на себя

деньги опального, также хранившиеся у Пельса, для чего пришлось продать родовые каширские деревни. Средства же Остермана оказались недосягаемыми для петербургских властей. Пришлось привлечь к делу квалифицированного юриста, и дело пошло неспешным порядком в амстердамском суде шеффенов. Посол «пристойными резонами» требовал у судей «наискорее Остермановы деньги получить». Каждый раз президент суда втолковывал дипломату, что дело должно идти «ординарным путем» в независимом ни от кого голландском суде.⁷⁹ Осенью 1743 г. «мекленбургский» Остерман умер, и «банкер» потребовал объявления наследников; но сыновей Андрея Ивановича выпускать из России не собирались.

В тяжбах и пререканиях протянулись шесть лет. Давно закрылась комиссия «описи пожитков и деревень» арестованных, а сам Остерман окончил свои дни в сибирской ссылке. Императрица делала гневные выговоры Головкину: вернуть деньги, «не взирая ни на какие тех купцов отговорки и судебные коварства».⁸⁰ Но логика патриархально-самодержавной простоты в отношении имущества подданных никак не работала в ином «правовом поле», несмотря на все могущество империи. Более того, российский двор продолжал пользоваться услугами Пельса: через его контору шли расчеты русских дипломатических миссий, он же переводил в Россию «субсидные деньги» по договору 1747 г. с Англией. На требования банкира представить «прокурации» установленных наследников и заверенную копию завещания послу нечего было ответить: донесения за 1746–1747 гг. молчали о затаившейся тяжбе, которую отодвинули на второй план другие события, в том числе война за «австрийское наследство».

Дело об «остермановых деньгах» завершилось только в 1755 г. К тому времени опала «эмиссариев диавольских» уже потеряла актуальность, и власти отпустили младшего из братьев, секунд-майора Московского полка Ивана Остермана за отцовским наследством в Голландию. Там в сентябре того же года было достигнуто соглашение, и тогда банкир раскрыл карты: на счету Остермана к тому времени имелись 10500 фунтов стерлингов в акциях Английского банка и наличные – общим счетом в 346183 гульдена. 50 тысяч из них наследник получил наличными, а основной капитал так и остался у банкира на срок до 1776 г. с условием ежегодной выплаты в размере 7400 гульденов.⁸¹

Финансовые документы, казалось, говорят о благополучно завершившейся истории. Но сам граф Иван Андреевич Остерман поведаль много лет спустя сардинскому посланнику в Петербурге маркизу де Парелло, что его – единственного по завещанию наследника – «велели... по получении взять». Ловушка сорвалась только благодаря... самому русскому послу, который посоветовал молодому человеку договориться с банкиром так, чтобы «не трогать капитала».⁸² Видимо, уж очень замучила А.Г.Головкина эта история, в которой он и сам пострадал, и много лет обивал пороги голландских судов по приказу не признававшей никаких «судебных коварств» императрицы.

Осуждение и шельмование деятелей свергнутого правительства сопровождалось опять-таки традиционной раздачей милостей: была объявлена очередная амнистия (уже без снисхождения к осужденным «по пер-

вым двум пунктам»), «сложены» штрафы по 10 копеек с подушной подати на 1742 и 1743 гг. и «казенные доимки» за 1719–1730 гг.; наконец, ликвидирована и сама Доимочная комиссия.⁸³ Тайная канцелярия получила распоряжение «наказаний не чинить» тем, кто обвинялся в оскорблении брауншвейгской фамилии, и ложно объявившим «слово и дело» духовным лицам, коих надлежало передавать в Синод. На несколько дней, судя по протоколам, сыскное ведомство замерло: прекратились допросы и пытки; но уже в декабре оно продолжило обычную работу в прежнем составе и с прежним жалованием.

Восстановление «отеческого духа»?

Как уже давно было отмечено в литературе, воцарение Елизаветы сопровождалось широкой пропагандистской кампанией. Новый манифест от 28 ноября 1741 г., в отличие от первого, объяснял переворот не только «прошением» подданных, но и ссылкой на скрытое иноземцем Остерманом завещание Екатерины I, по которому право на корону принадлежит потомству Петра I – его внуку Петру II и дочерям Анне и Елизавете.

Таким образом, царствование Анны Иоанновны признавалось незаконным, а правление Иоанна III – незаконным вдвойне, поскольку Остерман, Миних и Головкины вместе с принцессой Анной Мекленбургской «насиловством взяли» правление империей в свои руки, в то время как принц Иоанн и его родственники «ни малейшей претензии и права к наследию всероссийского престола ни по чему не имеют».⁸⁴

Свергнуть «незаконного» (а на самом деле вступившего на престол вполне легитимно на основании петровского указа 1722 г.) императора было нетрудно – сложнее было искоренить память о нем. Власти и раньше уничтожали отдельные документы (как в 1727 г. манифест по делу царевича Алексея); теперь же правительство Елизаветы решило устранить всю информацию о предшественнике, «вычеркнуть» его царствование из истории. С 1741 г. изымались из обращения монеты с его изображением, в 1742 г. публично сжигались печатные листы с присягой, а с 1743 г. началось систематическое изъятие прочих официальных документов с упоминанием свергнутого императора и правительницы – манифестов, указов, церковных книг, паспортов, жалованных грамот и т.п.⁸⁵

Поскольку уничтожить годовую документацию всех государственных учреждений не представлялось возможным, то целые комплексы дел передавались на особое хранение в Сенат и Тайную канцелярию; ссылки на них давались без упоминания имен. Вступив на престол, наследник Елизаветы Петр III повелел после снятия необходимых копий уничтожить все дела «с известным титулом», и только очередной переворот не дал выполнить это распоряжение.⁸⁶

Масштабный эксперимент по «умолчанию» дополнялся серией церковных проповедей, где евангельские образы и риторические обороты убеждали паству в законности власти Елизаветы как преемницы дел отца и защитницы веры от иноземцев.⁸⁷ К этому жанру примыкали другие публицистические произведения, призванные оправдать переворот: уже упо-

мянутые «Реляция» и «Историческое описание о восшествии на престол Елисаветы Петровны» или «Разговоры между двух российских солдат, случившихся на галерном флоте в кампании 1743 г.».

В проповеди на день рождения Елизаветы 18 декабря 1741 г. владыка Амвросий (тот самый, который предлагал Анне Леопольдовне стать императрицей) оправдывал действия дочери Петра I в борьбе с врагами России. В образе последних представляли Миних, Остерман и другие «эмиссарии диавольские», которые «тысячи людей благочестивых, верных, добросовестных невинных, Бога и государство весьма любящих втайную похищали, в смрадных узилищах и темницах заключали, пытали, мучали, кровь невинную потоками проливали». Они же назначали на руководящие должности иноземцев, а несправедливо нажитые деньги «вон из России за море высылали и тамо иные в банки, иные на проценты многие миллионы полагали». ⁸⁸

Усердие сочинителей приводило к тому, что свержение императора представлялось как «благополучнейшая виктория» над «внутренним неприятелем», а иногда и в совершенно кощунственном виде. Так, согласно «Описанию», сам Бог «влия благодать свою в немощного и неимущего дома и родителей и мало ведомого, в чине солдатском служащего Георгия Федорова сына Гринштейна». Ночной же захват власти выглядел священной миссией: «По вооружении силой крестною и исшествии из казармы сия блаженная компания... утвердиша слово: намерения не отменить и действие исполнить». ⁸⁹ В торжественном «Похвальном слове» на день восшествия Елизаветы на престол Ломоносов в 1749 представлял слушателям: «Чудное и прекрасное видение в уме моем изображается, ... что предходит с крестом девица, последуют вооруженные воины. Она отеческим духом и верою к Богу воспаляется, они ревностию к ней пылают». ⁹⁰

Захват власти не только не скрывался, но открыто, в публичных заявлениях изображался как героическое деяние; продолжался «петровский миф о монархе, ради пользы государства прибегающем в своем правлении к беспощадному насилию». ⁹¹ «Дворские бури» явно повлияли на творчество ведущего драматурга эпохи А.П.Сумарокова, по совместительству генерал-адъютанта фаворита А.Г.Разумовского и исполнявшего должность начальника канцелярии Лейб-кампании. Его «Гамлет», в отличие от подлинника, изображал близкий к российскому вариант событий: подготовленное друзьями принца «силою присяг» народное восстание, в ходе которого герой захватывает дворец, убивает Клавдия и арестует главного злодея Полония. ⁹²

Пропагандистские усилия новой власти и их «православно-патриотическую» направленность можно считать особенностью произошедшего переворота. Прошлые «революции» такого идеологического обеспечения не имели.

Понадобилось оно и за рубежом. Когда в Германии стали появляться в продаже биографии Миниха, Остермана и Бирона, А.П.Бестужев-Рюмин в 1743 г. предписал русским послам в европейских странах добиваться запрещения торговли подобными изданиями и «уведать» подлинные имена их авторов. Попавшие в Россию экземпляры «пашквилей» должны

были быть немедленно конфискованы и сожжены. ⁹³ Так же действовал и посол в Голландии, который безуспешно пытался опровергать «мерзкие пассажи» амстердамских газет о судьбе «бывшего царя» и якобы имевших место в провинции «факциях» против новой власти.

Но затем А.Г.Головкин стал убеждать петербургское начальство, что с «грубыми лживостями» можно бороться более цивилизованно — путем денежных «дач» и постоянных «пенсион» представителям свободной прессы. Посла проинформировали и насчет расценок за услуги «главнейшим газетчикам: двум амстердамским, утрехтскому, гарлемскому, лейденскому, галанскому — всякому по 200 рублей; другим же, а имянно французскому, роттердамскому, делфскому, гронинскому, гахскому, алфенскому, также и двум ауторам меркуриев всякому по сту рублей и свои ведомости заблаговременно». ⁹⁴

Новый подход оказался более эффективным: известный голландский журналист Жан Руссе де Мисси первым проникся «отличным к нам благоволением», за что удостоился не только пенсион, но и чина коллежского советника. ⁹⁵ Русское правительство стало ежегодно выделять по 500 червонных для голландской прессы, и вместо грубостей о «ragvenue au trope» там стали появляться сочинения о полном благополучии в России «под славным государствованием Елизаветы Первой». ⁹⁶

Однако внутри страны чрезмерная пропагандистская активность представляла и очевидное неудобство: сама власть с высоты престола и церковных амвонов внушала подданным, что выступление против ее верховных носителей может быть почетным и богоугодным делом. Такое понимание нашло отражение в литературе: в исторических драмах Сумарокова «зверовидным» тиранам противопоставлялись благородные принцы, убежденные:

*«Когда герои власть оружием теряют,
Оружием ту власть себе и возвращают».* ⁹⁷

«Брегися, государь, нечаянных измен», — предупреждают бояре в «Хореве» Кия, свергнутого с престола князя Завлоха; в «Семире» «правитель российского престола» Олег устраняет киевского князя и отца героини.

По-видимому, этот урок был усвоен: в дальнейшем таких широких «кампаний» по оправданию совершившихся переворотов уже не будет. К тому же «антинемецкая» риторика пропагандистских документов способствовала начавшимся в столице выступлениям против офицеров-иностранцев, которым солдаты кричали: «Указ есть, чтоб всех иноземцев перебить!» ⁹⁸ Подобные инциденты получили резонанс за границей: русскому послу в Англии по этому поводу выражали озабоченность члены кабинета, и сам король осведомлялся о якобы имевшем место народном волнении в Москве. ⁹⁹ Можно полагать, что такие слухи являлись дополнительным фактором для восприятия переворота как исключительно патриотического движения.

Насколько взятые Елизаветой на вооружение лозунги соответствовали действительности? Совпадал ли специфический патриотизм гвардейской казармы с настроением улицы? Да и сама «улица» была весьма специфической: Петербург являлся не торгово-промышленным, а воен-

но-служилым городом, где армейские и гвардейские солдаты и офицеры вместе с членами семей составляли более трети населения, тогда как посадские ремесленники и торговцы — только 7%.¹⁰⁰ Поэтому «слышимые» в источниках одобрения и радость по поводу переворота высказывались именно в этой, тесно связанной с двором и службой, среде.

Тезис о свержении в 1741 г. «партии немцев» появился в научной литературе еще в середине XIX в., и с тех пор оценка переворота как выступления против «немецкой клики» прочно утвердилась в историографии.¹⁰¹ Однако патриотические настроения гвардейцев несколько не мешали им выражать свои симпатии послу далеко не дружественной державы; Шетарди, в свою очередь, целовался с «янычарами» и поил их шампанским.

Среди потока прошений к новой императрице можно встретить челобитные тех, кто называл себя давними сторонниками опальной принцессы. Но при проверке порой оказывалось, что пострадавшие, как аудитор инженерного корпуса Прохор Муравьев и его друзья, действительно попали при Бироне в Тайную канцелярию, но ... в качестве сочувствующих вовсе не Елизавете, а Анне Леопольдовне.¹⁰² Один из «героев» восстановления самодержавия 25 февраля 1730 г. С. Шемякин жаловался на «невинной арест» при Анне Иоанновне, хотя угодил под следствие за свои служебные злоупотребления.¹⁰³

Имеющиеся в литературе сведения позволяют полагать, что к 40-м гг. XVIII в. именно в этой служилой среде на «фоне» недолгого правления Бирона и «брауншвейгской» династии петровская эпоха стала восприниматься как время славы и благополучия.

На это как будто указывает идеализация Петра в появившихся в те годы своеобразных «преданиях», где он предстал царем-«солдатом» и героем сюжета о воре, который не смел посягнуть на царскую казну.¹⁰⁴ Об этом же свидетельствуют интересы столичных читателей. По данным «Учетной книги» изданий Синодальной типографии 1739–1741 гг., в это время особой популярностью пользовалась литература о Петре I и его семействе. Читающая публика покупала «Проповедь в день годишного поминовения» императора, «Похвальное слово» ему и другие произведения, связанные с его «домом» и именем: «Описание о браке» Анны Петровны, «Слово на погребение» Екатерины I.¹⁰⁵

Но при этом иные современники вроде бы и не замечали «немецкого» господства. Упомянувший выше подштурман И. М. Грязнов столь же спокойно, как и в случае с Бироном, отмечал в дневнике: «Ноября 25 соизволила всероссийской престол принять государыня императрица, а прежняя правительница с мужем и сыном своим отлучены и сvezены с честью в незванное место». «Пиита» В. К. Тредиаковский в оде на коронацию Елизаветы изображал всеобщее желание видеть цесаревну на «наследном троне» и перечислял подстерегавшие ее опасности:

*«Сети поставлены уж были,
Глубина же ям оказалась,
Беды и напасти губили,
Ненависть как огонь разгоралась»*,¹⁰⁶

— но не упоминал ни о каком «немецком засилье».

Одно из редких свидетельств о перевороте «снизу» отыскалось в делах Тайной канцелярии. В 1751 г. крестьяне подпоручика Алексея Жукова разговорились о брате своего хозяина поручике Семеновского полка Андрее Жукове: «Смел он очень; вот как де когда всемиловитейшая государыня ссаживала Антония, то де никто ево не смел взять; а как де всемиловитейшая государыня соизволила братца ево послать, то де он, пришед, взял ево, Антония, за волосы и ударил об пол». Поручик предстает в этой байке почти былинным героем, но собеседники вовсе не воспринимают его поступок как борьбу с «немцами».¹⁰⁷

При поисках источников о событиях 1740–1741 гг. автор обнаружил в отделе исторической книги Государственной публичной исторической библиотеки дневник неизвестного московского чиновника, написанный на полях и между строк печатного «Санкт-Петербургского календаря на лето 1741 г.».¹⁰⁸ Его автор заносил туда текущие новости и происшествия: «гуляния», официальные приемы, свадьбы, цены на рынке.

Интересующие нас проблемы затронула единственная запись под 29 ноября: «Прибыл капитан гвардии Семеновского полку Петр Васильев сын Чадаев с объявлением о восшествии на престол всероссийский е.и.в. всемиловитейшей нашей императрицы Елисаветы Петровны». Событие отмечено не только принесением присяги, но и особой торжественностью: «И от того числа вседневно звон в соборе и у всех церквей целую неделю был, а ношью везде иллюминация. В приказах и в рядах в ту неделю не сидели». Дальше все быстро входит в привычную колею, и автора волнуют прежде всего непредвиденные расходы: на подарок вестнику капитану (1000 рублей), на бал в Ратуше, на сборы «в поднос» самой императрице (3500 рублей). Похоже, столичные события воспринимались обывателями без особых эмоций как весьма далекие от жизненных забот и проблем и уж во всяком случае не как избавление от засилья иноземцев.

Официальным курсом нового царствования стало возвращение к заветам Петра I. Этот курс продолжался примерно до конца 40-х гг. и завершился провалом: простая реставрация петровских порядков и учреждений не соответствовала стоявшим перед страной задачам.¹⁰⁹

На деле же «петровская» риторика новой власти в ряде случаев оборачивалась продолжением официально осуждаемой практики «незаконного правления». Вслед за Анной Леопольдовной Елизавета еще больше повысила значение придворных чинов: камер-юнкер приравнялся уже к армейскому бригадиру, новые фельдмаршалы, вроде А. Г. Разумовского или С. Ф. Апраксина, едва ли могли соперничать даже с Минихом. Зато имели место конъюнктурные искажения действительных петровских предначертаний. Так, в 1743 г. Елизавета утвердила доклад о прекращении экспедиции Беринга, от которой Сенат «ни малого плода быть не признает».¹¹⁰

В сфере социальной политики правительство Елизаветы продолжало наметившийся ранее курс на укрепление «регулярного» государства. Повидимому, переворот 1741 г. породил надежды на облегчение положения крепостных. Во всяком случае, крестьяне нескольких недавно пожалованных сторонникам Анны Леопольдовны деревень (кабинет-секретаря

Яковлева) просили о передаче их по-прежнему в дворцовое ведение. Указ 2 июля 1742 г. упоминал, что беглые помещичьи люди «немалым собранием» подали прошение императрице о разрешении им записываться в армию, и категорически запретил такой уход; самих жалобщиков отправили в ссылку на сибирские заводы.¹¹¹ В мае того же года разрешенная ранее подача императрице челобитных была категорически воспрещена. При принесении присяги Елизавете крепостные были фактически исключены из числа подданных — за них присягали их владельцы.

Первоначальные послабления сменились в 1742 г. распоряжениями о зыскании недоимок. Подушная подать была увеличена на 10 копеек для крепостных и на 15 копеек для государственных крестьян (30 декабря 1745 г.). Проведение новой ревизии ставило задачу сделать невозможным само существование «вольных разночинцев» — их всех надлежало непременно записать в подушный оклад, армию, на заводы.¹¹² Резко усилились при Елизавете гонения на «безуказных» предпринимателей.¹¹³ Возрождение в 1743 г. магистратов и цехового устройства не облегчило их положения: эти органы находились в полном подчинении администрации, которая могла сажать бурмистров под караул. Вопреки распространенному мнению, Елизавета не отменяла смертную казнь; можно говорить только о приостановлении исполнения смертных приговоров.¹¹⁴

Правительственная политика и усиление помещичьего гнета вызвали ответную реакцию: продолжались действия разбойных «партий» и бегство на окраины и за границы; беглые селились во владениях польских вельмож, а на южном берегу Каспийского моря строили флот шаху Надиру. С конца 40-х гг. XVIII в. резко увеличилось количество челобитных, в которых крестьяне отстаивали свои права ссылками на петровские указы о наказаниях за злоупотребления «в народных сборах»:¹¹⁵ они как бы напоминали власти о нарушении тех самых законов, которые эта власть обещала восстановить.

Оборотную сторону — ограничение веротерпимости — имела официально демонстрировавшаяся приверженность православию. Указы 1741—1742 гг. предписывали обратить все строившиеся лютеранские кирки в православные храмы и запрещали армянское богослужение. Дважды — в 1742 и 1744 гг. — объявлялось о высылке из империи всех евреев, за исключением принявших крещение.¹¹⁶ С 1742 г. Сенат повелел прекратить разрешенную ранее запись в раскол; возобновилась практика взимания денег с «бородачей» и ношения шутовских кафтанов с красным воротником-козырем для «раскольников» (именоваться «староверами» им было запрещено). В ответ на репрессии в стране вновь начались самоожжения.¹¹⁷ При этом набожная императрица вовсе не собиралась отменять законы своего отца в отношении церкви и оставила без всяких последствий доклад новгородского архиепископа Амвросия с просьбой о восстановлении патриаршества.¹¹⁸

Усилился контроль за повседневной жизнью подданных; им занимались возникшие в 1744 г. при епархиальном архиерее духовные консистории, ведавшие борьбой с ересями и расколом, а также судом над духовными лицами и мирянами. Указы Синода начала 40-х гг. запрещали

устраивать кабаки близ церквей и монастырей, в храмах предписывали никоим образом не вести бесед о «светских делах» и даже на торжественных молебнах не выражать громко свои верноподданнические чувства. Распоряжения светской власти определяли поведение на улице: чтобы «на лошадях скоро ездить и браниться не дерзали». В 1743 г. власти попытались ввести цензуру: для книг с «богословскими терминами» — в Синоде, для остальных — в Сенате. Появились указы о запрещении «писать и печатать как о множестве миров, так и о всем другом, вере святой противном и с честными нравами несогласном».¹¹⁹

Новая власть перенимала из петровского «наследства» не динамику и новаторство, а крепостничество и стремление к всеобщей регламентации. В этом смысле переворот 1741 г. не столько «открывал» возможности изменения сложившейся системы, сколько «закрывал», консервировал официально канонизированное «наследство», прикрываясь патриотической риторикой.

В предыдущей главе уже говорилось, что назначения «незаконного правления» не свидетельствуют о каком-то предпочтении иноземцев. Елизавета 31 декабря 1741 г. попробовала было пересмотреть все чинопроизводства и награждения «незаконного» царствования, но уже через несколько дней сочла более благоразумным утвердить сделанные пожалования.¹²⁰

Нельзя говорить и о массовом уходе иноземцев с русской службы: в 1742 г. подали в отставку три генерал-майора (Г. фон Вейсбах, А. фон Тау, Х. Вилдеман), двое из которых были связаны родством и службой с Минихом;¹²¹ позднее покинули Россию генералы В. Левендаль, Д. Кейт и бывший адъютант Миниха Х.-Г. Манштейн. Фельдмаршал В. В. Долгоруков в феврале 1742 г. просил Елизавету заполнить полковничьи вакансии русскими, в то же время П. П. Ласси представлял к повышению иноземцев и добивался своего.¹²²

«Список генералитета и штаб-офицеров» 1748 г. показывает, что на российской службе «немцами» являлись 2 из 5 генерал-аншефов, 4 из 9 генерал-лейтенантов, 11 из 31 генерал-майора; в среднем звене — 12 из 24 драгунских и 20 из 25 пехотных полковников. Именно при Елизавете генерал-аншефами стали Иоганн фон Люберас и родственник Бирона Лудольф фон Бисмарк; генерал-лейтенантами — Ю. Ливен, В. Фермор, П. Голштейн-Бек, А. де Бриньи, А. Девиц.¹²³ Остались на службе и другие немцы: брат фельдмаршала Х.-В. Миних, принц Л. Гессен-Гомбургский, дипломаты И.-А. Корф и Г.-К. Кейзерлинг.

«Внутренние сопостаты» Остерман и Головкин не брали «подарков» с иностранцев.¹²⁴ «Иноземное» правительство отнюдь не стремилось продавать национальные интересы страны: вопреки мнению Коммерц-коллегии и настояниям английских купцов, Кабинет отказался снизить пошлины на транзитные английские товары в Иран.¹²⁵

С другой стороны, именно Елизавета и ее окружение пошли на контакты с Шетарди и Нолькеном, содержание которых, будь оно открыто, вполне могло послужить основанием для сурового приговора. Несмотря на то, что переворот произошел без какого-либо участия французского

посла, Шетарди на некоторое время стал важной фигурой при дворе Елизаветы. Именно во время ее правления характерной чертой российской политической жизни примерно до конца 40-х гг. стало соперничество «больших придворных партий» с иностранными дипломатами во главе и выплата последними «пенсий» своим российским «друзьям».¹²⁶

Шетарди и Мардефельд не жалели сил и средств, чтобы знать, что «в сердце царицыном делается», и свалить своего противника — А.П.Бестужева-Рюмина. Для этой цели предназначались «пенсии» придворным дамам, А.Лестоку и М.И.Воронцову, которые «проходили» по донесениям дипломатов как «смелой приятель» и «важной приятель»; к этой же группировке примыкали Н.Ю.Трубецкой, А.И.Румянцев и А.Д.Голицын. Король Пруссии выделил Воронцову «подарок» в 50 тысяч рублей, ежегодный «пенсион» и даже лично инструктировал российского вице-канцлера в Берлине осенью 1745 г. Прусский посол в Петербурге докладывал, что Лесток «настолько ревностный слуга вашего величества, будто он находится на вашей службе».¹²⁷

Канцлер, которого, в свою очередь, финансировали дипломаты Австрии и Англии, уже в начале 1742 г. организовал систематическую перлюстрацию дипломатической почты аккредитованных в Петербурге послов, создав для этого целый штат, включавший резчика печатей, копиистов, переводчика. Главным специалистом «черного кабинета» стал академик-математик Христиан Гольдбах: именно его усилиями через год были дешифрованы депеши Шетарди, и миссия маркиза завершилась полным провалом в 1744 г.¹²⁸

Бестужев запугивал императрицу: «Лестока опасаться надобно, чтоб он из своей партии другого Миниха не сделал, ибо теперь явствует, что князь Трубецкой достойным к тому уже признан». В качестве примера канцлер считал вполне уместным привести поведение недавней правительницы: она не слушала предостерегающих советов и потеряла власть. В итоге в 1748 г. Лесток был арестован и сослан в Устюг; но ни Воронцова, ни Трубецкого Елизавета, как известно, не тронула — она умела лавировать и использовать противоречия между своими слугами. Но сначала ей предстояло навести порядок «внизу».

«Государыня такой же человек, как и я»

Донесения иностранных послов единодушно подчеркивают, что первое время атмосферу в Петербурге определяло гвардейское «солдатство», почувствовавшее себя хозяевами положения. Приведенные выше сомнения в существовании «господского» заговора придают этой специфике еще большую значимость: российское «переворотство» достигло **предельно допустимого для правящей элиты уровня политического действия**, что и было ею осознано. Не случайно сразу после переворота Сенат указал двинуть из Москвы в Петербург 46 рот «как возможно наискорее» — то ли для противовеса недовольной переворотом части гвардии, то ли для охраны столицы от «спасителей отечества».¹²⁹

В замечаниях на записки Манштейна приведен отзыв генерала В.Левендаля об арестованном Минихе: фельдмаршал «первый подал опасный пример, как с помощью роты гренадеров можно низвергать и возводить

на престол государей». В начале XIX в. эту особенность ситуации 1741 г. подчеркнул А.Р.Воронцов в записке, адресованной только что вступившему на престол Александру I: даже «незаконное» избрание Анны Иоанновны с «несвойственными» для России кондициями было все же предпочтительнее, поскольку «не солдатство престолом распоряжало, как в последнее время похожее на то случалось».¹³⁰

Самоощущение гвардейцев той эпохи передает одна история из недр Тайной канцелярии. В декабре 1742 г. по Петербургскому тракту возвращались из отпуска капитан-поручик Преображенского полка Григорий Тимирязев и молодой солдат Иван Насонов. Рождественской ночью, после ужина капитан-поручик расчувствовался насчет судеб дворянства в новое царствование: «Жалуют де тех, которые не токмо во оной чин годились, но прежде бы де ко мне в холопы не годились. Возьми де это одно — Разумовской де был сукин сын, шкаляр местечка Казельца, ныне де какой великой человек. А все де это ни што иное делает, кроме того, как одна любовь».

Далее бывалый гвардеец рассказал об увлечениях «нынешней государыни», начиная с «Аврамка арапа, ... которого де крестил государь император Петр Великой. Другова, Онтон Мануилович Девиера, третьяго де ездова, (а имяни, отечества и прозвища ево не сказал); четвертова де Алексея Яковлевича Шубина; пятова де ныне любит Алексея Григорьевича Разумовского. Да эта де не довольно; я де знаю, что несколько и детей она родила, некоторых де и я знаю, которые и поныне где обретаются». Затем зеленому солдату была раскрыта вся новейшая история России с ее интимной стороны: «Да что де это, у нее и батюшка та был! Как де он еще не был женат на императрице Екатерине Алексеевне, то де был превеликой блудник, а когда де женился, то де, хотя к тому з женами блуд и не дерзал, однако ж де садомскому блуду был повинен...

Да и императрица де Екатерина Алексеевна — я де все знаю — вить де и она, правда де, хотя и любила своего супруга, однако ж де и другова любила, камергера Монса, которому де за оное при тех случаях и голова отсечена, а ея де за это государь очень бил. Да и императрица де Анна Иоанновна любила Бирона и за то его регентом устроила. Смотри де, что монархи делают, как де простому народу не делать чего, (а чего имянно, не выговорил). А когда де заарестовали принцессу с ея фамилиею, меня де в ту пору определили к ней для охранения. Обещали де мне неведомо што; в ту же де пору ко мне приезжали Шуваловы и сулили де мне очень много, ан де вот и поныне ничего нет, да и впредь не будет — какой де кураж служить? Боже мой, ежели ж де принцесса с своим сыном по прежнему будет, то де, конечно, я бы был кавалер святого Андрея или, по крайней мере, святого Александра».¹³¹

Солдат по приезде в северную столицу немедленно отправился с доносом. Однако эта история интересна не только анекдотическими подробностями; отношение Тимирязева к придворным «амурам» отражает характерные черты изменения сознания той самой среды, которая была основной опорой трона, но и «делала» дворцовые перевороты в послепетровской России.

При Петре I гвардейцы были точными исполнителями воли царя-реформатора. Но с тех пор гвардия прошла хорошую школу придворной борьбы и научилась не только просить «в награждение деревень». В ноябре 1741 г. рота преображенских гренадеров привела Елизавету Петровну к власти уже без участия вельмож и офицеров и впервые свергла при этом законного императора, что можно считать кульминацией российского «переворотства». И в Петербурге, и в действующей армии гвардейцы устраивали в 1742 г. форменные побоища и нападения на офицеров-иностранцев; только вызванные армейские части смогли навести порядок.¹³²

Атмосфера 1741 г. вскружила головы многим военным: 19-летний сержант Невского полка Алексей Ярославцев, возвращаясь с приятелем и дамой легкого поведения из винного погреба, даже не сочли нужным в центре Петербурга уступить дорогу поезду самой Елизаветы. «Тем ездовым кричали “сами де поди” и бранили тех ездовых и кто из генералов и из придворных ехали, матерно, и о той их брани изволила услышать ее императорское величество», — хвастался сержант приятелям, а на их увещевания отвечал: «Экая де великая диковинка, что выбрали де мы генерала или ездовых. И сама де государыня такой же человек, как и я, только де тем преимущество имеет, что царствует».¹³³

Так же мыслил и Тимирязев, выслуживший за 20 лет только чин капитан-поручика. Донос его не очень-то смутил: капитан был уверен, что все гвардейские офицеры «могут об оном то же сказать, понеже они, обер-офицеры, завсегда бывають во дворце и о том обо всем сами известны».

Рассказ о любовных страстях монархов плавно переходит у офицера в жалобу, что у него-то «и поныне ничего нет», и надежду на исправление такой несправедливости. Службу по охране свергнутой правительницы Анны Леопольдовны не оценили; но ведь «принцессу» можно вернуть на трон — тогда будут и награды, и «кавалерия». Следствие выяснило (со слов ревнивой жены офицера), что подкараульная Анна «к любви и воли его очень была склонна»...

При Анне Иоанновне тоже болтали про ее связь с Бироном. Но теперь, похоже, в столично-военной среде исчезает разница в положении «земного бога» и «рабов», императрица в глазах солдат и городской черни становится едва ли не «своей в доску».

Даже далекие от дворца люди со знанием дела могли обсуждать интимную жизнь своей государыни и количество ее незаконных детей.¹³⁴ Простой поручик Ростовского полка Афанасий Кучин в 1747 г. заявил А.И.Ушакову: «Ее императорское величество изволит находиться в прелюбодеянии с его высокографским сиятельством Алексеем Григорьевичем Разумовским; и будто он на естество надевал пузырь и тем де ее императорское величество изволил довольствоваться», — кажется, впервые указав на появившуюся при дворе новинку в области противозачаточных средств.¹³⁵

Рядовой лейб-кампанец Игнатий Меренков мог по-дружески позавидовать: его приятель гренадер Петр Лахов «с ея императорским величеством живет блудно»; чем он, спрашивается, лучше?¹³⁶ За «свою сестру

блядь» держали Елизавету Арина Леонтьева из сибирского Кузнецка и другие «посадские женки» не слишком строгих нравов.¹³⁷ Про нее же «с самой сущей простоты» сложили развеселую песню:

«Государыню холоп

*Подымя ногу гребет».*¹³⁸

Даже какие-то «польские мужики» на границе могли себе позволить пожелать: «Кабы де ваша государыня была здесь, так бы де мы готовы с нею спать», — за что получили от российских солдат «в рожу».¹³⁹

Но фортуна, с точки зрения Тимирязева и подобных ему, почему-то всегда улыбается недостойным. Характерное мнение дворянского общества выразил в подпитии «унтер-экипажмейстер» Александр Ляпунов: «Всемилоштивейшая де государыня живет с Алексеем Григорьевичем Разумовским; она де блядь и российской престол приняла и клялася пред богом, чтоб ей поступать в правде. А ныне де возлюбила дьячков и жаловала де их в лейб-кампанию в поручики и в капитаны, а нас де дворян не возлюбила и с нами де совету не предложила. И Алексея де Григорьевича надлежит повесить, а государыню в ссылку сослать».¹⁴⁰ Завистливые глаза и языки приписывали незначительному фавориту и планы «утратить» наследника, и волшебство его матери («ведьма кривая, обворожила всемилоштивейшую государыню»); выдумывали даже, что у самой благодетельницы он велел «подпилить столбы» в спальне, чтоб ее «задавить».¹⁴¹

События 1741 г. открыли еще одну закономерность российского «переворотства»: легкость и безнаказанность захвата власти породила в гвардейско-придворной среде настроения «переиграть» ситуацию: «в случае» оказывались немногие, а обиженных при дележе наград и чинов всегда хватало.

Уже в январе 1742 г. Финч счел нужным отметить ропот в гвардии. Затем эти настроения стали материализовываться: летом этого года преображенский прапорщик Петр Квашнин, камер-лакей Александр Турчанинов и измайловский сержант Иван Сновидов сочли возможным собрать «партию человек в триста или и больше, и с тою бы партией идти во дворец и государыню императрицу свергнуть с престола, а принца Иоанна возвратить». На вопрос, что делать с императрицей, Турчанинов прямо пояснил: «Где он их увидит — заколет».¹⁴²

«Дело Лопухиных» выявило подобные настроения и в придворных кругах: подполковник Иван Лопухин летом 1743 г. не стеснялся заявлять о скорых «переменах» в правительстве и воцарении опять же «принца Иоанна», при этом называл многих недовольных происшедшим переворотом офицеров.¹⁴³

Недовольство проявляли даже искренние сторонники бывшей опальной цесаревны. Сосланный еще в 1740 г. за выражение сочувствия к правам Елизаветы капитан Петр Калачов по возвращении из Сибири (по распоряжению Анны Леопольдовны) был пожалован в майоры и отставлен «с денежным награждением». Однако таким обращением был обижен и затеял тяжбу о возвращении своих якобы незаконно отчужденных «деревень», в ходе которой четыре раза подавал «доклады» императрице.

Интересно в данном случае не столько желание майора вернуть свои давно заложенные имения, сколько его уверенность в том, что Елизавета

«возведена на российский престол через ево, Калачова, первого». Поэтому, считал он, его семье вполне уместно быть «при дворе», а ему самому «поручить в смотрение табашной и питейный сборы» по всей стране. В своем «бессовестном неудовольствии» верноподданный майор грозил императрице «бунтом», поучал ее отпустить свергнутого Ивана III с отцом за границу и полагал, что «такова в государстве разорения и неправосудия не бывало» из-за «воров» и «изменников», к числу которых относил весь Сенат вместе с генерал-прокурором, вице-канцлером М.И.Воронцовым и многими другими высшими чиновниками.¹⁴⁴

Елизавета присматривала за отдельными офицерами — например, за буйным в молодости гвардейцем и полковником Воронежского полка П.А.Румянцевым. Извещая родителей о поведении сына, она писала, «что де уши у меня далеко слышат».¹⁴⁵ Для этого были основания. В 1749 г. поручик Ширванского полка Иоасаф Батурич предложил великому князю Петру Федоровичу возвести его на престол: «Заарестуем весь дворец и Алексея Разумовского, а в ком не встретим себе единомышленника, того изрубим в мелкие части». Замысел офицера интересен тем, что захват власти он мыслил произвести с помощью бунта московских фабричных рабочих, которых его сторонники уже начали «подговаривать».¹⁴⁶

Приводить в чувство приходилось не только офицеров, но и солдат; списки осужденных в первые годы правления Елизаветы включают многих унтер-офицеров и рядовых гвардии, которые за «непристойные слова» отправлены на Камчатку, в Оренбург и другие дальние гарнизоны.¹⁴⁷

Крамольные мысли в ту эпоху посещали уже и лиц «подлого звания», вступающая в неразрешимый конфликт с традиционной культурой и представлениями о власти, как у армейского солдата Василия Трескина из гарнизона крепости св. Анны. Майской ночью 1756 г. на казарменных нарах «пришла ему, Трескину, мысль одному и рассуждал сам с собой один: что де вить невеликое дело государыню уязвить; и ежели он, Трескин, когда будет в Москве или в Санкт-Петербурге и улучит время где видеть милостивую государыню, то б ее, государыню заколоть шпагою. И думаячи де оное, в то ж самое время пришел он от того в страх и, желая по самое чистой своей совести пред Богом и пред ея императорским величеством принести в том добровольную повинную»; т.е. он сам на себя донес «по первому пункту», был пытан, этапирован в Петербург и по дороге в Москве покончил с собой.¹⁴⁸

Пройдя путь от открытого столкновения придворных группировок в относительно «цивилизованных» формах 1725 и 1730 гг., практика политической борьбы привела к форме «военного» переворота 1740 г.; наконец, в 1741 г. гвардия оказалась на грани выхода из-под контроля. Решающая же роль гвардии в столице определялась слабостью полиции и небоеспособностью расквартированных в Петербурге армейских частей. По рапорту обер-коменданта столицы С.Л.Игнатьева, в июле 1741 г. из 4 полков гарнизона (4135 строевых при некомплекте в 1317 человек) 2621 солдат и офицер находились в «ближних и дальних отлучках», т.е. на различного рода работах.¹⁴⁹ В строю оставалось только 1106 человек — ничтожная сила по сравнению с гвардейскими полками.

Уроки и последствия переворота

Плата за успех снижением престижа самой императорской власти и ростом своеволия ее опоры не могла не беспокоить Елизавету и ее окружение. Поначалу действовать приходилось не столько кнутом, сколько пряником. 7 декабря 1741 г. императрица угощала преображенцев в той самой казарме, куда она явилась в ночь переворота, и указала построить на месте съезжей избы гренадерской роты храм во имя Спаса Преображения и Св. Сергия. Указ 21 декабря увеличил каждому гвардейскому солдату жалованье на 3 рубля, а сверх того назначил им выдачу особых крестинных и именных денег (на четыре полка в год — около 35 тысяч рублей), но запретил самовольно являться во дворец.¹⁵⁰

В дальнейшем Елизавета постепенно сумела стабилизировать ситуацию в полках. Из гвардии были «выключены» сторонники «прежнего правления» (майор Н.И.Стрешнев, капитаны братья И. и Ф.Остерманы, М.Аргамаков, капитан-поручик И.Бехейм). Императрица требовала предоставления ей еженедельных ведомостей о состоянии полков и даже сведений об исповедовавшихся и причащавшихся.¹⁵¹

Во главе гвардии были поставлены ее доверенные лица: Преображенского полка — престарелый А.И.Румянцев, затем — А.Б.Бутурлин; Семеновского — неизменный А.И.Ушаков, затем С.Ф.Апраксин; Измайловского — К.Г.Разумовский; Конной гвардии — А.Г.Разумовский. Придворные подполковники обеспечивали лояльность своих частей; повседневно же командование осуществляли майоры-строєвики, имевшие необходимый опыт при отсутствии политических амбиций: Н.Соковнин, И.Майков и Ф.Вадковский в Семеновском; П.Воейков, И.Косагов и В.Суворов в Преображенском; И.Гурьев и Д.Чернцов в Измайловском; П.Черкасский в Конной гвардии.

Другой новацией стало постепенное изменение принципа комплектования гвардии. При Елизавете она постепенно теряет свое «дворянское» лицо за счет участившейся практики переводов солдат из армейских полков и одновременного «выпуска» гвардейцев в армию; в гвардейских частях стали появляться новобранцы-рекруты.¹⁵² Но при этом унтер-офицеры и офицеры становились как раз более родовитыми и зажиточными: 80 % офицеров имели более 100 душ, а 33 % — более 500.¹⁵³

Представители таких фамилий проходили свой солдатский «стаж» на учебе дома и попадали в полк уже унтер-офицерами или записывались «сверх комплекта» без жалования: так служили братья Орловы, молодые Д.И.Фонвизин и М.М.Щербатов.¹⁵⁴ Наметившаяся тенденция подрывала корпоративность гвардии, раскалывала ее на «солдатство» и «господ»; с другой стороны, концентрация в полках родовитого и богатого дворянства тоже представляла известную угрозу, что показал переворот 1762 г.

Если Анна Иоанновна противопоставила «старой» гвардии два новых полка, то Елизавета уже 31 декабря 1741 г. создала Лейб-компанию — привилегированное воинское соединение из числа солдат бывшей гренадерской роты Преображенского полка. Сама она стала ее капитаном; принц Л.Гессен-Гомбургский — капитан-поручиком, Ю.Грюнштейн — прапор-

щиком; прочие офицерские должности в этой «гвардии в гвардии» получили самые близкие к императрице люди — А.Г.Разумовский, М.И.Воронцов, братья П.И. и А.И.Шуваловы. Сержантами, капралами и вице-капралами были назначены наиболее активные заговорщики. В печатном указе все участники переворота были названы поименно; лейб-кампанцы — недворяне получили дворянство, им были составлены гербы с девизом «За веру и ревность» и пожаловано по 29 крепостных душ. К весне 1743 г. сумма расходов на это подразделение из «кабинетских» сумм Соляной конторы составила 143136 рублей.¹⁵⁵

Лейб-кампанцы постоянно сопровождали императрицу в поездках и несли дежурство во дворце. Однако императрица вынуждена была считаться с волей своих «детушек», убежденных в своем особом положении, перед которым былые гвардейские «продерзости» выглядят детскими шалостями.¹⁵⁶ Причиной, скорее всего, был страх перед возможным переворотом, который не отпускал императрицу до конца ее жизни.¹⁵⁷

В высших эшелонах власти также осуществлялись перемены. Из 14 членов нового Сената 4 состояли в нем при Анне Иоанновне (В.Я.Новосильцев, Г.П.Чернышев, А.Л.Нарышкин, А.И.Ушаков); 2 — при Бироне (И.И.Бахметев) и Анне Леопольдовне (А.Д.Голицын). Остальные же (бывшие кабинет-министры А.М.Черкасский и А.П.Бестужев-Рюмин, И.Ю.Трубецкой, С.А.Салтыков, Н.Ф.Головин, М.М.Голицын, А.Б.Куракин, Г.А.Урусов) также успешно служили во времена «бионовщины».¹⁵⁸ Сохранили свои посты канцлер А.М.Черкасский и встречавший без единой опалы уже пятое царствование генерал-прокурор Н.Ю.Трубецкой, несмотря на сомнения в его лояльности.¹⁵⁹

Заверения в высочайшей милости были даны московскому главнокомандующему графу С.А.Салтыкову. Глава Тайной канцелярии А.И.Ушаков получил повеление состоять при императрице «безотлучно»: необходимость в его услугах была в глазах Елизаветы очевидной, и она 2 декабря 1741 г. отменила уже состоявшееся назначение главного следователя в действующую армию. Ушаков остался в милости до самой смерти в 1746 г.; однако, несмотря на исключительное доверие к нему императрицы, известны случаи, когда она проводила расследования помимо Тайной канцелярии и ее начальника.¹⁶⁰ Количество же расследуемых этим учреждением дел намного выросло, особенно во второй половине елизаветинского царствования. Наш подсчет по перечневым ведомостям, составленным при передаче в архив документов Тайной канцелярии, показывает, что при Анне Иоанновне в среднем за год рассматривалось 161 дело, а при Елизавете — 277.¹⁶¹

Таковыми же корректными были назначения в системе управления (см. Приложение, Таблицы 1 и 2). Только в Иностранной, Военной и Коммерц-коллегии прежнее руководство было устранено в ходе переворота: принца Антона, Остермана и К.Л.Менгдена сменили соответственно В.В.Долгоруков, А.П.Бестужев-Рюмин и Б.Г.Юсупов.

Сохранили свои посты руководители Адмиралтейства (Н.Ф.Головин), Юстиц-коллегии (И.Ю.Трубецкой), Вотчинной коллегии (И.В.Одоевский), Камер- и Ревизион-коллегии, хотя президенты двух последних

(Г.М.Кисловский и Н.С.Кречетников) были назначены в «незаконное правление». До конца 1744 г. оставался на посту генерал-полицеймейстер Ф.В.Наумов. Еще три назначения были связаны с восстановлением петровских Берг- (генерал-майор А.Ф.Томилов), Мануфактур-коллегий (генерал-майор А.Т.Барятинский) и Главного магистрата (В.П.Хованский). Умершего начальника Сибирского приказа А.Л.Плещеева сменил Н.П.Салтыков.

В провинции также прошли кадровые перестановки: в 1742 г. были назначены новые губернаторы Белгородской (П.М.Салтыков), Астраханской (В.Н.Татищев), Смоленской (М.И.Философов), Нижегородской (Д.А.Друцкий); вице-губернаторы Новгородской (Г.И.Орлов), Лифляндской (В.П.Долгоруков) и Московской (В.П.Салтыков) губерний; главнокомандующим в Москве стал А.Б.Бутурлин. В 1743 г. А.М.Пушкин сменил в Архангельске умершего А.А.Оболенского, а в Ревель был направлен генерал-лейтенант П.А.Голштейн-Бек.

Обновление администрации трудно признать радикальной чисткой или полной сменой правящей верхушки. Пришедшая к власти цесаревна не имела в своем распоряжении ни сложившейся «партии», ни преданных ей лично «немцев», как у Анны Иоанновны; а члены ее двора (Разумовские, Воронцовы, Шуваловы) по молодости и неопытности на первые роли еще не годились.

Скорее можно говорить о плавном перемещении по кругу при сохранении ключевых фигур — таких, как А.И.Ушаков или Н.Ю.Трубецкой, — и даже родственников опальных: Дворцовую канцелярию возглавил брат сосланного фельдмаршала Х.-В.Миних, а брат М.Г.Головкина сохранил ответственный пост посла в Гааге. Уходившие со своих постов обычно не попадали в опалу, а просто меняли место службы, как бывшие сенаторы (за исключением В.И.Стрешнева): П.М.Шипов получил назначение в Штатс-контору, Я.П.Шаховской стал обер-прокурором Синода, А.М.Пушкин — архангельским, а М.И.Философов — смоленским губернатором.

Опорой Елизаветы стали старые слуги ее отца. Однако это поколение деятелей начало сходить со сцены: в 1742–1749 гг. умерли А.М.Черкасский, С.А.Салтыков, Г.А.Урусов, В.Я.Новосильцев, Г.П.Чернышев, Н.Ф.Головин, В.В.Долгоруков, А.И.Ушаков, А.Б.Куракин, И.Ю.Трубецкой, А.И.Румянцев.¹⁶² Оставшиеся образовали новые враждебные «партии».

Императрица успешно использовала проверенный способ: образование сначала временных консилиумов, а затем еще одного высшего совета — Конференции при высочайшем дворе, не получившей, в отличие от Кабинета министров, никаких формальных прав.¹⁶³

Другим способом стала массовая «ротация кадров» в системе управления, дважды осуществленная за время царствования (см. Приложение, Таблицы 1 и 2; Диаграммы 1 и 2). В марте 1753 г. одновременно были смены президенты 6 коллегий (Камер-, Ревизион-, Берг-, Мануфактур-, Юстиц- и Вотчинной — см. Приложение, Таблица 1), а также начальники Сысского, Судного и Сибирского приказов, Канцелярии конфискации и Монетной канцелярии. В Сибирской, Смоленской и Эстляндской гу-

берниях появились новые губернаторы; в Петербургской, Лифляндской и Новгородской — вице-губернаторы (см. Приложение, Таблица 2).

Следующая такая операция была проведена в августе 1760 г. В состав Конференции были введены близкий Елизавете А.Б.Бутурлин, противник Шуваловых Я.П.Шаховской и И.И.Неплюев — зять Н.И.Панина, одновременно ставшего воспитателем маленького Павла. Одновременно был расширен состав Сената: туда вошли А.И.Шувалов, Р.И.Воронцов, И.И.Неплюев, А.Г.Жеребцов, П.Г.Чернышев, обер-комендант столицы И.И.Костюрин, генерал В.И.Суворов и бывшие президенты коллегий Я.Л.Хитрово и М.И.Шаховской.¹⁶⁴ Кроме того, сменились президенты шести коллегий и губернаторы в восьми губерниях; появились новые руководители в Соляной конторе, Сыском и Судном приказах. Наконец, в том же году был обновлен состав комиссии для составления нового Уложения, брат канцлера Р.И.Воронцов стал ее новым председателем.

В целом последний «бюрократический переворот» затронул около 60 должностей.¹⁶⁵ Причины каждого персонального назначения (тем более принадлежность конкретного лица к той или иной родственно-клиентской «сети») и в 1753 г., и в 1760 г. определить трудно. К тому же в последнем случае большинство кандидатур было согласовано членами Конференции и подано в виде ее доклада на утверждение.¹⁶⁶ Однако названных выше новых членов Конференции Елизавета выбрала сама вместо предложенных ей А.Г.Разумовского и И.И.Шувалова, то же происходило и с другими «назначенцами». Современники и историки связывали эти перемены с изменением придворного расклада — ослаблением влияния братьев П.И. и А.И.Шуваловых.¹⁶⁷

При этом, как и в 1741—1742 гг., кадровые перемены не сопровождалась опалами и представляли скорее «плановую» перестановку ответственных лиц внутри государственного аппарата. Я.П.Шаховской сменил Н.Ю.Трубецкого на посту генерал-прокурора, а тот стал президентом Военной коллегии. И.И.Юшков в 1753 г. возглавил Судный приказ, в 1760 г. был переброшен в президенты Камер-коллегии, а ее прежний начальник М.И.Шаховской стал сенатором вместе с президентом Вотчинной коллегии Я.Л.Хитрово, чье место занял М.К.Лушин. Лифляндский вице-губернатор В.П.Долгоруков сделался в 1753 г. губернатором соседней Эстляндской губернии; ставший в том же году вице-губернатором в Киеве И.И.Костюрин сначала был сделан столичным обер-комендантом, а в 1760 г. — сенатором.

Сравнение кадровой политики в царствования Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны показывает, как нам представляется, некоторые значимые различия в ее практическом осуществлении (см. Приложение, Диаграммы 3 и 4). За 20-летнее царствование Елизаветы репрессии в адрес руководителей учреждений применялись почти в два раза реже, чем в десятилетие «бионовщины». В обратной пропорции возросло количество должностных лиц, скончавшихся при Елизавете на своем посту. Соответственно увеличилось при дочери Петра количество отставок и уменьшилось количество переводов на другую работу. Все это можно объяснить как более «спокойным» характером царствования, так и сменой поколений — уходом из жизни старших по возрасту «птенцов гнезда Петрова».

Что же касается губернаторов, то здесь картина несколько иная (см. Приложение, Диаграммы 5 и 6). Она также отражает уменьшение репрессивных мер при смещении должностных лиц; но одновременно показывает, что и при Анне, и при Елизавете имели место колебания при назначениях, в результате которых 8 % губернаторов так и не приступили к своим обязанностям: получили новое назначение или остались при старой должности.

К сожалению, нам остается неизвестной причина сравнительно большой доли смещений (11 % при Анне и 26 % при Елизавете), и это обстоятельство несколько «смазывает» динамику процесса. Но, похоже, что, в отличие от кадров в аппарате центрального управления, институт губернаторства при Елизавете еще не устоялся: в этой системе стабильности было меньше, о чем свидетельствуют одинаковые показатели отставок губернаторов при Анне и при Елизавете.

Сравнение по чинам корпуса высших государственных служащих и губернаторов (см. Приложение, Диаграммы 7, 8, 9, 10) показывает одинаковую тенденцию: постепенное закрепление статуса руководителей этого уровня в III—V классах Табели о рангах. У губернаторов лица в этих чинах составляли 71 % при Анне и 79 % при Елизавете; у начальников коллегий и канцелярий — соответственно 57 % и 70 % при сокращении доли чинов VI—VII ранга. IV (генерал-майорский) чин становится основным (46 %) для губернаторского поста; высшие военные III и II чина также стабильно составляют соответственно 36 % и 39 % в основном за счет генерал-губернаторов и главнокомандующих в столицах. Особенно часто такие временные главнокомандующие назначались при Елизавете.

У руководителей учреждений дифференциация по чинам более дробная, в зависимости от уровня самих учреждений: статус глав «первейших» коллегий был намного выше положения начальников приказов и канцелярий; однако и здесь число должностных лиц IV класса возросло с 20 % до 32 %.

Удачей (или талантом?) Елизаветы стало сочетание никогда не покидавшего ее «чувства власти» (по определению Е.В.Анисимова) с невмешательством в повседневную работу государственной машины. Последнее обеспечивало спокойное течение дел, в то же время исключая непредсказуемое воздействие некомпетентных лиц или слишком заинтересованных «партий» на работу аппарата. За это Елизавету обычно критикуют;¹⁶⁸ но именно этот баланс в сочетании с известной децентрализацией управления (существование Конференции и Сената; раздробление военного ведомства; восстановление Кабинета императрицы с неопределенными полномочиями¹⁶⁹) делал невозможным появление мятежных групп и «переворотных» ситуаций на протяжении ее долгого царствования.

Сохранились и отлаженная при Анне «должность» фаворита, и практика постоянных раздач-милостей из царских рук.¹⁷⁰ Тайная канцелярия при Елизавете работала не менее активно; но резкое сокращение репрессий по отношению к дворянству исключало повторение процессов времен «бионовщины», подобных «делам» Голицыных, Долгоруковых, Волынского.

Елизавета уладила вопрос о престолонаследии. Пятого февраля 1742 г. в Россию привезли ее племянника, голштинского принца Карла-Петра-Ульриха, а уже 7 ноября после принятия православия он был объявлен наследником престола; было указано поминать его на богослужении как «внука Петра Первого, благоверного государя великого князя Петра Федоровича». Но принципиально изменять или отменять петровский указ 1722 г. Елизавета не стала, хотя предыдущие случаи уже показали опасность такой правовой неопределенности. Она также не сумела решить проблему экс-императора Ивана III. Все 20 лет ее правления беспокойство по поводу узника не оставляло ее, а фигура принца оставалась «катализатором» переворотных надежд внутри страны и каких-то не вполне ясных планов зарубежных политиков.

С 1742 г. среди охранявших брауншвейгское семейство в Риге гвардейцев стали вестись разговоры о порядке наследия престола. В 1743 г. за здоровье Анны Леопольдовны и ее сына поднял тост в сибирской глуши иноземец-портной «из Ангальтского княжества» Иван Зибек.¹⁷¹ В июне 1745 г. императрица лично допрашивала дворянина А. Беклемишева, показавшего на своих знакомых, сожалевших об участии свергнутой правительницы и ее сына и якобы мечтавших о «республике». Но из болтовни Беклемишева следовало, что его знакомые офицеры братья Новиковы и капитан И. Зиновьев республиканские порядки понимали своеобразно: «Россию разделить в княжении в рознь и всякой да у них по княжению взять хотел», — и дело серьезным заговором не пахло. Однако следствие показало, что «в гвардии есть такие, что о принце сожалеют».¹⁷²

Винился в желании, «чтоб оному принцу быть на всероссийском престоле», поручик Канцелярии от строений Евстафий Зимнинский, не исключавший покушения на императрицу из пушек: «Зарядя их дробью, расстрелял ее на розно».¹⁷³ Информация о самом принце в столице распространялась из первых рук: многие гвардейцы командировались в караул к брауншвейгскому семейству и, подобно сержанту-преображенцу Ивану Назарьеву, не считали нужным скрывать, что принц «весьма умен».¹⁷⁴

Подобные разговоры порождали отклик, особенно у тех, кто считал себя обойденным. В 1748 г. в Тайную канцелярию вновь попал бывший адъютант Антона-Ульриха П. Грамотин: проведя несколько лет в ссылке, он был по-прежнему уверен, что «будет на царстве Иван Антонович вскорости». Еще через несколько лет следователям пришлось разбираться с полковником Иваном Ликеевичем, предлагавшим в своих докладах Елизавете и канцлеру Бестужеву скорее отпустить «принца Иоанна» за границу: ведь от долгого заключения пленник «как зверь будет»; после смерти императрицы непременно произойдет выступление его сторонников и наследник Петр Федорович будет изгнан в Голштинию.¹⁷⁵

Многие из «сторонников» свергнутого императора, независимо друг от друга, рассчитывали на помощь из-за границы. О поддержке принца Пруссией и Австрией говорил Иван Лопухин. Друг названного выше поручика Зимнинского «магазин-вахтер» И. Седерстрем верил в участие прусского и английского короля; на Фридриха II и Францию полагался П. Грамотин.¹⁷⁶

Возможно, все эти разговоры являлись отражением реально возросшего при Елизавете вмешательства иностранной дипломатии во внутренние дела страны. В поле зрения Тайной канцелярии систематически попадали люди, чьи связи вызывали самые серьезные подозрения.

В 1744 г. в Риге был арестован лифляндский барон Стакельберг, на которого уже поступил «сигнал» из Кенигсберга: там в «вольном доме» бывший офицер шведской службы заявил, что русская государыня «никогда на престоле спокойна не будет», и намекал на свои шведские связи и планы войны с Россией. Едва барона отправили в Сибирь, как на него поступил новый донос. Ссылный подполковник Даниил Опочинин сообщал, что Стакельберг хорошо осведомлен о месте заточения семейства Антона-Ульриха и смерти его жены, а в Кенигсберге в 1743 г. встречался с брауншвейгским дипломатом Кейзерлингом и собирался с помощью прусского короля освободить или, по крайней мере, наладить связь с пленниками. Из дела следует, что Стакельберг был знаком с другим сторонником принца — бывшим семеновцем И. Путятиным, замешанным в дело Лопухиных. На сибирских просторах им довелось встретиться и в дружеской беседе обсудить, как сделать, чтобы «государыне не быть», а фельд-маршала Миниха по подложному указу освободить из ссылки. На допросах барон категорически «заперся», беспокойного лифляндца на всякий случай отправили за Полярный круг — в Мангазею, где держали в «железах» вплоть до 1763 г.¹⁷⁷

В 1745 г. новое предостережение поступило из Англии. Русский посол И. А. Щербатов со ссылкой на прибывшего из Петербурга итальянца-учителя Л. Фоссати и его соотечественника Пискаторе докладывал, что некий итальянский кондитер Джузеппе Алипранди, состоявший в 1742 г. в голштинской свите наследника Петра Федоровича, уполномочен от брауншвейгского двора «привести на престол Иоанна» и даже обещал «ядом окормить императрицу всероссийскую». Через два года прибывший в Россию «конфетурщик» вместе с семейством был препровожден прямо в Петропавловскую крепость, где подвергнут строжайшим допросам вместе с женой; содержимое его багажа попало на криминалистическую экспертизу к лейб-медикам Бургаве и Кондоиди. Кондитер отрицал все обвинения, хотя и признал, что заезжал в Брауншвейг, но исключительно с целью заработка. В привезенных им лекарствах и «лакомствах» ничего вредного не обнаружили; но все же семейство «Жузепе Алипрандия» сослали в Казань, где оно провело 15 лет под охраной, несмотря на ходатайство посла об освобождении подданного австрийской короны.¹⁷⁸

В обоих случаях Тайной канцелярии не удалось отыскать иностранный («брауншвейгский» или «пруссский») след в деятельности арестованных, однако категорически его исключать нельзя, тем более что иностранные посланники в России были неплохо осведомлены о положении заключенных и их перемещениях.¹⁷⁹ Фридриха II явно интересовала фигура заточенного принца: в начале 40-х гг. он подавал Елизавете советы, как охранять престол от брауншвейгской династии,¹⁸⁰ позднее — если верить показаниям купца И. Зубарева — король поручил ему «скрасть Ивана Антоновича и отца его» и устроить бунт для возведения принца на пре-

стол.¹⁸¹ В донесениях датского и французского посланников содержались упоминания о каких-то «разговорах» в дворянских кружках во время болезни Елизаветы в 1749 г. по поводу возможного ареста Петра Федоровича и возведения на престол Ивана III.¹⁸²

Однако даже если считать, что никаких попыток освобождения Ивана Антоновича внутри страны и извне не было, сама убежденность в их наличии — вместе с другими свидетельствами подследственных — показательна. Несмотря на все официальные усилия, о свергнутом императоре помнили.¹⁸³ О нем говорили и лейб-камpanцы (хотя бы браня «и отца его и мать... по матерны»), и их оппоненты; суждения о его участии можно было слышать «по всем ямам», в столичной Москве и далеком Тобольске.¹⁸⁴ При этом, вопреки имеющемуся в литературе мнению, свергнутый император пользовался некоторым сочувствием именно в гвардии и дворянском обществе.¹⁸⁵ В массовом сознании «подлых» он, по-видимому, не расценивался как «свой»: в отличие от лже-Алексеев, Петров II и Петров III, вышедших из народа самозванных Иванов III, кажется, не появлялось.¹⁸⁶ Либо действительно мальчик-император воспринимался как «чужой», либо можно говорить об эффективности пропагандистских усилий Елизаветы по дискредитации «незаконного правления».

Зато с воцарением Елизаветы стали появляться самозванные «потомки» ее отца, которого при жизни как раз считали и «неистовым царем», и «подменным шведом». В 1742 г. в Тобольске при принесении присяги в соборе наследнику престола Петру Федоровичу объявил о своих правах флотский лейтенант Иван Дириков, по его словам — настоящий сын Петра I, подписавшего, будучи в Сенате, протокол, «что по кончине ево всероссийской империи быть наследником ему, Ивану».¹⁸⁷

Списки «клиентов» Тайной канцелярии свидетельствуют, что в 1747 г. сыном Петра I назвался подпоручик гвардии Дмитрий Никитин; вместе с ним по ведомству А.И.Ушакова проходили и другие «дети» императора, которые размещались «неисходно до смерти» по монастырям. Дириков угодили в заточение в Иверский монастырь, «Петры Петровичи» (один дворец Аверьян Калдаев и канцелярист Михаил Васильев) содержались в Усольском Воскресенском и Серпуховском Высоцком монастырях; в Троицком Калязинском монастыре был заключен «царевич Александр Петрович» — канцелярист Василий Смагин.¹⁸⁸ В 1755 г. в Варшаве объявился еще один «брат» императрицы и «крестник» французского короля Луи Петрович, которого русские дипломаты тщетно пытались заманить на российскую территорию.¹⁸⁹ Периодически возникали слухи о «живом» Петре II.¹⁹⁰

«Механизм» появления таких «претендентов» еще далеко не ясен: его трудно однозначно отнести как к «нижнему», народному, так и к «верхнему» самозванчеству (по терминологии Н.Я.Эйдельмана), свойственному правящему слою. Однако в иных случаях (например, с И.Дириковым) следствие — при всей относительности «экспертизы» в Тайной канцелярии — приходило к выводу о вменяемости «претендентов». Характерно, что в данном случае Елизавета отказалась от проведения расследования (а вдруг обнаружатся «грехи молодости» Петра в Воронеже, на чем настаивал Дириков?), и самозванца было приказано считать «помешанным в уме».

Возможно, появление петровского «племени» объясняется не только настроениями социального протеста и эсхатологическими ожиданиями «избавителя», но и в какой-то степени преобразенным в массовом сознании образом первого императора, противопоставлявшимся той действительности, которая официально считалась восстановлением петровских традиций.

Длительность царствования Елизаветы объясняется отнюдь не только его «национальным» характером: при всем несходстве с отцом она как правительница на голову превосходила своих предшественниц. Она могла быть жесткой, даже жестокой; умела использовать в своей политике если не дух, то, по крайней мере, «букву» замыслов своего отца; самое главное — была способна объективно и трезво оценивать своих советников, выбирать среди них наиболее умных и компетентных и умело лавировать среди соперничавших группировок, не давая никому исключительных прав и преимуществ.¹⁹¹ До самого «падения» А.П.Бестужева-Рюмина в 1758 г. придворная борьба протекала в относительно приличных границах. Правящие круги усвоили данный им урок: отныне даже самые острые противоречия в верхах больше не разрешались путем непосредственного обращения к «солдатству». Но сами движущие силы российского «переворотства» еще не исчерпали своих возможностей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Сб. РИО. Т.92. С.132,215,229,299,348. Судя по заявлениям Елизаветы, она рассчитывала и на А.И.Остермана (см.: Там же. С.215). Не послужил ли провал этих расчетов причиной расправы с «непотопляемым» прежде вельможей?

² Там же. Т.96. С.348.

³ См.: *Вандаль А.* Императрица Елизавета и Людовик XV. М., 1911. С.131-140; *Наумов В.П.* Елизавета Петровна // ВИ. 1993. № 5. С.55-56; *Павленко Н.И.* Елизавета Петровна // Родина. 1994. № 7. С.74; *Соловьев С.М.* Соч. В 18-ти кн. М., 1993. Кн.ХI. С.101-124; *Фирсов Н.Н.* Вступление на престол императрицы Елизаветы Петровны. Казань, 1887. С.138-143.

⁴ См.: РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 747. Л.4.

⁵ См.: Сб. РИО. Т.91. С.269; Т.92. С.149,191; Т.96. С.252; *Семевский М.И.* Елизавета Петровна до вшествия своего на престол // Русское слово. 1859. № 2. С.57.

⁶ Правда, из объяснений «сыщиков» (переодетых гвардейских солдат) следует, что главным объектом наблюдений был фельдмаршал Миних (см.: *Пекарский П.П.* Исторические бумаги, собранные К.И.Арсеньевым // Сб. ОРЯС. СПб., 1872. Т.9. С.307-309,314-316).

⁷ Сб. РИО. Т.91. С.98-99. Эта информация Финча сохранилась в виде записки на французском языке, озаглавленной архивистами прошлого века «План тайных мероприятий против бывшего в 1741 г. правительства» (см.: РГАДА. Ф.3. Оп.1. № 9. Л.8).

⁸ Сб. РИО. Т.92. С.229-230.

⁹ Там же. С.403.

¹⁰ Рассказ Шетарди от 9 (20) июня о том, как цесаревна уговаривала гвардейских офицеров в Летнем саду отложить преждевременное выступление («Не делайте себя несчастными, дети мои, не губите и меня. Разойдитесь, ведите себя смиренно: время не пришло»), имеется только в публикации П.П.Пекарского; в тексте депеши по изданию РИО его нет (см.: *Пекарский П.П.* Маркиз де ла Шетарди в России 1740-1743 годов. СПб., 1862. С.260). Это обстоятельство ставит вопрос о достоверности публикации П.П.Пекарского: она осуществлялась, как указал сам автор, не по подлинным дипломатическим документам, а по копиям, сделанным А.И.Тургеневым.

¹¹ См.: Сб. РИО. Т.96. С.294-295,353.

¹² См.: Там же. С.426.

¹³ См.: РГАДА. Ф.177. Оп.2. № 10. Л.85-87.

¹⁴ Сб. РИО. Т.96. С.604,609.

¹⁵ См.: Там же. С.518.

¹⁶ Например, в октябре 1740 г. крепостные князя Мышецкого в избе обсуждали текущие политические новости: кому быть царем после «земного бога Анны Иоанновны». Когда прозвучало

имя Елизаветы, то хозяйин, Филат Наумов, лежа на печи, «отвел» ее недостойную кандидатуру: «Слышал он, что она выבלядок» (РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 269. Ч.9. Л.154-155).

¹⁷ Едва ли не единственным случаем такого рода стало письмо к ней «польской нации шляхтича» Петра Прокофьева о бывшем ему «гласе с неба»: он, как российский царь Петр, должен взять в жены «российскую цесаревну Елизавету». В сентябре 1741 г. дело было передано в Синод, в чьем ведении состояли душевнобольные (см.: РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 269. Ч.10. Л.642 об.-643).

¹⁸ См.: Левин Л.И. Российский генералиссимус герцог Антон Ульрих (история «Брауншвейгского семейства» в России). СПб., 2000. С.90-91.

¹⁹ Цит. по: Внутренний быт русского государства с 17 октября 1740 г. по 25 ноября 1741 г. по документам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1880. Кн.1. С.240, 248.

²⁰ См.: Смирнов Ю.Н. Русская гвардия в XVIII в. Куйбышев, 1989. С.21.

²¹ См.: РГВИА. Ф.393. Оп.12. № 63. Ч.1. Л.228; № 114. Л.9.

²² См.: Там же. № 63. Ч.1. Л.224.

²³ См.: Там же. Оп.11. № 72. Л.21-21 об.

²⁴ См.: Там же. Оп.12. № 63. Ч.1. Л.14,40 об.,42 об.,54,81 об.,148 об.,174-175; Ч.2. Л.5,7; № 75. Л.1.-2,15 об.,86 об.-87; № 196. Л.3 об.,23 об.,24,27-27 об.,39-39 об.

²⁵ Там же. № 63. Ч.1. Л.91 об.

²⁶ См.: Там же. № 214. Л.7.

²⁷ См.: Там же. № 63. Ч.1. Л.44.

²⁸ См.: Там же. № 219. Л.8-8 об.

²⁹ См.: Там же. № 63. Ч.1. Л.158 об.,203-203 об.

³⁰ См.: Там же. Л.275-275 об.,286 об.; Ч.2. Л.25 об.,36,42,45,47 об.,49 об.,50 об.,51,73 об.,74,161.

³¹ Преображенский солдат Иван Ветчинкин жаловался, что их с утра посылают на работу. Другой преображенец, Василий Бурый, считал, что Елизавету несправедливо «отрешили от российского престола». Измайловский солдат Андрей Псишев на упреки капрала завил ему: «Тако ты черту присягал, а не государю!» Точно так же («чорту ты служишь») поступил и его сослуживец Леонтий Сокольников. Столь же непочтительно отзываться об императоре («Какому де вы чорту присягали») позволяла себе и «штатская» старушка Татьяна Иванова. Музыкант Павел Муромов был уверен, что «генерал-фелтмаршал фон Миних и другие генералы, и генерал фелтцейхмистер, да и третей император дураки». «Гошпитальный надзиратель» Михаил Крюков выразил о власти предрержавших еще более резко: «Только они Россию-ту нашу ядят» (см.: РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 269. Ч.10. Л.659,664,667-667 об.; № 781. Л.3 об.; № 785. Л.3 об.-4 об.; № 803. Л.5 об.; № 823. Л.3 об.; № 807. Л.6 об.).

³² Д.Кип даже предполагал, что начальник Тайной канцелярии А.И.Ушаков намеренно тормозил расследование таких «непристойных слов», поскольку вел «двойную игру» по отношению к правительнице (см.: *Keep J. The Secret Chancellery, the Guards and the Dynastic Crisis of 1740-1741 // Forschungen zur Geschichte Osteuropa. Berlin, 1978. Bd.25. S.190.*

³³ См.: РГВИА. Ф.393. Оп.12. № 63. Ч.2. Л.181 об.,182 об.,208,144; Ф.2584. Оп.1. № 257. Л.27,62 об.

³⁴ См.: АВПРИ. Ф.77. Оп77/1. 1741 г. № 18. Л.574. На аудиенции у Остермана 9 и 13 октября посол Мухаммед Хуссейн хан сообщил об успешном походе в Индию и беседовал «о некоторых делах, заключающих пользу обеих высочайших держав». Однако содержание этих бесед в деле о посольстве в АВПРИ не раскрывается.

³⁵ О придворных праздниках см.: Сб. РИО. Т.91. С.294-295,331,337; Т.96. С.358,399,467,489.

³⁶ См.: АКВ. Кн.25. С.41; Перевороты и войны /Христофор Манштейн. Бурхард Миних. Эрнст Миних. Неизвестный автор. М., 1997. С.194,470-471. В литературе называется разное количество солдат; но наиболее обоснованным выглядит суждение С.А.Панчулидзева о том, что ведущую роль сыграли первыми пожалованные Елизаветой в сержанты Лейб-кампании 9 человек (см.: *Панчулидзева С.А. История кавалергардов. 1724-1799-1899. По случаю столетнего юбилея Кавалергардского ее величества полка. СПб., 1899. Т.1. С.234.*) О ведущей роли в «революции» шестерых гренадеров сообщил находившийся в это время в Петербурге брат Антона-Ульриха принц Людвиг (см.: *Левин Л.И. Указ. соч. С.323.*)

³⁷ О Грюнштейне см.: Сб. РИО. Т.6. С.392-394; РГАДА. Ф.14. Оп.1. №47. Ч.1. Л.51-52.

³⁸ См.: АКВ. Кн.25. С.104-105; Сб. РИО. Т.96. С.351.

³⁹ См.: Перевороты и войны. С.195; *Семевский М.И. Указ. соч. С.262.*

⁴⁰ См.: Краткая реляция восшествия ее императорского величества всемилостивейшей государыни Елисавет Петровны на всероссийский отеческий престол // РА. 1872. № 6. С.1174; Историческое описание о восшествии на престол императрицы Елисаветы Петровны // РВ. 1842. № 4. С.10-11.

⁴¹ См.: АКВ. Кн.25. С.39; *Валишевский К.Ф. Дочь Петра Великого. М., 1989. С.31;* В борьбе за власть: Страницы политической истории России XVIII в. М., 1988. С.64; На российском престоле, XVIII век. М., 1993. С.228; *Пауленко Н.И. Указ. соч. С.76;* Перевороты и войны. С.194-195,471.

⁴² См.: *Пекарский П.П. Исторические бумаги, собранные К.И.Арсеньевым. С.261-262;* РГАДА. Ф.6. Оп.1. № 304. Л.23 об.-24 об.,44.

⁴³ См.: Сб. РИО. Т.96. С.630-631. Саксонский резидент Пецольд сообщил в Дрезден 24 ноября 1741 г., что правительница предъявила Елизавете названное выше «письмо из Бреславля» (см.:

РГАДА. Ф.1292. Оп.1. № 95. Л.699). По данным брауншвейгских дипломатов, таких бесед было две (15 и 23 ноября 1741 г.), но они опять же касались только Шетарди и Лестока (см.: *Левин Л.И. Указ. соч. С.97.*)

⁴⁴ В ночь переворота цесаревна отправилась из своего Смольного дворца на полковой двор преображенцев, хотя рядом с ее резиденцией находились казармы Конной гвардии (см.: *Петров П.И. История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях, 1703-1782. СПб., 1885. С.271,446.*)

⁴⁵ См.: РГВИА. Ф.2584. Оп.1. № 38. Л.262 об.,323 об.

⁴⁶ Там же. Ф.32. Оп.1. № 32. Л.184.

⁴⁷ См.: Там же. Ф.393. Оп.12. № 63. Ч.2. Л.216 об.; Ф.2584. Оп.1. № 257. Л.242 об.

⁴⁸ См.: РГАДА. Ф.177. Оп.2. № 10. Л.167. Сообщение Шетарди о якобы введенных в Петербург 20 ротех ландмилиции также содержится только в публикации П.П.Пекарского – в издании РИО его нет.

⁴⁹ См.: *Панчулидзева С.А. Указ. соч. С.234-235; Позье И. Записки придворного бриллиантщика. СПб., 1870. С.87;* Сб. РИО. Т.96. С.633. Французский дипломат отнюдь не щедро финансировал цесаревну; русский посол Мардефельд сообщал в Берлин, что Елизавете пришлось заложить свои драгоценности (см.: *Валишевский К.Ф. Указ. соч. С.33.*)

⁵⁰ См.: РГВИА. Ф.393. Оп.12. № 63. Ч.1. Л.275-275 об.

⁵¹ См.: Именные списки е.и.в. Лейб-кампании чинам 1741-1759 гг. // РА. 1880. № 2. С.17.

⁵² См.: РГВИА. Ф.32. Оп.1. № 12. Л.183.

⁵³ См.: АКВ. Кн.25. С.45; Империя после Петра, 1725-1765 /Яков Шаховской. Василий Нащокин. Иван Неплюев. М., 1998. С.38; Перевороты и войны. С.472; Сб. РИО. Т.91. С.339-340.

⁵⁴ Об отказе подполковника поддержать действия заговорщиков сообщал брауншвейгский принц Людвиг (см.: *Левин Л.И. Указ. соч. С.323.*) Согласно семейным преданиям, Елизавета прибыла к гвардейцам со своей подругой – женой Л.Гессен-Гомбургского, урожденной княжной А.И.Трубецкой (см.: *Трутовский В.К. Сказание о роде князей Трубецких. М., 1891. С.187.*) Сама А.И.Гессен-Гомбургская в письме указывала: «Во время самой революции мой возлюбленный принц придерживался чисто пассивной роли» (см.: *Брикнер А.Г. Принц Гессен-Гомбургский в России // ИВ. 1893. № 4. С.175.*)

⁵⁵ Империя после Петра, 1725-1765. С.38-39.

⁵⁶ Превратности судьбы. Воспоминания поляка на русской службе // РА. 1898. № 4. С.496.

⁵⁷ Перевороты и войны. С.197; Сб. РИО. Т.91. С.417; Т.96. С.616,649,680.

⁵⁸ ПСЗ. Т.ХI. № 8473.

⁵⁹ См.: РГВИА. Ф.393. Оп.12. № 62. Ч.2. Л.243-245 об.; Ф.2584. Оп.1. № 257. Л.245-247 об.

⁶⁰ См.: РГАДА. Ф.19. Оп.1. № 182. Ч.2. Л.66-66 об.

⁶¹ См.: *Кричевцев М.В. Кабинет Елизаветы Петровны и Петра III. Новосибирск, 1993. С.33.*

⁶² См.: РГАДА. Ф.9. Оп.5. № 38. Ч.3.

⁶³ Бестужев получил 19833 рубля; принц – 10 тысяч, Черкасов – 7 тысяч и Лесток – 15 тысяч рублей (см.: РГАДА. Ф.19. Оп.1. № 6. Л.77,276 об.; № 182. Ч.2. Л.39,50 об.).

⁶⁴ См.: *Индова Е.И. Дворцовое хозяйство в России (первая половина XVIII в.). М., 1964. С.65,73-77;* Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. СПб., 1878. Т.3. С.96,98,109,112,122,128,134,135,137,150,157,162,163,168.

⁶⁵ Подсчеты сделаны нами по: РГАДА. Ф.1239. Оп.3. № 30693. Л.103-107 об. Не указанное в этой ведомости население дворцовой Комарицкой волости исчислено в 23336 душ (см.: РГАДА. Ф.14. Оп.1. № 55. Ч.1. Л.92). Сведения о пожалованиях Лейб-кампании см.: *Тройницкий С.Н. Гербы лейб-кампании обер и унтер-офицеров и рядовых. Пг., 1914. С.450-453. См. также: РГАДА. Ф.340. Оп.1. Ч.6. № 14241. Л.6; Ф.1239. Оп.3. № 30606. Л.1.*

⁶⁶ См.: *Семевский В.И. Пожалования населенных имений в царствование Екатерины II. СПб., 1906. С.7.*

⁶⁷ См.: Сб. РИО. Т.91. С.346; Сенатский архив. СПб., 1898. Т.5. С.301.

⁶⁸ См.: *Филиппов А.Н. Доклад императрице Елизавете Петровне о восстановлении власти Правительствующего Сената // ЖМНП. 1897. № 2. С.274-291.*

⁶⁹ См.: *Корф М.А. Брауншвейгское семейство. М., 1993. С.41;* Сенатский архив. Т.5. С.302-303,317.

⁷⁰ См.: Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. Т.3. С.80; Сенатский архив. Т.5. С.302.

⁷¹ См.: РГАДА. Ф.248. Оп.106. № 1813. Л.52 об.

⁷² Например, Остерман владел более чем 2 тысячами крепостных душ в прибалтийских, подмосковных, украинских и прочих имениях (см.: Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. Т.3. С.76,78,84,96,98,109,112,122,128,137-138,157,162-163,168,172,183-184,200; РГАДА. Ф.340. Оп.1. № 4415. Л.27 и далее.

⁷³ Имущество Миниха даже не стали перевозить: императрица решила осмотреть содержимое «лично в означенном доме» (см.: Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. Т.3. С.77). Там было что осматривать: в «Ведомостях» объявлялось, что только у Миниха «оказалось одного серебра 700 пуд да золота 5 пуд», а у лучшей подруги принцессы «явилось алмазных вещей на 300 тысяч, белья на 40 тысяч, а кружева на 20

тысяч» (*Маркович Я.* Дневные записки малороссийского подскарбия генерального Якова Марковича. М., 1859. Ч.2. С.153).

⁷⁴ См.: РГАДА. Ф.340. Оп.2. № 1197. Л.12,34 об.

⁷⁵ См.: *Демкин А.В.* Британское купечество в России в XVIII в. М., 1998. С.117,119,130. При посредничестве этих партнеров сбывались крупные партии поташа, железа, ренжана; они же брали подряды на поставку серебра на российский монетные дворы и сукна для армии. «Пель и сыновья» в 1738 г. выступили посредниками при заключении крупного займа в 750 тысяч гульденов курляндскому герцогу Бирону, но по каким-то причинам сделка не состоялась (см.: *Баши Э.* История экономического развития Голландии в XVI-XVIII вв. М., 1949. С.307.).

⁷⁶ См.: АВПРИ. Ф.2. Оп.2/1. № 595. Л.19-27.

⁷⁷ См.: Там же. № 597. Л.20; РГАДА. Ф.340. Оп.7. № 1197. Л.46.

⁷⁸ См.: АВПРИ. Ф.2. Оп.2/1. № 595. Л.142; Ф.50. Оп.50/1. 1742 г. № 2. Л.178,338,473.

⁷⁹ См.: Там же. 1743 г. № 3. Л.84-84 об.

⁸⁰ Там же. Ф.2. Оп.2/1. № 597. Л.153.

⁸¹ См.: Там же. № 595. Л.375-376 об.

⁸² См.: Отзыв итальянца о главных правительственных лицах во второй половине екатерининского царствования // РА. 1875. № 6. С.125.

⁸³ См.: ПСЗ. Т.ХI. № 8480, 8481, 8492.

⁸⁴ Там же. № 8476. Противоречия между манифестами (Там же. № 8473 и 8476) в «предосудительных пассажах» отмечались зарубежной прессой (см.: АВПРИ. Ф.50. Оп.50/1. 1742 г. №2. Л.27).

⁸⁵ См.: ПСЗ. Т.ХI. № 8494, 8641, 8690, 8712, 8822; Т.ХII. № 9133, 9192, 9197, 9213. Официальные акты, очевидно, задним числом закрепляли эту процедуру: так, статский советник С.Тихменев уже в январе 1742 г. подал в Герольдмейстерскую контору свои документы с титулом «принца Иоанна» для обмена (см.: РГАДА. Ф.286. Оп.1. № 250. Л.35).

⁸⁶ См.: ПСЗ. Т.ХV. № 11472.

⁸⁷ См.: В борьбе за власть. С.72-75; Ломоносов и елизаветинское время (издания церковной печати). Пг., 1914. Т.4. С.XXX-XXXI.

⁸⁸ Цит. по: *Попов Н.А.* Придворные проповеди в царствование императрицы Елисаветы Петровны // Летописи русской литературы и древности. М., 1859. Т.2. С.5-6.

⁸⁹ Историческое описание... С.9,13; Краткая реляция... С.1179.

⁹⁰ *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч. В 11-ти т. М.-Л., 1959. Т.8. С.243.

⁹¹ См.: *Уртман Р.С.* Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. М., 2002. Т.1. С.120.

⁹² См.: *Сумароков А.П.* Полное собрание всех сочинений. М., 1781. Ч.3. С.92,117.

⁹³ См.: *Оболенский М.А.* Материалы для русского индекса Librorum prohibitorum // Библиографические записки. 1861. № 7. С.192-194. Порой дипломатов тревожили газетные известия о судьбе принцессы Анны и ее детей или о случившихся якобы в Петербурге убийствах наследника престола и французского посла и т.д.

⁹⁴ АВПРИ. Ф.50. Оп.50/1. 1743 г. № 8. Л.161 об. Новации вызвали споры в Коллегии иностранных дел; кто-то из ее чиновников выражал сомнение в пользе такого подхода: на всех газетчиков денег не хватало, а обделенные «от зависти еще зlostнее прежних о здешнем дворе ведомости вносить станут» (Там же. Л.164 об.).

⁹⁵ См.: Там же. Л.2 об.,6-7. О Ж.Руссе см.: *Шатохина Г.А.* Голландский публицист Жан Руссе де Мисси и его связи с Россией // Россия и Европа. Дипломатия и культура. М., 1995. С.39-47.

⁹⁶ О раздаче денежных субсидий «газетирам» см.: АВПРИ. Ф.50. Оп.50/1. 1747 г. № 6. Л.282.

⁹⁷ Цит. по: *Бочкарев В.А.* Русская историческая драматургия XVII-XVIII вв. М., 1988. С.46,77,149.

⁹⁸ РГАДА. Ф.248. Оп.23. № 1557. Л.379.

⁹⁹ См.: АВПРИ. Ф.35. Оп.35/1. № 669. Л.120 об.,122,268.

¹⁰⁰ Еще почти 5 % населения составляли чиновники и 16 % — дворовые своих господ, т.е. тех же придворных, военных и статских чинов (см.: *Семенова Л.Н.* Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII век). СПб., 1998. С.6-7). Исследователи отмечают «особый настрой» этой городской среды, определяющим элементом которой были военные (см.: *Китнис Б.Г.* Военный элемент в формировании Санкт-Петербурга // Психология Петербурга и петербуржцев за три столетия: Материалы Российской науч. конф. 25 мая 1999 г. СПб., 1999. С.16).

¹⁰¹ См.: *Полевой Н.А.* Столетие России с 1745 до 1845 г. СПб., 1845. С.55; *Соловьев С.М.* Соч. Кн.ХI. С.140; *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. М., 1993. С.560; *Лобавский М.К.* Русская история XVIII в. М. 1913. С. 63; Очерки истории СССР: Россия во второй четверти XVIII в. М. 1957. С.266; История СССР с древнейших времен до конца XVIII в. /Под ред. Б.А.Рыбакова. М., 1983. С.323; В борьбе за власть. С.52; *Бушуев С.В.* История государства Российского: историко-библиографические очерки, XVII-XVIII вв. М., 1994. С.373; *Волгин И.Л.* Метаморфозы власти: Покушения на российский трон в XVIII-XIX вв. М., 1994. С.29; *Павленко Н.И.* Страсти у трона. М., 1996. С.134; *Щенетов К.П.* Немцы — глазами русских. М., 1995. С.91. Однако высказывались и противоположные мнения: в 1741 г. ликовала только гвардия, а вовсе не все население столицы (см.: *Шишкин И.* События в Петербурге в 1740 и 1741 годах // ОЗ. 1858. № 5. С.335).

¹⁰² См.: РГАДА. Ф.9. Оп.5. № 38. Ч.4. Л.165-167.

¹⁰³ См.: Там же. Ч.14. Л.850.

¹⁰⁴ См.: *Раскин Д.И.* Некоторые черты психологии народных масс России XVIII в. // Наука и культура России XVIII в. Л., 1984. С.230; *Симоны П.К.* Сказки о Петре Великом в записках 1745-1754 гг. // Живая старина. 1903. № 1-2. С.225-227; РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 894. Л.4-4 об.

¹⁰⁵ См.: *Курукин И.В.* К вопросу о патриотизме или свидетельства источников об общественных настроениях в период дворцовых переворотов 1740-1741 гг. // Источниковедение и краеведение в культуре России: Сб. к 50-летию служения Сигурда Отговича Шмидта Историко-архивному институту. М., 2000. С.143-145; *Луттов С.П.* Кто покупал книги в Петербурге второй четверти XVIII в. // История книги и издательского дела. Л., 1977. С.135-137,140,142,144-146,148,150-151,153.

¹⁰⁶ *Тредиаковский В.К.* Избр. произведения. М.-Л., 1963. С.137-138.

¹⁰⁷ РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 1574. Л.5 об.

¹⁰⁸ См.: ГПИБ ОИК. № 29497; *Курукин И.В.* Из дневника московского обывателя: 1741 год // Отечество: Краеведческий альманах. М., 1997. С.264-268.

¹⁰⁹ См.: *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII в. М., 1999. С.289-291.

¹¹⁰ Экспедиция Беринга. М., 1941. С.366,368.

¹¹¹ См.: ПСЗ. Т.ХI. № 8577.

¹¹² См.: Там же. Т.ХII. № 8966, 9061, 9383.

¹¹³ См.: Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. С.94-95.

¹¹⁴ См.: *Сергеевский Н.Д.* Смертная казнь при императрице Елизавете Петровне // Журнал гражданского и уголовного права. 1890. № 1. С.51-60.

¹¹⁵ См.: *Раскин Д.И.* Использование законодательных актов в крестьянских челобитных середины XVIII в. // ИСССР. 1979. № 4. С.183-185.

¹¹⁶ См.: ПСЗ. Т.ХI. № 8673; Т.ХII. № 8867.

¹¹⁷ См.: *Нечаев В.В.* Раскольничья контора // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1890. Кн.7. С.16. ПСПРВПИ. СПб., 1905. Т.2. С.74; 1912. Т.3. С.499-500.

¹¹⁸ См.: РГАДА. Ф.199. Оп.1. Портфель 184. Ч.3. № 1. Л.1-24.

¹¹⁹ ПСПРВПИ. СПб., 1899. Т.1. С.495-496; 1912. Т.4. С.273.

¹²⁰ См.: Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. Т.3. С.85; ПСЗ. Т.ХI. № 8490, 8496.

¹²¹ См.: РГАДА. Ф.20. Оп.1. № 50. Ч.1. Л.30-30 об.

¹²² См.: Там же. Л.31,134-135.

¹²³ См.: РГВИА. Ф.489. Оп.1. № 7386. Л.1-11. Всего при Елизавете, по нашим подсчетам, было произведено 15 генерал-лейтенантов «немцев» (из 85) и 46 генерал-майоров (из 105) (см.: Список военным генералам со времени императора Петра I до императрицы Екатерины II. СПб., 1809. С.62-83).

¹²⁴ Как установило следствие, М.Г.Головкин сделал заграничный вклад, находясь не у дел в конце правления Анны Иоанновны, и к 1741 г. успел все эти средства потратить; от Анны Леопольдовны он денег и имений не получал и покупал деревни за свой счет (см.: *Алефиренко П.К.* Отписная ведомость Канцелярии конфискаций как источник по истории помещичьего землевладения в России второй четверти XVIII в. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961. С.309; РГАДА. Ф.340. Оп.7. № 1197. Л.266-266 об.).

¹²⁵ См.: Русско-британские торговые отношения в XVIII в.: Сб. док. М.,1994. С.38.

¹²⁶ См.: *Лиштенан Ф.-Д.* Россия входит в Европу: императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство, 1740-1750. М., 2000. С.75,239.

¹²⁷ Цит. по: *Фурсенко В.* Дело о Лестоке // ЖМНП. 1912. № 4. С.192-216. Отзыв Мардефельда см.: РГАДА. Ф.1292. Оп.1. № 95. Л.551 об. О подкупах придворных и министров Елизаветы см.: *Лиштенан Ф.-Д.* Указ соч. С.75,142,144.

¹²⁸ См.: *Соболева Т.А.* Тайнопись в истории России (история криптографической службы России XVIII — начала XIX вв.). М., 1994. С.99-107.

¹²⁹ См.: РГАДА. Ф.248. Оп.101. № 8055. Л.420,426. Приказ был отменен 17 декабря 1741 г.

¹³⁰ АКВ. Кн.29. С.455.

¹³¹ РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 998. Л.12-13.

¹³² См.: *Дирин П.Н.* История лейб-гвардии Семеновского полка. СПб., 1883. Т.1. С.264; *Соловьев С.М.* Соч. Кн.ХI. С.141-142,173-174.

¹³³ РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 956. Л.4.

¹³⁴ См.: Там же. № 5. Ч.5. Л.332 об.,325 об.,331,338 об.,344 об.; *Анисимов Е.В.* Елизавета Петровна. М., 1999. С.142.

¹³⁵ РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 860. Л.107. Поручик в 1742-1744 гг. находился при дворе «у смотрения делания придворных алмазных вещей». За осведомленность в деликатном вопросе он был сослан в Иверский монастырь и заточен «под крепкий караул в особливом месте», а по приказу Екатерины II был в 1763 г. построжен с распоряжением никуда не выпускать, кроме церкви (см.: *Арсеньев А.В.* «Непристойные речи» (из дел Преображенского приказа и Тайной канцелярии XVIII в.) // ИВ. 1897. № 7. С.80; РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 860. Л.165 об.; № 1069. Л.148).

¹³⁶ См.: Там же. № 1179. Л.5 об.

¹³⁷ См.: Там же. № 1408. Ч.11. Л.52.

¹³⁸ Там же. № 1650. Л.4.

- ¹³⁹ См.: Там же. № 1408. Ч.11. Л.8.
- ¹⁴⁰ Там же. № 1401. Л.1. Об отношении к фавору Разумовского см. также: *Анисимов Е.В.* Указ. соч. С.195-197.
- ¹⁴¹ См.: РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 1209. Л.5 об.; № 1349. Л.4 об.-5,11 об.; № 1350. Л.4.
- ¹⁴² См.: *Пекарский П.П.* Исторические бумаги, собранные К.И.Арсеньевым. С.333-335; *Соловьев С.М.* Соч. Кн.ХI. С.158.
- ¹⁴³ См.: Там же. С.224-229.
- ¹⁴⁴ С.М.Соловьев привел выдержки из «доклада» Калачова, но комментаторы последнего издания его «История России» не смогли указать источника (см.: *Соловьев С.М.* Соч. Кн.ХII. С.623). «Дело» цитировано по: РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 1060. Ч.2. Л.37,150 об.,158-159,170-170 об. В 1741 г. майор безуспешно пытался вернуть свои «деревни». Сенат рассудил, что они были владельцем заложены и не выкуплены в срок (см.: Сенатский архив. СПб., 1891. Т.4. С.633-637,657-661).
- ¹⁴⁵ Письма к графу П.А.Румянцеву от родителей. СПб., 1890. С.12.
- ¹⁴⁶ См.: *Барсуков А.П.* Рассказы из русской истории XVIII в. СПб., 1885. С.14-15; *Соловьев С.М.* Соч. Кн.ХII. С.162-163.
- ¹⁴⁷ См.: РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 5. Ч.2. Л.54 об.,76,170,172,173-173 об.,174 об.,175,194 об.,195-196,197 об.,214.
- ¹⁴⁸ Там же. № 1768. Л.3 об.-4.
- ¹⁴⁹ См.: РГВИА. Ф.393. Оп.13. № 1929. Л.1-3.
- ¹⁵⁰ См.: *Карцов А.П.* История лейб-гвардии Семеновского полка. СПб., 1854. Т.2. С.72-73; Сб. РИО. Т.91. С.365; РГВИА. Ф.2583. Оп.1. № 148. Л.107,121.
- ¹⁵¹ См.: РГАДА. Ф.20. Оп.1. № 21. Ч.1. Л.92-95,115,143. С другой стороны, подчиненные лично своей «полковнице» гвардейские командиры категорически отказывались подавать какие-либо сведения в Сенат (см.: Там же. № 61. Л.6 об.).
- ¹⁵² См.: *Дирин П.Н.* Указ. соч. Т.1. С.244-245; *Смирнов Ю.Н.* Русская гвардия XVIII в. С.27,76.
- ¹⁵³ См.: *Смирнов Ю.Н.* Особенности социального состава и комплектования гвардии в первой половине XVIII в. // Классы и сословия России в период абсолютизма. Куйбышев. 1989. С.94-105. Наши подсчеты подтверждают этот вывод. Так, согласно спискам офицерского состава, 28 поручиков Преображенского полка в 1756 г. имели в среднем по 293 души, а в 1757 — по 395 душ; в 1756 г. 110 сержантов того же полка обладали в среднем 257 душами (см.: РГВИА. Ф.2583. Оп.1. № 439. Л.4-7,13 об.-23; № 459. Л.7 об.-9).
- ¹⁵⁴ См.: РГВИА. Ф.2584. Оп.1. № 526. Л.41 об.,126.
- ¹⁵⁵ См.: РГАДА. Ф.19. Оп.1. № 182. Ч.П. Л.100. Само понятие Лейб-компаний Елизавета не выдумала — так назывались в то время образцовые роты в полках (Конной гвардии, Брауншвейгском кирасирском), комплектовавшиеся лучшими офицерами и имевшие преимущества в снабжении и получении квартир.
- ¹⁵⁶ Гренадеры буянили, резались в карты, пьянствовали и валялись без чувств на караулах в «покоях» императрицы, приглашая туда с улицы для угощения «неведомо каких мужиков»; гуляли в исподнем по улицам, устраивая при этом грабежи и дебоши; могли потребовать, чтобы их принял фельдмаршал, или заявиться в любое учреждение с указанием, как надо решать то или иное дело; их жены считали своим правом брать «безденежно» товары в столичных лавках (см.: *Панчулидзева С.А.* Указ. соч. С.254-287).
- ¹⁵⁷ См.: *Анисимов Е.В.* Указ. соч. С.132-135.
- ¹⁵⁸ См.: История Правительствующего Сената за 200 лет. СПб., 1911. Т.2. С.11-12; Сенатский архив. СПб., 1890-1891. Т.3-4.
- ¹⁵⁹ Сохранился рапорт бывшего уфимского вице-губернатора Петра Аксакова новой императрице: «Вашего императорского величества всемилостивейшим указом от его светлости принца Гессен-Гуомбургского мне объявлено, не имею ли я подозрения на господина генерал-прокурора князя Трубецкого, на которой всеподданнейше нижайше доношу, что подозрения на него никакого не имею» (РГАДА. Ф.16. Оп.1. № 162. Л.1). Очевидно, не доверяли князю и гвардейцы: в 1743 г. преображенский солдат Евдоким Вишаков сообщал лейб-компанцам, что «злодей» Трубецкой «собирается з гранодерской ротой и хотел в Петергоф итить и государыню взять», хотя на допросе традиционно сослался на пьянство (см.: Там же. Ф.7. Оп.1. № 269. Ч.11. Л.15).
- ¹⁶⁰ См.: *Веретенников В.И.* Из истории Тайной канцелярии, 1731-1762. Харьков, 1911. С.22-24.
- ¹⁶¹ Подсчитано нами по данным, приведенным в статье М.В.Клочкова (см.: *Клочков М.В.* О тайном архиве при Сенате // Сборник статей в честь Д.А.Корсакова. Казань, 1913. С.187-193). Правда, наказания при Елизавете были мягче, чем при Анне Иоанновне: по подсчетам самой Тайной канцелярии за все правление было сослано 36 «чиновных людей» и 729 «подлых»; еще 54 человека отправлены в монастыри (см.: РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 5. Ч.2. Л.162-255).
- ¹⁶² См.: История Правительствующего Сената за 200 лет. Т.2. С.146.
- ¹⁶³ См.: *Фурсенко В.* Конференции и консилиумы в царствование императрицы Елизаветы Петровны // ЖМНП. 1913. № 6. С.405-407. О деятельности Конференции см.: *Наумов В.П.* Вопросы внутренней политики в протоколах Конференции при высочайшем дворе // Археологический ежегодник за 1984 г. М., 1986. С.251-252; *он же.* Источники о законодательной деятельности Конференции при высочайшем дворе // Мир источниковедения: Сб. в честь С.О.Шмидта. М., 1994. С.93-97.

- ¹⁶⁴ См.: История Правительствующего Сената за 200 лет. Т.2. С.147. Указы о смене и назначении чиновников 1753 и 1760 гг. см.: Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. Т.3. С.265-266,438-440.
- ¹⁶⁵ Подсчет В.П.Наумова (см.: *Наумов В.П.* Мемуары русских государственных деятелей послепетровского времени // Империя после Петра, 1725-1765. С.455).
- ¹⁶⁶ См.: РГАДА. Ф.16. Оп.1. № 108. Л.30-33 об.
- ¹⁶⁷ См.: *Наумов В.П.* Вопросы внутренней политики... С.250; *он же.* Елизавета Петровна // ВИ. 1993. № 5. С.69; *Фавье Ж.Л.* Записки // ИВ. 1887. № 8. С.395. На эту же причину указывают расформирование в 1759 г. подчиненного П.И.Шувалову Обсервационного корпуса и сохранившаяся в архиве Воронцовых жалоба того же вельможи на вице-канцлера за «крайние оскорбления» и оппозицию на заседаниях Конференции, где его предложения встречали «смех вместо потребных резолюций» (см.: АКВ. Кн.4. С.187-188).
- ¹⁶⁸ См., например: *Павленко Н.И.* Вокруг трона. М., 1999. С.608-610.
- ¹⁶⁹ Мимо Сената к императрице поступали самостоятельные доклады трех «первейших» коллегий, бумаги из Кабинета, Тайной канцелярии, от генерал-полицеймейстера (см.: История Правительствующего Сената за 200 лет. Т.2. С.83,85,92-93,125,141).
- ¹⁷⁰ Расходы на двор достигают в середине XVIII в. максимума и остаются на этом уровне до конца царствования (см.: РГАДА. Ф.14. Оп.1. № 55. Ч.1. Л.89). См. также образцы челобитных о выдаче денег и «деревень» придворными Елизаветы: АКВ. Кн.2. С.610-611.
- ¹⁷¹ См.: РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 924. Л.5 об.
- ¹⁷² Там же. № 1029. Л.7-8,22,27 об.,53.
- ¹⁷³ Там же. № 1028. Л.3 об.-4 об.
- ¹⁷⁴ Там же. № 1029. Л.152.
- ¹⁷⁵ См.: Там же. № 1208. Л.4; № 1638. Л.146,150. И.Ликеевич был отправлен в Свяязский монастырь, а П.Грамотин — в Новгородский Иверский, где сидел вместе с названным выше поручиком А.Кучиным и подпоручиком И.Сечиным, публично осуждавшим Елизавету на паперти кремлевского Благовещенского собора: «Какая она государыня — она курва, бятка, с Разумовским живет» (см.: Там же. № 1208. Л.246). Ведомый и уже уличенный сутяга, дворовый человек прокурора Моветной канцелярии Илья Долбилов счел возможным ложно донести на своего брата, якобы доставившего вместе с греком-купцом из-за границы деньги заточенному «Антону Урлиху» и собиравшегося возвести на престол Ивана Антоновича (см.: Там же. № 1507. Л.15-15 об.).
- ¹⁷⁶ См.: Там же. № 1029. Л.102-102 об.; № 1208. Л.117.
- ¹⁷⁷ См.: Там же. № 944. Л.96, 99 об.,144 об.,189-189 об.,243 об.-246 об.
- ¹⁷⁸ См.: Там же. № 1127. Л.7 об.,28 об.-29 об.,87-88,124.
- ¹⁷⁹ См.: *Корф М.А.* Указ. соч. С.104,188.
- ¹⁸⁰ См.: *Friedrich II.* Politische correspondenz. Berlin, 1879. Bd.2. S.406-407,427,430,436-437; *Jessen H.* Friedrich der Grosse und Maria Theresia in Augenzeugenberichten. Fribourg, 1965. S.188-189.
- ¹⁸¹ См.: В борьбе за власть. С.189.
- ¹⁸² См.: *Лиштенан Ф.-Д.* Указ. соч. С.197; *Herrmann E.* Geschichte des russischen Staates. Hamburg, 1853. Bd.5. S.106.
- ¹⁸³ О том, что Ивана Антоновича помнили на протяжении всего царствования Елизаветы, см.: *Веретенников В.И.* Указ. соч. С.34-35; *Мыльников А.С.* «Он не похож был на государя...» Петр III: повествование в документах и версиях. СПб., 2001. С.399.
- ¹⁸⁴ См.: РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 1638. Л.150; № 944. Л.168 об.
- ¹⁸⁵ Ф.Лиштенан считает, что заточенный принц являлся «средоточием надежд как крепостного крестьянства, так и старинной знати» (*Лиштенан Ф.-Д.* Указ. соч. С.158).
- ¹⁸⁶ Только в 1788 г. к лифляндскому генерал-губернатору Ю.Ю.Броуну явился из Курляндии самозванец, назвавший себя Иваном-Ульрихом, содержавшимся в Шлиссельбурге и якобы отпущенным в 1762 г. комендантом. В Тайной экспедиции быстро установили, что мнимый принц на деле являлся скрывающимся от долгов кременчутским купцом Тимофеем Курдиловым (см.: *Лурье С.С.* Из истории дворцовых заговоров в России XVIII в. // ВИ. 1965. № 7. С.217-218). Сохранившиеся «отзывы» о царь-младенце сочувствием к нему не отличались: например, калужский купец Дмитрий Раков был убежден, что Ивану Антоновичу предстоит «быть на царстве» в качестве появившегося в России Антихриста (см.: РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 1561. Л.6 об.).
- ¹⁸⁷ См.: *Покровский Н.Н.* Самозваный сын Петра I // ВИ. 1983. № 4. С.186-188.
- ¹⁸⁸ РГАДА. Ф.7. Оп.1 № 5. Ч.5. Л.309 об.-310,321 об.,342,347 об. Дмитрий Никитин в 1740 г. «за взятие Бирона» был из сержантов произведен в прапорщики (см.: *Дирин П.Н.* Указ. соч. Т.1. С.205). Едва ли между этими событиями есть прямая связь; однако интересно было бы проследить, насколько участие в «большой политике» влияло на психологию гвардейцев.
- ¹⁸⁹ См.: РГАДА. Ф.149. Оп.1. № 77. Л.1-11 об.
- ¹⁹⁰ См.: Там же. Ф.7. Оп.1. № 1405. Л.3; № 1423. Л.2; Ф.7. Оп.1. № 5. Ч.2. Л.54 об.
- ¹⁹¹ См.: *Наумов В.П.* Елизавета Петровна. С.58.

ГЛАВА IX

1762: «БЛАГОПОЛУЧНАЯ ПЕРЕМЕНА ОТЕЧЕСТВУ»

Вступил покойный отец мой на престол
и принялся заводить порядок, но стремительное
его желание завести новое помешало ему
благоразумным образом приняться за оное.

Павел I

1756–1761: «сумбур интриг и переговоров»

Спустя полвека после побед Петра Великого по полям Германии вновь маршировала победоносная русская армия.

*«Пылай, Россия разъяренна,
Греми, рази и не щади.
Карай и кровью обагрена,
Покой в Европу приведи!»*

— приветствовал успехи русского оружия самый известный поэт тех лет А.П.Сумароков. На практике же положение России оказалось не столь выигрышным. Она вступила в Семилетнюю войну как союзник Австрии и Франции в борьбе с Фридрихом II. Его же, в свою очередь, «дипломатическая революция» середины XVIII в. привела к заключению в 1756 г. союза с Англией: в обмен на британские субсидии король соглашался защищать ее интересы и владения (Ганновер) в Германии и получил поддержку планам собственных захватов. Главной пружиной войны стала борьба двух колониальных империй — Англии и Франции — за раздел заморских владений в Ост- и Вест-Индии и Северной Америке.

В марте 1756 г. Конференция при высочайшем дворе определила цели войны: захват Восточной Пруссии для последующего обмена на Курляндию с Речью Посполитой и такого изменения границ с последней, «которым... способ достался бы коммерцию Балтийского моря с Черным соединить и чрез то почти всю левантскую коммерцию в здешних руках иметь».¹ Эта формулировка намечала перемещение центра внешней политики на юг, куда будут направлены усилия министров и полководцев Екатерины II. Однако, таким образом, проблема приведения прусского

короля «в умеренные пределы» изначально не предполагала полного разгрома и тем более уничтожения Пруссии.

Но союзники не считали Россию самостоятельной участницей войны и возражали против ее территориальных приращений.² Более того: «Следует опасаться слишком больших успехов русских в этой войне», — инстинктивно в 1760 г. французский МИД послал в России барона де Бретейля. Наставление «секрета короля» (тайной дипломатии Людовика XV) указывало послу на желательность династического кризиса в России. Возведение на престол заточенного «князя Ивана» могло бы вызвать смуту, которая была «только выгодна королю, так как она ослабила бы русское государство».³ Рассчитывали в Париже и на профранцузскую «партию» при русском дворе: тайные «пенсии» выплачивались кабинет-секретарю императрицы А.В.Олсуфьеву, секретарю Конференции Д.В.Волкову, жене вице-канцлера М.И.Воронцова; да и сам Воронцов получил на мебель для своего дворца 250 тысяч ливров (50 тысяч рублей) и взял в качестве «партикулярного» секретаря француза Я.Убри.⁴

В 1760 г. особая русско-австрийская конвенция предусматривала территориальные приобретения обеих сторон (соответственно Силезию и Восточную Пруссию) и их обязательства заключить мир только по взаимному согласию. Однако интересы союзников расходились. Конференция весной 1760 г. признавала, что после занятия Восточной Пруссии можно было бы ограничиться военными демонстрациями и содержанием на чужой территории армии «в хорошем состоянии». Но австрийский двор стремился вернуть отнятую Фридрихом в 40-х гг. Силезию; при этом русскую армию в Вене рассматривали как «помощной корпус» для решения этой задачи. Создавался порочный круг: для России цель войны была достигнута еще в 1758 г., но победное ее завершение требовало совместных действий, а для этого приходилось действовать по австрийским планам: в кампаниях 1759, 1760 и 1761 гг. выбор неуклонно делался в пользу Силезского театра.

Командующие союзными армиями были связаны исходившими от их дворов указаниями, требовавшими постоянных согласований и переговоров. Переговоры затягивались, военные планы противоречили друг другу; в итоге кампании 1760 и 1761 гг. оказались в стратегическом плане проигранными: союзные войска не смогли ни дать решающее сражение Фридриху II, ни захватить главные крепости Силезии.

Проявились разногласия в окружении Елизаветы. По оценке французских дипломатов, Шуваловы твердо рассчитывали на присоединение Восточной Пруссии, тогда как И.И.Неплюев полагал необходимым обмен этой провинции на восточные территории Речи Посполитой.⁵

Попытки французской дипломатии склонить к миру Россию оказались напрасными. М.И.Воронцов, несмотря на обещанные ему 800 тысяч ливров, передал, что не может воздействовать на императрицу и ее окружение.⁶ На миролюбие канцлера повлияло и печальное состояние российских финансов: по его расчетам, война обошлась России к концу 1760 г. в 40 миллионов рублей, за вычетом стоимости ежегодных расходов на содержание армии.⁷ Найденные нами документы показывают, что эти цифры близки к

действительности. По сохранившемуся «валовому счету» Военной коллегии выходило, что все военные расходы за 1756–1759 г. составили колоссальную сумму в 43409842 рубля. Сюда чиновники включили и «стоимость» российских солдат, навсегда оторванных от своих хозяйств: «За собранных в 1754, 56, 57, 58 и в нынешнем 1759 годах рекрут 231 644 человека положить за каждого только по 60 рублей, то сделает за всех 13 898 640».⁸

Тем не менее императрица была намерена продолжать борьбу «со всею силою и ревностию». Конференция предложила отказаться от бесплодных маршей в Силезию и сосредоточить армию для «диверсий» в Померании и Мекленбурге.⁹ В ноябре 1761 г. был подготовлен «план операций на будущую 1762 году кампанию». Сам этот документ в беловом тексте протоколов Конференции отсутствует, хотя и значится в оглавлении книги.¹⁰ Однако он, несомненно, существовал, ибо на его основе 10 декабря были направлены указы: в Военную коллегию — о доукомплектовании действующей армии солдатами из других полевых и гарнизонных полков и в Сенат — о заготовке провианта на 100 тысяч человек. Через три дня последовал другой указ Сенату: о проведении нового рекрутского набора и покупке для армии лошадей.¹¹ Таким образом, Россия, несмотря на все трудности, была готова к продолжению войны в рамках союзнических обязательств. Но в мире придворных «конъектур» будущее выглядело менее определенно.

Затянувшаяся война нарушила равновесие между придворными «партиями». Последние годы царствования императрицы принесли ей ту же проблему, что и ее отцу: конфликт со взрослым и законным наследником. Петр Федорович не скрывал своих симпатий к Пруссии и уже с мая 1757 г. был выведен из состава Конференции. С другой стороны, болезнь Елизаветы и ее устранение от дел заставляли ее окружение все больше считаться с намерениями «молодого двора». Появились слухи о возможном отстранении Петра Федоровича от наследства и передаче короны маленькому Павлу Петровичу, в чем подозревали клан Шуваловых. Позднее сама Екатерина сообщала, что «за несколько времени» до смерти императрицы Иван Шувалов предлагал воспитателю наследника Н.И.Панину таким образом «переменить наследство» и «сделать правление именем цесаревича», на что Панин ответил отказом.¹²

Переписка Екатерины с английским послом Чарльзом Уильямсом показывает, что подобные перспективы беспокоили «молодой двор» намного раньше, хотя в ту пору великая княгиня еще не отделяла своих интересов от судьбы мужа. В августе 1756 г. она уже имела готовый план (в письме Екатерины от 18 августа 1756 г.) юридически корректного, но фактически силового утверждения Петра III и себя у власти в случае неожиданной смерти императрицы. Вместе со своими сторонниками — А.П.Бестужевым-Рюминым, С.Ф.Апраксиным и генералом Ю.Г.Ливеном — она должна была войти «в покои умирающей» вместе с сыном, принять присягу караула и, опираясь на пятерых доверенных гвардейских офицеров и «младших офицеров» — лейб-кампанцев вместе с их солдатами, пресечь попытки сопротивления со стороны Шуваловых. Она признавалась, что занимается «формированием, обучением и привлечением разного рода пособников... В моей голове сумбур от интриг и переговоров».¹³

Этот план и переписка свидетельствуют о том, насколько зыбко обстояли дела на российском политическом Олимпе, если законный и утвержденный наследник трона вынужден был втайне вербовать себе сторонников. Кстати, в письмах Екатерины тех лет ее муж выглядит «весьма рассудительным» и способным «ухаживать» за гвардейцами, т.е. далеким от образа ограниченного голштинца, созданного позднее в ее мемуарах.

Вокруг «молодого двора» складывалась своя «партия». Гетман К.Г.Разумовский ручался Екатерине за «свой» Измайловский полк, генерал-прокурор Н.Ю.Трубецкой сообщал о происходивших на Конференции заседаниях, фельдмаршал С.Ф.Апраксин раздобыл «шпионов», следивших за каждым шагом императрицы, а его коллега А.Б.Бутулин на всякий случай заверял Екатерину в своей преданности.¹⁴ Однако только канцлер А.П.Бестужев-Рюмин с его отчетливыми проанглийскими симпатиями был готов к изменению политического курса и думал при этом не только о себе. Остальные были озабочены прежде всего сохранением собственных позиций при дворе в новое царствование; объединяло их и недовольство могуществом Шуваловых.

Екатерина обсуждала с Бестужевым его план, согласно которому она становилась «соправительницей» императора, а канцлер — президентом трех «первейших» коллегий и командующим всеми гвардейскими полками.¹⁵ Но одновременно она устраивала тайное свидание с шефом Тайной канцелярии А.И.Шуваловым. Его влиятельный брат П.И.Шувалов в августе 1756 г. сообщил Екатерине о готовности ей служить, а сама она писала к нему о «предательстве» Бестужева и желании «броситься в ваши объятия».¹⁶ Одновременно она стремилась получить — и получила — финансовую поддержку не только от своего главного корреспондента, но и от послов Дании и Австрии.¹⁷

Первым в этой ситуации проиграл Бестужев.¹⁸ Подозрения, возникшие в связи с отступлением русской армии из Восточной Пруссии, последовавший за ним арест фельдмаршала С.Ф.Апраксина и обнаружение его переписки с Бестужевым и Екатериной лишили канцлера доверия со стороны императрицы. Однако историки до сих пор не нашли никаких следов предполагаемой «измены» — приказа об отступлении, якобы полученного Апраксиным от канцлера. Кажется, не верили в это и следователи; во всяком случае, пункт об «измене» был вычеркнут из вопросов, адресованных Бестужеву.¹⁹

Зато переписка французских дипломатов свидетельствует о сильнейшем давлении, оказываемом ими на русских министров с целью убрать Бестужева. В начале 1758 г. посол Лопиталь поставил перед вице-канцлером М.И.Воронцовым настоящий ультиматум: в течение двух недель добиться смещения Бестужева — или с Воронцовым больше дел иметь не будут.²⁰ «Сдал» канцлера и великий князь: он рассказал императрице, что министр советовал ему противиться ее воле.²¹

«Дело» канцлера до сих пор остается загадкой. Еще С.М.Соловьев отметил, что следственные материалы побывали в руках самого Бестужева после его возвращения из ссылки, в результате чего оттуда пропали первые показания обвиняемого. Осталась неизвестной и «священная тайна, о которой никто не может помыслить без ужаса», открытая Бестужевым в исчезнув-

ших протоколов допросов: сохранилось только упоминание о ней в заключении.²² Предъявить же ему смогли только «суетное желание так долго быть великим, как бы он общему всех смертных пределу подвержен не был», и покушение на роль «соправителя».²³ Бестужев виновным себя не признал и отделался сравнительно легко — ссылкой в свою подмосковную деревню.

Падение канцлера упрочило положение его противников — группировки Нарышкиных, по классификации Д.Ле Донна.²⁴ Начало нового тура в борьбе за власть породило и соответствующее предложение: некий Фридрих фон Бонгорст подал в Кабинет императрицы предложение о создании нового гвардейского полка, «состоящего из немецкого дворянства».²⁵ Столь радикальные меры, в духе Анны Иоанновны, при Елизавете уже не годились, и проект остался без последствий.

Летом 1760 г. кадровый состав центрального управления был существенно обновлен, о чем речь уже шла в предыдущей главе. Но сбалансировать успешно действовавший в 40-х — первой половине 50-х гг. механизм власти старевшая и больная императрица уже не смогла. Начавшиеся в конце 40-х гг. реформы в условиях войны и борьбы за власть были свернуты. В очередной раз не было завершено Уложение, не проведен в жизнь указ 1757 г. о передаче управления церковными вотчинами светским властям. Не был реализован и проект И.И.Шувалова о введении в России «фундаментальных и непрременных законов», сохранять которые должен был поклясться будущий император.

Этот документ показывает, что сильнее всего волновало наиболее приближенных к императрице лиц. Половина из предлагавшихся законов посвящена гарантиям господствующего положения православной церкви (в том числе и обязательство православного исповедания самодержцев, их жен и детей), сохранению на 3/4 «православного» состава армии, гвардии и флота и назначению высшей администрации из «здешних подданных». Можно полагать, что все это в глазах И.И.Шувалова уже ставилось под сомнение поведением наследника. Прочие пункты предусматривали 26-летний срок службы для дворян, гарантию владения родовыми вотчинами для родственников осужденного дворянина и освобождение дворян «от бесчестной политической казни».²⁶

Таким образом, к концу царствования Елизаветы можно говорить о некотором оживлении шляхетских надежд. В этом смысле идеи Шувалова перекликаются с мыслями М.И.Воронцова «к рассуждению о вольности дворянства». Однако годы «бироновщины» и придворная «школа» Елизаветы уже заметно ограничили уровень пожеланий: он не поднялся до каких-либо политических гарантий «вольности» в виде новых государственных учреждений или системы представительства. Напротив, в наброске Воронцова заметно, прежде всего, стремление обеспечить «особливые преимущества знатному и старому дворянству пред новым» — например, выделить их «знатные вотчины» в княжества, графства и баронства по пропорции душ подданных.²⁷

Нет в проекте Шувалова важнейшего закона о престолонаследии; отсюда можно предположить, что потребности в таком «знатном» шляхетстве еще не ощущало. Или это был намек на то, что намерения «переменить наследство» не были оставлены? В ноябре 1761 г. секретарь Кабинета императрицы А.В.Олсуфьев озадачил французского посла на

меками на негодность Петра Федоровича и плохое отношение к нему со стороны тетки.²⁸ По информации датского посла Гакстгаузена, за неделю до смерти императрицы обсуждался план объявить императором Павла под «опекунством» великой княгини, а ее мужа назначить генералиссимусом; сам дипломат ожидал «беспорядков» гвардии и черни.²⁹

И все же Елизавета не рискнула изменить ею же утвержденный порядок: в последние месяцы жизни она устранилась от дел и замкнулась в Царском Селе. О настроениях в ее окружении повествует переписка между М.И.Воронцовым и И.И.Шуваловым в ноябре 1761 г. Вице-канцлер желал скорее уйти в отставку; фаворит умолял его не делать этого, но одновременно признавал полный паралич управления: «Все повеления без исполнения, главное место без уважения, справедливость без защищения. Вижу хитрости, которых не понимаю, и вред от людей, преисполненных моими благодеяниями».³⁰ Об обстановке тревоги и страха при дворе и колебаниях Шуваловых говорит донесение австрийского посла Ф.-К.Мерси от 31 октября 1761 г.³¹

3 декабря Елизавета еще раз высказала свой «гнев» сенаторам за их «излишние споры и в решениях медлительство» — и слегла окончательно. Как и отец, Елизавета до самого конца гнала мысль о смерти: она распорядилась приготовить ей покои в новом Зимнем дворце к марту 1762 г.³² Возможно, и поэтому никаких неожиданных распоряжений о наследстве не последовало.

Впрочем, если бы такие планы и существовали, фаворит Иван Шувалов при всех своих достоинствах не годился для открытой борьбы за власть, а его старший родственник, на все способный Петр Иванович Шувалов был уже смертельно болен. Но по словам Екатерины, в последние месяцы или даже недели жизни императрицы Шуваловы все же сумели войти в доверие к наследнику при помощи директора Шляхетского корпуса А.П.Мельгунова.³³ Поддержка со стороны Шуваловых — вместе с лояльностью становившейся императрицей Екатерины и усилиями самого Петра по привлечению на свою сторону гвардейских офицеров³⁴ — обеспечила выход из очередной «переворотной» ситуации.

Как вспоминал позднее секретарь Петра III Д.В.Волков, его просили подготовить текст манифеста и присяги еще при жизни Елизаветы. 25 декабря 1761 г. наследник с супругой попросились с умиравшей, и в половине четвертого вечера она скончалась. Придворный ветеран Н.Ю.Трубецкой первым принес Петру присягу и объявил о начале нового царствования Сенату. Император в преобразенском мундире объехал построенные вокруг дворца гвардейские батальоны и обратился к ним: «Ребята, я надеюсь, что вы не оставите меня сегодня». Гвардейцы радовались: «У нас теперь опять мужчина императором».³⁵ Так триумфально началось новое царствование, которое трагически завершилось уже через несколько месяцев.

Петр III: несовпадение со временем

В учебниках конца XVIII — начала XIX в. образ свергнутого императора выглядел противоречиво. С одной стороны, его правление трактовалось как «ниспровержение» существующих порядков и «совершенное порабощение» страны. С другой — он представлял государем с «добрым

сердцем» и «благородными чувствами»; он издал манифест о вольности дворянства и упразднил Тайную канцелярию, — но затем «к наивысшему России и человечества благополучию ощутил бремя несносное» и добровольно отрекся от престола.³⁶

Начавшаяся с 50-х гг. позапрошлого века публикация источников в подцензурных и бесцензурных изданиях сделала тему открытой для исследования, несмотря на все усилия властей не допускать публичного оглашения неудобных для династии подробностей. Однако лишь немногие работы стремились выдержать академический тон и соблюдать беспристрастность;³⁷ большинство же авторов на основании открывшихся материалов (в том числе весьма тенденциозных мемуаров самой Екатерины II) выносили Петру III однозначный обвинительный приговор. Не изменился он и в XX в.; пожалуй, только резче подчеркивались ничтожность личности императора с «прусской ориентацией» и угроза «новой бироновщины».³⁸

Однако с начала 90-х гг. XX в. в литературе намечилось и другое направление, которое можно считать попыткой посмертной «реабилитации» Петра III. А.С.Мыльников отметил веротерпимость как важный фактор политики императора, сопровождавшийся в то же время защитой российских интересов в Курляндии и Речи Посполитой. В очерках В.П.Наумова император предстает личностью, сочетавшей задатки государственного деятеля и великодушного идеалиста-романтика с «маниакально-депрессивным психозом в слабой степени (циклотимией) с неярко выраженной депрессивной фазой». В итоге он оказался «слишком хорошим» для своего времени и, в конце концов, пал под бременем самодержавной власти. Наконец, книга К.Леонард прослеживает все основные направления государственной политики императора и его «коалиции» при весьма скептическом отношении к «русским» источникам, которые оцениваются как заведомо недостоверные.³⁹

Усилиями названных авторов удалось по-иному представить фигуру необычного монарха, освободить ее от коварного обаяния «Записок» его жены-соперницы. Однако нередко симпатии к Петру как человеку в перечисленных работах автоматически переносились на отношение к главе государства без достаточных к тому оснований; в итоге фактов, необходимых для пересмотра сложившихся представлений о режиме Петра III, оказалось все же недостаточно.

Реальная историографическая проблема, послужившая стимулом для «реабилитации», состояла в несовместимости личности императора с тем, что «за полгода в России была осуществлена радикальная социально-политическая реформа, по сути заложившая фундамент под едва ли не все мероприятия следующего царствования».⁴⁰ Отвечая на поставленный вопрос, исследователи отмечали: реформы проводились по «заготовкам» предшествовавшего царствования и теми же лицами — М.И. и Р.И.Воронцовыми, А.И.Глебовым, Д.В.Волковым. В результате возник парадокс: не любивший и не понимавший России император стремился переиначить политику тетки — и в итоге устранял пережитки крепостнически-служилой модели российской государственности.

Однако можно поставить и другой вопрос: почему же «коалиция реформ» вокруг Петра III оказалась столь непрочной, а сам он легко пал жертвой очередного переворота? Ведь в решающий момент поддержка влиятельных «персон» (Н.Ю.Трубецкого, Шуваловых, Воронцовых) обеспечила Петру беспрепятственный переход власти — впервые с 1725 г., если не считать воцарения младенца Ивана III с последующим «свержением» Бирона.

Канцлер Воронцов уже 25 декабря представил монарху предложения: объявить амнистию, «упустить» казенные недоимки, пожаловать треть годового жалования армии и гвардии, скорее заполнить вакансии в гвардии и при дворе, проводить ежедневные заседания Конференции и обновить ее состав.⁴¹ Правда, царь показал характер и исполнил далеко не все из предложенного.

Н.Ю.Трубецкой стал подполковником в первом гвардейском полку — Преображенском. Доверенное лицо П.И.Шувалова А.И.Глебов сразу же сменил Я.П.Шаховского на посту генерал-прокурора. Одним из первых указов в день вступления на престол Петр заменил А.Б.Бутурлина на посту главнокомандующего заграничной армией (был возвращен П.С.Салтыков); П.И.Панин назначался губернатором Восточной Пруссии вместо В.И.Суворова; наиболее ярко себя проявивший на заключительном этапе войны П.А.Румянцев срочно отзывался ко двору: у императора были на него особые виды.

Армия без колебаний принесла присягу, о чем Салтыков доложил уже 8 января. 25, 30 и 31 декабря император подписал указы о повышении в чинах большой группы гвардейских офицеров.⁴² Но уже на второй день царствования, 26 декабря 1761 г., Петр отозвал из действующей армии в Петербург свой «личный» кирасирский полк, которым командовал с 1742 г. Следом за ним в столицу были отправлены второй гренадерский полк во главе с новым полковником М.Л.Измайловым и Воронежский полк, а из Москвы — два эскадрона Новгородского драгунского полка.⁴³ Предосторожности, кажется, были излишними: нам не известно ни одной попытки или намерения сопротивления законному преемнику трона.

Работы А.С.Мыльникова и В.П.Наумова показали, что император не был ни великовозрастным дебилом, ни безграмотным капралом. Наследник получил «нормальное» (по меркам еще не екатерининского, но предшествовавшего времени) образование, имел (и собирал) библиотеку. Он вполне прилично писал и переводил на русский, хотя предпочитал в своем «голштинском» кругу говорить по-немецки; сохранились автографы его записок на французском языке к М.И.Воронцову, сделанные нетвердым и неаккуратным почерком.⁴⁴ Император искренне любил музыку, интересовался живописью и обладал «добрым и веселым нравом» и чувством юмора.⁴⁵

В то же время можно отметить (хотя бы на основании такого специфического источника, как дела Тайной канцелярии), что наследник и внук Петра Великого вроде бы не пользовался популярностью у будущих подданных. Некий монах Савватий из Толгского монастыря в 1745 г. прямо высказался: «Вот де наследник неверной, да и наследница такая ж... не

могла она [Елизавета. — И.К.] здесь в России людей выбрать». Наследника бранили «иноземцем» и даже «шутом». ⁴⁶ Осуждение фаворитов императрицы порой заставляло предполагать печальную судьбу Петра; так, два молодых прапорщика во время вынужденного безделья на гауптвахте пришли к выводу, что ему «недолго дадут пожить, тотчас де как грибка молоденькова скушают». ⁴⁷

Однако важнейшей причиной бесславного конца нового царствования стала хаотичная и импульсивная деятельность самого монарха. При этом не раз отмеченная современниками и историками неспособность Петра III к управлению государством усугублялась сознательно взятой им на себя ролью.

При характеристике Петра обычно на первый план выставляются его прусские симпатии. Однако сам Фридрих II как раз полагал, что «император хотел подражать Петру I, но у него не было его гения»; стремление подражать своим знаменитым предкам — Петру I и Карлу XII — отмечали и близкие к императору люди — его учитель, академик Я.Штелин и библиотекарь (и одновременно упомянутый в камер-фурьерском журнале как итальянский «буфон») Мизере. ⁴⁸ О намерении следовать «стопам» Петра I свидетельствуют и манифест о вступлении на престол нового императора, и ссылки на предка в указах нового царствования. Н.Ю.Трубецкой придворным чутьем тут же уловил эту черту государя: именно по его инициативе была отчеканена медаль на похороны Елизаветы, где возносившаяся на небо императрица указывала на наследника со словами: «В нем найдешь меня и деда». ⁴⁹

Император желал противопоставить «слабой» политике тетки и ее изнеженному двору иной стиль руководства в духе славного предка. Он блестяще воссоздан в очерке М.И.Семевского: государь вставал в 7 утра, в 8 часов уже принимал доклады в кабинете, затем отправлялся на развод или на парад, ездил по городу с посещением учреждений; после обеда следовали не менее активные развлечения — бильярд или поездки. Вечером император с избранными приближенными запросто приезжал к кому-либо из своих вельмож на ужин, который затягивался далеко за полночь — до 3—4 часов. ⁵⁰

Петр лично посетил коллегии ⁵¹ и поставил задачу решительными мерами «уничтожить все беспорядки», накопившиеся в предшествовавшее царствование. «Пора опять приняться за виселицы», — реагировал он на участвовавшие грабежи на столичных улицах. В секуляризации церковных и монастырских вотчин он видел завершение «проекта Петра Великого». ⁵² Продолжал петровскую традицию и замысел «поднять мещанское сословие в городах России, чтоб оно было поставлено на немецкую ногу»; для этого предполагались массовый «импорт» немецких ремесленников в качестве учителей и, соответственно, отправка русских в Германию для обучения «бухгалтерии и коммерции». ⁵³ Секретарь французского посольства Ж.-Л.Фавье отмечал, что царь следовал Петру I и Карлу XII «в простоте своих вкусов и в одежде»; ⁵⁴ княгиня Дашкова отмечала его ненависть «ко всякому этикету и церемонии».

Из этого подражания, — очевидно, совпадавшего со вкусами и темпераментом самого Петра III, — вытекали и его шокирующие двор привычки: император сам удил рыбу в Петергофских прудах, гулял пешком по

улицам столицы, «как бы желая сохранить инкогнито»; запросто заходил в гости к хорошо знакомым ему купцам и даже к своему бывшему камердинеру; прерывал все дела и мчался лично тушить пожар. ⁵⁵ Своих придворных Петр заставлял пировать в тесноте кают на спущенных на воду новых кораблях. ⁵⁶

Под стать дедовским ассамблеям были его вечеринки, где внук непременно становился, как и сам Петр I, «душой компании»: устраивал, например, импровизированный оркестр из первых чинов двора — Нарышкиных и обер-прокурора Сената П.Н.Трубецкого — или отправлялся майской ночью распевать серенады по улицам до двух часов утра. ⁵⁷ Под звон стаканов в густом табачном дыму обсуждались международные новости и государственные дела. Эти разговоры поутру уже разносились по Петербургу и вызывали самые разные комментарии.

Елизавета тоже начинала свое царствование с реставрации петровских учреждений, но вовремя остановилась; и уж вовсе не мыслила возрождать темп и манеры политики отца. Избранный Петром III стиль государственного руководства «à la Петр Великий» оказался ему не под силу. Дед, человек железной воли и универсальных способностей, мог работать по 16 часов в сутки, одновременно держать в голове и реально контролировать десятки дел и поручений, мгновенно входить в суть любой проблемы, сочетать дела и пиршества и не терять во время последних головы. Внуку ничего из этого не было дано. Поэтому внешнее копирование образа жизни деда становилось дурной пародией, когда дворцовые приемы превращались в офицерские вечеринки с певичками или устраивались после «бесед с Бахусом» игры для вельмож: «Ну все прыгать на одной ножке, а другие, согнутым коленом толкать своих товарищей под задницы».

К тому же возрождение духа «австории времен Петра Великого» или его современника прусского короля Фридриха-Вильгельма уже никак не совпадало со вкусами и привычками общества той поры. Поведение молодого царя могло еще более или менее естественно выглядеть при дворе Анны Иоанновны с ее шутами и стрельбой из окон; но спустя поколение оно уже оценивалось как совершенно неприемлемое.

Милые Петру III кабацко-солдатская «демократичность» и простота нравов воспринимались как «безразборчивая фамилиарность», от которой предостерегала племянника еще императрица Елизавета. «Он не был похож на государя», — таковым было общее мнение; в этой оценке вполне сходились и образованная дочь вельможи Екатерина Дашкова, и аристократ князь Михаил Шербагов, и армейский поручик Андрей Болотов. Позднее именно это «фамилиарство свое к публике» вместе с оскорблением национальных чувств выделит в качестве основных причин свержения Петра III министр А.Р.Воронцов в записке императору Александру I. ⁵⁸ Двор и столичное общество явно отвергали новый стиль государственного руководства, но Петр этого не чувствовал.

Не обладал он и способностями предка в выборе помощников, хотя старался приобрести популярность среди своего окружения, которое мгновенно это почувствовало. В бумагах М.И.Воронцова нам встретилась его жалобная записка: «всеподданнейший бедный раб» сетовал на

свой двухсоттысячный долг, из-за коего заимодавцы причиняют ему сильнейшее «внутреннее беспокойство». Далее был помещен список с точным указанием желательного количества (в размере 28 тысяч) крепостных душ себе и своим родственникам Гендриковым и Ефимовским, а также еще несколькими придворным; следом составлен был второй такой список с просьбами о пожалованиях братьям Нарышкиным, И.И.Шувалову, А.Г.Разумовскому и И.И.Неплюеву — еще на 21 тысячу.⁵⁹

На деле раздачи оказались скромнее. Тем не менее новым владельцам достались целые волости из дворцовых земель. Сам канцлер и его жена получили 4 тысячи душ; А.И.Шувалов — 2 тысячи душ «по его выбору»; гофмаршал М.М.Измайлов — 1085, А.П.Мельгунов — 1000.⁶⁰ Голштинские родственники императора стали российскими фельдмаршалами, А.Н.Вильбуа — генерал-фельдшлейхмейстером, Н.А.Корф, А.И.Глебов, П.А.Девьер, П.А.Румянцев и З.Г.Чернышев — полными генералами. Н.И.Панин получил чин действительного тайного советника, А.П.Мельгунов — генерал-лейтенанта, Д.В.Волков — действительного статского советника.

Однако, несмотря на эти милости, собрать надежную «команду» Петру III оказалось не под силу. Со смертью в январе 1762 г. П.И.Шувалова влияние его клана пошло на убыль. С упразднением Тайной канцелярии отошел на задний план брат покойного А.И.Шувалов; а бывший фаворит отправился заведовать кадетским корпусом и должен был, судя по его письмам, просить поддержки у восходящей «звезды» Волкова.⁶¹

Не сбылись надежды и других вельмож. Едва успел датский посол Гакстаузен отметить в своих донесениях фавор А.И.Глебова и Н.Ю.Трубецкого, как уже через три недели признал, что Трубецкой пребывает «в полном пренебрежении». Глебов остался «хозяином» Сената, но сам Сенат в новое царствование не сумел вернуть себе прежнего значения. Зато Петр тут же выписал ко двору родственников — дядю, прусского генерала Георга-Людвига Голштинского, и принца Петра Голштейн-Бекского: первый стал командиром Конной гвардии, второй — петербургским генерал-губернатором.

Министры Конференции во главе с канцлером представили императору проект указа о сохранении этого учреждения «на прежнем основании»; но Петр решил иначе, и 20 января упразднил ее. Однако документы Конференции остались в руках ее бывшего секретаря Д.В.Волкова, и через несколько дней он стал тайным секретарем императора. Этим шагом Петр III разделил свой Кабинет на «хозяйственное» отделение (его по-прежнему возглавлял А.В.Олсуфьев) и личную канцелярию,⁶² что сделало Волкова одним из самых влиятельных людей нового царствования. Однако сам он признавал, что не имел отношения к «делам придворным и комнатным». Это подтверждает камер-фурьерский журнал: из его записей следует, что тайный секретарь не сопровождал царя на его ужинах; здесь у императора были другие советчики. На руководящие посты при дворе выдвинулись приближенные «молодого двора» Л.А. и А.А.Нарышкины, М.М.Измайлов вместе с компанией новых камергеров из числа камер-юнкеров.

Неопределенным осталось положение канцлера М.И.Воронцова. В своих первых докладах он объяснял, что будущая «перемена системы» потребует согласованных действий всех ведомств и с упразднением Кон-

ференции эту роль не смогут взять на себя ни Сенат, ни Коллегия иностранных дел.⁶³ Но император считал возможным отказаться от большинства предложенных ему и полезных для нового режима мер. В саму же коллегию император назначил новым членом голштинского министра и камергера Вульфа, а самого канцлера называл «французом», что в устах Петра было скорее ругательством. Срочно был перетасован состав русских дипломатов за границей: в Лондон вместо отозванного А.М.Голицына назначен Г.Гросс из Гааги; но, в конце концов, на ответственный пост отправился двадцатилетний племянник канцлера А.Р.Воронцов, тут же пожалованный в камергеры и полномочные министры. Ф.Воейкова в Варшаве заменил Кейзерлинг, И.Остермана в Стокгольме — Э.Миних.⁶⁴

Однако опытный канцлер оказался прав. Императору пришлось срочно создавать в мае 1762 г. очередной координационный орган — Императорский совет и даже предоставить ему право принимать без его участия решения по делам «меньшей важности». Сохранившийся в архиве набросок («План... или росписание учреждаемого вновь при дворе совета») отражает поиски подходящих кандидатур: в него вписывались на французском языке и вычеркивались (судя по почерку, М.И.Воронцовым) имена контр-адмирала Милославского, генерала М.Н.Волконского, Б.А.Куракина, А.И.Глебова, Р.И.Воронцова.

В итоге в составе совета остались из поименованных в черновике Д.В.Волков, родственники императора Георг Голштинский и Петр Голштейн-Бекский, возвращенный из ссылки Миних, М.Н.Волконский, бывшие члены Конференции Н.Ю.Трубецкой и М.И.Воронцов, А.Н.Вильбуа. Вошел туда не названный сначала А.П.Мельгунов; но зато не попали намеченные гетман К.Г.Разумовский, сенатор и отец фаворитки Р.И.Воронцов и генерал-прокурор Глебов.⁶⁵ Можно, пожалуй, предположить, что отстранение этих лиц стало одной из причин, толкнувших их на сторону Екатерины.

Перетасовка кадров и непродуманные решения увеличивали нестабильность в правящем кругу и — что важнее — не привели к созданию единого «штаба» в условиях начавшихся реформ и «перемены системы». Им не стали ни Сенат, ни Кабинет, ни распущенная Конференция, ни даже Императорский совет, мнение членов которого Петр не всегда принимал во внимание. Из серьезных кадровых «рокировок» можно указать лишь замену генерал-прокурора, хотя едва ли прожженный делец Глебов являлся для императора более надежной опорой, чем честный чиновник Шаховской.

Назначения нового царствования выглядят достаточно случайными. В Сенат были введены два новых члена (старейший обер-штальмейстер П.С.Сумароков и брат канцлера И.И.Воронцов) и один отправлен в отставку (Я.Л.Хитрово); кроме того, умер сенатор М.И.Шаховской. По традиции император выбрал нового лейб-медика, по неизвестной причине дважды сменил президента Мануфактур-коллегии (сначала им стал камергер Г.И.Головкин, а за несколько дней до переворота Петр назначил на этот пост своего бывшего камердинера де Брессана); П.Голштейн-Бекский сначала был перемещен с ревельского генерал-губернаторства в столицу, но через несколько дней возвращен в Эстляндию, а на генерал-губернаторство в Москву отправился фельдмаршал Бутурлин.

Прочие перемещения коснулись только Ямской канцелярии (по иронии судьбы именно к главе этой службы Л.Овцыну Петр обратится с одним из последних своих указов в поисках спасения) и придворного мира. Остальные ключевые должности в центральном аппарате управления и губерниях сохраняли назначенные при Елизавете лица (см. Приложение, Таблицы 1 и 2).

Скромные перемены на статской службе Петр компенсировал чиноположением военных. Весной 1762 г. император назначил 7 новых генерал-аншефов, 23 генерал-лейтенанта и 62 генерал-майора — больше, чем за все двадцатилетнее царствование своей тетки.⁶⁶ Пристрастие к военным приводило к тому, что генералами становились придворные (Нарышкины, Дараганы) или назначенный начальником Канцелярии от строений И.И.Бецкой. Можно полагать, что таким массовым пожалованием Петр стремился обеспечить себе прочную опору в армии накануне предстоявших реформ и войны с Данией. Может быть, с этим связан и значительный процент «немцев» (9 генерал-лейтенантов и 28 генерал-майоров) среди пожалованных. Однако в свете непопулярности затей императора эти назначения, скорее, могли служить еще одним аргументом для недовольных.

Сменил император и чинов морского ведомства. В один день 30 апреля он уволил в отставку генерал-адмирала М.М.Голицына, адмиралов З.Мишукова и А.Головина, генерал-кригс-комиссара Б.Голицына и контр-адмирала Д.Лаптева. Адмиралом стал В.Льюис, вице-адмиралом — С.Ф.Мещерский, контр-адмиралом — А.Нагаев; контр-адмирал В.Ларионов был назначен генерал-кригс-комиссаром.⁶⁷ Главным по морскому ведомству Петр сделал произведенного им в вице-адмиралы С.И.Мордвинова, несмотря на наличие старших по званию.⁶⁸

Петр III торопился: обживал свои новые дворцы, награждал приближенных, мечтал преобразовать армию и флот, изменить всю «систему» внешней политики. Датский посланник тут же почувствовал, как изменилась сама атмосфера двора: «Все пришло в движение, и во всем проявляется деятельность изумительная». Но царь не был способен реально контролировать ни своих генералов, ни министров, ни даже фаворитку: двор имел удовольствие наблюдать «кухонные» сцены, когда ревнивая Воронцова называла Петра «гадким мужиком», а российский император в ответ требовал от любовницы вернуть подаренные бриллианты.⁶⁹

Подсчет законодательных актов второй половины столетия по годам показывает, что шесть месяцев Петра III побили рекорд по части законодательской активности и уступают в этом отношении только павловским временам: 5 манифестов, 70 именных указов, 2 договора и 13 резолюций по докладам; почти каждый второй день из 185 отпущенных императору отмечался личным царским распоряжением, не считая сенатских указов.⁷⁰ Интенсивность этого потока монаршей воли особенно заметна в первые месяцы царствования.

В январе 1762 г. упразднены провинциальные полицеймейстеры, утверждены новые образцы монет, приняты решения о перепечатке медных денег и снижении цены на соль, Сенат получил указ исполнять устные распоряжения императора, упразднена Конференция, объявлено о

рекрутском наборе и записи добровольцев в голштинские полки, беглым раскольникам разрешено вернуться в Россию и свободно отправлять богослужение, открыт апелляционный департамент при Сенате, помещикам разрешено переводить крестьян в другие уезды без санкции властей, Мануфактур-коллегия переведена в Петербург.

В феврале были объявлены важнейшие реформы: манифест о вольности дворянства, упразднение Тайной канцелярии и грядущая секуляризация церковных и монастырских владений согласно елизаветинскому указу 1757 г.; распущена Лейб-компания, создана комиссия по улучшению флота, беглым предоставлена возможность безнаказанно вернуться из-за границы, прекращена ссылка на каторгу в Рогервик.

В марте было запрещено строить и иметь церкви в «партикулярных домах», созданы Коллегия экономии для проведения в жизнь секуляризации и «Воинская комиссия» для преобразования армии, утвержден новый штат гвардии, солдат и матросов запрещено «бесчестно» наказывать «кошками» и батогами. Предпринимателям-«фабриканам» больше нельзя было покупать крестьян к мануфактурам, но зато введены экономические свободы: подданным разрешено торговать в Архангельске и вывозить из империи хлеб, отменены казенные монополии на торговлю холстом и ревенем и монопольные торговые компании на Каспийском море. С 13-го числа начались заседания вызванных из провинции депутатов для обсуждения нового Уложения.

Но в апреле преобразовательный порыв утих: на смену серьезным реформаторским актам пришли распоряжения об истреблении полицией «всех имеющихся в Санкт-Петербурге собак», срочном переименовании полков по именам их шефов и новых мундирах для полковых лекарей и живодедов.

Важнейшие преобразования оказывались не вполне продуманными или урезались в процессе их исполнения. «Епакта вольности российских дворян» (так назвал манифест 18 февраля 1762 г. обер-прокурор Сената П.Н.Трубецкой) не предусматривала дворянской монополии на заведение промышленных предприятий и ликвидации купеческого предпринимательства. Эти гарантии предполагались проектом нового Уложения, составленным комиссией во главе с Р.И.Воронцовым, но были заблокированы составлявшим манифест А.И.Глебовым и его единомышленниками.⁷¹ На практике получить «вольность» было не так просто. Дела Герольдмейстерской канторы за время царствования Петра III показывают, что отставников по-прежнему определяли на «статскую» службу в качестве провинциальных воевод. Другие к ней не особенно стремились; многим ветеранам времен русско-турецкой войны 1736–1739 гг. идти было некуда, и они сами просили определить их «для пропитания» к монастырям.⁷²

Манифест о ликвидации Тайной канцелярии на самом деле предписывал только не принимать свидетельств от «колодников» и не арестовывать оговоренных без «письменных доказательств». Он не отменял дел «по первым двум пунктам», о которых по-прежнему «со всяким благочинием» полагалось доносить «в ближайшее судебное место, или к воинскому командиру», или (в «резиденции») доверенным лицам императора Волкову и Мельгунову.⁷³

Объявленный же процесс секуляризации вообще не имел механизма реализации: только более чем через месяц, 21 марта 1762 г., новый указ предписал создать Коллегию экономии при Сенате и приступить к описанию церковных и монастырских вотчин отправляемыми туда офицерами. Однако инструкция им была готова только к середине апреля; тогда же стал рассылаться соответствующий сенатский указ, поступивший к монастырским властям только к лету; в итоге до самого свержения Петра III реформа так и не началась.⁷⁴

Даже важнейшие акты нового царствования составлялись поспешно, не был обеспечен контроль над их проведением в жизнь. Это подтверждается составленной ролью при Екатерине II сенатской ведомостью об исполненных и неисполненных письменных и словесных указах ее предшественника. Согласно этому документу, не «учиненными» оказались не только секуляризационная реформа, но и указ о понижении пробы серебряных монет, и обещанное снижение цены на соль, и отмена каторги в Рогервике, и распоряжения о полицеймейстерах, о «производении в секретари из приказных чинов» и другие повеления императора.⁷⁵

Некоторые из новых распоряжений тут же приходилось корректировать. Так, указ о свободе торговли хлебом вызвал протест лифляндского губернатора Ю.Ю.Бруна в связи с неурожаем в этой области. Сенат представил подробный доклад, где указывал на невозможность свободного вывоза хлеба из Сибири или экспорта морских «припасов» и оружия в нестабильный Иран, а также на вероятную нехватку холста при заготовках для армии. Некоторые прежние указы отменялись: так, Мануфактур-коллегия осталась по-прежнему в Москве.

Другие царские инициативы, по-видимому, «тормозились» самими сенаторами, которые предполагали об этих актах «предложить впредь к рассуждению», тем более что многие важные указы (об отдаче таможенного откупа, «вольности» дворянства, образовании Государственного банка) издавались без всякого участия Сената. В мае сенаторы уже осмеливались прямо возражать государю: указывали на невозможность немедленного изыскания огромных сумм на войну и ошибочность запрещения покупки меди для монетных дворов в то время, когда намечался массовый выпуск медных денег.⁷⁶ В ответ царь вообще запретил Сенату выступать с толкованием законов.⁷⁷

Сопrotивлялся реформаторскому натиску и Синод. Архиереи издавали повеления во исполнение императорских указов, а затем саботировали их выполнение. Распоряжение о закрытии домовых церквей вызвало сопротивление даже ближайших к Петру лиц. В результате эти храмы были оставлены в домах Н.Ю.Трубецкого, М.И.Воронцова и «генеральши Мельгуновой», что могло, пожалуй, только дискредитировать царя и его любимцев. Петр посылал в Синод упреки в неправосудии и «долговременной волоките»;⁷⁸ в раздражении он, надо полагать, сравнивал русское духовенство с протестантскими пасторами. В ответ по столице распространялись слухи о приказе императора уничтожить большинство икон в храмах и обрить бороды священникам (на деле же такого «указа» среди устных или письменных распоряжений Петра III нет).

Наблюдавшие Петра современники-иностранцы по-разному видели отношение подданных к императору, что во многом определялось их положением при дворе. Для австрийских дипломатов в свете резкого ухудшения отношений между двумя державами доминирующим являлось всеобщее возмущение «постыдным миром» с Пруссией. Повторяли они и утверждения оппозиции (известные по мемуарам Екатерины II, Е.Р.Дашковой и А.Т.Болотова) о намерениях Петра III заключить с супругу в монастырь и преобразовать православных священников в протестантских пасторов.⁷⁹

Английский посол Р.Кейт, намного лучше осведомленный о планах императора, не упоминал о подобном вещах. Главные причины переворота он видел в секуляризации церковных земель, недовольстве гвардии строгой дисциплиной и грядущей войне с Данией. Но реакцию русского общества на мирный договор с Пруссией он оценивал иначе, чем его австрийский коллега граф Ф.-К.Мерси Д'Аржанто: «Народное желание мира до того сильно, что и против этой уступки общественное мнение не восстало, а даже одобрило ее. Несколько других ничтожных обстоятельств, преувеличенных молвою и искаженных злонамеренными личностями, мало-помалу подготовляли падение несчастного государя, который обладал многими прекрасными качествами».⁸⁰ Попытаемся обратиться к документам.

Война и деньги

Штелин выделил апрель как рубеж в политике Петра: с момента переезда в новый Зимний дворец он только утром занимался государственными делами, а все остальное время посвящал заботам об армии. Император видел себя восстановителем отечества, которым, прежде всего, считал родную Голштинию. Но для этого надо было прекратить затянувшееся противостояние с Пруссией, которое Петр считал принципиально ошибочным.

Это не было неожиданным для окружения царя. Еще 23 января Коллегия иностранных дел представила доклад о международном положении страны. Канцлер напомнил Петру об имевшихся договорах и их преимуществах для России (в виде австрийских субсидий и гарантий присоединения Восточной Пруссии) и предложил взять на себя почетную роль посредника-миротворца. С точки зрения Воронцова, все участники конфликта, даже победоносная Англия, истощены войной; следовательно, необходимо прямо объявить союзникам о «новой системе» и «заставить каждого уменьшить свои требования».⁸¹

Но царь предпочитал действовать проще. Уже через месяц после вступления на престол, 25 января 1762 г., он приказал отозвать корпус З.Г.Чернышева из австрийской армии. Еще через несколько дней почувствовавший новую конъюнктуру главнокомандующий П.С.Салтыков доложил, что согласился на предложенное неприятелем перемирие, не дожидаясь указа из Петербурга. Такой рескрипт немедленно последовал; генерал М.Н.Волконский приступил к переговорам, завершившимся подписанием перемирия 5 марта. На этом война для России была закончена: границей становился Одер; прусские войска обязались не заходить в Речь Посполитую, а русские — в Силезию.

Фельдмаршал Салтыков еще докладывал в Петербург о трудностях закупки лошадей для будущей кампании, выделке противником фальшивых рублей, невыплаченном армии жалованье за 1761 г. Но Петр уже 18 февраля повелел Военной коллегии полностью укомплектовать людьми и лошадьми Померанский корпус Румянцева. Через неделю его вызванный в столицу командир получил рескрипт подготовить войска «к известному назначению» — впрочем, ни для кого не являвшемуся секретом. «Война с Даниею всегда была решенным делом», — уверенно утверждал тайный секретарь Волков;⁸² об этом же докладывали из Петербурга дипломаты уже с самого начала царствования.

Датскому послу в России указали, что от упорства в голштинском вопросе «могут крайние, но легко еще теперь упреждаемые, последовать бедствия». Бряцание оружием началось как раз в то время, когда от имени русского императора его союзники получили декларацию (от 8 февраля 1762 г.) с отказом от своих «тягостных» обязательств по отношению к ним и намерением заключить мир даже ценой потери всех «приобретений».⁸³ В конце февраля (еще до официального заключения перемирия) в Петербург прибыл прусский посол и адъютант короля барон Бернгард-Вильгельм фон дер Гольц и быстро взял процесс мирных переговоров в свои руки при полном одобрении императора.

У этой политики были свои сторонники. Честолюбивый Румянцев ревностно взялся за подготовку сулившего новые лавры похода и уже 31 марта рапортовал, что его полки «в готовое состояние к походу приведены», что было (как следует из его же позднейших рапортов) желанной при дворе неправдой. Генерал быстро постиг дух нового царствования и распорядился прислать в подарок царю барабанщика, который разные «прусские штучки» знает. Он же с беспокойством выпрашивал у «вселюбезнейшего друга» Волкова: правда ли, что «хотят меня отдалить от дальнего следования?»⁸⁴

Стремился в поход молодой гвардеец Семен Воронцов, одобрял «столь благополучные начала» нового царствования и только что назначенный (в 21 год) послом в Лондон его брат Александр. По дороге к месту назначения его, как важную персону, приветствовали главнокомандующий Салтыков, король Польши Август III, штатгальтер Голландии. Сам Фридрих II «доволен сделать мне знакомство», как сообщал дяде о блестящем начале своей карьеры юный дипломат, готовый «жизнью своею заслужить» столь высокую монаршую милость. Но и он заметил (и отписал дяде), что русская армия в Польше не получала жалования 8 месяцев, а любезный прусский король настоятельно советовал не начинать войну в этом году, «ибо временем одним Дания уже изнурится».⁸⁵

Перед новым послом стояла нелегкая задача. Инструкция предписывала ему вновь привлечь Англию в предполагавшийся русско-прусский союз и побудить англичан опять выплачивать Фридриху II субсидии — при том, что из Лондона еще в январе докладывали о намерении британского правительства вывести войска из Германии и бросить короля на произвол судьбы. Петр III надеялся на помощь английского флота, но лучшим средством воздействия считал угрозу: Россия «следующие товары отнимет у Англии, а именно пеньку, мачтовые деревья, медь, железо и

конопляное масло, без которых англичане не могут обойтись». Считая, по-видимому, вопрос решенным, император в то же время по-дружески показывал прусскому послу дипломатические депеши из Лондона; содержание которых последний тут же передавал Фридриху, не отказывавшему себе в удовольствии продемонстрировать конфиденциальные сведения английскому дипломату.⁸⁶

Столь же бесцеремонной стала политика по отношению к вчерашним союзникам. Требование к находившимся в Петербурге послам явиться с визитом к дяде императора принцу Георгу спровоцировало дипломатический конфликт. В ответ царь отказался официально принимать представителей Франции, Австрии и Испании на официальных аудиенциях, что закончилось взаимным отзывом послов и разрывом союзных отношений с Францией. В присутствии испанского посла Петр публично заявлял о скором разгроме Испании в войне с Англией, что оказалось правдой, но едва ли способствовало налаживанию новой «системы». Саксонского посланника Прассе царь принял, по выражению самого дипломата, «как нищего».

В 1762 г. англичане после побед в Индии и Канаде захватили последние французские колонии — Мартинику и другие острова в Вест-Индии. Вслед за Россией из войны вышла Швеция, и теперь Фридрих II мог сосредоточить все свои силы против Австрии. Австрийская дипломатия стремилась любой ценой сохранить союз и даже предложила царю денежную субсидию для войны с Данией. Но все оказалось напрасным: посол Австрии граф Мерси передавал высказывания императора о том, что Фридрих без труда «разделяется» с австрийскими войсками. В апреле австрийский дипломат сообщал о намерениях Петра посадить на польский престол брата прусского короля и возможном разделе Польши.⁸⁷

После затяжной паузы в русско-австрийских отношениях 2 мая последовал зашифрованный рескрипт русскому послу в Вене Д.М.Голицыну. Он содержал обвинения Австрии в том, что война ведется именно из-за «упорства» Марии-Терезии, и недвусмысленно указывал русскому дипломату объявить Вене о посылке русских войск на помощь Фридриху II. Другой документ, неделю спустя, предусматривал скорый разрыв дипломатических отношений.⁸⁸ В тот же самый день (2 мая) резиденту в Стамбуле А.М.Обрескову предписывалось «внушить искусным образом» туркам, что они могут начать войну с Австрией, в которую «мы... ни прямо, ни стороною мешать не будем», отчего — резонно полагали в Петербурге — турецкие министры могли прийти в «великое удивление».⁸⁹

Все попытки канцлера и даже близкого к Петру III Волкова воспрепятствовать заключению мира под диктовку Фридриха отвергались. Более того, уже 6 апреля царь предписал Коллегии иностранных дел готовить не только мирный, но и союзный договор с Пруссией. В итоге по подписанному 24 апреля договору Россия безвозмездно возвращала все захваченные территории; кроме того, направляла на помощь королю русский корпус графа З.Г.Чернышева.

Мир действительно был необходим — но, в первую очередь, не для России, а для Фридриха, которого бросил его английский союзник (в мае 1762 г. парламент отказал Пруссии в субсидиях). Возможно, даже захват

«Прусского королевства» был не нужен России: оно могло стать — как предусматривала Конференция в 1756 г. — предметом торга и с ослабленной Пруссией, и с Речью Посполитой. Петр мог, пожалуй, сыграть на завершающем этапе Семилетней войны не менее важную роль арбитра между истощенными войной европейскими державами если не на западе, то на востоке Европы. Но, кажется, это была непосильная для царя задача: необходимый для России выход из войны был осуществлен самым неуклюжим способом, представлявшим страну не только плохим союзником, но и лицемерным агрессором.

По-видимому, Петр был убежден, что военные приготовления вместе с дипломатическим демаршем и союзом с Пруссией заставят Данию капитулировать. Но в ответ на угрозы датский двор предложил лишь «прежние трактаты возобновить» и продолжить переговоры.⁹⁰ Король Фредерик V действительно испугался и даже написал по этому поводу особую молитву, в которой обращался к Господу: «Твой червь, прах и пепел». Но донесения из Копенгагена сообщали, что, несмотря на «ужас и беспокойство» народа, там полным ходом шла подготовка флота из 30 линейных кораблей и 18 фрегатов, войска перебрасывались в Шлезвиг, и заготавливались припасы.⁹¹ Стало ясно, что предстоит не демонстрация силы, а настоящая война; но ни дипломаты, ни армия не были к ней готовы.

Возражал даже обычно не решавшийся перечить Воронцов. Как следует из его неопубликованного доклада от 12 апреля, канцлер посмел не только назвать предстоявшую кампанию «химической», но и отстаивать свое мнение («инога сказать не могу»), поскольку воевать без сильного флота, «довольных магазинов», а главное — без «великих сумм» не считал реальным; не верил он и в возможность поддержки от английско-го флота.⁹² Донесения главнокомандующего Салтыкова свидетельствовали о том же. Корпус Чернышева отправился на помощь прусской армии; но войска Румянцева на протяжении апреля и мая только укомплектовывались людьми и лошадьми, и в полках даже началось дезертирство из-за отсутствия у солдат и офицеров денег.⁹³

Мечтавший о славе император столкнулся с проблемой финансирования и материально-технической подготовки армии к войне вдалеке от собственных границ с противником, обладавшим превосходством на море. Вступив на престол, царь обнаружил в закромах Кабинета не менее 500 тысяч рублей наличными плюс значительную сумму в виде золота и серебра с императорских заводов на Алтае. Сразу последовали крупные задачи: 150 тысяч рублей на строительство Зимнего дворца, 60 тысяч — на любимый Ораниенбаум; 60 тысяч предполагалось потратить на коронацию, намечавшуюся на сентябрь; 20 тысяч получила в качестве «пенсии» фаворитка.⁹⁴ Выписывались импортные обновки и для самого императора: «кафтан серебряной с бархатными алыми с зеленым цветочками» стоил 270 рублей, бархатные — по 80 рублей, а все прочее с доставкой обошлось почти в 10 тысяч рублей.⁹⁵

Наличные запасы были быстро исчерпаны: уже в январе Петр пустил в расход 120 тысяч рублей, предназначенных наследнику Павлу,⁹⁶ и прекратил оплату счетов покойной императрицы частным лицам. Докумен-

ты Камер-коллегии показывают, что недостающие на достройку Зимнего дворца 100 тысяч рублей пришлось искать проверенным способом: по всем кассам, включая Тульскую провинциальную канцелярию, которая оплачивала изготовление дворцовых замков и «шпаниолетов».⁹⁷ Зато такую же сумму Петр распорядился выделить из кабинетских сумм «для переводу в Голштинию».⁹⁸

При описанных в предыдущих главах канцелярских порядках и более чем скромной компетенции самого Петра ему никак не удавалось получить от чиновников точных ответов на вопрос: «Где деньги?» Невразумительная бумага из Штатс-конторы «о доходах и расходах штатной суммы» в 1761 г. сообщала, что окладные доходы превышали такие же расходы, но в итоге получился ... дефицит в 1994799 рублей 3 копейки. Объяснить же, куда иные из этих доходов делись, чиновники оказались не в состоянии: «С королевства Прусского по 1 миллиону талеров в год, а куда делись — как в Сенате, так и в иностранной коллегии никакова о том известия и никаких щетов нет». Такая же судьба постигла и контрибуцию с Берлина: «Куда употреблена — неизвестно».⁹⁹

Принятое еще в январе решение о переделке медных и понижении пробы серебряных монет результатов пока не дало; одновременно только текущие расходы заграничной армии исчислялись Сенатом в феврале в 3338502 рубля. Судя по расходным ведомостям Кабинета, личные траты императора были умеренными;¹⁰⁰ однако обстановка нового дворца и экипировка голштинской гвардии требовали немалых расходов. Екатерина II до 1767 г. расплачивалась по счетам бывшего мужа за мундиры, позументы и прочую амуницию, а также за посуду, мебель, книги.¹⁰¹

Она напрасно упрекала мужа в расходовании «кабинетских» доходов только на себя.¹⁰² Сенатские протоколы «по секретной экспедиции» показывают: Петр уже в начале марта выделил Сенату на срочные расходы из кабинетских средств золота и серебра на миллион рублей. Через месяц он потребовал объяснений, почему армия до сих пор не получила требуемых сумм. Сенат отвечал: переведено в войска только 99 тысяч рублей, а остальные будут отправляться по мере поступления.¹⁰³ Для жаждавшего военных лавров Петра отсутствие денег стало ударом — для кампании против Дании необходимо было срочно изыскать 4 миллиона. Времени же не было. Отказ от летней кампании означал потерю преимущества внезапности в условиях, когда вовлеченные в войну державы не имели возможности вмешаться в конфликт. Все начатые реформы отошли на задний план, главной стала «битва» за финансы.

В апреле от Синода потребовали срочно сдать всех годных к службе лошадей с вотчинных конских заводов.¹⁰⁴ В мае Петр распорядился перечеканить в монеты все имевшееся в Кабинете золото и серебро, затем пустил «в расход» 300 тысяч рублей таможенных сборов и свое жалование как полковника гвардии.¹⁰⁵ Но ни экономия, ни текущие поступления не могли восполнить нехватки. Третьего мая 1762 г. Мельгунов и Волков от лица императора объявили Сенату о необходимости срочно «сыскать» на военные расходы в 1762 и 1763 гг. 8 миллионов рублей «сверх штатного положения» — огромную сумму, превышавшую половину годового бюд-

жета.¹⁰⁶ Этим Петр дал понять, что решился не на военную демонстрацию, а на затяжную войну, которая должна была продлиться и в следующем году.

Сенат рапортовал о некоторых внутренних резервах в виде поступавшего из Нерчинска золота и серебра, но основной источник получения требуемой суммы видел только в бесперебойной работе монетных дворов по перчеканке медных и серебряных денег. Последнее означало возвращение к плану П.И.Шувалова 1760 г. о понижении веса медных монет (т.е. к чеканке из одного пуда меди не 16, а 32 рублей) и ухудшении пробы серебряных. Но 6 мая сенаторы доложили, что в любом случае искомые доходы начнут поступать не ранее сентября, и видели единственный выход во внешнем займе у голландских купцов.¹⁰⁷

18 мая на первом своем заседании Императорский совет решал сразу обе проблемы — военную и финансовую. В отношении с Данией предстояло действовать «силою»: для начала занять мекленбургские города Росток, Висмар и Шверин для обеспечения тыла будущего наступления. Расходы же предполагалось покрыть за счет выпуска бумажных денег — «банковых билетов» на 5 миллионов рублей. Стабильность их курса должен был обеспечить создаваемый Государственный банк, куда для обмена передавался капитал на миллион рублей серебром и на столько же — медью. Другим решением Совета 23 мая стало появление именного указа Петра III о подаче в двухнедельный срок ведомостей из всех учреждений о расходе полученных средств.¹⁰⁸

21 мая Петр приказал Румянцеву ввести 10 тысяч русских солдат в Мекленбург. В этом документе война считалась уже «декларованной», и император как будто высказывал свои истинные пожелания: если бы датчане выступили навстречу русским, то и «война собою началась». Уже после этого приказа 24 мая последовал рескрипт русскому послу в Копенгагене И.-А.Корфу. Дании предъявлялся ультиматум: немедленно вернуть «похищенные земли». В виде уступки русская сторона соглашалась на переговоры в Берлине, но с условием их продолжительности не более 7 дней, без переписки послов со своими дворами. Назначенным на этот конгресс Корфу и Сальдерну предписывалось принять посредничество прусского короля, который даже мог требовать от России уступок.¹⁰⁹

Такие действия вызвали протест даже со стороны лояльных Петру членов Императорского совета. 30 мая они подали государю «записку», в которой подчеркнули неготовность армии к немедленному выступлению: в распоряжении Румянцева только 17 полков, остальные части еще не подошли; в Померании и Мекленбурге нет необходимого фуража и провианта; к границам Голштинии войска подтянутся только в августе, что уже поздно для начала военных действий. Советники предлагали Петру разумный выход: начинать военные действия следующей весной, когда будут исчерпаны все дипломатические средства и появятся «надежные пладармы и достаточные магазины»; до того же — действовать «одними казаками» для разорения датских владений.¹¹⁰

Среди черновых бумаг Совета нами обнаружено еще одно представленные императору; по-видимому, оно было подготовлено М.И.Воронцовым,

поскольку копии имеются и в его архиве, и среди черновиков докладов Коллегии иностранных дел. В документе, датированном 10 июня 1762 г., еще раз изложены аргументы против задуманного похода: части Румянцева выступили «положа на отвагу», поскольку имеют провианта только до 1 июля; взять же его в Мекленбурге неоткуда: отправленные транспорты задержаны противным ветром, а два корабля разбиты штормом. Наконец, война будет стоить не менее 10 миллионов рублей; первые же доходы от перчеканки могут поступить только в сентябре, но медная русская монета за границей бесполезна. Канцлер умолял императора не рисковать своей «героической славой», ибо «скорому походу армии противиться непреодолимая натура вещей, и поправление тому зависит не от искусства и ревностных распоряжений, но почти единственно от времени».¹¹¹

Мы не знаем, дошло ли это обращение до императора, но на его действия оно никак не повлияло — как, вероятно, и другие предостережения. Упорное стремление действовать вопреки «натуре вещей» не могло не привести к изоляции императора от военно-чиновничьей верхушки и непопулярности его курса среди более широких кругов столичного дворянства и гвардии.

Армии не хватало как запаса времени, так и средств для срочного начала кампании. Правда, в начале июня войскам, наконец, стали выплачивать задержанное жалование: в заграничную армию перевели 1240 тысяч рублей. По ведомостям Кабинета, к началу июля туда поступило два с лишним миллиона всяких чрезвычайных доходов, в том числе золота с императорских алтайских заводов;¹¹² по иронии судьбы, ими потом Екатерина расплачивалась с участниками переворота. Получить остальные миллионы было негде, тем более что Сенат 5 июня объявил о невозможности представить в срок сведения о штатах и расходах, а 14 июня донес: амстердамские банкиры Клифорт и Гопп запрошенный заем в размере 3 или 4 миллионов рублей «изыскать не в состоянии».¹¹³ Одновременно Адмиралтейство сообщало, что военные корабли из Архангельска не смогут прибыть к датским берегам раньше осени, а строить необходимые суда в Кронштадте невозможно.¹¹⁴ Несостоятельными оказались также расчеты на поддержку Швеции, хотя известие об этом пришло в Петербург уже после переворота.

Румянцев приходил «в крайнее отчаяние» и жаловался на отсутствие провианта и поведение новых «союзников». Прусские поставщики заламывали «неслыханные деньги», а власти требовали немедленного возвращения Померании и Кольберга; прусские вербовщики даже подговаривали обнищавших русских солдат к дезертирству. Генерал почтительно осмеливался советовать своему императору: «Оставить Кольберг все военные резоны запрещают», — и терял драгоценное время. Третьего июля 1762 г. в донесении уже свергнутому Петру III Румянцев писал, что до сих пор не может выступить.¹¹⁵ Кампания, таким образом, с самого начала оказалась проигранной. Инициативу перехватили датчане: их войска окружили пограничный Гамбург, взяли с него «добровольный займ» в миллион талеров и готовились встретить русскую армию на заранее выбранных позициях.¹¹⁶

Но Петр III был готов идти до конца, невзирая ни на какую «неодолимую силу вещей». Пятого июня манифест царя объявлял о немедленном сборе с архиерейских и монастырских крестьян годового оброка.¹¹⁷ Восьмого июня был заключен союзный договор с недавним противником: в обмен на гарантию Силезии Фридрих обещал царю 15-тысячный корпус для похода на Данию. В июне были уже готовы образцы бумажных денег в 1000, 500, 100, 50 и 10 рублей; их первый выпуск предполагался на 2 миллиона.

За два дня до переворота, 26 июня, царь потребовал от Сената «неотложно собрать» все розданные из государственных заемных банков и просроченные ссуды, которые должны были платить вельможи из его окружения.¹¹⁸ В тот же день Адмиралтейство получило указ немедленно построить необходимые суда и брать для этого людей «от партикулярных работ».¹¹⁹ Коллегия иностранных дел должна была обеспечить выезд канцлера и дипломатического корпуса к армии, где царь намеревался продемонстрировать свои полководческие таланты.¹²⁰ С собой он брал не только дипломатов, но и гвардейский отряд из 4 батальонов и 3 эскадронов, для которых был даже готов маршрут следования. Но выступить в поход ему уже не пришлось.

Заговор и его участники

Екатерина II в письме к С.Понятовскому (от 2 августа 1762 г.) признавалась: «Уже шесть месяцев, как замышлялось мое восшествие на престол». Таким образом, началом событий, приведших к свержению Петра III, можно считать февраль того же года: у нас вроде бы нет оснований не доверять Екатерине в этом вопросе, тем более что австрийский посол Мерси в депеше от 13 июля 1762 г. ссылался на свои зимние донесения о том, как Панин вел переговоры с великой княгиней о низложении ее супруга.¹²¹

В рассказе о воцарении Екатерины (в изложении датского посланника барона Ассбургга) Н.И.Панин называет иную точку отсчета событий: он «за четыре недели до переворота озаботился предоставлением престола другому лицу без пролития крови».¹²² Дашкова в своем повествовании о перевороте подчеркнула, что «не спала последние две недели», а до того сообщила, как «в течение десяти дней число заговорщиков увеличивалось, но окончательный и разумный план все еще не созрел». Характерно, что и рассказывать о подготовке заговора Дашкова стала сразу же после описания инцидента на праздновании мира с Пруссией, где император оскорбил ее подругу.¹²³

Екатерина в названном письме вслед за фразой о вовлеченных в заговор 30–40 офицерах и 10 тысячах солдат заявляла: «Не нашлось ни одного предателя в течение трех недель». Но она же и в письме, и особенно в мемуарах акцентировала внимание на другом событии — празднике 9 июня, когда император публично обозвал ее «дурой» и собирался арестовать. Тогда-то Екатерина, по ее признанию, стала «прислушиваться к предложениям» недовольных и «дала знать различным партиям, что пришло время соединиться». Для императрицы было важно подчеркнуть, что

она честно исполняла супружеский долг и только прямая угроза беззаконного развода и заточения могла заставить ее пойти навстречу заговорщикам.

Едва ли она совсем не предполагала такого варианта ранее — ведь в манифесте о вступлении на престол Петр III не упоминал ни супругу, ни сына. Но все же до определенного момента разрыва отношений не происходило; более того, император выделил жене на расходы 120 тысяч рублей и пожаловал ей в личное распоряжение село Софьино в Новгородском уезде.¹²⁴ Как известно, инцидент за обедом был улажен; но можно согласиться с тем, что это происшествие подтолкнуло события.

Таким образом, Екатерину, Дашкову и Панина можно понять так, что расширение круга заговорщиков до итоговых размеров произошло именно в последние недели перед переворотом. Возможно, разная «протяженность» заговора по времени в приведенных сообщениях свидетельствует как о разных стадиях этого процесса, так и о разной степени вовлеченности в него самих авторов.

Далее рассказы участников (прежде всего Н.И.Панина и Е.Р.Дашковой) и любознательных современников, пытавшихся по мере сил выяснить пружины произошедшей «революции», представляют собой пеструю мозаику известных им имен и фактов вместе с понятным стремлением отметить свою роль в событиях. Последние исследования по теме выделяют две основные группировки — «военную» во главе с братьями Орловыми, куда примыкали генералы М.Н.Волконский и А.Н.Вильбуа, и «гражданскую» под руководством Н.И.Панина и с участием К.Г.Разумовского, Г.Н.Теплова и Е.Р.Дашковой.¹²⁵

Автор наиболее подробного очерка о перевороте 1762 г. В.А.Бильбасов предполагал аморфную, но и более широкую картину общественного недовольства. По его мнению, разделяемому некоторыми современными историками, до последнего дня «не было ни плана, ни проекта, ничего подготовленного для действия»; но была зато грозная сила общественного мнения, которая подняла «все полки, все сословия, весь народ».¹²⁶ С другой стороны, исследователи склоняются к наличию организованного заговора начиная с конца 1761 г.¹²⁷

Четкого плана у инициаторов заговора как будто не было — или Екатерина говорила с разными своими союзниками о разных планах. В письме к Понятовскому она сообщала о замысле схватить мужа и «заключить, как принцессу Анну и ее детей» в 1741 г.; но в то же время она указывала и на идею Н.И.Панина о перевороте в пользу наследника Павла, с которым, по ее утверждению, категорически не соглашались гвардейцы.¹²⁸ Сам Панин о таком варианте по понятным причинам умолчал и неопределенно сообщал о некоем «решительном действии».¹²⁹ Однако о плане провозглашения Екатерины «правительницей» знал датский дипломат Андреас Шумахер — но с более радикальным завершением: заколоть императора на специально организованном пожаре и замаскировать убийство под «несчастный случай».¹³⁰ Если этот сюжет был реальностью, то российское «переворотство» сделало очередной шаг, когда инициаторы заговора уже планировали убийство законного государя.

При этом они учли урок 1741 г., когда правительство и столица оказались в какой-то мере заложниками гвардии. Предстояло решать сложную задачу: заручиться поддержкой «солдатства», при этом до поры не расширяя круга посвященных и не допуская преждевременных волнений. Придворным заговорам XVIII столетия явно не хватало организованности и конспирации более поздних времен. Не случайно Екатерина опасалась предательства, почти неизбежного, как показывал опыт, в придворно-карьерном мире.

Избрана была наиболее удачная тактика. На начальном этапе заговор, по-видимому, включал узкую группу лично близких людей (включая Орловых и Панина), которая за счет связи и широкого недовольства политикой Петра III смогла за 3–4 недели развернуться в солидное предприятие; отсюда и разница в точках отсчета времени подготовки «революции» у разных авторов.

Екатерина II определенно указывала на «четыре отдельных партии, начальники которых созывались для приведения [плана. — И.К.] в исполнение»; «узел секрета находился в руках троих братьев Орловых». Такой представляется структура заговора «по горизонтали»; «по вертикали» она через императрицу включала в себя недовольных вельмож; некоторые из них (как, например, К.Г.Разумовский) были связаны с Екатериной еще с 1756–1757 гг. Об этих-то двух «этажах» заговора сообщал К.Рюльер, когда писал, что Екатерина «управляла в одно время двумя партиями и никогда их не соединяла» — до той поры, когда это стало необходимым.¹³¹ С момента соединения «партий» пошел отсчет тех 3–4 недель, о которых упоминают участники.

Сами же эти «партии», как нам представляется, комплектовались не по принципу «штатские» — «военные», а на основе привычных клановых и патрональных связей. В этом смысле важны мемуары Дашковой, которая ошибочно полагала себя центральной фигурой переворота. Однако она действительно находилась в центре, а точнее — на «перекрестке» тех связей, которые проходили между вельможно-придворной средой, где вращались молодая княгиня и Н.И.Панин (который также считал, что руководит Орловыми), и гвардейским офицерством, в рядах которого служили ее муж и его друзья.

Дашкова мыслила и действовала в пределах хорошо известных ей родственных отношений. В отсутствие мужа (которого ее дядя-канцлер отправил в Константинополь по причине недовольства императора) она «старалась утвердить в надлежащих принципах друзей моего мужа, капитанов Преображенского полка Пассека и Бредихина, ... братьев Рославлевых, майора и капитана Измайловского полка»; при том, что Бредихин «приходится нам родственником по жене, княжне Голицыной». Затем она обратилась к другому родственнику, молодому князю Н.В.Репнину (его жена — «двоюродная сестра моего мужа»), а через него — «открылась» дяде своего мужа, Н.И.Панину, которому Репнин приходился племянником. Наконец, о настроениях в армии она узнавала от другого дяди мужа, генерала М.Н.Волконского; «нам было уже легко убедить его принять деятельное участие в перевороте».¹³²

Так и складывались прочные нити, которые связывали гвардейских поручиков с «генералитетом». Состав же названных Екатериной II «партий» гвардейцев указан в известных «наградных» документах — списках пожалованных за участие в перевороте в 1762 г. и получивших за то же самое памятный серебряный сервиз в 1765 г. (последний перечень найден и опубликован В.А.Бильбасовым). В этих списках явно выделяются три группы офицеров: преображенцы во главе с капитан-поручиком П.Пассеком, измайловцы с премьер-майором Н.Рославлевым и конногвардейцы с ротмистром Ф.Хитрово. По непонятной причине в списках отсутствуют семеновцы; но в то же время важнейшую миссию доставки арестованного «бывшего» императора в Ропшу возложили на двух семеновских офицеров — Щербачева и Озерова. Возможно, эту самую четвертую «партию» составляли братья Орловы, двое из которых — Григорий и Алексей — служили именно в Семеновском полку с 1749 г.¹³³

Из солдат к заговору привлекались только избранные. Согласно дневнику статс-секретаря А.В.Храповицкого, в декабре 1788 г. императрица вспоминала, как она давала свою руку преображенскому гренадеру Стволу в качестве «знака» для его «приступления» к заговору. В той же беседе спустя четверть века после переворота Екатерина уже называла не 10 тысяч солдат-участников (как она утверждала в письме к С.Понятовскому в августе 1762 г.), а «в каждом полку по 99», что также кажется преувеличенными цифрами.¹³⁴

Такая тактика была оправдана, о чем говорит эпизод с солдатом-преображенцем, пристававшим к офицерам с вопросом: «Скоро ли свергнут императора?», — в результате чего был арестован один из заговорщиков, Пассек. О такой же солдатской болтовне писал Г.Р.Державин: «Когда выйдет полк в Ямскую, ... то мы спросим, куда и зачем нас ведут, оставя нашу матушку-государыню, которой мы рады служить». Попытки предупредить императора о возмущении (например, со стороны подполковника лейб-кирасирского полка Будберга или преображенца И.А.Долгорукова) остались без ответа не только из-за беспечности Петра III, но и потому, что доносители не могли сказать ничего определенного ни о руководителях заговора, ни о составе «партий».

Известная децентрализация — при временной дезорганизации ведомства Тайной канцелярии — стала важным условием успеха заговорщиков. Особенностью «революции» 1762 г. стало соблюдение определенной дистанции между офицерами и солдатами с одной стороны и «генералитетом» и офицерами — с другой. Не случайно «главными заговорщиками» Дашкова считала своих друзей «Рославлевых, Ласунского, Пассека, Бредихина, Баскакова, князя Бярятинского, Хитрово». Но она совершенно не подозревала об истинной роли Орловых. Они оставались для нее на заднем плане, как привлеченные «основателями», и 18-летняя барышня считала себя вправе отдавать братьям указания вечером 27 июня.¹³⁵

Вельможи (как, согласно запискам Дашковой, Панин и Волконский) в офицерских сходках и «вербовке» не участвовали — скорее, позволяли себя уговаривать; но никакими обязательствами они себя при этом не связывали. Известен рассказ, как хитрый гетман Разумовский выслушал

призывы одного из главных заговорщиков А. Орлова и ... пожелал ему спокойной ночи. Характерно, что Дашкова также ничего не знала о роли Разумовского (одного из давних сторонников Екатерины в предполагавшемся перевороте в 1756 г.) и всерьез считала, что Рославлевы и Ласунский чуть ли не шантажировали своего полковника тем, «что и он завлечен в заговор».

В привлечении людей такого ранга главную роль сыграла сама Екатерина II; но она умела молчать: молодые офицеры представляли для нее намного более выигрышный «фон» переворота, чем опытные придворные интриганы. Однако в письме к барону Остену, составленном за месяц до переворота, она определенно указывала на подготовку будущей акции и рассмотрение ею «разнообразных предложений» и даже «насильственных мер» по отношению к супругу.¹³⁶

Другие важные участники событий записок о перевороте не оставили. Среди них находились члены Императорского совета М.Н. Волконский и А.Н. Вильбуа (под его началом служил Г.Г. Орлов), сенатор (к тому же зять Н.И. Панина) И.И. Неплюев, первоприсутствующий в Синоде новгородский архиепископ Дмитрий Сеченов, а также высшие офицеры гвардейских полков: преображенский подполковник Ф.И. Ушаков, семеновские майоры Ф.И. Вадковский и Я.А. Брюс, преображенский майор А.А. Меншиков и другие лица. Можно предполагать, что вокруг них складывались свои кружки из родственников и подчиненных, чьи действия позволили указанным «персонам» принять верное решение и своей поддержкой определить судьбу трона.

Характерно поведение некоторых из близких к Петру лиц, как «директора над всеми полициями» Н.А. Корфа. По наблюдениям его адъютанта А. Болотова, он, «соображаясь с обстоятельствами, начал уже стараться понемногу себя от государя сколько-нибудь уже и удалять, а напротив того тайным и неприметным образом прилепляться к государыне императрице».¹³⁷ И до, и после переворота пользовались доверием Екатерины II обер-шенк и обер-гофмаршал двора ее мужа братья А.А. и Л.А. Нарышкины (их сестры были замужем за сыном И.И. Неплюева и К.Г. Разумовским), обер-камергер П.Б. Шереметев.

Еще одной новацией 1762 г. стало возрождение после 30-летнего промежутка идеи правового регулирования самодержавной власти. Дашкова из бесед с Паниным вынесла убеждение: «Мой дядя воображал, что будет царствовать его воспитанник, следуя законам и формам шведской монархии»; она же отметила: «Он стоял за соблюдение законности и за действие Сената». Эти формулировки, кажется, возвращают нас к спорам о правлении юного Петра II под контролем матери-регентши и Сената в 1725 г. и проектам 1730 г.¹³⁸

Существование плана регентства Екатерины при Павле несомненно — о нем были осведомлены и иностранные дипломаты (А. Шумахер, английский поверенный в делах Г. Ширли и секретарь французского посла К. Рюльер), и Дашкова, и ротмистр Конной гвардии Ф. Хитрово. Однако о конкретных обязательствах, взятых на себя Екатериной, говорить сложнее: императрица могла выслушивать подобные предложения, но не свя-

зывать себя обещаниями. Неизвестны также и количество сторонников идеи регентства среди заговорщиков, и степень распространения таких взглядов в гвардии. Ведь Дашкова даже якобы взяла с Панина «обещание, что он никому из заговорщиков не обмолвится ни словом о провозглашении императором великого князя, потому что подобное предложение, исходя от него, воспитателя великого князя, могло вызвать некоторое недоверие».¹³⁹

С другой стороны, если примеры 1725–1730 гг. вроде бы мало волновали общество, то тридцать лет спустя очевидцы единодушно сообщали о появлении повсеместного «ропота» в адрес императора. Исчез «рабский страх перед двором»; поданные «отваживались публично и без всякого опасения говорить и судить, и рядить все дела и поступки государевы»,¹⁴⁰ — об этом писали не только армейский офицер Болотов и пастор Бюшинг, но и Дашкова, и дипломаты — датчанин Шумахер, французский поверенный в делах Беранже, австрийский посол граф Мерси и их соперник пруссак Гольц. Можно предположить, что эти признаки свидетельствуют о переходе к тому уровню дворянского самосознания, когда появляется критический подход к придворной среде, произволу власти и раболепию перед ней — но в то же время сохраняется авторитет самодержавной монархии как высшей мировоззренческой ценности,¹⁴¹ не позволявший еще ставить вопрос о ее ограничении.

Отмеченные современниками проявления общественного мнения и исчезновение «рабского страха» говорили о том, что за сравнительно спокойные 40–50-е годы выросло поколение более просвещенных и независимых дворян, чем их отцы во времена «бироновщины»: современные исследования позволяют говорить даже об особом «культурно-психологическом типе» елизаветинской эпохи.¹⁴² Об этом же свидетельствуют выводы историков российского Просвещения о своеобразном «книжном буме» на рубеже 50–60-х гг. XVIII столетия, когда подросли новые дворяне-читатели, получившие уже иное, по сравнению с предками, образование.¹⁴³

Послужные списки дворян-рядовых Преображенского полка 1762 г. говорят о том, что по сравнению с солдатами 1725 г., гвардейцы 1762 г. стали более образованными (из них теперь только трое «не умели грамоте») и зажиточными: в среднем они имели по 20–30 душ, а многие — по 50–100 душ. Тот же вывод можно сделать и в отношении унтер- и обер-офицеров на основании списка гвардейцев 1764 г. с указанием их имущественного положения. Наши подсчеты показывают: среди 160 гвардейских сержантов только 17 дворян и разночинцев не имели крепостных; самыми бедными оказались как раз 12 лифляндских и эстляндских «немцев». Остальные же 116 сержантов владели в среднем 234,5 душами на брата, а состояние еще 9 превышало тысячу душ. Из 44 прапорщиков мелкопоместными оказались пятеро, среди 38 подпоручиков — двое.¹⁴⁴

Несомненно, повышению благосостояния гвардии немало способствовала и сама «эпоха дворцовых переворотов». Смещения и «восшествия» на престол уносили одних и расчищали путь другим. Так, безвестный доселе подпоручик Михаил Баскаков с декабря 1761 г. по март 1765 г. успел

получить три повышения подряд, сделался одним из «героев» 28 июня и владельцем 1200 душ — такая карьера и не снилась гренадерам петровских времен.

Это новое поколение еще не было готово сочинять политические «проекты», но уже считало себя вправе «судить и рядить» действия своего государя. Наконец, прошедшая война не могла не оставить свой след в сознании современников Екатерины: поколение победителей Фридриха Великого не могло мириться с унижительным миром и ненужной войной за провинциальные голштинские интересы.

Можно предположить, что одним из следствий подобных настроений было распространение слухов о планах неуравновешенного императора, вроде загадочного опубликованного по копии из частного собрания «мнения», которое якобы «собственною рукою его подписано и в Синод представлено июня 25 дня 1762 году». В нем от церкви требовалось немедленно признать равноправие всех вероисповеданий, а вслед за тем «посты вовсе прекратить и чтоб не почитать в закон, но в произвольство. О гресе прелюбодейном не иметь никому осуждения, ибо и Христос не осуждал». Все монастырские крестьяне немедленно причислялись к государственным. Наконец, Синоду предписывалось «дать волю во всяких моих мерностях, и что ни будет от нас впредь представлено, не препятствовать».¹⁴⁵ Исследователей, кажется, не смущало, что столь «революционный» декрет означал беспрецедентное вторжение в канонические вопросы вместе с признанием права монарха на полный произвол в этой сфере, чего не позволяли себе не только такой крутой реформатор, как Петр I, но даже советская власть.

Думается, что при всем своем солдафонстве и влиянии «Бахуса» вместе с «грехом прелюбодейным» Петр, как человек своего времени, едва ли решился бы объявить подобный акт. Царь не жаловал православное духовенство, но отнюдь не был вольнодумцем: Штелин указывал, что его воспитанник «не любил никаких шуток над верой и словом Божиим». К тому же этот странный документ лишен каких бы то ни было формулярных признаков и лексики, присущих законодательным актам. Возможно, перед нами образец как раз «антипетровской» агитационной кампании, оформленный как предполагаемые планы императора в отношении гонимой церкви. Ведь манифесты Екатерины II ставили ему в вину именно «разорение церквей» и «принятие иноверного закона».

В других современных свидетельствах можно найти утверждения о «всенародном объявлении веры Лютера», скором обмене всех жен у министров или намерении царя обвенчаться 29 июня с Елизаветой Воронцовой в протестантской кирке.¹⁴⁶ Возможно, перед нами «творчество» не столько «верхов», сколько столичных «низов», по-своему воспринимавших новоявленного реформатора.

Но, скорее, это еще одна специфическая черта событий 1762 г. За двадцать лет до этого Елизавета Петровна впервые развернула идеологическую кампанию по оправданию состоявшегося переворота, но тогда это произошло **после захвата власти**; Екатерина же и ее окружение начали такую кампанию **до переворота** с целью дискредитации императора. Не

случайно очевидцы событий (испанский посол П. де Альмодовар) отмечали, что эти слухи появились как раз накануне рокового для императора дня 28 июня. Упразднение Тайной канцелярии только способствовало распространению порочащих императора слухов, которые некому было пресекать. Как известно, арест единственного из заговорщиков, П. Пассека, последовал уже слишком поздно. Сам же Пассек как раз и внушал гвардейцам, что они якобы «уступлены королю прусскому».¹⁴⁷

Петр III на первых порах явно стремился ублажить гвардию. В Преображенском полку, которым Петр командовал в качестве наследника с 1742 г., он буквально в первый день своего царствования повысил в рангах почти весь офицерский состав; несколько десятков офицеров гвардии, повышенных чинами 25 декабря 1761 года, через день-другой получили без всякой выслуги следующий чин. В их числе были Петр Пассек и адъютант Сергей Бредихин — будущие участники заговора. То же происходило и в прочих гвардейских полках: по подсчетам М. И. Семевского, повышения получили 333 унтер- и обер-офицера. Одновременно государь уволил во всех четырех полках более ста семидесяти человек: сержантов, вахмистров, прапорщиков и прочих чинов, до капитанов гвардии включительно.¹⁴⁸

Петр понимал роль гвардейского начальства в придворной жизни и сделал необходимые назначения. Подполковником преобразенцев тогда же стал Н. Ю. Трубецкой, Конную гвардию царь поручил в феврале своему дяде Георгу; подполковниками Семеновского и Измайловского полков остались А. И. Шувалов и К. Г. Разумовский, к которым император благоволил.

Войска приветствовали нового государя. Но, по-видимому, эти чувства не были единодушными. В первый же день царствования 26 офицеров-преобразенцев подали прошения об отставке по состоянию здоровья: из-за «обструкции в животе», «тиснения в груди» и «трепетания сердца». Милость была оказана; но в марте, апреле и мае в отставку стали проситься и другие офицеры Преображенского и Семеновского полков, в том числе вновь пожалованные.

Была ли это реакция на только что вышедший манифест о вольности дворянства или гвардейцы таким образом выражали свое неодобрение — сказать на основании казенных документов трудно. Но такая инициатива накануне нового похода была императору явно неприятна. Следствием явился поступивший в апреле приказ о запрещении произведения при отставке в следующий чин тех, кто не выслужил в предыдущем году. Месяц спустя император-полковник довел до сведения подчиненных, что многие унтер-офицеры просят в отставку, «не имея никаких болезней», и повелел отправлять таких прямо в действующую армию.¹⁴⁹

Книга приказов 1762 г. по Семеновскому полку показывает, что с первых дней царствования Петр III повел наступление на гвардейские вольности. В первый день нового года он приказал военным новые мундиры «иметь недлинные и неширокие, и рукава б у тех были узкие с малинками обшлагами, так как пред сим во всей армии имелись; и салютация эспонтонными, как прежде до 1740 году чинено было». Для начала офице-

рам было велено носить «белые волосяные банты», белые штилеты и салютовать эспонтонами, а солдатам — новые шляпы «против опробованных». На вахтпарадах царь сам следил, чтобы у офицеров «воротники у кафтанов вплоть пришиты были», а солдат учил «держат ружья опустя вдоль руки на правом плече круче». Недовольный выправкой гвардейцев, Петр приказал офицерам лично обучать каждого солдата «в своих покоях» и маршировать по «расписанию темпов». Он распорядился и о том, чтобы «солдатские жены вина не выносили». Все эти меры были им приняты только за первые две недели 1762 г.¹⁵⁰

В марте переобмундирование приказано было завершить; при этом сухо офицерам велено покупать «от себя», а за новые аксельбанты вычитат у них из жалования. «Постройка» новых мундиров продолжалась до июня и обошлась только одному Преображенскому полку в 69 тысяч рублей, которые так и не были выплачены даже к концу года. Новая офицерская форма «со всем прибором» тянула, по свидетельству полковых документов, на огромную для небогатого дворянина сумму — 130 рублей. Уже после переворота командование просило избавить от вычетов на мундир всех, у кого было меньше 200 душ. Но ведь, кроме парадного («богатого») мундира офицеров обязали сделать себе и обычные «вишмундиры».¹⁵¹

Полковые бумаги говорят, что вслед за введением новых штатов и формы в полках начались частые учения — «полковой строй» по только что отпечатанному уставу. Премудростям новой экзерции пришлось обучаться как 18-летнему рядовому-преображенцу Гавриле Державину (он и на склоне лет помнил, «как он платил флигельману за ученье некоторую сумму денег»), так и его командиру — старой придворной лисе Никите Трубецкому. Одно за другим следовали замечания: о ношении шпаг, сделанных только «по образцу»; немедленном «выбелении» древков у алебард и даже запрещении «накладных усов» — сей признак доблести «велье отращивать» естественным образом.

Гвардейских гуляк приказано было отлавливать специальному караулу, поставленному у самого популярного кабака «Звезда», увековеченного в стихах служившего в те времена в Семеновском полку поэта В.И. Майкова:

*«Против Семеновских слобод последней роты
Стоял воздвигнут дом с широкими ворота,
До коего с Тычка не близкая езда;
То был питейный дом названием “Звезда”...
Там много зрелось расквашенных носов,
Один был в синяках, другой без волосов,
А третий оттирал свои замерзлы губы,
Четвертый исчислял, не все ль пропали зубы
От поражения сторонних кулаков».*

Такое покушение на «русский дух» вместе с ужесточением дисциплины и дорогостоящим переодеванием не добавляли императору симпатий, тем более что новые строгости не все смогли выдержать. Сослуживцам приходилось выполнять и такие приказы: «Удавившегося гренадера Ивана Михайлова зарыть в землю в том месте, где обыкновенно давленники зарываются».

Дело было не только в муштре. Штелин совершенно определенно общал о планах Петра преобразовать гвардейские части, которые «блокируют резиденцию, неспособны ни к какому труду, ни к военной экзерции и всегда опасны для правительства».¹⁵² Найденные нами документы подтверждают, что это были не только слова.

Уже в марте Петр распустил елизаветинскую Лейб-кампанию и уволил в отставку ее командира И.С. Гендрикова. В мае командир Преображенского полка Н.Ю. Трубецкой распорядился выпустить в армию всех «неспособных, малорослых, собою гнусных», а также «недостаточных» солдат и унтер-офицеров.¹⁵³ 18-19 июня он же передал из Ораниенбаума повеление Военной коллегии срочно начать пополнение Преображенского полка солдатами из армейских полков и гарнизонных частей; первая партия в 100 человек таких счастливцев из Астраханского гарнизона уже была вытребована в столицу.¹⁵⁴

Одновременно была развернута вербовка в «голландские» войска, и к моменту переворота в Ораниенбауме содержались первые 224 новобранца из «малороссиян».¹⁵⁵ Недавнее исследование о формировании голландских войск показало, что Петр III форсированно создавал не просто еще одну гвардейскую часть, а принципиально новый десятитысячный корпус, который неизбежно должен был со временем заменить «старые» полки.¹⁵⁶

Девятого июня царь отказался от звания полковника трех пехотных полков гвардии и передал его соответственно Н.Ю. Трубецкому, А.И. Шувалову и К.Г. Разумовскому. Отменены были даже обычные символы императорского внимания — «именинные и крестинные деньги», которые теперь было приказано причислять к жалованию. Последний из отданных приказов от 25 июня об отправке сводного отряда гвардейцев на морскую войну оказался как нельзя кстати для организаторов заговора; к тому же гвардейцам не на что было выступать, и полковое начальство 26 июня срочно просило выдать 10 тысяч рублей.

Подобные акции могли только усиливать недовольство в полках. Политика Петра III, ее приемы в виде «стремительного желания завести новое» (по замечанию повзрослевшего наследника Павла) и сам повседневный стиль жизни монарха вызывали неизбежное отторжение головных бюрократических структур, двора и гвардии, т.е. тех самых сил, которые являлись его основной опорой в самодержавной системе. Можно предположить, что именно осознание безнадежности политического курса императора вызвало у мемуаристов (даже тех, которые лично никак не были обижены или заинтересованы в перевороте, как придворный ювелир Позье или адъютант Петра III Сиверс) ожидания «тяжелого несчастья».¹⁵⁷

Не было их только у самого императора, сильно облегчившего задачу своим противникам тем, что отбыл 12 июня в любимый Ораниенбаум, забрав с собой всех своих наиболее надежных приверженцев. Здесь Совет принял — уже без возражений — последние решения о срочном сборе средств на войну, немедленной «здаче королевства Прусского» немецкой администрации, создании «походной канцелярии». 27 июня на его последнем заседании был утвержден список императорского «поезда» из 150 карет, фур и кибиток для следования до курляндской Митава и далее в действующую армию.¹⁵⁸

«Благополучная перемена отечеству»

В своих мемуарах Екатерина весьма лаконично описала организованный ею переворот, но дала понять, что события развернулись внезапно и «старшие» по чинам заговорщики — Панин и Разумовский — колебались, считая выступление преждевременным. Однако в письме Понятовскому она сообщила о запланированной возможности преждевременного выступления: «В случае предательства не станут ждать его [императора. — *И.К.*] возвращения, но соберут гвардейцев и провозгласят меня».

Тщательно изучавший материалы об этом событии В.А.Бильбасов не случайно полагал: «Екатерина знала тогда больше, чем мы теперь. В письме к графу А.Г.Орлову от 7 июля 1789 г., двадцать семь лет после переворота, она писала: “Никогда не забуду 24, 26 и 28 июня”. Екатерина знала об услугах, оказанных ей Алексеем Орловым в понедельник, 24 июня, и в среду, 26, — мы не знаем». Историк указывает на обнаруженный им проект указа о недопущении «нападений на кабаки», который был подписан императрицей как раз 26 июня, т.е. за два дня до переворота, но опубликован в исправленном виде 30-го числа.¹⁵⁹

Пока это едва ли не единственное документированное свидетельство организационной подготовки переворота. Известие о сочинении и печатании в ночь с 27 на 28 июня 1762 г. в академической типографии манифеста о вступлении Екатерины на престол проверке пока не поддается.¹⁶⁰ Непонятна роль некоторых лиц; среди них — французский граф Сен-Жермен, которому через несколько лет отдадут должное уже вошедшие в силу Орловы: «Вот человек, который сыграл большую роль в нашей революции».¹⁶¹ Чем-то важным была обязана Екатерина актеру Федору Волкову, которому после переворота пожаловала вместе с братом дворянство и 700 душ.¹⁶² Нам неизвестно также, чем занимался будущий статс-секретарь Екатерины и доверенное лицо гетмана Г.Н.Теплов.¹⁶³

Известно, что накануне событий, в июне, царица нуждалась в средствах и обратилась за помощью к послу Бретейлю. Просила она сравнительно небольшую сумму — 60 тысяч рублей; но дипломат уклонился от деликатной операции, собираясь выехать из России. Он поручил это дело секретарю посольства Беранже — но теперь уже отказалась Екатерина: «Покупка, которую мы хотели сделать, — писала она во врученной Беранже записке, — будет сделана, но гораздо дешевле; нет более надобности в других деньгах».¹⁶⁴

Очевидно, императрица нашла иной источник финансирования. О получении ею «суды» в 100 тысяч рублей от английского купца Фельтена сообщают только французские авторы сочинений о перевороте Лаво и Кастера.¹⁶⁵ Однако любопытно, что в числе главных героев переворота оказался скромный разночинец, кассир банковской конторы Алексей Евреинов. Как и Федор Волков, он стал потомственным дворянином, к коронации получил капитанский чин и в придачу 10 тысяч рублей (эквивалент предполагавшихся к выдаче 300 душ); закончил же он свою необычную карьеру в 1765 г. майором в отставке выдачей за неведомые нам заслуги 4 тысяч рублей.¹⁶⁶

Внешняя сторона событий подробно освещена в труде В.А.Бильбасова и других авторов, что избавляет нас от ее пересказа,¹⁶⁷ хотя и здесь остаются некоторые загадки. Ранним утром 28 июня находившуюся в Петергофе и якобы ничего не подозревавшую Екатерину разбудил прискакавший из города Алексей Орлов. Честь этой «командировки» дружно приписывали себе как Панин, так и Дашкова, — что, возможно, одинаково несправедливо. Оба мемуариста появились «на сцене» уже тогда, когда успех переворота обозначился вполне определенно, и в предшествующих событиях не участвовали. Далее все источники повествуют о прибытии императрицы (примерно в 8 утра) в расположение Измайловского полка, где ее с энтузиазмом приветствовали и тут же принесли присягу.¹⁶⁸

Как особо отмечает в своем весьма сжатом тексте Екатерина, «солдаты были все предупреждены, но оставались у себя, а когда они пришли, провозгласили ее самодержавной императрицей». О такой подготовке события свидетельствуют и информация Шумахера (о вечернем сборе Измайловского полка, где офицеры-заговорщики «раскрыли солдатам собственные замыслы»), и челобитная только что отставленного Петром III семеновского капитан-поручика Василия Салтыкова. Из нее следует, что заранее предупрежденный о «прибытии» Екатерины офицер ночью обходил слободы Измайловского и Семеновского полков — «не учинитца ли где какого препятствия» предстоящей операции, — и первым поприветствовал беглую царицу от имени своего полка.¹⁶⁹

Собственно, это был решающий момент в запуске механизма переворота. Во-первых, заговорщики сумели настроить солдат и не допустить никакого замешательства, что, очевидно, требовало предварительной подготовки и, во всяком случае, благожелательного отношения большинства офицеров. Колебания в полку были: не явился премьер-майор А.Шепелев, отказался присягать капитан-поручик С.Абрамов;¹⁷⁰ но сопротивление, если оно и имело место, было быстро сломлено. Таким образом, мятежница сразу получила в свои руки военную силу.

Во-вторых, после успешного начала «действия» тут же как из-под земли вокруг нее появились фигуры генеральского ранга, прежде всего — командир полка К.Г.Разумовский. С 12 июня он находился с императором в Ораниенбауме, но каким-то образом вовремя его покинул, бросив жену и дочь. Документы Коллегии иностранных дел подтверждают, что 26 июня гетман был объявлен главнокомандующим и должен был вступить в переговоры с прусскими властями.¹⁷¹

В-третьих — и это самое интересное — дальнейшие действия развернулись по нестандартному пути. Во время предшествовавших переворотов их инициаторы стремились прежде всего овладеть дворцом и его хозяевами. Теперь события развивались по-иному: царя в столице не было, и на первый план вышла задача поднять и присоединить к восставшим все полки гвардии.

Измайловцы во главе с Екатериной и Разумовским отправились к семеновским казармам, и семеновцы дружно выбежали навстречу, т.е., надо полагать, были уже подготовлены. Теперь уже два полка двинулись к Не-

вской «перспективе» и по ней — к новому Зимнему дворцу. Во время молебна в Казанском соборе царицу окружали уже не только солдаты и офицеры, но и подоспевшие высшие чины — А.Н.Вильбуа, М.Н.Волконский; туда же (как наблюдал испанский посол¹⁷²) прибыл с наследником Павлом Н.И.Панин. Он стал одним из первых лиц в рядах победителей, но после провозглашения Екатерины императрицей в полках и «многолетия» ей в соборе говорить о регентстве было уже бессмысленно. В это время прискакала Конная гвардия; кто и как ее поднимал, у нас известий нет.

О следовании Екатерины по «начертанному» им плану говорил в своем рассказе Панин,¹⁷³ хотя на деле указанный им маршрут (Конная гвардия — Измайловский — Преображенский — Семеновский полки) не был — да и не мог быть — соблюден. Ведь «слободы» Измайловского и Семеновского полков располагались рядом на Фонтанке и находились по пути Екатерины из Ораниенбаума; казармы преобразенцев располагались далее, за Литейной улицей; конногвардейцы жили еще дальше, у Смольного.¹⁷⁴ Возможно, эта «нестыковка» лишний раз подтверждает, что не Панин реально руководил военной частью операции. Но, так или иначе, новая тактика «полк поднимает полк» оказалась эффективной прежде всего тем, что парализовала усилия оставшихся верными присяге офицеров.¹⁷⁵

Другой, не менее эффективной, мерой оказался пущенный утром слух: «Уверяли, что император мертв — он якобы накануне вечером пьяный свалился с коня и сломал себе шею», — засвидетельствованный Шумахером, Позье и голландским резидентом Мейнерцгагеном. Штелин же передал рассказ прибывших на следующий день в Ораниенбаум офицеров: «Нас обманули и сказали, что император умер».¹⁷⁶

Однако такой способ имел и свои недостатки: вышла заминка с вытуплением Преображенского полка. По воспоминаниям Державина, в 8 утра (т.е. в то время, когда Екатерина уже прибыла к измайловцам) преобразенцев поднял прискакавший конногвардеец, «который кричал, чтоб шли к матушке в Зимний каменный дворец». Но здесь «партия» заговорщиков-офицеров не смогла быстро овладеть положением. Свидетельства двух в то время юных преобразенцев — Семена Воронцова и Гаврилы Державина — хотя и написаны на склоне лет, но позволяют в какой-то мере оценить ситуацию «изнутри» возбужденной гвардейской толпы. Оба автора, не являясь участниками заговора, зафиксировали растерянность солдат и части офицеров. Один наткнулся на не входившего в «партию» майора Текутьева, «в великой задумчивости ходящего взад и вперед, не говорящего ни слова»; другой наблюдал бездействовавших заговорщиков — Бредихина, Баскакова и Бярятинского: «Они мне ничего не отвечали и глядели друг на друга, бледные, растерянные».

В ситуации, когда солдаты еще не вполне были готовы к открытому бунту, очень многое зависело от того, кто из авторитетных командиров возглавит привыкших идти за начальником рядовых. Верные присяге офицеры во главе с капитаном Измайловым и секунд-майором Воейковым пытались перехватить инициативу — и колонна, как казалось тогда Воронцову, была уже готова ударить в штыки на мятежников. «Электрическим ударом» стал призыв старшего по чину — сына «светлейшего»,

премьер-майора А.А.Меншикова: «Виват императрица Екатерина Алексеевна!» — после чего дисциплина разом исчезла, и Воронцову со товарищи пришлось спасаться бегством.¹⁷⁷

Итак, преобразенцы присоединились к мятежным полкам по частям. Екатерина отметила появление у Казанского собора гренадерской роты, которая даже столкнулась с измайловцами, не захотевшими уступить охрану кареты императрицы первому гвардейскому полку. Рядовой Державин со своей третьей ротой увидел Екатерину уже в Зимнем дворце, куда процессия вступила после молебна в соборе и, в свою очередь, обратил внимание, что его полк по подозрению в расположении к свергнутому императору «оставлен был внутри дворца».

Усиленные меры предосторожности, впрочем, не потребовались. Расположенные в Петербурге полки, как и в 1741 г., были малочисленны и опасности не представляли. Правда, руководители переворота опасались расположенных на Васильевском острове Ингерманландского и Астраханского полков; но все обошлось благополучно: их солдаты арестовали полковников и, как писал Шумахер, «захотели разделить честь спасения отечества». По свидетельству очевидца, ювелира Позье, даже любимый лейб-кирасирский полк Петра III не оказал сопротивления и был приведен к присяге.

В Зимнем дворце Екатерина приняла присягу у собранных полков и высших чинов империи; манифест о вступлении на престол читал перешедший на сторону сильнейшего генерал-прокурор Глебов. Где-то после 12 часов императрица и ее свита перешли в старый деревянный зимний дворец, который также был окружен войсками, размещенными по всем соседним улицам. Здесь и началось формирование новой системы власти. Сочинялись манифесты и указы войскам. Герои дня Меншиков и Волконский стали «полными» генералами; Волконский возглавил Конную гвардию, а премьер-майором преобразенцев был назначен решительный генерал В.И.Суворов.

Сенат принял решение о переделке всех государственных печатей в учреждениях. В его состав тут же были введены Н.И.Панин, К.Г.Разумовский, Я.П.Шаховской, Ф.И.Ушаков, М.Н.Волконский, обер-гофмейстер М.К.Скавронский, обер-камергер П.Б.Шереметев и Н.А.Корф; трое последних возглавляли соответственно штат двора и полицию.

Сразу «включились» в работу прибывшие из Ораниенбаума и перешедшие на сторону Екатерины Н.Ю.Трубецкой и А.И.Шувалов, причем Трубецкой успел первым поставить свою подпись на первом же в этот день сенатском протоколе. М.И.Воронцов также подписал протокол; вопреки свидетельству племянницы, он принес присягу новой императрице.¹⁷⁸

В придворно-бюрократической среде, в отличие даже от недовольной гвардии, колебаний не было видно. Лишь немногие любимцы Петра III, как его генерал-адъютант Андрей Гудович, остались до конца верными монарху. Остальные при первой возможности перешли на сторону Екатерины, как, например, Петр Трубецкой. Молодой князь успешно начал карьеру, стал камергером и обер-прокурором Сената; только что он восхищался в своем дневнике дарованной «вольностью» и знаками внима-

ния к отцу — и 28 июня записал: «Благополучная перемена отечеству. Счастливое восшествие на престол ее императорского величества государыни императрицы Екатерины Алексеевны, избавительницы империи российской». ¹⁷⁹

Судя по протоколам Военной коллегии, она работу не прерывала, несмотря на переворот. Военное начальство во главе с генерал-лейтенантом С.И. Карауловым с 10 часов утра до 16 вечера работало на месте и исполняло приказы Екатерины; отсутствовал только президент Н.Ю. Трубецкой «за бытием при дворе ее императорского величества». ¹⁸⁰ Благодаря этому обстоятельству, а также усилии «дежурных» генерал-адъютантов (фельдмаршалов Разумовского и Бутурлина), мятежники были в курсе распоряжений и передвижения военных частей в окрестностях столицы; их посланцы успели перехватить эти полки и «команды» прежде, чем они получили приказы Петра III двигаться в Ораниенбаум. Почта задержала всю корреспонденцию, направленную к лицам «голландской службы» из окружения императора. ¹⁸¹

Быстрое развитие событий дало мятежникам важное преимущество во времени в 6–7 часов, что едва ли не учитывалось заранее. Петр III еще не подозревал поутру, что его власть уже не распространяется за пределы резиденции. Он еще успел провести «экзерцицию» своих войск и пожаловать 1000 душ М.Л. Измайлову и мызы в Лифляндии бригадирам Дельвигу и Цеймарну. ¹⁸² Только около 13 часов дня при отъезде в Петергоф он получил первое известие об исчезновении супруги. Далее, по рассказам сопровождавших его лиц (Штелина, адъютанта Сиверса и прусского посла Гольца), несколько часов ушло на совещания и рассылку уже опоздавших распоряжений в армейские и гвардейские полки. Даже предложенное Гольцем бегство к действующей армии было уже невозможным. Посланный приказ о присылке из ямских слобод 50 лошадей дошел по назначению тогда, когда его никто уже не собирался исполнять, и был доставлен в Сенат. ¹⁸³

Императора могли спасти либо бросок в Кронштадтскую крепость, либо следование совету опытного Миниха: лично «явиться перед народом и гвардией, указать им на свое происхождение и право, спросить о причине их неудовольствия и обещать всякое удовлетворение». Тогда, да и позднее явление монарха — как, например, Николая I на площади перед мятежной толпой в 1831 г., — могло изменить ситуацию. Но на последнее Петр не был способен, а на первое решился только к ночи. ¹⁸⁴ Однако к тому времени прибывший в Кронштадт адмирал Талызин уже привел моряков и гарнизон крепости к присяге Екатерине и выдал им по «порционной чарке». Приплывший со свитой Петр III после двукратной попытки высадиться вынужден был отправиться в 3 часа ночи обратно в Ораниенбаум.

К 7 часам утра в Петергоф и Ораниенбаум вошли передовые части войск, отправившихся вечером 28 июня с Екатериной во главе в поход на резиденцию «бывшего императора». Несколько часов спустя Петр подписал отречение от престола, копию которого Екатерина отправила в Сенат, за что получила оттуда благодарность «с крайним восхищением» от имени всего общества. ¹⁸⁵ По донесению Гольца, император отрекся «при условии, что он сохранит свою свободу и управление своими немецкими

владениями»; но сам дипломат не мог гарантировать достоверность такой договоренности. ¹⁸⁶ Что же касается «своеручного» отречения императора, то где и когда подписал его Петр и почему оно было обнародовано только после его смерти, не вполне понятно. ¹⁸⁷ Но уже к вечеру того же дня он был отправлен под конвоем к месту своего последнего заключения — в пригородную «мызу» Ропшу.

Трагическая судьба пленника сразу же вызвала немало вопросов и версий относительно обстоятельств его смерти и степени участия в ней самой Екатерины и ее окружения. Уже современники отвергали официальную версию и дату смерти Петра 6 июля: пастор А. Бюшинг, Шумахер, барон Ассесбург и ювелир Позье единодушно и независимо друг от друга называли днем его кончины 3 июля, Штелин — 5 июля. Разошлись и мнения историков. Большинство придерживается и сейчас официальной даты; Бильбасов знал о перечисленных выше версиях, но не считал возможным им поверить. Недавно обнаруженные документы караула в Ропше из библиотеки Зимнего дворца, кажется, подтверждают, что к 5 июля Петр был уже мертв: для облачения тела понадобилось втайне и срочно доставить из Ораниенбаума его голландский мундир. ¹⁸⁸ К этому можно добавить, что еще в XIX веке управляющий архивом Сената П.И. Баранов определенно полагал, что император «скончался не 6, но 4 июля 1762 г.». ¹⁸⁹

Что же касается организации «прежестоккой колики», то, как бы ни хотелось иным авторам видеть в происшествии только «пьяную неожиданную драку» с последующим раскаянием, поверить в это трудно. Однако и сейчас мы можем только гадать, последовала ли гибель монарха с молчаливого согласия Екатерины или без такового — или, напротив, явилась результатом действий заговорщиков, желавших обезопасить себя и связать руки императрице. ¹⁹⁰

Приходится согласиться с мнением прусского посла Гольца, 10 августа дожившего в Берлин: «Невозможно найти подтверждение тому, что она [Екатерина. — И.К.] лично отдала приказ об убийстве», но эта смерть слишком выгодна тем, «кто управляет государством сегодня». В числе этих лиц находились не только Орловы, но и прежде всего Н.И. Панин. Теперь, помимо воспитания наследника, он заседал в Сенате, приступил к делам внешнеполитическим и стал чем-то вроде шефа службы безопасности: именно Панин отправлял в Ропшу Петра, ведал охраной другого царственного узника — Ивана Антоновича — и возглавлял целый ряд следственных комиссий по делам, о которых еще пойдет речь.

Своевременно появился манифест от 6 июля, предваривший сообщение о смерти императора. Составители документа собрали все возможные претензии в адрес свергнутого государя: «расточение» казны, «потрясение» православия, «ниспровержение» порядка, «пренебрежение» законами, приведение страны «в совершенное порабощение» — и даже абсолютно лживые обвинения в «принятии иноверного закона» и намерении «истребить» жену и сына-наследника.

В отличие от незамысловато-наивного манифеста Елизаветы о возведении ее на престол по просьбе «лейб-гвардии нашей полков», авторы этого любопытного текста устранили саму возможность получения престола по чьей-

то воле. Екатерине сам Бог «определил престол отечества Российского воспринять»; она отдала «себя или на жертву за любезное отечество, которое от нас по себе заслужило, или на избавление его от мятежа и крайнего кровопролития». В ответ народ и «чины духовные, военные и гражданские» (а не только гвардия) изъявили «желание вообще к верноподданству» и принесли присягу. Далее публиковались текст «добровольного» отречения «бывшего государя» и обещание «быть достойны любви нашего народа, для которого [но не по воле которого. — И.К.] признаваем себя быть возведенными на престол».¹⁹¹

Так завершилась самая долгая и самая массовая дворцовая «революция» XVIII в., представлявшая собой новый этап в развитии российской «переворотства». Здесь впервые был создан настоящий заговор с достаточно высоким уровнем конспирации, превратившийся за несколько недель в серьезное предприятие; дискредитировавшие императора слухи и толки распространялись заранее; основная масса «солдатства» была соответствующим образом настроена, но непосредственно в подготовке выступления не участвовала. Необычной была и тактика: организаторы заговора обеспечили присоединение к мятежу одного за другим всех гвардейских полков, чем парализовали верных присяге офицеров. Однако последствия переворота продолжали беспокоить правящие круги империи еще несколько лет.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Сб. РИО. Т.136. С.54.
- ² Осенью 1759 г. М.И.Воронцов в особой «промемерии» отметил, что его страна «никаким образом... не включена» в предполагающиеся договорами союзников послевоенное устройство и, таким образом, является лишь «полезным сему великому зданию орудием». В этом документе он выдвинул главное требование России — о присоединении Восточной Пруссии (см.: *Щебальский П.К.* Политическая система Петра III. М., 1870. Приложение. С.24).
- ³ См.: *Черкасов П.П.* Двуглавый орел и королевские лилии: Становление русско-французских отношений в XVIII в. 1700-1775. М., 1995. С.203-205.
- ⁴ См.: *Oliva L.* Misalliance: A Study of French Policy in Russia during Seven Year's War. N. Y., 1964. P.89, 159-160. Яков Убри стал секретарем Коллегии иностранных дел в марте 1761 г. (см.: РГАДА. Ф.16. Оп.1. № 106. Ч.7. Л.16).
- ⁵ См.: Русский двор в 1761 г. // РС. 1878. № 10. С.200; *Oliva L.* Op. cit. P.177.
- ⁶ См.: Ibid. P.179, 182.
- ⁷ См.: АКВ. Кн.4. С.176.
- ⁸ Подсчеты Военной коллегии см.: РГАДА. Ф.20. Оп.1. № 200. Л.1-2 об.
- ⁹ См.: РГВИА. Ф.39. Оп.1/79. № 253. Л.21-27.
- ¹⁰ См.: РГАДА. Ф.178. Оп.1. № 24. Л.4.
- ¹¹ См.: Там же. Л.201 об., 203-204, 206 об. В середине декабря Сенат уже рассчитал предстоявшие расходы на жалование и провиант, нашел их меньшими, чем в 1761 г., и видел возможным покрыть эти издержки за счет доходов от продажи вина и соли и «прибавочных» денег с черносошных крестьян (см.: Сенатский архив. СПб., 1907. Т.12. С.108-110; РГАДА. Ф.248. Оп.113. № 1111. Л.218, 226-227).
- ¹² См.: Две заметки Екатерины II // РА. 1863. № 7. С.383-384. Другое изложение той же версии, где она датируется декабрем 1761 г., см.: *Шумиговский Е.С.* Императрица Екатерина II в начале царствования Петра III // РС. 1899. № 4. С.30.
- ¹³ *Горяинов С.М.* Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны и английского посла Ч.Г.Уильямса 1756 и 1757 гг. // ЧОИДР. 1909. Кн.2. С.35, 47-48. Екатерина составила специальную инструкцию мужу, 6 из 17 параграфов которой были посвящены задаче немедленного приведения гвардии и «лейб-компаний» к присяге (см.: *Екатерина II.* Записки. СПб., 1907. С.556-558).
- ¹⁴ См.: Там же. С. 49-50, 112, 121, 217, 275.
- ¹⁵ См.: *Чечулин Н.Д.* Екатерина II в борьбе за престол (по новым материалам). Л., 1924. С.101-103.
- ¹⁶ *Горяинов С.М.* Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны и английского посла Ч.Г.Уильямса 1756 и 1757 гг. С.111, 248, 269.
- ¹⁷ См.: *Щепкин Е.Н.* Падение канцлера графа А.П.Бестужева-Рюмина. Одесса, 1901. С.12, 15, 17.
- ¹⁸ Об обстоятельствах «падения» канцлера см.: *Бильбасов В.А.* История Екатерины II. Берлин,

1900. Т.1. С.370-381; *Семевский М.И.* Противники Фридриха Великого. Апраксин и Бестужев-Рюмин (очерк из русско-прусской войны 1756-1762 гг.) // Военный сборник. 1862. № 5; *Соловьев С.М.* Соч. В 18-ти кн. М., 1993. Кн.ХII. С.422-435; *Щепкин Е.Н.* Указ соч.

- ¹⁹ См.: РГАДА. Ф.9. Оп.5. № 68. Л.10.
- ²⁰ См.: *Черкасов П.П.* Указ соч. С.149.
- ²¹ См.: *Щепкин Е.Н.* Указ соч. С.14.
- ²² Исчезли протоколы допросов Бестужева от 25 февраля 1758 г., упомянутые в докладе о его «винах» (см.: РГАДА. Ф.6. Оп.1. № 385. Л.31 об.).
- ²³ РГАДА. Ф.6. Оп.1. № 385. Л.29 об. См. также: *Бильбасов В.А.* Исторические монографии. СПб., 1901. Т.3. С.124-125.
- ²⁴ См.: *Le Donne J.* Ruling Families in the Russian Political Order, 1689-1725 // Cahiers du monde russe et soviétique. 1987. Vol.28, № 3-4. P.300.
- ²⁵ См.: РГАДА. Ф.9. Оп.5. № 68. Л.1-2.
- ²⁶ См.: Бумаги И.И.Шувалова // РА. 1867. № 1. С.84-85.
- ²⁷ См.: АКВ. Кн.4. С.518-519.
- ²⁸ См.: *Черкасов П.П.* Указ соч. С.222.
- ²⁹ См.: *Шумиговский Е.С.* Донесения датского посла Гакстгаузена о царствовании Петра III и перевороте 1762 г. // РС. 1914. № 11. С.271.
- ³⁰ АКВ. Кн.6. С.299.
- ³¹ Оно не вошло в издание РИО. См.: *Шефер А.* Из последних дней русской императрицы Елизаветы // ЧОИДР. 1877. Кн.2. С.6-15 отд. паг.
- ³² См.: РГАДА. Ф.248. Оп.41. № 3364. Л.180.
- ³³ Секретарь датского посольства Андреас Шумахер утверждал, что текст завешания о передаче престола Павлу существовал, но в момент смерти Елизаветы был выдан фаворитом наследнику (см.: Дворцовые перевороты в России 1725-1825. Ростов н/Д., 1998. С.293).
- ³⁴ Гакстгаузен сообщил о подарках, розданных Петром офицерам гвардии накануне смерти Елизаветы (см.: *Шумиговский Е.С.* Донесения датского посла Гакстгаузена о царствовании Петра III и перевороте 1762 г. // РС. 1914. № 10. С.75).
- ³⁵ Записки Штелина о Петре Третьем, императоре всероссийском // ЧОИДР. 1866. Кн.4. С.95 отд. паг.; *Шумиговский Е.С.* Донесения датского посла Гакстгаузена о царствовании Петра III и перевороте 1762 г. // РС. 1914. № 11. С.267.
- ³⁶ См.: Краткая российская история, изданная в пользу народных училищ. СПб., 1799. С.93; *Мальгин Т.* Зерцало российских государей. СПб., 1794. С.584-587; *Нехачин И.* Новое ядро российской истории. М., 1810. Ч.3. С.105; История царствования императрицы Екатерины II для чтения юношества. СПб., 1844. С.15.
- ³⁷ См.: *Щебальский П.К.* Указ соч.
- ³⁸ См.: *Соловьев С.М.* Соч. 1994. Кн. XIII. С.56, 62-63, 66-68; *Ключевский В.О.* Соч. В 9-ти т. М., 1989. Т.4. С.317-322; *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. М., 1993. С.595, 601-603; *Бильбасов В.А.* История Екатерины II. Т.1. С.458, 465; История СССР с древнейших времен до конца XVIII в. /Под ред. Б.А.Рыбакова. М., 1983. С.324; История России с древнейших времен до 1861 г. /Под ред. Н.И.Павленко. М., 1996. С.298; История России с начала XVIII до конца XIX в. /Под ред. А.Н.Сахарова. М., 1996. С.133-135.
- ³⁹ См.: *Мыльников А.С.* Петр III // ВИ. 1991 № 4-5. С.52-53, 56; *Наумов В.П.* Петр III // Романы: Исторические портреты. М., 1997. Ч.1. С.558, 565, 600; *он же.* Удивительный самодержец: загадки его жизни и царствования // На российском престоле. XVIII век. М., 1993. С.306, 313, 315, 323; *Leonard C.* Reform and Regicide. The Reign of Peter III of Russia. Bloomington, 1993.
- ⁴⁰ *Каменский А.Б.* «Под сенью Екатерины...»: Вторая половина XVIII в. Л., 1992. С.57.
- ⁴¹ См.: АКВ. Кн.7. С.525-527; АВПРИ. Ф.2. Оп.2/1. № 31. Л.149-150.
- ⁴² См.: Список лейб-гвардии Преображенского, Семеновского, Измайловского и Конного полков, также и сухопутного шляхетного кадетского корпуса в разные числа декабря месяца прошлого 1761 да сего 1762 года генваря месяца, по поднесенным докладам, и особо по именным имп. величества указам пожалованным штаб- и обер-офицерам генваря 26 дня 1762. СПб., 1762.
- ⁴³ См.: *Вольнский Н.П.* Научно-историческое исследование неточностей, вкрапившихся в хроники полков лейб-гвардии кирасирских. СПб., 1906. С.172-173; РГВИА. Ф.20. Оп.2. № 62. Л.21; Ф.463. Оп.1. № 9. Л.14, 24, 37, 79.
- ⁴⁴ См.: Сочинение Петра III // ИВ. 1888. № 1. С.251-252; РГАДА. Ф.2. Оп.1. № 92. Л.1-2.
- ⁴⁵ Молодой царь был отнюдь не красавцем, и по вступлении на престол, оценивая собственное изображение на новом рубле, заметил: «Ах, как ты красив! Впредь мы прикажем представлять тебя еще красивее» (цит. по: Записки Я.Штелина об изящных искусствах в России. В 2-х ч. М., 1990. Ч.1. С.333).
- ⁴⁶ См.: *Арсеньев А.В.* Непристойные речи // ИВ. 1897. № 7. С.69; РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 992. Л.3 об.; № 1150, 1325, 1344, 1464, 1542, 1564, 1595, 1606, 1644, 1733.
- ⁴⁷ Там же. № 994. Л.60 об.
- ⁴⁸ См.: Записки Я.Штелина об изящных искусствах в России. Ч.1. С.305. Имеется точка зрения, что под именем Мизере скрывался тот же Я.Штелин (см.: *Горбатенко С.Б.* Усадьбы петровского времени в окрестностях Ораниенбаума // Петровское время в лицах. Краткое содержание докладов науч. чтений памяти А.Д.Меншикова. СПб., 1998. С.10).

- ⁴⁹ Ссылки на намерения следовать согласно петровским «проектам» см.: ПСЗ. Т.XV. № 11395, 11489. О подражании Петру I см. также: *Мельников А.С.* «Он не был похож на государя...» Петр III: повествование в документах и версиях. СПб., 2001. С.172,174.
- ⁵⁰ См.: *Семевский М.И.* Шесть месяцев из русской истории. Очерк царствования императора Петра III // ОЗ. 1867. № 15. С.590-594.
- ⁵¹ См.: Дневник курского помещика И.П.Анненкова // Материалы по истории СССР. М., 1957. Т.5. С.786.
- ⁵² См.: Записки Штелины о Петре Третьем, императоре всероссийском. С.102-103.
- ⁵³ См.: Там же. С.103.
- ⁵⁴ См.: Русский двор в 1761 г. С.194.
- ⁵⁵ См.: Дневник статского советника Мизере о службе при Петре III // РА. 1911. № 5. С.14-15.
- ⁵⁶ См.: *Мордвинов С.И.* Родословие фамилии адмирала Мордвинова // Архив графов Мордвиновых. СПб., 1901. Т.2. С.43.
- ⁵⁷ См.: Дневник статского советника Мизере о службе при Петре III. С.17.
- ⁵⁸ См.: АКВ. Кн.29. С.458.
- ⁵⁹ См.: РГАДА. Ф.11. Оп.1. № 752. Л.3,9-12.
- ⁶⁰ См.: Там же. Ф.16. Оп.1. № 168. Ч.2. Л.90; Ф.1239. Оп.3. № 30716. Л.4; № 33172. Л.2-3. Постоянно жаловавшийся на бедность канцлер, однако, как честный человек, ежегодно высылал 12 тысяч ливров на содержание своей старой подруге в Париж (см.: *Верещагин В.* Русские в Париже при Людовике XV // Русский библиофил. 1916. № 3. С.73.).
- ⁶¹ См.: РГАДА. Ф.11. Оп.1. № 318. Л.3.
- ⁶² См.: *Кричевцев М.В.* Кабинет Елизаветы Петровны и Петра III. Новосибирск, 1993. С.74-75.
- ⁶³ См.: АКВ. Кн.7. С.549.
- ⁶⁴ См.: АВПРИ. Ф.2. Оп.2/1. № 1493. Л.13,141.
- ⁶⁵ См.: РГАДА. Ф.370. Оп.1. № 63. Л.1.
- ⁶⁶ Подсчитано нами по: Список военных генералам со времени императора Петра I до императрицы Екатерины II. СПб., 1809.
- ⁶⁷ См.: АВПРИ. Ф.2. Оп.2/1. № 23. Л.206-208 (сборник копий именных указов Петра III).
- ⁶⁸ См.: *Мордвинов С.И.* Указ. соч. С.42.
- ⁶⁹ См.: Сб. РИО. Т.18. С.203; *Шумигоорский Е.С.* Донесения датского посла Гакстгаузена о царствовании Петра III и перевороте 1762 г. // РС. 1915. № 5. С.296.
- ⁷⁰ См.: *Румянцев М.Ф.* Российское законодательство второй половины XVIII в.: опыт анализа вида исторических источников // Постигая историю России: К 50-летию научного студенческого кружка отечественной истории средневековья и нового времени. М., 1997. С.129.
- ⁷¹ См.: *Рубинштейн Н.А.* Уложенная комиссия 1754-1766 гг. и ее проект нового Уложения «О состоянии подданных вообще» // ИЗ. 1951. Т.38. С.239-240. Потомки Д.В.Волкова уверяли, что располагают его собственноручным черновиком текста манифеста о вольности дворянства, но так и не смогли его обнаружить (см.: *Рудаков С.А.* Д.В.Волков // РС. 1874. № 1. С.170.).
- ⁷² См.: РГАДА. Ф.286. Оп.1. № 507. Л.287-288,293-297,222-224,323-323 об.,368-368 об.,644-645.
- ⁷³ См.: ПСЗ. Т.XV. № 11445. Через неделю после выхода манифеста сенаторы распорядились переместить штатных сотрудников Тайной канцелярии в прежнем составе и с прежним жалованием на новое место службы – в Тайную экспедицию при Сенате (см.: РГАДА. Ф.248. Оп.113. № 1730. Л.31 об.). Петр сам 7 февраля 1762 г. объявил Сенату о создании Тайной экспедиции (см.: *Самойлов В.* Возникновение Тайной экспедиции при Сенате // ВИ. 1948. № 6. С.80).
- ⁷⁴ См.: *Комиссаренко А.И.* Русский абсолютизм и духовенство в XVIII в. (очерки истории секуляризационной реформы 1764 г.). М., 1990. С.109-110.
- ⁷⁵ См.: РГАДА. Ф.168. Оп.1. № 20. Л.3 об.-5.
- ⁷⁶ См.: Сенатский архив. Т.12. С.144,151-156,169-170.
- ⁷⁷ См.: ПСЗ. Т.XV. № 11558.
- ⁷⁸ См.: Указ Петра III Святейшему Синоду о соблюдении правосудия // РС. 1872. № 11. С.567-568.
- ⁷⁹ См.: Сб. РИО. Т.18. С. 369-372,432-433,449,465.
- ⁸⁰ См.: Там же. Т.12. С.9-10; *Наумов В.П.* Некоторые особенности источниковедческого анализа дипломатических реляций XVIII в. // Источниковедение и краеведение в культуре России: Сб. к 50-летию службы Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту. М., 2000. С.147.
- ⁸¹ См.: АКВ. Кн.7. С.547-548. В архиве Коллегии иностранных дел имеются и сам доклад, и неопубликованные приложения-«карткуль» об отношениях России со всеми сопредельными странами (см.: АВПРИ. Ф.2. Оп.2/1. № 29. Л.87-101 и далее).
- ⁸² Цит. по: *Рудаков С.А.* Д.В.Волков, секретарь Петра III: Материалы к его биографии // РС. 1874. № 11. С.482.
- ⁸³ См.: *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1874. Т.1. С.308; АВПРИ. Ф.53. Оп.53/1. 1762 г. № 2. Л.19.
- ⁸⁴ См.: РГВИА. Ф.39. Оп.1/19. № 376. Л.3-3 об.,11-13 об.,32 об.
- ⁸⁵ РГАДА. Ф.1261. Оп.3. № 25. Л.470,497 об.,505-506.
- ⁸⁶ См.: *Тимирязев В.А.* Шестимесячное царствование Петра III // ИВ. 1903. № 4. С.48; *Corbett J.* England in the Seven Years War. Lnd., 1992. Vol.2. P.327.
- ⁸⁷ См.: Сб. РИО. Т.18. С.230,269-270.
- ⁸⁸ См.: АВПРИ. Ф.32. Оп.32/6. № 30. Л.61-61 об.; Ф.33. Оп.33/2. № 7. Л.105 об.-106,113.

- ⁸⁹ См.: Там же. Ф.2. Оп.2/1. № 107. Л.123.
- ⁹⁰ См.: Там же. Ф.33. Оп.33/2. № 7. Л.125.
- ⁹¹ См.: Там же. Ф.53. Оп.53/1. 1762 г. № 3. Л.31,40,55-57,62.
- ⁹² См.: РГАДА. Ф.11. Оп.1. № 752. Л.5 об.-7 об.
- ⁹³ См.: РГВИА. Ф.39. Оп.1/79. № 372. Л.185 и далее.
- ⁹⁴ См.: 200-летие Кабинета его императорского величества, 1704-1904. СПб., 1911. С.347-348; *Кричевцев М.В.* Указ. соч. С.70.
- ⁹⁵ См.: РГАДА. Ф.1239. Оп.3. № 52370. Л.1 об.-6.
- ⁹⁶ См.: 200-летие Кабинета его императорского величества, 1704-1904. С.398.
- ⁹⁷ См.: РГАДА. Ф.273. Оп.1. Ч.1. № 6172. Л.1,33.
- ⁹⁸ См.: *Кричевцев М.В.* Указ. соч. С.56,63,70; РГАДА. Ф.9. Оп.5. № 45. Л.5.
- ⁹⁹ Там же. Ф.14. Оп.1. № 202. Л.81.
- ¹⁰⁰ См.: Там же. № 31. Ч.1. Л.51-54. К императору перешла традиция выплаты различных пособий и «пенсии» из кабинетских доходов. Например, царь из личных средств выдал 2 тысячи рублей на богадельню, 300 рублей капитану гвардии М.И.Дашкову, 1 тысяча рублей – сержанту Лейб-кампании И.Елчанинову, а также небольшие суммы отставным гвардейцам, кадетам, придворным служителям (см.: Там же. № 31. Л.46-63).
- ¹⁰¹ См.: РГАДА. Ф.14. Оп.1. № 47. Ч.4. Л.51-101,207.
- ¹⁰² См.: Рассказ императрицы Екатерины II о первых пяти годах ее царствования // РА. 1865. № 4. С.491-492.
- ¹⁰³ См.: РГАДА. Ф.248. Оп.113. № 1730. Л.23,36,52 об.-53.
- ¹⁰⁴ См.: ПСПРВПИ. СПб., 1912. Т.4. С.545-546.
- ¹⁰⁵ См.: 200-летие Кабинета его императорского величества, 1704-1904. С.350; *Кричевцев М.В.* Указ. соч. С.70-71.
- ¹⁰⁶ См.: РГАДА. Ф.248. Оп.113. № 1730. Л.56.
- ¹⁰⁷ См.: 200-летие Кабинета его императорского величества, 1704-1904. С.350; РГАДА. Ф.248. Оп.113. № 1730. Л.57,61,63 об. О плане Шувалова см.: *Юхт А.И.* Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М., 1994. С.131-134,137. Для изыскания средств на войну Сенат приказал в мае прекратить все «сверхштатные» расходы (см.: РГАДА. Ф.203. Оп.1. № 1. Л.17-17 об.).
- ¹⁰⁸ См.: Там же. Ф.178. Оп.1. № 27. Л.171,177-178,182 об.-183,200-201.
- ¹⁰⁹ См.: *Масловский Д.Ф.* Русская армия в Семилетнюю войну. М., 1891. Вып.3. Приложение. С.222-225. Инструкция Корфу см.: *Соловьев С.М.* Соч. Кн.ХIII. С.37-38; АВПРИ. Ф.53. Оп.53/1. 1762 г. № 2. Л.89.
- ¹¹⁰ См.: РГАДА. Ф.178. Оп.1. № 27. Л.211-214.
- ¹¹¹ Копии этого доклада см.: АВПРИ. Ф.2. Оп.2/6. № 810. Л.95-100; РГАДА. Ф.9. Оп.5. № 44. Л.15-21; Ф.1261. Оп.1. № 383. Л.1-6.
- ¹¹² См.: 200-летие Кабинета его императорского величества, 1704-1904. С.357-358.
- ¹¹³ См.: РГАДА. Ф.248. Оп.113. № 1730. Л.114.
- ¹¹⁴ См.: Там же. Ф.203. Оп.1. № 1. Л. 182 об.,196,203.
- ¹¹⁵ См.: *Шебальский П.К.* Указ. соч. С.180-181; РГВИА. Ф.39. Оп.1/79. № 376. Л.47-49,56-57,65-68,70.
- ¹¹⁶ См.: *Тимирязев В.А.* Указ. соч. С.54.
- ¹¹⁷ См.: РГАДА. Ф.248. Оп.41. № 3431. Л.78.
- ¹¹⁸ См.: ПСЗ. Т.XV. № 11581.
- ¹¹⁹ 27 июня Петр III повелел заложить 9 новых кораблей для кампании 1763 г. (см.: Материалы для истории русского флота. СПб., 1886. Т.11. С.24).
- ¹²⁰ См.: ПСЗ. Т.XV. № 11581; РГАДА. Ф.178. Оп.1. № 27. Л.295,302-302 об.,304-305; Ф.203. Оп.1. № 1. Л.11 об.,77-78.
- ¹²¹ См.: *Екатерина II.* Записки. С.562; Сб. РИО. Т.18. С.466.
- ¹²² См.: *Майков Л.Н.* Рассказ графа Н.И.Панина о восшествии императрицы Екатерины II на престол // РА. 1879. № 3. С.364.
- ¹²³ См.: Записки княгини Дашковой. Письма сестер Вильмот из России // Под ред. С.С.Дмитриева. М., 1991. С.65,72.
- ¹²⁴ См.: РГАДА. Ф.9. Оп.5. № 43. Л.39.
- ¹²⁵ См.: *Ибнеева Г.В.* Политические группировки при восшествии на престол Екатерины II. Автореферат дисс. канд. ист. наук. Казань, 1994. С.12.
- ¹²⁶ См.: *Бильбаев В.А.* История Екатерины II. Т.1. С.474; Т.2. С.20; *Павленко Н.И.* Екатерина Великая. М., 1999. С.41.
- ¹²⁷ См.: *Мельников А.С.* «Он не был похож на государя...» С.270.
- ¹²⁸ См.: *Екатерина II.* Записки. С.505-506.
- ¹²⁹ См.: *Ассбург А.Ф.* Записка о воцарении Екатерины II // РА. 1879. № 3. С.364.
- ¹³⁰ См.: Дворцовые перевороты в России 1725-1825. С.299.
- ¹³¹ *Рюльер К.-К.* История и анекдоты революции в России в 1762 г. // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989. С.283,285.
- ¹³² См.: Записки княгини Дашковой. С.61,65,69-70,72.
- ¹³³ В литературе встречаются утверждения о том, что Орловы служили в Преображенском полку (см.: *Кабанов В.В.* Орловы. Историческая хроника. М., 1997. С.12; Сборник биографий кавалергардов. СПб., 1904. Т.2. С.24). Братья дружно вступили в ряды гвардии в 1749 г. Однако в

Преображенском полку служил только старший из них, Иван, который дослужился к 1756 г. до сержанта, но уже в 1761 г. числился «в отпуску» (см.: РГВИА. Ф.2583. Оп.1. № 439. Л.17 об.; № 488. Л.23.). Григорий и Алексей Орловы с 1749 г. состояли сверхокомплектными рядовыми не в Преображенском, а в Семеновском полку и к 1756 г. также дослужились до сержантского чина (см.: РГВИА. Ф.2584. Оп.1. № 526. Л.41 об.).

¹³⁴ См.: *Храповицкий А.В.* Памятные записки. М., 1990. С.152. С.М.Троицкий ошибочно указывал на 27 солдат-гвардейцев, которые получили в 1765 г. к очередной годовщине «революции» особые награды в 4 тысячи рублей. На самом деле эти деньги достались главным действующим лицам — гвардейским офицерам во главе с братьями Орловыми (см.: *Троицкий С.М.* Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1966. С.240. Ср.: РГАДА. Ф.19. Оп.1. № 6. Л.535-536).

¹³⁵ См.: Записки княгини Дашковой. С.71,77.

¹³⁶ См.: *Копонинский В.* Два политических письма Екатерины II // РС. 1912. № 3. С.631.

¹³⁷ *Болотов А.Т.* Записки, 1737-1796. В 2-х т. Тула, 1988. Т.1. С.361.

¹³⁸ Д.А.Корсаков отмечал среди «людей 28 июня 1762 г.» прямых потомков и родственников как «верховников», так и тех, кто подписывал тридцать лет назад дворянские «проездки»; однако он же признал, что все предположения о «серьезных побуждениях» гвардейцев не более чем «домыслы» (см.: *Корсаков Д.А.* Сторонники воцарения Екатерины II // ИВ. 1884. № 2. С.233,248, 252-255).

¹³⁹ См.: Записки княгини Дашковой. С.71.

¹⁴⁰ *Болотов А.Т.* Записки, 1737-1796: Т.1. С.361.

¹⁴¹ См.: *Марасинова Е.Н.* Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII в. М., 1999. С.140-144.

¹⁴² См.: *Коваленко Т.А.* Менталитет русского дворянства в контексте культуры середины XVIII в. Автореферат дисс. канд. ист. наук. М., 1999. С.21.

¹⁴³ См.: *Севастьянов А.Н.* Рост образования аудитории как фактора развития книжного и журнального дела в России (1762-1800). М., 1983. С.3-4,18,20; *Тюлицев Д.В.* Книгоиздательская деятельность Петербургской Академии наук и М.В.Ломоносов. Л., 1988. С.172. Этот процесс затронул и гвардию: курский помещик И.П.Анненков систематически покупал книги и газеты для себя и сыновей, служивших в Измайловском полку (см.: *Дневник курского помещика И.П.Анненкова.* С.780-790).

¹⁴⁴ См.: РГВИА. Ф.2583. Оп.1. № 506, 529.

¹⁴⁵ Мнение бывшего императора Петра III // РА. 1871. № 12. С.2055.

¹⁴⁶ См.: *Лазаревский А.* Похождения известных петербургских действ // Оснадцатый век. М., 1869. Кн.II. С.633; *Хаханов А.С.* Записка современника, грузинского архиерея, о вступлении на престол императрицы Екатерины II // ЧОИДР. 1900. Кн.4. С.17 отд. паг.; Россия и Испания: Документы и материалы. В 2-х т. М., 1991. Т.1. С.184-185.

¹⁴⁷ Сб. РИО. Т.18. С.466.

¹⁴⁸ См.: *Семевский М.И.* Шесть месяцев из русской истории: Очерк царствования императора Петра III // ОЗ. 1867. № 16. С.741-743.

¹⁴⁹ См.: РГВИА. Ф.2583. Оп.1. № 492. Л.3-4,24,41; Ф.2584. Оп.1. № 633. Л.77,94,113 об.

¹⁵⁰ См.: Там же. Л.1-15.

¹⁵¹ См.: Там же. Ф.2583. Оп.1. № 510. Л.3-3 об.,7-9 об. Не имевшие возможности «построить» богатые мундиры обращались за помощью или вынуждены были покинуть полк (см.: 200-летие Кабинета его императорского величества, 1704-1904. С.353.).

¹⁵² Записки Штелина о Петре Третьем, императоре всероссийском. С.106.

¹⁵³ См.: РГВИА. Ф.2583. Оп.1. № 492. Л.67.

¹⁵⁴ См.: Там же. Ф.2. Оп.10. № 853. Л.342,381; Оп.13. № 47. Л.275,345.

¹⁵⁵ См.: Там же. Ф.53. Оп.1. № 3. Л.136-138.

¹⁵⁶ См.: *Егоров В.И.* Униформа шлезвиг-голштинских войск Петра III (по материалам РГВИА). Дипломная работа /МГИИИ. М., 2002 (рукопись). С.15,35.

¹⁵⁷ См.: *Поэве И.* Записки придворного брильянщика // РС. 1870. № 2. С.96-97; *Сиверс Д.* Записки // РА. 1909. № 7. С.521.

¹⁵⁸ См.: РГАДА. Ф.178. Оп.1. № 27. Л.272-273,295,302-306,322.

¹⁵⁹ См.: *Бильбасов В.А.* История Екатерины II. Т.2. С.16-17. К сожалению, ссылка в труде Бильбасова на архивное дело с этим указом из фонда Сената не поддается проверке.

¹⁶⁰ А.А.Васильчиков выяснил, что в документах Академии наук нет никаких сведений о печатании манифеста, но отметил рассказ об этой подпольной «операции» А.Шлецера. В.А.Бильбасов указал на разночтения в трех вариантах манифеста от 28 июня (см.: *Бильбасов В.А.* История Екатерины II. Т.2. С.97-98; *Васильчиков А.А.* Семейство Разумовских. СПб., 1880. Т.1. С.297-298).

¹⁶¹ См.: *Плугин В.А.* Алехан или человек со шрамом: Жизнеописание графа Алексея Орлова-Чесменского. М., 1996. С.45-49; *Сашонко В.* Граф ниоткуда или флибустьер в желтых перчатках // Нева. 1993. № 7. С.316.

¹⁶² А.М.Тургенев в своих записках назвал знаменитого комедианта «секретным деловым человеком» императрицы, получившим от нее пожизненное содержание и право входа без доклада (см.: Записки А.М.Тургенева // РС. 1887. № 1. С.83-84).

¹⁶³ Последняя научная биография Теплова не содержит, к сожалению, ничего нового по данному вопросу (см.: *Daniel W. Grigoriï Teplov: a Statesman at the Court of Catherine the Great.* Newtonville, 1991).

¹⁶⁴ Цит. по: *Безобразов П.В.* О сношениях России и Франции. СПб., 1892. С.265.

¹⁶⁵ См.: *Бильбасов В.А.* История Екатерины II. Т.1. С.470.

¹⁶⁶ См.: Сб. РИО. Т.7. С.109-110,112; Сенатский архив. СПб., 1910. Т.14. С.101; Т.15. С.513.

¹⁶⁷ См.: *Бильбасов В.А.* История Екатерины II. Т.2. С.20-77; *Мыльников А.С.* «Он не был похож на государя...» С.270-284.

¹⁶⁸ О событиях утра 28 июня в Петербурге см.: *Бильбасов В.А.* История Екатерины II. Т.2. С.24-30.

¹⁶⁹ См.: РГАДА. Ф.3. Оп.1. № 14. Л.1.

¹⁷⁰ См.: *Шубинский С.Н.* Очерки из жизни и быта прошлого времени. СПб., 1888. С.151. «Семейные предания» сообщают и о других оставшихся верными присяге офицерах Преображенского полка — например, И.А.Долгорукове и П.И.Измайлове (см.: *Бороздин К.* Опыт исторического родословия Измайловых. СПб., 1841. С.13; *Долгорукий А.В., Шпилевская Н.С.* Долгорукие, Долгоруковы и Долгорукие-Аргутинские. СПб., 1869. Ч.1. С.153). С другой стороны, иногда эти же предания оказываются недостоверными — как, например, утверждение А.С.Пушкина о верности Петру III его деда, майора Л.А.Пушкина (см.: *Романок С.А.* К биографии родных Пушкина // Временник пушкинской комиссии. Л., 1989. Вып.23. С.9-10).

¹⁷¹ См.: АВПРИ. Ф.2. Оп.2/1. № 501. Л.348 об. Есть свидетельство, что гетман уехал из Петергофа «27 числа в ночи», бросив жену и дочь (*Лазаревский А.* Похождения известных петербургских действ. С.631).

¹⁷² См.: Россия и Испания: Документы и материалы. Т.1. С.183-184.

¹⁷³ См.: *Ассебурге А.Ф.* Указ. соч. С.366.

¹⁷⁴ См.: *Боданов А.И.* Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга от начала заведения его в 1703 по 1751 год. СПб., 1779. С.485-486.

¹⁷⁵ В 1825 г. декабристы накануне восстания обсуждали подобный вариант действий: восставшие части должны были двинуться от казармы к казарме и увлекать своим примером других (см.: *Горди Я.А.* Мятяз реформаторов: 14 декабря 1825 года. Л., 1989. С.126-127).

¹⁷⁶ См.: *Брикнер А.Г.* Первые годы царствования Екатерины II (по депешам голландского резидента Мейнерцагена) // ИВ. 1884. № 10. С.8; Дворцовые переводы в России 1725-1825. С.318,349; Записки Штелина о Петре Третьем, императоре всероссийском. С.108.

¹⁷⁷ См.: Автобиография С.Р.Воронцова // РА. 1876. № 1. С.35-36; *Державин Г.Р.* Избр. проза. М., 1984. С.35.

¹⁷⁸ См.: РГАДА. Ф.248. Оп.41. № 3431. Л.199-203.

¹⁷⁹ Заметки Трубецкого в календаре в 1762 году // РС. 1892. № 2. С.446.

¹⁸⁰ См.: РГВИА. Ф.2. Оп.10. № 853. Л.631-642.

¹⁸¹ См.: АВПРИ. Ф.6. Оп.6/2. № 1. Л.336.

¹⁸² См.: РГАДА. Ф.178. Оп.1. № 27. Л.333-336.

¹⁸³ См.: Там же. Ф.248. Оп.113. № 700. Л.3-5. Неспособность императора к сопротивлению привела к деморализации его окружения, многие из которого стремились любой ценой покинуть проигравшего государя. Вельможи (М.И.Воронцов, А.И.Шувалов, Н.Ю.Трубецкой) отбыли в столицу под предлогом разведки и «угворов» Екатерины, мелкие сошки просто разбежались. Так, чиновник Мануфактур-коллегии Александр Трескин в письме к «кумушке» рассказывал, как «от тамошнего ранивобского страху уехал на одной рыбацкой лотке» в Петергоф для «поклонения» новой императрице, где и был взят под стражу (см.: РГАДА. Ф.3. Оп.1. № 15. Л.1).

¹⁸⁴ Английский посол Д.Бэкингам был уверен, что ближайшие к императору люди — Д.В.Волков и А.П.Мельгунов — были подкуплены и сознательно «тянули время, составляя и отправляя прокламации, которые они предлагали отослать в Петербург» (см.: *Сokolov A.B.* Английский дипломат о политике и дворе Екатерины II // ВИ. 1999. № 4-5. С.120-121).

¹⁸⁵ См.: РГАДА. Ф.248. Оп.113. № 712. Л.3. Подлинник «отречения» нам до сих пор неизвестен.

¹⁸⁶ Текст депеши Гольца от 2 июля 1762 г. цитируется нами по: *Бильбасов В.А.* Исторические монографии. Т.3. С.135. См. также: Донесение прусского посланника Гольца Фридриху Второму о востестве на престол Екатерины // РА. 1898. № 1. С.23.

¹⁸⁷ Предположения по этому поводу см.: *Мыльников А.С.* «Он не был похож на государя...» С.281-284.

¹⁸⁸ См.: *Иванов О.* Загадки писем Алексея Орлова из Ропши // Московский журнал. 1995. № 9. С.18; № 11. С.17.

¹⁸⁹ См.: *Семенов П.Н.* Биографические очерки сенаторов по материалам, собранным П.И.Барановым // ЧОИДР. 1886. Кн.2. С.19 отд. паг.

¹⁹⁰ Забавную попытку «реабилитировать» Орлова в качестве раскаявшегося участника «пьяной нежданной драки» см.: *Плугин В.А.* Указ. соч. С.125. Наиболее аргументированную на сегодняшний день версию о заговоре и фальсификации знаменитого письма А.Г.Орлова об убийстве Петра III см.: *Иванов О.* Загадки писем Алексея Орлова из Ропши // Московский журнал. 1995. № 9,11-12; 1996. № 2-3.

¹⁹¹ Цит. по: *Бильбасов В.А.* История Екатерины II. Т.2. С.84-91.

ГЛАВА X

1762–1772: ЗАВЕРШЕНИЕ «ЭПОХИ ДВОРЦОВЫХ ПЕРЕВОРОТОВ»

Во время моего владения многое переменялось.
Екатерина II

«Стоимость» переворота

Самый веселый переворот эпохи сопровождался «безденежным распитием» в открытых для толпы кабаках, за что казна заплатила откупщикам 77133 рубля 60 копеек.¹ Разгулявшиеся измайловцы в ночь на 31 июня подняли Екатерину с постели и потребовали показаться полку. На следующий день по полкам было объявлено о высочайшем недовольстве «в излишнем питье» и необходимости «повиновения к своим командирам», а на улицах появились караулы и пикеты с пушками.

Последнее было вызвано не только опасением сопротивления. Переворот вызвал криминальную «волну», сказывавшуюся на протяжении нескольких месяцев. Еще в ноябре (после переезда двора на коронацию в Москву) по указанию старшего сенатора И.И.Неплюева подполковник Преображенского полка Ф.И.Ушаков и другие офицеры составляли «диспозицию» для прекращения «происходивших здесь продерзостей, грабежей и воровства в домах и на улицах». Остававшиеся в Петербурге гвардейские части с ситуацией не справлялись; для охраны порядка и борьбы со «злодейскими партиями» пришлось привлечь Владимирский полк и даже «морские команды». Солдаты занимали в городе и окрестностях посты совместно с полицейскими генерала Корфа, также жаловавшегося на участвовавшие разбои на дорогах.²

В первых числах июля из конногвардейцев была образована «пешая команда» для «предосторожности от внезапного пожарного времени и хождения в дом ее императорского величества». В июле императрица распорядилась пополнить гвардию «хорошими людьми» из полевых полков (2-го Гренадерского и Воронежского), откуда было переведено 700 человек.³

Тогда же был восстановлен корпус кавалергардов, куда включили участвовавших в перевороте лейб-кампанцев и вновь отбираемых кандида-

тов не только из гвардии, но и из провинциальных полков. Возглавил его прежний шеф Лейб-компаний камергер И.С.Гендриков; но реальным командиром этой личной охраны императрицы стал Григорий Орлов – в качестве сначала поручика, а затем командующего корпусом. Кавалергарды сопровождали Екатерину в поездках, охраняли внутренние покои дворца и получали особые приказы насчет персон, которых можно было допускать туда из «общей залы». В отличие от вольных порядков Лейб-компаний, в корпусе царица жесткая дисциплина: провинившихся немедленно отправляли в армию. Императрица сама отбирала кандидатов на эту службу, следила за их карьерой, давала ответственные поручения.⁴

Предосторожности не были излишними. Гольц уже 10 августа сообщал в Берлин: «Эти два полка [измайловцы и конногвардейцы. – И.К.] внушают отвращение гвардии, остальным полкам армии, стоящим в гарнизонах, а также кирасирам покойного императора и флоту. Не было дня, когда бы не происходили, столкновения между этими двумя различными сторонами. Последние упрекают первых в том, что они продали своего государя за несколько копеек и стакан водки... Бунтовщики говорят, что императрица отравила своего мужа после того, как незаконно узурпировала власть; что она играет с религией и благочестием; что они догадываются о том, что она торопится короноваться, но что она никогда не добьется этого; что великий князь не был сыном покойного императора, что они призвут Иоанна на престол. Все эти пересуды происходили открыто. Двор, вместо того, чтобы положить этому конец жесточайшими репрессиями, применил лишь полумеры, такие, как рассредоточение мятежных частей, которые вернулись в казармы немного спустя для того, чтобы вытянуть деньги».⁵ О симпатиях к покойному императору и волнениях в Преображенском и Семеновском полках сообщали также посол Франции Бретейль и голландец Мейнерцгаген.⁶

Прусского дипломата можно было бы упрекнуть в преувеличении – все-таки он слишком много потерял с падением Петра III. В нашем распоряжении действительно нет иных свидетельств о недовольстве в армии и гвардии в первые после переворота дни. Однако не исключено, что они просто должным образом не отражались в полковых бумагах. Зато денежные выдачи из Кабинета фиксировались подробно; из них следует, что переворот 1762 г. стал самым «дорогим» по сравнению с предыдущими.

Широко известный и опубликованный в «Ведомостях» список наград главным героям «революции» составил в общей сложности 200 тысяч рублей и 18 тысяч пожалованных душ, что по расчетной цене в 30 рублей за «душу» составляло 540 тысяч рублей. Но это была только часть всех расходов.

Еще ранее полугодичное жалование за «верные и усердные при вступлении ее императорского величества на всероссийской императорской престол службы» получили все гвардейские и расквартированные в столице полки. Бумаги Кабинета показывают, что наград уже не просили, а **требовали** не только гвардейцы, но и гарнизон Кронштадта, матросы императорских яхт, «инвалидная команда» и прочие подразделения, по разным причинам находившиеся в столице. Так, явившийся прямо к Панину поручик Владимирского полка Сазонов от имени своих сослуживцев возму-

щался отсутствием «отпуска» денег и доказывал, что его солдаты были в «походе» 28 июня и прошагали — ни много ни мало — 54 версты.⁷

В итоге гвардия и армейские полки получили к 10 июля 194289 рублей.⁸ Еще 3681 рубль из «комнатных» сумм пошли на отправку в Германию голштинских солдат и офицеров.⁹ Судьба голштинской гвардии Петра III оказалась трагичной: три корабля с солдатами и офицерами погибли во время шторма, как сообщал об этом в дешифрованном русской почтой письме от 17 августа 1762 г. английский посол Р.Кейт.¹⁰

Кабинетские ведомости подтверждают донесения дипломатов (Гольца и Мейнерцагена) о срочных поощрениях недовольных. Уже 14 июля Алексей Орлов получил для раздачи солдатам 8 тысяч рублей;¹¹ кроме того, на «секретные выдачи» ушло еще 12 тысяч рублей и 3 тысячи рублей «на секретное употребление» через Н.И.Панина.¹² Такие выплаты в 1762 и 1763 гг. шли также через других Орловых и К.Г.Разумовского; иногда в расходных документах прямо указывалось, что деньги предназначены на раздачу гвардейцам.¹³

Платили не только солдатам. 4600 рублей получил И.И.Бецкой (согласно Е.Дашковой, причислявший себя к инициаторам переворота); 100 тысяч рублей — дядя императора принц Георг Голштинский, побитый солдатами своего же полка; 8 тысяч рублей — фрейлины на приданое. В 8700 рублей была оценена служба капитан-поручика С.И.Озерова, конвоировавшего императора к месту его последнего заточения. 12 тысяч рублей достались подполковнику Семеновского полка Ф.И.Вадковскому. 2 тысячи рублей пожаловали преображенскому майору Текутьеву — очевидно, за то, что не помешал заговорщикам поднять полк 28 июня; и т.д. Даже столичным нищим было роздано через Вадковского 3 тысячи рублей.¹⁴

В результате только за полгода (с июля до конца декабря 1762 г.) из поступивших в Кабинет двух с лишним миллионов ушло 1893570 рублей (подсчеты наши). Эти расходы (в среднем примерно 315 тысяч рублей в месяц) несопоставимы с личными тратами Петра, который — для сравнения — за май 1762 г. раздал из Кабинета 13265 рублей, за июнь — всего 9931 рубль). Даже если учесть, что часть расходов новой императрицы была связана с дворцовым хозяйством, все же можно сделать вывод, что переворот обошелся казне в сумму около полутора миллионов рублей. Но были и иные пожалования. Сохранившаяся ведомость раздачи дворцовых волостей показывает, что Петр III успел за полгода своего царствования подарить 8546 «душ», а его супруга за 8 месяцев (к марту 1763 г.) в два с половиной раза больше — 21423 «души».¹⁵

Ведомости Кабинета за 1763 г. (за январь-апрель и декабрь) и 1765 г. показывают, что выплаты «секретных» сумм продолжались и позднее: в марте-апреле 1763 г. Алексей и Григорий Орловы получили в общей сложности 13 тысяч рублей для раздачи «известным лицам»; прочие «секретные» выплаты составили 12 тысяч рублей.¹⁶ В декабре того же года на анонимные «секретные» выдачи ушло еще 9 тысяч рублей, а на обмундирование телохранителей-кавалергардов — 30 тысяч рублей. В 1765 г. только «секретные» расходы составили 15 тысяч рублей — при том, что ближайшее окружение Екатерины (Орловы, Панин, Теплов, Шаховской, Чернышев, Талызин) одновременно получили из «комнатных» сумм 246900 рублей.¹⁷

Ведомости за 1764 и 1766 гг. отсутствуют; но по документам 1767 г. «секретные» расходы выросли до 136275 рублей, в 1768 г. — до 120 тысяч рублей.¹⁸

В названных выше материалах указывались только относительно крупные суммы; отдельно фиксировались многочисленные мелкие выдачи в 1—3 рубля, которые шли солдатам, женам и вдовам военных и чиновников, лакеям и другим «бедным людям» придворного и столичного мира.¹⁹

Наконец, в октябре 1763 г. бывший канцлер А.П.Бестужев-Рюмин доверительно сообщил австрийскому послу, что Екатерина через своих секретных агентов «велит вывозить из империи весьма значительные и простирающиеся до нескольких миллионов денежные суммы», которые переводились на особые счета в Амстердаме и Гамбурге, о чем собеседник Бестужева уже знал.²⁰ В ведомостях Кабинета мы обнаружили следы проведения такой финансовой операции, хотя общая сумма платежей остается пока неизвестной.²¹ Но они свидетельствуют, что императрица в 1762—1763 гг. чувствовала себя на троне весьма неуверенно.

Документы Кабинета позволяют сделать вывод, что «стоимость» российских переворотов неуклонно возрастала и в 1762 г. составила уже существенную часть бюджета (порядка 10 %) — по сравнению с 30 тысячами рублей, в которые обошлось воцарение Екатерины I.²² Кроме того, начиная примерно с царствования Анны Иоанновны доходы правящей верхушки все больше составлялись не из «официального» жалования, а из разного рода «пенсий» и наград. К 1762 г. эта тенденция достигла своего максимума.

При этом награды распределялись весьма неравномерно. За год офицер-артиллерист Г.Г.Орлов стал камергером, графом, генерал-лейтенантом и генерал-адъютантом, кавалером орденов Андрея Первозванного и Александра Невского, поселился во дворце и получил во владение дворцы Гатчины и Ропши. А.Г.Орлову (помимо наград в 1762 г.) с 1766 г. по 1796 г. был выделен особый «пенсия» в 25 тысяч рублей.²³ Помимо этого, братья Орловы стали к 1768 г. владельцами 9571 души.²⁴

Измайловский полк получил в июле 1762 г. 25272 рубля, т.е. в два с лишним раза больше, чем все четыре гарнизонных полка (10688 рублей). Поэтому рядовой армейский служивый, прогуляв пять с половиной полученных рублей, мог с понятным неодобрением смотреть на избранных счастливых. Но и в гвардии награды были скромнее по сравнению с «взлетом» беспородных елизаветинских лейб-кампанцев. Гренадеры-измайловцы, первыми перешедшие на сторону Екатерины и даже выполнявшие «известную посылку» в Петергоф (видимо, речь шла об аресте Петра), несколько лет не могли получить обещанных им 40 рублей и сержантских чинов.²⁵

Зависть и недовольство вместе с видимой легкостью совершения «революции» порождали стремление «исправить» положение. Эту наметившуюся уже в 1741 г. тенденцию четко выразил Н.И.Панин в записке о необходимости Совета при императрице: «Мы слишком тридцать лет обращаемся в революциях на престоле, и чем больше их сила распространяется между подлых людей, тем они смелее, безопаснее и возможнее стали».

Гвардейские тревоги

По мере включения в работу дезорганизованной «перестройкой» Тайной экспедиции мы получаем возможность по ее материалам составить представление об общественной атмосфере после переворота.

Дела 1762 г. довольно скудны; создается впечатление, что столичные новости еще не разошлись по стране и не вызвали отклика. И все же они были: уже в августе отставной прапорщик Прохор Лазарев из Пскова заявлял, что «взбунтовался лейб-гвардии Преображенской и лейб-кирасирской полки и в подданстве быть не хотят» и к тому же «бывшего правления Панин принц Иоанн найден». Присланный в столицу по распоряжению Панина отставник божился, что все это ему рассказывали конногвардейцы, действительно опасавшиеся нападения соперничавших полков.²⁶

Менялось и отношение к свергнутому императору. Первоначальные отзывы о нем были скорее неблагоприятными. Крестьянка Меланья Арефьева считала его «некрещеным»; московский дьячок Александр Петров — нарушившим «закон».²⁷ Сторожа собора Василия Блаженного Кузьма и Иван Васильевы верили, что Екатерина «извела» своего мужа, но находили для нее смягчающие обстоятельства: «Ибо де был он веры формазонской, и по той де формазонской вере написан был патрет ево, которой всемилодиейшая государыня приказала прострелить, отчего он и скончался».²⁸ В следующем году преображенский солдат Роман Бажулин раздобыл где-то в Пскове и распространял в Москве стихотворную «писсу» от лица Петра III:

*«Испортили во мне плуты Петрову кровь,
А девка бабья разжгла во мне крайнюю любовь.
Вы бутте прокляты отныне во веки фармазоны,
Супругу я отверг невинну, непорочну, а жил с побочною»...*

Далее государь каялся в том, что «обидел духовных персон», «сребро и злато увести домой старался», принял «мартынов закон» и «шатался» с любовницей, желавшей умертвить наследника; в заключение просил его простить и «даровать живот».²⁹

Это сочинение перекликалось с другой ходившей «между простым народом в употреблении» песней, в которой уже Екатерина горько жаловалась на «мужа законнова»:

*«Что гуляет мой сердечной друг
Со любимой своей фрейлиной,
С Лизаветою Воронцовою...
Что хотят они меня срубить, сгубить».*³⁰

Но уже в июле 1762 г. на похоронах императора секретарь французского посольства Беранже (а за ним Мейнерцгаген) отметил «грустное выражение на лицах» и предположил: «Ненависть нации к Петру III, кажется, сменяется жалостью».

Следственные дела Тайной экспедиции также подтверждают изменение отношения к свергнутому императору, «включение» его в традиционный образ доброго царя. В 1763 г. в них отражается уже традиционное отношение к императрице-женщине: сомнительных достоинств «баба»

ничем «народ не обрадовала» и служивых не жалует, «а как на что другое — у нее больше денег идет». Вообще, по мнению крестьянина Дениса Семенова: «Как наша государыня села на царство, так и погоды не стало».³¹

В октябре 1763 г. бывалый клязник, украинский сотник Федор Крыса в письме на имя генерал-прокурора Лёбова сообщил, что, по его сведениям, Петр III не только жив, но якобы уже послал неверной супруге «подарок» — платок и табакерку.³² Так — через год с небольшим после отречения и гибели — император «воскрес» в народном сознании. Уже в 1764 г. о нем как о живом стали говорить солдаты столичного гарнизона, вслед за тем появился и первый из известных нам самозванных «Петров III» — Николай Колченко.³³ Отныне образ безвинно изгнанного государя начал свое самостоятельное существование и доставил Екатерине куда больше хлопот, чем его прототип.

Одновременно Гольц и Беранже уже в 1762 г. отмечали оппозицию стрелительному выдвижению Григория Орлова и его братьев: против бывшего любимца и лидера интриговали недавние друзья и сторонники. Так, в дни коронационных торжеств возникло дело поручиков Петра Хрущова и Семена Гурьева, намеревавшихся посадить на престол «Иванушку». Вся инициатива ограничивалась «матерной бранью» в адрес императрицы и похвальбой в «велием пьянстве»; но власть отреагировала серьезно: виновные были «ошельмованы», лишены дворянства и отправлены на Камчатку.

Предполагаемый «марьяж» — брак Екатерины и Григория Орлова — вызвал резкое сопротивление вельмож и спровоцировал другое известное гвардейское «дело» камер-юнкера Ф.Хитрово и его друзей, измайловских офицеров братьев Рославлевых и М.Ласунского — главных героев 28 июня. «Орловы раздражили нас своей гордостью», — заявляли недовольные офицеры и выражали намерение убить выскочек, а Екатерину выдать замуж за кого-нибудь из братьев заточенного Ивана Антоновича.³⁴ Дело было решено тихо и без суда: виновные отправлены в ссылку.

Еще раньше в Казань был сослан преображенский майор Василий Пассек, о поведении которого было приказано докладывать Панину.³⁵ В деревни поехали «титулярный юнкер» Воейков и поручик Петр Савельев, «разглашавшие» настолько «непристойные слова», что их не рискнули доверить даже протоколам следствия: дело было сожжено.³⁶

В том же 1763 г. императрице пришлось разбираться с доносом дворовых людей Теплова, из которого следовало, что статс-секретарь досаждал холопам своими гомосексуальными наклонностями.³⁷ В марте началось расследование дела ростовского митрополита Арсения Матеевича. В служилой среде эта история истолковывалась порой самым фантастическим образом: сержант Ингерманландского полка Иван Пятков верил в «спасение» Петра III и полагал, что ростовский архиерей расстрижен «за то, что его фальшиво погребал».

Гвардия не сомневалась в гибели Петра III; его образ отныне «ушел в народ», где воскресал неоднократно на протяжении екатерининского царствования. Но в полках продолжалось брожение; имя, казалось, давно забытого узника не сходило с языка. Гольц и его французский и гол-

ландский коллеги подметили, что недовольные «чернь и солдаты» обращались к имени заточенного императора Ивана Антоновича. О том же говорят и дела Тайной экспедиции.

В мае 1763 г. преображенец Михаил Кругликов пожаловался друзьям из Конной гвардии: «Нас де 500 человек, другую ночь не спим для Урлиха»; неожиданный вызов своих сослуживцев на дежурство с боевыми патронами солдат расценил так: «Не будет ли еще какой экстры», — после чего и загулял. Допросившие его Панин и Глебов доложили императрице, что и обычное «безмерное пьянство» опасно, поскольку «малейшее движение может возбудить к большому калабротству». Екатерина в особой записке попросила следователей: «Однако при наказанье оного служивого прикажите, хотя Шишковскому, чтоб он еще у него спросил: где оные 500 человек собираются и видел ли он их или слышал ли он от кого?»³⁸ Забудыга Кругликов отделался батогами; но уже летом другой гренадер Семеновского полка Степан Власов также во хмелю заявил, что он в компании с капитаном Петром Воейковым «намерены государыню живота лишить», и похвалялся, что за ними стоят большие «господа».³⁹

Другой семеновец, сержант Василий Дубровский, вместе с офицером-артиллеристом Василием Бороздиным и отставным капитаном Василием Быкиным обсуждали вопрос о «революции» более серьезно. По опыту 1741 г. Дубровский предлагал занять на переворот денег у шведского посла; с их помощью предполагалось усыпить гарнизон Шлиссельбурга, освободить Ивана Антоновича и увезти его «за границу к родне». Екатерине же и наследнику он намечался «в кушанье дать» отраву — например, растворенный в пиве опиум. Третий же собеседник подошел к делу наиболее прагматично: бедный отставник рассчитывал выманить у шведского дипломата 50 тысяч рублей и с ними ... отбыть в Париж. Но посланник тоже помнил исторический урок и платить отказался, поскольку Елизавета по воцарении нисколько не помогла Швеции.⁴⁰

Тем же летом кирасир Яков Белов сокрушался: «Матушка де государыня жалует одну гвардию, а нас забывает; другие де полки хотят уж отказать». Старый преображенский солдат Яков Голоушин жаловался: «Нас де армейские салдаты как сабаки сожрать хотят; не без штурмы де будет, вить де Иван Антонович жив». Но сам гвардеец и его сослуживцы сочувствовали узнику и даже жалели о свергнутом Петре III: «Бывшей государь был милостив и многих из ссылки свободил, да и Иван де Антонович выпустил было на волю; да и нам при нем хорошо было».⁴¹

Доносы и репрессии оказались не в состоянии пресечь «толки» в полках, на основании которых возникло не менее двадцати дел.⁴² Гвардейцы осуждали возвышение Орловых, а вместе с ним и возможность нового переворота: «Не будет ли у нас штурмы на Петров день? Государыня идет за Орлова и отдает ему престол».⁴³ «Што ето за великой барин? — возмущался в марте 1764 г. семеновский солдат Василий Петелин. — Ему можно тотчас голову сломить! Мы сломили голову и императору; мы вольны, и государыня в наших руках. Ей де года не царствовать, и будет де у нас государем Иван Антонович». Гренадеры-измайловцы Михаил Коровин и его друзья категорически заявляли: Орлов «хочет быть принцем, а мы и прочие етова не хотим».⁴⁴

Интересно, что в череде этих и подобных дел 1763–1764 гг. наблюдается уверенность в скором восшествии на престол заточенного государя. В 1763 г. солдат Кирилл Соколов рассказывал, что Иоанн «живет в Москве в Немецкой слободе и к нему приклонились преображенские». Весной-летом 1764 г. такие ожидания явно увеличиваются: преображенцы говорили о скорой присяге и даже о состоявшемся обещании Ивана III увеличить солдатское жалованье до 30 рублей.⁴⁵

В апреле 1764 г., когда было объявлено о предстоявшем путешествии Екатерины в Прибалтику, гренадеры-преображенцы обсуждали это событие: «Врят де быть походу; может де статься не хуже того, что с третьим императором делалось». А измайловцы отпускали в адрес государыни «скромные непристойные слова» и считали возможным ее свержение: «Все триотца да мниотца, конечно де будет такая ж как прежде тревога». Следователи В.И.Суворов и А.А.Вяземский убедились, что подобные разговоры были широко распространены, и даже просили у императрицы разрешения прекратить допросы, т.к. найти «точного рассевателя» вредных толков было невозможно.⁴⁶

Уже накануне отъезда Екатерины II в Ревель, в июне 1764 г. конногвардеец Анисим Якимов донес о «непристойных словах» преображенца Степана Андреева: «Как де государыня пойдет в поход, так де Иван Антонович примет престол»; на это «уже две роты согласны, да согласиться надо нам всей гвардии». Точно в таких же словах обсуждали этот политический вопрос и солдаты Суздальского полка: «И когда де преображенские и семеновские присягнут, то де и нам нечего делать». Начавшееся тут же следствие выявило большое количество таких «согласных»: в списке оказалось около 100 человек.⁴⁷

Проходившие на протяжении 7–10 июня допросы установили наличие оригинального плана урегулирования династической проблемы: предполагалось, что Екатерина «примет принца и возьмет ево в супружество». Автором этой идеи оказался капитан-поручик Преображенского полка Семен Хвостов; он же начал уже с этой целью собирать солдат-преображенцев «в свою партию», якобы от имени Екатерины. Гвардейцы полагали, что сама императрица желает таким образом «разведать мысли салдацкие». Реальная Екатерина лично вмешалась в дело — ей не давали покоя «скрытные замыслы» Хвостова. В особой записке она предписала допросить его по пунктам и выяснить, почему тот говорил Орлову, что солдаты за него, а солдатам — о «принце».⁴⁸

Вслед за этим событием под следствие угодили преображенские прапорщик Иевлев и капитан-поручик Соловьев. Офицеры обсуждали борьбу придворных «партий» и полагали, что одни хотят на престол Павла, а другие — Ивана, «только кто-то ково переможет?». При этом Иевлев верил, что заточенному принцу уже якобы присягнул Суздальский полк, а господа в каретах «ездят к Ивану Антоновичу на поклон, которой живет в Шлютельбурхе».⁴⁹

За несколько дней до попытки освободить шлиссельбургского узника поступил донос о подозрительных разговорах измайловского сержанта Василия Морозова. Тот заявлял о какой-то «камисии» в полку, от кото-

рой «из наших офицеров один не постраждет ли», и сожалел об обидах «птенца Ивана Антоновича», о котором беседовал с регистратором из самой Шлиссельбургской крепости Лаврентием Петровым. Доклад об этом расследовании был подготовлен 2 июля; причем его руководители Неплюев и Вяземский решили почему-то болтливого чиновника не трогать.⁵⁰ Находившаяся в Риге Екатерина это решение одобрила, что выглядит несколько странно, особенно в свете случившегося в ночь с 4 на 5 июля покушения на переворот.

Неудачное предприятие Василия Миновича хорошо известно, хотя уже современники подозревали, что за подпоручиком Смоленского полка стояли «большие» персоны. Знал об этом и разбиравший в 1830-х гг. секретные бумаги прошлых царствований министр внутренних дел Д.Н. Блудов: в докладе Николаю I он особо выделил существовавшее «нелепое заключение» о том, что Минович был «подосланный от правительства заговорщик».⁵¹ Подозрения эти сопровождают «дело Миновича» вплоть до нашего времени. Однако приходится признать, что если такая провокация и имела место, то спрятана она была надежно: никаких доказательств ее до сих пор не обнаружено.

Важнее представляется то, что сама попытка Миновича родилась в атмосфере ожидания переворота и явилась материализованным выражением этих ожиданий. Оказалось, что незнатный и никому не известный младший офицер без особых усилий смог увлечь за собой солдат из охраны важнейшей политической тюрьмы, а они были готовы подняться на мятеж по артельному принципу: «Куда де все, то и он не отстанет»; колеблющихся же убедили чтением самодельного манифеста.⁵²

Интересно и другое: впервые переворотная акция планировалась без участия гвардии. Во всем прочем подпоручик собирался повторить действия Екатерины. С выкраденным из крепости Иваном Антоновичем он рассчитывал прибыть в расположение артиллерийского корпуса, поскольку «во оных полках против прочих многолюднее и гораздо больше отваживее потому состоят, как из многих полков лучшие собраны». Так же, как и 28 июня, предводитель заговорщиков намерен был прочесть заготовленный им манифест и провести присягу новому государю, затем послать офицеров с «пристойными командами» для захвата крепости и мостов, разослать в «нужные места» манифесты и присяги и увлечь за собой остальные полки.⁵³

Шансы отчаянного подпоручика были ничтожно малы: у Миновича не было надежных частей с сообщниками-офицерами. В полках, куда он намеревался привезти Ивана Антоновича, наверняка нашлись бы верные присяге и более авторитетные для солдат командиры. Да и в гвардии производства в чины и награды принесли Орловым сторонников; поэтому Григорий, по словам Бретейля, вполне мог просто заявить, «что гвардия испытывает к нему такое расположение, что если в течение месяца он захочет, он ее [Екатерину. — И.К.] лишит трона». Но устроить смятение с пальбой и паникой было вполне возможно, ведь преувеличенные толки изображали реальное событие в виде случившейся в столице «реbellии» с избранием «нового наследника престола».⁵⁴ Да и сама императ-

рица, как следует из ее записки к Панину, опасалась волнений артиллеристов, поскольку «командир у них весьма не любим».⁵⁵

На протяжении двух лет фигура «птенца Ивана Антоновича» настолько сконцентрировала на себе внимание всех недовольных новыми порядками и просто обойденных судьбой, что в этом «силовом поле» он просто должен был погибнуть — или вернуть себе свободу и трон. Но для этого усилий Миновича было явно недостаточно, а выросший в изоляции принц не годился на роль графа Монте-Кристо. Счастливую для Екатерины особенность «послепереворотной» ситуации отметил Гольц еще летом 1762 г.: «Единственная вещь, которая благоприятствовала двору во время этих кризисных событий, это то, что недовольные, более многочисленные в действительности, чем все остальные, не имели никакого руководства». Законному претенденту сочувствовали рядовые и отдельные офицеры. Но у устранившегося двадцать лет назад «принца» не было своей «партии» при дворе и связанных с ней надежных исполнителей.

Смерть несчастного Ивана III несколько разрядила обстановку. Начиная с 1765 г. поток «гвардейских» дел и заключенных Тайной экспедиции, связанных с «переворотными» сюжетами, на время обрывается. В качестве «претендентов» теперь появляются сумасшедшие, вроде пытавшегося предложить Екатерине руку и сердце садовника Мартина Шницера.⁵⁶

Политическая трагедия переходит в бытовой жанр: дедиловский воевода Иев Леонтьев поколачивал свою супругу со словами: «Ты меня хочешь извести так же, как государыня Екатерина Алексеевна своего мужа, а нашего батюшку. Он было повел порядок обстоятельной, а ныне указы выдают все бестолковые, что не можно и разобрать».⁵⁷ Прапорщик Алексей Фролов-Багреев в расстройстве от «любвонной страсти» объявил товарищам: «Заварил кашу такую, которую если удастца съесть, то я буду большой человек, а естлы же не удастца, то и надо мной то же сделаетца, что над Миновичем». Друзья-картежники тут же донесли; но на следствии сержант категорически утверждал допрашивавшему его Панину, что замыслил всего только избить мужа и увезти от него свой «предмет».⁵⁸

Ослабление «переворотных» настроений было связано и с изменением состава самой гвардии. Уже с первого дня нового царствования в ее ряды стали зачисляться солдаты из полевых полков. С другой стороны, сказались «высокоматерние щедроты» новой императрицы в виде денежных раздач и производств в чины. Только в одном Преображенском полку за один 1765 г. новые чины получили 9 капитанов, 17 капитан-поручиков, 21 поручик, 21 прапорщик и 23 сержанта.

К тому же, по-видимому, Иван Антонович воспринимался как законный государь лишь в гвардейской или армейской среде, являлся знаковой фигурой для «столичного» заговора — но в народе популярностью не пользовался. Там начинают появляться «Петры III» — Петр Чернышев, Гаврила Кремнев и другие; вступает в силу механизм «нижнего» (по выражению Н.Я. Эйдельмана) самозванчества. «Наверху» же подходящей фигуры до поры не было. Однако начиная с 1765 г. дела Тайной экспедиции фиксируют «появление» Павла как претендента на престол — опять-таки в той же столично-гвардейской среде.⁵⁹

В 1769 г. отставной конногвардейский корнет Илья Батюшков и подпоручик Ипполит Опочинин мечтали захватить карету императрицы на царскосельской дороге и постричь ее в монастырь. Законным наследником друга считали Павла; но Опочинин не исключал и того, что сам имеет право на престол: со слов его «мамки», он являлся сыном Елизаветы и английского короля, якобы приехавшего в Россию инкогнито.⁶⁰

В том же году к следствию были привлечены преображенский капитан Николай Озеров и его друзья — бывший лейб-кампанец Василий Панов, отставные офицеры Ипполит Степанов, Никита Жилин и Илья Афанасьев. Заговорщики не просто ругали императрицу и ее фаворита, критике подвергались вся внутренняя и внешняя политика Екатерины. «Прямые сыны отечества» (так называли себя друзья) были возмущены тем, что не выполнены «при вступлении... разные в пользу отечества обещания, для которых и возведена на престол».

О каких обещаниях шла речь, не вполне понятно; но другие упреки звучали так: «народ весь оскорблен», «государственная казна растащена» и делаются заграничные займы, «не рассматриваны» полезные предложения Сената, «дано статским жалованье бесполезно». Гвардия пребывает «в презрении», а Орловы за границу «пиревели через аднаво немца маора двацать миллионов». В екатерининском «Наказе» «написана вольность крестьяном; это де дворяном тягостно, и буде разве уже придет самим пахать». Наконец, осуждался разрыв с Австрией, «с коею всегда было дружелюбие».

Заговорщики планировали возвести на престол Павла — при нем земли дворянам раздадут «безденежно» и ликвидируют откупа, поскольку «винный промысел самый дворянский». Екатерину же намеревались заточить в монастырь; а если бы она, как царевна Софья, пыталась вырваться оттуда, то «во избежание того дать выпить кубок, который она двоим поднесла». Озеров накануне ареста уже успел приготовить план Летнего дворца.⁶¹

Это дело интересно, пожалуй, проявившимся в документах следствия уровнем представлений гвардейских офицеров нового поколения. Круг их интересов не ограничивается чинами и «деревнями»; в него входят уже и внешняя политика, и реформа государственной службы, и состояние казны (офицеры были в курсе состоявшихся заграничных займов). В то же время их критика существующего порядка направлена под углом специфических военно-служилых интересов: императрица недопустимо «заигрывает» с крестьянским вопросом, «статским» неведомо за что дают постоянное жалование, а откупщики теснят «самое дворянское» винокурение. «Сыны отечества» (более просвещенные, чем их коллеги 1725, 1730 и 1740 гг.) считали возможным предотвратить его «падение» только с привлечением «больших людей, ... которые издавна народ любят», — К.Г.Разумовского, Ф.М.Воейкова, А.И.Глебова, графов Паниных.⁶² Из дела следует, что таких попыток не было, как не было у заговорщиков и опоры в солдатских рядах.

В этих рядах появлялись и свои «зачинщики», также не связанные с офицерами и вельможами. В 1771 г. волновались солдаты-преображенцы: они предполагали, что Орловы замыслили «искоренить гвардию», и хотели «посадить на царство Павла Петровича».⁶³

В июне 1772 г. обнаружили замыслы группы преображенских солдат-дворян во главе с капралом Матвеем Оловянниковым. Гвардейцы не только обвиняли Орловых, якобы собиравшихся принять 10 тысяч армейских солдат «на наше место»; они хотели обратиться к Павлу с письмом (его Екатерина приказала разыскать) и предоставить ему престол. Но в предвкушении удачи у молодых солдат голова пошла кругом. Оловянников считал возможным уничтожить наследника и тут же обвинить в этом императрицу с целью оправдания ее убийства, а затем самому занять трон: «А что же хотя и меня!» Своих друзей — из которых не все «умели грамоте» — капрал производил в генерал-прокуроры и фельдмаршалы.⁶⁴ Вопреки обычному правилу, подобные беседы, как выяснилось следствии, продолжались около года, и никто из привлеченных к следствию не донес.

Екатерина была обеспокоена: в папке с приговорами Тайной экспедиции находится восемь ее собственноручных записок к Вяземскому по этому делу. Помимо 22 основных участников, были арестованы еще многие, и императрица стремилась любой ценой пресечь ходившие по столице слухи. Она приказала генерал-прокурору: «Александр Алексеевич, скажите Чичерину [генерал-полицеймейстер. — И.К.], что есть ли по городу слышно будет, что многие берутся и взяты солдаты под караул, то чтоб он выдумал бы бредню, чтоб настоящую закрыть. Или же и то сказать можно, что заврались», — и в то же время отдавала указания приготовить для арестованных помещения «за рекой», если места в крепости не хватит.⁶⁵

Оловянников был лишен дворянства; на плацу перед полком его выпороли кнутом, заклеили буквой «З» (злодей) и отправили в Нерчинск на каторгу; его сообщников сослали в сибирские гарнизоны. Екатерина не смогла сдержать удивления: «Я прочла все сии бумаги и удивляюсь, что такие молодья ребятки стали в такия беспутныя дела; Селехов старшей и таму 22 года»; остальным же участникам было по 17—18 лет. Едва ли самодержице приходило в голову, что дерзость 17-летних солдат была побочным результатом ее же собственной инициативы. После этого она решила «гвардию колико возможно на сей раз вычистить и корень зла истребить».⁶⁶ В значительной степени это Екатерине удалось, но помогло ей и то, что гвардейские «замешательства» уже не находили прежнего отклика в правящей верхушке.

Придворные «партии»

В начале правления Екатерины Д. Ле Донн на первое место выдвигает клан Салтыковых-Трубецких: Н.Ю.Трубецкого, его зятьев фельдмаршала П.С.Салтыкова и А.А.Вяземского, а также связанных родством с Салтыковыми З.Г.Чернышева и А.В.Олсуфьева. К другой группе относятся братья Панины и их племянник Б.А.Куракин; особое внимание этих лиц к внешней политике, по мнению исследователя, связывало их с братьями Голицыными (вице-канцлером и будущим фельдмаршалом) и со всем кланом Нарышкиных.⁶⁷

Д.Рансел выделил группировку Орловых вместе с генерал-фельдцейхмейстером А.Н.Вильбуа и возвратившимся из ссылки А.П.Бестужевым-

Рюминым. Им противостояли клан Паниных, их родственники и сторонники (Б.А.Куракин, А.И.Бибиков, П.А.Румянцев, П.Д.Еропкин), а также члены бывшей «партии» Воронцовых (М.И.Воронцов, Я.П.Шаховской, А.Р.Воронцов).⁶⁸

И.Г.Рознер и В.С.Лопатин полагают, что панинской группе противостояла, прежде всего, коалиция Орловых-Чернышевых.⁶⁹

Выше уже шла речь о трудности определения политической позиции той или иной фигуры на основе родственных связей. Многочисленные переплетения родства, очевидно, предполагали возможности выбора, который едва ли всегда определялся родовой солидарностью. Так и в данном случае нас интересует не столько создание собственной схемы придворной борьбы, сколько основные тенденции, а также роль самой Екатерины в «административной истории» царствования, о написании которой мечтал Ле Донн.

На первый план после переворота выдвинулись братья Панины и их окружение. Никита Иванович оставался воспитателем наследника, однако уже в связи с делом Хрущова и Гурьевых был назначен совместно с Глебовым управлять делами «особой важности» по ведомству бывшей Тайной канцелярии. Сосредоточенной в Померании армией вместо отстраненного Румянцева стал командовать П.И.Панин. Старшим сенатором остался зять Панина Неплюев; вслед за ними выдвигалось и младшее поколение родственников — племянник Панина Б.А.Куракин и будущий фельдмаршал Н.В.Репнин. Весьма важную роль в этой группировке играл Григорий Теплов, сделавшийся вскоре статс-секретарем императрицы.

В свое время В.А.Бильбасов жаловался на недоступность для исследователей хранящейся в Государственном архиве переписки основных участников переворота — Теплова, Панина, Бестужева, Г.Орлова.

Сейчас эти материалы доступны; сенсационных подробностей они не содержат, но дают возможность судить о тесных связях внутри придворных группировок. Так, ловкий делец Теплов быстро сменил своего недавнего покровителя, гетмана Разумовского, став доверенным лицом Панина. Его переписка показывает, что Теплов подробно информировал Никиту Ивановича о процессе законотворчества: какие указы состоялись, как были исправлены Екатериной, кому посланы копии, кто и когда ходит к императрице с докладом. В свою очередь, к Теплову адресовался с докладами и просьбами Неплюев, озабоченно сообщавший, что «о патроне нашем многие ложные мнения признаваютца от зависти».⁷⁰

На другом полюсе придворного мира находились Орловы. Сам фаворит не был силен в интригах; но на него «поставил» возвращенный из ссылки бывший канцлер Бестужев-Рюмин. Его многочисленные записки и письма к фавориту говорят, что Бестужев пытался таким образом «провести» самые разнообразные дела. Он добивался льгот для «фабрикана» Пастухова, желал определить президента в Рижский магистрат, просил о «протекции» для некоего коллежского советника Сукина, награждении архитектора Растрелли, а заодно — о финансовом «вспоможении» лично себе, поскольку кредиторы «неучтиво» требовали от него уплаты долгов.⁷¹

«Поле битвы» придворных группировок стала внешняя политика, о чем свидетельствуют ответы советников Екатерины на поставленные императрицей в июле 1762 г. вопросы о ее приоритетах и выборе союзника.⁷² Провал первой международной инициативы нового царствования (попытка посредничества между Пруссией и Австрией) стал платой за неуклюжую политику покойного Петра III. Надо было заново определять курс, и в окружении императрицы выявились принципиальные разногласия.

Бестужев осуждал отход от «старой русской политической системы» и к весне 1763 г. подготовил «великий проект» русско-австрийского союза, о чем неоднократно сообщал имперскому послу Мерси.⁷³ Панин же накануне нового 1763 г. в беседе с прусским дипломатом графом Виктором Сольмсом дал понять, что союз с Пруссией для России является более предпочтительным. Сделал это он так убедительно, что его собеседник доложил в Берлин: «Даже подкупленный министр не мог бы говорить более доверчиво».⁷⁴ Вслед за тем в августе 1763 г. начались и переговоры о заключении нового союзного договора.

Лето и осень стали временем ожесточенных битв за контроль над внешней политикой империи и за влияние на императрицу. Весной 1763 г. Бестужев резко усилил свой «кредит»: он взялся за дело заключения брака Екатерины и Григория Орлова. Он обещал австрийскому дипломату, что скоро свергнет Панина, — но уже в августе жаловался (как Мерси, так и его сопернику Сольмсу), что его не ценят и платят всего 20 тысяч рублей в год.⁷⁵ Новое обострение борьбы совпало со смертью в октябре 1763 г. короля Августа III.

Собравшаяся по этому случаю конференция явно не поддержала Панина, но и выступление Бестужева в поддержку саксонского кандидата не увенчалось успехом. И все же сообщения иностранных дипломатов свидетельствуют о том, что Бестужев постепенно утрачивал свои позиции. В раздражении старый дипломат в беседе с английским послом позволил себе открыто не одобрять действий российского двора и предупредил собеседника о вскрытии его корреспонденции.⁷⁶ Австрийскому послу он демонстрировал свою переписку с Екатериной в качестве знака прочного положения при дворе и ему же во хмелю заявил, что сам-то он больше ценит союз с Англией.⁷⁷

Но в октябре того же года Бестужев раскрыл Мерси предстоящее выдвижение кандидатуры Станислава Понятовского, рассказал о переговорах с Пруссией, а заодно сообщил о переводах Екатериной денег за границу. После отъезда Мерси Бестужев продолжал переписку с ним, на основании которой австрийский дипломат не только действовал в поддержку саксонского курфюрста, но и предполагал возможность переворота в самой России в пользу Ивана Антоновича.⁷⁸

Бестужев не смог повторить счастливую для него ситуацию 40-х гг.: атмосфера 60-х гг. не дала возможности безгласно осуществить комбинацию с браком Екатерины. Впрочем, здесь был «виноват» и сам кандидат в мужья императрицы. Дипломаты дружно отмечали его неспособность и нежелание вникать в дела, на что жаловался и сам Бестужев. Фаворит

не знал французского языка и стеснялся придворного круга, предпочитая ему «собак и охоту»; при случае мог в изысканном кругу вельмож похвастаться тем, как в одиночку ходил на медведя.⁷⁹ В обществе Орлова насмешливо называли «кулачным бойцом» и, кажется, держали за весьма недалекого малого.⁸⁰

Лихой гвардеец не смог вписаться в стиль фаворита новой эпохи, требовавшей образованности, внешнего лоска и деловых качеств. Григорий и его братья годились для переворотной «акции» или для поля боя, но не подходили на роль секретарей-помощников императрицы, почитателей идей Просвещения или поклонников изящных искусств. Не давалось фавориту и искусство политической интриги. При обсуждении кандидатуры Понятовского на польский трон он сначала обложил своего предшественника «ругательными именами», а затем признался Екатерине, что сделал это с подачи Бестужева-Рюмина.⁸¹

Оба союзника — Бестужев и Орлов — олицетворяли собой прошлое: один — дипломатическую «систему» 40-х гг. XVIII в.; другой — тип вышедшего «из народа» фаворита-«бойца» в стиле Разумовского. Но судьба их сложилась различно. Екатерина не только не рассталась с фаворитом, но и направила карьеру преданных ей Орловых по назначению: на охрану трона. В 1764—1765 гг. Григорий стал генерал-аншефом и подполковником Конной гвардии, шефом Кавалергардского корпуса и генерал-фельдцейхмейстером; его брат Алексей — премьер-майором, а затем и подполковником Преображенского полка (в 1767 г.). Позднее Алексей Орлов сумел себя показать во время экспедиции русского флота в Средиземное море, а Григорий — при успокоении Москвы после «Чумного бунта» 1771 г.

Время же Бестужева и его внешнеполитической системы с жесткой ориентацией на союзы с Англией и Австрией ушло. Панин еще осенью 1763 г. сетовал на противодействие «австрийской партии», но 27 октября он был назначен «старшим членом» Коллегии иностранных дел и занимал этот пост почти двадцать лет. Однако являлось ли это назначение для Панина безусловной победой? Ведь в предполагавшемся им Императорском совете он должен был занять пост статс-секретаря по делам внутренним. Вероятно, новое назначение деликатно устраняло возможные претензии на роль «первого министра» и одновременно заставляло Панина считаться с амбициями военных — эти ведомства контролировались его политическими противниками Чернышевыми.⁸² Имя же Бестужева с конца 1763 г. исчезает из депеш иностранных дипломатов.

Фактическое крушение задуманной Паниным «Северной системы» (попытки создания в 1763—1767 гг. союза России, Пруссии и Англии с подключением Дании, Швеции и Речи Посполитой в противовес блоку Австрии, Франции и Испании⁸³) в начале 70-х гг. вместе с усилившимися подозрениями в адрес Панина как идейного наставника Павла стали началом конца его влияния. Но все это было позже. В начале же 60-х гг. уход Бестужева рассматривался историками как победа Панина и его «партии». ⁸⁴ Но и с этой «партией» у Екатерины складывались непростые отношения: в руках Панина находился сын и одновременно соперник императрицы Павел.

Главной внутривластной инициативой Панина стал проект создания нового Императорского совета, подготовленный им вскоре после переворота и получивший противоречивые оценки в литературе. С одной стороны, в нем видели «реставрацию» Верховного Тайного совета⁸⁵ или повторение попытки ограничения самодержавия с «олигархическими тенденциями». ⁸⁶ С другой — еще В.О.Ключевский полагал, что Панин не посягал на права монарха: проект предусматривал, прежде всего, создание «законодательной мастерской» с оформленным порядком делопроизводства, которая, в отличие от Совета образца 1730 г., не имела административно-распорядительных, судебных и контрольных функций. Близкие к этой точке зрения содержатся и в более поздних исследованиях.⁸⁷

В обтекаемом и «тягучем» панинском документе можно выделить две основные части. В первой содержатся часто цитируемые инвективы против фаворитов. Панин внушал Екатерине, что после смерти Петра I «временные порядки и узаконения» привели к господству «припадочных и случайных людей» и даже вызвали «потрясения» 1730 г. Но в итоге министр делал вывод: самодержавную власть нельзя «в полезное действие произвести» иначе, «как разумным ее разделением между некоторым малым числом избранных к тому единственно персон».

Вывод как будто не вполне логичный; но Панин не посчитал нужным его обосновывать дополнительно — хотя бы усложнением структуры самой государственной машины или возросшим количеством дел. Зато он указывал образец оптимального, по его мнению, устройства: Кабинет эпохи регентства 1740—1741 гг. О Верховном Тайном совете в докладе нет ни слова, а Конференция Елизаветы охарактеризована негативно — как «гнездо прихотей» фаворитов и безответственное учреждение-«монстр». Но Панин укорил «бывшего императора Петра III» за вступление на престол без какого-либо «соборания верховного правительства». Такой подход в принципе ставил под сомнение легитимность перехода власти к законному наследнику без посредства подобного института — не так ли все происходило и в 1730 г.?

Вторая часть — проект собственно манифеста — излагает организацию и ведение дел новым Советом. Она разработана более четко с целью «неколебимо утвердить форму и порядок, которыми под императорской самодержавной властью государство навсегда управляемо быть может». Покушений на самодержавие в документе нет: монарху принадлежит «последняя резолюция» по обсуждаемым вопросам; заключительный 11-й параграф еще раз подтверждал: из Совета не могут исходить никакие указы «иначе, как за собственноручным монаршим подписанием».

Но в предлагаемой «форме и порядке» функционирования Совета есть явные пробелы. Панин допускал, что фактические руководители его департаментов — статс-секретари — не обязательно должны являться членами Совета, но в то же время могли быть сенаторами или президентами коллегий и, следовательно, самостоятельно «выходить» на императрицу с любыми делами, минуя Совет. Никак не оговорены в проекте порядок назначения и смещения членов Совета, его взаимоотношения с Сенатом и другими учреждениями. Само «контрасигнование» указов и прочих ак-

тов соответствующим статс-секретарем из текста можно понимать и так, что статс-секретарь просто обязан был подписать указ, независимо от своего к нему отношения.

Наконец, в 4-м параграфе манифеста компетенция Совета охарактеризована общей и не вполне вразумительной фразой: «Все дела, принадлежащие по уставам государственным и по существу самодержавной власти нашему собственному попечению и решению». Однако такой перечень все же оказался «спрятанным» ниже в менее важном параграфе 9 о «правителе канцелярии» и включал «именные повеления об определении к местам, о произведении, о милостях и награждениях из того же совета».⁸⁸

Неудачные примеры и умолчания производят странное впечатление. Искренне ли верил Панин в указанный им образец — Кабинет 1741 г. — или судил о нем формально, с точки зрения указа от 28 января 1741 г., вводившего разделение дел «по департаментам»? Дневник воспитателя наследника и подчиненного Панина С.А.Порошина показывает, что Никита Иванович отлично знал новейшую историю России. В кругу собеседников он раскрывал «настоящую причину» смерти Петра I, пересказывал «дело» Волынского, рассуждал о «тиранствах» и «революциях при Анне Иоанновне и по смерти ее», о «придворных обстоятельствах» времен Елизаветы.

Но если так, то неужели Панин не знал о ссорах и интригах в правление Анны Леопольдовны, бездарно потерянной этим Кабинетом и правительницей власти; наконец, о разрыве Анны с мужем и ее фаворите Линаре — после всех своих обличений фаворитизма?

Важен и другой вопрос: насколько можно самого Панина считать конституционалистом, пусть даже «в аристократическом прочтении»? Проект содержал действительно новое и важное положение об ответственности министров-советников не только перед монархом, но и перед «публикой» (хотя под «публикой» Панин полагал довольно узкий круг «генералитета»)⁸⁹. Но в остальном, кажется, Никита Иванович, несмотря на критику «силы персон», оставался просвещенным придворным-«елизаветинцем» — с известным «тяготением к конституционализму», по удачному выражению одного из современных исследователей.

В беседе с Бретеилем Панин предполагал пожизненный статус членов проектируемого им Совета; право же смещать их передавалось общему собранию Сената, становившегося, таким образом, арбитром между монархом и его советниками.⁹⁰ Дневник Порошина зафиксировал его любопытный отзыв о деле Лопухиных и «владении императрицы Анны Иоанновны»: «Ежели бы и теперь их братье боярам дать волю и их слушаться, то б друг друга и нынче сечь и головы рубить зачали».⁹¹

Скепсис Панина в отношении «воли» вроде бы свидетельствует, что он не видел в деятелях прошлого и настоящего носителей «конституционной» традиции. Возможно, результаты переворота прибавили Панину сомнений в способности современных «бояр» воспринимать подобные идеи — что подтверждалось оппозицией его весьма умеренному проекту 1762 г. Как участник созданной в 1763 г. Комиссии о вольности дворянства, Панин был вполне солидарен со своими коллегами в защите со-

словных привилегий; но каких-либо его предложений об установлении «фундаментальных» законов и их гарантий со стороны самодержца (о чем когда-то мечтал И.И.Шувалов) до нас не дошло. Поэтому нам представляется обоснованной точка зрения о том, что целью Панина было установление соправительства Екатерины и Павла,⁹² где, добавим, сам он играл бы роль третьего человека в государстве.

В таком случае остается согласиться с мнениями тех историков, кто считал, что проект Панина 1762 г. предполагал освободить императрицу от забот и обезопасить верховную власть от слишком явного влияния фаворитов.⁹³ Тогда и вправду не стоило составлять более продуманный текст и искать более удачные образцы. Елизаветинское правление можно было осудить (Екатерина была его свидетельницей и в каком-то смысле жертвой), а предшествовавшую эпоху выставить в ином свете и предложить Екатерине царствовать при участии влиятельного Совета.

Но неужели Панин в 1762 г. действительно **видел** в Екатерине вторую Анну Леопольдовну — просвещенную иноземную принцессу, способную на устранение постылого мужа (не так ли собиралась поступить и Анна в конце 1741 г.?), но неспособную взвалить на себя бремя повседневного управления страной? Или сама Екатерина внушила министру — и не только ему — именно **такое** мнение о себе? Не исключено, что это у нее получилось. Беранже был свидетелем, как не слишком трезвый А.П.Бестужев-Рюмин на людях поучал императрицу.⁹⁴ А почему бы и нет, если сама Екатерина в 1762 г. обращалась к нему не иначе, как к «батюшке Алексею Петровичу», и просила советов?⁹⁵ Канцлер Воронцов искренне изумлялся тому, что императрица сама вникала в депеши российских послов.

Но если Бестужев был с почетом отстранен от дел, то Панин остался. Он был нужен императрице не только как опытный дипломат, но и как доверенное лицо по части Тайной экспедиции. Кроме того, у Панина «на руках» был важный козырь — законный наследник. Авантюра капрала Оловянного имела место как раз в год, когда наследнику исполнялось 18 лет; из нуждающегося в опеке ребенка он превращался в соперника императрицы.

К этому времени воспоминания декабриста М.А.Фонвизина относят начало заговора братьев Паниных с целью воцарения Павла, раскрытого благодаря предательству секретаря Панина П.В.Бакунина. В литературе рассматривается вопрос не только о реальности самого заговора, но и о существовании так называемой «конституции Панина-Фонвизина» — проекта политических преобразований, которые должен был произвести молодой император. Одни исследователи признают наличие подобного заговора или, по крайней мере, считают сообщение декабриста «отголоском» реальных событий;⁹⁶ другие отрицают эту возможность.⁹⁷

Мы не располагаем данными, которые могли бы подтвердить или опровергнуть рассказ Фонвизина. Но придворная атмосфера в то время в условиях нараставшего на востоке империи бунта была тревожной. Заезжий наблюдатель, писатель-энциклопедист Дени Дидро на рубеже 1773—1774 гг. делился со своей царственной собеседницей впечатлениями: «В душе ваших подданных есть какой-то оттенок панического страха — долж-

но быть, следы длинного ряда переворотов и продолжающегося господства деспотизма. Они точно будто постоянно ждут землетрясения и не верят, что земля под ними не качается».⁹⁸

Однако десятилетие, прошедшее со времени «революции» 1762 г., показало, что российское «переворотство» постепенно выдыхается. Павел мог стать «объектом» устремлений и «нижнего» самозванчества, и «верхнего» переворота. Однако гвардейские «замешательства» были сами по себе не опасны без руководства со стороны круга высших офицеров и вельмож, а «большие люди» уже не считали для себя уместным такой путь политического действия в условиях екатерининского царствования: Панин стремился сделать Павла соправителем легальным путем и отвергал «силовые» варианты.⁹⁹ Шансы Павла на захват трона оценивались скептически даже благожелательными по отношению к нему наблюдателями. Прусский посол Евстафий фон Герц докладывал Фридриху II: «Можно быть уверенным, что он никогда не склонится к перевороту, никогда никаким, даже самым косвенным образом не будет ему способствовать, даже если бы недовольные, в коих нет недостатка, затеяли таковой в его пользу».¹⁰⁰

Новый план преобразований сложился у Паниных и их воспитанника только к началу 80-х гг., когда и Никита Иванович, и его брат уже не играли руководящих ролей в правительстве. Согласно этим планам, Сенат становился выборным, на основе дворянских собраний, учреждением и как высший судебный орган обеспечивал контроль за соблюдением законов в стране с правом представления монарху на издаваемые им акты. Н.И.Панин считал необходимым и «согласие государства» на законодательную деятельность монарха, но этот пункт не был автором прояснен. Непосредственное же управление сосредотачивалось в «Министерском» совете из возглавлявших отдельные отрасли высших чиновников.¹⁰¹

Необходимость закона о престолонаследии была выношена «эпохой дворцовых переворотов» и вновь встала на повестку дня после 1727 г. Еще одно панинское предложение — о создании «министерского» («государева») Совета — являлось шагом к более эффективной системе управления, но никакого «конституционного» начала в себе не несло. Впрочем, и Павел отказался от создания полновластного Сената и отдал предпочтение принципу максимально жесткой централизации власти.¹⁰²

На наш взгляд, главный пункт «панинско-павловского» проекта о выборном «законохранящем» Сенате обращен не столько в будущее, сколько в прошлое: он воспроизводил ту же идею создания представительного и контрольного органа, которая впервые появилась в шляхетских «проектах» 1730 г. Эту же восходящую к 1730 г. мысль о полновластном Сенате вновь предлагали в 1801 г. Г.Р.Державин и П.А.Зубов. По их проекту, кандидатов в члены этого учреждения должно было избирать «собрание знатнейших государственных чинов» и чиновников 5-го класса.¹⁰³

Сознание необходимости качественно нового государственного устройства на основе «непременных законов» и гарантий их исполнения было уже следующим этапом развития общественной мысли. Проявилось оно тогда же, в начале XIX в., и было генетически связано с прошлым в набросках и проектах молодого М.М.Сперанского и брата екатерининского фаворита В.А.Зубова.¹⁰⁴

Как раз в это время, когда шансы на получение власти (легальным или «переворотным» путем) были утрачены, образ справедливого Павла-наследника стал перемещаться из придворных сфер на «улицу». В 80-е гг. количество самозванных «Петров III» сокращается, но зато появляются первые дела Тайной экспедиции о самозванцах или о «посланцах» Павла, оказавшихся неразборчивыми авантюристами.¹⁰⁵

Механизм власти

За проходившей на авансцене борьбой придворных «партий» вырисовывается более серьезная проблема создания надежной и работоспособной структуры управления. Панинский проект Императорского совета был отклонен: вместо него в начале 1763 г. была сформирована Комиссия о вольности дворянства, составленная из тех же 8 человек, которые предполагалось включить в Совет (Н.И.Панин, Г.Г.Орлов, А.П.Бестужев-Рюмин, З.Г.Чернышев, К.Г.Разумовский, М.Н.Волконский, Я.П.Шаховской, М.И.Воронцов).¹⁰⁶ Однако доклад этой комиссии с предложением введения «неколебимого устава» о правах дворян (включавшего, в том числе, отмену петровской «Табели о рангах» в части получения дворянства разночинцами, запрещение конфискации дворянских владений, свободный выезд и службу дворян за границей) также не был утвержден.

Новым шагом в этом направлении стала реформа Сената, которая не раз уже рассматривалась в литературе. Однако персональный состав Сената, насколько нам известно, еще не изучался.¹⁰⁷ Попытаемся проследить эти изменения на протяжении первых семи лет нового царствования — 1762—1769 гг.¹⁰⁸ Перед переворотом Сенат состоял из 13 лиц. Большинство из них, кроме А.Д.Голицына, И.В.Одоевского, А.Б.Бутурлина и М.И.Воронцова, стали сенаторами в 1760 г.: Н.Ю.Трубецкой, Р.И.Воронцов, А.И.Шувалов, И.И.Неплюев, И.О.Брылкин, А.Г.Жеребцов, И.И.Костюрин; П.С.Сумароков и брат канцлера И.И.Воронцов были назначены Петром III. Еще один сенатор, П.Г.Чернышев, занимал пост посла в Париже.

Екатерина уже в день переворота ввела в его состав группу своих сторонников из числа гвардейских и армейских генералов (Ф.И.Ушаков, М.Н.Волконский, В.И.Суворов), а также «статских» и придворных чинов (Н.А.Корф, Н.И.Панин, К.Г.Разумовский, П.Б.Шереметев). Вместе с ними в Сенат вошли отстраненные от дел видные министры елизаветинского царствования — Я.П.Шаховской, А.П.Бестужев-Рюмин, М.М.Голицын (см. Приложение, Таблица 3). Из последних только престарелый генерал-адмирал М.М.Голицын оказался неспособным к работе и в том же году получил отставку. Других же отставок и тем более каких-либо репрессий не последовало.

Уже в 1762 г. Екатерина предполагала осуществить обновление кадров государственного аппарата. Сохранились ответы ее ближайших сподвижников, которым императрица предложила дать оценку работы высших чиновников. М.Н.Волконский от задания уклонился и объявил, что, находясь всю жизнь в военной службе, «у штатских дел людей узнать случаю мало имел». Опытный И.И.Неплюев, напротив, дал четкие отзывы о

президентах и вице-президентах коллегий. Так, по его мнению, возглавлявший Ямской приказ генерал Л.Овцын и президент Берг-коллегии И.Шлаттер находились на своих местах, глава Камер-коллегии Д.И.Кочетов являлся явно «неспособным», а президенты Юстиц- и Ревизион-коллегий Ф.Кнутов и Б.Шербачев «не имеют репутации дельного человека».¹⁰⁹ Екатерина прислушалась к этим отзывам, поскольку наиболее «неспособные» чиновники в дальнейшем были сменены.

В 1762 г. уволили только бывшего камердинера Петра III А. де Брессана с должности президента Мануфактур-коллегии; его заменил пострадавший вместе с Бестужевым в 1758 г. В.Е.Адогуров. В следующем году императрица готовила секуляризационную и сенатскую реформы и не спешила с новыми назначениями: в Сенат вернулся только П.Г.Чернышев, младшие братья которого заняли руководящие места в военном и адмиралтейском ведомствах. А.С.Козловского на посту обер-прокурора Синода сменил директор Московского университета И.И.Мелиссино. Коллегию экономии возглавил энергичный племянник Н.И.Панина Б.А.Куракин.

Замены начались со второстепенных ведомств. С.Ф.Протасов стал новым начальником Соляной конторы. Преобразованную в коллегию Медицинскую канцелярию возглавил камергер А.И.Черкасов, Судный приказ — статский советник А.Афросимов. Зато начался плавный уход ключевых фигур двух предшествовавших царствований: в январе полную отставку получил бывший глава Тайной канцелярии А.И.Шувалов, в июне — дотоле бессменный Н.Ю.Трубецкой; в августе 1763 г. в долгосрочный отпуск отправился канцлер М.И.Воронцов.

Уход М.М.Голицына, Н.Ю.Трубецкого и М.И.Воронцова означал смену руководства в трех «первейших» коллегиях. На смену Трубецкому в апреле 1763 г. в Военную коллегию был назначен вице-президентом З.Г.Чернышев. Последнему Екатерина преподнесла урок: в декабре опрометчиво попросивший отставку генерал тут же получил ее и был принят обратно только после униженных объяснений.

Вслед за президентом на протяжении 1763 — начала 1764 гг. сменился и состав коллегии: в отставку ушли аншеф С.Ф.Волконский и генерал-лейтенанты В.И.Лопухин и С.И.Караулов.¹¹⁰ В это же время Екатерина осуществила (очевидно, в качестве «ответа» на такую же акцию Петра III) массовое чинопроизводство в армии: на протяжении 1762—1763 гг. она пожаловала 11 генерал-аншефов, 16 генерал-лейтенантов и 42 генерал-майора.¹¹¹

Морское ведомство формально возглавил произведенный в декабре 1762 г. в генерал-адмиралы наследник Павел. Реально же главным лицом в Адмиралтействе стал неожиданно пожалованный в марте 1763 г. вице-адмиралом придворный и дипломат И.Г.Чернышев; протоколы коллегии показывают, что именно он объявлял присутствующим императорские повеления. Контр-адмирал Ф.С.Милославский был сделан в 1763 г. сенатором. В 1763 г. были отправлены в отставку контр-адмирал Н.Г.Лопухин и генерал-кригс-комиссар В.И.Ларионов; в 1764 г. — вице-адмирал С.М.Мещерский. В том же 1764 г. скончались главнокомандующий флотом адмирал А.И.Полянский и вице-адмирал П.Г.Кашкин, в 1765 г. вышел в отставку адмирал И.Л.Талызин.¹¹²

Была решена и судьба канцлера М.И.Воронцова. Уже весной 1763 г. он жаловался в письмах к племяннику Александру, что не может видеть «очи ее величества». В августе старый дипломат был с почетом отправлен в длительный отпуск за границу: он не только сохранил звание канцлера, но и добился от казны уплаты его долгов и покупки его дома. После назначения Панина «старшим членом» Коллегии иностранных дел Воронцов к делам более не вернулся и окончательно ушел в отставку в 1765 г.

Одновременно начались первые перестановки среди местного начальства (см. Приложение, Таблица 2). Потеряли свои посты фигуры, замеченные в слишком неприкрытых злоупотреблениях: смоленский губернский И.З.Аршеневский и его белгородский коллега Г.И.Шаховской. В Смоленск были отправлены генерал-аншеф В.В.Фермор и генерал-майор М.С.Козловский. В Москву вместо назначенного Петром III А.Б.Бутурлина был назначен другой фельдмаршал — П.С.Салтыков, а в Оренбург — Д.В.Волков. Появились новые губернаторы в Сибири (генерал-майор Д.И.Чичерин), Архангельске (генерал-майор Е.А.Головцын) и Астрахани (генерал-майор Н.А.Бекетов).

Переломным годом для нового режима стал 1764-й. Он ознаменован не только церковной реформой, устранением шлиссельбургского «конкурента» Екатерины и гвардейских волнений; именно тогда состоялись массовые перестановки в системе управления. В рамках реформы Сената в нем появились новый генерал-прокурор и значительное пополнение из 14 человек (см. Приложение, Таблица 3).

Среди них находились как опытные «штатские» (Н.М.Желябужский, С.Ф.Протасов, И.И.Дивов, Ф.И.Соймонов), так и военные (П.С.Салтыков, В.В.Фермор) администраторы елизаветинских времен. Сенаторами стали и люди нового поколения: «ученик» самой Екатерины А.А.Вяземский, Б.А.Куракин, А.В.Олсуфьев, П.Н.Трубецкой. Обер-прокурорами Сената стали недавние заговорщики Ф.Г.Орлов и В.А.Всеволодский.¹¹³

В дальнейшем пополнение Сената шло уже более плавно. В 1765 г. в него вошли возвращенный из ссылки А.П.Мельгунов и П.Д.Еропкин, в 1766 г. — старый генерал и губернатор И.Ф.Глебов и молодой полицеймейстер Петербурга Н.И.Чичерин, в 1767 г. — группа опытных чиновников вместе с братом генерал-прокурора И.А.Вяземским; в 1768 — статс-секретари Екатерины И.П.Елагин и Г.Н.Теплов, участник переворота камергер М.С.Похвиснев и прощенный Д.В.Волков.

Параллельно шел обратный процесс: в течение 1764—1768 гг. Сенат покинули не только те, кто заседал в нем до воцарения Екатерины, но и большинство назначенцев 1762 г., т.е. те, кому императрица в известном смысле была обязана властью и с кем должна была считаться. Бестужев оставался сенатором до самой смерти, однако «кредит» старого канцлера упал окончательно. Попытка гетмана К.Г.Разумовского сделать свой пост наследственным закончилась почетной отставкой в ноябре 1764 г. и (как в случае с И.И.Шуваловым и М.И.Воронцовым) заграничным путешествием. Ушли в отставку Неплюев, Корф, Шереметев, Шаховской, Суворов, а вместе с ними и некоторые пожилые сенаторы «призыва» 1764 г.: И.И.Дивов, В.В.Фермор, Ф.И.Соймонов.

В апреле 1764 г. новые президенты были назначены в шесть коллегий (см. Приложение, Таблица 1); только И.А.Шлаттер (Берг-коллегия) и М.К.Луниин (Вотчинная коллегия) сохранили свои посты. В следующем году было обновлено руководство Ямской канцелярии (Л.Я.Овцына сменил генерал-майор А.Л.Щербачев) и Главного магистрата (его возглавил камер-юнкер, участник переворота 1762 г. Г.Г.Протасов). А.П.Мельгунов сменил на посту президента Камер-коллегии умершего Б.А.Куракина, а его же (Куракина) место в Коллегии экономии занял камергер С.В.Гагарин.

В том же 1764 г. произошли замены губернаторов в 7 губерниях (см. Приложение, Таблица 2); причем Д.В.Волков и В.В.Фермор возвратились и были назначены, соответственно, в Мануфактур-коллегию и Сенат. Пометки императрицы на апрельском докладе Сената о заполнении должностей показывают, что она тщательно взвешивала решения и делала свой выбор: назначения Д.В.Волкова, генерал-полицеймейстера Н.И.Чичерина, А.Н.Квашнина-Самарина (казанским губернатором), С.Ф.Ушакова (петербургским губернатором) были сделаны ею самостоятельно, вопреки другим предложенным кандидатурам.¹¹⁴

Кадровое обновление первых лет екатерининского царствования было связано не только с целенаправленными действиями самой верховной власти. Они совпали по времени с процессом естественного обновления правящей элиты. Наряду с указанными выше отставками, можно отметить и завершение жизненного пути видных представителей послепетровской России.

В 1764 г. умерли генерал-адмирал М.М.Голицын-младший, дипломат Г.К.Кейзерлинг, премьер-майор гвардии А.А.Меншиков, адмирал А.И.Полянский; в 1766 г. — бывший канцлер и фельдмаршал А.П.Бестужев-Рюмин; генерал-аншеф, сенатор и «директор над полициями» Н.А.Корф; сенатор и подполковник Преображенского полка Ф.И.Ушаков, дипломат и бывший президент Академии наук И.А.Корф; в 1767 г. — фельдмаршалы А.Б.Бутурлин и Б.Х.Миних; бывший генерал-прокурор, фельдмаршал и подполковник гвардии Н.Ю.Трубецкой; канцлер М.И.Воронцов, митрополит Дмитрий Сеченов, сенатор С.Ф.Протасов, бывший лейб-медик Арман Лесток; в 1768 г. — генерал-аншеф В.В.Фермор, подполковник Конной гвардии П.Б.Черкасский; сенатор А.Д.Голицын, обер-гофмейстер Х.В.Миних, многолетний президент Берг-коллегии И.А.Шлаттер.

Замыкал эту плеяду человек, чье имя стало нарицательным для целой эпохи, — Эрнст Бирон. Первый «настоящий» фаворит ушел также вполне «по-европейски»: в 1769 г. он отправился на заслуженный покой с поста герцога Курляндии, передав его сыну Петру. Старый Бирон скончался в собственном дворце в 1772 г., а годом раньше из жизни ушел его добродушный преемник А.Г.Разумовский.

Вместе с ними сходили со сцены представители младшего поколения петровских «птенцов» и те, чья карьера протекала уже после смерти преобразователя. Это они творили «эпоху дворцовых переворотов», становились ее героями и жертвами, создали «дух» своего времени, его «партии» и его мораль. Но теперь они уходили вместе со своей эпохой и, кажется, осознавали эту свою «особость», отличие от нового поколения. На просьбу Екатерины II рекомендовать кого-либо на свое место старик И.И.Неп-

люев ответил: «Нет, государыня, мы, Петра Великого ученики, проведенны им сквозь огонь и воду, инако воспитывались, инако мыслили и вели себя, а ныне инако воспитываются, инако ведут себя и инако мыслят; итак я не могу ни за кого, ниже за сына моего ручаться».¹¹⁵

На смену им шли «екатерининские орлы» — ровесники и младшие современники императрицы: ее полководцы (П.А.Румянцев, А.В.Суворов, Н.В.Репнин, М.В.Каховский), администраторы (А.А.Вяземский, А.И.Бибииков, Г.А.Потемкин, Я.В.Брюс, А.Р.Воронцов, Я.Е.Сиверс, П.Д.Еропкин, Г.Р.Державин), дипломаты (А.А.Безбородко, Д.А.Голицын, С.Р.Воронцов); вместе с ними — целое поколение «инако воспитанных» дворян, которые могли выражать свой патриотизм, не напиваясь до бесчувствия во дворце и не заверяя в своей неспособности к чтению книг. Для них привычными становились чувство собственного достоинства, чести, а то и независимости, в том числе даже от высочайших милостей.

Екатерине пришлось строить отношения именно с этим поколением; надо признать, что с этой задачей она справилась успешно. Четверть века спустя после переворота она с гордостью могла сказать своему статс-секретарю Храповицкому: «Во время моего владения многое переменялось». Слова эти относились к гвардии, но на деле во многом изменился и сам механизм управления монархии.

Остался специфический придворный мир с его интригами и закулисными «изворотами». Расширилась и практика выдачи «пенсий» из кабинетских сумм, доходивших до 500 тысяч рублей в год: «Тут убавить нечего, хотя б и нужно было», — полагала императрица даже во время серьезных финансовых трудностей в 1788 г.¹¹⁶ Однако навсегда исчезли былые всеисильные обер-камергеры и обер-егермейстеры, вроде отца и сына Долгоруковых, Разумовского и Бирона, или генерал-адъютанты типа П.И.Шувалова. Высшие придворные Екатерины (Л.А., А.А. и С.К.Нарышкины, П.Б.Шереметев, И.И.Шувалов, М.К.Скавронский) — важные вельможи, но все они отстранены от государственных дел и замкнуты в своей сфере.

Не стало больше и полунезависимых советов, подобных «верховникам» 1726–1730 гг. и министрам Кабинета 1731–1741 гг. Совет при высочайшем дворе Екатерины не обладал и тенью самостоятельности: императрица решала массу дел помимо него, по докладам Сената, коллегий и других мест. В «связке» «императрица — Совет» (или преобразованный и послушный, но сохранивший определенную компетенцию Сенат) заметно выросла роль фаворитов, но их статус в новой системе был уже иным.

«Случай» при Екатерине — это не право на произвол и исключительное влияние. Практичная императрица не только требовала от своих фаворитов соблюдения правил («будь верен, скромн, привязан и благодарен до крайности»), но и считала необходимым приобщать их к государственным делам. Кроме того, фаворитизм являлся также каналом общения с «благородными» подданными и своеобразным «демократическим» способом приобщения к элите. «Частая смена фаворитов каждого льстила, видя, что не все были гении, почти все из мелкого дворянства и не получившие тщательного воспитания»,¹¹⁷ — так смотрели люди эпохи Екатерины II на «известную должность» или «место» в дворцовых покаях

со своим кабинетом и непрременным кругом обязанностей, по способностям каждого.

Способности, как известно, были различными. Григорий Орлов ходил на медведей и командовал кавалергардами; Петр Завадовский управлял Заемным банком и проводил школьную реформу; Александр Дмитриев-Мамонов сочинял пьесы, а Иван Римский-Корсаков играл на скрипке и, по компетентному мнению Екатерины II, был призван служить моделью для живописцев и скульпторов.

Идеальной фигурой фаворита-сотрудника стал Г.А.Потемкин — не только военный министр и генерал-губернатор Новороссии. Однако и титул последнего из фаворитов Екатерины, Платона Зубова, свидетельствует о широких и разнообразных обязанностях любимца: «Светлейший князь, генерал-фельдмаршал, над фортификациями генерал-директор, главноначальствующий флотом Черноморским и Азовским и Черноморским казачьим войском, генерал-адъютант, шеф кавалергардского корпуса, Екатеринославский, Вознесенский и Таврический генерал-губернатор, член Военной коллегии, почетный благодетель императорского воспитательного дома и почетный любитель Академии художеств».

Место «слова и дела» заняли более гибкие методы контроля над настроениями и намерениями элиты, хотя начальника Тайной экспедиции С.И.Шешковского императрица по-прежнему принимала во дворце. К концу царствования регулярным занятием Екатерины становится чтение перлюстрации иностранной и внутренней почты, не исключая корреспонденции самых высокопоставленных лиц, в том числе наследника.¹¹⁸ В столицах появились профессиональные информаторы, следившие за подозрительными, с точки зрения властей, фигурами. Их глаза и уши незримо присутствовали и во дворце.¹¹⁹

Принципиально иной стала «смена караула» в политических «верхах». Перечисленных в этой главе фактов вполне хватило бы для обвинения бывшего канцлера Бестужева в измене и последующей заслуженной ссылки. Но Екатерина демонстрировала обществу новую «технику» ротации кадров: отныне проигравших схватку за власть вельмож и вышедших из «случая» фаворитов впервые в русской политической истории XVIII в. (если не считать отставки в 1741 г. Миниха, которая все-таки не уберегла фельдмаршала от осуждения) стали «уходить» с почетом.

Таким «отставникам» (Бестужеву, Воронцову) императрица не только выплачивала известные суммы, но и покупала в казну их дома, чтобы помочь рассчитаться с долгами;¹²⁰ с пенсией в 60 тысяч рублей и дворцом в Батурине был отставлен от гетманства К.Г.Разумовский.

Отстранение от дел и даже опала теперь не означали безвозвратного крушения карьеры. К активной деятельности и высоким постам вернулись бывшие приближенные Петра III Д.В.Волков и А.П.Мельгунов и «проштрафившийся» сподвижник Екатерины по 28 июня К.Г.Разумовский; устранный из Сената А.И.Глебов впоследствии стал генерал-губернатором Белоруссии, а отставной фаворит П.В.Завадовский — крупным чиновником.

К концу первого десятилетия правления Екатерины сошли со сцены обе соперничавшие придворные группировки. Генерал-аншеф П.И.Па-

нин еще в 1770 г. вышел в отставку, а в 1773 г. и Н.И.Панин был освобожден от должности воспитателя наследника. На прощание он получил «звание первого класса в ранге фельдмаршала с жалованьем и столовыми деньгами», 7 тысяч душ, а также «сто тысяч рублей на заведение дома, серебряный сервиз в 50 тысяч рублей, 25 тысяч рублей ежегодной пенсии сверх получаемых им 5 тысяч рублей, ежегодное жалованье по 14 тысяч рублей, любой дом в Петербурге; провизии и вина на целый год, экипаж и ливреи придворные». Затем стало ограничиваться его влияние в сфере внешней политики: пост вице-канцлера в 1775 г. занял И.А.Остерман, а в 1780 г. в Коллегии иностранных дел появился А.А.Безбородко.¹²¹ Еще через несколько лет, когда Панин выступил против активной политики на юге и нового русско-австрийского союза, последовала полная отставка.

Одновременно происходил «закат» Орловых. В 1772 г. закончился «случай» Григория, а с окончанием войны в 1774—1775 гг. отправились в отставку Алексей с Федором. Вместе с ними потерял свой пост З.Г.Чернышев. Они уступили президентство в Военной коллегии, должность подполковника Преображенского полка и шефа кавалергардов новой фигуре — Г.А.Потемкину. У того, в свою очередь, появились новые противники в лице А.Р.Воронцова и П.В.Завадовского.¹²² Но перегруппировка в «верхах» теперь совершалась плавно, без резких потрясений и для самих участников, и для всего государственного механизма.

В уже цитированном разговоре, известном из дневника Храповицкого, Екатерина согласилась с мнением своего секретаря, что гвардия стала «не та, что была прежде»; с этим были согласны и иностранные дипломаты.¹²³ Как и ее предшественницы, императрица проверяла рапорты по полкам, следила за чинопроизводством и отбором достойных кандидатов на вступление в полки, вникала в судебные дела гвардейцев, внимательно наблюдала за их настроениями: «Что говорят о произведениях и награждениях?». Но при ней прекратилось обычное для предыдущей эпохи использование гвардейских солдат и офицеров в качестве чрезвычайных агентов правительства.

Изменился также способ комплектования полков и корпуса телохранителей-кавалергардов: основным источником их пополнения стал перевод из армии отличившихся солдат и унтер-офицеров. Екатерина была порой недовольна «шалостями» таких выскочек («всякой сброд набирают, а раньше служили одни дворяне») и вспоминала прежние полномочия майоров гвардии. И все же новый порядок стал правилом для комплектования гвардии и в XVIII, и в XIX веке. Приток служака-разночинцев неизбежно разрушал былую солидарность гвардейских рядов.¹²⁴

Изменилось не только гвардейское «солдатство», но и его начальники. В 1760—70-е гг. умерли (Ф.И.Ушаков, А.Б.Бутурлин) или ушли со своих постов (М.Н.Волконский, А.Г.Орлов, В.И.Суворов) подполковников и майоров гвардии те, кто обеспечил Екатерине поддержку в июне 1762 г. Вместе с ними ушло время слишком влиятельных гвардейских вельмож-командиров, подобных Меншикову или Миниху. Теперь «подполковничество» становилось почетным званием для генералитета (П.А.Румянцева, Н.В.Репнина, И.П.Салтыкова, К.Г.Разумовского, А.В.Суворова), не связанным с выполнением реальных командных функций.

Новое поколение гвардейских майоров составили преданные сторонники (А.Г.Орлов, А.И.Бибиков), переведенные из армии и прошедшие «школу» Семилетней и русско-турецкой войн служаки (И.И.Маслов, Ф.М.Толстой, И.И.Михельсон, Ю.В.Долгоруков, В.И.Левашов) или исполнительные «фрунтовики» (Т.П.Текутьев). Иные из них пользовались доверием императрицы и со временем выходили из гвардии на крупные административные посты, как Е.П.Кашкин (сибирский, а затем ярославский генерал-губернатор) или Т.П.Текутьев (смоленский губернатор); но никогда не играли самостоятельных ролей в политике.

Что же касается не входившего в элиту дворянства и чиновничества, то в 60-е гг. XVIII в. вырабатываются новые условия гражданской службы. Подготовленная к концу 1763 г. года реформа Сената совпала с введением новых штатов и твердых денежных окладов коронным служащим всех уровней государственной машины. Вместе с новыми штатами и окладами классные чиновники впервые получили в 1764 г. определенные гарантии своего существования по окончании службы — законное право на «пенсия» по выслуге 35 лет.

Упорядочивалось само продвижение по служебной лестнице. В 1764 г. было введено обязательное составление послужных списков чиновников; в 1765 г. законодательно были закреплены порядок принятия на службу «малолетних дворян» и их преимущество при получении чина «перед теми, кои не из дворян». Для последних (коллежских секретарей) впервые вводился 12-летний срок выслуги для произведения в следующий чин, тогда как для «благородных» в 1767 г. он был определен в 7 лет.¹²⁵ Губернаторам было разрешено обращаться не только в Сенат, но и лично к императрице; они, как и воеводы провинций, по указам 1764 и 1766 гг. получили право приобретать земли в подвластных губерниях и уездах, что было явным знаком доверия к дворянской администрации.¹²⁶

Пусть вначале «пенсии» на практике выплачивались весьма узкому кругу лиц, далеко не сразу удалось добиться присылки правильно оформленных послужных списков, а уж тем более обеспечить учреждения «достойными и честными людьми». Но все же новая власть уверенно брала курс на прямое государственное обеспечение служащих.¹²⁷ Названные меры должны были не только повысить эффективность работы государственного аппарата, но и усилить зависимость чиновников от центральной власти, а не от протекции «патрона». Одновременно власть пыталась навести порядок в деле раздачи милостей и ликвидировать (по крайней мере, ограничить) непрерывный поток обращений к ней помимо всех прочих инстанций. Сенатский указ 1765 г. впервые ввел особую шкалу наказаний за подачу «незаконных» челобитных императрице: служащим дворянам грозило за это лишение чинов, а нечиновным — даже сдача в солдаты.¹²⁸

Реформы 60-х гг. XVIII в. стали первым шагом на пути к достижению главной цели Екатерины. Исследователями она определяется как «компромисс между самодержавием и дворянством»¹²⁹ или, точнее, «сочетание идеи самодержавия с идеей сословности», поиск устойчивого «социального баланса», в рамках которого неограниченная власть монарха должна уравновешиваться не только привилегиями «главного члена» обще-

ства — дворянства, но и наличием сильного «третьего чина» при создании ограждающего их права законодательства.¹³⁰

В ходе реализации этой программы генеральное межевание, реформа местного управления 1775 г. и Жалованные грамоты дворянству и городам 1785 г. удовлетворили одно из главных требований дворянства.¹³¹ Были созданы выборные дворянские органы на местах (капитан-исправник и нижний земский суд, заседатели верхнего земского суда, дворянская опека), дворянское сословное самоуправление; вместе с ними появились первые общесословные городские организации и законы об охране собственности, чести и достоинства горожан.

«Возвращение» дворянства в провинцию в свете новой ситуации, созданной манифестом о «вольности дворянства» 1762 г., привело к перераспределению власти в рамках прежней государственной системы, т.е. к передаче полномочий центральных органов на места и, как следствие, ликвидации ряда коллегий. Но в то же время дворянские сословные органы интегрировались в систему управления, что препятствовало образованию какой бы то ни было оппозиции.¹³²

Такой путь позволил власти устранить излишнее напряжение в самой системе, созданное петровскими реформами: давление всех страт дворянского сословия на «верхи», где до того сосредотачивались и решались интересующие их вопросы. Усвоение уроков российского «переворотства», описанные выше меры по отношению к элите, гвардии и чиновничеству и, наконец, известная «демилитаризация управления и общества в целом»¹³³ обеспечили не имевшей никаких прав на престол Екатерине долгое и спокойное царствование. После целого ряда гвардейских «замешательств» первых лет правления мы не видим в 70–90-е гг. ни одной сколько-нибудь серьезной попытки овладеть престолом, несмотря на наличие недовольного законного претендента Павла.

Дополнительную устойчивость сложившейся системе отношений власти со своей социальной опорой придавал достигнутый уровень дворянского самосознания. Знать и гвардейское «шляхетство» 20–40-х гг. в массе своей не отличались серьезными политическими пристрастиями, что показали события 1730 г.; но зато они привыкли на практике участвовать в борьбе за власть — придворные Екатерины еще хорошо помнили «страх от бояр во время Елизаветы Петровны». Их дети привели к власти саму Екатерину; умелая политика императрицы обеспечила им широкое поле для деятельности: в победоносных войнах, службе в новых учреждениях; наконец — в развитии своих «дворянских гнезд». В этом смысле представляется неизбежным крушение «миролюбивой» внешней политики Панина и успех имперских проектов Потемкина — именно потому, что они соответствовали массовым настроениям дворянства.

Чувства этого поколения и достигнутые им в границах «просвещенной» монархии права выражал знаменитый певец «Фелицы», когда от имени царицы провозглашал:

*«Я вам даю свободу мыслить
И разуметь себя, ценить,
Не в рабстве, а в подданстве числится»*

*И в ноги мне челом не бить.
 Даю вам право без препоны
 Мне ваши нужды представлять,
 Читать и знать мои законы
 И в них ошибки замечать.
 Даю вам право собираться
 И в думах золото копить,
 Ко мне послами отправляться
 И не всегда меня хвалить».*

При Екатерине «свобода мыслить» в понимании императрицы в целом совпадала с духовными запросами ее подданных, и этим счастливым совпадением во многом объясняется политическая стабильность ее царствования. В системе ценностей дворянской элиты той эпохи авторитет самодержавной власти, культ великого и удачливого монарха был еще незыблем. Нарождавшиеся оппозиционные настроения (критика в адрес конкретных лиц и решений, недовольство придворным раболепием и фаворитизмом) высказывались только «на уровне индивидуального сознания и практически не проявились в реальных поступках, стиле поведения личности», тем более что царствующая особа обладала в глазах дворян своего рода «презумпцией невинности». ¹³⁴

Императрица, вероятно, это понимала и на опасения фаворита (Г.Г. Орлова), «не клонится ли сие к упадку империи,... отвечала, что из клеветы выпущенные телята скачут и прыгают, случатся и ногу сломят, но после перестанут, и таким образом все войдет в порядок». Она же в указанном выше разговоре о «страхе от бояр» уверенно полагала: «У всех ножей притуплены концы и колотье не могут». ¹³⁵

Екатерина была права: только последующее поколение «телят» dorосло до конституционных идей в начале следующего столетия. Однако и ей уже приходилось терпеть завуалированное осуждение узурпации престола. В вышедшей в 1766 г. «Истории государства Датского» как в тексте, так и в примечаниях переводчика Я.П. Козельского не только обличались царевбийство и совершившие его «мерзкие злодеи», но и содержались намеки на судьбу Петра III. ¹³⁶

Ситуацию в «государственной науке» — истории — Екатерина не без успеха пыталась контролировать. ¹³⁷ С литературой и театром было сложнее. Зрителям представлялись картины заговоров против жестоких монархов («Подложный Смердий» А.А.Ржевского, «Димитрий Самозванец» А.П.Сумарокова, «Борислав» М.М.Хераскова, «Рослав» П.А.Плавильщикова), которые заканчивались тем, что «народ поспешно выбегает на театр с обнаженными кинжалами, предшествуют ему начальники». Разумеется, речь шла о царях-тиранах, к которым императрица себя причислить не могла. Ей приходилось разрешать к постановке сюжеты, на которые предупредительно обращала внимание цензура — как трагедию Я.Б.Княжнина «Владимир и Ярополк», где некий придворный утверждал: если царь «исступит из границ своих священных прав, / Тогда вельможей долг вернуть его в пределы». ¹³⁸

Екатерина пыталась — в столь же художественной форме — предложить свою трактовку проблемы в трагедии «Игорь» (1786 г.), в которой ее

статс-секретарь справедливо усмотрел идею о необходимости «притупления ножей». Сочинение императрицы было посвящено судьбе киевского князя Игоря, окруженного завистливыми и корыстными советниками. «Все между собой в ссоре, в несогласии... Одни других мне обносят непрестанно», — жалуется князь, но все же попадает под влияние «ласкателей» и в результате отправляется в роковой поход на древлян. Они-то уже, по мысли автора, были готовы покориться и молили только об уменьшении наложенной на них дани; но подстрекаемый советниками князь боялся, что его сочтут слабым правителем. ¹³⁹ Такая интерпретация летописного сюжета как будто намекала на судьбу совсем другого, но столь же слабого и неразумного монарха; возможно, поэтому трагедия так и осталась неоконченной.

Стратегическая цель императрицы не была достигнута: за четверть века нельзя было создать просвещенное, богатое и послушное третье сословие — русский город оказался слишком слабым, чтобы представлять возможный противовес дворянству. Не собиралась императрица исключать из арсенала политики и «личное начало», т.е. опору на доверенных и облеченных огромными полномочиями лиц, подобных А.А.Вяземскому, Г.А.Потемкину или П.А.Зубову, чья деятельность и злоупотребления неизбежно порождали недовольство. Да и власть самой монархини, с точки зрения императрицы, могла быть ограничена исключительно моральными принципами, что делало гармонию взаимоотношений государя и подданных уязвимой.

Разрабатывавшиеся Екатериной в течение многих лет «фундаментальные» законы (о престолонаследии, «Наказ Сенату», «О узаконении вообще») так и не были утверждены; неудивительно, что историки скорее пессимистически оценивают саму возможность их реализации. ¹⁴⁰ «Трагическое противоречие» самодержавия, для которого в принципе не может быть ограничения, выразилось в процессе подготовки закона о престолонаследии, с отсутствием которого связаны все «дворские бури» XVIII столетия.

В течение своего царствования императрица несколько раз возвращалась к работе над этим документом. Сохранились, по крайней мере, три проекта закона, датируемые 1767–1768, 1785 и 1787 гг. ¹⁴¹ Во всех вариантах предусматривалось наследие по прямой нисходящей мужской линии, хотя не исключалось и «женское правление» при отсутствии наследников-мужчин. Существует версия о намерении Екатерины в соответствии с петровским законом о престолонаследии 1722 г. передать корону внуку Александру, минуя Павла, которому она должна была принадлежать по предполагаемому закону. ¹⁴² Работы последних лет доказывают несостоятельность этой версии и даже самого намерения лишить Павла престола. ¹⁴³ Тем не менее Екатерина так и не обнародовала закон, значение которого для судьбы династии вполне понимала.

Кажется, что проблема наследия все же вызывала у Екатерины какие-то колебания. В тексте «Наказа Сенату» 1787 г. появился и был тщательно «прописан» пункт об отрешении законного наследника в случае возможного «бунта» или «буде доказано, что при жизни и. в. стремился всходить на престол». Более того, Екатерина одобряла петровский закон 1722 г. об

отрешении «своего отродия» и даже считала возможным определение наследника (хотя и из числа «ближних по крови») Сенатом в случае, если это не было сделано царствующим императором при жизни. Эти пункты опирались на «узаконения» императриц Екатерины I и Елизаветы.¹⁴⁴

Но все же Екатерина так и не решилась ни обнародовать подготовленный закон, ни воспользоваться своим правом по указу 1722 г. Так в очередной раз (после Петра I и Елизаветы) в российской истории возникла неурегулированная коллизия отношений государя и взрослого наследника, решить которую Екатерина не смогла — или не считала это осуществимым.

К тому же императрица пережила многих своих талантливых слуг — Вяземского, Потемкина, Паниных, Г. Орлова. Эта «старая гвардия» еще могла бы обеспечить переход престола к Александру; но ее последняя опора — Платон Зубов и его клан — на это не были способны.

По иронии судьбы Павел сделал то, что не смогла довести до конца его мать: утвердил закон о престолонаследии 1797 г., подготовленный им как семейный договор еще в 1788 г.¹⁴⁵ Но он нарушил неписанный и куда более важный порядок — тот самый созданный в правление Екатерины «социальный баланс». Этот курс вызвал к жизни новую переворотную ситуацию и в итоге стоил Павлу жизни. Павловское царствование не является предметом настоящего исследования. Однако нам представляется важным отметить, что механизм российского «переворотства» не исчез вместе с «эпохой дворцовых переворотов»: он «перешел» в следующее столетие и даже — в скрытом виде — сохранялся как потенция до самого конца существования монархии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ 28 июня 1762 г. в Санкт-Петербурге // РС. 1883. № 3. С. 681–684.
- ² См.: РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. № 473. Л. 8–11; РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. № 503. Л. 10–16.
- ³ См.: РГВИА. Ф. 53. Оп. 1. № 3. Л. 2, 9, 23.
- ⁴ См.: *Панчулидзева С. А.* История кавалергардов. 1724–1799–1899. По случаю столетнего юбилея Кавалергардского ее величества полка. СПб., 1899. Т. 1. С. 42, 52, 56, 62, 73, 77; РГВИА. Ф. 33. Оп. 1. № 67. Л. 2–3 и далее.
- ⁵ Цит. по: *Бильбасов В. А.* Исторические монографии. СПб., 1901. Т. 3. С. 171.
- ⁶ См.: *Брикнер А. Г.* Первые годы царствования Екатерины II (по депешам голландского резидента Мейнерцгагена) // ИВ. 1884. № 10. С. 11; Сб. РИО. Т. 140. С. 25.
- ⁷ См.: РГВИА. Ф. 53. Оп. 1. № 3. Л. 106 об.
- ⁸ Выплаты по «командам» см.: РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. № 52818. Л. 1–65. Итоговый подсчет сделан нами по ведомостям Кабинета (см.: Там же. Ф. 14. Оп. 1. № 31. Ч. 2. Л. 2).
- ⁹ См.: Там же. Ч. 3. Л. 195 об.
- ¹⁰ См.: АВПРИ. Ф. 6. Оп. 62. № 1. Л. 156 об.). По неизвестным причинам эта депеша не вошла в издание РИО (см.: Сб. РИО. Т. 12).
- ¹¹ См.: РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. № 31. Ч. 1. Л. 66.
- ¹² См.: Там же. Ч. 1. Л. 97; Ч. 2. Л. 13 об.
- ¹³ Так, например, измайловский капитан А. Рославлев получил в январе-феврале 1763 г. 1300 рублей на 26 человек, а один только преображенский сержант Толстой удостоился награды в 1500 рублей (см.: Там же. Ч. 1. Л. 94).
- ¹⁴ Опубликованный РИО список раздат (см.: Сб. РИО. Т. 7. С. 115–118) доведен только до 16 ноября 1762 г. Мы использовали более полный перечень (см.: РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. № 31. Ч. 1. Л. 65–94; Ч. 2. Л. 6–19). См. также описи именных указов Екатерины II по Кабинету: Там же. Ф. 16. Оп. 1. № 7. Ч. 1. Л. 1–3. Указанные архивные материалы существенно дополняют подсчеты по «оценке услуг» заговорщиков В. А. Бильбасова (см.: *Бильбасов В. А.* История Екатерины II. Берлин, 1900. Т. 2. Приложение. С. 504–522.)
- ¹⁵ См.: РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. № 30716. Л. 1–12; № 33172. Л. 2–27.
- ¹⁶ См.: Там же. Ф. 14. Оп. 1. № 31. Ч. 1. Л. 104, 108, 110 об., 117 об.
- ¹⁷ Подсчитано нами по: Там же. Л. 125–146.

¹⁸ См.: Там же. Л. 141, 149 об., 151 об., 163, 193.

¹⁹ См.: Там же. Ф. 10. Оп. 1. № 517. Л. 1 и далее.

²⁰ См.: Сб. РИО. Т. 46. С. 663–665.

²¹ В ведомостях Кабинета за первые месяцы 1763 г. есть записи о переводе в январе 50 тысяч «иностранных червонных на известное отправление» (что составляло 125 тысяч рублей); затем в апреле было «в известное место секретно отправлено из комнатных червонных» и по векселям еще на общую сумму в 73 950 рублей (см.: РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. № 31. Ч. 1. Л. 97, 108). Ведомости за май–ноябрь 1763 и за весь 1764 г., как указывалось, отсутствуют.

²² Можно, пожалуй, поставить вопрос: насколько «дворские бури» сказывались на внешней торговле и валютном курсе. Не случайно молодой посол А. Р. Воронцов отмечал в письме из Лондона к дяде-канцлеру, как «акции унизились до 3 % на сто» по получении известия о свержении Петра III (см.: РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. № 25. Л. 555 об.).

²³ См.: *Голомбевский А. А.* А. Г. Орлов-Чесменский // РА. 1904. № 8. С. 504–505, 512.

²⁴ Братья Орловыми сразу были пожалованы за участие в перевороте 2 929 душ (вместо полагавшихся им по «норме» 2400); затем Григорий и Алексей в несколько приемов получили еще ряд имений и в итоге, после состоявшегося по их прошению обмена («перемены деревень» с дворцовым ведомством в 1768 г.) стали владельцами 9571 души (см.: РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. № 845. Л. 21–22, 54, 55).

²⁵ См.: *Александров Г.* Екатерининские пособники-солдаты // РА. 1880. № 5. С. 148. Екатерина высказала опасение, что предложенное в особом докладе воинской комиссии в декабре 1762 г. повышение солдатского жалования до 9–10 рублей может стать поводом к «непорядкам и пьянству» (см.: РГВИА. Ф. 2. Оп. 15. № 10. Л. 7–7 об.).

²⁶ См.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. № 2068. Л. 3, 7, 13 об.

²⁷ См.: Там же. № 2075. Л. 2 об.

²⁸ См.: Там же. № 2070. Л. 3.

²⁹ Там же. № 2128. Л. 3–4.

³⁰ Там же. № 2164. Л. 2.

³¹ Там же. № 2061. Л. 3; № 2092. Л. 4 об.-5; № 2047. Ч. 1. Л. 168 об.

³² См.: Там же. № 2065. Л. 48–48 об.

³³ См.: Там же. № 2047. Ч. 1. Л. 167 об. О первом и последующих самозванцах см.: *Сивков К. В.* Самозванцы в России в последней трети XVIII в. // ИЗ. 1950. Т. 31. С. 97.

³⁴ См.: *Бильбасов В. А.* История Екатерины II. Т. 2. С. 282, 287.

³⁵ См.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. № 2080. Л. 4, 17.

³⁶ См.: Там же. № 2131. Л. 31.

³⁷ См.: Там же. № 2126. Л. 7 об. и далее.

³⁸ Там же. № 2097. Л. 3, 5 об., 8. См. также: *Джинчарадзе В. З.* Из истории Тайной экспедиции при Сенате (1762–1801 гг.) // Уч. зап. Новгородского педагогического ун-та. Новгород, 1957. Т. 1, вып. 1. С. 96.

³⁹ См.: *Каратыгин П.* Язык мой — враг мой // ИВ. 1897. № 9. С. 786.

⁴⁰ См.: РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 351. Л. 39–41. Гвардейцы занимались не только «политикой». В сентябре того же 1763 г. военный суд рассматривал дело семеновского солдата Ивана Паутова, который прямо на карауле в новом Летнем дворце украл из кабинета императрицы денежный мешок с тысячей рублей, за что был повешен (см.: РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. № 626. Л. 73–74, 124).

⁴¹ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. № 2098. Л. 1; № 2103. Л. 2, 5.

⁴² Только из одного Преображенского полка в 1763 г. было исключено за «продерзости» 17 солдат (см.: Там же. Ф. 20. Оп. 1. № 21. Ч. 2. Л. 75).

⁴³ Цит. по: *Голомбевский А. А.* Князь Г. Г. Орлов // РА. 1904. № 7. С. 385–386.

⁴⁴ См.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. № 2047. Ч. 1. Л. 169–169 об.; № 2168. Л. 1.

⁴⁵ См.: Там же. № 2047. Ч. 1. Л. 167 об., 170.

⁴⁶ См.: Там же. № 2043. Ч. 3. Л. 27, 39–39 об. О ходивших по столице слухах насчет грядущих беспорядков писал и английский посол Бэкингейм (см.: *Соколов А. Б.* Английский дипломат о политике и дворе Екатерины II // ВИ. 1999. № 4–5. С. 127).

⁴⁷ См.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. № 2152. Л. 2; № 2156. Л. 1.

⁴⁸ См.: Там же. № 2152. Л. 4, 8–8 об., 23, 28–29. Подлинник записки Екатерины II см.: Там же. № 2043. Ч. 3. Л. 49–49 об. За «необузданные свои мысли» Хвостов был сослан в имение, и был освобожден от ссылки только в 1798 г.

⁴⁹ Там же. № 2169. Л. 1–1 об.

⁵⁰ См.: Там же. № 2166. Л. 1–2 об., 12–12 об.

⁵¹ Там же. Ф. 6. Оп. 1. № 407. Л. 25 об.; № 569. Л. 47.

⁵² См.: Дворцовые перевороты в России 1725–1825. Ростов н/Д., 1998. С. 440, 444.

⁵³ См.: Там же. С. 422–423.

⁵⁴ См.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. № 2153. Л. 4; № 2043. Ч. 3. Л. 66.

⁵⁵ См.: Сб. РИО. Т. 7. С. 366.

⁵⁶ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. № 2047. Ч. 1. Л. 217 об.

⁵⁷ Там же. Л. 174 об.

- ⁵⁸ Там же. № 2188. Л.1,4.
- ⁵⁹ Жена преображенского капитана Петра Митусова узнала от кормилицы Павла, что Никиту Ивановича Панина «отрешают», и испугалась, «не зделают как с батюшкою» злодеи Орловы — ведь «Ивана Антоновича оне ж ухотили» (см.: РГАДА. Ф.7. Оп.2. № 2174. Л.3). Полковой семе-новский священник Петр Якубовский загулял с «подлыми бабами» на проезжем тракте, а затем донес на явщиков, якобы знавших, что семеновские солдаты намерены произвести «перемуну в правлении» и женить «справедного наследника» на сестре Ивана Антоновича принцессе Елизавете (см.: РГАДА. Ф.7. Оп.2. № 2298. Л.3).
- ⁶⁰ См.: Барсуков А.П. Рассказы из русской истории XVIII в. СПб., 1885. С.198-199,211,218-220.
- ⁶¹ РГАДА. Ф.6. Оп.1. № 407. Л.4-5,6 об.,25 об.,159 об.
- ⁶² Там же. Л.5 об.-6.
- ⁶³ См.: Там же. Ф.7. Оп.2. № 2323. Л.5-6 об.
- ⁶⁴ См.: Там же. Ф.6. Оп.1. № 411. Л.7,22,124,126,220-221.
- ⁶⁵ Там же. Ф.7. Оп.2. № 2043. Ч.11. Л.40-41.
- ⁶⁶ Там же. Л.39,44.
- ⁶⁷ См.: *Le Donne J. Ruling Families in the Russian Political Order, 1689-1725 // Cahiers du monde russe et sovietique. 1987. Vol.28. № 3-4. P.301-303.*
- ⁶⁸ При этом «выжидали» своего часа и стояли особняком братья З.Г. и П.Г.Чернышевы, вице-канцлер А.М.Голицын и его двоюродный брат генерал А.М.Голицын (см.: *Ransel D. The Politics of Catherinian Russia: The Panin Party. New-Haven, 1975. P.108-114.*)
- ⁶⁹ См.: *Лопатин В.С.* Екатерина II и Г.А.Потемкин. Личная переписка, 1769-1791. М., 1997. С.504; *Рознер И.Г.* Придворные круги накануне и во время крестьянской войны 1773-1775 гг. // ВИ. 1974. № 4. С.105.
- ⁷⁰ См.: РГАДА. Ф.11. Оп.1. № 660. Л.2-3,7-8; № 992. Л.86-96.
- ⁷¹ См.: АВПРИ. Ф.13. Оп.13/2. № 101. Л.7-9; РГАДА. Ф.11. Оп.1. № 250. Л.2-7.
- ⁷² И.И.Неплюев предлагал оставаться «нейтральными и индифферентными»; А.П.Бестужев-Рюмин, М.И.Воронцов и М.Н.Волконский призывали вновь заключить союз с Австрией; но бывший канцлер желал «переделать» русско-прусский мирный договор, а его преемник и генерал полагали, что «худой мир надобен» и изменить его уже не удастся (мнения И.И.Неплюева и М.Н.Волконского см.: РГАДА. Ф.168. Оп.1. № 7. Л.4-5 об.; № 8. Л.2,8-9. Ответы А.П.Бестужева-Рюмина и М.И.Воронцова опубликованы: АКВ. Кн.25. С.334-339,392-399).
- ⁷³ См.: Сб. РИО. Т.46. С.94,346,480.
- ⁷⁴ См.: Там же. Т.22. С.15-16,18. Фридрих II оценил намек: в феврале 1763 г. в письме к русской императрице он обещал поддержать российского претендента на предстоявших выборах в Польше. Он же помог утверждению в Курляндии «русского» герцога Бирона в противовес кандидатуре саксонского принца.
- ⁷⁵ См.: Там же. Т.22. С.99; Т.46. С.510,577-578.
- ⁷⁶ См.: Там же. Т.12. С.85,89.
- ⁷⁷ См.: Там же. Т.46. С.183,480.
- ⁷⁸ См.: Там же. Т.22. С.238; *Соловьев С.М.* Соч. В 18-ти кн. М., 1994. Кн.ХIII. С.246.
- ⁷⁹ См.: *Порошин С.А.* Записки, служащие к истории его императорского высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича. СПб., 1881. С.264; Сб. РИО. Т.22. С.488; Т.46. С.189,636. Неотесанность и отсутствие вкуса у фаворита, его пристрастие к охоте и развлечениям «в кофейнях, тавернах и за билльярдом» отмечал английский посол Д.Бэкинтем (см.: *Соколов А.Б.* Указ. соч. С.119).
- ⁸⁰ См.: Сборник биографий кавалергардов. СПб., 1904. Т.2. С.24; *Голомбиевский А.А.* Князь Г.Г.Орлов. С.386. Комиссар Придворной канторы Антон Вальтер позволил себе «в лоб» пообещать ему за содействие какую-то «серебряную позолоченную вещь»; тут уж Григорий не выдержал и официально обратился в Сенат с жалобой на наглого чиновника (см.: Сенатский архив. СПб., 1908. Т.14. С.163).
- ⁸¹ См.: Сб. РИО. Т.46. С.721.
- ⁸² См.: *Мадариага И., де* Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С.91-92.
- ⁸³ Эта инициатива в свое время трактовалась как «доктринерство», да и сейчас порой оценивается как неудача (См.: *Ключевский В.О.* Соч. В 9-ти т. М., 1989. Т.5. С.39; *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1883. Т.6. С.39; *Ransel D. Op. cit. P.136.*) Другие исследователи видят в ней относительно успешную попытку «решения непосредственных задач» российской внешней политики по отношению к Польше, Швеции и Турции (см.: *Миронова Е.М.* Складывание «Северной системы» Н.И.Панина (60-е гг. XVIII в.) // *Вестник Московского ун-та. Сер.8 «История».* 1989. № 6. С.47-48). «Северная система» воспринимается и как «первый перспективный план русской внешней политики» с целью создания блока держав, в котором Россия играла бы руководящую роль (см.: *Гаврюшкин А.В.* Граф Никита Панин: Из истории русской дипломатии XVIII в. М., 1989. С.76-77; *Герасимова Г.И.* «Северный аккорд» графа Панина. Проект и реальность // *Российская дипломатия в портретах.* М., 1992. С.77-78).
- ⁸⁴ См.: *Ransel D. Op. cit. P.123,133.*

- ⁸⁵ См.: *Бильбасов В.А.* История Екатерины II. Т.2. С.149-150; История СССР с древнейших времен до конца XVIII в. /Под ред. С.А.Рыбакова. М., 1983. С.326.
- ⁸⁶ См.: *Лопатин В.С.* Указ. соч. Б.55; *Павленко Н.И.* Екатерина Великая // Родина. 1996. № 2. С.52.
- ⁸⁷ См.: *Ключевский В.О.* Соч. Т.5. С.64,396; *Чечулин Н.Д.* Проект Императорского совета в первый год царствования Екатерины II // ЖМНП. 1894. № 3. С.72,74,77; *Очерки русской культуры XVIII в. М., 1987. Ч.2. С.93; Гаврюшкин А.В.* Указ. соч. С.39; *Власть и реформы: от самодержавной к советской России.* СПб., 1996. С.165; *Плотников А.Б.* Н.И.Панин и его проект создания Императорского совета // *Сподвижники великой Екатерины.* М., 1997. С.86.
- ⁸⁸ См.: Сб. РИО. Т.7. С.203-214.
- ⁸⁹ См.: *Мадариага И., де* Указ. соч. С.82. Характерны колебания автора при определении политической позиции Панина (см.: Там же. С.81).
- ⁹⁰ См.: Там же. С.83. Ср.: Сб. РИО. Т.140. С.151.
- ⁹¹ Цит. по: *Порошин С.А.* Указ. соч. С.506,338.
- ⁹² См.: *Лавров А.С.* Регентство царевны Софьи Алексеевны: Служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682-1689 гг. М., 1999. С.75; *Сафонов М.М.* Завещание Екатерины II. СПб., 2000. С.31-32,36.
- ⁹³ См.: *Чечулин Н.Д.* Проект Императорского совета в первый год царствования Екатерины II. С.79; *Омельченко О.А.* «Законная монархия» Екатерины II: просвещенный абсолютизм в России. М., 1993. С.242; *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII в.: опыт целостного анализа. М., 1999. С.381-382.
- ⁹⁴ См.: *Тимошук В.В.* Донесения французских посланников при дворе Екатерины II // РС. 1913. № 1. С.199.
- ⁹⁵ См.: РГАДА. Ф.5. Оп.1. № 90. Л.3-15.
- ⁹⁶ См.: *Рознер И.Г.* Указ. соч. С.107; *Фонвизин М.А.* Сочинения и письма. Иркутск, 1982. Т.2. С.123; *Эйдельман Н.Я.* Где секретная конституция Фонвизина-Панина? // *Эйдельман Н.Я.* Из политической истории России XVIII-XIX вв. М., 1993. С.217-218; *Плотников А.Б.* Политические проекты Н.И.Панина. Автореферат дисс. канд. ист. наук. М., 1997. С.7.
- ⁹⁷ См.: *Чечулин Н.Д.* Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. СПб., 1896. С.89; *Шильдер Н.К.* Император Павел I. СПб., 1901. С.539; *Лопатин В.С.* Указ. соч. С.660; *Сафонов М.М.* Завещание Екатерины II. С.73. Прусский посол Евстафий фон Герц и сардинский посланник маркиз де Парелло были убеждены в «вопиющей неблагоприятности» Бакунина, но связывали ее с переходом чиновника на сторону противников Панина в последние годы его деятельности (см.: *Лейхтенбергский Г.* Из записок о России графа фон Герца, прусского посланника при дворе Екатерины II // *Вестник общества ревнителей истории.* Пг., 1914. Вып.1. С.18; *Отзыв итальянца о главных правительственных лицах во вторую половину екатерининского царствования // РА. 1875. № 6. С.123-124.*)
- ⁹⁸ Цит. по: Дидро и Екатерина II. СПб., 1902. С.50.
- ⁹⁹ См.: *Сафонов М.М.* Завещание Екатерины II. С.34,73. Примером является «дело» голштинского дипломата на русской службе Каспара Сальдерна. В 1772-1773 гг. Сальдерн каким-то образом получил от Павла разрешение действовать, чтобы добиться предоставления наследнику соправительства, и стал собирать свою «партию». Сам наследник, а затем и Панин рассказали о его деятельности Екатерине; Сальдерн был изгнан с русской службы (см.: РБС. СПб., 1904. Т. Сабанеев — Смыслов. С.123; *Чечулин Н.Д.* Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. С.79; *Шумигорский Е.С.* Император Павел I: жизнь и царствование. СПб., 1907. С.28; *Гаврюшкин А.В.* Указ. соч. С.153-155; *Сафонов М.М.* Завещание Екатерины II. С.61-63).
- ¹⁰⁰ *Лейхтенбергский Г.* Указ. соч. С.9-10.
- ¹⁰¹ Имеются в виду «Рассуждения вечера 28 марта 1783 г.», «прибавления» к нему П.И.Панина 1784 г., записки самого Павла. О названных документах и их содержании см.: *Шумигорский Е.С.* Указ. соч. Приложение; *Сафонов М.М.* Конституционный проект Н.И.Панина — Д.И.Фонвизина // *Вспомогательные исторические дисциплины.* Л., 1974. Вып.6. С.262-280; *Плотников А.Б.* Проекты реформы высших государственных учреждений России в 80-е гг. XVIII в. (Екатерина II, Н.И. и П.И.Панины, Павел Петрович // *Российская государственность: опыт и перспективы изучения.* Чтения памяти Т.П.Коржихиной. М., 1995. С.25.
- ¹⁰² См.: *Плотников А.Б.* Проекты реформы высших государственных учреждений России в 80-е гг. XVIII в. С.25-26; Сб. РИО. Т.90. С.1-4.
- ¹⁰³ См.: *Сафонов М.М.* Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988. С.159-161,241. Сенат как «верховное совещательное собрание и место главного надзора над всеми отраслями управления» с правом издания указов и контроля за министрами отставил также С.Р.Воронцов в споре с министром внутренних дел В.П.Кочубеем в 1803 г. (см.: *Воронцов С.Р.* О внутреннем управлении в России // РА. 1881. № 3. С.156-158).
- ¹⁰⁴ См.: *Сафонов М.М.* О так называемых ранних записках М.М.Сперанского // *Вспомогательные исторические дисциплины.* МЛ., 1991. Вып.22. С.112-115.
- ¹⁰⁵ Солдат Николай Шляпников представлялся ушедшим «в народ» императором своей любимице-казачке, намереваясь ее ограбить. Сын пономаря Григорий Зайцев в стиле Хлестакова развезжал

по украинским местечкам, требовал себе лошадей, квартир и угощения, рассказывая при этом крестьянам, как он «с государем обедал» и был послан от него «проведывать о подушном окладе» (см.: *Сивков К.В.* Указ. соч. С.127-131; РГАДА. Ф.6. Оп.1. № 541. Л.3 об., 9; № 542. Л.72-72а).

¹⁰⁶ См.: *Омельченко О.А.* Указ. соч. С.241-242; *Мадарица И., де* Указ. соч. С.85.

¹⁰⁷ Даже в фундаментальной «Истории Правительствующего Сената» этот вопрос подробно не освещался: отмечено лишь увольнение нескольких лиц в первые годы после переворота и указано общее количество – 125 сенаторов за все екатерининское царствование (см.: *История Правительствующего Сената за 200 лет, 1711-1911.* СПб., 1911. Т.2. С.426-429).

¹⁰⁸ Источниками нам послужили протоколы Сената (см.: РГАДА. Ф.248. Оп.41. № 3364,3431,3504) и публикации: (см.: Сенатский архив. СПб., 1907-1913. Т.12-15; «Список находящихся у статских дел господам сенаторам, обер-прокурорам и всем присутствующим в коллегиях, канцеляриях, конторах, губерниях, провинциях и городах» на 1766-1769 гг.).

¹⁰⁹ См.: РГАДА. Ф.16. Оп.1. № 239. Л.1 об.; Ф.370. Оп.1. № 23. Л.2-23 об.

¹¹⁰ Об отставках см.: *Волконская Е.Г.* Род князей Волконских. СПб., 1900. С.693-695; РБС. СПб., 1914. Т.Лабзина – Ляшенко. С.650; Сенатский архив. 1909. Т.13. С.478.

¹¹¹ Подсчитано нами по: Список военным генералам со времени императора Петра I до императрицы Екатерины II. СПб., 1809. С.111-127.

¹¹² См.: Материалы для истории русского флота. СПб., 1886. Т.11; Общий морской список. СПб., 1885. Ч.1. С.224,209,245,170-171; РБС. СПб., 1897. Т.Ибак – Ключарев. С.587; Т.Плавильщиков – Примо. С.488; Т.Суворова – Ткачев. С.276.

¹¹³ Документы Кабинета показывают, что императрица внимательно следила за расстановкой сенаторов по департаментам (см.: *Цветаев Д.В.* Собственноручные указы и письма императрицы Екатерины Великой // Журнал министерства юстиции. 1915. № 10. С.190-191).

¹¹⁴ См.: Сенатский архив. 1910. Т.14. С.198-203.

¹¹⁵ Империя после Петра, 1725-1765 / Я.Шаховской. В.Нащокин. И.Неплюев. М., 1998. С.448.

¹¹⁶ Цит. по *Храповицкий А.В.* Памятные записки. М., 1990. С.47.

¹¹⁷ Цит. по: Итоги XVIII века в России. М., 1910. С.33-34.

¹¹⁸ О регулярных докладах о перлюстрации см.: *Храповицкий А.В.* Указ. соч. С.24,28,48,53,61,64, 78,81,83,85,92,97,100,102,107-108 и далее.

¹¹⁹ Француз-волонтер граф Рожер де Дама весной 1789 г. в пустом зале Зимнего дворца, наблюдая из окна за маршем отправляющихся на фронт гвардейских частей, произнес: «Если бы шведский король увидел это войско, он заключил бы мир». Через два дня граф был удивлен, когда Екатерина напомнила ему эту фразу. Он не знал, что императрица видела в нем шпиона и не желала по этой причине даже определять молодого француза в гвардию (см.: Записки графа Рожера де Дама // Старина и новизна. СПб., 1914. Кн.18. С.80-81; *Храповицкий А.В.* Указ. соч. С.185).

¹²⁰ См.: Сенатский архив. 1907. Т.12. С.541; Т.13. С.469. Екатерина приказала выдать Бестужеву жалование за все время «нечестия» (66 тысяч рублей), которое тут же было зачтено в качестве уплаты его долгов казне. Но за проданные дома он получил на руки почти 123 тысяч рублей (см.: РГАДА. Ф.248. Оп.41. № 3504. Л.308-308 об.).

¹²¹ См.: Очерк истории Министерства иностранных дел. СПб., 1902. С.54.

¹²² См.: *Лопатин В.С.* Указ. соч. С.529.

¹²³ Отзыв английского поверенного в делах Г.Ширли в 1768 г.: «Гвардия совсем не та, что была несколько лет тому назад» (Сб. РИО. Т.12. С.337).

¹²⁴ Ежедневно подаваемые Екатерине рапорты по полкам см.: РГАДА. Ф.20. Оп.1. № 21. Ч.3-4. О наборе кавалергардов из офицеров армейских полков и даже «из голштинской службы» см.: РГВИА. Ф.33. Оп.1. № 140. Л.1-10. О контроле над гвардией см.: *Храповицкий А.В.* Указ. соч. С.104,151,185,189,190,257. О новом порядке комплектования гвардии см.: *Карцов А.П.* История лейб-гвардии Семеновского полка. СПб., 1854. Т.2. С.6.; *Смирнов Ю.Н.* Русская гвардия в XVIII в. Куйбышев, 1989. С.43.

¹²⁵ См.: *Архипова Т.Г., Румянцева М.Ф., Сенин А.С.* История государственной службы в России XVIII-XIX вв. М., 1999. С.24-25,42-43,61-63; ПСЗ. Т.XVI. № 11989, 12030, 12175; Т.XVII. № 12465; Т.XVIII. № 12973.

¹²⁶ Последний пункт Екатерина лично вписала в соответствующую инструкцию генерал-прокурору А.А.Вяземскому (см.: *Цветаев Д.В.* Указ. соч. С.156).

¹²⁷ В 1762 г. сенаторы посчитали: на 18 194 служащих по новым штатам потребуется 1402258 рублей – по сравнению с 198351 рублем, расходовавшимися прежде по ведомостям Штатс-конторы (см.: РГАДА. Ф.248. Оп.41. № 3021. Л.609 об.). Последняя сумма явно занижена: это только расходы на центральный аппарат (см.: *Куломзин А.И.* Государственные расходы в России XVIII столетия // ВЕ. 1869. № 5. С.344.). По расчетам Ю.В.Готье, содержание местных органов власти обходилось до реформы в 135-140 тысяч рублей, а после реформы – в 540 тысяч рублей (см.: *Готье Ю.В.* История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М., 1913. Т.1. С.235; Т.2. С.300). В итоге общая стоимость государственного аппарата по штатам 1763 г. составила 1203329 рублей (см.: *Троцкий С.М.* Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1966. С.231).

¹²⁸ См.: ПСЗ. Т.XVII. № 12316. Мера эта рассматривалась раньше как безусловно классовая и касавшаяся прежде всего крестьян (см.: *Белявский М.Т.* Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е.И.Пугачева (формирование антикрепостнической мысли). М., 1965. С.42).

¹²⁹ См.: *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начала XX в.). М., 1999. Т.2. С.136-137.

¹³⁰ См.: Власть и реформы. С.168; *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I. С.429-430.

¹³¹ См.: *Никонова В.М.* Требования дворян и проект «Прав благородных» в Уложенной комиссии 1767 г. Автореферат дисс. канд. ист. наук. М., 1990. С.12; *Мигунова Т.Л.* Российское общество накануне реформ Екатерины Великой. М., 2002. С.35,57. Ю.В.Готье обратил внимание, что в 1730 г. предложение о выборности воевод содержалось только в одном из дворянских проектов; впоследствии оно «возродилось» в проекте Уложения 1754 г. в одном из проектов П.И.Шувалова и проекте кн. Я.П.Шаховского 1762 г. (см.: *Готье Ю.В.* Указ. соч. Т.2. С.120,137,147,171-172).

¹³² См.: Власть и реформы. С.180; *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I. С.430; *Павлова-Сильванская М.П.* Социальная сущность областной реформы Екатерины II // Абсолютизм в России (XVII-XVIII вв.). М., 1964. С.467-469.

¹³³ *Мадарица И., де* Указ. соч. С.932.

¹³⁴ См.: *Марасинова Е.Н.* Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII в. М., 1999. С.143-144,238.

¹³⁵ Цит. по: *Храповицкий А.В.* Указ. соч. С.135,12. «Боярами» Екатерина и ее статс-секретарь называли сенаторов (см.: Там же. С.167).

¹³⁶ Комментарий на смерть датского короля Вальдемара по вине врачей призывали беречься от таких лекарств, которые могут «и у самого прездорового человека желудочную его машину расстроить» (см.: *Розенфельдт Н.Э.* «История государства Датского» Людвиг Хольберга как орудие критики русского общества // Россия и Дания – 500 лет. М., 1996. С.179-185).

¹³⁷ См.: *Курукин И.В.* «Знать историю, а паче своего Отечества» // Родина. 1999. № 3. С.10-14.

¹³⁸ См.: *Бочкарев В.А.* Русская историческая драматургия XVII-XVIII вв. М., 1988. С.129,173,207; *Дризен Н.В.* Материалы к истории русского театра. М., 1913. С.103-105.

¹³⁹ См.: *Екатерина II.* Соч. В 12-ти т. СПб., 1901. Т.3. С.409-410, 432.

¹⁴⁰ В 1983 г. О.А.Омельченко полагал, что «Свод государственных установлений» Екатерины II не был введен «в силу чисто случайных обстоятельств» (см.: *Омельченко О.А.* К проблеме правовых форм российской абсолютной монархии второй половины XVIII в. // Проблемы истории абсолютизма. М., 1983. С.25). В последующей работе автор уже считал причиной этого «трагическое противоречие»: императрица не могла нарушить «всеобъемлющие полномочия монарха» в связи с проблемой престолонаследия (см.: *он же.* «Законная монархия» Екатерины II: просвещенный абсолютизм в России. М., 1993. С.361). А.Б.Каменский, с одной стороны, видит в законодательстве Екатерины факт «исторической альтернативы», но в то же время не уверен, «было ли вообще возможно введение разработанных Екатериной проектов» (*Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I. С.460).

¹⁴¹ О законопроектах по вопросу престолонаследия см.: Там же. С.415,454-456. Екатерина напряженно размышляла над проблемой престолонаследия, о чем свидетельствуют ее заметки (при изучении трудов английского юриста Блэкстона) о переходе короны к «полукровке» (см.: *Кологривов С.* Новонайденный труд Екатерины Великой // РА. 1908. № 6. С.172).

¹⁴² О судьбе так называемого «завещания» Екатерины см.: *Каменский А.Б.* «Под сению Екатерины...»: вторая половина XVIII века. СПб., 1992. С.419-426.

¹⁴³ См.: *Сафонов М.М.* Завещание Екатерины II. С.259-260.

¹⁴⁴ См.: *Шильдер Н.К.* Император Александр I, его жизнь и царствование. СПб., 1904. Т.1. С.101; *Омельченко О.А.* К проблеме правовых форм российской абсолютной монархии второй половины XVIII в. С.51-52. Как раз в августе 1787 г. Екатерина изучала «Правду воли монаршей» Феофана Прокоповича и приказала подобрать ей «указы о наследниках, к престолу назначенных со времен Екатерины I» (см.: *Храповицкий А.В.* Указ. соч. С.37-38.).

¹⁴⁵ См.: *Семевский М.И.* Материалы к русской истории второй половины XVIII в. // ВЕ. 1867. № 3. С.305-323.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Переворот на мировом фоне

Российский вариант неограниченной монархии в силу исторических условий по ряду параметров (преобладание государственной собственности и публично-правовой власти над частным землевладением и частно-правовыми началами, деспотическая власть государя, консервация общинных институтов и «служилого» землевладения, наличие «варварской» периферии) оказался ближе к «восточному» типу государственности.¹ Но подобная модель развития (особенно в условиях кризиса) была предрасположена к острым политическим конфликтам на самом «верху» как в силу «приоритета власти» над собственностью и прочими гражданскими институтами, так и по причине наличия многих легитимных претендентов на высшую власть, вследствие многоженства монархов.²

Мусульманские законоведы XI–XV вв. установили в качестве правовых основ преемственности престола как выборность и завещание действующего правителя, так и захват верховной власти.³ В Османской империи воплощение этих норм привело к фактическому узаконению в XV столетии братоубийства, что, однако, не гарантировало правившему султану сохранения власти. Незавершенность централизации в рамках огромной многоэтничной державы с конца XVII века привела к изменению соотношения сил между центром и периферией, где стали закрепляться династии влиятельных пашей; в столице же обозначились три центра власти: султанский двор, высшая бюрократия и ведомство муфтия. Султанам не всегда удавалось сохранять баланс между этими центрами, особенно если на политическую арену выходили янычары, ставшие мощной консервативной силой, отстаивавшей свои привилегии под покровительством духовенства.

Бунты янычар стали причиной свержения султанов Мехмеда IV в 1687 г., Мустафы II в 1703 г. и Ахмеда III в 1730 г. Своеобразным механизмом, обеспечивавшим некоторую стабильность, стала в XVIII веке частая смена везиров, порой вполне напоминавшая переворот, когда вчерашний всемогущий министр отправлялся в заточение или на казнь. Так, при Махмуде I (1730–1754 гг.) за 24 года ушло 16 везиров, а всего за 1703–1789 гг. произошло 56 таких смен.⁴

В позднесредневековой Корее период XVI–XVIII вв. известен как «эпоха борьбы партий». Социально-демографическая ситуация (избыток чиновников и дворян-«янбанов») привела к регулярно повторявшимся переворотам, проходившим по обычному «сценарию»: после подачи на имя правителя «меморандума» о необходимости перемен одна придворная «партия» сменяла другую у власти, с раздачей чиновничьих постов своим сторонникам. Побежденные отправлялись в ссылку, а победившая группировка вскоре неизбежно распадалась — и все повторялось вновь; но при этом такой механизм никогда (за единственным исключением в 1623 г.) не сопровождался свержением правителя-«вана» из династии Ли.⁵

В Европе хроническая политическая нестабильность была присуща самой «восточной» и самой централизованной из держав средневековья — Византии. Исторически сложившаяся централизация управления, ничем не ограниченная власть императора, преобладание до XI в. служилой аристократии часто иностранного или незнатного происхождения, не имевшей прочных корпоративных связей и гарантий собственности, — эти черты в той или иной степени близки российским реалиям. Но этот же механизм при устойчивости системы в целом приводил к тому, что почти половина василевсов были насильственно свергнуты с престола в результате мятежей и дворцовых переворотов.⁶ К тому же особенностью византийского политического устройства было отсутствие традиции наследования верховной власти, что обостряло политическую борьбу, особенно в кризисные периоды. Так, например, кризис государственной системы в XI в. вызвал свою «эпоху дворцовых переворотов»: в 1025–1081 гг. семь императоров были отстранены от власти и трое из них убиты.⁷

На Западе дворцовые перевороты не были характерны не только для классической страны абсолютизма — Франции, но и для более «застойных» Испании, итальянских или германских княжеств. Однако и здесь создание централизованных монархий Нового времени сопровождалось похожими попытками силового решения политических конфликтов. Заговор 1695–1696 гг. против английского короля Вильгельма Оранского уже вполне напоминает российские реалии: заговорщики из числа сторонников Якова с помощью завербованных гвардейцев собирались напасть на дворец или расправиться с Вильгельмом на перевозе через Темзу.⁸ Впоследствии якобиты еще не раз пытались организовать покушения на королей Ганноверской династии (заговор адвоката Кристофера Лейера 1722–1723 гг., «заговор Элибенка» 1752–1753 гг.⁹), но все они закончились провалом.

Во Франции правление Людовика XIV закончилось своеобразным «дворцовым переворотом», происходившим в несколько приемов. Сначала престарелый монарх вопреки законам королевства (исключавшим возможность передачи короны по его усмотрению) назначил своих внебрачных детей принцами крови и даже потенциальными наследниками престола. Лидер этой «партии» герцог Мэн планировал в 1718 г. при поддержке испанского двора объявить маленького Людовика XV совершеннолетним и устранить регента Филиппа Орлеанского. Однако 26 августа 1718 г. заседание парижского парламента признало завещание Людовика

XIV незаконным; герцог был лишен всех постов и статуса принца крови и удален из Парижа. Вслед за тем был раскрыт заговор испанского посла и виднейших французских вельмож, стремившихся передать трон другому внуку Людовика XIV — испанскому королю Филиппу V, который должен был вторгнуться со своими войсками во Францию.¹⁰

В Португалии реформы первого министра двора маркиза Помбала и его борьба с привилегиями знати и церкви вызвали в 1758 г. покушение на жизнь его покровителя-короля Жозе I. Монарх остался цел; Помбаль сохранил власть до конца его царствования, когда по воле противников был схвачен, приговорен к смерти, но отправлен в изгнание.

В Испании после относительно «спокойного» XVIII столетия наступила эпоха наполеоновских войн и революций, а восстановленная на престоле династия Бурбонов вступила в полосу кризиса. Король Фердинанд VII в изданной в 1830 г. Прагматической хартии подтвердил отмену прежнего порядка престолонаследия по мужской линии, утвержденного его предком Филиппом V в 1713 г., и передал престол дочери Изабелле, а не брату Карлу, что спровоцировало две гражданские войны; в промежутке между ними политическая борьба приняла форму «пронунсиамента» — военных переворотов, возглавляемых генералами-диктаторами.¹¹

Особый случай представляют бывшие заморские владения Испании. Там в возникших после успешной национально-освободительной борьбы молодых государствах политические конфликты чаще всего разрешались с помощью военных переворотов во главе с военными лидерами — «каудильо»; например, только в Бolivии власть менялась таким образом десятки раз.¹² При некоторых близких к российской действительности чертах (значительная роль государства в управлении экономикой, политический патернализм и клановость, особая роль армии в государстве, авторитарный характер власти) перевороты там также стали элементом политической системы — почти законным инструментом борьбы за власть и даже «способом существования и выживания ориентированной на Запад элиты в условиях незападного общества».¹³

Но все же в пределах Европы эпохи «старого режима» попытки силового захвата власти не получили сколько-нибудь широкого распространения. Они блокировались существовавшими в обществе институтами, которые к тому же использовали возникавшую ситуацию для собственного укрепления. Свержение короля Якова и династии Стюартов в Англии привело к установлению важнейших конституционных законов. «Билль о правах» и «Акт о мятеже» 1689 г. навсегда лишили корону права самостоятельно вводить налоги, приостанавливать существующие законы и набирать армию в мирное время; «Трехгодичный акт» 1691 г. определял точные сроки созыва парламента. «Акт об устройении» 1701 г. оформил новый порядок престолонаследия (переход короны к Ганноверской династии); а также утвердил право парламента на объявление войны и смещение судей.

Стабильность французской монархии после Фронды обеспечивалась не только наличием традиционных корпораций и институтов (судебных пар-

ламентов), но и господствовавшим в обществе «юридическим стилем мышления»: представлениями о праве как божественном и нерушимом установлении.¹⁴ Людовик XIV не меньше, чем его современник Петр I, стремился укрепить свою личную власть, проводил реформы финансов, армии, системы управления и из 54 лет царствования 33 провел в войнах. Но эти реформы совершались «человеческим темпом» и, в отличие от российских, были направлены на «улучшение старого» — кодификацию законодательства и сохранение прежних структур.¹⁵ В итоге абсолютистские режимы во Франции или Испании хотя и переживали периоды кризиса, но не знали дворцовых «революций» — их заменяли возвышение фаворитки или смещение министра; порой такая опала становилась даже предметом торга и давала «жертве» немалое состояние.

«Принцип преемственности» приводил к тому, что «король-солнце» на деле был скорее верховным арбитром в отношениях влиятельных корпораций, учреждений и их руководителей. Для Франции эпохи «старого режима» было характерно появление целых министерских династий (Лувуа, Поншартренов, Кольберов). Карьеры высших должностных лиц протекали стабильно; примерно на 150 назначавшихся лично королем высших администраторов приходилось 45 тысяч чиновников, купивших свои должности и составлявших на местах судебные и финансовые корпорации. Аристократические партии времен Фронды превратились в придворные группировки, которые «объединяли вокруг влиятельного министра или фаворитки представителей бюрократической элиты, крупнейших финансистов, а порой также военачальников и прелатов. Основой такой партии был родственный клан, создавший широкую клиентуру при дворе и в аппарате и стремившийся воздействовать через королевский совет и придворные связи».¹⁶

Такая система предоставляла как определенные гарантии карьеры на королевской службе, так и немалую самостоятельность дворянству и бюрократии. Прочные правовые представления исключали силовые приемы борьбы за власть. Наконец, присутствовал почти легальный «выход» общественному мнению в виде песенок и памфлетов — откликов на происходившие события. В России той же поры подобного рода материалы также можно встретить — в делах Тайной канцелярии, куда попадали исполнители.¹⁷

Однако более стабильная система французского «старого режима» с господством финансово-бюрократических группировок с широкой клиентелой при дворе и в аппарате управления или испанский вариант с полной «приватизацией» дворянством всей системы управления изнутри и колониальной экспансией¹⁸ имели меньше возможностей для самореформирования.¹⁹ Французские парламенты и преобладавшее в их составе дворянство выступали в XVIII веке против попыток модернизации существовавшей системы и отстаивали собственные кастовые интересы, не выдвигая, в то же время, никакой альтернативы «старому режиму». Такое сопротивление со стороны старой сословной структуры в немалой степени способствовало политической активизации «третьего сословия» и созреванию общеполитического кризиса в стране.²⁰

Динамика российского «переворотства»

Российские перевороты сохраняли сам принцип неограниченного самодержавия и стабильность феодально-крепостнической системы, ее внутриполитический (закрепощение) и внешнеполитический (преemptивность в действиях по отношению к Швеции, Польше и Турции) курс. Такая стабильность во многом определялась традициями политической культуры России (развитием ее «служилой» государственности), что обусловило принципиальное совпадение интересов основных политических сил — монархии, правящей элиты и дворянства. Несовпадение или разнонаправленность их действий могли бы привести к глубокому внутреннему кризису, как в соседней Речи Посполитой, где противоречия между шляхтой, магнатами и монархией закончились распадом государственности в XVIII столетии.

Отсутствие прочных сословных структур, неразвитость общественной жизни и господство «личного начала» (т.е. «преобладание в государственном управлении частнопровольных элементов», как определяли это явление отечественные правоведы) предоставляли самодержавию известную независимость, в том числе и способность к серьезным реформам в XIX в. Но зато эти особенности, в сочетании с необычно высокой концентрацией власти, делали его более непредсказуемым по сравнению с западноевропейскими образцами. Общество же — в лице достаточно узкого круга вельможной знати и гвардии — не могло, да и не было способно контролировать власть иными средствами, кроме «удавки».

Условия достаточно резкого преобразования «отеческого правления» (по определению Н.М.Карамзина) в ходе петровских реформ с их военно-полициейскими методами порождали именно такой «простой» способ разрешения конфликтов в правящем кругу. Эту связь отлично понимал уже М.М.Сперанский, когда указывал, что «патриархальное или домашнее» отечественное самодержавие ограничивает «фантом заговора, непрестанно грозящий ему». ²¹ Российская монархия XVIII столетия не располагала квалифицированной, сплоченной и эффективной бюрократией, способной обеспечить управление и «исправить» ведущую к очередному перевороту ситуацию. Зато наличие гвардии как чрезвычайного института управления обеспечивало ее вмешательство в политический процесс.

Петровские преобразования сохранили российскую элиту, но привели к ломке привычных структур, вместе с которыми утрачивались ее «исторические предания» и традиции. ²² Система прежних служилых «чинов» была разрушена, но единое «шляхетское» сословие еще только складывалось в условиях роста как социальной мобильности, так и требований государства к дворянам в виде тяжелой военной службы, «перераспределения» доли государственных податей и ренты.

Табель о рангах дала стимул для службы — но привела к возрастанию зависимости статуса, престижа и благосостояния дворян от воли монарха. В погоне за ними складывались и рассыпались придворные «партии», что только усиливало разобщенность правящей элиты. ²³ Сам Петр Великий указом 1722 г. нанес удар по и так не вполне устоявшейся после Смуты тра-

диции престолонаследия. Новое светское обоснование власти, конечно, «сняло с государя ограничение традицией и обычаем», ²⁴ но оно же «снижало» образ царя в глазах подданных, тем более что критерием оценки деятельности монарха становилось «общее благо». Преданность рационализму оборачивалась произволом и подрывала основы патриархальной монархии, но никак не восполняла недостаток публично-правовых начал в политической сфере. Зато усиливалось «личное начало» вместе с выдвижением когорты петровских «птенцов», сделавших карьеру в эпоху реформ.

В такой системе упрочение самодержавия в условиях начавшейся модернизации и вызванных ею противоречий неизбежно должно было сопровождаться усилением давления на него со стороны заинтересованных групп, лишенных в рамках этой военно-бюрократической модели традиционных и легальных способов выражения собственных мнений и интересов. «Перенапряжение» русского общества к концу петровского царствования сделало для элиты очевидной необходимость корректировки реформ; но разногласия на этой почве привели к столкновениям в рамках самого правящего круга, как только ослабла железная рука преобразователя. В этом смысле исследователи прошлого и настоящего отмечали характерную черту эпохи: «ощущение неустойчивости» петровской системы. ²⁵

Дворцовые перевороты в России становятся одним из ведущих факторов политической жизни именно после петровских реформ, в ходе которых заимствованные из европейского опыта технико-экономические и административные формы пересаживались на почву феодально-крепостнической системы в целях ее модернизации. Можно считать такую нестабильность «платой за реформы» и за ломку традиционной политической культуры ²⁶ — с той поправкой, что ломка эта началась еще до Петра. Однако, возникнув, каждое серьезное явление дальше развивается уже на основе присущих ему внутренних тенденций.

В начале эпохи политический конфликт проявлялся открыто и сопровождался попытками изменения существовавшей «формы правления». Накануне смерти Петра I намечился компромисс (возведение на престол Петра II при назначении правительницей Екатерины «вместе с Сенатом»), который был сорван сторонниками неограниченного самодержавия. В междунарствие 1730 г. можно говорить о совершенном государственном перевороте, однако «верховники» предоставили «шляхетству» возможность гласно и легально составлять проекты нового государственного устройства. И столь же явно отстаивали свою точку зрения их оппоненты. В обоих случаях столкновения проходили публично, с участием собравшихся во дворце представителей знати и прочего «шляхетства».

Внешняя стабилизация режима в эпоху «биороновщины» пресекала попытки изменения политической системы, но не ликвидировала заложенных в ней противоречий. В 1740 г. фельдмаршал Миних впервые опробовал тактику дворцового переворота: под его командованием гвардейцы арестовали регента Бирона и его ближайшее окружение. В дальнейшем именно заговор с участием гвардейцев в качестве ударной силы стал основным методом политической борьбы в событиях 1741 и 1762 гг.

Нам кажется, что такое развитие ситуации не сводится только к выявлению двух разных «типов» переворотов или некоему общему «механизму саморегуляции» политической системы.²⁷ Перед нами, скорее, две разные тенденции развития политической борьбы. Одна нащупывала путь к становлению нового, по сравнению с петровской системой, политического механизма через элементы публичности и выборности, поиск компромисса. Другая, наоборот, консервировала сложившуюся систему и, — порой радикально устраняя правящую фигуру, — не меняла ничего в самой «форме правления». Параллельно шло формирование еще двух важных элементов послепетровской монархии — высшего совета при государе и института «случайных людей».

Роль «бироновщины», на наш взгляд, состояла не в пресловутом «засилье иноземцев», а в том, что правление Анны «закрыло» возможность намечившейся было эволюции петровской системы и тем самым окончательно перевело практику политической борьбы в русло «переворотства». При Анне же сложился работающий Кабинет министров и приобрела законченный облик роль фаворита; это — а вовсе не репрессии — в совокупности с удовлетворением ряда социальных требований дворянства и принятыми мерами безопасности обеспечило режиму определенную стабильность.

Но «реставрация» петровской системы без подобной Петру фигуры правителя (при Анне и, позднее, при Елизавете) неизбежно порождала те же проблемы: борьбу придворных группировок, проблему выбора наследника, «личное начало» в управлении, недовольство гвардии и, наконец, переворот как средство разрешения конфликта. Нам представляется, что и при данном варианте можно выделить определенные закономерности в развитии «дворцовых революций».

В литературе отмечалось, что раз от разу «росло число участников заговора».²⁸ Это верно, но только с одной стороны: действовавшая масса в 1762 г. была больше, чем в 1741 г., кстати, сделав переворот в пользу Екатерины самым «дорогим» из всех предыдущих. Однако была и другая сторона. В 1741 г. правящая элита испытала настоящий шок, когда поняла, что реальной властью в столице империи стали пьяные гренадеры, — и урок был усвоен. При подготовке переворота 1762 г. его участники-офицеры привлекали солдат сугубо выборочно, а предшествовавший ему заговор представлял собой серьезное конспиративное предприятие с участием влиятельных лиц. Таким образом, российское «переворотство» начиналось с открытого столкновения «партий», прошло через этап активного участия гвардейских солдат в подготовке и проведении свержения императора в 1741 г. и завершилось вполне конспиративным заговором вельмож и гвардейских офицеров (с минимальным участием рядовых) в 1762 г.

Другой характерной особенностью «дворских бурь» стало то, что их участники от споров о правах наследников и правомочности «тестаментов» быстро перешли «на личности» самодержцев, лишенных в ходе петровских преобразований образа благочестивого государя. Тогда же появилась мысль о возможности покушения на природного и законного царя. Опасная идея постепенно передвигалась с периферии обществен-

ной жизни в ее центр, а затем материализовалась на практике: в 1741 г. солдаты впервые свергли с престола законного императора; а в 1762 г. заговорщики уже планировали и совершили его убийство.

Третьей особенностью «революций» XVIII в. была особая роль непосредственной военной силы — гвардии, занявшей необычное в европейской практике место в системе управления и заявившей о себе как о политической силе при посредственных или номинальных самодержцах. Однако это вмешательство прошло определенную эволюцию, как в смысле сознательного участия гвардейцев в политической борьбе, так и в отношении его целей.

В 1725 г. караульные роты скорее обозначили ее участие; но на деле от имени гвардии действовали ее командиры — Ушаков, Бутурлин и Меншиков. В 1730 г. высшие офицеры обоих полков участвовали в политических дискуссиях и подписывали проекты будущего государственного устройства. Судьбу монархии решила группа гвардейских обер-офицеров, которые пошли защищать от бояр-узурпаторов императрицу и привычные ценности самодержавного устройства.

В обоих случаях рядовые «политикой» не интересовались и исполняли приказы начальства. Но в 1741 г. Елизавету Петровну к власти привело уже гвардейское «солдатство», что представляло угрозу для самой элиты, и в дальнейшем такие эксцессы уже не повторялись. После «революций» 1730, 1740—1741, 1762 гг. происходила замена командования полков, а иногда и более серьезная «чистка» их личного состава. Власть стремилась контролировать перемещения и назначения в полках и даже предпринимала попытки (при Анне и Петре III) изменить порядок их комплектования: набирать курляндцев, голштинцев, рядовых украинских полков.

Ключевые фигуры при дворе стремились найти себе опору в «личных» воинских частях. У А. Д. Меншикова был «свой» Ингерманландский полк; он же стал начальником личной охраны Екатерины I — офицерской кавалергардской роты. Анна Иоанновна противопоставила «старым» полкам два новых — Измайловский и Конную гвардию. Гренадерская рота Преображенского полка стала «лейб-компанией» Елизаветы. Петр III немедленно образовал свою голштинскую гвардию — единственную часть, оставшуюся ему верной 28 июня 1762 г. Екатерина II восстановила кавалергардский корпус.

В итоге обозначившуюся «преторианскую» тенденцию удалось переломить. При ином развитии событий гвардия могла бы, пожалуй, превратиться в привилегированную касту и противника всяких реформ, как это случилось, например, с турецким янычарским корпусом.²⁹

В екатерининское время завершается своеобразный цикл кадровых перестановок, отчетливо заметный при проведенном нами анализе кадровых перемещений за период с 1725 по 1770 г. Он демонстрирует характерную «кривую развития административной нестабильности» в «эпоху дворцовых переворотов». Династические конфликты и борьба вокруг престола в 1725—1730 гг. привели к тому, что в 1725—1727 гг. придворные конфликты стали сопровождаться нарастающим количеством замен на должностях руководителей центральных учреждений. Этот показатель

достиг максимума в 1730 г.: после двух государственных переворотов количество назначений и перестановок в государственном аппарате резко увеличивается. Затем «пики» кадровых замен приходятся на 1740–1741, 1753 и 1760 гг. и 1762–1764 гг., но имеют тенденцию к снижению (Приложение, Диаграмма 1).

Тот же «график» чуть менее отчетливо выявляется и при анализе назначений на губернаторство (Приложение, Диаграмма 2), что можно объяснить принятым при Елизавете и особенно при Екатерине курсом на создание стабильно работающего аппарата, не зависящего от придворных «конъектур». В дальнейшем тенденция напряженности кадровых перестановок постепенно идет на убыль и завершается — вместе с самой «эпохой дворцовых переворотов» — при Екатерине II. Однако этот процесс имел и иную внутреннюю логику развития в виде массовых обновлений руководства государственного аппарата в 1740 г. и в ходе так называемых «бюрократических переворотов» 1753 и 1760 гг., механизм которых пока не вполне понятен.

Разным было и, если так можно сказать, внутреннее «административное напряжение» на протяжении изучаемого периода. Царствование Анны Иоанновны стало самым напряженным в смысле частоты назначений и смещений (Приложение, Диаграммы 3–4, 5–6). За 10 лет состоялись 68 назначений на руководящие посты в центральном аппарате (в среднем 6,8 человека в год) и 62 назначения губернаторов (6,2 человека в год). Царствование Елизаветы дает такое же количество назначений (60 начальников учреждений и 70 губернаторов), но за 20 лет; среднегодовые значения составят соответственно, только 3 и 3,5 человека — при том, что за оба царствования было смещено одинаковое количество (60 и 59) начальников учреждений и почти одинаковое (61 и 66) — губернаторов.

На этом фоне восемь первых лет правления Екатерины II выходят на второе место по интенсивности кадровых перемещений: назначение 36 руководителей ведомств и 34 губернаторов дает соответственно отношение в 4, 5 и 4, 25 человека в год. Но при этом эти перемещения и отставки не были связаны с опалами или репрессиями, как при Анне, что в итоге способствовало укреплению Екатерины на захваченном ею троне. В какой-то степени наступившей стабилизации способствовали и начавшиеся реформы государственной службы 60-х гг. XVIII в.

Еще одной характерной чертой переворотов было стремление обеспечить видимость законности и юридически закрепить результат «революции». Важнейшим элементом такого оформления переворота служила присяга новому императору, к которой немедленно приводили высших должностных лиц, гвардию и войска, а затем и прочих подданных. Процедура, которая должна была происходить после смерти прежнего государя, в описываемое время нередко ей предшествовала. Претенденты (Елизавета, Екатерина II) спешили как можно скорее связать присягой своих сторонников и войска.

Появились и иные формы правового и идеологического закрепления результатов переворота. Первые опыты такого рода оказались скорее неудачными. Завещание Екатерины I было фактически отменено Менши-

ковым. Долгоруковы не смогли представить «вины» самого Меншикова. Однако и более политически грамотные «верховники» в 1730 г. оказались бессильными в борьбе за умы «шляхетства». Зато советники Анны Иоанновны сумели «закрепить» весьма сомнительное «обретение» ею «самодержавства» выражением общественного мнения.

Новый период воздействия на умы подданных наступил в 1741 г. Официальные акты и проповеди тех лет создавали идеологическую доктрину елизаветинского царствования: восстановление петровских «начал» при крайне негативной характеристике периода 1725–1741 гг. как времени господства «иноземцев». В 1762 г. Екатерина II и ее окружение подготовили переворот с помощью провокационных слухов; затем был опубликован целый комплекс документов, призванных оправдать свержение Петра III, наполненных недостоверными обвинениями и ложью о его смерти.

Стремление подвести правовую и идейно-политическую основу под свершившийся захват власти не случайно. Каждый удавшийся переворот в XVIII в. сопровождался волной неудачных попыток его «переиграть». Сама легкость перемен стимулировала появление у новых правителей конкурентов — особенно в условиях правовой неопределенности, когда и законная смена государя часто выглядела таким же переворотом. Сначала такие попытки появлялись преимущественно в «верхах»: расправа Меншикова с П.А. Толстым и А.М. Девиером, неудачная попытка И.А. Долгорукова утвердить в 1730 г. фальшивое завещание Петра II и увлечь гвардию именем своей сестры, явно «не дозревший» заговор А.П. Волынского и его «конфидентов».

Но скоро перевороты стали вызывать подражания «снизу» — прежде всего в среде самих гвардейцев, большинство которых мало что выигрывали при смене власти. Перевороты 1741 и 1762 гг. и fortuna их участников породили несколько «движений» в пользу свергнутого императора Ивана III со стороны гвардейских офицеров и солдат. По мере стабилизации нового режима эти волны «переворотных» настроений затихали; однако характерно, что в 60-х гг. дерзнуть на подобное предприятие уже могли рядовые армейские служаки. Кроме того, столичные нравы вызывали в иных случаях подражание в провинции — особенно там, где местные власти чувствовали свою полную бесконтрольность.³⁰

Подобные «заговоры» отличались отсутствием элементарной конспирации и большей частью ограничивались разговорами в «велием пьянстве». Но сами эти разговоры имели крайне радикальный характер: их участники считали возможным «заарестовать весь дворец» и расправиться не только с фаворитами, но и с самим монархом. В 1772 г. капрал Оловянный уже представлял себя на троне, а поручик Иоасаф Батулин с товарищами в 1749 г. готовился совместить переворот с бунтом московских фабричных. Последний случай подражания настоящему заговору уже близок к народному варианту российского «переворотства» — самозванчеству.

Социальный протест в сочетании с консервативной оппозицией новшества порождает в народном сознании веру в появление «настоящего» царя, а существовавшая «наверху» правовая неразбериха только способствовала материализации таких настроений. С 1715 г. стали появляться лже-Алексеи, затем — с 1732 г. по 1765 г. — лже-Петры II;³¹ наконец, наи-

более популярным оказалось имя Петра III, которое принимали уже десятки людей. «Самозванная» реакция на потрясения российского трона пережила эпоху переворотов и завершилась в первой половине XIX в. на имени последнего из нецарствовавших императоров — Константина.

Начавшись еще до смерти Петра Великого, российское «переворотство» так просто не закончилось. Дворцовый переворот 1801 г. является самостоятельной темой для изучения, несмотря на уже имеющиеся работы.³² Тем не менее он, с одной стороны, завершил наметившуюся тенденцию и стал делом исключительно придворного круга и высшего гвардейского офицерства. Рядовых офицеров-исполнителей к заговору подключили лишь накануне ночного «похода» на Михайловский замок, а солдат в дело вообще не посвящали.³³ Заговорщики даже опасались возможного солдатского протеста, что подтвердили колебания некоторых воинских частей при объявлении о воцарении Александра I.

С другой стороны, подготовка заговора 1801 г. сопровождалась «конституционными собеседованиями» одного из его лидеров Н.П.Панина с наследником Александром. Сохранились известия о подготовке Н.П.Паниным и П.А.Зубовым «конституционных актов» и даже якобы имевших место обещания наследника их утвердить.³⁴ Переворот 1801 г. представлял исключение и с точки зрения его «освещения»: события ночи с 11 на 12 марта покрываются плотной завесой молчания. Указы и манифесты нового царствования не содержали критики павловского режима, а запрет на публикации материалов о перевороте сохранялся даже в начале XX в.

Сама же власть, как и прежде, создавала условия для переворота юридической путаницей в вопросе о престолонаследии. Как известно, Александр I не объявил манифеста об отречении законного наследника, своего брата Константина, и передаче прав на трон другому брату — Николаю. Явилось ли это событие случайностью (Александр не предвидел скорострительной смерти в 1825 г.) или было вызвано боязнью царя каких-либо движений против него с использованием имени великого князя, — но оно создало ситуацию междуцарствия, чем воспользовались декабристы, и не только они. Восстание 14 декабря во многом стало возможно из-за затяжного кризиса в «верхах», связанного с борьбой за престол внутри самой царской фамилии.³⁵

В спорах о будущем политическом устройстве и способах его достижения к опыту дворцовых переворотов минувшего века обращались офицеры-декабристы.³⁶ В этой среде рождались и привычные идеи возведения на престол «хорошего» царя — например, вдовы Александра I Елизаветы Алексеевны.³⁷ Для пресечения подобных попыток нужно было преобразовать гвардию — основную силу, которая реально могла угрожать самодержцу. Главным средством стал уже намеченный в конце XVIII в. курс на отбор заслуженных солдат из армейских полков и рекрутов. Члены царской семьи теперь сами проходили службу в гвардейских соединениях и лично командовали ими. Жестокая муштра превращала солдат в «забитую массу» и резко отделяла их от офицеров. К тому же и за солдатами, и за офицерами гвардии устанавливается жесткий контроль с перлюстрацией писем и тайным надзором.³⁸

Установление контроля над гвардией было не единственным направлением усилий по укреплению порядка. Духу корпоративности и либеральным идеям дворянской интеллигенции власть противопоставила организованную бюрократию, что способствовало ослаблению зависимости монархии от собственной социальной опоры — дворянства. После 1825 г. «фрак победил мундир»: с 1796 по 1857 г. численность чиновников увеличилась почти в 6 раз.³⁹ При этом уже со времен Екатерины II правительство взяло курс на недворянские слои в качестве источника пополнения управленческих кадров.⁴⁰

Работа такой машины стала более цивилизованной: бывшие «падения» вельмож и министров сменились мягкими отставками А.А.Аракчеева при Николае I или П.А.Шувалова при Александре II. Однако «бюрократическая придворная стена, отделяющая царя от России» (выражение из анонимного письма Николаю II), заслоняла главу государства от попыток различных общественных сил повлиять на него, оставляя при этом в неприкосновенности влияние придворной камарильи и ее «партий».⁴¹

Модернизация экономики и социальной структуры никак не касалась высшего эшелона управления: к рубежу XX столетия в России не появилось не только какого-либо представительного органа или единого кабинета министров, но даже четко выработанной процедуры законодательства. Историки уже не раз пытались ответить, что помешало в эпоху реформ «увенчанию здания»: в числе причин назывались и конкретное «николаевское наследие» Александра II, и более широкий «самодержавный инстинкт, многовековой опыт абсолютной монархии».⁴² Этот же инстинкт, очевидно, порождал не всегда оправданные опасения.⁴³

Неспособность поставить себя в какие-либо правовые рамки, пренебрежение к «законодательным путям» были столь же присущи преемникам Петра I. Вопреки закону о престолонаследии 1797 г. Александр I своим завещанием назначил императором Николая; Александр II вступил во второй морганатический брак с княжной Е.М.Долгоруковой, что вызвало осложнения в царской семье; Александр III внес в закон изменения, которыми ограничил число лиц императорской фамилии.⁴⁴ До начала XX в. сохранялось никак и ничем не ограниченное прямое участие государя в управлении. Беззаконными оставались и основанные на «особом доверии государя» полномочия его главных агентов — генерал-губернаторов, что отлично осознавали сами представители высшей администрации России в XIX в.⁴⁵

«Окостенение» архаичной политической системы при нарастании кризисных явлений и невозможность сколько-нибудь легальных действий толкали радикальную молодежь на крайние формы борьбы с самодержавием, которые, в свою очередь, отчасти воспроизводили тактику дворцовых переворотов прошлого. После неудачных попыток поднять крестьянское восстание с конца 70-х гг. «Народная Воля» предполагала путем «искусно выполненной системы террористических предприятий» привести правительство в панику и создать удобный момент для нападения и захвата власти.

Не публиковавшийся пункт 5 раздела «Д» программы Исполнительного комитета «Народной Воли» предусматривал организацию «заговора» и «переворота». О его «дворцовом» варианте рассуждал в 1881 г. член

Комитета Л.А.Тихомиров.⁴⁶ В 1882 г. офицеры, входившие в Военную организацию «Народной Воли», обсуждали планы захвата Кронштадта и ареста царской семьи на майском параде, включая, в крайнем случае, «истребление царя со свитой».⁴⁷ При провозглашении Временного правительства туда предлагалось привлечь высокопоставленных военных — например, известного генерала Драгомирова.

Едва ли, конечно, подобная тактика могла иметь успех. Но устаревший политический режим стремился урезать и без того узкие возможности легальной политической деятельности, о чем свидетельствуют и «переворотное» изменение избирательной системы в 1907 г., и неосуществленная попытка вновь разогнать Думу в 1913 г. Это, в свою очередь, ориентировало оппозицию (отнюдь не радикальную) на силовой захват власти: лидер партии октябристов А.И.Гучков уже в 1913 г. обсуждал идею переворота с близкими ему военными.⁴⁸

Призрак «переворотства» вновь ожил в политических кругах империи в годы первой мировой войны. Явная неспособность Николая II понять сложность стоявших перед страной проблем, преодолеть полосу поражений на фронте и справиться с кризисными явлениями в тылу заставили мыслить в этом направлении и «оппозицию его величества» в Думе, и самых правоверных монархистов.⁴⁹

Конкретные очертания идея дворцового переворота приобрела осенью 1916 г., когда А.И.Гучков, М.И.Терещенко и Н.В.Некрасов обсуждали план, подразумевавший, по словам Гучкова, «захват царского поезда во время проезда из Петербурга в Ставку и обратно».⁵⁰ Операция ставила целью отречение Николая II в пользу наследника Алексея и передачу регентских полномочий младшему брату царя. Однако позднее Гучков подвел итог этим усилиям: «Сделано было много для того, чтобы быть повешенным, но мало для реального осуществления, ибо никого из крупных военных к заговору привлечь не удалось».⁵¹ Как это бывает на излете существования политического строя, дерзкая акция обернулась кровавым фарсом, когда от рук заговорщиков пал последний временщик Григорий Распутин. Но эта пародия на дворцовый переворот не смогла спасти монархию.

Советский «скачок в социализм», в отличие от петровских реформ, имел целью принципиальное изменение существовавшего строя и привел под воздействием всего комплекса российских социокультурных традиций (государственно-патерналистских, общинных, военных и т.д.) к созданию новой целостной общественной системы, о названии которой идут дискуссии до сего дня. Утверждение на протяжении 20-х гг. диктатуры с привилегированным номенклатурным слоем и культом вождя сопровождалось ликвидацией любой политической оппозиции и политической деятельности вообще. Но эта деятельность только и могла образовать легальную сферу разрешения противоречий в обществе в условиях колоссального социального переворота. Ее исчезновение неизбежно должно было привести к возрождению старых традиций политической борьбы; иных возможностей не давали ни режим, ни сама политическая культура общества.

Проблема смены руководства, так же как и в эпоху петровских реформ, порождалась исчезновением «легитимной» традиции, отсутствием как правовых норм, так и сколько-нибудь действенных институтов и механизмов гражданского общества. В такой системе неофициальное мнение могло быть только ересью, а оппозиция — заговором, что неизбежно порождало явления, очень похожие на дворцовые интриги прошлого. В этой борьбе формировались и распадались группировки внутри высшего звена партгосноменклатуры, интересы которых, как и «логика кадровых перемещений», до сих пор непонятны даже весьма информированным исследователям.⁵²

Речь идет не только о событиях 1930-х, 1953 или 1964 гг. Политологи отмечают и в современной российской действительности тенденции «реконструкции традиционной для России политической организации» — прежде всего концентрации и персонификации власти; определяющую роль «личных отношений, персональных и групповых неофициальных связей» в становлении и функционировании новых государственных учреждений.⁵³ Сохраняется (и даже усиливает свои позиции) «нерациональная» российская бюрократия с весьма размытыми представлениями о законности и границах своих прав, ориентированная на исполнительность (в ущерб квалификации) и личную преданность в качестве залога успешной карьеры. Благополучно дожили до начала нового века патронажно-клиентские отношения в политике,⁵⁴ имеющие за собой не только прежние традиции, но и характерный тип массового сознания.⁵⁵

Если эти тенденции возобладают, история дворцовых переворотов в России имеет будущее; само это понятие уже прочно вошло в современный политический язык и широко используется в средствах массовой информации. Несомненно, что это очень увлекательный сюжет для историка; но, как сказал в свое время В.О.Ключевский, «в нашем настоящем слишком много прошедшего; желательно было бы, чтобы вокруг нас было поменьше истории».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Аишафян К.З.* Восточный феодализм: особенности структуры // Экономическая история: исследования, историография, полемика. М., 1992. С.151-164; *Шмидт С.О., Гутнова Е.В., Исламов Т.М.* Абсолютизм в странах Западной Европы и в России // ННИ. 1985. № 3. С.58. Об условиях формирования крепостничества и самодержавия в России см.: *Милов Л.В.* Великолукский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001.

² См.: *Васильев Л.С.* Введение // Политическая интрига на Востоке. М., 2000. С.11,23.

³ См.: *Фадеева И.Л.* Концепция власти на Ближнем Востоке. Средневековье и новое время. М., 1993. С.44.

⁴ См.: *Мейер М.С.* Османская империя в XVIII в. Черты структурного кризиса. М., 1991. С.142-144.

⁵ См.: *Ланьков А.Н.* Политическая борьба в Корее XVI-XVIII вв. СПб., 1995. С.83,174-175.

⁶ См.: *Каждан А.П.* О социальной природе византийского самодержавия // Народы Азии и Африки. 1966. № 6. С.53-60.

⁷ См.: *Литаврин Г.Г.* Византийское общество и государство в X-XI вв. Проблемы одного столетия: 976-1081. М., 1977. С.3-4,268; *он же.* Одиннадцатое столетие — «золотой век» византийской бюрократии // Власть и политическая культура в средневековой Европе. М., 1992. Ч.1. С.122.

⁸ См.: *Маколей Т.* Полн. собр. соч. В 16-ти т. СПб., 1865. Т.12. С.106-117. Характерно, что участники неудавшегося заговора 1696 г. на суде пользовались услугами адвокатов и сами апеллировали к праву, когда доказывали присяжным, что покушение на короля Вильгельма готовилось ими на

основании письменной инструкции Якова II и, следовательно, «оправдывается надлежащим истолкованием законов Англии и закона божественного».

⁹ См.: *Черняк Е.Б.* Тайны Англии. Заговоры, интриги, мистификации. М., 1996. С.426,430-431.

¹⁰ См.: *Крылова Т.К.* Отношения России и Испании в первой четверти XVIII в. // *Культура Испании*. М., 1940. С.334; *Лаисс Э., Рамбо А.* Всеобщая история с IV столетия до нашего времени. М., 1902. Т.7. С.74-75.

¹¹ См.: *Пожарская С.П.* Бурбоны в Испании // *ННИ*. 1993. № 1. С.158-159.

¹² См.: *Армия и гражданское общество // Латинская Америка*. 1993. № 8. С.24.

¹³ См.: *Кулишников В.М.* Нестабильность: закодированный круг периферийной политики // *Там же*. 1987. № 9. С.21,25; *Макарычев А.С.* Неформальные структуры власти и механизм политического лидерства на переломных этапах истории // *Человек и его время*. М., 1991. С.62. Об истоках формирования подобного механизма см.: *Линч Д.* Революция в испанской Америке, 1808-1826. М., 1979. С.221-222,354-355.

¹⁴ Л.Блюш определил такую монархию как «оберегаемое правовым сознанием» государство, основанное «на удачном равновесии между властью людей и властью коллегий» (*Блюш Л.* Людовик XIV. М., 1998. С.110). См. также: *Копосов Н.Е.* Абсолютная монархия во Франции // *ВИ*. 1989. № 1. С.43; *Малов В.Н.* Жан-Батист Кольбер: абсолютистская бюрократия и французское общество. М., 1991. С.9. Переворот августа 1718 г. происходил в подчеркнутую «правовой» форме: королевское завещание было отменено на заседании парижского парламента в присутствии и по воле нового монарха (так называемая процедура «lit de justice»), а принятое решение немедленно было зарегистрировано. Регент вызвал на заседание гвардейских офицеров с солдатами, но их помощь не понадобилась (см.: *Сен-Симон*. Мемуары. М.-Л., 1936. Т.2. С.221-231,323-332).

¹⁵ См.: *Блюш Л.* Указ. соч. С.158.

¹⁶ *Копосов Н.Е.* Абсолютная монархия во Франции. С.53.

¹⁷ См.: *Курукин И.В.* Поэзия и проза Тайной канцелярии // *ВИ*. 2001. № 2. С.128-132.

¹⁸ См.: *Домингес Ортис А.* Кризис испанской монархии в XVII в. // *Россия и Испания: Историческая ретроспектива*. М., 1987. С.248-249.

¹⁹ См.: *Копосов Н.Е.* Высшая бюрократия в политической системе старого порядка // *От старого порядка к революции*. Л., 1988. С.51.

²⁰ См.: *Берго И.Б.* Парламентская оппозиция абсолютизму во Франции в третьей четверти XVIII в. Автореферат дисс. канд. ист. наук. М., 1987. С.19-20,23-24; *Пименова Л.А.* Дворянство накануне Великой Французской революции. М., 1986. С.33.

²¹ *Сперанский М.М.* Проекты и записки. М., 1961. С.30,143.

²² См.: *Ешевский С.В.* Сочинения по русской истории. М., 1900. С.10; *Медушевский А.Н.* Утверждение абсолютизма в России: сравнительно-историческое исследование. М., 1994. С.70; *Павленко Н.И.* Полудержавный восток. М., 1988. С.367.

²³ См.: *Медушевский А.Н.* Указ. соч. С.147; *он же.* Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1997. С.292.

²⁴ См.: *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). М., 1999. Т.2. С.127.

²⁵ См.: *Итоги XVIII в. в России*. М., 1910. С.73, 198; *Раев М.* Понять дореволюционную Россию: государство и общество в Российской империи. Lnd., 1990. С.100. О «нерасторжимых связях» правящего класса и самодержца писал и Д.Ле Донн, полагавший, что любое покушение на права монарха в таких условиях неизбежно вело к «дестабилизации всей системы» (см.: *Ле Донн Д.* Правящий класс России: характерная модель // *Международный журнал социальных наук*. 1993. № 3. С.179). Однако неустойчивость фигуры самого монарха при отсутствии сколько-нибудь ясного и признанного порядка престолонаследия не нарушала стабильности системы: менялись лица и группы, но не порядок отношений.

²⁶ См.: *Бойцов М.А.* «...Клии страшный глас» // *Дворцовые перевороты в России 1725-1825*. Ростов н/Д., 1998. С.12-13.

²⁷ См.: Там же. С.13.

²⁸ См.: Там же. С.16; *Каменский А.Б.* Российская империя в XVIII в. М., 1997. С.217.

²⁹ См.: *Витол А.В.* Османская империя (начало XVIII в.). М., 1987. С.24-25.

³⁰ В 1758 г. прибывший в Иркутск для следствия по откупным делам коллежский асессор Никифор Крылов самовольно «вступил в права» арестованного им вице-губернатора Вульфа и начал «правление», сопровождавшееся пытками и вымогательствами денег у купцов. Только в 1760 г., когда из Петербурга пришел приказ об аресте Крылова, местные власти провели операцию по захвату самозванного правителя: Вульф «в сопровождении 25 отборных казаков отправился с ними в полночь на квартиру Крылова. По приходе в дом сменили стоящий на крыльце караул, взяли стоящих в сошках ружья, а к людской избе, где жили караульные солдаты, поставили крепкий караул». Затем вице-губернатор с казаками ворвался в покои и после вооруженного сопротивления арестовал своего противника (см.: *Иркутская летопись*. Иркутск, 1911. С.79-81).

³¹ См.: *Троцкий С.М.* Самозванцы в России XVII-XVIII вв. // *ВИ*. 1969. № 3. С.140-142.

³² Ю.А.Сорокин отрицает «принципиальную сторону» участников заговора против Павла I, стремившихся только к сохранению и приобретению «теплых местечек» (*Сорокин Ю.А.* Россий-

ский абсолютизм в последней трети XVIII в. Омск, 1999. С.271). С.Б.Окунь предполагал наличие нескольких групп заговорщиков с разными политическими установками (см.: *Марголис Ю.Д.* Окунь Семен Бендианович. СПб., 1993. С.22-23).

³³ См.: В борьбе за власть: Страницы политической истории России. XVIII в. М., 1988. С.469,536; *Михайлова Н.В.* Консервативный реванш // *Российский консерватизм: теория и практика*. Сб. науч. тр. Челябинск, 1999. С.52-53.

³⁴ См.: В борьбе за власть. С.448-449,534-535; *Эйдельман Н.Я.* Герцен против самодержавия: Секретная политическая история XVIII-XIX вв. и Волная печать. М., 1984. С.123-124.

³⁵ По мнению М.М.Сафонов, присяга Николая Константиновичу и последующая пауза были связаны с тем, что на престол претендовал не только Николай, но и императрица Мария Федоровна (см.: *Сафонов М.М.* 14 декабря 1825 г. как кульминация междоусобия // 14 декабря 1825 г.: Истоки, исследования, историография, библиография. СПб.-Кишинев, 2001. Вып. IV. С.61-89).

³⁶ См.: *Федоров В.А.* Декабристы и их время. М., 1992. С.54-57,89; В борьбе за власть. С.465-468.

³⁷ См.: *Гордин Я.А.* Мятеж реформаторов: 14 декабря 1825 года. Л., 1989. С.113-114,159.

³⁸ О контроле за гвардией см.: *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XIX в. М., 1973. С.238-239; *Зайончковский П.А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX-XX столетий, 1881-1903. М., 1973. С.203. При дворе появилась новая стража – рота дворцовых гренадеров из георгиевских кавалеров с 20-летним стажем, офицерами в которой становились выслужившиеся из рядовых ветераны (см.: *Гринев С.А.* История роты дворцовых гренадеров. СПб., 1911. С.2-3).

³⁹ См.: *Гаман О.* Бюрократия российской империи: веки эволюции. М., 1997. С.8; *Миронов Б.Н.* Указ. соч. Т.2. С.147. О динамике развития бюрократического корпуса в XIX в. см.: *Ерошкин Н.П.* Крепостническое самодержавие и его политические институты (первая половина XIX в.). М., 1981. С.63; *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С.67,221; *Миронов Б.Н.* Указ. соч. Т.2. С.200-201; *Шенелев Л.Е.* Чинословный мир России (XVIII – начало XX в.). СПб., 1999. С.113.

⁴⁰ См.: *Писарькова Л.Ф.* От Петра I до Николая I: политика правительства в области формирования бюрократии // *ОИ*. 1996. № 4. С.35-38,41-42.

⁴¹ Осенью 1880 г. сторонники реформ были обеспокоены пошатнувшимся положением генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича по причине неудачного испытания корабля новой конструкции. Опытный М.Т.Лорис-Меликов так объяснял тактику действий государственному секретарю Е.А.Перетцу: «Дело также и не в злополучной поповке... Особенно важны теперь личные отношения с государем». Чтобы их упрочить, «диктатор» полагал необходимым для великого князя «сближение с княгиней Юрьевской» (второй женой императора), но и здесь видел проблему: «Интимность с княгиней – лишний повод к неудовольствию цесаревича, а в этом – то главная наша беда» (цит. по: *Александр II*. Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С.337-338).

⁴² См.: *Литвак Б.Г.* Переворот 1861 г. в России: почему не реализовался реформаторская альтернатива. М., 1991. С.282; *Эйдельман Н.Я.* «Революция сверху» в России. М., 1989. С.140. Б.Н.Миронов оценил политическое развитие страны в XVIII-XIX вв. как трансформацию сословной монархии в «правомерную бюрократическую монархию» и далее – к «всесословной правомерной монархии», ограниченной законом и органами общественного самоуправления (см.: *Миронов Б.Н.* Указ. соч. Т.2. С.148-151.). Обсуждение книги вызвало критические замечания по поводу «правомерности» российского самодержавия (см.: Российский старый порядок: опыт исторического синтеза // *ОИ*. 2000. № 6. С.45-46,51,69,90,92). В других исследованиях отмечаются как раз приверженность правителей к «архаической системе самодержавия», их стремление распространить личный контроль на возможно более широкую сферу государственного управления и присутствие в нем «личного начала» вместе с патриархальными представлениями о взаимоотношениях власти и общества (см.: *Власть и реформы*. С.259,279,396,406; *Ерошкин Н.П.* Указ. соч. С.80-81,217-218).

⁴³ Накануне исторического события в ночь с 18 на 19 февраля 1861 г. 4 батальона пехоты и 6 эскадронов кавалерии были подтянуты к Зимнему дворцу, сам царь ночевал в другом крыле здания, а у дворцового подъезда наготове стояли лошади на случай, если бы пришлось спасаться бегством (см.: *Дневник П.А.Валуева*. М., 1961. Т.1. С.72-73).

⁴⁴ См.: *Коркунов Н.М.* Русское государственное право. СПб., 1909. Т.1. С.253; *Лазаревский Н.И.* Лекции по русскому государственному праву. СПб., 1908. Т.1. С.246. Характерно, что российский монархисты до сих пор спорят о романовском «наследстве» отнюдь не в рамках правовых понятий (см., например: *Шербачев О.В.* Император Кирилл I и закон о престолонаследии // *Дворянское собрание*. М., 1997. Вып.6. С.286-299).

⁴⁵ См.: *Власть и реформы*. С.293; *Ремнев А.В.* Генерал-губернаторская власть в XIX столетии. К проблеме организации регионального управления Российской империи // *Имперский строй России в региональном измерении*. М., 1997. С.54; *Флоринский М.М.* Из истории института верховной власти в России: XVIII – начало XX в. // *Мавродинские чтения*. СПб., 1994. С.130.

⁴⁶ См.: *Волк С.С.* Народная Воля, 1879-1882. М.-Л., 1966. С.241-244.

⁴⁷ См.: *Ашенбреннер М.Ю.* Военная организация «Народной Воли» и другие воспоминания. М., 1924. С.97.

⁴⁸ См.: *Карнишин В.Ю.* О Гучкове // *ВИ*. 1994. № 1. С.188; *Сенин А.С.* Александр Иванович Гучков // *Там же*. 1993. № 7. С.75.

⁴⁹ См., например: *Аврех А.Я.* Царизм накануне свержения. М., 1989. С.50; *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция: Восстание в Петрограде. М., 1967. С.80; *Ганелин Р.Ш.* Материалы по истории Февральской революции в Бахметевском архиве Колумбийского университета // ОИ. 1992. № 5. С.162; *Данилов Ю.Н.* На пути к крушению // Военно-исторический журнал. 1992. № 1. С.83; *Мельгунов С.П.* На путях к дворцовому перевороту (заговоры перед революцией 1917 г.). Париж, 1979. С.106-107; *Мосолов А.А.* При дворе последнего императора: Записки начальника канцелярии Министерства двора. СПб., 1999. С.89.

⁵⁰ Александр Иванович Гучков рассказывает... // ВИ. 1991. № 7-8. С.206.

⁵¹ См.: *Бурджалов Э.Н.* Указ. соч. С.78; *Мельгунов С.П.* Указ. соч. С.148-149; *Сенин А.С.* Указ. соч. С.78.

⁵² См.: *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: история власти (1945-1991). М., 1998. С.56.

⁵³ См., например: Независимая газета. 2001. 5 мая; *Афанасьев М.Н.* Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России. М., 2000. С.191.

⁵⁴ См.: *Афанасьев М.Н.* Клиентела в России вчера и сегодня // Политические исследования. 1994. № 1. С.126-127; *Розенбаум Ю.А.* Какой должна быть государственная служба // Власть. 1996. № 7. С.55; *Мельников В.П., Нечипоренко В.С.* Государственная служба в России: отечественный опыт организации и современность. М., 2000. Ч.2. С.244.

⁵⁵ Современные россияне по-прежнему различают понятия «закон» и «справедливость» — своеобразный архетип массового сознания, находящийся в одном ряду с понятиями «забота» и «сила» как свойствами идеальной власти (см.: Известия. 2002. 1 февраля).

I. Источники

I.1 Неопубликованные источники

Архив внешней политики Российской империи

Ф.2 (Внутренние коллежские дела)

Ф.6 (Секретнейшие дела)

Ф.11 (Иностранная пресса)

Ф.13 (Письма и прошения разных лиц на высочайшее имя и высоким особам)

Ф.15 (Приказные дела новых лет)

Ф.32 (Сношения России с Австрией)

Ф.33 (Венская миссия)

Ф.35 (Сношения России с Англией)

Ф.44 (Сношения России с Гамбургом)

Ф.50 (Сношения России с Голландией)

Ф.53 (Сношения России с Данией)

Ф.74 (Сношения России с Пруссией)

Ф.77 (Сношения России с Персией)

Ф.79 (Сношения России с Польшей)

Ф.89 (Сношения России с Турцией)

Ф.93 (Сношения России с Францией)

Ф.123 (Сношения России с Крымом)

Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН

Ф.16 (Балашовы)

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

Ф.73 (В.А. Бильбасов)

Ф.1105 (Д.Д. Шамрай)

Российский государственный архив древних актов

Ф.2 (Дела, относящиеся до императорской фамилии)

Ф.3 (Дела, относящиеся до внутренней и внешней политики России)

Ф.5 (Переписка высочайших особ с частными лицами)

Ф.6 (Уголовные дела по государственным преступлениям)

Ф.7 (Преображенский приказ, Тайная канцелярия и Тайная экспедиция)

Ф.9 (Кабинет Петра I и его продолжение)

Ф.10 (Кабинет Екатерины II и его продолжение)

- Ф.11 (Переписка разных лиц)
 Ф.14 (Придворное ведомство)
 Ф.16 (Внутреннее управление)
 Ф.19 (Финансы)
 Ф.20 (Дела военные)
 Ф.32 (Сношения России с Австрией и Германской империей)
 Ф.93 (Сношения России с Францией)
 Ф.149 (Дела о самозванцах)
 Ф.156 (Исторические и церемониальные дела)
 Ф.168 (Сношения русских государей с правительственными местами и должностными лицами)
 Ф.177 (Кабинет министров)
 Ф.178 (Конференция при высочайшем дворе)
 Ф.197 (Портфели А.Ф.Малиновского)
 Ф.198 (А.Д.Меншиков)
 Ф.199 (Портфели Г.-Ф.Миллера)
 Ф.203 (Кабинет Петра III)
 Ф.248 (Сенат)
 Ф.266 (Московская и Петербургская рентерея)
 Ф.273 (Камер-коллегия)
 Ф.279 (Штатс-контора)
 Ф.286 (Герольдмейстерская контора)
 Ф.340 (Канцелярия конфискации)
 Ф.342 (Комиссии о сочинении нового Уложения)
 Ф.370 (Дела, относящиеся до образования различных государственных учреждений)
 Ф.375 (Исторические сочинения)
 Ф.1239 (Дворцовый отдел)
 Ф.1261 (Воронцовы)
 Ф.1274 (Панины и Блудовы)
 Ф.1287 (Шереметевы)
 Ф.1290 (Юсуповы)
 Ф.1292 (Имп. Русское историческое общество)
Российский государственный военно-исторический архив
 Ф.2 (Канцелярия Военной коллегии)
 Ф.8 (Генерал-аудиторская экспедиция канцелярии Военной коллегии)
 Ф.20 (Воинская экспедиция Военной коллегии)
 Ф.21 (Счетное повытье Военной коллегии)
 Ф.23 (Воинские комиссии Военной коллегии)
 Ф.32 (Лейб-кампанский корпус)
 Ф.33 (Кавалергардский корпус)
 Ф.39 (Походная канцелярия главнокомандующего войсками в Семилетней войне)
 Ф.53. (К.Г.Разумовский)
 Ф.393 (Материалы Военной коллегии, учреждений и частей, ей подведомственных)
 Ф.410 (Материалы о Российской империи)
 Ф.463 (Семилетняя война 1756–1763 гг.)

- Ф.489 (Формулярные списки)
 Ф.2583 (Лейб-гвардии Преображенский полк)
 Ф.2584 (Лейб-гвардии Семеновский полк)
Российский государственный исторический архив
 Ф.730 (Комиссия об учреждении народных училищ)
- I. II Опубликованные источники
- I. II. I Законодательные и нормативные документы
- Воскресенский Н.А.* Законодательные акты Петра I. М.-Л., 1945. Т.1. Высочайшие повеления по придворному ведомству (1723–1730). СПб., 1886.
- Высочайшие повеления по придворному ведомству. Списки и выписки из архивных бумаг (1701–1740). СПб., 1888.
- Манифесты по поводу восшествия на престол Екатерины II // Осмнадцатый век. М., 1869. Кн. III. С.216-224.
- Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1874, 1880, 1883, 1892. Т.1, 5, 6, 9.
- Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. СПб., 1875–1878. Т.1–3.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб., 1830. Т. VI–XVIII, XX.
- Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. (1 серия) СПб., 1872, 1881, 1889, 1911. Т.2, 5, 6, 10.
- Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. (2 серия) СПб., 1899–1912. Т.1–4.
- Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1730 по 1862 г. СПб., 1862.
- Соборное Уложение 1649 года: Текст, комментарии /Подг. текста Л.И.Ивиной; Комм. Г.В.Абрамовича и др.; Руководитель авт. колл. А.Г.Маньков. Л., 1987.
- Тихонравов К.Н.* Указ Синода об отобрании книги «Введение в историю европейскую» // РС. 1895. № 12. С.148.
- Testament ihro kaysrl. majestat Catharina Alexiejowna selbshalterin von Russland welche den 17 may 1727 zu Petersburg. Stokholm, 1727.
- I. II. II Делопроизводственные источники
- Александров Г.* Елизаветинские лейб-кампанцы. Именные списки е.и.в. Лейб-кампанции чинам 1741–1759 гг. // РА. 1880. № 8. С.1-143.
- Барон Мюнхгаузен – российский кирасир. Документы 1739–1741 гг. /Публ. А.П.Капитонова // Российский архив: История отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1995. Вып. VI. С.10-55.
- Белгородская губерния 1727–1779 гг.: Сб. док. и материалов /Сост. А.П.Чиченков. Белгород, 1997.
- Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны, 1731–1740 гг. /Под ред. А.Н.Филиппова. Юрьев, 1898–1915. Т.1–12 (Сб. РИО. Т.104, 106, 108, 111, 114, 117, 120, 124, 126, 130, 138, 146).

Внутренний быт русского государства с 17 октября 1740 г. по 25 ноября 1741 г. по документам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1880, 1886. Кн.1,2.

Восстание декабристов /Под ред. М.Н.Покровского. М., 1925. Т.1; /Под ред. М.В.Нечкиной. 1976. Т.14.

Восстание в Москве 1682 г.: Сб. док. /Отв. ред. В.И.Буганов. М., 1976.

Восстание московских стрельцов. 1698 год: Материалы следственного дела /Под ред. В.И.Буганова. М., 1980.

Второв Н., Александров-Дольник К. Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и частию Азова. Воронеж, 1850. Ч.1.

Герман Э. Донесения прусского королевского посланника при русском дворе барона Густава фон Мардефельда с 24 декабря 1717 по 1730 г. // Сб. РИО. СПб., 1875. Т.15. С.175-414.

Герман Э. Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии // Сб. РИО. СПб., 1870. Т.3. С.317-532; Т.5. С.295-479.

Герман Э. Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии. Донесения секретаря посольства Пецольда с января 1742 по март 1744 г. // Сб. РИО. СПб., 1871. Т.6. С.387-506.

Городские восстания в Московском государстве XVII в. /Сост. К.В.Базилевич. М., 1936.

28 июня 1762 г. в Санкт-Петербурге // РС. 1883. № 3. С.681-684.

Новые материалы для истории царствования Екатерины I. Подлинное дело новгородского архиепископа Феодосия Яновского // РА. 1864. № 2. С.160-172.

Дипломатическая переписка австрийских послов и посланников при русском дворе // Сб. РИО. СПб., 1876, 1885. Т.18, 46.

Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе. Ч.1, 6, 9, 10 // Сб. РИО. СПб., 1873, 1889, 1893, 1894. Т.12, 66, 85, 91.

Дипломатическая переписка прусских послов и посланников при русском дворе. Ч.1 // Сб. РИО. СПб., 1878. Т.22.

Дипломатическая переписка французских представителей при дворе императрицы Екатерины II. Т.1—3 // Сб. РИО. СПб., 1912—1913. Т.140—142.

Дмитриев Д. Известие иностранного дипломата о восшествии на престол Екатерины II // ДИНР. 1877. № 2. С.225-228.

Дмитриев И.И. Взгляд на мою жизнь. М., 1866.

Дневник П.А.Валуева, министра внутренних дел. В 2-х т. М., 1961. Т.1.

Дневник курского помещика И.П.Анненкова // Материалы по истории СССР. М., 1957. Т.5. С.661-823.

Дневник статского советника Мизере о службе при Петре III // РА. 1911. № 5. С.5-20.

Донесение прусского посланника Гольца Фридриху Второму о восшествии на престол Екатерины // РА. 1898. № 1. С.18-27.

Донесения французских посланников и поверенных при русском дворе // Сб. РИО. СПб., 1886, 1887, 1888, 1891—1894, 1896. Т.52, 58, 64, 75, 81, 86, 92, 96.

Есинов Г.В. Дешети прусского посланника при русском дворе Акселя фон Мардефельда 1740 года // ДИНР. 1876. № 1. С.100-104; № 4. С.401-402; № 5. С.94-96; № 6. С.198-200; № 7. С.282-286; № 8. С.392;

Есинов Г.В. Росписи охоты царской за своеручным подписанием императора Петра II в январе 1729 г. // РА. 1869. № 10. С.1675-1681.

Записка о кончине императрицы Екатерины Алексеевны и о вступлении на престол государя императора Петра II Алексеевича. СПб., б.г.

Записка об Артемии Волынском // ЧОИДР. 1858. Кн.2. С.135-170.

Записка П.И.Ягужинского о состоянии России // ЧОИДР. 1860. Кн.4. С.269-273 отд. паг.

Из ольденбургского великогерцогского архива // РА. 1904. № 3. С.369-389.

Исторические бумаги XVIII в. // Русская беседа. 1860. Ч.2, кн.20. С.179-258.

Исторические документы 1742 г. // РА. 1864. № 5-6. С.235-272.

Камер-фурьерский церемониальный журнал 1739 г. СПб., б.г.

Камер-фурьерский церемониальный журнал 1762 г. СПб., б.г.

Корсакова В.Д. Дипломатические депешы посланника при русском дворе Вестфалена о воцарении императрицы Анны Иоанновны // РС. 1909. № 1. С.194-211; № 2. С.279-298; № 3. С.537-554.

Кудрявцев А. Книга записная имянным письмам и указам императрицы Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны С.А.Салтыкову // ЧОИДР. 1878. Кн.1. С.1-236.

Материалы для истории имп. Академии наук. СПб., 1885, 1887. Т.1, 4.

Материалы для истории русского флота. СПб., 1875, 1886. Т.5, 11.

Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП (б) 1937 г. /Публ. А.П.Кошелевой, О.В.Наумова, Л.А.Роговой // ВИ. 1995. № 11-12. С.3-23.

Новомбергский Н.Я. Слово и дело государево. Томск, 1909. Т.2.

Пекарский П.П. Исторические бумаги, собранные К.И.Арсеньевым // Сб. ОРЯС. СПб., 1872. Т.9. С.1-488.

Пекарский П.П. Маркиз де ла Шетарди в России, 1740—1742. СПб., 1862.

Пекарский П.П. Новые известия о В.Н.Татищеве. СПб., 1864.

Пирлинг П. Деша Виллардо кардиналу Флери от 30 января 1730 г. // РС. 1893. № 11. С.281-282.

Письма о России в Испанию испанского посланника в России при императоре Петре II и в начале царствования Анны Иоанновны // Осмнадцатый век. М., 1869. Кн. II. С.1-214; Кн. III. С.27-129.

Показания князя И.А.Долгорукого и мнение о том Тайной канцелярии // ЧОИДР. 1864. Кн.1. С.1-7.

Походный журнал 1725 г. СПб., 1855.

Походный журнал 1726 г. СПб., 1855.

Прокопович М.Н. О извозчике I гренадерского батальона Е.Артемыеве, назвавшемся царевичем Алексеем Петровичем // ЧОИДР. 1897. Кн.1. С.9-10 отд. паг.

Прокопович М.Н. О содержании в нынешнее мирное время армии и как оброчных крестьян в лучшее содержание привести // ЧОИДР. 1897. Кн.2. С.29-52 отд. паг.

Протоколы, журналы и указы Верховного Тайного совета, 1726—1730 гг. /Под ред. Н.Ф.Дубровина. Т.1—8 // Сб. РИО. СПб., 1886—1898. Т.55, 56, 63, 69, 79, 84, 94, 101.

- Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. СПб., 1884. Т.1. Россия и Испания: Документы и материалы. В 2-х т. /Сост. О.В.Волосюк М., 1991. Т.1.
- Русский двор в 1761 г. // РС. 1878. № 10. С.187-206.
- Русский дипломат во Франции: Записки Андрея Матвеева. Л., 1972.
- Русско-британские торговые отношения в XVIII в.: Сб. док. /Отв. ред. А.А.Преображенский. М., 1994.
- Сборник военно-исторических материалов. СПб., 1893,1902. Т.3,13.
- Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872. Т.1,2. Сенатский архив. СПб., 1890—1913. Т.3—15.
- Смирнов П.П. Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII в. // ЧОИДР. 1915. Кн.3. С.1-73.
- Соколов А.Б. Английский дипломат о политике и дворе Екатерины II // ВИ. 1999. № 4-5. С.115-128.
- Сперанский М.М. Проекты и записки. М.-Л., 1961.
- Список военным генералам со времени императора Петра I до императрицы Екатерины II. СПб., 1809.
- Список военным чином первой половины XVIII столетия // Сенатский архив. СПб., 1895. Т.7. С.636-811.
- Список лейб-гвардии Преображенского, Семеновского, Измайловского и Конного полков, также и Сухопутного шляхетного кадетского корпуса в разные числа декабря месяца прошлого 1761 да сего 1762 года генваря месяца, по поднесенным докладам, и особо по имянным е. и. в. указам пожалованным штаб- и обер-офицерам. СПб., 1762.
- Список находящимся у статских дел господам сенаторам, обер-прокурорам и всем присутствующим в коллегиях, канцеляриях, конторах, губерниях, провинциях и городах на... (1766—1770). СПб., б.г.
- Фавье Ж.Л. Записки // ИВ. 1887. № 8. С.388-405.
- Филиппов А.Н. Доклад императрице Елизавете Петровне о восстановлении власти Правительствующего Сената // ЖМНП. 1897. № 2. С.274-291.
- Хакобо Джеймс Стюарт, герцог де Лириа-и-Херика. Донесение о Московии в 1731 году // ВИ. 1997. № 5. С.73-94.
- Цветаев Д.В. Собственноручные указы и письма императрицы Екатерины Великой // Журнал министерства юстиции. 1915. № 10. С.180-196.
- Шефер А. Из последних дней русской императрицы Елизаветы // ЧОИДР. 1877. Кн.2. С.5-15 отд. паг.
- Шумигорский Е.С. Донесения датского посла Гакстгаузена о царствовании Петра III и перевороте 1762 г. // РС. 1914. № 6. С.539-57; № 10. С.70-80; № 11. С.262-283; № 12. С.504-512; 1915. № 2. С.274-282; № 3. С.532-544; № 4. С.33-37; № 5. С.295-298.
- Щебальский П.К. Дело о курляндском герцоге Э.-И.Бироне // ЧОИДР. 1862. Кн.1. С.28-128.
- Экспедиция Беринга /Подг. к печати А.Покровский. М., 1941.
- Якубов К.И. Россия и Швеция в первой половине XVII в. М., 1897.
- Abgestatteter Bericht an romisch-kaiserlichen Hof von der russischen Kaiserin Katharina der Ersten Herkunft und Gelangung zum Thron // Magazin für die neue Historie und Geographie. Halle, 1777. Bd.XI. S.480-522.

- Friedrich II. Politische Correspondenz Friedrichs der Grossen. Berlin, 1879. Bd.1,2.
- Klueting H., Klueting E. Graf Ostermann. Urkunden und Regesten. Amsterdam, 1972. Vol.1—2.
- И.П.III Дневники и мемуары
- Александр II. Воспоминания. Дневники. СПб., 1995.
- Ассбург А.Ф. Записка о воцарении Екатерины II // РА. 1879. № 3. С.362-369.
- Ашенбреннер М.Ю. Военная организация «Народной Воли» и другие воспоминания (1860—1904 гг.). М., 1924.
- Безвременье и временщики: Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720—1760-е годы) /Подг. текста, вступ. ст., комм. Е.В.Анисимова. Л., 1991.
- Беспярых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. СПб., 1997.
- Беспярых Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991.
- Благово А.А. Памятная книжка поручика лейб-гвардии Семеновского полка Александра Алексеевича Благово // Шукинский сборник. М., 1903. Вып.2. С.385-455; 1904. Вып.6. С.44-94.
- Вильбуа Н. Краткий очерк или анекдоты о жизни князя Меншикова и его детях // РВ. 1842. № 2. С.151-173.
- Вильбуа Ф. Рассказы о российском дворе // ВИ. 1991. № 12. С.192-206; 1992. № 1. С.139-155; № 4-5. С.137-148.
- Воронцов С.Р. Автобиография // РА. 1876. № 1. С.33-59.
- Грязново И.М. Записная книга, 1730—1753 гг. // Шукинский сборник. М., 1907. Вып.6. С.14-37.
- Державин Г.Р. Избр. проза. М., 1984.
- Дидро и Екатерина II. Их беседы, напечатанные по собственным запискам Дидро. СПб., 1902.
- Екатерина II. Записки. СПб., 1907.
- Желябужский И.А. Дневные записки // РА. 1910. № 9. С.5-154.
- Журнал генерал-фельдмаршала кн. Н.Ю.Трубецкого, 1717—1763 // РС. 1870. № 1. С.33-41.
- Заметки Трубецкого в календаре в 1762 году // РС. 1892. № 2. С.443-448.
- Записки А.М.Тургенева // РС. 1887. № 1. С.77-106.
- Записки графа Рожера де Дама // Старина и новизна. СПб., 1914. Кн.18. С.1-100.
- Записки Штелина о Петре Третьем, императоре всероссийском // ЧОИДР. 1866. Кн.4. С.67-118 отд. паг.
- Болотов А.Т. Записки, 1737—1796. В 2-х т. Тула, 1988. Т.1.
- Записки графа Г.П.Чернышева // РС. 1872. № 6. С.792-802.
- Записки княгини Дашковой. Письма сестер Вильмот из России /Под ред. С.С.Дмитриева. М., 1991.
- Из записок Фридриха Великого о России // РА. 1877. № 1. С.5-21.
- Имеретинский Н.К. Из записок старого преображенца // РС. 1893. № 4. С.21-50.

- Император Петр III // РА. 1909. № 7. С.518-534
- Империя после Петра, 1725—1765 / Яков Шаховской. Василий Нащокин. Иван Неплюев. М., 1998.
- Кантемир А.Д.* Заметки князя Кантемира в его календаре 1728 г. // *Кантемир А.Д.* Сочинения, стихи и избранные переводы. В 2-х т. СПб., 1868. Т.2. С.344-349.
- Кашин Н.И.* Поступки и забавы императора Петра Великого. СПб., 1895.
- Кони А.Ф.* Граф М.Т.Лорис-Меликов // *Кони А.Ф.* Собр. соч. В 8-ми т. М., 1968. Т.5. С.184-216.
- Лазаревский А.* Похождения известных петербургских действ // Осмнадцатый век. М., 1869. Кн.П. С.631-633.
- Лантева Л.П.* Рассказ очевидца о жизни Московии конца XVII в. // ВИ. 1970. № 1. С.103-126.
- Лейхтенбергский Г.* Из записок о России графа фон Герца, прусского посланника при дворе Екатерины II // Вестник Общества ревнителей истории. Пг., 1914. Вып.1. С.5-33.
- Лириа де Я.* Записки о пребывании при императорском российском дворе в звании посла короля испанского // Россия XVIII в. глазами иностранцев / Эдгв. текстов, вступ. ст. и комм. Ю.А.Лимонова. Л., 1989. С.189-260.
- Маркович Я.* Дневные записки малороссийского подскарбия генерального Якова Марковича. М., 1859. Т.1,2.
- Матвеев А.А.* Записки // Записки русских людей. СПб., 1841. С.1-94.
- Мордвинов С.И.* Родословие фамилии адмирала Мордвинова // Архив графов Мордвиновых. СПб., 1901. Т.2. С.9-55.
- Муравьев М.А.* Записки / Публ. Т.Г.Дмитриевой, М.М.Якушкиной, Г.Р.Якушкина // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. М., 1994. Вып. V. С.7-81.
- Неистовый реформатор / Иоганн Фоккеродт. Фридрих Берхгольц. М., 2000.
- Отзыв итальянца о главных правительственных лицах во второй половине екатерининского царствования // РА. 1875. № 6. С.113-125.
- Переворот 1762 г.: Сочинения и переписка участников и современников. М., 1908.
- Перевороты и войны / Христофор Манштейн. Бурхард Миних. Эрнст Миних. Неизвестный автор. М., 1997.
- Повседневные записки делам князя А.Д.Меншикова, 1716—1720, 1726—1727 гг. / Публ. С.Р.Долговой // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. М., 2000. Вып. X. С.1-648.
- Позье И.* Записки придворного брильянтика о пребывании его в России с 1729 по 1765 г. СПб., 1870.
- Порошин С.А.* Записки, служащие к истории его императорского высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича. СПб., 1881.
- Превратности судьбы с подробным повествованием о весьма необычайных обстоятельствах, приключившихся с одним польским дворянином, находившимся в продолжении 45 лет на русской службе // РА. 1898. № 4. С.479-508.
- Рукопись-черновик неизвестного французского автора XVIII в. // Русский библиофил. 1913. № 6. С.57-66.

- Рюльер К.-К.* История и анекдоты революции в России в 1762 г. // Россия XVIII в. глазами иностранцев / Подг. текстов, вступ. ст. и комм. Ю.А.Лимонова. Л., 1989. С.261-312.
- Сен-Симон К.А. де Р.* Мемуары. В 2-х т. М.-Л., 1936. Т.2.
- Сербинович К.С.* Николай Михайлович Карамзин // РС. 1874. № 9. С.44-75.
- Сиверс Д.* Записки // РА. 1909. № 7. С.518-526.
- Тихомиров М.Н.* Записки приказных людей XVII в. // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. Л., 1956. Т.12. С.444-448.
- Толстой М.* Краткое описание жизни графа П.А.Толстого (сочинение французского консула Виллардо) // РА. 1896. № 1. С.20-28.
- Хаханов А.С.* Записка современника, грузинского архиерея, о вступлении на престол императрицы Екатерины II // ЧОИДР. 1900. Кн.4. С.17-24 отд. паг.
- Храповицкий А.В.* Памятные записки А.В.Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины Второй. М., 1990.
- Юность державы / Фридрих Берхгольц. Геннинг Бассевич. М., 2000.
- Dukes P., Meehan-Waters B.* A Neglected Account of the Succession Crisis of 1730: James Keith's Memoir // Canadian-American Slavic Studies. 1978. Vol.12, № 1. P.170-182.
- I.П.IV Эпистолярные источники
- Горяинов С.М.* Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны и английского посла сэра Ч.Уильямса // ЧОИДР. 1909. Кн.2. С.1-360.
- Конопчинский В.* Два политических письма Екатерины II // РС. 1912. № 3. С.618-632.
- Лопатин В.С.* Екатерина II и Г.А.Потемкин. Личная переписка, 1769—1791. М., 1997.
- Три письма графа А.Г.Орлова к Екатерине II // РА. 1911. № 5. С.24-26.
- Три письма Петра III из Ропши к Екатерине II // РА. 1911. № 5. С.21-24.
- ***
- Архив князя Воронцова. М., 1871—1873, 1875, 1880—1883. Кн.2,4,6,7, 21,24,25,29.
- Бумаги императрицы Екатерины II // Сб. РИО. СПб., 1871, 1872. Т.7,10.
- Бумаги И.И.Шувалова // РА. 1867. № 1. С.65-97.
- Бошинг А.-Ф.* Основательно исследованные и изысканные причины перемен правления в доме Романовых // Архив князя Воронцова. М., 1882. Кн.25. С.1-50.
- Две заметки Екатерины II // РА. 1863. № 7. С.383-384.
- Екатерина II.* Соч. М., 1990.
- Екатерина II.* Соч. В 12-ти т. СПб., 1901. Т.3.
- Записки Я.Штелина об изящных искусствах в России. В 2-х ч. М., 1990. Ч.1.
- Из материалов для истории и статистики г. Ельца, собранных подполковником Ридингером // РА. 1866. № 3. С.346-377.
- Императрица Екатерина II // РС. 1875. № 2. С.384-389.
- Иркутская летопись. Иркутск, 1911.

Исторические песни XVIII в. /Подг. к печати, комм. О.Б.Алексеевой, Л.И.Емельянова. Л., 1971.

Историческое описание о восшествии на престол императрицы Елисаветы Петровны // РВ. 1842. № 4. С.1-15.

Кантемир А.Д. Собрание стихотворений. Л., 1956.

Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977.

Конституционные проекты в России XVIII – начала XX вв. /Отв. ред. С.Бертолисси, А.Н.Сахаров. М., 2000.

Краткая реляция восточества ее императорского величества всемилоостивейшей государыни Елисаветы Петровны на всероссийский отеческий престол // РА. 1872. № 6. С.1169-1181.

Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. В 11-ти т. М.-Л., 1959. Т.8.

Материалы для русской истории, хранящиеся в Чехии // РА. 1883. № 6. С.227-240.

Мнение бывшего императора Петра III // РА. 1871. № 12. С.2055.

«О повреждении нравов в России» князя М.Щербатова и «Путешествие» А.Радищева: Факс. изд. /Вступ. ст. и комм. Н.Я.Эйдельмана. М., 1984.

Оболенский М.А. Материалы для русского индекса Librogum prohibitorum // Библиографические записки. 1861. № 7. С.192-194.

Обстоятельства, подготовившие опалу Эрнста Иоганна Бирона, герцога Курляндского // Время. 1861. № 12. С.522-622.

Памятники новой русской истории: Сборник ст. и материалов /Изд. В.В.Кашпирев. СПб., 1871, 1872. Т.1, 2.

Пекарский П.П. Собственноручная заметка Екатерины II об ошибках в государственном управлении после кончины Петра Великого // РС. 1880. № 12. С.1047.

Первые пьесы русского театра /Под ред. А.Н.Робинсона. М., 1972.

Полное собрание русских летописей /Отв. ред. М.Н.Тихомиров. М., 1965. Т.13; /Отв. ред. Б.А.Рыбаков. 1968. Т.31.

Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М., 1951.

Путь к трону: История дворцового переворота 28 июня 1762 года /Сост., предисл. и комм. Г.А.Веселой. М., 1997.

Пьесы столичных и провинциальных театров первой половины XVIII в. /Гл. ред. А.Н.Робинсон. М., 1975.

Рассказ императрицы Екатерины II о первых пяти годах ее царствования // РА. 1863. № 4. С.483-492.

Русские повести первой трети XVIII в. /Подг. текстов Г.Н.Моисеевой. М.-Л., 1965.

Семевский М.И. Материалы к русской истории второй половины XVIII в. // ВЕ. 1867. № 3. С.305-323.

Татищев В.Н. Записки. Письма, 1717–1750 гг. М., 1980.

Татищев В.Н. Избр. произведения. Л., 1979.

Татищев В.Н. Лексикон Российской исторической, географической, политической и гражданской. В 3-х ч. СПб., 1793. Ч.1.

Тредиаковский В.К. Избр. произведения. М.-Л., 1963.

Ф.В.Волков и русский театр его времени: Сб. материалов /Отв. ред. Ю.А.Дмитриев. М., 1953.

Феофан Прокопович. Краткая повесть о смерти Петра Великого... С присовокуплением описания порядка, держанного при погребении... Петра Великого... СПб., 1831.

Феофан Прокопович. История о избрании и восшествии на престол блаженной и вечно достойной памяти государыни императрицы Анны Иоанновны. СПб., 1837.

Феофан Прокопович. О смерти Петра Великого императора Российского. СПб., 1725.

Феофан Прокопович. Слова и речи поучительные, похвальные и по-здравительные. СПб., 1761. Ч.2.

Филиппов А.Н. Неизданный текст записки, представленной императрице Елизавете Петровне бывшим герцогом Эрнестом-Иоганном Бироном // ЖМНП. 1903. № 6. С.322-350.

Фридрих II и Петр III // РС. 1871. № 3. С.281-309.

II. Литература

Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М., 1989.

Акишин М.О. Сибирский приказ в системе управления Сибирью в 1730–1763 годах // Российская государственность: традиции, преемственность, перспективы: Материалы II Чтений памяти профессора Т.П.Коржихиной /Под общ. ред. Т.Г.Архиповой. М., 1999. С.42-47.

Александр Иванович Гучков рассказывает... /Подг. текста и комм. С.М.Ляндрес, А.В.Смолин; Предисл. В.И.Старцев // ВИ. 1991. № 7-8. С.191-216.

Александров Г. Екатерининские пособия-солдаты // РА. 1880. № 5. С.147-150.

Алексеев А.Н. Переворот 25 ноября 1741 г. в памятных медалях // Монета: Международный нумизматический альманах. Вологда, 1999. Вып.6. С.118-131.

Алексеев А.С. Легенда об олигархических тенденциях Верховного Тайного совета в царствование Екатерины I. М., 1896. 127 с.

Алексеев А.С. Сильные персоны в Верховном Тайном совете Петра II и роль князя Голицына при воцарении Анны Иоанновны. М., 1898.

Алефиренко П.К. Отписная ведомость Канцелярии конфискации как источник по истории помещичьего землевладения в России второй четверти XVIII в. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России: Сб. ст. к 70-летию А.А.Новосельского /Отв. ред. Н.В.Устюгов. М., 1961. С.307-309.

Алпатов М.А. «История, или анекдоты о революции в России в 1762 г.» Клода Карломана де Рюльера // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки: Сб. ст. /Отв. ред. Е.М.Жуков. М., 1981. С.322-326.

Андреев В.В. Представители власти в России после Петра I. СПб., 1870.

Андреев И.Л. Раскаты Смуты // Знание – сила. 1994. № 2. С.4-23.

Андреева Т.В. Император Николай Павлович и граф М.А.Милорадович // Россия в николаевское время: наука, политика, просвещение: К

275-летию Академии наук и 200-летию со дня рождения Николая I /Отв. ред. Т.В.Артемяева. СПб., 1998. С.230-250.

Андросов С.О. Ж.-Б.Маньян. Француз в России в первой трети XVIII в. // Россия – Франция: Век Просвещения: Краткие тезисы докладов науч. конф. 12-14 мая 1987 г. /Отв. ред. Г.Н.Комелова. М., 1992. С.3-9.

Анисимов Е.В. «Феномен Пикуля» глазами историка // Знамя. 1987. № 11. С.214-223.

Анисимов Е.В. Анна Иоанновна // ВИ. 1993. № 4. С.19-33.

Анисимов Е.В. Внутренняя политика Верховного Тайного совета (1726–1730). Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1975.

Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997.

Анисимов Е.В. Елизавета Петровна. М., 1999.

Анисимов Е.В. Женщины на российском престоле. СПб., 1998.

Анисимов Е.В. Петр Первый: рождение империи // История отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX вв. /Сост. С.В.Мироненко. М., 1991. С.186-220.

Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России, 1719–1728 гг. Л., 1982.

Анисимов Е.В. Причины образования Верховного Тайного совета (1726–1730 гг.) // Социально-политическая история СССР: Сб. ст. аспирантов и соискателей. М.-Л., 1974. Вып.1. С.161-179.

Анисимов Е.В. Путники, прошедшие раньше нас // Безвременье и временщики: Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720–1760-е годы) /Подг. текста, вступ. ст., комм. Е.В.Анисимова. Л., 1991. С.3-24.

Анисимов Е.В. Россия без Петра, 1725–1740. СПб., 1994.

Анисимов Е.В. Россия в середине XVIII века: Борьба за наследие Петра. М., 1986.

Анисимов Е.В. Россия при императрице Анне (проблема «бироновщины») // A Window On Russia. Papers from the V International Conference of the Study Group on Eighteen-Century Russia (Gargano, 1994). Roma, 1996. P.51-56.

Анненков И.В. История лейб-гвардии конного полка, 1731–1848. СПб., 1849. Ч.1–4.

Аполлова Н.Г. Присоединение Казахстана к России в 30-х гг. XVIII в. Алма-Ата, 1948.

Ардашев Н.Н. Регламент Вотчинной коллегии в проектах 1723, 1732 и 1740 гг. М., 1890.

Армия и гражданское общество // Латинская Америка. 1993. № 8. С.15-33.

Арсеньев А.В. «Непристойные речи» (из дел Преображенского приказа и Тайной канцелярии XVIII в.) // ИВ. 1897. № 7. С.59-80.

Арсеньев К.И. Царствование Екатерины I. СПб., 1856.

Арсеньев К.И. Царствование Петра II. СПб., 1839.

Архипова Т.Г., Румянцева М.Ф., Сенин А.С. История государственной службы в России XVIII–XIX вв. М., 1999.

Аспидов Ф., Степанов Д. Подъем – переворот // Знание – сила. 1993. № 7. С.91-93.

Астраханские губернаторы: Историко-краеведческие очерки /Сост. А.П.Карасева и др. Астрахань, 1997.

Афанасьев М.Н. Клиентела в России вчера и сегодня // Политические исследования. 1994. № 1. С.122-127.

Афанасьев М.Н. Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России. 2-е изд., доп. М., 2000.

Ашрафян К.З. Восточный феодализм: особенности структуры // Экономическая история: исследования, историография, полемика /Отв. ред. Ю.Н.Розалиев. М., 1992. С.149-166.

Бааш Э. История экономического развития Голландии в XVI–XVIII вв. М., 1949.

Баггер Х. Датско-русские отношения в XVIII в. // Дания и Россия – 500 лет. М., 1996. С.62-84.

Баггер Х. Реформы Петра Великого: Обзор исследований. М., 1985.

Бакланова Е.Н. Крестьянский двор и община на русском Севере. М., 1976.

Балакин Д.В. Финансовый аппарат России в конце XVII – первой половине XVIII в. (организационно-правовое строительство). Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 1998.

Балязин В.В. Императорские наместники первопрестольной. М., 2000.

Бантыш-Каменский Д.Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. СПб., 1840–1841. Ч.1–4.

Бантыш-Каменский Д.Н. Словарь достопамятных людей Русской земли. М., 1836. Ч.1–5.

Бантыш-Каменский Н.Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год. Казань, 1888.

Барсов Н.И. Черты русской истории и быта эпохи Петра II // ИВ. 1891. № 11. С.409-439.

Барсов Т.В. Святейший Синод в его прошлом. СПб., 1896.

Барсуков А.П. Рассказы из русской истории XVIII в. СПб., 1885.

Барышников М. Последний дворцовый заговор в России // Знание – сила. 1992. № 10. С.87-94.

Бахрушин С.В. Политические толки в царствование Михаила Федоровича // *Бахрушин С.В.* Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. М., 1987. С.87-117.

Безак Х. Краткое введение в бытописание Всероссийской империи. СПб., 1785.

Белковец Л.П. Россия в немецкой исторической журналистике XVIII в. Томск, 1988.

Белов Е.А. Верховники и дворянство // Историческое обозрение: Сб. Исторического о-ва при имп. Санкт-Петербургском ун-те. СПб., 1891. Т.3. С.92-108.

Белов Е.А. Отношения Фридриха II до вступления его на престол к русскому двору с 1737 по 1740 г. // ДИИР. 1875. № 8. С.377-380.

Белов Е.А. Московские смуты в конце XVII в. // ЖМНП. 1887. № 2. С.319-366.

Белов М.И. Письма И. фан Келлера в собрании нидерландских дипломатических документов // Исследования по отечественному источниковедению: Сб. ст., посвященных 75-летию С.Н.Валка /Отв. ред. Н.Е.Новосов. М.-Л., 1964. С.374-382.

Белозерская Н.А. Происхождение Екатерины I // ИВ. 1902. № 1. С.60-66.

Белявский М.Т. Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е.И.Пугачева (формирование антикрепостнической мысли). М., 1965.

Беляев И.Д. Российское общество от кончины Петра Великого до Екатерины II // Библиотека для чтения. 1865. № 3. С.57-97.

Берго И.Б. Парламентская оппозиция абсолютизму во Франции в третьей четверти XVIII в. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 1987.

Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX в. М., 1973.

Бильбасов В.А. Исторические монографии. СПб., 1901. Т.3,5.

Бильбасов В.А. История Екатерины II. Берлин, 1900. Т.1-2.

Блудов Д.Н. Суд над графом Девиером и его соучастниками // *Ковалевский Е.П.* Граф Блудов и его время. СПб., 1866. С.185-190.

Блюш Л. Людовик XIV. М., 1998.

Бобровский П.О. История лейб-гвардии Преображенского полка. СПб., 1900-1904. Т.1-2.

Богданов А.И. Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга от начала заведения его в 1703 по 1751 год. СПб., 1779.

Богданов А.П. К вопросу об авторстве «Созерцания краткого лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве» // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. Сб. статей /Отв. ред. Б.Г.Литвак. М., 1987. С.126-130.

Богданов А.П. Летописные известия о смерти Федора и воцарении Петра Алексеевича // Летописи и хроники. 1980. М., 1981. С.197-206.

Богданов А.П. Политическая гравюра в России периода регентства Софьи Алексеевны // Источниковедение отечественной истории. 1981 /Отв. ред. В.И.Буганов. М., 1982. С.242-245.

Богданов А.П. Сильвестр Медведев // ВИ. 1988. № 2. С.84-98.

Богданов А.П., Возгрин В.Е. Московское восстание 1682 г. глазами датского посла // ВИ. 1986. № 3. С.78-91.

Богданович Е. Род князей Барятинских. СПб., 1898.

Богословский М.М. Заговор Цыклера // Сборник статей по русской истории, посвященных С.Ф.Платонову. Пг., 1922. С.130-140.

Богословский М.М. История России XVIII в. (1725-1796 гг.). М., 1915.

Богословский М.М. Конституционное движение 1730 г. М., 1905.

Богословский М.М. Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719-1727 гг. М., 1902.

Богословский М.М. Петр I: Материалы для биографии. М., 1940. Т.1.

Богоявленский С.К. Хованщина // ИЗ. 1941. Т.10. С.192-218.

Бойцов М.А. «...Клики страшный глас» // Дворцовые перевороты в России 1725-1825 /Сост., вступ. ст., комм. М.А.Бойцова. Ростов н/Д., 1998. С.3-20.

Болтин И.Н. Примечания на Историю древняя и нынешняя России господина Леклерка. В 2-х т. Б.м., 1788. Т.2.

Бондаренко В.Н. Очерки финансовой политики кабинета министров Анны Иоанновны. М., 1913.

Бороздин К.М. Опыт исторического родословия Измайловых. СПб., 1841.
Бороздин К.М. Опыт исторического родословия дворян и графов Матюшкиных. СПб., 1841.

Бочкарев В.А. Русская историческая драматургия XVII-XVIII вв. М., 1988.

Бочкарев В.Н. Первая сенаторская ревизия в России // Сб. Ярославского гос. ун-та. Ярославль, 1923. Вып.2. С.40-56.

Брикнер А.Г. Австрийские дипломаты в России (по документам Венского архива) // ВЕ. 1893. № 12. С.490-553.

Брикнер А.Г. Дипломатия в манеже // ИВ. 1893. № 11. С.559-565.

Брикнер А.Г. Жизнь Петра III до вступления на престол // РВ. 1882. № 11. С.5-53; 1883. № 1. С.184-242; № 2. С.711-755; № 10. С.473-521; № 13. С.509-548.

Брикнер А.Г. Император Иоанн Антонович и его родственники. М., 1874.

Брикнер А.Г. Император Петр III (По депешам графа Мерси // ДИНР. 1878. № 11. С.177-200.

Брикнер А.Г. Императрица Екатерина I, 1725-1727 // ВЕ. 1894. № 1. С.121-148; № 2. С.615-646.

Брикнер А.Г. Падение Бирона. 1740 (По новым данным из разных архивов) // Новое слово. 1895. № 3. С.207-226; 1896. № 4. С.134-152; № 6. С.25-45; № 8. С.52-78.

Брикнер А.Г. Первые годы царствования Екатерины II (по депешам голландского резидента Мейнерцгагена) // ИВ. 1884. № 10. С.5-24.

Брикнер А.Г. Принц Гессен-Гомбургский в России // ИВ. 1893. № 4. С.169-176.

Брикнер А.Г. Россия и Дания при императрице Екатерине I // РМ. 1895. № 2. С.39-60; № 3. С.41-56; № 7. С.104-118; № 9. С.24-33.

Брикнер А.Г. Русский двор при Петре II, 1727-1730: По документам Венского архива // ВЕ. 1896. № 1. С.99-125; № 2. С.559-598; № 3. С.7-44.

Брикнер А.Г. Э.А.Геррман // ЖМНП. 1884. № 12. С.141-144.

Буганов В.И. Екатерина I // ВИ. 1994. № 11. С.39-49.

Буганов В.И. «Канцлер» предпетровской поры // ВИ. 1971. № 10. С.144-156.

Буганов В.И. Московские восстания конца XVII в. М., 1969.

Буганов В.И. Об оценке Московского восстания 1682 г. (по поводу рецензии Н.И.Павленко) // ИСССР. 1973. № 2. С.236-244.

Буганов В.И. Петр Великий и его время. М., 1989.

Булыгин И.А. Вопрос о секуляризации духовных вотчин в правительственной политике 20-х - начала 60-х гг. XVIII в. // Церковь, общество и государство в феодальной России /Отв. ред. А.И.Клибанов. М., 1990. С.299-312.

Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция: Восстание в Петрограде. М., 1967.

Бушковиц П. Историк и власть: дело царевича Алексея (1716-1718) и Н.Г.Устрялов (1845-1859) // Американская русистика: веки историографии последних лет. Императорский период: Антология /Сост. М.Дэвид-Фокс. Самара, 2000. С.80-120.

Бушуев С.В. История государства Российского: Историко-библиографические очерки. XVII-XVIII вв. М., 1994.

Бюлер Ф.А., Максимов Н.Я. Э.-И.Бирон, герцог Курляндский регент Российской империи // РС. 1873. № 1. С.52-61.

В борьбе за власть: Страницы политической истории России XVIII в. М., 1988.

Валишевский К.Ф. Дочь Петра Великого. М., 1989.

Валишевский К.Ф. Царство женщин. М., 1989.

Вальденберг В.Е. Древнерусские учения о пределах царской власти. Пг., 1916.

Вандаль А. Императрица Елизавета и Людовик XV. М., 1911.

Васильчиков А.А. Род Нарышкиных // РА. 1871. № 9. С.1487-1519.

Васильчиков А.А. Семейство Разумовских. СПб., 1880. Т.1.

Вдовина Л.Н. Дворянский конституционализм в политической жизни России XVIII в. // Монархия и народовластие в культуре Просвещения. Сб. ст. /Отв. ред. Г.С.Кучеренко. М., 1995. С.36-48.

Вейдемейер А.В. Обзор главнейших происшествий в России с кончины Петра Великого до вступления на престол Елизаветы Петровны. СПб., 1831. Ч.1-2

Вельяминов Г.М. Род Вельяминовых. М., 1997.

Веретенников В.И. Из истории Тайной канцелярии, 1731-1762 гг.: Очерки. Харьков, 1911.

Веретенников В.И. История Тайной канцелярии петровского времени. Харьков, 1910.

Веретенников В.И. Проект уничтожения Сената в XVIII в. // Уч. зап. Харьковского ун-та. 1913. № 2. С.5-9.

Вернадский Г.В. Русская история. М., 1997.

Верховский П.В. «Затейка» верховников в чине молебна. Берлин, 1913.

Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XVI-XVII вв. М., 1975.

Витол А.В. Османская империя (начало XVIII в.). М., 1987.

Власов В.И., Гончаров Н.Ф. Взгляд на причины преступности в России за тысячелетие. Домодедово, 1998. Вып.1.

Власть и реформы: От самодержавной к советской России /Отв. ред. Б.В.Ананьич. СПб., 1996.

Водарский Я.Е. Правящая группа светских феодалов в России в XVII в. // Дворянство и крепостной строй в XVI-XVII вв. Сб. ст., посвященных памяти А.А.Новосельского /Отв. ред. Н.И.Павленко. М., 1975. С.70-107.

Водарский Я.Е. Реформа Петра Великого: стереотипы и факты // Реформы и реформаторы в истории России. Сб. ст. /Отв. ред. А.Н.Сахаров. М., 1996. С.35-47.

Волконская Е.Г. Род князей Волконских. СПб., 1900.

Глазунова Н.И. Феномен насилия в русской истории // Военное насилие в политической борьбе /Отв. ред. Р.Г.Яновский. М., 1994. С.8-13.

Гофмейстерины, статс-дамы и фрейлины русского двора XVIII и XIX вв. СПб., 1872.

Вознесенский С.В. Дворянская реакция после смерти Петра Великого: Из эпохи дворцовых переворотов // Русское прошлое. Пг., 1923. Кн.2. С.22-54.

Волгин И.Л. Кто убил Петра III? // Президент. 1994. № 1. С.19-22.

Волгин И.Л. Метаморфозы власти: Покушения на российский трон в XVIII-XIX вв. М., 1994.

Волк С.С. Исторические взгляды декабристов. М.-Л., 1958.

Волк С.С. Народная Воля, 1879-1882. М.-Л., 1966.

Волков М.Я. Города Верхнего Поволжья и Северо-Запада России. Первая четверть XVIII в. М., 1994.

Волков Н.Е. Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. М., 2001.

Володьков О.П. Фаворитизм в России XVIII века // Выдающиеся государственные деятели России XVIII-XX вв. /Отв. ред. Ю.П.Родионов. Омск, 1996. С.46-64.

Волынский Н.П. Научно-историческое исследование неточностей, вкравшихся в хроники полков лейб-гвардии кирасирских. СПб., 1906.

Воронежские губернаторы и вице-губернаторы 1710-1917: Историко-биографические очерки /Ред.-сост. А.Н.Акиншин. Воронеж, 2000.

Высоцкий Д.А. Общественно-политические взгляды помещичьего дворянства и внутреннее развитие Русского государства XVII в. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1988.

Вяземский Б.Л. Верховный Тайный совет. СПб., 1909.

Гаврюшкин А.В. Граф Никита Панин: Из истории русской дипломатии XVIII в. М., 1989.

Гаман О.А. Бюрократия российской империи: вехи эволюции. М., 1997.

Ганелин Р.Ш. Материалы по истории Февральской революции в Бахметевском архиве Колумбийского университета // ОИ. 1992 № 5. С.156-166.

Герасимова Г.И. «Северный аккорд» графа Панина: Проект и реальность // Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С.65-78.

Герман Э. Царствование Иоанна VI Антоновича // РА. 1866. № 1. С.1-38; № 2. С.137-141; № 5. С.661-674; № 10. С.1349-1374; № 11-12. С.1508-1538; 1867. № 2. С.161-189.

Герцен А.И. О развитии революционных идей в России // *Герцен А.И.* Собр. соч. В 30-ти т. М., 1956. Т.7. С.137-263.

Герье В.И. Борьба за польский престол в 1733 г. М., 1862.

Гессен Ю.И. Липман Леви (Исаак Либман) // Еврейская энциклопедия. СПб., б.г. Т.10. Стб.223-225. Псевд. «Ю.Г.»

Глинка С.Н. Русская история. М., 1823. Ч.8.

Гломозда В.Г. Альтернативы в истории // Преподавание истории в школе. 1991. № 5. С.12-18.

Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России. В 12-ти ч. М., 1789. Ч.IX.

Голикова Н.Б. Политические процессы при Петре I. М., 1957.

Голицын Н.В. Феофан Прокопович и воцарение императрицы Анны Иоанновны // ВЕ. 1907. № 4. С.519-543.

Голицын Н.Н. Род князей Голицыных. СПб., 1892.

Голомбиевский А.А. А.Г.Орлов-Чесменский // РА. 1904. № 8. С.499-532.

Голомбиевский А.А. Князь Г.Г.Орлов // РА. 1904. № 7. С.371-426.

Гольденберг Л.А. Федор Иванович Соймонов (1692-1780). М., 1966.

Гордин Я.А. Власть и гвардия // Знание - сила. 1991. № 11. С.80-87; № 12. С.66-72.

Гордин Я.А. Меж рабством и свободой: 19 января - 25 февраля 1730 года. СПб., 1994.

- Гордин Я.А.* Мятеж реформаторов: 14 декабря 1825 года. Л., 1989.
- Государственность России (конец XV – февраль 1917 г.): Словарь-справочник /Отв. сост. О.Ф.Козлов. В 4-х кн. М., 1996–2001. Кн.1–4.
- Готье Ю.В.* История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М., 1913. Т.1–2.
- Готье Ю.В.* Очерк истории землевладения в России. Сергиев Посад, 1915.
- Готье Ю.В.* «Проект о поправлении государственных дел» А.П.Волынского // Дела и дни. 1922. № 3. С.1–31.
- Градовский А.Д.* Начала русского государственного права // *Градовский А.Д.* Собр. соч. В 9-ти т. СПб., 1901. Т.7.
- Гринев С.А.* История роты дворцовых гренадеров. СПб., 1911.
- Губернаторы Оренбургского края /Авт.-сост. В.Г.Семенов, В.П.Семенова. Оренбург, 1999.
- Гурьянова Н.С.* Старообрядческие сочинения XVIII – начала XIX вв. о догмате немоления за государя в Федосеевском согласии // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России /Отв. ред. Н.Н.Покровский. Новосибирск, 1984. С.75–86.
- 200-летие Кабинета его императорского величества, 1704–1904. СПб., 1911.
- Демкин А.В.* Британское купечество в России в XVIII в. М., 1998.
- Джинчарадзе В.З.* Из истории Тайной экспедиции при Сенате (1762–1801 гг.) // Уч. зап. Новгородского педагогического ин-та. Новгород, 1957. Т.1, вып.1. С.83–118.
- Дирин П.Н.* История лейб-гвардии Семеновского полка. СПб., 1883. Т.1–2.
- Дитятин И.И.* Верховная власть в России XVIII в. // *Дитятин И.И.* Статьи по истории русского права. СПб., 1895. С.591–631.
- Длуголенский Я.* Военно-гражданская и полицейская власть в Санкт-Петербурге, 1703–1917. СПб., 2001.
- Для биографии герцога Бирона // РА. 1867. № 3. С.469–473.
- Дмитриев-Мамонов Ф.И.* Хронология, переведенная тщанием сочинителя философа дворянина из науки, которую сочинил г. де Шевиньи... М., 1782.
- Долгорукий А.В., Шилевская Н.С.* Долгорукие, Долгоруковы и Долгорукие-Аргутинские. СПб., 1869. Ч.1.
- Долгорукий Ф.С.* Долгорукие, Долгоруковы и Долгорукие-Аргутинские. СПб., 1913. Ч.2.
- Долгоруков П.В.* Время императора Петра II и императрицы Анны Иоанновны. М., 1909.
- Долгоруков П.В.* Правда о России. Париж, 1861. Т.1–2.
- Домингес Ортис А.* Кризис испанской монархии в XVII в. // Россия и Испания: Историческая ретроспектива /Отв. ред. З.В.Удальцова. М., 1987. С.243–260.
- Егор Столетов. Рассказ из истории Тайной канцелярии // РС. 1873. № 7. С.1–27.
- Егоров В.И.* Униформа шлезвиг-голландских войск Петра III (по материалам РГВИА): Дипломная работа /МГИАИ. М., 2002. (рукопись)
- Ежов В.В.* Самые знаменитые заговоры и перевороты России. М., 2002.

- Ельчанинов И.Н.* Материалы для генеалогии ярославского дворянства. Ярославль, 1913. Вып.2.
- Ерошкин Н.П.* Крепостническое самодержавие и его политические институты (первая половина XIX в.). М., 1981.
- Есипов Г.В.* Князь-игуменья // РС. 1870. № 6. С.507–510.
- Есипов Г.В.* Люди старого века. СПб., 1880.
- Есипов Г.В.* Ссылка князя Меншикова // ОЗ. 1860. № 8. С.379–426; 1861. № 1. С.55–90; № 3. Приложение. С.1–50.
- Ефимов С.В.* Политический процесс по делу царевича Алексея. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1997.
- Ефимов С.В.* Петровская Россия в докладе австрийского дипломата // Петр Великий и его время: Материалы Всероссийской науч. конф., посвященной 290-летию Полтавской победы, 8–11 июля 1999 г. /Отв. ред. С.В.Ефимов, Н.В.Кирющенко. СПб., 1999. С.112–121.
- [*Ефремов Н.И.*] Детская российская история, изданная в пользу обучающегося юношества. Смоленск, 1797.
- Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка (толково-словообразовательный). М., 2000. Т.2.
- Ешевский С.В.* Сочинения по русской истории. М., 1900.
- Ештокин С.А.* Абсолютизм в России (1725–1825 гг.): Учеб. пособие. М., 2001.
- Желвакова И.А.* Рассекречивание прошлого в годы первой революционной ситуации (на примере публикаций Исторических сборников «Вольной русской типографии в Лондоне» о перевороте 1801 г.) // Революционная ситуация в России 1859–1861 гг. /Отв. ред. М.В.Нечкина. М., 1974. С.211–222.
- Живов В.М.* История русского права как лингвосомиотическая проблема // Из истории русской культуры. М., 2002. Т.II, кн.1. Киевская и Московская Русь. С.652–738.
- Живов В.М., Успенский Б.А.* Царь и бог: семиотические аспекты сакрализации монарха в России // *Успенский Б.А.* Избр. тр. 2-е изд., испр. и доп. М., 1996. Т.1. Семиотика истории. Семиотика культуры. С.223–237.
- Загоскин Н.П.* Верховники и шляхетство 1730 года. Казань, 1881.
- Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978.
- Зайончковский П.А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий, 1881–1903. М., 1973.
- Зайцев А.Д.* «Русский архив» и цензура // Археографический ежегодник за 1976 г. М., 1977. С.101–110.
- Заозерский А.И.* Царская вотчина XVII в. М., 1937.
- Западов В.А.* Краткий очерк истории русской цензуры 60–90-х гг. XVIII в. // Уч. зап. Ленинградского педагогического ин-та им. А.И.Герцена. Л., 1971. Т.414. С.94–135.
- Зелинская З.* Проблема русско-польского союза в первые годы правления Станислава-Августа // Польша и Европа в XVIII в.: Международные и внутренние факторы разделов Речи Посполитой /Отв. ред. Б.В.Новосов. М., 1999. С.102–123.
- Зимин А.А.* Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М., 1991.

- Златкин И.Я.* История Джунгарского ханства (1635–1758). М., 1964.
- Зноско-Боровский Н.А.* История лейб-гвардии Измайловского полка, 1730–1880. СПб., 1882.
- Зулис Я.Я.* Остзейский вопрос в XVIII в. Рига, 1946.
- Зызыкин М.В.* Царская власть и закон о престолонаследии в России. Б.м., 1995.
- Ибнеева Г.В.* Борьба мнений вокруг проекта Императорского Совета Н.И.Панина // Проблемы отечественной и зарубежной истории и историографии. Казань, 1998. С.92-100 (Уч. зап. Казанского ун-та. Т.134).
- Ибнеева Г.В.* Политические группировки при восшествии на престол Екатерины II. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 1994. 18 с.
- Иванов О.* Загадка писем А.Орлова из Ропши // Московский журнал. 1995. № 9. С.13-19; № 11. С.10-18; № 12. С.9-17; 1996. № 1. С.37-43; № 2. С.32-39; № 3. С.25-29.
- Ильин В.В., Панарин А.С., Ахиезер А.С.* Реформы и контрреформы в России: циклы модернизационного процесса: Теоретическая политология. М., 1996.
- Ильинская И.* У истоков русского исторического романа // Нева. 1969. № 12. С.174-177.
- Индова Е.И.* Дворцовое хозяйство в России (первая половина XVIII в.). М., 1964.
- Индова Е.И.* К вопросу о дворянской собственности в России в поздний феодальный период // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв. Сб. ст., посвященных памяти А.А.Новосельского /Отв. ред. Н.И.Павленко. М., 1975. С.272-292.
- Исаев И.А.* История государства и права России: Полный курс лекций. М., 1994.
- Исаев И.А.* История государства и права России: Учеб. пособие. М., 2002.
- Исламов Т.М.* Заговор против Польши // Польша и Европа в XVIII в.: Международные и внутренние факторы разделов Речи Посполитой /Отв. ред. Б.В.Носов. М., 1999. С.124-145.
- Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. М.-Л., 1956. Т.1.
- История внешней политики России. XVIII век (от Северной войны до войн России против Наполеона) /Отв. ред. Г.А.Санин М., 1998.
- История XVIII столетия или обстоятельное описание всех важнейших происшествий и достопамятных перемен, случившихся в осьмнадцатом столетии. М., 1806. Ч.4.
- История в сослагательном наклонении // Одиссей: Человек в истории, 2000. М., 2000. С.5-85.
- История государства и права России: Учебник /Под ред. Ю.П.Титова. М., 2001.
- История государственного управления в России: Учебник /Под ред. Р.Г.Пихои. М., 2002.
- История Европы. В 8-ми т. /Отв. ред. М.А.Барг. М., 1994. Т.4.
- История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г. В 5-ти т. /Отв. ред. В.И.Буганов, И.Д.Ковальченко. М., 1987. Т.3.

- История отечества с древнейших времен до наших дней: Энциклопедический словарь /Сост. Б.Ю.Иванов, В.М.Кареев, Е.И.Куксина. М., 1999.
- История отечественного государства и права. В 2-х ч. /Под ред. О.В.Чистякова. М., 1996. Ч.1.
- История Правительствующего Сената за 200 лет, 1711–1911. В 5-ти т. СПб., 1911. Т.2.
- История России с начала XVIII до конца XIX в. /Под ред. А.Н.Сахарова. М., 1996.
- История СССР. В 2-х ч. /Под ред. П.И.Кабанова и В.В.Мавродина. М., 1979. Ч.1.
- История СССР с древнейших времен до конца XVIII в. /Под ред. Б.А.Рыбакова. М., 1983.
- История СССР с древнейших времен до наших дней. В 12-ти т. /Отв. ред. Л.Г.Бескровный. М., 1967. Т.3.
- Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие. М., 1998.
- Итоги XVIII века в России. М., 1910.
- Кабанов В.В.* Орловы. Историческая хроника. М., 1997.
- Каждан А.П.* О социальной природе византийского самодержавия // Народы Азии и Африки. 1966. № 6. С.52-64.
- Каменский А.Б.* Екатерина II // ВИ. 1989. № 3. С.62-88.
- Каменский А.Б.* История России XVIII в. в трудах С.О.Шмидта // Источниковедение и краеведение в культуре России: Сб. к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту /Отв. ред. В.Ф.Козлов. М., 2000. С.479-481.
- Каменский А.Б.* От Петра I к Павлу I. Реформы в России XVIII в.: опыт целостного анализа. М., 1999.
- Каменский А.Б.* «Под сению Екатерины...»: Вторая половина XVIII века. СПб., 1992.
- Каменский А.Б.* Российская империя в XVIII в. М., 1997.
- Каменский А.Б.* Российское дворянство в 1767 г. (к проблеме консолидации) // ИСССР. 1990. № 1. С.58-77.
- Каменский А.Б.* Сословная политика Екатерины II // ВИ. 1995. № 3. С.29-45.
- Каменский А.Б.* Судьба петровских реформ (1725–30) // Reflections on Russia in the Eighteenth Century: Papers from the VI International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia, Leiden 1999 /Ed. by J.Klein. Köln-Weimar- Wien-Bohlau, 2001. P.52-66.
- Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991.
- Каратыгин П.П.* Семейные отношения Остермана // ИВ. 1884. № 9. С.605-623.
- Каратыгин П.П.* Язык мой – враг мой // ИВ. 1897. № 9. С.768-787.
- Кареев Н.И.* Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII вв. СПб., 1908.
- Карнишин В.Ю.* О Гучкове // ВИ. 1994. № 1. С.187-188.
- Карнович Е.П.* Замыслы верховников и челобитчиков в 1730 г. // ОЗ. 1872. № 1. С.209-232; № 2. С.489-510.

- Карнович Е.П.* Значение бироновщины в русской истории // ОЗ. 1873. № 10. С.542-577; № 11. С.95-127.
- Карцов П.П.* История лейб-гвардии Семеновского полка. СПб., 1854. Т.1–2.
- Кизеветтер А.А.* Дворянские политические проекты 1730 г. // Науч. тр. Русского народного ун-та в Праге. Прага, 1929. Т.2. С.77-88.
- Кизеветтер А.А.* Реформа Петра I в сознании русского общества // Русское богатство. 1896. № 10. С.20-46.
- Кипнис Б.Г.* Военный элемент в формировании Санкт-Петербурга // Психология Петербурга и петербуржцев за три столетия: Материалы Российской науч. конф. 25 мая 1999 г. /Под ред. В.И.Старцева. СПб., 1999. С.9-16.
- Клочков М.В.* О тайном архиве при Сенате // Сборник статей в честь Д.А.Корсакова. Казань, 1913. С.187-193.
- Ключевский В.О.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968.
- Ключевский В.О.* Курс русской истории // *Ключевский В.О.* Соч. В 9-ти т. М., 1989. Т.4.
- Княгиня Е.Р.Дашкова // РС. 1874. № 3. С.407-464.
- Князя Долгоруковы в 1730–1740 гг. // РС. 1873. № 12. С.735-746.
- Кобрин В.Б.* Иван Грозный. М., 1989.
- Кобрин В.Б.* Смутное время – утраченные возможности // История отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX в. /Сост. С.В.Мироненко. М., 1991. С.163-185.
- Коваленко Т.А.* Менталитет русского дворянства в контексте культуры середины XVIII в. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 1999.
- Ковалевский М.М.* Очерки по истории политических учреждений России. СПб., 1908.
- Ковальченко И.Д.* Возможное и действительное и проблемы альтернативности в историческом развитии // ИСССР. 1986. № 4. С.83-103.
- Коган М.А.* Просвещенный абсолютизм в Дании: Реформы Струензе. Л., 1972.
- Козинцева Р.И.* От таможенного тарифа 1724 к тарифу 1731 г. // Вопросы генезиса капитализма в России: Сб. ст. /Отв. ред. В.В.Мавродин. Л., 1960. С.189-216.
- Козлова Н.В.* Российский абсолютизм и купечество в XVIII в.: 20 – начало 60-х гг. М., 1999.
- Колесников П.А.* Северная деревня в XV – первой половине XIX в. Вологда, 1976.
- Коллман Н.* Соединенные чество: Государство и общество в России раннего нового времени. М., 2001.
- Кологривов С.* Новонайденный труд Екатерины Великой // РА. 1908. № 6. С.169-177.
- Комиссаренко А.И.* Русский абсолютизм и духовенство в XVIII в. (очерки истории секуляризационной реформы 1764 г.). М., 1990.
- Копанев Н.А.* Почему было прекращено первое научное периодическое издание на русском языке // Книга в России XVII – начала XIX вв.: проблемы создания и распространения /Отв. ред. А.А.Зайцева. Л., 1989. С.40-45.

- Копосов Н.Е.* Абсолютная монархия во Франции // ВИ. 1989. № 1. С.42-57.
- Копосов Н.Е.* Высшая бюрократия в политической системе старого порядка // От старого порядка к революции. Межвузовский сб. /Под. ред. В.Г.Ревуненкова. Л., 1988. С.26-51.
- Кореневит В.А.* Крепость Петерштадт (археологические исследования в Ораниенбауме) // Памятники культуры. Новые открытия. 1993. /Ред.-колл.: Д.С.Лихачев и др. М., 1994. С.516-532.
- Коркунов Н.М.* Русское государственное право. В 2-х т. СПб., 1909. Т.1.
- Корсаков Д.А.* А.П.Волынский и его «конфиденты» // РС. 1885. № 10. С.17-54.
- Корсаков Д.А.* Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Казань, 1880.
- Корсаков Д.А.* Из жизни русских деятелей XVIII в. Казань, 1891.
- Корсаков Д.А.* Сторонники воцарения Екатерины II // ИВ. 1884. № 2. С.231-260.
- Корсаков Д.А.* Суд над князем Д.М.Голицыным // ДИНР. 1879. № 10. С.126-152.
- Корсакова В.Д.* Список начальствующих лиц в городах теперешней Казанской губернии с 1553 до образования Казанской губернии в 1708 г., а также губернаторов, наместников, генерал-губернаторов и военных губернаторов, управлявших Казанской губернией с 1708 по 1908 включительно. Казань, 1908.
- Корф М.А.* Брауншвейгское семейство. М., 1993.
- Котляров Н.* Средневековый тип государственности и его русская модель XIV–XVI вв. // Сословия и государственная власть в России, XV – середина XIX вв. /Отв. ред. Н.В.Карлов. М., 1994. Ч.1. С.213-222.
- Кошелева О.И.* Лето 1645 года: смена лиц на российском престоле // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. 1999 /Под ред. Ю.Л.Бесмертного, М.А.Бойцова. М., 1999. С.148-170.
- Краснобаев Б.И.* «Дворцовых переворотов эпоха» // Советская историческая энциклопедия. В 15-ти т. /Гл. ред. Е.М.Жуков. М., 1964. Т.5. С.18.
- Краткая российская история, изданная в пользу народных училищ Российской империи. СПб., 1799.
- Краткая универсальная история господина Ла Кроца. СПб., 1761.
- Кричевцев М.В.* Кабинет Елизаветы Петровны и Петра III. Новосибирск, 1993.
- Кром М.М.* Политическая антропология: новые подходы к изучению феномена власти в истории России // ИЗ. 2001. Т.4 (122). С.370-397.
- Крунт А.Л.* Новгородские предания об Иване Грозном // Проблемы изучения русского устного народного творчества. М., 1977. Вып.4. С.48-56.
- Крылова Т.К.* Отношения России и Испании в первой четверти XVIII в. // Культура Испании /Отв. ред. А.М.Деборин. М., 1940. С.327-352.
- Кузьмин А.Г.* Первые попытки ограничения самодержавия в России // Советское государство и право. 1980. № 7. С.81-90.
- Кузьмина В.Д.* Пародия в рукописной сатире и юмористике XVIII в. // Зап. Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В.И.Ленина. М., 1955. Вып.17. С.1145-158.

Кулистиков В.М. Нестабильность: заколдованный круг периферийной политики // Латинская Америка. 1987. № 9. С.19–30.

Лависс Э., Рамбо А. Всеобщая история с IV столетия до нашего времени. В 8-ми т. М., 1902. Т.7.

Лавров А.С. «Записки о Московии» де ла Невилля (преобразовательный план В.В.Голицына и его источники) // Вестник ЛГУ. Серия «История, языкознание, литература». 1986. № 4. С.88–91.

Лавров А.С. Регентство царевны Софьи Алексеевны: Служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682–1689 гг. М., 1999.

Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. В 2-х т. СПб., 1908. Т.1.

Ланьков А.Н. Политическая борьба в Корее XVI–XVIII вв. СПб., 1995.

Лаппо-Данилевский А.С. Россия и Голштиния (очерк из истории германо-русских отношений в XVIII в.) // Исторический архив. 1919. Кн.1. С.255–292.

Латкин В.Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX ст.). СПб., 1909.

Ле Донн Д. Правящий класс России: характерная модель // Международный журнал социальных наук. 1993. № 3. С.175–194.

Лебедев В.И. Астраханское восстание 1705–1706 гг. // Уч. зап. Московского гос. педагогического ин-та. М., 1941. Т.2, вып.1. С.3–32.

Левин Л.И. Российский генералиссимус герцог Антон Ульрих (история «брауншвейгского семейства» в России). СПб., 2000.

Леврон Ж. Секрет мадам де Помпадур. М., 1992.

Левиц Г. Абрам Петрович Ганнибал: биографическое исследование. Таллин, 1984.

Лейберов И.П., Марголис Ю.Д., Юрковский Н.К. Традиции демократии и либерализма в России // ВИ. 1996. № 2. С.3–14.

Леонов С.В. Рождение советской империи: государство и идеология, 1917–1922 гг. М., 1997.

Лермонтова Е. Самодержавие царевны Софьи Алексеевны по неизданным документам // РС. 1912. № 2. С.425–445; № 3. С.539–547.

Лефорт А.А. История царствования государыни императрицы Екатерины II. В 5-ти ч. М., 1837. Ч.1.

Линдцер Г. Петр Великий и Алексей Петрович (эпизод русской истории в освещении западноевропейской литературы) // Петр Великий. СПб., 1903. С.249–294.

Линч Д. Революции в испанской Америке, 1808–1826. М., 1979.

Литаврин Г.Г. Византийское общество и государство в X–XI вв. Проблемы одного столетия, 976–1081. М., 1977.

Литаврин Г.Г. Одиннадцатое столетие – «золотой век» византийской бюрократии // Власть и политическая культура в средневековой Европе /Отв. ред. Е.В.Гутнова. М., 1992. Ч.1. С.122–134.

Литвак Б.Г. Переворот 1861 г. в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991.

Лиштенан Ф.-Д. Россия входит в Европу: Императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство, 1740–1750. М., 2000.

Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. В 2-х т. 2-е изд. СПб., 1895. Т.1–2.

Лодыженский К. История русского таможенного тарифа. СПб., 1886.

Ломоносов и елизаветинское время (издания церковной печати времени императрицы Елизаветы Петровны). В 8-ми т. Пг., 1914. Т.4.

Лонгинов А.В. Обзор записок графа Матвеева и вновь открытых вариантов их о стрелецком полковнике Сухареве // РС. 1918. № 3–6. С.1–28.

Лонгинов М.Н. Русский генералитет в начале 1730 г. (по списку П.Ф.Карабанова) // Оснадцатый век. М., 1869. Кн.III. С.161–177.

Лотман Ю.М. Очерки по истории русской культуры XVIII – начала XIX века // Из истории русской культуры. М., 1996. Т.IV. XVIII – начало XIX в. С.13–346.

Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Споры о языке в начале XIX в. как фактор русской культуры // Уч. зап. Тартуского ун-та. Тарту, 1975. Вып.358. С.168–322.

Лукин П.В. Народные представления о государственной власти в России XVII в. М., 2000.

Луковская Д.И., Гречишин С.С., Морозов В.И. М.М.Сперанский: краткий очерк жизни и деятельности // М.М.Сперанский: жизнь, творчество, государственная деятельность. СПб., 2000. С.4–66.

Лунин М.С. Сочинения, письма, документы. Иркутск, 1988.

Луппов С.П. Кто покупал книги в Петербурге второй четверти XVIII в. // История книги и издательского дела /Отв. ред. С.П.Луппов. Л., 1977. С.122–155.

Лурье С.С. Из истории дворцовых заговоров в России XVIII в. // ВИ. 1965. № 7. С.214–218.

Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – начала XX века). М., 2001.

Львов А.Н. Неизъясненный эпизод из царствования Петра II // ИВ. 1896. № 7. С.75–78.

Любавский М.К. Русская история XVIII в. В 2-х ч. М., 1913. Ч.1.

Мадариага И., де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002.

Макарычев А.С. Неформальные структуры власти и механизм политического лидерства на переломных этапах истории // Человек и его время: Сб. материалов Всесоюзной школы молодых историков /Отв. ред. А.Н.Сахаров. М., 1991. С.57–65.

Маколей Т. История Англии от восшествия на престол Иакова II // Маколей Т. Полн. собр. соч. В 16-ти т. СПб., 1865. Т.12.

Малов В.Н. Жан-Батист Кольбер: абсолютистская бюрократия и французское общество. М., 1991.

Мальшев М.Ю. Сословная политика правительства Анны Иоанновны (дворянство, крестьянство, духовенство). Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1997.

Мальгин Т. Зерцало российских государей с 862 по 1789 г. СПб., 1789.

Маньков А.Г. Уложение 1649 г. – кодекс феодального права России. Л., 1980.

Марасинова Е.Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII в. М., 1999.

- Марасинова Е.Н.* Эпистолярные источники о социальной психологии российского дворянства // ИСССР. 1990. № 4. С.165-173.
- Маркова О.П.* Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. М., 1966.
- Мартынов Е.И.* Царская армия в февральском перевороте. М., 1927.
- Масловский Д.Ф.* Записки по истории военного искусства в России. В 2-х вып. СПб., 1891. Вып.1.
- Масловский Д.Ф.* Русская армия в Семилетнюю войну. В 3-х вып. М., 1891. Вып.3.
- Медушевский А.Н.* Утверждение абсолютизма в России: Сравнительное историческое исследование. М., 1994.
- Медушевский А.Н.* Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1997.
- Мейер М.С.* Османская империя в XVIII в. Черты структурного кризиса. М., 1991.
- Мельгунов С.П.* На путях к дворцовому перевороту (заговоры перед революцией 1917 г.). Париж, 1979.
- Мельников В.П., Нечипоренко В.С.* Государственная служба в России: отечественный опыт организации и современность. М., 2000. Ч.1–2.
- Мельников С.А.* Наследование престола на Руси и институт соправительства как факторы централизации // ВИ. 2001. № 11-12. С.102-108.
- Микунова Т.Л.* Российское общество накануне реформ Екатерины Великой. М., 2002.
- Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001.
- Милюков П.Н.* Верховники и шляхетство // *Милюков П.Н.* Из истории русской интеллигенции. Сб. ст. и этюдов. Портреты Н.В.Станкевич, В.Г.Белинский, Н.А.Герцен, А.И.Герцен и снимок с «кондиций» императрицы Анны. 2-е изд. СПб., 1903. С.1-51.
- Милюков П.Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905.
- Мироненко С.В.* Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989.
- Мироненко С.В.* Страницы тайной истории самодержавия: политическая история России первой половины XIX столетия. М., 1990.
- Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начала XX в.). В 2-х т. М., 1999. Т.2.
- Миронов Б.Н.* Социальная структура городского населения России в 1737 г.: опыт реконструкции // Проблемы социально-экономической истории России. Сб. ст. /Отв. ред А.А.Фурсенко. СПб., 1991. С.118-124.
- Миронова Е.М.* Складывание «Северной системы» Н.И.Панина (60-е гг. XVIII в.) // Вестник Московского ун-та. Сер.8. История. 1989. № 6. С.41-51.
- Михневич В.О.* Две невесты Петра II // ИВ. 1898. № 2. С.573-602.
- Михневич В.О.* Женское правление и его противники // ИВ. 1882. № 2. С.257-286.
- Михневич В.О.* С сильным не борись (картина нравов первой половины XVIII в.) // ИВ. 1883. № 12. С.474-491.

- Михневич В.О.* Семейство Скавронских // ИВ. 1885. № 2. С.233-257.
- Могильницкий Б.Г.* Историческая альтернативность: методологический аспект // ННИ. 1990. № 3. С.7. С.3-18.
- Модзалевский Б.Л.* Род Раевских герба Лебедь. СПб., 1908.
- Молева Н.* Архивное дело №... М., 1980.
- Молева Н.М.* Иван Никитин. М., 1972.
- Молин Ю.А.* Тайны гибели великих. СПб., 1997.
- Мосолов А.А.* При дворе последнего императора: Записки начальника канцелярии Министерства двора. СПб., 1992.
- Мохначева М.П.* Журналистика и историческая наука. В 2-х кн. М., 1999. Кн.2.
- Мунчаев Ш.М., Устинов В.М.* Политическая история России: от становления самодержавия до падения Советской власти. М., 1999.
- Мыльников А.С.* «Он не был похож на государя...» Петр III: повествование в документах и версиях. СПб., 2001.
- Мыльников А.С.* Искушение чудом: «Русский принц», его прототипы и двойники-самозванцы. Л., 1991.
- Мыльников А.С.* Петр III // ВИ. 1991. № 4-5. С.43-58.
- Нарбут А.Н.* Князя Урусовы. М., 1994.
- Наумов В.П.* Вопросы внутренней политики в протоколах Конференции при высочайшем дворе // Археографический ежегодник за 1984 г. М., 1986. С.247-252.
- Наумов В.П.* Елизавета Петровна // ВИ. 1993. № 5. С.51-71.
- Наумов В.П.* Императорские советы в России XVIII века (причины возникновения, компетенция и типология). // Российская государственность: опыт и перспективы изучения. Чтения памяти Т.П.Коржихиной /Сост. Т.Г.Архипова. М., 1995. С.12-14.
- Наумов В.П.* Источники о законодательной деятельности Конференции при высочайшем дворе // Мир источниковедения: Сб. в честь С.О.Шмидта /Редколл. А.Д.Зайцев и др. М., 1994. С.93-97.
- Наумов В.П.* Мемуары русских государственных деятелей послепетровского времени // Империя после Петра, 1725–1765 / Яков Шаховской. Василий Нашокин. Иван Неплюев. М., 1998. С.449-472.
- Наумов В.П.* Некоторые особенности источниковедческого анализа дипломатических реляций XVIII в. // Источниковедение и краеведение в культуре России: Сб. к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту /Отв. ред. В.Ф.Козлов. М., 2000. С.145-148.
- Наумов В.П.* Организация и внутривластная деятельность Конференции при высочайшем дворе (1756–1762 гг.). Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 1991.
- Наумов В.П.* Петр III // Романовы. Исторические портреты. В 2-х ч. /Под. ред. А.Н.Сахарова. М., 1997. Ч.1. С.558-600.
- Наумов В.П.* Совет при Петре III // Российское самодержавие и бюрократия: Сб. ст. в честь Натальи Федоровны Демидовой /Отв. ред. А.А.Преображенский. М.-Новосибирск, 2000. С.257-267.
- Наумов В.П.* Удивительный самодержец: загадки его жизни и царствования // На российском престоле. XVIII век. М., 1993. С.283-326.
- Некрасов Г.А.* Роль России в европейской международной политике, 1725–1739 гг. М., 1976.

Нелипович С.Г. Позиция Б.Х. фон Мюнниха в дискуссии 1725 г. о сокращении армии и военного бюджета России // Военно-исторический журнал. 1990. № 8. С.3-12.

Нелипович С.Г. Российский вспомогательный корпус на Рейне // Постигаемая история России: К 50-летию научного исторического кружка отечественной истории средневековья и нового времени /Сост. А.И.Комиссаренко. М., 1997. С.102-110.

Нехачин И. Новое ядро российской истории. М., 1795. Ч.2.

Нечаев В.Н. Публикация о винах кн. А.Д.Меншикова // Русский исторический журнал. 1921. Кн.7. С.92-113.

Нечаев В.Н. Следственные допросы кн. А.Д.Меншикова (по вновь найденным документам) // Русский исторический журнал. 1921. Кн.8. С.115-150.

Николаев Н.Г. Столетие фельдъегерского корпуса. СПб., 1896.

Никонова В.М. Требования дворян и проект «Прав благородных» в Уложенной комиссии 1767 г. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 1990.

Новейшее повествовательное описание всех четырех частей света. СПб., 1795. Ч.II.

Нордстет И. Российский, с немецким и французским переводами, словарь. В 2-х ч. СПб., 1782. Ч.2.

Носов Б.В. Русская политика в диссидентском вопросе в Польше в 1762–1766 гг. // Польша и Европа в XVIII в.: Международные и внутренние факторы разделов Речи Посполитой /Отв. ред. Б.В.Носов. М., 1999. С.20-101.

О происхождении императрицы Екатерины I // ДИНР. 1879. № 1. С.56-90.

Оболонский А. Перекрестки российской истории: упущенные шансы // Общественные науки и современность. 1992. № 3. С.86-89.

Общий морской список. СПб., 1885–1890. Ч.1–2.

Овчинников Р.В. Крушение «полудержавного властелина» (документы следственного дела князя А.Д.Меншикова) // ВИ. 1970. № 9. С.87-104.

Окунь С.Б. История СССР: Лекции. В 2-х ч. Л., 1974. Ч.1.

Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины II: просвещенный абсолютизм в России. М., 1993.

Омельченко О.А. Императорское собрание 1763 г. (комиссия о вольности дворянской). Исторический очерк. Документы. М., 2001.

Омельченко О.А. К проблеме правовых форм российской абсолютной монархии второй половины XVIII в. // Проблемы истории абсолютизма /Отв. ред. К.И.Батыр. М., 1983. С.25-55.

Омельченко О.А. Становление абсолютной монархии в России. М., 1986. Очерк истории Министерства иностранных дел. СПб., 1902.

Очерки истории СССР. XVII в. /Под ред. А.А.Новосельского, Н.В.Устюгова. М., 1956.

Очерки истории СССР: Россия во второй четверти XVIII в. /Под ред. А.И.Барановича. М., 1957.

Очерки русской культуры XVIII в. В 4-х ч. /Гл. ред. Б.А.Рыбаков. М., 1987. Ч.2.

Павленко Н.И. Екатерина Великая. М., 1999.

Павленко Н.И. История металлургии в России XVIII в. М., 1962.

Павленко Н.И. Об оценке стрелецкого восстания 1682 г. // ИСССР. 1971. № 3. С.77-94.

Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1994.

Павленко Н.И. Полудержавный властелин. М., 1988.

Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. М., 1988.

Павленко Н.И. Страсти у трона. История дворцовых переворотов. М., 1996.

Павленко Н.И., Андреев И.Л., Кобрин В.Б. История России с древнейших времен до 1861 года: Учебник для вузов. М., 2000.

Павлов-Сильванский Н.П. Мнения верховников о реформах Петра Великого // *Павлов-Сильванский Н.П.* Соч. В 2-х т. СПб., 1910. Т.2. С.373-401.

Павлов-Сильванский Н.П. Проекты реформ в записках современников Петра Великого: Опыт изучения русских проектов и неизданные их тексты. СПб., 1897. (Зап. историко-филологического фак. имп. Санкт-Петербургского ун-та. Ч.42).

Павлов-Сильванский Н.П. Суд над реформой Петра Великого в Верховном Тайном совете // О минувшем. СПб., 1909. С.1-11.

Павлова-Сильванская М.П. Социальная сущность областной реформы Екатерины II // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.): Сб. ст. к 75-летию со дня рождения и 45-летию научной и педагогической деятельности Б.Б.Кафенгауза /Отв. ред. Н.М.Дружинин. М., 1964. С.456-469.

Панеях В.М. Панорама истории России XV–XVI вв. А.А.Зимица // ОИ. 1992. № 6. С.70-80.

Панчулидзе С.А. История кавалергардов. 1724–1799–1899. По случаю столетнего юбилея Кавалергардского ее величества полка. В 3-х т. СПб., 1899. Т.1.

Петров П. Цесаревна Анна Петровна // Заря. 1870. № 11. С.102-116.

Петров П.Н. История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях. 1703–1782. СПб., 1885.

Петров П.М. История родов русского дворянства. СПб., 1885. Т.1.

Петрова В.А. Политическая борьба вокруг сенатской реформы 1763 г. // Вестник ЛГУ. Серия «История, язык, литература». 1967. Вып.2. С.57-66.

Петрухинцев Н.Н. «А самых больших кораблей нам строить трудно...» // Родина. 1996. № 7-8. С.14-19.

Петрухинцев Н.Н. Внутриполитическая программа начала царствования Анны Иоанновны и правительственная политика по отношению к армии и флоту (1730–1735 гг.). Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 1990.

Петрухинцев Н.Н. Интермедия с булавой // Родина. 1999. № 8. С.72-77.

Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота 1730–1735 гг. СПб., 2001.

Пименова Л.А. Дворянство накануне Великой Французской революции. М., 1986.

Писарькова Л.Ф. От Петра I до Николая I: политика правительства в области формирования бюрократии // ОИ. 1996. № 4. С.29-43.

Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти (1945–1991). М., 1998.

Платонов С.Ф. Книга расходная петербургского комиссарства соляного правления 1725 г. // Летопись занятий Археографической комиссии. Л., 1927. Вып.34. С.276-287.

- Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. М., 1993.
- Платонов С.Ф.* Московское правительство при первых Романовых // *Платонов С.Ф.* Статьи по русской истории. СПб., 1912. С.339-406.
- Плеханов Г.В.* История русской общественной мысли // *Плеханов Г.В.* Соч. В 24-х т. М.-Л., 1925. Т.21. С.1-296.
- Плотников А.Б.* Н.И.Панин и его проект создания Императорского совета // *Сподвижники великой Екатерины: Тезисы докладов и сообщений конф., Москва, 22-23 сентября 1997 г. /Отв. ред. Я.Е.Водарский.* М., 1997. С.42-45.
- Плотников А.Б.* Ограничение самодержавия в России в 1730 г.: идеи и формы // *ВИ.* 2001. № 1. С.60-69.
- Плотников А.Б.* Политические проекты Н.И.Панина. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 1997.
- Плотников А.Б.* Программный документ Верховного Тайного совета в 1730 г. // *Россия в XVIII столетии /Отв. ред. Е.Е.Рычаловский.* М., 2002. Вып.1. С.38-49.
- Плугин В.А.* Алехан или человек со шрамом: Жизнеописание графа Алексея Орлова-Чесменского. М., 1996.
- Погодин М.П.* 17 первых лет в жизни императора Петра Великого. М., 1875.
- Погодин М.П.* Царевич Алексей Петрович по свидетельствам вновь открытым // *ЧОИДР.* 1861. Кн.3. С.25-369.
- Пожарская С.П.* Бурбоны в Испании // *ННИ.* 1993. № 1. С.153-170.
- Покровский М.Н.* Русская история с древнейших времен. В 4-х т. М., 1933. Т.2-3.
- Покровский Н.Н.* Правовое регулирование крестьянского общественного сознания русским абсолютистским государством // *Социально-политическое и правовое положение крестьянства в дореволюционной России /Отв. ред. В.Т.Пашуто.* Воронеж, 1983. С.85-95.
- Покровский Н.Н.* Самозванный сын Петра I // *ВИ.* 1983. № 4. С.186-188.
- Полевой Н.А.* Столетие России с 1745 до 1845 г. СПб., 1845. Ч.1.
- Политическая интрига на Востоке /Отв. ред. Л.С.Васильев. М., 2000.
- Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация. В 2-х т. М., 1996. Т.1.
- Политическая теория и политическая практика: Словарь-справочник /Отв. ред. В.А.Варыгин. М., 1994.
- Политическая энциклопедия. В 2-х т. /Отв. ред. Г.Ю.Семигин. М., 1999. Т.2.
- Политологический словарь. В 2-х ч. М., 1994. Ч.II.
- Политология: Энциклопедический словарь /Отв. ред. Ю.И.Аверьянов. М., 1993.
- Политология на российском фоне. М., 1993.
- Полный список шефов, полковых командиров и офицеров лейб-гвардии Конного полка. СПб., 1886.
- Попов В.И.* История 9 пехотного Ингерманландского императора Петра I полка, 1703–1903. Калуга, 1903.
- Попов Д.Ф.* Проблемы российской абсолютной монархии (верховная власть) в русской исторической науке. М., 1999.

- Попов Н.А.* В.Н.Татищев и его время. М., 1861.
- Попов Н.А.* Граф Петр Андреевич Толстой: Биографический очерк // *ДИНР.* 1875. № 3. С.226-244.
- Попов Н.А.* Из жизни П.А.Толстого, одного из следователей по делу царевича Алексея // *РВ.* 1860. Т.27, ч.1. С.319-346.
- Попов Н.А.* Придворные проповеди в царствование императрицы Елисаветы Петровны // *Летописи русской литературы и древности.* М., 1859. Т.2. С.5-26.
- Поршнев Б.Ф.* Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976.
- Примечания Н.М.Муравьева к «Разбору донесения следственной комиссии» // *Полярная звезда.* М., 1961. Т.5. С.69-72.
- Прокопьев В.П.* История германской государственности X–XVIII вв. Калининград, 1984.
- Протасов Г.А.* Верховный Тайный совет и его проекты 1730 года (источниковедческое изучение) // *Источниковедческие работы /Отв. ред. Г.А.Протасов.* Тамбов, 1970. Вып.1. С.65-103.
- Протасов Г.А.* Дворянские проекты 1730 г. (источниковедческое изучение) // *Источниковедческие работы /Отв. ред. Г.А.Протасов.* Тамбов, 1971. Вып.2. С.61-102.
- Протасов Г.А.* Дворянские прошения 1730 г. // *Источниковедческие работы /Отв. ред. Г.А.Протасов.* Тамбов, 1975. Вып.4. С.87-106.
- Протасов Г.А.* Записка Татищева о «произвольном рассуждении» дворянства в событиях 1730 г. // *Проблемы источниковедения.* М., 1963. Вып.ХI. С.246-253.
- Протасов Г.А.* «Кондиции» 1730 г. и их продолжение // *Уч. зап. Тамбовского педагогического ин-та.* Тамбов, 1957. Вып.15. С.215-231.
- Протасов Г.А.* Существовал ли «политический план» Д.М.Голицына? // *Источниковедческие работы /Отв. ред. Г.А.Протасов.* Тамбов, 1973. Вып.3. С.90-107.
- Протекший век, или исторический взгляд на важнейшие происшествия осьмого на десять столетия. М., 1802.
- Пуфендорф С.* Введение в историю европейскую. СПб., 1718.
- Пушкарев И.И.* История императорской российской гвардии. В 2-х ч. СПб., 1844. Ч.1.
- Пчелов Е.В.* Романовы в XVIII веке: эволюция династического статуса // *Вестник архивиста.* 1999. № 6. С.141-160.
- Рабинович М.Д.* Социальное происхождение и имущественное положение офицеров регулярной русской армии в конце Северной войны // *Россия в период реформ Петра I /Отв. ред. Н.И.Павленко.* М., 1973. С.133-171.
- Раев М.* Понять дореволюционную Россию: государство и общество в Российской империи. Lnd., 1990.
- Разуваев В.В.* Власть в России: бюрократическое измерение // *Кентавр.* 1995. № 4. С.72-86.
- Раскин Д.И.* Использование законодательных актов в крестьянских челобитных середины XVIII в. // *ИСССР.* 1979. № 4. С.179-192.

Раскин Д.И. Некоторые черты психологии народных масс России XVIII в. // Наука и культура России XVIII в. /Отв. ред. Э.П.Карпеев. Л., 1984. С.225-247.

Ремнев А.В. Генерал-губернаторская власть в XIX столетии. К проблеме организации регионального управления Российской империи // Имперский строй России в региональном измерении. Сб. ст. /Отв. ред. П.И.Савельев. М., 1997. С.52-66.

Робинсон А.Н. Борьба идей в русской литературе XVII в. М., 1974.

Ровенский Г.В. Родословие Бибиковых. Фрязино, 1996.

Род и предки А.С.Пушкина /Сост., предисл., подгот. текста О.В.Роговой. М., 1995.

Розенфельдт Н.Э. «История государства Датского» Людвига Хольберга как орудие критики русского общества // Россия и Дания — 500 лет. М., 1996. С.179-185.

Рознер И.Г. Придворные круги накануне и во время крестьянской войны 1773—1775 гг. // ВИ. 1974. № 4. С.105-112.

Романюк С.А. К биографии родных Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1989. Вып.23. С.5-10.

Российская государственность в терминах: IX — начало XX вв.: Словарь /Сост. А.Р.Андреев. М., 2001.

Российский М.А. Очерк истории 3 пехотного Нарвского генерал-фельдмаршала М.М.Голицына полка. М., 1904.

Российский старый порядок: опыт исторического синтеза // ОИ. 2000. № 6. С.43-93.

Российский энциклопедический словарь. В 2-х кн. /Гл. ред. А.М.Прохоров. М., 2001. Кн.1. А-Н.

Рубинштейн Н.А. Уложенная комиссия 1754—1766 гг. и ее проект нового Уложения «О состоянии подданных вообще» // ИЗ. 1951. Т.38. С.208-251.

Рудаков С.А. Д.В.Волков // РС. 1874. № 1. С.163-174.

Рудаков С.А. Д.В.Волков, секретарь Петра III: Материалы к его биографии // РС. 1874. № 11. С.478-496.

Ружицкая И.В. Барон М.А.Корф — историк: по материалам его архива. М., 1996.

Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1886—1887. Т.1—2.

Румянцева М.Ф. Российское законодательство второй половины XVIII в.: опыт анализа вида исторических источников // Постигая историю России: К 50-летию научного студенческого кружка отечественной истории средневековья и нового времени /Сост. А.И.Комиссаренко. М., 1997. С.122-130.

Румянцева М.Ф. Общие свойства исторических источников нового времени // Проблемы источниковедения и историографии. Материалы II науч. чтений памяти академика И.Д.Ковальченко /Отв. ред. С.П.Карпов. М., 2000. С.258-269.

Русский биографический словарь. М.-СПб., 1896—1918. Т.1—25.

Русский биографический словарь. N. Y, 1991. Т. Вавилов — Вельяминов.

Рычаловский Е.Е. Немецкое подметное письмо 1764 г. в историко-культурном контексте // Немцы в России: русско-немецкие научные и культурные связи. Сб. ст. /Отв. ред. Г.И.Смагина. СПб., 2000. С.97-103.

Рябинин Д.Д. Кронпринцесса Шарлотта, супруга царевича Алексея Петровича (Французская легенда) // РС. 1874. № 10. С.360-370.

Савелов Л.М. Родословные записи. СПб., 1909. Т.3.

Савельева Е.А. А.А.Куник и его собрание книг о России XVIII в. // Книга в России XVIII — середины XIX в. /Отв. ред. А.А.Зайцева. Л., 1989. С.105-110.

Саконов В.А. Государственный контроль в России. СПб., 1898. Т.1.

Самойлов В. Возникновение Тайной экспедиции при Сенате // ВИ. 1948. № 6. С.79-81.

Сафонов М.М. Завещание Екатерины II. СПб., 2001.

Сафонов М.М. Завещание Екатерины: вопрос о престолонаследии во 2-й половине XVIII в. // Екатерина Великая: эпоха российской истории /Отв. ред. Т.В.Артемьева, М.И.Микешин. СПб., 1996. С.160-163.

Сафонов М.М. Конституционный проект Н.И.Панина — Д.И.Фонвизина // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1974. Вып.6. С.262-280.

Сафонов М.М. О так называемых ранних записках М.М.Сперанского // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1991. Вып.22. С.101-117.

Сафонов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988.

Сафонов М.М. 14 декабря 1825 г. как кульминация междуцарствия // 14 декабря 1825 г.: Источники, исследования, историография, библиография /Ред.-сост. П.В.Ильин. СПб.-Кишинев, 2001. Вып.IV. С.61-89.

Сафронов Ф.Г. Ссылка в Восточной Сибири в первой половине XVIII в. // Ссылка и каторга в Сибири /Отв. ред. Л.М.Горюшкин. Новосибирск, 1975. С.15-37.

Сашонко В. Граф ниоткуда или флибустьер в желтых перчатках // Нева. 1993. № 7. С.301-320.

Сборник биографий кавалергардов. СПб., 1899—1904. Т.1—2.

Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX века: Книги и периодические издания. В 3-х ч. 2-е доп. и перераб. изд. М., 1981. Ч.1.

Севастьянов А.Н. Рост образования аудитории как фактора развития книжного и журнального дела в России (1762—1800). М., 1983.

Седов С.А. Д.М.Голицын (1663—1737 гг.): государственная и общественно-политическая деятельность. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 1996.

Седов С.А. Попытка государственного переворота 1730 года в России // ВИ. 1998. № 7. С.47-62.

Семевский М.И. Елизавета Петровна до восшествия своего на престол // Русское слово. 1859. Кн.2. С.209-278.

Семевский М.И. Император Иоанн Антонович (1740—1764): Очерк по новым материалам // РС. 1879. № 3. С.497-508; № 5. С.291-306; № 7. С.493-514.

Семевский М.И. Первый год царствования Елизаветы Петровны // Русское слово. 1859. Кн.6. С.291-326; Кн.8. С.273-352.

Семевский М.И. Противники Фридриха Великого. Апраксин и Бестужев-Рюмин (очерк из русско-прусской войны 1756–1762 гг.) // Военный сборник. 1862. № 5. С.1–62.

Семевский М.И. Шесть месяцев из русской истории: Очерк царствования императора Петра III // ОЗ. 1867. № 13. С.160–194; № 15. С.589–613; № 16. С.739–776; № 17. С.54–93.

Семенников В.П. Из истории цензуры в екатерининскую эпоху // Русский библиофил. 1913. № 1. С.52–71.

Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. М., 1996.

Семенов П.Н. Биографические очерки сенаторов по материалам, собранным П.И.Барановым // ЧОИДР. 1886. Кн.2. С.1–229 отд. паг.

Семенова Л.Н. Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII век). СПб., 1998.

Семенова Л.Н. Рабочие Петербурга в первой половине XVIII в. Л., 1974.

Семин М. Бироновщина // Исторический журнал. 1938. № 4. С.25–39.

Сенин А.С. Александр Иванович Гучков // ВИ. 1993. № 7. С.69–88.

Сергеевский Н.Д. Смертная казнь при императрице Елизавете Петровне // Журнал гражданского и уголовного права. 1890. № 1. С.51–60.

Серов Д.О. Строители империи: очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I. Новосибирск, 1996.

Сибирские и тобольские губернаторы. Исторические портреты, документы /Авт.-сост. Т.И.Бакулина. Тюмень, 2000.

Сиверс А.А. Родословие Озеровых // Известия Русского генеалогического общества. СПб., 1911. Вып.4. С. 203–376.

Сивков К.В. Описные книги начала XVIII в. как исторический источник // Проблемы источниковедения /Ред. Б.Д.Греков, С.Н.Валк. М.–Л., 1940. Сб. III. С.361–369.

Сивков К.В. Самозванцы в России в последней трети XVIII в. // ИЗ. 1950. Т.31. С.88–135.

Симони П.К. Сказки о Петре Великом в записях 1745–1754 гг. // Живая старина. 1903. № 1–2. С.225–227.

Скрынников Р.Г. Россия в начале XVII в.: Смута. М., 1988.

Словарь Академии Российской. В 6-ти ч. СПб., 1793–1794. Ч.4–5.

Словарь современных понятий и терминов /Сост., общ. ред. В.А.Макаренко. М., 2002.

Смирнов П.П. Правительство Б.И.Морозова и восстание в Москве 1648 г. Ташкент, 1929.

Смирнов Ю.Н. Армия и дворцовые перевороты в XVIII в. // Общественно-политические движения России XVIII–XX вв. /Отв. ред. В.Н.Шульгин. Самара, 1993. С.7–14.

Смирнов Ю.Н. Особенности социального состава и комплектования русской гвардии в первой половине XVIII в. // Классы и сословия России в период абсолютизма /Отв. ред. Ю.Н.Смирнов. Куйбышев, 1989. С.94–105.

Смирнов Ю.Н. Русская гвардия XVIII в. Куйбышев, 1989.

Собко Е.М. Нидерланды во внешнеполитической стратегии России в 1725–1730 гг. // ВИ. 2001. № 11–12. С.139–143.

Соболева Т.А. Тайнопись в истории России (история криптографической службы России XVIII – начала XIX вв.). М., 1994.

Соловьев О.Ф. Кинжал под кринолином // Наука и религия. 1995. № 1. С.32–37; № 2. С.34–37; № 3. С.46–48.

Соловьев С.М. Соч. В 18-ти кн. М., 1991–1994. Кн. VII–XIII.

Сомов В.А. О книге Ж.Ш.Лаво «История Петра III» // Книга в России XVI – середина XIX в.: книгораспространение, библиотеки, читатель /Отв. ред. А.А.Зайцева. Л., 1987. С.102–116.

Сомов В.А. Французская «Россика» эпохи Просвещения и царское правительство // Русские книги и библиотеки в XVI – первой половины XIX в. /Отв. ред. С.П.Луппов. Л., 1983. С.173–245.

Сорокин Ю.А. Российский абсолютизм в последней трети XVIII в. Омск, 1999.

Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М., 1991.

Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях (1725–1745 гг.) // ВИ. 1989. № 8. С.145–157.

Сташевский Е.Д. Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Киев, 1913.

Столетие Военного министерства. В 13-ти т. СПб., 1902, 1911. Т.2, ч.1; Т.3, кн.6.

Стоюнин В. Князь Антиох Кантемир в Париже // ВЕ. 1880. № 8. С.577–620.

Строев В.Н. Бироновщина и Кабинет министров (Очерки внутренней политики императрицы Анны). М., 1909. Ч. I.

Сумароков А.П. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. В 10-ти ч. М., 1781. Ч.3.

Сухотин Л.М. Род дворян Сухотиных. М., 1908.

Тальзин М.И. Краткая история России с обозрением достопримечательных происшествий в некоторых других европейских державах. В 2-х ч. СПб., 1815. Ч.2.

Тарасов Д.К. Император Александр I. Последние годы царствования, болезнь, кончина и погребение. Пг., 1914.

Тартаковский А.Г. «Часть труда мною оставленного...»: Реконструкция пушкинского замысла // Родина. 1999. № 12. С.52–55.

Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. М., 1991.

Телетова Н.К. История рода Ржевских // Род и предки А.С.Пушкина /Сост., предисл., подг. текста О.В.Роговой. М., 1995. С.335–389.

Тереженко А.В. Опыт обозрения жизни сановников, управлявших иностранными делами в России. М., 1833. Т.1–3.

Тимирязев В.А. Шестимесячное царствование Петра III // ИВ. 1903. № 4. С.47–79.

Тимошук В.В. Донесения французских посланников при дворе Екатерины II // РС. 1913. № 1. С.192–207.

Тимошук В.В. М.И.Семевский – основатель исторического журнала «Русская старина». Его жизнь и деятельность (1837–1892). СПб., 1895.

Тихонов Ю.А. Феодалная рента в помещичьем имении центральной России в конце XVII – первой четверти XVIII в. // Россия в период реформ Петра I /Отв. ред. Н.И.Павленко. М., 1973. С.199–214.

- Токмаков И.Ф.* Список главных начальников Москвы со времени перенесения царского пребывания в С.-Петербург. С 1710 по 1895 г. М., 1895.
- Томсинов В.А.* Временщик (А.А.Аракчеев). М., 1996.
- Торке Х.-Й.* Так называемые земские соборы в России // ВИ. 1991. № 11. С.3-10.
- Троицкий С.М.* Борьба посадов против фискальной политики русского абсолютизма в 20-х гг. XVIII в. // Города феодальной России: Сб. ст. памяти Н.В.Устюгова /Отв. ред. В.Н.Шунков. М., 1966. С.428-436.
- Троицкий С.М.* Историография «дворцовых переворотов» в России XVIII в. // ВИ. 1966. № 2. С.38-53.
- Троцкий С.М.* Источники доходов в бюджете России в середине XVIII в. // ИСССР. 1957. № 3. С.176-198.
- Троцкий С.М.* О дележе феодальной ренты между помещиками и государством // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России: Сб. ст. к 70-летию А.А.Новосельского /Отв. ред. Н.В.Устюгов. М., 1961. С.127-132.
- Троцкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974.
- Троцкий С.М.* Самозванцы в России XVII–XVIII вв. // ВИ. 1969. № 3. С.140-142.
- Троцкий С.М.* Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1966.
- Тройницкий С.Н.* Гербы лейб-кампании обер и унтер-офицеров и рядовых. Пг., 1914.
- Трубецкой С.П.* Замечания на книгу М.А.Корфа «Восшествие на престол императора Николая I» // 14 декабря 1825 года и его истолкователи: Герцен и Огарев против барона Корфа /Отв. ред. Е.Л.Рудницкая. М., 1994. С.385-387.
- Турбин С.И.* А.П.Волынский: Материалы к его биографии // РС. 1872. № 6. С.934-951.
- Тюличев Д.В.* Книгоиздательская деятельность Петербургской Академии наук и М.В.Ломоносов. Л., 1988.
- Тюрин В.* Два долгих дня или неотпразднованные именины // Знание – сила. 1993. № 8. С.107-117.
- Уздеников В.В.* Монеты императора Ивана Антоновича // ВИ. 1995. № 7. С.146-147.
- Уортман Р.С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М., 2002. Т.1. От Петра Великого до смерти Николая I.
- Усенко О.Г.* Об отношении народных масс к царю Алексею Михайловичу // Царь и царство в русском общественном сознании /Отв. ред. А.А.Горский. М., 1999. С.70-93.
- Успенский Б.А.* Historia sub specie semioticae // *Успенский Б.А.* Избр. тр. 2-е изд., испр. и доп. М., 1996. Т.1. Семиотика истории. Семиотика культуры. С.71-82.
- Успенский Б.А.* Царь и патриарх: харизма власти в России. (Византийская модель и ее русское переосмысление) // *Успенский Б.А.* Избр. тр. 2-е изд., испр. и доп. М., 1996. Т.1. Семиотика истории. Семиотика культуры. С.184-204.

- Успенский Б.А.* Царь и самозванец // *Успенский Б.А.* Избр. тр. 2-е изд., испр. и доп. М., 1996. Т.1. Семиотика истории. Семиотика культуры. С.142-183.
- Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. В 6-ти т. СПб., 1859. Т.6.
- Устрялов Н.Г.* Русская история. В 2-х ч. СПб., 1855. Ч.II.
- Фадеева И.Л.* Концепция власти на Ближнем Востоке. Средневековье и новое время. М., 1993.
- Фаизова И.В.* «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999.
- Федоров В.А.* Декабристы и их время. М., 1992.
- Федоров В.А.* М.М.Сперанский и А.А.Аракчеев. М., 1997.
- Фейнберг И.Л.* Незавершенные работы Пушкина. М., 1962.
- Филина Е.И.* «Придворные партии» в политической борьбе в России в 30–50-е гг. XVII в. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 1995.
- Филиппов А.Н.* История Сената в правление Верховного Тайного совета и Кабинета. Юрьев, 1895. Ч.1.
- Филиппов А.Н.* К вопросу о Верховном Тайном совете // РМ. 1896. № 6. С.54-79; № 7. С.90-124.
- Филиппов А.Н.* Правительствующая олигархия после Петра Великого // РМ. 1894. № 8. С.2-18.
- Фирсов Н.Н.* Вступление на престол императрицы Елизаветы Петровны. Казань, 1887.
- Флоринский М.М.* Из истории института верховной власти в России XVIII – начало XX в. // Мавродинские чтения 10–12 октября 1994 г. СПб., 1994. С.126-135.
- Фонвизин М.А.* Сочинения и письма. В 2-х т. Иркутск, 1982. Т.2.
- Форстен Г.В.* Бранденбург и Москва, 1688–1700 // ЖМНП. 1905. № 11. С.61-87.
- Форстен Г.В.* Датские дипломаты при московском дворе во второй половине XVII в. // ЖМНП. 1904. № 11. С.67-102.
- Форстен Г.В.* Сношения Швеции и России во второй половине XVII в. // ЖМНП. 1899. № 9. С.47-92.
- Фрейер И.* Краткая всемирная история с продолжением одной до самых нынешних времен и присовокуплением Российской истории. М., 1769.
- Фурсенко В.* Дело о Лестоке // ЖМНП. 1912. № 4. С.185-247.
- Фурсенко В.* Конференции и консилиумы в царствование императрицы Елизаветы Петровны // ЖМНП. 1913. № 6. С.387-408.
- Фурсов А.И.* Российское государство XVIII в. и «административная система» сталинизма: исторические связи и аналогии // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII вв.: Тезисы докладов и сообщений Первых чтений, посвященных памяти А.А.Зимины, Москва 13–18 мая 1990 г. /Отв. ред. Ю.Н.Афанасьев. В 2-х ч. М., 1990. Ч.2. С.279-284.
- Хмыров М.Д.* Исторические статьи. СПб., 1873.
- Хованский Г.С.* Род князей Хованских // Дворянское собрание. М., 1996. № 4. С.165-174.
- Холмогорская секретная комиссия: Грустная повесть об ужасной судьбе российского императора и его семьи, написанная Владимиром Стасовым

для другого императора и извлеченная с архивной полки Леонидом Левиным. Архангельск, 1993.

Хорошкевич А.Л. Психологическая готовность россиян к реформам Петра Великого (к постановке вопроса) // Российское самодержавие и бюрократия. Сб. ст. в честь Натальи Федоровны Демидовой /Отв. ред. А.А.Преображенский. М.-Новосибирск, 2000. С.159-176.

Хоскинг Д. Система патроната и Российское государство // Россия и мировая цивилизация: К 70-летию чл.-корр. РАН А.Н.Сахарова /Отв. ред. А.Н.Боханов. М., 2000. С.413-433.

Цветав Д.В. А.Г.Брикнер // Русское обозрение. 1896. № 12. С.842-861.

Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978.

Черкасов П.П. Двуглавый орел и королевские лилии: Становление русско-французских отношений в XVIII в. 1700—1775. М., 1995.

Черникова Т.В. «Государево слово и дело» во времена Анны Иоанновны // ИСССР. 1989. № 5. С.155-163.

Черникова Т.В. Политические процессы 30-х гг. XVIII в. в России. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 1989.

Черноус В.В. Правящие элиты дореволюционной России. Ростов н/Д., 1999.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1993. Т.2.

Черняк Е.Б. Тайны Англии. Заговоры, интриги, мистификации. М., 1996.

Чечулин Н.Д. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. СПб., 1896.

Чечулин Н.Д. Екатерина II в борьбе за престол (по новым материалам). Л., 1924.

Чечулин Н.Д. Проект Императорского совета в первый год царствования Екатерины II // ЖМНП. 1894. № 3. С.68-87.

Чистович И.А. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868.

Чичерин А.К., Долгов С.Н., Афанасьев А.Н. История лейб-гвардии Преображенского полка, 1683—1883. СПб., 1883. Т.1—4.

Шанский Д.Н. К характеристике высших государственных учреждений России XVIII в. (20—60-е гг.) // Государственные учреждения России XVI—XVIII вв. /Под ред. Н.Б.Голиковой. М., 1991. С.119-136.

Шатохина Г.А. Голландский публицист Жан Руссе де Мисси и его связи с Россией // Россия и Европа. Дипломатия и культура /Отв. ред. А.С.Намазова. М., 1995. С.39-47.

Шатохина-Мордвинцева Г.А. Внешняя политика Нидерландов, 1713—1763 гг. М., 1998.

Шепелев Л.Е. Чиновный мир России (XVIII — начало XX в). СПб., 1999.

Шепукова Н.М. Об изменении размера душевладения помещиков европейской России в первой четверти XVIII — первой половине XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963. Вильнюс, 1964. С.388-414.

Шереметев П.С. Владимир Петрович Шереметев. М., 1913—1914. Т.1—2.

Шереметев П.С. О князьях Хованских. М., б.г.

Шешин А.Б. Революционное и освободительное движение в России (этапы и цели) // ВИ. 1999. № 9. С.33-46.

Шильдер Н.К. Император Николай I: его жизнь и царствование. В 2-х т. СПб., 1903. Т.1.

Шильдер Н.К. Император Павел I. СПб., 1901.

Шиман Т. Николай Карлович Шильдер // РС. 1902. № 6. С.541-548.

Шиман Т. Три русских историка // ИВ. 1906. № 6. С.954-961.

Шишкин И. События в Петербурге в 1740 и 1741 годах // ОЗ. 1858. № 5. С.275-352.

Шмидт С.О. Внутренняя политика России середины XVIII в. // ВИ. 1987. № 3. С.42-58.

Шмидт С.О. Общественное самосознание noblesse russe в XVI — первой трети XIX в. // Cahiers du monde russe et sovietique. 1993. Vol.34, № 1-2. P.11-32.

Шмидт С.О. Политика просвещенного абсолютизма в России середины XVIII в. // Россия и Испания: Историческая перспектива /Отв. ред. З.В.Удальцова. М., 1987. С.261-286.

Шмидт С.О., Гутнова Е.В., Исламов Т.М. Абсолютизм в странах Западной Европы и в России // ННИ. 1985. № 3. С.42-58.

Шмидт С.О. Средневековье в государственном строе России // Международная научная конференция «Государственное управление: история и современность» (29—30 мая 1997 г.) /Под ред. В.А.Кувшинова. М., 1998. С.11-16.

Шмидт С.О. Становление российского самодержавства: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1973.

Шмурло Е.Ф. А.Г.Брикнер // ЖМНП. 1897. № 2. С.117-157.

Шмурло Е.Ф. Вольтер и его книга «История российской империи при Петре Великом». Прага, 1929.

Шмурло Е.Ф. Кончина Петра Великого и вступление на престол Екатерины I // Сборник статей в честь Д.А.Корсакова. Казань, 1913. С.332-365.

Шмурло Е.Ф. Падение царевны Софьи // ЖМНП. 1896. № 1. С.38-95.

Шубинский С.Н. Арест и ссылка регента Российской империи, герцога Курляндского Бирона // РС. 1871. № 5. С.537-562.

Шубинский С.Н. Граф Андрей Иванович Остерман (1686—1745). СПб., 1863.

Шубинский С.Н. Княгиня А.П.Волконская и ее друзья // ИВ. 1904. № 12. С.927-965.

Шубинский С.Н. Очерки из жизни и быта прошлого времени. СПб., 1888.

Шумигорский Е.С. Император Павел I: жизнь и царствование. СПб., 1907.

Шумигорский Е.С. Императрица Екатерина II в начале царствования Петра III // РС. 1899. № 4. С.25-37.

Щебальский П.К. Вступление на престол императрицы Анны // РВ. 1859. Т.19, ч.1. С.5-67.

Щебальский П.К. Политическая система Петра III. М., 1870.

Щеглов В.Г. Государственный Совет в России. В 2-х т. Ярославль, 1892. Т.1.

Щенетов К.П. Немцы — глазами русских. М., 1995.

- Шепкин Е.Н.* Падение канцлера графа А.П.Бестужева-Рюмина. Одесса, 1901.
- Шербань В.И.* Киевские воеводы, губернаторы и вице-губернаторы от 1654 по 1775 гг. // Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. Киев, 1892. Т.6. С.123-148.
- Шербачев О.В.* Под знаком солнца и меча. К 500-летию рода Шербачевых // Дворянское собрание. М., 1998. №.8. С.165-204; № 9. С.175-196.
- Шербачев О.В.* Император Кирилл I и закон о престолонаследии // Дворянское собрание. М., 1997. № 6. С.286-299.
- Эйдельман Н.Я.* «Революция сверху» в России. М., 1989.
- Эйдельман Н.Я.* Где секретная конституция Фонвизина-Панина? // *Эйдельман Н.Я.* Из потаенной истории России XVIII–XIX вв. М., 1993. С.214-226.
- Эйдельман Н.Я.* Герцен против самодержавия: Секретная политическая история XVIII–XIX вв. и Вольная печать. М., 1984.
- Эйдельман Н.Я.* Грань веков: Политическая борьба в России, конец XVIII – начало XIX столетия. М., 1982.
- Элиас Н.* Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии с введением: Социология и история. М., 2002.
- Ювеналий (Воейков И.Г.).* Историческое родословие благородных дворян Воейковых. М., 1792.
- Ювеналий (Воейков И.Г.).* Краткое историческое родословие благородных и знатных дворян Лопухиных. М., 1796.
- Юрганов А.Л.* Категории русской средневековой культуры. М., 1998.
- Юхт А.И.* В.Н.Татищев о реформах Петра I // Общество и государство феодальной России /Отв. ред. В.Т.Пашуто. М., 1975. С.209-218.
- Юхт А.И.* Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М., 1994.
- Юхт А.И.* Торговые связи России со странами Востока в 20–40-х гг. XVIII в. // Историческая география России XVIII в. Сб. ст. /Отв. ред. В.И.-Буганов. М., 1981. Ч.1. С.90-145.
- Яковлев Н.Н.* Европа накануне Семилетней войны. М., 1997.
- Янов А.* Драма Смутного времени. Дело 1730 г. // Полис. 1994. № 1. С.159-177.
- Янов А.* Тень грозного царя: загадки русской истории. М., 1997.
- Alexander J.* The Petrine Era and After // *Russia. A History* /Ed. by G.L.Freeze. N. Y., 1997. P.87-113.
- Amburger E.* Geschichte der Behordenorganisation Russlands von Peter dem Grossen. Leiden, 1966.
- Anderson M.* Europe in the Eighteenth Century. Lnd., 1970.
- Card H.* The History of the Revolutions of Russia Including to the Accession of Catharine the First. Lnd., 1804.
- Corbett J.* England in the Seven Years War. Lnd., 1992. Vol.2.
- Cracraft Y.* The Succession Crisis of 1730: A View from the Inside // *Canadian-American Slavic Studies*. 1978. Vol.12, № 1. P.61-85.
- Curtiss M.* A Forgotten Empress. Anna Ivanovna and her Era. N.Y., 1974.
- Daniel W.* Grigorii Teplov: A Statesman at the Court of Catherine the Great. Newtonville, 1991.

- Dixon S.* The Modernisation of Russia, 1676–1825. Cambridge, 1999.
- Donnert E.* Das Prüssische Zarenreich: Aufstieg und Untergang einer Weltmacht. München, 1992.
- Dukes P.* The Making of Russian Absolutism. Lnd., 1982.
- Eldon C.* England's Subsidy Policy towards the Continent during the Seven Years' War. Philadelphia, 1938.
- The Encyclopedia Americana.* N. Y., 1969. Vol.8.
- Herrmann E.* Geschichte des Russischen Staates. Hamburg, 1849, 1853. Bd.4,5.
- Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. Lnd., 1998.
- Der Grosse Brockhaus.* Leipzig, 1933. Bd.14.
- Jessen H.* Friedrich der Grosse und Maria Theresia in Augenzeugenberichten. Fribourg, 1965.
- Johnson H.* Frederick the Great and his Officials. New-Haven, 1975.
- Kahan A.* The Plow, the Hammer and the Knout. An Economic History of the Eighteenth Century Russia. Chicago, 1985.
- Keep J.* The Secret Chancellery, the Guards and the Dynastic Crisis of 1740–1741 // *Forschungen zur Geschichte Osteuropa*. Berlin, 1978. Bd.25. S.169-193.
- Kirchner W.* The Death of Catherine I of Russia // *American Historical Review*. 1946. № 51. P.254-261.
- Kivelson V.* Kinship Politics / Autocratic Politics: A Reinterpretation of Eighteenth Century Political Culture // *Imperial Russia: New Histories for the Empire* /Ed. by J.Burbank, D.Ransel. Bloomington. 1998. P.5-31.
- Klueting E.* Heinrich graf Ostermann: von Bochum nach St.Petersberg. Bochum, 1976.
- Laveaux J.* Histoire de Pierre III. Paris, 1799. Vol.2.
- Le Donne J.* Absolutism and Ruling Class. The Formation of the Russian Political Order, 1700–1825. N. Y., 1991.
- Le Donne J.* Ruling Families in the Russian Political Order, 1689–1725 // *Cahiers du monde russe et sovietique*. 1987. Vol.28, № 3-4. P.234-322.
- Le Donne J.* The Evolution of the Governor's Office, 1727–1764 // *Canadian-American Slavic Studies*. 1978. Vol.12, № 1. P.87-115.
- Leonard C.* Reform and Regicide. The Reign of Peter III of Russia. Bloomington, 1993.
- Lipski A.* A Re-Examination of the «Dark Era» of Anna Ioannovna // *American Slavic and East European Review*. 1956. Vol.15, № 4. P.477-488.
- Longworth P.* The Three Empresses. Catharina I, Anna and Elizabeth of Russia. Lnd., 1972.
- Madariaga I., de.* Portrait of an Eighteenth-Century Russian Statesman: Prince Dmitry Mikhailovich Golitsin // *Slavonic and East European Review*. 1984. Vol.62, № 1. P.36-60.
- Marker G.* The Age of Enlightenment, 1740–1801 // *Russia. A History* /Ed. by G.L.Freeze. N. Y., 1997. P.114-142.
- Meehan-Waters B.* Autocracy and Aristocracy: The Russian Service Elite of 1730. New-Brunswick, 1982.
- The New Encyclopedia Britannica.* Chicago, 1993. Vol.1,4,25.
- The New Cambridge Modern History* /Ed. by J.O.Lindsay. Cambridge, 1957. Vol.7.

Oliva L. Misalliance: A Study of French Policy in Russia during Seven Year's War. N. Y., 1964.

Raeff M. Plans for Political Reforms in Imperial Russia, 1730–1905. Prentis-Hall, 1966.

Ransel D. «The Government Crisis of 1730» // Reform in Russia and the USSR: Past and Prospects /Ed. by R.O.Crummey. Chicago, 1989. P.45-71.

Ransel D. Character and Style of Patron-Client Relations in Russia // Klientelsysteme in Europa der Frühen Neuzeit. München, 1988. P.212-228.

Ransel D. The Politics of Catherinian Russia: The Panin Party. New-Haven, 1975.

Die russischen Zaren, 1547–1917 /Hrsg von H.Torke. München, 1995.

Stong P. Martha of Muskovy. The Fabulous Life of Russia's First Empress. N. Y., 1945.

Talbot Rice T. Elizabeth, Empress of Russia. N. Y., 1970.

Troyat H. Terribles Tsarines. Paris, 1998.

Wilson A. French Foreign Policy During the Administration of Cardinal Fleury, 1726–1743. Lnd., 1936.

Wittram R. Peter I. Czar und Kaiser. Göttingen, 1964. Bd.I.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Помещенная ниже Таблица 1 содержит составленные нами списки руководителей коллегий и ряда других центральных учреждений (Соляной конторы; Тайной, Монетной, Ямской и Медицинской канцелярий; Канцелярии конфискации; Сысного, Судного и Сибирского приказов; Главной дворцовой канцелярии; Канцелярии от строений; Главной полицеймейстерской канцелярии; Раскольнической конторы) в период с 1720 по 1770 гг., которые позволяют определить персональный состав центрального государственного аппарата и в какой-то степени проследить процесс сменяемости должностных лиц в «эпоху дворцовых переворотов».

В Таблице 2 помещены сводные списки российских губернаторов за этот же период времени. Имеющиеся указатели руководителей губерний начинаются, как правило, с 80-х гг. XVIII в.¹ Список губернаторов XVIII – начала XX вв. приведен в монографии Л.М.Лысенко, однако в этом издании данные о губернаторах первой половины XVIII в. неполны и в ряде случаев ошибочны.² Составленный Д.Ле Донном список губернаторов также неполон и неточен и не включает администрацию по Астраханской губернии и киевских губернаторов.³

Таблица 3 содержит сведения об изменении персонального состава Сената в 1762–1769 гг. Диаграммы 3–10 являются результатом анализа кадровых перемещений за царствования Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны.

Источниками нам послужили опубликованные Н.А.Воскресенским «Законодательные акты Петра I» (М.-Л., 1945), а также «Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век» (СПб., 1875–1878. Т.1–3). Использовались «Протоколы, журналы и указы Верховного Тайного совета. 1726–1730 гг.» (Сб. РИО. Т.55, 56, 63, 69, 79, 84, 94, 101), «Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны. 1731–1740 гг.» Сб. РИО. Т.104, 106, 108, 111, 114, 117, 120, 124, 126, 130, 138, 146); протоколы Сената, опубликованные в издании «Сенатский архив» (СПб., 1890–1913. Т.3–15), а также список отставных должностных лиц, составленный в 40-х гг. XVIII в.⁴

Сведения о руководителях государственных учреждений и губернаторах в царствование Екатерины II содержатся в адрес-календарях⁵ и специальных справочниках,⁶ а также в «Бумагах императрицы Екатерины II, хранящихся в Государственном архиве» (Сб. РИО. Т.7, 10, 13).

Помимо «Русского биографического словаря», сведения о должностных лицах в послепетровские годы содержатся в известном описании И.К.Кирилова.⁷ Информация о руководителях военного, морского, дипломатического и придворного ведомств помещена в соответствующих юбилейных и справочных изданиях.⁸ Перечень руководителей медицинской службы империи находится в работе Э.Амбургера.⁹ Данные о назначениях и деятельности губернаторов и генерал-губернаторов приводятся в ряде справочных изданий, в том числе выпущенных и в последнее время.¹⁰ Наконец, упоминания о назначениях и занимаемых должностях встречаются в историко-родословных справочниках и сочинениях, хотя эти сведения нуждаются в тщательной проверке.¹¹

Кроме перечисленных выше, мы использовали и архивные источники. Это прежде всего сборники именных указов Екатерины I и Анны Иоанновны;¹² списки губернаторов 1727 и 1736 гг.¹³ В 1740 г. в Сенате был составлен «Список о судьях и членах и прокурорах в коллегиях, канцеляриях, конторах и протчих местах».¹⁴

При вступлении на престол императрицы Елизаветы Петровны в декабре 1741 г. для нее были изготовлены «ведомость о статских чинах», список губернаторов и воевод, а также ведомость о генералах и обер-офицерах, находящихся «не у дел».¹⁵ В 1753 г. по указу Елизаветы Сенат составил ведомость, «кто был в коллегиях президентом» в последние годы царствования Петра I.¹⁶

Кроме того, нами использовались составленный в 1754 г. реестр «статским чинам в генеральских рангах»;¹⁷ «список первых шести классов статских чинов, обретающихся ныне у дел и не у дел» 1756 г.;¹⁸ «список чинов первых четырех классов» 1759 г.¹⁹ и список губернаторов 1760 г.²⁰ В 1763 г. для Екатерины II были подготовлены ведомости о штатах и жаловании высших должностных лиц²¹ и «о имеющихся ныне генерал-губернаторах и губернаторах».²²

Сведения о служебных назначениях в коллегии и на административные посты в провинции военных отмечались в периодически составляемых списках «генералитета и штаб-офицеров».²³

В публикуемых ниже Таблицах 1 и 2 указаны годы и, по возможности, месяцы пребывания того или иного лица в занимаемой должности; месяц приводится по дате указа о назначении или снятии с данного поста, а не по времени реального вступления в должность (и, соответственно, ухода с нее), которое не всегда поддается проверке. В ряде случаев указано (в графе «Дальнейшая судьба»), что данное лицо так и не вступило в должность или было срочно отозвано.

В той же графе «Дальнейшая судьба» указывается причина оставления должности, связанная с отставкой, смертью или следствием; в иных, не отмеченных в таблице, случаях имело место назначение на другую должность или перемена рода службы. Первые из указанных в таблице чинов и званий должностных лиц названы на момент назначения.

В числе руководителей коллегий в Таблице 1 указаны только те вице-президенты (или «первые члены»), которые фактически стояли во главе учреждений вместо или при временном отсутствии президентов. В Таблице 2 приводятся главнокомандующие, генерал-губернаторы и губернаторы; вице-губернаторы указаны только в случае, если они управляли губернией вместо или при временном отсутствии губернатора или генерал-губернатора.

Таблица 1
Органы центрального управления – коллегии и прочие учреждения
(1720–1770 гг.)

Учреждения	Даты	Должности	Ф.И.О.	Чин (звание)	Дальнейшая судьба
Военная коллегия (1717–1812)	1717 – 1724	президент	Меншиков Александр Данилович	генерал-фельдмаршал	отрешен
	1724.01 – 1725.03	президент	Репнин Никита Иванович	генерал-аншеф	рижский генерал-губернатор
	1725.03 – 1727.09	президент ²⁴⁾	Меншиков Александр Данилович	генерал-фельдмаршал	следствие и ссылка
	1730.09–12	президент	Голицын Михаил Лович	генерал-фельдмаршал	умер
	1730.12 – 1731.12	президент	Долгоруков Василий Владимирович	генерал-фельдмаршал	арест, следствие и заключение
	1732.01 – 1741.03	президент	Миних Бурхард-Христофор	генерал-фельдмаршал	отставка
	1741.03–11		Брауншвейг-Люнебургский Антон-Ульрих	генералиссимус	арест и ссылка
	1741.01 – 1747	вице-президент ²⁵⁾	Игнатьев Степан Лукич	генерал-лейтенант	умер
	1741.12 – 1746.02	президент	Долгоруков Василий Владимирович	генерал-фельдмаршал	умер
	1760.08 – 1763.06	президент	Трубецкой Никита Юрьевич	генерал-фельдмаршал	отставка
	1763.03–12	вице-президент	Чернышев Захар Григорьевич	генерал-аншеф	отставка
	1764.03 – 1774.08	вице-президент, с 1773.09 президент	Чернышев Захар Григорьевич	генерал-аншеф	отставка
	Адмиралтейств-коллегия (1717–1828)	1717 – 1728.11	президент	Апраксин Федор Матвеевич	генерал-адмирал
1727.11 – 1732.02		вице-президент	Сиверс Петр Иванович	адмирал	ссылка

1	2	3	4	5	6
	1727.11 – 1732.02	вице-президент	Сиверс Петр Иванович	адмирал	сылка
	1733.04 – 1745.07	президент	Головин Николай Федорович	адмирал	умер
	1740.11 – 1741.11		Остерман Андрей Иванович	генерал-адмирал	следствие и сылка
	1750.04 – 1762.04	президент	Голицын Михаил Михайлович	адмирал, с 1756 генерал-адмирал	отставка
	1762.12 – 1798	президент	Павел Петрович, великий князь	генерал-адмирал	
	1769.06 – 1797	вице-президент, с 1796.11 президент	Чернышев Иван Григорьевич	генерал-лейтенант, с 1769 генерал-аншеф, с 1796 «генерал-фельдмаршал по флоту»	умер
Коллегия иностранных дел (1717–1832)	1717 – 1734.01	президент	Головкин Гавриил Иванович	канцлер	умер
	1723.09 – 1741.11	вице-президент, с 1725.11 вице-канцлер	Остерман Андрей Иванович	тайный советник, с 1725 действительный тайный советник	следствие и сылка
	1741.11 – 1758.02	вице-канцлер, с 1744.06 канцлер	Бестужев-Рюмин Алексей Петрович	действительный тайный советник	следствие и сылка
	1758.11 – 1765.03	канцлер	Воронцов Михаил Илларионович	действительный тайный советник	отставка
	1763.10 – 1783.03	«старший член», с 1764.12 «первоприсутствующий» президент	Панин Никита Иванович	действительный тайный советник	умер
Камер-коллегия²⁶ (1717–1784)	1722	президент	Кошелев Герасим Иванович	полковник	умер
	1723 – 1727.02	президент	Плещеев Алексей Львович	действительный статский советник, с 1727 тайный советник	московский губернатор

1	2	3	4	5	6
	1726.07 – 1727.05	президент ²⁷	Нарышкин Александр Львович	контр-адмирал	сылка
	1727.04 – 1731?	президент	Макаров Алексей Васильевич	тайный советник	следствие
	1734.08 – 1736?	президент	Вельяминов Степан Лукич	тайный советник	следствие и суд
	1736.01 – 1741.06	президент	Бибиков Иван Иванович	генерал-майор	отставка
	1741.08 – 1753.03	президент	Кисловский Григорий Матвеевич	генерал-провиантмейстер	отставка
	1753.03 – 1760.08	президент	Шаховской Михаил Иванович	действительный статский советник	тайный советник и сенатор
	1760.08 – 1762.03	президент	Юшков Иван Иванович	действительный статский советник	овер-полицеймейстер Петербурга
	1762.03 – 1764	президент	Кочетов Дмитрий Иванович	тайный советник	отставка
	1764.03-11	президент	Куракин Борис Александрович	генерал-лейтенант, камергер	умер
	1764 – 1765	вице-президент	Яковлев Алексей Александрович	статский советник	
	1765 – 1777.02	президент	Мельгунов Алексей Петрович	генерал-лейтенант	
	1718 – 1725	президент	Мушин-Пушкин Иван Алексеевич	тайный советник	
	1725.07 – 1726.07	президент	Нарышкин Александр Львович	контр-адмирал	президент Камер-коллегии
	1730.07 – 1741.12	вице-президент, с 1741.01 президент	Принцинстерн Карл	действительный статский советник	умер
	1741.12 – 1755.07	президент	Шипов Петр Михайлович	тайный советник	умер
1753.01 – 1759.12	вице-президент	Эссен фон Густав-Иоганн	капитан флота	умер	
1761 – 1764.06	«в должности президента»	Шишкин Афанасий Федорович	статский советник	отставка	

1	2	3	4	5	6
	1764 – ?	президент	Ашитков Семен Иванович	полковник; с 1770 статский советник	
Ревизион- коллегия (1717–1722, 1725–1788)	1727.02 – 1729.11	президент	Бибиков Иван Иванович	генерал-майор	иркутский вице- губернатор
	1734.08 – 1740.03	президент	Панин Алексей Иванович	генерал-майор	«уволен по проше- нию»
	1740.03 – 1741.07	президент	Баскаков Алексей Петро- вич	действительный статский советник	смоленский губерна- тор
	1741.07 – ?	президент	Кречетников Никита Семе- нович	действительный статский советник	
	1741.01 – 1744.07	вице-президент	Бибиков Богдан Иванович	статский советник	отставка
	1753.03 – 1755?	президент	Еропкин Василий Яковле- вич	действительный статский советник	
	1755.12 – 1763?	«в должности вице- президента», с 1759 «в должности президента», с 1760.08 президент	Кнутов Федор	действительный статский советник	
	1764.04 – 1771.07	президент	Маслов Михаил Яковлевич	генерал-майор	тайный советник, се- натор
	1717 – 1726	президент	Брюс Яков Вилимович	генерал-аншеф	отставка
	1728.01 – 1731.12	вице-президент	Зыбин Алексей Кирилло- вич	действительный статский советник	главный судья Сыск- ного приказа
1736.07 – 1742.04	генерал-берг-дирек- тор	Шемберг фон Курт- Александр		следствие	
1742.09 – 1751.03	президент	Томилов Антон Федорович	генерал-майор	умер	
1742 – 1755	вице-президент	Райзер Винцент	статский советник, с 1754 действительный статский советник	умер	
1753.03 – 1760.08	президент	Олочинин Михаил Степа- нович	генерал-майор, с 1755 тайный со- ветник	«удален от должно- сти»	

1	2	3	4	5	6
	1760.08 – 1767.01	президент	Шлаттер Иван Андреевич	действительный статский советник	умер
Мануфактур- коллегия (1722–1727, 1742–1779) В 1727–1742 г. – в составе Коммерц- коллегии	1767–1771.06	президент	Мусин-Пушкин Аполлос Елафродитович	действительный статский советник	умер
	1722.01 – 1727.03	президент	Новосильцев Василий Яковлевич	статский советник, с 1725 действительный статский советник	
	1742.09 – 1749?	президент	Берятинский Андрей Тро- фимович	генерал-майор	
	1749	советник	Одоевский Иван Михайло- вич		
		советник	Армаков Алексей Ми- хайлович		
	1751.01 – ?	президент	Извольский Алексей	бригадир	
	1752.11 – 1760.08	вице-президент	Геннингер Иоганн-Конрад	статский советник, с 1754 действительный статский советник	отставка
	1753.03 – 1755.05	президент	Салтыков Николай Петро- вич	действительный статский советник, с 1754 тайный со- ветник	умер
	1761.12 – 1762.06	президент	Головкин Гавриил Ивано- вич	гофмаршал	
	1762.06-08	президент	де Брессан Александр	бригадир	директор конторы императорской шпалерной мануфактуры сенатор
1762.08 – 1764	президент	Адодуров Василий Евдо- кимович	тайный советник		
1764.06 – 1776.07	президент	Волков Дмитрий Василье- вич	действительный статский советник, с 1767 тайный со- ветник	смоленский замест- ник	

1	2	3	4	5	6
Коммерц-коллегия (1717–1811)	1722.01 – 1725.07	президент	Бутурлин Иван Федорович	полковник, с 1725 действительный статский советник	сенатор
	1725.07 – 1728.02	президент	Шафиров Петр Павлович	действительный статский советник	отставка по болезни
	1726.12 – 1731	вице-президент	фон Фик Генрих	статский советник	следствие и ссылка
	1733.04 – 1736.07	президент	Шафиров Петр Павлович	тайный советник, с 1734 действительный тайный советник	«уволен по прошению»
	1736.06 – 1740	президент	Мусин-Пушкин Платон Иванович	тайный советник	следствие и ссылка
	1740.07 – 1741.11	президент	Менден Карл-Людвиг	камергер	арест и ссылка
	1741.12 – 1750.02	президент	Юсупов Борис Григорьевич	тайный советник; с 1744 действительный тайный советник	главный директор Сухолугного шляхетского корпуса
	1745 – 1764?	вице-президент, с 1753.03 президент	Евреинов Яков Матвеевич ²⁸	коллежский советник, с 1753 действительный статский советник	отставка
	1763	президент	Тихомиров Михаил Васильевич	статский советник	член Мануфактур-конторы
	1763.04 – 1773	вице-президент	Неплюев Николай Иванович	подполковник	овер-прокурор Синода
1764 – 1774	«в должности президента», с 1774 г. президент	Миних Эрнст-Иоганн	действительный тайный советник		
1722.04 – 1726?	президент	Апраксин Петр Матвеевич	тайный советник	отпуск и отставка	
1725.05 – 1730.12	вице-президент	Вульф Сигизмунд Адам	статский советник	отставка	
1726 – 1727.04	президент	Толстой Иван Петрович	действительный статский советник	ссылка	
Юстиц-коллегия (1717–1786)					

1	2	3	4	5	6
	1727.05 – 1728.05	президент	Голицын Михаил Михайлович	действительный статский советник	сенатор
	1727.04 – ?	вице-президент	Ергольский Григорий Терентьевич	полковник, с 1728 действительный статский советник	
	1733.04 – 1739.07	вице-президент, с 1734.01 президент	Щербатов Иван Андреевич	статский советник	камергер, посол в Англии
	1740.03 – 1744.09	вице-президент, с 1740.09 президент	Трубецкой Иван Юрьевич	полковник, с 1741 действительный статский советник и камергер	умер
	1741.12 – 1767?	вице-президент	Эмме Федор Иванович	статский советник, с 1754 действительный статский советник; с 1763 тайный советник	
	1753.03 – 1760.08	президент	Желябужский Никита Михайлович	бригадир	отрешен
	1760.08 – 1764.04	президент	Щербачев Борис Федорович	действительный статский советник	уволен
	1764 – 1767.09	президент	Дивов Иван Иванович	тайный советник	отставка
	1767 – 1768.01	вице-президент	Раевский Александр Семенович	полковник	отставка
	1769 – 1781	вице-президент, затем «в должности президента»	Яковлев Алексей Александрович	статский советник; с 1774 действительный статский советник	
	1722.04 – 1723.08	президент, с 1723 вице-президент	Мануков Федосей Семенович		
	1723.08 – 1731.11	президент	Сухотин Михаил Андреевич	полковник, с 1725 действительный статский советник	генерал-кригс-комиссар
	1731.12 – 1735.01	президент	Кропотов Иван Иванович	действительный статский советник	умер

1	2	3	4	5	6
	1736.02 – 1737.01?	президент	Ржевский Александр Тимофеевич	статский советник	следствие
	1740.09 – 1746.09	президент	Одоевский Иван Васильевич	статский советник, с 1741 действительный статский советник, с 1744 тайный советник	сенатор
	1740.09 – 1760.08	вице-президент	Комынин Афанасий Григорьевич	статский советник, с 1754 действительный статский советник	отставка
	1753.03 – 1760.08	президент	Хитрово Яков Лукич	действительный статский советник, с 1755 тайный советник	сенатор
	1760.08 – 1776?	президент	Лунин Михаил Кулприянович	действительный статский советник, с 1765 тайный советник	умер
Главный магистрат (1719–1727, 1743–1782)	1720.09 – 1723	обер-президент	Трубецкой Юрий Юрьевич	бригадир, с 1721 генерал-майор	
	1723.10 – 1727	обер-президент	Долгоруков Алексей Григорьевич	действительный статский советник, с 1728 действительный тайный советник	член Верховного Тайного совета
	1743.05 – 1746.01	обер-президент	Хованский Василий Петрович	камергер	умер
	1748.06 – 1761?	обер-президент	Зиновьев Степан Степанович	статский советник, с 1753 действительный статский советник	
	1761.12 – 1765.04	обер-президент	Квашин-Самарин Федор Петрович	действительный статский советник	уволен

1	2	3	4	5	6
	1765.05 – 1774?	обер-президент	Протасов Григорий Григорьевич	действительный статский советник, камергер	
Тайная канцелярия (1718–1725, 1731–1762) Преображенский женский приказ (1695– 1729)	1718 – 1726.05	министр	Толстой Петр Андреевич	тайный советник, с 1718 действительный тайный советник	член Верховного Тайного совета
	1726.05- 1729.03		Ромодановский Иван Федорович	действительный тайный советник	отставка
	1731.03 – 1747.03		Ушаков Андрей Иванович ²⁹	генерал-аншеф	умер
	1747 – 1762.02		Шувалов Александр Иванович	генерал-лейтенант, с 1751 генерал-аншеф	
Соляная контора 1720–1754, Главная соляная контора 1754–1783	? – 1731	судья	Сенявин Борис Акимович	Полковник	умер
	1731.08 – 1736		Боев Андрей Степанович	Полковник	
	1736.08 – ?	директор	Цичерин Кирилл Лаврентьевич	Полковник, с 1741 действительный статский советник	
	1742.10 – 1754.03	директор	Кар Алексей Филиппович	Полковник	отставка
	1754.05 – 1760?	директор	Стечкин Петр Яковлевич	статский советник	
	1760.08 – 1762	директор	Козьмин Матвей Семенович	Действительный статский советник	отставка 03.1763
Медицинская канцелярия (1721–1763) Медицинская коллегия (1763–1803)	1762.11 – 1767.05	директор	Протасов Степан Федорович	действительный статский советник	умер
	1767 – ?	«в должности главного судьи»	Картмазов Иван Фролович	полковник	
	1721.10 – 1730.09	архивар	Блюментрост Иван Лаврентьевич	действительный статский советник	отставка
	1730 – 1732	«докторское собрание»	Тейлс де Антоний, Бидло Николай, Гульст ван дер Захария, Шобер Готтлиб, Севасто Антоний		
	1732.01 – 1734	архивар	Ригер Иоганн-Христофор		отставка

1	2	3	4	5	6
	1734.12 – 1741?	архиепер	Фишер Иоганн-Бернард		отставка
	1741.12 – 1748	архиепер	Лесток Жан Арман	действительный тайный советник	следствие и сылка
	1748.12 – 1753.10	архиепер	Кау-Бургаве Герман	тайный советник	умер
	1753.10 – 1760.08	архиепер	Кондоиди Павел Захарович	действительный статский советник, с 1754 тайный советник	умер
	1760 – 1762	«в правлении по Медицинской канцелярии»	Перхе Иван Яковлевич	кплещжский советник	
	1762.01-07	архиепер	Монсей Джеймс (Яков Фомич)	тайный советник	отставка
	1762 – 1763		Перхе Иван Яковлевич	коллещжский советник	
	1763.11 – 1775.07	президент	Черкасов Александр Иванович	камергер, с 1768 тайный советник	
	1720? – 1722.04	судья	Стремоухов Василий Федорович	полковник	вице-президент Воронежского надворного суда
Ямской приказ (1720–1730)	1722.04 – 1727.10	генерал-почт-директор	Дашков Алексей Иванович	действительный статский советник	отставка
Ямская канцелярия (1730–1781)	1727.11 – 1730.06	главный судья	Палибин Федор Артемьевич	полковник, с 1728 бригадир	главный судья Сыского приказа
	1731.12 – 1733	главный судья	Козлов Никита Афанасьевич	бригадир	умер
	1733.08 – 1739.04	главный судья	Чебышев Иван Васильевич	полковник	следствие
	1739.10 – 1742.12	главный судья	Сухово-Кобылин Федор Васильевич	статский советник; с 1741 действительный статский советник	умер

1	2	3	4	5	6
	1743.10 – 1761.12	главный судья	Языков Даниил Степанович	статский советник, с 1754 действительный статский советник	отставка
	1761.12 – 1768.10	главный судья	Овцын Ларион Яковлевич	генерал-лейтенант	отставка
	1768 – 1770	«в должности главного судьи»	Голицын Федор Сергеевич	статский советник	
	1770.04 – 1781	главный судья	Щербачев Алексей Логичнович	генерал-майор, с 1775 генерал-лейтенант	сенатор
Коллегия экономии синодального правления (1726-1738)	1726 – 1727.06	президент	Басаков Алексей Петрович	капитан гвардии	
	1731 – 1739.11	президент	Волков Михаил Яковлевич	генерал-лейтенант	
	1739.11 – 1740.06	президент	Мусин-Пушкин Платон Иванович	тайный советник	следствие и сылка
Коллегия экономии (1738-1744)	1740.06 – 1744?	президент	Волков Михаил Яковлевич	генерал-лейтенант	
Коллегия духовных имений (1763-1786)	1762.04 – 1763	президент	Оболенский Василий Елисеевич	действительный статский советник	отставка
	1763 – 1764.11	президент	Куракин Борис Александрович	генерал-лейтенант	умер
	1763 – 1765	вице-президент	Дмитриев-Мамонов Матвей Васильевич	бригадир	
	1765.03 – 1766	президент	Гагарин Сергей Васильевич	камергер	уволен
	1766.05 – 1786?	вице-президент	Хитрово Петр Васильевич	статский советник, с 1775 действительный статский советник	
Монетная контора (1727–1734). Монетная канцелярия (1734-1764)	1727.03 – 1730.09	«первый член»	Глещеев Алексей Львович	действительный статский советник	сибирский губернатор
	1730 – 1733.04	«первый член»	Татищев Василий Никитич	действительный статский советник	следствие
	1731.12 – 1740.07	главный директор	Головкин Михаил Гаврилович	тайный советник, с 1739 действительный тайный советник	уволен

1	2	3	4	5	6
	1740.07 – 1742?	главный директор	Миних Христиан-Вильгельм	действительный тайный советник	обер-гофмейстер во главе Главной дворцовой канцелярии
	1743.04 – 1753.03	главный директор (судья с 1735.08)	Голицын Сергей Алексеевич	действительный статский советник	московский губернатор
	1753.03 – 1764?	главный директор	Шлаттер Иван Андреевич	статский советник, с 1760 действительный статский советник	
Доимочная канцелярия (1727–1730)³⁰	1727.02 – ?	главный судья	Плещеев Иван Никифорович	действительный статский советник, с 1728 тайный советник	
Канцелярия конфискации (1729–1784)	1730.06 – 1731.12	главный судья	Шереметев Иван Петрович	действительный статский советник	главный судья Сибирского приказа
	1731.12 – 1734.08	главный судья	Безобразов Иван Григорьевич	бригадир	уволен (отрешен)
	1734.09 – 1736.03	главный судья	Сухово-Кобылин Федор Васильевич	подполковник	генерал-провиантмейстер
	1736 – 1738.04	главный судья	Греков Степан Тимофеевич	бригадир	отставка
	1740.09 – 1753.03	главный судья	Лопухин Федор Авраамович	бригадир, с 1740 действительный статский советник	отставка
	1753.03 – 1762.06	главный судья	Сумароков Петр Панкратьевич	действительный статский советник, с 1760 тайный советник	отставка
	1763 – ?	«в должности главного судьи»	Сенявин Андрей	полковник	
	1764.04 – 1781	главный судья	Рыкачев Марк Иванович	генерал-майор	отставка
Сыскной приказ (1730–1764)	1730.06 – 1731.11	главный судья	Палибин Федор Артемьевич	бригадир	генерал-провиантмейстер
	1731.12 – 1735	главный судья	Зыбин Алексей Кириллович	действительный статский советник	следствие

1	2	3	4	5	6
	1737 – ?	главный судья	Киселев Алексей	бригадир	
	1740.09 – ?	главный судья	Кропоткин Яков Иванович	полковник, с 1741 действительный статский советник	
	1749	советник	Воейков Василий Андреевич	подполковник	
	1753.03 – 1760?	главный судья	Безобразов Никита	статский советник, с 1760 действительный статский советник	отставка
	1761 – 1762?	главный судья	Протасов Степан Федорович		директор Главной соляной конторы
	? – 1763	главный судья	Беклемишев Иван	действительный статский советник	
Судный приказ (1730–1782)	1730.06 – 1737.01	главный судья	Голицын Алексей Дмитриевич	действительный статский советник	ссылка
	1738.05 – 1740.03	главный судья	Плещеев Алексей Львович	тайный советник	главный судья Сибирского приказа
	1740.09 – 1744.04	главный судья	Маслов Яков Андреевич	подполковник	«главный командир» дворцовой канцелярии
	1744.07 – 1753	главный судья	Барятинский Федор Андреевич	статский советник	отставка
	1753.12 – 1760.08	главный судья	Юшков Иван Иванович	статский советник	президент Камер-коллегии
	1761 – 1782	главный судья	Афросимов Афанасий Леонтьевич	коллежский советник, с 1763 статский советник	
Сибирский приказ (1730–1763)	1730.12 – 1731.11	главный судья	Ягужинский Павел Иванович	генерал-аншеф	посол в Пруссии
	1730 – 1731.12	главный судья	Давыдов Иван Дмитриевич	тайный советник	отрешен
	1731.12 – 1735.11	главный судья	Шереметев Иван Петрович	действительный статский советник	умер

1	2	3	4	5	6
	1735 – 1740?	главный судья	Арсеньев Афанасий Петрович	бригадир	
	1740.03 – 1741.11	главный судья	Плещеев Алексей Львович	тайный советник	умер
	1741.12 – 1753.03	главный судья	Салтыков Николай Петрович	действительный статский советник	президент Мануфактур-коллегии
	1753.03-12	главный судья	Сушков Михаил Васильевич	статский советник	отставка
	1753.12 – ?	главный судья	Дурново Иван		
Главная дворцовая канцелярия (1712–1786)	1715 – 1730.11 ^{о1}	обер-гофмейстер	Олсуфьев Матвей Дмитриевич		отставка
		гофмейстер	Елагин Андрей Никифорович	генерал-майор	отставка
	1730.03 – 1742?	обер-гофмейстер	Салтыков Семен Андреевич	генерал-аншеф	умер
	1730.11 – 1731?		Савелов Петр Тимофеевич	действительный статский советник	умер
	1730.11 – 1736		Чичерин Кирилл Лаврентьевич	полковник	директор Соляной конторы
	1730.11 – 1738.06		Раевский Александр Титович	капитан гвардии	следствие
	1742.12 – 1760.11	обер-гофмейстер	Миних Христиан-Вильгельм	действительный тайный советник	отставка
	1744.04 – 1760?	«главный командир»	Маслов Яков Андреевич	статский советник, с 1744 действительный статский советник, с 1760 тайный советник	
	1760.11 – 1770?	обер-гофмейстер	Скавронский Мартин Карлович	генерал-аншеф, камергер	отставка
	1762.06 – ?		Елагин Иван Петрович	действительный статский советник, с 1767 тайный советник	

1	2	3	4	5	6
Канцелярия от строений (1721–1769) Контора строения е.и.в. дворцов и садов (1769–1801)	1721 – 1731.07	директор	Сенявин Ульян Акимович	с 1725 генерал-майор	отставка
	1732.03 – 1736	гоф-интендант	Кармедон Антон		умер
	1736.07 – ?	директор	Нарышкин Александр Львович	тайный советник, с 1740 действительный тайный советник	
	1736.08 – 1739.10	«товарищ президента»	Микулин Иев Григорьевич	статский советник	обер-штер-криг-комиссар Адмиралтейств-коллегии
	1743.04 – ?	«товарищ президента»	Микулин Иев Григорьевич	действительный статский советник, с 1754 тайный советник	
Петербургская полицеймейстерская канцелярия (1718–1732) Главная полицеймейстерская канцелярия (1732–1783)	1746.03 – 1757	директор	Фермор Вилим Вилимович	генерал-лейтенант, с 1755 генерал-аншеф	главнокомандующий армией
	1762.05 – 1793.09	директор	Бецкой Иван Иванович	генерал-лейтенант, камергер; с 1767 действительный тайный советник	отставка
	1762.04 – 1765.03		Данненберг Яков Иванович	генерал-майор	
	1718 – 1727.05	генерал-полицеймейстер	Девиер Антон Мануилович	генерал-майор	следствие и ссылка
	1732.08 – 1740.03	генерал-полицеймейстер	Салтыков Василий Федорович	генерал-лейтенант	
	1740.03–10	«правление полиции»	Унковский Федор	бригадир	обер-штер-криг-комиссар Адмиралтейств-коллегии
			Зыбин Александр Ефимович	полковник	
			Шаховской Яков Петрович	ротмистр гвардии	«главный по полиции» в регентство Бирона

1	2	3	4	5	6
	1740.10–11	«главный по полиции»	Шаховской Яков Петрович	действительный статский советник	«товарищ генерал-полицеймейстера»
	1740.12 – 1744.12	генерал-полицеймейстер	Наумов Федор Васильевич	генерал-лейтенант	отставка
	1744.12 – 1745.06	генерал-полицеймейстер	Девиер Антон Мануилович	генерал-аншеф	умер
	1745.10 – 1760.09	генерал-полицеймейстер	Татищев Алексей Данилович	генерал-лейтенант	умер
	1760.12 – 1763	«директор над полициями»	Корф Николай Андреевич	генерал-лейтенант	отставка
	1764.04 – 1777.12	генерал-полицеймейстер	Чичерин Николай Иванович	генерал-майор, с 1766 генерал-лейтенант, с 1773 генерал-аншеф	отставка
Раскольни- ческая кон- тора (1724–1763)	1724 – 1733	судья	Савелов Афанасий Тимо- феевич	полковник	умер
	1733.09 – 1736.01	судья	Неронов Борис Иванович	статский советник	там же с понижением
	1736.01 – 1752	судья	Волков Михаил Яковлевич	генерал-лейтенант	умер

Таблица 2
Руководители губерний (1720–1770 гг.)

Губернии	Сроки	Должности	Ф.И.О.	Чин (звание)	Дальнейшая судьба
1	2	3	4	5	6
Петербург- ская (с 1708 г.)	1708 – 1727.09	генерал-губернатор	Меншиков Александр Данилович	генерал-фельдмаршал	следствие и ссылка
	1727.10 – 1728.01	генерал-губернатор	Сапега Ян	генерал-фельдмаршал	отъезд за границу
	1728? – 1732?	генерал-губернатор?	Миних Бурхард-Христофор	генерал-аншеф	президент Военной коллегии
	1736 – 1737 или 1738	вице-губернатор	Мануков Федосей Семеевич		умер
	1738.05 – 1740.12	вице-губернатор	Наумов Федор Васильевич	тайный советник	генерал-полицеймейстер
	1741.04 – 1751.05	вице-губернатор	Мельгунов Петр Наумович	статский советник, с 1741 действительный статский советник	умер
	1742.02–12	главнокомандующий	Головин Николай Федорович	адмирал	
	1743.09–12	главнокомандующий	Ласси Петр Петрович	генерал-фельдмаршал	
	1744.01–07	главнокомандующий	Репнин Василий Никитич	генерал-лейтенант	
	1744.06–12	главнокомандующий	Игнатьев Степан Лукич	генерал-лейтенант	
	1746.07 – ?	главнокомандующий	Ушаков Андрей Иванович	генерал-аншеф	
	1748.12 – 1749.12	главнокомандующий	Юсупов Борис Григорьевич	действительный тайный советник	
	1752.12 – 1754.05	главнокомандующий	Голицын Михаил Михайлович	адмирал	
	1753.03 – 1760	вице-губернатор	Жилин Федор Яковлевич	статский советник	
	1761.07 – 1764.04	«в должности губернатора»	Несвицкий Василий Федорович	контр-адмирал	
					отставка

1	2	3	4	5	6
	1762.01(9-28)	генерал-губернатор	Голштейн-Бек Петр Август	генерал-фельдмаршал	не был
	1762.02 – 1763.03	вице-губернатор	Диц фон Томас	генерал-майор	член Военной коллегии
	1762.09 – 1763.07	главноначальствующий	Неплюев Иван Иванович	действительный тайный советник	отставка
	1764.06–07	главноначальствующий	Неплюев Иван Иванович	действительный тайный советник	отставка
	1767.02–12	главноначальствующий губернатор	Глебов Иван Федорович	генерал-аншеф	сенатор
	1764.04 – 1773.04	губернатор	Ушаков Степан Федорович	действительный статский советник; с 1764 тайный советник	
Московская (с 1708 г.)	1719 – 1724.07	генерал-губернатор	Ромодановский Иван Федорович		
	1727 – 1729.03	генерал-губернатор	Ромодановский Иван Федорович		отставка
	1724.07 – 1726	первоприсутствующий Сенатской канторы	Матвеев Андрей Артамонович	тайный советник	назначение на ре-визию
	1726.07 – 1727.02	первоприсутствующий Сенатской канторы	Мусин-Пушкин Иван Алексеевич	действительный тайный советник	
	1727.02 – 1730.09	губернатор	Плещеев Алексей Львович	действительный статский советник; с 1728 тайный советник	сибирский губернатор
	1730.03–10	генерал-губернатор	Салтыков Василий Федорович	действительный тайный советник	умер
	1732.01 – ?	главнокомандующий	Салтыков Семен Андреевич	генерал-аншеф	
	1731.09 – 1735.08	генерал-губернатор	Чернышев Григорий Петрович	генерал-аншеф	отставка
	1735.08 – 1737.01	генерал-губернатор	Бярятинский Иван Федорович	генерал-лейтенант	«командующий в Малороссии»

1	2	3	4	5	6
	1727.02 – 1738.11	вице-губенатор	Вельяминов-Зернов Петр Иванович	полковник, с 1728 действительный статский советник	отставка
	1738.11 – 1741.12	вице-губернатор, с 1740.02 губернатор	Юсулов Борис Григорьевич	действительный статский советник, с 1740.02 тайный советник	президент Коммерц-коллегии
	1739.05– 1739.12	генерал-губернатор	Трубецкой Иван Юрьевич	генерал-фельдмаршал	отставка
	1740.10–11	генерал-губернатор?	Бирон Карл	генерал-аншеф	арест и ссылка
	1742.12 – ?	главнокомандующий	Бутурлин Александр Борисович	генерал-аншеф	
	1743.10 – 1744.07	главнокомандующий	Ласси Петр Петрович	генерал-аншеф	
	1744.12 – 1751.03	главнокомандующий	Левашов Василий Яковлевич	генерал-аншеф	умер
	1753.03 – 1758.09	губернатор	Голицын Сергей Алексеевич	действительный статский советник, с 1753. тайный советник	умер
	1755.12 – 1764.08	вице-губернатор, с 1758 «в должности губернатора»	Жеребцов Николай Григорьевич	действительный статский советник, с 1760 тайный советник	отставка
	1760.08 – 1762.01	губернатор	Черкасский Петр Борисович	генерал-лейтенант	отставка
	1762.06 – 1763.05	генерал-губернатор	Бутурлин Александр Борисович	генерал-фельдмаршал	
	1763.05 – 1771	главнокомандующий	Саптыков Петр Семенович	генерал-фельдмаршал	отставка
	1764.04 – ?	губернатор	Юшков Иван Иванович	тайный советник	
Архангело-городская (с 1708 г.)	1725 – 1727.09	губернатор	Измайлов Иван Петрович	тайный советник бригадир	воронежский губернатор
	1727.09 – 1728.12	губернатор	Лихарев Иван Михайлович	генерал-лейтенант	умер

1	2	3	4	5	6
	1729.03 – 1732.02	губернатор	Мещерский Семен Федорович	генерал-майор	умер
	1732.02–07	губернатор	Шувалов Иван Максимович	генерал-майор	
	1732.07 – 1738.07	губернатор	Щербатов Михаил Юрьевич	генерал-майор	умер
	1740.03 – 1743.06	1740.03-10 вице-губернатор, с 1741.03 губернатор	Оболенский Алексей Андреевич	обер-кригс-комиссар, с 1741.03 действительный статский советник	отставка
	1740.10–11	губернатор	Пушкин Петр Калинович	контр-адмирал	не был
	1742.01(16–29)	губернатор	Лолухин Степан Васильевич	генерал-лейтенант	не был
	1743.06 – 1745.05	губернатор	Пушкин Алексей Михайлович	камергер	посланник в Швеции
	1745.05 – 1762?	губернатор	Юрьев Степан Алексеевич	генерал-майор, с 1753 генерал-лейтенант	умер
	1762.06 – 1763?	губернатор	Сухотин Григорий Филатович	действительный статский советник	отставка
	1763.04 – 1780	губернатор	Головцын Егор Андреевич	генерал-майор, с 1771 генерал-лейтенант	
	1721.02 – 1725	губернатор	Измайлов Петр Васильевич	бригадир	
	1725.04 – 1726.08	губернатор	Чернышев Григорий Петрович	генерал-лейтенант	рижский губернатор
	1727.02–09	губернатор	Лихарев Иван Михайлович	генерал-майор	архангелогородский губернатор
	1727.09 – 1728.02	губернатор	Измайлов Иван Петрович	генерал-майор	гофмаршал царицы Евдокии Федоровны
	1727.02 – 1728.06	вице-губернатор	Стрекалов Иван Васильевич	бригадир	в армию
	1728.06 – 1734.12	вице-губернатор	Пашков Егор Иванович	бригадир	уволен

Воронежская

(с 1725 г.; в 1708–1725 г. – Азовская)

1	2	3	4	5	6
	1734.12 – 1735.08	губернатор	Мякинин Алексей Антонович	генерал-майор	умер
	1735.09 – 1739.12	вице-губернатор	Лукин Александр Денисович	бригадир	следствие
	1737.05 – 1744.06	«в должности вице-губернатора»	Пересекин Петр Федорович	полковник	
	1740.03 – 1741.09	губернатор	Урусов Григорий Алексеевич	генерал-лейтенант	сенатор
	1741.10 – 1743	вице-губернатор	Гурьев Василий Михайлович	действительный статский советник	умер
	1744.03 – 1745.03	вице-губернатор	Хрипунов Иван Ефимович	полковник	умер
	1747.08 – 1760?	губернатор	Пушкин Алексей Михайлович	камергер	следствие
	1756 – 1761,05	вице-губернатор	Кошелев Иван Родионович	действительный статский советник	
	1761.07 – 1763.02	«в должности губернатора»	Жилин Федор Яковлевич	статский советник	белгородский вице-губернатор
	1761 – 1764,04	вице-губернатор	Спичинский Николай Федорович	полковник	
	1764.10 – 1766.02	губернатор	Лачинов Александр Петрович	генерал-лейтенант	
	1766.04 – 1773.02	губернатор	Маслов Алексей Михайлович	генерал-майор, с 1771 генерал-лейтенант	умер
Казанская (с 1708 г.)	? – 1725	губернатор	Салтыков Алексей Федорович	статский советник	умер
	1725 – 1727	губернатор	Вольнский Артемий Петрович	генерал-майор	
	1727.02 – 1728.05	губернатор	Зотов Василий Никитич	бригадир	
	1728.05 – 1730.11	губернатор	Вольнский Артемий Петрович	генерал-майор	в армию
	1730.11 – 1731.12	губернатор	Долгоруков Михаил Владимирович	действительный тайный советник	ссылка

1	2	3	4	5	6
	1731.12 – 1735.10	губернатор	Мусин-Пушкин Платон Иванович	действительный статский советник	ревельский губернатор
	1735.10 – 1736.07	губернатор	Румянцев Александр Иванович	генерал-лейтенант	в армию
	1736.07 – 1738.06	губернатор	Голицын Сергей Дмитриевич	тайный советник	погиб
	1740.03 – 1741	вице-губернатор	Соймонов Леонтий Яковлевич	генерал-майор, с 1740 генерал-лейтенант	«главный командир оренбургской экспедиции»
	1741.06 – 1746.04	губернатор	Загряжский Артемий Григорьевич	генерал-лейтенант	
	1748.02 – 1755.09	губернатор	Греков Степан Тимофеевич	действительный статский советник, с 1754 тайный советник	
	1755.09 – 1758.08	губернатор	Головин Федор Иванович	генерал-майор, с 1755 тайный советник	отставка
	1760.08 – 1764.08	губернатор	Тенишев Василий Борисович	действительный статский советник	отставка
	1764.08 – 1770?	губернатор	Квашнин-Самарин Андрей Никитич	действительный статский советник	нижегородский губернатор
	1722.02 – 1727.03	генерал-губернатор	Трубецкой Иван Юрьевич	генерал-аншеф	отставка?
	1727.06 – 1728.02	генерал-губернатор	Долгоруков Василий Лукич	действительный тайный советник	не был, член Верховного Тайного совета
	1727 – 1730?	вице-губернатор	Шток Логин	генерал-майор	
	1730.08 – 1731.03	генерал-губернатор	Матюшкин Михаил Афанасьевич	генерал-аншеф	отставка
	1731.11 – 1736.10	генерал-губернатор	Вейсбах Иоганн-Бернгард	генерал-аншеф	умер
	1731.11 – 1736.01	губернатор	Шереметев Владимир Петрович	генерал-лейтенант	отставка
	1736.02 – 1737	губернатор	Сукин Семен Иванович	генерал-майор	умер
Киевская (с 1708 г.) ³²					

1	2	3	4	5	6
	1737.11 – 1738.03	губернатор	Румянцев Александр Иванович	генерал-лейтенант	в армию
	1738.03 – 1740.03	губернатор	Леонтьев Михаил Иванович	генерал-лейтенант	сенатор
	1740.03-12	губернатор	Неплюев Иван Иванович	тайный советник	уволен
	1741.01 – 1752.09	генерал-губернатор	Леонтьев Михаил Иванович	генерал-аншеф	умер
	1753.12 – 1758.01	вице-губернатор	Косторин Иван Иванович	действительный статский советник, с 1755 тайный советник	обер-комендант Петербурга
	1758.01 – 1761.02	губернатор	Лопухин Владимир Иванович	генерал-майор	член Военной коллегии
	1760.08 – 1766	генерал-губернатор	Глебов Иван Федорович	генерал-лейтенант	сенатор
	1761 – ?	вице-губернатор	Власьев Иван	генерал-майор	
	1766.03 – 1775.10	генерал-губернатор	Воейков Федор Матвеевич	генерал-аншеф	отставка
	1719.05 – 1724.01	губернатор	Черкасский Алексей Михайлович	коллежский советник, с 1724 статский советник	
Сибирская (с 1708 г.)	1724 – 1728,09	губернатор	Долгоруков Михаил Владимирович	действительный статский советник, с 1727 тайный советник	«не у дел»
	1728.09 – 1731.12	вице-губернатор	Болтин Иван	подполковник	отрешен
	1730.09 – 1736.01	губернатор	Плещеев Алексей Львович	тайный советник	следствие
	1731.12 – 1740.03	вице-губернатор, с 1736.01 губернатор, управлял до 1742	Бутурлин Петр Иванович	бригадир	отставка
	1740.03	губернатор	Трубецкой Никита Юрьевич	генерал-лейтенант	не был
	1740.09 – 1741.12	губернатор	Шипов Иван Афанасьевич	генерал-майор	не был

1	2	3	4	5	6
	1741.12 – 1752	губернатор	Сухарев Алексей Михайлович	генерал-майор	умер под следствием
	1753.03 – 1757.01	губернатор	Мятлев Василий Алексеевич	генерал-лейтенант	член Адмиралтейств-коллегии
	1757.03 – 1762.01	губернатор	Соймонов Федор Иванович	тайный советник	
	1762.01	губернатор	Суворов Василий Иванович	генерал-лейтенант	не был
	1762.06	губернатор	Миних Бурхард-Христофор	генерал-фельдмаршал	не был
	1763.04 – 1781	губернатор	Чичерин Денис Иванович	премьер-майор гвардии, с 1764 генерал-майор, с 1773 генерал-лейтенант	отставка
Смоленская (с 1726 г.)	1726.01 – 1730.05	губернатор	Дюпре Иван Яковлевич	генерал-лейтенант	умер
	1730.09 – 12	губернатор	Тараканов Алексей Иванович	генерал-майор	в армию
	1730.12 – 1731.12	губернатор	Мусин-Пушкин Платон Иванович	действительный статский советник	казанский губернатор
	1732.01 – 1733	губернатор	Черкасский Александр Андреевич	действительный статский советник	следствие и ссылка
	1735.06 – 1738.01	губернатор	Бутурлин Александр Борисович	генерал-майор	в армии
	1738 – 1739	и.о. губернатора, комендант	Шамордин Авраам	полковник	
	1739.09 – 1740.09	губернатор	Бутурлин Александр Борисович	генерал-майор	московская контора Военной коллегии
	1740.10 – 1741.03	губернатор	Оболенский Алексей Андреевич	бригадир	не был
	1732.01 – 1741.01	вице-губернатор	Козловский Семен Михайлович	бригадир	
	1741.02 – 1749	вице-губернатор	Бриммер Иван	полковник	
	1741.07-12	губернатор	Баскаков Алексей Петрович	тайный советник	следствие

1	2	3	4	5	6
Рижская (с 1713 г.)	1742.10 – 1748	губернатор	Философов Михаил Иванович	генерал-майор	умер
	1753.03 – 1760?	губернатор	Оболенский Василий Елисеевич	генерал-майор, с 1755 тайный советник	
	1760.08 – 1763.01	губернатор	Аршеневский Исай Захарович	действительный статский советник	следствие
	1763.03 – 1764.12	генерал-губернатор	Фермор Виллим Виллимович	генерал-аншеф	сенатор
	1763.03 – 1767	губернатор	Козловский Михаил Семеевич	генерал-майор	умер
	1767 – 1774	губернатор	Текутьев Тимофей Петрович	генерал-майор, с 1774 генерал-лейтенант	отставка
	1719.05 – 1724.01	генерал-губернатор	Репнин Никита Иванович	генерал-аншеф	президент Военной коллегии
	1725.03 – 1726.06	генерал-губернатор	Репнин Никита Иванович	генерал-аншеф	умер
	1726.12 – 1729.05	губернатор	Чернышев Григорий Петрович	генерал-лейтенант	отозван в Москву
	1729.05 – 1733.07	губернатор	Ласси Петр Петрович	генерал-лейтенант	в армии
	1733.07 – 1734	«директор экономии»	Фелькерзам фон Георг		
	1734.07 – 1736	вице-губернатор	Гохмут Карл	генерал-лейтенант	умер
	1740.03 – 11	вице-губернатор	Бисмарк фон Людольф-Август	генерал-майор	арест и ссылка
1741.01 – 11	вице-губернатор	Вилдеман Х.	генерал-майор	отставка	
1741.11 – 1742.09	вице-губернатор	Еропкин Дмитрий Федорович	генерал-лейтенант	отставка «к статским Дела́м»	
1740.02 – 1741.08	генерал-губернатор	Ласси Петр Петрович	генерал-фельдмаршал	в армию	
1744 – 1751.04	генерал-губернатор	Ласси Петр Петрович	генерал-фельдмаршал	умер	

1	2	3	4	5	6
	1742.09 – 1753.03	вице-губернатор, с 1751.04 губернатор	Долгоруков Владимир Петрович	генерал-майор	ревельский губернатор
	1753.03 – 1758.02	вице-губернатор	Воейков Федор Матвеевич	генерал-майор, с 1755 генерал-лейтенант	губернатор Восточной Пруссии
	1758.03 – 1761.05	губернатор	Долгоруков Владимир Петрович	генерал-лейтенант	умер
	1761.05 – 1762.03	«в должности губернатора»	Аршеневский Яков Степанович	генерал-майор	
	1762.02 – 1792.09	генерал-губернатор	Броун Юрий Юрьевич	генерал-аншеф	умер
Ревельская (с 1719 г.)	1721 – 1728.11	генерал-губернатор	Апраксин Федор Матвеевич	генерал-адмирал	умер
	? – 1735.09	вице-губернатор, с 1730.08 губернатор	Левен фон Фридрих	генерал-майор	
	1735.10 – 1736.07	губернатор	Мусин-Пушкин Платон Иванович	действительный статский советник, с 1736 тайный советник	президент Коммерц-коллегии
	1738.06 – 1740.03	губернатор	Дуглас Оттон-Густав	генерал-аншеф	отставка
	1740.03 – 1743.11	генерал-губернатор	фон Левендаль Ульрих-Фридрих-Вольдемар	генерал-аншеф	отъезд за границу
	1743.10 – 1753.03	губернатор	Голштейн-Бек Петр-Август	генерал-лейтенант	в армию
	1753.03 – 1758.02	губернатор	Долгоруков Владимир Петрович	генерал-майор, с 1755 генерал-лейтенант	рижский губернатор
	1758.02 – 1759?	«в должности губернатора»	Полянский Андрей Иванович	вице-адмирал	
	1760 – 1775.03	губернатор, с 1762 генерал-губернатор	Голштейн-Бек Петр-Август	генерал-аншеф, с 1762 генерал-фельдмаршал	умер

1	2	3	4	5	6
Астраханская (с 1717 г.)	1719 – 1725.07	губернатор	Волынский Артемий Петрович	полковник	казанский губернатор
	1725 – 1731	губернатор	Менден фон Иван Александрович	генерал-майор	
	1730.04-05	губернатор	Долгоруков Михаил Владимирович	действительный тайный советник	не был
	1731.02 – 1736?	губернатор	Измайлов Иван Петрович	генерал-майор	
	1735.07–08	губернатор	Румянцев Александр Иванович	генерал-лейтенант	не был
	1735.10 – 1736.04	губернатор	Пашков Егор Иванович	бригадир	умер (не был)
	1736.07 – 1737.01	вице-губернатор	Соймонов Леонтий Яковлевич	бригадир, с 1736 генерал-майор	начальник «башкирской комиссии»
	1737.01 – 1740.03	вице-губернатор	Юнгер Андрей	бригадир	отставка
	1740.01 – 1741.09	губернатор	Голицын Михаил Иванович	вице-адмирал	сенатор
	1741.09 – ?	вице-губернатор	Барятинский Михаил Михайлович	бригадир	
	1741.12 – 1745.09	губернатор	Татищев Василий Никитич	тайный советник	следствие
	1745.09 – 1752.09	губернатор	Брылкин Иван Онуфриевич	камергер	уволен
	1753.12–1760.08	губернатор	Жилин Алексей Сергеевич	генерал-майор	уволен
	1760.08 – 1763.06	губернатор	Неронов Василий Васильевич	действительный статский советник	сенатор
	1763.04 – 1773	губернатор	Бекетов Никита Афанасьевич	генерал-майор, с 1771 генерал-лейтенант	следствие
Нижегородская (с 1719 г.)	1719.09 – 1729	вице-губернатор	Ржевский Юрий Алексеевич	капитан-поручик гвардии	
	1730.02–04	губернатор	Бестужев-Рюмин Петр Михайлович	тайный советник	ссылка

1	2	3	4	5	6
	1730.04 – 1740.03	вице-губернатор	Вольнский Иван Михайлович	действительный статский советник	отставка и следствие
	1740.03–06 1740.07 – 1744.07	вице-губернатор вице-губернатор	Наумов Григорий Гагарин Семен Иванович	бригадир подполковник	отставка отставка
	1742.02 – 1752.07	губернатор	Друцкий Даниил Андреевич	полковник, с 1741 действительный статский советник	умер
	1753.03 – ?	губернатор	Панин Александр Иванович	статский советник, с 1754 действительный статский советник	
	1760.08 – 1764.04	губернатор	Измайлов Сергей Иванович	действительный статский советник	уволен
	1764.04 – 1769	губернатор	Аршеневский Яков Степанович	генерал-лейтенант	
	1770 – 1773?	губернатор	Квашнин-Самарин Андрей Никитич	действительный статский советник	
Новгородская (с 1727 г.)	1727.04 – ?	вице-губернатор, с 1728.08 губернатор	Гагарин Василий Иванович	действительный статский советник	
	1732.08 – 1742.02	вице-губернатор	Бредихин Александр Федорович	статский советник, с 1740 действительный статский советник	отставка
	1742.03–12	вице-губернатор	Орлов Григорий Иванович	действительный статский советник	отставка
	1744.03 – 1753.03	губернатор	Салтыков Петр Иванович	генерал-майор	отставка
	1753.03 – 1754	вице-губернатор	Спичинский Семен Федорович	статский советник	
	1752 – 1761.05	«губернаторский товарищ»	Колотовский Иван Григорьевич	подполковник	отставка
	1760.08 (16–30)	губернатор	Мещерский Григорий Семенович	генерал-майор	не был
	1760.08 – 1762.03	вице-губернатор	Иевлев Трофим	статский советник	бригадир, комендант Казани

1	2	3	4	5	6
	1761 – 1764.04	губернатор	Ушаков Степан Федорович	действительный статский советник	петербургский губернатор
	1764.04 – 1776	губернатор	Сиверс Яков Ефимович	генерал-майор, с 1771 генерал-лейтенант	сенатор
Белгородская (с 1727 г.)	1727.02 – 1730.03	губернатор	Трубецкой Юрий Юрьевич	генерал-майор; с 1727 генерал-лейтенант	в армию
	1730 – 1732.07	губернатор	Бибиков Иван Иванович	генерал-майор	умер
	1732.08 – 1733.11	губернатор	Стрекалов Иван Васильевич	генерал-майор	отставка
	1734.08 – 1740.03	губернатор	Греков Иван Михайлович	бригадир	отставка
	1740.03 – 1742.02	вице-губернатор	Друцкий Даниил Андреевич	полковник	нижегородский губернатор
	1742.02 – 1760?	губернатор	Салтыков Петр Михайлович	действительный статский советник	следствие
	1760.08 – ?	вице-губернатор	Толстой Григорий	действительный статский советник	
	1761.02 – 1762	«в должности губернатора»	Шаховской Григорий Иванович	действительный статский советник	следствие и сылка
	1763.02 – 1764.04	вице-губернатор	Жилин Федор Яковлевич	статский советник	вице-президент Юстиц-коллегии
	1764.01 – 1766.03	губернатор	Нарышкин Василий Васильевич	генерал-лейтенант	отставка
	1767 – 1771	губернатор	Фливерк Андрей Матвеевич	тайный советник	
Выборгская (с 1744 г.)	1744.01–10	губернатор	Репнин Юрий Никитич	генерал-лейтенант	умер
	1744 – 1754.11	губернатор	Кейзерлинг фон Йоганн-Христофор	генерал-майор, с 1752 генерал-лейтенант	умер
	1755.12 – 1756.01	губернатор	Ганнибал Абрам Петрович	генерал-лейтенант	не был
	1758.03 – 1765?	губернатор	Исаков Афанасий Степанович	генерал-лейтенант	

1	2	3	4	5	6
	1765.02 – 1778	вице-губернатор, с 1777.09 губернатор	Энгельгардт Николай Николаевич	бригадир, с 1771 генерал-майор, с 1777 генерал-лейтенант	умер
Оренбургская (с 1744 г.)	1744.03 – 1758.02	губернатор	Неплюев Иван Иванович	тайный советник, с 1752 действительный тайный советник	«не у дел» до 1760
	1759.04 – 1763.06	губернатор	Давыдов Афанасий Романович	тайный советник	в «московской банковской конторе для дворянства»
	1763.06-10	с 1762 вице-губернатор	Волков Дмитрий Васильевич	действительный статский советник	президент Мануфактур-коллегии
	1763.10 – 1764.07	губернатор	Лачинов Александр Петрович	генерал-лейтенант	воронежский губернатор
Новороссийская (с 1764 г.)	1764.08 – 1768.07	губернатор	Путятин Авраам Артамонович	генерал-майор	сенатор
	1768.09 – 1780.02	губернатор	Рейнсдорп Иван Андреевич	генерал-майор, с 1771 генерал-лейтенант	оренбургский наместник
	1764 – 1765	«главный командир»	Мельгунов Алексей Петрович	генерал-лейтенант	президент Камер-коллегии
	1766 – 1774	«главный командир»	Воейков Федор Матвеевич	генерал-аншеф	
	1765	губернатор	Исаков Александр Степанович	генерал-майор	
	1765.08 – 1770?	губернатор	Брандт Яков Иппарионович	генерал-лейтенант	казанский губернатор
Слободско-Украинская (с 1764 г.)	1764 – 1774	губернатор	Щербинин Евдоким Алексеевич	премьер-майор гвардии, с 1766 генерал-майор, с 1771 генерал-лейтенант	сенатор
	1753.09 – 1765.07	вице-губернатор	Вульф Иван	генерал-майор	
Иркутская (с 1764 г.)	1765 – 1767	губернатор	Фраундорф Карл Львович	генерал-майор	
	1767 – 1774	губернатор	Бриль Адам Иванович	генерал-лейтенант	

Таблица 3
Изменение состава Сената (1762-1769 гг.)

Годы	Назначены	По какой причине выбыли
1762	Ушаков Ф.И. (1695-1766 гг.), Волконский М.И. (1713-1788 гг.), Панин Н.И. (1718-1783 гг.), Суворов В.И. (1705-1790 гг.), Разумовский К.Г. (1724-1803 гг.), Шаховской Я.П. (1705-1777 гг.), Шереметев П.Б. (1713-1787 гг.), Корф Н.А. (1710-1766 гг.), Скавронский М.К. (1714-1776 гг.) (все – 28 июня); Бестужев-Рюмин А.П. (1693-1766 гг.) Голицын М.М. (1685-1764 гг.)	Голицын М.М. – отставка
1763	Чернышев П.Г. (1712-1773 гг.)	Шувалов А.И. (1710-1771 гг.), Трубецкой Н.Ю. (1699-1767 гг.) – отставка
1764	Козловский А.С. (1707-1776 гг.), Алодуров В.Е. (1709-1780 гг.), Милославский Ф.С. (1709-1783 гг.), Олсуфьев А.В. (1721-1784 гг.), Муравьев Н.Е., Трубецкой П.Н., Протасов С.Ф. (1703-1767 гг.), Желябужский Н.М., Салтыков П.С. (1698-1772 гг.), Дивов И.И. (1706-1773 гг.), Соимонов Ф.И. (1692-1780 гг.) (все – январь); генерал-прокурор Вяземский А.А. (1727-1793 гг.) Куракин Б.А. (1733-1764 гг.), Панин П.И. (1721-1789 гг.), Фермор В.В. (1702-1771 гг.)	Сумароков П.С. (1709-1780 гг.), Жеребцов А.Г., Костюрин И.И., генерал-прокурор Глебов А.И. (1722-1790 гг.), Неплюев И.И. (1693-1773 гг.), Брылкин И.О. (1709-1788 гг.) – отставка; Куракин Б.А. – умер
1765	Еропкин П.Д. (1724-1805 гг.), Гагарин С.В. (1713-1782 гг.), Мельгунов А.П. (1722-1788 гг.)	Корф Н.А., Воронцов М.И. (1714-1767 гг.) – отставка; Разумовский К.Г. – отбыл за границу; Одровский И.В. – отставка?
1766	Глебов И.Ф. (1707-1774 гг.), Чичерин Н.И. (1724-1782 гг.)	Ушаков Ф.И., Бестужев-Рюмин А.П. – умерли; Соимонов Ф.И., Милославский Ф.С., Шаховской Я.П., Чернышев П.Г. – отставка
1767	Вяземский И.А. (1722-1789 гг.), Камынин Л.И. (1720-1788 гг.), Собакин М.Г.	Дивов И.И. – отставка; Протасов С.Ф., Бутурлин А.Б. (1694-1767 гг.) – умерли
1768	Елагин И.П. (1725-1793 гг.), Волков Д.В. (1727-1785 гг.), Теплов Г.Н. (1717-1779 гг.), Козлов И.И. (1716-1788 гг.), Похвиснев М.С., Путятин А.А., Нарышкин А.А. (1726-1795 гг.) – июль	Голицын А.Д. (1697-1767) – умер; Фермор В.В., Шереметев П.Б. – отставка; Суворов В.И., Муравьев Н.Е. – отставка?
1769		Путятин А.А. – умер; Волконский М.Н., Панин Н.И., Разумовский К.Г. – в Совет при высочайшем дворе

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Туркестанов Н.Н.* Губерний служебник или список генерал-губернаторам, правителям, поручикам правителя, председателям уголовной и гражданской палат и дворянским предводителям в 47 наместничествах. СПб., 1869; Исторические данные об образовании губерний, областей, градоначальств и других частей внутреннего управления империи с указанием высших чинов этого управления в хронологическом порядке с момента образования губерний по 1 ноября 1902 г. СПб., 1902 (в этом справочнике по первой половине XVIII в. приведены сведения только по Петербургской и Астраханской губерниям).

² См.: *Лысенко Л.М.* Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – начала XX века). М., 2001. С.263–355. Например, по Петербургской и Новгородской губерниям за весь период указаны только 4 человека; по Воронежской губернии не указаны вице-губернаторы А.Д.Лукин, Н.Ф.Спичинский и И.Е.Хрипунов, а вице-губернатор В.М.Гурьев управлял в 1741–1743 гг., а не с 1744 г. Новгородской губернией с 1732 по 1742 г. управлял не указанный в списке вице-губернатор А.Ф.Бредихин. А.И.Панин был не губернатором, а вице-губернатором Смоленской губернии, а А.Б.Бутурлин правил ей в 1735–1738 и 1739–1740 гг., а не до 1756 г. Рижской губернией В.П.Долгоруков управлял не только в 1758 г., но и с 1742 по 1753 г. в качестве вице-губернатора и с 1758 по 1761 г. в качестве губернатора; П.П.Ласси был там же генерал-губернатором не только в 1729–1733 гг., но и в 1740–1741 и в 1744–1751 гг. По Казанской губернии не назван управлявший ей вице-губернатор Л.Я.Соймонов, а губернатор С.Д.Голицын умер не в 1739, а в 1738 г. М.И.Макшеев (а не Бакшеев) состоял не губернатором, а вице-губернатором в Нижнем Новгороде. В Астрахани вице-губернатором служил не Ф.И.Соймонов, а Л.Я.Соймонов. Среди киевских губернаторов пропущен Ф.М.Воейков, а указанный в списке М.И.Леонтьев управлял не только в 1741 г., а с 1741 по 1752 г. Д.В.Волков был в Оренбурге губернатором только до конца 1763 г., а не до 1767 г. Е.П.Кашкин управлял Выборгской губернией не в 1764–1766 гг., а с 1780 г. А.А.Вяземский никогда не управлял Ревельской, а П.Б.Черкасский – Новгородской губернией и т.д. (см.: *Лысенко Л.М.* Указ. соч. С.311,337,280,334,326,290,295,268,309,315,281,311).

³ См.: *Le Donne J.* The Evolution of the Governor's Office, 1727–1764 // Canadian-American Slavic Studies. 1978. Vol.12, № 1. P.89–93,112–115.

⁴ См.: Список военным чинам первой половины XVIII столетия // Сенатский архив. СПб., 1895. Т.7. С.636–811.

⁵ См.: Адрес-календарь российской на лето от рождества Христова... (СПб., 1765–1767); Месяцлов с росписью чиновных особ в государстве на лето... (СПб., 1769–1774).

⁶ См.: Список находящихся у статских дел господам сенаторам, обер-прокурорам и всем присутствующим в коллегиях, канцеляриях, конторах, губерниях, провинциях и городах (СПб., 1766–1770).

⁷ См.: *Кирилов И.К.* Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977.

⁸ См.: *Веселаго Ф.Ф.* Общий морской список. СПб. 1885–1890. Т.1–2; *Волков Н.Е.* Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. М., 2001; Очерк истории Министерства иностранных дел. СПб., 1902; Столетие Военного министерства. СПб., 1911. Т.3, кн.6.

⁹ См.: *Мирский М.Б.* Медицина России XVI–XIX вв. М., 1996; *Amburger E.* Geschichte der Behördenorganisation Russlands von Peter der Grossen. Leiden, 1966.

¹⁰ См.: Астраханские губернаторы: Историко-краеведческие очерки. Астрахань, 1997; *Балязин В.В.* Императорские наместники первопрестольной. М., 2000; Белгородская губерния 1727–1779 гг.: Сб. док. и материалов. Белгород, 1997; Воронежские губернаторы и вице-губернаторы, 1710–1917: Историко-биографические очерки. Воронеж, 2000; Выдающиеся губернаторы тобольские и сибирские. Тюмень, 2000; Губернаторы Оренбургского края. Оренбург, 1999; *Друголенский Я.* Военно-гражданская и полицейская власть в Санкт-Петербурге, 1703–1917. СПб., 2001; *Зуит Я.Я.* Остзейский вопрос в XVIII в. Рига, 1946; *Корсакова В.Д.* Список начальствующих лиц в городах теперешней Казанской губернии. Казань, 1908; *Токмаков И.Ф.* Список главных начальников Московы ... с 1710 по 1895 г. М., 1895; *Шербань В.И.* Киевские воеводы, губернаторы и вице-губернаторы от 1654 по 1775 гг. // Чтения в историческом обществе Нестора-летописца. Киев. 1892. Т.6. С.123–148.

¹¹ См.: *Власьев Г.А.* Потомство Рюрика. СПб., 1907. Т.1, вып.1–3; *Петров П.М.* История родов русского дворянства. СПб., 1866. Т.1; *Руммель В.В., Голубцов В.В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1886–1887. Т.1–2; *Лобанов-Ростовский А.Б.* Русская родословная книга. 2-е изд. СПб., 1895. Т.1–2; *Ювеналий (Воейков И.Г.)*. Историческое родословие благородных дворян Воейковых. М., 1792; *он же*. Историческое родословие благородных дворян Кропотовых и Дуровых. М., 1792; *он же*. Краткое историческое родословие благородных и знатных дворян Лопухиных. М., 1796; *Бороздин К.М.* Опыт исторического родословия Измайловых. СПб., 1841; *он же*. Опыт исторического родословия дворян и графов Матюшкиных. СПб., 1841; *Васильчиков А.А.* Род Нарышкиных // РА. 1871. № 9. С.1487–1519; *Голицын Н.Н.* Род князей Голицыных. СПб., 1892; *Богданович Е.* Род князей Барятинских. СПб., 1898; *Сухотин Л.М.* Род дворян Сухотиных. М., 1908; *Модзалевский Б.Л.* Род Раевских герба Лебедь. СПб., 1908; *Савелов Л.М.* Родословные записи. СПб., 1909. Т.3; *Шереметев П.С.* О князьях Хованских. М., б.г.; *Дмитриев-Мамонов А.И.*

Дмитриевы-Мамоновы. СПб., б.г.; *Долгорукий Ф.С., Шпилевская Н.С.* Долгорукие, Долгоруковы и Долгорукие-Аргутинские. СПб., 1913. Ч.2; *Ельчанинов И.Н.* Материалы для генеалогии ярославского дворянства. Ярославль, 1913. Вып.2; *Нарбут А.Н.* Князья Урусовы. М., 1994; Род и предки А.С.Пушкина. М., 1995; *Ровенский Г.В.* Родословие Бибиковых. Фрязино, 1996; *Хованский Г.С.* Род князей Хованских // Дворянское собрание. 1996. Вып.4. С.173; *Вельяминов Г.М.* Род Вельяминовых. М., 1997.

¹² См.: РГАДА. Ф.9. Оп.5. № 2 (Ч.26), 5,18; Ф.16. Оп.1. № 3. Ч.1.

¹³ См.: Там же. Ф.19. Оп.1. № 22. Л.52–53 об.; Ф.248. Оп.13. № 689. Л.62–66; Ф.286. Оп.1. № 182. Л.1–71.

¹⁴ См.: Там же. Ф.248. Оп.17. № 1155. Л.542–577.

¹⁵ См.: Там же. Ф.16. Оп.1. № 168. Ч.1. Л.350–362; Ф.286. Оп.1. № 262. Л.1–66; № 245. Л.1–2.

¹⁶ См.: Там же. Ф.16. Оп.1. № 233. Л.1–10. Из этого документа следует, что Сенат в середине XVIII в. с трудом смог установить имена руководителей важнейших коллегий двадцатилетней давности.

¹⁷ См.: Там же. Ф.286. Оп.1. № 440. Л.325–328.

¹⁸ См.: Там же. № 421. Л.422–440.

¹⁹ См.: Там же. Ф.248. Оп.113. № 1353. Л.1–28. Подобные списки составлялись неоднократно (см., например, «ведомости о находящихся в Санкт-Петербурге первых шести классов персонах» за 1749, 1755, 1757, 1762, 1763, 1764 гг.), но в них не указывались занимаемые должности. Последние сообщались только в присылаемых в процессе подготовки данных списков рапортах из коллегий, канцелярий и приказов о наличии в их числе служащих указанных чинов (см.: Там же. Ф.286. Оп.1. № 310).

²⁰ См.: Там же. Ф.248. Оп.41. № 3021. Л.65–72.

²¹ См.: Там же. Л.29–51.

²² См.: Там же. Ф.16. Оп.1. № 370. Л.1–2.

²³ См.: РГВИА. Ф.489. Оп.1. № 7395 (1729 г.), 7387 (1738 г.), 7007 (1742 г.), 7386 (1748 г.), 7396 (1752 г.), 7134 (1755 г.), 7369 (1761 г.), 7391 (1762 г.), 7392 (1764 г.), 7142 (1771 г.); РГАДА. Ф.1239. Оп.3. № 35312. Л.1–4 (1731 г.).

²⁴ После смерти Петра I А.Д.Меншиков вновь заседал в Военной коллегии и подписывал ее протоколы, но указа о его официальном назначении президентом нами не обнаружено.

²⁵ Генерал-майор С.Ф.Апраксин 25 июня 1742 г. был назначен генерал-кригс-комиссаром и заседал в Военной коллегии (см.: РГАДА. Ф.286. Оп.1. № 310. Л.31,217,489), но не был ее вице-президентом, вопреки имеющимся в литературе указаниям.

²⁶ В 1731–1741 гг. одновременно существовала и так называемая «старая» Камер-коллегия для разбора накопившихся за прежние годы дел; во главе ее находились А.В.Макаров и М.Ф.Воейков.

²⁷ В 1726–1727 гг. А.Л.Плещеев и А.Л.Нарышкин одновременно являлись президентами Камер-коллегии.

²⁸ Я.М.Евреинов сохранял за собой пост президента Коммерц-коллегии и в 1765 г., но на деле учреждением не руководил – возможно, в связи с его открывшимися «неисправностями»: президент не смог выплатить долг Коммерческому банку почти в 200 тыс. рублей, половину из которых занял на имя знакомых купцов (см.: Сенатский архив. СПб., 1912. Т.15. С.183–186).

²⁹ В документах Тайной канцелярии не упоминается название должности ее начальников А.И.Ушакова и А.И.Шувалова (см.: *Веретенников В.И.* Из истории Тайной канцелярии, 1731–1762. Харьков, 1911. С.95).

³⁰ Канцелярия конфискации унаследовала как задачи, так и персонал Доимочной канцелярии (см.: Государственность России (конец XV – февраль 1917 г.). М., 1999. Кн.2. С.55).

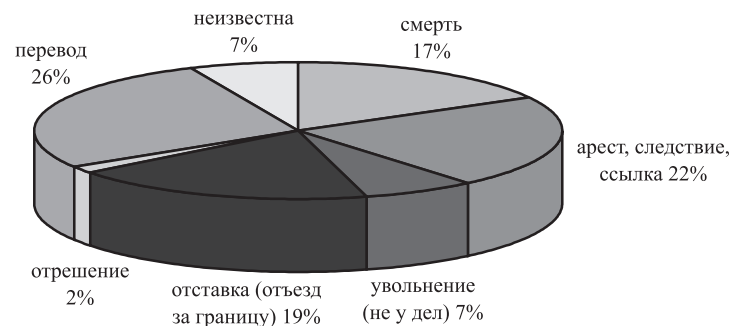
³¹ В 1727 г. находилась «под управлением» А.Д.Меншикова (см.: *Кирилов И.К.* Указ. соч. С.15).

³² Киевских губернаторов иногда смешивают с «командующими в Малороссии». Таковыми были: генерал-аншеф М.М.Голицын (апрель 1723 – апрель 1726 г.) и май 1728 – 1730 г.), генерал-лейтенант А.И.Шаховской (январь 1734 г. – май 1736 г.), генерал-лейтенант И.Ф.Барятинский (июнь 1736 г. – март 1738 г.), генерал-аншеф А.И.Румянцев (март 1738 г. – март 1740 г.), генерал-майор И.А.Шипов (март-июль 1740 г.); затем «главным директором над малороссийскими делами» был назначен генерал-лейтенант Дж.Кейт (июль 1740 г. – 1741 г.) и генерал-лейтенант И.И.Бибииков (июнь 1742 г. – 1745). С ноября 1764 г. после упразднения гетманства К.Г.Разумовского (1750–1764 гг.) президентом Малороссийской коллегии и «главным малороссийским командиром» стал в ноябре 1764 г. генерал-аншеф П.А.Румянцев.

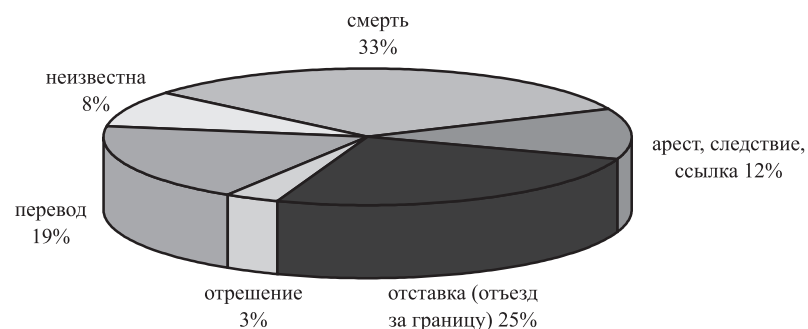

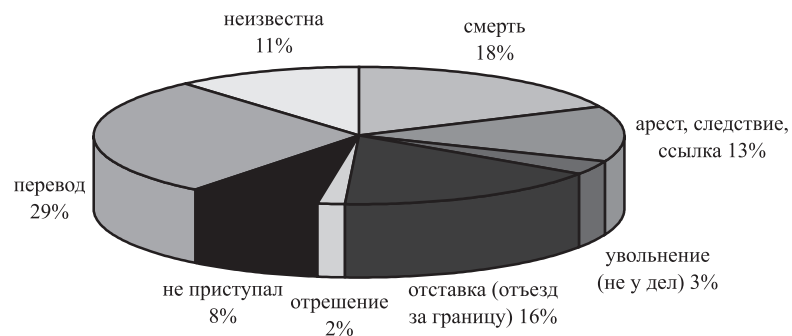
Диаграмма 3
Причины смещений руководителей центральных учреждений (1731-1740 гг.)

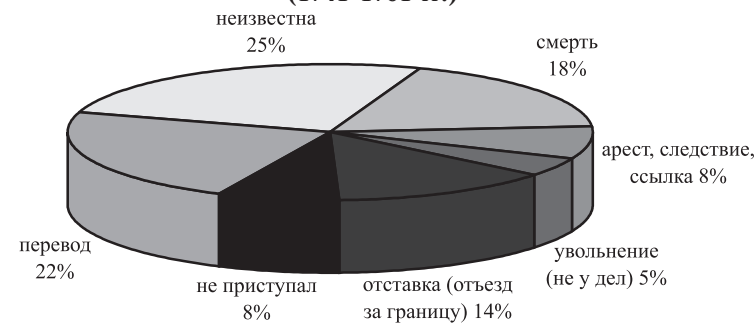
Диаграмма 4
Причины смещений руководителей центральных учреждений (1741-1761 гг.)

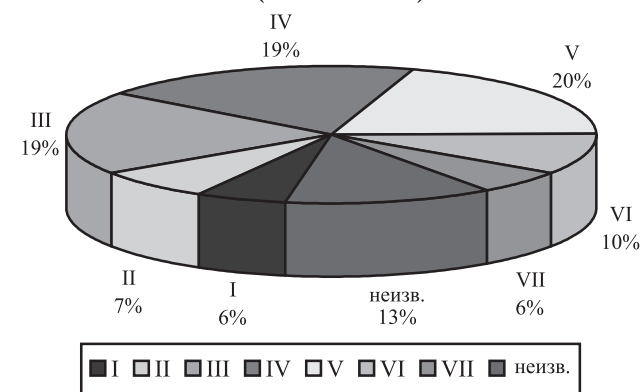
Диаграмма 5
Причины смещений руководителей губерний (1731-1740 гг.)

Диаграмма 6
Причины смещений руководителей губерний (1741-1761 гг.)

Диаграмма 7
Чины руководителей центральных учреждений (1730-1740 гг.)

Диаграмма 8
Чины руководителей центральных учреждений (1741-1761 гг.)

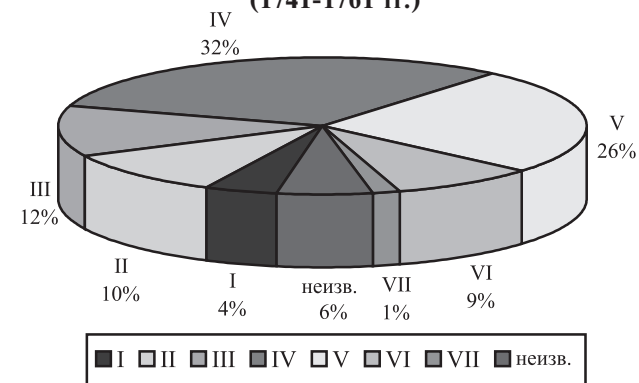

Диаграмма 9
Чины руководителей губерний
(1741-1761 гг.)

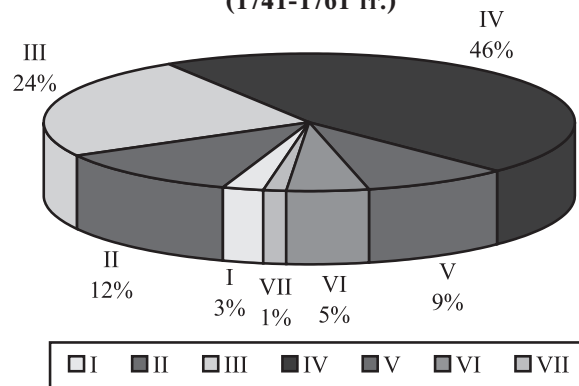
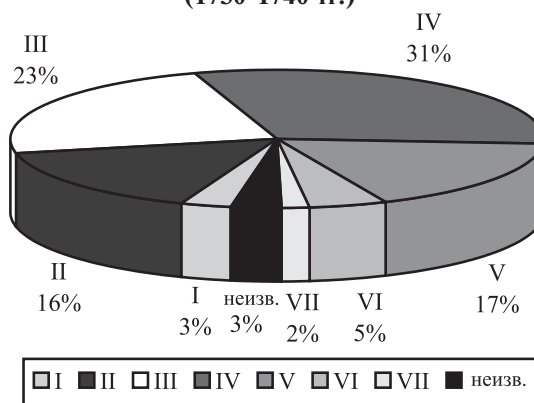

Диаграмма 10
Чины руководителей губерний
(1730-1740 гг.)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. Архивохранилища

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи
ГПИБ ОИК – Отдел исторической книги Государственной публичной исторической библиотеки
ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
РГИА – Российский государственный исторический архив

2. Печатные издания

АКВ – Архив князя Воронцова
ВЕ – Вестник Европы
ВИ – Вопросы истории
ДИНР – Древняя и новая Россия
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ИВ – Исторический вестник
ИЗ – Исторические записки
ИСССР – История СССР
НИИ – Новая и новейшая история
ОЗ – Отечественные записки
ОИ – Отечественная история
ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е
ПСРВПИ – Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РА – Русский архив
РБС – Русский биографический словарь
РВ – Русский вестник
РМ – Русская мысль
РС – Русская старина
Сб. ОРЯС – Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук
Сб. РИО – Сборник имп. Русского исторического общества
ЧОИДР – Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при имп. Московском университете

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Абрамов С. 403
 Абульхайр, хан Младшего казахского жуза 261
 Август II, курфюрст Саксонии, король Речи Посполитой 69, 144, 260
 Август III, курфюрст Саксонии, король Речи Посполитой 230, 260, 290, 309, 311, 386, 427
Авенариус В.П. 47
 Аверкиев П. 154
Аврех А.Я. 466
 Адодуров В.Е. 434
 Азарити 87
Акишин М.О. 160
 Аксаков П. 285, 315, 368
 Алабердеев С.А. 185, 210
 Александр I 14, 48, 76, 126, 155, 157, 351, 379, 411, 443, 444, 449, 460
 Александр II 17, 18, 42, 167, 273, 461, 465
 Александр III 19, 33, 461
Александров Г. 445
Александров-Дольник К. 68
Алексеев А.С. 155, 158-160, 162, 168, 218
Алексеев Ю.Г. 26
 Алексей Михайлович, царь 55, 56, 63, 64, 66
 Алексей Николаевич, цесаревич 462
 Алексей Петрович, царевич 15, 18, 26, 43, 45, 48, 78, 80-83, 87, 88, 91, 98, 100, 129, 196, 268, 343, 362, 459
Алефиренко П.К. 367
 Алипранди Д. 361
Алатов М.А. 42
 Алфимов И. 282, 294, 302, 315
 Альбрехт И. 198, 216, 217, 240, 285, 314, 335, 339
 де Альмодовар П. 40, 41, 50, 399
 Амвросий Юшкевич, архиепископ 318, 335, 344, 348
 Амело де Шайу Ж.-Ж. 286
Андреев В.В. 19, 43, 45
Андреев И.Л. 45, 47, 66, 98
 Андрей Юрьевич Боголюбский, князь 51
Андросов С.А. 50
Аншимов Е.В. 11, 26, 28, 36, 44-46, 68, 74, 97, 99, 101, 118, 127, 155-158, 160, 269, 270, 273, 274, 330, 359, 367, 368
 Анна Иоанновна 12, 14, 15, 21, 23, 26, 27, 33-38, 43, 45, 46, 48-50, 74, 114, 126, 127, 154, 160, 162-167, 171-177, 179, 184, 188, 190-193, 198, 202, 204-215, 217-229, 232-241, 244-247, 252, 253, 256-260, 262-279, 281, 282, 284, 286, 290, 295, 296, 301, 302, 307, 313, 316, 319, 320, 323, 328, 340, 343, 346, 351, 352, 356-359, 363, 367, 368, 374, 379, 417, 429, 430, 456-459
 Анна Леопольдовна 14, 17, 26, 47, 268, 276-280, 282, 284-288, 294, 295, 297-308, 311-319, 323, 324, 327, 328, 330, 332-335, 337, 339, 340, 343, 345-347, 352, 353, 355, 356, 360, 366, 367, 393, 430, 431
 Анна Петровна, царевна, герцогиня Голштинская 82-84, 86, 96, 101, 102, 105, 106, 122, 125-127, 131, 150, 153, 170, 232, 275, 343, 346
 Анненков И. 210, 238
Анненков И.В. 42, 171
 Анненков И.П. 410, 412
Антоновский М. 13
 Антон-Ульрих, герцог Брауншвейг-Бевернский 39, 45, 49, 268, 269, 275, 276, 278, 280, 282, 283, 285, 286, 288, 292, 294-296, 298, 299, 308, 309, 311, 312, 316-320, 327, 328, 330-335, 347, 356, 360, 361, 364, 369
Аполлова Н.Г. 274
 Апостол Д. 184
 Апраксин А.М. 103, 188, 191, 210
 Апраксин П.М. 91, 95, 106
 Апраксин С.Ф. 216, 217, 240, 338, 339, 347, 355, 372, 373, 409
 Апраксин Ф.А. 191, 270
 Апраксин Ф.М. 79, 85, 88, 90, 109, 111, 113, 116, 117, 124, 130, 136, 156, 191, 265
 Апраксины 55, 91
 Аракчеев А.А. 234, 461
 Аракчеев В.С. 185
 Аргамаков А.М. 338
 Аргамаков М.Ф. 282, 294, 339, 355
Ардабцакая А.М. 324
Ардашев Н.Н. 161
 Аристов В. 283
 Аристов В.М. 186
 Арсений Мацеевич, митрополит 419
Арсеньев А.В. 367
 Арсеньев А.П. 238, 239, 409
 Арсеньев В.М. 184
 Арсеньев И. 187, 189
Арсеньев К.И. 17, 18, 37, 43, 50, 101, 156-159, 320-322, 325, 363, 364, 368
 Арсеньева В.М. 131, 133
 Артемьев Е. 100
Арутюнов С. 45
Архипов Н.И. 159
Архипова Т.Г. 448
 Аршеневский И.З. 435
 Аспидов Ф. 47
 Ассебург фон дер А.-Ф. 34, 48, 392, 407, 411, 413
Афанасьев А.Н. 44
 Афанасьев И. 424
Афанасьев М.Н. 46, 466
 Афросимов А.Л. 434
Ахенваль Г. 13
Ахизер А.С. 47
 Ахмед III, султан Османской империи 450
Ашенбреннер М.Ю. 465
Ашрафян К.З. 463
 Бааш Э. 366
Баггер Х. 98
Байер Г.-З. 149
 Бакар Вахтангович, царевич 184
Бакланова Е.Н. 97
 Баклановский С. 211
 Бакунин П.В. 431, 447
Балакин Д.В. 273
 Балакирев И.Е. 215
 Балашов А.Д. 48
 Балк-Полев Ф.Н. 184, 184
 Балк П.Ф. 314
Бантыш-Каменский Д.Н. 17, 42, 45, 158, 271
Баранов П.И. 37, 407, 413
Барсков Я.Л. 33
Барсов Н.И. 161
Барсов Т.В. 157
Барсуков А.П. 368, 446
Бартнев П.И. 19, 34, 40
 Барятинский А.Т. 357
 Барятинский И.Ф. 188, 191, 210, 217, 225, 226
 Барятинский Ф.А. 188
 Барятинский Ф.С. 395, 404
 Баскаков А.П. 188, 210, 238, 314
 Баскаков Г. 246
 Баскаков М.Е. 395, 397, 404
 Баскаков Я. 186, 250
 Басевич фон Г.-Ф. 34-36, 48, 49, 84-86, 88-90, 92-96, 100-102, 106, 109, 114, 124, 125, 128
 Батурич В. 186
 Батурич И. 354, 459
 Батюшков И. 424
 Бахметев И.И. 184, 226, 285, 314, 326, 356
Бахрушин С.В. 66
Безак Х. 42, 164, 218
 Безбородко А.А. 437, 439
 Безобразов А. 62
 Безобразов И.Г. 186, 238
 Безобразов П.В. 413
 Бейкер Д. 341
 Бекетов Н.А. 435
 Беклемишев А. 360
 Беклемишев И. 209
Белковец Л.П. 49
Белов Е.А. 67, 68, 167, 218, 270
Белов М.И. 67
Белозерская Н.А. 154
 Бельский И.Ф. 52
Беляевский М.Т. 448
 Бем П. 151
 Бенкендорф А.Х. 14
 Беранже 397, 402, 418, 419, 431
Берго И.Б. 464
 Бердишев Ф. 66
 Беринг В. 104, 262, 347, 367
 Берхгольц Ф.-В. 35, 36, 48, 49, 93, 96, 99, 100
Бескровный Л.Г. 465
Беспятых Ю.Н. 36, 49, 102, 270
 Бестужев В. 209
 Бестужев-Рюмин А.П. 12, 21, 38, 44, 112, 123, 127, 128, 148, 151, 184, 227, 276-279, 282, 285, 287, 288, 294, 296, 317, 336, 338, 340, 341, 344, 350, 356, 360, 363, 365, 372-374, 408, 409, 417, 425-428, 431, 433-436, 438, 446, 448
Бестужев-Рюмин К.Н. 48, 189, 219-223
 Бестужев-Рюмин М.П. 123, 184, 277
 Бестужев-Рюмин П.М. 188, 190, 238
 Бестужевы-Рюмины 184
 Бецкой И.И. 211, 382, 416
 Бибииков А.И. 426, 437, 440
 Бибииков А.Ю. 184, 186, 188
 Бибииков Б.И. 314
 Бибииков И.И. 104, 127, 187, 188, 190, 237-239, 314
 Бибииковы 162
Бильбасов В.А. 19, 21, 43, 393, 395, 402, 403, 407, 408, 409, 411-413, 426, 444, 445, 447
 Бильфингер Г. 149
 Биринг — см. Бирон Э.-И., герцог Курляндский
 Бирон Гедвига 284, 321
 Бирон Густав 19, 43, 241, 286, 287, 295, 314, 320, 324
 Бирон К. 241, 288
 Бирон П. 268, 284, 286, 294, 436
 Бирон Э.-И., герцог Курляндский, 10, 12-15, 17, 19, 24, 31, 33, 34, 35, 38, 40, 43, 44, 48, 49, 136, 137, 214, 225, 228-235, 241, 247, 263, 264, 267-271, 275-297, 301-304, 308, 313-317, 319-322, 324, 326, 327, 330, 340, 344, 346, 349, 351, 352, 356, 366, 369, 376, 436, 437, 446, 455
 Бисмарк фон Л.-А. 288, 295, 349
 Благово А. 289
 Блудов Д.Н. 15, 43, 126, 422
 Блудовы 39
 Блэкстон У. 449
 Блюментрост И.-Д. (Блюментрост Иван Лаврентьевич) 104, 122, 238
 Блюментрост Л. 153
 Блюментросты 184, 238
Блош Л. 464
Бобровский П.О. 44, 99, 224
Богданов А.И. 413
Богданов А.П. 67, 68
Богословский М.М. 10, 11, 23, 44, 67, 68, 98, 117, 140, 156, 161, 168, 218
Богоявленский С.К. 67
Бойцов М.А. 29, 36, 41, 46, 49, 464
 Болотов А.Т. 9, 11, 35, 49, 379, 385, 396, 397, 412
 Болотов Т. 241
 Болтин И. 238
Болтин И.Н. 14, 42, 164, 218
 Болтин С. 186
 Бон Г.-И. 236
 Бонгорст фон Ф. 374
Бондаренко В.Н. 21, 43, 270, 272, 273
 Бонде Н. 220
 Бороздин В. 420
Бороздин К. 413

* В указателе включены имена реальных исторических лиц из основного текста книги и примечаний.

Ботта-Адорно А. 299, 306-308
Бочкарев В.А. 366, 449
Бочкарев В.Н. 272
 Бракель К.-Х. 236
 Бреверн К. 313, 314
 Бредихин А.Ф. 184, 189, 239, 248, 272, 315
 Бредихин С.А. 394, 395, 399, 404
 де Брессан А. 381, 434
 де Бретейль Л.-О. 371, 402, 415, 422, 430
Брикнер А.Г. 11, 22, 40, 42, 44, 50, 67, 100-102, 155-162, 319-322, 365, 413, 444
 Бриммер В. 314
 де Бриньи А. 249
 Броун Ю.Ю. 369, 384
 Брылкин А. 210
 Брылкин И.О. 315, 339, 433
 Брюс Я.А. 396
 Брюс Я.В. 265, 437
Буганов В.И. 45, 47, 67, 68, 269
 Будберг 395
 Булгаков И. 209
Бульгин И.А. 323
 Бурбоны 464
Бурджалов Э.Н. 466
Буровский А.М. 47
 Бутурлин А.Б. 146, 147, 185, 219, 238, 239, 249, 259, 355, 357, 358, 373, 377, 381, 406, 433, 435, 436, 439
 Бутурлин И.И. 86, 91-96, 105, 106, 122, 124, 125, 130, 147, 154, 184, 265, 457
 Бутурлин П.И. 238
 Бутурлины 161
Бушкович П. 18, 43, 100
Бушуев С.В. 47, 366
 Бушуев Ф. 154
 Быкин В. 420
 Бэкингам Д. 41, 413, 445, 446
Бюлер Ф.А. 43
Бюшинг А.-Ф. 12, 35, 49, 86, 319, 333, 335, 397, 407

Вадковский Ф.И. 146, 355, 396, 416
Валишевский К.Ф. 43, 321, 322, 324, 325, 364, 365
 Валуев П.А. 465
 Вальденберг В.Е. 65
 Вандаль А. 44, 363
Василенко Н.П. 222
 Василий I Дмитриевич, великий князь 65
 Василий II Васильевич, великий князь 51
 Василий III Иванович, великий князь 83
Васильев Л.С. 463
Васильчиков А.А. 19, 43, 412
 Васьков П. 210
Вдовина Л.Н. 220
Вейдемейер А.В. 17, 43, 156, 218, 322
 Вейсбах И.-Б. 238
 Вельяминов П.Е. 186
 Вельяминов С.Л. 188, 237
 Вельяминов-Зернов А. 294
 Вельяминов-Зернов П.И. 221
 Веревкин И. 186
Веретенников В.И. 97, 269, 323, 368, 369
Верещагин В. 410
Вернадский Г.В. 46, 98, 160
Веселая Г.А. 49
 Вестфален фон Х.-Г. 40, 50, 93-95, 101, 108, 112,

120, 122, 128, 153, 171, 172, 177-180, 192, 194, 197, 205, 207, 208, 214, 219, 222-224
 де Вилде В. 88, 94-97
 Виллеман Х. 314, 349
 Виллардо 84, 101, 158, 171, 219
 Вильбуа А.Н. 380, 381, 393, 396, 404, 425
 Вильбуа Н.П. (де Вильбуа Ф.-Г.), 33, 35, 48, 49, 84, 93, 95, 101, 102, 126, 158
 Вильгельм III Оранский, король Великобритании 451, 463
Винтер Э. 67
Витол А.В. 68, 464
 Вишняков И.Я. 301
 Владислав Ваза, принц Речи Посполитой 53, 166
 Владиславич-Рагузинский С. 104, 152, 184
Власов В.И. 274
 Власьев И. 283, 284
Водарский Я.Е. 66, 97
 Воейков М.Ф. 188, 238
 Воейков П.Л. 119, 211
 Воейков П.П. 315, 339, 340, 355, 404
 Воейков Ф.М. 190, 381, 424
Возерин В.Е. 67, 68
Вознесенский С.В. 44
Волгин И.Л. 47, 366
Волк С.С. 42, 465
 Волков А.Я. 116, 119, 124, 131, 133, 135, 136, 155, 156, 184
 Волков В. 186
 Волков Д.В. 34, 48, 371, 375, 376, 380, 381, 383, 386, 387, 389, 410, 413, 435, 436, 438
 Волков М.Я. 13, 136
Волков М.Я. 97
Волков Н.Е. 221, 270
 Волков Ф.Г. 402
Волкова И.В. 47
 Волконская (урожд. Бестужева-Рюмина) А.П. 123, 131, 148, 159, 162
Волконская Е.Г. 448
 Волконские 448
 Волконский В.С. 186
 Волконский М. 176
 Волконский М.Н. 47, 229, 381, 385, 393-396, 404, 405, 433, 439, 446
 Волконский С.Ф. 434
 Володимиров М. 198
Володьков О.П. 45
 Вольнский А.П. 34, 38, 43, 44, 48, 184, 189, 190, 193, 209, 227, 231, 232, 234, 235, 239, 264-267, 271, 274, 276, 282, 291, 296, 302, 319, 338, 359, 430, 459
 Вольнский И.М. 186, 209, 215, 238, 271
Вольнский Н.П. 409
 Вольдемар, принц Датский 55, 66
 Вольтер М.-Ф.-А. 86, 100
 Воронин А.Д. 186
 Воронцов А.Р. 9, 11, 15, 42, 351, 379, 381, 386, 426, 434, 437, 439, 445
 Воронцов И.И. 381, 433
 Воронцов М.И. 38, 335, 336, 338, 350, 354, 355, 371, 373-377, 379, 380, 381, 384, 385, 388, 390, 405, 408, 413, 426, 431, 433-436, 438, 446
 Воронцов Р.И. 358, 376, 381, 383, 433
 Воронцов С.Р. 34, 48, 386, 404, 405, 413, 437, 447
 Воронцова Е.Р. 382, 398, 418

Воронцовы 34, 39, 357, 369, 377, 426
Воскресенский Н.А. 97
 Вратислав фон Ф.-К. 149, 161, 220
 Всеволодский В.А. 435
Второв Н. 68
 Вульф И. 464
 Вульф Я. 340
Высоцкий Д.А. 66
 Вяземский А.А. 421, 422, 425, 435, 437, 443, 444, 448
Вяземский Б.Л. 21, 43, 146, 155, 161, 162
 Вяземский И.А. 435
 Вяземский И.М. 186

Габсбурги 82, 115, 179, 220, 277
Гаерюшкин А.В. 45, 446, 447
 Гагарин М.П. 79
 Гагарин С.В. 436
 Гагарин С.И. 315
 Гакстгаузен 50
 Гакстгаузен Г.-Х. 375, 380, 409, 410
Галем Г.А. 42
Гаман О. 465
 Гампф И. 286, 315
Ганелин Р.Ш. 466
 Ганнибал А.П. 45, 123, 157, 159, 202, 351
 Гасениус П. 184
Гельбиг Г. 102
 Гендриков И.С. 401, 415
 Гендриковы 380
 де Геннин В. 227
 Георг II, король Великобритании 194
Георгиев В.А. 47
Георгиева Н.Г. 47
 Георгий Дашков, архиепископ 142
 Георг-Людвиг, принц Голштейн-Готторпский 380, 381, 387, 399, 416
Герасимова Г.И. 446
Герман Э.-А. 17, 42, 43, 50, 320-322, 369
 Герман Я. 149
 Герц фон Е. 422, 447
Герцен А.И. 16, 17, 33, 42, 48, 465
Герье В.И. 156
Гессен Ю.И. 324
 Гиссен (Пойссен) фон Г. 155
Глазунова Н.И. 11
 Глебов А.И. 376, 377, 380, 381, 383, 405, 419, 420, 424, 426, 438
 Глебов И.Ф. 435
Глинка С.Н. 218
Гломозда В.Г. 98
 Гогенгольц Н.-С. 40, 87, 90-96, 101, 102, 230, 278, 286, 290, 307, 320
 Годунов Б.Ф., царь 54, 121, 313
 Годунов Ф.Б. 52
 Годуновы 53
 Голенцев-Кутузов Д. 205, 212, 215
 Голиков И.И. 86, 95, 101, 102
Голикова Н.Б. 99
 Голицын А.Д. 184, 190, 271, 315, 350, 356, 433, 436
 Голицын А.М., вице-канцлер 381, 446
 Голицын А.М., генерал 446
 Голицын Б.А. 57, 59, 61, 65, 67, 191
 Голицын Б.В. 382
 Голицын В.В. 58-60, 64, 65, 67

Голицын Д.А. 437
 Голицын Д.М. 26, 45, 50, 78-80, 88, 90, 91, 106, 109, 110, 116, 117, 122, 124, 131, 141, 156, 162, 166-174, 178-180, 183, 188, 190-192, 194-197, 199, 201, 203, 204, 214, 218-220, 223, 226, 237, 250, 252, 268, 271, 302, 338
 Голицын М.М. (младший) 174, 185, 191, 212, 237, 271, 356, 382, 433, 434, 436
 Голицын М.М. (старший) 78, 80, 90, 105, 106, 111, 134, 147, 149, 168, 171, 184, 188, 200, 202, 214, 220, 226, 236, 237, 271
Голицын Н.В. 158, 269
 Голицын П.А. 191
 Голицын С.Д. 147, 184, 237, 261
 Голицына (урожд. Прозоровская) А.П. 154
 Голицын-Квасник М.В. 302
 Голицыны 138, 146, 147, 161, 197, 205, 265, 271, 302, 359, 425
 Головин А.И. 270, 382
 Головин И.М. 210
 Головин Н.Ф. 136, 184, 237, 274, 277, 294, 313, 336, 338, 356, 357
 Головин П.И. 190
 Головин С.А. 190
 Головкин А.Г. 135, 184, 334, 341, 342, 345
 Головкин Г.И. 69, 81, 88, 91, 95, 101, 103, 106, 109, 116, 117, 124, 126, 127, 130, 131, 134, 136, 151, 156, 158, 174, 200, 201, 205, 226, 227, 234
 Головкин И.Г. 109, 188, 211, 225
 Головкин М.Г. 206, 210, 226, 229, 283, 284, 288, 294, 298, 303, 308, 309, 310, 312, 313, 316-318, 323, 333, 335, 336, 338-341, 349, 357, 367
 Головкина (урожд. Ромодановская) Е.И. 19, 206, 214, 312
 Головкины 191, 197, 343
 Головцын Е.А. 435
Голомбевский А.А. 445, 446
 Гольдбах Х. 350
Гольденберг Л.А. 274
 Гольц фон дер Б.-В. 386, 397, 406, 407, 413, 415, 416, 419, 423
Гончаров Н.Ф. 274
Горбатенко С.Б. 409
Гордйн Я.А. 31, 47, 100, 155, 167, 219, 220, 413, 465
 Горн фон Г. 57
Горяинов С.М. 49, 408
Готье Ю.В. 44, 76, 99, 160, 274, 448, 449
 Гохмут К. 133, 155
Градовский А.Д. 21, 44
 Грамотин П. 294, 316, 325, 335, 340, 360, 369
 Греков И.М. 250, 257
 Греков С.Т. 184
Греч Н.И. 19
Гринев С.А. 465
 Гросс Г. 381
 Гроций Г. 194
 Грюнштейн Ю. 333, 335, 338, 344, 355, 364
 Грязнов И.М. 289, 346
 Грязнов М.И. 48
 Губарев В. 186, 187, 271
 Гудович А. 405
 Гурьев И. 355
 Гурьев С. 419
 Гурьев Ф. 186
 Гурьевы 426

Гурьянова Н.С. 272
 Гутнова Е.В. 463
 Гучков А.И. 462, 465, 466
 Гэ М. 56

Д'Аржансон Р.-Л. 82
 Давыдов И. 238
 де Дама Р. 448
 Даниил Александрович, великий князь 65
 Данилов М.В. 36, 48
 Данилов Ю.Н. 466
 Дараганы 382
 Дашков А.И. 185
 Дашков М.И. 411
 Дашкова (урожд. Воронцова) Е.Р. 9, 11, 33-36, 48, 49, 379, 385, 392-397, 403, 411, 412, 416
 Девиер А.М. 18, 19, 38, 43, 105, 122-125, 129, 131, 132, 147, 157, 184, 196, 338, 351, 459
 Девиер П.А. 380
 Девиц А. 249
 Делиль Ж.-Н. 142, 149
 Дельден фон В. 238, 239
 Демидов Н.Н. 161
 Демидова Н.Ф. 45, 46, 66
 Демкин А.В. 366
 Денисов А. 143
 Державин Г.Р. 9, 11, 35, 49, 395, 400, 404, 405, 413, 432, 437
 Джинчарадзе В.З. 445
 Дивов И.И. 435
 Дидро Д. 431, 447
 Дириков И. 155, 362
 Дирин П.Н. 44, 154, 322, 367, 368, 369
 Дитмар 177
 Дитятин И.И. 22, 44
 Дмитриев Д. 50
 Дмитриев И.И. 33, 48
 Дмитриев С.С. 49, 411
 Дмитриев-Мамонов А.М. 438
 Дмитриев-Мамонов В.А. 185
 Дмитриев-Мамонов И.И. 84, 90, 95, 105, 108, 119, 124, 131, 133, 173, 188, 189, 206, 212, 214, 226, 267
 Дмитриев-Мамонов Ф.И. 102
 Дмитрий Иванович Донской, великий князь 65
 Дмитрий Сеченов, митрополит 396, 436
 Дмитрий Туптало, митрополит 79
 Долгов С.Н. 44
 Долгова С.Р. 36
 Долгоруков А.В. 413
 Долгоруков А.Г. 133, 145, 146, 148, 151, 153, 201, 202, 213-216
 Долгоруков В.В. 78, 80, 81, 106, 111, 119, 145, 146, 148, 151, 153, 168, 171, 173, 176, 188, 200, 201, 206, 214, 217, 220, 236, 237, 265, 338, 349, 356, 357
 Долгоруков В.Л. 91, 104, 106, 109, 114, 145, 167, 171-176, 201-203, 206, 207, 209, 214-216, 219, 265
 Долгоруков В.П. 357, 358
 Долгоруков И.А. 48, 78, 124, 125, 133, 145, 146, 148, 151, 153, 162, 171, 184, 193, 214, 215, 302, 459
 Долгоруков И.Г. 145, 185, 191, 214, 229
 Долгоруков М.В. 173, 177, 185, 236, 238
 Долгоруков Н.А. 148
 Долгоруков П.В. 33, 35, 48, 49, 156, 163, 318, 325
 Долгоруков С.Г. 69, 145, 153, 214

Долгоруков Ф.С. 222
 Долгоруков Ю.А. 56
 Долгоруков Ю.В. 440
 Долгоруков Я.Ф. 80
 Долгорукова Е.А. 15, 151, 153, 171, 215
 Долгорукова Е.М. 461, 465
 Долгорукова Н.Б. 36
 Долгоруковы 17, 34, 43, 57, 80, 133, 138, 144-148, 150-153, 165, 171, 172, 181, 191, 194, 197, 214, 215, 222, 228, 236, 240, 241, 269, 289, 293, 302, 359, 413, 437, 459
 Домингес Ортис А. 464
 Дохтуров А.Я. 186
 Дризен Н.В. 449
 Дронов И. 339
 Друцкий Д.А. 315, 357
 Дубровин Н.Ф. 49
 Дубровский В. 420
 Дубровский И.Д. 186
 Дугин С. 246, 247
 Дупре И.Я. 184
 Дурасов Ф. 211
 Дурново И.Н. 19
 Дурново П. 186
 Дуров Т.Р. 186

Евгений Савойский, принц Кариньянский 130
 Евдокия Федоровна (урожд. Лопухина), царица 79, 148, 172, 175, 187, 188, 222
 Евреинов А. 402
 Евреинов Я.М. 341
 Егоров В.И. 412
 Ежов В.В. 47
 Екатерина I 13, 18, 20, 24, 26, 32, 35, 44, 45, 80, 82-98, 100-108, 110-125, 127-131, 135, 137, 140-142, 147, 150, 153-159, 170, 188, 194, 196, 198, 216, 220, 232, 244, 250, 267, 340, 343, 346, 351, 417, 444, 449, 455, 457
 Екатерина II 9, 13-16, 19, 20, 22, 26, 33-37, 41-45, 48-50, 97, 100, 140, 160, 164, 165, 195, 218, 232, 262, 269, 300, 365, 367, 370, 372, 373, 375, 376, 381, 384, 385, 389, 391-396, 398, 402-429, 431, 433-449, 456-459, 461
 Екатерина Антоновна, великая княжна 306, 317
 Екатерина Иоанновна, царевна, герцогиня Мекленбург-Шверинская 114, 145, 172, 175, 187, 206, 267, 268
 Елагин А.Н. 188, 210, 228
 Елагин И.П. 435
 Елизавета Алексеевна, императрица 460
 Елизавета Петровна 10, 13-15, 18, 20, 22, 26, 27, 30, 31, 33, 34, 35, 37, 41, 43-47, 49, 76, 82, 98, 105, 106, 121, 122, 124-128, 145, 147, 148, 151, 152, 156, 158-160, 164, 170-172, 175, 187, 198, 218, 219, 222, 224, 227, 229, 232, 258, 265, 267, 268, 270, 275, 278, 281, 282, 284, 286, 289, 295, 304, 309, 313, 315, 316, 318, 319, 321, 322, 326-330, 333-341, 343-350, 352-369, 371, 372, 374, 375, 378, 379, 382, 398, 407, 409, 410, 420, 424, 429, 430, 441, 444, 456-458
 Елизарьев Л. 61, 62, 70
 Епишков С. 209
 Ермолов А. 221
 Ермолов П.В. 221
 Ермолов П.Л. 186
 Ермоловы 221

Еропкин В.М. 187
 Еропкин Д.Ф. 188, 238
 Еропкин П.Д. 426, 435, 437
 Еропкин П.М. 265, 266
 Ерошкин Н.П. 465
 Есипов Г.В. 43, 50, 100, 154, 159, 161, 274, 320, 321
 Ефимов С.В. 45, 100
 Ефимовские 380
 Ефремов Н. 41
 Ефремова Н.Н. 99
 Ешевский С.В. 464
 Ештокин С.А. 47

Желвакова И.А. 48
 Желябужский И.А. 68
 Желябужский Н.М. 435
 Жеребцов А.Г. 358, 433
 Живов В.М. 65, 66, 98
 Жилин Н. 424
 Жозе I, король Португалии 452
 Жолобов А. 187

Завадовский П.В. 438, 439
 Завадская З.М. 45
 Завалишин Д.И. 16
 Загоскин Н.П. 167, 168, 218
 Загряжский А.Г. 314
 Зайончковский П.А. 465
 Зайцев А.Д. 43
 Замышковой А. 209, 215
 Заозерский А.И. 68
 Западов В.А. 42
 Зейкин И.А. 134, 159
 Зимин А.А. 26, 98
 Зиминский Е. 360
 Зиновьев А.С. 190
 Зиновьев И. 209, 360
 Знаевич М.Х. 135
 Зноско-Боровский Н.А. 44, 271
 Золотилов Д. 209
 Зубарев И. 361
 Зубов В.А. 432
 Зубов П.А. 432, 438, 443, 444, 460
 Зутис Я.Я. 25, 44
 Зыбин А.Е. 187
 Зыбин А.К. 188, 210, 237
 Зыбины 187
 Зызыкин М.В. 100
 Зырянов П.Н. 47, 269

Ибнеева Г.В. 45, 411
 Иван III Васильевич, великий князь 83, 132
 Иван IV Васильевич Грозный, царь 41, 51-53, 65, 66
 Иван Алексеевич, царь 57-59, 83, 171
 Иван Данилович Калита, великий князь 65
 Иван Васильевич Красный, великий князь 65
 Иванов О. 47, 413
 Ивашкин Д.С. 78, 189
 Игнатьев С.Л. 188, 326, 354
 Иерне Т. 167, 177
 Ижорин П. 248, 249
 Ижорин С. 79
 Изабелла II Бурбон, королева Испании 452
 Измайлов И.П. 187, 188, 238

Измайлов Л.В. 173, 188, 189, 206, 210
 Измайлов М.Л. 377, 406
 Измайлов М.М. 380
 Измайлов П.В. 188, 206
 Измайлов П.И. 404, 413
 Измайловы 413
 Иловайский Д.И. 168
 Ильин В.В. 47
 Ильинская И. 43
 Индова Е.И. 25, 44, 76, 99, 151, 162, 224, 365
 Иоаким (Савелов), патриарх 57, 59, 64, 65
 Иоанн III Антонович 9, 12-14, 19, 26, 37, 39, 41, 43, 44, 47, 48, 276-278, 280, 288, 292, 294, 299, 311, 317-321, 323, 332, 339, 343, 353, 354, 360-362, 366, 369, 371, 376, 407, 415, 418-423, 427, 446, 459
 Иосиф I Габсбург, император Священной Римской империи 152, 320
 Исаев И.А. 47
 Исламов Т.М. 463

Кабанов В.В. 411
 Кабанов П.И. 44
 Каждан А.П. 463
 Казанцев В. 162
 Кайсаров А. 271
 Кайсаров Л. 187
 Калачов Н.В. 37
 Калачов П. 353, 354, 368
 Калужкин П. 308
 Каменский А.Б. 10, 11, 26, 29, 45-47, 97, 99, 272, 367, 409, 447, 449, 464
 Каменский Ф.М. 151, 187
 Кампрелон Ж. 81, 83, 84, 87, 88, 90-96, 101, 102, 105, 107, 109-115, 130
 Кантемир А.Д. 161, 162, 207, 209, 213, 222, 286, 298, 321
 Карабанов П.Ф. 183, 221
 Каравак Л. 301
 Карамзин Н.М. 15, 16, 42, 76, 272, 454
 Каратыгин П.П. 102, 445
 Караулов И.С. 239
 Караулов С.И. 406, 434
 Караулов С.Ю. 315
 Карацуба И.В. 47
 Кареев Н.И. 98
 Карл-Альбрехт, курфюрст Баварии 320
 Карл VI Габсбург, император Священной Римской империи 81, 82, 132, 133, 144, 261, 276, 320
 Карл XII, король Швеции 155, 378
 Карл, принц Испанский 452
 Карл-Август, князь-епископ Любекский 128
 Карл-Леопольд, герцог Мекленбург-Шверинский 268, 332
 Карл-Петр-Ульрих, герцог Голштейн-Готторпский — см. Петр III
 Карл-Фридрих, герцог Голштейн-Готторпский 84, 89, 93, 105, 106, 109, 111, 112, 116, 117, 120, 122, 125-127, 129, 155, 156
 Кармелон А. 238, 255
 Карнишин В.Ю. 465
 Карнович Е.П. 21, 43, 101, 166, 167, 218, 269, 273
 Карцов А.П. 42, 368, 448
 Кассис А. 193
 Кастера Ж. 13, 402
 Кау-Бургаве Г. 361

Каховский М.В. 437
Кашин Н.И. 87, 101
 Кашкин Е.П. 440
 Кашкин П.Г. 434
Кашпирев В.В. 37, 50
 Квашнин П. 353
 Квашнин-Самарин А.Н. 436
 Квашнин-Самарин П.В. 188
 Кейзерлинг Г.-К. 232, 233, 236, 238, 258, 381, 436
 Кейзерлинг фон Г.-И. 282, 361
 Кейт Д. 172, 191, 192, 204, 241, 338, 349
 Кейт Р. 385, 416
 Келлер ван И. 57, 67
Кизеветтер А.А. 220
 Кикин А.В. 79, 80, 81
Кип Д. 30, 47, 364
Кипнис Б.Г. 366
 Кирилл Владимирович, великий князь 465
Кирилов И.К. 117, 157, 242, 243, 272
 Киселев А.Г. 186, 271
 Кисловский Г.М. 285, 314, 357
 Кишкин Г. 161
 Кишкин С. 216, 224
Клочков М.В. 368
Ключевский В.О. 7, 10, 11, 22, 23, 25, 44, 71, 77, 99, 155, 168, 181, 218, 323, 409, 429, 446, 447, 463
 Кнутов Ф. 434
 Княжнин Я.Б. 442
Кобрин В.Б. 45, 47, 65, 66, 98
Ковалевский Е.П. 43
Ковалевский М.М. 44, 168, 218
Коваленко Т.А. 45, 412
Ковальченко И.Д. 50, 98
Козельский Я.П. 442
Козинцева Р.И. 274
 Козлов И.Ф. 193
 Козлов Н.А. 238
Козлова Н.В. 160, 272
 Козловский А.С. 434
 Козловский М.С. 435
 Козловский С.М. 186, 239
Колесников П.А. 97
Коллман Н. 66, 98
Кологривов С. 449
 Колокольцов П. 150, 151, 209
 Колтовский И. 185
 Колычев П.С. 190
 Колычев С.А. 180
 Кольбер Ж.-Б. 464
Комиссаренко А.И. 163, 410
 Комьнин А.Г. 188, 189, 315
 Кондоиди П.З. 361
 Кондырев Н. 187
Конопчинский В. 412
 Константин Николаевич, великий князь 465
 Константин Павлович, великий князь 460, 465
Копанев Н.А. 161
Копосов Н.Е. 464
Кореницвит В.А. 159
Коржихина Т.П. 155, 160, 447
 Коркачев П. 210
Коркунов Н.М. 465
Корсаков Д.А. 21, 43, 101, 163, 166-168, 172, 176, 178, 179, 183, 185, 198, 218-224, 271, 274, 368, 412
Корсакова В.Д. 50, 219, 220, 222-224

Корф И.-А. 233, 236, 258, 270, 349, 390, 411, 436
Корф М.А. 21, 26, 45, 322, 365, 369
 Корф Н.А. 338, 380, 396, 405, 414, 433, 435, 436
 Корчмин В.И. 184
 Косагов И.И. 355
Костомаров Н.И. 167
 Костюрин И.И. 358, 433
Котляров Н. 66
 Кочетов Д.И. 434
 Кочубей В.П. 447
 Кошелев И. 186
 Крам фон А.-А. 341
 Крамер И. 209
 Крамер Я. 209, 210
 Крекшин А. 100
 Кремнев Г. 423
 Кречетников Н.С. 314, 357
Кричевцев М.В. 27, 46, 365, 410, 411
Кром М.М. 11, 25, 27, 45
 Кропоткин Я.И. 285, 315
 Кропотов Г.С. 185
 Кропотов И.И. 237
Кроц ла 41
 Крылов Н. 464
Крылова Т.К. 464
 Крыса Ф. 419
 Крюков С.К. 186
Кудряцев А. 224
Кузьмин А.Г. 44
Кузьмина В.Д. 272
Кулишников В.М. 464
Куломзин А.И. 448
Кулик А.А. 42
 Куракин А.Б. 215, 277, 294, 313, 336, 338, 339, 356, 357
 Куракин Б.А. 381, 425, 426, 434-436
 Куракин Б.И. 60, 67, 105, 156
 Куракин Ф.А. 67
 Курбский А.М. 65, 66
Курукин И.В. 43, 47, 159, 221, 367, 449, 464
 Кучин А. 352, 369

Лависс Э. 464
Лаво Ж.-Ш. 13, 42, 158, 402
Лавров А.С. 67, 68, 447
 Ладыгин Я. 61
Лажечников И.И. 43
Лазаревский А. 412, 413
Лазаревский Н.И. 465
Ланцманис И. 270
 Ланчинский Л. 85, 112, 115, 129, 135, 156, 184
Ланьков А.Н. 463
Лаппо-Данилевский А.С. 158
 Лаптев Д.Я. 382
 Ларионов В.И. 382, 434
 Ласси П.П. 119, 176, 252, 295, 314, 329, 335, 336, 338, 349
 Ласунский М.Е. 395, 396, 419
Латкин В.Н. 21, 44
 Лачинов П. 215
Лебедев В.И. 99
 Левашов В.И. 440
 Левашов В.Я. 151, 261, 338, 339
 Левенвольде 136, 235
 Левенвольде К.-Г. 122, 214, 228, 241, 264, 270

Левенвольде Р.-Г. 105, 158, 174, 184, 203, 228, 277, 294, 298, 313, 334, 335, 338, 340
 Левенгаупт К. 310
 Левендаль фон У.-Ф.-В. 349, 350
Левин Л.И. 36, 45, 59, 275, 320, 321, 324, 325, 364
Леврон Ж. 270
Ле Донн Д. 30, 46, 47, 191, 222, 236, 238, 239, 271, 374, 409, 425, 426, 446, 464
Леце Г.А. 45, 157
Лейберов И.П. 66
Лейхтенбергский Г.М. 447
Леклерк Н.-Г. 14, 42, 164, 218
Ленин В.И. 24, 44
Леонард К. 30, 47, 376, 409
 Леонтьев М.И. 174, 185, 226, 314, 315
 Лесток А. 12, 19, 21, 44, 326-329, 333-336, 338, 350, 365, 367, 436
Лейфорт А.А. 17, 43, 218, 269
 Лефорт И. 84, 87, 90, 92, 95, 96, 102, 104, 123, 126, 136, 144, 148-150, 152, 153, 161, 177-179, 192-194, 201, 202, 206, 208, 209, 217, 220, 224, 230, 269, 271
 Лжедмитрий I 52, 53
 Ли 451
 Ливен Ю.Г. 286, 315, 324, 349, 372
 Ликеевич И. 319, 360, 369
 Линар М. 268, 298, 306, 309, 311, 312, 316, 329, 334, 430
 Линева В. 190, 221
Линцер Г. 100
Лич Д. 464
 Липман (Либман) И. (Л.) 234, 285, 314, 324
 де Лириа Я. 33, 35, 40, 41, 48-50, 138, 151, 172, 177-179, 193, 204, 208, 219, 220, 224, 229, 271
Литаврин Г.Г. 463
Литвак Б.Г. 465
 Лихарев В. 271
 Лихарев В.М. 186
 Лихарев И.М. 184
 Лихаревы 187
 Лихачев А.Т. 57
 Лихачев М.Т. 57
Лиштенан Ф.-Д. 30, 47, 98, 367, 369
Лодыженский К. 160
 Ломоносов М.В. 291, 305, 312, 322, 323, 326, 344, 366, 412
Лонгинов А.В. 68
Лонгинов М.Н. 183, 184, 221
Лопатин В.С. 426, 446-448
 де Лопиталь П.-Ф. 373
 Лопухин А.Ф. 187, 222
 Лопухин Андрей 209
 Лопухин В.И. 434
 Лопухин И.С. 353, 360
 Лопухин Н.Г. 434
 Лопухин С.В. 184, 188, 294
 Лопухина Н.Ф. 214
 Лопухины 55, 146, 151, 335, 353, 361, 430
 Лорис-Меликов М.Т. 465
Лотман Ю.М. 65, 98
 Лукин А.Д. 107, 205, 212, 216, 250
Лукин П.В. 45, 66
 Лунин М.К. 358, 436
Луцин М.С. 16, 42, 165, 218
Луцков С.П. 367

Лурье С.С. 369
 Лутковский И. 187
 Лутвинов В. 186
 Львов А.М. 55
Львов А.Н. 162
 Львов А.Я. 187
 Львов Н. 186
 Львов С.Я. 187
 Львовы 187
 Льюис В. 382
Любавский М.К. 23, 44, 168, 218, 366
 Люберас фон Л.-И. 349
 Любимов И. 151
 Любученинов С. 186
 Людвиг-Иоганн-Вильгельм, принц Гессен-Гомбургский 44, 235, 236, 240, 298, 324, 326, 327, 336, 338, 349, 355, 365, 368
 Людвиг-Эрнст, принц Брауншвейг-Люнебург-Вольфенбюттельский 286, 328, 330, 364
 Людовик XIV Бурбон, король Франции 72, 82, 98, 451, 452, 453
 Людовик XV Бурбон, король Франции 44, 82, 233, 363, 371, 410, 451
 Лютер М. 398
 Ляпунов А. 353

Маврин С.А. 123, 159
Мавродин В.В. 44
де Мадариага И. 222, 446-449
 Маевский Б. 210
 Мазовский Е. 186
 Майков В.И. 400
 Майков И. 355
Майков Л.Н. 411
 Макаров А.В. 75, 84, 86, 87, 89, 94, 101, 106, 109, 111, 116, 122, 124, 131, 156, 188, 237, 238, 265
Макарьчев А.С. 464
Маколей Т. 463
Максимов Н.Я. 43
Малиновский А.Ф. 39
Малов В.Н. 464
Мальшев М.Ю. 274
Мальгин Т. 42, 164, 218, 409
 Мансуров П. 189, 222
 Манштейн фон Х.-Г. 10, 11, 14, 35, 36, 42, 49, 102, 114, 134, 153, 156, 205, 222, 231, 270, 271, 284, 286, 287, 288, 291, 292, 295, 297, 301, 303, 307, 318, 319, 321, 327, 330, 333, 335, 336, 349, 350, 364
Маньков А.Г. 66
 Маньян Ж.-Б. 50, 114, 122, 123, 128, 136, 138, 147, 151, 158, 177, 178, 179, 195, 201, 205, 208, 220, 222, 230, 268, 271
Марсинова Е.Н. 45, 99, 412, 449
Марсеилс Ю.Д. 465
 Мардефельд фон А. 40, 50, 160, 172, 177-179, 192, 193, 200, 204, 206, 219, 230, 274, 278, 279, 281, 283, 286, 316, 318, 320, 321, 336, 350, 365, 367
 Мардефельд фон Г. 50, 82, 83, 85, 88, 90, 93, 123, 130, 134, 138, 154
 Мария Федоровна, императрица 465
 Мария-Терезия, королева Венгрии 82, 268, 306-309, 387
Маркова О.П. 156
 Маркович Я.А. 143, 161, 321, 366

Мартенс Ф.Ф. 324, 410, 446
Масальский К.П. 43
 Маслов А.Г. 186
 Маслов И.И. 440
Масловский Д.Ф. 274, 411
 Матвеев А.А. 60, 67, 68, 72, 84, 87, 98, 130, 132, 242, 272
 Матвеев А.С. 56, 57, 64
 Матвеев Ф.А. 207, 209
 Матвеевы 55
 Матов А. 190
 Матюшкин М.А. 151, 188, 189, 210, 217, 238, 239
 Матюшкины, 55
 Махмуд I, султан Османской империи 450
Медушевский А.Н. 28, 46, 99, 464
Мейер М.С. 463
 Мейерцаген 404, 413, 415, 416, 418, 444
 Мелиссино И.И. 434
 Мельгунов А.П. 375, 380, 381, 383, 389, 413, 435, 436, 438
 Мельгунов П. 150, 209, 210
Мельгунов С.П. 466
Мельников С.А. 65
Мельников В.П. 455
Мельникова О.Б. 45
 Мельнов Д. 61, 62
 Менден И.А. 184
 Менден К.-Л. 270, 294, 313, 335, 340, 356
 Менден Ю. 300, 306, 309, 311, 313, 315, 322
 Мендены 297, 338
 Меншиков А.А. 145, 396, 405, 436
 Меншиков А.Д. 10, 14, 17, 19, 26, 34, 36, 38, 39, 42-45, 48, 49, 70, 78-80, 84, 86, 88-93, 96, 97, 100, 102, 106-109, 111-114, 116, 117, 120-137, 141, 145, 147, 148-151, 153-160, 162, 171, 184, 193, 196, 211, 214-216, 229, 243, 250, 265, 269, 273, 289, 293, 299, 302, 307, 340, 409, 439, 457, 458, 459
 Меншикова М.А. 122, 125, 131
 Мерси Д'Аржанто Ф.-К. 44, 375, 385, 387, 392, 397, 427
 Мехмед IV, султан Османской империи 450
 Мешерские 187
 Мешерский Б.В. 189
 Мешерский В. 187
 Мешерский И. 271
 Мешерский М. 187
 Мешерский М.И. 186
 Мешерский М.Ю. 184
 Мешерский С.М. 434
 Мешерский С.Ф. 184, 382
 Мешерский Ф. 209
Мигунова Т.Л. 45, 449
 Мизере 378, 409, 410
 Микулин А.Ф. 107, 190, 209
 Микулин И.Г. 315
 Микулин Л. 104
Миллер Г.-Ф. 39, 220
Милов Л.В. 463
 Милославские 57, 59
 Милославский И.Д. 63, 66
 Милославский И.М. 57
 Милославский Ф.С. 381, 434
Милоков П.Н. 23, 44, 117, 118, 155, 156, 167-169, 177, 180, 199, 218
 Миних Б.-Х. 10, 12-14, 34-36, 39, 42, 45, 49, 78,

93, 102, 117, 119, 135, 153, 156, 191, 217, 222, 225, 230, 235-237, 247, 252, 255, 259-261, 270, 277, 284-289, 292-300, 306-309, 311-314, 316, 319, 321-324, 330, 332, 335, 336, 338, 340, 341, 343, 344, 350, 361, 363-365, 381, 406, 436, 438, 439, 455
 Миних Х.-В. 236, 306, 349, 357, 436
 Миних Э.-И. 10, 35, 36, 49, 102, 156, 222, 270, 278-280, 287, 293-296, 299, 301, 307, 314, 319, 321, 364, 381
 Минихи 288, 339
 Минович В.Я. 9, 13, 339, 422, 423
Миронов Б.Н. 274, 449, 464, 465
Миронова Е.М. 446
 де Мисси Ж.-Р. 345, 366
 Михаил Федорович, царь 51, 53-55, 66, 166, 195
Михайлова Н.В. 465
Михан-Уотерс Б. 46, 50, 98, 184, 185, 219, 221, 222, 223
 Михельсон И.И. 440
Михневич В.О. 154, 224, 321
 Мичурин И. 187
 Мишуков З.Д. 382
Могильницкий Б.Г. 98
Молева Н.М. 155, 274
Молин Ю.А. 102
 Монс В. 84, 106, 351
 Морвиль Ш.-Ж. 90, 156
 Мордвинов С.И. 159, 382, 410
 Мордвиновы 159, 410
 Мориц Саксонский 113
 Морозов Б.И. 55, 66
Моряков В.И. 46
 Мосолов А.А. 466
 Мотрэ де ла О. 97
Мохначева М.П. 19, 43,
 Мошков П. 151
Мунчаев Ш.М. 47
 Муравьев М.А. 36, 49
Муравьев Н.М. 16, 42, 165
Муравьев-Апостол М.И. 16
 Мусин-Пушкин Е.И. 188
 Мусин-Пушкин И.А. 84, 88, 91, 130, 180
 Мусин-Пушкин П.И. 188, 190, 210, 222, 226, 238, 239, 265
 Мусины-Пушкины 191
 Мустафа II, султан Османской империи 450
 Мухаммед Хуссейн хан 364
Мыльников А.С. 30, 45, 47, 322, 369, 376, 377, 409, 410, 411, 413
 Мэн дю Л.-О. 82, 451
 Мюнхгаузен фон К.-Ф.-И. 295, 316, 322, 325
 Мякинин А.А. 84, 132, 239
 Мячков И. 302, 338

Нагаев А. 382
 НаDIR, шах Ирана 257, 261, 308, 309, 310, 332, 348
 Нарышкин А.А. 380, 396, 437
 Нарышкин А.Л. 17, 147, 184, 226, 237, 338, 339, 356
 Нарышкин И.К. 56
 Нарышкин Л.А. 380, 396, 437
 Нарышкин Л.К. 65, 67
 Нарышкин С.Г. 185, 187-189, 238
 Нарышкин С.К. 437

Нарышкины 30, 55, 57, 58, 61, 64, 65, 146, 190, 215, 236, 374, 379, 380, 382, 425
 Наталья Алексеевна, великая княжна 80, 123, 124, 126, 132, 137, 144, 148, 150, 152, 159
 Наталья Кирилловна (урожд. Нарышкина), царица 59, 60
Наумов В.П. 27, 36, 40, 45, 46, 48, 50, 155, 160, 363, 368, 369, 376, 377, 409, 410
 Наумов Г. 331
 Наумов Ф.В. 238, 297, 310, 315, 340, 357
 Нашокин В.А. 11, 33, 36, 48, 49, 107, 146, 154, 176, 191, 222, 241, 270, 321, 338, 365, 448
 Нашокин Н.И. 186
 Невежин Д. 198
 Невилл де ла 67
 Неелов И. 186
 Нейбуш В. 104, 204, 212, 215
Некрасов Г.А. 24, 44, 155, 156, 162
 Некрасов Н.В. 462
 Нелединский-Мелецкий Ю.С. 184
Нелипович С.Г. 157
 Нелюбохтин В. 186, 189
 Неплюев И.И. 11, 35, 36, 49, 154, 222, 321, 358, 365, 371, 380, 396, 414, 422, 426, 433, 435, 436, 446, 448
 Неплюев П. 186
 Несвицкие 187
 Нестеров А.П. 79
 Нестеров С.А. 189, 222
 Нестеров Ф. 187
Нехачин И. 42, 102, 218, 409
Нечаев В.В. 367
Нечаев В.Н. 44
 Нечаев Л. 186
Нечипоренко В.С. 466
 Никитин Д. 362, 369
 Никитин И. 267, 274
Никифоров Л.А. 155
Николаев Н.Г. 272
 Николай I 15, 243, 406, 422, 460, 461, 465
 Николай II 461, 462
Никонова В.М. 449
 Новокшенов Ф. 190
Новомбергский Н.Я. 66
 Новосильцев В.Я. 188, 210, 225, 226, 266, 274, 356, 357
 Нолькен Э. 278, 279, 281, 286, 326, 327, 328, 329, 349
Нордстет И. 11
Носов Н.Е. 26

Оболенский А.А. 285, 314, 315, 357
Оболенский М.А. 42, 366
Оболонский А.В. 98
 Обресков А.М. 387
 Обухов Г. 205, 209
Овсянников Ю.М. 270
 Овцын Г.И. 186
 Овцын Л.Я. 382, 434, 436
Овчинников Р.В. 44, 160
 Одоевские 64
 Одоевский В.Ю. 185, 188
 Одоевский И.В. 270, 356, 433
 Одоевский Н.И. 55
 Озеров Н. 424

Озеров С.И. 395, 416
Окунь С.Б. 11, 465
 Оловянный М. 425, 431, 459
 Олсуфьев А.В. 371, 374, 380, 425, 435
 Олсуфьев М.Д. 188, 210, 228
Омельченко О.А. 99, 447-449
 Опочинин Д. 361
 Опочинин И. 424
 Орлов А.Г. 19, 33, 47, 49, 395, 396, 402, 403, 412, 413, 416, 417, 428, 439, 440, 445
Орлов А.С. 45, 47
 Орлов Г. 395, 396, 412, 415-417, 419-422, 426-428, 433, 438, 439, 442, 444-446
 Орлов Г.И. 357
 Орлов И. 187, 294
 Орлов И.Г. 412
 Орлов Ф.Г. 435, 439
 Орловы 38, 78, 355, 393-395, 402, 407, 411, 412, 416, 417, 419, 420, 422, 424-426, 428, 439, 445, 446
 Остен фон А. 396
 Остерман (урожд. Стрешнева) М.И. 214
 Остерман А.И. 12-14, 19, 34, 38, 42, 43, 48, 50, 102, 106, 109, 116, 117, 121, 122, 124, 127, 130, 131, 133-136, 141, 144, 146-153, 156, 158, 160, 162, 171-174, 200-204, 212-214, 217, 219, 224-227, 230, 233, 234, 236, 237, 263, 264, 270, 271, 275-279, 281, 282, 285, 287, 288, 290, 293, 294, 298, 299, 303-313, 317-320, 323, 324, 327, 329, 334, 335, 338-344, 349, 356, 363-365
 Остерман И.А. 339, 342, 355, 381, 439
 Остерман И.-Х. 341, 342
 Остерман Ф.А. 339, 355
 Отяев И. 186

Павел I 11, 26, 32, 33, 46-48, 126, 160, 272, 358, 367, 370, 372, 375, 388, 393, 396, 401, 404, 409, 421, 423-425, 428, 431-434, 441, 443, 444, 446, 447, 449
Павленко Н.И. 26, 27, 45, 47, 67, 68, 96, 101, 102, 156-159, 219, 269, 270, 271, 274, 363, 364, 366, 369, 409, 411, 447, 464
Павлова-Сильванская М.П. 449
Павлов-Сильванский Н.П. 156, 157, 160, 223
 Палибин И. 186
Панарин А.С. 47
Панях В.М. 98
 Панин А.И. 221, 237
 Панин И.В. 185
 Панин Н.И. 9, 26, 33, 38, 45, 78, 229, 299, 358, 372, 380, 392-397, 402-405, 407, 411, 415-420, 423, 426-435, 439, 441, 446, 447
 Панин Н.П. 460
 Панин П.И. 377, 426, 438, 447
 Панины 39, 424-426, 431, 432, 444
 Панов В. 424
 Панов М.М. 186
Панчулидзева С.А. 21, 44, 159, 271, 364, 365, 368, 444
 де Парелло 342, 447
 Пассек В. 419
 Пассек П.Б. 394, 395, 399
 Патрикеев М. 80
 Пашков Е.И. 104, 123, 133, 148
 Пашков Е.П. 17,
Пекарский П.П. 42, 48, 50, 157, 158, 270, 319-322, 325, 363-365, 368

Пельс А. 340-342, 366
 Перетц Е.А. 465
 Петр I Великий 7, 11, 13-23, 26-29, 31, 33, 42-49, 56-91, 93-107, 110-112, 114-117, 121, 123, 125, 127, 131, 132, 137, 140, 144, 147-149, 150, 153-158, 160, 161, 164, 170-172, 186, 188, 195-198, 205, 211, 218-220, 222, 223, 226-228, 232, 239, 244, 245, 258, 260, 262-264, 266, 267, 269, 270, 272, 273, 275, 281, 284, 296, 312, 319, 321, 322, 324-328, 331, 339, 343, 344, 346, 347, 351, 352, 358, 360, 362, 365, 367, 369, 370, 377-379, 398, 410, 411, 429, 430, 437, 444, 447-449, 453-456, 460, 461, 465
 Петр II 13, 15, 17, 20, 23, 26, 33, 35, 44, 47, 49, 50, 80, 81, 83, 87, 88, 91, 92, 100, 115, 120-122, 125, 126, 128-140, 142, 144-154, 157-163, 170-173, 176, 177, 195, 198, 204, 214, 215, 218-220, 224, 229, 250, 264, 270, 273, 343, 362, 396, 455, 459
 Петр III 13, 14, 19, 27, 30, 32-35, 37, 39, 41-50, 136, 150, 171, 220, 268, 284, 343, 354, 360, 361, 362, 365, 369, 372, 375-396, 398-401, 403, 405-413, 415-420, 423, 427, 429, 433-435, 438, 442, 445, 457, 459, 460
 Петр Петрович, великий 80, 81, 100, 362
 Петр Федорович, великий князь — см. Петр III
 Петр-Август-Фридрих, принц Голштейн-Бекский 249, 357, 380, 381
 Петров А. 186
Петров П. 101
Петров П.Н. 154, 158, 161, 365
 Петрово-Соловово А. 186
 Петрово-Соловово Г.А. 187
Петрухинцев Н.Н. 27, 46, 159, 269, 270, 272, 274
 Пецольд фон И.-С. 275, 277, 278, 284, 286, 320, 364
Пикуль В. 24, 44
Пименова Л.А. 464
Пирлинг П.О. 219
 Писарев В. 189, 222
Писарькова Л.Ф. 465
Пихоя Р.Г. 466
 Плавильщиков П.А. 442
Платонов С.Ф. 10, 11, 23, 44, 66, 68, 102, 323, 366, 409
Плеханов Г.В. 198, 223
 Плещеев А. 271
 Плещеев А.Л. 185, 238, 357
 Плещеев И.Н. 188
 Плещеев Л. 55
Плотников А.Б. 45, 208, 219, 221, 223, 447
Плугин В.А. 412, 413
Погодин М.П. 43, 67, 68
Пожарская С.П. 464
 Поздняков И. 187
 Поэзе И. 35, 49, 322, 335, 365, 401, 404, 405, 407, 412
Покровский М.Н. 24, 44, 169
Покровский Н.Н. 118, 155, 156, 272, 369
Полевой Н.А. 17, 43, 218, 269, 366
 Полонский Ф. 107, 150, 151, 209, 216, 339
 Полуботок П. 69, 106
Полунов А.Ю. 47
 Полянский А.И. 434, 436
 Помбаль С.-Ж. Карвалью ди Мелу 452
 Поммеренинг К. 63
 де Помпадур Ж.-А. 233, 270

Попов В.И. 99
Попов Д.Ф. 11, 220
Попов Н.А. 19, 43, 157, 366
Порохия В.С. 47, 269
Порошин С.А. 48, 430, 446, 447
Поршнева Б.Ф. 66
 Посников И. 216
 Посошков И.Т. 99, 196, 223
 Потемкин А.М. 221
 Потемкин Г.А. 437-439, 441, 443, 444, 446
 Потемкин Д. 238
 Потемкин С.Д. 186
 Похвиснев М.С. 435
 Прасковья Иоанновна, царевна 145, 267
 Прасковья Федоровна (урожд. Салтыкова), царица 83
 Прассе 387
 Принценстерн К. 94, 118, 252, 314
Прокопович М.Н. 100, 157
Протасов Г.А. 37, 50, 169, 170, 178, 180, 182, 183, 199, 200, 208, 219-221, 223, 224
 Протасов Г.Г. 436
 Протасов С.Ф. 434, 435, 436
 Пугачев Е.И. 14, 42, 448
 Пустошкин Л. 283, 302, 315
 Путятин И.С. 282, 294, 339, 361
 Пуфендорф С. 194, 222
Пушкарев И.И. 42
 Пушкин А.М. 235, 270, 314, 315, 357
Пушкин А.С. 14, 32, 42, 165, 218, 221, 222, 413
 Пушкин Л.А. 413
 Пушкин П.К. 285
 Пушников Ф. 244
Пчелов Е.В. 98, 100
 Пырский С. 209, 216

Рабинович М.Д. 99
 Рабутин А. 114, 122, 123, 124, 130, 134, 137, 148, 159
 Радищев А.Н. 11, 42, 49, 99, 157, 218
 Радищев А.П. 217
Раев М. 68, 76, 99, 464
 Раевский А.Т. 209, 216, 228
 Раевский М.Т. 285, 314
 Разумовские 19, 39, 43, 336, 357
 Разумовский А.Г. 78, 338, 344, 347, 351-356, 358, 368, 380, 428, 436
 Разумовский К.Г. 78, 355, 373, 381, 393-396, 399, 401-403, 405, 406, 416, 424, 426, 433, 435, 437-439
Рамбо А. 464
Рансел Д. 46, 219, 222, 425, 446
Раскин А.Г. 159
Раскин Д.И. 367
 Распутин Г.Е. 462
 Растрелли Б.К. 159
 Растрелли Ф.Б. 270, 426
 Рахманинов Ф. 222
 Рахманиновы 222
 Рейер О. 60
 Рейш Ф. 87
Ремнев А.В. 465
 Репнин Н.В. 394, 426, 437, 439
 Репнин Н.И. 88, 90, 95, 111
 Ресин С. 209

Ржевские 187, 191, 222
 Ржевский А.А. 442
 Ржевский А.И. 222
 Ржевский А.Т. 186, 188, 222, 237, 250
 Ржевский И.И. 222
 Ржевский М.В. 222
 Ржевский П.И. 222
 Ригер И.-Х. 238
 Римский-Корсаков И.Н. 438
 Римский-Корсаков Я. 186
Робинсон А.Н. 66
 Родионов А. 100
Розенбаум Ю.А. 466
Розенфельдт Н.Э. 449
Рознер И.Г. 426, 446, 447
 Романов Н.И. 55
Романович-Славатинский А. 274
 Романовы 12, 26, 45, 55, 66, 73, 81, 98, 170, 269, 409
Романюк С.А. 413
 Ромодановский И.Ф. 185, 226
 Ромодановский Ф.Ю. 79
 Рондо Д. 36
 Рондо К. 139, 146, 152, 177-179, 193, 196, 198, 207-209, 220, 230, 231, 234, 260, 266, 268, 269, 271
 Рославлев А.И. 444
 Рославлев Н.И. 395
 Рославлевы 394-396, 419
Российский М.А. 271
 Ртищев В. 186
Рубинштейн Н.А. 410
Рудаков С.А. 48, 410
 Рудаковский И. 193
Ружицкая И.В. 45
 Румянцев А.И. 226, 237, 239, 350, 355, 357
 Румянцев Н.И. 216
 Румянцев П.А. 240, 354, 368, 377, 380, 386, 388, 390, 391, 426, 437, 439
Румянцева М.Ф. 38, 50, 410, 448
Рыбаков Б.А. 44, 160, 366, 409, 447
Рылеев К.Ф. 16
де Рольер К.-К. 9, 13, 19, 35, 42, 394, 396, 411
Рябинин Д.Д. 100

Сабуровы 187
 Савелов П.Т. 188
Савельева Е.А. 42
Сакович В.А. 273
 Салтыкова (урожд. Трубецкая) П.Ю. 206, 214
 Салтыков В. 403
 Салтыков В.П. 357
 Салтыков В.С. 209, 210
 Салтыков В.Ф. 185, 202, 238, 258, 336, 338, 339
 Салтыков И.П. 439
 Салтыков Н.П. 209, 357
 Салтыков П.М. 357
 Салтыков П.С. 39, 184, 206, 209, 210, 229, 315, 340, 377, 385, 386, 388, 425, 435
 Салтыков С.А. 79, 95, 105, 119, 124, 133, 134, 202, 205, 208, 209, 212, 213, 215, 216, 224, 226, 228, 231, 235, 240, 269-271, 284, 303, 356, 357
 Салтыковы 30, 55, 190, 191, 202, 236, 425
 Сальдерн К. 390, 447
Самойлов В. 410
Санин Г.А. 99

Сантис Ф. 124, 132, 159
 Сапега П. 122, 126, 136, 146
 Сапега Я. 105
 Сафонов Д. 210
 Сафонов И.Т. 104, 188, 189
Сафонов М.М. 447, 449, 465
Сафронов Ф.Г. 99
Сахаров А.Н. 11, 46, 269, 272, 409
Сашонко В. 412
 Свечин И. 186
 Свищов И.А. 186
Севастьянов А.Н. 412
 Седерстрем И. 360
Седов С.А. 45, 219, 223
 Секитов С.В. 184, 210
Семевский В.И. 338, 365
Семевский М.И. 18, 19, 34, 43, 363, 364, 378, 399, 409, 410, 412, 449
Семенников В.П. 42
Семенникова Л.И. 47, 269
 Семенов М. 295, 314
Семенов П.Н. 413
 Семенов С. 312
Семенова Л.Н. 273, 323, 325, 366
 Семиков А. 100
Семин М. 44
 де Сен-Жермен К.-Л. 402
Сенин А.С. 448, 465, 466
 Сен-Симон де Рувруа Л. 100, 464
 Сенявин У.А. 238
Сербинович К.С. 42
Сергеевский Н.Д. 367
Сергиевский Е.Н. 271
Серов Д.О. 99, 101
 Сиверс Д. 401, 406, 412
 Сиверс П.И. 237
 Сиверс Я.Е. 437
Сивков К.В. 99, 445, 448
Сивохина Т.А. 47
 Силин Г. 62
 Сильвестр Медведев 51, 59, 67, 68, 79
 Симеон Иванович Гордый, великий князь 65
Симони П.К. 367
Скабичевский А.М. 43
 Скавронская Марта — см. Екатерина I
 Скавронские 154
 Скавронский М.К. 405, 437
 Скарятин М. 186
 Скорняков-Писарев Г.Г. 124, 125, 184
Скрынников Р.Г. 26, 65
Смирнов П.П. 66
Смирнов Ю.Н. 28, 46, 99, 221, 271, 364, 368, 448
 Сновидов И. 353
Собко Е.М. 46
Соболева Т.А. 367
 Соимонов Л.Я. 315
 Соимонов Ф.И. 186, 198, 265, 266, 274, 435
 Соковнин А.П. 62
 Соковнин Н.Ф. 217, 295, 296, 315, 339, 355
 Соковнин П. 186
 Соковнины 74
Соколов А.Б. 50, 413, 445, 446
 Солнцев-Засекин Ф.П. 189
Соловьев О.Ф. 47
Соловьев С.М. 9, 11, 12, 20-22, 40, 43, 50, 67-69,

155, 157, 158, 165, 166, 218, 222, 264, 273, 274, 282, 300, 311, 319, 320, 322, 324, 325, 330, 363, 366, 368, 373, 409, 411, 446
 Сольмс В. 427
Солов В.А. 42
Сорокин Ю.А. 11, 464
Сотавов Н.А. 324
 Софья Алексеевна, царевна 57-65, 67, 68, 424, 447
Спаский И.Г. 159
 Сперанский М.М. 15, 42, 432, 447, 454, 464
 Стальберг 361
 Станислав I Лещинский, король Речи Посполитой 261, 297
 Станислав-Август Понятовский, король Речи Посполитой 392, 395, 402, 427, 428
Стасов В.В. 26, 45
Сташевский Е.Д. 66
 Стволов 395
 Степанов В.П. 125, 126, 158, 185, 219
Степанов Д. 47
 Степанов И. 424
Стоюнин В. 321
 Стрекалов Г. 186
 Стрекалов И.В. 238
 Стремоухов В.Ф. 186
 Стрешнев В.И. 285, 294, 340, 357
 Стрешнев Н.И. 286, 339, 355
 Стрешнев Т.Н. 59, 65
 Стрешневы 55, 146
Стрэттер И.Г. 13
 Строганов А.Г. 188
Строев В.Н. 21, 43, 272, 323
Стромилов Н.С. 219
 Стюарты 452
 Суворов А.В. 437, 439
 Суворов В.И. 146, 355, 358, 377, 405, 421, 433, 435, 429
 Сукин С.И. 188, 190, 210, 225, 226
 Сумароков А.П. 344, 345, 366, 370, 442
Сумароков П.И. 174, 175, 191, 220, 269
 Сумароков П.С. 381, 433
 Сухарев Л. 61, 68
 Сухово-Кобылин Ф.В. 315
 Сухотин М.А. 188, 210, 237
 Сырховатов М. 61

Талызин И.Л. 406, 416, 434
Талызин М.И. 42
 Танеев А. 107, 150, 151
 Тараканов А.И. 188, 210, 225, 226, 238, 239
 Тараканова Е.А. 48
 Тарбеев Е.И. 186
Тартаковский А.Г. 34, 37, 42, 48, 49
 Татищев Ал.Д. 147, 270
 Татищев Аф.Д. 209, 294
 Татищев В.Н. 19, 35, 43, 48-50, 180, 189, 190, 194, 195, 197, 206-208, 215, 219-221, 223, 231, 265, 270, 314, 357
 Татищевы 187
 Тахмасп, шах Ирана 141
 Текутьев Т.П. 404, 416, 440
 Телепнев С. 190, 221
 Телепнев С.Г. 221
Телемова Н.К. 222
 Теплов Г.Н. 393, 402, 413, 416, 419, 426, 435

Терещенко А.В. 17, 43, 220
 Терещенко М.И. 462
Терещенко Ю.Я. 47
Тимирязев В.А. 410, 411
 Тимирязев Г. 351, 352, 353
 Тимирязев И.Н. 317, 340
 Тимофеев Е. 289
Тимошук В.В. 43, 447
Титов Ю.П. 47
 Тихомиров Л.А. 462
Тихонов Ю.А. 99
Тихонравов К.Н. 222
Толстой Л.Н. 93, 102
Толстой М. 101, 158
 Толстой П.А. 19, 43, 69, 78, 88, 91, 92, 94, 97, 101, 102, 108, 109, 111, 116, 117, 122-125, 129-133, 147, 153, 156-158, 171, 196, 265, 459
 Толстой П.М. 157
 Толстой Ф.М. 440
 Томилов А.Ф. 357
Торке Х.-И. 66
 Траутфеттер фон Б.-Э. 241
 Траханиотов П. 55
 Третьяковский В.К. 296, 346, 367
 Трескин А. 413
 Трескин В. 354
 Троекуров И.Б. 65
 Троицкий И. 61
Троицкий С.М. 17, 25, 26, 43, 44, 65, 100, 118, 156, 157, 160, 161, 163, 269, 272-275, 325, 412, 448, 464
Тройницкий С.Н. 365
 Трофимов И. 243
 Трубецкая (урожд. принцесса Гессен-Гомбургская) А.И. 365
 Трубецкие 30, 81, 191, 206, 236, 326, 327, 365, 425
 Трубецкой И.Ю. 202, 207, 210, 211, 213, 215, 277, 294, 315, 338, 356, 357
 Трубецкой Н.Ю. 34, 48, 78, 126, 127, 146, 162, 190, 213, 215, 229, 235, 240, 266, 274, 279-283, 297, 313, 316, 317, 336, 338-340, 350, 356-358, 368, 373, 375, 377, 378, 380, 381, 384, 399-401, 405, 406, 413, 425, 433, 434, 436
 Трубецкой П.Н. 379, 383, 405, 413, 435
 Трубецкой Ю.Ю. 184, 235
Трутовский В.К. 365
Турбин С.И. 48
Тургенев А.И. 363
 Тургенев А.М. 412
 Турка Ф. 61
 Турчанинов А. 353
Тюлчев Д.В. 412
 Тюменев Ф. 197, 209
Тюрин В. 47

Убри Я. 371, 408
Уздеников В.В. 323
 Уильямс Ч.-Г. 49, 372, 408
 Улыбышев П. 186, 187
 Ульфов И. 61, 62
 Уорд Т. 149
Уортман Р.С. 45, 99, 366
 Урбанович Х. 215
 Урусов В.А. 184, 186
 Урусов Г.А. 184, 225, 326, 356, 357
Усенко О.Г. 66

Усов А. 217, 224
Успенский Б.А. 65, 66, 98
Устинов В.М. 47
Устрялов Н.Г. 17, 18, 43, 80, 100, 101, 218
 Ушаков А.И. 38, 69, 78, 92-95, 97, 105, 106, 124, 125, 130, 147, 188, 189, 197, 206, 210, 212, 216, 217, 225, 226, 232, 240, 245-247, 264, 274, 277, 283, 286, 290, 294, 313, 324, 326, 327, 338, 339, 352, 355-357, 362, 364, 457
 Ушаков И. 186
 Ушаков С.Ф. 436
 Ушаков Ф.И. 224, 396, 405, 414, 433, 436, 439
 Уэйджер Ч. 113

Фавье Ж.-Л. 369, 378
Фадеева И.Л. 463
Фаизова И.В. 274
 Фаминцын Ю.И. 124, 131, 135
 Федор Алексеевич, царь 54, 56, 57, 64, 67
 Федор Дубянский, протоиерей 338
 Федор Иоаннович, царь 52
Федоров В.А. 465
Фейнберг И.Л. 42
 Фенин А. 297, 316, 323
 Феодосий Яновский, архиепископ 34, 43, 108, 109, 196
Феоктистов Е.М. 19
 Феоктистов М. 61
 Феофан Прокопович, архиепископ, 19, 33, 43, 48, 69, 72, 73, 85, 86, 88, 91, 95, 96, 100, 102, 103, 121, 131, 142, 149, 172, 174, 176, 177, 193-195, 201, 203, 205, 212, 217, 219, 220, 222, 226, 269, 449
 Фердинанд VII Бурбон, король Испании 452
 Фердинанд-Альбрехт II, герцог Брауншвейг-Бевернский 268
 Фермор В.В. 349, 435, 436
 Фик фон Г. 74, 184, 192-194, 197, 237, 265, 302
 Филарет (Романов), патриарх 55, 66
Филлипа Е.И. 66
 Филипп V Бурбон, король Испании 82, 452
 Филипп, герцог Орлеанский 82, 451
Филитов А.Н. 49, 155, 159, 321, 324, 365
 Философов М.И. 226, 357
 Финч Э. 277, 279, 283, 285-287, 290, 291, 298, 305-309, 311, 317, 321, 327, 329, 334, 336, 337, 353, 363
Фирсов Н.Н. 363
 де Флери А.-Э. 219
Флоринский М.М. 465
 Фоккеродт И. 49, 100
 Фонвизин Д.И. 33, 355, 431, 447
Фонвизин М.А. 16, 33, 42, 48, 165, 218, 431, 447
Форстен Г.В. 67
 Фредерик V, король Дании 388
 Фрейман фон Р. 241
Фрейер И. 41
 Фридрих-Вильгельм I Гогенцоллерн, король Пруссии 242, 276, 307, 379
 Фридрих II Гогенцоллерн, король Пруссии 9, 11, 34, 48, 231, 268, 270, 276, 300, 307-309, 321, 324, 360, 361, 369-371, 378, 386, 387, 392, 398, 409, 413, 432, 446
Фурсенко В.В. 43, 367, 368

Ханыков П.М. 78, 95, 96, 106, 150, 162, 198, 209, 210, 215, 235, 282, 294, 295, 302, 315, 320

Хаханов А.С. 412
 Хвостов С. 421, 445
 Херасков М.М. 442
 Хитрово 187
 Хитрово М.А. 186
 Хитрово Ф.А. 395, 396, 419
 Хитрово Я.Л. 358, 381
 Хлопов В.С. 186
 Хлопов С. 271
 Хмельницкий Б.М. 69
Хмыров М.Д. 19, 43, 319-321
 Хованские 55
 Хованский В.П. 357
 Хованский И.А. 58, 67
 Хованский Н. 190
 Хованский П.И. 67
 Ходыревы, 187
Хольберг Л. 449
Хорошкевич А.Л. 45, 66
Хоскинг Д. 46
 Храповицкий А.В. 395, 412, 437, 439, 448, 449
 Хризологус П. 83, 100
 Хрушов Н. 244, 295
 Хрушов А.Ф. 265
 Хрушов М.С. 210, 216, 217, 226, 240, 315, 340
 Хрушов П. 419, 426

Цветаев Д.В. 44, 448
 Цедеркрейц Г. 87, 128
 Цыклер И.Е. 62, 68

Чаадаев П.В. 335, 347
 Чеботаев И. 205
 Чевкин И. 187
 Чекин Ф.Г. 215
 Челышев М. 204
 Челламаре, герцог 82, 452
Черетнин Л.В. 67
 Черкасов А.И. 434
 Черкасов И.А. 123, 131, 184, 338, 339, 365
Черкасов П.П. 28, 46, 156, 408, 409
 Черкасская (урожд. Трубецкая) М.Ю. 206, 214
 Черкасские 191
 Черкасский А.А. 187, 238, 239
 Черкасский А.М. 188, 191, 197, 198, 206, 207, 210, 212, 213, 220, 225-227, 235, 236, 253, 270, 277, 283, 285, 292-294, 298, 310, 313, 317-319, 326, 331, 336, 338, 356, 357
 Черкасский И.Б. 55
 Черкасский П.Б. 209, 286, 315, 324, 339, 355, 436
 Черкасский Я.К. 55
Черникова Т.В. 272
Черноус В.В. 45
 Чернов Д. 339, 355
Черных П.Я. 11
 Чернышев А.И. 187
 Чернышев Г.П. 34, 48, 136, 176, 188, 206, 208, 210, 214, 215, 222, 224-226, 235, 238, 239, 272, 296, 338, 356, 357
 Чернышев З.Г. 229, 380, 385, 387, 388, 416, 425, 433, 434, 439, 446
 Чернышев И.Г. 434
 Чернышев П., самозванец 423
 Чернышев П.Г. 358, 433, 434, 446
 Чернышев П.И. 270

Чернышева (урожд. Ржевская) А.И. 206, 222
 Чернышевы 426, 428
Черняк Е.Б. 464
Чечулин Н.Д. 44, 408, 447
Чистович И.А. 19, 43
Чистяков О.В. 47
Чистякова Е.В. 99
Чичерин А.К. 44
 Чичерин В. 295, 299, 315, 339, 340
 Чичерин Д.И. 435
 Чичерин И. 186
 Чичерин Н.И. 425, 435, 436
 Чичерин П. 154

Шакловитый Ф.Л. 58-61, 64, 67
Шамрай Д. 42
Шанский Д.Н. 27, 46, 155
 Шарлотта-София, принцесса Брауншвейг-Вольфенбюттельская 80, 100
Шатохина-Мордвинцева Г.А. 46, 366
 Шафиров П.П. 79, 81, 103, 106, 109, 130, 141, 185, 196, 226, 237, 250, 261, 265
 Шаховские 241
 Шаховской А.И. 104, 108, 124, 135, 188, 189, 206, 215, 225, 226, 241
 Шаховской Г.И. 435
 Шаховской М.И. 358, 381
 Шаховской Я.П. 11, 34-36, 49, 78, 154, 176, 222, 231, 241, 285, 291, 297, 315, 321, 336, 340, 357, 358, 365, 377, 381, 405, 416, 426, 433, 435, 448, 449
Шапков С.С. 167
 Шварц Х.-Я. 328, 329, 333
 Шейн А.С. 62
 Шемберг фон К.-А. 237, 263
 Шемякин С. 209, 346
 Шенборн фон Ф.-К. 81
 Шепелев А. 403
 Шепелев Д.А. 104, 151, 210
Шепелев Л.Е. 465
 Шепелев С.А. 216, 217, 224
Шепукова Н.М. 99
 Шереметев Б.П. 62, 79, 80
 Шереметев В.П. 185
 Шереметев И.П. 188, 206, 236, 238
 Шереметев П.Б. 220, 396, 405, 433, 435, 437
Шереметев С.Д. 103, 270, 321
 Шереметев Ф.И. 55
 Шетарди де ла И.-Ж.-Т. 48, 277-279, 281, 283, 284, 286, 288, 290, 291, 297, 298, 308, 317, 319, 321, 326-329, 333-336, 346, 349, 350, 363, 365
Шефер А. 409
Шейн А.Б. 219
Шильдер Н.К. 11, 447, 449
Шиман Т. 43
 Шипов И.А. 314
 Шипов П.М. 226, 357
 Ширли Г. 396, 448
 Шифнер М. 340
 Шишкин А.Ф. 366
Шишкин И. 18, 43,
 Шишкин У. 150, 162, 274
 Шишковский С.И. 420, 438
 Шлатгер И.А. 434, 436
 Шлейниц фон Г.-Х. 82, 100, 105
 Шлессингер Г. 59

Шлецер А.-Л. 314
Шмидт С.О. 11, 25, 26, 45, 50, 65, 68, 160, 367, 368, 410, 463
Шмурло Е.Ф. 44, 67, 101, 102
Шорников В.Г. 45
Шорникова И.Н. 45
Шпилевская Н.С. 413
 Штамбе фон А.-Э. 127, 128
 Штелин Я. 378, 385, 398, 401, 404, 406, 407, 409, 410, 412, 413
 Шубин А.Я. 338, 351
Шубинский С.Н. 40, 43, 162, 413
 Шувалов А.И. 78, 146, 338, 356, 358, 373, 380, 399, 401, 405, 413, 433, 434
 Шувалов И.И. 358, 372, 374, 375, 380, 409, 431, 435, 437
 Шувалов И.М. 119, 188, 189, 238
 Шувалов П.А. 461
 Шувалов П.И. 78, 146, 338, 356, 358, 369, 373, 375, 377, 380, 390, 411, 437, 449
 Шуваловы, 229, 336, 351, 357, 358, 371, 372, 373, 375, 377
 Шуйские 52
 Шуйский В.И., царь 16, 52, 53, 165, 166
 Шуйский И.В. 52
 Шумахер А. 41, 393, 396, 397, 403-405, 407, 409
Шумигорский Е.С. 44, 50, 160, 408, 409, 410, 447
 Шушерин Ф. 104, 209

Щебальский П.К. 18, 19, 43, 48, 319-322, 408, 409, 411
Щеглов В.Г. 155
Щепетов К.П. 269, 366
Щепкин Е.Н. 44, 408, 409
 Щербатов И.А. 184, 237, 341, 361
 Щербатов М.М. 9, 11, 14, 34, 35, 36, 42, 49, 77, 99, 157, 164, 165, 218, 225, 231, 355, 379
 Щербатов М.Ю. 238
 Щербатов Н.П. 190
 Щербатов О.И. 187
 Щербатов Ф.А. 315
 Щербачев А.Л. 436
 Щербачев Б.Ф. 434
 Щербачев Н. 395
Щербачев О.В. 465
 Щетинин И. 218

Эйдельман Н.Я. 11, 26, 36, 45, 48, 362, 423, 447, 465
 Эшреф, правитель Афганистана 141

Ю.Г. — см. Гессен Ю.И.
Юрганов А.Л. 66
 Юров А. 90, 101, 187, 220
 Юрьев С.А. 104
 Юрьевская, княгиня — см. Долгорукова Е.М.
 Юсупов Б.Г. 187, 211, 226, 229, 231, 264, 356
 Юсупов Г.Г. 209, 210, 215
 Юсупов Г.Д. 79, 97, 105, 124, 130, 134, 135, 151, 162, 188, 189, 206, 207, 210, 211, 217, 224-226
 Юсупов С.Г. 209, 214, 215
 Юсупова П.Г. 211
 Юсуповы, 224
Юхт А.И. 118, 157, 223, 411
 Юшков И.И. 358

Ягужинская (урожд. Головкина) А.Г. 206
 Ягужинский П.И. 86, 88-91, 108, 111, 116, 117, 130, 146, 156, 173-175, 184, 191, 195, 203, 213, 220, 226-228, 230, 234, 241, 265, 269, 270
 Языков И.М. 57, 64
 Яков II Стюарт, король Великобритании 451, 452, 464
 Яков III Стюарт 138
 Яковлев А.Я. 135, 277, 281, 283, 294-296, 315, 348
 Яковлев И. 186
Яковлев Н.Н. 46, 158
Яковлев П.А. 14
Якубов К.И. 66, 68
Янов А.В. 47, 219
 Ярославцев А. 352

Alexander J. 46
Anderson M. 11, 46, 219
 Anna Ioannovna — см. Анна Иоанновна
 Anna Ivanovna — см. Анна Иоанновна

Blanning T.C. 46
Bushing A.-F. — см. Бюшинг А.-Ф.

Cameron E. 46
 Catharina I — см. Екатерина I
 Catharina Alexiejowna — см. Екатерина I
 Catherine I — см. Екатерина I
 Catharine the First — см. Екатерина I
 Catherine the Great — см. Екатерина II
Corbett J. 410
Cracraft Y. 269
Curtiss M. 46

Daniel W. 46, 412
Dixon S. 11, 46, 47, 221
Donnert E. 219
Dukes P. 11, 46, 50, 219, 222, 223, 269

Elizabeth — см. Елизавета Петровна

Fenster A. 219
 Fleury A.-H., de — см. де Флери А.-Э.
 Friedrich II — см. Фридрих II Гогенцоллерн, король Пруссии
 Friedrich der Grosse — см. Фридрих II Гогенцоллерн, король Пруссии
 Frederick the Great — см. Фридрих II Гогенцоллерн, король Пруссии

Golitsin D.M. — см. Голицин Д.М.

Herrmann E. — см. Герман Э.-А.
Hughes L. 46, 101

Jessen H. 369
Johnson H. 272

Kahan A. 274
 Katharina — см. Екатерина I
Keep J. — см. Кип Д. 30, 47, 364
 Keith J. — см. Кейт Д.
Kirchner W. 157, 158
Kivelson V. 46, 219, 222, 224
Klueting E. 46, 50, 162, 324
Klueting H. 50, 162, 324

Laveaux J. — см. Лаво Ж.-Ш.
Le Donne J. — см. Ле Донн Д.
Leonard C.S. — см.: Леонард К.
Lipski A. 269
Longworth P. 46

Madariaga I. — см. де Мадариага И.
 Maria Theresia — см. Мария Терезия, королева Венгрии
Marker G. 46
 Martha of Muskovy — см. Екатерина I
Meehan-Waters B. — см. Михан-Уотерс Б.

Oliva L. 408
 Ostermann, Ostermann H. — см. Остерман А.И.

Peter I — Петр I Великий
 Peter der Grosse — Петр I Великий
 Peter the Great — Петр I Великий
 Peter III — см. Петр III
 Pierre III — см. Петр III

Raeff M. — см. Раев М.
Ransel D. — см. Рансел Д.

Talbot Rice T. 11, 46
 Teplov G. — см. Теплов Г.Н.
Troyat H. 46

Wilson A. 156
Wittram R. 67
Wortman R.S. — см. Уортман Р.С.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
Примечания	10
Глава I. Историография и источники по проблеме	12
Примечания	41
Глава II. Появление дворцовых переворотов в российской политической традиции	51
Примечания	65
Глава III. 1725: петровское «наследство»	69
Примечания	97
Глава IV. 1725–1729: конструкция и проблемы послепетровской монархии	103
Примечания	154
Глава V. Крах «Великого намерения»	164
Примечания	218
Глава VI. Бироновщина, или «Порядочное управление»	225
Примечания	269
Глава VII. 1740–1741: «незаконное правление»	276
Примечания	219
Глава VIII. 25 ноября 1741: «патриотический» переворот и его последствия	326
Примечания	363
Глава IX. 1762: «благополучная перемена Отечеству»	370
Примечания	408
Глава X. 1762–1772: завершение «эпохи дворцовых переворотов»	414
Примечания	444
Заключение	450
Примечания	463
Список источников и литературы	467
Приложение	509
Список сокращений	549
Указатель имен	550

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Серия «Новейшая российская история: исследования и документы» принимает к публикации на конкурсной основе оригинальные исследования и подготовленные к печати первоисточники по истории России XIX–XX вв. Работы, находящиеся в момент подачи заявки на рассмотрении другого учреждения (организации), не принимаются.

Желающим принять участие в конкурсе предварительно следует послать заявку с кратким описанием проекта (4–5 страниц) и свою научную биографию по следующим адресам:

wul537@compuserve.de (Д. Вульф);

Semion.Lyandres.1@nd.edu (С.М. Ляндрес);

pat@pat.ryazan.ru (П.А. Трибунский).

В случае одобрения автор подготавливает электронный вариант рукописи в соответствии с требованиями серии. Обязательным условием для исследований является наличие указателя имен, а в случае необходимости – и географического. Редакция приветствует составление авторами списка использованных источников и литературы.

Публикация первоисточников должна сопровождаться предисловием, состоящим из исторической и археографической частей, текста документов, примечаний по тексту и содержанию, указателей, списка сокращений, оглавления с перечнем публикуемых источников. Требования, предъявляемые к публикациям первоисточников, базируются на «Правилах издания исторических документов в СССР» (М., 1990).

Для более полного ознакомления с основными документами и публикациями серии посетите наш сайт <http://nriid.rspu.ryazan.ru>

**Серия «Новейшая российская история:
исследования и документы»**

Основана в 2001 году

В серии опубликованы

Том 1. Макушин А.В., Трибунский П.А. Павел Николаевич Милюков (1859–1904): труды и дни. Рязань, 2001. 439 с., ил.

Том 2. Николаев А.Б. Государственная дума в Февральской революции: очерки истории. Рязань, 2002. 302 с.

Том 3. Алленова В.А. Историческая наука в российской провинции в конце XIX – начале XX вв.: Тамбовская ученая архивная комиссия. Рязань, 2002. 380 с., ил.

Том 5. Черников С.В. Дворянские имения Центрально-Черноземного региона России в первой половине XVIII века. Рязань, 2003. 348 с.

Том 6. Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань, 2003. 570 с., ил.

Готовится к печати

Том 4. Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка

Том 7. Ростовцев Е.А. А.С.Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа

**Серия «Новейшая российская история:
исследования и документы»
бесплатно рассылает свои издания**

– в университетские библиотеки России (Владивосток, Воронеж, Екатеринбург, Иркутск, Казань, Москва, Нижний Новгород, Новгород, Новосибирск, Омск, Пермь, Ростов-на-Дону, Самара, Санкт-Петербург, Саратов, Тверь, Томск, Хабаровск, Челябинск, Ярославль)

– в библиотеки Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена и Российского государственного гуманитарного университета

– в библиотеки Институтов истории (Москва, Санкт-Петербург)

– в библиотеки Российского государственного исторического архива и Государственного архива Российской Федерации

– в библиотеку Общества изучения Амурского края, Рязанскую областную универсальную научную библиотеку

– в национальные и университетские библиотеки Австрии, Болгарии, Великобритании, Германии, Польши, Сербии, США, Финляндии, Франции, Японии.

Научное издание

Игорь Владимирович Курукин

**Эпоха «дворских бурь»: Очерки
политической истории послепетровской
России, 1725–1762 гг.**

Редактор М.П.Мохначева

Частный издатель П.А.Трибунский
Лицензия на издательскую деятельность
ИД № 03836 от 25.01.2001 г.
тел. (0912) 75-48-79
E-mail: pat@pat.ryazan.ru

Подписано в печать 1.11.2003 г.
Формат 60x90 1/16. Тираж 1000 экз.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура NewtonС.
Усл. печ. л. 35,625.